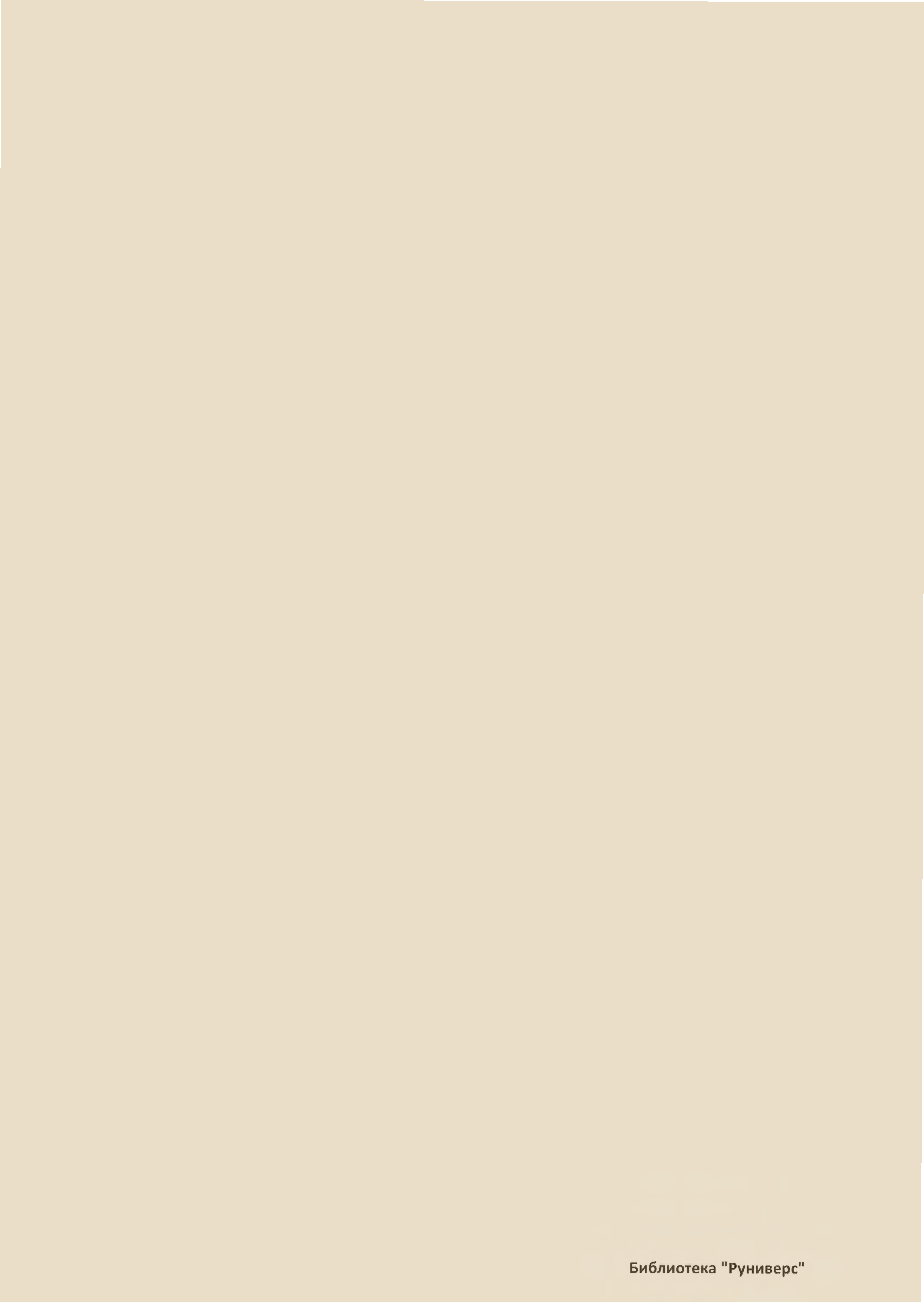
НИВА
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
1873.
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
НИВА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
Большая Морская,
д. Росмана № 9.
П. МАРКОВ. рис.
К. ВЕЙЕРМАНЪ



Библиотека "Руниверс"

Оглавленіе „НИВЫ“ за 1873 годъ.

22) Смѣсь.

Рисунки.

Моды за январь—декабрь 1873 г.

№ 1 1873.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 8 января 1873 года. Годъ IV.

Муха.

(Разсказъ старушки).

В. Р. Щиглева.

— Отъ мухи?! Отъ мухи остались въ дѣвушкахъ? Это что-то странно, Анна Ивановна!

Анна Ивановна, худенькая, желтенькая старушка, улыбнулась, сняла неторопливо очки въ серебряной оправѣ и вздохнула.

— Оно, пожалуй, странно; да вотъ случилось-же! Разсказывать-то не охота... да и кчему? Еще смѣяться станете надъ старухой... Конечно, если такъ разсуждать, оно смѣшно, да вотъ тогда-то не до смѣху было... Э, что ужъ тутъ говорить! Что прошло—не воротишь... Улетѣло, сударь мой, упорхнуло, какъ птица изъ клѣтки... Такъ не будете смѣяться очень-то? Ну, ладно, такъ и быть, начну вамъ свою сказку.

Старушка достала табакерку, понюхала, слегка отвернувшись отъ меня, обмахнулась платочкомъ и начала:

— Жили мы, милостивый государь мой, въ небольшой усадьбѣ. Папенька мой ужъ былъ въ отставкѣ. Молчаливый такой онъ былъ, все бывало курилъ трубку, да еще выдумывалъ какія-то сани-самоходы, — такъ и умеръ, не выдумавши. Маменька сердилась, что папенька глупостями занимается, деньги тратитъ на модели разныя... Ну, да онъ на ея сердце не обращалъ вниманія.

Двое насъ было у нихъ: я да братъ. Братъ былъ старше меня тремя годами и служилъ гдѣ-то далеко въ полку. Писалъ рѣдко—и то больше насчетъ денегъ. Я два года пробыла въ городскомъ пансіонѣ и, признаться ска-

зать, почему тамъ не выучилась. Нѣсколько фразъ французскихъ, ну, тамъ: географію, сложеніе, дѣленіе… И все-то теперь перезабыла! Ну вотъ хоть изъ географіи—вѣдь какъ хорошо знала всѣ столицы!… А позвольте-ка напримѣръ…

Анна Ивановна потерла лобъ и вдругъ спросила:

— Вѣдь въ Испаніи столица—Лисабонъ?

— Мадритъ.

— Ма-дритъ? Да, да!.. и то вѣдь Мадритъ. Лисабонъ-то въ Португаліи… Ну, вотъ видите, какая я!

— Есть о чемъ горевать!…

— Такъ-то-такъ, а все-же, знаете… На чемъ я остановилась? Да… ну, вотъ, маменька и стала мнѣ говорить: «Пріучайся къ хозяйству, за-мужъ выйдешь—мужъ всего потребуетъ, захочетъ, чтобы хозяйство шло въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ…» Вотъ и начала я все больше по хозяйству заниматься, такъ ужъ тутъ до книгъ-ли дѣло?… Въ праздники маменька любила видѣть меня нарядной, только жениховъ кругомъ не было. Изъ города наѣзжалъ одинъ… чиновникомъ онъ тамъ служилъ… да въ первый же день знакомства, за ужиномъ у насъ, такъ выпилъ, что сдѣлалъ… неприличіе сдѣлалъ;—ну, маменька и не велѣла ему больше и пріѣзжать.

— Какое же онъ сдѣлалъ неприличіе?

— Ну, вотъ, вамъ все скажи! Извѣстно, человѣкъ выпивши, да и не молодой… Ну, упала у него на полъ вилка. Нагнулся онъ за вилкой-то, ну, и… не хорошо вышло… Ему-бы ужъ смолчать, а онъ сталъ шутить! И хорошо, что такъ случилось: не хотѣлось мнѣ за него выходить, старый, нехорошій… а какъ бы я маменьки не послушалась? А собой-то я была недурна, въ зеркало-то смотрѣлась—знаю; ну, и думала, авось получше кавалеръ найдется. Ждать-то можно было—мнѣ семнадцатый только шелъ, молода еще была.

Ну вотъ, живемъ мы тихо, спокойно… Какъ теперь помню, въ концѣ Вербной недѣли (Пасха въ томъ году была поздняя) пріѣзжаетъ къ намъ сосѣдка, тоже помѣщица, полковница Шишакова, Марья Терентьевна. Женщина она была одинокая, хозяйствомъ не любила заниматься и все бывало разъѣзжала по сосѣдямъ, да новости всякія развозила. Ну, и теперь новость привезла.

— «А, знаете, говоритъ, какое у насъ теперь сосѣдство будетъ?» Маменька и спрашиваетъ: а какое?

— «Интересное, говоритъ.—Ѣдетъ сюда-съ, въ свое наслѣдственное Пташкино, молодой Жмурскій, Владиміръ Петровичъ, и прямо изъ чужихъ краевъ. Хочетъ, говорятъ, совсѣмъ поселиться въ деревнѣ. И-и-и какая забота пошла въ усадьбѣ-то! Комнаты очищаютъ, провѣтриваютъ, даже садовникъ въ саду и ранжереяхъ завозился… Ждутъ его либо къ самой Пасхѣ, либо на Ѳоминой безпремѣнно. Богатый человѣкъ, образованный, а главное, что хорошо-то:—холостой!…»

Какъ она это сказала, маменька ей сейчасъ: «А не выпить-ли намъ чайку съ вареньицемъ—а?» Марья Терентьевна натурально согласилась, потому-что вареньице-то вареньицемъ, да она знала, что маменька и ромъ велитъ подать, либо коньяку. Любила покойница (царство ей небесное!) пропустить эдакъ хмѣльнаго немножко… «Не могу, говоритъ, съ мужемъ все въ походахъ бывала—привыкла…»

Ну, подали самоваръ, закуску и наливку.

— «Вотъ-бы, говоритъ, нашей Анеточкѣ марьяжъ-то, а? Чѣмъ не невѣста?…»

Я такъ и вспыхнула…

— «Да и гдѣ у насъ невѣсты? Нѣтъ ихъ. Вонъ у Леонтія Кузьмича Маша-то коситъ на оба глаза, а у Клубниковой такія всѣ дѣвицы, прости Господи, пестрыя на лицо, какъ птичьи яица!»

— «А у Надежды Александровны, говоритъ маменька (это другая сосѣдка—помѣщица),—чѣмъ Любочка не невѣста? Да и богаче насъ онѣ…»

— «Ну, еще погонится-ли онъ за богатствомъ-то, коли самъ богатъ такъ, что мое почтенье! Да чтожъ Любочка? Ну, бѣленькая—и только. А ваша-то Анета, говоритъ,—смуглая, а я замѣтила: такія больше кавалерамъ нравятся».

— «Да почему вы думаете, спрашиваетъ маменька,—что онъ вотъ пріѣдетъ, такъ сейчасъ и женится?»

— «Ну, хоть не сейчасъ, а женится… Ужъ это я чувствую!»

Ушла я въ свою комнату и стала думать.

Молодой… изъ чужихъ краевъ… Еще захочетъ-ли знакомиться-то? можетъ быть, гордый, ученый… Гдѣ ужъ намъ, деревенскимъ, съ нимъ?…

А маменька вижу повеселѣла…

— «Надо, говоритъ, тебѣ, Анюта, новое платье смастерить, по-авантажнѣе. У меня кусокъ розоваго барежа лежитъ… Ну-ка, давай-ка кроить!»

И мнѣ весело стало, даже запрыгала!

Вотъ и Пасха пришла и прошла, и Ѳоминая тоже—нѣтъ, ничего не слышно. И Марья Терентьевна куда-то запропастилась, не показывается…

Виситъ мое барежевое платье въ шкапу, совсѣмъ готовое, а сама я хожу, какъ будто что потеряла!… А что? и сама не знаю…

Вдругъ, какъ снѣгъ на голову — прилетѣла Марья Терентьевна наконецъ. Еще на порогѣ крикнула: «Пріѣхалъ соколъ заморскій! Пріѣхалъ Владиміръ Петровичъ! Поздравляю!»…

Я даже вздрогнула…. И вотъ, подите же: какъ не было ничего о немъ слышно—скучно мнѣ было, даже молилась, чтобы поскорѣй пріѣхалъ; а какъ узнала, что пріѣхалъ—зачѣмъ, думаю, такъ скоро? Еще бы помедлилъ….

Ну, ничего однако особенно-путнаго не расказала она объ этомъ «соколѣ заморскомъ», о Владимірѣ Петровичѣ-то. «Мелькомъ, говоритъ, только и видѣла его: росту небольшаго, худенькій изъ себя, съ бородкой и повара своего привезъ.»…

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Не показывается что-то нашъ новый сосѣдъ; а видѣли его—разъѣзжаетъ по своимъ полямъ, съ мужиками разговариваетъ…

Маменька узнала, что Надежда Александровна Любѣ своей три новыхъ платья соорудила, нарочно для этого въ городъ ѣздила…. «А коли такъ, говоритъ, такъ я тебѣ, Анюта, твое барежевое платье атласными бѣлыми лентами отдѣлаю!»

И отдѣлала. Оно и теперь у меня цѣло, платье-то…. Только разъ и надѣвала, не пришлось больше….

Анна Ивановна опять достала табатерку, опять отвернулась, но на этотъ разъ какъ-то дольше нюхала табакъ.

— Ну, прошло эдакъ дня три, смотримъ — летитъ къ намъ во дворъ Марья Терентьевна. Вошла. Важный видъ такой, сіяетъ, да прямо и говоритъ: «А что, Ольга Сергѣевна (маменьку мою такъ звали), насчетъ чайку бы съ вареньицемъ—а?» Удивило маменьку, что она сама спрашиваетъ чайку съ вареньицемъ; никогда этого прежде не было. Маменька моя была проницательная женщина…Посмотрѣла она на Марью Терентьевну, да и говоритъ: «Съ хорошими вѣстями, что-ли?» Ну тутъ полковница-то и разсказала, что Жмурскій намѣренъ объѣхать съ визи-

тами сосѣдей, значитъ, молъ, «и у васъ будетъ». Когда же?—Да послѣ завтра, говоритъ, даже и маршрутъ знаю: къ вамъ первымъ, какъ къ ближайшимъ сосѣдямъ, заѣдетъ, а отъ васъ къ Надеждѣ Александровнѣ».

Мнѣ даже страшно сдѣлалось, а Марья Терентьевна говоритъ:

— «А ужъ это онъ не даромъ. Повѣрьте! Съ цѣлью... Вотъ увидите!»

Во вторникъ это было—пѣтъ, въ середу... Что это я вру? и то вѣдь во вторникъ, да! И хочется-то мнѣ, чтобы поскорѣй четвергъ пришелъ, и хочется тоже, чтобы середа была длинная-предлинная... Похудѣла даже немножко! А маменька и замѣчаетъ! «Вишь какая ты интересная стала!»...

Ну, про чувства свои очень-то я не стану вамъ разсказывать, не нужно.

Былъ у насъ въ четвергъ, былъ.... Посидѣлъ эдакъ съ часъ. Папенька ему о лодкѣ какой-то новой разсказывалъ, но маменька скоро удалила папеньку... Понравился онъ намъ: любезный такой, вѣжливый, гордости совсѣмъ не замѣтно, два раза зѣвнулъ деликатно — въ платокъ, говорилъ, что ему чужіе края надоѣли, что нѣтъ ничего лучше деревни.... Ну, на меня раза три пристально такъ посмотрѣлъ, спрашивалъ, чѣмъ я занимаюсь, хвалилъ вообще простоту жизни.... Все время сидѣлъ въ сиреневыхъ перчаткахъ... Вотъ вѣдь только раза два - три его видѣла, а какъ помню! Худощавый такой, бородка рѣденькая, глаза умные и преласковые такіе, молодой на видъ-то, а волосъ на темени мало—сквозило немножко, хотя и видно было, что онъ ихъ щеткой туда зачёсалъ. Понравился онъ мнѣ своею непринужденностію, а все-таки мнѣ было какъ-то неловко, боялась говорить — ну, какъ вдругъ глупость скажешь?... Я и молчала. Сталъ прощаться, сказалъ что надѣется скоро видѣть насъ у себя; но, прощаясь, не поцѣловалъ у маменьки руки, а просто такъ далъ руку—и мнѣ тоже подалъ и слегка пожалъ....

Уѣхалъ. Лошадки такія славныя.... А знаете что? совѣстно мнѣ было, что онъ такой простой, такой непринужденный, а я дома-то, въ будни, вырядилась въ барежевое розовое платье съ атласными лентами!

Ну, зачѣмъ?... Какъ будто кукла какая, на показъ!.. На молъ, смотри на платье мое сперва, а потомъ на меня!...Какъ будто платье свое цѣнишь выше, чѣмъ себя... Нѣтъ, думаю, въ слѣдующій разъ—ужъ тамъ пусть маменька что хочетъ дѣлаетъ—надѣну ситцевое бѣленькое! Такое хорошенькое оно у меня было: поле-то бѣлое, а по немъ черненькіе и красненькіе цвѣточки.

Ну, такъ вотъ какъ... Да! На чемъ я остановилась? Да уѣхалъ онъ. Ну, уѣхалъ... Марья Терентьевна передала намъ потомъ, что и у Надежды Александровны онъ былъ и тоже не больше часу просидѣлъ. «Я, говоритъ Марья Терентьевна, ужъ не оставлю его въ покоѣ. Пусть онъ мнѣ сердце свое откроетъ... Я вывѣдаю у него секреты-то!» И вѣдь что вы думаете? вывѣдала! Бойкая была дама.

Два дня прошло, не было. Какъ теперь помню, мы ужъ поужинали и спать собирались, вдругъ залаяли собаки и знакомый дребезжащій звукъ дрожекъ Марьи Терентьевны раздался на дворѣ. Прикатила и затараторила. Тутъ мы узнали, что сама она была у Жмурскаго и что Жмурскій прямо ей сказалъ, что дѣйствительно думаетъ жениться, что даже особенно разборчивымъ быть не желаетъ, а просто хочетъ зажить тихо, мирно, съ доброй женой, хорошей хозяйкой...

Ну, и стала она его распрашивать насчетъ того, не приглянулась ли ужъ какая? Владиміръ Петровичъ отвѣтилъ на это, что особенно еще не приглянулась, а есть цѣлыхъ двѣ на примѣтѣ... «Ну, тутъ, разсказываетъ Марья Терентьевна, догадалась я, что это онъ намекаетъ на васъ и на Любочку, да прямо и брякнула: а которая, молъ, лучше для васъ?» Тотъ улыбнулся, да и отвѣчаетъ: «обѣ лучше».... А Марья - то Терентьевна и пристань: «Какъ обѣ лучше?»... Ну, тутъ онъ, наконецъ, сказалъ, что Анна Ивановна (это про меня-то) будетъ попроще и глаза у ней лучше.... «Мнѣ, говоритъ, надо безъискусственную простоту.... натуру, а впрочемъ и Любовь Николаевна—ничего»... А Марья Терентьевна опять: «Такъ вѣдь рѣшить надо?» — «Рѣшу,» говоритъ.—«Да что-жъ медлить - то? Поѣзжайте, поглядите еще, да и съ Богомъ!» — «Поѣду, говоритъ, погляжу да и съ Богомъ.... Скука такая, говоритъ, разбираетъ, что надо съ этимъ покончить; а вижу, что одному никакъ не прожить: что-то ужъ очень вокругъ просторно, хочется потѣснѣе, поуютнѣе»...

Какъ это узнала я, что глаза мои ему понравились,—сейчасъ къ зеркалу. Никакъ полчаса глядѣла; ну, и, признаться сказать, ничего такого особеннаго въ нихъ не замѣтила; такъ... обыкновенные, каріе.

Ну, былъ онъ у насъ еще раза два и у Надежды Александровны тоже побывалъ. Разъ мнѣ только и пришлось съ нимъ поговорить. Были мы одни въ саду.... Маменька нарочно послала насъ прогуляться. Сперва мы говорили о тѣхъ краяхъ, гдѣ апельсины и лимоны ростутъ подъ открытомъ небомъ, а потомъ—о чувствахъ.

Много онъ говорилъ, словно читалъ по писаному; только я почти ничего не поняла. Слова-то все такія книжныя; чувствую, что хорошо что-то, а не понимаю... Замолчалъ наконецъ—и я молчу. Такъ мнѣ тяжело стало! Ну, что, думаю, мнѣ ему сказать? Просто вотъ ничего—ничего въ голову не лѣзетъ.... Даже въ жаръ бросило! Думала—думала, да съ отчаянія ужъ и сказала:

— «Кушали-ли вы когда нибудь огурцы свѣжіе съ медомъ?..»

Какъ сказала—еще пуще въ жаръ бросило! И вѣдь пришла же въ голову такая дрянь! Огурцы... это послѣ разговора о чувствахъ-то! Отлично!.. И никакого спасенія нѣтъ—ужъ сказала... сказала! Только и думаю: вотъ теперь сквозь землю провалиться чудесно было бы! Взглянуть на него не смѣю... А онъ вдругъ схватилъ меня за руку, посмотрѣлъ съ улыбкой прямо въ глаза, да и произнесъ: «Дитя природы!...» А потомъ спросилъ, знаю-ли я Любовь Николаевну? «Знаю, говорю, вмѣстѣ въ пансіонѣ были», а сама-то думаю: ну, слава Богу, проскочили какъ-то свѣжіе мои огурцы съ медомъ!... Посмотрѣлъ онъ на меня и сказалъ? «Она тоже, какъ и вы, дитя природы...» Потомъ опять спросилъ:

— «Хорошо вы, спокойно живете?».

— Хорошо, говорю.

— «И васъ ничто не мучитъ?».

— Иногда говорю, вотъ зубы мучатъ...

— «Нѣтъ, я, говоритъ, о жизни говорю... Жизнью довольны? Свѣтло на жизнь глядите?».

Да какъ же, думаю, это свѣтло глядятъ?

— Свѣтло, отвѣчаю.

— «А я такъ, говоритъ, лѣтъ десять тому назадъ свѣтло глядѣлъ, черезъ розовые очки...» Хотѣла я у него спросить: неужели розовые очки носятъ? да онъ опять заговорилъ и ужъ совсѣмъ непонятно... И о чужихъ краяхъ тутъ была рѣчь и о томъ, что люди разбили у него ро-

зовые очки—и ничѣмъ и никакъ починить ихъ теперь нельзя... Вздохнулъ онъ тутъ и говоритъ: «И гдѣ-бы я ни былъ—вездѣ тоска, вездѣ скучно, а жить все-таки хочется... Ужъ такая глупая привычка! Вотъ и пріѣхалъ сюда... А вѣдь счастливъ, говоритъ, тотъ,—право, счастливъ, кто, напримѣръ, стремится къ свѣжему огурцу съ медомъ—и получаетъ его! Да вотъ то-то и бѣда, что огурецъ и медъ у всякаго разный...»

Я даже покраснѣла... А онъ опять:

— «Одинъ пойдетъ, сорветъ себѣ любой огурецъ, намажетъ его медомъ и скушаетъ—и доволенъ; а другой за желаннымъ огурцомъ цѣлую жизнь гоняется! Сколько мученій, сколько борьбы—и что-же? Такъ и умретъ безъ огурца... Грустно, Анна Ивановна!...»

И замолчалъ опять.

Вдругъ спрашиваетъ:

— «Скажите, что такое по вашему счастье?».

Ну, тутъ, слава Богу, маменька позвала насъ кушать клубнику со сливками.

Какъ онъ уѣхалъ, она и пристала ко мнѣ: о чемъ, молъ, мы говорили? «Да вотъ, говорю, объ огурцахъ говорили...»

— «Ну, это, говоритъ, положимъ, хорошо; значитъ, любитъ онъ хозяйство. А еще о чемъ?».

— Да объ огурцахъ больше всего...

— «Ну, говоритъ, глупа ты!...»

— Да это онъ все объ огурцахъ говорилъ, да еще объ одномъ какомъ-то странномъ огурцѣ, за которымъ хоть цѣлую жизнь гоняйся—не получишь!

— «Ну, это, говоритъ маменька,—онъ тебѣ должно быть, сказку разсказывалъ...»

Стала я думать объ этомъ, да такъ рукой и махнула. А понравился мнѣ Владиміръ Петровичъ—не утаю! Нельзя сказать, чтобы онъ былъ красивъ, а такое ужъ у него лицо было пріятное; умное, особенно, когда говорилъ... Все бы его слушала, да глядѣла!... А что-то такое было въ немъ странное, печальное... и сама не знаю почему, а было мнѣ его жалко... Такъ-бы вотъ и утѣшила его, а чѣмъ—не знаю и придумать не могу!...

Марья Терентьевна недовольна имъ была. «Что это, говоритъ, за нерѣшительный человѣкъ этотъ Владиміръ Петровичъ! Даже на мужчину не похожъ. Ну, посудите сами: и вы ему нравитесь, и Любочка!»—«Я ужъ, говоритъ, былъ разъ въ двоихъ влюбленъ одновременно (самъ признался!), а вотъ теперь, говоритъ, опять задача...» Но вотъ, помяните мое слово: васъ выберетъ...»

— Почему-же меня? спрашиваю.

— «А потому, говоритъ, что о васъ онъ больше вспоминаетъ... Ну-да ужъ увидите, не будь я полковница Шишакова! Слушайте-ка: хочетъ онъ вечеръ у себя устроить, балъ въ свои имянины, и всѣхъ пригласить... Это значитъ: еще разъ хочетъ видѣть васъ и Любочку въ парадѣ и рѣшить выборъ, да-съ!...»

Что-жъ, думаю, если меня выберетъ—пойду, ей Богу, пойду и буду его любить. Чѣмъ я хуже Любочки?...

Ну, тутъ опять у меня были разныя чувства, да о нихъ не хочу говорить.

Накапунѣ пятнадцатаго іюля, вечеромъ, прискакалъ верховой отъ Жмурскаго и привезъ маменькѣ розовую записку. Это было приглашеніе на обѣдъ и на вечеръ.

Захлопоталась маменька.

— «Ну, говоритъ, Анюта, смотри же не ударь лицомъ въ грязь! Не ударишь, такъ на нашей улицѣ праздникъ будетъ. Поужинай теперь, да спать ложись, а прежде папильотки надѣлай и завейся...»

— Зачѣмъ, говорю, завиваться? Онъ меня привыкъ видѣть незавитой. Пусть ужъ лучше такъ и будетъ. При кудряшкахъ-то, говорю, лицо измѣнится, другое будетъ,—можетъ быть и лучше, да другое.. Вѣдь онъ простоту любитъ. Его не удивишь...

Подумала маменька и сказала: «Ну, какъ хочешь, не принуждаю».

Такъ я и не завилась.

И странно: совсѣмъ я была покойна. И такъ мнѣ весело, легко было. А вѣдь завтра участь должна была моя рѣшиться... и вѣдь рѣшилась, да только въ другую сторону!... Ну, кто-то изъ насъ, думалось мнѣ: я или Любочка?... Поужинала я (хорошій былъ аппетитъ) и легла спать. Маменька велѣла къ завтрему розовое барежевое платье хорошенько разгладить и вынула изъ комода пару лайковыхъ перчатокъ.

Скоро я уснула. И вижу сонъ, странный такой... Будто я и Любочка—обѣ мы вышли за него за-мужъ, за Жмурскаго-то, и никто этому не удивляется. Ходитъ онъ по комнатѣ, бормочетъ и все что-то ловитъ рукой. Лицо у него печальное... Только я и думаю: какъ же это—и я жена, и Любочка жена?... А онъ вдругъ остановился и говоритъ: «Огурецъ съ медомъ—вотъ настоящее счастье!..» Хотѣла я на него поближе посмотрѣть, иду къ нему, гляжу—и глазамъ не вѣрю! Передо мной вовсе не Владиміръ Петровичъ, а тотъ чиновникъ старый, что изъ города пріѣзжалъ и сдѣлалъ неприличіе... Стоитъ и смѣется, и вилка у него въ рукѣ. «Что, говоритъ, обѣ вы теперь мои!» И сталъ меня цаловать, да такъ крѣпко, крѣпко... Чтожъ это, думаю, мужъ не защищаетъ меня? Смотрю, а Владиміръ Петровичъ гуляетъ съ Любочкой подъ ручку и смѣется... Обидно мнѣ стало, а чиновникъ-то все меня цалуетъ. Вырвалась я отъ него и проснулась... Солнце такъ и свѣтитъ! Въ саду птички поютъ... Экой, думаю, сонъ глупый! Улыбнулась, да и чувствую: что это мнѣ неловко улыбаться?.. губа верхняя не даетъ? Ай, не муха-ли укусила?... Прыгъ съ постели, да къ зеркалу—и обомлѣла! Гляжу: губа верхняя вздута, да какъ! носъ даже на сторону!... Носъ-то у меня былъ курносенькій, а тутъ его еще кверху, да на сторону поворотило... Господи! кусали и прежде меня мухи почью, то нижнюю, то верхнюю губу укусятъ, но все не такъ... Я—давай плакать!... Прибѣжала маменька, взглянула и всплеснула руками...

Ну, тутъ земли свѣжей натащили, уксусу принесли, стала я прикладывать землю-то къ губѣ—чего! еще хуже... Сижу передъ зеркаломъ, плачу... совсѣмъ на себя стала не похожа... Маменька просто не знаетъ что дѣлать. Свернула полотенце, бѣгаетъ по комнатѣ, да бьетъ мухъ! задѣла чашку полотенцемъ и разбила... И всѣ-то соболѣзнуютъ, а мнѣ отъ этого еще досаднѣе! Кухарка Ѳекла посовѣтовала мнѣ какую-то гадость приложить... какъ я на нее топну! прогнала...

А ужъ второй часъ... Какъ ѣхать? какъ ѣхать-то въ такомъ видѣ, да еще на балъ? Срамъ и просто-то въ люди показаться, а тутъ еще... выборъ... Любочка... которая, молъ, изъ насъ лучше... Дурно мнѣ даже сдѣлалось... Никогда въ жизни я такъ зла не была!

Ну-да, что ужъ вспоминать!.. Такъ мы и не поѣхали. Лежу это я въ своей комнатѣ, да вдругъ нѣтъ-нѣтъ и зальюсь слезами горькими.

Послѣ обѣда (я-то не обѣдала) прикатила Марья Терентьевна. Бѣжитъ, пыхтитъ и накинулась на маменьку: «Что это вы, кричитъ, не ѣдете? а?... Ждали, ждали васъ—а? Ахъ, ты Господи! погубили вы дочь свою! Ско-

Марія Александровна Государыня Императрица Всероссійская. Рисов. и гравир. Ивановъ.

рѣе поѣзжайте!» А маменька-то ей говоритъ: «Прежде чѣмъ кричать-то, подите къ Анютѣ, посмотрите, такъ и увидите, почему погубили...»

Такъ и проплакала я цѣлый день, а день-то такой былъ тихій, славный... Ужъ какъ досадно мнѣ было, что и описать невозможно!...

Только къ десяти часамъ вечера стала опухоль опадать и носъ пришелъ въ прежнее положеніе.

— И вѣдь вотъ, съ тѣхъ поръ — сорокъ лѣтъ прошло — ни разу больше мухи ночью меня не кусали! Ну не подлыя-ли, а?...

Анна Ивановна качнула два раза головой и протянула руку къ очкамъ.

— Ну, вотъ и разсказала я вамъ. Довольны?

— А конецъ-то? А что-же Владиміръ Петровичъ? развѣ не былъ онъ у васъ потомъ?

— Женатымъ-то? да зачѣмъ ему?

— Такъ онъ женился... на Любочкѣ?

— Да развѣ я не сказала?

— Нѣтъ, вы ничего не говорили...

— Женился, женился на ней... какже! Въ тотъ-же вечеръ и предложеніе сдѣлалъ. Марья Терентьевна говорила, что будь я тамъ, такъ онъ опять, пожалуй, не рѣшился-бы... Ну, а Любочка была всѣхъ лучше; ну, натурально, онъ все больше къ ней, да за ужиномъ-то, говорятъ, Владиміръ Петровичъ хлѣбнулъ немножко, развеселился, ну, и рѣшилъ... А тутъ еще Надежда Александровна нарочно заговорила съ нимъ о семейной жизни... Онъ слушалъ-слушалъ, да такъ при всѣхъ, говорятъ, и хватилъ: «Отдайте мнѣ вашу дочь!...» Та и отдала.

Анна Ивановна помолчала.

— А разсказывала мнѣ Марья Терентьевна, что онъ сперва все меня искалъ глазами-то, и когда узналъ, что я больна и не пріѣду (сказали, что у меня мигрень) — брови поморщилъ, да потомъ и сталъ все глядѣть на Любочку...

— И счастливо они зажили?

— Говорили, что хорошо, да только три мѣсяца вмѣстѣ и пожили. Говорятъ, соскучился онъ очень, поѣхалъ въ городъ на выборы, да тамъ и душу Богу отдалъ.

— Неужели-же больше жениховъ у васъ не было?

— Ну, какъ не быть!... Были два; да оба, слухъ такой былъ, запивали, а третій (ужъ это было послѣ смерти папеньки, одна я осталась, братъ былъ убитъ на войнѣ съ черкесами), — третій чуть не надулъ меня: отъ живой жены хотѣлъ жениться! Ну, а ужъ послѣ-то и мыслей у меня такихъ не было...

— Да, такъ вотъ какъ, сударь мой! Муха, тварь малая, а вотъ какую со мной штуку сдѣлала. Нѣтъ, вѣдь какъ губу-то раздуло — страсть! И какія это такія мухи?... Удивительно!... Нѣтъ, ужъ видно, судьба такая была мнѣ въ дѣвушкахъ остаться, ну и осталась...

Анна Ивановна надѣла очки и взялась за чулокъ. Лицо ея было совершенно спокойно, какъ будто она окончила разсказъ не своей, а чужой исторіи.

Многіе, къ стыду своему, почему-то рады поострить, надсмѣяться надъ старыми дѣвушками, называя ихъ «старыми дѣвами», «отцвѣтшими плодами» и т. п. именами. Гнуснѣе и нелѣпѣе этихъ насмѣшекъ, кажется, и быть не можетъ. Чѣмъ-же виновата старая дѣвушка? Надъ чѣмъ-же эти милые господа смѣются? Надъ несчастьѣмъ, надъ человѣкомъ, надъ жертвою общественной безурядицы, нелѣпыхъ условій... А сладко, вы думаете, жить этой жертвѣ? Жизнь печальная, жизнь, изъ которой украдены лучшіе, свѣтлые дни... и прокурорскому надзору нѣтъ дѣла до такого вора!

И влачитъ она эту жизнь, какъ какое-то безполое существо, какъ живой укоръ современной цивилизаціи. Ни радостей, ни воспоминаній — ничего! И это легко, вы полагаете?

Чтожъ вы не смѣетесь?...

Анна Ивавовна задвигала быстро спицами, но вдругъ, сморщивъ брови, взглянула въ потолокъ и сказала:

— Что это я хотѣла спросить, да вотъ забыла?

— Припомните.

— Ахъ-да! такъ Лисабонъ — въ Португаліи, а Мадритъ — въ Испаніи? такъ?...

— Точно такъ, Анна Ивановна.

Марія Александровна
Государыня Императрица Всероссійская.

27 іюля 1824 года Великому Герцогу Гессенъ-Дармштадтскому, Людвигу II, и супругѣ его Вильгельминѣ Луизѣ, принцессѣ Баденской, благое Провидѣніе даровало дочь, нарѣченную Максимиліаной-Вильгельминой-Августой-Софіей и предназначенную высшимъ Промысломъ въ матери восьмидесяти милліонамъ народа русскаго. Семнадцать лѣтъ спустя, юная принцесса, принявъ вмѣстѣ съ православіемъ имя Маріи, 16 апрѣля 1841 года сочеталась бракомъ съ Наслѣдникомъ Россійскаго престола, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Съ 19 февраля 1855 года, дня вступленія Августѣйшей четы на престолъ, Державная Супруга Царя-Освободителя непрестанно дѣлитъ труды Его, заботясь о просвѣщеніи женской половины вѣрноподданныхъ, благѣ не меньшемъ дарованной имъ свободы, и принявъ подъ свое верховное покровительство учебныя заведенія Вѣдомства Императрицы Маріи. Женскіе институты, начало которымъ было положено въ царствованіе Екатерины II учрежденіемъ въ Петербургѣ, въ 1764 г., «Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ» (Смольный монастырь), съ того времени значительно размножились, особенно заботами Государыни Маріи Ѳеодоровны, — но, будучи доступны лишь дѣтямъ дворянскаго происхожденія и преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, какъ бы отдѣлились отъ общей государственной системы, составя особое Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи. Въ настоящее же царствованіе, по волѣ Августѣйшей покровительницы, стали возникать и въ этомъ вѣдомствѣ открытыя учебныя заведенія съ среднимъ курсомъ для всѣхъ сословій, — такъ что съ этого времени, наряду съ женскими гимназіями и училищами министерства народнаго просвѣщенія, существуютъ во многихъ городахъ женскія гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи. Нынѣ такихъ институтовъ и гимназій считается 57. Главнѣйшіе изъ нихъ: въ Петербургѣ: Смольный монастырь, Патріотическій и Павловскій институты; въ Петербургѣ и Москвѣ: училище Ордена Св. Екатерины, Николаевскій Сиротскій Институтъ, Александровское и Ели-

саветинское училища; 17 институтовъ въ разныхъ городахъ: Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ и проч., и 29 женскихъ гимназій въ Петербургѣ, Москвѣ и губерніяхъ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ до 10,000 ученицъ.

Не менѣе обязано Государынѣ Императрицѣ и другаго рода учрежденіе, столь же человѣколюбивое какъ и полезное государству: Высочайше утвержденное Государемъ Императоромъ 3 мая 1867 года «Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Самая мысль объ основаніи его обязана своимъ развитіемъ горячему участію Ея Величества, и образовавшееся общество осчастливлено особымъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы, которая еще задолго до его возникновенія какъ бы предначертала ему стезю своими заботами о раненыхъ во время отечественной войны 1853—56 гг. Въ бозѣ почившій, высокопреосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ, будучи однимъ изъ первоначальныхъ учредителей общества и благословляя его начинанія, объяснилъ цѣль его дѣятельности примѣненіемъ Евангельскихъ словъ: *Милосердова, и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино. Иди и ты твори такожде.* И дѣйствительно, благодаря Августѣйшему покровительству, новообразовавшееся общество уже черезъ три года послѣ основанія, могло представить блестящіе результаты своихъ трудовъ, на Всероссійской мануфактурной выставкѣ въ Петербургѣ, причемъ множество выставленныхъ предметовъ попеченія о раненыхъ принадлежали собственному складу Ея Величества.

Старый судъ.

(разсказъ слѣдователя).

А. Шкляревскаго.

I.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, до начала гласнаго судопроизводства, я служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ Н—ской губерніи, въ З—скомъ уѣздѣ, лежащихъ въ черноземной полосѣ нашей имперіи. Мнѣ всего было около двадцати-четырехъ лѣтъ, институтъ судебныхъ слѣдователей только что вступалъ въ силу — и должность моя, новая сама по себѣ, нравилась мнѣ, интересовала меня. Особенно занимало меня мое могущество при производствѣ слѣдствій; полиція мнѣ была подчинена, я могъ арестовать, заковывать въ кандалы, сажать въ острогъ и проч., или, выражаясь словами одного моего профессора: «могъ располагать, по произволу, судьбами равныхъ мнѣ существъ...» Говорятъ, во власти есть необъяснимая прелесть! Это я испыталъ на себѣ, опытомъ... Къ сожалѣнію, интересныхъ дѣлъ у меня въ производствѣ было немного: большею частію однѣ мелкія, незначительныя воровства.

Жилъ я тогда въ уѣздѣ, на концѣ большой деревни; избушка моя стояла на самомъ берегу излучистаго Донца, такъ что, во время половодья, огородъ и часть двора заливались водою, а на улицу, изъ сѣней, приходилось выѣзжать въ лодкѣ. Знакомствъ у меня рѣшительно не было; я такъ еще былъ юнъ, что и не умѣлъ завести ихъ, стѣсняясь представиться окружнымъ помѣщикамъ, въ которыхъ недостатка въ той мѣстности не было. Изрѣдка лишь меня навѣщали лѣсничій и уѣздный докторъ, два заматерѣлые холостяка, да, по должности, становой приставъ, хотя и женатый, но, по образу жизни, принадлежавшій къ тѣмъ семейнымъ людямъ, посѣщеніе которыхъ не представляетъ особой пріятности.

Былъ іюль мѣсяцъ, и я наслаждался кейфомъ, по неимѣнію въ производствѣ дѣлъ. Временемъ я кое что почитывалъ, а преимущественно курилъ, пилъ сливки и купался по нѣсколько разъ въ день. Однажды, утромъ, возвратившись съ купанья, я готовился пить чай, какъ вдругъ послышался звукъ дорожнаго колокольчика... Я сталъ прислушиваться. Звуки съ каждой секундой становились явственнѣе, а когда я высунулся въ окно, то увидѣлъ и дорожній дормезъ, допотопный экипажъ нашего становаго пристава, прозванный ноевымъ ковчегомъ.

Становой приставъ былъ субъектъ замѣчательный, но не рѣдкій, такъ какъ въ средѣ становыхъ и другихъ незначительныхъ полицейскихъ чиновниковъ, я зналъ много похожихъ на него личностей. Въ отношеніи къ своему семейству и знакомымъ, онъ былъ человѣкъ мягкій, обходительный, съ дамами чрезвычайно любезный, охотникъ до поцѣлуевъ ручекъ и самъ признававшійся въ холостой компаніи, что онъ «женолюбивъ»; за это-то, вѣроятно, жена его, Марья Степановна, и держала его въ ежовыхъ рукавицахъ, о чемъ вѣдалъ весь уѣздъ. Наружностью онъ былъ свѣжій мужчина лѣтъ сорока, невзрачный, но краснощекій, что питало въ немъ претензію на красоту. Марья Степановна была маленькаго роста, суха какъ сушеная рыба и зла какъ кошка. Кто зналъ Гелактіона Никифоровича въ частной жизни, тотъ поусомнился бы, чтобы онъ могъ имѣть кровожадные наклонности; между тѣмъ, онъ имѣлъ ихъ, и, при исполненіи служебныхъ обязанностей среди простаго народа, становился лютымъ тигромъ, даже по наружности: рѣдкіе, рыжеватые волосы приподнимались кверху; желтые глаза становились зелеными и таращились, нижняя губа подкусывалась и изъ устъ вылетали такія слова, отъ которыхъ забѣжалъ бы на край свѣта, въ тридесятое государство... Изумительно, гдѣ только слышалъ и перенялъ ихъ Гелактіонъ Никифоровичъ. Бѣда, если въ его станѣ случался пожаръ... Половина присутствующихъ на пожарѣ крестьянъ будетъ непремѣнно избита: одного за волосы, другаго въ зубы, третьяго за бороду, четвертаго вытянуть палкой — ему ровно ничего не стоитъ...

— Что это вы дѣлаете?!... замѣтишь, бывало, наконецъ ему, съ сердцемъ.

— Не могу, батенька, не могу... Такой у меня характеръ!... кричитъ Гелактіонъ Никифоровичъ, ударяя и себя съ азартомъ въ грудь кулакомъ.—Нельзя иначе, такой у насъ народъ, все до тла сгоритъ безъ этого!..

До назначенія судебныхъ слѣдователей, какъ я слышалъ, онъ такъ же производилъ и дознанія: то есть, начиналъ допросъ—дачею въ зубы преступнику... Но, отъ этого, при всей моей молодости, я съумѣлъ отучить его, удаливъ Гелактіона Никифоровича при подобномъ началѣ отъ слѣдствія и составивъ объ его поступкѣ протоколъ... Эта штука обошлась ему во всѣхъ отношеніяхъ очень дорого и онъ едва усидѣлъ на мѣстѣ. Впрочемъ, Гелактіонъ Никифоровичъ не былъ злопамятенъ и скоро примирился со мною. Вообще, не смотря на свое подъ-часъ жестокое обращеніе съ крестьянами и другіе грѣшки, Стоцкій

(фамилія становаго) пользовался ихъ расположеніемъ. Извѣстно, что крестьянину тяжелѣе всего разстаться съ своею собственностью, потому что она пріобрѣтается тяжкимъ трудомъ,—а Стоцкій не былъ грабителемъ и взяточникомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, за что ему доставалось не мало распеканцій и упрековъ отъ жены: «посмотри, какъ другіе становые живутъ» и пр. Онъ не стѣснялъ и не вымогалъ, а бралъ что дадутъ, то есть, принималъ, какъ учтиво выражались чиновники стараго времени, «благодарность». Русскій же мужикъ такое даяніе и до сихъ поръ считаетъ законнымъ и съ своей стороны обязательнымъ, за толчкомъ же онъ по привычкѣ тоже не гонится; а вслѣдствіе всего этого, крестьяне о Стоцкомъ разсуждали такъ: «отца родного не нужно, какъ Гелактіонъ Никифоровичъ!.. Что дашь ему—довольствуется, не брезгуетъ, не мозжитъ!... Одно слово: милый человѣкъ!... Коли и сотворитъ когда плюху, али зуботычину — такъ что съ того?.. Извѣстно, человѣкъ въ сердцахъ, дѣловъ у него много, а тутъ мы его тревожимъ... Много довольны!

— Новость! закричалъ становой, увидѣвъ меня въ окно,—вы тутъ чаекъ попиваете, да папиросочки покуриваете, а вотъ не знаете, какую я вамъ грозу привезъ? Съ этими словами, приподнявъ свою форменную фуражку въ клеенчатомъ чахлѣ и съ кокардой, для поклона, онъ сталъ вылазить изъ дормеза, остановившагося у моей калитки; за дормезомъ подкатила еще и тѣлега, запряженная тройкой, въ которой сидѣли его письмоводитель (совершенно спившійся съ круга отставной чиновникъ) и сотскій съ свѣтлой бляхой.

— Какая такая гроза?... спросилъ я становаго, когда онъ вошелъ въ комнату и мы поздоровались.

— Что? небойсь, испугались?.. Ха—ха—ха! Никакой грозы нѣтъ, сказалъ серіозно и успокоительно становой,— а только хлопоты, да и то пустыя... Убійство съ грабежомъ... Я привезъ вамъ отношеніе... Поѣдемъ сейчасъ на слѣдствіе вмѣстѣ, тутъ недалеко. Я мимоѣздомъ уже дознаніе сдѣлалъ. Въ селѣ Кондюровкѣ, помѣщика Катеринкина, нашли, на гумнѣ крестьянина Тарасова, мертвое тѣло...

— Неизвѣстнаго человѣка?..

— Нѣтъ, извѣстнаго: З—скаго 3-й гильдіи купеческаго сына Михаила Иванова Медвѣдкина... Вотъ, сейчасъ мой письмоводитель подастъ вамъ всѣ бумаги.

— За врачемъ послали-ли?..

— Какже! Тотчасъ. Я думаю онъ уже тамъ...

Я попросилъ становаго садиться и предложилъ ему чаю. Въ комнату вошелъ его письмоводитель, въ дырявыхъ сапогахъ, истертомъ и безъ многихъ пуговицъ вицъ-мундирѣ, съ засаленными бортами и прорванными локтями, съ портфелемъ бумагъ подъ мышкою. Лицо его синебагроваго цвѣта было небрито и покрыто слоями пыли, мутноголубые глаза на выкатѣ смотрѣли съ тѣмъ выраженіемъ, какое имѣютъ глаза у уснувшей рыбы, то есть, глядятъ безсмысленно и не моргая. Изъ всей физіономіи выдѣлялись большой величины носъ, вспухшій у ноздрей, и кудлатые русые волосы, казавшіеся отъ пыли темными. Онъ былъ такъ пьянъ, что, желая сдѣлать мнѣ поклонъ, едва удержался на ногахъ, съ помощію стѣны.

—Опять за дорогу натрескался? пугнулъ его становой.

—Капли воды... въ ротъ не бралъ... отвѣчалъ письмоводитель, кладя на стулъ портфель и стараясь отыскать въ немъ приготовленныя для меня бумаги. Но руки рѣшительно отказывались ему служить и форменные полулисты валились на полъ...

— Пошелъ спать въ тарантасъ!!! крикнулъ на него становой,—чтобы чрезъ полчаса, къ отъѣзду, непремѣнно выспался! какъ встрепаный чтобъ былъ! а не то водой окачу... Сотскій! сведи его выкупаться!.. Воды капли не пилъ?... А водки сколько? бутылки двѣ вытрескалъ?.. Купаться!...

Я посовѣтывалъ становому лучше дать ему уснуть, если время терпитъ.

— Ну, пошелъ, — спи, чортъ съ тобой!...

Письмоводитель, сдѣлавъ пируэтъ къ дверямъ, кое какъ поплелся изъ комнаты. Я, по его уходѣ, хотѣлъ было прибрать бумаги.

— Не нужно, не трудитесь, замѣтилъ становой,—послѣ дорогою прочтете... Я лучше на словахъ вамъ разскажу... Время терпитъ... стража около тѣла поставлена, преступникъ отысканъ... Какъ бы проглотить рюмашку бодряги?... Такъ остроумно становой всегда называлъ водку.—Если у васъ нѣтъ, то у меня она есть въ тарантасѣ...

За водкой и закуской становой разсказалъ мнѣ происшествіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно содержалось въ его дознаніи.

— Замѣтили ли вы, — началъ свой разсказъ становой, дѣлая мнѣ вопросъ, — когда вы проѣзжаете дорогой мимо Кондюровки, напримѣръ, сюда,—то въ сторону на лѣво, эдакъ въ полуверстномъ растояніи напротивъ села, видна обширная степь, что-то въ родѣ лѣска въ ложбинкѣ, а далѣе какія-то строенія?...

Я утвердительно кивнулъ головою.

— Степь эта, продолжалъ Стоцкій, — принадлежитъ зажиточному мужику, приписавшемуся въ купцы, Медвѣдкину; въ разведенномъ лѣскѣ находится пчельная пасѣка, а строенія — его же кошары для рогатаго скота, онѣ отъ пасѣки далеко. Самъ Медвѣдкинъ живетъ въ городѣ, гдѣ имѣетъ лавку и торгуетъ саломъ, невыдублеными кожами, дегтемъ, медомъ, воскомъ и прочими подобными предметами; на пасѣкѣ же жилъ его сынъ, молодой человѣкъ, съ прикащикомъ, почти однолѣткомъ. Отсюда они наблюдали за степью, часть которой отдаютъ въ наймы для пастбищъ, за кошарами и за самой пасѣкой, — сверхъ же всего этого они закупаютъ у окрестныхъ крестьянъ различный домашній скотъ для перепродажи и убою. Старикъ Медвѣдкинъ частенько наѣзжаетъ сюда изъ города присмотрѣть благополучно ли все, такъ какъ главная у него надежда на прикащика, человѣка хотя серіознаго и извѣстнаго ему своею честностью, но все же посторонняго; къ сыну же своему онъ надлежащей довѣренности не имѣетъ, потому что молодой человѣкъ въ прошлое время былъ замѣченъ въ кутежѣ. Этотъ молодой Михайла Ивановъ, Медвѣдкинъ, живя на пасѣкѣ и посѣщая за разными надобностями Кондюровку, познакомился съ женою крестьянина помѣщика Катеринкина Моисея Тарасова — Акулиною Васильевою Тарасовою. Сначало дѣло шло шито и крыто, а потомъ провѣдалъ мужъ и погрозилъ Медвѣдкину — поколотить его, а послѣ и убить, однако это не помогло: Михайла Ивановъ продолжалъ посѣщать его жену въ ночное время... Тарасову это стало не въ терпежъ—и дѣло кончилось тѣмъ, что въ ночь на 8 іюля онъ подстерегъ своего соперника, когда тотъ проходилъ по его гумну, подкрался, разсѣкъ топоромъ голову и положилъ на мѣстѣ...

—Значитъ, спросилъ я становаго, — преступникъ сознался?...

(Продолженіе будетъ).

Плачъ Ярославны. Композиція и рисунокъ Н. Панова, грав. Ѳ. Герасимовъ.

Литературный альбомъ.

Плачъ Ярославны (Слово о полку Игорѣ).

Съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ себя русскій народъ—и до первыхъ царей московскихъ, приходилось ему вести постоянную, трудную и разорительную борьбу съ окрестными кочевыми народами, отбиваться отъ этихъ степныхъ варваровъ, которымъ привольно жилось въ обширныхъ луговыхъ равнинахъ нашего Юга среди безчисленныхъ табуновъ и стадъ. Сначала то были торки, хазары и печенѣги; во второй половинѣ XI вѣка мѣсто ихъ заступили новые хищники—половцы, впослѣдствіи вытѣсненные татарами. До татарскаго же погрома, нестройныя но страшныя орды половцевъ, пользуясь усобицами нашихъ разрозненныхъ областей и спорами удѣльныхъ князей между собою, грозно тяготѣли надъ всею приднѣпровскою Русью, внезапнымъ вихремъ налетали на беззащитные города, грабили, уводили людей въ плѣнъ, истребляли огнемъ и мечомъ то, чего нельзя было захватить. Первые набѣги половцевъ были рядомъ оглушительныхъ ударовъ и побѣдъ надъ русскими князьями, которыхъ и самая бѣда не могла примирить для дружнаго отпора врагамъ. Отсюда понятна та благодарность, съ которою лѣтописцы упоминаютъ о трудахъ Владиміра Мономаха, впервые возставшаго въ 1095 г. противъ иноплеменниковъ и «много поту утершаго за землю русскую». Вслѣдъ за этимъ походомъ открывается цѣлый рядъ другихъ (между которыми особенно замѣчателенъ походъ Святослава *со всѣми князьями русскими* противъ хана половецкаго Кобяка), болѣе или менѣе важныхъ движеній, мало по малу становящихся дѣломъ народнымъ. Въ то время, на ряду съ монастырскою литературою древней Руси, начинала уже возникать литература свѣтская, образцы которой мы видимъ въ «поученіи Мономаха» своимъ дѣтямъ, посланіи Даніила Заточника, и въ пѣсняхъ. Между тѣмъ какъ духовные писатели искали объясненія княжескихъ усобицъ въ козняхъ исконнаго врага человѣка, діавола,—пѣвцы свѣтскіе, дружинные, старались пояснять тѣ же усобицы недостаткомъ любви къ родинѣ, предпочтеніемъ личныхъ выгодъ общему благу Руси, и прославляли имена тѣхъ князей, которые проливали кровь только «поганскую», во избавленіе земли русской отъ иноплеменниковъ. Единственнымъ памятникомъ этой поэзіи дружинниковъ осталось намъ такъ-называемое «Слово о полку Игоревѣ», открытое извѣстнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, въ 1795 году. Это пѣснь о небольшомъ походѣ противъ половцевъ Игоря князя Сѣверскаго,—походѣ несчастливомъ, кончившимся плѣномъ самого князя, которому впрочемъ удалось впослѣдствіи благополучно спастись бѣгствомъ. «Эта пѣснь (говоритъ А. Н. Майковъ въ предисловіи къ своему художественному переводу «Слова» съ древнеславянскаго языка)—одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней Кіевской Руси, дошедшій до насъ, и вотъ почему она занимаетъ такое уединенное мѣсто посреди другихъ памятниковъ письменности этой эпохи, большею частію исходящихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и конечно ея полуязыческій характеръ, недопускавшій ее въ монастырскія книгохранилища, былъ главной причиной ея гибели.» Дѣйствительно, кругъ понятій пѣвца «Слова о полку Игоревѣ» представляетъ замѣчательную двоевѣрную смѣсь языческихъ вѣрованій въ Велеса, Стрибога, Даждьбога, Дива и пр. съ христіанскими воззрѣніями. Но такова была на самомъ дѣлѣ жизнь русскаго народа, не успѣвшаго еще вполнѣ отрѣшиться отъ предразсудковъ язычества. И какую богатую картину этой жизни, со всей ея бытовой обстановкой, рисуетъ намъ «Слово»! Многіе, ставя въ параллель «пѣснь о Роландѣ» и другія поэмы западной Европы, упрекали русскую народную поэзію въ томъ, что она не создала ни одной пары любящихся сердецъ; но вчитайтесь въ приводимыя нами строки «Ярославнина плача» (переводъ А. Н. Майкова) по отсутствующемъ мужѣ ея, Игорѣ,—можно ли представить себѣ любовь, болѣе нѣжную, болѣе искреннюю, болѣе преданную, съ большей глубиною страсти?

Игорь, въ плѣну у половцевъ
.....слышитъ Ярославнинъ голосъ.
Тамъ, въ землѣ незнаемой, кукушкой
Поутру она кукуетъ, плачетъ:
«Полечу кукушечкой къ Дунаю,
«Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,
«Оботру кровавы раны князю,
«На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ...»
Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
«Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
«Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
«Въ небесахъ подъ облаки бы вѣялъ,
«По морямъ кораблики лелѣялъ,
«А то вѣешь, вѣешь—развѣваешь
«На ковыль-траву мое веселье».
Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ - рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Ты-ли, Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой, Славутичъ!
«По землѣ прошелъ ты Половецкой,
«Пробивалъ ты каменныя горы!
«Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
«До земли Кобяковой носилъ ихъ...
«Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
«Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою
«По сырымъ зарямъ на сине море!»
Ранымъ рано ужь она въ Путивлѣ
На зарѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое, тресвѣтлое ты солнце!
«Ахъ, для всѣхъ красно, тепло ты, солнце,
«Чтожъ ты, солнце, съ неба устремило
«Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
«Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
«Сушишь, гнешь несмоченные луки,
«Замыкаешь кожаные тулы»...

Волки.

Странная и весьма поучительная судьба выпала на долю волка: его всѣ знаютъ, его всѣ видѣли, о немъ безпрестанно слышатъ;—его никто никогда не похвалитъ, объ немъ никто не отзовется сочувственно, его презираютъ, его безконечно преслѣдуютъ, голова этого бѣдняги оцѣнена, какъ оцѣнивались головы только самыхъ вредныхъ людей... Волкъ—врагъ человѣка, врагъ заклятый, непримиримый, неподатливый; врагъ, противъ котораго человѣкъ, съ самыхъ отдаленныхъ, доисторическихъ временъ, напрягалъ всѣ свои охотничьи, истребительные инстинкты.

Это не такой ничтожный врагъ, котораго стоитъ только раздавить чтобы окончательно забыть о его существо-

ваніи, — нѣтъ, это врагъ сильный, опасный врагъ, о которомъ человѣкъ говоритъ и въ своихъ сказкахъ и пѣсняхъ — и въ долгіе зимніе вечера, сидя въ дружескомъ кружкѣ, грѣясь передъ теплымъ, привѣтливымъ жаромъ камина... Волкомъ пугаютъ дѣтей, волкомъ обзываютъ всякаго угрюмаго, нелюдимаго человѣка... Къ врагу ничтожному нельзя относиться съ такимъ вниманіемъ; значитъ, человѣкъ призналъ за волкомъ — могучую силу, съ которой стоитъ побороться, и не часто приходится человѣку похваляться побѣдою надъ этою признанной силою.

Одного родича этого хищнаго семейства—человѣку удалось сдѣлать своимъ другомъ (говоримъ о собакѣ). Повсюду пошло за человѣкомъ это золотое животное, примѣняясь ко всевозможному климату, и къ самымъ полярнымъ льдамъ, въ темноту полугодовой ночи, и въ самый жгучій жаръ тропиковъ, подъ вертикальные лучи экваторіальнаго солнца. Гибкая, эластичная натура человѣка и собаки сильно измѣнилась, подвергаясь климатическимъ условіямъ; — вѣками выработались рѣзкіе типы того и другой: мы видимъ лапландца, — чукчу, — самоѣда, — тунгуза и якута съ ихъ остромордыми, косматыми собаками; видимъ чернокожаго негра, коричневаго араба, съ собаками тонкими, поджарыми, полуголыми, привыкшими къ самому страшному зною...... Эта же способность къ борьбѣ съ климатомъ такъ же точно развилась и въ волкѣ, — и этотъ послѣдовалъ за человѣкомъ во всѣ пояса земнаго шара, но послѣдовалъ безъ помощи со стороны послѣдняго, а напротивъ подъ его непрерывными ударами. Человѣкъ преслѣдовалъ волка, — волкъ преслѣдовалъ человѣка; шансы побѣды колеблются то въ ту, то въ другую сторону—и со стыдомъ долженъ сознаться человѣкъ, что до сихъ поръ онъ не смѣетъ еще вполнѣ считать себя побѣдителемъ волка.

Сильныя могучія животныя порабощены человѣкомъ — слонъ, верблюдъ, быкъ, лошадь, овца, свинья, —все стало его рабами, волкъ же совершенно избѣжалъ этого порабощенія; онъ вполнѣ сохранилъ свою волю— и только тамъ человѣкъ можетъ считать себя совершенно покойнымъ, гдѣ ему удастся окончательно истребить этого непокорнаго врага—какъ наприм. въ Англіи, гдѣ главную помощь человѣку оказала опять таки природа, окруживъ ограниченное пространство острова—непроницаемыми для волка тенетами— океаномъ.

Едва только подростутъ и прозрѣютъ молодые щенки — ихъ тотчасъ же ведетъ исхудалая мать на первые уроки хищнаго промысла; кровожадные инстинкты молодыхъ звѣрей развиваются быстро—и только въ томъ развѣ выражается иногда ихъ неопытность, что они не умѣютъ разбирать: по плечу имъ или не по плечу приходится добыча... Впрочемъ все это скоро проходитъ, и годовалый волкъ почти сформировывается для своей боевой, полной всевозможныхъ лишеній, жизни... И вотъ начинается непрерывный военный походъ волка противъ человѣка.

Еще далеко до разсвѣта, темно, холодно. Косой дождь хлещетъ и дробится по сучьямъ деревьевъ, заунывно воетъ вѣтеръ по лѣсу — и въ этомъ дикомъ вытьѣ непогоды вы слышите словно другой живой голосъ. Такъ же уныло, нагоняя страхъ и тоску, воетъ волкъ, присѣвъ по собачьи на заднія лапы, поднявъ кверху свою острую морду. Робко, поджимая на ходу хвостъ—полѣно между заднихъ ногъ—особымъ, характернымъ шагомъ пробирается звѣрь къ жилищамъ человѣка. Вонъ еще изъ-за кустовъ орѣшника выползло что-то сѣрое, блеснуло своими огненными глазами и пристроилось къ первому, — еще мигаютъ въ лѣсу огненныя точки; хриплое вытье усиливается, отъ опушки лѣса тянется цѣлая вереница; гуськомъ другъ за другомъ, словно нанизанные на веревку, бредутъ хищники—и чуютъ въ деревнѣ оробѣвшія собаки вражеское нашествіе.

Тихо, мертво и пусто въ сонной деревнѣ, только вѣтеръ взрываетъ клочки соломы съ низенькихъ крышъ, да хлопаетъ гдѣ-то оторвавшаяся оконная ставня, — всѣ ворота, калитки, клѣти и сараи заперты и задвинуты засовами; «жучки», «шарики» и «валетки» забились, кто куда успѣлъ, и свернувшись въ клубокъ, глухо рычатъ и взвизгиваютъ въ своимъ тревожномъ снѣ. Чу! старый песъ «кудлай» — приподнявъ голову, навостривъ уши, зарычалъ и началъ прислушиваться; онъ даже привсталъ на тѣлегѣ, на которой улегся на ночь, и въ темнотѣ далеко бѣлѣетъ его косматая фигура. Маленькая, приземистая «жучка» выскочила изъ какой-то дыры, повиляла хвостомъ, вскочила тоже на тѣлегу и оскалилась; мало по малу, тамъ и сямъ послышался лай, тявканье и наконецъ дружное собачье вытье.

— Должно волки, дядя Максимъ, говоритъ съ печи сонный голосъ, и слышно какъ вся пятерня усиленно скребетъ ногтями зачесавшуюся поясницу.

— Волки, соглашается зѣвая дядя Максимъ и тоже почесывается.

— Гляди, какъ бы что не напакостили?

— Ничего,—все заперто; собаки тоже чуютъ...

— Намедни у Ермолая лѣсника какого теленка зарѣзали—страсть!

— У тетки Анисьи овцу облапошили... вздыхаетъ изъ темнаго угла бабій голосъ.

Не хочется никому подниматься и вылѣзать изъ подъ теплыхъ тулуповъ на холодъ и вѣтеръ осенней ночи, лежатъ мужики и прислушиваются къ вытью своихъ сторожевыхъ собакъ и къ другому отвѣтному вытью,—тамъ, за тѣми оврагами, гдѣ словно неподвижные столбики торчатъ разбойничьи силуэты.

— Крѣпко живутъ! думаютъ про себя четвероногіе бандиты и медленно начинаютъ свой осторожный обходъ, приглядываясь—не нарвется ли на нихъ черезъ чуръ уже смѣлая собака, не оставлена ли гдѣ нибудь незапертою дверь скотныхъ загоновъ, не бродитъ ли по грязной улицѣ какой нибудь забытый теленокъ.

А собаки все пуще и пуще лаютъ, надрываются, высовывая изъ подворотень свои разношерстыя мордочки.

На широкомъ, привольномъ просторѣ волнистой степи разбросалось, на сколько глазъ хватаетъ, безчисленное овечье стадо... Дробно топочатъ тысячи маленькихъ ножекъ, хруститъ степная трава межь зубами овецъ, лѣниво сопятъ носомъ старые ожирѣвшіе бараны. Дремлютъ чумазые, полуголые пастухи — «чабаны», кто сидя и положивъ голову къ себѣ на колѣна, кто лежа въ растяжку, кто лежа ничкомъ, уткнувшись носомъ въ бараній кожухъ и положивъ подлѣ себя свою длинную, крючковатую палку. Дремлютъ и злые сторожевые псы—овчарки, и высоко-высоко, надъ самою головою, носится плавно въ горячемъ воздухѣ темно-сѣрый ястребъ, выглядывая себѣ какую нибудь подходящую добычу. Все покойно и тихо.

Вдругъ—тревога!... Шарахнулось всторону испуганное стадо и сбилось въ плотную кучу... вскочили на ноги оторопѣлые чабаны, съ неистовымъ лаемъ ринулись привычные псы на выручку. Поздно! Изъ той лощинки, промытой весенними водами, густо поросшей колючкою и степнымъ бурьяномъ, почти незамѣтной съ перваго взгля-

да, вынеслось какое-то животное, врѣзалось въ самую гущу атары, разметало ее во всѣ стороны и снова выскочило на просторъ, волоча съ собою что-то бѣленькое, курчавое, брыгающее ножками.

— Гей! гей! гей!... вопятъ пастухи, науськивая своихъ собакъ, видя какъ воръ съ добычею несется по степи, мелькая межъ кустами; вытаращивъ глаза, смотрятъ бараны вслѣдъ своему погибшему собрату.

— Вѣдь какъ его подкрался, шельма!... замѣчаетъ одинъ пастухъ.

— Годовичка уволокъ, плачетъ полуголый пастушенокъ.

— Дрыхли бы больше! сердито замѣчаетъ старый чабанъ и снова ложится ничкомъ на брюхо—досыпать свой сонъ, прерванный неожиданнымъ нападеніемъ.

Поздній вечеръ; солнце давно уже спустилось за тѣмъ косогоромъ, и почти гаснетъ на западѣ красноватая полоса вечерней зари; морозъ усиливается, и тамъ и сямъ звонко потрескиваетъ верхній слой глубокаго снѣга, подергиваясь ледянымъ налетомъ—«настомъ». Огибая косогоръ, далеко чернѣетъ полоса проѣзжей дороги; далеко синѣютъ мелкія заросли; за ними встаютъ зубчатыя вершины лѣса. Столбъ верстовой одиноко торчитъ у дороги, и не видно досокъ съ цифрами подъ нависшею снѣжною шапкою. Пустынно кругомъ, тихо. Въ сторонѣ, шагахъ въ двадцати отъ дороги, раскинувъ окоченѣвшіе члены, вся покрытая инеемъ, лежитъ палая савраска, и шевелитъ налетѣвшій вѣтеръ ея спутанную, разбросавшуюся по снѣгу гриву. Изъ-за косогора осторожно выглянули двѣ острыя мордочки, повели носомъ, пошевелили короткими ушами, еще подвинулись немного впередъ и сѣли какъ разъ на бугрѣ, рисуясь всею своею фигурою на вечернемъ заревѣ.

А съ другой стороны по дорогѣ скрипятъ и визжатъ на все поле санные полозья—косматая лошаденка полною рысью бѣжитъ, позванивая бубенчиками, прыгаетъ на шеѣ нехитрая крестьянская дуга, и громко кричитъ звонкій бабій голосъ, мѣшая слова пѣсни съ понуканіями. Одна баба, въ нагольномъ тулупѣ, въ мужскихъ рукавицахъ, съ головою обернутою краснымъ платкомъ, привстала на саняхъ-розвальняхъ, помахивая возжами; другая баба, старуха, свернувшись калачикомъ, лежитъ на днѣ саней, на соломѣ, и охаетъ.

Захрапѣла лошадка, шарахнулась всторону, чуть саней не выворотила и попятилась задомъ.

— Ну, ты! падали испужалась! вытягиваетъ ее по спинѣ возжами погонявшая баба, а у самой и духъ захватило, какъ взглянула въ сторону, гдѣ на вершинѣ бугра прибавилась еще третья волчья голова...

— Пронеси, Господь!.. помилуй, Царица небесная! ну, гнѣдой, ну, голубчикъ!...

Подбодрился гнѣдой; хоть и страшно,—да тоже и спинѣ больно, рванулся, прыгнулъ и пошелъ вскачь по дорогѣ, только санками стукаетъ на ухабахъ и чуть держатся за отводы совсѣмъ оробѣвшія бабы.

Кинулись было волки за ними, да раздумали и назадъ вернулись; уже очень, очень звонко бабы кричали отъ страху, такъ что и волкамъ страшно стало...

Поглядѣли бродяги вслѣдъ бѣглецамъ и обступили палаго савраску,—раздумывая: съ какого бы боку начинать удобнѣе?

А вотъ еще картинка.

Знойный полдень. Словно золотое море стелется и волнуется поспѣвшая нива. Красныя головки полеваго мака, синія звѣздочки васильковъ, бѣлая кашка и желтенькіе одуванчики пестрятъ эту массу золота. Знойная мгла дрожитъ въ жаркомъ воздухѣ, и басятъ шмели, перелетая съ колоса на колосъ.

Въ одной рубашкѣ, обливаясь потомъ, согнулась надъ рожью усталая жница; смуглая, рабочая рука дружно взмахиваетъ срѣзанными колосьями; толстые, на диво связанные снопы рядами укладываются, устилая слѣдъ работницы. А та нѣтъ-нѣтъ да пріостановится, поглядитъ черезъ рожь на дорожку, прислушается и опять согнется надъ своею тяжелою работою.

Тамъ, на самой межѣ, въ маленькой ручной повозочкѣ, подъ ситцевымъ, рванымъ пологомъ разметался во снѣ крохотный ребенокъ и сопитъ, высасывая засунутую ему въ ротъ хлѣбную соску. Подъ повозкою кувшинчикъ стоитъ съ квасомъ, краюха хлѣба лежитъ завернутая въ фартукъ; двѣ вороны давно къ хлѣбу подбираются, да пугаетъ ихъ дѣтское сопѣнье и храпъ—а пуще тяжелые мужскіе сапоги, что такъ страшно топорщатся около, сверкая своими подковами.

Пока двѣ бабы жали свою полосу, не было жутко въ полѣ; а тутъ одной понадобилось идти къ селу—коровъ доить,—и вотъ уже часъ какъ она не возвращалась.

По межѣ медленно крадется собака не собака, что-то побольше,—то посмотритъ «оно» вправо, гдѣ бѣлѣютъ рукава жницы, то поглядитъ влѣво, гдѣ виднѣется верхушка дѣтской повозочки.

И не чуетъ тетка Марья, какая бѣда грозитъ ея трехмѣсячному Васькѣ.

Вдругъ, что-то словно подъ сердце кольнуло бѣдную жницу — поднялась она и съ дикимъ крикомъ кинулась къ своему ребенку.

Что-то сѣрое встало на заднія лапки, заглянуло въ повозочку—и затряслась, затрещала повозка, опрокинутая звѣремъ. Страшный, пронзительный дѣтскій крикъ пронесся въ воздухѣ... черезъ минуту только разступаются колосья хлѣбнаго поля, застилая слѣдъ бѣгущаго волка... и видѣла сквозь слезы оцѣпенѣвшая отъ горя Марья, какъ мелькнули на минуту во ржи какія-то цвѣтныя тряпки.

На каждомъ шагу своей разбойничьей жизни волкъ досаждаетъ человѣку; его набѣги принимаютъ иногда серіозный, опустошительный характеръ. Волкъ рѣдко охотится въ одиночку; только старые самцы, отбившіеся отъ своихъ семей, бродятъ одинокіе, озлобленные,—и горе всему живому, что попадется имъ на дорогѣ. Всегда же волки соединяются въ партіи: по три, по четыре, по пяти и болѣе штукъ вмѣстѣ; часто они собираются въ стаи по сту штукъ и болѣе, и тогда они опасны даже вооруженной силѣ людей, одерживая надъ ними верхъ благодаря своей многочисленности. Во время нападенія волки никогда не дѣйствуютъ необдуманно, что называется: зря, — нѣтъ, — они всегда руководятся заранѣе хитросоставленнымъ планомъ атаки. Случается нѣсколькимъ звѣрямъ напасть на лошадь, забредшую далеко отъ стада. Сильныя ноги животнаго представляютъ разбойникамъ не малую опасность; многимъ изъ нихъ приходилось уже подвертываться подъ ударъ сильной, кованой ноги, и они очень хорошо знаютъ средства обороны атакованнаго животнаго. Тогда волки пускаются на хитрость: они забѣгаютъ съ боковъ лошади, ловко увертываются лишь только она поворачивается къ нимъ задомъ, и улучивъ удобную минуту впиваются зубами подъ переднія лопат-

ки, въ пахъ, или за горло; послѣднее, хотя самое вѣрное, не всегда удается, потому что лошадь инстинктивно дер-

Волки. Съ натуры рисовалъ Вейнбергеръ, гравировалъ Ѳ. Герасимовъ.

житъ во время схватки свою голову между передними ногами.

Нападая на быка или корову, волки, наоборотъ, остерегаются передней части животнаго, не безъ причины боясь его острыхъ роговъ.

Гоняясь за мелкими животными, волки раздѣляются даже на отряды, и когда одна партія гонитъ — другая, забѣжавъ впередъ, ложится въ засаду и поджидаетъ, пока ихъ товарищи нагонятъ на нихъ добычу.

Въ холодныя продолжительныя зимы, остервенѣлые отъ голода и разныхъ невзгодъ звѣри становятся до отчаянія смѣлы и не останавливаются даже передъ страшными

выстрѣлами изъ ружей. Не далеко то время, когда этимъ обстоятельствомъ пользовались для устройства великолѣпной, богатой ощущеніями, охоты съ поросенкомъ. Это дѣлалось такъ:

Тройка опытныхъ, сильныхъ лошадей запрягалась въ большія сани, въ которыя садилось человѣкъ шесть стрѣлковъ,—захвативъ съ собою въ мѣшкѣ поросенка. Въ лунную ночь охотники выѣзжали въ поле, гдѣ разсчитывали встрѣтить волковъ—и тутъ принимались терзать бѣднаго плѣнника, теребя его уши и даже покалывая его охотничьимъ ножемъ. Несчастный поросенокъ принимался визжать благимъ матомъ—и этотъ отчаянный вопль, далеко разносясь въ ночномъ морозномъ воздухѣ, привлекалъ вниманіе звѣрей и собиралъ ихъ десятками къ санямъ охотниковъ, подъ выстрѣлы ихъ ружей. Случалось, что вмѣсто того чтобы людямъ охотиться на волковъ — волки начинали охотиться на людей. Забава обращалась въ отчаянный бой за жизнь—остервенѣлые звѣри кидались на сани—горе тому кто вывалится изъ нихъ во время отчаянной скачки: его не спасетъ ни что; онъ будетъ растерзанъ менѣе чѣмъ въ мгновеніе. Лошади, охваченныя смертельнымъ ужасомъ, бьютъ и несутся не разбирая дороги; кучеръ долженъ призвать на помощь всю свою силу и ловкость чтобы не свернуть съ дороги и не повалить саней,—и счастливы стрѣлки, если имъ удастся, измученнымъ физически и морально, добраться до дому по добру и здорову. Въ южной Россіи и Польшѣ охоты подобнаго рода были въ большомъ ходу; понятно, что въ мѣстахъ лѣсныхъ онѣ немыслимы: по пнямъ и кустамъ на тройкѣ не разскачешься.

За то въ лѣсахъ устраиваются охоты не менѣе интересныя: это охоты съ гончими и облавой. Цѣпью загонщиковъ охватывается большой участокъ лѣса—и эта цѣпь, имѣя передъ собою гончихъ собакъ, гонитъ звѣрей на скрытую цѣпь стрѣлковъ охотниковъ.

Намъ помнится подобная охота, устроенная въ колосальныхъ размѣрахъ русскими офицерами начальнику сѣверо-западнаго отряда, генералу Баговуту, въ 1864 году, въ лѣсахъ Волынской губерніи.

Однихъ стрѣлковъ было болѣе ста человѣкъ;—въ цѣпи загонщиковъ участвовало двѣ роты пѣхоты и около полуторы тысячи собранныхъ крестьянъ. Участокъ лѣса, захваченный цѣпью, простирался до восьми верстъ въ длину. Чуть разсвѣло, цѣпь тронулись впередъ, поднимая адскій гулъ по вѣковымъ лѣсамъ Волыни. Крики, свистъ, щелканье палками по стволамъ деревьевъ, бой барабановъ, рожки и даже выстрѣлы слились въ какой-то неясный грохотъ—и эта волна всевозможныхъ звуковъ медленно подвигалась къ затаившимъ духъ стрѣлкамъ. Въ восемь часовъ утра раздался въ цѣпи первый выстрѣлъ—и затѣмъ началась непрерывная пальба по всей линіи. Наблюдатель посторонній, непосвященный въ дѣло, могъ бы смѣло думать, что передъ его глазами происходитъ не охота а цѣлое сраженіе. Только къ двумъ часамъ пополудни прекратился огонь, и охотники начали стягиваться къ сборному пункту. Надо было видѣть эти горы дичи, преимущественно волковъ и дикихъ козъ, нагроможденныя въ ожиданія возовъ изъ м. Порицка. Гомерическую охоту заключилъ не менѣе гомерическій пиръ на свѣжемъ воздухѣ, при свѣтѣ зажженной старой сосны, одиноко стоявшей посреди сборной поляны.

Кромѣ охоты человѣкъ истребляетъ волковъ и другими предательскими способами: ставятъ капканы, въ которыхъ животное завязаетъ своими лапами, роютъ ямы-западни, разбрасываютъ отравленные комочки и употребляютъ еще одинъ положительно-варварскій способъ: берутъ кусокъ китоваго уса, сворачиваютъ его кольцомъ, связываютъ и намочивъ въ водѣ замораживаютъ — потомъ веревки подрѣзаются, покрытый корою льда усъ держится въ такомъ положеніи и намазывается саломъ; эти предательскія колечки разбрасываютъ по лѣсу—и волки, привлеченные запахомъ сала, глотаютъ ихъ. Понятно, въ какихъ страшныхъ мученіяхъ должно погибнуть животное, во внутренностяхъ котораго растаетъ это кольцо.

Кромѣ мести за всѣ пакости, человѣкъ преслѣдуетъ волка изъ-за его теплой шкуры. Шубы, сдѣланныя изъ этого мѣха, хотя тяжелы и не щеголеваты, за то очень теплы и носятся небогатыми людьми, особенно сельскими жителями. Въ дорогахъ зимою, по нашимъ безконечнымъ путямъ, особенно по Сибири, эти мѣха незамѣнимы: подъ теплою волчьею полостью смѣло спитъ путешественникъ при тридцати-градусномъ морозѣ, пока измученная почтовая тройка не довезетъ его до теплой горницы станціоннаго дома.

Старый годъ.

Истекшій годъ не можетъ считаться характеристичнымъ ни въ какомъ отношеніи. Отличающія его событія, несмотря на тщательную группировку ихъ, не представляютъ одного общаго центра, а являются естественнымъ продолженіемъ того, что было завѣщано ему его предшественниками, имѣвшими, какъ оказывается, болѣе опредѣленную окраску. Чтобы возстановить въ памяти читателей главнѣйшія событія прошедшаго года, намъ нѣтъ надобности разсказывать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ,—мы просто намѣтимъ тѣ изъ нихъ, которыя, по нашему мнѣнію, представляютъ ту или другую особенность исторической жизни на Западѣ—и, такимъ образомъ, имѣютъ для нея или положительное, или отрицательное значеніе.

Обозрѣвая событія истекшаго года, мы прежде всего приходимъ къ заключенію, что отсутствіе характеристичности не показываетъ еще недостатка во многихъ изъ нихъ большаго интереса и значенія для современности. Напротивъ того, нѣсколько событій прошедшаго года показываютъ положительный шагъ впередъ по пути развитія культурно-исторической жизни народовъ и, какъ торжество цивилизаціи, представляютъ самый высокій интересъ для образованнаго человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно какъ нибудь иначе отнестись къ такимъ великимъ событіямъ, какъ рѣшеніе различныхъ столкновеній между державами посредствомъ международнаго третейскаго суда? Вмѣсто прежняго кровопролитнаго способа разрѣшенія политическихъ споровъ, двѣ великія державы Стараго и Новаго Свѣта въ прошедшемъ году дважды прибѣгали къ третейскому суду: одинъ разъ по такъ-называемому „Алабамскому вопросу", а другой—по Санъ-Хуанскому. Несмотря на то, что въ обоихъ случаяхъ проиграла одна и та-же сторона (Англія), уваженіе къ новому средству не поколебалось,—и споръ, грозившій принять кровавый оборотъ, сейчасъ-же прекратился, а съ нимъ вмѣстѣ улеглось и всякое неудовольствіе между спорившими сторонами. Но этого мало: примѣру Англіи и Сѣ-

вероамериканскихъ Штатовъ вскорѣ послѣдовали и другія государства, напр. Португалія, которая за разрѣшеніемъ своего спора съ Англіей обращалась къ посредничеству президента французской республики, г-на Тьера. Такой способъ разрѣшенія споровъ и различнаго рода столкновеній между народами представляется самымъ естественнымъ, самымъ разумнымъ и самымъ человѣчнымъ. Вотъ почему, онъ былъ встрѣченъ съ полнымъ сочувствіемъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ міра.

Не меньшее сочувствіе вызвано было исходомъ борьбы свѣтской власти съ духовенствомъ въ нѣкоторыхъ католическихъ и протестантскихъ государствахъ Европы. Борьба эта выразилась въ стремленіи духовныхъ лицъ удержать за собою то особенное положеніе, которое позволяло имъ до сихъ поръ имѣть значительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ странѣ. Духовенство разочло, что, держа въ своихъ рукахъ образованіе народа, оно будетъ имѣть всегда послушное орудіе для всевозможныхъ интригъ, которыя, кромѣ различныхъ нравственныхъ пріобрѣтеній, приносили ему еще и обильныя матерьяльныя блага. Но такое намѣреніе шло въ разрѣзъ съ интересами націи съ одной стороны и интересами свѣтской власти—съ другой; и вотъ, мы присутствуемъ при жестокой нравственной и умственной борьбѣ двухъ половинъ западно-европейскаго населенія, изъ которыхъ одна стремится удержать все въ настоящемъ видѣ, а другая силится разорвать путы, въ продолженіе многихъ вѣковъ сковывавшія лучшія силы и стремленія человѣчества. Рѣшительнѣе другихъ въ этой борьбѣ выказало себя прусское правительство, при помощи палаты и новаго министра народнаго просвѣщенія проведшее законъ объ отдѣленіи школы отъ церкви и о полной независимости первой отъ послѣдней. Но невѣжественное упорство, какъ видно, не имѣетъ предѣловъ, и въ то время какъ почти всѣ державы, уступая духу времени, заявляли желаніе идти по пути развитія и совершенствованія, когда даже въ самомъ католическомъ духовенствѣ явился расколъ и стремленіе идти за вѣкомъ,—папа и окружающіе его отцы-іезуиты не слушаютъ ничего и во что бы то ни стало хотятъ держать человѣчество въ своихъ «непогрѣшимыхъ» рукахъ. Озлобленіе съ той и другой стороны дошло до того, что папа мечетъ направо и налѣво анаѳемы, а правительства нѣкоторыхъ государствъ издаютъ законы объ изгнаніи іезуитовъ и о наложеніи наказаній на тѣхъ изъ духовенства, которые выкажутъ явное сопротивленіе распоряженіямъ свѣтской власти.

Но не со стороны одного только духовенства встрѣчаетъ свѣтская власть противодѣйствіе своимъ прогрессивнымъ стремленіямъ: не мало хлопотъ сдѣлало ей въ этомъ отношеніи и рыцарское сословіе. Правительство въ Пруссіи, какъ извѣстно читателямъ, выработало новый законъ объ устройствѣ округовъ и общинъ на новыхъ началахъ, по которому власть переходитъ въ руки людей, выбираемыхъ отъ всѣхъ сословій. Держась за свои средневѣковыя привиллегіи, рыцарское сословіе не хотѣло принять этого закона; но правительство силою предоставленной ему власти сломило упорство палаты господъ, и законъ объ окружномъ управленіи прошелъ.

Положеніе дѣлъ въ различныхъ государствахъ Европы представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Во Франціи, въ теченіе всего года, шла тяжелая постоянная борьба между партіею республиканскою, поддерживающею Тьера, и между монархистами разныхъ группъ и оттѣнковъ. Благодаря политической ловкости Тьера, ни одна изъ партій до послѣдняго времени не могла взять перевѣсъ надъ другою; вслѣдствіе чего Тьеръ могъ бы разсчитывать на успѣхъ своей политики и въ будущемъ, если бы только не испортила дѣла мнимая дружба его съ партіей крайнихъ республиканцевъ (радикаловъ), вызвавшая извѣстное столкновеніе его съ правой стороной, которая принудила президента сдѣлать ей значительныя уступки и публично отречься отъ всякаго общенія съ радикалами. Положеніе дѣлъ, поэтому, остается все-таки неопредѣленнымъ, и чтобы выйти изъ него—необходимо подождать окончательнаго очищенія нѣмцами французской земли и распущенія нынѣшняго національнаго собранія, которое въ большинствѣ своихъ членовъ относится несочувственно къ республикѣ вообще и къ представителю ея въ частности. Испанскія дѣла, въ сравненіи съ 1871 годомъ, улучшились весьма мало: постоянная смѣна министерствъ показываетъ шаткость правительства и борьбу партій, которая выражается то возстаніемъ карлистовъ, то возстаніемъ республиканцевъ. Вообще, Испанія представляется намъ страною, въ которой, при полномъ невѣжествѣ народа, существуютъ всѣ задатки для опасныхъ взрывовъ и революцій.—Въ сосѣдней съ нею Италіи дѣла ведутся болѣе миролюбивымъ образомъ, хотя вліяніе духовенства вообще и іезуитизма въ особенности здѣсь также замѣтны.—Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ борьба между различными партіями въ Австріи: если въ Пруссіи и Италіи она имѣетъ сословный и отчасти религіозно - политическій характеръ, то въ Австріи она представляетъ характеръ національный,—характеръ, выражающій стремленія венгровъ къ отпаденію отъ Австріи, чеховъ—къ пріобрѣтенію по крайней мѣрѣ тѣхъ правъ, которыми пользуется теперь Венгрія, какъ довольно самостоятельная половина Австрійской имперіи.

Изъ другихъ выдающихся фактовъ политической жизни за прошедшій годъ—укажемъ на свиданіе трехъ императоровъ въ Берлинѣ, и на выборъ Гранта президентомъ республики Сѣвероамериканскихъ Штатовъ, на смерть его соперника, Грили, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Сьюарда и наконецъ на недавнюю кончину бывшаго императора французовъ Наполеона III.

Смѣсь.

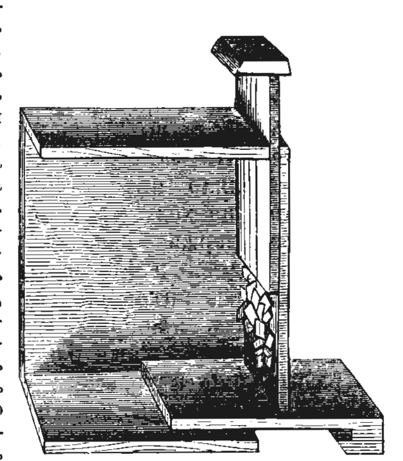
Далматскіе обычаи. Вѣнскія «Юридическія Вѣдомости» передаютъ чрезвычайно интересныя подробности касательно далматскаго обычая похищать невѣстъ, который еще въ полномъ ходу. Мужъ долженъ похитить жену, даже если семейство дало согласіе на бракъ. Онъ долженъ увлечь ее подальше отъ родительскаго дома и подчинить своей власти еще прежде, чѣмъ священникъ благословитъ ихъ союзъ. Затѣмъ похититель и похищенная проводятъ вмѣстѣ часть дня или часть ночи въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ подъ открытымъ небомъ. Тутъ являются родные, застаютъ врасплохъ любящуюся парочку—и или ведутъ ее къ алтарю, или же передаютъ жениха въ другія, менѣе нѣжныя объятія,—въ объятія правосудія, въ случаѣ если онъ похитилъ ее безъ согласія семейства или даже противъ его воли. Въ большей части случаевъ невѣста бываетъ за-одно съ ними—и нерѣдко вся эта продѣлка просто спекуляція со стороны ея родителей или родныхъ, чтобы побудить похитителя или его семейство заплатить имъ извѣстную сумму и тѣмъ избѣжать плохихъ послѣдствій процесса. Это я знаю (пишетъ корреспондентъ) по собственному опыту. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ я присутствовалъ въ Зарѣ при производствѣ одного дѣла, гдѣ мать была уличена въ томъ, что учила дочь поступать такимъ образомъ, чтобъ одинъ богатый крестьянинъ увезъ ее. Но если похищеніе дѣйствительно совершено насильно, то все же между двумя дѣйствующими лицами обыкновенно водворяется очень скоро полное согласіе. Да, цѣлый день или цѣлая ночь, проведенные подъ открытымъ небомъ, безспорно—очень дѣйствительное средство. Когда же появятся родные, пустившіеся тѣмъ временемъ въ погоню за похитите-

лемъ, то обыкновенно находятъ, къ величайшему своему негодованію, что его голова покоится на колѣнахъ похищенной, которая разчесываетъ ему волосы,—знакъ особенной нѣжности у славянъ. Иногда молодымъ людямъ удается умилостивить родныхъ—и получить согласіе на бракъ, въ особенности, если похититель человѣкъ зажиточный. Иногда же происходятъ кровавыя сцены—и мщеніе между семействомъ похитителя и семействомъ похищенной обращается въ «наслѣдственную болѣзнь». До судебнаго разбирательства рѣдко доходитъ—и когда къ нему прибѣгаютъ, то судьямъ приходится, большею частію, имѣть дѣло не съ трагическими, а скорѣе съ комическими случаями, которые подаютъ поводъ къ самымъ забавнымъ сценамъ и эпизодамъ.

Мумія императора Карла V. Нѣтъ ни одного монастыря и ни одного дворца во всемъ свѣтѣ, гдѣ было бы столько реликвій, какъ въ знаменитомъ *Эскуріалѣ*, лежащемъ неподалеку отъ Мадрита. Это мрачное, колоссальное зданіе, состоящее изъ недавно горѣвшаго монастыря *Санъ-Лоренцо-эль-Реале* и соединеннаго съ нимъ королевскаго дворца, построенное въ 1557 г. Филиппомъ II, въ честь св. Лаврентія, въ благодарность за одержанную въ день этого святаго побѣду,—можно назвать громадною, гигантскою могилою. Списокъ сохраняющихся тамъ остатковъ древнихъ временъ составилъ бы цѣлую книгу, потому что ихъ насчитываютъ до 7422, въ томъ числѣ 12 вполнѣ сохранившихся тѣлъ, 144 головы, 306 большихъ частей и 687 меньшихъ, принадлежавшихъ будто бы различнымъ святымъ, и т. д. и т. д. Тамъ показываютъ нѣсколько кусковъ одежды, въ которую былъ одѣтъ Спаситель на Масличной горѣ, и даже нѣсколько принадлежавшихъ Ему *волосъ!* Тамъ хранится нѣсколько щепочекъ отъ тѣхъ яслей, гдѣ Онъ лежалъ ребенкомъ, и даже одинъ изъ принесенныхъ ему восточными мудрецами даровъ; потомъ—тѣло одного изъ убіенныхъ въ Виѳлеемѣ младенцевъ—другой такой же экземпляръ находится въ Валенціи — и даже чаша, надъ которою Спаситель «совершилъ первую обѣдню!» Но вмѣстѣ съ этими свидѣтельствами суевѣрія, въ Эскуріалѣ находятся и *дѣйствительные остатки древнихъ временъ*, на которые нельзя смотрѣть безъ какого-то трепета. Это смертные останки *испанскихъ королей*, сохраняющіеся въ двухъ шагахъ отъ ризницы, въ монастырскихъ склепахъ, въ углубленіяхъ порфировой стѣны. Эта громадная королевская гробница носитъ гордое имя *пантеона*, но ее называютъ также и другимъ ужаснымъ именемъ, —именно: «*el pudridero*» (гнойльня), какъ называютъ испанцы лежащую передъ нею яму, куда ставятся гроба, прежде чѣмъ ихъ замуруютъ въ гробницѣ. Въ этомъ-то мрачномъ зданіи покоится подлѣ Филиппа II и Филиппа III и тотъ, кто былъ когда-то властителемъ Германіи, Франціи, Австріи, Голландіи, Испаніи, Америки и т. д., императоръ Карлъ V, и его мумія пережила уничтоженіе гордаго произведенія его преемниковъ. Испанскій художникъ, *Мартинъ Реко*, видѣлъ и срисовалъ эту мумію на мѣстѣ, и предлагаемый нами рисунокъ—вѣрный фотографическій снимокъ съ этого эскиза, напечатаннаго во французскомъ журналѣ «L'illustration». Хорошо сохранившаяся мумія лежитъ еще въ своей парчевой мантіи, на которой вышитъ германскій орелъ; на головѣ у нея парчевая шапочка, вполнѣ сохранившаяся по истеченіи 300 лѣтъ,—тогда какъ трупъ нѣкогда могущественнаго повелителя міра, во владѣніяхъ котораго не заходило солнце, свидѣтельствуетъ о скоропреходящности всего земнаго.

Мумія императора Карла V.

Сѣверо-американская избирательная урна. Американскія газеты наполнены извѣстіями о выборахъ. Способъ, какимъ одна партія обращается съ другою, совсѣмъ не тотъ что въ Европѣ,—и на обвиненія въ обманѣ, подлогѣ и убійствѣ обѣ стороны одинаково щедры. Это очень неутѣшительное явленіе, и если хоть половина этихъ обвиненій справедлива, то эти выборы очень плохо рекомендуютъ американцевъ въ нравственномъ отношеніи. Въ особенности же возмутительны подлоги насчетъ билетиковъ съ голосами и даже избирательныхъ урнъ, происходившіе въ Пенсильваніи. Тамъ избирательные комитеты устроили такія избирательныя урны, что принятый комитетомъ кандидатъ долженъ былъ непремѣнно получить большинство голосовъ—все равно: было ли дѣйствительное большинство избирателей на сторонѣ его противника или нѣтъ. Мы заимствуемъ изъ одной *американской* газеты изображеніе одной изъ такихъ избирательныхъ урнъ, представляющихся чѣмъ-то въ родѣ волшебнаго снаряда. Урна эта была сдѣлана въ видѣ ящика, двухъ футовъ длины, 14 дюймовъ ширины и одного фута вышины. Внизу кругомъ всего ящика шелъ валикъ; а замокъ на крышкѣ, имѣвшій видъ обыкновеннаго замка и запиравшійся помощію ключа, можно было отпирать еще посредствомъ пружины, которую нужно было придавить съ боку. Но главную-то вещь составляло тутъ то, что дно и одинъ бокъ были двойные—и вторую стѣнку можно было незамѣтно выдвигать. Дѣло въ томъ, что внутри двойной стѣны находилось множество билетиковъ съ именемъ покровительствуемаго комитетомъ кандидата. Положимъ, напр., что онъ назывался Смитомъ, а его соперникъ Брауномъ. Выборы кончились, урна запечатана начальствомъ и должна быть отнесена для открытія въ ратушу. Но члены комитета не увѣрены, осталось ли большинство голосовъ за Смитомъ. Вотъ они и выдвигаютъ такъ, какъ показано на нашей картинкѣ, фальшивое дно и фальшивый бокъ; заготовленные билетики съ имѣнемъ Смита падаютъ къ прочимъ, фальшивыя стѣнки опять вдвигаются, сдѣланная начальствомъ печать не повреждена,—но при открытіи урны оказывается, что Смитъ избранъ сильнымъ большинствомъ голосовъ. Для избѣжанія подобныхъ обмановъ, на послѣднихъ выборахъ было сдѣлано распоряженіе, чтобъ урны приготовлялись изъ стекла.


Избирательная урна.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Дозволено цензурою 5 Января 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 2 1873.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 15 января 1873 года. Годъ IV.

ОБЪ ИЗДАНІИ „НИВЫ“ ВЪ 1873 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ . . 4 р. — к.
,, съ доставкой на домъ по городской почтѣ . . . . 5 ,, — ,,

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . . 4 ,, 50 ,,
,, Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію . . . . 5 ,, 50 ,,

III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію. . . . . 5 р. 50* к.

IV. Заграницею: Въ Германіи и Австріи 8 руб., въ Англіи и Франціи 10 руб , въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ 9 руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи 10 руб. 50 коп., въ Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 12 руб.

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Гг. Иногороднихъ подписчиковъ покорнѣйше просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—**исключительно и прямо** въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдуемыя подписныя деньги 5 р. 50 к. заблаговременно.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

I.

Семейство „стараго пушкаря“

Волосы на головѣ его были коротко острижены, усы — длинные, совсѣмъ сѣдые; брови, тоже почти бѣлыя, нависли надъ глазами и придавали смуглому, изборожденному морщинами лицу суровый, нѣсколько даже сердитый видъ. Онъ былъ высокъ и сухощавъ, походку имѣлъ тяжелую и уже далеко не такую твердую, какъ въ прежніе годы... Онъ подошелъ къ окну, протеръ рукавомъ напотѣвшія стекла, поправилъ въ зубахъ коротенькую трубочку, такъ-называемую «носогрѣйку», и произнесъ:—Гм!... подмораживаетъ къ ночи.

— Что значитъ—дѣло къ зимѣ становится; какіе дни короткіе стали: не успѣли обернуться — накось — уже ночь! произнесла полная, пожилая женщина, накрывая столъ красною камчатною салфеткою. — Петра Михайловича будемъ ждать къ чаю или нѣтъ?

— Еще бы, маменька, что это вы? раздался молодой женскій голосъ изъ сосѣдней комнаты... — Человѣкъ назябся, проголодался, вотъ уже второй день какъ на охотѣ; обѣщалъ быть непремѣнно сегодня къ вечеру... а вы—не ждать...

— Ну-ну, подождемъ. Ишь ты какъ!

Старикъ подмигнулъ глазами за перегородку. Пожилая женщина вздохнула и полѣзла въ шкафикъ за посудою.

— Огонь пора зажигать; а то перебьешь все въ потьмахъ-то. Федорычъ, черкни-ко спичкою.

— Ромку-бы къ чаю не мѣшало.. Оно съ холоду-то первый сортъ, заявилъ старикъ, зажигая спичку и прикрывъ ея ладонью. Онъ лукаво прищурилъ свой под-

слѣповатый глазъ и прищелкнулъ пальцемъ по воротнику своего затасканнаго форменнаго сюртука.

— У маркитанта—ромъ вонъ по два съ полтиною бутылка сталъ! не по карману покупать-то!

— Можетъ прежняго осталось, что изъ Ташкента стрѣлки намъ къ именинамъ прислали?

— Эвось когда хватился!

— Есть, маменька, есть; я сама видѣла внизу, въ поставцѣ, немного а есть, заявилъ голосъ за перегородкою.

— Да ты-то что? вдругъ вспылила маменька.—Для своего Петра Михайловича все откопаешь — послѣднюю рубашку....

— Онъ такой же мой какъ и вашъ! обидилась дочка.

— Какъ и вашъ! ворчала маменька—и сердито, съ нескрываемой досадою, поставила на столъ подносъ съ чашками, такъ что на немъ запрыгала и зазвенѣла разнокалиберная чайная посуда.

— Расходилась старуха! засмѣялся усатый старикъ и сталъ бережно перелистывать пожелтѣлыя страницы ветхаго календаря, чуть ли не тридцатыхъ годовъ, отыскивая себѣ для чтенія что нибудь поинтереснѣе.

— Да что, право, въ самомъ дѣлѣ! тоже жалованье получаетъ неменьше нашего... могъ-бы когда нибудь... нухоть бы что по хозяйству...

— Онъ же таскаетъ къ намъ всякой дичи; мало что-ли? Вотъ на прошлой недѣли кабана привезли... вчера вотъ прислалъ...

— Еще бы недоставало этого! Неужели же намъ эту дрянь, прости Господи, покупать, когда свой охотникъ...

— То-то вотъ, маменька; теперь вы сами говорите—свой.

— А то нѣтъ? я не къ тому чтобы какъ понимаю иначе...

— Ну-ну-завирайся!..предостерегъ старикъ.

— Да какъ же — сами знаете: если не па охотѣ, гдѣ Петръ Михайлычъ? у насъ,—гдѣ обѣдаетъ? у насъ,—чай пьетъ? опять же у насъ — только развѣ не ночуетъ... Да и то разъ, вонъ на томъ диванѣ.... Казначейша приходила—видѣла.. просто страмъ!.. что могутъ подумать! Ужь и такъ пошли толки.

— А ты, матушка, не слушай, что говорятъ...

— И рада бы не слушать... Да не затыкать же себѣ уши пальцами! Пойдетъ слава не хорошая. Другой бы и радъ какъ слѣдуетъ подъ вѣнецъ—да послушаетъ и раздумаетъ...

— Эхъ, надоѣла ты мнѣ... Ну что ты мелишь?.. Кто насъ знаетъ, тотъ худо не подумаетъ,—а кто не знаетъ, до тѣхъ мнѣ и дѣла нѣтъ... Наташа у насъ дѣвушка рабочая—добрая... да по нашему положенію ей отъ хорошихъ жениховъ отбою не будетъ! Да къ тому-же, я такъ полагаю, старикъ понизилъ голосъ,—она уже себѣ намѣтила.. Чтожъ! я не прочь... онъ мнѣ тоже по душѣ.

— Добра не видали! хорошъ женихъ!.. ни за собою ни передъ собою—а въ чинѣ-то и не говори, чуть-чуть отъ солдатъ отошелъ. Нѣтъ, ей нужно не такого.

— Какого-же?

— Да ужь я не знаю какого.. а кое что другое знаю.

— Что же такое?

Старикъ заложилъ пальцемъ то мѣсто въ книгѣ, на которомъ остановился,—и пытливо посмотрѣлъ на свою жену.

— Шубу кунью показывалъ, — серебра на двадцать четыре персоны, свой экипажъ, да еще два, говорила маменька, равнодушно перетирая чашки,—«жениться, говоритъ, собираюсь... уже и невѣсту себѣ подыскалъ, да не знаю какъ къ дѣлу приступить».....Самъ говоритъ, а на меня такъ понятливо смотритъ—что я сразу вижу къ чему рѣчь идетъ...

— Понимаю я самъ, про кого ты говоришь. Ну, дальше.

— А я ему говорю: «чтожъ дѣйствуйте смѣлѣе. Вамъ, я полагаю, отказа не будетъ: вы въ такомъ чинѣ и при мѣстѣ».

— Да, въ маіоры произвели.. задумчиво произнесъ старикъ,—везетъ же людямъ счастье!..

— «Вы, говорю, знакомы съ вашею, что намѣтили?».. «Знакомъ, говоритъ,—два раза былъ».. Помнишь, онъ у насъ на Святой былъ съ визитомъ, а потомъ на прошлой недѣли заѣзжалъ, еще обѣдать у насъ остался..

— Ну, помню...

— «Зайдите еще разъ, говорю, пріймутъ васъ ласково... а вы подарочекъ хорошій приготовьте...

— Ну, это ты напрасно...

Во время этого діалога, въ дверяхъ перегородки показалась высокая, стройная дѣвушка въ сѣромъ ситцевомъ платьѣ и стала, не спуская глазъ съ своей маменьки.

— Ну, будетъ схватка!... пробормоталъ старикъ и поспѣшилъ углубиться въ чтеніе...

— Ужь очень вы, маменька, нынче падки на подарки стали! произнесла дѣвушка. — На чужихъ въ претензіи, что меня словомъ порочатъ, а сами хуже другихъ...

— Молчи, Наташа, молчи!

— Что молчать, я знаю что говорю.

— То то и есть, что очень много знаешь!

— Маменька!

— Я какъ разсержусь—себя не помню.

— Ну, да ты и заправду дурить начинаешь, приподнялся старикъ со стула..

— А тебѣ-то что? напустилась теперь уже на него вспылившая маменька.

— Ничего!.. старикъ снова медленно опустился на стулъ и началъ перелистывать книгу.

Дѣвушка прошла быстро черезъ комнату и вышла въ сѣни. Она накинула на голову большой черной платокъ и оперлась на перила высокаго крыльца. Она пристально начала всматриваться въ темноту и прислушиваться.

На дворѣ было совсѣмъ темно; окошки чиназскихъ домиковъ рисовались яркими четыреугольниками. Вдали стояло красное зарево отъ кестровъ на солдатскихъ кухняхъ, расположенныхъ на берегу рѣки; на этомъ пожарномъ фонѣ виднѣлись темные углы крѣпостныхъ стѣнъ и прямая черточка сигнальной мачты. Съ туземнаго базара доносились крики, пьяные голоса, пѣсни и звуки какого-то страннаго инструмента. Два полупьяныхъ матроса и между ними солдатъ линеецъ—шли самою серединою улицы, шлепая по густой грязи своими сапогами и во все горло орали какую-то пѣсню; темная фигура верховаго прошмыгнула мимо самаго крыльца, проскрипѣли высокія колеса туземной арбы... У самыхъ воротъ, подъ навѣсомъ, деньщикъ-солдатъ ставилъ самоваръ: слышно было усиленное пыхтеніе; вздутыя щеки и щетинистые усы ярко освѣщались изъ жерла самоварной трубы, всякій разъ когда деньщикъ нагибался и дулъ во всю силу своихъ богатырскихъ легкихъ; красныя искры летѣли во всѣ стороны и шипя гасли, падая на мокрую землю.

— Петя, ты?... тихо произнесла Наташа и почувствовала, что кровь прихлынула къ ея лицу.

— Федотъ да не тотъ, замѣялся какой-то пѣшеходъ, поровнявшись съ крыльцомъ.

— Извините, произнесла дѣвушка смущеннымъ тономъ.

— Ничего-съ.

Пѣшеходъ пошелъ дальше, придерживаясь поближе къ стѣнкамъ заборовъ, гдѣ было посуше.

Далеко, за тою бѣлою полосою тумана, что стояла надъ Сыръ-Дарьею, чуть слышались неясные крики.

— Чу! перевозу требуютъ, приподнялъ голову солдатъ, ставившій самоваръ.

— То должно быть наши, Никита? спросила его дѣвушка, нагнувшись черезъ перила.

— Нашимъ бы не должно быть: хотѣли на «Чирчикѣ» охотиться; развѣ гдѣ выше на тотъ берегъ перебрались...

— Вотъ уже второй день... начала дѣвушка.

— Пріѣдутъ!... утѣшилъ ея солдатъ. — Гляди, барышня, какихъ тебя поросятъ привезутъ; а можетъ, гляди, тигра ухлопаютъ!

Наташѣ стало холодно; она передернула плечиками подъ своимъ платкомъ, зѣвнула и вошла въ комнату.

— Ну, дождалась?... спросила мать. — Ишь, зубъ на зубъ не попадаетъ. Пей чай!

— Холодно! лаконически отвѣчала Наташа, сѣла поближе къ отцу, въ темномъ уголкѣ, и задумалась.

Медленно взглянулъ на нее старикъ, медленно поднялъ худощавую руку и ласково, мягко погладилъ по головѣ свою дочку.

Въ сосѣдней комнатѣ захрипѣли часы и приготовились бить; подъ диваномъ заворошилась старая собака, громко зѣвнула и вылѣзла, потягиваясь и махая облѣзлымъ хвостомъ. Всѣ притихли.

II.

Въ камышахъ.

Нѣсколько хохлатыхъ утокъ съ шумомъ снялись съ мутной, пѣнистой поверхности воды, и хлопая крыльями понеслись наискось черезъ отмели, къ камышамъ противуположнаго берега. Эти птицы до сихъ поръ спокойно плавали и ныряли въ густыхъ заросляхъ—и вдругъ испустивъ тревожный, испуганный крикъ, быстро поднялись на воздухъ; высокіе, пожелтѣлые стебли камыша медленно колебались, потревоженные этимъ стремительнымъ полетомъ. По мѣрѣ того какъ успокоивалось движеніе камыша въ этомъ мѣстѣ,—въ другомъ, нѣсколько подальше, такое же движеніе замѣтно усиливалось и усиливалось. По временамъ слышался какой-то странный всплескъ и шелестъ и даже усиленное дыханіе чего-то живаго. Высокія метелки волновались, раздвигаясь и уступая дорогу какому-то плывущему тѣлу. Этотъ-то странный шумъ и взбудоражилъ такъ мирное утиное общество, побезпокоивъ кстати и ту длинноногую цаплю, что до сихъ поръ стояла на одной ногѣ, спрятавъ подъ пепельное крыло свою носатую голову.

Вонъ между пушистыми метелками камыша мелькнулъ красный верхъ лисьей шапки, блеснули стволы ружья,—показался верблюжій кафтанъ другаго пловца, за нимъ желтѣлъ дубленый, русскій полушубокъ третьяго. Пловцы медленно подвигались впередъ, протискиваясь сквозь чащу и упираясь въ дно длинными жердями. Невозможно было разобрать сразу, на какомъ это суднѣ они совершаютъ свое путешествіе—и путешествіе должно быть весьма трудное, судя по тому, что они, обливаясь потомъ, съ трудомъ переводя дыханіе, поминутно подбодряли другъ друга разнообразными междометіями, возбуждая остывающую энергію.

— Ну еще наддай! ну еще!... говорилъ дубленый тулупъ.

— Правую сторону береги, тамъ засядемъ!.. кряхтѣла лисья шапка, упираясь всею грудью на жердь и покраснѣвъ до ушей отъ страшнаго усилья.

— Стой, завязли! отчаявался опять дубленый тулупъ.

— Погоди, говорилъ нерусскимъ акцентомъ верблюжій халатъ.—Переползай всѣ сюда, передъ и подниметея... Не съ разу—опрокинете!... Легче!... Ну, напирай!...

— Тронулся!...

— Идетъ, идетъ!. .

— Фу ты, инда въ жаръ кинуло! чуть не подмочилъ патронташъ! «Діанка», сиди смирно, каналья!

— Еще два три удара—на просторъ выберемся. Вонъ виднѣется открытая вода.

— Упрись вонъ въ ту кочку. Такъ!...

— Еще хорошо, что намъ теченье помогаетъ! а если бы напротивъ—низачто не выбраться бы изъ этой проклятой чащи.

— Да ну, «Кадо», не вертись, дьяволъ тебя побери! чуть не полетѣлъ изъ за него...

Собака, которой дали порядочнаго пинка, завизжала.

— Не надо шайтана поминать, внушительно замѣтилъ верблюжій халатъ.—Мѣсто нехорошее; ты вонъ сказалъ, а онъ можетъ быть подъ нами сидитъ въ тинѣ...

— Это онъ можетъ и задерживаетъ нашъ плотъ рогами? засмѣялась лисья шапка.—Чего добраго!

— Не надо... оставь...

— Зажги-ко спичку: сигара потухла.

На просторъ широкой Сыръ-Дарьи, изъ густо-заросшаго безъимяннаго притока выбрался небольшой плотъ. Плотъ этотъ былъ кое-какъ связанъ изъ сноповъ камыша, сплоченныхъ попарно; онъ довольно устойчиво держался на водѣ, хотя почти все время кружился, уступая всѣмъ капризамъ прихотливаго теченія.

Подобные плоты въ большомъ употребленіи между прибрежными жителями, ихъ обыкновенно называютъ «Саллы». Коль скоро какой нибудь туземецъ найдетъ возможность сбыть кое-что изъ своего хозяйства на чиназскомъ базарѣ, онъ связываетъ десятка два камышевыхъ сноповъ, покрываетъ ихъ соломою, складываетъ на эту солому свой товаръ, садится самъ сверху и, совершивъ напутственный намазъ (молитву), смѣло пускается внизъ по рѣкѣ, довѣряясь теченію. Случается, что этакихъ «саллы» собирается разомъ десятка три и больше—и странно бываетъ смотрѣть на эту оригинальную флотилію, медленно подвигающуюся между пустынными, густо заросшими берегами. Дикое, заунывное пѣніе стелется надъ волнами; пугливо хрюкаютъ свиньи въ камышахъ, завидѣвъ плывущихъ; глухо рычитъ тигръ, припавъ между кочками и косясь на пловцовъ своими злыми полузакрытыми глазами; большими, концентрическими кругами расходятся на поверхности рыбьи всплески—и пронзительно, металлически кричатъ въ воздухѣ бѣлыя чайки, то спускаясь къ самой водѣ, то разомъ взлетая на страшную высоту, гдѣ ихъ бѣлое, ярко сверкающее брюшко совершенно исчезаетъ изъ глазъ пловца, глядящаго изъ подъ своего косматаго малахая (родъ шапки).

На нашемъ «Саллы» сидѣло, какъ я уже сказалъ, три человѣка: двое русскихъ и одинъ туземецъ. По ихъ костюмамъ, по оружію и прочимъ принадлежностямъ, наконецъ по собакамъ,—которыя, вѣроятно привыкши къ подобнымъ плаваніямъ, спокойно наблюдали своими умными глазами водную поверхность,—можно было догадаться, что промыселъ этихъ людей главнымъ образомъ—охота.

Едва только плотъ вытянулся на открытое мѣсто, какъ его тотчасъ же подхватило среднимъ теченіемъ «Дарьи».

Вся эта спутанная, безобразная масса камыша быстро закружилась и понеслась къ отмелямъ. Было очень глубоко, и шесты не доставали илистаго дна рѣки. Пробовали гресть какъ веслами,—справились было—и снова уступили вращающей силѣ теченія. Собаки завыли, пловцы крѣпко держались за выдающіеся снопы.

Охотникъ въ лисьей шапкѣ зорко приглядывался къ пѣнистой чертѣ береговаго прибоя.

— Я говорилъ, произнесъ онъ,—надо было выше выбираться; теперь насъ верстъ за десять снесетъ. Потомъ опять какой крюкъ прійдется сдѣлать, чтобъ снова на «Тузь-куль» выбраться!

— Хорошо колибъ снесло подальше, а то...

— Что?...

— Смотри впередъ: на отмели прямо!...

— А ну, пробуй: досталъ дна?

— Есть.

— Держи, упрись!...

Плотъ дрогнулъ и закачался на одномъ мѣстѣ. Вертлявая Діанка свалилась въ воду, завизжала и принялась карабкаться; верблюжій халатъ перегнулся и поймалъ собаку за ошейникъ, та влѣзла и начала отряхиваться, обдавая всѣхъ мелкими брызгами. Послышался трескъ. Шестъ, которымъ упирался въ дно одинъ изъ охотниковъ, не выдержалъ напора и переломился. Весь плотъ словно подкинуло кверху, онъ скакнулъ впередъ, уперся «головою» въ песчаный наносъ и запрыгалъ на мѣстѣ, разрываемый напоромъ теченія.

— Ссаживай, ссаживай!... крикнули разомъ три голоса.

Почти въ одно мгновеніе, всѣ были въ водѣ, забросивъ ружья за спину. Собаки принялись усиленно выть, поднявъ кверху морды, едва держась на сильно колыхающемся плоту.

— Патроны береги пуще всего... ахъ, скверно!

— Ничего, справимся.

— Какое «справимся», когда «его» весь растрепало!..

Дѣйствительно, засѣвшія на отмели Саллы находились въ самомъ плачевномъ положеніи; нѣсколько сноповъ оторвались и поплыли по теченію; сумка съ провизіей пошла было ко дну, но ее успѣлъ во время подхватить охотникъ въ тулупѣ.

— Послѣ такого милаго купанья рискованно остаться безъ глотка водки, произнесъ онъ, перебрасывая себѣ черезъ плечо ремень спасенной сумки.

Придерживаясь за остатки плота, охотники разстегнули пояса съ патронташами и привѣсили ихъ на стволы своихъ ружей; такимъ образомъ заряды и порохъ были предохранены отъ подмочки. Въ томъ пунктѣ, гдѣ находились потерпѣвшіе крушеніе, вода была очень мелка и едва только достигала раструбовъ ихъ охотничьихъ сапоговъ.

— Ну-съ, такъ какъ же дальше-то? первый заговорилъ дубленый тулупъ.

— Судя по этой извилистой ряби, указалъ охотникъ въ лисьей шапкѣ,—мы можемъ добраться вбродъ вонъ къ тому мѣсту,—видите, выдался мысокъ? А тамъ и до берега не далеко.

Дѣйствительно, вся отмель сквозила желтоватою полосою; надъ нею водная поверхность была покрыта мелкою рябью, между тѣмъ въ глубокихъ мѣстахъ вздымались довольно крупныя, послѣдовательныя волны.

Собаки спрыгнули съ мелкихъ остатковъ растрепавшагося плота и поплыли къ берегу. Охотники потянулись вбродъ, другъ за другомъ; быстрое теченіе сбивало ихъ съ ногъ и они принуждены были держаться взаимно за пояса. Впереди всѣхъ брелъ охотникъ въ лисьей шапкѣ, сзади туземецъ.

— Брр!.. просто подъ ложечку колетъ—какъ холодно!.. замѣтилъ дубленый тулупъ,—хорошо еще что я не прозѣвалъ нашу сумку.

— За это тебѣ первый глотокъ, процѣдилъ сквозь зубы путеводитель.

— Яманъ... Суокъ!... *) стоналъ верблюжій халатъ.

— Будетъ тебѣ «суокъ»!.. шутка ли, купанье въ декабрѣ мѣсяцѣ.....

— Ухъ! словно глубже стало!...

— Въ яму попалъ...

— Смотри, смотри; тамъ что-то не ладно!...

— «Валетъ» «Діана»... ну, впередъ... пиль!...

Собаки, добравшіяся уже до камышей, вдругъ стремительно ринулись назадъ къ охотникамъ—и съ пугливымъ лаемъ, почти вытьемъ, оглядывались на неподвижную стѣну береговыхъ зарослей. Шаговъ двадцать не болѣе оставалось до берега; охотники миновали уже быстрину, и вода была почти покойна. Вязкій илъ смѣнилъ крупный песокъ отмели, и между ногъ путались слизистые, темнобурые стебли водяныхъ растеній.

— Стой! осмотри замки!... распорядился охотникъ въ лисьей шапкѣ.

Ружейные курки начали тихо щелкать; капсюли были перемѣнены. Собаки вплотную жались къ охотникамъ, не переставая выть.

— Кажется, что намъ придется брать берегъ штурмомъ.

— Я ничего не вижу.

— Я самъ ничего не вижу... Охотникъ въ лисьей шапкѣ крѣпко стиснулъ свою двустволку.—Я самъ ничего не вижу, повторилъ онъ,—но потому-то и говорю, что опасно: «онъ» не такой дуракъ, чтобъ раньше показаться чѣмъ слѣдуетъ.

— Я знаю только, что если эта «каналья» продердержитъ насъ еще хоть пять минутъ въ водѣ, то...

— Тс!... теперь видишь?

— Шайтанъ... бормоталъ верблюжій халатъ.

— Молчи, шутъ тебя дери!

Камыши сильно заколыхались. Послышался громкій шелестъ и глухое хрюканье.

— Кабаны! прошепталъ нагольный тулупъ.

— Тише... они пришли къ намъ на выручку.

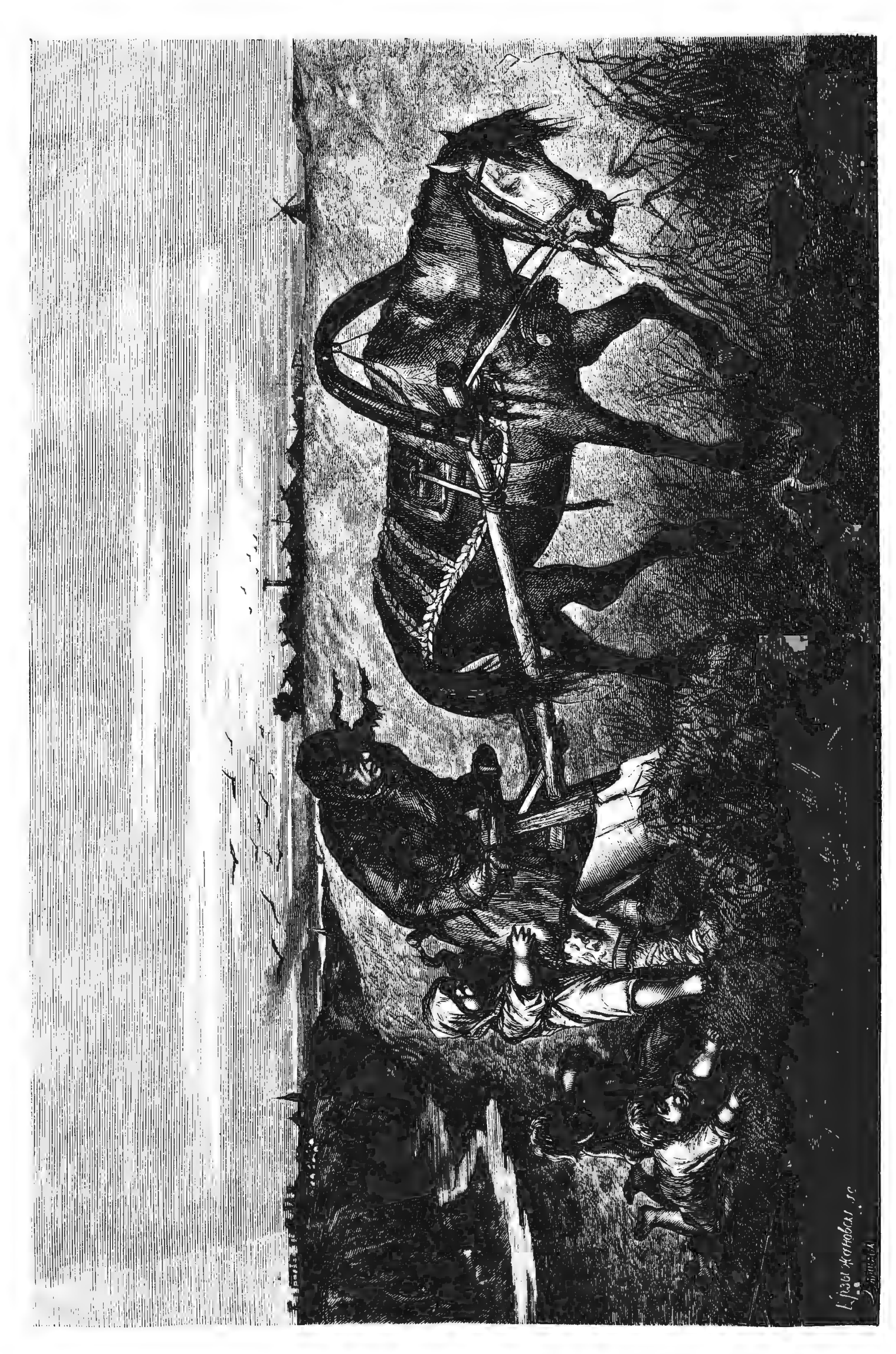
Какія-то двѣ черныя массы, прокладывая себѣ дорогу, приближались къ водѣ; онѣ поминутно проваливались между кочекъ—и слышно было, какъ онѣ съ трудомъ вытаскивали изъ топкой грязи свои ноги. Переднее животное совсѣмъ показалось на виду: длинная черная морда, съ торчащими врозь ушами, испуганно захрюкала и, прищуривъ глаза, глядѣла на людей, что стояли въ водѣ. Вѣроятно, кабанъ никакъ не разсчитывалъ на эту встрѣчу. Ярко сверкали четырехвершковые клыки животнаго, которое медленно принялось пятиться назадъ, косясь на воющихъ собакъ. Дубленый тулупъ вскинулъ ружье и готовъ былъ спустить курокъ, но вдругъ почувствовалъ, что его оружіе было отведено въ сторону; онъ изумленно посмотрѣлъ на охотника въ лисьей шапкѣ,—тотъ смотрѣлъ совсѣмъ въ другую сторону, не отнимая руки отъ его ружья.

— Что ты?!

— Не глупи!... шептала лисья шапка. — Стрѣлять прійдется по чему либо другому...

— Кабаны уходятъ!

*) Дурно!.. холодно!



Крестьянская вдова. Композиція Н. Коверзнева, грав. Крыжановскій.

— Великъ Аллахъ!... началъ шептать верблюжій халатъ и не успѣлъ кончить...

Страшный ревъ покрылъ все. Громадный, старый тигръ вылетѣлъ изъ камышей. Всѣмъ показалось, что высоко въ воздухѣ протянулось это длинное, полосатое тѣло; всѣ четыре лапы были почти крестообразно раскинуты въ стороны; хвостъ, напряженно вытянутый, дрожалъ; широкіе, бѣлые бакенбарды животнаго придавали его головѣ оригинально-страшный видъ. Пронзительно завизжалъ кабанъ, придавленный къ землѣ тигромъ... онъ судорожно бился и зарывался мордою въ грязь, брыкался ногами, рвался. Комья, илу, грязи, стебли и цѣлые корни камыша летѣли въ воздухъ...

Тяжело упираясь задними лапами, перегнувшись дугою, вцѣпившись зубами въ загривокъ кабана, тигръ поволокъ добычу въ глубину чащи... Пронзительный визгъ пойманнаго животнаго смѣнился храпѣніемъ; взбудораженные, обрызганные кровью стебли камыша волновались, успокоиваясь мало-по-малу.

— Я умру... у меня не хватаетъ терпѣнія... у меня сердце замерзаетъ!.. стоналъ нагольный тулупъ.

— Ну, теперь впередъ! Теперь онъ его затащитъ отсюда далеко, а насъ оставитъ въ покоѣ... Гайда!... (пошелъ).

Собаки выбрались уже на берегъ и обнюхивали окровавленное мѣсто страшной борьбы.

— Совѣтую прежде всего снять сапоги долой и вылить изъ нихъ воду, предложилъ охотникъ въ лисьей шапкѣ, и тотчасъ же подтвердилъ свой совѣтъ примѣромъ.

Всѣ принялись переобуваться.

— Теперь намъ надо выбрать мѣсто посуше и разложить огонь.

— Огонь... какое чудное слово! мнѣ кажется, оно одно способно согрѣвать.

— Толкуй!.. Вотъ тутъ будетъ не дурно.

Верблюжій халатъ уже кряхтѣлъ и надсаживался, срѣзывая своимъ туземнымъ ножемъ пучки камыша.

— А пока мы воспользуемся вѣтромъ и разчистимъ себѣ мѣстечко!.. Охотникъ снялъ шапку, порылся за ея отворотомъ и отыскалъ тамъ жестяную коробку со спичками; потомъ онъ акуратно сложилъ пучекъ сухихъ стеблей, перегнулъ его пополамъ и зажегъ; черезъ минуту, подожженные снизу густые кусты камыша и тальника быстро разгорались, охвативъ полукругомъ тѣсное пространство занятое охотниками. Густой черный дымъ потянуло по вѣтру.

— Пошла потѣха! говорилъ охотникъ потирая руки и глядя, какъ въ этомъ черномъ дыму извивались красные языки пламени.

— А теперь за дѣло!.. Ну, гдѣ твоя спасенная сумка?

— Спасенная и вмѣстѣ съ тѣмъ спасительная... вотъ она, вотъ! будемъ пить прямо изъ горлышка. Душа мѣру знаетъ! кому начинать?

— Огонь понесло какъ разъ въ ту сторону, куда ушелъ тигръ. Мы, значитъ, пока удалили это несовсѣмъ пріятное сосѣдство. Эй, Бабаджакъ, чтоже ты съ костромъ копаешься? Да, кстати, изжарь-ка намъ шашлыкъ изъ своей Діанки!

— Зачѣмъ изъ Діанки? Діанка—собака; у меня баранина есть не много, отозвался верблюжій халатъ, хлопоча около костра, начинавшаго уже разгораться...

Первымъ дѣломъ—охотники позаботились о томъ, чтобы высушить свое нижнее платье и обувь... Всѣ непріятности неудачной переправы черезъ «Дарью» были забыты подъ вліяніемъ животворной теплоты костра, а главное, водки...Собаки, свернувшись клубкомъ, спали и взвизгивали во снѣ... Мало по малу темнѣло и на прояснѣвшемъ небѣ кое-гдѣ замигали звѣзды. Къ ночи начинало морозить.

— Господа, началъ охотникъ въ лисьей шапкѣ, — вотъ мое предложеніе: мы сегодня не доберемся до «Уллаева аула», а потому не лучше ли ночевать здѣсь?..

— Мнѣ все равно, согласился тулупъ.

— Затѣмъ, мы на разсвѣтѣ пройдемъ всѣми затонами, пошаримъ по камышамъ и къ вечеру вернемся на курганы, а тамъ уже до Чиназа рукой подать.

— Еще бы! въ ясную погоду таловое дерево видно, что стоитъ у пароходной пристани.

— Ну, такъ вотъ;—сторожить будемъ по очереди, я пожалуй начну. Огонь всю ночь поддерживать.

— Я уже сплю... произнесъ Бабаджакъ, завертываясь съ головою въ свой халатъ,—Діанка сюда!...онъ приподнялъ полу халата.—Все теплѣе будетъ.

— А мнѣ что-то спать не хочется, говорилъ нагольный тулупъ,—а впрочемъ...

Онъ тоже свернулся подъ своимъ тулупомъ и притихъ.

Охотникъ въ лисьей шапкѣ подкинулъ въ огонь еще вязанку тростника, пододвинулся поближе, положилъ къ себѣ на колѣна свое оружіе и задумался.

Черезъ минуту слышно было двойное усиленное храпѣніе, которому акомпанировалъ трескъ горящаго камыша и тихіе далекіе всплески береговаго прибоя...

(Продолженіе будетъ).

Крестьянская вдова.

Быстро летитъ въ деревняхъ красное лѣто. Не успѣешь оглянуться, какъ уже іюль мѣсяцъ перешелъ за половину. Рожь почти-что готова, да и овесъ тоже начинаетъ желтѣть. Не то хлѣбъ убирать, не то метать землю подъ рожь. У добрыхъ хозяевъ, пожалуй, не только-что взметано, но уже и передвоено *). Хорошо, коли въ семьѣ много рукъ, да и тутъ-то приходится подчасъ куда тяжело, не даромъ этотъ періодъ времени называется страдой. Не успѣли управиться съ покосомъ, какъ приходится косить,—а когда Господь пошлетъ обильный урожай, то и жать рожь. Чтобы сжать въ день одну тридцатную десятину хорошей ржи, надо отъ шести до десяти серповъ; а какъ отъ жара земли, отъ обильныхъ дождей и отъ налива зерна, рожь поляжетъ и повьется травами, тогда двадцать и болѣе жницъ едва въ состояніи управиться. А зной между тѣмъ нестерпимый; бѣдная баба выбивается изъ силъ—и счастье еще ея, если у нея нѣтъ груднаго ребенка, который то и знай что надрываетъ ей сердце своими жалобными, безпомощными криками. За рожью слѣдуетъ овесъ, а тамъ—гляди—и горохъ готовъ, и греча совсѣмъ потемнѣла, пожалуй перезрѣетъ и зерно осыплется. За то и радуется же крестьянское сердце, когда

«Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

* *
*

*) Въ первый разъ пахать землю называется метать, во второй—двоить, въ третій—троить.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы» *).

На селѣ отъ ранняго утра и до поздней ночи слышится стукъ цѣповъ; всякому хочется поскорѣе отвѣдать новаго хлѣба. Затѣваются свадьбы: кто сына женитъ, кто дочь выдаетъ; а кто собирается въ городъ — продать возикъ-другой уже обмолоченнаго зерна для покрытія необходимыхъ издержекъ. Да, какъ ни сурова подъ часъ доля крестьянина, но все же она не лишена тѣхъ чистыхъ свѣтлыхъ радостей, какія влечетъ за собою трудъ. Только долго-долго придется ждать этихъ радостей бѣдной крестьянской вдовѣ! Больно и смотрѣть-то, съ какимъ безотраднымъ видомъ пашетъ она свою убогую пашню! Пахать-то ей не привыкать стать—землицы-то у нихъ въ деревнѣ не Богъ знаетъ сколько, вотъ когда мужья уйдутъ на болѣе выгодные промыслы, жены и пашутъ; но тяжело пахать въ сопровожденіи тѣхъ спутниковъ, которые изображены на прилагаемой при этомъ картинкѣ, — трехъ ребятишекъ малъ-мала меньше, изъ которыхъ одинъ съ воплемъ цѣпляется за полы ея кафтана, другой плачетъ, уставши ходить за нею, а третій ползкомъ силится нагнать ее. Но эти-то спутники еще куда бы ни шли! а вотъ что подѣлаешь съ другими — горькими думами, которыя положили неизгладимый слѣдъ на ея измученное и огрубѣлое отъ непосильной работы лицо?

«Умеръ, не дожилъ ты вѣку»,

думаетъ она,

«Умеръ и въ землю зарытъ!

* *
*

Любо весной человѣку,
Солнышко ярко горитъ.
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просятъ косы.

* *
*

«Рано я, горькая, встала,
Дома не ѣла, съ собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утромъ косить я пошла...

* *
*

«Крѣпче вы, ноженьки, стойте!
Бѣлыя руки не ноите!
Надо одной поспѣвать!

* *
*

«Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,
Стану я милаго звать!

* *
*

«Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сѣно убрала?
Прямо ли стоги сметала?...
Я на грабляхъ отдыхала
Всѣ сѣнокосные дни!

* *
*

«Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разумъ наставить....» *).

Въ какой степени удалось нашему художнику воспроизвести эту безотрадную сторону деревенской жизни—преставляемъ судить самимъ читателямъ.

Старый судъ.

(разсказъ слѣдователя).

А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

— Ну, вотъ! — саркастически возразилъ становой, — вы хотите, чтобы нашъ русскій мужикъ сразу сознался?.. Обыкновенно: знать—не знаю, вѣдать—не вѣдаю... Но улики противъ него всѣ на лицо: есть свидѣтели и собственное его сознаніе, какъ онъ за два дня до происшествія похвалялся въ питейномъ домѣ убить Медвѣдкина; на бѣльѣ его найдены обильные потеки крови, и въ ночь совершенія преступленія онъ неизвѣстно гдѣ находился. Когда поутру увидѣли трупъ Медвѣдкина, то Тарасова въ деревнѣ не нашли, онъ убѣжалъ; но, какъ на него падало подозрѣніе, то по моей просьбѣ управляющій тотчасъ разослалъ за нимъ въ разные концы погоню—и Тарасовъ былъ пойманъ, верстахъ уже въ пятнадцати отъ Кондюровки...

— Что же показываетъ въ свое оправданіе Тарасовъ? предложилъ я становому вопросъ.

— Да, вздоръ разный! Чуть не небылицу...

— Про какой же вы грабежъ говорили?...

— По грабежу-то вотъ вамъ придется узлы распутывать, замѣтилъ становой — крестьяне села Катеринкина: Егоръ Миролюбовъ, Демьянъ Трофимовъ и Василій Шуйскій показали, что Медвѣдкинъ, будучи вечеромъ въ ихъ слободѣ, закупалъ у нихъ телятъ и они видѣли у него бумажникъ съ крупными, сотенными и пятидесяти-рублевыми, ассигнаціями, на глазъ рублей тысячу; кромѣ того на Медвѣдкинѣ были серебряные глухіе часы на тонкой, чрезъ шею, золотой цѣпочкѣ... Этого всего при убитомъ не оказалось, а также не найдено и при пойманномъ Тарасовѣ.

— Кто же первый увидѣлъ трупъ? спросилъ я.

— Акулина...

— Гм!.. какимъ образомъ?

— Какъ какимъ! удивился становой, — вышла на гумно...

— За какимъ дѣломъ?.. по какой надобности?..

— Да мало ли можетъ быть какая надобность?..

— Однако, возразилъ я, — вы спросили объ ней у Акулины?..

— Нѣтъ...

Я покачалъ головою.

— Эхъ, Александръ Андреичъ! Александръ Андреичъ! — укоризненно вскричалъ на меня становой, съ энергическій жестомъ руками, — вамъ никогда не угодишь!.. Думаешь какъ лучше, а выходитъ хуже... Ну, кчему я

---

*) Изъ стихотворенія Кольцова: «Урожай».

*) Изъ поэмы г. Некрасова: «Морозъ, красный носъ».

буду тревожить бабу, когда ясно, что Медвѣдкина убилъ ея мужъ?.. Богъ съ вами!... читайте ужь лучше сами всѣ показанія... Можетъ быть еще ошибки найдете!..—И становой съ сердцемъ сталъ подбирать и подалъ мнѣ относящіяся къ дѣлу бумаги, послѣ чего съ надутымъ лицомъ сталъ прихлебывать изъ стакана чай.

Я читалъ и морщилъ брови; становой счелъ это за недовольство его работой.

— Вижу, проговорилъ онъ, — по вашему, я мѣднаго гроша не стою, а начальство меня всегда одобряетъ ..

— Я вовсе и не думаю винить васъ, почтеннѣйшій Гелактіонъ Никифоровичъ, отвѣчалъ я ему, — вы произвели дознаніе весьма обстоятельно, сняли показанія со всѣхъ причастныхъ дѣлу, и вопросы которые слѣдовало бы предложить Акулинѣ Тарасовой относятся, такъ сказать, къ сферѣ слѣдствія уже, а не дознанія; слѣдовательно, вы ни въ чемъ не повинны. Я разспрашиваю васъ частно, собственно для соображеній, потому что мнѣ нужно иначе дѣйствовать. Чтобы правильно произвести слѣдствіе и достовѣрно отыскать убійцу, я долженъ, по моему убѣжденію, недовѣрчиво смотрѣть даже на неотразимые факты, падающіе на одно лицо, и заподозрить всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу... Позвольте!.. Тутъ замѣшаны деньги!... Развѣ Медвѣдкина изъ за нихъ не могъ убить его прикащикъ?..

— Помилуйте!..Они закадычные друзья съ самаго дѣтства... это всѣ утвердятъ...Человѣкъ ничего не знаетъ... Ушелъ его хозяинъ ночевать изъ дома, какъ часто онъ дѣлалъ, тамъ его и убили....

— Мало чего, что друзья!..А Акулина развѣ не можетъ быть преступницей?..

— Любовница-то?.. Изъ какихъ чертей?..

— А будто любовницы не убиваютъ! противорѣчилъ я, иронически пожавъ плечами.—Я вамъ наскажу бездну мотивовъ къ совершенію убійства именно Акулиной, по разнымъ цѣлямъ... Мы не знаемъ: искренно ли она его любила?.. Можетъ быть и корыстно?..Слѣдовательно, видя у него въ тотъ день большую сумму денегъ, она могла сама убить его, чтобы пріобрѣсть ихъ; во вторыхъ, могла, по этому предмету войти въ соглашеніе съ мужемъ, или по мужнину вліянію быть его соумышленницей; въ третьихъ, у нихъ могла быть ссора; четвертый мотивъ—ревность; кто ихъ знаетъ, что между ними было?... въ пятыхъ, подъ гнетомъ притѣсненій мужа, не видя возможности продолжать сношенія съ Медвѣдкинымъ и страстно любя его, она могла убить его, чтобы онъ, кромѣ ея, и въ будущемъ не принадлежалъ бы никакой другой женщинѣ... въ шестыхъ, могло говорить въ ней и религіозное чувство: угрызеніе совѣсти за проступокъ противъ брака — въ изступленіи она и убила его, чтобы удалить причину ея нравственнаго паденія, бороться противъ которой ей было не подъ силу...

— Ишь, куда вы занеслись! иронически замѣтилъ Гелактіонъ Никифоровичъ, хлопнувъ себя рукою по ляшкѣ. — Вотъ то-то молодость!.. Вы смотрите, какъ мы, прямо: если бы Тарасовъ въ ту ночь не убилъ Медвѣдкина, то чегожь бы онъ бѣжалъ изъ деревни?...

— Это ничего не значитъ, возразилъ я, подбирая въ умѣ предлогъ къ побѣгу Тарасова изъ Кондюровки, — это... это могло произойдти случайно... Могло быть даже такъ, сказалъ я энергически,—что Тарасовъ нечаянно, не будучи убійцей, наткнулся на трупъ Медвѣдкина, убитаго его женою,—и со страха, предполагая, что на него падутъ подозрѣнія, бросился бѣжать.

При этихъ моихъ словахъ, становой крайне изумился и выпучилъ на меня глаза. Онъ видѣлъ, что я показанія крестьянина Тарасова не читалъ—а между тѣмъ, Тарасовъ въ немъ приводилъ мой доводъ къ причинѣ набѣга....

Изъ имѣвшихся въ показаніяхъ данныхъ я увидѣлъ лѣта фигурировавшихъ лицъ: Медвѣдкину было 25 лѣтъ; Акулинѣ — 20, мужу ея — 36, а прикащику Медвѣдкина Петру Силову Зарайскому — 25 лѣтъ. Послѣдній, между прочимъ, показалъ, что хозяинъ его предъ вечеромъ возвратился на пасѣку изъ Кондюровки и потомъ, поужинавъ, опять туда пошелъ, вѣроятно къ Акулинѣ, откуда уже и не возвращался. Объ убійствѣ его онъ узналъ отъ старшины села Кондюрова, пришедшаго его извѣстить объ этомъ. Деньги находились при его хозяинѣ постоянно. Въ убійствѣ и грабительствѣ онъ подозрѣваетъ мужа Акулины, крестьянина Моисея Тарасова. Самъ онъ происшествіемъ было очень удивленъ—и увидя трупъ хозяина, со слезами бросился обнимать его.

Окончивъ чтеніе всѣхъ показаній, я немедленно собрался въ Кондюровку и поторопилъ къ отъѣзду и становаго, начавшаго предаваться сладкой дремотѣ. Письмоводителя по розыскамъ не оказалось. Ему удалось, неизвѣстными путями, пробраться изъ моего двора на чужой огородъ,—вѣроятно, чтобы спастись отъ угрожавшаго ему купанья,—гдѣ, забравшись въ густой и высокій бурьянъ, онъ предался сладкому успокоенію. Онъ прибылъ въ Кондюровку послѣ насъ, почти ночью и на жесточайшемъ похмѣльѣ.

II.

Прибывъ въ Кондюровку и узнавъ, что уѣздный врачъ ждетъ меня, я первымъ дѣломъ отправился съ нимъ для осмотра тѣла и удостовѣренія: не было ли кѣмъ измѣнено его положеніе, противъ того, въ какомъ оно было найдено свидѣтелями и становымъ?..

Кондюровка была довольно большое помѣщичье имѣніе, содержавшее въ себѣ до 3½ тысячъ душъ крестьянъ и до 200 жилыхъ избъ, исключая амбаровъ, сараевъ, магазиновъ, вѣтряныхъ мельницъ и прочихъ строеній. Здѣсь же въ Кондюровкѣ была и постоянная резиденція становаго пристава, Гелактіона Никифоровича Стоцкаго. Для помѣщенія ему предназначенъ былъ отдѣльный домъ, съ девятью окошками на улицу и двумя крылечками во дворъ. Одно составляло какъ гласила надпись на черной дощечкѣ: «Въ хотъ канцелярію», состоявшую изъ сѣней, передней и залы; а другое—входъ въ его квартиру, гдѣ властвовала Марья Степановна. Населеніе состояло изъ великороссіянъ — съ примѣсью малороссовъ изъ другаго имѣнія того же помѣщика Катеринкина, которое находилось въ сосѣднемъ уѣздѣ. Селеніе было выстроенно въ длину, вблизи большой дороги, пролегавшей въ губернскій городъ и тянулось по берегу одного изъ незначительныхъ притоковъ Донца, болѣе чѣмъ на двѣ погонныхъ версты. Отъ квартиры становаго до избы Тарасова, по дорогѣ вдоль широкой улицы, наполненной маленькими ребятишками и стаями собакъ, попадались и красивенькія бѣленыя хатки малороссіянъ съ миніатюрными, привѣтливыми окошечками, со ставнями расписанными красной глиной, охрой и синькой, и съ примазанными присьбами *), а также и сѣрыя, некрашенныя прочныя избы великороссіянъ, безъ оконъ на улицу, съ массивными воротами, съ крышею, и съ сараями, гораздо лучшаго лѣснаго матеріала, чѣмъ сама изба. Приближаясь къ жилищу крестьянина Тарасова, мы узнали домъ еще издали по небольшой толпѣ народа,

*) Присьба—завалина, фундаментъ.

стоявшаго въ ожиданіи насъ, уже насмотрѣвшись на зрѣлище, у растворенныхъ, какъ бы для торжества, воротъ. Въ толпѣ ярко блистали на солнцѣ бляхи сотскихъ и десятскихъ.

Изба Тарасова была великорусская съ окнами во дворъ. На крыльцѣ сидѣли старикъ и старуха, это были родители Моисея, нѣсколько бабъ и мужиковъ; но народу было не много, такъ какъ пора стояла лѣтняя, рабочая. Стоявшіе у воротъ, при нашемъ приближеніи, разступились и почтительно поснимали шапки; сидѣвшіе привстали и поотвѣшивали низкіе поклоны. Лица у крестьянъ были такія испуганныя, блѣдно-желтыя, со втянутыми щеками и съ такими робкими взорами, какъ будто всѣ они безъ изъятія ждали наказанія и чувствовали за собою вину преступленія. Становой принялъ на себя обязанность быть нашимъ вожакомъ. Съ нѣкоторой важностью осанки, свойственной военачальникамъ, онъ шелъ впереди насъ чрезъ широкій, почти пустой дворъ, по направленію къ виднѣвшейся на другомъ концѣ его калиткѣ на гумно. Дворъ весь заросъ травою, съ боковъ его стояли: съ одного—хлѣвъ для скота, откуда неслись жалобные стоны запертаго тамъ теленка, и курятникъ; съ другого: навѣсъ, крытый соломою, гдѣ помѣщались опрокинутые деревенскіе зимніе сани - развальни, соха и двѣ изломанныя телѣги,—изъ крайней выскочила здоровая кудлатая овчарская собака и съ страшнымъ лаемъ бросилась на оторопѣлаго становаго; сотскій кинулся отогнать ее, съ крикомъ: «куды, сибирная?!..» На гумнѣ было тихо и мирно—и ничто не говорило о совершенной наканунѣ кровавой драмѣ. Пахло сѣномъ и соломой, солнце начало уже спадать и отъ стоговъ ложилась тѣнь. За гумномъ видѣлся ровъ, а дальше рѣка, окруженная съ обѣихъ сторонъ плакучими ивами, на которыхъ, съ одной на другую, перелетали вороны или галки; за рѣкой глазамъ представлялась испещренная желтыми, красными, свѣтло и темно-зелеными квадратами, а изрѣдка и углами, необъятная нива, во весь кругозоръ. Судя по избѣ и по гумну, Моисей Тарасовъ не принадлежалъ къ числу особенно зажиточныхъ крестьянъ, но и не былъ бѣденъ. Гумна его сосѣдей были гораздо богаче. Его состояло преимущественно изъ однихъ стоговъ соломы, нѣсколькихъ сѣна и двухъ скирдъ прошлогодняго хлѣба, изъ которыхъ одна была до половины обмолочена. Къ ней прислонены были грабли, вилы и два цѣпа: не вдалекѣ куча соломы и зерна, покрытая ряднomъ. Видно было, что у Моисея не хватило въ запасѣ готоваго хлѣба—и онъ позднимъ вечеромъ, возвратившись домой съ полевыхъ работъ, домолачивалъ старый..... Можетъ быть онъ занимался этимъ и вчера, вмѣстѣ съ своей женою, обдумывая планъ убійства, или совершенно не предполагая, какая чрезъ нѣсколько часовъ его постигнетъ ужасная катастрофа...

Около одного стога, въ самомъ концѣ гумна, торчали два мужика-караульщика безъ шапокъ, и лежало на землѣ что-то длинное, прикрытое холстомъ. Тутъ же близко стояли: небольшой столикъ съ бумагами, перьями, чернильницей, и стулъ, приготовленные распорядительнымъ становымъ. Когда я съ докторомъ, фельдшеромъ и слѣдовавшею сзади насъ толпою,—въ числѣ которой были свидѣтели того, въ какомъ видѣ поутру найденъ былъ на гумнѣ трупъ Медвѣдкина,—подошли къ стогу, становой скомандовалъ караульнымъ: «открой!..» Тѣ приподняли холстъ—и глаза всѣхъ присутствовавшихъ устремились на лежавшій на землѣ, бездыханный, мужской трупъ... Еще сутокъ не прошло, какъ молодой человѣкъ лишенъ былъ жизни, а уже трупъ его, подъ палящими лучами іюльскаго солнца, началъ разлагаться. Изъ желта-темно багровое лицо его, съ запекшеюся кровію,—которую, жадно прильнувъ, пили овода, мухи и появившіеся комары,—волосы смоченные кровью, прилипшіе космами на головѣ и вискахъ,—все это было ужасно, хотя при жизни своей Медвѣдкинъ принадлежалъ къ числу рослыхъ и красивыхъ молодцовъ, типъ которыхъ весьма часто можно встрѣтить, напримѣръ въ Апраксинскомъ рынкѣ; по словамъ его знавшихъ, онъ былъ бѣлъ, румянъ, краснощекъ, имѣлъ прекрасные черные волосы, хорошо очерченный съ горбомъ носъ, темнокаріе жизненные глаза, носилъ тонкіе усики и недавно пробившуюся, почти пушокъ, овальную бородку. Тѣло лежало въ позѣ мертвецовъ, вытянутое, какъ принято говорить, въ струнку. Ноги плотно прижались одна къ одной, а руки на животѣ разошлись—но такъ странно, какъ будто прежде онѣ лежали сложенными на груди... Медвѣдкинъ былъ одѣтъ въ длинный черный суконный сюртукъ, старый синій атласный жилетъ и розовую ситцевую рубаху съ манишкою; шея была обвязана чернымъ шелковымъ шарфомъ, съ красными концами.

— Рана должна находиться, сказалъ врачъ, обращаясь ко мнѣ, по разсмотрѣніи лица убитаго,—въ задней части черепа...

— Но обратили ли вы вниманіе, спросилъ я у него,—на позу трупа?.. Могла ли принять ее жертва сама собою, безъ посторонней помощи?..

— Конечно, нѣтъ!.. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потвердилъ докторъ.

— Я бы желалъ записать это въ протоколъ до осмотра раны...

— Пожалуй... Мы даже измѣримъ разстояніе, какъ разошлись руки...

— Все это такъ... сказалъ я врачу по французски,—но предварительно мнѣ хотѣлось бы спросить у свидѣтелей: дѣйствительно ли Медвѣдкинъ найденъ въ этой именно позѣ и не уложилъ ли кто его такъ изъ усердія, по христіанскому обряду.

— Братцы! обратился я къ толпѣ народа. — Кто изъ первыхъ увидѣлъ тѣло?... Выйдите сюда, поближе!...

— Я!... я!... я!... послышались голоса, и къ столику подошло трое мужчинъ, да съ десятокъ бабъ.

— Какъ вы узнали, что тутъ на гумнѣ убитый?

— Мы, значитъ, заговорила одна молодая баба, — я тетка Лукерья, тетка Степанида да бабушка Фекла, еще тамъ поотдаль были, полоскали красны, какъ слышимъ на гумнѣ Акулина голоситъ... Я и говорю бабамъ - то: Чего Акулина голоситъ?.. А тетка Степанида мнѣ: «поди, погляди!» Я черезъ ровъ и пустилась къ Акуляткѣ, да вплоть до убитаго подбѣжала; какъ взглянула это—бѣжать опять къ рѣкѣ, и оповѣстила всѣхъ... Тутъ, кто посмѣлѣе: я, Степанида, да еще не помню кто, бросились глядѣть и побѣжали чрезъ ровъ; а другія побоялись, пошли во дворы, собрали мужиковъ и гурьбой пришли уже съ улицы...

Разузнавъ кто Лукерья, Степанида и Фекла, я спросилъ у нихъ и у остальныхъ: такъ ли все было, какъ разсказывала ихъ товарка? «Такъ», отвѣчали мнѣ всѣ согласно.

— Ну, ты первая, обратился я къ разсказывавшей,—какъ пришла, не помнишь: такъ ли лежалъ этотъ молодецъ, какъ теперь, или кто его переложилъ?

— Не знаю... Кажись, что такъ...

— Точно такъ, ваше благородіе, подтвердили мужскіе голоса.

Послѣ этихъ удостовѣреній, по соглашенію со мною, врачъ приступилъ къ осмотру черепа. Туловище трупа было приподнято. Начиная почти отъ самаго темени, до затылочнаго шва включительно, видна была огромная, трехъ дюймовъ въ длину и 3 линіи въ ширину, рана, нанесенная острымъ холоднымъ оружіемъ. Врачъ нашелъ, что она безусловно сдѣлана топоромъ,—ударомъ, какъ можно было предполагать, сверху; прорублены были: кожа и черепъ до мозга, съ поврежденіемъ его и затылочнаго шва. Врачъ объяснилъ мнѣ, что этотъ ударъ считался въ медицинѣ неоспоримо смертельнымъ, повергающимъ жертву съ обморочное состояніе, при которомъ начинается прекращеніе всѣхъ жизненныхъ отправленій; при осмотрѣ нашемъ кровь и блѣдно-желтоватая подкожная матерія, сочтенная мною сначала за мозгъ, совершенно запеклась, и все это такъ было спутано и заволочено длинными волосами, что врачъ, чтобы лучше разсмотрѣть рану, велѣлъ фельдшеру обстричь, обмыть и обрить вокругъ ея волосы. Здѣсь мы обратили вниманіе на два обстоятельства: первое, что эта длинная рана имѣла въ концѣ затылочнаго шва сравнительно большую широту, чѣмъ въ началѣ темени; это давало поводъ предполагать, что если рана произошла отъ топора, то ударъ послѣдовалъ спереди, чрезъ голову, а не сзади, потому что остріе сѣкиры шире немного въ верху а съ низу уже;—второе, что хотя подъ черепомъ находились кровь, и залиты были часть спины и фалдъ сертука, а также она протекла съ шеи подъ рубаху и сильно омочила ее,—но, отъ подобной раны, крови должно было бы изойдти гораздо болѣе, и сверхъ того, отъ этого удара Медвѣдкинъ долженъ былъ упасть тотчасъ же—въ ту или другую сторону, но мгновенно,—а потому кровь не могла быть въ видѣнномъ изобиліи на спинѣ и на рубахѣ. Все это, вмѣстѣ съ позой, наводило на мысль, что Медвѣдкинъ убитъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ и осталась значительная часть крови отъ раны,—а сюда, на гумно, перенесенъ. Объ этомъ мы съ докторомъ стали разсуждать довольно громко. Мужики начали роптать:

— Помилуй-те, ваше высокоблагородіе, заговорилъ одинъ изъ нихъ, старикъ,—за что это вы на всѣхъ насъ бѣду накликаете?... Ну кто изъ насъ станетъ его убивать?... Кому какое онъ зло сдѣлалъ?... Парень былъ добрый, веселый, шутливый, царство ему небесное!... Мы очень много имъ довольны... Извѣстное дѣло, была у него съ Моисеемъ вражда, чрезъ жену... Это дѣло ихъ... Какъ угодно, ваше высокоблагородіе, больше Моисея никто... Это его рука... Мужикъ здоровый, съ разу человѣка ушибить можетъ! Вотъ, онъ и ушибъ...

Я принялся успокоивать ихъ, разстолковавъ свою служебную обязанность, и обѣщалъ не медлить ни минуты и, если Богъ пошлетъ, завтра же кончить слѣдствіе.

Другихъ ранъ или побоевъ на тѣлѣ Медвѣдкина не оказалось; найдены только слѣды двухъ недавнихъ ушибовъ: одинъ—пятно на боковой лопаткѣ, а другой—ссадина на локтѣ, оба на правой сторонѣ и могли произойти отъ паденія. Кончивъ наружный осмотръ, врачъ хотѣлъ приступить къ анатомическому вскрытію черепа и груди; но я попросилъ его, если можно, отложить это до завтра, такъ какъ въ данномъ случаѣ анатомическое изслѣдованіе едвали могло повлечь за собою какое-нибудь серіозное открытіе.—Могу ли располагать вашимъ временемъ? спросилъ я у него:—мнѣ бы хотѣлось сейчасъ, при трупѣ, сдѣлать допросъ Тарасовой....

— Сдѣлайте милость! къ вашимъ услугамъ, какъ угодно...

— Гдѣ семейство Тарасовыхъ? узнавалъ я у становаго.

— Мужа, отвѣчалъ онъ,—я посадилъ въ арестантскую, чтобы не бѣжалъ; а жена—здѣсь, въ избѣ; при ней караульные...

— Пошлите ее къ допросу.

Становой отрядилъ двухъ сотскихъ, побѣжавшихъ рысью. Трупъ, по моему желанію, былъ уложенъ въ ту позу, въ какой онъ лежалъ до осмотра.

Сопровождаемая сотскими, Акулина тихо подошла къ намъ, поклонилась и стала, съ горестою миной въ лицѣ, у изголовья трупа, подперши лѣвой рукою щеку. По костюму ея я догадался, что она была малороссіянка; то же самое потверждалъ и акцентъ ея. По наружности ее можно было счесть еще за дѣвушку; очень молодую, хорошо физически развитую, средняго роста. Красный, ситцевый съ каймою и съ разбросаннымъ по полю его рисункомъ желтаго горошка, платокъ кокетливо обхватывалъ черные волнистые волосы на головѣ, выпуская изъ подъ себя начесы, извивавшіеся отъ природы фестонами. Темносиніе глаза, казавшіеся черными, какъ нельзя болѣе шли къ чрезвычайно бѣлому и нѣжному цвѣту ея лица. На щекахъ ея былъ постоянный румянецъ, даже и въ то время когда она сильно блѣднѣла; если же случалось ей краснѣть, то краска выступала пятнами, даже на лбу. Носъ и губы были крупной формы, верхняя губа посрединѣ особенно толста и какъ бы припухла; ротъ широкъ, но его выкупали прекрасные, бѣлые, ровные зубы. Все лицо, кромѣ пріятной улыбки, нѣкотораго добродушія, молодости, свѣжести—не имѣло особаго выраженія, но было красиво и могло въ извѣстной степени нравиться. Бѣлую коленкоровую рубаху, вышитую на плечахъ деревенскимъ узоромъ, съ широкими рукавами, застегнутыми въ кисти руки, стягивала у пояса синяя съ бѣлыми цвѣточками ситцовая юбка, рѣзко обозначая формы роскошнаго бюста молодой женщины, на которомъ лежали, свѣсившіяся съ шеи, два крупныхъ ожерелья, красное и желтое, съ вправленными посерединѣ ихъ рублемъ и полтинникомъ стараго чекана, съ изображеніемъ креста, отчего они и называются въ простонародіи, въ Малороссіи, крестовиками *). Предложивъ толпѣ удалиться, я сдѣлалъ Акулинѣ вопросъ:

— Вы знаете, чье это тѣло? Вмѣсто отвѣта, она закрыла лицо руками и заплакала.—Становой и докторъ отошли отъ насъ на нѣкоторое разстояніе и отозвали сотскихъ. Народъ ушелъ во дворъ.

— Признаете ли вы, продолжалъ я,—что это тѣло вашего знакомаго, купеческаго сына, Михайлы Ивановича Медвѣдкина?

— Онъ, отвѣчала она чуть слышно.

— И вы первая увидѣли его сегодня, здѣсь, мертвымъ? Разскажите по порядку все, но по правдѣ, не утаивая, для чего вы пришли сюда и какъ замѣтили тѣло?

Не отрывая рукъ отъ лица, съ выступившими яркими пятнами на лбу отъ стыда, послѣ сильной блѣдности, Акулина начала запинаясь:

— Онъ обѣщалъ послѣ зорьки придти... Я вчера вечеромъ сказала ему, что Мосей на зорькѣ уѣдетъ въ поле...

— Значитъ, вы еще вчера условились съ нимъ видѣться? Это уже очень поздно было, или рано? и гдѣ вы видѣлись?

— Въ такую, какъ теперь, пору; на току... **).

*) Иначе дукаты.
**) Токъ—мѣсто на гумнѣ, гдѣ молотятъ.

— А не говорилъ онъ вамъ, куда онъ отъ васъ пойдетъ?

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что идетъ въ кабакъ—купить водки, а потомъ пойдетъ домой вечерять (ужинать), чтобы завтра встать раньше... Мосей легъ спать, продолжала, немного освоившаясь съ допросами, Акулина,—здѣсь на этомъ стогу, она указала на скирду початаго хлѣба,—а я на крыльцѣ со стариками. Раненько сегодня проснувшись, я пошла искать Мосея, узнать уѣхалъ ли онъ, а старикамъ сказала, что иду убирать зерно. Мосея на стогу не было: я и подумала, что онъ либо ушелъ, либо уѣхалъ,—и веселенькая побѣжала ко рву съ этой стороны поглядѣть: нейдетъ ли Михайла Ивановичъ? Какъ, глядь, около этого стога онъ лежитъ мертвый... Тутъ я и заголосила...

Акулина и въ настоящее время стала всхлипывать. Я минуты двѣ хранилъ молчаніе, соображая: искренно ли ея показаніе.

— Какъ же вы его нашли, спросилъ я,—прислоненнымъ къ стогу, или лежащимъ?

— Такъ, какъ и теперь лежитъ...

— И вы его не ворошили? не складывали ему рукъ? ничего?

— Нѣтъ.... Я только упала и начала его цаловать.... Онъ тогда еще не раздулся.... Простите, ваше благородіе, прибавила она, отстраняя руки отъ лица, покрытаго краскою и ручьями слезъ, смотря на меня умоляюще-плачущими глазами,—мой грѣхъ: я дуже-дуже его любила.... Акулина зарыдала, приговаривая сквозь плачъ:

— Милый Михайла Ивановичъ!...

Чтобы прекратить тяжелую сцену, начинавшую раздражать до слезъ и мои негодные нервы, я поспѣшилъ предложить ей нѣсколько новыхъ вопросовъ,—частію потому, что я видѣлъ страстное желаніе молодой женщины кому нибудь заявить о своихъ чувствахъ къ мертвецу, что ей неудобно было высказать домашнимъ, родственникамъ мужа,—а частію, чтобы сдѣлать показаніе пополнѣе и въ другой разъ не безпокоить несчастную для передопросовъ.

— Давно ли же вы познакомились съ Михайлой Ивановичемъ?...

— Третій годъ, еще въ нашей слободѣ, откуда я взята.... Я не здѣшняя.... Онъ ѣздилъ къ намъ скотъ закупать.... Почти года два я его такъ любила—а тутъ, какъ вышла замужъ за Мосея и познакомилась...

Я невольно улыбнулся: мнѣ пришли на умъ свѣтскія барышни...

— Мужъ вашъ давно знаетъ, въ какихъ вы находились отношеніяхъ къ Михайлѣ Ивановичу?...

— Вотъ какъ было дѣло: я съ перваго раза сама Мосею во всемъ повинилась и дала зарокъ не переступать больше закона, отогнать отъ себя Михайлу Ивановича... да не вытерпѣла и стала съ нимъ видѣться по секрету.... Мосей дознаъ, поругалъ, побилъ... Я не унялась....

— Не подозрѣваете ли вы своего мужа въ этомъ убійствѣ?

— Кто его знаетъ, ваше благородіе, проговорила она, покачивая головою,—Мосей не изъ такихъ, чтобы убивать людей... Онъ человѣкъ добрый...

— Однако, вы слышали, замѣтилъ я,—онъ обѣщался убить его?

— Слышала... Онъ похвалялся въ чужихъ людяхъ да въ кабакѣ—и меня убить!.... а домой придетъ, спроситъ что поѣсть, уляжется спать и слова не скажетъ... Въ послѣднее время онъ хотѣлъ просить управляющаго, чтобъ мнѣ дозволили жить въ городѣ, въ работницахъ... куда на зиму перезывалъ меня Михайла Ивановичъ....

— Любитъ ли мужъ васъ?...

— Ничего, не обижаетъ... Кто его знаетъ!... Можетъ и онъ убилъ! чужая душа потемки.-.

— Что это у васъ за кровь?... спросилъ я вдругъ, внезапно увидѣвъ, на подручной правой сторонѣ рукава ея рубахи, большое длинное овальное кровяное пятно.

— Это я сегодня замаралась отъ покойника.

— Много у вашего мужа топоровъ, или по вашему сокиръ?

— Одна.

— Гдѣ она?...

— Въ хатѣ, у стариковъ, подъ лавкою.

Я кликнулъ сотскаго и врача. Первый былъ посланъ въ избу за топоромъ, а втораго я попросилъ обратить вниманіе на кровавое пятно у Акулины.

У нея еще оказалось нѣсколько незначительныхъ пятенъ на обоихъ рукавахъ, которыя врачъ призналъ дѣйствительно-могшими произойти отъ прикосновенія къ окровавленному предмету.

Когда топоръ былъ принесенъ, я замѣтилъ, что рукоятка его была вымыта и выскреблена, очень недавно, а лезвее отточено.

— Кто мылъ, спросилъ я Акулину,—рукоятку топора?

— Я, созналась она.

— Для чего?...

— Вчера вечеромъ Моисей точилъ сокиру и обрѣзалъ себѣ палецъ.

— Кто это видѣлъ еще?...

— Всѣ наши домашніе...

Я поусомнился и позвалъ отца и мать Моисея. Тѣ подтвердили слова своей невѣстки. Принесенный топоръ размѣромъ лезвія совершенно совпадалъ съ величиною раны и мы съ врачемъ заключилъ, что Медвѣдкинъ убитъ именно имъ.

Допросъ мой на тотъ день Акулинѣ былъ конченъ—и я поручилъ становому содержать ее подъ неусыпнымъ карауломъ и не въ семьѣ ея мужа...

Между тѣмъ, на гумнѣ стало темно; продолжать допросы другимъ еще лицамъ сдѣлалось невозможно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, спать было рано и хотѣлось поспѣшить слѣдствіемъ; поэтому мы сговорились съ врачемъ: ему дать время отдохнуть, трупъ перенести въ нежилую избу и приступить къ анатомическому изслѣдованію. Я же до того рѣшился снять допросъ въ становой канцеляріи пристава съ крестьянина Моисея Тарасова.

(Продолженіе будетъ).

Нищета и роскошь.

Въ жизни на каждомъ шагу мы видимъ самые разнообразные контрасты. Часто мы проходимъ мимо, не обращая на нихъ никакого вниманія; глазъ такъ привыкаетъ къ нимъ, что чувствительность притупляется.

Между такими контрастами, нищета и роскошь—безспорно самый вопіющій, самый поражающій, а между тѣмъ едва ли найдется другой, который бы встрѣчался чаще и къ которому бы большинство относилось равнодушнѣе.

Передъ нами двѣ картины: на одной бѣдная женщина съ двумя дѣтьми. Одинъ, мальчикъ лѣтъ четырехъ, стоитъ подлѣ матери, другаго она держитъ на рукахъ. Этотъ послѣдній—грудной ребенокъ. Съ горемъ припалъ онъ къ высохшей груди ма-

Нищета. Рис. Пилати, грав. Сосинскій.

Роскошь. Рис. К. Пилати, грав. Прикорскій.

тери; она ничего не можетъ ему дать—молока у ней давно нѣтъ, а покупное плохо, да и дорого, по крайней мѣрѣ для кармана несчастной,—вотъ малютка подчасъ и голодаетъ. Старшій мальчикъ, повинуясь ли инстинктивной потребности дѣтства къ забавѣ, или чтобъ заглушить голодъ, пускаетъ бумажнаго змѣя; но видно голодъ не тетка, жутко пришлось мальчугану играть на пустой желудокъ, слабая рученка выпустила незатѣйливую игрушку, и не по лѣтамъ мрачно сдѣлалось печальное личико. Бѣдность, говорятъ, не порокъ; однако она очень часто ведетъ къ пороку. Сдѣлаетъ ли она изъ этого ребенка негодяя, или, благодаря той энергіи, которая уже теперь лежитъ въ его чертахъ, онъ пробьется черезъ всѣ житейскія невзгоды, завоюетъ себѣ почетное мѣсто въ обществѣ и, помня свои молодые годы, сдѣлается горячимъ другомъ человѣчества, будетъ служить ему по мѣрѣ силъ и возможности?

Да, надо подумать бѣдной матери, какъ выростить и поднять на ноги своихъ ребятишекъ! Рады бы безъ устали работать ея трудолюбивыя руки, да много ли наработаешь съ малыми ребятами, а особенно съ груднымъ младенцемъ? Для милостыни же рука не протягивается. Не смотря на крайнюю нужду, на этой женщинѣ не видать лохмотьевъ; напротивъ, чтобы выйти на улицу, она пріодѣлась поопрятнѣе, не то примутъ ее за нищую,—а она положитъ всѣ свои силы, только чтобъ не дойти до этого состоянія. Трудно, трудно перебиваться; наступаютъ холода, а мальчишка бѣгаетъ босикомъ. Хоть бы заложить что было, чтобы купить ему хоть какіе худящіе сапоженки,—да вѣдь вотъ, все достояніе тутъ на плечахъ. Не даромъ же такъ полно грусти ея когда-то прекрасное лицо!

Какая противуположность на другой картинѣ! Здѣсь передъ нами роскошь со всѣми своими причудливыми затѣями. Разодѣтая въ шелкъ и бархатъ барыня пошла гулять съ своей, столь же нарядной дочкой. На барынѣ тяжелое шелковое платье; бархатная кофточка обшита гагачьимъ пухомъ; на головѣ ворохъ лентъ, кружевъ и перьевъ. Конечно, у нея и счету нѣтъ нарядамъ, но все-таки она не можетъ пройти равнодушно мимо моднаго магазина. Она инстинктивно остановилась передъ большимъ зеркальнымъ окномъ одного изъ такихъ магазиновъ и любуется на выставленное въ немъ платье. Дѣвочка также не можетъ оторвать глазъ отъ нарядного платья. Этой дѣвочкѣ никто не говорилъ, что одна пуховая обшивка на кофточкѣ ея мамы могла бы съ мѣсяцъ прокормить цѣлое бѣдное семейство и что въ то время, какъ ея собачка локчетъ сливки, у маленькаго ребенка бѣдной женщины нѣтъ, можетъ быть, и снятаго молока.

Нельзя сказать, чтобъ общество не принимало никакихъ мѣръ для облегченія бѣдности; однимъ она мозолитъ глаза; другіе, хотя смутно, но все же сознаютъ ея ненормальность, наконецъ третьи глубоко страдаютъ за каждаго бѣдняка и дѣлаютъ благороднѣйшія усилія, чтобъ улучшить его положеніе. Благотворительность ростетъ съ каждымъ годомъ, получаетъ болѣе правильное развитіе и лучшее направленіе: образуются приходскія общества; учреждаются безплатныя школы для бѣдныхъ дѣтей, матери которыхъ уходятъ на поденную работу; вмѣсто подаяній милостыни по грошамъ, даютъ дешевыя или—самымъ бѣднымъ—даровыя квартиры. Въ Петербургѣ эти приходскія общества въ короткое время ихъ существованія успѣли пріобрѣсть общее сочувствіе. Конечно, они достигнутъ извѣстныхъ результатовъ, многимъ облегчатъ горькую жизнь, много осушатъ слезъ, дадутъ воспитаніе многимъ дѣтямъ, которые бы, безъ нихъ, росли какъ дикіе звѣрки.

Старый годъ.

Событія нашей внутренней жизни за истекшій годъ главнымъ образомъ сосредоточиваются на бывшей въ Москвѣ политехнической выставкѣ, на статистическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ и на праздновании юбилея Петра Великаго. Политехническая выставка и по размѣрамъ, и по содержанію, представляла явленіе до сихъ поръ у насъ небывалое; на устройство ея было пожертвовано не мало средствъ какъ разными вѣдомствами, такъ въ особенности частными лицами. Въ числѣ разныхъ полезныхъ учрежденій выставки, при ней были устроены: народный дешевый театръ, народная читальня, народная кухня и образцовая элементарная школа. Съѣздъ статистиковъ въ Петербургѣ былъ восьмымъ по счету статистическимъ конгрессомъ. Лучшія наличныя силы современной статистики приняли участіе въ петербургскомъ съѣздѣ; съѣхавшіеся иностранцы были приняты унасъ съ большимъ радушіемъ и, вѣроятно, вывезли благопріятное вспоминаніе не только о русскомъ гостепріимствѣ, но и о русской наукѣ. Юбилей 30-го мая 1872 года праздновался съ большою торжественностью и сопровождался перевозомъ ботика Петра Великаго на московскую выставку. Чтобы почтить память Великаго Преобразователя—было употреблено не мало средствъ и способовъ, между которыми особеннаго сочувствія заслуживаетъ мысль объ учрежденіи нѣсколькихъ элементарныхъ школъ на Петерб. сторонѣ и объ изданіи жизнеписанія Петра Великаго.

Изъ реформъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошедшемъ году, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія: въ Югозападномъ и Сѣверозападномъ краѣ введены мировые суды, причемъ судьи назначаются отъ короны; въ серединѣ года обнародованъ новый законъ о судебномъ разбирательствѣ политическихъ дѣлъ, въ силу котораго, нѣкоторыя политическія преступленія, до сихъ поръ, согласно судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., разбиравшіяся въ судебной палатѣ, на будущее время должны будутъ разбираться въ особомъ присутствіи сената, съ участіемъ сословныхъ представителей, при закрытыхъ или при открытыхъ дверяхъ. Въ началѣ года приняты были мѣры къ увеличенію окладовъ офицерамъ арміи и о выдачѣ имъ жалованья, не по третямъ года, а помѣсячно. Издано было новое положеніе о городскихъ училищахъ, которыя должны замѣнить собою нынѣ существующія уѣздныя; для приготовленія учителей въ городскія училища, въ Петербургѣ и Москвѣ открыты учительскіе институты. Дѣло народнаго образованія выразилось въ открытіи новыхъ школъ и новыхъ семинарій для приготовленія сельскихъ учителей. При медико-хирургической академіи въ Петербургѣ съ сентября мѣсяца прош. года открыты курсы для ученыхъ акушерокъ, куда на первый разъ поступило болѣе 70 женщинъ.

Говоря вообще, истекшій годъ былъ весьма неблагопріятенъ какъ для народнаго здравія, такъ и для народной нравственности. Нѣсколько мѣсяцевъ кряду въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ Россіи свирѣпствовала холера, похитившая десятки тысячъ человѣкъ. Неуспѣла ослабѣть холера, какъ на смѣну ей явилась оспа, продолжающаяся и до сихъ поръ. Падежи скота, пожары (Нижегородскій) и наводненія (на Амурѣ) дѣлали свое дѣло. — Криминальная хроника была также богата разными убійствами (дѣло Емельянова), поединками (между офицерами и статскими), безпорядками (въ Харьковѣ) и проч. Наконецъ, неумолимая смерть унесла замѣчательнаго нашего государственнаго дѣятеля, Н. А. Милютина, и четырехъ русскихъ писателей: Гильфердинга, Даля, Кельсіева и Утина.

Судебная хроника.

Намъ уже не разъ приходилось говорить о частныхъ ходатаяхъ и о тѣхъ продѣлкахъ, которыя они совершаютъ или совершали. Но врядъ ли въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, кромѣ Екатеринославля, воспользовались они новыми судами съ такой пользой для себя. По словамъ «Новаго Времени», ходатайства по дѣламъ вовсе не рѣдкость въ Екатеринославлѣ: при старыхъ судахъ этимъ промышляли столоначальники и секретари разныхъ присутствій; съ новыми же судами это все перешло въ руки «ходатаевъ», которые, пользуясь младенческимъ невѣденіемъ публики, грабили и «драли», вопреки пословицѣ, не только 2 шкуры съ того же вола, но цѣлыхъ 10,—такъ что иногда плата за хожденіе по дѣлу превышала самый искъ. Появленіе присяжнаго повѣреннаго и его помощниковъ нѣсколько поудержало адвокатовъ;—но впрочемъ между *частными* адвокатами есть такіе, которыхъ общество предпочитаетъ оффиціальнымъ, помощникамъ присяжнаго повѣреннаго.

Въ городѣ Козловѣ, какъ сообщаетъ „Петербургская газета", 2 октября съѣздомъ мировыхъ судей разбиралось слѣдующее дѣло. Въ августѣ мѣсяцѣ, поздно ночью, къ помѣщицѣ Кругликовой пріѣзжаетъ г. Кисловъ, которому она была должна небольшую сумму денегъ. Несмотря на то, что Кругликова не хотѣла его принять, такъ какъ было поздно,—г. Кисловъ врывается къ ней въ спальню. Кругликова требуетъ, чтобы онъ вышелъ—и когда ея требованіе не исполняется, то снимаетъ со стѣны револьверъ и грозитъ Кислову. Испугавшись, онъ уходитъ, но подаетъ жалобу мировому судьѣ, на самоуправство Кругликовой; ее обвиняютъ и приговариваютъ къ 50-рублевому штрафу. Дѣло переходитъ въ мировой съѣздъ, и здѣсь, благодаря строго-послѣдовательной, подкрѣпленной ссылками на законы и рѣшенія сената, рѣчи *своей дочери*, выступившей въ качествѣ защитницы своей матери, г-жа Кругликова выиграла дѣло.

Интересно также дѣло г. Охотникова, разбиравшееся въ Воронежѣ. Его, вмѣстѣ съ винокуромъ, инженеръ-технологомъ Бергомъ, обвиняли въ злоупотребленіяхъ по винокуренію, простиравшихся на сумму 112,000 рублей. Защищалъ г. Охотникова приглашенный имъ изъ Петербурга прис. повѣр. Герардъ; прокуроръ старался показать, что Охотниковъ долженъ былъ знать все, что у него дѣлалось на заводѣ. Судъ обвинилъ подсудимыхъ и приговорилъ къ уплатѣ 112,000 руб. сер. Г. Охотниковъ занимаетъ видное мѣсто въ Усманскомъ уѣздѣ: онъ—уѣздный предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, предсѣдатель мироваго съѣзда, почетный мировой судья. Несмотря на ожиданія нѣкоторыхъ дворянъ, г. Охотниковъ сидѣлъ на общей скамьѣ подсудимыхъ.

Совсѣмъ другаго рода разбирались дѣла въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ 21 декабря. 1-е дѣло, *объ истязаніи ребенка*, заключается въ слѣдующемъ: 13-лѣтній сирота Осипъ Куликовскій, находившійся на воспитаніи у отставнаго рядоваго Антона Воловцова и его жены Ирины, жаловался на жестокое ихъ съ нимъ обращеніе. Свидѣтели подтвердили это; изъ нихъ одна свидѣтельница показала, что ребенка били и тогда, когда онъ спалъ. Не сознавшіеся на предварительномъ слѣдствіи, подсудимые признались, что они дѣйствительно бивали мальчика, но что это было за ученіе и за шалости. Куликовскій же заявилъ, что его заставляли приносить съ дороги дрова и желѣзо, а съ огородовъ капусту. Не смотря на рѣчь защитника, старавшагося оправдать подсудимыхъ ихъ необразованіемъ,—судъ призналъ подсудимыхъ виновными и приговорилъ: Воловцова, по лишеніи всѣхъ правъ, подвергнуть заключенію въ арестантскихъ ротахъ гражд. вѣд. на 2 года и 8 мѣсяцевъ, а жену его въ рабочій домъ на $2^1/_2$ года. Другое дѣло—*о похищеніи ребенка.* Родители 6-лѣтней дѣвочки, Кошновы, обвиняли Анну Корзунъ въ похищеніи ихъ дочери. Одни изъ свидѣтелей показали, что они видѣли, какъ подсудимая шла съ дѣвочкой и била эту дѣвочку. Городовой показалъ, что онъ, замѣтивъ маленькую дѣвочку въ одной юбочкѣ въ Екатерингофскомъ паркѣ, отвелъ эту дѣвочку къ торговкѣ и пошелъ искать, чья она. Нашелъ Анну Корзунъ; оказалось, что подсудимая продала нѣкоторыя вещи дѣвочки, которая тоже присутствовала на судѣ и давала показанія: объявила, что это та же самая женщина и т. д. Анна Корзунъ заявила, что сама не знаетъ, зачѣмъ раздѣла дѣвочку и вообще на видъ казалась *идіоткой* (дурочкой). Присяжные признали Корзунъ виновной только въ грабежѣ, а не въ похищеніи, да и то заслуживающей снисхожденія. Ее заключили на 1 годъ 8 мѣсяцевъ въ рабочій домъ.

Въ заключеніе упомянемъ о *смертномъ приговорѣ*, произнесенномъ временнымъ отдѣленіемъ военнаго суда въ Калугѣ, надъ рядов. *Крючковымъ.*

Крючковъ, вмѣстѣ съ рядовымъ Волковымъ, обвинялся въ крайне дерзкомъ поведеніи противъ начальства. Ему уже не первый разъ приходилось являться предъ судомъ. Теперь онъ обвинялся въ 11 преступленіяхъ самого разнообразнаго свойства. Хотя Крючковъ не сознался въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, но свидѣтельскія показанія были противъ него. Поэтому прокуроръ, указавъ на важность дисциплины, требовалъ казни—судъ приговорилъ Крючкова къ *разстрѣлянію.* Волковъ, обвинявшійся въ томъ, что во время нахожденія въ тюрьмѣ, онъ, при вечерней повѣркѣ арестантовъ, сорвалъ съ караульнаго начальника погонъ и сказалъ: «ничего, такъ себѣ, не наступай на ногу». Онъ говорилъ, что Крючковъ его подстрекалъ. Признавъ это, судъ за пьянство и другіе поступки постановилъ: Волкова сослать въ Тобольскъ на 20 лѣтъ въ каторгу, лишивъ его всѣхъ правъ состоянія.

Въ «Прав. Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее извѣстіе о кончинѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны.

БЮЛЛЕТЕНЬ

о состояніи здоровья ея императорскаго высочества государыни великой княгини Елены Павловны.

Государыня великая княгиня Елена Павловна, состояніе здоровья которой давно уже было разстроено, заболѣла 4-го января острымъ желудочно-кишечнымъ катарромъ, а 8-го января послѣдовалъ полный упадокъ силъ. Хотя, послѣ употребленія возбуждающихъ средствъ, ея высочество провела довольно спокойную ночь; но утромъ дѣятельность сердца ослабѣла снова, такъ что ея императорское высочество находится въ крайне-опасномъ состояніи.

Лейб-медикъ Здекауеръ.
Докторъ Эйхвальдъ.

9-го января. 10 часовъ утра.

БЮЛЛЕТЕНЬ.

Ея императорское высочество государыня великая княгиня Елена Павловна отъ послѣдняго упадка дѣятельности сердца не оправилась. Къ полудню появились признаки остраго отека мозга, и въ 2 часа ея императорское высочество спокойно въ Бозѣ почила.

Лейб-медикъ Здекауеръ.
Докторъ Эйхвальдъ.

1-й заемъ 1864 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 16-й тиражъ 2-го января 1873 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1 марта 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа 1-го Января 1873 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ.

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
91	35	500	4497	47	500	9041	7	500
200	28	500	4559	5	500	9074	3	5000
206	1	500	4830	30	1000	9046	39	500
326	35	500	4854	49	500	9342	42	500
362	26	500	4932	15	500	9356	5	500
384	24	500	4938	9	1000	9417	17	500
390	34	500	5013	2	500	9515	48	500
447	3	500	5039	35	500	9517	6	8000
554	32	500	5054	18	500	9631	3	500
556	14	1000	5058	11	500	9927	36	500
567	39	500	5138	33	500	10076	19	500
613	43	500	5199	45	500	10139	47	8000
645	5	500	5265	16	500	10207	15	1000
852	19	1000	5259	22	500	10270	48	500
982	36	500	5302	6	1000	10457	22	500
995	28	500	5348	20	500	10494	25	500
1092	42	500	5372	3	500	10518	38	500
1156	17	500	5496	31	500	10538	48	500
1194	37	500	5502	23	500	10591	21	500
1291	16	500	5526	2	500	10688	5	500
1467	41	500	5606	18	500	10693	17	500
1671	49	500	5739	42	1000	10743	14	500
1698	48	500	5766	2	500	10744	48	500
1732	4	8000	5943	11	500	10794	17	500
2002	27	500	6149	46	500	10812	3	500
2041	4	500	6085	21	500	10832	22	500
2086	16	500	6220	20	500	10848	41	500
2089	15	500	6254	36	5000	10899	12	500
2119	33	500	6267	3	500	11000	10	500
2157	43	5000	6291	9	500	11012	48	500
2194	23	500	6363	8	500	11032	1	500
2245	7	500	6508	41	500	11083	41	500
2249	43	500	6435	31	500	11085	40	500
2362	46	500	6440	39	500	11137	46	500
2377	42	500	6549	10	500	11242	4	500
2403	4	500	6573	44	500	11413	8	500
2444	37	500	6780	48	500	11470	28	500
2511	41	500	6780	33	500	11546	5	500
2531	9	500	6981	5	500	11646	4	5000
2592	37	500	7001	50	10000	11757	50	500
2634	8	500	7011	25	500	11853	43	500
2664	11	500	7108	9	500	11972	11	500
2702	38	500	7125	46	500	12052	25	500
2738	14	500	7168	19	500	12192	36	500
2760	30	500	7260	28	5000	12238	27	500
2810	38	500	7262	30	8000	12327	28	500
2828	30	500	7488	21	500	12432	19	500
3041	19	500	7519	25	500	12434	20	1000
3162	47	500	7529	7	500	12479	15	500
3195	28	500	7573	42	500	12502	37	1000
3199	11	500	7606	9	500	12558	8	5000
3208	32	500	7820	9	8000	12642	43	500
3300	45	500	7869	10	500	12686	3	500
3302	46	500	7931	41	500	12709	16	5000
3350	27	500	7974	35	500	12732	27	500
3545	45	500	8009	47	500	12746	49	500
3546	3	500	8040	40	75000	12748	16	500
3776	38	500	8100	33	500	12805	26	500
3837	24	500	8299	4	1000	13031	23	200000
3902	8	500	8439	27	500	13043	31	25000
4014	9	500	8452	10	500	13072	8	1000
4183	36	500	8465	35	500	13104	36	40000
4213	2	500	8490	11	500	13112	37	500
4220	41	500	8674	43	500	132.5	47	500
4240	11	10000	8772	21	1000	13355	6	500
4496	48	500	8817	36	500	13358	12	500

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
13359	12	500	15950	19	500	18120	13	500
13418	46	500	16012	46	500	18123	41	1000
13463	31	500	16041	32	5000	18139	32	500
13717	32	500	16103	27	500	18214	2	500
13744	42	500	16142	29	10000	18355	37	1000
13898	27	500	16282	50	500	18416	22	500
13930	28	500	16347	33	1000	18463	42	500
14212	38	1000	16375	50	500	18468	6	500
14258	42	500	16528	40	500	18514	24	500
14352	18	500	16657	24	500	18604	25	500
14398	31	500	16663	36	500	18614	36	500
14490	49	500	16808	1	1000	18621	33	500
14510	29	500	16842	40	500	18644	24	500
14544	7	500	16975	28	500	18656	35	500
14714	18	500	17040	34	500	18677	22	500
14762	9	500	17053	13	500	18723	43	500
14763	41	500	17133	17	500	18773	3	500
14786	12	1000	17276	11	500	18935	18	500
14793	32	500	17320	50	500	18937	21	500
15030	41	1000	17381	5	500	18954	17	500
15064	13	500	17389	7	500	19042	3	500
15168	47	500	17410	46	500	19060	2	500
15185	34	500	17565	23	500	19090	25	500
15383	37	500	17599	16	500	19202	40	500
15414	34	500	17670	41	500	19218	33	500
15419	26	1000	17702	11	500	19243	22	500
15561	26	500	17731	4	500	19336	47	500
15626	32	500	17756	34	500	19413	42	500
15679	15	500	17864	43	500	19461	22	500
15698	28	500	17918	19	500	19760	47	500
15743	8	500	17930	13	500	19770	43	500
15832	39	500	17965	4	500	19785	4	500
15869	47	500	17995	40	500	19861	4	500
15920	30	500	18059	6	500	19873	17	500

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1873 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 2-го января 1873 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

177, 2152, 2201, 2439, 2635, 2678, 3059, 3350, 3676, 3721, 4404, 4683, 4936, 5539, 5839, 6268, 7266, 7568, 8509, 9371, 9490, 9594, 9825, 9851, 10459, 10769, 11064, 11842, 11901, 11932, 12049, 12405, 13866, 13923, 13943, 14445, 15160, 15520, 15570, 15896, 16746, 17518, 17639, 17799, 17825, 18100, 18957, 19479, 19683, 19856.

Всего 50 серій, составляющихъ 2,500 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производится съ 1-го апрѣля 1873 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Дозволено цензурою 12 Января 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр., д. № 53.

№ 3 1873.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 22 января 1873 года. Годъ IV.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1873 году №№ „Нивы“.

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

Охотника въ лисьей шапкѣ звали Петромъ Касаткинымъ, онъ служилъ офицеромъ въ мѣстномъ линейномъ баталіонѣ. Попалъ онъ сюда уже давно, чуть ли не съ шестнадцати-лѣтняго возраста, а теперь ему было по крайней мѣрѣ за тридцать. Глушь, скука, лишеніе всего, что хотя сколько нибудь можетъ назваться умственной пищею,—это притупляющее, давящее однообразіе мѣстной жизни могло бы совершенно убить его натуру, затянуть хмѣльною тиною все въ немъ живое, но этого не случилось. А случалось это со многими, почти со всѣми, кого только судьба забросила въ эту забытую, дикую глушь.

Игра и пьянство, пьянство и игра, вотъ два главныхъ элемента мѣстной жизни. Трезвыя минуты считались положеніемъ ненормальнымъ, почти болѣзненнымъ, и еслибы въ человѣкѣ не нашлось какой нибудь противудѣйствующей силы, еслибы эта сила оказалась бы несостоятельною въ борьбѣ съ своимъ страшнымъ врагомъ, тоскливою скукою, то ему приходилось бы только одно:—окунуться съ головою въ этотъ ужасный, всепоглощающій омутъ.

Въ Касаткинѣ нашлась эти сила; она развивалась въ немъ еще съ ребяческаго возраста, она направляла въ въ немъ всѣ его инстинкты, она спасла его и въ данномъ случаѣ, сдѣлавъ то, что годы степной жизни, тянувшіеся для другихъ безконечно, пролетали для него какъ короткіе зимніе дни, когда не успѣешь налюбоваться солнечнымъ свѣтомъ, глядь, уже пора зажигать огни и садиться за ужинъ.

Эта спасительная, благотворная сила была любовь къ природѣ.

Во время длинныхъ, утомительно-однообразныхъ похо-

довъ черезъ неизмѣримыя степи, когда полу-сонные его товарищи, понуривъ головы, брели, еле передвигая ноги, молодаго Касаткина все занимало—занимало все что только онъ ни видалъ кругомъ; а онъ видалъ много новаго, много такого что дѣйствительно могло интересовать—и видѣлъ тамъ, гдѣ другіе рѣшительно не ждали ничего кромѣ однообразія мертвой степи.

— Посмотри! ты видишь, какъ въ дали словно озерко протянулось? вонъ еще, обращался онъ къ кому нибудь изъ товарищей, — ну совершенно какъ вода. И еслибы я не зналъ навѣрное, что это марево...

— Отстань... угрюмо отвѣчалъ товарищъ соннымъ голосомъ,—эка невидаль!

— Черепахъ видалъ?...Вотъ тутъ сейчасъ двѣ поползли... обращался онъ къ другому.

— Мм!.. мычитъ тотъ во снѣ и клюетъ носомъ, крѣпко ухватившись руками за переднюю луку казачьяго сѣдла.

— А я сейчасъ змѣю убилъ! медянку... онѣ преопасныя:—укуситъ—смерть!...говоритъ онъ третьему.

— Экъ на тебя устали нѣтъ! обрѣзаютъ его и съ этой стороны.

Тамъ на верхушкѣ небольшаго бугра сидитъ орелъ; онъ сидитъ совершенно неподвижно и смотритъ на проходящій мимо отрядъ.

Касаткину вдругъ захотѣлось взглянуть: какъ это онъ взмахнетъ своими громадными крыльями? Его надо спугнуть. По бокамъ усталой лошаденки щелкаетъ плетка. Вотъ всадникъ близко къ степной птицѣ, гикнулъ на нее, та смотритъ изумленно: «что молъ ему отъ меня надо?» Однако всадникъ подъѣзжаетъ еще ближе; орлу приходится оставить свое насиженное мѣсто, и долго-долго слѣдитъ глазами за орломъ молодой юнкеръ, любуясь его величественнымъ полетомъ.

— Ты, братъ, совсѣмъ какъ собака птицъ по степи гоняешь!... встрѣчаетъ его угрюмая фраза, когда онъ догоняетъ отрядъ.

— Да вѣдь занятно, оправдывается Касаткинъ и уже посматриваетъ по сторонамъ:—нѣтъ ли еще чего нибудь «занятнаго?»

Годы шли за годами; изъ шестнадцати-лѣтняго мальчика развился и выросъ здоровый мужчина,—не красавецъ да и не уродъ, съ добрыми сѣрыми глазами, съ рыжеватою бородою, съ длинными мускулистыми руками, ногами не знающими устали, съ сердцемъ не знающимъ страха, съ головою, не знающей, что это за странное такое чувство—растеряться въ минуту опасности.

Подъ вліяніемъ разнообразной, дикой природы, не тронутой еще цивилизаціей, обильной всякаго рода дичью крупною и мелкою, изъ него образовался охотникъ въ обширномъ значеніи этого слова... Еслибъ его учили чему нибудь кромѣ одной грамоты, можетъ быть изъ него вышелъ бы замѣчательнѣйшій натуралистъ,—но такъ какъ ему положительно не приходилось познакомиться съ наукою, то изъ него вышелъ только охотникъ.

Положимъ, что когда въ эту глушь пріѣзжали люди науки собирать свѣдѣнія по части фауны и флоры, эти люди не брезгали нашимъ охотникомъ; да впрочемъ, имъ и не выгодно было бы брезгать имъ, иначе они вернулись бы съ пустыми руками, и не привезли бы съ собою такихъ богатыхъ и разнообразныхъ коллекцій.

По цѣлымъ недѣлямъ бродилъ онъ по окрестностямъ, съ своею нехитрою двустволкою тульскаго происхожденія, подбиралъ себѣ болѣе или менѣе подходящихъ товарищей и снабжалъ чуть ли не весь горнизонъ плодами своихъ похожденій.

Туземцы знали его всѣ очень хорошо; они постоянно являлись къ нему съ своими жалобами: у того кабаны вытоптали и взрыли рисовый посѣвъ, у того тигръ уволокъ его любимую кобылу, у того волки совсѣмъ одолѣли его барановъ... и т. д.—На всѣ эти жалобы чутко отзывался средней-азіятскій Немродъ и тотчасъ же являлся съ своимъ оружіемъ и собаками въ то мѣсто, гдѣ требовались его услуги.

Его закаленное здоровье выдерживало всѣ невзгоды охотничьей жизни: ему нипочемъ были купанья въ рѣкѣ, по которой шли льдины, ему нипочемъ было выдержать безъ капли воды переходъ верстъ въ пятдесятъ подъ палящимъ, сорока-градуснымъ жаромъ. Даже царапины и весьма серіозныя заживали у него какъ-то очень скоро. Годъ тому назадъ тигръ прокусилъ ему плечо: думали, прійдется отнимать руку; думали даже, что совсѣмъ пришелъ конецъ нашему охотнику;—но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ снова отправился въ «чардари» отыскивать своего врага, который его чуть-чуть не искалечилъ.

Да, это было желѣзное тѣло.

Страсть къ охотѣ поглощала въ немъ всѣ остальныя страсти,—она даже не дозволяла развиваться этимъ другимъ страстямъ, подкашивая ихъ въ самомъ зародышѣ. Да и когда было заняться чѣмъ либо другимъ, когда Касаткину приходилось развѣ что одинъ день въ недѣлю провести дома въ обществѣ людей,—все же остальное время было посвящено охотѣ... И Богъ вѣсть до какихъ поръ шло бы этимъ порядкомъ, еслибы не испортилъ всего дѣла одинъ случай.

Года три тому назадъ, пошелъ онъ въ камыши стрѣлять фазановъ. Рано утромъ, еще до восхода солнца началъ онъ свой обходъ, а когда сталъ выбираться къ старой чиназской дорогѣ, то солнце стояло уже надъ самою головою и пекло такъ, что прохватывало жаромъ даже его круглую бѣлую фуражку съ холщевымъ назатыльникомъ. Собака его замаялась окончательно и опустивъ хвостъ брела сзади, что называется на охотничьемъ жаргонѣ — чистила шпоры; да и самъ Касаткинъ, не смотря на свою неутомимость, почувствовалъ, что пора дать отдыхъ своимъ ногамъ и удовлетворить настойчивому требованію своего желудка.

Когда онъ взобрался на курганъ, возвышавшійся надъ волнующимся моремъ высокихъ стеблей, ему стало далеко видно кругомъ: видны были скалистые обрывы селенія Дзингаты, видна была высокая насыпь стараго Чиназа, видны были таловыя деревья на берегу Сыръ-Дарьи, бѣлѣла точка комендантскаго дома и свѣтло-сѣрою полосою тянулась старо-чиназская дорога. Все это было видно далеко-далеко, и только привычный взглядъ охотника могъ распознавать кое какія подробности.

— Развѣ направиться къ старому Чиназу? туда ближе всего будетъ, подумалъ онъ.—Тамъ у пріятеля Курбанъ-бія можно поваляться въ тѣни навѣса, на узорной кошемкѣ, можно напиться чаю изъ хозяйскихъ зеленыхъ чашечекъ, можно закусить превосходными жирными пельменями.... Его собака «Альфа» вѣрно понимала о чемъ думаетъ хозяинъ, она завиляла своимъ пушистымъ хвостомъ и подхватила краснымъ языкомъ потянувшіяся съ обвислыхъ губъ слюни.—Ну, Альфа, гайда!... крикнулъ Касаткинъ и сбѣжалъ съ кургана.

Опять исчезла даль, закрытая непроницаемыми, однообразными стѣнами камыша. Бѣлыя клочковатыя облака быстро бѣжали по темно-синему небу, въ воздухѣ весело

чирикали и щебетали розовые скворцы, цѣлыми стаями перелетая съ мѣста на мѣсто; длиннохвостые фазаны поминутно вылетали почти изъ подъ самыхъ ногъ, сверкая на солнцѣ своими золотистыми перьями. Нашъ охотникъ не обращалъ уже на нихъ никакого вниманія — онъ даже до ружья не дотрогивался, и покойно висѣло оно за правымъ плечомъ, качаясь на шитой шелкомъ перевязи; весь поясъ охотника былъ унизанъ убитыми птицами и больше не было мѣста для добычи. Только Альфа, казалось, еще не хотѣла прекратить охоты, она вздрагивала при каждомъ неожиданномъ вылетѣ, поднимала кверху свою голову, слѣдила за полетомъ птицы и косилась на стрѣлка, какъ бы говоря ему:—что же ты, братъ, валяй! или не видишь?...

Вдругъ онъ услышалъ голоса... Говоръ несся съ дороги, которая уже виднѣлась сквозь выгорѣвшій камышъ. Касаткинъ подбавилъ шагу: его заинтересовало не то, что на дорогѣ говорятъ,—мало ли кто ѣздитъ по этой дорогѣ, и рты ни у кого не завязаны, разговаривать могутъ сколько угодно,—а то что слышенъ былъ русскій говоръ, слышенъ былъ между прочими молодой, полный мелодіи женскій голосъ и вдобавокъ совершенно незнакомый. Касаткинъ зналъ хорошо всѣхъ чиназцевъ и положительно могъ быть увѣренъ, что на дорогѣ говорятъ люди пріѣзжіе, новые, голоса которыхъ онъ слышитъ еще въ первый разъ—особенно этотъ серебристый голосъ—экъ завенѣлъ!... Экъ заливается... хохочетъ!.. Вонъ старикъ на кого-то прикрикнулъ... опять смѣхъ... Альфа принялась рычать... Касаткинъ перелѣзъ черезъ широкую канаву, до половины наполненную водою; онъ раздвинулъ послѣдніе кусты и вскарабкался на дорожную насыпь.

Какъ разъ посреди дороги стоялъ большой, старый казанскій тарантасъ, заднее колесо котораго находилось въ самомъ безнадежномъ положеніи. Экипажъ не могъ продолжать дальше своего путешествія. Около разбитаго колеса въ раздумьѣ стоялъ высокій старикъ въ изношенномъ офицерскомъ пальто, онъ сосредоточенно разсматривалъ расколотый ободъ и разсыпавшіяся, торчащія врозь спицы. Въ тарантасѣ дремала толстая женщина въ чепцѣ, комично сбившемся на сторону. Выше всѣхъ, стоя на какомъ-то сундукѣ и ухватившись руками за фордекъ, расположилась молодая дѣвушка и сообщала самыя оригинальныя предложенія относительно продолженія пути.

Лошадей только пара находилась при экипажѣ; на третьей ямщикъ-татаринъ уѣхалъ куда-то, какъ предполагалъ старикъ—на станцію за новымъ колесомъ.

— Вѣдь экъ какъ разъѣхалось! произнесъ старикъ и переложивъ трубку изъ за одной щеки за другую, потрогалъ пальцемъ искалеченное колесо.

— А мама все не можетъ проснуться,—мама, да проснись—пріѣхали!

Дѣвушка расхохоталась.

— Отстань!..зѣвнула маменька,—не могъ присмотрѣть раньше, разиня! Она злобно покосилась на старика и опять погрузилась въ дремоту,

— Въ двадцать восьмомъ году... началъ старикъ.

— А знаешь, объ чемъ я думаю? обратилась къ нему дѣвушка.

— А?...

— Помнишь, папа, намъ говорили, что въ этихъ камышахъ... Дѣвушка показала рукою всторону, — водятся кабаны и тигры...

— Водятся, водятся—самъ слышалъ; на той станціи, помнишь, слѣдъ видѣли, большой такой... Да куда же это онъ запропалъ? уѣхалъ и пропалъ?.. Ахъ, чтобъ его волки съѣли!

— Здѣсь, папа, не волки, а тигры.—Вотъ я и думала: ну что если вдругъ, мы вотъ тутъ сидимъ... ничего не ожидаемъ...

— Ожидаемъ, матушка, ожидаемъ: подлеца ямщика ожидаемъ.

— Ты слышишь, что-то трещитъ?.. Вонъ тамъ.

Дѣвушка пристально начала всматриваться въ колеблющіеся камыши.

— Ахъ чтобъ тебя, напугала... совсѣмъ!... заворчала старуха.

— Да и то правда, неровенъ часъ—мѣсто незнакомое.. Подай-ка мое ружье, на всякъ случай...

Старикъ взялъ протянутое къ нему ружье и поставилъ его у колеса, а самъ присѣлъ на подножку тарантаса.

— Скучно—ждать-то... произнесъ онъ.—Ты бы, Наташа, что нибудь спѣла.

— Ну, ну!... встрепенулась маменька, —на голосъ-то пожалуй скорѣе придутъ —эти-то, какъ бишь ихъ?

— Тигры.

— Ну да, тигры —ой, батюшки, трещитъ! теперь уже сама слышала.

— Что, бабы, перетрусили? засмѣялся старикъ, — да отъ одного вашего визгу бабьяго всѣ тигры разбѣгутся! — А, что такое?..

— Смотри туда!

— Съ нами крестная сила! — задерните скорѣй фордекъ то... Ахъ Господи!

— Да ну, ничего: можетъ это такъ только.

— Ай, ай!!...

Сильно зашелестѣвшіе камыши пропустили что-то мохнатое; это мохнатое приподнялось надъ самымъ гребнемъ дорожной насыпи; Альфа кубаремъ скатилась внизъ и съ веселымъ лаемъ ринулась къ оторопѣвшимъ путешественникамъ.

— Здравствуйте!.. Счастливаго пути! забормоталъ растерявшійся Касаткинъ, снимая шапку и осторожно спускаясь на дорогу.

— Мое почтеніе... здоровье ваше какъ-съ?... произнесъ не менѣе растерявшійся старикъ въ офицерскомъ пальто.

— Благодарю покорно—извините съ...

— Ничего, помилуйте...

Богъ вѣсть сколько бы времени протянулись китайскія церемоніи старика съ Касаткинымъ! оба они почему - то были сильно сконфужены, особенно послѣдній, которому казалось, что дѣвушка какъ-то насмѣшливо и подозрительно осматриваетъ его комичную фигуру.

— А мы васъ за тигра приняли — папаша стрѣлять хотѣлъ, расхохоталась блондинка.

— Тигры здѣсь водятся и въ большомъ количествѣ, отвѣчалъ охотникъ, неловко раскланиваясь.

— Ахъ страсти какія! высунулась маменька изъ тарантаса.—А вы изъ чиназскихъ что-ли?

— Я здѣшній.

— Мы вотъ тоже въ Чиназъ.

— Да, на службу ѣдемъ, перебилъ старикъ; — на старости лѣтъ экую дорогу ломаемъ!—вотъ со всѣмъ гнѣздомъ своимъ такъ и поднялся.

— Съ семействомъ?—Альфа, сиди смирно!

— Да, съ семьей—вонъ баба моя сидитъ, а это дочка. Наташа, смотри какъ бы не укусила!

— Нѣтъ—нѣтъ—не бойтесь, она не злая.

— На охотѣ были? спросила Наташа,—ухъ! сколько

дичи набили—да какая красивая все, особенно эти, что съ длинными хвостами.

— Фазаны-съ; позвольте-съ...

Касаткинъ отвязалъ чуть не все, что было у него на поясѣ, и положилъ въ тарантасъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... что это вы...

— Ничего, ничего, — пригодятся, затороnилась старуха. — Онъ себѣ еще настрѣляетъ. Спасибо родной, —какъ бишь звать-то васъ?

— Да и взаправду! мы вотъ тутъ разговариваемъ, произнесъ старикъ,—а имени и отечества вашего не имѣемъ чести знать вовсе.

— Петромъ Касаткинымъ прозываюсь.

— А я, батюшка — артилеріи подпоручикъ... Чижиковъ—вы что такъ смотрите? сѣдъ что ли для подпоручичьяго чина?... ничего, фортуна не баловала; вотъ уже сороковой годъ при пушкахъ службу тяну. Еще при императорѣ Александрѣ первомъ въ бомбардирахъ состоялъ. Да-съ, старый пушкарь азъ есмь—такъ и теперь товарищи кличутъ.—Такъ и говорятъ: «старый пушкарь Мартынъ Федоровичъ Чижиковъ, а это дочка моя, Наташа,—жена Маланья Ивановна. Ну, вотъ и всѣ!.. А ямщика подлеца все еще нѣтъ, закончилъ старый пушкарь свой монологъ.

— Да тутъ близко до Чиназа;—можно и на трехъ колесахъ добраться, заговорилъ Касаткинъ, разсматривая поврежденіе экипажа,—теперь вашъ ямщикъ развѣ къ ночи пріѣдетъ;—а это все я вамъ сейчасъ устрою.

Онъ перелѣзъ черезъ насыпь и скрылся изъ вида, оставивъ въ недоумѣніи всѣхъ трехъ путешественниковъ.

— Да онъ прехорошенькій, замѣтила Наташа.

— Медвѣдь неотесаный!.. заворчала маменька.

— Парень - душа, должно полагать, рѣшилъ «старый пушкарь».

— Теперь мы это скоро уладимъ! крикнулъ съ вершины насыпи Касаткинъ, таща длинную сухую жердь, которую онъ нашелъ въ камышахъ,—веревка найдется съ вами?

— Наташа, поищи-ка тамъ въ козлахъ — возжи должны быть старыя.

— Да они, папа, всѣ въ дегтю.

— Ничего, волоки.

— Мнѣ выйти, чтоли? спросила Маланья Ивановна.

— Ничего, сидите...

Старикъ артилеристъ и Касаткинъ принялись подвязывать жердь подъ ось сломаннаго колеса, маменька считала фазановъ и укладывала ихъ подъ сидѣнье, Наташа играла съ Альфой, которая забравшись въ экипажъ принюхивалась къ кулькамъ съ дорожной провизіей.

Черезъ нѣсколько минутъ все дѣйствительно было устроено.

Пара усталыхъ лошадей тащила тарантасъ самымъ медленнымъ шагомъ; экипажъ тяжело наклонился на одну сторону, скрипѣлъ, визжалъ, и гремѣлъ своими расколоченными боками, раскачавшимся шалнерами и гайками; жердь, подвязанная въ видѣ санняго полоза, бороздила глубокую пыль. Касаткинъ шелъ рядомъ съ старымъ пушкаремъ, — Наташа, сидя на козлахъ держала возжи, хотя лошади вовсе не нуждались въ томъ, чтобы ими правили. Маланья Ивановна что-то ворчала себѣ подъ носъ; она была видимо недовольна чѣмъ-то; — ее должно быть сердили тѣ веселые, ласковые взгляды, которые шалунья дочка бросала по временамъ на широко-шагавшаго охотника.

Черезъ часъ ѣзды, они поравнялись съ первыми насыпями чиназскимъ укрѣпленій — на гребняхъ которыхъ виднѣлись жерла старыхъ орудій, почти негодныхъ для употребленія, которыми командывать пріѣхалъ изъ-за нѣсколькихъ тысячь верстъ, съ всею своею семьею, старый пушкарь, такой же старый какъ и эти, воинственныя на видъ но мирныя на дѣлѣ, бракованныя пушки.

Съ этого дня въ сердцѣ Касаткина закопошилось что-то новое, до сихъ поръ ему незнакомое.—Теперь уже не одни взлеты фазановъ, хрюканье дикихъ свиней, страшные слѣды тигра—занимали нашего охотника; въ его воображеніи, въ его снахъ и думахъ началъ, хотя въ первое время довольно рѣдко, рисоваться другой образъ, болѣе граціозный, болѣе кокетливый, чѣмъ длинная, черная, вся ощетинившаяся, клыкастая морда кабана, или же страшная съ проницательными, огненно-зелеными глазами голова колоссальной кошки.

Нагольный тулупъ потянулся, зѣвнулъ и приподнялся на локоть. Охотникъ въ лисьей шапкѣ сидѣлъ все въ томъ же положеніи; только рука его былъ протянута къ огню, и онъ чертилъ что-то по остывающей золѣ концомъ вынутаго изъ ружья шомпола.

— Гм!. подумалъ нагольный тулупъ, приподнялся, пододвинулся и заглянулъ черезъ плечо охотника, совсѣмъ погрузившагося въ свое занятіе. — «Наташа»—прочелъ онъ громко написанное слово.

— Ты чего не спишь? обернулся къ нему охотникъ въ лисьей шапкѣ, вздрогнувъ отъ неожиданно-произнесенаго —у самаго его уха—женскаго имени.

— Ложись-ка, Петя, теперь ты, да поспи маленько; можетъ тебѣ во снѣ приснится кое кто... Что это огонь совсѣмъ опадаетъ?--пойдти развѣ еще приволочь охапку?

Онъ потянулся еще разъ, надѣлъ свой тулупъ, въ рукава и пошелъ къ камышамъ, мало по малу скрываясь въ ночномъ мракѣ.

Бабаджакъ съ своею Діанкою храпѣли въ запуски; надъ водою уныло кричала какая-то птица, и глухо плескался пѣнистый прибой, дробясь о песчаную косу отмели.

(Продолженіе будетъ).

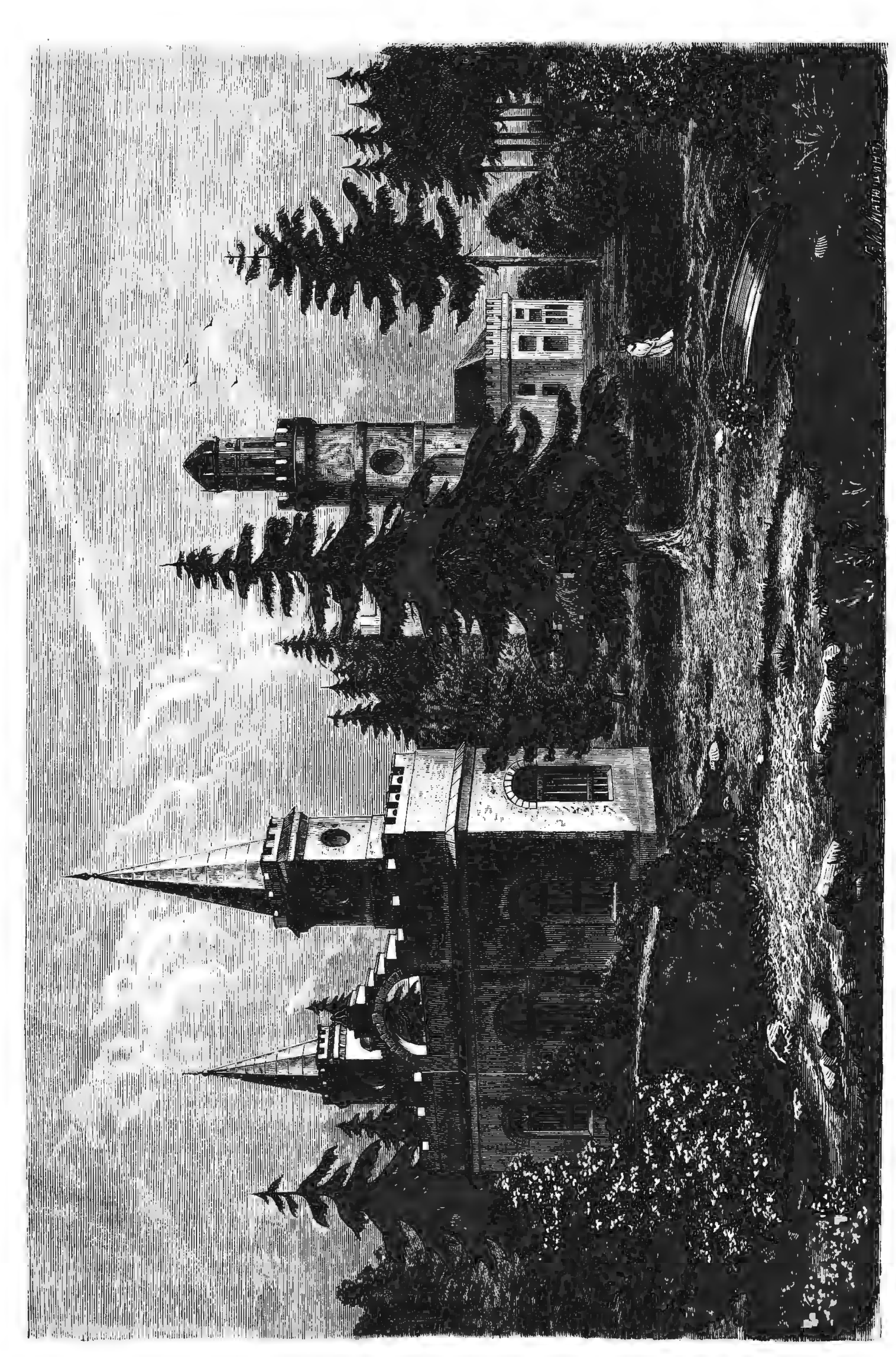
Старый судъ.

А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

III.

Было уже около половины одиннадцатаго вечера, когда ко мнѣ привели Моисея Артемова Тарасова. Онъ былъ мужчина очень высокаго роста, почти великанъ, но худощавый и узкій въ плечахъ, совсѣмъ не такой силачъ, какъ я предполагалъ о немъ по словамъ крестьянъ; только смотря на его ростъ, у меня мелькнула мысль, что при немъ ему вполнѣ удобно было нанести ударъ въ голову Медвѣдкину. Морщинистая, смугловатая кожа его на лицѣ какъ бы присохла на щекахъ, лишенныхъ волосъ; только широкій черепъ его былъ покрытъ свѣтлорусыми волосами, съ пробором на рединѣ, да острый подбородокъ



Островки-Пелла на Невѣ, замокъ Екатерины II. Рис. Волковскій, грав. И. Матюшинъ.

оканчивался волосянымъ кустикомъ рыжаго цвѣта. Отъ выпуклаго, но маленькаго и также морщинистаго лба вдоль всего лица тянулся длинный и большой носъ къ бѣлымъ тонкимъ губамъ, прикрытымъ рѣдкими усами; бровей и рѣсницъ вовсе не было и ихъ замѣняли красные ободки, подъ которыми рельефно выдѣлялись сѣрые большіе глаза; но они не были страшны, а напротивъ свѣтились блескомъ ума. Костюмъ его составляли: холщевая русская съ косымъ воротомъ рубаха, поверхъ синихъ набойчатыхъ шароваръ, задвинутыхъ въ сапоги,—при тонкомъ пояскѣ, около котораго болтался привязанный на веревочкѣ гребень. На плечахъ былъ накинутъ сѣрый крестьянскій зипунъ.

— На васъ падаетъ подозрѣніе, началъ я къ нему рѣчь безъ дальнихъ околичностей,—въ убійствѣ купеческаго сына, Михайлы Иванова Медвѣдкина?.. Я долженъ васъ предупредить, что нашъ законъ неумолимо строгъ къ людямъ, запирающимся въ своихъ преступленіяхъ,—потому что, пока преступленіе откроется, подозрѣніе часто падаетъ на лицъ ни въ чемъ не повинныхъ, и тѣ напрасно переносятъ различныя страданія;—тогда какъ, при откровенномъ сознаніи, къ раскаивающемуся законъ гораздо снисходительнѣе... Поняли ли вы меня и знаете ли это?...

— Знаю-съ, робко отвѣчалъ онъ.

— Ну, теперь, еще слушайте: признаетесь ли вы сейчасъ, или нѣтъ,—для меня собственно все равно: потому что я, все таки, такъ дѣло не оставлю и узнаю его до тонкости...

Глаза Моисея радостно сверкнули. Я продолжалъ.

— Во первыхъ, я хочу удостовѣриться во всемъ самъ, лично; во вторыхъ—дознать, не было ли у васъ сообщниковъ явныхъ или тайныхъ, то есть такихъ, которые навели васъ на мысль совершить преступленіе; а въ третьихъ, хотя вы и признаетесь, но я прямо суду такъ дѣло представить не могу, не провѣривъ вашихъ словъ. Богъ васъ знаетъ, можетъ быть вы хотите на себя принять чужой грѣхъ?...

— Ваше благородіе! воскликнулъ Тарасовъ,—дознайтесь правды!... Клянусь вамъ Богомъ, безвинно погибну, коли не ваша милость... Моисей опустилъ голову и всплеснулъ руками.

— Слѣдовательно, не вы убили Медвѣдкина?...

— Не я, ваше высокоблагородіе!... Видитъ Богъ, не я... Моисей при этихъ словахъ широко перекрестился съ раскольничьимъ слагательствомъ перстовъ.

— Помните, сказалъ я ему,—я васъ предупреждалъ относительно запирательства... а противъ васъ сильныя улики...

— Все знаю... Погибать должонъ...

— Хорошо, замѣтилъ я,—о невинности вашей и погибели мы поговоримъ послѣ... Отвѣчайте теперь на нѣкоторые мои вопросы: откуда, напримѣръ, у васъ эта кровь, которую я замѣчаю на рубашкѣ?

— Вечеромъ вчера точилъ топоръ и маленько обрѣзался... Изволите видѣть...

Я взглянулъ на чуть-замѣтную ранку въ срединѣ состава большаго пальца и позвалъ, находившагося въ сосѣдней комнатѣ, врача—спросить у него: можно ли отъ такаго незначительнаго порѣза такъ сильно окровавиться? Врачъ утвердительнаго отвѣта не далъ. У Моисея значительно былъ вымазанъ кровью подолъ рубахи, и въ особенности на правомъ боку. Я предложилъ врачу сличить эту кровь съ кровью на рубахѣ Медвѣдкина; но онъ отнесся къ этому съ такою гримасой, какъ будто изъ этого ничего не могло выйдти. Не свѣдущій въ медицинѣ, я не сталъ настаивать, но послалъ сотскаго къ родителямъ Моисея за новой для него рубахой, а эту приложилъ къ дѣлу, къ числу вещественныхъ доказательствъ. По уходѣ врача, я спросилъ Моисея: почему онъ не перемѣнилъ, или не замылъ тогда же рубахи, послѣ порѣза?...

— Рубахъ у меня, простодушно отвѣчалъ Моисей,—всего три—и нѣтъ у насъ обычая, чтобы мѣнять ее ранѣе, какъ отъ воскресенья до воскресенья, какъ тамъ ни пачкайся. И-то это завела Акулина... Она, вишь, хохлушка и соблюдаетъ чистоту; а при первой покойницѣ женѣ было двѣ, а то и одна, и носишь бывало, пока вовсе не годится... Замыть точно сбирался; думалось: скупаюсь на зоркѣ и замою...

— Положимъ, это такъ. Но, какъ вы объясните причину побѣга, который при такомъ происшествіи невольно кладетъ на васъ сильное подозрѣніе?...

— Нельзя всего сказать, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ со вздохомъ,—ну, да вотъ какъ дѣло было: съ вечера я собирался сегодня чуть свѣтъ въ поле и улегся спать на гумнѣ: я и всегда сплю либо подъ навѣсомъ, либо тамъ. Сонъ у меня чуткій. Вдругъ, передъ зарею, заслышалъ я какой-то шорохъ, какъ будто кто идетъ... Да, что скрывать?... Дѣла наши вашему благородію извѣстны... Подумалось: не Медвѣдкинъ ли пробирается къ Акулинѣ?... Далѣе, слышу, какъ застонало... опять думаю: видно знакъ подаетъ. Подождалъ еще немного, ничего не слышно... Можетъ и показалось! А сонъ прошелъ. Вотъ, я всталъ на скирдѣ и началъ на востокъ креститься; какъ глядь, подъ дальнимъ стогомъ что-то чернѣетъ... Гляжу еще и признаю, по сертуку, Медвѣдкина. «Рано, кричу ему,—пришелъ жену провѣдывать: мужъ еще дома!..» Молчитъ. Въ другой разъ кричу: «Михайла Ивановичъ, вставай, Акулина идетъ!...» Тожь молчитъ. Тогда я слѣзъ съ скирда и самъ пошелъ къ нему, подумавъ: не пьянъ ли онъ... А онъ не пьянъ, а совсѣмъ мертвый!.. Затрясся я весь. Руки и ноги подкосились... Ну, думаю, пропалъ я теперь... Вся слобода на меня напустится... Вспомнилъ я и то и другое, и что похвалялся Медвѣдкина убить... Что дѣлать?—все равно погибать! Постоялъ я надъ нимъ, постоялъ, да какъ махну прямо со двора, куда глаза глядѣли... Можетъ его и не хватятся долго, а въ полдень я буду уже далеко... Думалось мнѣ пробраться верстъ за сорокъ, къ нашимъ... Тожь старообрядцы, только вольные... Надѣялся укрыться у нихъ, а дальше—что присовѣтуютъ... Но куда теперь убѣжишь: пора страдная, рабочая, на полѣ вездѣ народъ, лѣса по близости нѣтъ, росту я такого что за версту видно!... У становаго сила великая!... Ну, и поймали меня верстъ за двадцать...

— Странно, замѣтилъ я, — по вашимъ словамъ, вы добродушно готовы были утромъ шутить съ Медвѣдкинымъ, а между тѣмъ, нѣсколько ранѣе, вы угрожали ему смертію...

— Не вѣрите вы мнѣ, ваше благородіе?!... укоризненно и съ отчаяніемъ проговорилъ Моисей,—сущую правду я вамъ говорю... Ей-ей не сказка!.. А за похвальбу—коли судить, то вся наша слобода виновата... Мало кто на кого похвалялся?... На самого себя—и то похваляешься... Одначе Богъ до грѣха не допускаетъ!... Меня въ слободѣ за силача считаютъ, а я вовсе безсильный человѣкъ... Ну, начнутъ въ питейномъ, или такъ гдѣ, за стаканчикомъ, смѣяться насчетъ жены и Медвѣдкина... Вотъ и похвастаешься силой, скажешь: мнѣ такъ поучить нельзя, не такая у меня рука, а если поймаю—пришибу на смерть, сразу...

Чтобы вывѣдать отъ Моисея тайный смыслъ нѣкоторыхъ словъ его и заслужить большую довѣренность, я одобрительно согласился въ его тонѣ:

— Конечно, что и говорить! Языкъ безъ костей: мелетъ, что ему вздумалось... Я вѣрю вамъ, что все могло такъ случиться, какъ вы разсказываете... Вы невинны; но укажите же: кто виновенъ?... У васъ есть на кого подозрѣніе?...

Моисей молчалъ.

— Какъ же вы просили меня допытаться истины, когда вы молчите?... Говорите, не бойтесь ничего. Наказанія вамъ за это не будетъ. Я даже вотъ что готовъ для васъ сдѣлать: вы мнѣ скажите, кого вы подозрѣваете,—а я буду производить слѣдствіе, какъ будто отъ васъ ничего не слыхалъ и нечаянно напалъ на слѣдъ... Удастся мнѣ открыть—слава тебѣ Господи! я защищу васъ; не удастся—пропадутъ только мои труды, а вы себѣ въ сторонѣ... Что же, есть у васъ подозрѣніе?...

— Есть, отвѣчалъ онъ, подступая ко мнѣ на два шага ближе.

— На кого?...

— Боязно мнѣ сказать, ваше благородіе! Моисей пугливо оглянулся и видимо стѣснялся открытіемъ мучившаго его подозрѣнія.

— На прикащика Медвѣдкина?... спросилъ я.

— Н-нѣтъ... Онъ его задушевный благопріятель, душу свою за хозяина положитъ...

— На жену свою?...

— Нѣтъ... Головой поручусь, не причастна она...

— На кого же? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— На ста-но-ва-го, шопотомъ проговорилъ Моисей, дѣлая шагъ и наклонясь къ моему уху...

Я крайне изумился и рѣзко поворотилъ къ нему голову.

— На чемъ же вы основываете свои подозрѣнія? спрося его, въ свою очередь, шопотомъ, боясь, чтобы становой не подслушалъ насъ изъ другой комнаты...

— Подходящія дѣла. Врѣзамшись онъ въ Акулину....

— Хорошо, остановилъ я его, указывая пальцемъ на стѣну и дверь,—подождите!.. и вставъ съ кресла, я пошелъ удостовѣриться, гдѣ находится становой. Въ передней сотскому сказано было мною, чтобы онъ посмотрѣлъ за арестантомъ; становаго и доктора я засталъ на другомъ крыльцѣ его квартиры пьющими пуншъ.

— Что, кончили допросъ? спросилъ меня становой.

— Да, отвѣчалъ я равнодушно,—осталось записать... А что?...

— Послѣ запишете... Управляющій присылалъ за нами, проситъ къ себѣ ужинать...

— Анатомическое изслѣдованіе, проговорилъ врачъ, зѣвая,—я отложилъ до завтра.

— Такъ вы, господа, уходите?...

— Но и вы же съ нами? Онъ васъ убѣдительно просилъ, сказалъ становой.

— Не знаю... впрочемъ, хорошо. Только вы меня не ждите; я подойду. эдакъ, чрезъ часокъ, если будетъ не поздно; а сейчасъ отдохну до вашего ухода.

Становой и врачъ не хотѣли было идти безъ меня, но послѣднему вдругъ пришла фантазія перекинуться съ управляющимъ, до ужина, въ картишки: направо-налѣво,—и онъ потащилъ съ собою товарища, къ немалому моему удовольствію. Я поспѣшилъ къ допросу Моисея, выславъ даже подъ какимъ-то предлогомъ изъ передней и сотскаго. Сообщивъ Моисею, что становаго нѣтъ дома и что онъ можетъ разсказывать спокойно, я приготовился его слушать.

— Четыре года тому назадъ, разсказывалъ Моисей,—я овдовѣлъ. Безъ бабы хозяйство пошло плохо, нужно было какъ нибудь выручаться; вотъ, я на осень добылъ себѣ добрый бредень и сталъ заниматься, кромѣ своихъ дѣлъ, рыболовствомъ. Галактіонъ Никифоровичъ до этого тожь пребольшущій охотникъ—и стали мы съ нимъ на рѣкѣ, версты за двѣ отъ села, встрѣчаться. Поймаю, бывало, что знатное—отдамъ ему; чрезъ это мы познакомились, и онъ все шутилъ надо мною. Однажды онъ и спрашиваетъ меня:—Отчего ты, Моисей, не женишься? вѣдь безъ бабы скучно?—Оно, точно, говорю, что скучно; да ужь какая за меня пойдетъ?.. Первый разъ я женился восемнадцати лѣтъ...—А хочешь, говоритъ, я тебя женю? да еще такую жену отыщу, что все село завидовать будетъ! Красавицу!—Коли, отвѣчаю, ваша милость, отыщите... Извѣстно, думаю, шутки.—Хорошо, говоритъ; только съ уговоромъ: позволь твою жену любить. Я и на это согласился. Тѣмъ разговоръ и кончился; я было и позабылъ объ немъ—какъ чрезъ недѣльку онъ опять завелъ рѣчь о томъ же, а дальше какъ ни встрѣтимся... —Вижу, говоритъ, что ты—мужикъ хорошій, смирный, хочу наградить тебя. Я все принимаю за шутки. Напослѣдокъ, по веснѣ, встрѣчается онъ со мной и говоритъ: —Ну, я твое дѣло уладилъ; завтра за тобою пришлетъ управляющій. Гляди, не артачься, женись, будешь благодаренъ... А уговоръ помни!.. На утро и вправду управляющій присылаетъ изъ правленія. Иду.—Вотъ что, Моисей Тарасовъ, приказываетъ управляющій,—ты тягольный и человѣкъ еще молодой... Тебѣ надобно жениться, а то отымемъ тягло и возьмемъ во дворъ...—Слушаю. —Тебѣ назначена невѣста изъ Ольховки, дѣвица Акулина Васильева Пархоменкова... Не бойсь, не уродъ какой... Къ отцу ея приказъ уже посланъ, чрезъ тамошнее вотчинное правленіе. Видите,—пояснилъ мнѣ Моисей,—Ольховка хуторъ меньше нашей Кондюровки и нашъ управляющій надъ ихнимъ—старшой; у насъ такой обычай: нашихъ дѣвокъ выдаютъ за ольховскихъ парней, а ольховскихъ—за нашихъ, потому случаю, что баринъ хочетъ насъ-раскольниковъ поуменьшить.—Когда же, спрашиваю я у управляющаго, это дѣло будетъ?—Да какой у насъ день сегодня?—Вторникъ.—Ну, если сегодня не успѣешь, поѣзжай завтра къ Ольховку... Сначала явись въ правленіе, а потомъ къ невѣстѣ. Въ воскресенье чтобы свадьба была... У невѣсты, я думаю, все готово... На, говоритъ, тебѣ вотъ этотъ билетъ—отдашь тамъ въ правленіи... Ступай! Дѣлать было нечего... Въ среду поѣхалъ, увидалъ невѣсту: дѣвка хоть бы и не мнѣ. Замѣчаю, не понравился я ей лицомъ, да двинуться намъ обоимъ некуда... Я такъ и сказалъ ея отцу, матери и самой ей: не взыщите, хорошъ не хорошъ—каковъ есть! Самъ я не искалъ себѣ невѣсты, а приказано: наше дѣло подневольное... А обижать вашу дочь я не буду...—Знаемъ, кто это дѣло орудуетъ! сказали они мнѣ, — это все вашъ становой... Ну, да ладно!.. и его охота не сбудется.—Почему-жъ становой знаетъ вашу дочку?...—Да онъ безперечь тутъ у нашего управляющаго толчется... Увидалъ дѣвку на ярмаркѣ раза два, да въ хороводѣ, понравилась она ему, присталъ и не отвяжется... Теперь, вишь, что выдумалъ.—Эге! думаю себѣ,—вонъ, куда хватило-то!.. Значитъ то-то не шутки были!.. Повѣсилъ я носъ, призадумался. Старики-хохлы—люди добрые, гостепріимные; послали за водкой, я себѣ... Выпили по стаканчику, далѣ по другому, далѣ по третьему... Старикамъ я по душѣ пришелся... Позвала мать дочь... Мнѣ наказываетъ смотрѣть за ней построже, а ей блюсти себя, на-

плевать становому въ рыло, когда онъ станетъ увиваться. иначе грозила ее проклясть, чтобъ ей не было счастья на свѣтѣ. Кончилось же это тѣмъ, что порѣшили присылать мнѣ завтра сватовъ... Я послалъ; въ четвергъ учинился у нихъ пропой, а въ воскресенье мы и вѣнецъ приняли... Недѣльку другую, послѣ женитьбы, становой насъ не тревожилъ. Вдругъ, на третью, поздно вечеромъ, когда мы ложились спать, приходитъ онъ къ намъ, заднимъ ходомъ, чрезъ гумно. Подъ шинелью у него кулечекъ, а тамъ разная водка: и простая и сладкая и наливка съ ромомъ, прихватилъ также и закуски. Радъ не радъ, а долженъ былъ принять гостя.—«Я, говоритъ,—пришелъ тебя провѣдать, какъ поживаешь съ молодою женою, да условиться насчетъ рыбной ловли». Напоилъ это онъ пьяными стариковъ и меня, наливки выпила и Акулина,—и все бы ему цаловаться, а она отвертывается, но раза два удалось ему таки чмокнуть; съ тѣмъ онъ и домой ушелъ. Во вторый разъ приходитъ такимъ же манеромъ—и выпивши все, вызываетъ меня въ сѣни и ублажаетъ, чтобы я вызвалъ туда зачѣмъ бы нибудь Акулину, а самъ ушелъ бы. Сдѣлалъ я такъ; да, видно, ему пришлось не по вкусу: приходитъ онъ изъ сѣнецъ злющій-презлющій, такъ звѣремъ и смотритъ, и сейчасъ же за шапку и драла. Акулина взошла бѣлѣе глины. Тутъ и старики мои догадались, чего ходитъ къ намъ становой. На третьемъ разѣ онъ выдумалъ новую затѣю: приказываетъ мнѣ, чтобы я, когда онъ будетъ уходить, сказался пьянымъ и велѣлъ бы Акулинѣ его проводить по за гумнами. Не пойдетъ, говорю, она.—«Какъ, спрашиваетъ не пойдетъ? Да я тебѣ тогда... Чтожь ты, говоритъ, уговоръ забылъ?... И тебя и жену твою со свѣта сгоню!.. Заморю барщиной, избы лишу... Для меня, говоритъ, — управляющій все сдѣлаетъ...» Испугался я, вызвалъ Акулину и передалъ ей все... «Не бывать этому!.. говоритъ она...» Какъ же быть съ нимъ?.. Злой онъ сегодня!... говорю ей... «Сегодня, — отвѣчаетъ, — я его обману...» Въ избѣ она выпила съ нимъ наливки и что - то шепталась, послѣ чего онъ повеселѣвъ ушелъ. Всего онъ у насъ былъ четыре раза—и въ послѣдній ничего не говорилъ мнѣ, а только подпаивалъ стариковъ, да поглядывалъ на Акулину. Я думалъ, что она пойдетъ провожать его, а онъ и не просилъ ее объ этомъ. Вдругъ ночью, ужь передъ свѣтомъ слышу, кто-то тарахнулъ въ окно и крикнулъ: «Помни же себѣ это!..» Я узналъ голосъ становаго. Съ тѣхъ поръ на нашу семью посыпались гоненія. Стали назначать Акулину на барщину безъ срока—и какъ ни работай, все не угодишь. Баба было осунулась и захирѣла. Потомъ, на удивленіе всѣмъ, все пошло опять по старому: Перестали насъ гнать—и Акулина поправилась и зачала наряжаться. Откуда, думаю себѣ, у ней деньги?.. Началъ ее разспрашивать. Баба повинилась, что у ней еще въ Ольховкѣ была сухая любовь съ Медвѣдкинымъ, а нынѣ она повстрѣчалась съ нимъ здѣсь, потому что отецъ его купилъ подъ Кондюровкой степь и пасѣку. Покойникъ былъ продувной малый и живо порѣшилъ съ становымъ: онъ и денегъ ему далъ, и грозилъ все разсказать женѣ его. Акулина винилась предо мною въ своемъ грѣхѣ съ Медвѣдкинымъ, съ тѣмъ чтобы больше никогда съ нимъ и не видаться, да не выдержала и по селу пошли рѣчи, что она шалитъ съ нимъ. Я было ее побилъ, а дальше разсудилъ и то: насильно милъ не будешь, женились мы поневолѣ,—и сталъ я глядѣть, будто ничего не вижу; такъ только для острастки погрозишь когда иногда, да скажешь что Медвѣдкину цѣлу не быть. На осень Медвѣдкинъ думалъ ее перевести въ городъ, она подлазила ко мнѣ съ этимъ. Чтожь? я бы и тутъ не поперечилъ...Такъ, вотъ, ваше благородіе, заключилъ свой разсказъ Моисей,—по этому случаю я и думаю: не отъ становаго ли произошелъ грѣхъ? потому, что хотя у него съ Акулиной и порѣшено, но злоба у него и противъ нея и противъ Медвѣдкина есть... Это я доподлинно знаю. Къ тому-жь, онъ уже и дѣлалъ противъ Медвѣдкина подсылы: разъ, въ эту зиму неизвѣстные люди поколотили парня, когда онъ шелъ отъ Акулины,—и оказалось, что то были становаго разсыльные; въ другой разъ онъ едва отъ нихъ уплелся..

— Вы говорите, спросилъ я Моисея,—что это обстоятельство многимъ извѣстно?... Напримѣръ, ваши сосѣди знаютъ?...

— Конечно, ваше благородіе, вѣдаютъ... А только спроси у нихъ прямо—скажутъ: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ,—а стороною все бы до чиста разсказали, какъ и становой ходилъ къ намъ...

Показаніе Моисея было очень серіозно. Въ особенности чрезвычайно важна была ссылка его на подсылъ становымъ разсыльныхъ побить Медвѣдкина. Не дать вѣроятія словамъ его—я не могъ: ихъ говорилъ не какой нибудь проходимецъ-пройдоха, а безхитростный мужикъ... И кчему было бы ему лгать, если ложь его могла на другой же день обнаружиться? да и по закону я обязанъ былъ записывать всякое показаніе, какъ бы оно ни казалось нелѣпымъ, и изслѣдовать его. Предстояла бездна многоразличныхъ трудовъ и затрудненій. Стоитъ только заподозрить въ чемъ либо человѣка, а тогда всякій поступокъ его можетъ быть перетолкованъ во вредъ ему и служить фактомъ виновности. Теперь всѣ дѣйствія становаго по производству слѣдствія и даже самый личный пріѣздъ его ко мнѣ—казались сильно подозрительными. Отославъ отъ себя Моисея Тарасова, вновь подъ арестъ, я предался глубокому раздумью относительно плана своихъ будущихъ дѣйствій. Что было мнѣ дѣлать съ становымъ? Производить объ немъ слѣдствіе, при отправленіи имъ своей должности, инкогнито, было съ одной стороны неудобно; съ другой—арестовать его, хотя я имѣлъ право по сильному на него подозрѣнію, я не рѣшался—какъ лицо административное и равное мнѣ по рангу. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, при первомъ учрежденіи должности судебныхъ слѣдователей, они хотя и были въ веденіи губернскаго прокурора, но состояли собственно при уѣздныхъ судахъ въ родѣ чиновниковъ особыхъ порученій,—такъ что, несмотря на мое видимое могущество, въ сущности я былъ ниже даже становаго. Единственнымъ и надежнѣйшимъ средствомъ выдти изъ затруднительнаго положенія—казалось мнѣ непосредственное обращеніе за совѣтомъ къ прокурору съ просьбою употребить свое вліяніе, чтобы становой приставъ подъ какимъ нибудь вымышленнымъ предлогомъ на время былъ отставленъ отъ должности; напримѣръ, чтобы его прикомандировали пока къ губернскому правленію, какъ это часто случалось. Слѣдствіемъ своимъ въ тотъ день я былъ крайне недоволенъ. Желая по горячимъ слѣдамъ поскорѣе дознаться истины, я впалъ въ непростительные промахи и совершенно сбился и спутался. Намекнувъ сегодня утромъ становому о неправильномъ производствѣ имъ дознанія, я самъ произвелъ все гораздо хуже: во первыхъ, я не принялъ никакихъ мѣръ къ розыску бывшихъ при Медвѣдкинѣ денегъ, чѣмъ можетъ-быть далъ возможность преступнику сбыть ихъ; во вторыхъ, производя на гумнѣ Тарасова допросы, я въ то же время упустилъ осмотръ рва, тогда какъ при подобномъ осмотрѣ я могъ напасть и на слѣды, откуда былъ принесенъ Медвѣдкинъ на гумно.... въ третьихъ,

Не угодно ли? (Съ картины Эрдмана), грав. Брендамуръ.

прикащика Петра Силова Зарайскаго также надлежало арестовать и на пасѣкѣ нужно было произвести строжайшій осмотръ избы и грунта земли; съ прикащика слѣдовало даже и начать допросы... въ четвертыхъ, не было дано знать, если этимъ уже не распорядился за насъ прикащикъ, отцу Медвѣдкина о смерти его сына. Все это было мною упущено изъ виду. Словомъ сказать, я растерялся и произвелъ начало слѣдствія какъ школьникъ, безъ всякаго плана... Поправить свои ошибки тотчасъ же я не могъ, потому что уже было два часа по полуночи,—и я съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта, рѣшась на донесеніе губернскому прокурору послѣ допросовъ прикащику и пополненія всѣхъ сдѣланныхъ мною промаховъ.

(Продолженіе будетъ).

Островки-Пелла на Невѣ, замокъ Екатерины II.

Славный вѣкъ Екатерины оставилъ по себѣ много всякаго рода памятниковъ, между которыми строительные занимаютъ едва ли не первое мѣсто. Въ обѣихъ столицахъ Россіи есть дворцы императорскіе, сооруженные сѣверной минервой, есть нѣсколько городовъ, обязанныхъ ей же своимъ основаніемъ. Что же касается окрестностей Петербурга и Москвы, то въ окружности, на 50 верстъ, можемъ насчитать, въ томъ и другомъ мѣстѣ, десятками вещественные памятники, имѣющіе каждый свою легенду, нелишенную характерности.

Теченіе Невы, уже за нѣсколько вѣковъ, обрамлено было, съ той и другой стороны, усадьбами, деревнями, селами и пашнями. Новогородцы, шведы, инородцы, казаки и служилые дворяне московскаго государства, попеременно владѣли по невскимъ селеніямъ. Со временъ же Петра I, основателя здѣсь столицы, выросшей скоро въ городъ, соперничествующій съ первостепенными резиденціями государей Европы,—со времени Петра I, прибавимъ, берега Невы особенно украшались дачами столичной аристократіи. Тщеславный, алчный Меньшиковъ, на все готовый любимецъ Петра I и Екатерины, даже мечтавшій, какъ говорили враги его, проложить себѣ самому путь къ престолу непосредственно, всѣ 25 лѣтъ своего могущества употребилъ на завладѣніе львиною долею береговой Невской мѣстности. Получивъ сперва землицу подъ Шлиссельбургомъ—въ первомъ своемъ приневскомъ губернаторствѣ,—онъ то поскупалъ, то пооттягалъ у слабѣйшихъ участки луговъ поемныхъ, корабельныхъ рощъ, плитныхъ ломокъ и расчистей годныхъ подъ кирпичные заводы, такъ что въ послѣдній годъ своего могущества «герцукъ Ижорскій» считалъ своею пятиверстную полосу вглубь отъ Невы, начиная отъ нынѣшней Рыбацкой до Мьи рѣки. Свалили вороги эту силу—и достатокъ его, движимый и недвижимый, разошелся по рукамъ не одного десятка честолюбцевъ, для которыхъ урокъ падшаго величія не казался примѣромъ назидательнымъ. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ—матросъ венеціянскаго флота по приказу царскому, ради наученья, за познанія, пріобрѣтенныя недешево, замѣченный самимъ Петромъ—былъ однимъ изъ многихъ получившихъ въ собственность изъ имущества Меньшикова живописную мѣстность при впаденіи р. Тосны въ Неву. Сослуживъ службу восьми государямъ, этотъ замѣчательный администраторъ, проложившій самъ себѣ путь къ возвышенію, наконецъ состарѣлся и отошелъ на вѣчный отдыхъ. Екатерина II, не разъ посѣщавшая заслуженнаго старца въ его подстоличной мызѣ, пріобрѣла Усть-Тосну у наслѣдниковъ въ свою монаршую собственность. Это послѣдовало въ то уже время, когда, видя слабость исконныхъ враговъ христіанства, великая монархиня мечтала о возрожденіи грековъ и возстановленіи самостоятельнаго престола Комненовъ и Палеологовъ на берегахъ Босфора. Младшій внукъ Екатерины II—Константинъ назначился на Византійскій престолъ. Чтобы подготовлять исподоволь умы, императрица стала давать урочищамъ подстоличнымъ классическія имена мѣстностей древней Греціи. Такъ какъ патріархъ московскій Никонъ сооруженный имъ монастырь на Истрѣ нарекъ Новымъ-Іерусалимомъ, — Екатерина заложила на устьѣ Тосны замокъ *Пеллу* — имя мѣста прославленнаго рожденіемъ Александра Великаго. Въ снабженіи данной мѣстности громкимъ титуломъ—напрасно мы стали бы искать вещественнаго сходства, какого бы ни было, новой затѣи съ древнимъ городомъ, — его и быть не могло здѣсь, какъ нѣтъ ничего общаго съ мѣстомъ теперешней военной богадѣльни Екатерининскаго же дворца Чесме съ заливомъ того же имени, прославленнымъ истребленіемъ русскими турецкаго флота. Здѣсь дѣло все въ подобозвучіи, а вовсе не въ сходствѣ, открываемомъ сравненіемъ.

Въ самый разгаръ развитія плановъ ожидаемой и, казалось, несомнѣнной войны съ Турціею, въ 1781 году, Екатерина II повелѣла возвести на Невѣ увеселительный замокъ — Пеллу. Для исполненія пышныхъ затѣй былъ готовый и талантливый художникъ — Иванъ Егоровичъ Старовъ — сооружатель соборныхъ храмовъ въ Александро-невской лаврѣ и г. Софіи. Ему велѣно наскоро сочинить проэктъ обширныхъ сооруженій Пеллы, въ тогдашнемъ *готическомъ* вкусѣ, любимомъ Екатериною. Скорѣе проэктировать и талантливѣе выполнить, чѣмъ этотъ строитель, никто бы не взялся. Зимою уже все было готово и утверждено на бумагѣ, а съ весною — начато.

Среди обширнаго, тѣнистаго сада, или, лучше сказать, англійскаго парка (вкусъ на которые въ это время сильно развился въ западной Европѣ и нашелъ отголосокъ у насъ) должны были подняться восемь отдѣльныхъ павильоновъ разнообразной формы. Неуклюжія массы, въ стилѣ оскаленной англійской готики, должны были производить впечатлѣніе развѣ неожиданностью сочетаній высокихъ столпообразныхъ башень съ менѣе поднятыми, пирамидальными, при маскированіи тѣхъ и другихъ деревьями. Но, серіозно говоря, особенно изящнаго отыскать тутъ было едва ли возможно развитому глазу, привыкшему къ красотѣ формъ и гармоническимъ пропорціямъ. Зубцеобразные парапеты дѣлаютъ сами по себѣ очень много, но отнюдь уже не сообщаютъ зданіямъ ни массивнаго величія, ни особенной граціи. На орнаментацію же наружную тогдашній обглоданный стиль псевдоготики былъ вообще скупъ. Такъ что пословица «не красна изба углами, красна пирогами» къ строительнымъ затѣямъ въ Пеллѣ вполнѣ примѣняется, какъ и ко всѣмъ вообще сооруженіямъ вѣка Екатерины, дѣйствительно составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ вычурнымъ, но роскошнымъ стилемъ Растрелли. Екатерина не щадила ни мрамора, ни бронзы, ни зеркалъ, ни позолоты, на внутреннее убранство своихъ апартаментовъ; любила въ нихъ видѣть хорошую живопись, бархатную мебель и ковры. Но все это послѣдній, свадебный нарядъ дорого-стоющихъ

зданій. Въ Пеллѣ до этого не дошло. Въ три года успѣлъ Старовъ вывести пять павильоновъ: флигеля, воротъ, конюшень, кухонное карре, кавалерскіе дома, а къ возведенію главнаго зданія дворца даже не успѣлъ приступить, потому что общій стиль перечисленныхъ частей, для центральнаго сооруженія, ея величество считала не подходящимъ—и художникъ не разъ представляя попытки попасть во вкусъ высочайшей заказчицы, видѣлъ себя принужденнымъ продолжать новыя измышленія. Среди этихъ заботъ художника-строителя и недовольства государыни — грянула турецкая война. За нею, предательски думая воспользоваться затрудненіемъ грозной сосѣдки, открылъ непріязненныя дѣйствія шведскій король—и Пелла оставлена.

Кто порукою, что Екатерина II и здѣсь не съиграла съ художникомъ — или лучше сказать, съ дипломатами, слѣдившими зорко, злобно и враждебно за каждымъ шагомъ сѣверной минервы — ту же шутку, какъ и съ кремлевскимъ дворцомъ? — Обстоятельства времени очень сходны. Успѣхъ въ отводѣ глазъ отъ слабаго пункта—финансоваго кризиса нашего — затѣею постройки кремлевскаго дворца, стоившаго по смѣтѣ десятки милліоновъ, тогда былъ блистательный. А деньгами мы были крѣпко бѣдны передъ третьею турецкой войной! — можетъ быть, и даже вѣроятно, закладка Пеллы при такихъ обстоятельствахъ была надежною маскою.

Оттого быть-можетъ и не давалось разрѣшеніе: начинать самый дворецъ — требовавшій существенныхъ затратъ, — когда, одновременно, придумывались и выполнялись на самомъ дѣлѣ, въ Царскомъ Селѣ, постройки роскошныя, которыя любила показывать Екатерина иностранцамъ.

Это, по крайней мѣрѣ, разрѣшеніе Гордіева узла самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Иначе же при допущеніи всѣхъ прочихъ предположеній, занимавшихъ умы разгадывателей, факты извѣстные не поддаются комбинаціямъ безъ существенной натяжки.

Какую же роль, затѣмъ, вправѣ спросить насъ читатель,—игралъ тутъ составитель проэкта, профессоръ архитектуры Старовъ? Оставался онъ въ забвеніи — какъ Баженовъ (послѣ царицынскаго замка)? Невольно склонился онъ передъ обстоятельствами и, потомъ, не разъ горевалъ о созданіи, можетъ быть сжившись съ его идеею и прочувствовавъ ее, со всѣмъ пыломъ страсти?

— Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, онъ утѣшился и могъ не охнуть о подобной потерѣ, занятый въ это время постройкою таврическаго дворца въ столицѣ. Выполнилъ его онъ на славу, сливъ свое имя съ знаменитымъ праздникомъ Потемкина въ этомъ дворцѣ (въ апрѣлѣ 1791 г.) и въ тотъ же годъ имѣлъ новую радость — видѣлъ освященіе Троицкаго собора въ Александроневской лаврѣ—лучшаго своего созданія. Художникъ, компануя Пеллу, конечно, старался возбудить въ себѣ покорный жаръ творчества, но кажется огонекъ только вспыхивалъ, а не горѣлъ ярко. Весь жаръ своего генія Старовъ издержалъ на соборъ — въ виду котораго его могила въ лаврѣ, да на дворецъ, судьбу котораго всего ближе приравнять къ капризному нраву временнаго его обладателя Потемкина.

Иванъ Егоровичъ Старовъ былъ вѣрный другъ и землякъ Баженова, своякъ Кокоринова, товарищъ Лосенко живописца и, такъ же какъ они врагъ всякихъ партій и искательства, успѣвшаго подъ благовиднымъ предлогомъ оттереть достойнаго художника отъ академіи,—конечно, къ невыгодѣ класнаго курса будущихъ русскихъ зодчихъ, занимавшихъ первые амплуа по своей части при Александрѣ I и Николаѣ.

Жилъ онъ всего 65 лѣтъ и умеръ отцомъ многочисленнаго семейства въ 1808 году. Въ академіи художествъ онъ былъ вторымъ изъ окончившихъ образованіе (1760 г.) и посланныхъ за-границу. Пребываніе тамъ развило его художественный талантъ вполнѣ, и въ долгую практику 43 лѣтъ, никогда Старовъ не оставался безъ дѣла.

П. П—въ.

Свинецъ и свинцовыя издѣлія въ гигіеническомъ отношеніи.

Свинецъ и его соли, несмотря на то что принадлежатъ къ группѣ металлическихъ ядовъ, находятъ громадное примѣненіе въ общежитейской практикѣ. Изъ свинца приготовляютъ какъ красильныя такъ и косметическія бѣлила, газовыя и водопроводныя трубы, листы крышъ и половъ, посуду для нѣкоторыхъ техническихъ приготовленій (какъ напримѣръ, камеръ въ которыхъ добывается сѣрная кислота), примѣшивается, какъ болѣе дешевый матеріалъ, ко всѣмъ оловяннымъ издѣліямъ, входитъ въ составъ поливы (мурава, глазурь) для глиняныхъ горшковъ и пр., употребляется при фабрикаціи хрусталя и т. д.

Глиняная посуда, для муравленія которой употребляется глетъ (окись свинца), имѣетъ вредное вліяніе на организмъ потребителей. Первый обратившій вниманіе на этотъ вредъ—былъ докторъ Lind (1754 г.) замѣтившій, что при выпариваніи въ муравленомъ глиняномъ сосудѣ лимоннаго сока на днѣ сосуда образовался осадокъ свинцоваго сахара (sucre de Saturne).

При вареніи и сохраненіи пищи въ муравленной посудѣ—пища отравляется т. е. дѣлается не годной къ употребленію. Такъ напримѣръ, Шевалье описываетъ случай, гдѣ ему пришлось пользовать заболѣвшаго молодаго человѣка, поѣвшаго огурчиковъ, маринованныхъ въ уксусѣ и сохраняемыхъ въ муравленномъ глиняномъ горшкѣ. При изслѣдованіи причинъ болѣзни Chevallier замѣтилъ, что мурава въ горшкѣ была мѣстами съѣдена уксусной кислотой. При анализѣ этого уксуса оказалось въ немъ достаточное количество уксусносвинцовой соли. То же самое можно сказать и объ эмали на чугунной посудѣ, хотя всѣмъ извѣстно, что лучшая эмаль есть та, которая содержитъ окись свинца; такая эмаль отличается изящною наружностью, глазуровка такими эмалями выходитъ весьма однородна и блестяща.

Въ гигіеническомъ отношеніи свинцовыя эмали даютъ весьма плохіе результаты. Ихъ свинецъ растворимъ въ слабомъ уксусѣ и вообще въ кислыхъ сортахъ пищи, правда не въ большемъ количествѣ, но всетаки растворяется.

Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что бѣдные жители употребляютъ, какъ самую дешевую утварь, глиняную посуду—и эта, съ перваго взгляда, дешевая посуда, обходиться весьма дорого бѣдному потребителю, такъ какъ обыкновенно она муравится *глетомъ*. Правда, что глазурь эта очень дешева, но за то весьма непрочна и легко растворяется отъ дѣйствія кислотъ. Такъ, всѣ питательныя

вещества, содержащія уксусъ, маринаты, вино, варенье, жирныя вещества и пр. дѣйствуютъ разрушительно на свинцовую глазурь и сами въ свою очередь поглощаютъ свинецъ.

Хотя доза свинца обыкновенно такъ ничтожна, что не всегда бываютъ замѣтны симптомы отравленія этимъ металломъ,—продолжительное дѣйствіе свинца на организмъ потребителей тѣмъ опасно, что свинецъ уничтожаетъ шарики крови. Это уничтоженіе шариковъ крови—тѣмъ уже важно, въ особенности для бѣднаго класса, что классъ этотъ и безъ того уже, отъ недостатка азотистой пищи, страдаетъ малымъ количествомъ шариковъ (aglobulie).

Отличительные признаки отравленія свинцомъ: чрезвычайно болѣзненное сжиманіе и онѣмѣніе кишекъ, запоръ, дурные аппетитъ и пищевареніе и чрезвычайно слабый пульсъ. При хроническихъ отравленіяхъ свинцомъ все тѣло какъ-бы высыхаетъ и приходитъ въ оцѣпененіе. Апетитъ, пищевареніе и изверженія желудка прекращаются, затѣмъ вскорѣ слѣдуетъ смерть, коей предшествуютъ обыкновенно нервное и умственное разстройство. Хроническія отравленія свинцомъ происходитъ отъ множества весьма обыденныхъ случаевъ. Такъ напримѣръ, разсказываютъ, что одинъ кладбищенскій сторожъ почувствовалъ симптомы отравленія, чрезъ то только, что свѣжеокрашенные свинцовой краской могильные кресты ставилъ обыкновенно у себя въ жарко-натопленной комнатѣ. Подобнаго рода случай хроническаго отравленія былъ съ однимъ журналистомъ, который въ теченіи 11 лѣтъ ежедневно просматривалъ свѣже отпечатанные корректурные листы.

Собственно говоря, во всѣхъ свинцовыхъ отравленіяхъ не самый металлъ дѣйствуетъ ядовито, какъ это доказываетъ безвредное пребываніе свинцовыхъ пуль въ тѣлѣ цѣлые годы, а легко образующіяся на воздухѣ различныя степени окисленія его: закись, окись, которыя въ формѣ пыли поступаютъ въ тѣло. Этимъ объясняется заболѣваніе литейщиковъ буквъ, наборщиковъ, рудокоповъ. Далѣе, частое употребленіе свинцовыхъ соединеній въ видѣ красокъ подвергаетъ опасности въ особенности живописцевъ, штукатуровъ, лакировщиковъ и растирающихъ краски, каковы: сурикъ, желтыя свинцовыя краски, которыя содержать хромокислую, молибденово - кислую окись свинца, хлористый и іодистый свинецъ, а болѣе всего углекислая окись свинца или свинцовыя бѣлила, которыхъ фабрикація особенно опасна и ведетъ къ заболѣванію не малаго числа работниковъ.

Выше я сказалъ, что ко всѣмъ оловяннымъ издѣліямъ, какъ болѣе дешевый продуктъ, примѣшиваютъ свинецъ. По изслѣдованіемъ Boldoek'а всѣ находящіяся въ продажѣ оловянные листы, употребляемыя для обертки чая, табака, конфектъ, шоколада и пр., содержать въ себѣ свинецъ въ количествѣ отъ 34,375% до 88,665%. Листы, извѣстные въ торговлѣ подъ названіемъ *чистыхъ оловянныхъ листовъ*, состоятъ обыкновенно изъ 65¾ частей олова и 34¼ частей свинца. Правда что олово съ примѣсью свинца плющится гораздо лучше, легче, чѣмъ чистое олово. По изслѣдованіемъ многихъ оказывается, что оловянные листы съ примѣсью свинца и употребляемые для обвертки чая, табака и пр., имѣютъ гораздо болѣе вредныя послѣдствія чѣмъ чистые свинцовые листы, потому что первые легче и быстрѣе окисляются на воздухѣ, чѣмъ чистый свинецъ,—а вслѣдствіе этого частицы окиси свинца, отлетая отъ оловянныхъ съ примѣсью свинца листовъ, примѣшиваются къ веществамъ, обвернутымъ ими и дѣлаютъ ихъ вредными.

Считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь простой способъ узнавать присутствіе свинца въ оловянной посудѣ и листахъ. Въ маленькую фарфоровую чашечку всыпаютъ 5 гранъ разрѣзаннаго на мелкіе кусочки оловяннаго листа, приливаютъ 6 гранъ чистой азотной кислоты; чашечку съ ея содержимымъ нагрѣваютъ на песчаной банѣ, причемъ азотная кислота растворитъ олово; растворъ выпариваютъ до суха — получается осадокъ бѣлаго цвѣта. Чашечку съ осадкомъ охлаждаютъ, осадокъ растворяютъ при нагрѣваніи въ перегнанной водѣ, помѣшивая стеклянною палочкою; растворъ фильтруютъ; въ профильтрованную жидкость вливаютъ

1-е, іодистаго калія, который, если олово содержало примѣсь свинца, дастъ желтый блестящій осадокъ.

2-е, сѣроватисто-кислый натръ даетъ въ этомъ-же случаѣ бѣлый осадокъ — сѣрокислаго свинца, который отъ прилитія небольшаго количества іодистаго калія становится желтымъ.

Если же олово не содержало примѣси свинца, то ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ осадковъ не получается.

При желаніи испытать полуду на мѣдной посудѣ, полуду соскребаютъ и поступаютъ какъ съ оловянными листами.

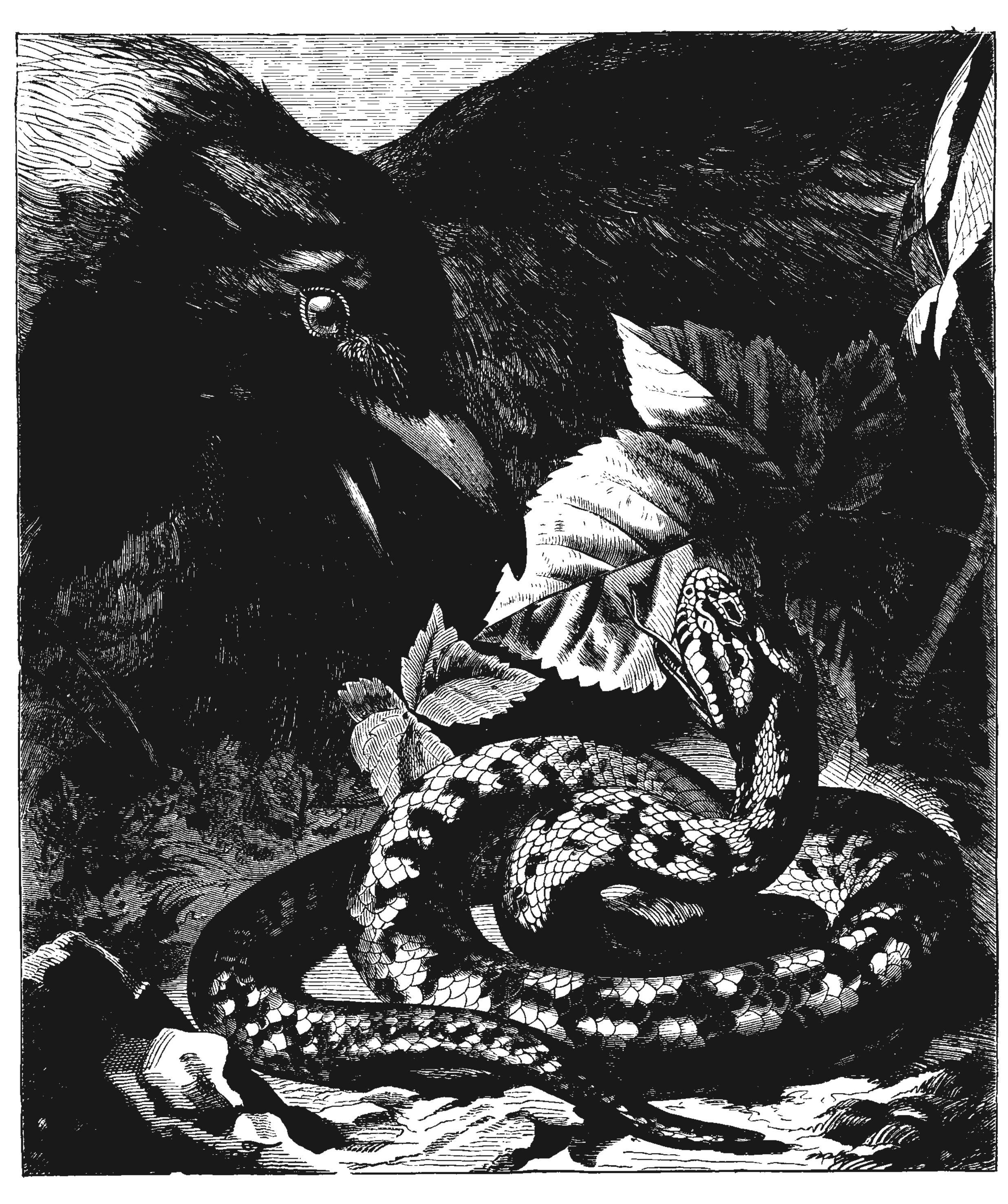
Оловянная посуда рѣдко приготовляется изъ чистаго металла; промышленники, почти всегда, какъ болѣе дешевую примѣсь, прибавляютъ къ ней свинецъ. Эти продѣлки промышленниковъ подали поводъ прусскому правительству, въ 1860 году, объявить оффиціальное предостереженіе противъ употребленія оловянной посуды, при чемъ было указано, что иногда такая оловянная посуда содержитп въ себѣ до 80% свинца т. е. ⅘.

Въ послѣднее время, на многихъ шелковыхъ фабрикахъ Германіи, Бельгіи, Франціи и Швейцаріи, къ размотанному шелку для приданія ему большаго вѣса стали примѣшивать свинецъ. Примѣсь эта далеко не безвредна, такъ какъ особы употребляющія шелкъ, какъ-то швеи, портные и пр., имѣютъ обыкновенье брать шелкъ въ ротъ и смачивать его слюною.

При большемъ содержаніи свинца въ шелку, подобное соприкосновеніе не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на организмъ; причина же этихъ вредныхъ послѣдствій бываетъ часто совершенно неизвѣстна. Доктору Eulenberg'у пришлось анализировать черный шелкъ, причемъ 28, 33 грамма чернаго шелка, при тщательномъ химическомъ изысканіи дали 6,04 сѣрнокислаго свинца, что соотвѣтствуетъ 5, 03 металлическаго свинца, т. е. по вѣсу 17, 71 на 100 частей шелку.

Изъ сказаннаго выше становится весьма яснымъ, что шелкъ въ моткахъ, продающійся вѣсомъ, подвергается особаго рода фальсификаціи, имѣющей назначеніе увеличить вѣсъ товара. Для шелка подобная поддѣлка особенно выгодна, потому что этотъ матеріалъ способенъ впитывать въ себя громадныя количества минеральныхъ примѣсей.

Поддѣлываютъ, конечно, окрашенный шелкъ, пользуясь для этой цѣли весьма разнообразными пріемами; въ числѣ послѣднихъ бываютъ между прочимъ и такіе, которые сообщаютъ шелку свойство самовозгаранія. Такъ, въ недавнее время изъ Франціи стали вывозить шелкъ, воспламеняющійся иногда во время транспортированія по желѣзной дорогѣ. По мнѣнію Шпрингмюля, этотъ шелкъ долженъ быть фальсификованъ пикриново-свинцовою солью, которая можетъ служить одновременно и для окраски то-



Борьба гадюки съ вороной.

вара, и для увеличенія его вѣса. Пикриново-свинцовая соль окрашиваетъ сама по себѣ безъ протравы въ желтый цвѣтъ, послѣ чего можно уже видоизмѣнять цвѣта съ помощью наложенія другихъ красокъ поверхъ желтой (такъ окрасивъ шелкъ пикриново-свинцовою солью, индиго и фуксиномъ, получимъ черный цвѣтъ и т. д.). Понятно, какъ опасно распространеніе подобнаго шелка въ практикѣ, особенно, если количество пикриновой соли переходитъ извѣстныя границы. По опытамъ Шпрингмюля, такой шелкъ, будучи зажженъ, сгораетъ быстро, оставляя послѣ себя много золы,—однакожъ не взрывается. Онъ воспламеняется также и при треніи о камень (вообще о шереховатое тѣло), причемъ самъ собою никогда не тухнетъ.

Носить на себѣ платье изъ подобнаго матеріала, или имѣть большіе запасы его въ домѣ—дѣло въ высшей степени рискованное; поэтому не худо ознакомиться съ способомъ, который даетъ возможность безошибочно открывать въ продажномъ шелкѣ пикриновосвинцовую соль.

Для этой цѣли шелкъ обработывается горячею водою, къ которой прибавляютъ (по вынутіи товара) немного хромокислаго кали. Если есть свинецъ, то жидкость немедленно окрашивается въ характерный цвѣтъ хромовосвинцовой соли, осаждающейся затѣмъ на дно сосуда. Въ освѣтлившейся жидкости можно потомъ открыть пикриновую кислоту посредствомъ синеро-дистаго калія (красноватое окрашиваніе).

В. Ашикъ.

(Окончаніе будетъ).

Не угодно ли?

(Съ картины Эрдмана).

Что ни говорите, а рококо нравится намъ больше, чѣмъ мы сознаемся въ этомъ, боясь прослыть людьми безъ вкуса. Мы убираемъ себѣ цѣлую комнату, или даже и двѣ, во вкусѣ рококо,—и нечего грѣха таить: комнаты во вкусѣ рококо какъ-то ближе намъ къ сердцу, чѣмъ комнаты во вкусѣ *renaissance* (возрожденія) или съ темной дубовой мебелью, какъ мы ни восхищаемся этими послѣдними, слѣдуя предписаніямъ эстетики. А если средства не позволяютъ намъ цѣлой комнаты во вкусѣ рококо, мы крѣпко держимся по крайней мѣрѣ за тѣ немногія вещи, которыя перешли къ намъ по наслѣдству. Вотъ полукруглый китайскій столикъ о трехъ тоненькихъ ножкахъ съ пестро-расписанною вазою, подъ овальнымъ зеркаломъ, висящимъ на красной лентѣ съ золотымъ бантомъ. Въ это зеркало глядѣлась наша бабушка, когда она была еще молоденькой барышней съ цвѣтами въ напудренныхъ волосахъ, съ бантами на круглыхъ плечахъ, съ «мушкой» на подбородкѣ или подъ лѣвымъ глазомъ, носившей названіе «*pernicieuse*» (губительная),—словомъ такою, какой она была въ то время, какъ на ней женился дѣдушка. Насупротивъ краснаго китайскаго столика—высокій пузатый комодъ, съ мѣдными плиточками наверху, съ сверкающими замочками и блестящими ручками, съ ножками въ видѣ толстощекихъ собачьихъ головокъ. Это комодъ милой старой тетки, бабушкиной сестры. Чего только не лежало тамъ у ней верхнемъ ящикѣ: дѣвичья и бабья кожа, пряники, всякія сласти. Какъ часто мы, будучи еще дѣтьми, стояли бывало передъ этимъ комодомъ, смотря съ невыразимымъ наслажденіемъ и любопытствомъ, какъ старая тетя, съ очками на носу, выдвигала одинъ изъ ящиковъ съ бѣлымъ какъ снѣгъ бѣльемъ, откуда разливался на всю комнату лавендовый запахъ. Но если выдвигался верхній ящикъ, то большіе дѣтскіе глаза принимали умоляющее выраженіе и меньшая сестра—теперь ее уже нѣтъ съ живыхъ, но и у ней въ свою очередь были потомъ внуки—сложивъ рученки, шептала: «пожалуйста, пожалуйста».

Вотъ гдѣ тайна нашего болѣе или менѣе сознаваемаго пристрастія къ рококо; мы любимъ его, какъ любимъ бабушку и дѣдушку, которыхъ чуть помнимъ, а между тѣмъ столько наслышались о нихъ, что чувствуемъ соединяющую насъ съ ними связь. Но это не единственная причина нашего пристрастія къ рококо; при всемъ блескѣ, пестротѣ и вычурности, въ рококо есть что-то отзывающееся домашнею жизнію,—что-то таинственное, ограниченное, даже педантическое, совершенно противуположное той роскоши, тому разгулу и преувеличенію, противъ которыхъ рококо выступило въ качествѣ реакціи. Это все то же что чистенькая, акуратная косичка въ сравненіи съ непомѣрно длинными париками. Французская революція разгромила рококо во всѣхъ его формахъ и видахъ, или забросила его въ кладовыя. Прямолинейный, угловатый, неудобный и однообразный *style empire* (стиль имперіи) пережилъ императора и имперію; нельзя сказать, чтобъ онъ ужъ такъ нравился, но при недостаткѣ въ деньгахъ и истощеніи, неминуемомъ слѣдствіи значительныхъ войнъ,—мы крѣпко держимся за то, что у насъ есть. Люди того времени соглашались лучше сидѣть на неудобныхъ жесткихъ стульяхъ, стоявшихъ когда-то въ залѣ, чѣмъ доставать изъ кладовыхъ старыя удобныя кресла рококо съ змѣеобразными спинками и вычурными ножками.

Но едва жизнь сдѣлалась шире, вольнѣе и полнѣе, какъ рококо появилось—сперва понемногу, а вскорѣ сдѣлалось страстью, и наконецъ вошло въ моду; стали работать по образцамъ рококо, даже строить;—только сады-рококо «*Lenôtre en miniature*» (Ленотръ въ миніатюрѣ) не устояли противъ англійскихъ парковъ. Драгоцѣнныя вещи, отдѣльныя части одежды, мебель во вкусѣ рококо—все это опять предстало передъ нами; а когда кринолинъ императрицы Евгеніи пережилъ трехъ-цвѣтное знамя ея супруга, когда появились даже пудра и мушки—вотъ тутъ-то можно было подумать, что рококо снова воцарится.

Ничего не бывало: не рококо возвратилось, а только отдѣльныя его проявленія, которыя, продержавшись болѣе долгое или короткое время, опять исчезли; новое рококо было прихотью, модою, тогда какъ прежнее настоящее рококо имѣло гораздо болѣе важное значеніе.

Понятно, что и картины-рококо пользовались большею или меньшею благосклонностію публики, смотря потому какъ она относилась къ этому стилю вообще. Тѣмъ не менѣе онѣ сохранились во множествѣ, частію ради своей художественности, частію же ради своего историческаго значенія. Здѣсь не мѣсто говорить о значеніи искусства во времена рококо; мы охотно соглашаемся, что произведенія этого времени далеко ниже тѣхъ безсмертныхъ образцовъ, которые завѣщало намъ античное искусство. Какъ бы то ни было, но тѣ изъ картинъ-рококо, гдѣ изображаются люди или сцены изъ временъ рококо, уже тѣмъ драгоцѣнны, что выражаютъ непосредственнымъ образомъ духъ этого времени и его искусство и его предметъ; картина и оригиналъ стоятъ на одной и той же почвѣ; живописецъ и изображаемые имъ люди одинаково мыслятъ, одинаково одѣваются, дышатъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Поэтому-то, какое торжество для живописца, если онъ до такой степени могъ перенестись во времена рококо и изучить этотъ стиль, что въ состояніи написать картину, насквозь проникнутую духомъ этого времени, въ родѣ, напр. картины Эрдмана, предлагаемой нами въ нынѣшнемъ № нашего журнала!

Вглядитесь хорошенько въ эту картину—тамъ на паркетномъ полу разыгрывается такая сцена, какая только могла происходить во времена рококо съ ихъ почти театральной обстановкой. *Maitre d'hôtel* (дворецкій)—иначе назвать этого осанистаго слугу и языкъ не повернется—въ коричневомъ бархатномъ кафтанѣ, въ длинномъ бѣломъ жилетѣ и кембриковомъ галстукѣ, обшитомъ кружевами, стоитъ, выпрямившись, у стѣны. Распахнувъ настежь обѣ половинки дверей, величавый слуга тогдашняго знатнаго дома ужь конечно не говорилъ: «*le diner est servi*» (обѣдъ поданъ), но «*madame est servie*» (обѣдъ къ вашимъ услугамъ, сударыня), и вслѣдъ за этимъ сторонился, т. е. становился какъ можно ближе къ стѣнѣ, чтобы дать дорогу господамъ. Взгляните, съ какимъ сознаніемъ своего собственнаго достоинства смотритъ онъ на нихъ! Онъ какъ будто бы ничего не видитъ, но едва замѣтное выраженіе лукавства на его неподвижномъ лицѣ показываетъ, что онъ все видитъ; въ тѣ времена слуги знали всѣ тайны своихъ господъ, что тяжело отозвалось на этихъ послѣднихъ во время революціи, когда прислуга массами переходила на сторону революціонеровъ и исправляла у нихъ должность шпіоновъ.

Дама наклонилась къ своему гостю—больше чѣмъ привѣтливо, почти нѣжно; вы какъ будто бы слышите шелестъ ея желтаго платья изъ тяжелой шелковой матеріи; пышныя кружева вокругъ ея полныхъ ручекъ надушены духами *à la Richelieu*, и точно такъ же благоухаетъ и пудра *à la maréchale*, покрывающая ея волосы, умышленно подобранные такъ, чтобы можно было видѣть ея прекрасный затылокъ. Конечно, дама эта далеко не первой молодости, потому-то, можетъ быть, ея грудь и плечи открыты гораздо меньше, чѣмъ допускалось обычаями того времени; но все же она чрезвычайно миловидна. Маленькій лобъ, настоящій лобъ рококо, смѣло приподнятые брови, глаза, которымъ сознательно придано привѣтливое выраженіе, почти дѣтскій ротъ—образуютъ прелестный контрастъ, съ твердымъ, почти чувственнымъ подбородкомъ. Передъ нами, очевидно, знатная вдова, у которой, должно быть, самыя серіозные виды на пригожаго кавалера. Рыбка уже клюетъ, но все еще можетъ сорваться. Въ позѣ дамы не замѣтно сознанія побѣды; она скорѣе выражаетъ какую то робость, которая почти не вѣритъ и тому, что уже достигнуто. Кавалеръ, очевидно, смотритъ на дѣло гораздо легче. Онъ стоитъ, какъ и слѣдуетъ кавалеру, въ третьей позиціи, стоитъ твердо и съ самоувѣренностью, въ своихъ башмакахъ съ пряжками—и по высокимъ краснымъ каблукамъ этихъ башмаковъ, вы видите, что онъ принадлежитъ къ числу «*talons rouges*», къ придворнымъ дворянамъ, имѣющимъ мѣсто въ «каретѣ короля». На немъ шелковый кафтанъ вишневаго цвѣту съ золотыми пуговицами, куда вставлены драгоцѣнные камни; подъ лѣвою мышкою онъ держитъ шляпу, а правую руку предлагаетъ дамѣ, согнувъ сообразно съ предписаніями придворнаго этикета. Только онъ держитъ эту руку нѣсколько высоко, да и наклонился-то онъ не особенно низко,—знакъ, что господинъ очень знатенъ или по крайней мѣрѣ—избалованъ дамами. Прическа и мѣшечекъ съ волосами соотвѣтствуютъ какъ нельзя лучше круглой формѣ его головы. Лобъ не красивъ; дюжій носъ и ротъ напоминаютъ бурбонскіе черты лица. Для этого ему не нужно было быть бурбономъ; королевскій типъ замѣчается на многихъ дѣтяхъ того времени, пользовавшихся властью. Глазъ глядитъ благосклонно, но далеко не страстно на даму: видно что придется-таки потрудиться, пока она не держитъ полной побѣды.

Какъ скоро господинъ возьметъ подъ руку даму и отведетъ ее въ столовую, величавый дворецкій затворитъ за ними двери съ низкимъ поклономъ, съ наслажденіемъ распрямится, вынетъ табакерку изъ слоновой кости, украшенную прехорошенькимъ портретомъ послѣдней фаворитки его покойнаго барина, завѣщавшаго ему вещичку, и понюхаетъ табаку. Онъ улыбается какъ-то двусмысленно и бормочетъ про себя: «если у него не очень много долговъ, она, разумѣется, выйдетъ за него замужъ.»

Эта комната рококо находится въ замкѣ куда ведетъ великолѣпная аллея съ толстощекими тритонами, пускающими вверхъ воду; позади замка садъ съ прямыми аллеями между изящно обстриженными тисовыми деревьями, образующими настоящія стѣны, съ статуями безпутныхъ боговъ и богинь, съ обложеннымъ раковинами гротомъ, и т. п. Гости пріѣзжаютъ въ позолоченыхъ каретахъ съ зеркальными стеклами, лошади изжелта-бѣлой масти (*coleur isabelle*), ихъ гривы переплетены лентами, на запяткахъ стоятъ пажи, одѣтые въ атласъ, впереди бѣгутъ скороды въ шляпахъ съ цѣтами и фартукахъ, а у воротъ васъ привѣтствуемъ толстый швейцаръ съ блестящимъ бердышомъ. Ка-

валеры въ пудрѣ и манжетахъ ведутъ дамъ въ шумящихъ шолковыхъ платьяхъ и башмакахъ съ высокими каблуками, отчего онѣ шатаются на ходу; разговоръ прыщетъ остроуміемъ, а позади маленькій арапъ несетъ подъ японскимъ зонтикомъ жирную моську.

Борьба гадюки съ вороной.

Госпожа ворона, этотъ своего рода рыцарь печальнаго образа, давно уже обращала на себя вниманіе поэтовъ своею типичною фигурою и своимъ своеобразнымъ характеромъ. Кто изъ насъ не знакомился съ характеристикою этой птицы еще въ дѣтствѣ, твердя извѣстную басню: «Лисица и Ворона»? Еще рельефнѣе обрисовывается ворона въ гётовскомъ «*Reinecke Fuchs*». Какъ забавно описываетъ «Меркенау», супругъ перехитренной и съѣденной Рейнеке вороны, сцену, въ которой оба они находятъ лежащую на землѣ лисицу, только никакъ еще не могутъ рѣшить: жива ли еще эта ужасная грабительница? Сначала они осторожно, въ почтительномъ отдаленіи летаютъ надъ этимъ коварнымъ врагомъ, чтобы разбудить его своимъ крикомъ, въ случаѣ если онъ спитъ; Рейнеке все лежитъ. Тутъ они мало-помалу рѣшаются взглянуть на него поближе, но все еще съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, съ важною миною врача, прислушивающагося къ слабому, можетъ быть, послѣднему дыханію больнаго. Вдругъ Рейнеке схватываетъ несчастную, обманутую имъ птицу. Благодаря своему коварству, онъ подцѣпилъ себѣ отличнѣйшее жаркое и съ наслажденіемъ кушаетъ его тутъ же на мѣстѣ, нисколько не смущаясь пронзительными криками испуганнаго на смерть супруга. Мало этого, онъ даже пытается поймать и его въ то время, какъ онъ порхаетъ кругомъ него все еще не переставая кричать, пока наконецъ Меркенау не считаетъ за нужное искать спасенія на близь-стоящемъ деревѣ, откуда онъ ругается надъ разбойникомъ, сдѣлавшимъ его вдовцомъ.

Кому случалось видѣть воронъ въ то время, какъ онѣ опускаются на подобную добычу, тотъ, конечно, отдастъ полную справедливость тому необыкновенному мастерству, съ какимъ автору «*Reinecke Fuchs*» удалось изобразить эту сцену изъ природы. Но кто, побуждаемый любовью къ природѣ и ея созданіямъ, дѣлалъ болѣе точныя изслѣдованія надъ воронами и родственными имъ птицами, тотъ охотно сознается, что ворона, эта ославленная «спутница висѣлицы», одинъ изъ самыхъ интересныхъ членовъ пернатаго царства. Теперь, когда висѣлицы перестали рости въ Европѣ какъ грибы, это зловѣщее названіе перешло уже въ область преданія и, увлеченная прогрессомъ нашего вѣка, ворона перестала заниматься юриспруденціей и медициной и дѣйствуетъ теперь почти исключительно въ области лѣсоводства и сельскаго хозяйства.

Къ сожалѣнію, наблюденія, сдѣланныя касательно этой отрасли знанія подвигающимся впередъ человѣкомъ, такъ мало распространены и результаты ихъ такъ мало извѣстны, что и теперь еще существуетъ чрезвычайно много ошибочныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Такимъ образомъ и ворона, вслѣдствіе ничѣмъ неоправдываемаго невѣжества, продолжаетъ играть роль «непризнанной» и подвергается, какъ и многія другія животныя, напр. честный кротъ, преслѣдованіямъ въ качествѣ «вреднаго животнаго».

Къ счастію, эти преслѣдованія, грозившія ей истребленіемъ, все болѣе и болѣе уменьшаются. Въ примѣръ того, какими глазами смотритъ на природу и ея созданія, а въ томъ числѣ и на описываемую нами птицу, простой сельскій житель, я разскажу слѣдующее происшествіе.

Во время моего пребыванія въ Крыму, куда я ѣздилъ съ цѣлью снять наиболѣе замѣчательные виды, я особенно долго оставался на южномъ берегу, отличающемся, какъ извѣстно, всею прелестью и роскошью южной природы. Береговая полоса у подошвы горъ покрыта виноградниками, оливковыми рощами и загородными домами русской знати. Въ долинахъ и на склонахъ скалъ расположены татарскія деревни—здѣсь греческій монастырь, тамъ татарская мечеть; здѣсь идетъ впередъ узкая долина скалъ, тамъ другая скатывается къ широкой котловинѣ; въ иныхъ мѣстахъ вы видите настоящую скалистую лѣстницу съ вырубленными ступенями, въ другихъ—прелестный швейцарскій видъ съ высокими горными лугами, въ нѣкоторыхъ—башни и развалины старинныхъ крѣпостей. Вотъ здѣсь-то, въ одной небольшой деревенькѣ съ чрезвычайно романтическимъ мѣстоположеніемъ, я познакомился съ однимъ старымъ пастухомъ, уму и сочувствію котораго къ природѣ я не могъ достаточно надивиться. Онъ почерпнулъ свою мудрость не изъ книгъ, а прямо изъ источника дивной, для всѣхъ раскрытой книги природы. Онъ зналъ, какъ казалось, почти весь окружающій его міръ растеній и называлъ мнѣ ихъ совершенно особенными, иногда чрезвычайно странными именами; при этомъ онъ зналъ даже, какъ я могъ заключить изъ его рѣчей, «на что годно» то или другое растеніе. Но не одни растенія были извѣстны ему, онъ изучалъ также и міръ животныхъ и передавалъ мнѣ на своемъ простомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живописномъ языкѣ сдѣланныя имъ наблюденія такъ занимательно, что я не уставалъ его слушать.

Однажды мы, старикъ и я, сидѣли вмѣстѣ; день былъ жаркій, я работалъ все утро и расположился отдохнуть въ тѣни окаймлявшихъ берегъ кустарниковъ. Передъ нами, по другую сторону рѣки, живописно высились горы. Старикъ разсказывалъ мнѣ разныя разности. Онъ зналъ, что я давно уже мечтаю о томъ, чтобы поймать кольчатую гадюку, и «приберегъ для меня» одинъ экземпляръ. Съ важною миной разсказывалъ онъ, что здѣсь неподалеку «завелась» змѣя. «Но ей тутъ не сдобровать», прибавилъ онъ, «тутъ слишкомъ много враговъ для нея—и это еще счастье ея, если она попадется вамъ въ руки, потому-что ежи, кошки, хорьки и сарычи ужъ не посадятъ ее въ стеклянный ящикъ».

Въ то время, какъ мы разговаривали такимъ образомъ, надъ нами послышался сильный шумъ. Окрестныя вороны, избравшія мѣстомъ своихъ засѣданій большое ольховое дерево, находившееся за нами, приготовлялись выступить, послѣ полуденнаго отдыха, въ походъ. Имъ, по видимому, было что поразсказать другъ другу, потому-что шумъ за нами былъ страшный; потомъ, какъ бы сговорившись между собою, онѣ разлетѣлись. Одна группа поднялась въ одну сторону, другая—въ другую. Оставалось всего двѣ вороны, но и онѣ не долго сидѣли вмѣстѣ, а разлетѣлись въ разныя стороны. Одна изъ нихъ, не перестававшая наблюдать надъ нами съ дерева, наконецъ слетѣла внизъ и сѣла, шагахъ въ десяти отъ насъ, на большой камень. «Смотрите!» прошепталъ старикъ, «она на стойкѣ». «Да, продолжалъ онъ, еслибъ вороны не были такими отличными охотниками, то тамъ на лугу у насъ нынѣшній годъ не было бы ни одного стебелька. Тамъ весною было столько мышей, что онѣ попадались на каждомъ шагу; но вороны скоро положили имъ конецъ. Тогда весь лугъ былъ усѣянъ этими черномазыми—и мы въ короткое время избавились отъ этихъ негодныхъ тварей.«

Тѣмъ временемъ наша ворона, сидя на камнѣ, не спускала глазъ съ находившагося по близости ея кустарника ежевики. Вдругъ она вспорхнула и ринулась внизъ не хуже хищной птицы. «Видите ли вы змѣю?» прошепталъ старикъ. Онъ не обманулся. Изъ подъ куста выползла кольчатая змѣя и, при видѣ грозившей ей опасности, свернулась спиралью и подняла, шипя, голову. Судя по ея безпрерывнымъ судорогамъ, она была сильно раздражена на неожиданную помѣху, и въ бѣшенствѣ даже разъ или два кусала въ воздухѣ. Но эти безполезныя заявленія были скоро прекращены вороною. Помедливъ нѣсколько секундъ, чорный охотникъ поднялся съ мѣста и, ринувшись на пресмыкающееся, схватилъ его за маковку. Удалось ли змѣѣ укусить своего противника — этого я, къ сожалѣнію, не могъ замѣтить ни во время битвы ни послѣ нея. Будучи такимъ образомъ схвачена за голову, змѣя напрасно шипѣла и хлестала кругомъ хвостомъ. Ворона преспокойно клевала ее въ голову и не оставила въ покоѣ и протестующаго хвоста. Побѣда была, по видимому, на ея сторонѣ, потому-что змѣя уже не шевелилась. Но вдругъ, когда побѣдительница расположилась было разнять ее по всѣмъ правиламъ искусства, мнимоумершая змѣя опять приподнялась и битва возобновилась. Съ удивительною силою отбивалась отъ нея змѣя, извиваясь всѣмъ своимъ тѣломъ, такъ-что ворона въ полномъ смыслѣ слова сѣла на-земь, потому-что хвостъ ея вытянулся, а ноги потеряли равновѣсіе. Къ этому присоединилось еще то, что ея крылья, зацѣпившись за ежевичные усики, не могли свободно двигаться. И въ этомъ-то комическомъ положеніи застигнутая въ расплохъ и кричащая ворона мучилась въ виду своей очевидно готовившейся бѣжать добычи. Но змѣя была такъ истощена, да и ворона такъ скоро высвободилась, что на счетъ исхода борьбы не оставалось и сомнѣнія. Съ удвоенною яростію бросилась она на своего врага и такъ принялась долбить его своимъ клювомъ, что о попыткахъ къ бѣгству или къ укушенію не могло быть и рѣчи. Къ сожалѣнію, ворона не заблагоразсудила пообѣдать имъ тутъ же на мѣстѣ; она улетѣла вмѣтѣ съ повисшею изъ ея клюва змѣею. «Ну, теперь вамъ придется подождать, пока я найду для васъ другую змѣю, потому-что это была та самая, которую я приберегалъ для васъ», утѣшалъ меня старикъ. Но я уже былъ вполнѣ вознагражденъ за потерю зрѣлищемъ этой интересной картины изъ жизни животныхъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Опубликованная недавно въ правительственной газетѣ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1873 годъ представляетъ намъ слѣдующія интересныя цифры: Всѣхъ вообще *доходовъ* въ текущемъ году ожидается на 517,349,834 рубля; *расходовъ* исчислено на сумму 517,322,162 рубля. Такимъ образомъ, и въ нынѣшнемъ году не только не предвидится дефицита (превышенія расходовъ надъ доходами), но еще ожидается излишекъ поступленій на 27,672 руб. Конечно, исчисленные доходы могутъ въ дѣйствительности не оправдать сдѣланныхъ разсчетовъ, такъ что доходовъ можетъ поступить на самомъ дѣлѣ *менѣе* противъ предполагаемаго; съ другой стороны выведенные по росписи расходы, вслѣдствіе какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, увеличатся въ такой мѣрѣ, что поступившихъ доходовъ для покрытія ихъ окажется недостаточно,—тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что министерство финансовъ достигло, наконецъ, равновѣсія въ нашихъ государственныхъ расходахъ и доходахъ—самъ по себѣ представляетъ уже не мало утѣшительнаго. Фактъ этотъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, какія трудности приходилось одолѣть для того чтобы выдти изъ нашихъ хроническихъ дефицитовъ, среднимъ числомъ, простиравшихся до 40 милліоновъ рублей ежегодно. Спрашивается теперь: какими средствами достигнуто это равновѣсіе въ нашемъ государственномъ юджетѣ: достигнуто-ли оно равномѣрнымъ и необременительнымъ возвышеніемъ доходовъ, отысканіемъ новыхъ статей доходовъ, или же, наконецъ, соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ расходовъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія? Сравнивая государственныя росписи 1872 и 1873 годовъ, мы видимъ что на текущій годъ доходовъ исчислено на 20,152,032 рубля *болѣе* противъ прошлогодняго; но въ то же время и расходы *увеличены* на сумму 20,508,581 руб., что не мѣшаетъ, однако, сохраниться равновѣсію въ бюджетѣ. *Увеличеніе доходовъ* предвидится главнымъ образомъ по слѣдующимъ статьямъ: по таможенному вѣдомству (на 6 милліоновъ р. слишкомъ), по гербовому сбору (около 2 мил. руб.), по желѣзнымъ дорогамъ (на 1,870,870 р.), отъ акциза съ табаку (почти столько же), отъ продажи казенныхъ имуществъ, отъ податей и различныхъ сборовъ по Туркестанскому краю, отъ свеклосахарнаго производства и проч. *Уменьшеніе* доходовъ ожидается только по податямъ (на $1^1/_2$ м. р.), по доходу отъ соли (на 1 м.) и по различнымъ дробнымъ статьямъ дохода. Уменьшеніе дохода по податямъ произошло не вслѣдствіе уменьшенія налоговъ, а „отъ обращенія оброчной подати бывшихъ государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній въ выкупные платежи, занесенные затѣмъ въ отдѣлъ доходовъ отъ продажи казенныхъ имуществъ (см. выше), частію же отъ уменьшенія числа платящихъ подушной окладъ, вслѣдствіе перечисленія ихъ въ другія сословія“.

Увеличеніе расходовъ предстоитъ по слѣдующимъ статьямъ: по военному министерству (на 9 мил. руб. слишкомъ), по платежамъ государственнаго долга (на 4,680,000 р.), по министерству путей сообщенія (слишкомъ на 4 м. р.), по морскому министерству (почти на 4 м. р.), по министерству народнаго просвѣщенія (на 1,047,814 р.), причемъ увеличеніе расходовъ главнымъ образомъ падаетъ на содержаніе гимназій; затѣмъ незначительное увеличеніе расходовъ предполагается по вѣдомствамъ: министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, государственнаго контроля, свят. синода, по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ и пр. *Уменьшеніе расходовъ*, сравнительно съ 1872 годомъ, оказывается только по министерству иностранныхъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и по управленію государств. коннозаводства, всего на сумму 154,203 р.

Приводя теперь эти общіе выводы изъ нашей государственной росписи на 1873 годъ, мы откладываемъ дальнѣйшее обсужденіе ихъ до слѣдующаго раза, причемъ будутъ приведены цифры по каждой статьѣ особо и выведено процентное отношеніе ихъ ко всей суммѣ государственныхъ расходовъ на текущій годъ.

9-го января, въ 2 часа по-полудни, послѣ весьма кратковременной, но тяжкой болѣзни и спустя лишь нѣсколько дней по возвращеніи своемъ изъ за-границы, скончалась великая княгиня Елена Павловна. «Почти полъ-вѣка, говорятъ „Моск. Вѣдомости“, великая княгиня Елена Павловна принадлежала Россіи. Она горячо принимала къ сердцу все полезное для отечества, всѣ великія реформы нынѣшняго царствованія, и особенно крестьянскую. Еще во время приготовленія этой реформы, она сдѣлала въ своемъ имѣніи Карловкѣ (Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи) опытъ устройства быта крестьянъ на основаніяхъ, сходнѣхъ съ принятыми потомъ въ Положеніи 19 февраля 1861 года. Правила объ устройствѣ Карловскаго имѣнія были Высочайше утверждены еще 1 февраля 1859 года. Съ замѣчательною бодростью посвящала она свои силы до самыхъ послѣднихъ лѣтъ заботамъ о дѣлахъ благотворенія, и ея же высокимъ именемъ будетъ навсегда украшена исторія музыки въ Россіи». Подъ покровительствомъ В. Кн. Елены Павловны состояли многія учебныя, артистическія и благотворительныя учрежденія въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Въ субботу, 13 января, набальзамированное тѣло въ Бозѣ почившей Великой Благотворительницы перевезено было изъ Михайловскаго дворца въ Петропавловскій соборъ, гдѣ черезъ два дня и погребено рядомъ съ супругомъ ея Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

8-го января, въ московскомъ окружномъ судѣ, какъ сообщаетъ „Правит. Вѣстникъ“, судился извѣстный преступникъ Сергѣй Нечаевъ, выданный швейцарскимъ правительствомъ русскому. Подсудимый отказался имѣть защитника, держалъ себя на судѣ чрезвычайно дерзко и отказался давать отвѣты. Присяжные признали Нечаева виновнымъ въ убійствѣ студента земледѣльческой академіи Иванова, а судъ приговорилъ его къ 20-лѣтней каторжной работѣ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 19 Января 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 4 — 1873.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 29 января 1873 года. **Годъ IV.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1873 году №№ „Нивы“.

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

III.

Пассажиръ парохода «Аралъ».

На всѣхъ плоскихъ крышахъ чиназскихъ домовъ, между зубцами крѣпостнаго вала, на всякомъ возвышенномъ, болѣе или менѣе удобномъ для наблюденій пунктѣ, даже на развѣсистыхъ вѣтвяхъ стараго таловаго дерева, что поникло надъ водою, цѣпляясь за глинистый обрывъ своими подмытыми корнями, — пестрѣли самыя разнообразныя, оживленныя группы. На базарѣ было какъ-то особенно суетливо, всѣ спѣшили наскоро окончить свои дѣла; изъ кабачковъ и туземныхъ чайныхъ лавокъ выбѣжали на улицу даже тѣ изъ привычныхъ посѣтителей, которыхъ въ другое время почти невозможно было согнать съ уютнаго насиженнаго мѣстечка,—и всѣ они спѣшили къ берегу Сыръ-Дарьи, пробираясь по узкимъ извилистымъ переулкамъ, ведущимъ къ водѣ.

На всѣхъ лицахъ было написано самое томительное, самое жгучее ожиданіе; вниманіе всѣхъ было устремлено на одну точку — далеко-далеко за тѣми песчаными буграми, тамъ, гдѣ въ блескѣ полуденнаго солнца сверкалъ послѣдній изгибъ рѣки, сливаясь съ синеватымъ горизонтомъ. Чуть замѣтная струйка бѣлаго дыма поднималась изъ-за желтоватой гряды обрывистаго берега; почти неподвижною казалась эта струйка, и только послѣ долгаго наблюденія можно было замѣтить, какъ дымъ мѣнялъ свое мѣсто, подвигаясь мало по малу къ городку.

Только опытный глазъ могъ узнать, что эта бѣловатая струя вырывается изъ трубы парохода; только въ очень сильный бинокль можно было различить за черною точ-

кою трубы легкое очертанiе мачтъ баржи, которую пароходъ тащилъ за собою на буксирѣ.

Прибытiе парохода составляетъ самую крупную эпоху въ жизни чиназскихъ жителей. Сколько новостей, сколько новыхъ лицъ привезетъ этотъ пароходъ! какъ оживится слободка за это шумное время пароходной стоянки!.. Чиназскiя солдатки, населяющiя слободку, прихорашиваются и приготавливаютъ свои самые пестрые, самые парадные сарафаны. «Ну, ну—ты у меня гляди, Дарья, съ матросами не очень-то того, глазъ зря не пялить!» ворчитъ усатый линеецъ, сердито поглядывая на свою жену. «Чтоже, нѣшто матросъ не человѣкъ?» бойко огрызается молодая Дарья—«тоже обхожденiе понимать можетъ, не то что вы, мужичье сухопутное!...» «А вотъ я тебѣ покажу обхожденiе, коли ежели что замѣчу!» ворчитъ мужъ и лѣзетъ на заборъ, оттуда на дрова, съ нихъ на крышу, садится на трубу и, приставивъ руку козырькомъ къ прищуреннымъ глазамъ, посматриваетъ въ даль, стараясь угадать: «Аралъ»-ли идетъ, или «Самаркандъ» или самъ «Фортъ Перовскiй?» *).

— Пойди, «Шарикъ», выкачивай изъ подвала новую бочку, говоритъ своему подручному маркитантъ, кабачникъ «шайтановъ»,—матросы не то что наши, тѣ сразу.

— Ладно, братъ, наши тоже локать мастера, кричатъ изъ кабачка мѣстные солдаты, обиженные такимъ не лестнымъ замѣчанiемъ хозяина.

Всѣ туземцы, базарные торгаши и прiѣзжiе изъ окрестностей киргизы, кураминцы—всѣ заинтересованы прибытiемъ парохода, не менѣе русскаго населенiя Чиназа. Суевѣрныхъ полудикарей занимаетъ самъ пароходъ, этотъ диковинный «шайтанъ-каикъ» (чортова лодка), какъ называютъ они невиданное судно. Недовѣрчиво киваютъ они головами и посмѣиваются себѣ подъ носъ: «знаемъ молъ въ чемъ дѣло», когда кто нибудь изъ русскихъ пустится объяснять имъ устройство пароваго двигателя. Со страхомъ и тревожнымъ любопытствомъ поджидаютъ киргизы пароходъ. Лошади и верблюды, на которыхъ они прiѣхали на чиназскiй базаръ, привязаны у базарныхъ навѣсовъ, или загнаны во внутренности дворовъ; а сами владѣльцы ихъ рядами сидятъ, на корточкахъ, по самому краю береговаго обрыва и не спускаютъ глазъ съ бѣлой струи пароходнаго дыма, которая ростетъ все болѣе и болѣе, клубится по вѣтру и тянется черезъ всю рѣку, даже на тотъ берегъ, стелясь надъ камышами и расплывясь наконецъ въ душистомъ степномъ воздухѣ.

— Въ самой серединѣ, въ темномъ-темномъ ящикѣ сидитъ самъ шайтанъ, я видѣлъ, говоритъ шопотомъ старикъ-киргизъ своимъ сосѣдямъ,—лапы онъ съ боковъ просунулъ и гребетъ по водѣ... видите, видите, вонъ какъ пѣнится, даже шумъ слышно!.. а дышетъ чортъ черезъ трубу, а кормятъ этого чорта саксауломъ (кустарниковое растенiе, употребляемое здѣсь вмѣсто топлива) или углемъ, что изъ каменныхъ горъ русскiе привозятъ.

— Страшно, произноситъ косоглазый сосѣдъ и ежится подъ своимъ полосатымъ халатомъ,—страшно. Я бы кажется ни за что не поѣхалъ бы на этой лодкѣ.

— «Аралъ», говоритъ отставной солдатъ въ шинели, накинутой на плечи, и въ туземной шапочкѣ-тюбетейкѣ на головѣ.

— «Самаркандъ», возражаетъ писарь изъ крѣпостной канцелярiи, присѣвшiй на бревнѣ съ папиросою въ зубахъ.

— Хошь на бутылку—«Аралъ»...

— Депеша была, я знаю, что Самаркандъ! не соглашается писарь.

— Вретъ ваша депеша; я по дыму лучше знаю: этотъ, вишь ты, какъ разваливаетъ, а тотъ тонкою струею дуетъ.

— Гляди, гляди, двѣ баржи за собою волочитъ, не одну... бабъ то, бабъ что на баркахъ! кричитъ съ крыши молодой солдатикъ и лѣзетъ на трубу, чтобы получше можно было разглядѣть.

— Это солдатскихъ женъ на передовую линiю сплавляютъ, предполагаетъ кто-то на сосѣдней крышѣ.

— То-то чай, сердечныя, ждутъ не дождутся! рады, чай, къ мужьямъ-то!

— Ужъ точно, есть чему радоваться! презрительно сплевываетъ на сторону краснощекая бабенка въ шелковомъ платкѣ съ разводами.

— Отъ мужниныхъ кулаковъ-то отвыкли, поддерживаетъ ее другая, щелкая орѣхами.

— Васъ не бить—любить не станете, подзадориваетъ бабъ какой-то полупьяный деньщикъ.

— Анъ врешь, мы на ласку податливѣй... хохочутъ веселыя бабы.

— Гляди въ оба: самъ комендантъ идетъ! предостерегаютъ съ другаго конца улицы.

Все высшее чиназское общество тоже, подъ видомъ прогулки, собралось на пристань: пришелъ и казначей съ своею барынею и прочiе офицеры мѣстнаго батальона, кто съ семействомъ, а кто самъ по себѣ; а подъ самымъ таловымъ деревомъ, въ густой тѣни, на скамейкѣ давно уже сидѣлъ «старый пушкарь», рядомъ съ своею хорошенькой дочкою, за спиною которой помѣстился Петръ Михайловичъ, теперь уже не въ охотничьемъ костюмѣ, но въ бѣломъ форменномъ кителѣ съ офицерскими погонами. А не слѣдовало ему мѣнять на мундирную одежду своего вольнаго платья: молодцомъ, лихо смотрѣлъ онъ въ широкой, сѣрой рубахѣ изъ туземной армячины, въ бараньей шапочкѣ, въ высокихъ сапогахъ, перетянутыхъ ремнемъ выше колѣна, съ двустволкою, небрежно заброшенною за правое плечо, съ широкимъ поясомъ, увѣшаннымъ всякимъ охотничьимъ припасомъ,—и не разъ любовалась имъ его Наташа, когда онъ, собираясь на охоту, подойдетъ, бывало, къ глиняному забору ихъ двора и крикнетъ: «Ну, до свиданья. Къ ночи не ждите!», а шопотомъ добавитъ:—поцаловалъ бы тебя, Наташа, крѣпко-крѣпко, да руки коротки; смотри, вонъ «сама» въ окошко смотритъ.

Неловко, словно сшитый на другаго, сидитъ на плечахъ Касаткина офицерскiй китель. Красныя мускулистыя руки лѣзутъ вонъ изъ узкихъ рукавовъ, тѣсный воротникъ сжимаетъ горло и душитъ, форменное кепи ползетъ на затылокъ и липнутъ къ потному лбу, растрепавшiеся отъ береговаго вѣтра, волосы.

— Ты, Петя, словно ощипанный какой-то, тихонько шепнула ему Наташа.

— Эхъ!... только и могъ сказать Петръ Михайловичъ, потому-что и самъ ясно чувствовалъ, что онъ точно «ощипанный».

Толстый, лысый маiоръ, помощникъ коменданта, издали еще приподнявши фуражку, подошелъ къ Наташѣ, улыбнулся, откашлялся и низко раскланялся.

— Здравствуйте, барышня! Вотъ давненько я васъ не видѣлъ, произнесъ онъ и хотѣлъ было поцѣловать протянутую ему руку, да только поцѣлуй пришелся на воздухъ, потому что маiоръ и самъ не замѣтилъ, какъ изъ его руки выскользнули розовые пальчики дѣвушки.

*) Названiе рѣчныхъ, Сыръ-Дарьинскихъ пароходовъ.

— Дура, набитая дура! шепнула ей на ухо маменька, которая до сихъ поръ разговаривала о чемъ-то съ казначейшей, а тутъ подошла къ дочкѣ, замѣтивъ приближеніе маіора.

— Что же вы, маменька, бранитесь? вслухъ произнесла Наташа.

— Тс!... что кричишь?! понятно, обращенія не понимаешь. Да вы, присядьте, маіоръ, вотъ тутъ, рядышкомъ съ нами, обратилась она къ маіору, — Федорычъ, подвинься.

Всѣ четверо усѣлись кое какъ на скамейкѣ.

— Поджидаете кого, Наталья Мартыновна? обратился маіоръ опять къ Наташѣ.

— Нѣтъ, я такъ, замялась дѣвушка.

— Кого ей ждать, отвѣтила за нее маменька, — мы здѣсь, въ Чиназѣ, найдемъ людей хорошихъ, если понадобится.

И старуха многозначительно взглянула, сперва на толстаго маіора, потомъ на свою дочку.

— Еще бы, люди хорошіе вездѣ есть, и если только смотрѣть не на красоту, а на доброе сердце... началъ было философствовать маіоръ, да и пріостановился.

— Пойдемте вонъ на тотъ обрывъ, Петръ Михайловичъ, вдругъ поднялась со скамейки Наташа, — оттуда виднѣе.

— И прекрасно, подхватилъ Петръ Михайловичъ и подставилъ руку калачикомъ.

Вздохнулъ глубоко маіоръ и развелъ руками — ничего не подѣлаешь.

— Вѣдь эдакой аспидъ-дѣвка! сорвалось съ языка маменьки.

А старый пушкарь улыбнулся, крякнулъ, пораскурилъ потухшую трубку и произнесъ, обращаясь къ обезкураженному сосѣду:

— Вы бы къ намъ обѣдать сегодня пожаловали; запросто, по походному. Что у насъ сегодня, эй ты, хозяйка-ворочунья?

— Борщъ и гусь дикій съ яблоками, какъ ножомъ отрѣзала супруга. — А и въ за-правду приходите, господинъ маіоръ; а главное: куражу не теряйте, добавила она, наклонившись почти къ самому маіорскому уху.

За линіей базарныхъ строеній тянулись по самому берегу склады привознаго топлива; изъ-за этихъ безобразно-нагроможденныхъ кучъ медленно двигалась высокая черная труба, словно стрѣлки рисовались на синевѣ неба желтенькія мачты, и глухо шумя буровили воду широкія лопаты пароходныхъ колесъ.

Пароходъ подчалилъ самымъ тихимъ ходомъ, придерживаясь почти около обрывистаго берега. Пестрая толпа провожала его по берегу, переговариваясь съ матросами и пассажирами. Рѣзкій пронзительный свистокъ покрылъ собою говоръ и шумъ собравшагося народа. Нѣсколько киргизъ стремительно отбѣжали подальше, заткнувъ себѣ пальцами уши.

А на обрывѣ, у самой крѣпостной стѣнки стояла Наташа, опершись на руку Касаткина.

— Этого маіора маменька мнѣ въ мужья прочитъ, говорила она своему кавалеру, — просто пилитъ меня съ утра и до ночи.

— Я ему ноги переломаю когда нибудь — этому маіору, сурово произнесъ Касаткинъ.

— Экой ты, Петя, еще неотесанный! укоризненно взглянула на него Наташа, — ноги переломаю, передразнила она и стала смотрѣть на палубу парохода, въ эту минуту проходящаго какъ разъ мимо ихъ пункта.

— Да вѣдь досадно, началъ было оправдываться Петръ Михайловичъ.

— Посмотри, какой красавецъ! вдругъ обратилась къ нему Наташа и шагнула на самый край обрыва.

— Въ воду упадешь — осторожнѣй! предупредилъ Касаткинъ.

— Какой красавецъ! прошептала дѣвушка и такъ и впилась глазами въ одну точку.

У Касаткина вдругъ сильно кольнуло въ сердцѣ; онъ быстро окинулъ глазами всѣхъ пассажировъ, столпившихся на палубѣ, — и сразу, инстинктивно угадалъ того, кто обратилъ вниманіе его шаловливой спутницы.

Прислонившись къ откосу лѣваго кожуха, стоялъ молодой человѣкъ съ густыми, почти черными бакенбардами. Костюмъ на немъ былъ полу-военный полу-штатскій, черезъ плечо висѣлъ на тонкомъ ремешкѣ маленькій сакъ-вояжъ и футляръ отъ походнаго бинокля, который находился въ данную минуту въ рукахъ у незнакомца; онъ только что отнялъ его отъ глазъ и съ оживленнымъ любопытствомъ разсматривалъ пестрыя группы чиназцевъ.

Пароходъ пошелъ еще тише; откуда-то послышалась трель капитанскаго свистка; десятка полтора матросовъ, въ бѣлыхъ рубахахъ съ отложными воротниками, торопливо пробѣжали по палубѣ; со свистомъ и шипѣніемъ вылетѣли излишніе пары; все судно дрогнуло и остановилось. Въ одну минуту перекинуты были доски съ борта прямо на берегъ; нѣсколько матросовъ перебѣжали по нимъ, перетянули толстый канатъ и принялись за-просто принайтавливать къ стволу таловаго дерева. Съ обѣихъ баржъ тоже были устроены сходы, и началась самая горячая, шумная бѣготня съ судовъ на берегъ, съ берега на суда.

Красивый пассажиръ, такъ заинтересовавшій Наташу, сойдя на берегъ, остановился какъ будто въ недоумѣніи и осмотрѣлся. Случилось такъ, что это пришлось не болѣе какъ въ двухъ шагахъ отъ «стараго пушкаря».

— Въ первый разъ пріѣзжаете? спросилъ старикъ и приподнялъ фуражку.

— Вы со мною говорить изволите? переспросилъ пріѣзжій, быстро раскланиваясь. — Багажъ пока не выбирать изъ каюты, я послѣ распоряжусь, обратился онъ къ матросамъ, подхватившимъ было два громадные чемодана, помѣченные буквами С. Р.

— Я къ папашѣ побѣгу, сказала Наташа Касаткину, освободила свою руку и бѣгомъ въ нѣсколько прыжковъ очутилась около старика.

— Наташа! чуть не крикнулъ было Касаткинъ, и хотѣлъ было остаться на мѣстѣ и смотрѣть издали, чѣмъ все это кончится.

— Коза ты моя, прыгунья! приласкалъ «старый пушкарь» дочку.

— Я прежде былъ здѣсь, давно уже, отвѣчалъ незнакомецъ. — Тогда еще ничего этого не было, онъ указалъ рукою на крѣпостныя стѣны и бѣлѣющіе за ними, правильно-разбитые кварталы слободки. — Теперь такъ все перемѣнилось. Вотъ и люди все незнакомые! онъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ и съ нескрываемымъ удовольствіемъ остановилъ свои глаза на хорошенькой дѣвушкѣ, пріютившейся за широкою спиною старика.

— Дочка моя, произнесъ отецъ, — такая шалунья... Не по лѣтамъ бы!... Ну, что поталкиваешь, что?... ха, ха! не бойся... Она думаетъ, что вотъ молъ, старый дуракъ, разоврался, лишнее какъ бы что не сказалъ.

— И впрямь: старый дуракъ! чуть не вслухъ произнесла Маланья Ивановна.

— Очень радъ познакомиться, раскланялся пріѣзжій съ Наташей.—Сергѣй Николаевичъ Ровичъ, протянулъ онъ руку старому пушкарю.

— Да вы бы къ намъ сегодня обѣд..... началъ было Мартынъ Федорычъ.

— Тс!.. толкнула его въ бокъ супруга.

— Удивительно право, началъ вполголоса маіоръ, все еще сидѣвшій на скамейкѣ и все время разговора сердито поглядывавшій на красиваго молодаго пассажира.—удивительно право, чему учатъ въ Петербургѣ этихъ господъ! Совершеннѣйшіе невѣжи... Видитъ, что сидитъ заслуженный штабъ-офицеръ съ крестомъ (маіоръ поправилъ рукою красную петличку)—и хотя какой нибудь съ своей стороны авансъ...

— Гордецы, поддакнула старушка.

— Либералы, многозначительно повелъ бровями маіоръ.

— Я здѣсь буду недолго; можетъ быть дней шесть-семь, но часто буду проѣзжать черезъ Чиназъ по службѣ, говорилъ, обращаясь то къ старику, то къ Наташѣ, Сергѣй Николаевичъ.—Надѣюсь, что знакомство наше не ограничится одною этою встрѣчею, а пока до свиданья.

Онъ снова раскланялся съ Наташей, пожалъ старому пушкарю руку и пошелъ къ крѣпостнымъ воротамъ.

— Парень кажется добрый, произнесъ «пушкарь» и кряхтя началъ подниматься со скамейки.

— Франтъ какой, словно съ балу, а не съ дороги! неожиданно произнесъ Касаткинъ.

Онъ не утерпѣлъ и давно уже стоялъ позади Наташи.

— Петръ Михайловичъ, что онъ вамъ сдѣлалъ? надулась Наташа.

— А что онъ мнѣ можетъ сдѣлать?.. я такъ, свое личное замѣчаніе, а впрочемъ...

— Позвольте-съ, Наталья Мартыновна, подставилъ ей руку маіоръ.

Наташа было взглянула на Касаткина, тотъ отвернулся; взглянула на маменьку, та дѣлала ей глазами самые выразительные знаки; взглянула еще разъ на Касаткина, тотъ теперь сердито скребъ себѣ рукою затылокъ.

«На же молъ тебѣ за это!» подумала Наташа и, принявши руку маіора, пошла къ слободкѣ.

За ними зашагалъ Чижиковъ, подъ руку съ своею супругою. Сзади всѣхъ, понуривъ голову шелъ Касаткинъ, усиленно теребя на ходу нижнюю пуговицу своего кителя.

Обѣдъ шелъ какъ-то вяло и молчаливо. «Старый пушкарь», принимался было два раза разсказывать, какъ ему разъ пришлось съ командою усмирять взбунтовавшихся рабочихъ на какомъ-то горномъ заводѣ; хозяйка все вскакивала изъ-за стола, бѣгала зачѣмъ-то на кухню и громко бранилась тамъ съ деньщиками; Наташа все отодвигалась подальше отъ маіора, по мѣрѣ того какъ тотъ, все ближе и ближе, пододвигалъ къ ней свой стулъ, и совсѣмъ не отвѣчала на всѣ любезности и «авансы» заслуженнаго штабъ-офицера съ крестомъ. Петра Михайловича вовсе не было, онъ отсталъ какъ-то отъ общества еще дорогою, свернулъ куда-то въ переулокъ и не явился къ обѣду. Маменька распорядилась такъ, чтобы Касаткина не ждали. Наташа было хотѣла послать за нимъ, да раздумала; а самъ «старый пушкарь» только за дикимъ гусемъ съ яблоками и замѣтилъ отсутствіе «своего охотника».

— А вотъ эту штуку застрѣлилъ третьяго дня нашъ Петръ Михайловичъ, произнесъ онъ, подхватывая на вилку жирный кусокъ жаркого.—Да гдѣ же онъ?... удивился онъ, замѣтивъ его отсутствіе.

— А я почемъ знаю?... отозвалась супруга.

— Не пришелъ отчего-то; вѣрно некогда было... проговорила Наташа, и въ голосѣ ея послышались какъ будто слезинки.

— Свой человѣкъ у васъ сталъ прапорщикъ Касаткинъ, произнесъ не безъ двусмысленности маіоръ и налегъ особенно на слово «прапорщикъ»—знай-молъ въ чинахъ разницу.

— Ну ничего, можетъ къ ужину прійдетъ. Ты, Наташа, припаси ему вонъ отъ крыла кусокъ побольше, онъ до гусей охотникъ, обратился къ дочкѣ Чижиковъ.

— Давнишній знакомый, что же! заговорила какъ бы оправдываясь Маланья Ивановна,—съ самаго пріѣзда нашего познакомились, ну и привыкъ къ нашему дому...

— Ну конечно, произнесъ маіоръ.

— А насчетъ чего другова, такъ это нѣтъ... это...

— Ну, баба, не ври, остановилъ ея старикъ,—подико вели намъ чайку сбирать; послѣ обѣда, особенно послѣ жирнаго, это лучше всякаго вина. Такъ, господинъ маіоръ, что-ли?...

— Ну само-собою, согласился маіоръ.

— Такъ вотъ, батенька, привелъ я команду, оцѣпили казарму. «Стой, говорю, гляди въ оба!» А въ это самое время подполковникъ Набатовъ, Сысой Иполитычъ, и кричитъ мнѣ изъ окошка комендантскаго: «До команды моей не палить! ни Боже мой!».. Бунтовщики-же...

Но вѣроятно Наташѣ вовсе не интересно было знать, что въ то время дѣлали бунтовщики; она встала, высвободила свое платье, прижатое слишкомъ близко пододвинутымъ стуломъ своего сосѣда, и вышла изъ комнаты.

Она и сердилась на Касаткина и жаль было его. Она догадалась, что тотъ сильно приревновалъ ее къ этому красивому пассажиру парохода «Аралъ»; ей это понравилось было сначала, она захотѣла помучить хорошенько бѣднаго Петра Михайловича и рѣшилась нарочно другой разъ подольше посмотрѣть на Ровича, а ежели хватитъ смѣлости, то и поговорить съ нимъ, даже пококетничать. «Ишь ты, какой сердитый!» подумала она, припомнивъ насупившуюся смѣшную физіономію Касаткина,—«да и какъ онъ посмѣлъ меня ревновать?! что онъ думаетъ? за кого меня считаетъ? Такъ вотъ и брошусь я на шею всякому встрѣчному! — «Всякому встрѣчному» повторила она почти вслухъ — и задумалась.

Она задумалась объ этомъ самомъ встрѣчномъ; онъ такъ и рисовался въ ея воображеніи. Вотъ онъ раскланивается съ нею, говоритъ, улыбается. Какіе у него славные глаза, добрые такіе, темно-синіе! — а одѣтъ какъ хорошо!.. Ловкій какой, статный; какъ сравнить съ... А развѣ тотъ не молодецъ?... одинъ на тигра ходитъ — смѣльчакъ какой! И вотъ Наташа вспомнила: давно еще, въ прошедшемъ году, привезли его домой всего въ крови, какъ она испугалась тогда, какъ потомъ любовалась имъ, когда онъ бровью даже не повелъ, выдерживая тяжелую, мучительную перевязку; какъ она цѣловала его, улучивъ свободную минуту, когда маменька пошла на кухню, мѣнять покраснѣвшую отъ крови воду...

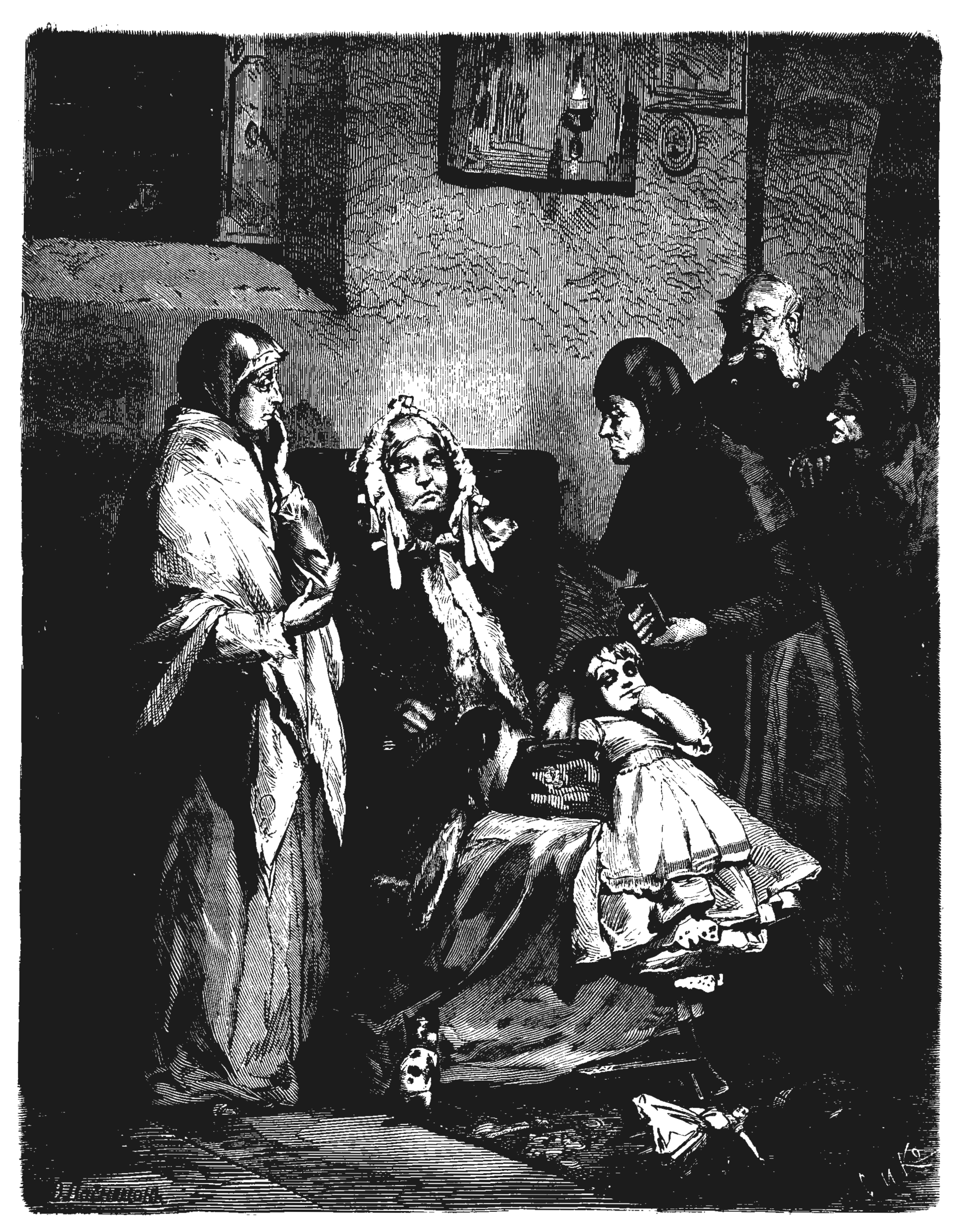
— Слушайте, эй — Игнатьевъ! крикнула она съ крыльца пробѣгавшему мимо юнкеру.

— Что прикажете, а? остановился тотъ посреди улицы.

— Вы не видали Касаткина?

— Нѣтъ — не видалъ.

— Если увидите, скажите, чтобы поскорѣе къ намъ пришелъ; папенькѣ зачѣмъ-то нужно.



Добрѣйшее существо. Рисов. Н. Вазнецовъ, на деревѣ рѣзалъ граверъ Его Величества, Л. Сѣряковъ.

— Папенькѣ нужно, передразнилъ старый пушкарь, слышавшій все изъ окошка.

— Да онъ кажется въ гостиницѣ, въ бильярдной, я проходилъ мимо окошекъ, слышалъ какъ будто бы его голосъ, докладывалъ юнкеръ Игнатьевъ,—Пуговицынъ капитанъ, Трубаченко поручикъ и адъютантъ тамъ играютъ. Я добѣгу скажу...

— А то не надо, остановила его Наташа и вернулась въ комнату.

Она прошла прямо къ себѣ за перегородку, словно не замѣчая вовсе маіора, собиравшагося съиграть партію въ пикетъ съ хозяиномъ, и сѣла къ своему рабочему столику.

Было страшно жарко; миріады мухъ влетали въ открытыя окна — и Наташа поминутно отмахивалась, бросая скучную иголку. Наконецъ она встала, надѣла соломенную круглую шляпочку, захватила старенькій зонтикъ съ поломанной ручкою и черезъ заднее крыльцо вышла на улицу.

Она хотѣла пройти къ женѣ мѣстнаго священника, посидѣть съ нею въ ея крохотномъ садикѣ,—и направилась было прямо въ ту сторону, гдѣ, за крышею какого-то длиннаго сарая, виднѣлась высокая труба поповскаго дома,—да потомъ, совсѣмъ нечаянно, и сама не замѣтила какъ очутилась на большой базарной улицѣ, свернула влѣво и стала приближаться къ большому одноэтажному дому, надъ дверью котораго, на маленькой доскѣ, написано было «Гостинница Старый Чиназъ и номера для пріѣзжающихъ и биліардъ».

Два оборванныхъ солдата съ фурштатскаго двора, сидя на неосѣдланныхъ лошадяхъ, гнали съ водопоя весь казенный табунъ, и сотни конскихъ ногъ подняли густую пыль, сплошнымъ, удушливымъ облакомъ перегородившую улицу.

Наташѣ пришлось перейти на другую сторону; теперь она находилась не болѣе какъ въ десяти шагахъ отъ гостинницы и проходить ей надо было какъ разъ мимо самыхъ оконъ, изъ которыхъ неслись шумные возгласы — звонъ посуды и сухое щелканье бильярдныхъ шаровъ. Вдругъ она невольно остановилась. Голосъ Касаткина ясно доносился до ея ушей.

— Да не стану же пить, ну чего пристали! кричалъ онъ.

— Врешь, выпьешь!... хрипло настаивалъ кто-то другой.

— Не до того теперь.

— Ну портеру?..

— «Желтаго» рѣжу въ «среднюю»!

— Сукно прорвешь.

Наташа быстро пошла мимо окошекъ, рѣшившись во что бы то ни стало не заглядывать туда.

А Касаткинъ сидитъ у столика, на которомъ стояли остатки обѣда, и равнодушно смотритъ на играющихъ; передъ нимъ стояло нѣсколько стакановъ, налитыхъ до краевъ различными питіями; стаканы эти были не тронуты, какъ ни настаивали подгулявшіе товарищи на немедленномъ ихъ осушеніи.

Касаткинъ злился страшно—и больше всего самъ на себя: ему ужасно досадно было, что онъ не пошелъ обѣдать къ «старому пушкарю»; тамъ бы онъ могъ поговорить съ Наташею наединѣ, оправдаться въ своей неумѣстной выходкѣ... Понятное дѣло, что дѣвушка пошутила, а онъ и принялъ за серіозное. Не промѣняетъ же она его,—ни съ того, ни съ сего,—на перваго проѣзжаго красавца! да и что тотъ? сегодня тутъ, завтра тамъ, а онъ всегда при ней... Эхъ, право, вотъ наглупилъ-то! — досадовалъ Касаткинъ и чуть не рвалъ себя за волосы... Да вотъ поди-жь ты—говорилъ: «часто буду проѣзжать по службѣ; здѣсь недѣлю проживу» припомнилъ онъ слова Ровича и снова скверное чувство сжимало ему сердце, снова невольно сворачивались въ кулакъ плотно пальцы. Сегодня же вечеромъ вызову ее на крыльцо и поговорю съ нею. Я скажу: не мучь ты меня; погляди-ка, что тутъ у меня дѣлается...

— Что же ты взаправду пить не будешь? подошелъ шатаясь къ нему капитанъ Пуговицынъ.

— Отстань!

— Вотъ тебя хандра разбираетъ, а выпьешь—пройдетъ! настаивалъ капитанъ.

— Я знаю, отъ чего онъ сычомъ сидитъ! закричалъ изъ-за бильярда адъютантъ.

— Ну-же, братъ, не упирайся, пей! вотъ начинай, я тебѣ совѣтую, съ бѣлаго «Первушинскаго».

— А что, развѣ и въ самомъ дѣлѣ? подумалъ Касаткинъ и протянулъ руку за стаканомъ.

Вдругъ онъ взглянулъ въ окно и вздрогнулъ; стаканъ съ виномъ выскользнулъ у него изъ рукъ.

Мимо открытаго окна промелькнулъ знакомый, дорогой профиль. Тѣнь отъ полей шляпки закрыла всю верхнюю половину лица, голубыя ленточки путались съ свѣтло-русыми почти пепельными волосами дѣвушки...

Онъ высунулся изъ окна, взглянулъ вслѣдъ прошмыгнувшей дѣвушки и окаменѣлъ. Въ глазахъ у него стало зелено, въ ушахъ поднялся нестерпимый звонъ; стѣна, къ которой онъ прислонился зашаталась у него за спиною. Ему, по крайней мѣрѣ, такъ показалось.

— Здравствуйте, сказалъ пріятный баритонъ почти надъ самимъ ухомъ проходившей дѣвушки.

Наташа въ эту минуту поровнялась съ тѣми окнами гостинницы, гдѣ помѣщались номера для пріѣзжающихъ.

Она, сама не зная какъ, остановилась и обернулась.

— Здравствуйте, повторилъ Сергѣй Николаевичъ.—Гуляете?

— Да... нѣтъ, я по дѣлу, смутилась Наташа, покраснѣла до ушей, помялась немного на одномъ мѣстѣ и вдругъ, чуть не бѣгомъ, пустилась по улицѣ.

А Сергѣй Николаевичъ, тоже какъ и Касаткинъ, высунулся изъ окна и долго-долго смотрѣлъ вслѣдъ блондинкѣ, пока за заборомъ поповскаго сада не скрылось ея сѣренькое платьице.

Вотъ все, что показалось такъ ужаснымъ для Петра Михайловича Касаткина.

(Продолженіе будетъ).

Стихотвореніе.

Сіяя дивною красой,
Красою счастья и свободы—
Какъ сонъ любви передо мной
Порой встаютъ былые годы,
И плачу я, какъ Іудей,
Когда въ изгнаньи, рабъ печальный,
О милой родинѣ своей,
О Палестинѣ пѣлъ онъ дальней.

В. Н. Д.

Старый судъ.

А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

IV.

Вмѣсто того, чтобы на другой день проснуться часу въ восьмомъ утра и начать занятія,—не спавъ цѣлую ночь, я успѣлъ только послать нарочнаго къ старику Медвѣдкину объ несчастіи съ его сыномъ, а самъ въ эту пору улегся и проспалъ до 12 часовъ. Далѣе, къ великой моей досадѣ, врачъ продержалъ меня часовъ до 3-хъ съ анатомическомъ изслѣдованіемъ трупа, при которомъ я былъ вродѣ болвана, не имѣя ни какого понятія объ анатоміи и вообще объ медицинѣ. Я сталъ свободенъ располагать собою въ самый разгаръ лучей палящаго іюльскаго солнца. Жара была до 30° по Реомюру. Нужно было по необходимости подождать, пока спадетъ, хоть немного. Въ головѣ моей вертѣлся планъ, составленный ночью: освидѣтельствовать для формы,—можетъ быть и въ пустой слѣдъ, чтобы очистить себя по должности,—ровъ; вызвать прикащика—и задержавъ его, тщательно осмотрѣть пасѣку; потомъ, сдѣлать донесеніе прокурору и начать секретное изслѣдованіе о становомъ. Въ пятомъ часу вечера, взявъ съ собою трехъ понятыхъ и двухъ разсыльныхъ, но не приглашая становаго, — который и не составляетъ какого либо члена слѣдствія, какъ полицейскій чиновникъ,—я отправился въ другой разъ на гумно Моисея Тарасова. Тамъ царила невозмутимая тишина и слышались трескучія пѣсни полеваго кузнечика. Ровъ окружалъ гумно съ трехъ сторонъ; четвертой оно примыкало къ плетню двора. Съ лѣвой стороны отъ входа, въ небольшомъ разстояніи, испещренномъ разными полевыми цвѣтами и травою, жолто-бѣлой ромашкой, лопухомъ, красивымъ бурьяномъ, петровыми батогами, чебрецомъ, полынью и васильками,—разливался притокъ Донца, обсаженный ивами и мѣстнымъ тополемъ; къ берегамъ рѣки шла отъ рва узенькая, едва пробитая тропинка. За передней и правой стороной слѣдовала нива, густая и высокая рожь на которой мѣшала видѣть лежащую за нею большую дорогу и далѣе ея, внизу, пасѣку Медвѣдкина. Осматривая ровъ со всѣхъ сторонъ, я не нашелъ съ обоихъ боковъ его никакихъ слѣда пятенъ засохшей крови или заторовъ ея, а также и человѣческихъ ступней. Грунтъ былъ черноземно - глинистый — и отъ засухи такъ затвердѣлъ, что не принималъ отпечатка отъ давленія, и кромѣ того окраины рва заросли мелкой ползучей, извѣстной уличной и садовою, травою, да мелкими кустиками чебреца, имѣющаго свойство очень скоро распрямляться. Только съ правой стороны, въ довольно глухомъ мѣстѣ, я замѣтилъ съ одного бока рва какъ бы легкій обрывъ и напротивъ его ссадину, произшедшую отъ неясныхъ слѣдовъ человѣческихъ ступней. Я перескочилъ ровъ и началъ зорко осматриваться вокругъ. Мнѣ показалось, будто бы прямо противъ меня по высокой ржи пролегла узкая полоса измятаго хлѣба по направленію къ гумну. Въ скорости я совершенно убѣдился въ этомъ, хоть, строго говоря, сильнаго измятія не было, и только полосою рожь полегла нѣсколько на бокъ, какъ будто по ней кто-то прошелъ, послѣ чего она вновь приподнялась, но не совершенно. Чтобы не портить рожь въ значительномъ количествѣ, я сказалъ понятымъ и сотскимъ, чтобы они обождали меня около рва, а самъ осторожно пошелъ по прилегшей, разсматривая по сторонамъ, но не оглядываясь назадъ. Я шелъ долго—и полоса привела меня прямо къ большой дорогѣ; я вспомнилъ слова становаго, остановился и сталъ отыскивать глазами пасѣку Медвѣдкина. Она находилась тоже прямо предо мною. Досадно,—подумалъ я,—что понятыхъ нѣтъ со мною. Теперь, кстати, можно было бы пойти на пасѣку, сдѣлать допросъ прикащику и осмотръ; при одномъ же изъ сотскихъ находился мой портфель въ бумагами и письменными принадлежностями, вмѣстѣ съ пружинной чернильницей и перьями. Не зная топографіи мѣстности, я собирался уже вернуться на гумно тою же дорогой, какъ, оглянувшись нѣсколько всторону налѣво я увидѣлъ идущихъ ко мнѣ, не въ дальнемъ растояніи, понятыхъ и сотскихъ.

— Гдѣ вы прошли? спросилъ я ихъ.

— А тутъ недалече, по межѣ... Мы догадались, сказалъ одинъ изъ понятыхъ, болѣе другихъ развитой и повидимому мужикъ со средствами, — что ваше благородіе, коли пойдете все прямо по этой полоскѣ, то выйдете на большую дорогу, а потому и пошли скорёхонько вслѣдъ за вами —по межѣ. Межою, прибавилъ онъ,—будетъ не много дальше.

— И чудесно!... замѣтилъ я,—отсюда мы пойдемъ на пасѣку; тамъ я допрошу прикащика и сдѣлаемъ осмотръ, что окажется... А межой, — спросилъ я, — вамъ ничего такого подозрительнаго не попадалось? напримѣръ: смоченной травы, тряпки какой или чего другаго...

— Нѣтъ, не попадалось... Видно только, что межа протоптана, какъ дорожка. Знать частой ходьбой по ней Медвѣдкина къ Акулинѣ...

Отъ проѣзжей дороги, шедшей между землею владѣльца Кондюровки и Медвѣдкина, къ пасѣкѣ шла небольшая телѣжная дорога, по которой мы и отправились; съ обѣихъ сторонъ по скошенному лугу стояли копны сѣна; за лугомъ слѣдовала степь и въ небольшой ложбинкѣ, вправо, къ тощему лѣску, пасѣка. Ее огибалъ мелкій ручеекъ, для перехода чрезъ который положены было три толстыхъ бревна. Отъ ручья и тѣни липъ, окружавшихъ избу на пасѣкѣ, въ лицо повѣяло прохладой и легкой сыростью. Улья пчелъ расположены были сзади избы, между деревьями, въ числѣ которыхъ росло нѣсколько дубовъ, ясеней, березъ, кустиковъ орѣшника и изъ плодовитыхъ: вишня, яблонь и груша, разсаженные весьма рѣдко, чтобы для пчелъ могло удобно проникать солнце. Тутъ же былъ и огородъ съ разными хозяйственными произрастеніями. Изба представляла собою очень длинное строеніе, потому что къ ней примыкалъ подъ одну крышу сарай съ старыми ульями, тѣлегами и разнымъ хламомъ, потомъ омшанникъ, а далѣе уже и самое жилье. Оно состояло всего изъ двухъ маленькихъ комнатъ, съ глинянымъ поломъ, плотно присыпаннымъ пескомъ. Первую составляла кухня съ храбро высунувшейся впередъ русской печкой, нарами къ ней отъ стѣны, съ лавками вокругъ стѣнъ и грубымъ, старымъ, изломаннымъ, крестьянскимъ столомъ; эта была совершенно пуста и не показывала признаковъ постояннаго въ ней обитанія. Вторая величиною была болѣе, но въ длину,—въ ширину же была крайне узка—и вотъ ея расположеніе, играющее значительную роль въ этомъ расказѣ: Противъ входной двери, посрединѣ стѣны находилось единственное въ этой комнатѣ одностворчатое окно; по сторонамъ его, вдоль

двухъ другихъ стѣнъ поставлены были лавки, недостигавшія другого угла; къ нимъ, что бы шире и удобнѣе было лежать, придѣланы были на подпоркахъ доски, такъ что эти лавки образовали какъ бы двѣ самодѣльныя кровати. Между ними стоялъ отодвинутый отъ окна, почти посрединѣ, небольшой крашеный столикъ съ ящикомъ. Еще въ комнатѣ стоялъ подъ правою кроватью большой красный, окованный жестяными полосками сундукъ, а подъ лѣвою маленькій, бѣлый, некрашеный сундучокъ. Болѣе изъ мебели здѣсь ничего не находилось; затѣмъ къ двери осталось свободнаго мѣста около трехъ съ половиною аршинъ. Въ углу стоялъ пузатый мѣдный самоваръ. Постель на правой кровати состояла изъ большой и довольно мягкой перины, прикрытой стеганымъ въ клѣтки, ватнымъ, старымъ замасленнымъ одѣяломъ подъ названіемъ «съ турецкими огурцами, прохоровское», по имени фабриканта Прохорова,—и двухъ огромнѣйшихъ подушекъ, въ грязныхъ розоваго коленкора чахлахъ, безъ наволочекъ. Лѣвая постель заключалась въ набитомъ сѣномъ холщевомъ матрасикѣ, прикрытомъ сшитыми кусками синей набойки; въ иголовьѣ положенъ былъ толстаго сукна казакинъ и небольшая, блинкомъ, подушечка, въ бѣлой наволочкѣ. Надъ правымъ ложемъ, на стѣнѣ висѣло нѣсколько паръ новаго и стараго мужскаго платья, мѣщанскаго покроя; и на изнанкѣ новой чуйки плюшевый картузъ, окутанный носовомъ платкомъ, для предохраненія отъ пыли; потомъ, полуаршинное зеркало, съ навѣшеннымъ на него полотенцомъ, съ красными концами; подъ зеркаломъ находилась въ деревянной рамкѣ старинная бумажная картинка изъ «Ромео и Джульеты» Шекспира, а вокругъ налѣплены были безъ рамъ картинки парижскихъ модъ разныхъ годовъ, конфектные билетики и ярлычки отъ обертокъ душистаго мыла. Надъ лѣвымъ ложемъ также висѣло платье: старый ватный архалукъ, дубленый полушубокъ и холодный, суконный, длиннополый сюртукъ; литографическихъ картинокъ и здѣсь была цѣлая коллекція—и всѣ въ бумажныхъ, самодѣльныхъ рамкахъ, зеленаго цвѣта, подъ простымъ оконнымъ темнозеленымъ стекломъ. Онѣ представляли эпизоды изъ библейской исторіи; тутъ были: судъ Соломона, Юдифь убивающая Олоферна и вся притча о блудномъ сынѣ, отъ удаленія его изъ дома родителей до растраты имѣнія съ женщинами и возвращенія къ отцу. Сверхъ того, видъ Дивпогорскаго монастыря. На окнѣ лежали толстыя книги въ кожаномъ переплетѣ, это были четьи-минеи, молитвенникъ, псалтырь, Евангеліе и требникъ. Образа находились въ изобиліи въ правомъ и въ лѣвомъ углахъ, а когда я взошелъ—передъ ними горѣли лампадки и прилѣпленные огарки тонкихъ, восковыхъ свѣчь. Въ комнатѣ сильно было накурено ладономъ. Едва мы переступили ручей, какъ съ разныхъ мѣстъ, а кажется преимущественно изъ сарая, на насъ кинулась, съ страшнымъ лаемъ, стая огромнѣйшихъ косматыхъ овчарскихъ собакъ; понятые и сотскіе составили вокругъ меня каре и съ трудомъ отбивались палками, вызывая крикомъ прикащика. Изъ избы вышелъ невысокого роста, худощавый и неширокоплечій мужчина, въ нанковыхъ широкихъ брюкахъ, засунутыхъ въ длинные сапоги, и въ черномъ суконномъ жилетѣ, надѣтомъ сверхъ синей ситцевой рубахи. Онъ былъ блондинъ и великороссъ; носилъ длинные рыжеватые волосы на головѣ, аккуратно подстриженные по купечески въ скобку, и небольшую бородку; усы же достигали большихъ размѣровъ. Постоянное выраженіе лица его было сосредоточенно, задумчиво, серіозно; теперь онъ похожъ былъ на человѣка, котораго гнететъ какая-то тайна или съ которымъ случилось большое несчастіе. Тонкій, длинный носъ на концѣ завострился, большіе открытые голубые глаза глядѣли тускло и окружены были красными пятнами, какъ отъ слѣда недавнихъ слезъ. Онъ сталъ усмирять собакъ, называя ихъ по именамъ, и проводилъ насъ въ избу; кто-то изъ понятыхъ шепнулъ ему, что я судебный слѣдователь. Лицо его еще болѣе поблѣднѣло. До моего прихода онъ занимался составленіемъ письма. На крашеномъ столикѣ, между двумя кроватями, лежала шахматная доска, съ купеческими, деревянными шашками чернаго и желтаго цвѣта, нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, пузырекъ съ чернилами, перочинный ножикъ и очиненое гусиное перо. Одна четвертушка листа была вся исписана свободнымъ почеркомъ, но съ большими орфографическими ошибками: вскользь взглянувъ на написанное, я нашелъ на одной строкѣ шесть ошибокъ; иногда ихъ было нѣсколько на одномъ словѣ.

— Я пришелъ спросить васъ, сказалъ я Зарайскому,— что вамъ извѣстно по дѣлу объ убійствѣ Медвѣдкина? И послали ли вы къ хозяину увѣдомленіе о несчастномъ происшествіи съ его сыномъ?...

Зарайскій стоялъ у порога съ мертвенною блѣдностью на лицѣ, уныло опустивъ голову и руки, какъ преступникъ. Я присѣлъ около стола на правомъ ложѣ, понятые стояли противъ меня у лѣваго, разсыльные смотрѣли изъ дверей кухни.

— Извольте читать, ваше благородіе, печально отвѣчалъ Зарайскій, слегка покачивая головою,—пишу Ивану Савельевичу... винюсь ему въ моемъ грѣхѣ... Я убилъ его сына, Михайла Ивановича... Еслибъ вы не пришли, я бы самъ явился къ вашему благородію съ повинной, какъ бы только докончилъ письмо.

Всѣ присутствовавшіе были сильно поражены этимъ добровольнымъ сознаніемъ; но убитая страхомъ и горемъ физіономія Зарайскаго была такъ выразительна, что давала полное вѣроятіе его словамъ.

— Гдѣ же вы его убили и за что? спросилъ я.

— Здѣсь, ваше благородіе... Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ...

И Зарайскій сталъ расказывать происшествіе... Но показаніе его нуждается въ нѣкоторыхъ коментаріяхъ, добытыхъ мною изъ разныхъ источниковъ при слѣдствіи; поэтому считаю не лишнимъ пополнить его и, хотя вкратцѣ, коснуться біографій обоихъ молодыхъ людей: Медвѣдкина и Зарайскаго.

(Продолженіе будетъ).

Добрѣйшее существо,

Отвага города беретъ, а все бываетъ осѣчка
(разговоръ двухъ военныхъ)

Праздничная служба приближалась къ концу. Молодые чиновники заблаговременно выходили на паперть и становились въ два ряда, чтобы насладиться созерцаніемъ мѣстныхъ красавицъ, хотя, правду сказать, ни одной особы сколько-нибудь оправдающей репутацію хорошенькой въ приходѣ не было. Тѣмъ не менѣе, вѣрная преданіямъ старины, отважная стая Степокъ, Мишекъ, Ванекъ и проч. — какъ попросту величали мѣстныхъ селадоновъ

предметы ихъ поклоненій—съ удивительною стойкостью занимала каждое воскресенье и въ праздникъ обычныя мѣста на паперти заурядъ съ нищими. Меньшая братія смотрѣла на подобное нарушеніе своихъ правъ вовсе не благосклонно, но покорялась необходимости, конечно не удерживаясь отъ эпитетовъ, болѣе или менѣе выразительныхъ, каждый разъ когда чиновный людъ принимался выражать неумѣренный восторгъ свой энергическимъ смѣхомъ. Обѣ враждующія стороны впрочемъ привыкли къ обоюднымъ привѣтствіямъ и оставались по своему спокойными. Чиновники шутили, передразнивая старухъ, порывавшихся занять ближайшія мѣста къ публикѣ, острили въ одиночку и смѣялись хоромъ. Такъ и дождались конца. Раздался трезвонъ и повалила публика.

— Бога ты не боишься, озорникъ этакій! Завопила одна изъ салопницъ на здоровеннаго мужчину, совершенно замаскировавшаго ее своимъ громаднымъ тѣломъ. Писки, визгъ и ругательства жертвы не производили никакого впечатлѣнія на великана. Къ довершенію ужаса обычной компаніи, длинныя руки этого полифема—онъ былъ такъ же и одноглазъ — съ такою ловкостью вертѣлись между особами щедродателей, что собратья по профессіи хоромъ возопіяла на пришлеца.

— Это что за новость! раздалось нѣсколько голосовъ,—откуда взялся? Мы-то всегды, тутотки наше мѣсто... Забижаетъ лѣшій! Ивану Семенову слѣдуетъ доложить. Мнѣ самъ велѣлъ и двери отворять онамедни. Ишь ловкій какой! Слышь ты, ослина, али глухъ?

Нѣсколько рукъ теребили его со всѣхъ сторонъ, а великанъ какъ башня съ мѣста не двигался, распуская во всѣ стороны руки и нагружая широкія ладони грошами, пятаками и трехкопѣечниками. Подвигамъ его не было бы конца и всей компаніи грозило по меньшей мѣрѣ банкротство, еслибы приходъ вожделѣннаго Ивана Семенова, да еще и съ городовымъ, не положилъ предѣла счастливой операціи пришельца.

— Пошелъ! пошелъ!... взявъ за рукавъ и направляя къ улицѣ, обратился къ нему сторожъ Иванъ Семеновъ, къ великодушной защитѣ котораго прибѣгли нищіе; но тщедушному сторожу трудно было поворотить гиганта, увѣреннаго въ своей силѣ.

— Да ты что!?.. съ справедливымъ гнѣвомъ напустился на дерзкаго офиціальный блюститель порядка,—озарничать? ужо вотъ я тебя...

— Не замай! твердо и рѣшительно отрѣзалъ общій притѣснитель.

— А въ участокъ хошь?

— Не смѣешь!...

— Посмотримъ! Эй, кто тутъ есть—бери! Вотъ я те покажу!

Ребятъ явилось трое, но и тѣ ничего не подѣлали.

— Я те самъ покажу, что есть офицеръ и какъ ты есть долженъ супротивъ благороднаго человѣка.

— Такъ ты еще самозванничать?!... кричалъ городовой, поддерживая собственное достоинство и не довѣряя выходкѣ великана, въ котораго уже вцѣпились трое дворниковъ, приведенныхъ на подмогу полицейскими.

Въ это время изъ церкви выходила благообразная барыня, въ шелковомъ капорѣ съ зелеными лентами и въ атласномъ салопѣ. Ея пухлую ручку нищіе цаловали съ особеннымъ усердіемъ, а за эти нѣжныя заявленія подобострастнаго почтенія, дождь мѣдной монеты сыпался въ руки попрошаекъ, чрезъ посредство дюжаго лакея, державшаго барыню подъ руку и черпавшаго въ неистощимомъ ретикюлѣ почтенной дамы щедрую милостыню. Видъ отверзтаго кошелька благотворительницы тронулъ за живое оттѣсняемаго великана. Собравъ послѣднія силы, онъ рванулся отъ дворниковъ на паперть, прорвалъ линію *чающихъ движенія* и чуть не сбилъ съ ногъ само орудіе благотворительности—лакея барыни.

— Что прёшь, невѣжа?! прошипѣлъ оскорбленный раздаватель, но сердитое: «смотри въ оба!» остановило на полусловѣ его рацею.

— Сударыня, сжальтесь... какъ есть благородный офицеръ... семеро дѣтей малъ мала меньше... фамилія при смерти... погибаемъ! Заставьте за себя вѣчно Бога молить!... забарабанилъ тотъ хриплымъ басомъ и грубыя черты великана приняли плаксивое выраженіе, отъ котораго физіономія его стала еще карикатурнѣе, оставаясь въ то же время звѣрскою и не внушающей никакого довѣрія.

Барыня вздрогнула, когда гигантъ, поймавъ ея ручку, звучно чмокнулъ и на перчатку канула будто слеза съ рѣсницъ неуклюжаго субъекта.

— Какъ жаль, что я теперь только увидѣла васъ, произнесла барыня не совсѣмъ твердымъ голосомъ, съ трудомъ сдерживая волненіе.

— Позвольте пасть къ стопамъ вашимъ, благодѣтельница! завопилъ еще назойливѣе великанъ,—послѣ Бога.. вы у насъ... осталися... хныкалъ онъ, входя въ экстазъ.

Побѣдивъ свою робость, благодѣтельница совсѣмъ смягчилась и проговорила чуть слышно: «потрудитесь къ намъ зайдти... я готова... Благородныхъ... скорѣе даже... должно... И затѣмъ направилась къ экипажу.

Подсадивъ барыню, недовольный лакей махнулъ великану рукой вдоль улицы—и экипажъ тронулся.

Герой нашъ просить себя больше не заставлялъ и замаршировалъ за коляской, чуть не вровень съ лошадьми, оставивъ въ удивленіи и городоваго, и солдатъ, и дворниковъ, и нищихъ.

— Ишь прикинулся какимъ святымъ передъ енеральшей!... Знаетъ, гдѣ раки зимуютъ!... проговорилъ вполголоса Иванъ Семеновъ, запирая дверь церковную.

Дарья Елизаровна Кубышкина была вдова и генеральша. Она жила въ этомъ приходѣ, неподалеку отъ церкви. Трехэтажный домъ благодѣтельницы былъ извѣстенъ всему околодку и на подъѣздѣ его уже задолго торчали двѣ-три попрошайки, высматривая издали, когда покажется коляска, чтобы выскочить на тротуаръ, броситься, вынуть за руки госпожу и ввести ее на лѣстницу, — этотъ подвигъ, кромѣ двугривеннаго изъ рукъ щедродательницы, давалъ еще право на раздѣленіе ея вдовьей трапезы и сопровождался угощеніями кофеемъ и чаемъ.

— Анна Савишна, не зѣвай! шепнула салопница подругѣ,—ѣдетъ голубушка...

Пара этихъ дамъ заняла обычный постъ съ приближеніемъ экипажа. Вотъ онѣ протягиваютъ руки къ дверцамъ, покуда упитанный лакей не торопясь сходитъ съ запятокъ, но — сильная рука даетъ тычекъ Савишнѣ и Климовнѣ, раскрываетъ дверцы коляски и простираетъ длинныя могучія руки съ тѣмъ движеніемъ, которое дѣлаетъ нянька, готовясь схватить на руки капризное дитя.

— Пожалуйте!...

Какъ можно... не извольте, батюшка, безпокоиться! едва произноситъ Дарья Елизаровна, какъ великанъ уже подхватилъ ее и перемахнувъ на тротуаръ, готовился тащить въ подъѣздъ. — Нѣтъ, нѣтъ! восклицала барахатаясь генеральша, но тотъ не конфузясь направился въ дверь и далѣе.

Савишна и Климовна едва поспѣваютъ за нимъ—и на-

конецъ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, одна изъ нихъ опережаетъ гиганта съ его ношею, рискуя быть раздавленною—и отворяетъ дверь въ апартаменты генеральскіе. Барыня едва дышетъ, но улыбается...

— Какой проказникъ!... произноситъ она въ передней чуть слышно, переводя духъ. — Богъ наградитъ васъ за почтеніе къ старшимъ, привѣтливо шепчетъ хозяйка, кивая головой салопницамъ и кавалеру.

— Не извольте прогнѣваться... Истинно не утерпѣлъ, видя доброту вашу... Ангелъ вы по житію, ваше превосходительство, простите дерзости... Бѣдный человѣкъ... служилъ государю и отечеству.. б-безпороч-чно.. Злые люди... скороговоркой отчеканиваетъ тотъ, совлекая съ себя солдатскую шинель и вѣшая ее на вѣшалку. Подъ шинелью оказался ветхій сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами.

Дарья Елизаровна величественно шла по залѣ къ своему креслу, когда къ ней встрѣчу выбѣжала внучка, дѣвочка лѣтъ шести, очень настойчивая и капризная. Выбѣгала она къ бабушкѣ по привычкѣ, но особенной нѣжности не оказывала, если не считать за ея проявленіе, что дикое дитя повалится спиной въ колѣна бабушки и немилосердно мнетъ ей шелковое платье, ерзая со своей неразлучной куклой. Чтобы посмотрѣла весело въ глаза или просто въ привѣтливое лицо бабушки, какъ заставляла мать, — отъ Сашеньки никогда не могли добиться. Дитя это имѣло много странностей — и между прочими самою оригинальною было вѣчное мурлыканье про себя, глядя на полъ или на куклу, словно ребенокъ былъ недоволенъ. Бабушка, бывало, гладитъ по головкѣ эту дикарку; ей какъ котенку должно быть пріятно это глаженье; — но на дѣтскомъ личикѣ — прежнее безучастіе и глазки ни за что не поднимутся. Все это вошло въ порядокъ вещей и никого не удивляло.

Сѣвъ на свое мѣсто и приказавъ подать вчерашній бархатный ретикюль, не троганный еще по пріѣздѣ изъ гостинаго двора, бабушка окликнула дикарку, которая трепала за уши болонскую собачку генеральши.

— Саша, опять за уши?.. запрещаютъ вамъ... какой неслухъ!

— Розочкой бы маненько!.. ввернулъ свое словцо кланяясь великанъ.

— Она у насъ не пріучена, сухо замѣтила несовсѣмъ довольная старушка,—нельзя дѣтей тиранить... не какіе нибудь хамы!.. Послѣднія двѣ фразы были высказаны не безъ горечи.

— Мы то ись такъ, оно къ слову пришлось, извинился великанъ,—а то и самъ я, истинно говорю, пальцемъ не трону... Потому значитъ, Господь Богъ такъ устроилъ, чтобы робятки пошаливали; глупы, смѣю доложить-съ...

Морщины, нависшія надъ бровями генеральши, непримѣтно стали расходиться, и на устахъ показалась улыбка. Зорко наблюдая счастливую перемѣну въ физіономіи благодѣтельницы, великанъ нагнулся впередъ корпусомъ и стараясь придать кротость грубому голосу, забарабанилъ мелкой дробью:—никогды не могитъ эвто и быть, чтобы добрѣющія такія тоись существа гнѣвомъ одержимы бывали на мелюзгу, просто говоря, какъ они, дѣти, прозываются...

— Господь, нашъ Батюшка, рѣзкимъ теноромъ начала Савишна, еще въ молодости по чему-то прожившая мѣсяца два или три въ монастырѣ и съ тѣхъ поръ носившая одежду, покроемъ сходную съ монашескою, — самъ призывалъ къ себѣ малыхъ дѣтушекъ и апостоламъ наказывалъ, чтобъ допускали до Его, Батюшки, истиннаго Христа. Вотъ оно дѣточки-то чего удостоились—не то что мы, грѣшные. Потому, ваше превосходительство, Пилатъ одинъ дѣтей избивалъ, извергъ значитъ рода человѣческаго, люди добрые ребенка бить не попустятъ.... безчеловѣчные, прости ты мое согрѣшеніе, не чувствительныя души и каменныя сердца! А сама исподлобья взглядываетъ на великана, сохраняющаго выраженіе кающагося разбойника; если бы не бѣгали у этого мощнаго субъекта плутоватые прищуренные глаза, можно было бы подумать, что онъ весь обратился въ созерцаніе, растаявъ отъ велерѣчивыхъ нотацій попрошайки.

Барыня опять разжалобилась, смотря на стоическую рѣшимость великана благодушно выслушивать всѣ выходки на свой счетъ. Дарья Елизаровна рѣшилась вознаградить терпѣніе кающагося—и запустивъ руку въ глубину мѣшка съ покупками, вынула крохотный образокъ въ серебряной ризѣ. Подавая его великану, ея превосходительство выразилась въ тонѣ снисходительнаго внушенія: — вотъ, милостивый государь, если не прогнѣваетесь, вамъ на память...

— Истинно говорю, зачастилъ великанъ, — денно и нощью молиться на него будемъ: помяни нашу благодѣтельницу во царствіи небесномъ!..

— Съ ума чтоль сбрёлъ?!.. отрѣзала Савишна,—о, невѣжество человѣческое!!... Надо молить: сохрани во здравіи и благополучіи. Когда Батюшка, Отецъ небесный прогнѣвается, лишитъ насъ лицезрѣнія ангельской души, тогда надыть: во царствіи небесномъ.

Опытная въ своей профессіи старица знала въ совершенствѣ всѣ привычки и повѣрья благодѣтельницы, которая чѣмъ больше старѣлась тѣмъ больше привязывалась къ жизни и питала такое отвращеніе къ смерти, что всякій намекъ бросалъ ее въ холодъ, а тамъ находила хандра и не скоро ее можно было разсѣять. Кроткій ликъ Дарьи Елизаровны дѣйствительно уже начало подергивать и ноздри стали какъ-то необычно раздуваться. Рука въ ретикюлѣ казалось замерла... Герой почуялъ колоссальный промахъ и хотѣлъ было снова взять покаяніемъ и моленіемъ. Держа образокъ въ лѣвой рукѣ, онъ грохнулся на колѣна и обратясь лицомъ къ переднему углу, сталъ усердно креститься, произнося отрывочно: «подай Господи... створи... желанія... спошли... благополучіе...»; но все это не дѣйствовало... Генеральша на него не взглядывала, все болѣе и болѣе хмурясь и вздыхая. На лицахъ обѣихъ старухъ выражалось полнѣйшее бѣшенство. Онѣ готовы были растерзать неуклюжаго попрошайку съ его дубовой несообразительностью, а сами напряженно смотрѣли вглубь ретикюля. Вотъ изъ нѣдръ его высовывается рука съ серебряной ложкой въ бумажкѣ. Дарья Елизаровна тоскливо взглядываетъ на Климовну и съ разстановкой произноситъ: «Лукерья Климовна... конечно... въ животѣ и смерти... Богъ воленъ... Онъ одинъ вѣдаетъ... когда... грѣшницу... призвать... къ себѣ... Вотъ тебѣ... отъ меня... поминать будешь...»

— О здравіи молиться... о здравіи вашего превосходительства!.. съ жаромъ и торопливостью отрѣзала Климовна, кинувъ торжествующій взглядъ на великана, — я, ваше превосходительство, съ собой всегда говорю, что по лѣтамъ по вашимъ да комплекціи дастъ Богъ намъ на радость насладиться вашей бесѣдой сладкой и ангельскимъ видомъ десятки лѣтъ, сударыня. Маменьку вашу знала, слабенькія были, да и то, слава те Господи, на пятомъ десяткѣ еще спородили ваше превосходительство, а сами никакъ съ сотню годковъ отхватали на этой землицѣ. Такъ вашему превосходительству дастъ Богъ произойдти съ

лихвой, матушка! Потому, сударыня, первое: не перестарокъ еще вы, а второе — и комплекціи примѣрной и божество наблюдаете. А въ Писаніи значится, что праведнымъ прибавляетъ Господь лѣта живота... на благополучіе грѣшныхъ насъ, тварей несмысленыхъ.

Языкъ у Климовны, разъ пущенный въ ходъ, долго не уставалъ, особенно когда она попадала что называется въ жилку. По мѣрѣ развитія доказательствъ на тему «долгоденствія», рука Дарьи Елизаровны получала обычную подвижность и заработала, извлекая изъ ретикюля его содержимое. Хрустальная лампадка явилась вслѣдъ за ложкой и попала въ простертую ладонь Савишны, четки въ бумажкѣ достались Климовнѣ, фарфоровое яичко опять Савишнѣ, пряникъ—Сашенькѣ. Затѣмъ свѣчка попала Климовнѣ, лентъ мотокъ Савишнѣ. Много еще кой чего пошло въ раздѣлъ находчивымъ подругамъ. Только въ лапу великана уже ничего не назначалось; генеральша не замѣчала его присутствія. Вотъ онъ вполголоса началъ повторять: «фамилія при смерти... дѣти малъ малъ меньше... людская несправедливость....», — генеральша не внимала іеремiадамъ.

Климовна сѣчетъ и рубитъ и въ полонъ беретъ, повѣдуя повѣсти о долголѣтіи съ розсказнями отъ себя примѣнительно къ случаю; ее никто не прерываетъ. Барыня дышетъ легко, повеселѣла, улыбается. Старухи таютъ, предчувствуя вкусный обѣдъ. Вотъ входитъ лакей и докладываетъ, что кушанье готово...

Барыня встаетъ и подаетъ руку Савишнѣ.

Герой вытянулся и гаркнулъ: «заставьте Богу молить!..»

— Ничего не могу, ничего!... процѣдила сквозь зубы благодѣтельница, зашуршало платье—и три особы молча скрылись за дверь.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! пробурчалъ великанъ.

— Проваливайте, любезный,—не желаютъ, чтобъ вы сюда ходили—ну и сказъ весь! выпроваживая посѣтителя ядовито замѣчаетъ лекей.

— Сорвалось—чортъ-те возьми! ворчитъ герой, надѣвая шинель,—а все эта корга.. авось бы прошло.. Когда пріемъ-то? запрашиваетъ онъ у лакея.

— Для васъ, значится, никогда...

И дверь захлопнулась подъ носъ.

Но утѣшься, герой, эта дверь захлопнута не для одного тебя..... Посмотрите, читатель, что это за облики мелькаютъ тамъ, въ густомъ туманѣ петербургскихъ улицъ? Чье это кроткое, истомленное лицо съ усталыми глазами, выдѣляется при свѣтѣ газоваго рожка у моднаго магазина?—это бѣдная швея, прибѣжавшая сюда въ дождь и слякоть—взглянуть на модный фасонъ кофточки, надъ которой ей придется просидѣть всю ночь не разгибаясь... Это?—это студентъ, возвращающійся пѣшкомъ съ Васильевскаго острова, гдѣ онъ даетъ уроки по полтиннику и по всѣмъ предметамъ... А это?—это наборщица изъ типографіи, гдѣ печатаются такія превосходныя книги и гдѣ она набираетъ ихъ, по малограмотности своей, строчекъ по сорока въ цѣлый день, стоя передъ реаломъ, за что и платятъ ей копѣекъ тридцать... Это наконецъ?.., Но довольно. Ахъ, Дарья Елизаровна, не запирайтесь отъ нихъ! Эти люди знаютъ, какъ вы добры,—знаютъ, что имъ не трудно бы и попасть въ домъ вашъ,—но тѣмъ не менѣе—не пойдутъ они къ вамъ, сударыня!

Ревель.

Бывшая столица Эстоніи основана въ 1220 году датскимъ королемъ Вальдемаромъ II, заложеніемъ укрѣпленнаго замка; лѣтъ семь спустя въ окрестности его эмигрировало нѣсколько купцовъ изъ Любека и стали заселять мѣстность, за которою такъ и осталось первоначальное имя—датскаго происхожденія: Refwel, Reffeln, Ревель, т. е. узкая и длинная песчаная отмель. Впослѣдствіи, вмѣстѣ со всею Эстляндіею, Ревель перешелъ во власть тевтонскаго ордена, былъ ганзейскимъ городомъ, снова подпалъ подъ владычество датчанъ, а въ 1561 году достался шведамъ. При шведскомъ правительствѣ городъ уже процвѣталъ въ торговомъ отношеніи, отдохнувъ отъ грабежей и контрибуцій прошлаго времени. Въ 1710 году Ревель сдался на капитуляцію Петру Великому—и такимъ образомъ вошелъ въ составъ Россійской Имперіи. Царь оставилъ новопріобрѣтеннымъ провинціямъ ихъ прежнія права и съ удовольствіемъ бывалъ въ Ревелѣ, нерѣдко загащиваясь въ немъ подолгу. Императрицы Елисавета и Екатерина II, императоры Александръ I и Николай I также посѣщали Ревель и основали тамъ многія учрежденія, свидѣтельствующія о высокомъ участіи, которое они принимали въ судьбѣ города.

Мѣстоположеніе Ревеля очаровательно—и не даромъ его часто сравниваютъ съ Неаполемъ. Онъ лежитъ въ одной изъ бухтъ Финскаго залива, откуда раскрывается величественный видъ на море. Лѣтомъ, когда многочисленныя суда бороздятъ водное пространство, при лучистомъ закатѣ солнца на безпредѣльномъ небосклонѣ, красота пейзажа изумительна; но она принимаетъ суровый и грозный оттѣнокъ въ ту пору, когда громадныя льдины носятся по волнамъ, сталкиваются другъ съ дружкой, вздымаются подобно горамъ, и ныряютъ въ бездны съ ужасающимъ шумомъ, похожимъ на отдаленные раскаты грома.

Городъ распадается на: *Домбергъ*, возвышенную часть, обнесенную стѣною и населенную мѣстной аристократіей и административными лицами; *Нижній городъ*, средоточіе городскаго управленія, торговли и промышленности; и обширныя *предмѣстья*, тянущіяся по берегу залива, гдѣ расположены усадьбы бѣднѣйшихъ жителей. Подобно седьмивратнымъ Ѳивамъ, въ Ревелѣ также семь городскихъ воротъ: Большіе и Малые Штранд-пфорте, Лемпфорте, Карренпфорте, Домпфорте, Шмиденпфорте и Систернпфорте.

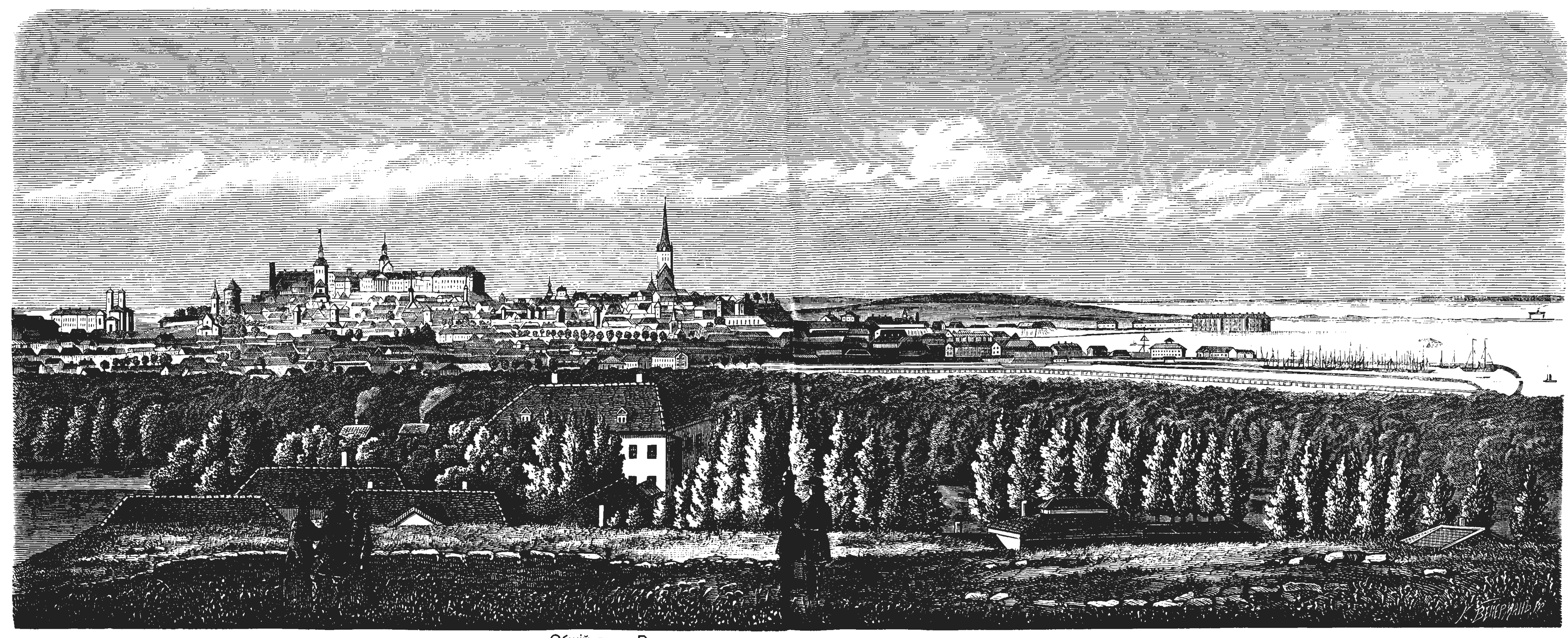
Сначала трудно привыкнуть къ этимъ узкимъ извилистымъ улицамъ, но потомъ глазъ мало по малу приспособляется и отдыхаетъ на нихъ отъ убійственнаго однообразія прямолинейности другихъ городовъ. Нѣтъ ничего живописнѣе этихъ старыхъ датскихъ и шведскихъ домовъ съ высокими готическими подъѣздами, малымъ числомъ оконъ, большею частію за рѣшетками, съ вестибюлями. Заговоривъ о зданіяхъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть о находящихся въ аристократической части города. Здѣсь нѣтъ ни дѣятельности, ни движенія; самая тишина рѣдко нарушается стукомъ каретъ, которымъ трудно взбираться на Домбергъ. Изрѣдка попадаются пѣшеходы, да еще кто-нибудь изъ мѣстныхъ обывателей сидитъ съ газетой подъ развѣсистыми деревьями. Въ глубинѣ большой площади возвышается замокъ, мѣстожительство губернатора.

Замѣчателенъ по красотѣ соборъ, съ гробницей и памятникомъ адмирала Грея.

Въ другихъ частяхъ города замѣчательны: церковь св. Николая, гдѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ показывали набальзамированное тѣло герцога де-Кроа, взятаго въ плѣнъ при Нарвѣ Карломъ XII. Тѣло его, въ бѣлокуромъ парикѣ à la Turenne, въ черномъ бархатномъ платьѣ съ кружевнымъ воротникомъ, вполнѣ сохранилось до 1862 года, когда по распоряженію приходскихъ властей оно и было погребено. Другая, не менѣе величественная церковь—во имя св. Олава, сожженная молніей въ 1820 году и возобновленная въ царствованіе Александра I, съ высокою колокольнею (429 футовъ), которая служитъ маякомъ безчисленнымъ кораблямъ, проходящимъ въ виду Ревеля. Изъ прочихъ зданій стоитъ упомянуть о комендантскомъ и рыцарскомъ домахъ, адмиралтействѣ, ратушѣ, гимназіи, театрѣ и банкѣ. Въ городѣ много благотворительныхъ учрежденій, обширная военная и торговая гавань, защищенная многими фортами, съ маякомъ у входа въ нее на островѣ Наргенѣ; здѣсь же стоянка части Балтійскаго флота.

Ревельскія морскія купанья славятся во всей Россіи, превосходно устроены и посѣщаются въ лѣтнее время многочисленной публикой. Въ окрестностяхъ города находится множество прелестныхъ дачъ, къ которымъ между прочимъ принадлежитъ и основанный Петромъ *Катериненталь*, съ небольшимъ замкомъ, откуда великій основатель русскаго флота наблюдалъ за сооруженіемъ порта и любовался своей эскадрой; большой же дворецъ, гдѣ еще показываютъ посѣтителямъ три красные кирпича, собственноручно заложенные въ основаніе преобразователемъ, составляетъ одно изъ любимыхъ мѣстъ для прогулки. Большая часть деревьевъ въ тѣнистомъ его паркѣ посажена самимъ Петромъ. Другое мѣсто прогулокъ представляетъ *Лаксбергъ*, съ высокой башни котораго открывается великолѣпный видъ на безпредѣльное море и острова Вульфъ и Наргенъ; на западѣ величественно раскидывается городъ съ старинными церквами и башнями; на востокъ стелются красивыя селенія и развалины монастыря св. Бригитты. Монастырь этотъ сообщается съ городомъ посредствомъ подземнаго хода въ Мюнхенгофѣ, который, по преданію, выкопанъ однимъ рыцаремъ, желавшимъ увидѣться съ возлюбленною, затворившеюся въ монастырѣ.

Населеніе Ревеля составляютъ: русскіе, латыши, финны и нѣмцы. Городъ считаетъ 31,529 жителей.



Общій видъ Ревеля. Рисовалъ съ натуры И. Волковскій, гравиров. К. Вейерманъ.

Свинецъ и свинцовыя издѣлія въ гигіеническомъ отношеніи.

(Окончаніе).

Свинецъ имѣетъ громадное примѣненіе въ косметическомъ дѣлѣ; преимущественно же углекислая соль его, которая употребляется на бѣлила, извѣстные въ продажѣ подъ названіемъ blanc de fard, blanc Venus, blanc Rachel, blanc de perles и пр. Случаи отравленія этими бѣлилами весьма многочисленны, особенно у драматическихъ актеровъ, чему примѣромъ можетъ служить случай, взятый изъ тысячи подобныхъ. Бельгійскій актеръ Zelger, въ Лондонѣ, умеръ послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, причина которой была отравленіе свинцомъ.

Три года до смерти, во время представленія Вильгельмъ Телля Zelger употреблялъ для намазыванія бороды и усовъ свинцовыя бѣлила (blac de perles); послѣ этого онъ подвергся сильной рвотѣ и прочимъ признакамъ свинцоваго отравленія. Съ этого времени здоровье къ нему не возвращалось и смерть послѣдовала отъ этого отравленія.

Вообще употребленіе свинцовыхъ бѣлилъ влечетъ за собою всегда весьма пагубныя послѣдствія. Многіе ученые доктора и химики занимались разрѣшеніемъ вопроса о вредѣ, приносимомъ свинцовыми бѣлилами организму потребителей. Больше всѣхъ занимался изслѣдованіемъ этого вопроса Fulgence Fiévée de Jeumont, который изслѣдованія свои помѣстилъ въ gazette medicale за 1855 годъ. Онъ говоритъ, что Blanc de fard, имѣющее такое громадное число потребителей, состоитъ главнымъ образомъ изъ углекислаго свинца и извести. Этотъ препаратъ превосходнаго бѣлаго цвѣта, нѣженъ, маслянистъ на ощупь.

Свинцовыя бѣлила, всосанныя поверхностью кожи, имѣютъ весьма пагубное дѣйствіе на животную экономію, и это пагубное вліяніе быть можетъ сильнѣе чѣмъ отъ другихъ металлическихъ ядовъ. Вредъ, происходящій отъ свинцовыхъ бѣлилъ, тѣмъ болѣе опасенъ, что они дѣйствуютъ скрытно, медленно и постепенно и отъ продолжительнаго употребленія оставляютъ глубокіе и страшные слѣды въ организмѣ. Свинцовыя бѣлила дѣйствуютъ на всѣ живыя части, уничтожаютъ силы, парализуютъ движенія и подъ вліяніемъ этого яда всѣ дѣйствія нервовъ приходятъ въ замѣшательство и портятся. Въ особенности, бѣлила эти дѣйствуютъ на центры нервной системы.

Итакъ, свинецъ и всѣ его соли прежде всего поражаютъ

спинной мозгъ, а затѣмъ и тѣ органы, которые находятся отъ него въ зависимости; а именно, дѣйствуя пагубно на накожные нервы, уничтожаютъ жизненность кожи, парализуютъ свойственное кожѣ отправленіе испарины, замедляютъ движеніе крови въ волосныхъ сосудахъ.

Кожа становится тусклою или землистаго цвѣта и морщиноватою, придавая особамъ, подверженнымъ этого рода отравленіямъ, видъ страждущихъ блѣдною немощью; однимъ словомъ: кожа вполнѣ потеряла свою жизненность, накожное испареніе не производится, продукты, которые должны быть посредствомъ кожи выведены вонъ изъ организма, снова всасываются и уносятся потокомъ кровообращенія. Кажется, какъ будто жизнь оставила поверхность организма и изъ нервныхъ нитей сосредоточились у ихъ центровъ. Перистальтическое движеніе кишекъ ослабѣваетъ или совсѣмъ прекращается, происходящій вслѣдствіе этого запоръ дѣлается до того упорнымъ, что съ большимъ трудомъ уничтожается, какъ и при свинцовыхъ коликахъ; кишечное отдѣленіе соковъ уничтожается; брюшные мускулы сжимаются; однимъ словомъ: нарушается физіологическій порядокъ отправленій, питаніе становится какъ бы излишнимъ при этомъ всеобщемъ разстройствѣ пищеварительныхъ органовъ. Каждый моментъ должно сомнѣваться въ правильности дѣйствія того или другаго органа или нерва.

Прибавьте къ этимъ болѣзненнымъ признакамъ выпаданіе зубовъ и волосъ, сухія и глубокія морщины, шереховатость кожи, опухоль нижнихъ рѣсницъ и предъ вами представится почти полная картина дѣйствій свинцовыхъ бѣлилъ на организмъ. И не смотря на такое вредное и ядовитое дѣйствіе свинцовыхъ бѣлилъ, находящихся въ торговлѣ подъ различными названіями: blanc de fard, blanc de Venus, blanc de lys, blanc Rachel, и пр. съ прибавленіемъ слова extra-fin и super-fin,—всетаки бѣлила эти имѣютъ громадное число потребителей, которые быть можетъ и не воображаютъ даже, что сами вносятъ въ свой организмъ ядъ и тѣмъ приближаютъ срокъ своей кончины, — и это жертвоприношеніе дѣлается только для того, чтобъ казаться лучше, чѣмъ есть воистину.

Въ началѣ 1866 года профессоръ Bouchardat, въ Парижѣ, осматривая лавки кандиторовъ, остановилъ свое вниманіе на коробкахъ, имѣющихъ металлическій блескъ моаре. Послѣ тщательнаго осмотра этихъ коробочекъ, оказалось, что бумага, которою онѣ оклеены, окрашена солью свинца—и именно свинцовымъ сахаромъ. Бумага эта извѣстна въ продажѣ подъ названіемъ *papier nacré*. Такъ какъ papier nacré можетъ быть причиною частыхъ отравленій, въ особенности у дѣтей, то санитарныя власти запретили продавать какія либо издѣлія, приготовленныя изъ papier nacré. У насъ въ Россіи, вслѣдствіе ходатайства медицинскаго совѣта, министерство внутреннихъ дѣлъ издало указъ отъ 3 іюля 1868 года, запрещающій продажу papier nacré и издѣлія изъ него, какъ то: визитныя карточки, menu и пр.

Бѣлая глянцовитая бумага бываетъ окрашена углекислымъ свинцомъ (свинцовыя бѣлила); если подобную бумажку сжечь, то появляются шарики металлическаго свинца.

Свинцовые препараты употребляются очень часто, какъ примѣсь къ веществамъ употребляемымъ въ пищу. Такъ напримѣръ, въ Голландіи для увеличиванія вѣса бѣлаго перца, примѣшиваютъ къ нему *глету*. Обманъ этотъ легко узнается посредствомъ сѣрнистаго водорода: поддѣльныя зерна отъ этого реактива тотчасъ чернѣютъ.

Комиссія общественнаго здоровья въ Лондонѣ опубликовала результаты своихъ изслѣдованій касательно примѣсей къ каэнскому перцу, причемъ оказалось, что перецъ этотъ весьма часто содержитъ ядовитую примѣсь *сурика* или киновари (ртуть и сѣра), а иногда и красной глины; примѣси эти дѣлаются съ цѣлью сохранить ярко-красный цвѣтъ перца, который отъ солнца блѣднѣетъ. Этою же комиссіею были найдены сорты перца, содержащіе въ одно время примѣсь, состоящую изъ смѣси сурика, киновари, простой глины и песку; а такъ какъ къ намъ привозится изъ Англіи большое количество каэнскаго перцу, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что перецъ съ подобнаго рода примѣсями встрѣчается и у насъ въ продажѣ, слѣдовательно и мы обречены глотать вмѣстѣ съ перцомъ и соль свинца.

Хромовая соль свинца употребляется для окрашиванія игрушекъ, конфектъ и пр. въ желтый цвѣтъ.

Зеленый и желтый чаи довольно часто подкрашиваются солями мѣди и хромовою солью свинца.

Иногда для отмывки бутылокъ употребляютъ свинцовую дробь, и очень часто на днѣ бутылокъ остается нѣсколько дробинокъ, а вслѣдствіе этого содержимое бутылки принимаетъ металлическій вкусъ и дѣйствуетъ не совсѣмъ благопріятно на потребителей.

Еще примѣръ: стоитъ сшить лиловое шерстяное платье, окрашенное краскою съ примѣсью свинца, чтобъ почувствовать разстройство здоровья.

Многіе кандиторы обертываютъ леденцы въ свинцовыя пластинки. Не говоря уже о томъ, что эти пластинки, никому ненужныя, прибавляютъ слишкомъ 8 фунтовъ на пудъ конфектъ,—онѣ наносятъ существенный вредъ здоровью, въ особенности дѣтей, которыя являются главными потребителями всякихъ сладостей. Одинъ черниговскій помѣщикъ, раздавая конфекты дѣтямъ, замѣтилъ, что многія изъ нихъ постоянно жаловались на боль въ желудкѣ; при дальнѣйшемъ наблюденіи оказалось, что на поверхности леденца является чернота отъ свинцовой обвертки. Эта чернота можетъ происходить отъ тренія о свинцовую обвертку во время пересылки. Сверхъ того, можно предположить, что кандиторы завертываютъ леденецъ въ то еще время, когда онъ не совсѣмъ простылъ, и такимъ образомъ металлъ можетъ всасываться въ сахаръ, отчего и происходятъ вышеозначенные болѣзненные припадки. Желательно, чтобъ и на это обстоятельство было обращено должное вниманіе.

Бросивъ бѣглый взглядъ на свинецъ и издѣлія изъ него и вліяніе этого металла на организмъ человѣка, читатель уже видитъ, какъ часто имѣемъ возможность отравиться, т. е. нарушить нормальное отправленіе организма. Обыкновенно слово «отравиться» мы привыкли считать чуть-ли не за смертный приговоръ; это одинъ изъ общежитейскихъ предразсудковъ, излишнее преувеличеніе настоящаго понятія. Значительная часть отравленій, случающихся въ домашней жизни, не имѣетъ роковаго вліянія на жизнь; они ограничиваются разстройствомъ желудка, рвотою, вообще большимъ или меньшимъ разстройствомъ здоровья, иногда проходящимъ даже безъ помощи врача.

Въ этой статьѣ я только слегка упомянулъ о вредномъ дѣйствіи свинца на организмъ и указалъ только на нѣкоторые случаи возможности отравленія имъ.

А вредное дѣйствіе другихъ, не менѣе употребительныхъ металловъ: мѣди, цинка, сюрьмы, серебра и пр!..

И такъ, нѣкоторымъ образомъ срокъ нашей долговѣчности зависитъ отъ добросовѣстнаго исполненія санитарными властями своихъ обязаностей.

В. Ашикъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ прошедшій разъ, говоря о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1873 годъ, мы сдѣлали изъ нея главные выводы и предоставили лишь общую характеристику послѣдняго нашего бюджета; теперь-же коснемся частностей и укажемъ, изъ какихъ источниковъ и въ какихъ размѣрахъ добываются русскимъ государствомъ доходы и на какія именно нужды эти доходы потребляются.

Государственные доходы, какъ и слѣдовало ожидать, доставляются главнымъ образомъ налогами, преимущественно-же косвенными; около $^{3}/_{4}$ всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ доставляютъ подати: подушная, гильдейская; косвенные налоги: на вино, на соль, на табакъ, акцизъ съ свеклосахарнаго производства, таможенный доходъ; разнаго рода пошлины (гербовыя, канцелярскія, крѣпостныхъ, паспортныя и проч.) Всего налоговъ исчислено на 372,023,914 рублей. Главною доходною статьею государства оказывается *питейный доходъ* (болѣе 166 милліоновъ рублей), который составляетъ около *половины* всѣхъ вообще налоговъ и около *трети* обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ; за нимъ слѣдуютъ *прямые налоги* (подушная подать и налогъ на право торговли), всего на сумму свыше 107 милліон. р.; за прямыми налогами является *таможенный* доходъ, имѣющій доставить въ настоящемъ году болѣе 51 мил. рублей. Всѣ эти три статьи вмѣстѣ доставляютъ 325,027,729 руб., т. е. слишкомъ $^{4}/_{5}$ всѣхъ налоговъ и значительно болѣе $^{3}/_{5}$ обыкновенныхъ госуд. доходовъ. Изъ другихъ статей дохода обращаютъ на себя вниманія слѣдующія: *соляной доходъ* (болѣе 11 мил.), *акцизъ съ табаку* (почти 10 мил.), *гербовыя пошлины* (на 8 мил.), *крѣпостныя и канцелярскія* (6 мил.), *акцизъ съ свеклосахарнаго производства* (почти на $4^{1}/_{2}$ мил. руб.) и т. далѣе. Такъ-называемыя правительственныя регаліи (горныя подати, монетный доходъ, почтовый и телеграфный доходы) доставятъ въ наст. году 22,493,623 руб.; изъ нихъ наиболѣе значительнымъ является *почтовый доходъ* (свыше 9 мил. руб.). Кромѣ всякаго рода налоговъ, пошлинъ и правит. регалій, государство получаетъ доходы еще съ казенныхъ имуществъ и съ разнаго рода поступленій. Между первыми, выдѣляется *доходъ желѣзныхъ дорогъ*, исчисленный для 1873 года въ $20^{1}/_{2}$ мил. руб. слишкомъ. Наконецъ, около 20 мил. руб. доставляютъ разнаго рода оборотные поступленія и ресурсы, спеціально назначенные на сооруженіе жел. дорогъ, углубленіе гаваней и проч., въ размѣрѣ около 3 мил. руб.

Изъ этого перечня статей дохода и получаемыхъ съ нихъ разнаго рода поступленій видно, что бюджетъ государства держится главнымъ образомъ на трехъ столбахъ: на питейномъ доходѣ, на подушной подати и на таможенномъ доходѣ. Изъ нихъ питейный и таможенный доходы увеличиваются почти съ каждымъ годомъ, а прямой налогъ (подати) уменьшился противъ прошлогодняго почти на 2 мил. руб.; за послѣдніе же 5 лѣтъ онъ увеличился на 14 мил. рублей. Увеличеніе питейнаго дохода объясняется не столько усиленіемъ потребленія вина, сколько недавнимъ возвышеніемъ акциза съ выкуриваемаго на заводахъ спирта. Увеличеніе таможеннаго дохода представляетъ вообще довольно пріятное явленіе. Увеличенія податнаго дохода, при нынѣшней системѣ раскладки, ожидать невозможно, — и, вѣроятно, оно не воспослѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока задуманная реформа податей не перейдетъ наконецъ отъ словъ къ дѣлу. Очень можетъ статься, что съ осуществленіемъ этой реформы, кромѣ облегченія податныхъ классовъ,—ввиду чего она главнымъ образомъ и должна совершиться,—достигнется еще и увеличеніе общей суммы прямыхъ налоговъ. А это, при благоразумныхъ тратахъ, будетъ дѣло далеко не лишнее.

Государственные доходы наши поглощаются главнымъ образомъ слѣдующими вѣдомствами: *военнымъ министерствомъ*—165 мил. руб. слишкомъ (въ томъ числѣ: на провіантъ войскъ болѣе 38 мил., на денежное довольствіе свыше 27 мил., на обмундированіе около 17 мил., на фуражъ свыше 14 мил., на приготовленіе артиллеріи, оружія, пороха и проч. болѣе 20 мил., на постройки и содержаніе зданій для войскъ, на укрѣпленія и проч. болѣе 15 мил., на разъѣзды чиновниковъ и разнаго рода расходы болѣе 7 мил. руб. и т. далѣе); *государственнымъ долгомъ* (процентами и погашеніемъ) 91 мил. руб.; *министерствомъ финансовъ* 78 мил. р. (въ томъ числѣ: на пенсіи около 23 милліон. руб., на мѣстную администрацію болѣе 20 мил. руб., и т. д.); *министерствомъ внутреннихъ дѣлъ* почти 43 мил. р. (въ томъ числѣ: на губернскую администрацію болѣе 18 мил. руб., приплата за лошадей на станціяхъ свыше 7 мил. руб., на цензурное управленіе 259 т. р. слишкомъ, на тюрьмы около $2^{1}/_{2}$ м. р., на расходы по почтовой и телеграфной частямъ свыше 2 м. р., на врачебную и карантинную части свыше 1 м. р. и т. д.); *министерствомъ путей сообщенія* свыше 26 мил. руб. (въ томъ числѣ: на пособія обществамъ частныхъ жел. дорогъ (гарантіи) около $11^{1}/_{2}$ м. р., на расходы по казеннымъ дорогамъ болѣе 6 м. р., на водяныя сообщенія 1 м. р., на сухопутныя около 4 мил. руб. и т. д.); *морскимъ министерствомъ* болѣе 24 мил. р. (въ томъ числѣ на кораблестроеніе 6 мил. р.); *министерствомъ народнаго просвѣщенія* болѣе 12 м. р. (изъ этой суммы болѣе всего идетъ на гимназіи—4,729,162 рубля, потомъ на уѣздныя, приходскія, начальныя училища и особыя уч. заведенія около 3 м. р., на университеты и лицеи около $2^{1}/_{2}$ м. р. и т. д., расходъ на народныя школы отдѣльно не показанъ); *министерствомъ юстиціи* свыше $10^{1}/_{2}$ м. р. (въ томъ числѣ на губернскія и уѣздныя судебныя учрежденія болѣе 7 мил. р.); *вѣдомствомъ Святѣйшаго Синода* болѣе $9^{1}/_{2}$ м. р. (въ томъ числѣ на городское и сельское духовенство болѣе $5^{1}/_{2}$ м. р.); *министерствомъ госуд. имуществъ*—около $9^{1}/_{2}$ м. р.; *министерствомъ Императорскаго Двора* около 9 мил. руб.; *министерствомъ иностр. дѣлъ* около $2^{1}/_{2}$ мил. руб.; *государств. контролемъ* 2 мил. р. и проч. Увеличеніе расходовъ произошло главнымъ образомъ по министерствамъ: *военному* (болѣе чѣмъ на 9 м, р.), *морскому* (почти на 4 м. р.), *по платежамъ государственныхъ долговъ* (болѣе чѣмъ на 4 мил. р.) и т. д. Бюджетъ *министерства народнаго просвѣщенія* увеличился въ нынѣшнемъ году на 1 мил. руб.—главнымъ образомъ вслѣдствіе преобразованія нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Политическое обозрѣніе.

Газеты и общественное мнѣніе въ западной Европѣ до сихъ поръ еще не могутъ успокоиться по случаю кончины бывшаго императора французовъ, Наполеона III, и надо полагать, успокоеніе это воспослѣдуетъ не въ близкомъ будущемъ. Событія этого, важнаго въ политическомъ отношеніи, хотя и ожидали, но не такъ скоро,

какъ оно въ дѣйствительности случилось. На французовъ вѣсть о смерти Наполеона III не произвела, однако, того впечатлѣнія, какого можно было ожидать ввиду послѣднихъ происковъ бонапартистовъ во Франціи и въ другихъ странахъ. Предполагали, что событіе это вызоветъ движеніе въ пользу изгнанной династіи; что на поклоненіе праху бывшаго императора отправятся депутаціи отъ разныхъ слоевъ французскаго народа, который при семъ удобномъ случаѣ не преминетъ будто бы высказать свои монархическія склонности; что движеніе проявится въ особенности въ рядахъ «побѣдоносной» французской арміи, носящей въ себѣ воспоминанія о «славномъ царствованіи»; что, наконецъ, дѣло не обойдется безъ вліянія даже на утвержденіе нынѣшней формы правленія во Франціи... Ничего подобнаго, однако, не произошло. Вмѣсто многочисленныхъ депутацій, на поклоненіе праху Наполеона III явились всего десятка два-три императорскихъ друзей и одна депутація отъ рабочихъ, которая сочла за лучшее скрыть имена своихъ представителей, такъ какъ ни одно изъ нихъ не пользуется хорошей славой между своими собратами; вмѣсто цѣлаго ряда представителей арміи, у гроба Наполеона присутствовали два отставные маршала, Канроберъ и Лебёфъ, а изъ служащихъ просили позволенія отдать послѣдній долгъ императору только одинъ батальонный командиръ, одинъ маршалъ и одинъ генералъ. «Ни одинъ изъ офицеровъ не захотѣлъ рисковать своими эполетами для своего бывшаго государя». Многіе изъ преданныхъ друзей императорской фамиліи, несмотря на то, что имъ нечѣмъ было рисковать, отсутствовали. Бонапартистскія газеты насчитываютъ до 4,000 французовъ, прибывшихъ въ Чизль-герстъ; на самомъ же дѣлѣ ихъ было гораздо меньше. Поданный французскими офицерами адресъ былъ подписанъ, какъ утверждаютъ, только 29 именами. За то на поклоненіе праху Наполеона перебывало болѣе 100 тысячъ англичанъ и иностранцевъ, въ томъ числѣ принцы Вэльскій и Эдинбургскій. Погребеніе происходило съ большою торжественностію и при значительномъ стеченіи народа. Бонапартистскія газеты во Франціи съ большимъ единодушіемъ говорятъ о «седанскомъ героѣ» и всячески подтасовываютъ факты въ его пользу, выказывая при этомъ замѣчательную игру воображенія. Съ другой стороны, французскіе либералы, въ-пику бонапартистамъ, пользуются каждымъ случаемъ, чтобы надругаться надъ памятью покойнаго императора. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на личность Наполеона III, но отнять отъ него извѣстный умъ и способность пользоваться обстоятельствами—невозможно. Онъ былъ наиболѣе яркимъ выразителемъ того направленія, которое на языкѣ политиковъ называется шовинизмомъ. Какъ ловкій человѣкъ, онъ умѣлъ почти всегда угадывать инстинкты и стремленія полуобразованной массы французскаго народа, чтобы направлять ее туда, гдѣ она находила удовлетвореніе этимъ стремленіямъ, хотя бы даже въ ущербъ благу своей родины... Имѣя дѣло съ народомъ впечатлительнымъ, горячимъ и легкомысленнымъ, онъ понималъ, что для такого народа необходимо было не усыпленіе его страстей, а направленіе ихъ въ ту сторону, гдѣ онѣ становятся безопасными для правительственной формы. Но такъ какъ бороться съ вѣкомъ было все-таки затруднительно, то для поддержанія порядка приходилось или подавлять силою всѣ проявленія самосознанія во французскомъ народѣ, или же изобрѣтать всяческія средства для того, чтобы отвести глаза отъ непривлекательной дѣйствительности. Тутъ наполеоновская партія сильно ошиблась; вмѣсто того, чтобы, слѣдуя за современностью, уступать естественному развитію народа, хотя бы для этого пришлось жертвовать многими изъ искусственно-созданныхъ аттрибутовъ власти,—она простерла свои притязанія до того, что заставила его сдѣлать одинъ изъ самыхъ безразсудныхъ шаговъ, какіе когда либо выпадали на долю народовъ, привела его къ междоусобной войнѣ и заставила нести на себѣ тягость постыднаго мира. Результатъ подобнаго управленія можетъ послужить урокомъ не для однихъ только французовъ.

Испанія задумала освободить невольниковъ на принадлежащихъ ей островахъ Кубѣ и Порто-Рико. Но противъ задуманной правительствомъ реформы сильно возстали не только рабовладѣльцы на островахъ Кубѣ и Порто-Рико, но и богатые домовладѣльцы и вся феодальная партія въ самой Испаніи. Подкрѣпляемая духовенствомъ, партія эта распустила слухъ, что правительство предлагаетъ освободить невольниковъ на островахъ Кубѣ и Порто-Рико будто-бы вслѣдствіе настаиванія и угрозъ республики Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которая дѣйствительно сочувствуетъ несчастному положенію негровъ-рабовъ въ американскихъ колоніяхъ Испаніи. Повѣривъ этому объясненію, гордые испанцы сильно заволновались и рѣшительно перешли на сторону противниковъ освобожденія. Между тѣмъ, въ кортесы продолжаютъ поступать заявленія съ противоположной стороны, требующія освобожденія негровъ во что бы то ни стало. Положеніе страны, вообще, нехорошее. Едва прекратилось ничтожное возстаніе республиканцевъ, какъ карлисты затѣяли новое, и притомъ въ гораздо большихъ размѣрахъ нежели прежнее. Въ настоящее время они дѣйствуютъ уже по опредѣленному плану и располагаютъ значительными силами, подкрѣпляемыми рекрутскими наборами, которые производятся ими въ разныхъ провинціяхъ. Три колонны съ разныхъ сторонъ направляются къ Мадриду, въ которомъ находится злополучный король Амедей и не болѣе счастливое министерство Зорильи. Правительственныя войска дѣйствуютъ не особенно энергично и, повидимому, не спѣшатъ вступать въ сраженіи съ инсургентами. Поговариваютъ, что извѣстный маршалъ Серрано, главный руководитель возстанія противъ правительства королевы Изабеллы и слѣдовательно, главный виновникъ настоящаго порядка вещей, открыто не сочувствуетъ королю Амедею и, какъ полагаютъ, сталъ во главѣ другой либеральной партіи, нѣсколько враждебной нынѣшнему министерству. Такимъ образомъ, двухъ золъ для несчастной Испаніи недостаточно: понадобилось еще третье.....

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 26 Января 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 5 1873.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 5 февраля 1873 года. **Годъ IV.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1873 году №№ „Нивы“.

ОБЪ ИЗДАНІИ „НИВЫ“ ВЪ 1873 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ .	4 р. — к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ	5 „ — „
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . .	4 „ 50 „
„	Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	5 „ 50 „
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію.	5 р. 50* к.
IV. Заграницею:	Въ Германіи и Австріи 8 руб., въ Англіи и Франціи 10 руб., въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ 9 руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи 10 руб. 50 коп., въ Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 12 руб.	

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“** въ **С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Гг. Иногороднихъ подписчиковъ покорнѣйше просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—**исключительно и прямо** въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдуемыя подписныя деньги **5** р. **50** к. **заблаговременно.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

IV.

Соперники.

Никто въ мірѣ не могъ бы увѣрить Касаткина, что Наташа совершенно случайно, безъ всякой преднамѣренной цѣли, прошла мимо оконъ гостинницы.

— Она знала, что этотъ «писаный франтъ» остановился именно въ этой гостинницѣ!.. пробѣгало въ воспаленномъ мозгу ревнивца. — Еще разъ взглянуть захотѣлось, невидаль какая, петербургскій хлыщъ! горячился и бѣсновался Петръ Михайловичъ..... — Подъ окнами шляться! на показъ себя выставлять: на-те молъ, вы пріѣзжіе, какія у насъ въ Чиназѣ красавицы водятся! Полюбуйтесь!... Эхъ-эхъ-эхъ! Господи, за что только ты меня такъ наказываешь!... самъ не понималъ, что только лѣзло ему въ голову, Касаткинъ. — Ну погоди-же!... ну погоди-же!...

— Да ты, братецъ, плюнь!... Я тебѣ говорю, какъ честный товарищъ говорю—плюнь и выпей! приставалъ къ нему капитанъ Пуговицынъ.

— А ты думаешь что?—думаешь, не выпью? на-кось!.

И Касаткинъ залпомъ хватилъ стаканъ—первый что попался къ нему подъ руку.

— Не съ того начинаешь; не резонъ! провозгласилъ поручикъ Трубаченко.

— Оставь; все къ тому же знаменателю приведетъ, замѣтилъ адъютантъ и ловко срѣзалъ желтаго въ среднюю.

— Просты мы, глупы! степняки необразованные!.... Любить-то насъ можно только пока кто лучше не подвернется!.. неистовствовалъ Касаткинъ.

— Плюнь, говорятъ тебѣ!..

— Смазливая рожа, да сюртукъ въ обтяжку — ну и готово... Господи, Господи!...

— Экая, братецъ, ты баба, какъ я посмотрю! говорилъ капитанъ Пуговицынъ.

— Да, баба!... ты погляди, что тутъ дѣлается!...

Касаткинъ схватился рукою за сердце и вдругъ зарыдалъ—зарыдалъ всею грудью, судорожно всхлипывая и ероша свои волосы. Выпитый залпомъ стаканъ разомъ ударилъ ему въ голову. Бильярдъ, стѣны, увѣшанныя дешевыми, лубочными литографіями, горка съ кіями въ углу, черная доска, на которой мѣломъ записывались билліардныя партіи, мальчикъ-маркёръ въ татарскомъ халатикѣ,—адъютантъ, прицѣливающійся кіемъ опять-таки въ желтаго,—Трубаченко, усердно опиливающій кончикъ своего кія,—Пуговицынъ, положившій свою руку къ нему на плечо,—все завертѣлось и заплясало у него передъ глазами.

— А, дьяволъ побери мою душу, пить такъ пить! чутъ не завылъ Касаткинъ и принялся, съ жадностью, поспѣшно, словно боясь что у него отнимутъ, пить все что только ни стояло у него передъ глазами.

— Поѣхалъ! произнесъ Трубаченко.

— Нарѣжется до безчувствія, авторитетно замѣтилъ адъютантъ.

— Надо за нимъ теперь въ оба приглядывать, предложилъ капитанъ Пуговицынъ.

— Рому бутылку, коньяку!... кричалъ Касаткинъ.

— Тс!.. куда? произнесъ Пуговицынъ, замѣтивъ, что мальчишка-маркёръ ринулся было исполнить требованіе Петра Михайловича.

— Приказываютъ-съ.. остановился на порогѣ мальчикъ.

— Дуракъ!

— А я *ему* сейчасъ ноги переломаю! вдругъ поднялся со стула Касаткинъ и шагнулъ къ дверямъ.

— Ну, голубчикъ, не дури, ты и взаправду—буянить собираешься? остановилъ его Пуговицынъ и силою посадилъ опять на прежнее мѣсто.

— Да вѣдь люблю-то я ее какъ!... снова зарыдалъ Касаткинъ.

— Перетащите его на диванъ: онъ совсѣмъ валится. Ну, берись подъ мышки, предложилъ Трубаченко.

— И то правда!.. ну, вставай, Петя, родной, подымайся...

— Оставьте вы меня!.. оставьте!..

— Да ну, не упирайся!...

— Пусти... я тебѣ говорю—Наташа, вотъ что... ты теперь меня бросить хочешь... а я ему ноги переломаю... По фазану хлопъ!.. Альфа, назадъ! назадъ, бестія!.. Тс!.. береги.. слѣва береги! Наташа, ты слышишь?.. Ой! плечо больно!...

— Осторожнѣй... шепталъ Пуговицынъ.

— А я что, я ничего, я только говорю... подлецъ—петербургскій шелопай... фран-н-нтъ...

— Ну ладно, ладно—подушку пойди отъ хозяйки принеси.

— Сподобился, ухмыльнулся Трубаченко.

— А вы не смѣйтесь—со всякимъ бываетъ, говорилъ Пуговицынъ.

— Альфа—назадъ!...

— Теперь онъ охотится!.. засмѣялся адъютантъ.

Касаткина покойно уложили на диванѣ, подсунули ему подъ его взъерошенную, воспаленную голову большую подушку въ пестрой ситцевой наволочкѣ и закрыли лицо салфеткою.

— Мухи безпокоить не будутъ, замѣтилъ при этомъ болѣе всѣхъ хлопотавшій капитанъ.

— Сколько да сколько? обратился Трубаченко къ маркёру.

— Двадцать два и очень много, сообщилъ тотъ.

— Мѣлу давай—опять скиксуешь!

— Краснаго въ уголъ и карамболь по бѣлому!

Офицеры припялись оканчивать прерванную партію.

А между тѣмъ Ровичь, сидя у окна занимаемаго имъ номера и смотря сквозь голубоватый дымъ сигары на зубчатыя сѣрыя полосы крѣпостныхъ стѣнъ, никакъ и не подозрѣвалъ, какую бурю въ сердцѣ Касаткина произвелъ онъ своимъ появленіемъ. Онъ если и замѣтилъ его, то развѣ только потому, что тотъ стоялъ возлѣ Наташи. «Этотъ чиназецъ что-то не въ духѣ должно быть», подумалъ онъ, взглянувъ на его нахмуренную физіономію, и совершенно далекъ былъ отъ мысли, что онъ-то именно и есть причина этого «не въ духѣ».

— Какая славная, свѣженькая дѣвушка! замѣтилъ онъ про себя, всматриваясь въ симпатичныя черты личика дочки «стараго пушкаря».—Вотъ настоящая степная лилія... продолжалъ онъ думать,—развилась здѣсь вглуши, сорветъ ее какой нибудь одичавшій линеецъ и покончитъ она свое существованіе, ничего не видя, ничего не зная дальше камышей, да плоскихъ, степныхъ береговъ Сыръ-Дарьи. — Эге, тамъ никакъ буянить начинаютъ?..... шумятъ... какъ загуляли чиназцы!... До слуха Ровича доносились пьяные возгласы Касаткина и голоса его товарищей...—Вотъ какъ, ноги кому-то ломать собираются (онъ и не догадывался, что опасность угрожала именно его ногамъ, въ настоящую минуту такъ покойно помѣстившимся на подоконникѣ, по обычаю, почему-то называемому американскимъ).—Профиль прямой, грубоватый немного, а очень-очень не дуренъ, снова началъ онъ припоминать, возстановляя въ своемъ воображеніи образъ Наташи.—Но что всего лучше, что всего больше имѣетъ обаянія—это полу-дикая грація, эта смѣлость въ каждомъ движеніи, эта сила, еще ничѣмъ не подломанная...

— Осмѣлюсь просить дозволенія войти...

— А? кто тамъ? войдите.

Въ комнату вошелъ хозяинъ гостинницы, маленькаго роста, раскормленный до лоска жидокъ, отставной горнистъ Вульфзонъ, и почтительно остановился у самой притолки.

— Можетъ побезпокоилъ, то я могу въ другое время—ежели...

— Ничего, ничего, я свободенъ; говорите—въ чемъ дѣло?

— Ежели вашему сіятельству что угодно особеннаго къ обѣду или на ужинъ, то у меня есть рыба свѣжая, мѣстная: осетрина, карпы вотъ эдакіе (Вульфзонъ разставилъ руки насколько могъ широко), стерлядки живыя;—дичь: фазаны, гусь дикій, куропатки...

— Ну хорошо, хорошо, это все я предоставляю вашему личному усмотрѣнію; постарайтесь, чтобы все было по возможности вкусно.

— Повѣрьте, ваше сіятельство, я уже самъ, я все самъ...

— Скажите пожалуйста, вотъ тутъ у васъ, въ Чиназѣ, этотъ старикъ артиллеристъ,—какъ его?...

— Чижиковъ поручикъ, подсказалъ Вульфзонъ.

— Ну-да, онъ давно тутъ живетъ?...

Ровичъ замѣтилъ словоохотливость экс-горниста, и ему

пришла фантазія собрать свѣдѣнія о красивой блондинкѣ.

— Не такъ чтобы очень, однако порядочно, началъ распространяться хозяинъ,—пріѣхалъ со всей семьей.... жена тутъ у него, такая, осмѣлюсь вамъ доложить, сварливая старуха—страсть! Дочка, ужь какая дочка! Вы изволили видѣть?... бѣловолосенькая такая, высокая; да вотъ она тутъ сейчасъ мимо окошекъ прошла.

— Да, видѣлъ.

— Хорошая барышня, по всему Чиназу первая;—попадья тутъ есть, опять у коменданта дочка,—ну тѣмъ куда до этой, далеко!

— Чтожъ, женихи есть?... да вы садитесь! Сергѣй Николаевичъ указалъ на стулъ.

— Что вы, ваше сіятельство, помилуйте! я хоть и изъ солдатъ, однако всякое обращеніе до тонкости знаю и свое мѣсто завсегда понимать могу; и чтобы я могъ сѣсть въ присутствіи такой особы... Да Бозе мой!

— Ну, ну хорошо, не настаивалъ Ровичъ.

— Женихи есть—много жениховъ, собственно, но настоящихъ два.

— Какъ два?!...

— Такъ точно,—маіоръ тутъ есть, хорошій человѣкъ и съ капиталомъ, собственный экипажъ, домъ строитъ на томъ концѣ слободки, ордена всякіе. Маменьки ихней весьма этотъ женихъ желателенъ.

— Ну, а дочкѣ?

— Не нравится: «чтоже я, говоритъ, такая молодая, да за стараго—будь онъ хоть размаіоръ»! бѣдовая барышня!

— Ну, а другой женихъ?

— Другой! тутъ Вульфзонъ понизилъ голосъ и покосился на дверь,—другой, вонъ въ тѣхъ комнатахъ, на бильярдной половинѣ, сильно выпивши, изъ здѣшнихъ офицеровъ; этотъ совсѣмъ настоящій.

— Этотъ молодой?

— Въ самый разъ, и уже у нихъ,—я самъ отъ себя не говорю, мнѣ что, а другіе говорятъ (хозяинъ еще болѣе понизилъ голосъ)—у нихъ уже все какъ слѣдуетъ прикончено...

— Вотъ какъ! Ровичъ расхохотался.

— Да-съ...

— Ну, пріятель, идите теперь распорядитесь ужиномъ и пришлите сюда моего человѣка.

— Куропатки, фазаны, цыплятъ можно молоденькихъ?

— И куропатокъ, и фазановъ, и цыплятъ...

— Прощенья просимъ.

Вульфзонъ скрылся за дверью, а Ровичъ сталъ прохаживаться по комнатѣ, звеня шпорами по плитному полу.

— Прикончено, гм! однако счастливецъ этотъ степнякъ! вдругъ произнесъ онъ и остановился посреди комнаты. Какое-то непріятное чувство закопошилась у него въ сердцѣ.—Фу, какая гадость, подумалъ Ровичъ,—ужъ не ревновать ли я собираюсь? вотъ было бы оригинально!...

Къ вечеру стало значительно прохладнѣе и отъ рѣки понесло пріятною влажностію. Ровичъ надѣлъ бѣлую фуражку и вышелъ на крыльцо.

Первый кто попался ему на глаза—былъ чей-то деньщикъ, на рысяхъ несшій отъ маркитанта двѣ бутылки водки и какой-то бумажный свертокъ.

— Послушай, эй! остановилъ его Ровичъ.

Деньщикъ остановился, переложилъ всѣ покупки подъ лѣвую мышку и, не смотря на то, что былъ безъ шапки, приложилъ руку какъ слѣдуетъ, къ тому самому мѣсту, гдѣ бы долженъ былъ находится козырекъ.

— Гдѣ тутъ живетъ Чижиковъ, поручикъ? самъ не зная по какому вдохновенію спросилъ его Сергѣй Николаевичъ.

— По улицѣ прямо, поворотъ направо, опять по правой рукѣ длинный домъ такой будетъ, за домомъ баня, а тутъ сейчасъ крыльцо съ навѣсомъ; это самое и будетъ, отрапортовалъ деньщикъ—и пустился, теперь уже совсѣмъ бѣгомъ, какъ бы желая скоростью наверстать потерянное время.

Ровичъ затѣялъ самую обширную прогулку: онъ хотѣлъ обойдти весь Чиназъ въ качествѣ туриста, и нѣсколько времени соображалъ планъ прогулки.

— Съ чего начать? подумалъ онъ, стоя какъ разъ посреди улицы. Постоялъ-постоялъ, поправилъ въ зубахъ сигару и пошелъ *прямо*, *поворотъ на право*, *опять на правой рукѣ длинный домъ*, *баня*, *крыльцо* и т. д.

Словно разбитый, съ сильною головною болью, съ лихорадочнымъ ознобомъ во всемъ тѣлѣ, поднялся съ дивана Касаткинъ и началъ озираться мутными, полу-помѣшанными глазами.

Въ бильярдной уже никого не было изъ офицеровъ, и только мальчишка-маркёръ спалъ въ углу между двумя стульями, скорчившись точно обезьяна.

— Пить дай, эй! воды, квасу скорѣе, прохрипѣлъ Касаткинъ.

Мальчикъ вскочилъ сразу и ринулся къ дверямъ.

Жадно, большими глотками пилъ Петръ Михайловичъ, прямо изъ поданной бутылки. «Умыться дай», произнесъ онъ и подошелъ къ открытому окну.

Совсѣмъ стемнѣло и ночная свѣжесть такъ благотворно, такъ пріятно хлынула ему въ распаленное лицо, и легкій вѣтерокъ сталъ шевелить его растрепанные, безобразно-торчащіе волосы. Мало по малу голова его начинала отрезвляться, на сердцѣ становилось все покойнѣе и покойнѣе...

— Дуракъ я совсѣмъ сталъ; со всякаго вздора, со всякой малости—какую бучу заварилъ; можетъ и совсѣмъ ничего нѣтъ, а я вотъ тутъ Богъ знаетъ что думаю...

Онъ началъ приводить себя въ порядокъ; оправилъ платье, вытерся мокрымъ полотенцомъ и причесалъ волосы. Потомъ онъ надѣлъ фуражку, отысканную ему мальчикомъ гдѣ-то подъ диваномъ, и вышелъ на улицу. Онъ не раздумывалъ какъ Ровичъ: куда бы направиться, а прямо пошелъ на знакомые огни въ окнахъ дома стараго пушкаря.

Густая темнота южной ночи скрыла всѣ очертанія предметовъ, находящихся даже на очень близкомъ разстояніи, и только зарево огней на базарѣ да черныя линіи оконныхъ переплетовъ давали возможность хотя сколько нибудь соображать дорогу. Какой-то фонарь медленно подвигался вдалекѣ; фонарь этотъ поминутно останавливался и отмахивался палкою отъ цѣлой стаи разношерстыхъ собакъ, съ свирѣпымъ лаемъ атакующей этотъ свѣтлый кружокъ... Верблюды тяжело сопѣли носомъ и чавкали гдѣ-то неподалеку; нѣсколько балалаекъ и гармоній наигрывали въ кабакахъ развеселые напѣвы, тамъ гуляли неугомонные матросы съ «Арала». Тамъ же слышалось дикая туземная пѣсня и гортанные звуки киргизскаго языка; женскій голосъ нѣжно шепталъ что-то въ темномъ углу, у забора,—и далеко-далеко, по старой чиназской дорогѣ, тихо звенѣлъ удаляющійся почтовый колокольчикъ.

— Ого, да у насъ гости! соображалъ Касаткинъ, глядя на тѣни, двигавшіяся въ окнахъ Чижикова.

Онъ перешелъ улицу, чуть не упалъ, споткнувшись на совершенно пьянаго матроса, мычавшаго что-то и шарившаго руками въ дорожной пыли, и ускорилъ шаги. Его разбирало самое жгучее нетерпѣніе.

Чу! голосъ Наташи ясно коснулся его слуха. Касаткинъ пустился бѣгомъ.

— Что, батенька, безъ двухъ? ха-ха! весело кричалъ «старый пушкарь».—Въ червяхъ безъ двухъ—это съ консоляціей, выйдетъ того, многонько!

Касаткинъ подбѣжалъ къ самому окну, остановился, да такъ и замеръ столбомъ, схватившись руками за ставню.

Посреди комнаты стоялъ старый ломберный столъ. Самъ Чижиковъ, заслуженный маіоръ и еще кто-то играли въ преферансъ, Наташа стояла за стуломъ этого *кто-то* и со вниманіемъ слѣдила за его игрою; Маланья Ивановна хлопотала у стола съ закускою, разставляя въ симметрію тарелки съ селедками, грибами и маринованной осетриною. Кромѣ того были и еще гости: казначей съ казначейшею и священникъ съ своею половиною. Священникъ съ казначеемъ играли въ шашки въ самомъ углу комнаты; а дамы, сидя на диванѣ съ вязаньемъ въ рукахъ, вели въ полголоса самую оживленную, даже нѣсколько азартную бѣсѣду.

— Я еще никогда не игралъ такъ счастливо, говорилъ *кто-то*, оборачиваясь къ своей сосѣдкѣ,—я это приписываю вамъ.

— Это почему? спрашивала Наташа.

— Съ той минуты какъ вы подошли, у меня игры положительно не сходятъ съ рукъ; вотъ опять, посмотрите!

Ровичъ началъ подбирать въ порядокъ карты.

— А вы бы теперь, Наталья Мартыновна, ко мнѣ подошли бы—что все къ одному, да къ одному! не безъ язвительности произнесъ заслуженный маіоръ.

— А и то правда, Наташа, постой-ко у Ефимъ Петровича за стуломъ; что же въ самомъ дѣлѣ! посовѣтовала Маланья Ивановна, сгоняя салфеткою мухъ, налетѣвшихъ на заманчивыя тарелки.

— Да развѣ, мама, это отъ меня?

— Ну ну, поменьше разговаривать!

— А въ самомъ дѣлѣ, произнесъ Ровичъ,—перейдите-ко, Наталья Мартыновна, къ моему визави; я, если и буду проигрывать въ картахъ, то вѣрно выиграю въ другомъ...

— Въ чемъ это? спросила Наташа.

— Мнѣ будетъ удобнѣе любоваться вами.

— Гм! вотъ какъ! шепнула попадья казначейшѣ.

— Понимаемъ, шепнула въ отвѣтъ казначейша попадьѣ.

— Вамъ сдавать, молодой человѣкъ! съ достоинствомъ напомнилъ Ровичу заслуженный маіоръ.

— Ишь какой вы любезникъ! потрепалъ его по колѣну Мартынъ Федоровичъ.

— Милости просимъ, господа, игру послѣ кончите, пригласила къ столу Маланья Ивановна.

Въ комнату вошелъ Касаткинъ. Онъ былъ блѣденъ и словно растерянъ. Неловко поклонился онъ дамамъ, пожалъ руки Чижикову и маіору, окинулъ съ ногъ до головы, словно вымѣрялъ глазами Ровича и, не взглянувъ даже на Наташу, сѣлъ въ самомъ темномъ углу комнаты.

— Ты что это, Петя, такъ поздно? обратился къ нему Мартынъ Федоровичъ, — да и самъ словно какъ не по себѣ.

— Нездоровится, коротко отвѣтилъ Петръ Михайловичъ и замолчалъ, косясь по сторонамъ какъ волкъ, попавшій лапою въ поставленный ему на дорогѣ капканъ.

Наташа быстро подошла къ Касаткину, сѣла на подоконникъ рядомъ съ его стуломъ и приложила свою руку къ его лбу.

— Что съ тобою? произнесла она шепотомъ.

— Наташа! крикнула Маланья Ивановна.

— Ступайте, занимайте новаго гостя; — видите, какъ онъ на васъ уставился? грубо отвѣтилъ Касаткинъ.

Наташа удивленно взглянула на Петра Михайловича, передернула плечами и отошла; а Маланья Ивановна, наливая собственноручно рюмку для *заслуженнаго маіора*, ворчала:

— И кой чортъ принесъ, вотъ ужь совсѣмъ не кстати; шелъ бы себѣ домой, а то, на вотъ, привалилъ чуть не вполночь.

— А вотъ мы съ Петею выпьемъ и закусимъ—у него вся хворь и пройдетъ, ласково обратился къ Касаткину «старый пушкарь»,—да, позвольте васъ познакомить.

— Я кажется имѣлъ уже удовольствіе видѣть васъ на берегу, протянулъ Касаткину руку Ровичъ.

— Да-съ, видѣли-съ, процѣдилъ сквозь зубы Касаткинъ и сильно стиснулъ руку Сергѣя Николаевича.

Тотъ улыбнулся. Ему не трудно было догадаться, что этотъ молодой офицеръ и есть *настоящій*, съ которымъ *все уже прикончено*, какъ выражался содержатель гостинницы, экс-горнистъ Вульфзонъ.

— Охотникъ, я вамъ доложу, такой, что и нѣтъ другаго во всей окрестности! Вы, Сергѣй Николаевичъ, любите охоту? говорилъ старый пушкарь, прожевывая кусокъ осетрины.

— Я самъ очень люблю охоту, и мнѣ давно хотѣлось поохотиться въ здѣшнихъ краяхъ. Въ Россіи я охотился много, отвѣчалъ Ровичъ и подсѣлъ къ Касаткину. Того начало коробить.

— Да вы бы, господа, сюда, къ столу поближе, пригласилъ въ свою очередь Мартынъ Федоровичъ.

Пришлось волей-неволей Касаткину выдвигаться изъ своего темнаго угла. Онъ проклиналъ себя за то, что рѣшился войти въ комнату,—и готовъ былъ сквозь землю провалиться. А на бѣду еще Наташа, разсерженная выходкою Петра Михайловича, принялась кокетничать напропалую съ новымъ знакомымъ, увиваясь около того и пододвигая ему тарелки то съ тѣмъ, то съ другимъ кушаньемъ.

— Мнѣ давно хотѣлось поохотиться на тигровъ; я слышалъ, что здѣсь ихъ много,—и я полагаю, что мнѣ удастся наконецъ осуществить мое желаніе, обратился Ровичъ къ Касаткину.

— Да-съ, тутъ очень много тигровъ, отвѣчалъ тотъ, почти не глядя на спрашивавшаго.

— Вамъ случалось стрѣлять ихъ?

— Случалось.

— Господинъ Касаткинъ у насъ ходокъ по этой части, вставилъ священникъ, расправляя складки своей рясы,— Юлій Жераръ въ нѣкоторомъ родѣ.

— Вотъ какъ?... Такъ вы позволите мнѣ надѣяться, что подъ вашимъ руководствомъ и покровительствомъ мнѣ удастся дебютировать въ этой интересной охотѣ? оружіе у меня прекрасное.

— Нѣтъ, уже гдѣ намъ степнымъ дуракамъ! ни съ того ни съ сего бухнулъ Касаткинъ.

— Семнадцатаго тигра уложилъ, произнеѣъ старый пушкарь, хлопая по плечу Петра Михайловича. Онъ замѣтилъ, что тотъ сердится, не догадался еще по какой при-

чинѣ, но во всякомъ случаѣ поспѣшилъ замять непріятную фразу.

— Нѣтъ, уже лучше я уйду, поднялся Касаткинъ со стула, сдѣлалъ общій поклонъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

— Онъ что-то сегодня не въ духѣ; простудился должно быть, или такъ можетъ быть какая нибудь непріятность, оправдывалъ Чижиковъ своего любимца; а Наташа прошла въ свою комнату, оттуда черезъ черное крыльцо во дворъ, подбѣжала къ забору и стала присматриваться.

— Петя, поди сюда! слышишь?—поди, а то худо будетъ.

— Что вамъ отъ меня нужно? спросилъ Касаткинъ и остановился.

— Ближе подойди, не стану же я кричать черезъ всю улицу...

Петръ Михайловичъ подошелъ какъ бы нехотя и облокотился на заборъ.

— Ну разсказывай, что съ тобою? ласково произнесла Наташа, погладила его по головѣ и улыбнулась.

— Наташа, не мучь ты меня, ради всего на свѣтѣ! простоналъ Касаткинъ и прижалъ къ своему лицу обѣ руки дѣвушки.

— Ну, чѣмъ же я тебя мучу?

— Да вотъ съ этимъ петербургскимъ хлыщемъ; развѣ я не понимаю?

— Знаешь ли что я тебѣ скажу, что если ты не перестанешь чудить, холодно и спокойно произнесла Наташа,— то я тебя и въ самомъ дѣлѣ разлюблю. Понимаешь?

— Какъ не понять! тебѣ только этого и надобно, желчно проговорилъ Касаткинъ, да и самъ испугался. Дорого далъ бы онъ чтобы вернуть эти слова, но уже было поздно. Наташа выдернула свои руки изъ его рукъ, отступила шага на два назадъ и засмѣялась, но смѣхъ этотъ не звучалъ тою прежнею веселостью, въ немъ теперь слышались другія ноты.

— Да правда, правда! вдругъ разгорячился Касаткинъ,—скажешь ты не нарочно шлялась сегодня подъ его окнами? я видѣлъ, я все видѣлъ. Какъ онъ къ вамъ попалъ? тоже сама не знаешь? А за стуломъ его кто стоялъ весь вечеръ, да въ карты заглядывалъ? ты думаешь, я также и этого не видалъ? Загубить человѣка, втянуть его—это ваше бабье дѣло; а потомъ наплевать, да къ другому кинуться на шею...

— Ты пьянъ совсѣмъ, поди проспись...

— А! не понравилось, когда правду въ глаза говорятъ!

Касаткинъ задыхался и конвульсивно обламывалъ пальцами заборную штукатурку; онъ былъ положительно внѣ себя и совсѣмъ не понималъ, что кругомъ его дѣлается.

— А пока ты не перестанешь дѣлать и говорить глупости, до тѣхъ поръ не смѣй мнѣ и на глаза показываться—понялъ?

Наташа повернулась и пошла въ комнаты.

— Я и себѣ горло перерѣжу и ему тоже! закричалъ Касаткинъ ей вслѣдъ.

Наташа хлопнула дверью. Заскрипѣлъ зубами несчастный, постоялъ немного на одномъ мѣстѣ и пошелъ, шатаясь какъ пьяный, въ переулокъ, гдѣ стояла его хата въ два окошка на улицу.

А Сергѣй Николаевичъ очень просто попалъ въ домъ къ «старому пушкарю». Онъ проходилъ мимо оконъ и поглядывалъ: не увидитъ ли еще разъ гдѣ нибудь интересной блондинки; а Мартынъ Федоровичъ, тѣмъ временемъ, вышелъ къ калиткѣ на крылечко и сѣлъ на ступеньки закурить на вольномъ воздухѣ свою трубочку.

— Мое почтеніе-съ, произнесъ онъ, завидя пріѣзжаго.

— А, здравствуйте! раскланялся тотъ.

— Прогуливаетесь?

— Такъ точно.

— Заходите къ намъ.

— Съ удовольствіемъ.

Сѣли чай пить, пришла Наташа отъ попадьи, пришелъ маіоръ, пришли гости—и сѣли за преферансъ, въ которомъ Сергѣй Николаевичъ не отказался принять участіе.

Все это болѣе чѣмъ просто кажется тому кто здоровъ, но влюбленный—тотъ же больной,—а влюбленный ревнивецъ мало того что больной, но еще одержимый галюцинаціями и бредомъ, и въ его раздраженномъ мозгу составляются изъ самыхъ простыхъ и несложныхъ матеріаловъ—самыя мрачныя, самыя раздирательныя картины. Такъ и въ головѣ Петра Михайловича — изъ этихъ простыхъ событій сгрупировалась такая ужасная картина, что онъ дѣйствительно готовъ былъ перерѣзать себѣ горло или пустить въ лобъ пулю, — да вѣроятно онъ и привелъ бы въ исполненіе высказанную имъ угрозу, еслибы... еслибы... мало ли какія въ данную минуту не встрѣчаются *«еслибы»*. Вотъ теперь, напримѣръ, это *«еслибы»* выразилось въ томъ, что Касаткинъ, прійдя домой, вызвалъ свисткомъ свою красавицу «Альфу»,

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Съ фотографіи рисов. Н. Волковскій, грав. И. Матюшинъ.

сбросилъ съ себя китель и надѣлъ охотничью рубашку, перекинулъ черезъ плечо сумку, снялъ ружье со стѣны и пошелъ, не смотря на темноту ночи, прямо, не разбирая дороги, направляясь на далекій свѣтъ костровъ, горящихъ верстахъ въ двухъ отъ Чиназа, на самомъ берегу Сыръ-Дарьи, у того мѣста, гдѣ пристаетъ желѣзный паромъ, служащій для переправы съ одного берега на другой.

Быстро шелъ Касаткинъ, и все ярче и ярче становилось зарево отъ огня по мѣрѣ его приближенія; черные силуэты киргизовъ по временамъ закрывали огонь, и тихіе всплески береговаго прибоя доносились до слуха охотника. Рядъ распряженныхъ аробъ стоялъ на спускѣ къ парому; высокія лошади, закутанныя въ теплыя попоны по самыя уши, стояли, привязанныя къ колесамъ,—развьюченные верблюды лежали въ плотныхъ кучахъ, а ихъ тяжелые тюки, словно груды камней, чернѣлись на песчаномъ откосѣ. Караванъ дожидался первыхъ признаковъ разсвѣта, чтобы начать свою переправу. Съ того берега доносились крики, требующіе парома; крики эти совершенно безплодно потрясали туманный, ночной воздухъ, потому что киргизы-перевозчики покойно себѣ спали у огня, завернувшись съ головою въ верблюжьи халаты; они хотя и слышали во снѣ призывные крики, но до разсвѣта вовсе не предполагали исполнять ихъ требованій.

Касаткинъ тоже подсѣлъ къ огню, подозвалъ поближе свою собаку; потомъ прилегъ немного на бокъ и задремалъ, прислушиваясь къ какой-то интересной сказкѣ, которую старикъ арбакешь разсказывалъ своимъ товарищамъ.

(Продолженіе будетъ).

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился 23 мая 1821 года въ Москвѣ, а дѣтство провелъ онъ частію въ нашей древней столицѣ, частію же въ деревнѣ своего отца, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы по Троицкой дорогѣ.

Такимъ образомъ, Аполлону Николаевичу уже съ дѣтства были знакомы и близки картины народной русской жизни и дорогà природа, которую онъ такъ поэтично описываетъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

Первыя впечатлѣнія своей молодости онъ описываетъ въ поэмѣ: «Рыбная ловля»...

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало, въ вечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ дѣтей
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Руками изъ ведра добычу достаемъ
И шепотомъ объ ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ.
Съ лѣтами, за отцомъ, по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря по небесамъ струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Въ 1833 году Аполлонъ Николаевичъ былъ привезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ пансіонѣ своего дяди, который приготовлялъ молодыхъ людей въ военноучебныя заведенія. Во время своего пребыванія въ этомъ пансіонѣ, онъ обнаружилъ большія способности къ математикѣ, и пройдя въ три года весь гимназическій курсъ, въ 1836 году поступилъ по совѣту одного изъ друзей его отца, В. А. Слоницына, въ С.-Петербургскій университетъ по юридическому факультету. В. А. Слоницынъ, окончательно подготовлявшій Майкова къ университету, пробудилъ въ немъ охоту къ занятіямъ отечественной литературой, найдя въ этомъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ И. А. Гончарова, тогда молодаго кандидата Московскаго университета, который и преподавалъ Аполлону Николаевичу русскую словесность.

Съ перваго времени пребыванія своего въ университетѣ, Майковъ сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми (Соловьевъ, Дудышкинъ, Цейдлеръ) выступившими впослѣдствіи на литературное поприще; но для него въ то время литература была еще дѣломъ постороннимъ, потому что онъ, какъ сынъ извѣстнаго художника Николая Аполлоновича Майкова, съ дѣтства еще обнаружилъ способности въ живописи—и развивая ихъ подъ руководствомъ своего отца, съ жаромъ занимался этимъ искусствомъ *).

*) Одна изъ его картинъ, изображающая Распятіе, была куплена въ устраивавшуюся тогда капеллу для бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны.

Въ эту пору молодой человѣкъ былъ такъ преданъ занятіямъ живописью, что даже первый стихотворный и поэтическій опытъ, написанный имъ на 16-мъ году, стоялъ въ тѣсной связи съ занимающею его живописью. Сюжетомъ для этого перваго стихотворнаго опыта послужило разочарованіе, но не модное байроническое разочарованіе той поры, а проистекавшее отъ недовольства художника и недовѣрія къ своимъ силамъ. Вотъ начало этой поэтической попытки, помѣщенной съ дозволенія автора въ «Русскомъ художественномъ листкѣ» за 1858 г.

Когда въ святомъ небесномъ вдохновеньи
Я возношусь въ подоблачный эфиръ
И создаю въ своемъ воображеньи
Особенный, прекрасный, новый міръ,
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье
И прелестью небесной оживить.

Даже по выходѣ своемъ изъ университета Аполлонъ Николаевичъ думалъ посвятить себя этому искусству и съ такою цѣлью предполагалъ отправиться заграницу, но близорукость и слабость зрѣнія принудили его навсегда разстаться съ любимымъ искусствомъ,—а въ то же время успѣхъ нѣсколькихъ его стихотвореній, которыми онъ еще на университетской скамьѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, П. А. Плетнева и А. В. Никитенко, побудилъ его заняться литературою.

Въ 1840 году появились въ печати первыя его стихотворенія; а въ 1842 году, по выходѣ его изъ университета, былъ имъ изданъ первый сборникъ его стихотвореній, заслужившій молодому поэту самыя горячія похвалы и одобренія.

Въ томъ-же году Аполлонъ Николаевичъ отправился за-границу, гдѣ пробылъ до 1844 года, при чемъ болѣе года провелъ въ Италіи. Прежнія занятія древностью и живописью послужили ему хорошей школой, которая подготовила его для пониманія художественныхъ сокровищъ Италіи.

Въ это же путешествіе Аполлонъ Николаевичъ прожилъ около полугода въ Парижѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валеріаномъ, и здѣсь молодые люди посѣщали лекціи Сорбонны и Collège de France. По возвращеніи въ Россію, между тѣмъ какъ Валеріанъ Николаевичъ вступилъ на поприще критика, плоды научныхъ занятій Аполлона Николаевича выразились не въ научной а поэтической формѣ.

Такъ, въ 1845—1847 годахъ были имъ напечатаны сборникъ стихотвореній «Очерки Рима» и поэма «Двѣ Судьбы». Почти въ это же время имъ были написаны нѣ-

сколько пьесъ, въ которыхъ онъ впервые коснулся мотивовъ изъ русской жизни. Таковы «Грезы», «Машенька», «Барыня».

Кромѣ того съ 1847 года по 1852 г. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ напечаталъ нѣсколько критическихъ статей, разсказовъ, «Пикникъ во Флоренціи» и проч., участвовалъ въ критическомъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ» и писалъ статьи и хроники о художественныхъ выставкахъ. Но несмотря на эти прозаическіе труды, поэтическое творчество по прежнему оставалось преобладающею дѣятельностью поэта.

Въ этотъ періодъ времени имъ написаны поэма «Савонарола», первая половина драматическаго очерка «Три Смерти», въ потрясающихъ образахъ рисующая нравственное растлѣніе дряхлаго, отживающаго Рима,—и много мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ онъ съ такою любовью относится къ нашей родинѣ и такъ тепло описываетъ нашу сѣверную природу. Кто не знаетъ его «Нивы», кто не помнитъ ея второй половины!...

«О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами не сгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно;
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ хоть опершись на внуковъ стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

Или написанный имъ въ 1853 году «Пейзажъ», гдѣ онъ такъ просто но въ то же время такъ вѣрно и поэтично описываетъ осень,

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый.
Уже румянитъ осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листъ,
И какъ коверъ усталъ дорогу...
Идешь какъ будто по водамъ—
Нога шумитъ... а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
А красный мухоморовъ рядъ
Какъ карлы сказочные спятъ...
и т. д.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы поэтическое дарованіе Аполлона Николаевича Майкова окончательно окрѣпло и выработался тотъ изящный гармонично-могучій стихъ, который составляетъ главное отличіе нашего поэта отъ современныхъ ему талантовъ. Поэтъ подарилъ литературѣ длинный рядъ произведеній, въ которыхъ мелькаютъ самыя разнообразныя пережитыя имъ впечатлѣнія, начиная отъ образовъ природы русской и итальянской, до разныхъ событій современности и грандіозныхъ историческихъ картинъ.

Въ это время имъ были написаны: вторая половина лирической поэмы изъ древняго міра: «Три смерти», поэма «Сны», «Жрецъ», «Констанцскій Соборъ», «Исповѣдь Королевы», «Бабушка и Внучекъ», «Упраздненный монастырь», драматическая сцена «Странникъ» взятая изъ исторіи раскола, «Переложеніе восьми главъ изъ апокалипсиса», «Ломоносовъ», «Карамзинъ», «Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ», и кромѣ того переданы по русски нѣкоторыя изъ пѣсенъ сербскаго народа, напримѣръ «Сабля царя Вукашина», «Сонъ королевича Марка».

Въ послѣдніе годы онъ закончилъ свой переводъ «Слова о полку Игоревѣ», которому посвятилъ 4 года, высказавъ въ предисловіи къ этому поэтическому труду совершенно оригинальный и чрезвычайно вѣрный взглядъ на древнѣйшее произведеніе нашей свѣтской литературы. Самый переводъ—въ отношеніи соблюденія двухъ главныхъ условій: точности передачи подлинника и художественности изложенія, — превосходитъ всѣ являвшіеся прежде переводы «Слова».

За это же время написаны имъ: «Въ степяхъ», «Бей его или первая встрѣча Славянъ съ Римлянами», переведены нѣсколько бѣлорусскихъ пѣсень и большая поэма «Бальдуръ»—пѣснь о Солнцѣ по сказаніямъ скандинавской эдды». Изъ послѣднихъ большихъ стихотвореній вышедшихъ въ свѣтъ, назовемъ «Пульчинелль», писанное на мотивъ одного изъ разсказовъ Андерсена: «Was der Mond erzählt», и большую поэму «Два міра».

Первоначальная идея послѣдняго произведенія явилась автору въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности,— и такимъ образомъ вынашивалась въ теченіи почти трехъ десятилѣтій, находя себѣ по временамъ неполное выраженіе въ нѣсколькихъ попыткахъ. Изъ нихъ напечатаны: «Олинѳъ и Эсѳирь» (1849) и вторая часть лирической поэмы: «Три смерти» (1863). Если вникнуть въ отличительныя черты поэтической дѣятельности А. Н. Майкова—ту двойственность его дарованія, въ силу которой онъ съ одинаковою правдивостью отражалъ въ своихъ произведеніяхъ пластическую красоту древняго міра и духовныя, идеальныя стремленія, составляющія сущность христіанства,—то становится вполнѣ понятнымъ, что «Два міра» представляютъ собою какъ бы обширное устье, гдѣ сливаются оба главныя русла его дѣятельности съ множествомъ побочныхъ и случайныхъ притоковъ, свободно порождавшихся неизсякаемымъ источникомъ вдохновеній нашего поэта.

Какъ лучшія изъ прежнихъ стихотвореній Майкова, такъ и произведенія послѣднихъ лѣтъ собраны имъ въ трехъ сборникахъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ 1858 году въ 2-хъ томахъ подъ заглавіемъ «Стихотворенія», второй—въ 1864 году въ небольшой книжкѣ подъ заглавіемъ «Новыхъ Сочиненій», и наконецъ третій (полное собраніе) выходитъ теперь въ изданіи редакціи «Гражданина».

Старый судъ.

А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

V.

Отецъ Петра Зарайскаго, Сила, служилъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ пастухомъ у Медвѣдкиныхъ, сначала у отца Ивана Савельева, а потомъ у него самого. Это былъ человѣкъ тупой, совершенно безотвѣтный и положительный пролетарій, не знавшій никакого ремесла или своей собственности и имѣвшій, при своемъ скудномъ заработкѣ, еще несчастную страсть выпить. Онъ умеръ, оставивъ

своего пятилѣтняго сына Петрушку на кухнѣ у Медвѣдкина, на полный произволъ судьбы... Матери Петръ лишился еще ранѣе двумя годами; она служила тоже у Медвѣдкиныхъ кухаркой для рабочихъ, безъ жалованья, изъ за пищи и одежды. Кое-какъ, босой, въ рубищѣ и на черномъ хлѣбѣ, посреди разныхъ разсылокъ, мальчикъ подросъ и подружился въ играхъ съ хозяйскимъ сыномъ Мишей, полюбившимъ его за унаслѣдованный отъ Силы скромный и безотвѣтный характеръ. Миша былъ съ нимъ однолѣтокъ. Эта-то дружба принесла Петру большую пользу и доставила ему возможность научиться грамотѣ, вслѣдствіе которой онъ и не попалъ, по примѣру отца, въ пастухи, или въ простые работники, какъ онъ предназначался было сначала своимъ хозяинномъ; потому что, когда Мишѣ исполнилось восемь лѣтъ и отецъ задумалъ отдать его въ школу, онъ ревѣлъ и не хотѣлъ идти туда одинъ безъ Петрушки. Такимъ образомъ Петръ и поступилъ въ школу. Старикъ Иванъ Савельичъ былъ человѣкъ стараго завѣта, простой и добрый; онъ вовсе не имѣлъ принципа угнетать мальчика, но по своимъ воззрѣніемъ ему казалось неприличнымъ взять сына пастуха къ себѣ въ домъ и водить наравнѣ съ собственнымъ сыномъ; будь Петрушка не сынъ пастуха, онъ можетъ быть заботился бы о немъ гораздо болѣе. Но обстановка Петрушинаго воспитанія и при данномъ положеніи вещей мало чѣмъ была хуже Мишиной. Онъ былъ только зимою не такъ тепло одѣтъ, менѣе сытъ, да спалъ на голой лавкѣ, а не на перинѣ. Житье Медвѣдкиныхъ мало отличалось отъ жизни бѣдныхъ простолюдиновъ и въ будни они ѣли очень скудную пищу. Память у Михайлы Медвѣдкина была несравненно лучше его товарища, поэтому онъ быстро и твердо выучивалъ уроки, и считался даровитымъ мальчикомъ, тогда какъ Петръ шелъ себѣ сзади, въ посредственныхъ; за то онъ отличался скромнымъ поведеніемъ, не попадался, какъ Михайла, поминутно въ шалостяхъ, красиво писалъ и обдумавъ хорошо рѣшалъ практическія задачи, которыя при всѣхъ способностяхъ не давались Михайлѣ. Послѣдній всегда высоко ставилъ въ своемъ мнѣніи Петра и относился къ нему съ оттѣнкомъ дѣтскаго уваженія, видя какъ всегда совѣтъ и замѣчанія Петра практически хорошо прикладывались къ дѣлу. Чтобы покончить съ дѣтствомъ молодыхъ людей, я долженъ упомянуть еще объ одной личности, проживавшей въ домѣ Медвѣдкина и имѣвшей вліяніе на образованіе одной черты въ ихъ характерахъ. Это былъ слѣпой шестидесятилѣтній старикъ, отецъ жены Ивана Савельевича, заштатный пономарь, вдовецъ, человѣкъ очень религіозный, мистикъ, не получившій образованія даже и въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, но тѣмъ не менѣе сильно начитанный въ библіи и четь-минеяхъ, почерпавшій изъ нихъ разсказы о житіяхъ различныхъ святыхъ на каждый день, и страстно любившій передавать ихъ слушателямъ. Жилъ онъ у Иванъ Савельича не изъ милости, а отдавъ ему свои деньги. Всякій вечеръ, въ особенности зимою, когда вечера бываютъ такъ продолжительны и въ кухнѣ долго горятъ ночники, при которыхъ женщины въ дремотѣ занимаются пряжею нитокъ и ческою льна, старикъ являлся сюда и заводилъ свои безконечные разсказы, пересыпая ихъ самыми строгими нравоученіями, съ угрозами адскихъ наказаній. Наружность старика была очень внушительна, образъ жизни аскетически строгъ (про него говорили, что онъ даже носитъ на тѣлѣ желѣзные вериги), а потому его слушали съ почтеніемъ и нѣкоторымъ суевѣрнымъ сстрахомъ, какъ святаго мужа, тѣмъ болѣе что простой народъ любитъ подобные разсказы. Будь Досиѳей, имя старика, болѣе образованъ и развитъ, изъ него могъ бы выдти хорошій проповѣдникъ. Въ числѣ слушателей его были женщины - работницы Медвѣдкина и ихъ сосѣдки, приходившія попрясть вмѣстѣ, работники, наши Миша и Петруша, иногда приглашавшіе послушать дѣда-Досифея и своихъ уличныхъ товарищей. Хотя дѣтямъ, подъ эти разсказы, случалось неоднократно и засыпать, но за то многіе изъ нихъ сдѣлали сильное впечатлѣніе на ихъ дѣтскіе умы. Злые духи пугали ихъ воображеніе своими ухищреніями противъ людскаго благосостоянія и спасенія душъ—и въ каждомъ предметѣ и физическомъ явленіи, которое дѣти не въ состояніи были себѣ объяснить, они видѣли дѣйствія того же духа тьмы. Рядомъ съ святыми догматыми евангелія пошло подъ руку полное суевѣріе во всю мѣстую демонологію. Ночью мальчикамъ грезились разные ужасы—и они вздрагивая просыпались, крестясь и пугаясь ночной темноты... Имъ хотѣлось подражать жизни извѣстныхъ подвижниковъ первыхъ эпохъ христіанства, но дѣтская натура увлекала ихъ въ игры и шалости, да препятствовала и обстановка, совершенно не отъ нихъ зависящая. Здѣсь, по понятіямъ Досифея, они впадали въ грѣхъ; онъ совѣтовалъ имъ накладывать на себя эпитеміи, что мальчики и исполняли, кладя по условленному числу поклоновъ за утренней или вечерней молитвой, отказываясь отъ пищи и принимая этимъ, доступныя имъ, истязанія.

Этотъ религіозный фанатизмъ имѣлъ особенно сильное вліяніе на Петра; что же касается до Михайлы, то онъ, съ пыломъ принимаясь за различные подвиги, безпрестанно совершалъ противъ нихъ проступки, по увлекательности и воспріимчивости своего характера, и, хотя терзался нѣсколько совѣстью, но скоро предавался новымъ впечатлѣніямъ и разсѣявался, а потому слѣды оказывались слабѣе. Оба молодые люди въ юношествѣ грезили поступленіемъ въ монастырь и отшельническою жизнію. Они даже бѣжали изъ города З — а въ двѣ обители, находящіяся въ окружности, гдѣ ихъ безъ документовъ не приняли. Петръ хотѣлъ тогда идти далѣе, въ какую-либо суровую пустошь; но Михаилъ раздумалъ и со слезами упросилъ своего товарища возвратиться къ его отцу. Тогда Петръ наложилъ на себя обѣтъ, хотя и оставаться въ «мірѣ», но вести вполнѣ монашескую жизнь; онъ надѣялся, что можетъ быть современемъ послѣдуетъ для него указаніе свыше, призывающее въ пустыню или обитель. Иванъ Савельичъ, конечно, поругалъ сына и пріемыша за неспросъ родительской воли, безъ которой, объяснилъ онъ, и невозможно сдѣлать угодное Богу,—но не наказалъ, какъ за дѣло всетаки богоугодное. Въ школѣ мальчики поучились года два, за тѣмъ ихъ засадили въ лавки: Михаилу въ бакалейную, Петра—въ лабазъ. Подростая Михайла съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вступалъ въ права хозяйскаго сына, сталъ распоряжаться выручкой и, между прочимъ, разъѣзжать съ товарами по ярмаркамъ и закупать скотъ. Честность, аккуратность и смышленость Петра также обратили на себя вниманіе хозяина. Иванъ Савельичъ назначилъ его подручнымъ приказщикомъ, съ небольшимъ окладомъ жалованья, а затѣмъ сдалъ ему на отчетъ и весь лабазъ съ дегтярной лавкой, возлагая на него довольно серіозныя коммерческія порученія, которыхъ онъ не давалъ и Михайлѣ.—Именовать онъ его перестал Петрушкой, а звалъ Петромъ; жена же Ивана Савельича величала Петромъ Силычемъ... Разъѣзжая по ярмаркамъ уѣздныхъ городовъ и селъ, Михайла ознакомился съ купеческими сынками и сталъ пошаливать, то есть, предаваться съ ними различнымъ кутежамъ и оргіямъ.

Вкусивъ запрещеннаго плода, онъ не оставлялъ своей замашки и въ своемъ городѣ, а чрезъ это часто въ мѣсячной выручкѣ не оказывалось нужной суммы, для представленія строгому отцу. Просить въ займы у товарищей — онъ совѣстился и боялся чтобы не пошли дурные слухи. Въ такихъ затруднительныхъ положеніяхъ онъ прибѣгалъ къ дружбѣ Петра, продолжавшейся между обоими ими, къ его практическому уму и находчивости. Петръ выручалъ его подчасъ кровною деньгою, подъ часъ займомъ на свое имя, или удачнымъ для друга оборотомъ, а въ крайнихъ случаяхъ отдачею заимообразно части выручки по своей лавкѣ, дрожа за собственную безопасность. Михайлу такими глазами, что тому одна дорога, а ему другая. «Пусть пошалитъ, побалуется, — разсуждалъ онъ, — съ годами перемѣнится, остепенится...»

Переселеніе молодыхъ людей изъ города на пасѣку произошло по распоряженію Ивана Савельича, въ видѣ изгнанія и наказанія обоихъ. Виновникомъ всего былъ Михайла. При покупкѣ степи, луга и пасѣки, вблизи Кондюровки, у одного купца, старому Медвѣдкину сразу понадобилась капитальная сумма денегъ — и онъ внезапно приступилъ къ повѣркѣ всѣхъ денежныхъ книгъ и товаровъ въ лавкахъ.. Предъ этимъ же Михайла на одной ярмаркѣ растратилъ крупный кушъ денегъ и позаимствовалъ ихъ у Петра, что вмѣстѣ съ прежними долгами составило сумму свыше полуторы тысячи рублей. Разновременно Михайла прокутилъ гораздо болѣе, но дефицитъ кое-какъ былъ пополненъ — немного имъ, а большею частью оборотами Петра, случалось и рискованными... Эта же сумма дефицита сдѣлана была въ непродолжительный періодъ за послѣднее время. Не предвидя такой неожиданности по провѣркѣ товаровъ и суммы по денежнымъ документамъ, Петръ и Михайла за недостаточностью времени не могли сдѣлать никакого изворота и весь недоточетъ палъ на лабазъ Петра. Старикъ и удивился, зная его аккуратность, и пришелъ въ ярость... Онъ посадилъ его въ полицію и угрожалъ острогомъ и Сибирью. Вѣсть о мошенничествѣ Петра разнеслась по городу и этимъ спасла его, можетъ быть, отъ гибели. Нѣкоторые изъ среды богатыхъ купцовъ, товарищей старика, знав-

Киргизы малой орды. Рис. съ натуры А. Калонъ, грав. Паннемакеръ.

Дружба между Петромъ и Михайломъ была вполнѣ искренна, въ особенности со стороны перваго. Жизненный опытъ показываетъ намъ, что это чувство всегда прочнѣе между людьми совершенно разныхъ характеровъ. Петръ безкорыстно любилъ его какъ друга дѣтства, съ искрою благодарности за то, что, будучи хозяйскимъ сыномъ, Михайла смотритъ на него съ уваженіемъ, — но болѣе всего нравилась ему въ товарищѣ задушевная откровенность, полное довѣріе и словоохотливость, тогда какъ самъ онъ отъ природы былъ замкнутаго характера и малорѣчивъ. Не вполнѣ испорченный Михайла, признавая неблаговидность своихъ поступковъ, уважалъ достоинства Петра, который, при этомъ, никогда не кололъ ему глаза и не читалъ скучной морали и сентенцій. Къ несчастію, дружбѣ ихъ пришлось повстрѣчаться съ этимъ подводнымъ камнемъ.... До нѣкоторой поры Петръ смотрѣлъ на

шіе о кутежахъ молодаго Медвѣдкина, рѣшились открыть отцу глаза, чтобы онъ не грѣшилъ на прикащика, а разузналъ: не дѣйствія ли это его роднаго сына. Собственная увѣренность въ честности Петра, казавшееся ему и прежде по временамъ ненормальное состояніе сына и сильное смущеніе при недочетѣ въ лабазѣ, — заставили его поусомниться. Наконецъ и самъ Михайла во всемъ сознался. Проступокъ Петра этимъ уменьшался на много процентовъ. Сумма полторы тысячи была старику Медвѣдкину слишкомъ ничтожна, чтобы изъ за нея губить человѣка, преданнаго ему, семьянина и хорошаго торговца, за снисхожденіе къ его сыну, бывшему единственнымъ; остальные дѣти были у него все дочери, счетомъ до шести—и одну изъ нихъ, перезрѣлую дѣву, онъ онъ даже прочилъ за Петра. Кутежъ купеческихъ сынковъ такое частое явленіе, что на него ихъ родители смотрятъ весьма снисходительно. Иванъ Савельевъ перестаь сердиться, но ему хотѣлось выдержать характеръ и показать на виновникахъ примѣръ строгости. Онъ отрѣшилъ сына и Петра ихъ занятій, но послѣдняго выпустилъ изъ полиціи и велѣлъ ждать его распоряженій у себя на кухнѣ, сына тоже не пускалъ на глаза, раздумывая какое бы дать имъ новое назначеніе, не упуская своихъ интересовъ. Купленная пасѣка съ лугомъ, степью и кошарами для скота вывела его изъ затрудненія. Онъ могъ послать ихъ туда въ видѣ ссылки, чѣмъ показать строгость и характеръ,—а между тѣмъ, тамъ нужны были люди распорядительные, трезвые и на добросовѣстность которыхъ онъ могъ бы совершенно положиться. Петръ, не смотря на свой проступокъ, казался ему именно такимъ человѣкомъ. Онъ послалъ бы его туда во всякомъ случаѣ, такъ какъ замѣна его въ лабазѣ была возможна, а туда послать было некого; но и самому Петру управиться одному было тоже трудно, а потому онъ далъ въ помощь ему своего сына,—съ строгимъ наказомъ, что за малѣйшую вину каждый отвѣчаетъ другъ за друга, какъ за самого себя. Распрей между товарищами, по поводу назначенія Петра нѣкоторымъ образомъ старшимъ, не послѣдовало: купеческіе сыновья съ дѣтства привыкли подчиняться главнымъ прикащикамъ и играть въ собственныхъ лавкахъ странную роль, между хозяевами и пѣшками; къ тому же, въ этомъ отношеніи Петръ умѣлъ хорошо держать себя, какъ прежде, не забываясь; счеты денегъ онъ всегда представлялъ, для передачи отцу, Михайлѣ. Послѣдній тоже не вмѣшивался въ его распоряженія, имѣя къ порученному дѣлу мало охоты и сноровки; у него были свои собственныя заботы.. Михайло былъ молодъ—и ему хотѣлось пожить... Перехожу теперь ко времени, когда въ дружбу молодыхъ людей запала темная тѣнь, психически повлекшая за собою катастрофу...

(Продолженіе будетъ).

По поводу кончины Наполеона III.

Актеръ великій геніальный—
Сошелъ со сцены наконецъ;
Окончилъ драмою печальной
Вглуши развѣнчанный хитрецъ.
Еще при жизни рокъ суровый
Его за гордость покаралъ
И съ головы вѣнокъ лавровый
Какъ съ недостойнаго сорвалъ.
Тяжка была его кончина,
Печаленъ былъ его удѣлъ;
Кромѣ вдовы его и сына
О немъ никто не пожалѣлъ!
Онъ запятналъ свою корону,
Наслѣдства сына онъ лишилъ...
И къ императорскому трону
Седаномъ путь загородилъ.
Но въ бѣдствіи не унываетъ
Честолюбивая вдова—
И какъ регентша заявляетъ
На тронъ сыновнія права.

Жалка ты, экс-императрица,
Съ своей несбыточной мечтой;
Не лучше-ли тебѣ смириться
Передъ карающей судьбой?!
Когда бъ Наполеонъ героемъ
Въ Седанѣ голову сложилъ,
огда, быть можетъ, вамъ обоимъ
ранцузскій тронъ доступенъ былъ...
Теперь—ищите на чужбинѣ
Себѣ пріюта и друзей:
Вы чужды Франціи отнынѣ,
Расчетъ покончили вы съ ней!
Династіи Наполеона
Знать *четное* число не въ счетъ:
Второй былъ устраненъ отъ трона,
Четвертаго та жъ участь ждетъ.
Такъ бросьте жь тщетныя усилья,
Ужь снова не подняться вамъ...
И грозный рокъ подрѣзалъ крылья
Наполеоновскимъ орламъ.

П—ъ.

Народы Россіи *).

XII. Киргизы.

Находящаяся нынѣ въ Петербургѣ депутація Зайсанскихъ и Усть-Каменогорскихъ киргизовъ, въ числѣ 16-ти человѣкъ, прибыла сюда съ тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать Государю Императору вѣрноподданническія чувства отъ имени первыхъ, которые лишь четыре года тому назадъ стали русскими подданными,—и благодарность послѣднихъ за дарованное имъ новое управленіе. Нѣкоторые изъ молодыхъ депутатовъ бѣгло говорятъ по русски; двое изъ нихъ кончили курсъ въ кокпектской школѣ, а одинъ выучился по русски въ домѣ своего отца.

15 октября 1872 г. депутаты выѣхали изъ Зайсана, и проведя 12 дней въ Казани, гдѣ они заказывали татарскимъ портнымъ различное платье, прибыли 29 декабря въ Петербургъ. Проживъ нѣсколько дней въ ближайшей къ вокзалу желѣзной дороги гостинницѣ, они перешли въ наемную квартиру на Гороховой, неподалеку

*) Прежнія статьи «Народы Россіи» см. «Нива» за 1870, 1871 и 1872 г.

отъ Каменнаго моста. Помѣщеніе это вовсе не роскошно, но вполнѣ соотвѣтствуетъ киргизскимъ понятіямъ о комфортѣ. Самое лучшее въ этой квартирѣ для киргизовъ—отсутствіе лѣстницъ, которыя, при тучности депутатовъ, составляютъ для нихъ почти непреоборимое препятствіе.

Не малыхъ трудовъ стоило уладить имъ обѣдъ, наконецъ удалось все устроить по вкусу и желанію. Но ихъ національное блюдо (родъ густой, жирной лапши съ бараниной, кониной и говядиной) и способъ ѣды, при закоренѣлой привычкѣ обходиться безъ ножей и вилокъ, мало въ комъ способны возбудить аппетитъ.

Трудно представить полнѣйшее отсутствіе опрятности въ отношеніи носа и рта—при блескѣ и великолѣпіи ихъ наряда. Бархатъ, яркоцвѣтный атласъ, шелкъ, богатство золотыхъ шнуровъ и позументовъ, шитыя золотомъ ермолки, обложенныя соболемъ шапки, блестящія сабли, цѣпочки и значки біяровъ (судей), большія золотыя и серебряныя медали—все это производитъ необыкновенное впечатлѣніе.

До представленія Государю Императору члены киргизской депутаціи почти нигдѣ не показывались, кромѣ парада въ Зимнемъ Дворцѣ, а 7 января имѣли счастіе представляться Его Величеству и до сихъ поръ еще на молитвѣ повторяютъ милостивый отвѣтъ «Бѣлаго Царя» на ихъ привѣтственныя рѣчи.

Съ 9 января они стали осматривать достопримѣчательности города, Исакіевскій соборъ, музей Академіи наукъ, фарфоровый заводъ и проч. На печальную процессію выноса тѣла въ Бозѣ почившей Великой Княгини Елены Павловны они смотрѣли изъ оконъ Инженернаго замка—и надо было видѣть, какое изумленіе вмѣстѣ съ восторгомъ выразилось на ихъ лицахъ при видѣ Государя Императора, шествовавшаго за гробомъ.

17 января депутація представлялась Великому Князю Владиміру Александровичу, въ свитѣ котораго во время путешествія по степямъ въ 1868 году находились нѣкоторые изъ Усть-Каменогорскихъ киргизовъ. Одинъ изъ нихъ, Исламъ Алихановъ, привѣтствовалъ Великаго Князя по-русски отъ имени отца своего, бывшаго султаномъ кокпетскаго уѣзда и имѣвшаго счастіе принимать у себя Его Высочество.

Громадная котловина, заключающаяся между Каспійскимъ моремъ, рр. Ураломъ, Ишимомъ, Тоболомъ и Иртышемъ и горными хребтами Алатовскимъ, Тіань-шанскимъ, Балорскимъ, Гинду-кушемъ и Паромизскимъ, когда-то называвшаяся Татаріею, а въ средніе вѣка — Джагатаемъ, нынѣ носитъ имя Арало-каспійской впадины. На пространствѣ 82,000 кв. миль эта впадина представляетъ одинъ и тотъ же характеръ, одну и ту же самую грустную, самую пустынную картину. Негостепріимность этой страны такова, что еще за двадцать вѣковъ до Рождества Христова Зороастръ увѣрялъ, будто это есть адъ, жилище Аримана; тутъ возсѣдалъ на своемъ тронѣ грозный духъ зла, а семь *даводѣ* — князей тьмы, поддерживали этотъ тронъ. И дѣйствительно, эта страна можетъ показаться адомъ. Почва, составляя дно недавно-высохшаго моря, песчанно-глинистая или солонцеватая, при отсутствіи дождей и отъ чрезмѣрныхъ лѣтнихъ жаровъ высохла до того, что негодна для земледѣлія. Кромѣ этого, эта твердая, растрескавшаяся почва перерѣзана громадными полосами совершенно пустынной земли, какъ-то чистыми солонцами, либо сыпучими песками; такимъ образомъ, мѣста годныя для пастбищъ составляютъ оазисы, встрѣчающіеся въ болѣе сѣверной части низменности; попадаются и полосы плодородной земли и небольшіе лѣса на холмахъ и горныхъ отрогахъ, разсѣянныхъ по этой пустынѣ. Добавьте къ сказанному невыносимый климатъ отъ 35° стужи—зимою до 50° жары на солнцѣ и до 34° въ тѣни—лѣтомъ; гибельные бураны зимою и даже ночи удушливыя лѣтомъ; вообразите, что здѣшняя зима *однимъ только градусомъ теплѣе страшной зимы Новой Земли*,—и вы получите почти полную картину этого грустнаго, отталкивающаго края и вполнѣ согласитесь съ древнимъ Зороастромъ въ томъ, что если уже поселить гдѣ нибудь дьявола, то лучшаго для него мѣста, какъ Аралокаспійская впадина,—не найдешь!

Какъ ни негостепріименъ этотъ край, какъ ни печальна должна быть жизнь въ немъ, а и онъ имѣлъ и имѣетъ своихъ обитателей. Издревле кочевали здѣсь калмыки, вытѣсненные въ свою очередь, лѣтъ 250—300 назадъ, пришедшими съ верховья Енисея другими кочевниками-киргизами, бытъ которыхъ находится въ полной гармоніи съ обитаемою ими страною.

Киргизы всѣ кочующіе. Предѣлами ихъ кочевокъ можно считать на сѣверѣ часть Алтайскихъ горъ, р. Иртышъ, потомъ такъ-называемую Горскую Сибирскую линію отъ Иртыша до Тобола, или до Звѣриноголовской крѣпости, отъ ней до устья р. Уя, р. Табалу, далѣе р. Уель и р. Уралъ, начиная отъ Спасскаго форпоста до Нижняго форпоста, потомъ р. Бердянку, Уралъ и Илекъ до устья послѣдняго и наконецъ опять Уралъ. Другіе предѣлы кочевокъ, кромѣ сѣверной, опредѣлить невозможно, потому-что этотъ народъ разгуливаетъ по степи подобно вѣтру и такъ же какъ вѣтеръ неуловимъ.

Всѣхъ киргизовъ считается до двухъ съ половиною милліоновъ душъ, изъ этого числа 2,200,000 находятся въ подданствѣ Россіи, а остальные 300,000 либо кочуютъ независимо на Усть-Уртѣ, либо признаютъ власть Хивы, Бухары и Кокана.

Сами себя киргизы называютъ казаками, что на тюркскомъ языкѣ означаетъ: бродяга. *Кргызъ* (киргизъ) же называютъ себя кочевники совершенно инаго племени, обитающіе въ окрестностяхъ озера Иссы-кюль (т. е. Иссы-кюль,—горячая зола) и южнѣе его за Тіанъ-шаномъ, у Кашгара и на нагорной площади Паширъ.—Русскіе назвали, первыхъ: киргизъ-казаками изъ чего въ послѣдствій вышло *киргизъ-кайсаки*, а потомъ опустивъ слово кайсакъ, просто киргизами. Собственно же киргизовъ называютъ *кара-киргизъ*, потому что ихъ *монапы* (правители) простаго происхожденія, а не *бѣлой-кости*, какъ султаны у киргизъ-кайсаковъ; затѣмъ *дико-каменными киргизами* называютъ киргизовъ, кочующихъ въ гранитныхъ горахъ, ихъ называютъ еще и по китайски: *Буруть*.

Киргизы принадлежатъ къ кавказской расѣ, потому что они относятся къ турецко-татарскому племени. Въ составъ русскаго государства вошли съ XV и XVI ст. при царяхъ Іоаннахъ III и IV. Но только при Петрѣ Великомъ, когда началось систематическое наше вліяніе на Среднюю Азію, киргизы поступили въ подданство Россіи, въ которомъ и остались до настоящаго времени.

Киргизскіе ханы еще въ 1717 году обращались къ Петру В. съ предложеніемъ принять ихъ въ подданство, но просьба ихъ была оставлена безъ вниманія; но когда конечные результаты изысканій о Средней Азіи, совершенныхъ по повелѣнію Петра, утвердили его въ выгодѣ имѣть въ ней полное русское вліяніе, тогда киргизскія степи получили для Россіи важное значеніе, представивъ собою лучшій путь въ Среднюю Азію. Причина эта весьма

ясно изложена въ запискахъ Мурзы Тевкелеева. Онъ говоритъ: «Въ 1722 г., при Его Императорскомъ Величествѣ, блаженной и высокой славы достойныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, былъ я нижайшій въ персидскомъ походѣ старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ персидскаго похода Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе, для всего отечества россійской имперіи полезное намѣреніе, въ приведеніи издревле слышимыхъ и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ киргизъ-койсацкихъ ордъ въ россійское подданство, и оное свое монаршее особое, меня нижайшаго, къ тому употребить намѣреніе имѣлъ, съ тѣмъ, буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ, то стараться мнѣ, не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона держать, но токмо, чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію россійской имперіи быть обязались, ибо, какъ его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій. въ 1722 г., будучи въ персидскомъ походѣ и въ Астрахани, чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной Ордѣ, хотя-де оная киргизъ-кайсацкая степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата».

Киргизскіе школьники Рисов. съ натуры Фламанъ, грав. Паннемакеръ.

По кончинѣ Петра Великаго, въ 1730 г. ханъ малой киргизской орды Абулъ-Хаиръ, утѣсняемый башкирами и калмыками, отправилъ къ намъ пословъ съ просьбою принять его въ подданство. Послали Тевкелеева—и благодаря его ловкости и отвагѣ, въ 1732 г. были приведены къ присягѣ на русское подданство не только Малая орда, но и каракалпаки. Въ 1734 г. приняла подданство и Средняя орда.

Абулъ - Хаиръ, принимая подданство, обязывался: 1) охранять наши границы, смежныя съ киргизами, 2) охранять купеческіе караваны, идущіе чрезъ степь, 3) давать, въ случаѣ надобности, воспомогательное войско и 4) платить ясакъ звѣриными шкурами. За это онъ требовалъ утвержденіи ханскаго достоинства за нимъ и родомъ его навсегда и постройки при сіяніи р. Ори съ

р. Ураломъ крѣпости для его защиты. Условія были приняты—и мы въ теченіи почти столѣтія выбирали хановъ изъ рода Абулъ-Хаира, иногда на перекоръ волѣ народа и здравой политикѣ, что и было причиною безпрерывныхъ смутъ. Такъ тянулось дѣло до 1782 года, когда Екатерина II основала въ Оренбургѣ особое для киргизъ управленіе—*пограничную экспедицію*, въ послѣдствіи въ 1799 году замѣненную *пограничною коммисіею*, но дѣло отъ этого не подвинулось ни на шагъ къ лучшему; смуты и безпорядки продолжались. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія приступили къ сбору съ киргизовъ небольшой платы при перепускѣ скота чрезъ линію на зимовку; но сборы шли плохо, власть наша въ степи не увеличивалась, а напротивъ стали появляться между киргизами батыри, волновавшіе и грабившіе народъ; къ этому присоединилось и вмѣшательство хивинцевъ. Пользуясь этими смутами, султанъ Букей, желая получить ханское достоинство, уговорилъ часть киргизовъ, въ числѣ 7000 кибитокъ, перекочевать на правый берегъ Урала, что и произошло въ 1812 году. Отдѣлившаяся часть киргизовъ получила названіе *внутренней* или *букеевской орды*, а Букей сдѣлался ханомъ.

Въ степи дѣла шли все хуже и хуже. Въ 1822 году сильные роды чиклинцевъ приняли подданство хивинскаго хана. Между нашими киргизами и киргизами считавшимся независимыми начались войны. Новый уставъ, 1824 года, для управленія киргизами не поправилъ дѣлъ. Въ 1825 г. киргизы атаковали нашъ караванъ прикрываемый 625 человѣками войска при 2 орудіяхъ и, послѣ тринадцатидневной остановки, караванъ побросавъ слишкомъ на полъ-милліона товаровъ, вернулся назадъ. Въ 1837 г. султанъ Каипъ, въ союзѣ съ двумя батырями Нестаемъ и Джуламаномъ сильно волновали степь. Въ 1838 появилось еще два батыря султанъ Касымъ и сынъ его Кенисаръ.

При управленіи Оренбургскимъ краемъ г. Обручевымъ, было предпринято устройство ряда укрѣпленій по оренбургской степи; а въ 1849 г. началось и заселеніе степи

Киргизъ-кайсаки. (Букеевская орда). Рис. съ натуры Г. Руссо, грав. Варбанъ.

казаками. Результатомъ было то, что между киргизами водворенъ порядокъ, а набѣги на нашу линію совершенно прекратились.

Въ 1857 г. при управленіи краемъ г. Катенина, устремлено было все вниманіе на то, что бы развить между киргизами хлѣбопашество а слѣдовательно и осѣдлость, ко-которая рѣшительно парализовала вліяніе Хивы на киргизовъ. Но смерть Катенина положила предѣлъ этимъ начинаніямъ, а изысканія по этому предмету въ 1860 и 1864 годахъ обнаружили большія затраты, которыя приходилось бы сдѣлать, чтобы развить земледѣліе, потому-что требовалось устройство огромныхъ плотинъ, дабы дать возможность орошать поля. Наконецъ, послѣ взятія нами Ташкента, Ура-тюбе, Джюзака и распространенія нашихъ предѣловъ до Кашгаръ-Даванскихъ горъ, управленіе и киргизами подвинулось впередъ—и киргизы раздѣлены нынѣ на четыре орды, водворенныя въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) Малая орда, въ Тургайской области, въ вѣдомствѣ Оренбургскаго г. губернатора.

2) Средняя орда, или Сибирскіе киргизы, въ Акмолинской области.

3) Большая орда или Дикокаменные киргизы, въ Семирѣченской области и

4) Букеевская или Внутренняя орда, собственно называемая *киргизъ - кайсацкая*, на земляхъ губерній Оренбургской, Самарской и Астраханской. Рынь - Пески, ставка хана.

Численность киргизовъ простирается: до милліона въ первыхъ трехъ ордахъ и 80,000 ч. въ ордѣ Букеевской.

Киргизы отличаются всѣми свойствами полудикаго народа. Религіозныя понятія ихъ очень невысоки, но они имѣютъ представленіе объ единомъ Богѣ. Хотя оффиціально и считаются они мусульманами, но на дѣлѣ почти не знаютъ своихъ обрядовъ—и изъ пяти омовеній (намаза) исполняютъ только утреннія и вечернія молитвы. Религіозный индеферентизмъ киргизовъ могъ бы быть сподрученъ при водвореніи между ними цивилизующаго вліянія.

Женщины ихъ ходятъ съ открытымъ лицомъ и не изъяты изъ общества. Многоженство хотя и допускается, но какъ за жену надо заплатить выкупъ — *калымъ*, то оно доступно только богатымъ. Жена умершаго киргиза переходитъ къ его второму брату; по смерти этого къ третьему и т. д. по наслѣдству, т. е. она не свободна на всю жизнь.

Договоры о бракахъ совершаютъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ жениха и невѣсты. Въ расчетъ берутъ равенство состояній, а не лѣтъ. О калымѣ отецъ невѣсты, въ обществѣ всей родни, договаривается съ сторонниками жениха. Кромѣ этого, женихъ долженъ закупить разными подарками мать невѣсты и всѣхъ ея родственниковъ. Дѣло сватовства длится иногда годъ и болѣе. Въ это время братъ невѣсты имѣетъ право воровать у жениха что только ему угодно, но не попадаться; если же попадется, то неловкій воръ будетъ избитъ не на животъ, а на смерть. Въ концѣ концовъ женихъ всетаки обязанъ увести невѣсту насильно и опять расточать подарки ее роднымъ.

Наслѣдство дѣлится такъ: старшій сынъ получаетъ все имущество отца, а другіе сыновья получаютъ только части изъ имѣнія ихъ матерей. По смерти мужа, жена сохраняетъ свое приданое.

Имена дѣтямъ даетъ мать и можетъ назвать ребенка, какъ только взбредетъ ей въ голову; въ этомъ случаѣ совершаются такого рода куріозы, что вдругъ придетъ въ голову матери назвать ребенка напримѣръ «*собачья нога*», ну и слыветъ онъ всю жизнь собачьей ногой.

Когда минетъ мальчику три года, мулла производитъ надъ нимъ обрѣзаніе.

По смерти киргиза, жены его должны плакать и голосить по покойному, въ теченіи цѣлаго года, ежедневно утромъ и вечеромъ. Могилы киргизскія устраиваются на возвышенныхъ мѣстахъ и украшаются *мазаркомъ*, т. е. памятникомъ, какимъ кто можетъ. Чрезъ 40 дней послѣ смерти дѣлаютъ поминки—на нихъ непремѣнно устраиваются *байги*, т. е. скачки, безъ которыхъ не обходится ни одно празднество въ Средней Азіи.

Уваженіе къ старшимъ сильно развито у этихъ номадовъ. На пирахъ почетнѣйшему лицу выказывается особенное уваженіе тѣмъ, что подавая ему чашку съ мясомъ, въ нее кладутъ голову зарѣзаннаго животнаго. Уважаемыя лица за парадными обѣдами кормятъ изъ своихъ рукъ младшихъ себя, кладя имъ мясо прямо въ ротъ. Этикетъ требуетъ, чтобы удостоиваемый этой чести, подползалъ для полученія подачки на колѣнахъ. Слуги и нищіе стоя или сидя ожидаютъ, что имъ кто нибудь изъ пирующихъ броситъ кусокъ мяса или кость. Остатки пира слѣдовательно принадлежатъ этой голодной братіи и женщинамъ.

Кочевая жизнь требуетъ и такого дома, который бы могъ переноситься съ мѣста на мѣсто. Этому требованію вполнѣ удовлетворятъ *юрта* или *кибитка;* устройство ея у всѣхъ кочевниковъ одинаковое, а поэтому и не требуетъ особаго описанія, тѣмъ болѣе, что въ журналѣ «Нива» кибитка подробно описана въ этнографическомъ очеркѣ калмыковъ.

Пищу киргизовъ составляетъ сушеное просо, иногда отваренное въ кобыльемъ молокѣ, что называется *куртъ*. *Нанъ*, т. е. чурекъ употребляется мало; по праздникамъ угощаются киргизы мелкими кусочками мяса, зажареннаго въ салѣ, что называется *Бешъ-бармакъ* (пять пальцевъ). Питье — кумысъ.

Одежда состоитъ изъ *чапановъ*, т. е. длинныхъ халатовъ изъ бумажной матеріи, армячины, а у богатыхъ изъ шолковой матеріи и бархата. Чапанъ надѣвается прямо на голое тѣло. Весьма недавно богатые киргизы начали носить рубашки, вродѣ носимыхъ татарами. Шаровары дѣлаются изъ бараньей кожи, вышитой яркими рисунками. Сапоги и иногда калоши — ичагъ. Чапанъ опоясывается кожанымъ поясомъ, на которомъ находятся мѣшочки и сумочки съ ножемъ, огнивомъ, гребнемъ и проч. и проч. Этотъ поясъ называется *калта*. На бритой головѣ находится тюбетей, т. е. маленькая ермолка, поверхъ которой лѣтомъ надѣвается островерхій войлочный колпакъ, а зимою папахъ мѣхомъ внизъ. Женщины одѣты почти одинаково съ мужчинами. Голова, поверхъ шапочки, закутана въ бѣлое полотно вродѣ чалмы. Волосы заплетаются въ мелкія косички и украшаются монетами и разными побрякушками. Такія же монеты, бусы и въ особенности кораллы носятся на шеѣ.

Оружіе киргизовъ составляетъ *найзя*, т. е. длинная пика, *кличь* — сабля и *мултыкъ* — ружье; все это пріобрѣтается отъ русскихъ. Къ оружію можно отнести и *камча*, т. е. нагайку, потому что она имѣетъ до дюйма въ діаметрѣ и ею весьма легко убить кого угодно; стоитъ только дать добрый ударъ по головѣ.

Какъ всѣ номады, киргизы — отличные наѣздники.

Киргизы отличаются лѣностію, апатіей и мстительностью. Ложь — неотъемлемое ихъ качество, вошедшее въ плоть и кровь. Воры по природѣ, они трусливы, хотя рѣдко можно найдти такихъ хвастуновъ какъ они. Лѣнь

рождаетъ скуку, а скука страсть къ сплетнямъ и новостямъ — *хабаръ*. Это доходитъ у нихъ до страсти, передъ которой пасуетъ и прирожденная скупость киргиза: разсказщика непремѣнно угостятъ обѣдомъ. Слушатель, подхвативши новость, мчится въ другой аулъ сообщить ее знакомымъ, его тоже угощаютъ,—и съ невѣроятною быстротою «хабаръ» облетаетъ степь и отъ обѣда до обѣда разростается до колоссальныхъ размѣровъ.

Киргизы склонны къ цивилизаціи и грамотность у нихъ пускаетъ уже ростки. Въ 1850 г. устроена для нихъ школа въ Оренбургѣ; въ 1861 г. открыта новая школа въ Троицкѣ; кромѣ того, въ Оренбургскомъ военномъ училищѣ учреждено 20 вакансій для киргизскихъ дѣтей. Хотя еще въ 1858 году Высочайше разрѣшено устроить въ степныхъ укрѣпленіяхъ: Уральскомъ, Оренбургскомъ, въ фортѣ № 1 и Перовскій училища, но это еще и по нынѣ не кончено.

(Окончаніе будетъ).

Фельетонъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго года, въ одной изъ залъ Академіи художествъ, открылась вторая выставка картинъ, устроенная товариществомъ передвижныхъ выставокъ. Прошлогодняя коллекція картинъ успѣла побывать въ лучшихъ губернскихъ городахъ нашихъ: Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, и, какъ слышно, вездѣ была принята радушно. Сборъ въ этихъ городахъ, доставленный довольно многочисленными посѣтителями, превзошелъ ожиданія даже самихъ участниковъ предпріятія, поощривъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ дальнѣйшей дѣятельности на избранномъ пути. Дѣятельность же эта во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не благодарить товарищество, поставившее себѣ цѣлью знакомить публику съ успѣхами и развитіемъ нашего молодаго художества,—особенно въ виду услугъ, оказываемыхъ товариществомъ нашей провинціи, далеко не избалованной въ дѣлѣ искусства и, какъ извѣстно, лишенной возможности любоваться художественными произведеніями даже въ сколько-нибудь сносныхъ копіяхъ. Между тѣмъ, наше юное художество, пріобщившись къ общему движенію и духу времени, выходитъ, какъ видно, на настоящую дорогу и является однимъ изъ такихъ образовательныхъ средствъ, которымъ пренебрегать отнюдь не слѣдуетъ. Съ этой точки зрѣнія, выставка художественныхъ произведеній вообще, а картинъ въ особенности, помимо доставляемаго ею чисто эстетическаго наслажденія, имѣетъ еще и значеніе облагороживающее, цивилизующее.

Воздавъ должное товариществу за его прекрасную задачу, обратимся теперь къ самой выставкѣ. Обычнаго посѣтителя академическихъ залъ прежде всего поражаютъ скромные размѣры нынѣшней передвижной выставки, которая почти въ шесть разъ менѣе ежегодныхъ выставокъ, устраиваемыхъ Академіею. Не болѣе 45 картинъ, выставленныхъ въ настоящемъ году товариществомъ, не занимаютъ и половины большой академической залы и не отличаются величиною своихъ холстовъ; точно такъ же не могутъ похвалиться онѣ и щеголеватостью или громкозвучностью своихъ сюжетовъ. Въ выставкѣ приняли участіе болѣе 20 художниковъ, между которыми есть имена, составившія себѣ почетную и вполнѣ заслуженную извѣстность, каковы: Ге, Перовъ, Крамской, Мясоѣдовъ, Маковскіе, Шишкинъ, Боголюбовъ, М. К. Клодтъ и другіе. Большинство картинъ составляютъ пейзажи (числомъ до 20), второе мѣсто принадлежитъ портретамъ, почти исключительно однихъ русскихъ писателей, наконецъ слѣдуютъ этюды съ натуры и жанръ. Картинъ послѣдняго рода, какъ извѣстно, наиболѣе цѣнимыхъ публикою, весьма мало, говоря строго — никакъ не болѣе 5—6; но за то эти немногія отличаются большимъ мастерствомъ письма и правдивостью сюжетовъ, хотя и не особенно глубокихъ.

Наиболѣе значительный вкладъ въ сокровищницу нынѣшней выставки сдѣланъ все тѣмъ-же неутомимымъ и талантливымъ г. Перовымъ, а за нимъ гг. Боголюбовымъ и Крамскимъ. Гг. Перовъ и Ге ограничились на этотъ разрядъ одними портретами, которыхъ представили цѣлыхъ 9; между ними особеннымъ сходствомъ, типичностью и удачно выбранной обстановкой отличаются портреты М. П. Погодина и Ѳ. М. Достоевскаго. Почтенный историкъ изображенъ въ халатѣ и съ посохомъ въ рукѣ, что придаетъ портрету много жизни и естественности. Сгорбленная, худощавая фигура автора «Записокъ изъ мертваго дома», въ сѣромъ пиджакѣ, съ болѣзненнымъ взглядомъ, впалыми щеками и болѣзненною же выразительностію всего лица, производитъ не малое впечатлѣніе на зрителя. По художественному воспроизведенію характера и необыкновенно вѣрному колориту — это едва-ли не самый лучшій изъ всѣхъ когда-либо появлявшихся въ залахъ Академіи портретовъ. Портретъ И. С. Тургенева, нарисованный тѣмъ же г. Перовымъ, кромѣ сходства, отличается еще большимъ изяществомъ посадки и вообще всей фигуры знаменитаго нашего писателя. Выставленные г. Ге портреты гг. Салтыкова (Щедрина) и Некрасова также недурны, особенно первый, глазамъ котораго художникъ съумѣлъ придать особенный воспаленный оттѣнокъ. Чрезвычайно хорошъ также портретъ нѣкоего г. Камынина, изображеннаго г. Перовымъ.

Не останавливаясь на другихъ портретахъ, тоже болѣе или менѣе примѣчательныхъ, обращаемся къ картинамъ въ русскомъ жанрѣ, считающимся наиболѣе вѣрными и наиболѣе яркими выразителями успѣховъ отечественнаго искусства. Первою въ этомъ родѣ, и по величинѣ, и по достоинству, должна быть поставлена картина г. Мясоѣдова подъ названіемъ «Уѣздное земское собраніе въ обѣденное время». Представленъ поросшій травою дворикъ уѣздной земской управы; направо крыльцо, около котораго, въ тѣни, расположились гласные отъ крестьянъ и закусываютъ чѣмъ Богъ послалъ, т. е. хлѣбомъ и лукомъ. Дворянскіе гласные обѣдаютъ въ самомъ зданіи управы, о чемъ свидѣтельствуютъ красующіеся въ растворенномъ окнѣ графины и бутылки. Фигуры и позы крестьянскихъ гласныхъ необыкновенно типичны и разнообразны; подобную коллекцію чисто русскихъ лицъ мы встрѣчали только на извѣстной картинѣ г. Дмитріева-Оренбургскаго «Утопленникъ». На лицахъ почти всѣхъ гласныхъ виднѣется озабоченность, усталость и скука; каждаго гнететъ мысль объ оставленномъ хозяйствѣ, которое брошено на произволъ судьбы, а самъ хозяинъ отправился на безвозмездную земскую службу, чтобы *поздыхать* въ собраніи, слушая пренія «господъ» о неудобствахъ переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя или о томъ, что образованіе народа есть дѣло сословное, а потому и средства на него должны давать одни только крестьяне... Остальныя картины изъ русскаго быта, какъ-то: «Нищіе», «Егерь», «На дачѣ» «На праздникѣ» и проч., хотя написаны и не дурно, но представляютъ весьма мало содержанія; а потому

распространяться о нихъ не станемъ. Гораздо болѣе содержанія и таланта замѣтили мы въ двухъ превосходныхъ этюдахъ г. Крамскаго, изображающихъ двѣ въ высшей степени типичныя русскія физіономіи. Особенно хороша первая (№ 9)—преждевременно состарившееся, корявое лицо забитаго мужиченки, съ запекшимися, побѣлѣвшими губами и подслѣповатыми гнойными глазами.

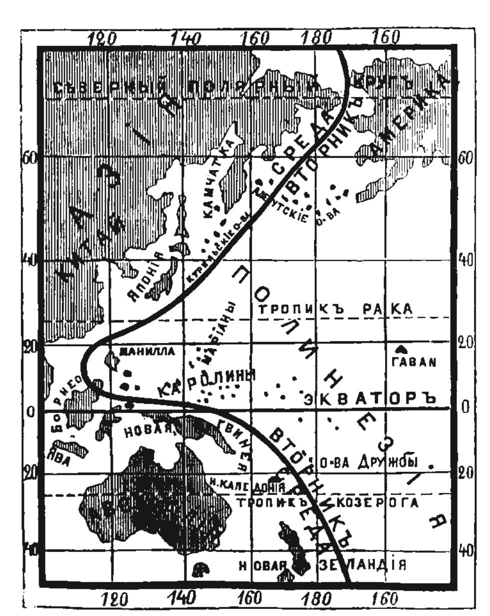
Что касается пейзажей, то настоящая выставка и ими можетъ похвастаться. Правда, одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, картина г. Саврасова «Весна», представляютъ повтореніе старыхъ опытовъ въ этомъ родѣ; другіе слишкомъ пестры и напоминаютъ декоративную живопись; третьи, наконецъ, слишкомъ мелки и по размѣрамъ, и по выполненію. Но въ числѣ ихъ есть и положительно хорошія вещи, напр. большой холстъ извѣстнѣйшаго нашего пейзажиста, И. И. Шишкина, «Лѣсная глушь», небольшая, но премиленькая картинка г. Гуна «Отдыхъ на сѣнокосѣ», или, напримѣръ, «Пашня» М. К. Клодта—до того живо и свѣжо написанная, что, кажется, можно ощупать каждую складку на сарафанѣ бабы, отдѣлить каждую травинку на только-что поднятой суглинистой почвѣ!..

Перломъ выставки почему-то считается большая картина г. Крамскаго «Христосъ въ пустынѣ»; но при всемъ нашемъ стараніи, кромѣ прекрасно нарисованнаго воздуха, вечерней зари и всей обстановки пустыни, мы ничего замѣчательнаго въ этомъ произведеніи не нашли. Фигура Храста производитъ даже какое-то болѣзненное дѣйствіе на зрителя—и во всякомъ случаѣ не то, какого ожидалъ отъ нея самъ художникъ.

Смѣсь.

Въ какой день недѣли и въ которомъ часу было 1 января 1873 года въ различныхъ странахъ земнаго шара?

«Съ новымъ годомъ!» говорили мы 1-го января 1873 года — и многіе изъ насъ были увѣрены, что въ ту же минуту знакомые ихъ и друзья точно такъ же привѣтствуютъ другъ друга въ Астрахани, Иркутскѣ, Благовѣщенскѣ и т. д. Но тѣ, у кого еще не изгладились изъ памяти уроки физической географіи, знаютъ, что въ городахъ лежащихъ подъ различными градусами долготы—полдень и полночь наступаютъ не въ одно и то же время; такъ напр. Петербургъ и Вашингтонъ разнятся въ этомъ отношеніи на цѣлую четверть сутокъ, т. е. когда въ нашей сѣверной столицѣ полдень, у вашингтонцевъ еще около 6 часовъ утра. Въ городахъ же, лежащихъ на одномъ и томъ же меридіанѣ (градусѣ долготы), полдень приходится въ одно и то же мгновеніе, таковы: Римъ, Венеція, Лейпцигъ, Штральзундъ, или наши Петербургъ, Витебскъ, Могилевъ, Кіевъ, Умань и Аккерманъ. Но какъ различны часы дня по мѣрѣ удаленія отъ Востока къ Западу или наоборотъ—это знаетъ по собственному опыту каждый путешественникъ, ѣздившій по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву или въ Нижній Новгородъ. Вслѣдствіе этой разницы градусовъ долготы на какихъ нибудь двухъ точкахъ земнаго шара, двѣ такія мѣстности могутъ разниться одна отъ другой не только на нѣсколько часовъ, но и въ днѣ недѣли и числѣ мѣсяца, если въ одной изъ мѣстностей время подходитъ къ полночи.



Карта дня недѣли.

Когда въ Петербургѣ въ полночь 1 января 1873 года начался новый годъ и понедѣльникъ, въ Филадельфіи было еще 6 час. вечера 31 декабря 1872 года и воскресенье. Если же обратимся къ Востоку, къ Азіи, то въ ту минуту, какъ мы петербуржцы съ бокалами въ рукахъ поджидали новый годъ, въ Калькуттѣ (Остъ-Индія) было около 5 часовъ, въ Сиднеѣ (Австралія) 9 часовъ, а въ Новой Зеландіи 11 часовъ утра—и слѣдовательно давнымъ давно наступилъ уже ожидаемый нами новый годъ. Если мы станемъ мысленно продолжать наше кругосвѣтное путешествіе отъ Востока на Западъ или наоборотъ, то въ обоихъ направленіяхъ прибудемъ наконецъ обратно къ мѣсту нашего отправленія, и тогда произойдетъ ошибка не только въ часахъ, но и въ числѣ и въ днѣ недѣли, какъ мы это сей часъ покажемъ.

Порядокъ въ счетѣ чиселъ и дней недѣли на островахъ Тихаго Океана — зависитъ единственно отъ того, откуда прибыло сюда христіанское населеніе и съ нимъ вмѣстѣ календарь — съ Запада или съ Востока. Португальцы и голландцы въ своихъ путешествіяхъ для открытія новыхъ земель огибали мысъ Доброй Надежды и такимъ образомъ съ Запада достигали открываемыхъ ими острововъ; испанцы же отправлялись чрезъ Магеллановъ проливъ или съ западныхъ береговъ Америки къ Западу и вслѣдствіе этого прибывали къ занимаемымъ ими островамъ съ Востока. Поэтому испанцы должны были считать *однимъ днемъ менѣе* въ отношеніи дней недѣли или чиселъ календаря, противъ португальцевъ и голландцевъ, хотя и были съ ними сосѣдями въ Японіи и на Молукскихъ о-вахъ. Такъ, напр. Макао на Китайскомъ берегу и Манилла на Филиппинскихъ островахъ отстоятъ другъ отъ другаго на 7½ градусовъ долготы или менѣе чѣмъ на полчаса по времени; но Макао, занятый португальцами, считаетъ однимъ числомъ мѣсяца впередъ противъ испанцевъ на Маниллѣ. Въ этомъ, къ немалому изумленію, убѣдился въ свое время патеръ Альфонсъ Санкціусъ. Онъ поѣхалъ изъ Маниллы въ Макао, куда и прибылъ по его мнѣнію 2 мая, въ день св. Аѳанасія; но тамошнее духовенство праздновало уже 3 мая, день обрѣтенія креста Господня. О-ва Сандвичевы, Товарищества и Дружбы, Маріанскіе, Каролинскіе и Филиппинскіе считаютъ то же число мѣсяца и тотъ же день недѣли какъ и вся Америка. Вся же Австралія, Новая Гвинея, Новая Зеландія и голландскіе о-ва въ Зондскомъ архипелагѣ считаютъ по европейски, такъ какъ они открыты мореплавателями съ Запада. Всего яснѣе видна эта разница на прилагаемой картѣ съ извивающейся черной линіей, отдѣляющей другъ отъ друга тѣ мѣстности, которыя имѣютъ различное число и день недѣли. Къ Западу отъ этой линіи считается уже среда тогда какъ на восточной ея сторонѣ еще вторникъ.

Вслѣдствіе особеннаго изгиба этой раздѣльной черты можетъ случиться, что двѣ неслишкомъ удаленныя одна отъ другой мѣстности будутъ отставать другъ отъ друга на цѣлыхъ двое сутокъ. Испанскій городъ Манилла отстоитъ на 138° восточной долготы отъ Ферро; голландскій, отчасти подъ экваторомъ лежащій островъ Жилоло удаленъ на 145½° отъ Ферро. Манилла лежитъ восточнѣе, Жилоло—западнѣе раздѣльной черты. Въ тотъ мигъ, какъ на Жилоло наступаетъ (по новому стилю) среда 1 января 1873 года и четверть перваго часа по полуночи, въ Маниллѣ еще только 30 декабря 1871 года 11¾ часа вечера. Еще больше разница на Новой Зеландіи. Въ то время какъ на восточномъ мысѣ Новой Зеландіи считается 1 января 1873 года 2 часа утра, въ Маниллѣ еще 30 декабря 1872 года 10¼ часовъ вечера.

Легко отвѣтить на вопросъ: гдѣ же, на какой точкѣ земнаго шара, раньше всѣхъ встрѣчаютъ новый годъ? конечно, въ Новой Зеландіи — и всего ранѣе на прилежащемъ къ ней съ востока островѣ Чатамѣ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 2 Февраля 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 12 февраля 1873 года. **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

V.

Аулъ Гайкулы-бабая.

Утренній туманъ густыми бѣловатыми волнами расползался на поверхности Сыръ-Дарьи, забрался въ сплошные камыши противуположнаго берега и закрылъ его словно полупрозрачною, дымчатою занавѣскою. Предразсвѣтный вѣтерокъ поднялъ мелкую рябь на гладкой водной поверхности, взволновалъ высокія заросли, поигралъ немного въ длинныхъ косматыхъ гривахъ—киргизскихъ, степныхъ коней, сорвалъ и развѣялъ съ мѣста охолодившую золу потухшихъ костровъ и забрался подъ теплые, простеганные ватою, усѣянные цвѣтными заплатами халаты спящихъ арбакешей.

Поёжились отъ холоду сонные, пробормотали что-то во снѣ, инстинктивно подвинулись поближе къ кострамъ, а назойливый вѣтерокъ тѣмъ временемъ опять прошмыгнулъ подъ распахнушіеся халаты, пустилъ дрожь по всѣмъ разлѣнившимся членамъ и шепнулъ на ухо каждому:—«ворочайся не ворочайся, а подниматься надо—и костры твои давно уже потухли, и верблюды весь саманъ *) подобрали, и арбы пора запрягать, и паромщики допиваютъ послѣднія чашки своего жиденькаго чаю, собираясь перевозить тебя на тотъ берегъ, и солнце скоро подымется,—гляди: вонъ уже золотится гребень той песчаной гряды, что темнымъ островомъ поднимается изъ всколыхнувшихся волнъ необозримаго моря тумана.

*) Мелкорубленая солома, обыкновенный кормъ верблюдовъ во время путешествій.

Тяжело ступаютъ по косогору навьюченные верблюды, пятятся предъ паромомъ; страшно идти имъ на это невиданное судно: они еще не привыкли къ русскимъ сооруженіямъ и недовѣрчиво ощупываютъ своими мозолистыми ногами досчатые сходцы. Спереди тянутъ несчастнаго степняка за волосяной арканъ, продѣтый ему въ ноздри, сбоковъ подталкиваютъ пинками и ударами ногаекъ, сзади хлещутъ чѣмъ ни попало. — «Ну ты, шайтанъ, собака, упирайся! кричатъ со всѣхъ сторонъ надрывающіеся голоса «аллыча» (верблюдовожатыхъ), и вваливается волей неволей на паромъ горбатое чудище, кряхтя и сопя продвигается на свое мѣсто и со стономъ ложится рядомъ съ своимъ предшественникомъ.

Много уже верблюдовъ перевели на палубу желѣзнаго парома, а все еще и половины его не заняли. Стали арбы спускать, лошадей вводить; стукотня поднялась такая, что уже отдѣльныхъ голосовъ не слышно. А изъ Чиназа чуть доносится по вѣтру дробь барабана, трель казачьей трубы, лай собакъ и завываніе ушастыхъ ишаковъ въ загородяхъ позади базарныхъ строеній.

Проснулся Касаткинъ, вскочилъ на ноги, потянулся и сталъ оправлять поясъ и припасы охотничьи. — Альфа его зѣвнула раза два, зарычала на облѣзлую, киргизскую собаку съ перебитою ногою, выглянувшую было изъ-за кибитки,—и завиляла хвостомъ, ласково, заискивающе глядя прямо въ глаза своего хозяина.

Золотой полукругъ солнца разомъ вынырнулъ изъ туманной дали, нагрѣвая воздухъ,—и съ каждою минутою становился прозрачнѣе туманъ, разлетаясь и исчезая въ пространствѣ.

Густая толпа людей, животныхъ и повозокъ—показалась на томъ берегу: тамъ тоже дожидались перевоза, проведя ночь у костровъ,—и въ данную минуту, тамъ тоже царствовала торопливая суматоха и всякому хотѣлось какъ можно ближе къ пристани занять мѣсто, чтобы при первой возможности перебраться на палубу, уже начавшаго свою переправу, судна.

Касаткинъ закинулъ за плечо двустволку, сбѣжалъ съ обрыва, перескочилъ черезъ низенькій бортъ парома и сталъ у руля, на верхней площадкѣ.

— На охоту собрался? подошелъ къ нему знакомый его, широкоплечій татаринъ Нурмедъ, заправляющій всѣмъ механизмомъ несложной переправы.

— Да, похожу по затонамъ; можетъ къ дальнимъ ауламъ пройду, отвѣчалъ Петръ Михайловичъ.

— Къ ночи не будешь назадъ?

— А аллахъ вѣдаетъ, можетъ и совсѣмъ не пріиду.

— Что такъ? татаринъ пытливо взглянулъ на печальное лицо русскаго охотника.—Какъ, совсѣмъ не пріидешь?

— Развѣ можно судьбу свою знать?—мало ли что случиться можетъ.

— Да у тебя что? горе какое есть, что-ли?

— А что?

— Не такой ты теперь, какъ я тебя прежде видѣлъ.

— Не то и стало теперь, что прежде бывало.

— Все мѣняется. На томъ берегу въ мою кибитку заходи; чай пить будешь—лепешки горячія есть, кумысъ и каймакъ привезли мнѣ вчера изъ Асланкина аула. Зайдешь, что-ли?

— Зайду; — мнѣ не спѣшно.

— По своей волѣ идешь; никто не гонитъ. Эй вы, правыя весла, налегай шибче, налегай!..

— О-го-го-го! — заголосили шибче налегшіе «правыя весла».

— Вчера, вотъ такъ прозѣвали! меня не было, обратился Нурмедъ къ Касаткину;—весь паромъ на ту вонъ отмѣль посадили; часа три бились.

— Сноситъ теченіемъ, апатично замѣтилъ Касаткинъ.

— Гайкулу-бабая увидишь въ дальнихъ аулахъ, скажи: Нурмедъ кланяется, благоденствія дому, всякаго скота прибыли желаетъ. Онъ, Гайкула-то, старикъ хорошій и меня не забываетъ. Не забудь-же!

— Не забуду;—увижу—все передамъ.

— Жеребчикъ у него есть пѣгій... Не съ разу—легче—бока проломишь, на себя потяни! — вотъ такъ! — ну еще!.. ну еще!.. стой. Вяжи причалы! энергично распоряжался Нурмедъ, когда паромъ толкнулся своими желѣзными, звонкими боками о козлы и камышевую настилку пристани.

Началась безпорядочная, шумная разгрузка; больше всего галдили и волновались торгаши евреи изъ Бухары, спѣшившіе занять мѣста на паромѣ, прежде чѣмъ очистится его палуба.

— Да дуй этихъ собакъ плетьми по мордамъ!—чего они лѣзутъ какъ угорѣлые?! горячился Нурмедъ, грозя на толпу кулакомъ съ своего возвышеннаго поста.

Касаткинъ сошелъ на берегъ, вскарабкался прямо на кручу, помимо тропинки, и пошелъ къ двумъ закопченымъ, остроконечнымъ словно пчелиные улья кибиткамъ Нурмеда, гдѣ его ждалъ обѣщанный чай съ каймакомъ и кумысъ изъ Асланкина аула. Альфа весело прыгала и забѣгала впередъ: она знала, что и ей достанется не послѣдній кусочекъ.

Чудно хорошо было въ густыхъ камышахъ, когда Касаткинъ, плотно позавтракавъ у гостепріимнаго Нурмеда, выбрался изъ полувыгорѣвшей полосы, прилегающей къ самому берегу рѣки, и попалъ въ нетронутую, первобытную глушь почти тропическихъ джунглей. Все, куда только ни хваталъ глазъ,—представляло собою непроходимую, сплошную чащу гигантскихъ стеблей: — пушистыя метелки высоко колыхались, рисуясь на дымчатой синевѣ утренняго неба; словно кусочки зеркалъ блистали и искрились покойные затоны; нога вязла въ мягкомъ мхѣ болотистыхъ прогалинъ, а тысячи самыхъ разнообразныхъ, ярко окрашенныхъ птицъ поминутно вылетали изъ подъ ногъ, поднимались на недосягаемую высоту, исчезая въ воздушномъ пространствѣ, или, стелясь по надъ самыми зарослями, перелетали на другое, болѣе покойное мѣсто.

Дикая свинья съ поросятами шарахнулась изъ-подъ густаго куста джиди, хрюкнула, ощетинилась на подлетавшую къ ней съ лаемъ Альфу, но замѣтила парусиную рубаху охотника и тяжело побѣжала межь кочекъ, спасая свое хрюкающее и подвизгивающее семейство. Острая, ушастая мордочка степнаго волка показалась невдалекѣ и спряталась; живая, блестящая словно стальная пружина, змѣйка переползла черезъ кабанью тропу, по которой шелъ Касаткинъ, и стала зарываться во мху, шипя и выставляя по временамъ свою злую головку... Тс!.. Альфа сдѣлала мертвую стойку.

— Береги!.. чуть слышно произнесъ Касаткинъ и осторожно взвелъ курки, прижавъ спусковые крючки, чтобы не слышно было щелканья.

— Пиль!..

Глухо хлопая крыльями, вылетѣлъ громадный фазанъ-пѣтухъ, яркимъ пятномъ блеснувъ на солнцѣ.

Синій дымокъ выстрѣла закрылъ его на мгновеніе, вѣтеръ подхватилъ эту далекую струйку, подхватилъ и два три цвѣтныхъ перушка, замелькавшія въ воздухѣ, а убитая птица, перекувыркнувшись раза два, какъ камень полетѣла внизъ, прямо въ чащу,—и ея длинный хвостъ по-

казался еще длиннѣе, мелькая въ этомъ быстромъ полетѣ.

Не успѣлъ охотникъ продуть стволъ оружія, не успѣла Альфа принести отысканнаго фазана, а уже справа и слѣва еще слышится тревожное хлопанье крыльевъ — и изъ камыша словно ракеты взлетаютъ красныя птицы.

Бухъ! бухъ! только и слышится въ камышахъ — и протяжное эхо несетъ далеко звукъ этихъ выстрѣловъ, несетъ до самаго аула, временно расположившагося у затоновъ,—и встревоженная киргизка внимательно прислушивается къ непривычному звуку, оставивъ на минуту тяжелый пестъ, которымъ она толкла сухое просо въ неуклюжей деревянной ступѣ.

Десятка два верблюдовъ паслись всторонкѣ, — и тѣ подняли глупыя мохнатыя морды и перестали пережевывать свою вонючую жвачку; тощія собаки, игравшія съ голыми, закопченными ребятами, — подняли усиленный вой; а самъ старый пастухъ Гайкула прикрикнулъ на свою разыгравшуюся атару, прислушался еще немного и машинально пощупалъ ножъ за поясомъ, какъ бы думая:— «все лишняя осторожность не мѣшаетъ. Мало ли какого дьявола принесетъ съ той стороны, гдѣ слышатся эти подозрительные выстрѣлы!»

А Касаткинъ, знай, палитъ и палитъ; и забылъ онъ въ эту минуту все на свѣтѣ, кромѣ своего ружья и на славу выдресированной Альфы. Забылъ онъ и сцену у окна, забылъ онъ и преферансъ у стараго пушкаря, забылъ онъ и этого пріѣзжаго франта, забылъ и самую Наташу. Да, забылъ — да не совсѣмъ: вотъ сію минуту вспомнилось все, все сразу, защемило въ груди, дрогнула рука и вылетѣлъ невѣрно выпущенный зарядъ, безплодно поражая пространство.

Солнце высоко поднялось, стало надъ самою головою и сильно припекаетъ верхушки зарослей. Усталъ Касаткинъ — сѣлъ на одну изъ кочекъ, что оказалась посуше, снялъ шапку и вытеръ платкомъ свой вспотѣвшій лобъ.

— Ѣсть хочешь? а?.. погоди: вотъ прійдемъ въ аулы,—тамъ дадутъ тебѣ хорошую баранью кость, погладилъ онъ по головѣ Альфу, все какъ-то жавшуюся къ его боку.

— Вѣрно въ сумкѣ кусокъ чего нибудь съѣстнаго остался — она чуетъ, подумалъ охотникъ и сталъ шарить рукою, именно въ томъ отдѣленіи, гдѣ могло бы оказаться что съѣстное. Однако ничего не оказывалось.— Да ты чего визжишь?.. чего ластишься?.. эге, кто тамъ?.. Касаткинъ сталъ подозрительно оглядываться. Онъ замѣтилъ наконецъ, что собака безпокоилась—и ея гладкая шерсть, особенно на шеѣ, становилась дыбомъ, а въ визгѣ ея слышались то боязливыя, то сердитыя ноты.

Два желтыхъ, круглыхъ какъ пятакъ, глаза пристально смотрѣли на Касаткина сквозь рѣшетку камышевыхъ стеблей. Отъ этихъ глазъ охотника отдѣляло не болѣе двадцати шаговъ.

Вздрогнулъ Петръ Михайловичъ—и какъ ни привыкъ онъ къ подобнымъ встрѣчамъ, но все-таки невольный холодъ побѣжалъ по всѣмъ его жиламъ.

Не спуская глазъ съ страшнаго противника, охотникъ ощупалъ въ карманѣ свинцовыя круглыя пули и осторожно опустилъ ихъ въ стволы своего оружія, поверхъ зарядовъ. Медленно сползъ онъ съ кочки, прижался къ ней бокомъ, ставъ на одно колѣно, почти присѣлъ къ самой землѣ и приложился.

— Альфа, тише... сиди смирно! шепталъ онъ собакѣ, которая вертѣлась и грозила подтолкнуть руку охотника, въ самую критическую минуту.

Страшные глаза вдругъ мгновенно исчезли. Только тихій шелестъ камыша послышался на томъ мѣстѣ и какъ-то подозрительно колыхнулись высокіе стебли, совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ колыхалъ ихъ налетѣвшій изъ степи горячій вѣтеръ.

— Что за чортъ!?—удивился Касаткинъ.—Хитришь, братъ, знаемъ мы твои всѣ уловки!..» И, не мѣняя позы, остался на томъ же мѣстѣ, только сталъ пристально поглядывать по сторонамъ: не покажется ли врагъ гдѣ нибудь справа или слѣва.

Почти полчаса охотникъ находился въ такомъ положеніи: ноги затекали, колѣна онѣмѣли, руки дрожали и глаза стали слезиться отъ постояннаго напряженія.

— Ушелъ должно быть!.. подумалъ онъ, нѣсколько приподнялся и сѣлъ опять на кочку, расправляя свои усталые члены.

Альфа тоже успокоилась и отбѣжала даже отъ ногъ своего хозяина за какимъ-то немаловажнымъ дѣломъ.

По всему видно было, что тигръ, замѣтившій, какъ охотникъ принялъ мѣры къ встрѣчѣ (вѣроятно хищнику уже приходилось встрѣчаться съ человѣкомъ), поспѣшилъ отретироваться, благоразумно уклоняясь отъ невѣрнаго боя.

Проголодался Касаткинъ сильно и направился въ ту сторону, гдѣ стояли кибитки дальнихъ ауловъ. Шелъ онъ съ оглядкою, осторожно: не выскочитъ ли засѣвшій на тропѣ врагъ? и часа черезъ полтора ускоренной ходьбы выбрался на просторъ, гдѣ по извилистому берегу солонцоватаго затона стояло нѣсколько киргизскихъ кибитокъ.

— Ой-ой!.... неистово завизжала краснощекая толстая дѣвка, и спряталась за кучи нарѣзаннаго камыша. Она была совсѣмъ голая и чинила кривою иголкою свою синюю бумажную рубашку. Касаткинъ поделикатничалъ и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ сконфузившейся степной красавицы.

— Аманъ (будь здоровъ)! произнесла старуха, что толкла въ ступѣ просо.

— Откуда Аллахъ принесъ? произнесъ старый-престарый киргизъ съ совершенно пожелтѣвшею бородою, весь темно-коричневаго цвѣта, и казалось можно было пересчитать всѣ самыя малѣйшія косточки подъ этою жесткою старческою кожею.

— Изъ камышей, отвѣчалъ Касаткинъ. — Да будетъ надъ тобою милость пророка, Мулла Ашикъ! привѣтствовалъ онъ старика и пожалъ протянутую ему костлявую руку.

Это былъ отецъ стараго Гайкулы, къ которому у Касаткина было порученіе отъ Нурмеда перевозчика.

— Много настрѣлялъ красной птицы, сказалъ Мулла Ашикъ, указывая на поясъ охотника, весь увѣшанный дичью.

— Да, чуть такого не подстрѣлилъ, что самъ не радъ бы остался, сказалъ Касаткинъ, опускаясь на войлокъ рядомъ съ старымъ Киргизомъ.

— Все каргаулы *) больше, замѣтилъ другой киргизъ помоложе, неожиданно вывернувшійся изъ-за кибитки.

— А то чего же еще? я шелъ больше все сухимъ мѣстомъ; другой птицы не попадалось.

— Кого же ты чуть не подстрѣлилъ? спросилъ старикъ.

— Джулъ-барса (тигра). Подобрался онъ ко мнѣ тихо-тихо, еще бы минута пропалъ бы совсѣмъ, да спасибо—собака почуяла; ну я и успѣлъ приготовиться.

— Она у тебя умная, замѣтилъ Мулла Ашикъ и поласкалъ Альфу.—Не то, что наши поджарыя!—онъ кивнулъ

*) По киргизски—фазаны.

головою десятка на два тощихъ борзыхъ собакъ, лѣниво грѣвшихся на самомъ припекѣ. — Тѣ глупыя ничего не понимаютъ.

— Ну что-же джулъ-барсъ-то? полюбопытствовалъ другой киргизъ.

— Ушелъ.

— Ой, ой, ну спасъ тебя аллахъ, а то бы опять какъ въ прошломъ году... Помнишь?

— Еще бы забыть! А Гайкула гдѣ? спросилъ у старика Касаткинъ.

— На степи, въ ту сторону гдѣ гнилые колодцы; верблюдовъ пасетъ и атары тамъ же наши, съ нимъ и ребята. Къ ночи пригонятъ сюда поближе. Ты здѣсь ночевать будешь?

— А то куда же пойду, не назадъ же въ Чиназъ!

— Конечно!

Касаткинъ разулся, снялъ съ себя все лишнее, остался въ одномъ бѣльѣ и прилегъ на войлокѣ въ ожиданіи обѣда. Альфа побѣжала сводить знакомство съ борзыми, и сейчасъ же, съ визгомъ вернулась назадъ, не довольная сердитой встрѣчей какого-то безхвостаго пса, обгладывавшаго и безъ того обгладанный черепъ жеребенка. Молодой киргизъ опять скрылся за кибиткою: у него вѣрно было свое дѣло; старикъ замолчалъ и погрузился въ какое-то созерцательное состояніе, тихо шевеля своими тонкими, сухими губами; принарядившаяся въ кумачный халатъ дѣвка занялась приготовленіемъ къ обѣду, а старуха пошла въ камыши сбирать и розыскивать разбѣжавшихся, голыхъ, черныхъ какъ тараканы, ребятишекъ.

Подали обѣдать. Въ плоскихъ деревянныхъ чашкахъ поставлены были на войлокѣ передъ гостемъ: вареная, мелко изрѣзанная баранина, лапша и кумысъ. Все общество собралось и усѣлось вокругъ чашекъ: мущины у самыхъ кушаньевъ, на почетныхъ мѣстахъ, женщины немного подальше, а ребятишки—тѣ уже совсѣмъ въ сторонѣ, вмѣстѣ съ сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ собаками, въ ожиданіи когда и имъ перебросятъ кусочки аппетитно пахнувшаго мяса и отдадутъ въ полное распоряженіе чашку съ остатками лапши и прочіе объѣдки. Краснощекая дѣвка—та совсѣмъ не садилась, ходила все, то въ кибитку, то изъ кибитки, возилась у огня, звякала какими-то металлическими посудинами и, видимо, хозяйничала, подгоняемая одобрительными понуканіями стараго муллы Ашика.

Пообѣдали, натянулись кумысомъ и залегли спать до вечера; вернется Гайкула съ работниками, подгонятъ стада—и надо будетъ доить кобылъ и сбирать ужинать усталымъ, проголодавшимся пастухамъ.

Крѣпко спалъ Касаткинъ, крѣпко спала подлѣ него и визжала во снѣ его Альфа; словно мумія, неподвижно лежалъ на спинѣ старый Ашикъ; густымъ басомъ храпѣлъ молодой киргизъ за кибиткой; спала старуха, прикурнувши головою на мохнатое верблюжье сѣдло; спала красавица и вѣрно видѣла во снѣ гарцующихи джигитовъ, потому что ея ротъ, обрамленный толстыми, красными, какъ свѣжая кровь, губами, изъ-за которыхъ сверкали ярко-бѣлые, здоровенные зубы, широко улыбался, пропуская какія-то безсвязныя бормотанія; спали всѣ псы, спали ребятишки, расползшіеся куда ни попало... Все спало... И только легкій степной вѣтерокъ тихо проносился надъ соннымъ ауломъ, пошевеливая легонько какими-то цвѣтными тряпками, развѣшанными для просушки между кибитками, на тонкихъ волосяныхъ арканахъ...

Опять два желтые круглые глаза осторожно выглянули изъ-за опушки камышей и скрылись; показались съ другой стороны и тоже спрятались. Выдвинулась круглая морда, обрамленная бѣлыми бакенбардами, показалась лапа, вооруженная вершковыми когтями; лапа эта была приподнята, какъ у кошки, когда та сторожитъ отверстіе въ углу комнаты, изъ котораго должна, по ея разсчету, выглянуть вороватая мышка,—какъ у охотничьей собаки, когда она, почуявъ притаившуюся межъ кочками птицу, дѣлаетъ мертвую стойку,—какъ у тигра, готоваго сдѣлать послѣдній прыжокъ на обреченную погибели жертву.

Страшный дѣтскій визгъ разомъ поднялъ на ноги весь уснувшій аулъ; затрещали камыши, раздвигаемые прыжками полосатаго хищника... Между ребятами не досчиталось одного, самаго большаго, что ушелъ подальше отъ кибитокъ и спалъ на тропинкѣ въ тѣни куста джиди, отдѣльно ростущаго у самой опушки.

— Вотъ это уже третьяго!.. завывая и всхлипывая говорила Касаткину старая киргизка, когда все понемногу успокоилось и затихла поднятая тигромъ суматоха.

— Вторая недѣля, какъ пришли сюда *эти дьяволы* и не даютъ намъ совсѣмъ покою, сообщалъ молодой киргизъ, сильно жестикулируя руками и натравливая въ камыши на весь аулъ развывшихся собакъ.

— Воля Аллаха, и никто противъ нея не станетъ, нараспѣвъ произнесъ мулла Ашикъ и сталъ моститься на кошмѣ, предполагая снова погрузиться въ созерцательное состояніе.

Одна только краснощекая дѣвка бѣгала по аулу, скликала и сгоняла въ кучу перепуганныхъ ребятъ, провѣряя: котораго-же это изъ этихъ чумазыхъ карапузиковъ уволокъ джулъ-барсъ, такимъ разбойникомъ подкравшійся къ сонному аулу.

— Что же вы не прислали сказать въ Чиназъ? говорилъ Касаткинъ молодому киргизу. — Мы бы собрались и постарались избавить васъ отъ этого сосѣдства. Сколько ихъ тутъ?

— Два: отецъ съ женою. Та больше при дѣтяхъ, должно быть еще подростки; наши при стадахъ видѣли разъ: совсѣмъ маленькіе, а отецъ здоровенный, такого большаго мы еще съ роду и не видѣли, отвѣчалъ джигитъ. — Это должно быть отецъ приходилъ.

— Это я вѣрно съ нимъ и встрѣтился сегодня, когда шелъ солончаками понизу,—тотъ порядочный.

— Лошадь задушили, вороную, лысую, что, помнишь, я къ тебѣ въ Чиназъ пріѣзжалъ—еще хромала тогда?

— Ну, помню.

— Верблюжатъ двухъ; джигиту Байтаку бедро измочалилъ совсѣмъ—тотъ померъ. Да что, самаго Гайкулу чуть не съѣлъ—ужъ мы и не знаемъ, какъ его Аллахъ уберегъ.

— Надобно сейчасъ же дать знать, а то теперь они разлакомились у васъ на свободѣ, еще и не такой бѣды надѣлаютъ.

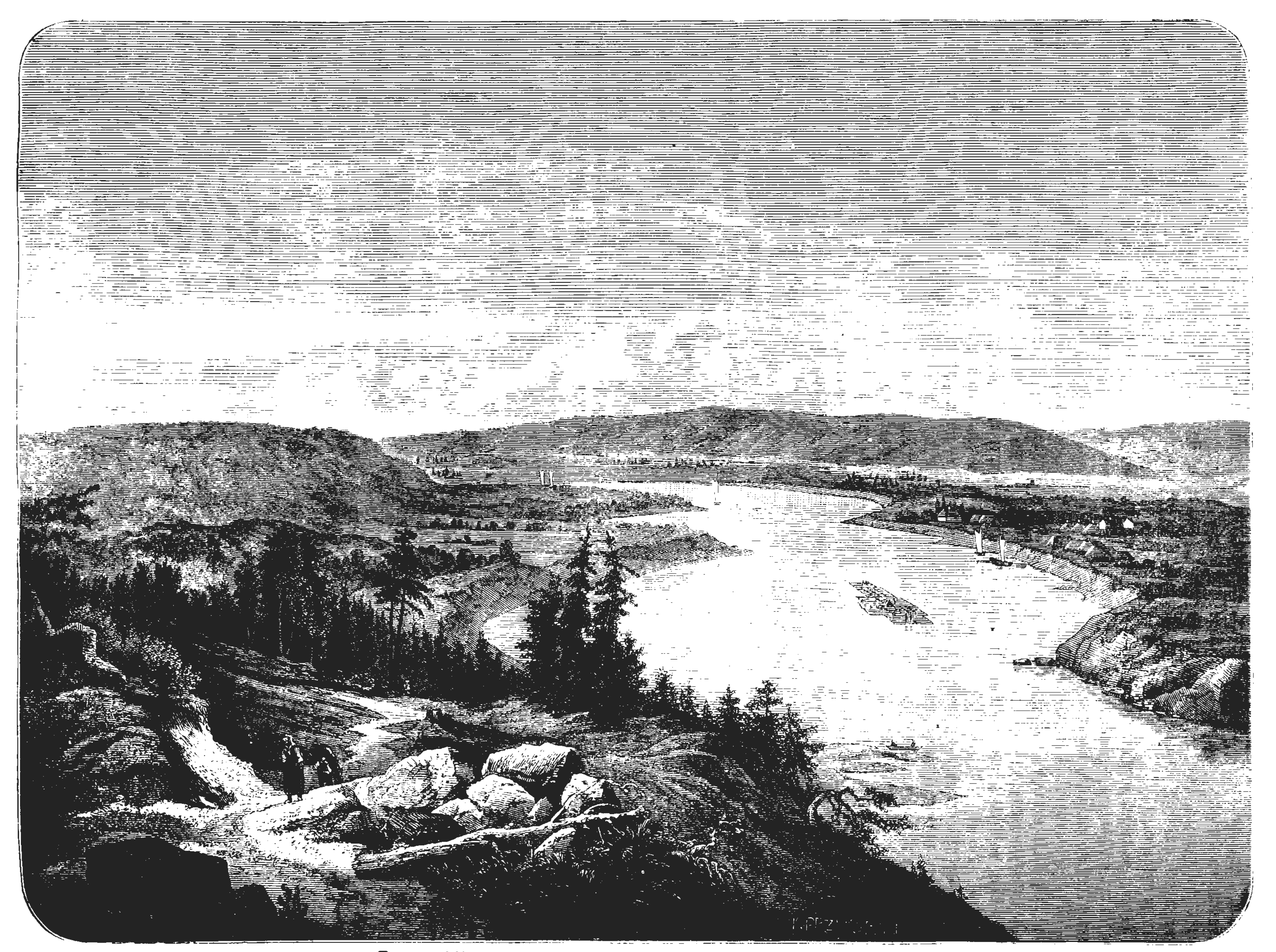
— Гайкула самъ собирался къ тебѣ ѣхать, да что-то раздумалъ, до слѣдующаго базарнаго дня отложилъ.

— Самаго большаго!.. ревѣла дѣвка, утирая кулаками свои заплаканные, косо-прорѣзанные глаза,

— Ну ладно, ладно, утѣшалъ ее Касаткинъ, — вотъ, можетъ быть, убьемъ—шкура моя, деньги отъ губернатора ваши *).

Погоревали-погоревали еще о случившемся, да и перестали. Къ вечеру, только стало заходить солнце и красный дискъ его опустился къ самымъ камышамъ, что си-

*) Ссылка на установленный обычай платить по 25 рублей за каждаго убитаго тигра.



Берега Нѣмана. Рисовалъ Гурницкій, гравировалъ Прикорскій.

нею полосою тянулись по горизонту, послышалось вдалекѣ, со стороны степи, разнообразное блеяніе овецъ, звонкое ржаніе лошадей и рѣзкіе, пронзительные крики верблюдовъ; то Гайкула съ джигитами гнали стада на ночлегъ. Изъ всѣхъ остальныхъ кибитокъ высыпали женщины въ бѣлыхъ тюрбанахь и синихъ рубахахъ; у каждой въ рукахъ была какая нибудь посудина — онѣ поджидали прибытія кобылъ, которыхъ нужно было доить на кумысъ.

Гайкула пріѣхалъ верхомъ на тощемъ жеребцѣ-карабаирѣ, слѣзъ съ лошади, бросилъ ее такъ у кибитки, безъ привязи, и подошелъ къ Касаткину.

— Ну, здравствуй. Вотъ спасибо, что къ намъ зашелъ! А я было самъ къ тебѣ ѣхать собирался, сказалъ онъ нашему охотнику.

— Знаю, отвѣчалъ послѣдній.—Мнѣ уже все разсказали.

— Да чего разсказали! вмѣшался въ разговоръ старикъ.—Самъ своими глазами видѣлъ.

— Бабы у тѣхъ еще кибитокъ мнѣ говорили, замѣтилъ Гайкула, кивнувъ головою назадъ.

— Безъ настоящаго припаса пришелъ я, началъ Касаткинъ,—собираться долго некогда было, да признаться я и не думалъ что *они* къ вамъ забрались; полагалъ, что у Чирчика теперь держутся.

— Эти съ низу пришли; я по слѣдамъ видѣлъ: изъ тѣхъ камышей, что за гнилыми колодцами; даже черезъ степь шли—немного, а шли. Мы съ джигитами какъ увидали слѣды въ степи—просто глазамъ не вѣрили...

— Такъ ты вотъ что устрой мнѣ... перебилъ его Касаткинъ.

— Вотъ садитесь, за ѣдою и будете говорить, пригласилъ старикъ пастуха и гостя ко вновь поставленнымъ на войлокѣ чашкамъ.

— А и то правда.. Садись, пріятель.

Всѣ усѣлись.

— Пошли ты въ Чиназъ кого нибудь къ Бабаджаку, продолжалъ Касаткинъ.

— Это что у базара живетъ?

— Тотъ самый.

— Ну, пошли ты къ Бабаджаку и скажи ему все, что знаешь о тиграхъ; да увѣдомь, что я уже здѣсь и чтобы онъ, захвативъ съ собою ружья (онъ уже знаетъ какія) немедленно сюда пріѣзжалъ. Трубаченко, высокому, толстому...

— Знаю и Трубаченко—тюра (начальника).

— Ну такъ вотъ, ему тоже скажи: можетъ и онъ соберется. Водки чтобы привозили съ собою бутылокъ десятокъ...

— Ой, ой, много!

— Рому тоже... Мы у васъ тутъ можетъ недѣли двѣ поживемъ; что тамъ въ Чиназѣ то дѣлать?

— А тигра убивать когда будешь?

— Вотъ у насъ вчера новолуніе было. Дней черезъ пять ночи посвѣтлѣе будутъ, мы ихъ всѣхъ передушимъ.

— А то они васъ можетъ!

— А то они насъ, какъ случится.

— Воля аллаха, а отъ судьбы не уйдешь, возразилъ старикъ.

— А пока спать будемъ ложиться, предложилъ Гайкула, и не дожидаясь отвѣта, легъ на войлокѣ, положивъ сѣдло подъ голову, и заснулъ почти мгновенно,—заснулъ такъ, какъ можетъ спать киргизъ, весь день прокараулившій свои несмѣтныя атары.

Вѣтеръ дулъ со степи на рѣку—и сплошная стѣна камышей была подъ вѣтромъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользавались чтобы разчистить какъ можно больше мѣста вокругъ аула и предотвратить насколько нибудь возможность повтореніи атакъ со стороны колосальныхъ кошекъ.

Нѣсколько женщинъ, съ пучками зажженнаго камыша, пошли къ зарослямъ, размахивая вокругъ своими незатѣйливыми факелами. Какими-то адскими фуріями казались Касаткину эти полунагія дикарки, съ пѣснями и воемъ устремившіяся къ камышамъ; искры разлетались во всѣ стороны и осыпали бѣгущихъ, собаки съ лаемъ и визгомъ обгоняли женщинъ, ребятишки прыгали и бѣсновались, верблюды глупо смотрѣли на эту оригинальную сцену и лошади жались испуганно ближе другъ къ дружкѣ и фыркали, готовыя сорваться съ своихъ прочныхъ приколовъ. Одни только мужчины спокойно лежали на своихъ мѣстахъ, равнодушно ожидая начала гомерическаго фейерверка.

Тамъ и сямъ вспыхнули отдѣльные кусты камыша и яркій, кроваво-красный свѣтъ озарилъ все становище. Длинные извилистые языки пламени потянулись по вѣтру, слизывая сначала вершины стеблей, а потомъ, все глубже и глубже проникая въ самую густоту чащи.. Въ озаренныхъ заревомъ полосахъ густаго дыма, замелькали крылья птицъ, встревоженныхъ ночнымъ пожаромъ,—и глухой гулъ, сопровождаемый трескомъ горѣвшаго камыша, волнообразными перекатами проносился въ ночномъ воздухѣ.

По темно-синему небу расползлись кровавыя полосы зарева—и скрылись въ немъ до этой минуты ярко сверкавшія звѣзды.

Словно островки посреди яркаго моря пламени, чернѣли водные затоны, огибаемые разрушительнымъ потокомъ; и сколько скопилось тамъ всего живаго,—спасавшагося отъ гибели подъ благодѣтельнымъ покровомъ болотной сырости!

«Уходите, черти полосатые,уходите подальше!
«Не ищите нашихъ дѣтей и не трогайте нашу скотину»!

Нараспѣвъ причитали фантастическія фигуры, перебѣгая отъ одного куста къ другому.

Долго во всемъ кочевьѣ было свѣтло какъ днемъ отъ зарева; старуха, что хозяйничала въ кибиткѣ Гайкулабабая, успѣвшая выспаться досыта днемъ, принялась было чинить какое-то тряпье, пользуясь этимъ даровымъ свѣтомъ,—но вотъ съ лѣвой стороны мгновенно потухла огненная стѣнка: она налетѣла на цѣлую болотную полосу; прямо тоже низко-низко опало пламя и густой дымъ заглушилъ его послѣдніе проблески; только справа больше всего боролась съ влажностью разрушительная сила, но и здѣсь она принуждена была уступить—и разомъ погрузилось все въ непроницаемую темноту, которая казалась еще сильнѣе вслѣдствіе мгновеннаго перехода отъ свѣта.

«Пообчистили эспланаду, какъ выражается нашъ крѣпостной инженеръ-нѣмецъ!» подумалъ Петръ Михайловичь, завернулся головою въ полосатый халатъ Гайкулабабая и сталъ дремать, мечтая о предстоящей охотѣ на *полосатыхъ чертей*.

А изъ уцѣлѣвшихъ камышей донесся слабый отдаленный ревъ—и въ этомъ ревѣ слышались угрожающія ноты, словно животное говорило:

Погодите, пріятели, вы меня подпалить хотѣли; ладно, я еще съ вами перевѣдаюсь.

Утромъ, только загорѣлась на востокѣ полоска зари—

какъ изъ аула Гайкулы-бабая скакалъ уже джигитъ въ войлочномъ малахаѣ (родъ шапки), осторожно поглядывыя по сторонамъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ камыши черезъ чуръ уже близко подступали къ противуположной тропѣ.

— А ну какъ вскочитъ? думалъ киргизъ и подгонялъ плетью своего горбоносаго иноходчика, разсчитывая съ восходомъ солнца быть у чиназской переправы.

Джигитъ этотъ везъ Бабаджаку и Трубаченкѣ приглашеніе участвовать въ грандіозной тигровой охотѣ, которую затѣялъ Касаткинъ и за идею которой онъ ухватился какъ утопающій хватается за соломенку, обѣими руками, — надѣясь, что въ тревогахъ этой опасной борьбы съ хищниками затихнетъ мучительная боль въ сердцѣ, все еще по временамъ напоминавшая о себѣ острыми болѣзненными уколами.

(Продолженіе будетъ).

Нѣманъ.

Берега рѣки, изображенной на нашемъ рисункѣ, были свидѣтелями двухъ событій, незабвенныхъ въ исторіи нашего отечества, — то были встрѣчи лицомъ къ лицу двухъ великихъ людей, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ своей судьбы Россіи, а другой правилъ неменѣе славнымъ и могущественнымъ въ то время народомъ.

Утромъ 13 Іюня 1807 года, воды Нѣмана, неподалеку отъ устья, близь Тильзита, представляли не совсѣмъ обыкновенное зрѣлище. Посреди рѣки, на зеркальной поверхности ея тихо покачивался обширный плотъ съ устроенными на немъ двумя павильонами, — тотъ плотъ, котораго видъ, по словамъ Беранже, страшилъ бы Англію болѣе нежели цѣлая эскадра, готовая высадить свой десантъ на берега гордаго Альбіона. А между тѣмъ не только въ наружности этого плота не было ничего воинственнаго, но и самое сооруженіе его имѣло цѣлью умиротвореніе всего материка Европы. Ровно въ часъ по полудни, съ противуположныхъ береговъ Нѣмана отвалили два катера и одновременно пристали къ плоту. На одномъ изъ нихъ прибылъ русскій императоръ Александръ I, на другомъ — императоръ французовъ Наполеонъ I. Государи встрѣтились дружески и удалились въ павильонъ, для нихъ приготовленный. Результатомъ этого свиданія былъ заключенный 27 Іюня Тильзитскій миръ, по которому Россія получила Бѣлостокскую область, при чемъ Нѣманъ сталъ границей Россіи и новообразованнаго герцогства Варшавскаго подъ властью саксонскаго короля. Двухлѣтняя война была кончена, Аустерлицъ и Прейсишъ-Эйлау взаимно забыты. Александръ заключилъ съ Наполеономъ оборонительный и наступательный союзъ на случай войны, и обязался принять участіе въ такъ-называемой *континентальной системѣ*, которая грозила подорвать всю торговлю Англіи на европейскомъ материкѣ.

Пять лѣтъ спустя, Александръ и Наполеонъ снова встрѣчаются на берегахъ того же Нѣмана — но какая разница въ обстановкѣ! Вмѣсто небольшой свиты, сопровождавшей Наполеона на тильзитскій плотъ, за императоромъ французовъ идутъ *двадесять языковъ*, съ цѣлью вторженія въ сердце Россіи и разгромленія великаго сѣвернаго государтства. Подъ тѣмъ предлогомъ, что континентальная система противъ Англіи не соблюдается и корабли ея подъ американскимъ флагомъ допускаются въ русскіе порты, что Россія выписываетъ изъ Англіи товары и даетъ заказы лондонской биржѣ, а тѣмъ и не соблюдаетъ трактатовъ, — Наполеонъ двинулъ къ берегамъ Нѣмана близь Ковны четырехсотъ-пятидесяти-тысячныя полчища при 1,200 орудіяхъ. Тутъ были войска Франціи, Италіи, Рейнскаго Союза, Австріи и Пруссіи, раздѣленныя на три арміи. *Главная* состояла изъ дивизій Даву, Удино и Нея, съ виртембергцами подъ начальствомъ королевскаго принца; *вторую*, подъ командою Евгенія Богарне, составляли дивизіи Жюно и Гувьонъ-де-Сенъ-Сира, съ баварцами, предводительствуемыми Деруа и Вреде; *третьей*, ведомой Іеронимомъ Бонапарте, дали контингентъ поляки съ княземъ Понятовскимъ, саксонцы съ Ренье и вестфальцы съ Вандамомъ. Вспомогательный австрійскій корпусъ, подъ начальствомъ князя Шварценберга, составлялъ крайнее правое крыло; прусскій корпусъ Мандональда — лѣвое. Свѣтлыя воды Нѣмана отразили въ себѣ всю пестроту разнохарактерныхъ мундировъ и вооруженій вражескаго нашествія. Александръ могъ противупоставить вторженію всего 200 тысячь войска, раздѣленнаго тоже на три арміи: *первая западная* во сто тысячь ч. подъ командою Барклая де Толли въ городѣ Вильнѣ; *вторая западная* въ 40 тысячь ч. подъ начальствомъ Багратіона между Нѣманомъ и Бугомъ, и резервная — Тормасова на Волыни. Не смотря на сравнительную слабость силъ, когда Нарбонъ явился въ Вильну къ Императору Александру отъ Наполеона съ предложеніемъ мира, Государь отвѣчалъ, что «не онъ начинаетъ, но не положитъ оружія, пока хоть одинъ непріятель будетъ въ Россіи».

10 Іюня 1812 года, Наполеонъ, обозрѣвъ берега Нѣмана, перешелъ съ арміею эту водную границу и вступилъ въ Россію; а 12 Іюня изданъ приказъ по русской арміи, что «не будетъ мира, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ на русской землѣ».

Пророческія слова! Полчищамъ Наполеона не суждено уже было вновь увидѣть берега рѣки, игравшей какъ бы посредническую роль въ дружбѣ и распрѣ двухъ государей. При отступленіи разсѣянныхъ, голодныхъ и холодныхъ остатковъ вражеской арміи, бѣдственная переправа ихъ черезъ Березину отмстила за горделивый переходъ Нѣмана.

Таковы воспоминанія, навѣки связанныя съ живописною мѣстностью, предлагаемою читателямъ на рисункѣ.

Войдя обоими берегами въ составъ Россійской имперіи, Нѣманъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ рѣкъ западнаго края. Онъ беретъ начало въ Копысловскомъ лѣсу, къ югу отъ Минска — и начиная отъ города Бѣлицы становится судоходенъ для мелкихъ барокъ, а съ Гродно и для крупныхъ; затѣмъ, вступая въ Пруссію, онъ, подъ именемъ Мемеля, раздѣляется на два рукава (Гильге и Русъ) и впадаетъ въ Куришгафъ.

Берега Нѣмана въ Россіи низменны и болотисты. Главный притокъ его — Вилія, на которомъ стоитъ городъ Вильна. Самъ же Нѣманъ орошаетъ Гродну и Ковну, служа торговымъ путемъ для сплавленія за границу строительнаго лѣса, льна, конопли и сала. Длина его 820 верстъ.

Старый судъ.

А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

VI.

Любовь Михайлы Медвѣдкина къ Акулинѣ началась (какъ правильно говорила она въ своемъ показаніи) два года назадъ, когда она была еще дѣвушкой, въ Ольховкѣ, куда за разными надобностями пріѣзжалъ Михайла. Это чувство его къ ней нельзя назвать вполнѣ серіознымъ, но оно было въ его характерѣ и при молодости лѣтъ очень сильно, потому что Акулина была первою его любовью, на двадцатомъ году. Хотя въ промежутокъ, безъ нея, онъ и увлекался другими женщинами,—однако это вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличивало степень его къ ней страсти, такъ какъ она въ продолженіи почти двухъ лѣтъ упорно боролась съ его страстными порывами и выдержала борьбу; съ другими же подобными ей дѣвушками судьба не сталкивала Медвѣдкина—и онъ, не могши составить правильнаго понятія объ Акулинѣ, ставилъ ее на высокій пьедесталъ. Извѣстно, какъ всегда препятствія и опасности разжигаютъ молодую кровь.

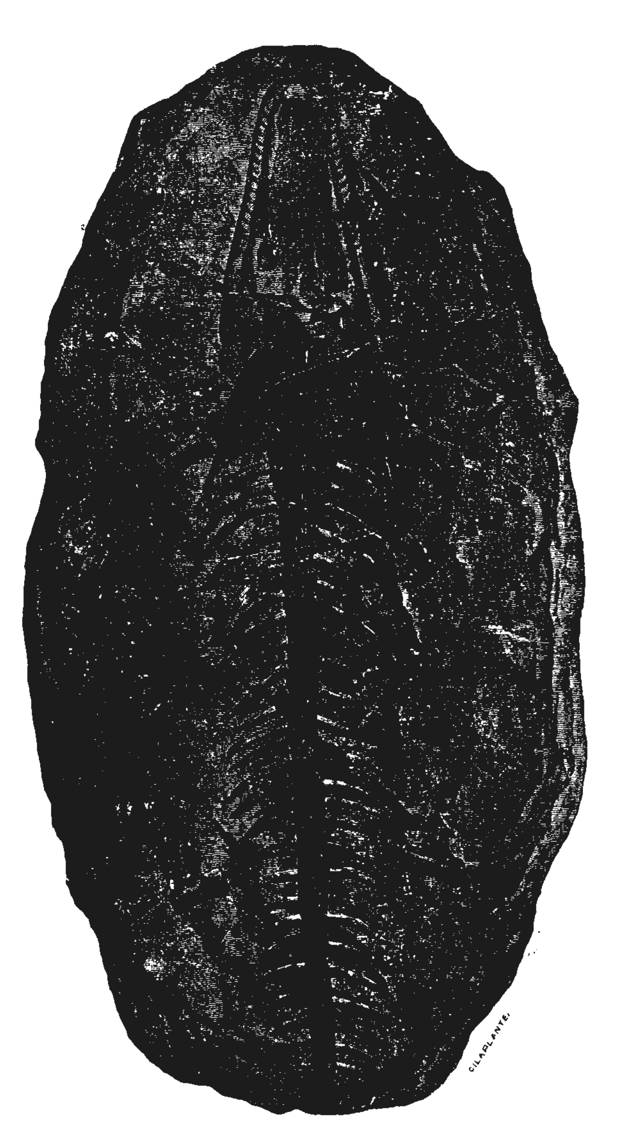
Въ область моего разсказа не входятъ разсужденія о томъ, осталась ли бы, или нѣтъ, Акулина вѣрна своему супружескому долгу, если бы она не по такому принужденію вышла за-мужъ за Моисея, или если бы ее не преслѣдовалъ своею любовью становой.... Поэтому, здѣсь я ограничусь простымъ взглядомъ, что не всегда серіозные толчки вызываютъ насъ на тотъ или другой важный шагъ. Акулина Медвѣдкина любила, слѣдовательно, при всякомъ, даже случайномъ свиданіи, ихъ могли бы охватить воспоминанія, произошелъ бы порывъ увлеченія—и она volens-nolens стала бы къ нему въ подобныя отношенія. По крайней мѣрѣ, въ приведенныхъ обстоятельствахъ, основанія къ нимъ были болѣе извинительныя. О своей любви къ Акулинѣ Михайла своевременно передавалъ Петру, который имѣлъ на этотъ предметъ свои собственные взгляды.... Онъ не осуждалъ Михайлу за любовь къ Акулинѣ въ Ольховкѣ, когда она была дѣвушкой; напротивъ, онъ даже глубоко сочувствовалъ грусти молодаго человѣка, но съ сожалѣніемъ предсказывалъ, что отъ этой любви ничего не можетъ быть хорошаго, такъ какъ отецъ его никогда не согласится на такой бракъ,—да Михайла и не думалъ просить согласія отца, — «погубить же дѣвушку, говорилъ ему Петръ,—ты, вѣрно, самъ не захочешь»... Михайла поспѣшилъ съ увѣреніями, не желая унизиться во мнѣніи Петра; но онъ смотрѣлъ на вещи болѣе легкимъ взглядомъ: ему казалось, виновность его могла искупиться денежно, что избавляло Акулину, въ будущемъ бракѣ съ простымъ мужикомъ, отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Михайла зналъ, что Акулина замужемъ въ Кондюровкѣ,—а потому, когда отецъ его купилъ тамъ землю и посылалъ туда, у него сейчасъ мелькнула мысль о волокитствѣ за замужней женщиной; но Петру онъ уже не рѣшился признаться всецѣло въ своихъ надеждахъ, а только намекнулъ, что Акулина живетъ въ Кондюровкѣ. «Что же съ того? отвѣчалъ ему Петръ,—Акулина теперь ломоть отрѣзанный!.. Прежде она была дѣвушкой, теперь замужемъ!.. думать о ней—грѣхъ».

Прибывъ на пасѣку ранѣе Михайлы недѣлею, Петръ случайно познакомился съ Моисеемъ, узналъ его женитьбу, полюбилъ его и сожалѣлъ о его грустной семейной обстановкѣ. Встрѣтясь съ Акулиной въ Кондюровкѣ, пылкій Михайла не утерпѣлъ, чтобы, хоть краснѣя, не передать объ этомъ своему суровому другу. Всегда снисходительный ко многимъ безпорядочнымъ поступкамъ Михайлы, молчаливый Петръ разразился при этомъ извѣстіи цѣлымъ потокомъ упрековъ, наставленій и разныхъ сентенцій. Онъ прямодушно заподозрилъ Михайлу въ исканіи этихъ встрѣчъ и въ грязныхъ намѣреніяхъ насчетъ Акулины, — такъ какъ еслибы тотъ былъ честный человѣкъ, то постарался бы избѣгать не только встрѣчъ, но и злыхъ мыслей. Онъ высказалъ ему, что разстройство супружескаго союза считается великимъ смертельнымъ грѣхомъ и передъ людьми и передъ Богомъ, скрѣпляя все текстами изъ священнаго писанія. «Ты, проговорилъ онъ съ сердечнымъ укоромъ,—ее соблазняешь, мужа убиваешь — и обоимъ наносишь позоръ!... Вспомни! что говоритъ о соблазнахъ и убійствахъ священное писаніе?!..» Въ заключеніи своей рѣчи Петръ довольно рельефно охарактеризовалъ положеніе въ деревнѣ разстроенной четы, жены и мужа, предъ окружающими, съ перенесеніемъ обидъ и оскорбленій на каждомъ шагу. Въ отвѣтъ на всѣ эти доводы, Михайла только оправдывался нечаянностію встрѣчи съ Акулиной и божился, что у него нѣтъ противъ нея ничего дурнаго. Въ самомъ дѣлѣ, слова Петра его напугали—и въ сердцѣ его явилась мысль довольствоваться одними нечастыми свиданіями съ Акулиной, отъ которыхъ совершенно онъ не имѣлъ силы отказаться. Свиданія завели его, разумѣется, въ тѣснѣйшія отношенія...

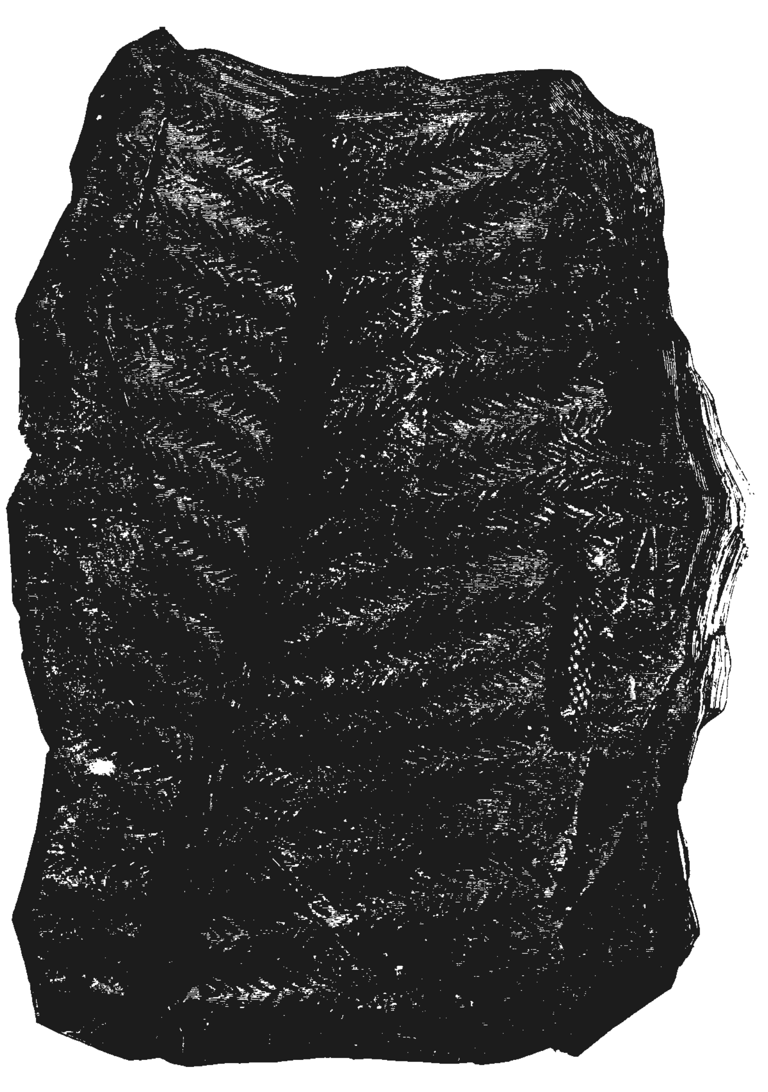
Пока страсть въ молодомъ человѣкѣ не была удовлерена, она заглушала его разсудокъ и совѣсть, настроенные на религіозный ладъ; послѣ того же начались мучительныя угрызенія совѣсти. Будь онъ человѣкъ сколько нибудь образованный, начитанный или развитый,—онъ могъ бы найти въ умѣ своемъ много рогатыхъ силлогизмовъ для оправданія своихъ поступковъ; но онъ съ дѣтства былъ въ другой обстановкѣ. Облегчиться признаніемъ во всемъ Петру—онъ боялся, страшась суроваго осужденія и потока новой морали... Сослаться на священное же писаніе, на паденіе нѣкоторыхъ святыхъ, было тоже безполезно, потому что тѣ искупали свои грѣхи раскаяніемъ и покаяніемъ, что могъ присовѣтывать ему и Петръ; а Михайла чувствовалъ, что любовь его къ Акулинѣ еще сильна—и отъ полнаго покаянія онъ очень далекъ... И такъ, онъ скрылъ все отъ Петра, хотя наблюдательный товарищъ скоро проникнулъ въ его тайну. Первое время Михайла дѣлалъ свои ночныя похожденія для свиданія въ Кондюровку не часто и украдкой отъ Петра, потомъ находилъ разные предлоги. На зиму они оба были отозваны въ городъ, гдѣ занимались прежней торговлей, а на весну посланы опять въ степь. Михайла прибылъ въ мартѣ, Петръ—въ маѣ. Зимою Михайлѣ случалось бывать въ Кондюровкѣ, и въ одну изъ такихъ побывокъ противъ него была сдѣлана извѣстная засада, разсказанная Моисеемъ. Во время лѣтняго прибытія на пасѣку Петра, тайны въ отношеніяхъ Михайлы къ Акулинѣ уже не существовало ни для ея мужа, ни для цѣлой Кондюровки. Даже пастухи и прочіе служащіе на отдаленныхъ кошарахъ—знали о любви въ Кондюровкѣ своего молодаго хозяина. Пріѣздъ Петра стѣснялъ Михайлу: въ груди его уже западало противъ него что-то непріязнен-

ное... Нѣкоторое время онъ еще церемонился предъ нимъ своими ночными уходами въ Кондюровку, но потомъ сталъ уходить, безъ дальныхъ словъ, лаконически отвѣтивъ въ первый разъ на вопросъ Петра: куда онъ?— «Иду въ Кондюровку...» Не смотря на это, притворяясь предъ товарищемъ постоянно веселымъ и беззаботнымъ, Михайла продолжалъ страдать совѣстью по прежнему; серіозное лицо Петра кололо его, служило ему упрекомъ— и на немъ онъ читалъ какъ бы осужденіе своимъ поступкамъ, что было для него тѣмъ болѣе невыносимо, что щеннаго писанія. Михайла, возвращаясь передъ разсвѣтомъ изъ Кондюровки, часто заставалъ его усердно молящагося предъ иконой, освѣщенной лампадой и восковыми свѣчами. Ему почему-то казалось, что Петръ такъ усердно молится за него,—это еще болѣе усугубляло его внутреннія волненія... Въ такомъ положеніи отношеній между собою, къ молодымъ людямъ нагрянулъ день катастрофы.

— Наканунѣ, разсказывалъ блѣдный и печальный Петръ, — привезено было изъ города письмо отъ Ивана



Отпечатокъ Архегосавра (ископаемая ящерица).



Отпечатокъ Walchia piniformis (ископаемый кипарисъ).

ему хотѣлось вмѣсто этого подѣлиться съ другомъ разсказомъ о своей счастливой любви, прелестяхъ Акулины, предположеніяхъ, нѣкоторыхъ забубенныхъ похожденіяхъ и оставленіи станового въ дуракахъ... Нѣсколько разъ, подъ хмѣлькомъ, на Михайлу и нападалъ приливъ такой откровенности, но Петръ сурово останавливалъ его. «Ну, молчу!..» кричалъ ему Михайла, не желавшій слушать его наставленій, и замолкалъ... Петръ также видѣлъ, что его суровость уменьшаетъ чувство любви къ нему товарища, и скорбѣлъ объ этомъ, но онъ никакъ не могъ переломить себя, чтобы смотрѣть снисходительно на его поступокъ, или поддакивать ему... Онъ даже не могъ принудить себя быть и равнодушнымъ зрителемъ. Оставаясь по большей части на пасѣкѣ одинъ, Петръ еще болѣе углублялся въ самого себя и въ чтеніе священнаго писанія. Савельича, въ которомъ онъ велѣлъ мнѣ осмотрѣть удобное мѣсто около кошаръ, чтобы выстроить тамъ заводъ, для выдѣлки навознаго кирпича; поэтому, утромъ въ этотъ день, я всталъ пораньше, попрощался съ Михайломъ Ивановичемъ и пошелъ себѣ одинъ на кошары, гдѣ и пробылъ до самой вечерней поры. Прихожу, вижу изба заперта, «значитъ, подумалъ,—онъ ушелъ куда-то». Ключъ же отъ замка я зналъ гдѣ, потому что у насъ условлено, уходя другъ безъ друга, прятать его въ извѣстномъ мѣстѣ, подъ крышей. Но идти одному не хотѣлось, да и нужно было кое-что оглядѣть на пасѣкѣ; тамъ у насъ въ курганѣ еще живетъ старикъ глухой, нѣмой и безъ памяти, божій человѣкъ. Пересмотрѣвъ улья и перемѣтивъ какіе слѣдовало, я прошелъ еще на огородъ и кое-гдѣ выполол бурьянъ; дальше совсѣмъ

стало темно—и я, подошедши къ избѣ, усѣлся на порогѣ поджидать Михаила Ивановича. Гляжу, идетъ и онъ, веселый и немного подъ-хмѣлькомъ. Поздоровкались, поговорили насчетъ письма Ивана Савельича, да сказалъ онъ, что ходилъ, вспомнивъ мои намеднишнія слова, въ Кондюровку насчетъ покупки телятъ, которыхъ приведутъ завтра; послѣ чего немного помолчали, какъ вдругъ Михайла Ивановичъ и говоритъ:

— Знаешь что, Петръ Силычъ, будемъ мы по прежнему друзьями?...

— Да я, говорю, — и теперь не сержусь...

— А когда такъ, то пойдемъ мы въ избу, выпьемъ по рюмочкѣ водочки, я вонъ полуштофъ принесъ, поужинаемъ, съиграемъ, какъ бывало, въ шашки, да покалякаемъ... Идетъ?...

— Пожалуй, отвѣчаю, — только больше рюмки не принуждай... А насчетъ ужина не прогнѣвайся, ничего нѣтъ: я недавно пришелъ—и охоты ѣсть нѣтъ. Развѣ тебѣ сварить что? Провизія есть.

— Э! такъ ты, говоритъ, — въ избѣ, значитъ, не былъ. Я безъ тебя хозяйствомъ занимался: нарубилъ дровъ, вытопилъ печку и сварилъ картофелю, кулешу съ саломъ и десятокъ яичекъ. Кулешъ холодный я больше еще люблю, чѣмъ горячій... Пойдемъ.

— Ну, вѣрите, ваше благородіе, прервалъ себя разказчикъ, обращаясь ко мнѣ, — есть у насъ ангелъ-хранитель! блюдетъ онъ за нами, только мы, неразумные и непросвѣщенные, не слушаемъ и не понимаемъ его. Словно кто говорилъ мнѣ: «не ходи въ избу, не пей водки!» Нѣтъ, не послушался!.. Петръ тяжело вздохнулъ.

«Въ избѣ мы все сдѣлали такъ, какъ говорилъ Михайла Ивановичъ. Засвѣтили свѣчку, онъ досталъ изъ кармана водку и поставилъ на столъ, потомъ самъ сюда же притащилъ и свое стряпье. Я выпилъ стаканчикъ водки и съѣлъ съ солью всего двѣ или три картофелины, онъ ѣлъ кулешъ и яйца съ аппетитомъ и все подчивалъ меня.

— Ну, теперь, говоритъ онъ, поблагодаривъ Бога и прибравъ со стола въ печку, — давай изъ ящика шашки, будемъ играть...

— А не грѣхъ, спрашиваю, — заниматься этими пустяками?

— Что тутъ за грѣхъ? Вѣдь не на деньги...

— Тебѣ-то, говорю, — можетъ быть и нѣтъ, а мнѣ есть: ты знаешь, какой я на себя обѣтъ наложилъ..

— Да и монахи, говоритъ, — въ шашки играютъ.... Богъ милостивъ, на первый разъ проститъ... Давай!..

«Подумалъ я: «нужно, видно, принять грѣхъ, уважить добру-молодцу... совсѣмъ я съ нимъ разошелся». Сѣли: вотъ тутъ,» показалъ Петръ, «онъ, на правое ложе; здѣсь—я, на своей кровати. Свѣчка на столѣ стояла около Михаила Ивановича, шашельница посрединѣ, а къ окну водка со стаканчикомъ. Первую партію выигралъ я. Нужно замѣтить, что этой игрѣ я и научилъ Михаила Ивановича, и игралъ не въ примѣръ лучше его.

— За это, говоритъ мнѣ Михаилъ Ивановичъ, — слѣдуетъ выпить! и налилъ водки. Я было отказываться, но онъ присталъ ко мнѣ съ уговорами, что это въ послѣдній разъ, и поцѣловался со мною. Выпивши второй стаканчикъ, я захмѣлѣлъ и проигралъ вторую партію. Михаилъ Ивановичъ употреблялъ водку часто и привыкъ къ ней; я же не пилъ по году и больше, и испивалъ всегда самую малость—и то, чтобъ поскорѣе отвязаться, когда кто пристаетъ. Отъ этого, къ прежнему хмѣлю отъ двухъ стаканчиковъ, при закускѣ, у него прибавилось его немного; я же совсѣмъ одурѣлъ. Послѣ второй партіи Михаилъ Ивановичъ разставилъ шашки для третьей и опять налилъ водки.

— Вотъ что! говоритъ онъ мнѣ,—Богъ любитъ троицу! Знаешь пословицу: «безъ троицы и домъ не строится». Еще разъ уважь мнѣ, захотѣлось съ тобой именно побаловаться: давай выпьемъ еще по третьему и съиграемъ еще третію партію, а тогда и шабашъ!... Не вѣришь, что шабашъ? Гляди!» Съ этими словами онъ залпомъ выпилъ стаканчикъ, налилъ другой мнѣ и, отворивъ окно, выбросилъ за него полуштофъ. «Послѣ этой, говоритъ, партіи ложись, спи... А я пойду на дворъ... Чуть свѣтъ мнѣ нужно быть въ одномъ мѣстѣ».

— Была ни была! сказалъ я, махнувъ рукою,— выпью и третію!.. Затѣмъ, начавъ играть, я задумался насчетъ послѣднихъ словъ Михаила Ивановича. «Значитъ, ты собираешься опять къ Акулинѣ?....» говорю я невзначай ему. Онъ искоса посмотрѣлъ на меня—и будто не слыхавъ, шутилъ: «ну, не молодецъ ли я? прежняго учителя своего объигралъ? И сейчасъ выиграю партію... Не молодецъ? скажи по правдѣ?...

— Молодецъ-то ты точно молодецъ! Только одно не хорошо, отвѣчаю:—зачѣмъ чужихъ женъ отбивать?.. Неладное это дѣло... Давно мнѣ хочется поговорить въ серіозъ съ тобою...

— Тебѣ-то какая надобность? говоритъ да какъ стукнетъ кулакомъ по столу, такъ что шашки разсыпались.

— Та, что глупо, говорю, дѣлаетъ Иванъ Савельевичъ, что до сихъ поръ не женитъ тебя...

Отъ этихъ словъ Михаилъ Ивановичъ вскипѣлъ весь.

— Ахъ ты батрацкая рожа! кричитъ, перегибаясь ко мнѣ черезъ столъ, и схвативъ за волосы, принялся таскать за ихъ и тузить кулакомъ по чемъ попало.

— Что ты, что ты? Сумашедшій! останавливалъ я его. — Ну, извини, коли я тебя до сердцовъ довелъ...

— То-то!... погрозилъ онъ, угомонившись, и сѣлъ блѣдный весь на кровать. — Мало того, что ты мнѣ глаза колешь, поѣдомъ ѣшь,—еще смѣешь отца моего дуракомъ обзывать?... Ахъ ты свинопасъ!... Да я тебя!.. И при сихъ словахъ, Михаилъ Ивановичъ опять приподнялся и ударилъ меня на отмашь кулакомъ по зубамъ.

— Да, долго ли ты будешь драться? закричалъ тогда на него и я. — Извѣстно, говорю тебѣ по дружбѣ правду: пакости ты дѣлаешь! Грѣхъ великій!.. Угодно, принимай мои словеса, угодно—нѣтъ, а драться не смѣй... А то я самъ... Я не успѣлъ докончить своихъ словъ, какъ Михаилъ Ивановичъ зычно закричалъ: «Что?... ты?.. меня?..» И бросился вновь ко мнѣ съ такимъ азартомъ, что заторохтѣлъ столъ и свѣча полетѣла на полъ. Мы остались въ темнотѣ. Своимъ боемъ съ нимъ я такъ похвастался, во хмѣлю, чтобы остановить его: онъ былъ втрое меня сильнѣе и слылъ силачемъ. Въ азартѣ, чтобы оборониться отъ него, я ощупью сразу схватилъ за рукоятку трещотки, лежавшей всегда у моихъ ногъ, съ которою я ночью постукивалъ иногда, отъ скуки, около избы,—и нанесъ ему въ темнотѣ, видя его одну тѣнь, со всего размаха, ударъ прямо по головѣ... потому что, когда я размахнулся, онъ подался отъ меня назадъ... А онъ какъ застонетъ нечеловѣческимъ голосомъ и тотчасъ же грохнулся уже безъ стона на полъ... Но моментомъ ранѣе, когда я не успѣлъ еще поднять руки отъ удара, что-то упало на полъ и зазвенѣло, будто что желѣзное... Въ ужасѣ, вытаращивъ глаза, я какъ бы замеръ, а руки мои словно застыли.... Въ одной изъ нихъ я держалъ не рукоятку трещотки, а пустую, безъ

лезвея, рукоятку топора... Лезвее-то и звякнуло объ полъ. Трещоткой же и нельзя было убить его, какъ бы я сильно ни ударилъ, развѣ бы попалъ въ високъ,—оттого что одна только рукоятка была полуторо-четвертная, шестивершковая палка; сама же трещотка сдѣлана была больше для забавы, изъ тонкихъ дощечекъ сигарочнаго ящика, потому что отъ воровъ у насъ собаки. Взгляните хоть сами... Петръ показалъ мнѣ этотъ инструментъ, подтверждая вѣроятность своихъ словъ.—Какимъ образомъ очутился на лавкѣ у ногъ моихъ топоръ—я не знаю... Трещотка тожъ тутъ была, но не попалась мнѣ подъ руку. Видимое дѣло, все это штуки лукаваго.. Должно быть онъ подтолкнулъ Михаила Ивановича, когда онъ безъ меня стряпалъ въ избѣ и кололъ лучину, положить его сюда.

Догадавшись, что ударъ нанесенъ топоромъ, я сейчасъ же засвѣтилъ свѣчку и кинулся осмотрѣть Михаила Ивановича, не живъ ли онъ. Но рана была такая страшная, что не было никакой надежды... Я опустилъ голову и безъ чувствъ усѣлся на лавку. «Господи!» проговорилъ я, очнувшись, «неужто Ты допустишь, чтобы человѣкъ нечаянно погибъ?» И началъ я перебирать въ головѣ, какъ бы мнѣ самому спастися, скрыть Михаила Ивановича. Но въ то же время лѣзли мысли, какъ поминать его и замаливать свой грѣхъ. Одно мѣшало другому—и я запутывался. Снести его на гумно къ Моисею казалось лучше всего: онъ, какъ невинный, отдѣлается—за него Богъ; а Акулина пусть раздѣлывается, какъ знаетъ, потому что она всему причиною. Какъ дуракъ я былъ тогда: прежде всего я досталъ у покойника изъ кармана сюртука деньги и изъ жилета часы, чтобы кто его не ограбилъ, и чтобы послѣ подбросить это Ивану Савельевичу. Потомъ я взялъ съ его постели простыню да свою старую чинарку и окуталъ ими его голову, чтобы не текла кровь, послѣ нашелъ подъ лавкою большой изъ-подъ шерсти мѣшокъ—и, заложивъ туда покойника, пошелъ до большой дороги, а оттуда, прямо черезъ хлѣбъ, къ Моисею на гумно, гдѣ около крайняго стога уложилъ его, тяжело вздохнулъ, перекрестился и пошелъ съ гумна обратно на пасѣку, захвативъ простыню, мѣшокъ и чинарку. Вещи эти я утопилъ въ нашемъ ручьѣ, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, обмотавъ огромный камень сначала чинаркой, потомъ простынею, и все это засунувъ въ мѣшокъ. Оставалось убрать избу; крови тамъ была цѣлая лужа,—но какъ полъ былъ мазанъ глиною давно, то я толсто и плотно усыпалъ его пескомъ, отчего кровь и не прошла почти въ смазку глины—наружная-то тонкая корочка ея была очень жестка; такъ что, когда я засыпалъ остальнымъ пескомъ лужу и подмелъ его въ сторону, то, гдѣ была кровь, осталось только замѣтно пятно величиною съ тарелку, чуть-чуть видное, и еще нѣсколько незначительныхъ. Тогда я попробовалъ корочку слущить, и вмѣсто пятенъ явилися сухія, обыкновенныя лысины, какія часто бываютъ въ глиняныхъ, давно-мазаныхъ полахъ, и какія были и въ другихъ мѣстахъ нашей избы сами по себѣ; я же нарочно еще прибавилъ ихъ. Мокрый песокъ съ лужи и слупленную глину я, аккуратненько собравъ, вынесъ изъ избы въ двухъ желѣзныхъ ведрахъ въ ручей; тамъ я вымылъ ихъ. Запачканную свою рубаху и брюки тоже утопилъ съ камнемъ; самъ вымылся и, наливъ ведра водою, пошелъ въ избу дожидать—будь что будетъ. Полъ же я вновь присыпалъ старымъ пескомъ, который лежитъ у насъ въ кучѣ за сараемъ. Дѣдъ пасѣчникъ видѣлъ, какъ я набиралъ его. Но какъ я ни поспѣшалъ, а уже наступилъ Божій день... Только что успѣлъ управиться и прилечь, въ окно постучался кондюровскій старшина... Сердце во мнѣ ёкнуло...

— Кто тамъ, спрашиваю, — чего?

— Я... здорово, Петръ Силычъ. Гдѣ твой хозяинъ?...

— Кто его, говорю, — знаетъ, не ночуетъ... Все къ вашей Акулинѣ Моисеихѣ ходитъ... Вчера передъ вечеромъ побылъ немного и ушелъ, да и до сихъ поръ нѣтъ...

— Плохое дѣло, братъ ты мой, говоритъ старшина, —вѣдь твоего сподружника любезнаго укокошкали...

— Что-о-ты!..

— Такъ... Нашли убитымъ у Моисея на гумнѣ...

— Неужто?... И схвативъ картузъ, я выбѣжалъ къ нему разспрашивать, а самъ дрожу весь и бѣлѣе глины...

(Окончаніе будетъ).

Геологическое происхожденіе Россіи.

А. Е. Разина.

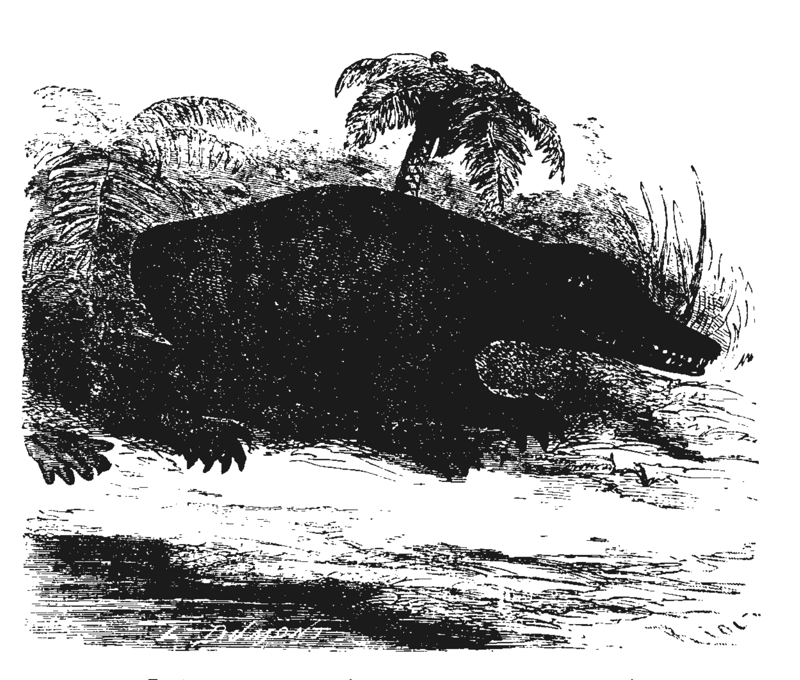
Читатели наши не забыли, можетъ быть, нѣсколькихъ статей прошедшаго года о «Происхожденіи земной коры и ея обитателей» («Нива», 1872 г. стр. 282, 298 и 380). Это былъ коротенькій очеркъ того, что добыто многолѣтними трудами большаго числа великихъ ученыхъ и талантливыхъ наблюдателей, и сложено въ сокровищницу человѣческихъ знаній подъ именемъ геологіи.

Во всѣ времена разнообразіе слоевъ земныхъ обращало на себя вниманіе мыслящихъ людей, но ихъ наблюденія далеки отъ того, что теперь называется наукой. Послѣ Плинія, оставившаго намъ въ своемъ твореніи множество наблюденій, относящихся до устройства земной коры,—въ теченіи многихъ вѣковъ нельзя было назвать ни одного ученаго, который занялся бы этимъ дѣломъ исключительно. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія знаменитый Агрикола издалъ сочиненіе «О дѣлѣ металлическомъ» и другое «О мѣстахъ и причинахъ подземнаго творенія». Эти изданія возбудили интересъ къ изученію земли, но, какъ обыкновенно въ тѣ времена, вмѣсто того чтобъ наблюдать природу, принялись ее *толковать*. Явилось множество системъ, подъ которыми наука въ томъ смыслѣ какъ мы ее теперь понимаемъ, пропадала и задыхалась. Одна «Теорія Міра» возникала за другой, и всякій послѣдующій ученый толкователь еще не изученной природы доказывалъ, что его предшественники толкуютъ вздоръ, а вотъ онъ такъ открылъ настоящую правду. Бурнетъ, Уитстонъ, Шейхцеръ, Бургетъ, даже духовидецъ Сведенборгъ, воображали, будто занимаются наукой, строя болѣе или менѣе смѣлыя предложенія. Всѣ эти строители міра принимали, вмѣстѣ съ первымъ физикомъ Ѳалесомъ, воду за главнаго агента придуманныхъ ими переворотовъ. Когда этого агента оказалось мало для объясненія всего, что было нужно, угадчики обратились къ огню. Лейбницъ считалъ землю массою сплавленнаго сильнымъ жаромъ стекла; Бюффонъ былъ того-же мнѣнія.

Но прошла пора догадокъ, болѣе или менѣе основательныхъ, и люди принялись за прямое изученіе и изслѣдованіе. Вернеръ съ глубокимъ знаніемъ дѣла распредѣ-

лилъ минералы по слоямъ земной коры, и своими громадными трудами заслужилъ ими отца геогнозіи. Соссюръ изучаетъ Альпы и взвѣшиваетъ воздухъ на вершинѣ Монблана; Фохтъ описываетъ базальты; Спаланцани спускается въ сицилійскіе кратеры, изслѣдуетъ лавы, опредѣляетъ напряженность подземныхъ огней; Палласъ изучаетъ земную кору во многихъ мѣстахъ. Предпринимается множество путешествій, составляютъ коллекціи, минералогическіе кабинеты.... Разныя мѣстности земнаго шара сближаются, замѣчаются сходства и различія. Кордильеры сопоставляются съ Ураломъ, норвежскіе фіорды съ прибрежьями Огненной земли, Новоголландская равнина съ долиною Амазонской рѣки, и т. д.

Многочисленныя наблюденія и изслѣдованія земли привели къ открытію большаго числа ископаемыхъ остатковъ животныхъ и растеній въ разныхъ слояхъ земли. Сначала ученые считали эти остатки случайными явленіями; но по мѣрѣ того, какъ наблюденія накоплялись, какъ люди забирались глубже въ землю,—находились остатки животныхъ, отличныхъ отъ теперь живущихъ на поверхности, или такихъ видовъ, которые исчезли съ лица земли. Это обстоятельство навело на очень простую мысль: нельзя-ли по окаменѣлому остатку животнаго - опредѣлить глубину слоя, въ которомъ онъ былъ найденъ. Съ тѣхъ поръ изученіе ископаемыхъ остатковъ сдѣлалось необходимымъ для тѣхъ, кто изучалъ устройство земной коры. Знаменитый Кювье считается творцомъ новой отрасли геологіи.



Лабиринтодонъ (ископаемое земноводное).

Взбираясь на высокія горы, тысячи на двѣ съ половиной сажень отъ поверхности моря и спускаясь въ рудники аршинъ на 600 въ глубину, люди могли изслѣдовать тоненькую корку, не составляющую и тысячной доли земнаго поперечника. Это, конечно, очень немного. Но изучая устройство этой коры по скатамъ горъ, по пещерамъ, въ обвалахъ, въ разсѣлинахъ скалъ, въ глубокихъ долинахъ, въ руслахъ потоковъ, въ рудникахъ, въ веществахъ, извлекаемыхъ при буреніи артезіанскихъ колодцевъ,—люди нашли постоянную и, въ общихъ чертахъ, неизмѣнную послѣдовательность земныхъ слоевъ, о которой мы и говорили довольно подробно въ вышеуказанныхъ статьяхъ прошлаго года.

Мы видѣли, какъ въ древнѣйшихъ слояхъ земной коры открыты только простѣйшіе организмы,—какъ, по мѣрѣ приближенія къ поверхности и къ ближайшимъ эпохамъ, организмы становятся сложнѣе, совершеннѣе, проходятъ черезъ разные чудовищные типы и наконецъ доходятъ до животныхъ и растеній, похожихъ на нынѣшнія. При этомъ надобно замѣтить, что наружные признаки различныхъ горныхъ породъ довольно сбивчивы, такъ что при внимательномъ разсматриваніи того или другаго известняка нельзя рѣшить, къ какой системѣ онъ принадлежитъ, если не имѣть въ виду окаменѣлостей, въ немъ заключающихся. По этому въ нынѣшней геологіи установилось правило, что «формація опредѣляется окаменѣлостями». Слѣдовательно вполнѣ было бы правильно, еслибы различные слои, изъ которыхъ состоитъ земная кора, назывались не нынѣшними странными ихъ именами, а по именамъ постоянно ихъ сопровождающихъ остатковъ растительнаго и животнаго царства, при чемъ не трудно было-бы выбрать изъ нынѣ-извѣстныхъ ископаемыхъ. Это потому особенно было бы правильно, что напр. горныя породы составляющія у насъ древнѣйшую систему или формацію, силурскую, отличны отъ европейскихъ, а имя ея происходитъ отъ названія древняго народа Силуровъ, жившаго въ южномъ Валлисѣ, въ Англіи. Не въ народѣ дѣло и не въ названіи,—а въ томъ, что названіе нейдетъ къ дѣлу. Въ нашей силурской полосѣ нѣтъ ни сѣрой ваки, ни плотныхъ глинистыхъ сланцевъ, ни соли, ни гипсу, но есть въ большомъ числѣ трилобиты, которые встрѣчаются и въ англійской силурской формаціи, и на цѣломъ земномъ шарѣ. И такъ трилобитъ по справедливости можетъ быть признанъ представителемъ своей тысячи столѣтій, какъ Людовикъ XIV считается представителемъ своего вѣка во Франціи.

Наша древнѣйшая формація, неправильно называемая силурскою, тянется узкою полосою отъ рѣки Сяси на западъ, по южному берегу Ладожскаго озера, Невы и Финскаго залива, черезъ всю Ревельскую губернію и острова Монъ, Эзель и Даго. Превосходный образецъ нижне-силурскаго или трилобитскаго слоя можно видѣть верстахъ въ двѣнадцати отъ Петербурга, по рѣчкѣ Пулковкѣ и Поповкѣ.

При нѣсколько живомъ воображеніи можно представить себѣ, что въ первобытной древности изъ океана, охватывавшаго земной шаръ, выступили осадки голубой глины, происшедшей отъ вывѣтриванія и разрушенія первородныхъ гранитовъ и гнейсовъ Финляндіи. Эта глина сѣла сначала на днѣ моря, омывавшаго финляндскіе граниты; въ ней попадаются иногда небольшіе коническіе, бѣлые, блестящіе зубчики, можетъ быть покрывавшіе ротъ какой-то невѣдомой рыбы вродѣ миноги. На эту глину отложился песчаникъ одного происхожденія съ глиною, на него горючій глинистый сланецъ, потомъ зеленый глинистый песчаникъ, и сверхъ всего известняки. Вмѣстѣ со всѣми этими осадками почва поднялась со дна морскаго. Гдѣ была южная граница этого подъема, опредѣлить никто не возьмется, потому что на это нѣтъ прямыхъ указаній. Известняки этого громаднаго подъема очень богаты окаме-

нѣлостями, показывающими морское свое происхожденіе. Это большею частію раковины и раки, именно трилобиты, —особагo вида раки, имѣвшіе скорлупу, состоящую изъ трехъ явственно-отдѣльныхъ частей, головной, туловищной и хвостовой. Головной щитокъ трилобитовъ состоитъ изъ трехъ совершенно отдѣльныхъ частей — чего не бываетъ ни у какого другаго рака, жившаго впослѣдствіи. силурская, съ тѣми же слоями, что и на Даго, трилобитовымъ и стромапоровымъ. Но эта полоса была не такъ узка, какъ показано у насъ на картѣ. Она простиралась гораздо дальше на западъ, но неизвѣстно въ которой тысячѣ вѣковъ она опустилась опять подъ морскую поверхность, вмѣстѣ съ тѣми пространствами, которыя лежали на югъ отъ нынѣшнихъ петербургской и ревельской гу-

Геологическая карта Европейской Россіи.

По книгѣ профессора Куторги составилъ В. Клюшниковъ, грав. К. Вейерманъ.

Не ясно-ли, что такой необычайный ракъ имѣлъ право сказать: нижнесилурскій ярусъ—это я.

Надо полагать, что острова Монъ, Эзель и Даго выступили изъ моря гораздо позже — сколько вѣковъ или сколько сотъ вѣковъ — неизвѣстно. На нихъ, сверхъ трилобитовой формаціи, отложились еще большіе массы известняковъ, очень богатыхъ окаменѣлостями, состоящими частію изъ раковинъ, частію изъ зубчатыхъ кораловъ, похожихъ нѣсколько на наши губки, употребляемые для мытья. Эти кораллы называются стромапорами.

Одновременно съ островами Даго и Эзелемъ, выступила изъ моря длинная полоса вдоль Уральскаго хребта, тоже берній, и на нихъ стали въ глубинахъ морскихъ отлагаться новыя формаціи, съ новыми, иными животными. Только раковина теребратула, жившая тогда, жила и въ послѣдующія тысячи вѣковъ, и живетъ до сихъ поръ въ тропическихъ моряхъ. Благоденствующій въ ней слизнякъ смѣло можетъ считать свой родъ самымъ древнимъ на земномъ шарѣ.

Неизвѣстно, сколько сотенъ вѣковъ бушевало море на всемъ пространствѣ Россіи отъ Петербургской губерніи до Урала, но мало по малу поднялась громадная полоса, отъ восточной стороны Бѣлаго моря до Онежскаго и Ладожскаго озеръ и образовала широкую площадь отъ южной

части Петербургской губ., заняла всю Новгородскую, Псковскую, Рижскую, Митавскую, Витебскую, Могилевскую, Смоленскую, Орловскую, Воронежскую и часть Тульской. Это девонская формація. Она лежитъ на верхнемъ силурскомъ слоѣ; на Волховѣ ниже Гостинопольской пристани и на Сяси у села Рождественa ясно видно это наслоеніе.

Наша девонская формація по своему минералогическому составу тоже отличается отъ европейскихъ современниковъ своихъ, но заключаетъ въ себѣ конечно тѣхъ же самыхъ животныхъ,—да еще съ тою выгодою, что здѣсь они собрались всѣ вмѣстѣ, тогда какъ въ другихъ странахъ попадаются изрѣдка въ разрозненныхъ слояхъ. Разумѣется и ее слѣдуетъ называть не девонскою, по англійскому Девонширу, а по имени представителей ея населенія. Раковина лингулы характеризовать эту формацію не можетъ, потому что она живетъ и до сихъ поръ. Людовикомъ XIV девонской формаціи можетъ быть признанъ голоптихій, рыба около аршина величиной, покрытая прелестными чешуями, величиною съ мѣдный пятакъ. Тѣмъ удобнѣе эта рыба можетъ дать свое имя девонскому періоду, что у нея были острые зубы, да еще нѣкоторые были длиннѣе другихъ, вродѣ клыковъ, такъ что рыба была хищная. Многочисленнымъ жителямъ тѣхъ морей, на днѣ которыхъ отлагалась девонская формація, не легко было существовать подъ владычествомъ такого крупнаго современника.

Прошло еще нѣсколько тысячъ столѣтій. Климатъ на всемъ земномъ шарѣ былъ очень теплый, такъ какъ земля согрѣвалась внутреннимъ жаромъ своего расплавленнаго ядра. Море бушевало вокругъ поднявшихся острововъ; вода въ столкновеніи съ твердой землею и даже съ камнемъ—дѣйствуетъ разрушительно. Когда выступили изъ подъ моря крупные девонскіе острова, морской прибой съ яростью ринулся на берега, сталъ разъѣдать ихъ, крошить, увлекая оторванныя глыбы съ собою въ пучину. Съ другой стороны дождь, лившій потоками, сталъ по немногу смывать съ высотъ много твердыхъ частей; быстрыя рѣки принимали эти части и уносили въ заливы, въ которые онѣ выливались. Заливы же должны были со временемъ вслѣдствіе этого обмелѣть, и наконецъ, обратиться въ низменныя дельты, уходившія все дальше въ море, по мѣрѣ того, какъ имъ приносился матеріалъ. Такимъ способомъ, вокругъ скалистыхъ острововъ образовались большія пространства низменной, болотистой почвы, прорѣзываемой рѣчными рукавами, прудами, озерами; отдѣльныя острова, близко другъ отъ друга лежавшія, стали сростаться еще ближе и, наконецъ, слились въ значительные материки, представлявшіе разнообразное чередованіе высотъ и низменностей. Удивительно ли, что на такой благопріятной почвѣ, особенно при повсемѣстно ровной температурѣ, можетъ быть еще болѣе теплой, чѣмъ въ нашихъ нынѣшнихъ тропикахъ, развилась такая роскошная растительность, какой земною шаръ впослѣдствіи уже никогда не дождался?

Въ каждомъ лѣсу встрѣчается по нѣскольку видовъ извѣстной травы—папортника, которая, по необыкновенной красотѣ своего развѣсистаго, прозрачно-рѣзнаго листа, сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ украшеній нашихъ садовъ и даже комнаты. Подъ европейскимъ небомъ нашъ папортникъ и остается травою; листья каждый годъ умираютъ, корни остаются живы и на слѣдующій годъ пускаютъ новые ростки. Но папортникъ въ тропическихъ странахъ совсѣмъ не то растеніе: на стройномъ, высокомъ стволѣ, испещренномъ остатками стеблей умершихъ и опавшихъ листьевъ, поднимается великолѣпный вѣнецъ изъ легкой рѣзной листвы, развѣвающейся точно гигантскія зеленыя перья. Каждый листъ имѣетъ около сажени длины и соотвѣтственную этому ширину; онъ точно составленъ изъ множества отдѣльныхъ листиковъ, такъ нѣжно очерченныхъ и иззубренныхъ, что все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе какого-то роскошнаго шитья. Молодыя листья свернуты въ видѣ улитокъ и только постепенно развертываются въ громадныя опахала. Чтобы развести въ нашихъ теплицахъ эти тропическіе, древообразные папортники, требуется особое помѣщеніе, въ которомъ необходимо поддерживать ровную, очень высокую и влажную температуру. Такая именно температура была распространена вездѣ въ то время какъ образовалась земля, и потому всѣ низменности покрылись лѣсами изъ такихъ исполинскихъ древообразныхъ папоротниковъ, которыхъ теперь, по найденнымъ остаткамъ, извѣстно до *пятисотъ сортовъ*; ихъ раздѣляютъ на три грунты, смотря по формѣ и раздѣленію листьевъ.

Самое замѣчательное изъ деревьевъ этихъ первобытныхъ лѣсовъ—sigillaria, которое, по количеству, преобладало въ нихъ, но весьма скоро исчезло съ лица земли—и такъ безслѣдно, что теперь мы не имѣемъ ни одного растенія, представляющаго сколько нибудь сходства съ нимъ.

Были и кипарисы, но съ небольшими продолговатыми шишками, какъ изображено на прилагаемомъ рисункѣ *Walchia piniformis*.

Само собою разумѣется, что въ этихъ лѣсахъ не было недостатка и въ первобытной животной жизни. Въ нихъ, прежде всего, водились первообразы многихъ нашихъ насѣкомыхъ: громадные древесные клопы, кузнечики, саранча, муравьи, пауки; на землѣ, между камнями—скорпіоны. На обширныхъ болотахъ и берегахъ рѣкъ въ огромномъ множествѣ проживало странное земноводное животное: *архегосавръ*, т. е. родоначальникъ всѣхъ ящерицъ. Голова у него вся въ панцырѣ; узенькій разрѣзъ указываетъ на височную впадину; посерединѣ лежатъ глазныя впадины, обозначенныя, какъ у рыбы особымъ кольцомъ, а дальше впереди—продолговатыя ноздри; между зубами, которыми, въ двухъ рядахъ, вооружена верхняя челюсть, есть большіе клыки. Къ которымъ изъ нынѣ живущихъ земноводныхъ можно бы причислить это странное созданіе? Это не лягушка, и не ящерица, и не змѣя,—а такъ, всего по немногу; общій животный типъ, изъ котораго впослѣдствіи вырабатываются отдѣльные виды.

И такъ, въ жизни не было недостатка въ первобытныхъ лѣсахъ земли, а все таки, въ сравненіи съ изслѣдованнымъ современными учеными американскимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, нельзя не назвать ихъ пустынными. Постараемся представить себѣ эту раскаленную, жаркую, страшно удушливую атмосферу, пропитанную водяными парами. Когда нѣтъ вѣтра, все живое безсильно уползаетъ въ тѣнь; ничто не шевелится, давящая могильная тишина свинцомъ лежитъ на всемъ необозримо-громадномъ лѣсѣ, а солнце жарко свѣтитъ и палитъ. Но вотъ, на далекомъ небосклонѣ всходятъ легкія облака; въ воздухѣ что-то шелохнулось и заиграло съ роскошной листвой древесныхъ вершинъ. Облака всплываютъ выше, выше, темнѣютъ, разстилаются; шелестъ въ листвѣ дѣлается живѣе, громче—еще явственнѣе, и его можно назвать уже слабымъ вѣтромъ. Но вотъ—тучи принимаютъ страшные размѣры, вѣтеръ быстро разыгривается—ураганъ, завывая, крутитъ и ломаетъ лѣсъ, но заглушается ревомъ водъ, грохотомъ и трескомъ грома; тучи съ ужаснымъ шумомъ разрѣшаются не дождемъ, не ливнемъ, а пото-

комъ. Величественный лѣсъ разрушенъ, поваленъ, и безпорядочно нагроможденные стволы его начинаютъ подвергаться процессу разрушенія и превращенія, вслѣдствіе которого человѣкъ, тысячу вѣковъ спустя, находитъ ихъ исполинскіе остатки пригодными для своихъ работъ...

(Окончаніе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Обиліе происшествій съ уголовнымъ характеромъ. — Нападеніе разбойниковъ на дачу г-жи Громовской въ Москвѣ (убійство четырехъ человѣкъ). — Нападеніе шайки грабителей на церковь. – Грабители, попавшіе въ засаду.—Нападеніе на желѣзнодорожную станцію.

Въ послѣднее время, благодаря извѣстной долѣ гласности, до читающей публики чаще стали доходить извѣстія о различныхъ происшествіяхъ изъ міра преступленій вообще и уголовныхъ въ особенности. Происшествій этого рода набралось теперь такъ много, что мы не имѣемъ возможности передать нашимъ читателямъ даже половину ихъ и по неволѣ должны ограничиться выборомъ лишь наиболѣе характеристичныхъ въ какомъ либо отношеніи. Вотъ, напримѣръ, что случилось въ Москвѣ въ ночь на 23-е января: Въ Петровскомъ паркѣ, Сущевской части, на собственной своей дачѣ, проживала дочь надв. совѣтника, г-жа Громовская, 48-ми лѣтъ, съ своей падчерицей и съ двумя дочерьми, изъ которыхъ одна, за нѣсколько времени до происшествія, пріѣхала изъ Симбирска. Всѣ онѣ помѣщались въ деревянномъ надворномъ флигелѣ, выходившемъ къ полю; внизу, подъ ихъ комнатами, была кухня, въ которой жили: дворникъ и кухарка. Рядомъ съ кухнею, въ другой комнатѣ, помѣщался жилецъ, солдатъ Тр. Смирновъ, съ своей женою. Вечеромъ, въ половинѣ 11-го часа, г-жа Громовская, по обыкновенію, стала стучать въ полъ надъ кухнею, чтобъ позвать такимъ образомъ кухарку и приказать ей приготовить постели; но на стукъ ея никто не являлся. Тогда одна изъ дочерей ея отправилась сама внизъ въ кухню. Войдя въ нее, она получила сильнѣйшій ударъ ломомъ по головѣ, отъ котораго тотчасъ же повалилась мертвой; этимъ-же орудіемъ, вѣсившимъ не менѣе пуда, спрятавшіеся въ кухнѣ разбойники убили, передъ приходомъ барышни, дворника и кухарку. Г-жа Громовская, видя, что дочь ея долго не возвращается изъ кухни, и притомъ-же слыша, что въ кухни происходитъ какая-то суматоха, — послала туда другую свою дочь, которая, со свѣчой въ рукахъ, только-что сошла сверху и переступила порогъ сѣней, какъ получила ударъ по рукѣ и въ ту же минуту другой ударъ по головѣ какимъ-то тяжелымъ орудіемъ; она упала, вскрикнувъ отъ испуга. Въ это мгновеніе, въ сѣни вошла падчерица г-жи Громовской и тоже получила смертельный ударъ ломомъ по головѣ, раздробившій ей черепъ и изуродовавшій челюсти. Разбойникъ, вѣроятно полагая, что съ двумя послѣдними жертвами дѣло покончено, пошелъ къ своему товарищу, находившемуся въ кухнѣ, гдѣ онъ, изломавъ сундукъ, выбиралъ изъ него, что подходило подъ руку. Между тѣмъ одна изъ дочерей, придя въ память отъ удара и собравъ всѣ силы, вышла на дворъ, пробралась на верхъ, къ своей матери, съ крикомъ: „Матушка, запирайте двери, у насъ разбойники!" кое-какъ онѣ начали загораживать входныя двери разною мебелью. Тѣмъ временемъ помѣщавшійся по сосѣдству съ кухнею солдатъ, услыхавъ въ кухнѣ возню, вышелъ изъ своей комнаты посмотрѣть, что тамъ случилось, и только что показалъ изъ сѣней голову, какъ разбойникъ, вѣроятно пробиравшійся кверху или въ его комнату, замахнулся на него ломомъ, но ударъ, къ счастію, миновавъ его, попалъ въ стѣну. Воспользовавшись этимъ, Смирновъ ухватился за ломъ и съ такою силою рванулъ его изъ рукъ разбойника, что они вмѣстѣ упали въ сѣни. Держа въ рукахъ ломъ, Смирновъ кричалъ женѣ: „Подай мнѣ топоръ"; а разбойникъ, сидя на Смирновѣ верхомъ, въ свою очередь, звалъ на помощь своего товарища съ ножемъ; но тотъ, занимаясь грабежемъ въ кухнѣ, крика этого не слыхалъ. Разбойникъ, видя такую неудачу, соскочилъ со Смирнова и, вызвавъ изъ кухни своего товарища, бросился вмѣстѣ съ нимъ со двора, и они скрылись. Смирновъ вошелъ въ кухню, и увидя убитыхъ, немедленно побѣжалъ на сосѣднюю дачу г. Садовскаго; здѣсь онъ сообщилъ о происшедшемъ двумъ жившимъ на этой дачѣ дворникамъ, прося ихъ дать знать о случившемся полиціи, что они и исполнили. Не смотря на тщательные поиски, злодѣи до сихъ поръ еще не отысканы. Полиція захватила было за городомъ какого-то оборванца, по примѣтамъ очень похожаго на одного изъ разбойниковъ; но онъ оказался помѣшаннымъ, юродивымъ, и его отпустили

А вотъ еще не менѣе замѣчательный случай грабежа, въ которомъ принимаетъ участіе цѣлая шайка злодѣевъ. Корреспондентъ газеты „Современныя Извѣстія" изъ Новочеркасска разсказываетъ объ этомъ происшествіи слѣдующее: «Въ ночь съ 2-го на 3-е января, въ кладбищенскую церковь вломились 6 человѣкъ злодѣевъ; при этой церкви находились два сторожа, которыхъ они связали, разсчитывая найти въ церкви много денегъ; разломали церковный сундукъ и забрали денегъ на сумму въ количествѣ 30 рублей; до церковной же утвари не коснулись, и, выходя изъ церкви, наружныя двери заперли на задвижку; связанные караульные сами себя поосвободили, но выйти изъ церкви уже не было возможности, потому что дверь оказалась запертою. Тогда одинъ изъ нихъ влѣзъ на колокольню и давай въ набатъ бить тревогу; на звонъ пріѣхала пожарная команда, которая и освободила караульныхъ изъ подъ церковнаго ареста. Виновные же успѣли скрыться такъ, что ихъ не могутъ отыскать и доселѣ. Впрочемъ, случается иногда, что злоумышленники сами попадаются въ просакъ и дѣлаются жертвами собственной непредусмотрительности. Подтвержденіемъ можетъ служить происшествіе, случившееся въ концѣ ноября на Рязанско-Козловской желѣзн. дорогѣ, которое передаемъ словами „Курскихъ Вѣдомостей". „Воспользовавшись темной ночью, въ одну изъ будокъ этой дороги, явились два грабителя и потребовали отъ бѣднаго сторожа денегъ. Тотъ отвѣчалъ имъ, что денегъ у него нѣтъ. Грабители не повѣрили его словамъ; они связали его по рукамъ и по ногамъ, положили его на рельсы, а сами, между тѣмъ, отправились къ женѣ его требовать денегъ. Женщина эта не только не потеряла присутствія духа, но придумала оригинальный способъ устроить ловушку грабителямъ. Она сказала имъ: „Деньги у насъ дѣйствительно есть, но далеко за ними лѣзть".—„Говори скорѣе, безъ прибаутокъ, возразилъ нетерпѣливый грабитель,—а то ножъ заставитъ твой языкъ сказать, гдѣ у васъ схоронены деньги". „Деньги мы хоронимъ въ погребѣ, подъ капустной кадушкой". Одинъ изъ грабителей повѣрилъ на слово женщинѣ и отправился въ указанное мѣсто, въ сопровожденіи, впрочемъ, маленькаго мальчика, сына будочника, для указанія клада подъ капустной кадушкою. Но такъ какъ кадушка съ кладью была довольно тяжеловѣсна, то потребовалась помощь. Помощникъ, въ лицѣ втораго и послѣдняго грабителя, опустился въ погребъ къ своему товарищу, гдѣ они оба и нашли себѣ вѣрную и крѣп-

кую западню, потому что жена сторожа тотчасъ же захлопнула отверстіе погреба и наложила желѣзный запоръ. Тутъ-то только смекнули грабители, въ чемъ заключался смыслъ прибаутки; но было поздно—выйти оттуда не было никакой возможности. Съ отчаяніи одинъ изъ грабителей, не имѣя въ рукахъ ни какого оружія (ножъ, къ счастію, былъ оставленъ наверху), началъ грызть зубами несчастнаго мальчика, служившаго проводникомъ. Сторожъ хоть былъ и связанъ, однако ему удалось кое-какъ сползти съ рельсовъ; а догадливая жена, между тѣмъ, поспѣшила поставить красный фонарь, въ виду подходившаго поѣзда. Машинистъ, увидѣвъ условный знакъ несчастія, остановилъ поѣздъ.

Узнавши все дѣло, онъ распорядился освободить несчастныхъ, а грабителей взяли въ вагонъ».

Нападеніе злоумышленниковъ на желѣзно-дорожныхъ сторожей—дѣло вообще не новое: находясь вдали отъ всякаго жилья, въ полѣ или среди густаго лѣса, желѣзно-дорожныя будки служатъ весьма опасной приманкой для людей жаждущихъ легкой поживы, хотя бы эта послѣдняя состояла только изъ трехъ рублей денегъ, да рванаго, никуды не годнаго полушубка. Гораздо необыкновеннѣе случаи нападенія на цѣлую станцію, нападенія по всѣмъ правиламъ искусной бомбардировки. А между тѣмъ, и такіе случаи возможны, какъ показываетъ послѣднее происшествіе. Близъ Курска есть небольшая станція („полустанокъ") „Бугрѣевская", которая не только не спасаетъ отъ грабителей, но даже сама нерѣдко бываетъ предметомъ нападеній со стороны грабителей. Отстоя отъ ближайшихъ селеній въ 3 верстахъ, она уже не можетъ ждать помощи ни откуда, а между тѣмъ мужскаго населенія въ ней всего пять человѣкъ. Грабителей очень соблазняютъ пассажирскіе билеты и выручка станціи. Зачастую ночью начинается бомбардировка станціи камнями. Нерѣдко грабители, назябшись на большой дорогѣ, являются на станцію подъ видомъ пассажировъ, чтобы обогрѣться. И одинъ разъ былъ такой случай: грабители, полагая, что въ данное время въ Бугрѣевкѣ было много денегъ, напали, съ оружіемъ въ рукахъ, на станціонное зданіе. Служащіе, какъ могли, заперлись; а между тѣмъ, разбойники бросились на стрѣлочную кухню, топорами разломали двери и начали расправляться по своему. Въ это время телеграфистъ, къ счастью, догадался дать депешу въ Курскъ съ объясненіемъ безвыходнаго своего положенія. Немедленно тамъ поданъ экстренный поѣздъ, куда сѣли нѣсколько жандармовъ и начальникъ отдѣленія инженеровъ Алехинъ. Зайдя съ задняго крыльца и окруживъ станцію, жандармы успѣли захватить злодѣевъ. Говорятъ, что, при показаніи, они очень хладнокровно заявили, что только передъ этимъ они зарѣзали двухъ человѣкъ все по этому же тракту.

Смѣсь.

Поѣздка по французскимъ провинціямъ, пострадавшимъ отъ войны. Мистеръ Джонъ Фурлей, членъ англійскаго общества «Краснаго Креста» и общества для снабженія французскихъ сельскихъ хозяевъ сѣменами, ѣздилъ недавно по французскимъ провинціямъ, пострадавшимъ отъ войны, для распредѣленія оставшагося запаса и доставилъ лорду Вернону, президенту этого послѣдняго общества, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія. «Я только что вернулся изъ поѣздки по Лотарингіи, Люксамбургу и Арденнамъ. Я быстро проѣхалъ Лотарингію, заѣхалъ въ Люксамбургъ, чтобы лично поблагодарить тѣхъ, кто такъ охотно поддерживалъ меня при открытіи войны; потомъ отправился въ Тіонвиль и наконецъ въ Седанъ. Тамъ, не смотря на то, что городъ еще занятъ чужеземными войсками, всѣ смотрѣли весело. Возвращеніе хорошей погоды и надежда на богатый урожай болѣе или менѣе мирили народонаселеніе съ его положеніемъ. Я провелъ цѣлый день въ окрестностяхъ города. Селеніе Базейль, совершенно разрушенное, быстро возникаетъ изъ пепла и, судя по теперешнему его виду, можно надѣяться, что оно очень скоро возвратитъ себѣ свое прежнее благосостояніе. Мнѣ попалась на глаза на одномъ изъ самыхъ лучшихъ и большихъ домовъ вывѣска, на которой крупными буквами были написаны слова: «*Aux ruines des Baseilles*» (развалинамъ Базейля). Часто въ продолженіи дня переносился я мысленно отъ веселыхъ сценъ, разыгрывавшихся передо мною, къ тому недавнему времени, когда я стоялъ, бывало, на поляхъ, гдѣ не было и слѣда зелени, между убитыми и умирающими. Теперь, на сколько можно было обнять взоромъ, тянулись золотыя нивы и зеленыя поля, только тамъ и сямъ выглядывалъ изъ-за волнующихся колосьевъ бѣлый деревянный крестъ, на которомъ висѣлъ завядшій вѣнокъ. Въ большей части случаевъ, всѣ похороненные особо были перенесены впослѣдствіи на кладбище и собраны въ общихъ могилахъ, какъ это можно видѣть изъ надписей. Такимъ образомъ недалеко отъ Ла-Муселя находится деревянный крестъ, на которомъ начертаны слѣдующія слова: «Много баварскихъ воиновъ пало здѣсь на полѣ чести 1 сентября 1870 года». Близъ ограды парка замка Монвилье воздвигнутъ недавно небольшой обелискъ изъ чернаго мрамора съ слѣдующею надписью: «Много, какъ французовъ, такъ и нѣмцевъ, похоронено на кладбищахъ Балана и Базейля». За два дня передъ этимъ я былъ въ Мезьерѣ (въ Арденнахъ). Слѣды страшнаго бомбардированія, которому былъ подверженъ этотъ городъ, еще очень чувствительны; но многіе дома вновь выстроены, а прекрасныя церкви, значительно пострадавшія, поправлены, кромѣ нѣсколькихъ оконъ. Такъ какъ мэръ, графъ де Бетюнь, былъ боленъ, то я успѣлъ еще нѣсколько разъ убѣдиться, какъ великъ урожай нынѣшняго года. Люди, съ которыми я разговаривалъ, замѣчали, что десять подобныхъ урожаевъ возвратятъ Франціи ея прежнее положеніе.

На что собственно годится миѳологія? На этотъ вопросъ программа одного пештскаго женскаго пансіона даетъ слѣдующій отвѣтъ: « . . . Изъ миѳологіи воспитанницы должны знать столько, чтобы быть въ состояніи понимать новѣйшія оперетки»! Нечего сказать, хорошо будутъ приготовлены къ жизни дѣвушки, воспитанныя по этой программѣ!

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 19 февраля 1873 года. **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

VI.

Подъ окнами.

А между тѣмъ обыденныя событія въ Чиназѣ шли да да шли себѣ своимъ неудержимымъ чередомъ—и хотя Петръ Михайловичъ не получалъ еще никакихъ извѣстій изъ слободы, но сердце-вѣщунъ постоянно нашептывало ему, что событія эти складываются далеко не въ такомъ порядкѣ, какой бы могъ понравиться нашему охотнику.

Вернувшись въ комнаты, послѣ ночной сцены у забора, Наташа была сильно раздражена противъ Касаткина. Она даже не съумѣла скрыть своего раздраженія—и лишь только подошла она къ столу, какъ оно прежде всѣхъ замѣчено было Ровичемъ, который, дожидаясь возвращенія дѣвушки, не спускалъ глазъ съ выходной двери.

— Вы взволнованы чѣмъ-то? тихо спросилъ онъ.

— Вотъ еще! произнесла Наташа.—Есть отъ чего волноваться! вдругъ бухнула она, да и вспохватилась:—что это я вдругъ въ откровенности какія пустилась! подумала она и поспѣшила опять уйти изъ комнаты, чтобы хотя немного оправиться.

— Ты, послушай Наташа, остановилъ ея Мартынъ Федоровичъ,—ты чего же это въ самомъ дѣлѣ?...

— Да что?... отозвалась Наташа.

— Взбѣленилась чего-такъ? вставила съ своей стороны Маланья Ивановна.

— Эхъ, отстаньте!...

Наташа порывисто выбѣжала и опять дверью хлопнула.

— Гм!... понимаемъ все, все понимаемъ, шепнула на ухо казначейша попадьѣ.

— Не трудно понять; дѣло очевидное, отвѣтила ей также на ухо послѣдняя.

— Все оставляетъ насъ Наталья Мартыновна; не хочетъ посидѣть съ нами стариками... не безъ ироніи произнесъ заслуженный маіоръ.

— И метеоры не тверди небесной—тоже; чѣмъ ярче тѣмъ непродолжительнѣе: блеснетъ и исчезнетъ, снова блеснетъ и снова исчезнетъ.... привелъ при сей вѣрной оказіи отецъ iерей свое поэтическое сравненіе.

— Дуритъ! во всеуслышаніе изрекла Маланья Ивановна и вышла вслѣдъ за дочкою.

— Ну, господа, на столѣ осталось уже немного, напомнилъ Мартынъ Федоровичъ о брошенной игрѣ.—У васъ сколько ремизу, Сергѣй Николаевичъ?

— Благодарю васъ, я сытъ... отвѣтилъ тотъ совсѣмъ уже не впопадъ.—Ахъ, извините-съ, поспѣшилъ онъ поправить свою ошибку, когда старый пушкарь, озадачившись немного разсѣянностью своего гостя, повторилъ вопросъ.

— Гм!... понимаемъ, снова отнеслась по секрету къ своей сосѣдкѣ казначейша.

— Удивляюсь, только удивляюсь и ничего больше, согласилась съ нею попадья.

Обѣ онѣ успѣли замѣтить и эту разсѣянность петербургскаго гостя, и въ головахъ ихъ сформировались уже и мотивы этой разсѣянности.

Черезъ полчаса игра кончилась, всѣ взялись за фуражки, выпили еще по приглашенію стараго пушкаря «посошокъ», что означало послѣднюю рюмку передъ уходомъ, и стали расходиться подомамъ. Сергѣй Николаевичъ какъ-то нечаянно замѣшкался и, не смотря на всѣ противудѣйствующіе маневры заслуженнаго маіора, все таки послѣднiй вышелъ на улицу.

Проходя мимо втораго крыльца Чижиковскаго дома, Сергѣй Николаовичъ замѣтилъ темную фигуру, опершуюся на перила крыльца. Не смотря на темноту, ему не трудно было узнать Наташу, и онъ поспѣшилъ подойти поближе.

— Я не имѣлъ случая проститься съ вами, началъ онъ,—вы такъ скоро ушли изъ комнаты.

— Мнѣ нездоровится.... голова болитъ ужасно.... говорила Наташа, первую минуту хотѣвшая было улизнуть въ темныя сѣни, но почему-то не исполнившая своего намѣренія.

— Ваша головка заболѣла очень-очень недавно; я даже знаю, съ какого именно времени, шутливо говорилъ Ровичъ и, подойдя вплотную къ крыльцу, оперся на перила съ другой стороны.

— Я васъ не понимаю.

— Я вамъ скажу это понятнѣе. Васъ взволновалъ тотъ молодой, и, скажу мимоходомъ, очень симпатичный молодой человѣкъ въ линейномъ мундирѣ, что сидѣлъ въ углу надувшись какъ мышь на крупу. Правда?

— А вы зачѣмъ подсматриваете? какъ вамъ не стыдно! чуть не заплакала Наташа.

Ровичъ расхохотался.

— Плохой же вы дипломатъ, Наталья Мартыновна! сразу и проговорились. Ну да это ничего! это даже хорошо; это доказываетъ, что вы еще хитрить не научились..

— Идите спать, покойной ночи! обрѣзала его Наташа и отошла отъ перила.

— Подождите одну минуту, остановилъ ее Сергѣй Николаевичъ.

— Это зачѣмъ?

— А вотъ я вамъ разскажу маленькую, хорошенькую сказочку, а вы ея терпѣливо выслушайте,—и тогда, я вамъ ручаюсь въ этомъ чѣмъ хотите, пойдете спать не такая разстроенная, какъ въ настоящую минуту, а по прежнему: веселая, смѣющаяся... Ну, будете слушать?

— Говорите.

Наташа присѣла на перила, а одно изъ оконъ, почти у самаго крыльца, тихо-тихо отворилось, оттуда показались сѣдые усы стараго пушкаря и локоть его руки, придерживающей легонько оконную створку, чтобы та какъ нибудь не щелкнула бы невпопадъ и не выдала бы присутствіе невидимаго наблюдателя.

— «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, гдѣ то очень далеко, жила прехорошенькая дѣвушка, началъ Сергѣй Николаевичъ свою сказку.—Дѣвушка эта была добрая и, какъ кажется, очень умненькая.... Ну-съ, тамъ-же жилъ одинъ молодой человѣкъ, тоже хорошій человѣкъ... и оба они другъ другу были не совсѣмъ, какъ бы это выразиться лучше.... оба они попривыкли другъ къ другу, а можетъ быть и любили; по крайней мѣрѣ имъ казалось, что любили. Долго-ли, коротко-ли тянулось это—не знаю, но только пока все шло хорошо». Не скучно слушать? а то я перестану.

— Продолжайте, задумчиво произнесла Наташа.

— «Вдругъ, невѣсть откуда, точно съ облака свалился, является другой молодой человѣкъ, гораздо хуже перваго—такъ казалось ему самому, но другіе можетъ быть находили его лучше». Вы кажется зѣвнули? ну, виноватъ; я послѣ доскажу. Покойной ночи!

— Да разсказывайте же, какой вы несносный...

— «Нарочно-ли, нечаянно, но только дѣвушка раза два взглянула на пріѣзжаго молодца, слово ласковое ему сказала, и не подозрѣвала она по своей простотѣ, что это могло очень не понравиться ея прежнему другу. А между тѣмъ это дѣйствительно ему не понравилось, а когда это еще разъ повторилось, то тотъ и совсѣмъ разсердился. Сперва надулся, потомъ упрекать сталъ въ вѣтрености, въ непостоянствѣ,—лишнее, можетъ быть, что сказалъ. Понятно, человѣкъ приревновалъ, а въ такую минуту человѣкъ не всегда сознаетъ, что дѣлаетъ. А дѣвушка не подумала объ этомъ, что надо приласкать ревнивца, успокоить его прежде, а потомъ уже распечь за неумѣстную ревность,—накинулась на него сразу: «какъ смѣетъ! да за кого онъ ее считаетъ! Какъ могло явиться такое оскорбительное недовѣріе!...» И пошла потѣха! Другъ ушелъ совсѣмъ огорченный; можетъ быть теперь волосы рветъ себѣ и ногти до крови кусаетъ. Дѣвушка совсѣмъ разстроилась (вотъ такъ точно какъ вы теперь)—и не знаю чѣмъ бы это все кончилось, да котъ у ней былъ, такой большой, сѣрый; подошелъ онъ къ ней, вскочилъ на колѣна и началъ мурлыкать; и такъ онъ понятно мурлыкалъ, что дѣвушка разобрала все отъ слова до слова.

— «Ты не кокетка по натурѣ, а такъ спроста приласкала проѣзжаго, мурлыкалъ котъ,—это все ничего; только не забывай слѣдующаго: съ другомъ своимъ тебѣ прійдется можетъ быть всю жизнь прожить, а тотъ—сегодня здѣсь, завтра Богъ вѣсть гдѣ, да онъ тебѣ совсѣмъ и не пара. Что онъ? бездомный скиталецъ, шатунъ по бѣлому свѣту. Не раздражай же ты по напрасну своего друга. Ревность хотя и скверное чувство, но отъ него никто никогда не отвертится, а потому и не мучь даромъ того, кто тебя любитъ такъ, какъ можетъ быть другой кто и не подумаетъ полюбить».—«А котъ-то мой правду говоритъ!» подумала дѣвушка и сказала проѣзжему: «покойной

ночи!..»—Ну прощайте же, спите покойно, добавилъ онъ, перемѣнивъ сказочный тонъ на обыкновенный.

— Прощайте, протянула ему руку Наташа.

Ровичъ отошелъ.

— Сергѣй Николаевичъ, вдругъ остановилъ его голосъ «стараго пушкаря»,—пойдите-ко сюда.

Сергѣй Николаевичъ даже вздрогнулъ отъ этой неожиданности, а Наташа вскрикнула и бросилась бѣжать въ комнаты.

— А хорошій вы человѣкъ, ей Богу хорошій! ну, спасибо! крѣпко стиснулъ ему руки Мартынъ Федоровичъ.

— А вы подслушивали... развѣ это хорошо?.. полушутливо, полу-укорительно замѣтилъ Ровичъ.

— А ничего, мнѣ можно, я отецъ.. Слышу: говорятъ; думаю: что такое? ба-ба-ба, эге! куда пошло, думаю; хотѣлъ было уже того—прислушиваюсь: а оно совсѣмъ другое. Ну, спасибо, ей Богу спасибо! Да вы приходите къ намъ обѣдать завтра; а то, знаеге что? вотъ вы недѣлю будете жить у насъ въ Чиназѣ; чѣмъ вамъ ѣсть всякую дрянь въ жидовскомъ трактирѣ, приходите-ко къ намъ обѣдать каждый день. Послѣ обѣда—въ картишки; рыбку ловить поѣдемъ, всѣ вмѣстѣ, съ дамами. Ладно что ли? ну ладно-ладно, никакихъ разговоровъ...

— Мнѣ право совѣстно...

— Да полно, что тутъ?!. Вѣдь я почему больше? Вѣдь я Петю страсть люблю. Парень онъ славный, душа человѣкъ; простъ только очень. Да вотъ вы сами увидите, какъ покороче съ ними познакомились.

Въ свою очередь, такъ же тихо и незамѣтно, какъ отворилось окно во время разсказа Ровича, тихо и незамѣтно пріотворилось другое окно, изъ комнаты Наташи, и шевельнулась тонкая кисейная занавѣска, отодвинутая маленькою ручкою.

— Я знаете, разчувствовался старикъ,—лучшаго мужа и не желаю моей Наташѣ какъ Петя, да вотъ старуху свою уломать никакъ не могу; а поступить круто по солдатски: «не дури молъ, старая!...» (Мартынъ Федоровичъ осторожно оглянулся и понизилъ голосъ, Ровичъ улыбнулся) пока еще, полагаю, не время... Вотъ тутъ маіора этого, изволите помнить, что съ нами игралъ, пустился старикъ въ откровенность,—нелегкая подослала... А Маланья Иванова моя на стѣну лѣзетъ, хочу молъ выдать Наташу за маіора, ха-ха! За старого-то дьявола, ха-ха!.. по крайности штабъ-офицершей будетъ... А Касаткина-то...

— Мартынъ Федорычъ!., послышался голосъ его супруги изъ-за ширмъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Тс!... старый пушкарь приподнялъ палецъ кверху.

— Съ кѣмъ это ты тамъ разговариваешь?... спрашивала Маланья Ивановна.

— А это мы... тутъ... фейерверкеръ пришелъ съ батареи... говоритъ, случай тамъ одинъ пустячный... Ну, покойной ночи... идите себѣ съ Богомъ, шепнулъ онъ Сергѣю Николаевичу. — Перепились канальи, говоритъ фейерверкеръ... Да я сейчасъ къ тебѣ пріиду...

— Прощайте, тихо произнесъ Ровичъ.

— Обѣдать завтра приходите, не забудьте-же.

— Непремѣнно.

Окошко захлопнулось. Ровичъ отошелъ.

— Сергѣй Николаевичъ, чуть слышно долетѣло изъ другаго окна. Ровичъ чуть не расхохотался на всю улицу, однако удержался и опять подошелъ къ окну, гдѣ бѣлѣла фигура Наташи.

— Слушайте, Сергѣй Николаевичъ, я вамъ что-то хочу сказать... начала Наташа.

— Слушаю...

— Или нѣтъ—лучше послѣ. Приходите же завтра обѣдать... Покойной ночи!...

Ровичъ вдругъ вообразилъ, что всѣ окна длиннаго дома стараго пушкаря начнутъ теперь отворяться по очереди и изъ каждаго окна долетитъ до его слуха: «покойной ночи. Приходите завтра обѣдать». Во избѣжаніе этого усиленнаго приглашенія, онъ поспѣшилъ выбраться поскорѣй изъ подъ выстрѣловъ Чижиковскихъ оконъ и, чуть не бѣгомъ, пустился къ гостинницѣ «Старый Чиназъ».

Когда Ровичъ, выслушавъ сообщенія содержателя гостинницы, экс-горниста Вульфзона, шелъ къ старому пушкарю, ему не трудно было понять несложные мотивы семейнаго романа; остальныя событія вечера пополнили всю картину, и онъ рѣшилъ непремѣнно поправить въ ней все то, что могло попортить его появленіе. Особенно эта рѣшимость созрѣла къ концу вечера, и созрѣла главное потому, что хотя Ровичъ едва нѣсколько словъ успѣлъ сказать съ Касаткинымъ, хотя тотъ волкомъ смотрѣлъ на него во время разговора, но эта полудикая натура чрезвычайно понравилась Сергѣю Николаевичу. Онъ угадалъ въ охотникѣ то, что «старый пушкарь» называлъ «душа человѣкъ»,—и теперь желалъ во что бы то ни стало разрушить то ревнивое недовѣріе, то озлобленіе, съ которымъ встрѣтилъ его Петръ Михайловичъ.

Онъ, пожалуй, готовъ былъ сію минуту идти къ нашему охотнику... Въ головѣ его рисовалась вся роль, которую ему хотѣлось взять на себя. Успокоить два любящія сердца, позаботиться о ихъ скорѣйшемъ сближеніи. Явиться надъ ними, въ нѣкоторомъ родѣ, добрымъ геніемъ и т. д. На него вдругъ, ни съ того, ни съ сего, напало что-то вродѣ состоянія душевнаго умиленія, легко стало какъ-то на сердцѣ; онъ даже, перепрыгивая черезъ маленькую канавку, сдѣлалъ такой усиленный скачекъ, что годился бы даже для крѣпостнаго рва.

— Кочетковъ... ты, чтоли?.. послышался вдругъ пьяный сиплый голосъ, не то мужской не то женскій. Посреди улицы копошилось что-то, силясь подняться на ноги; вокругъ расцространялись винные ароматы.

— Гдѣ тутъ живетъ Касаткинъ—Петръ Михайловичъ?

— Какой-такой Касаткинъ, что мнѣ лѣшаго въ твоемъ Касаткинѣ? Я ежели теперь выпивши, это точно... а все таки свое дѣло могу...

«Я по травкѣ шла—да,
«По муравкѣ шла—да...

— Чего разоралась, тетка Городиха! кричалъ изъ-за стѣны другой голосъ. Слышь, вставай! дежурный подъѣдетъ—онъ тебѣ накладетъ.

— Ничего не накладетъ; онъ мнѣ кумъ приходится... я ему бѣлье завсегда мою, ну и шабашъ!

«Я по травкѣ шла—да...

— Караулъ!... ревѣлъ полупридавленный голосъ съ базару.

— Васька! вопилъ другой. — Зови конюховъ съ фурштатскаго двора: матросы нашихъ бьютъ...

«По муравкѣ шла—да...!

Съ берега послышались полицейскіе свистки.

— Кажнную ночь вотъ такъ у насъ въ Чиназѣ, докладывалъ Сергѣю Николаевичу экс-горнистъ Вульфзонъ, внося ему въ номеръ зазженныя свѣчи.

— Что же, живутъ значитъ весело, зѣвалъ во весь ротъ Ровичъ.

Сергѣй Николаевичъ отложилъ свое намѣреніе сдѣлать визитъ Касаткину, до другаго, болѣе удобнаго времени.

— Это всю ночь у васъ на бильярдѣ играютъ? спросилъ онъ Вульфзона, прислушиваясь къ щелканью бильярдныхъ шаровъ.

— Иногда случается, особенно ежели на интересъ какой игра идетъ; вотъ напримѣръ, послѣ раздачи жалоранья. Вчерашняго числа фуражныя деньги выдавали. Такъ я уже распорядился, чтобы хозяйка моя подушки положила въ бильярдной на диванахъ; все, знаете; покойнѣй чѣмъ такъ...

— Ну конечно, эта предупредительность съ вашей стороны, господинъ Вульфзонъ, даже очень похвальна... Можете теперь идти и прикажите плотнѣе запирать двери, а то это щелканіе на меня не очень усыпительно дѣйствуетъ.

— Счастливо оставаться; завтра рано разбудить прикажите?

— Пораньше.

Экс-горнистъ ушелъ, а Сергѣй Николаевичъ завернулся въ одѣяло и приготовился помечтать немного передъ сномъ.

— Ахъ, чортъ возьми! вдругъ произнесъ онъ и почесался.—Ой, ой, однако! онъ почесался въ другомъ мѣстѣ.—А вѣдь, что ни говори, а прехорошенькая эта степная барышня—и еслибы только... Фу ты гадость какая!... онъ усиленно принялся тереться бокомъ о жесткую спинку дивана...

— Ага, какъ я его лупонулъ!.. чуть слышно донеслось изъ бильярдной.

Николай Коперникъ.

Съ фотографіи гравировалъ К. Вейерманъ.

Сергѣй Николаевичъ чиркнулъ спичкою, зажегъ свѣчу и началъ осматривать простыни.

Какъ Сергѣй Николаевичъ провелъ безсонную ночь, ворочаясь съ боку на бокъ, зажигая безпрестанно свѣчу и потомъ снова туша ея, едва только ему казалось, что борьба его съ паразитами достигла какихъ либо утѣшительныхъ результатовъ; — такъ и Наташа всю ночь не смыкала глазъ, хотя постелька ея и не похожа была нисколько въ данномъ отношеніи на трактирный диванъ — въ гостинницѣ «Старый Чиназъ». Дѣвушкѣ не спалось отъ другихъ, не такихъ прозаическихъ причинъ. Передъ нею все время рисовались два образа:—одинъ—неясными, туманными чертами; другой, опредѣленный, блестящій такой, такъ и выдѣляющійся изъ густаго мрака, цар-

ствующаго въ комнатѣ. Первый образъ насильно вызывался, словно изъ за какого-то отдаленнаго пространства... Второй самъ лѣзъ передъ глаза дѣвушки, незваный, непрошеный—и тихо, нѣжно склонялся къ самому ея лицу, шепталъ ей на ухо такія хорошія, успокоительныя сказки...

Первый образъ — принадлежалъ Петру Михайловичу, второй — былъ Ровича. Наташа, сама не сознавая, анализировала оба эти видѣнія; она проводила между ними параллель—и чѣмъ подробнѣе развивалась эта параллель, тѣмъ дальше и дальше, въ самые темные углы спальни, отступалъ первый призракъ... Вотъ уже чуть-чуть, словно блики на черной доскѣ стариннаго образа, виднѣлись только неопредѣленныя свѣтлыя пятна. За то второй — такъ и сверкаетъ, такъ и блещетъ, разгоняя сонъ и, капля по каплѣ, пропуская въ сердце чиназской красавицы что-то такое пріятное, сладкое, и, какъ казалось Наташѣ, до сихъ поръ даже вовсе ей незнакомое.

Проснулась Наташа на другой день поздно, не такъ, какъ обыкновенно, встала такая бодрая, веселая, и принялась гладить горячимъ утюгомъ свое новое шерстяное платье,—то самое, что, какъ выражался отецъ іерей, «шло къ ея личику, какъ капля алмазной росы—къ благоуханному лепестку майской розы».

— Ты что это франтить собираешься? спросила ее Маланья Ивановна, проходя изъ кухни черезъ сѣни, гдѣ гладила Наташа,—съ сковородою, на которой шипѣли и ворчали въ кипящемъ маслѣ выпущенныя наскоро яйца.

— Сегодня у насъ Сергѣй Николаевичъ обѣдаетъ, проболталась Наташа.

— Это ты почему знаешь? подозрительно поглядѣла на нее Маланья Ивановна.— Кто тебѣ сказалъ?..

— Я сама слышала — папаша приглашалъ его, и онъ обѣщалъ непремѣнно, поправилась дѣвушка.

— Когда же это онъ приглашалъ его? я что-то не помню.

— А вотъ ночью, когда разошлись всѣ; — вотъ тутъ подъ окошкомъ. Сергѣй Николаевичъ шелъ себѣ домой, а папаша остановилъ его и пригласилъ.

— Мартынъ Федоровичъ, ты дома, что-ли?... возвысила голосъ Маланья Ивановна.—Мартынъ Федоровичъ!..

— Здѣсь, матушка, здѣсь, не ушелъ еще... Что тебѣ надо? — старый пушкарь показался на порогѣ.

— Ты это съ кѣмъ вчера подъ окномъ разговаривалъ? а?..

— А съ фейерверкеромъ, матушка, съ фейерверкеромъ Афросимовымъ; говоритъ, перепились канальи; — а я ему говорю...

— Врешь!

— Вотъ тебѣ разъ!..

— Съ Сергѣй Николаевичемъ говорилъ, къ обѣду его приглашалъ; а то, что ты хитрить началъ... «съ фейерверкеромъ»... какже!

— Ну, и съ Сергѣй Николаевичемъ говорилъ, и къ обѣду его приглашалъ,—а съ фейерверкеромъ тоже говорилъ, что-же такое?..

— Ничего... обдурить меня хотите съ дочкою; — врете, не проведете, я все на свѣжую воду выведу... «Съ фейерверкеромъ!...»

И Маланья Ивановна, разсерженная, ушла къ себѣ на кухню и принялась тамъ звякать на весь дворъ посудою, поднявъ ворчню и брань съ оторопѣлою прислугою.

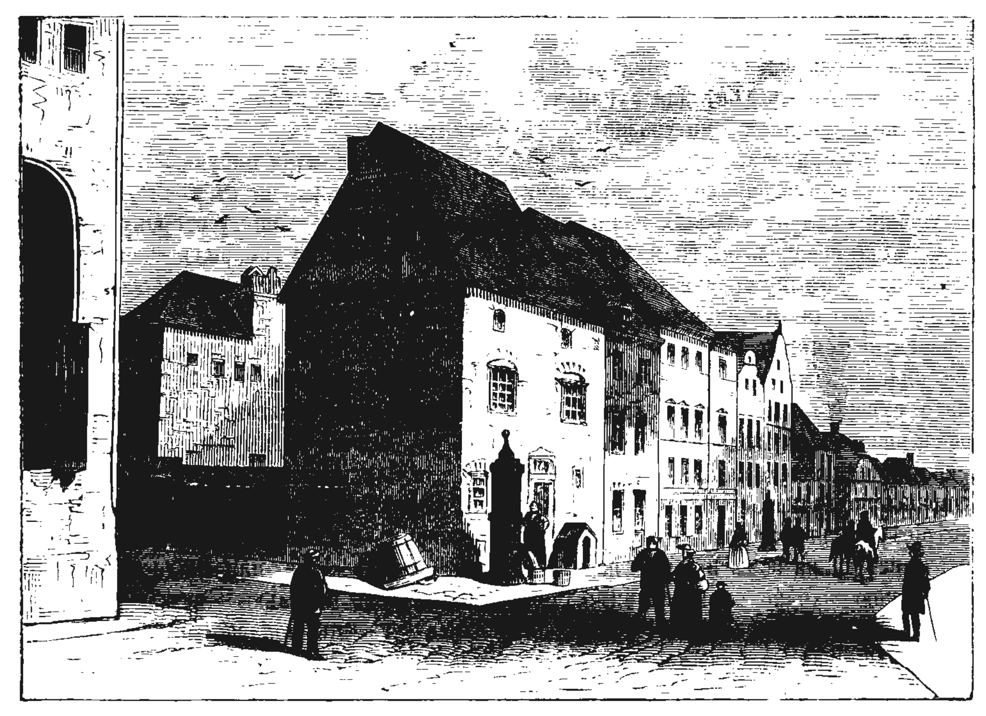
— Попались-было мы съ тобою, а?.. засмѣялся старикъ, потрепавъ по плечу Наташу. —А все ты, егоза, проболталась... Что послать узнать: дома-ли Петръ Михайловичъ, а?.. или не нужно?

— Самъ придетъ, коли захочетъ, произнесла Наташа и легкая тѣнь пробѣжала по ея веселому личику.

— Да ты на него не сердись! — помнишь сказку, что котъ тебѣ на ухо разсказывалъ?

— Ахъ, папа, отстань!.. Наташа сильно покраснѣла и сосредоточенно принялась водить утюгомъ, разглаживая сыроватыя складки какой-то вычурной оборки.

Мартынъ Федоровичъ натянулъ на себя сюртукъ, нахлобучилъ старую фуражку съ надорваннымъ козырькомъ и пошелъ въ крѣпость, по службѣ, посидѣть съ полчасика въ казармѣ и потолковать съ фейерверкеромъ Афросимовымъ: удачно ли ловятся щуки въ чирчикскихъ затонахъ



Домикъ гдѣ родился Коперникъ, въ Торнѣ. Съ фотографіи гравир. К. Вейерманъ.

и починилъ ли пьяница шорникъ хомуты, что послала ему третьяго дня Маланья Ивановна.

Сергѣй Николаевичъ проснулся тоже очень поздно, поднялся онъ съ дивана измученный, словно разбитый, съ сильною головною болью и съ зудомъ по всему тѣлу, и немедленно потребовалъ къ себѣ эксъ-горниста Вульфзона...

— Это свинство, это подлость! напустился Ровичъ на содержателя гостинницы.—Такая непріятность!.. кричалъ онъ, схвативъ за рукавъ Вульфзона и оглядывая съ ними всѣ углы и щели обильно-населенной паразитами мебели.

— А ей же Богу это только съ непривычки, оправдывался Вульфзонъ.—Нашихъ, кто ежели привыкъ, совсѣмъ не трогаютъ. Ну дай мнѣ Богъ съ этого мѣста не сойти! Вы извольте посмотрѣть, что у другихъ!—это еще ничего...

Сергѣй Николаевичъ кончилъ тѣмъ, что приказалъ разставить посреди комнаты свою складную кровать, спросилъ, гдѣ самое удобное мѣсто въ рѣкѣ для купанья, и пошелъ съ простыней подъ мышкою, по указанію, нѣсколько сконфуженнаго эксъ-горниста.

Ему пришлось проходить мимо пароходной пристани; тамъ все уже было убрано, палуба «Арала» начисто вымыта, все металическое ярко сверкало на солнцѣ и только вахтенные матросы клевали носами, дремля кое по какимъ укромнымъ мѣстечкамъ парохода. Неподвижно, совершенно отвѣсно висѣли флаги на тонкихъ мачтахъ—и маленькій дымокъ лѣниво вился въ жаркомъ воздухѣ, поднимаясь изъ закопченаго отверстія камбузной трубы. Далеко влѣвѣ, у самыхъ казармъ, гудѣла труба съ барабаномъ —и десятка два линейныхъ солдатъ маршировали въ одну шеренгу, стараясь подладить свой шагъ къ тихому напѣву какого-то патріотическаго марша. Поручикъ Трубаченко—согнувшись совсѣмъ на бокъ и держа на отлетѣ руку вооруженную нагайкою—ходко пронесся мимо Ровича, на своемъ чубаромъ иноходцѣ... Сотня уральскихъ казаковъ, расположенная бивуакомъ на самомъ берегу рѣки, распространяла вокругъ себя на далекое разстояніе прѣлый запахъ конскаго завода, печенаго хлѣба и табачнаго дыма. Лошади стояли группами у приколовъ, дремали, лѣниво опустивъ свои головы и развѣсивъ уши,—и то и дѣло отмахивались хвостами отъ миріадъ докучливыхъ мухъ, густыми роями носившихся надъ бивуакомъ. Нѣсколько голыхъ тѣлъ купались въ рѣкѣ на самомъ припекѣ — сверкая на поверхности воды своими мокрыми спинами.

— Вотъ сюда на лодочку пожалуйте, ваше благородіе; тамъ можно раздѣваться будетъ... кричалъ, высунувшись изъ воды, старый уралецъ урядникъ, замѣтивъ недоумѣвающіе взгляды Сергѣя Николаевича.

Тотъ не медля воспользовался его совѣтомъ, перебрался на старую лодку съ пробитымъ дномъ, плотно засѣвшую на отмели и до половины наполненную застоявшейся водою, и началъ раздѣваться.

Купанье освѣжило Сергѣя Николаевича и разогнало нѣсколько головную боль. Онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи поближе сойтись съ Касаткинымъ и, прямо съ рѣки отправился розыскивать его квартиру. Первый солдатъ линеецъ, попавшійся ему на встрѣчу, проводилъ его до самыхъ воротъ домика нашего охотника.

— Петръ Михайловичъ дома? спросилъ Ровичъ деньщика, промывавшаго солдатскій штуцеръ на порогѣ сѣнной двери.

— Никакъ нѣтъ-съ, вскочилъ солдатъ на ноги и вытянулся.

— Ушелъ куда нибудь? — скоро прійдетъ... что-ли?..

— Вчера-сь еще съ ночи ушли — на перевозъ кокански; должно — на ту сторону переправятся...

— Ничего не говорилъ — когда назадъ будетъ?

— Никакъ нѣтъ, надо полагать нескоро...

— Жаль!..

Ровичъ сталъ рыться въ карманѣ, вытащилъ свою карточку и отдалъ ее деньщику. Тотъ посмотрѣлъ на нее недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Отдашь барину, когда прійдетъ...

— Слушаю-съ...

Сергѣй Николаевичъ вышелъ опять на улицу, прошелъ базаромъ—и на него начала нападать невыносимая скука. Все или дремало, или спало совсѣмъ... Отъ мясныхъ лавокъ несло падалью,—изъ подъ навѣсовъ, гдѣ помѣстились туземцы повара, приготовляющіе на продажу пельмени и жареную рыбу, несло кунжутнымъ масломъ и подгорѣлымъ саломъ.

Ровичъ поспѣшилъ выбраться изъ этой невыносимой атмосферы, постоялъ въ недоумѣніи на перекресткѣ, — пошелъ было къ себѣ въ гостинницу, да потомъ, какъ-то совершенно нечаянно, свернулъ направо и черезъ нѣсколько минутъ очутился около крыльца дома «стараго пушкаря».

(Продолженіе будетъ).

Старый судъ.

А. Шкляревскаго.

(Окончаніе).

«Старшина разсказалъ мнѣ, какъ нашелъ покойника, и что Моисей убѣжалъ и за нимъ послали погоню. Я удивлялся и пошелъ съ нимъ глядѣть на трупъ и дать показаніе становому. Какъ увидѣлъ я Михайла Ивановича, на гумнѣ, мертвымъ, среди народа,—взяла меня жалость... Я упалъ у ногъ его, обхватилъ ихъ и сталъ рыдать... Однако я и тутъ не повинился, одеревенѣлость какая нашла на меня! и на спросъ становаго: кого я подозрѣваю?—я отвѣчалъ: Моисея, мужа Акулины!.. Остальное я показалъ ему то же, что говорилъ и старшинѣ. Становой тотчасъ же отпустилъ меня. Тутъ поймали Моисея, увели его допрашивать; надъ трупомъ поставили караулъ; я побрелъ на пасѣку... Дома я засвѣтилъ лампады, покурилъ ладономъ и сталъ читать отходную по новопреставленному рабу-Божію Михаилу, убитому мною.. Заливаюсь слезами... Стало жалко мнѣ и Ивана Савельевича и безвиннаго Моисея... Тогда я рѣшился повиниться и ждалъ только присылки за мною отъ вашей милости... Цѣлую ночь сегодняшнюю я провелъ на молитвѣ; утромъ задумалъ написать Ивану Савельевичу, да голова и руки не служили... Въ силу сообразилъ, чтобы написать вонъ это... какъ тутъ вы изволили придти...»

Въ дополненіе къ словамъ своего показанія, Зарайскій представилъ мнѣ покойнаго Медвѣдкина часы, бумажникъ съ записною книжкою и 867 рублей съ коп. денегъ, которыя закопаны были имъ въ земляномъ фундаментѣ избы.

По записной книжкѣ деньги оказались всѣ на лицо. Потомъ онъ принесъ топоръ, орудіе убійства, съ вытертымъ лезвеемъ и старой рукоятницей, а далѣе указалъ мѣста въ ручьѣ, гдѣ были утоплены имъ окровавленныя вещи. Одинъ изъ сотскихъ полѣзъ въ воду и добылъ ихъ. Кровь на рубахѣ Зарайскаго почти вся смылась; на простынѣ же и чинаркѣ, закутанныхъ въ мѣшокъ, она сохранилась очень ясно,—всего болѣе на чинаркѣ, какъ на суконной вещи. Всѣ доказательства совершенія убійства Зарайскимъ были на лицо, собственное сознаніе подтверждалось фактами—и мнѣ оставалось арестовать его, сдѣлать нѣкоторыя еще дознанія и затѣмъ, скованнаго, подъ карауломъ отослать въ 3-кій уѣздный тюремный замокъ, что и было мною исполнено...

Поздно вечеромъ, по посланной мною утромъ эстафетѣ, прибылъ отецъ убитаго, купецъ Медвѣдкинъ, сѣдобородый и красивый старикъ. Онъ очень скорбѣлъ о смерти сына, часто подносилъ красный фуляровый носовой платокъ къ глазамъ, но болѣе всего заботился о похоронахъ; благодарилъ меня за отысканіе убійцы и денегъ, и претендовалъ, зачѣмъ я дозволилъ доктору анатомически изслѣдовать трупъ... О Петрѣ Зарайскомъ онъ покачивалъ головою и нѣсколько разъ приводилъ въ рѣчи своей извѣстную русскую пословицу: «не накормишь, врага не наживешь»... Усилія мои доказать, что убійство могло совершиться не съ умысломъ, нечаяннымъ случаемъ, были тщетны.

При отысканіи подлиннаго убійцы Михаила Медвѣдкина, взводимыя въ показаніи Моисея Тарасова подозрѣнія на становаго могли остаться безъ послѣдствій, какъ частное между ними дѣло объ оскорбленіяхъ. Я могъ поступить и еще проще: перемѣнить показаніе и исключить въ немъ все относящееся къ личности становаго; но при производствѣ моемъ поэтому предмету секретнаго дознанія, мною обнаружено, что показанія Моисея Тарасова вовсе не заключали въ себѣ клеветы—и онъ совершенно основательно могъ заподозрить Стоцкаго, за которымъ подобные поступки водились въ значительномъ количествѣ. Притомъ, хотя это въ законѣ и не возлагалось на обязанность судебнаго слѣдователя, но мнѣ, какъ человѣку, хотѣлось бы оградить Тарасова отъ преслѣдованій становаго на будущее время; а у меня не было никакой гарантіи къ тому, что Стоцкій, послѣ смерти Медвѣдкина, не возъимѣетъ прежнихъ своихъ видовъ на Акулину... Вслѣдствіе всего этого я послалъ, помимо уѣзднаго суда, къ губернскому прокурору особое секретное донесеніе о перемѣщеніи Стоцкаго конфиденціальнымъ образомъ для пользы службы въ другой отдаленнѣйшій уѣздъ.

Какъ молодой человѣкъ и на новой должности, которая служила первымъ шагомъ къ реформамъ по судопроизводству, я не ясно понималъ свою, довольно полицейскую, обязанность судебнаго слѣдователя. Нѣкоторые изъ насъ, вопреки прямому смыслу наказа: не оставлять безъ преслѣдованіи уголовныхъ преступленій,—тушили дѣло и заканчивали его миролюбно, напримѣръ, по незначительному воровству и прочее, чѣмъ брали на себя роль будущихъ мировыхъ судей, такъ какъ они видѣли, что безъ разсмотрѣнія мотивовъ къ преступленію, нельзя было абсолютно примѣнять мѣры наказанія, опредѣленныя въ законахъ. Всѣ мы, а въ томъ числѣ и я, крайне желали поскорѣе гласнаго судопроизводства и строжайшаго психологическаго анализа преступленія. Зная многія рѣшенія нашего уѣзднаго суда и уголовной палаты, я, представляя первому на разсмотрѣніе слѣдствіе свое по дѣлу объ убійствѣ Медвѣдкина, боялся, что онъ не посмотритъ на преступленіе Зарайскаго съ надлежащей точки зрѣнія и примѣнитъ къ нему несоотвѣтственное наказаніе, что также можетъ сдѣлать и палата. Поэтому, прилагая журналъ слѣдствія, я въ мнѣніи своемъ, чтобы пояснить суду свой взглядъ и обратить на него его вниманіе, написалъ цѣлую защитительную рѣчь присяжнаго повѣреннаго. Я убѣжденъ былъ, что преступленіе Зарайскимъ совершенно было безъ заранѣе обдуманнаго плана и неумышленнымъ образомъ. Въ прошломъ всѣ факты доказывали, что молодые люди были между собою друзьями; въ настоящемъ я не видѣлъ никакихъ достаточныхъ данныхъ для Зарайскаго желать смерти Медвѣдкину. Положимъ, что первый поводъ къ непріязни подалъ Зарайскій, своимъ, такъ сказать, религіознымъ воззрѣніемъ, фанатизмомъ даже; но эта же самая религіозность заставляла его ждать исправленія Медвѣдкина. Онъ могъ только необдуманно, какъ и случилось по его словамъ, вызвать Медвѣдкина на оскорбленія себѣ и убить; но здѣсь разрушается самъ собою умыселъ... Гораздо естественнѣе предполагать, что раздраженный Медвѣдкинъ могъ стать умышленнымъ убійцею Зарайскаго, котораго даже самый азартъ не могъ довести до мгновенія, когда бы онъ желалъ нанести смертельный ударъ. Такой ударъ могъ бы быть нанесенъ имъ единственно въ томъ случаѣ, когда бы онъ защищалъ свою жизнь отъ нападенія на нее Медвѣдкина. Но, на сколько мнѣ были извѣстны взгляды простолюдиновъ, подобное убійство считается у нихъ самымъ извинительнымъ, а потому Зарайскому не было никакой надобности показывать не этотъ случай убійства, а другой, въ которомъ онъ, напротивъ, выставляетъ Медвѣдкина желавшимъ полнаго съ нимъ примиренія въ тотъ вечеръ, а себя зачинщикомъ ссоры и отчасти дерзкимъ противъ старика-хозяина. Разсказъ какъ произошла ссора—дышетъ вѣроятностью и искренностью. Самое признаніе должно считать вполнѣ добровольнымъ, потому что письмо писано было имъ къ старику Медвѣдкину еще до моего появленія, я на слѣды не попалъ и они такъ хорошо были скрыты, что преступникъ не боялся, что они скоро, или когда нибудь, будутъ дознаны. Свидѣтелей же не было никакихъ, исключая безмолвнаго пасѣчника, который ничего не могъ объяснить и видѣлъ лишь, что Зарайскій бралъ песокъ. Этого старика я допрашивалъ, но онъ знаками показывалъ, что ничего не понимаетъ, и про песокъ едва можно было догадаться, что Зарайскій бралъ его утромъ изъ сарая. Хорошо спрятанные слѣды не могутъ также наводить слѣдователя на мысль о предумышленномъ убійствѣ, потому что это рождается въ человѣкѣ невольно, по чувству самосохраненія; онъ борется за свое существованіе, и чѣмъ кто смышленнѣе или находчивѣе, тѣмъ прячетъ слѣды искуснѣе. Да и всѣ скрытія слѣдовъ были обще-употребительныя въ простонародіи, исключая пола, гдѣ Зарайскому помогъ случай. Наказаніе опредѣляетъ преступнику не слѣдователь а судъ, но я и тутъ рѣшился косвенно высказать, что по моему мнѣнію Зарайскій долженъ подлежать церковному покаянію и, наконецъ, ссылкѣ въ отдаленныя губерніи...

Дѣло это заинтересовало меня, и за ходомъ его я наблюдалъ зорко. Въ первой инстанціи оно было закончено такимъ рѣшеніемъ: мѣщанина Петра Силова Зарайскаго, 25 лѣтъ, за убійство купеческаго сына Михайла Иванова Медвѣдкина, во время ссоры, острымъ холоднымъ орудіемъ, вслѣдствіе бывшихъ между ними непріязненныхъ отношеніи, и за ограбленіе у него 867 руб. 60 коп. денегъ, по 2 ст. 21, 2 пунк. 1925 ст. Улож., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, и освободивъ, на основаніи новыхъ правилъ, отъ слѣдующихъ ему по закону наказанія плетьми чрезъ

палача 85 ударами и наложенія клеймъ, сослать въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а затѣмъ водворить на жительство въ Сибири. Слѣдующая инстанція было-утвердила это рѣшеніе, но, за протестомъ прокурора, наказаніе Петру Зарайскому, далѣе, смягчено было на 5 лѣтъ менѣе пребываніи на заводахъ. За тѣмъ это рѣшеніе вошло въ законную силу.

Кончая здѣсь разсказъ свой, невольно обращаемся съ вопросомъ: такъ ли бы нынѣ рѣшили?..

А. Шкляревскій.

Николай Коперникъ.

7 февраля 1873 года весь цивилизованный міръ праздновалъ четырехсотлѣтній юбилей знаменитаго астронома, который — подобно Гомеру, присвоемому семью городами Греціи, Данту въ Италіи и другимъ великимъ людямъ,— подалъ поводъ къ такому же соревнованію между тремя національностями: поляки, чехи и нѣмцы оспариваютъ другъ у друга безсмертнаго творца планетной системы. Поляки присвоиваютъ его себѣ на томъ основаніи, что въ Падуанскомъ университетѣ Коперникъ записанъ въ числѣ студентовъ этой національности; нѣмцы—потому, что на ряду съ латинскими сочиненіями знаменитаго ученаго сохранилось лишь нѣсколько писемъ по нѣмецки—и ни одной строчки по польски. Для насъ гораздо важнѣе указаніе, заключающееся въ самомъ имени *Коперникъ*, несомнѣнно славянскомъ и означающемъ прозвище по ремеслу (копры — сваи, коперникъ — свайный подрядчикъ), какъ это водилось встарину между славянами,—и самый типъ очертаній лица и выраженія физіогноміи, не имѣющихъ въ себѣ ничего нѣмецкаго.

Николай Коперникъ родился 7 февраля 1473 года въ Торуни на Вислѣ. Изображенный на нашемъ рисункѣ домикъ, гдѣ по народному преданію родился великій астрономъ, впервые получилъ офиціальное признаніе отъ Наполеона I, который приказалъ устроить возлѣ фонтанъ съ позолоченной астролябіей. Онъ стоитъ въ улицѣ св. Анны, которая на офиціальномъ языкѣ Торнскаго магистрата уже болѣе 20 лѣтъ зовется Коперниковой.

Отецъ его, оптовый торговецъ, былъ родомъ изъ Кракова, по имени тоже Николай, а мать, урожденная Вайсельродъ, Варвара, была сестрою эрмеландскаго епископа Луки Вайсельрода. Она овдовѣла, когда сыну ея Николаю было всего 10 лѣтъ. Подготовясь въ торунской школѣ, Николай вступилъ въ Краковскій университетъ въ 1491 году, гдѣ по желанію родителей посвятилъ себя медицинѣ и впослѣдствіи получилъ степень доктора. Уже во время этихъ занятій врачебною наукою, онъ изучалъ филологію и философію, а подъ руководствомъ ученаго Альберта Брудчевскаго математику. Послѣдняя увлекла его въ область астрономіи — и молодой ученый такъ освоился съ этой наукой, что посвятилъ ей всю свою дѣятельность, считая прочія отрасли знанія — подчиненными ей, воспомогательными. Слава умершаго въ преклонныхъ лѣтахъ основателя нѣмецкой астрономіи Миллера Регіомонтануса (изъ Кёнигсберга въ Франконіи), гремѣвшая въ средѣ тогдашнихъ ученыхъ, произвела глубокое впечатлѣніе на Коперника — и образъ неутомимаго двигателя этой науки возбудилъ сильнѣйшее соревнованіе въ молодомъ ученомъ. Для удовлетворенія своей страсти къ астрономическимъ изслѣдованіямъ, Коперникъ въ 1497 году предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ Италію, тогдашнее средоточіе наукъ. Сначала онъ слушалъ астронома Доминика Марію де-Феррара, который съ блестящимъ успѣхомъ читалъ свои лекціи въ Болоньѣ. Этотъ богатый познаніями и одаренный свѣтлымъ умомъ ученый благосклонно принялъ славянскаго собрата и посвятилъ его въ глубочайшія тайны астрономіи. Скоро двухъ ученыхъ стали связывать между собою уже не отношенія ученика и учителя, но совокупно производимыя наблюденія, изслѣдованіе и объясненіе наблюдаемыхъ явленій. Полное признаніе ученыхъ заслугъ Коперника впервые проявилось въ томъ, что Феррара, по тогдашнему обычаю, неоднократно уступалъ свою каѳедру для лекцій молодому ученому. Изъ Болоньи Коперникъ поѣхалъ въ Римъ, куда уже дошла объ немъ молва,—и тамъ удостоенный почетнаго пріема, онъ читалъ свои лекціи предъ собраніемъ ученыхъ и высокопоставленныхъ государственныхъ людей. Подготовленный къ дальнѣйшей дѣятельности, онъ на нѣкоторое время вернулся на родину. Дядя его, епископъ эрмеландскій, принялъ его въ коллегію своей епископіи и далъ ему каноникатъ въ Фрауенбургѣ гдѣ братъ его Андрей (единственно извѣстный) былъ также каноникомъ. Принятая имъ такимъ образомъ духовная должность позволила Копернику посвятить большую часть своихъ досуговъ астрономическимъ изслѣдованіямъ—и онъ окончательно отдался наблюденію положенія и движеній небесныхъ тѣлъ. Онъ не разъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ бралъ отпускъ и ѣздилъ въ Римъ.

Различныя, болѣе или менѣе запутанныя и все таки неудовлетворительныя объясненія движеній планетъ,— уже въ древности тамъ и сямъ возникавшія идеи о движеніи земли и центральномъ положеніи солнца,—а равно и собственныя наблюденія — привели Коперника къ міросозерцанію, отличающемуся наибольшей простотой и полнымъ соотвѣтствіемъ между наблюденіемъ и вычисленіями. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы въ движеніи небесныхъ тѣлъ было столько безпорядочной сложностей, какъ это излагалось въ распространенной тогда системѣ Птоломея,—и сталъ прилежно изучать древнихъ авторовъ. Онъ самъ пишетъ: «Прежде всего я нашелъ у Цицерона указаніе на то, что Гикетасъ уже считалъ землю движущеюся; а что и другіе были того же мнѣнія—то видно изъ слѣдующаго отрывка Плутарха: *«обыкновенно думаютъ, что земля покоится; напротивъ того, Филолай пиѳагореецъ принимаетъ, что она, подобно солнцу и лунѣ, движется по косому кругу вокругъ огня. Гераклидъ Понтійскій и пиѳагореецъ Экѳантосъ также придаютъ землѣ движеніе, но не поступательное а вращательное, посредствомъ котораго она съ вечера до утра поворачивается около своего центра»*. По этому поводу я и самъ сталъ размышлять о движеніи земли—и хотя это предположеніе казалось противорѣчащимъ разуму, но я думалъ, что если другимъ до меня предоставлялась свобода принимать какіе угодно круги для объясненія небесныхъ явленій, то мнѣ позволено будетъ попытаться, не удастся ли мнѣ, допустивъ движеніе земли, найдти болѣе ясныя доказательства движенія небесныхъ тѣлъ».

Копернику неизвѣстна была гипотеза Аристарха Самосскаго, по которой земля описываетъ вокругъ солнца элипсовидный кругъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно обращаясь вокругъ своей оси,—ибо это предположеніе уцѣлѣло лишь

въ «Аренаріи» Архимеда, открытомъ много спустя послѣ Коперника.

Тѣмъ не менѣе, Коперникъ самъ дошелъ до этихъ выводовъ, приступивъ къ наблюденіямъ для провѣрки теченія свѣтилъ по Птоломеевымъ и Альфонсовымъ таблицамъ, для чего и заказалъ себѣ квадранты, паралаксическіе діоптры и прочіе астрономическіе инструменты, которыхъ изготовленіе описано было Птоломеемъ. Простотою этихъ инструментовъ былъ глубоко растроганъ знаменитый Тихо Браге, которому они достались по смерти владѣтеля. Даже градусы на нихъ были подѣланы перомъ и чернилами, а сами эти инструменты были деревянные и далеко не совершенные, но въ рукахъ Коперника оказались весьма пригодными, несомнѣнно подтвердивъ его теорію. Мало по малу онъ убѣдился, что солнце составляетъ центръ вселенной, что земля есть такая же планета, какъ Марсъ и Венера, и что всѣ планеты обращаются вокругъ солнца въ слѣдующемъ порядкѣ: Меркурій въ 87 дней, Венера въ 224, Земля въ 365, Марсъ въ годъ и 325 дней, Юпитеръ въ 11 лѣтъ, Сатурнъ въ 29 лѣтъ (Уранъ и Нептунъ еще не были открыты), — и всѣ въ томъ же направленіи, въ которомъ луна обращается вокругъ земли. Землѣ онъ приписывалъ тройственное движеніе: суточное вращеніе около оси, годичное обращеніе вокругъ солнца, и (хотя не вполнѣ точно изслѣдованное) уклоненіе земной оси, отъ котораго зависитъ предвареніе равноденствій.

Памятникъ Коперника въ Торуни (Торнѣ).

Съ фотографіи грав. К. Вейерманъ.

Великій трудъ, начатый въ 1507 году, былъ оконченъ къ 1530 г., но прежде, чѣмъ предать его печатанію, Коперника взяло раздумье. Онъ вѣроятно боялся, что новая система міра, противорѣчащая свидѣтельству чувствъ, укоренившимся понятіямъ и буквальному смыслу нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи,—навлечетъ ему много непріятностей, и желалъ спокойно провести остатокъ дней. Устно же онъ весьма охотно сообщалъ свои воззрѣнія; а кардиналъ Шёнбергъ и профессоръ Георгъ Іоахимъ Ретикусъ, оставившій каѳедру въ Виттенбергѣ и ѣздившій въ Фрауенбергъ для личныхъ сношеній съ Коперникомъ, получили отъ него переписанныя рукописи великаго творенія. Послѣднему онъ позволилъ даже передать бывшему его наставнику, профессору Шонеру въ Нюренбергѣ, поверхностное изложеніе новой системы въ письмѣ, готовомъ для печати. Это такъ-называемое narratio prima (первое изложеніе) его системы. Какое впечатлѣніе сдѣлало оно на современниковъ—видно изъ того, что авторъ, подобно Сократу въ комедіи Аристофана, былъ публично осмѣянъ на сценѣ Эльбингскаго театра. Но чѣмъ болѣе распространялась молва о новой системѣ, тѣмъ чаще доходили къ ея автору выраженія желаній, чтобы все сочиненіе было напечатано вполнѣ. Онъ все не рѣшался, пока наконецъ епископъ Хельмскій, Тидеманъ Гизе, не вынудилъ его своими убѣжденіями отдать ему рукопись; Гизе передалъ ее Ретикусу, который и приступилъ къ печатанію ея въ Нюренбергѣ подъ надзоромъ ученаго Андрея Озіандера. Твореніе было посвящено папѣ Павлу III и снабжено предисловіемъ Озіандера, въ которомъ новая система называлась «только гипотезой». Этимъ предисловіемъ Озіандеръ, страха ради, замѣнилъ предисловіе, написанное самимъ Коперникомъ. Коперниковскаго предисловія такъ и не было въ изданіяхъ Нюренбергскомъ 1543, Базельскомъ 1556 и Амстердамскомъ 1617 года. Только въ новѣйшемъ Варшавскомъ изданіи 1854 года напечатано оно такъ, какъ написалъ его Коперникъ въ Прагѣ, гдѣ оно сохранилось въ библіотекѣ Ностица.

Въ 1543 году печатаніе было окончено, и Копернику представили первый экземпляръ его труда. Авторъ въ это время лежалъ на одрѣ предсмертной болѣзни, онъ кинулъ угасающій взоръ на печатный оттискъ величайшаго труда цѣлой жизни, положилъ руку на эту книгу— и спустя нѣсколько часовъ послѣ того умеръ (1 мая 1543 г.).

Великое твореніе Коперника носитъ заглавіе: *De Orbium coelestium revolutionibus libri VI* (о вращеніи небесныхъ тѣлъ, шесть книгъ). Кромѣ того, онъ написалъ книгу *De Lateribus et Angulis Triangulorum* — руководство къ Тригонометріи съ таблицею синусовъ.

Коперникъ былъ человѣкъ свѣтлаго ума, честныхъ стремленій, твердаго характера и отличался гуманностью на дѣлѣ. Эти качества проявлялъ онъ во всѣхъ должностяхъ, которыя временно принималъ на себя. Будучи депутатомъ Фрауенбургской эпархіи на Грудецкомъ сеймѣ, онъ старался улучшить монетную систему, опредѣлилъ требуемое количество серебра въ различныхъ монетахъ и внесъ предложеніе, чтобы города Гданскъ, Эльбингъ и Торунь сообща и подъ общимъ контролемъ чеканили монету. Несмотря на всю цѣлесообразность, предложеніе это было отвергнуто, такъ какъ этимъ положеніемъ уменьшался доходъ отъ чекана. Въ качествѣ генеральнаго

викарія и администратора эрмеландской епископіи онъ энергично вытребовалъ у Тевтонскаго ордена незаконно захваченныя рыцарями эрмеландскія владѣнія. По его планамъ и подъ его руководствомъ въ Фрауенбургѣ было сооружено множество построекъ и водопроводовъ. Онъ безплатно лечилъ бѣдныхъ и оказывалъ имъ денежныя пособія. Его вызывали на состоявшійся при папѣ Сикстѣ IV соборъ для принятія участія въ улучшеніи календаря, но онъ отклонилъ это предложеніе, какъ изъ скромности, такъ и по осторожности, не желая представлять въ общее пользованіе трудъ, въ то время еще недоконченный. Онъ уклонялся также отъ религіозныхъ споровъ и отличался терпимостью въ дѣлахъ вѣры. Словомъ, Коперникъ былъ не только проницательнымъ, многосвѣдущимъ ученымъ, но и благороднымъ мыслителемъ и вполнѣ добрымъ человѣкомъ.

Коперникъ похороненъ въ Фрауенбургскомъ соборѣ, гдѣ онъ самъ служилъ обѣдни. Въ Краковѣ, мѣстожительствѣ его предковъ, графъ Сѣраковскій поставилъ ему въ церкви св. Анны превосходный памятникъ съ текстомъ изъ книги Іисуса Навина: «Sta sol, ne moveare!» (стой, солнце, не движься!), а въ 1829 году общество любителей наукъ въ Варшавѣ заказало ему статую, исполненную Торвальдсеномъ и отлитую Григоріемъ Варшавскимъ, которая была пріобрѣтена Императоромъ Николаемъ I и поставлена въ Варшавѣ съ неменѣе краткою надписью: N. Copernico grata patria (Н. Копернику благодарное отечество). Наконецъ третій памятникъ находится въ Торнѣ. Эта статуя, изображенная на нашемъ рисункѣ, скомонована учителемъ Торнской гимназіи д-ромъ Бромомъ и исполнена Фридрихомъ Тикомъ; на ней надпись: «Terrae motor, Solis coelique stator» (Двинувшій землю и утвердившій солнце со звѣзднымъ небомъ). Но прочнѣе всѣхъ этихъ вещественныхъ монументовъ Копернику, воздвигъ онъ самъ себѣ «памятникъ нерукотворный» съ краткою и величественною надписью: «Коперникова система вселенной».

Винокуренныя тайны.

Въ августѣ одного изъ періодовъ винокуренія, на коммерческомъ горизонтѣ *** винокуренныхъ заводчиковъ носились грозныя тучи, которыя разразились циркуляромъ, предписывавшимъ, «въ виду увеличивающихся злоупотребленій», произвести заводскую посуду въ емкость, соотвѣтствующую силѣ аппаратовъ, и пригласить заводчиковъ къ переходу съ 6-ти на 5-ти ведерную емкость квасильныхъ чановъ, и отъ 4-хъ къ 3-хъ суточной системѣ броженія. Это распоряженіе, осязательно доказывающее близкое знакомство акцизнаго вѣдомства съ корнемъ зла и съ уловками, употребляемыми злонамѣренными заводчиками, заставило сильно призадуматься виноторговцевъ. Въ первое время всѣ заводчики отказались курить, говоря, что выходы вина при такихъ густыхъ заторахъ не только не даютъ вознагражденія и процентовъ за трудъ и затраченный капиталъ, но даже не представляетъ возможности выкурить закономъ положенную норму,—но мѣсяцъ спустя, какъ «Людмила подумала и стала кушать», такъ и они, подумавши, стали курить. Въ описываемой мѣстности всѣ заводчики—либо евреи, либо армяне, которые, мимоходомъ говоря, ни въ чемъ не уступаютъ первымъ. Знатоки винокуреннаго дѣла самодовольно потирали руки, говоря, что при этой системѣ евреямъ и армянамъ спекуляторамъ придется сложить буйную голову на алтарѣ корысти; что всѣ они обанкротятся и что наконецъ акцизный міръ добьется правильной цифры количества потребляемаго вина и проч. и проч. Но если человѣку свойственно ошибаться, то въ предположеніяхъ и подавно: евреи-заводчики не только не сбанкротились, но даже обогатились въ тотъ періодъ винокуренія, а армяне стали покупать имѣнія и то на наличныя деньги: ясное доказательство, что у нихъ стало ихъ не меньше, а больше. Если же кто и прогорѣлъ въ то время, то это—гг. акцизные, которые въ погонѣ за тайно-выкуриваемымъ и отпускаемымъ безъ акциза виномъ загоняли лошадей, ломали экипажи, теряли и деньги и здоровье. Живо интересуясь этимъ дѣломъ, я всѣми средствами старался добиться истины, поэтому не пропускалъ случая побесѣдовать съ заводчиками и акцизными чиновниками; но первые, несмотря на то, что знали меня давно какъ мѣстнаго жителя и неакцизнаго чиновника, на всѣ вопросы отвѣчали: «слава Богу, идетъ дѣло кое какъ», а вторые, вѣчно желчные и раздраженные, и говорить не хотѣли. Я уже терялъ надежду добиться толку, какъ счастливый случай свелъ меня съ однимъ весьма умнымъ евреемъ Гершкой. Загнанный проливнымъ осеннимъ дождемъ, на возвратномъ пути съ охоты, въ единственную трактовую корчму, я весьма обрадовался случаю поговорить съ знакомымъ, а тѣмъ болѣе съ умнымъ человѣкомъ. Усѣвшись за чистымъ столомъ, поближе къ привѣтливо шумящему самовару, мы съ Гершкой стали разговаривать—и въ пріятельской бесѣдѣ, переходя отъ предмета къ предмету, коснулись такъ живо интересующаго меня вопроса о винокуренномъ дѣлѣ.

— Какъ дѣла по заводу? спросилъ я.

— Хорошо, Павелъ Ивановичъ, хорошо! весело смѣясь, отвѣчалъ Гершко.

— У васъ, вѣдь, я слышалъ, новые стѣснительныя правила, а вы говорите: хорошо, допытывалъ я.

— Конечно, правила стѣснительныя, лукаво подмигивая, пришепетывалъ онъ,—но и мы кое-что понимаемъ и ведемъ дѣла такъ, какъ насъ заставляютъ, т. е. ведешь мошенничество en grand (Гершко былъ изъ образованныхъ), рискуя или все потерять или нажиться. До сихъ поръ дѣло идетъ хорошо, а рискъ, прибавилъ онъ глубомысленно,—въ нашемъ дѣлѣ всегда былъ, слѣдовательно только образъ дѣйствій иной—т. е. пріемъ—вотъ и вся штука. Вы, Павелъ Ивановичъ, вѣдь никому не разскажете? спросилъ онъ меня и, глотнувъ изъ налитаго стакана, началъ такъ:—винокуреніе—очень прибыльное, но не менѣе рисковое дѣло. Вы знаете вѣдь уставъ? обратился онъ ко мнѣ,—за все штрафы, за всякое несоблюденіе формы—взысканія, конфискація, просто страхъ! И все это въ такихъ размѣрахъ, что если только человѣкъ опростоволосится, то и поминай, какъ звали; во вѣки вѣковъ не поправится, а главное, что за такимъ олухомъ зорче слѣдятъ. Вотъ поэтому и нужно держать ухо востро. Прежде мы ограничивались досыпкою, а теперь это не годится—не потому, чтобы нельзя было присыпать въ заторный чанъ лишнее, какъ выражаются машинисты (винокуры), машина принимаетъ, но выдатки (выхода) плохіе становятся: нельзя хорошо обработать затора. Да

вы знакомы ли съ винокуреніемъ? опять обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Кое что знаю.

— Ну, такъ вамъ нечего объяснять, что значитъ досыпка, приварка и двойной затор?

Послѣ моего утвердительнаго отвѣта онъ продолжалъ:

— И такъ, какъ видите, досыпать нѣтъ расчета, нужно было придумать другія средства. Ну и придумали. Одни устроили въ заводахъ тайные отводы отъ ректификатора; другіе оставляютъ отворенным кранъ спиртопріемнаго чана и спускаютъ излишне выкуренный спиртъ прямо въ подвалъ; но это дураки! засмѣялся Гершко,— ослы 96 пробы! захохоталъ онъ,—потому что они дѣйствуютъ по старомодному. Затираютъ лишнее въ самой машинѣ, часто хуже того доваривают въ дрожжевомъ чанѣ и излишнее вино держатъ въ подвалѣ, такъ что цѣлыя сутки въ большомъ опасеніи, поэтому ежеминутно находятся въ страхѣ. Все свое спасеніе они основывали на фальшивыхъ замѣткахъ и стоянахъ и этимъ рискуютъ попасться вдвойнѣ. Ну, скажите: нужно это? Я не такъ простъ, рискую всего 10 дней въ мѣсяцъ, не привариваю, не досыпаю, а дѣлаю по два затора въ день.

— Какъ же это? изумился я такой дерзости.

— А вотъ слушайте! началъ разсказывать, такъ нечего дѣлать, нужно продолжать. Въ подвалѣ у меня все исправно: намѣтки вѣрны до капли, стояны также, такъ что придраться не къ чему; но у меня въ подвалѣ находится «неявка вина» равная количеству, которое можетъ быть выкурено изъ излишняго затора, такъ что если оно будетъ спущено, то покроетъ всю усушку. Разумѣется, дѣльный подвальный съумѣетъ не показать ее. Но если бы и пріѣхалъ какой нибудь уже крѣпко насобачившійся помощникъ или разъѣздный надсмотрщикъ и обнаружилъ ее—то за это не полагается штрафа, и все ограничивается тѣмъ, что онъ сноситъ ее по каплѣ. О подвалѣ значитъ мнѣ нечего заботиться. Все дѣло—успѣть сварить заторъ, т. е. уваривать столько времени, до 3-хъ сутокъ, чтобы можно было и сварить и выкурить кадь. Ну-съ, это труднѣе, въ особенности если нельзя купить чиновника; а теперь, добавилъ онъ со вздохомъ, — объ этомъ нужно забыть и думать. Тогда весь рискъ въ 6 часахъ времени.

— Какъ же поступить тогда?

— Нужно вамъ знать, улыбнулся онъ на мой вопросъ, —что теперь всѣ должны быть заинтересованы, начиная отъ винокура до истопника (подшкурникъ по мѣстному) и тогда при разставленныхъ въ 2—3 верстахъ отъ завода верховыхъ часовыхъ можно спать спокойно. Пока чиновникъ пріѣдетъ, отъ затора не будетъ и слѣда: его спустятъ черезъ холодильникъ свиньямъ—и онѣ, проклятыя, съ нашего добра дѣлаются такими жирными! плюнучъ онъ съ омерзеніемъ при одномъ воспоминаніи о хазерѣ (салѣ).

— Что же и у васъ они жирны? спросилъ я, смѣясь.

— Дулю (шишь)! озлился онъ, — стану я такъ вести дѣло! Вѣдь заторъ стоитъ у меня до 600 руб., считая акцизъ, мнѣ самому до 200 руб., такъ стану я имъ кормить проклятыхъ поганей.

— Какъ же вы дѣлаете? Неужели же акцизный чиновнякъ никогда не заставалъ васъ врасплохъ?

— Никогда! А то мнѣ пришлось бы отказаться отъ завода. Да это и невозможно, такъ какъ у меня кругомъ завода часовые, какъ у генерала, самодовольно улыбнулся Гершко.—Разъ только пріѣхалъ онъ въ день, когда по расчету приходилось варить зимній заторъ да на бѣду привезъ съ собою проклятаго надсмотрщика, такого тонкаго пройдоху и знатока винокуреннаго дѣла, что просто бѣда. Что тутъ дѣлать? Знаете, мы знаемъ всѣхъ чиновниковъ, все, что каждый любитъ, знаемъ всѣ ихъ слабости,—и кромѣ того, мы, евреи, хорошо знаемъ натуру людей, въ средѣ коихъ приходится намъ жить, вотъ почему насъ и не любятъ. Ну-съ и пригласили помощника въ комнату винокура—свѣтлую, теплую горничку и стали отогрѣвать его озябшіе члены отличнымъ хересомъ, такъ что ихъ высокоблагородіе проспали до утра; даже не составили акта о несвоевременномъ дѣйствіи завода.

— А надсмотрщикъ же?

— Получилъ 100 рублей и чтобы заглушить упреки совѣсти и гулъ машины, сталъ слушать игру винокура, увѣряю васъ, премилую игру на скрипкѣ, самодовольно улыбаясь увѣрялъ хитрый еврей.

— Да и знатный заторъ сварили мы въ тотъ день, прибавилъ Гершко, весело смѣясь.

— А вамъ не совѣстно обирать казну? спросилъ я.

— А зачѣмъ она не даетъ намъ возможности безъ мошенничества зарабатывать? Зачѣмъ она требуетъ съ насъ норму, которую едва 10 заводъ въ состояніи выкурить? Ну-съ. при этихъ требованіяхъ, голь на выдумки хитра. Обманывать чиновниковъ—это для меня истинное наслажденіе, прибавилъ онъ. Они всегда хотятъ быть умнѣе насъ евреевъ, а куда имъ бѣднымъ! свистнулъ онъ.

— Однако тотъ взялъ же съ васъ 100 рублей, замѣтилъ я.

— И вы называете его умнымъ? Онъ-то и есть оселъ 84 пробы. Да я бы и 1000 рублей не взялъ. Посмотрѣли бы вы, что я бы взялъ, еслибы былъ на его мѣстѣ. Да и всѣ они не очень дальновидны. Вотъ послушайте. Въ м. Р. у меня былъ оптовый складъ вина...

— Позвольте, а какъ же вы отпускаете безакцизное вино изъ завода?

— Очень просто, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей: записываемъ ярлыкъ, приписываемъ его въ книгу и транспортъ идетъ при верховомъ до мѣста. Если транспортъ сданъ въ складъ благополучно, то верховой возвращается—и мы пишемъ: «шинкарю такому-то три ведра». Если нѣтъ, то отпускъ записывается въ полномъ количествѣ.

— А въ томъ же складѣ?

— Тамъ уже приготовляютъ мѣсто выпустивъ предварительно.

— Такъ что излишка никогда нѣтъ?

— Разумѣется! Прежде было. Вотъ о томъ я и хочу вамъ разсказать. Складъ мой въ м. Р., какъ единственный на 40 верстъ въ окружности, производилъ громадную торговлю. Словомъ, въ немъ значилось въ расходѣ по подвальной книгѣ до милліона градусовъ проданнаго вина.

— А въ дѣйствительности? полюбопытствовалъ я.

— Разумѣется больше. Сюда-то мы и сбывали весь шварцъ (безъакцизный спиртъ). Дѣло шло очень хорошо, но вдругъ все прекратилось. Какой-то врагъ, завидуя мнѣ,—а нужно вамъ сказать, что нѣтъ завистливѣе народа, какъ наши жиды, пояснилъ Гершко,—донесъ мѣстному помощнику, что въ складѣ купца такого-то въ м. Р... хранится и продается неоплаченное акцизное вино. Дѣло было великимъ постомъ, когда дѣйствительно некуда дѣвать шварца—и я весь посылалъ въ складъ, такъ что когда помощникъ нагрянулъ на ревизію, то его собралось у меня нѣсколько тысячъ градусовъ. Меня не было въ то время въ складѣ, а подвальный растерялся до того, что позволилъ помощнику все обнаружить. Но Богъ помогъ! Надоумило же помощника, весело засмѣялся разсказщикъ,

—захватить для большей, видите, улики всѣ еврейскіе документы: письма, счеты и проч. Все это, заперевъ предварительно складъ и захвативъ съ собою ключъ, унесъ въ свою квартиру торжествующій акцизникъ, намѣреваясь послать за полиціей, въ присутствіи которой хотѣлъ составить актъ объ излишне-найденномъ и незаписанномъ по книгѣ спиртѣ. Становаго не скоро найдешь, а тогда его еще труднѣе было найти. Понятыхъ также долго искали. Къ этому времени подоспѣлъ и я. Вѣрите, что меня разобрало такое зло, когда я увидѣлъ всю эту процессію, во главѣ которой, гордо выступая, шелъ акцизникъ, что я готовъ былъ убить ихъ всѣхъ. А тутъ еще высыпало все населеніе мѣстечка (наши жидки очень любопытны, пояснилъ Гершко), — запрудили всю площадь, придавая этому какой-то небывалый видъ. Все это озлило меня до того, что я, остановившись на порогѣ склада, едва сдерживая себя, обратился къ помощнику съ словами: «ваше высокоблагородіе, въ складѣ у меня нѣтъ излишка и вы вѣроятно ошиблись—лучше отложите повѣрку до завтра». Я не помнилъ, что говорилъ.—«Вы меня срамите напрасно. Если вы не найдете излишка, то знайте, что это не пройдетъ вамъ даромъ», пропуская его, сказалъ я нарочно громко, чтобы слышали окружающіе.—Онъ не говорилъ ни слова.

— Вѣдь излишекъ былъ? вы сами говорили, напомнилъ я Гершкѣ.

— Ахъ, былъ да сплылъ! нетерпѣливо перебилъ меня разсказчикъ.—Количество вина въ стоянахъ оказалось при полиціи и понятыхъ то же, что и при первоначальной ревизіи, а крѣпость была далеко не та, такъ что вмѣсто излишка обнаружена была значительная усушка, весело потирая руки захохоталъ Гершко.

— Какъ же это?

— Говорилъ же я вамъ, что отъ первоначальной ревизіи до повѣрочной прошло не мало времени, пока отыскали полицію... ну...

— Что же вы сдѣлали?

— Ничего. Вѣжливо попросили помощника возвратить мнѣ взятыя бумаги, между которыми были денежные документы. Сконфузившись, повелъ онъ насъ, блѣдный отъ волненія, въ квартиру за документами; но тамъ ихъ не было. Окно было вынуто и всѣ документы уворованы. Мы и завели искъ на 12,000 рублей, такъ какъ между

взятыми бумагами было на эту сумму векселей. Дѣло теперь въ палатѣ.

— Дѣло значитъ тянется?

— Мы не торопимъ его. Намъ достаточно того, что помощника перевели, а насъ оставили внѣ всякаго подозрѣнія.

— Будто?

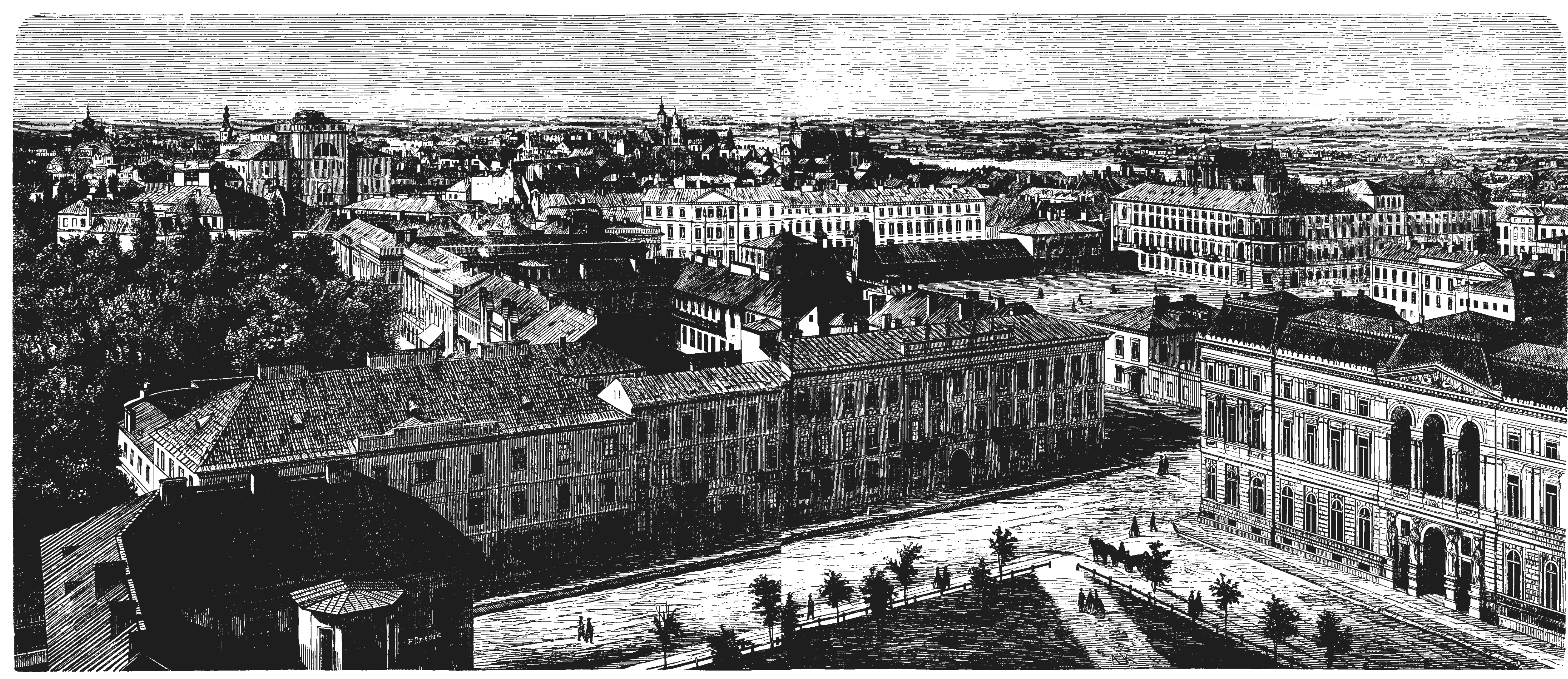
— Повидимому, по крайней мѣрѣ. Въ дѣйствительности, за нами зорко слѣдятъ; это доказывается штукой, какую сыгралъ съ нами новый акцизникъ.

— Какую же? поинтересовался я.

— А вотъ какую. 28 числа, *** мѣсяца онъ былъ на ревизіи, говорилъ, что ѣдетъ домой, и поѣхалъ было по тому направленію (мы за ними посылаемъ верховыхъ), но на полъ-дорогѣ свернулъ и поѣхалъ въ ближайшій городъ. Тамъ пробылъ двое сутокъ и вернулся назадъ третьяго дня опять на ревизію. Излишка не было, но въ это время я приготовилъ мѣсто для транспорта и, когда онъ пошелъ въ складъ, вѣжливо попросивъ подписать предварительно разграфленный ревизіонный листъ, то я и махнулъ въ книгу, что молъ отпущено такому-то шинкарю столько, такому-то—столько. Не помня наизустъ, я примахнулъ такъ, что въ итогѣ вышло болѣе расхода, нежели значилось прихода—ну, и скверно. Противъ этого нечего было и спорить—и я подписалъ актъ. Послѣ я узналъ, что онъ нарочно оставилъ подвальную книгу. Ну, да я въ долгу не остался: сыгралъ съ нимъ такую штуку, что просто прелести!

— Разскажите, попросилъ я, живо заинтересованный разсказами изъ невѣдомаго міра.

— Извольте, согласился онъ, и наливъ себѣ стаканъ вина, сталъ продолжать такъ:—Крѣпко надоѣдалъ намъ новый помощникъ—и злой за первую ревизію по складу, я сталъ думать, какъ бы ему насолить въ свою очередь. Случилось такъ, что при ревизіи заводскаго подвала онъ обнаружилъ, что мнѣ весьма не понравилось, значительную неявку и кромѣ того оказалось, что наличное вино, считая по 1 коп. за градусъ, не покрывало, согласно 236 ст. уст. (Гершко помнилъ всѣ статьи) недоимки, а потому онъ арестовалъ все вино впредь до пополненія всей суммы. Арестуя, онъ опечаталъ не стояны, а самую дверь подвала. Это уже Богъ такъ хотѣлъ, улыбнулся Гершко.—Въ 7 дней недоимка была внесена, но при распечатаніи склада оказалось, что одинъ стоянъ лопнулъ, «оттого что



Общій видъ города Варшавы фотографіи К. Бейера, грав. Діедзи.

не было доступа въ подвалъ и небыло возможности набить обручи» и вино ушло въ землю. Объ этомъ мы составили актъ и потребовали вознагражденія.

— И что же—получили?

— Нѣтъ! Потому что помощникъ, не струсивъ, потребовалъ формальнаго слѣдствія. Этимъ мы ему дали понять, что будемъ вести съ нимъ войну; другой же разъ наказалъ я его жестоко. Дѣло было осеннее. Грязь была самая густая—и вотъ я задумалъ устроить нашему врагу штуку. Когда онъ пріѣхалъ на ревизію, я подослалъ къ нему моего человѣка съ доносомъ, что контрабандисты повезли въ сосѣдній складъ въ мѣстечко Z. двѣнадцать боченковъ заграничнаго спирта. Конечно, подосланный не забылъ описать примѣты тѣлеги и проч. Лошади были у акцизника отличныя и онъ ихъ очень любилъ, вотъ я и задумалъ коснуться этого больного мѣста, зная, что онъ, желая поймать контрабанду, не пожалѣетъ лошадей и загонитъ ихъ. Такъ и случилось. Завидѣвъ на степи, верстахъ въ трехъ отъ себя, описанную тѣлегу, запряженную прекрасной тройкой лошадей, онъ погнался за нею и гналъ ее 30 верстъ по грязи. Въ тѣлегѣ, на которой лежали пустые боченки, были привычныя, дѣйствительно возившія контрабанду лошади, а у него непривычныя къ такой адской ѣздѣ,—ну и кончилось тѣмъ, что контрабанды акцизный не поймалъ, а лишился всей четверки. Мѣсяцъ цѣлый онъ потомъ ѣздилъ на нанятыхъ и почтовыхъ, тогда намъ было лучше слѣдить за нимъ, такъ какъ намъ сообщали о его выѣздѣ.

— Вы боялись его?

— Страсть какъ! Главное потому, что онъ слѣдилъ за складами. Это вѣдь смерть. Въ заводѣ вѣдь трудно поймать, да и легче вывернуться. А въ складѣ, если только умно поведетъ дѣло, всегда накроетъ.

— Значитъ, еслибы акцизное вѣдомство закрыло часть складовъ или зорче слѣдило за ними, то...

— Тсъ!.. Павелъ Ивановичъ!.. поблѣднѣвъ остановилъ меня Гершко,—неровенъ часъ еще услышитъ кто нибудь.

— Вотъ гдѣ больное-то мѣсто! засмѣялся я.

— Но почему же? допытывался я.

— Развѣ воръ станетъ воровать, если онъ не будетъ имѣть мѣста, куда сбыть ворованное? Законное вино и перекуръ идетъ въ продажу оптомъ, а шварцъ... спокойной ночи! не докончивъ, протянулъ онъ мнѣ руку, вставая и направляясь въ другую комнату. На порогѣ онъ остановился, приложилъ къ губамъ палецъ, намекнувъ на молчаніе.

На другое утро я узналъ, что Гершко уѣхалъ на зарѣ въ заводъ, написавъ мѣломъ на столѣ возлѣ моей кровати: «тсъ!».

Напившись чаю, я выѣзжалъ изъ воротъ корчмы, намѣреваясь дорогою поохотиться, въ то время, когда къ ней подъѣхала усталая тройка знакомаго мнѣ разъѣзднаго надсмотрщика.

— Откуда? освѣдомился я.

— Изъ Р-скаго склада.

— Ловили небось?

— Какое! развѣ въ складѣ можно поймать что нибудь, кромѣ низко-пробнаго вина. Ну и напишешь актъ въ противность: молъ 285 ст... Вотъ въ заводѣ другое дѣло!

Я улыбнулся и, простившись, поѣхалъ по дорогѣ домой.

Недолинъ.

Варшава.

Варшава не можетъ, какъ Москва наша, похвалиться точною датою года своего основанія, но тоже существовала уже въ XII вѣкѣ. Въ концѣ XIII вѣка она дѣлается частною собственностью князей Мазовіи и, одинъ изъ нихъ, Конрадъ построилъ здѣсь на возвышенномъ берегу Вислы замокъ, при которомъ основалъ и часовню, съ теченіемъ вѣковъ обратившуюся въ главный костелъ Варшавскій—св. Яна. Въ XIV вѣкѣ Варшава становится резиденціею князей Варшавскихъ, а затѣмъ и цѣлаго герцогства Мазовіи, по смерти послѣдняго представителя мазовецкаго дома — Януша — перешедшей въ собственность польскаго короля Сигизмунда I. Прошло еще полстолѣтія слишкомъ и въ резиденціи герцоговъ мазовецкихъ поселились короли польскіе, промѣнявъ ее на свой древній Краковъ. Заставило это сдѣлать Сигизмунда III—постоянное уже собраніе сеймовъ въ Варшавѣ. Теперь истекаетъ третій вѣкъ уже когда Варшава,—имѣвшая въ гербѣ своемъ, какъ извѣстно сирену,—зажила политическою жизнью, гдѣ обольщенія всякаго рода для людей съ широкимъ карманомъ—какъ вообще въ столицахъ—заставляли простыхъ по образу жизни, хотя и богатыхъ средствами землевладѣльцевъ, хотя на короткое время, но пожить въ центрѣ удовольствій. Городъ росъ и обстраивался, и теперь вмѣщаетъ на своей 18-ти верстной площади, болѣе 264,000 душъ, занимающихъ 3269 домовъ, изъ которыхъ каменныхъ въ два съ половиною раза больше чѣмъ деревянныхъ (каменныхъ 2324, деревянныхъ 945); церкви же всѣ каменныя (40). Населеніе Варшавы въ настоящее время представляетъ свыше трехъ четвертей общаго итога собственно гражданъ, на массу которыхъ приходится только $3^1/_2$% ремесленниковъ, 3% иностранцевъ, 5% купцовъ, $^1/_2$% почетныхъ гражданъ и до 15% дворянъ. По вѣроисповѣданіямъ въ Варшавѣ: 15,550 католиковъ, 86,700 евреевъ, 15,000 протестантовъ, до 7,000 православныхъ (съ уніатами) меньше сотни армянъ и меньше полусотни магометанъ. Конечно въ это исчисленіе мы не включили гарнизона (до 14,000 чел.), который существенно повліялъ бы на усиленіе итога православныхъ. Пространство, застроенное домами въ Варшавѣ, составляетъ по разсчету $1570^2/_3$ десятинъ, подъ садами и скверами $75^3/_{100}$ десятинъ, подъ тротуары и мощеное пространство улицъ отходитъ вдвое болѣе ($158^2/_3$ десятинъ).

Рѣка Висла протекаетъ по городу на протяженіе 7 верстъ. Ширина же этой величественной рѣки отъ 280 до 240 саженъ. Лѣвый берегъ Вислы, на которомъ раскинулась Варшава, гораздо выше праваго, гдѣ доживаетъ предмѣстье Прага, нѣкогда городъ съ густымъ населеніемъ. Впрочемъ и теперь еще Прага занимаетъ пространство, составляющее треть самой Варшавы, въ длину (съ сѣвера на югъ) протягивающейся на $7^1/_3$ верстъ, при ширинѣ въ $4^1/_2$ версты. Обширный многоугольникъ построекъ, между которыми большинство довольно красивыхъ, окруженъ валами, перерѣзываемыми девятью заставами.

И все это расширеніе совершилось большею частію въ послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ. Варшава при Сигизмундѣ III простиралась отъ Мостовой улицы, не дальше Беднаэской. Теперешнія «Наливки» и «Медовая улица»—были загородными слободами, и блистательное «Краковское предмѣстье» — которымъ теперь гордится центръ приви-

слянской интеллигенціи, было предмѣстьемъ не въ фигуральномъ значеніи. Положимъ, къ сѣверу, часть узкой полосы по берегу Вислы, — гдѣ теперь цитадель, — была въ городѣ же. Но много ли это?

Первоначальная Варшава—«Старо място», было снабжено каменными стѣнами, сквозь которыя проходили четырмя воротами—время изгладило всякое воспоминаніе тѣхъ и другихъ. Только узенькіе фасады домовъ «Старомястскихъ» съ ихъ вычурными украшеніями и узкими улицами — одни даютъ понять древность сооруженія этихъ почтенныхъ представителей далекаго прошлаго, когда всякій строился, какъ ему угодно, не заботясь нисколько о сосѣдствѣ и обоюдныхъ удобствахъ.

Отъ того и стоятъ яркораскрашенныя снаружи, сырыя и ветхія внутри, эти каменныя громады, выродками какими-то среди веселой семьи младшихъ передъ ними домовъ и палацовъ, снабженныхъ не только обширными дворами и садами, но и иными принадлежностями человѣческихъ обитаній, которыхъ и не представляли себѣ еще надобности устраивать сооружатели фасадовъ на «Старомъ мястѣ», обходясь не только безъ клоакъ, но даже и безъ дворовъ. Но и между самыми представителями порядковъ начинавшейся цивилизаціи человѣчества, такъ называемый «Рыцарскій переулокъ»—составляетъ нѣчто оригинальное; дальше его кажется не шла неприхотливая безцеремонность въ самые вѣка рыцарскаго забіячества на улицѣ и скотскаго житья въ своихъ трущобахъ.

Нечего спрашивать, конечно, чего бы то ни было, напоминавшаго порядокъ. Въ излучинахъ узкихъ, кривыхъ переулковъ, скупо пропускавшихъ самый свѣтъ солнечный на свою дѣвственно-влажную почву, трудно было проѣхать, а не только отыскать нужнаго человѣка. Владѣльцы домовъ ухитрялись, положимъ, высоко поднимать примѣты—большею частью изображенія звѣрей и пернатыхъ, игравшихъ не послѣднюю роль въ гербахъ. Лебеди, орлы, львы, медвѣди, волки — съ разными замѣтками, качались себѣ подъ окнами, издавая звукъ металла изъ котораго ихъ выковали, —а искатель терялся въ догадкахъ, проклиналъ свою жестокую судьбу и тратилъ драгоцѣнное время, пока чье либо состраданіе не направляло его куда слѣдуетъ. И теперь еще на улицахъ Свентожской и Подвальной — можно видѣть старые признаки принадлежностей домовъ, едва ли тогда для большинства больше понятные, чѣмъ намъ они кажутся.

Грустный порядокъ вещей средневѣковой безтолковщины давно уже канулъ въ Лету, а Варшава настоящаго времени — городъ красивый, полный удобствъ и пріятный, во многихъ отношеніяхъ. Сады и скверы играютъ едва ли не самую почтенную роль въ сообщеніи особенной привлекательности центру привислинскаго жизненнаго движенія. Рынки Варшавы далеко не могутъ похвалиться опрятностью и отсутствіемъ снабженія воздуха міазмами, поэтому на разведеніе растительности въ городѣ обращены самыя горячія заботы администраціи. Благодаря такому похвальному направленію мѣстныхъ улучшеній, Варшава почти вся вымощена, а гдѣ дурна была и стара мостовая — перемощено вновь, какъ слѣдуетъ. Чугунъ и асфальтъ для тротуаровъ въ новыхъ улицахъ — изгоняютъ прочіе матеріалы, до него бывшіе въ употребленіи, хотя, правду сказать, Варшава простерла роскошь въ устройствѣ тротуаровъ до выдѣлки ихъ изъ мрамора даже. Съ устройствомъ бассейновъ и фонтановъ городу тоже придали большую чистоту и приступили даже къ преобразованію водостоковъ подъ землею, предварительно заведя примѣрный порядокъ по вывозу нечистотъ изъ города. По этой части, впрочемъ, Варшава еще не совсѣмъ исправилась. Должно также, волею неволею, терпѣть и деревянныя лѣстницы при каменныхъ многоэтажныхъ домахъ, вынося бѣдственные результаты отъ такого порядка почти при каждомъ пожарѣ, которыхъ, къ счастью, было не такъ много въ послѣдніе годы.

А въ срединѣ города, нужно замѣтить, населеніе очень густо и живетъ постоянно. Обычай удаляться на лѣто на дачи, также какъ и отдавать въ наемъ меблированныя комнаты—въ Варшавѣ далеко не развитъ и дачъ немного за городомъ. Вотъ почему мы и считаемъ благодѣтельными мѣрами устройство садовъ въ городѣ, которыхъ теперь очень довольно: пять большихъ садовъ, паркъ, 10 скверовъ, да еще 19 увеселительныхъ садовъ и заведеній въ городѣ и за городомъ, кромѣ 6 народныхъ театровъ. Есть гдѣ развлечься. Театровъ для порядочной публики: 4 постоянныхъ, да 3 временныхъ (лѣтнихъ); да 4 клуба.

Рынковъ имѣется для оптовой покупки и продажи—28, кромѣ гостинаго двора и биржи.

Благотворительными заведеніями, по части возстановленія здоровья Варшава, по размѣру населенія своего, тоже снабжена достаточно. Въ ней 10 большихъ общественныхъ и казенныхъ госпиталей, (всего на 5559 кроватей), да восемь частныхъ, спеціальныхъ, лечебницъ. Сверхъ того есть институтъ глухихъ и слѣпыхъ, основанный уже 55 лѣтъ, да 12 еще домовъ призрѣнія, гдѣ бѣдность дряхлая и болѣзненная находитъ себѣ пріютъ, а дѣти обучаются и исправляются отъ порочныхъ наклонностей. По городу заведены «дешевыя кухни» и заведенія для приготовленія супа. Устроены нѣсколько спеціальныхъ кассъ вспоможенія. Всякаго рода благотворительныхъ заведеній 48.

Для образованія народнаго—157 училищъ, всѣхъ степеней и разрядовъ, въ которыхъ получаютъ воспитаніе до 17,000 молодыхъ особъ обоего пола. Сверхъ того для малолѣтнихъ есть 18 пріютовъ и 3 колыбельни.

Пріобрѣтеніе знаній, внѣ училищъ, достигается еще въ двухъ общественныхъ библіотекахъ, безплатныхъ читальняхъ при пріютахъ и въ трехъ библіотекахъ (тоже даровыхъ), при частныхъ мѣстныхъ магазинахъ. Для ученыхъ работъ открыты 4 архива. При университетѣ Варшавскомъ есть обсерваторія, зоологическій музей (съ 35,000 предметовъ), и 4 кабинета (физическій, минералогическій, нумизматическій и гипсовыхъ слѣпковъ). Существуетъ также и выставка общества поощренія художествъ. Въ Варшавѣ издаются 43 періодическихъ изданія (3 на русскомъ языкѣ).

(Окончаніе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Недѣли двѣ тому назадъ, въ Испаніи совершилось событіе первостепенной важности: король Амедей отрекся отъ короны, вручилъ управленіе страною собранію народныхъ представителей (Кортесы) и выѣхалъ изъ предѣловъ Испаніи. На такой рѣшительный шагъ молодой король былъ вызванъ цѣлымъ рядомъ неудачъ и непріятностей, преслѣдовавшихъ его со дня вступленія на престолъ и до послѣдней минуты пребыванія его между гордыми и безпокойными испанцами. Читателямъ извѣстно, какого рода были эти непріятности и каково

было положеніе короля среди чуждой ему національности, незнакомаго ни съ условіями ея политической жизни, ни съ стремленіями большинства націи, полнаго хорошихъ намѣреній, но безсильнаго въ постоянной борьбѣ и отстаиваніи правительственной власти, которую силились вырвать изъ его рукъ различныя партіи. Читатели помнятъ также благородное заявленіе короля, что онъ охотно сложитъ съ себя власть, если только большинство народа этого потребуетъ... Строго держась этого обѣщанія, молодой король испробовалъ всѣ средства для умиротворенія страны и крѣпился до тѣхъ поръ, пока наконецъ не увидѣлъ, что чаша горечи переполнилась, и что ему ничего не остается, какъ только предоставить странѣ самой распоряжаться своими судьбами. Объ этомъ намѣреніи короля Амедея толковали уже давно; но отъ рѣшительнаго шага на этомъ пути его удерживали близкія къ правительству лица, не терявшія еще надежды на лучшее будущее. Болѣе двухъ лѣтъ сынъ Виктора-Эммануила считался королемъ Испаніи; за это время имъ перепробованы были различныя системы управленія страною: сначала, какъ человѣкъ современный, онъ пытался раздѣлить власть съ либеральною партіею, во главѣ которой стоятъ такіе честные государственные дѣятели, какъ Зорилья, Мартосъ, Кастеляръ и другіе. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ вслѣдствіе малочисленности этой партіи; а потому король обратился за содѣйствіемъ къ партіи консервативной, съ извѣстнымъ Сагастой во главѣ. Но такая перемѣна еще ухудшила дѣло: партія Сагасты, изобличенная въ самыхъ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, должна была пасть, уступивъ мѣсто той же либеральной партіи, которую въ началѣ прошлаго года смѣнила, съ тѣмъ же Зорильей во главѣ. Это новое обращеніе къ либеральной политикѣ окончательно возстановило противъ короля партію консерваторовъ, которая къ тому же не могла простить либераламъ задуманное ими освобожденіе невольниковъ на островахъ Кубѣ и Порто-Рико. Видя неуспѣхъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, замѣчая усиливавшееся съ каждымъ почти днемъ къ себѣ нерасположеніе націи, отъ котораго нѣсколько разъ подвергалась опасности даже самая его жизнь, король Амедей заявилъ Кортесамъ формальное отреченіе свое отъ престола, которое было принято единодушно, и за тѣмъ король, вмѣстѣ съ семействомъ, выѣхалъ изъ Мадрита. Въ шесть часовъ утра, изъ воротъ дворца, который былъ окруженъ густой толпой народа, выѣхала четырехмѣстная карета, вмѣщавшая въ себѣ короля и его семейство, и была встрѣчена криками: «да здравствуетъ республика»! Впрочемъ, народъ относился къ бывшему королю съ большимъ почтеніемъ и провожалъ его криками, направленными не противъ него, а противъ карлистовъ. Получивъ отреченіе короля, Кортесы должны были позаботиться о выборѣ формы правленія. Большинствомъ 266 голосовъ, противъ 32, провозглашена была въ Испаніи республика. Сѣверо-американскіе Штаты первые признали новорожденную республику; затѣмъ она была признана Англіей, Бельгіей, Швейцаріей и Франціей; въ скоромъ времени и остальныя державы признаютъ законность такого выбора. За тѣмъ, Кортесами былъ составленъ кабинетъ для управленія страною, въ составъ котораго вошли министры изъ республиканской партіи, съ Фигвэрасомъ и Кастеляромъ во главѣ; сдѣлано было заявленіе всѣмъ державамъ о происшедшемъ переворотѣ и разосланы циркуляры во всѣ города и провинціи Испаніи.

Между тѣмъ, въ странѣ далеко не спокойно: сѣверныя провинціи находятся въ рукахъ карлистовъ; въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ открылись-было революціонныя юнты, но узнавъ о провозглашеніи республики, тотчасъ же были распущены; въ самомъ Мадритѣ появилась на улицахъ прокламація отъ имени республиканскихъ депутатовъ, засѣдающихъ въ Кортесахъ, которая умоляетъ народъ поддерживать порядокъ и довѣриться своимъ избранникамъ. Въ Барселонѣ народъ потребовалъ себѣ оружія и двинулся къ арсеналу. Но мѣстныя власти съумѣли успокоить его, и порядокъ не былъ нарушенъ. Желая воспользоваться для своихъ видовъ настоящимъ неустройствомъ, бывшая королева Испаніи, Изабелла, возъимѣла намѣреніе попытать счастія на политическомъ поприщѣ, но не нашла для этого лучшаго средства, какъ только женить своего сына на дочери извѣстнаго герцога Монпансье. На предложеніе это герцогъ, какъ увѣряютъ, потребовалъ отъ Изабеллы такой перемѣны въ ея образѣ жизни, которая не только не могла понравиться бывшей королевѣ, но даже вконецъ разстроила все дѣло. Опасаются, что движеніе въ пользу республики распространится и на сосѣднюю съ Испаніей Португалію, правительство которой разослало по этому поводу особую ноту главнѣйшимъ кабинетамъ Европы, и въ отвѣтъ получило довольно успокоительныя вѣсти. Не смотря на это, въ Лиссабонѣ (столицѣ Португаліи) дѣло не обошлось безъ волненія, которое приняло-было такой угрожающій характеръ, что сильно заинтересованная въ португальскихъ дѣлахъ Англія послала на всякій случай свой фрегатъ къ берегамъ Португаліи.

О дѣятельности временнаго правительства Испаніи говорятъ много: такъ напримѣръ, увѣряютъ, что въ Кортесы на дняхъ будутъ внесены проэкты законовъ объ отмѣнѣ смертной казни и о введеніи одиночной системы тюремнаго заключенія; что недавно послѣдовало будто бы упраздненіе дворянскихъ титуловъ и гражданскихъ орденовъ, провозглашено отдѣленіе церкви отъ государства и проч. и проч. Поддержкою для правительства служатъ поздравительные и сочувственные адресы, во множествѣ получаемые имъ отъ испанскихъ гражданъ, а также признаніе испанской республики вліятельными державами Европы и Америки. Остается пожелать, чтобы эта новая форма правленія спасла, наконецъ, несчастную страну отъ раздирающихъ ее бѣдствій.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

№ 8 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 26 февраля 1873 года. **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

VII.

Рыбная ловля.

Весь этотъ день прошелъ довольно весело для Сергѣя Николаевича. Наташа почти не отходила отъ него; отъ души, на весь домъ хохотала, когда тотъ разсказывалъ ей что нибудь очень смѣшное, — хохоталъ и самъ старый пушкарь, хотя нѣсколько разъ заявлялъ сожалѣніе о томъ, что молъ «куда Петька Касаткинъ запропастился?» Недовольна была только Маланья Ивановна съ своимъ заслуженнымъ маіоромъ, совершенно отодвинутымъ на второй планъ, отодвинутымъ до того, что къ вечеру не составился даже преферансъ—любимое и неизбѣжное вечернее препровожденіе времени заслуженнаго штабъ-офицера.

Когда солнце сѣло и надъ слободкою повѣяло пріятною прохладою—предпринята была прогулка по старой Чиназской дорогѣ. Все общество пошло пѣшкомъ, Сергѣй Николаевичъ подъ руку съ Наташей, старый пушкарь—съ Маланьей Ивановной, маіоръ—самъ по себѣ, замыкая шествіе... Прогулка тянулась довольно долго — и когда вернулись домой, то была уже полночь, такъ что всѣ разошлись по домамъ, не заходя въ гостепріимныя комнаты Мартына Федоровича.

— Вы завтра опять съ утра приходите! сказала Наташа Ровичу—и сказала такъ тихо, что казалось только сама себя могла слышать.

— Хорошо, произнесъ Ровичъ и почувствовалъ, что руку его сильно сжали и нѣсколько секундъ не выпускали тонкіе, слегка дрогнувшіе пальцы дѣвушки.

— Гм! подумалъ Сергѣй Николаевичъ и наклонился къ самому уху своей спутницы.—Помните, что вамъ мурлыкалъ котъ?... Ну смотрите же—не забывайте.

— Хотѣлось бы не забыть, произнесла Наташа, вся покраснѣвъ, и быстро взбѣжала на ступеньки крыльца.

На другой день затѣяна была поѣздка всѣмъ обществомъ на затоны, на противуположномъ берегу Сыръ-Дарьи. Предполагалось устроить рыбную ловлю въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ—и еще съ вечера отправлены на мѣсто ловли тѣлеги съ палатками, посудою и разнымъ провіантомъ.

Въ прогулкѣ этой приняли участіе почти всѣ привилегированные жители Чиназа: комендантъ съ семействомъ, офицеры мѣстнаго баталіона тоже съ семействами, гости, случайно пріѣзжіе изъ Ташкента,—и такимъ образомъ цѣлая вереница парныхъ и троечныхъ тарантасовъ, поднимая густые клубы дорожной пыли, звеня на всѣ лады колокольчиками и бубенчиками, потянулась изъ слободки къ коканскому перевозу. Между экипажами гарцовали отдѣльные всадники, заскакивая то справой, то слѣвой стороны тарантасовъ, и любезничая съ разряженными дамами. Всѣмъ было чрезвычайно весело и звонкій смѣхъ покрывалъ собою даже стукотню колесъ, особенно когда кавалькада катила по легкому грунту песчанаго берега.

Длинныя дрожки, такъ называемыя «долгуши», запряженныя порою раскормленныхъ лошадокъ, неслись впереди всѣхъ. Тамъ сидѣло семейство стараго пушкаря, къ которому пристроился и Сергѣй Николаевичъ, помѣстившись па одной сторонѣ съ Наташей; противуположную сторону занимали Мартынъ Федоровичъ съ супругою, а заслуженный маіоръ галопировалъ рядомъ, ловко подбоченясь и подпрыгивая на сѣдлѣ своимъ толстенькимъ туловищемъ.

Наташа говорила съ Сергѣй Николаевичемъ вполголоса, и какъ ни старался маіоръ нагибаться съ сѣдла въ ихъ сторону, онъ положительно не могъ ничего разслышать.

— Сегодня утромъ пріѣзжалъ киргизъ? спрашивалъ Ровичъ свою сосѣдку.

— Да, очень-очень рано, отвѣчала Наташа, — еще до солнечнаго восхода — Петръ Михайловичъ на дальнихъ аулахъ, тамъ киргизы жаловались ему, что тигры ихъ очень обижаютъ, онъ и прислалъ за Бабаджакомъ и Трубаченко—хотятъ охоту на звѣрей устроить.

— Мартынъ Федоровичъ видѣлъ этого киргиза?

— Да, пока велѣлъ ему передать Петру Михайловичу, что мы всѣ рыбу будемъ ловить на затонахъ, а это въ ту же сторону будетъ, такъ чтобы онъ приходилъ туда.

— Онъ прійдетъ навѣрное.

— Не знаю, задумчиво проговорила Наташа.

— А вамъ бы очень хотѣлось? Ровичъ наклонился къ самому личику дѣвушки.

— Сказать вамъ правду?

— Конечно.

— Нѣтъ, произнесла она чуть слышно, и Сергѣй Николаевичъ почувствовалъ, какъ дрогнуло плечо дѣвушки, легко прикоснувшись къ его локтю.

— А мнѣ бы очень хотѣлось, произнесъ Ровичъ.—Во первыхъ потому, что иначе мнѣ не прійдется и познакомиться съ нимъ хорошенько до моего отъѣзда; а во вторыхъ потому, что мнѣ очень бы хотѣлось принять участіе въ этой интересной охотѣ.

— Наталья Мартыновна, у васъ подольчикъ у самаго колеса, предупредительно сообщилъ маіоръ, — въ дегтю пожалуй замарается.

Тарантасы подъѣзжали къ переправѣ. Передніе остановились и начали распрягать лошадей. Пассажиры повылѣзли изъ экипажей и стали переходить на возвышенную палубу парома. Старый Нурмедъ перевозчикъ встрѣтилъ гостей низкими поклонами и безпрестанными прикладываніями рукъ ко лбу, губамъ, сердцу и животу.

Спустя часъ времени, вся кавалькада была уже на противуположномъ берегу и экипажи понеслись къ камышамъ, постепенно исчезая изъ глазъ въ густыхъ заросляхъ; только тамъ и сямъ мелькали изрѣдка шапки верховыхъ и длинная пыльная полоса стлалась надъ пожелтѣлыми вершинами камышевыхъ стеблей.

Громадные затоны, на берегу которыхъ расположилось лагеремъ все чиназское общество, состояли изъ большихъ, извилистыхъ, обрамленныхъ камышами водныхъ массъ, уцѣлѣвшихъ послѣ разлива Сыръ-Дарьи и не успѣвшихъ испариться во время лѣтнихъ жаровъ, до самой осени, то есть, до новаго разлива. Воды этихъ покойныхъ, нѣсколько солоноватыхъ на вкусъ, озеръ, періодически сообщающіяся съ приточными водами великой средне-азіатской рѣки, кишатъ рыбою. Аршинные карпы, толстые и жирные лещи лѣниво плаваютъ въ нагрѣтой водѣ цѣлыми полчищами, или неподвижно покоятся на одномъ мѣстѣ, сквозя на поверхности своими длинными темными спинами. Молодой усатый сомъ, прозѣвавшій стокъ воды и непопавшій обратно въ рѣчныя воды, зарылся въ самый покойный уголокъ илистаго дна, и только слабое движеніе его усовъ выдаетъ притаившагося разбойника. Тамъ и сямъ, словно воры, избѣгая ярко-освѣщенныхъ солнцемъ пространствъ, бродятъ одинокія, зубастыя щуки: тѣсно имъ въ этихъ мелководныхъ затонахъ, ждутъ не дождутся онѣ новаго разлива, и злобно посматриваютъ направо и налѣво—не подвернется ли какая нибудь зазѣвавшаяся рыбка, предназначенная судьбою для утоленія голода ненасытной зубатой мегеры.

Цапли попарно бродятъ по берегамъ этихъ затоновъ и ощупываютъ своими длинными носами каждую кочку, каждую кучку сыраго, темно-зеленаго, лоснящагося илу. Чайки носятся надъ водою, бороздятъ ее своими крыльями и высматриваютъ: не серебрится ли гдѣ-нибудь на поверхности брюшко уснувшей рыбки.

Мѣстами камышъ подступаетъ къ самымъ берегамъ затоновъ, заходитъ даже далеко въ воду, образуя густыя, подводныя чащи—пріютъ всякой водяной твари; мѣстами-же тянутся широкія, свободныя отъ всякой растительности береговыя полосы, покрытыя мелкимъ, сыпучимъ пескомъ и бѣловатыми ракушками. На пескѣ этомъ частенько встрѣчаются отпечатки кабаньихъ ногъ, легкіе оттиски сайгачныхъ копытъ; а иногда и, внушающіе невольно почтеніе, слѣды тигра. Кучки потухшей золы и чернѣющіяся головешки старыхъ костровъ пестрятъ тамъ и сямъ желтоватыя массы песку—это рыбаки изъ Чиназа, а можетъ кто изъ сосѣднихъ кочевниковъ, варили себѣ уху изъ продуктовъ удачной ловли. И надъ всѣмъ этимъ высоко, словно неподвижно стоитъ жаркое лѣтнее солнце и обдаетъ все ровнымъ, монотоннымъ, разслабляющимъ жаромъ; а лишенный лучей дискъ его дрожитъ и сверкаетъ сквозь знойную мглу, нависшую надъ безлюдною пустынею.

Выбрали мѣсто, гдѣ было посвободнѣе отъ зарослей, и сдвинули тарантасы оглоблями вмѣстѣ. На поднятыя и связанныя попарно оглобли были накинуты ковры, попоны, все что только могло защитить отъ солнечныхъ лучей,—и такимъ образомъ составился громадный навѣсъ, подъ которымъ расположилось все общество. Лошади бы-

ли привязаны поодаль, къ отдѣльнымъ повозкамъ, и фыркали, отмахиваясь отъ миріадъ докучливыхъ оводовъ. У самаго берега, конюхи и прочая прислуга возились надъ громадными самоварами, раздувая ихъ и распространяя вокругъ цѣлыя облака густаго, чернаго дыма. Поодаль на пескѣ разостлали мокрые невода—и старый пушкарь опытнымъ взглядомъ оцѣнивалъ ихъ прочность и годность, покрикивая на солдатъ рыбаковъ, которые, въ однихъ рубахахъ, босоногіе, возились съ старою плоскодонною лодкою, привезенною съ собою изъ Чиназа.

— Стой. Ну, а эта дыра—какъ же? недоумѣвая произнесъ Мартынъ Федоровичъ.

— Дыра?... Эта дыра ничего. Въ нее нѣшто мелочь какая проскочитъ, а ежели что путное—ни-ни! говорилъ солдатъ рыбакъ и просовывалъ въ дыру по локоть свою мохнатую руку, какъ бы желая удостовѣриться: въ самомъ ли дѣлѣ не можетъ проскочить въ нее что-нибудь «путное?».

— Надо зашить, раза два на крестъ проштопать, рѣшаетъ старикъ.

— Можно и проштопать, соглашается рыбакъ.

— А что, лодка сильно течетъ? кидается Чижиковъ въ другую сторону.

— Самую малость, отзывается чей-то голосъ,—одинъ грести будетъ, двое съ бичевою, двое ковшами отливать будутъ; поспѣютъ.

— Спускай.

— Легче, не черти по песку, днище отвалится.

— Ну, разомъ!

— Господи благослови!

— Пошли Царица Небесная!

— Сперва отсюда, потомъ эдакъ тѣмъ берегомъ, волокомъ-волокомъ, а потомъ на ту отмель, вонъ кустики торчатъ, а вытаскивать сюда! распоряжается Мартынъ Федоровичъ.

— Батенька, послушайте-ка, подходитъ нѣмецъ комендантъ подъ руку съ своею супругою,—надо выволакивать поближе, чтобы дамамъ видно было. Я бы совѣтовалъ сюда, комендантъ показалъ рукой на часть берега почти у самихъ тарантасовъ.

— А вотъ когда стемнѣетъ немного, а то теперь неловко, возражаетъ Мартынъ Федоровичъ.—Тутъ, знаете, народъ въ однихъ рубахахъ, почитай нагишемъ. Суета, горячка, не остережется какъ нибудь.... Неловко! а вотъ въ сумеречки, при огонькѣ, ну тутъ ничего, все не такъ замѣтно...

— А, это правда! соглашается комендантъ.

Въ ожиданіи ловли все общество разбрелось по берегу попарно и болѣе многочисленными группами. Подъ навѣсомъ, двѣ барыни съ помощью адъютанта сервировали обильную выпивку и подзакуску, распаковывая объемистыя корзинки со всякою провизіею; въ сторонѣ пылалъ громадный костеръ, грозя запалить всѣ сосѣдніе камыши; на высокихъ жердяхъ прилаживали котелъ для варки ухи.

А въ верстѣ отсюда, въ камышахъ, стоялъ неподвижно и прислушивался къ разнообразнымъ звукамъ, несущимся съ береговъ затона, Петръ Михайловичъ. Ему говорилъ киргизъ, пріѣхавшій съ перевозу, что сегодня ловля назначена,—и онъ не утерпѣлъ, чтобы не пойти въ ту сторону, гдѣ можетъ быть, да даже и навѣрное могъ увидѣть свою вѣтреную Наташу. Онъ не хотѣлъ показаться на глаза, ему почему-то было совѣстно; ему казалось, что, при взглядѣ на него, на губахъ каждаго появится самая насмѣшливая улыбка.... Онъ слышалъ далекій смѣхъ—и ему казалось, что это именно смѣются надъ нимъ, и больше всѣхъ хохочетъ и издѣвается этотъ пріѣзжій щеголь, что... Да вонъ онъ, или это бредъ его воспаленной фантазіи?... Нѣтъ, это точно онъ... Вонъ онъ, чуть замѣтный сквозь густую чащу, идетъ подъ руку съ Наташею, съ ними еще кто-то—это маіоръ; онъ не отстаетъ отъ нихъ ни на шагъ... А! не нравится?! Вамъ бы хотѣлось однимъ остаться?... Мѣшаетъ этотъ старый дуракъ!... Еще какое-то красное платье мелькаетъ въ камышахъ, вонъ зеленѣетъ шелковая ряска священника... Чу! выстрѣлъ раздался: кто-то забавляется — стрѣляютъ въ подброшенную кверху шапку...

Касаткинъ ползкомъ пробрался еще ближе къ гуляющимъ. Альфа его чуяла знакомыхъ, порывалась впередъ, махала хвостомъ и радостно повизгивала, готовая разразиться самымъ веселымъ, самымъ неудержимымъ лаемъ.

— Мимо-съ, произнесъ священникъ.

— Какъ мимо? задѣлъ! говорилъ Пуговицынъ, осматривая тщательно фуражку, служившую цѣлью.—Вотъ, извольте видѣть, въ козыркѣ, дробина—разъ, дробина—два, вотъ еще одна... Какъ же-съ мимо!...

— А позвольте, у васъ лѣвый стволъ заряженъ? позвольте мнѣ, просилъ священникъ...

— Извольте, я бросаю, Пуговицынъ приготовился подбросить шапку.

— Хотя не по моему сану упражняться въ употребленіи разрушительныхъ, смертоносныхъ оружій.... однако.... отецъ іерей взялъ курокъ.

— Разъ-два-три!...

Раздался выстрѣлъ. Всѣ расхохотались.

— Во что же вы стрѣляли, батюшка?

— А въ шапку. Развѣ не попалъ?

— Да я ее и не бросилъ вовсе—вотъ она! говорилъ капитанъ сквозь хохотъ.—Я только такъ примѣрно, а вы сейчасъ бацъ!...

— Ну какъ же это, господа?...

— Да это что—въ шапку! въ шапку — пустяки, все равно что въ стѣнку. А вотъ Касаткинъ, такъ тотъ безъ промаха катаетъ въ куриное яйцо... Чуть блеснетъ оно высоко-высоко, а онъ хлопъ—и почти что со всѣмъ не цѣлясь—только и видѣлъ... въ дребезги!... говорилъ капитанъ Пуговицынъ.

— А вы, Сергѣй Николаевичъ, хорошо стрѣляете? кокетливо улыбаясь спрашивала своего кавалера Наташа, и почти повисла у него на рукѣ, ласково, весело глядя ему въ лицо, изъ подъ своей густой вуалетки.

— Порядочно. По крайней мѣрѣ, прежде стрѣлялъ; теперь давно, вотъ уже съ мѣсяцъ какъ не упражнялся.

— Это много, вмѣшался капитанъ, — стрѣльба, все равно что игра на бильярдѣ, требуетъ постояннаго упражненія,—а то сейчасъ въ рукѣ чувствуется уже что-то не то, музыка не та совсѣмъ. Это вѣрно!

— У васъ хорошее ружье? спрашивала Наташа, поглядывая на щегольской двуствольный штуцеръ, ловко висѣвшій на шитой перевязи за плечомъ Ровича.

— А вотъ хотите попробовать!

Сергѣй Николаевичъ улыбнулся, снялъ штуцеръ, и подалъ его своей дамѣ.

— А вотъ вамъ мишень.

Капитанъ взялъ свою фуражку и повѣсилъ ее на высокую камышину.

— Штуцеръ заряженъ пулями, предупредилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ахъ, да какой онъ тяжелый, произнесла дѣвушка, взвѣшивая оружіе.

— Ну, стрѣляйте!

— Это очень далеко, я стану поближе.

— Да и такъ не болѣе двадцати шаговъ.

Наташа приложилась... жалобно визжа, безплодно разсѣкая воздухъ, понеслась освобожденная пуля.

— Мимо!...

— Я еще-еще, это не считается.

— Вы еще не приноровились къ оружію, шутилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ай! неистово завизжала казначейша.

— Стойте, стойте! крикнулъ весь блѣдный Пуговицынъ, — тамъ человѣкъ, я сейчасъ видѣлъ... Вотъ онъ сюда идетъ.

Какъ бомба, неожиданно-ворвавшаяся черезъ потолокъ въ домъ осажденнаго города, такъ изъ-за кустовъ стремительно вылетѣла красавица Альфа и принялась визжать и виться около Наташи, прыгая вверхъ и стараясь лизнуть въ лицо.

— Ба, да это нашъ охотникъ! вскричалъ капитанъ,— молодецъ что пришелъ, молодецъ!.. Ну распотѣшилъ!

Капитанъ пошелъ навстрѣчу приближающемуся охотнику.

— Петръ Михайловичъ, какими судьбами? привѣтствовалъ Касаткина отецъ іерей.

Наташа поблѣднѣла и молча смотрѣла на своего Петю, полу-раскрывъ ротъ и машинально лаская рукою голову собаки.

— Мнѣ такъ пріятна эта встрѣча съ вами, началъ Ровичъ, протянувъ обѣ руки Касаткину. — Я былъ у васъ въ домѣ, но мнѣ сказали, что вы уѣхали надолго, на охоту.

— Да уѣхалъ, отрывисто произнесъ Касаткинъ и не подходилъ къ Наташѣ.

— Вы меня не замѣчаете, кажется? холодно произнесла Наташа, успѣвшая уже нѣсколько оправиться отъ этого неожиданнаго явленія.

— А мы было тебя чуть-чуть не подстрѣлили, хохоталъ Пуговицынъ, — ну, кой чортъ могъ знать, что ты тамъ сидишь въ кустахъ! Да хорошо что во время замѣтили, а то барышня вторую пулю собралась посылать....

Касаткинъ поздоровался со всѣми, пожалъ даже руку Сергѣя Николаевича и неловко раскланялся съ Наташею. Онъ былъ совсѣмъ не по себѣ, и казался какимъ-то растеряннымъ.

— Господа! такъ какъ теперь лучшіе наши стрѣлки въ сборѣ,—вотъ жаль только, что Трубаченко и Бабаджака нѣтъ!—мы послѣ, вечеромъ, устроимъ призовую стрѣльбу... А тѣ, братъ, къ тебѣ, въ аулъ къ Гайкулѣ бабаю поѣхали, обратился Пуговицынъ къ Касаткину,—тигровъ стрѣлять. Ты ихъ видѣлъ?

— Нѣтъ еще, они должны были пріѣхать послѣ моего ухода оттуда; теперь они должно быть тамъ и ждутъ меня.

— Вы не откажетесь принять мое участіе въ вашей охотѣ? спросилъ Ровичъ.

— Коли не боитесь, пріѣзжайте.

— Въ обществѣ такого опытнаго стрѣлка—опасность весьма незначительна.

— Гм!..

— А не пора ли къ тарантасамъ? предложилъ казначей.

— Время такое, знаете ли? отецъ іерей потеръ рукою по желудку.

Все общество тронулось къ берегу.

Наташа поспѣшила взять подъ руку Сергѣя Николаевича, она безсознательно боялась Касаткина; она боялась, что тотъ предложитъ ей руку, какъ это бывало прежде; она готова была отказать ему, еслибы это случилось.

— Что съ вами, вы вся дрожите?... спросилъ ее Ровичъ.

— Я сама не знаю, отвѣчала Наташа, и въ голосѣ ея ясно дрогнули навертывающіяся слезы.

— Нѣтъ, моя пѣсня спѣта! думалъ Касаткинъ, глядя на нашу пару.

Онъ шелъ сзади всѣхъ и такъ и порывался снять свое ружье, прицѣлиться и влѣпить зарядъ въ этотъ затылокъ съ англійскимъ, словно по шнурку разрѣзаннымъ проборомъ.

Этотъ взглядъ чувствовала Наташа, и ея страхъ все увеличивался и увеличивался, она просто стиснула локоть своего кавалера—и невольно усиливала шагъ.

— Успокойтесь, дитя мое! тихо, чуть слышно ободрялъ ее Ровичъ.

— «Дитя мое» еще тише повторили поблѣднѣвшія губы Наташи.

Ловля была въ самомъ разгарѣ, и уже около котла, судорожно бились по песку крупные карпы, нанизанные на тростинки, продѣтыя сквозь окровавленныя жабры. Рыбаки вытаскивали на берегъ—неводъ и торопливо подхватывали на руки кромку кормы, чтобы помѣшать добычѣ выпрыгивать въ время выволока. Кольцами извивались и плескались аршинныя щуки; словно золотыя овальныя блюда, сверкали на солнцѣ бока десятифунтовыхъ лещей; усиленно дрыгали ножками, кстати захваченныя по пути, пятнистыя, зеленоватыя лягушки; въ густомъ илу, вытащенномъ съ самой глубины затоновъ, копошилась какая-то мелочь,—и даже маленькая водяная змѣйка туда и сюда поворачивала свою оживленную головку, пытаясь прорваться сквозь опутавшую ее, предательскую сѣтку.

Въ ожиданіи ухи все общество засѣло подъ навѣсъ пить чай. Прибытіе Касаткина было встрѣчено всеобщимъ изъявленіемъ радости. Его распрашивали о предстоящей охотѣ, выражали шутливое опасеніе, какъ бы тигры эти не пожаловали теперь сюда, принять участіе въ ихъ пикникѣ. Кавалеры пугали дамъ, увѣряя, что слышатъ чрезвычайно подозрительный трескъ въ камышахъ, и даже видятъ страшныя головы звѣрей, выглядывающіе изъ чащи. Дамы притворно пугались, взвизгивали—и это давало имъ случай придвигаться поближе къ своимъ защитникамъ. Вообще всѣмъ было очень весело, кромѣ Касаткина, который все время угрюмо сидѣлъ забившись въ самую глубину навѣса, давая только самые короткіе отвѣты — и то лишь тогда, когда этого избѣжать было рѣшительно невозможно.

Нельзя сказать, чтобы и Наташа была въ хорошемъ расположеніи духа; ее видимо смущало присутствіе Петра Михайловича, и когда послѣ чая Мартынъ Федоровичъ сказалъ, обратясь къ ней: «А что, Наташа, ты вотъ въ лодкѣ любишь кататься—теперь ребята позамазали дно—течетъ немного — хочешь, садись къ рулю?», то Наташа не заставила повторять предложеніе и быстро выскочила изъ подъ навѣса, словно ея душила тамошняя атмосфера и ей хотѣлось поскорѣе выбраться на вольный воздухъ. Сергѣй Николаевичъ, не смотря на краснорѣчивый взглядъ Наташи, брошенный вскользъ на него, не поѣхалъ, и, подойдя къ берегу, занялся разсматриваніемъ добычи.

— Ты куда же это? обратился Пуговицынъ къ Касаткину, замѣтивъ, что тотъ собирается уходить.

— Пойду опять къ Гайкулѣ, ты видишь—пора! отвѣчалъ тотъ.

Крестьянскія дѣти. Рисунокъ и композиція Коверзнева, грав. Ө. Г. Герасимовъ.

— Ничего не пора — сиди; ужинать будешь съ нами, а тамъ мы тебя довеземъ до дороги.

— До заката осталось не болѣе двухъ часовъ, я только-только успѣю выбраться изъ камышей. Ну, прощай! Прощайте, господа!

Упрямство и настойчивость Петра Михайловича были всѣмъ извѣстны—и никто не настаивалъ на томъ, чтобы охотникъ оставался доканчивать пикникъ вмѣстѣ съ другими. Только комендантъ напомнилъ, что высшее начальство, кажется, ожидаютъ черезъ четыре дня въ Чиназъ, для какой-то ревизіи, и потому не мѣшаетъ, чтобы къ тому времени всѣ офицеры были въ сборѣ.

— Буду, лаконически отвѣчалъ Касаткинъ, поклонился, подозвалъ Альфу и пошелъ, даже не взглянувъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ на берегу Ровичъ и смотрѣлъ, какъ въ покойномъ зеркалѣ воды отражалась плывущая лодка, маститая фигура стараго пушкаря и свѣтлое платьице хорошенькой, задумчивой Наташи.

— Послушай-ко, остановился Касаткинъ и подозвалъ Пуговицына.

— А, что скажешь?

— Скажи ты этому... вонъ сидитъ, Касаткинъ кивнулъ на Ровича,—что ежели онъ хочетъ стрѣлять тигровъ, такъ пріѣзжалъ бы завтра къ закату солнечному въ аулъ. Завтра мы первую ночь въ засаду пойдемъ; лабазы сегодня я рыть велѣлъ... Такъ и скажи ему.

— Скажу... Да ты самъ пойди, вонъ онъ сидитъ.

— Ну его!..

Касаткинъ махнулъ рукою и быстро пошелъ, мелькая въ чащѣ своею бѣлою фигурою. Альфа побѣжала за нимъ, подцѣпивъ на бѣгу какую-то, должно-быть превкусную кость.

Лодка причалила къ берегу. Наташа выскочила на песокъ, съ помощью протянутой руки Сергѣя Николаевича.

— Петръ Михайловичъ Касаткинъ просилъ меня передъ уходомъ своимъ передать вамъ... обратился Пуговицынъ къ Ровичу.

— А развѣ онъ ушелъ? быстро произнесла Наташа и вся вспыхнула.

— Ушелъ, только что ушелъ, отвѣтилъ ей капитанъ и, оборотясь къ Ровичу, передалъ ему предложеніе Касаткина.

— Зачѣмъ же откладывать до завтра? я сейчасъ отсюда и пойду, покойно произнесъ Сергѣй Николаевичъ.— Оружіе со мною, а дорогу я найду. Тутъ, сколько я помню по разсказамъ, въ аулы Гайкулы только и есть одна дорога.

— Поздновато будетъ, замѣтилъ Пуговицынъ.

— У меня просьба къ вамъ, капитанъ.

— Чѣмъ прикажете служить?..

— Да вашею верховою лошадью. Я ѣздокъ довольно порядочный и ручаюсь, что возвращу вамъ ее въ совершенной исправности.

— Э, помилуйте, это совершенные пустяки... Архипъ! крикнулъ капитанъ конюху. — Отвяжи-ко «Лысаго», да подтяни подпруги.

— Гм!.. началъ священникъ и замялся.

— Сергѣй Николаевичъ, обратилась къ нему Наташа и отошла въ сторону. — Не ѣздите — не надо... сказала она, когда тотъ подошелъ къ ней.

— Это отчего? удивился Сергѣй Николаевичъ.

— Я не знаю — я не могу вамъ сказать, у меня есть тяжелое предчувствіе.

Наташа едва удерживалась, чтобы не разрыдаться...

— Ну полноте, ну успокойтесь! Посмотрите, на васъ смотрятъ, говорилъ ей Сергѣй Николаевичъ.

— Пока передъ ужиномъ, давайте играть въ горѣлки, это возбудитъ аппетитъ, продолжала одна изъ дамъ.

Побѣгали, покричали; устали страшно, усѣлись на коврахъ и принялись пѣть хоромъ. Хоръ положительно не клеился. Какъ ни взвизгивала казначейша, вытягивая — «Я посѣю—я по—сѣю»... Какъ ни надсаживался басомъ капитанъ, выдѣлывая рулады на словахъ «Воръ воробей», ничего хорошаго не выходило. Попробовали пѣть соло... Сергѣй Николаевичъ пропѣлъ довольно недурно—романсъ «Поймешь ли ты души моей волненье». Капитанъ Пуговицынъ началъ было: «Сѣдлайся вновь, конь вѣрный мой», но на первомъ куплетѣ объявилъ, что онъ теперь положительно не въ голосѣ... Вообще пикникъ не клеился. Появленіе Касаткина, его угрюмый видъ, внезапный уходъ его, потомъ спѣшные сборы на охоту пріѣзжаго гостя,—все это какъ-то странно, тяжело подѣйствовало на всѣхъ, словно всякъ чуялъ, что это добромъ кончиться не можетъ. Если каждая мелочь въ семейномъ быту одного не остается тайною для всѣхъ другихъ,—явленіе самое обыкновенное въ маленькихъ обществахъ нашей такъ-называемой глуши,—то драма, разыгрывающаяся въ семействѣ стараго пушкаря давно уже не была ни для кого тайною—и потому, при первомъ появленіи Касаткина, всѣ съ лихорадочнымъ любопытствомъ и вниманіемъ слѣдили за каждымъ моментомъ встрѣчи его съ Сергѣй Николаевичемъ. Всѣ чего-то ждали, и, по соображеніямъ каждаго,— ждали чего-то непремѣнно недобраго.

— Хоть бы *онъ* убирался отсюда скорѣе въ Самаркандъ, что-ли?.. думалъ казначей, поглядывая на Ровича.

А когда Ровичъ сѣлъ на лошадь, чтобы ѣхать въ дальніе аулы, то отецъ іерей многозначительно произнесъ.

— Не слѣдовало бы; по многимъ даннымъ не слѣдовало бы, и еслибы я былъ начальство (священникъ искоса взглянулъ на коменданта), то я бы непремѣнно воспрепятствовалъ.

— А по мнѣ, хоть бы они оба сквозь землю провалились! обратилась Маланья Ивановна къ заслуженному маіору.—Право и не пожалѣла бы нисколько.

— Ты совсѣмъ дура стала... словно про себя замѣтилъ Мартынъ Федоровичъ.

— Все въ волѣ Господней! вздохнулъ заслуженный маіоръ.

— Я вамъ послѣзавтра привезу отличную полосатую шкуру, — а вы изъ нея сдѣлайте себѣ коверъ, весело говорилъ Сергѣй Николаевичъ, сидя на лошади и разбирая поводья.

Наташа стояла шагахъ въ трехъ и грустно смотрѣла на отъѣзжающаго своими большими, заплаканными глазами.

Густые сумерки спустились надъ землей; а пламя зажженныхъ костровъ было не достаточно сильно, что выдать всѣмъ окружающимъ — печаль на лицѣ дѣвушки. Никто даже не замѣтилъ, какъ Наташа быстро перекрестила рукою вслѣдъ — отъѣхавшему крупною рысью — Ровичу.

Пора было собираться домой. Тарантасы раздвинули и уложили, лошади были запряжены и вереница экипажей потянулась обратно къ берегамъ Сыръ-Дарьи.

А тѣмъ временемъ Петръ Михайловичъ быстро шагалъ по направленію къ дальнимъ ауламъ. Его и усталость не брала, не смотря на то что вотъ уже верстъ восемь какъ шагаетъ онъ, да такъ шагаетъ, что только на лошади

развѣ можно поспѣть за этимъ быстроногимъ охотникомъ.

Касаткинъ, не смотря на быструю ходьбу, былъ блѣденъ — во рту у него все пересохло и глаза, неподвижно устремленные впередъ, смотрѣли какъ-то странно, словно у помѣшаннаго.

Нѣсколько фазановъ вылетѣло у него изъ подъ самыхъ ногъ — онъ ихъ даже и не замѣтилъ. Даже Альфа подозрительно оглянулась на своего господина, такъ странно показалось для нея это необыкновенное равнодушіе въ пылкомъ охотникѣ.

— Очевидно, она меня любитъ, думалъ Сергѣй Николаевичъ, покачиваясь въ покойномъ казачьемъ сѣдлѣ.

Лысый шелъ крупною иноходью, отфыркиваясь отъ пыли и изрѣдка звякая подковами, когда задняя нога цѣпляла на ходу за шинъ передней подковы.

— Ну-съ, какъ же теперь вы поступите, Сергѣй Николаевичъ? будете продолжать вашу неблагодарную роль добраго генія, или же вспомните, что самое выгодное и современное быть эгоистомъ?.. Гм!.. а вѣдь дѣвушка такая что...

Сергѣй Николаевичъ поправилъ кончики усовъ, подхлеснулъ Лысаго и поскакалъ крупнымъ галопомъ.

Вѣроятно мечты его были самаго пріятнаго свойства, потому что онъ нѣсколько разъ весело улыбнулся и даже громко засмѣялся и сталъ напѣвать какую-то французскую шансонетку...

Топотъ скачущей лошади отчетливо раздавался въ ночной тишинѣ и далеко разносился въ камышахъ. Этотъ топотъ коснулся и до ушей Касаткина, онъ удвоилъ шагъ, почти побѣжалъ... Вдругъ онъ замеръ, остановившись на одномъ мѣстѣ.

Сквозь чащу ясно мелькнулъ бѣлый китель скачущаго, этотъ голосъ, эти французскія слова пѣсни не допускали никакого сомнѣнія — кто былъ ночной ѣздокъ.

Согнувшись къ самой землѣ, прыжками, какъ тигръ на добычу, ринулся Касаткинъ къ опушкѣ дороги и припалъ между двумя частыми кустами камыша.

— Одинъ... съ глазу на глазъ... кругомъ пустыня... мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ приложился.

Прямо противъ прицѣла виднѣлась бѣлая фигура наѣздника—фигура эта все росла, по мѣрѣ приближенія.

— Судьба, сама судьба! прошептали дрожащія губы Касаткина.

— Et beaucoup d'autres choses...

Ясно слышались слова куплета.

Сухой, обрывистый выстрѣлъ разомъ прервалъ шансонетку и глухо понеслось перекатами пустынное эхо, разнося этотъ звукъ далеко-далеко, вплоть опять до тѣхъ же ауловъ Гайкулы бабая.

(Продолженіе будетъ).

Крестьянскія дѣти.

Обаятельно-прекрасенъ міръ дѣтства! Вглядитесь въ выраженіе любаго дѣтскаго личика, вникните въ думы, что роятся въ этой маленькой головкѣ, вслушайтесь въ эти безхитростныя рѣчи, — и какъ бы вы ни были утомлены и измучены жизнію, у васъ посвѣтлѣетъ на сердцѣ. Посмотрите напр. на этихъ крестьянскихъ дѣтей, что заглядываютъ на нашей картинкѣ въ щели сарая. Усталый отъ ходьбы по болотамъ, поэтъ заснулъ тамъ глубокимъ сномъ.

«Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи,
Воркуетъ голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи.
Летитъ и другая какая-то птица—
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ;
Чу! топотъ какой-то... и вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ.
Все сѣрые, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты!
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замеръ: коснулось души умиленье....
Чу! топотъ опять.

Первый голосъ.

Борода!

Второй.

А баринъ, сказали!...

Третій.

Потише, вы черти!

Второй.

У баръ бороды не бываетъ—усы.

Первый.

А ноги-то длинныя, словно какъ жерди.

Четвертый.

А вона на шапкѣ, глядитка—часы!

Пятый.

Ай, важная штука!

Восьмой.

Какъ солнце горитъ!

Девятый.

А вона собака, большая-большая,
Вода съ языка-то бѣжитъ.

Пятый.

Ружье! поглядитка: стволина двойная.
Замочки рѣзные...

Третій (съ испугомъ).

Глядитъ!

Четвертый.

Молчи, ничего постоимъ еще, Гриша

Третій.

Прибьетъ...
Испугались шпіоны мои
И кинулись прочь: человѣка заслыша,
Такъ стаей съ мякины летятъ воробьи.
Затихъ я, прищурился—снова явились,
Глазенки мелькаютъ въ щели.
Что было со мною—всему подивились
И мой приговоръ изрекли:
Такому-то гусю ужь что за охота!
Лежалъ бы себѣ на печи!
И видно не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота,
Такъ рядомъ съ Гаврилой... Услышитъ, молчи!...»

Кто не знаетъ, чѣмъ кончилась эта прелестная сцена? Собравшаяся гроза разогнала дѣтей, любовавшихся продѣлками «Фингала», въ совершенствѣ усвоившаго себѣ мудрость «собачьей науки»; но вы, тѣмъ временемъ, шагъ за шагомъ прослѣдили всю жизнь маленькихъ сча-

стливцевъ, которая изображена г. Некрасовымъ, съ свойственнымъ ему талантомъ, до мельчайшихъ подробностей. Хороша и привольна эта жизнь, и какое великое значенiе придаетъ онъ ей, говоря:

«Играйте же, дѣти! Ростите на волѣ,
На то вамъ и красное дѣтство дано
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.
Храните свое вѣковое наслѣдство,
Любите свой хлѣбъ трудовой—
И пусть обаянье поэзiи дѣтства
Проводитъ васъ въ нѣдра землицы родной.

Телеграфъ и метеорологiя.

Электрическiй телеграфъ внесъ новый элементъ въ область метеорологiи; онъ съ быстротою мысли опережаетъ бурю и непогоду. Благодаря ему, мы сдѣлали большой шагъ впередъ къ исполненiю нашего давнишняго желанiя *предсказывать погоду.* Бури и ураганы уносятъ не меньше человѣческихъ жизней чѣмъ большiя эпидемiи, а телеграфъ сдѣлался въ настоящее время положительно спасительнымъ средствомъ противъ подобныхъ несчастiй—и не мало человѣческихъ жизней обязаны ему своимъ спасенiемъ. Мы, жители странъ, которыя, сравнительно, совершенно избавлены отъ бурь, и понятiя не имѣемъ обо всѣхъ ихъ ужасахъ; а въ такихъ странахъ, какъ напр. Вестъ-Индiя или Остъ-Индiя, знаютъ, что такое значитъ ураганъ и вихрь,—тамъ благодарны всякому новому средству, которое можетъ предостеречь отъ приближающейся бѣды—и такимъ образомъ дать возможность спастись отъ гибели. Страшный ураганъ, который разразился въ Калькуттѣ въ 1864 году, 5 октября, въ своей бѣшеной ярости *въ одинъ день уничтожилъ въ этомъ многолюдномъ городѣ 45,000 человѣкъ.*

Понятно, какъ во всѣ времена дорожили предостереженiями отъ бурь. Еще древнiе римляне выставляли вдоль итальянскихъ береговъ на своихъ укрѣпленiяхъ спасительные значки, чтобы хотя передъ самой бурей предостеречь рыбаковъ и мореплавателей. Но что значитъ такой несовершенный способъ предостереженiя, въ сравненiи съ громадными услугами, какiя въ настоящее время оказываетъ намъ телеграфъ! Объяснимъ это однимъ или двумя примѣрами.

Въ ноябрѣ 1854 года, когда англо-французскiй флотъ стоялъ передъ Севастополемъ и громилъ неприступные валы крѣпости, въ Парижъ пришло по телеграфу извѣстiе, что на западномъ берегу Францiи, свирѣпствуетъ страшная буря и что она направляется на востокъ. Маршалъ Вальянъ, тогдашнiй военный министръ, понявшiй какою опасностiю угрожаетъ эта буря союзному флоту въ Черномъ морѣ, далъ знать по телеграфу о приближавшейся опасности. Въ то время, какъ эта буря неслась съ обычною быстротою, телеграфическое извѣстiе въ одну минуту пролетѣло 500 миль. Но и буря тоже приблизилась. Вырывая съ корнемъ деревья, разрушая дома, она жестоко опустошила лагерь союзниковъ, но флотъ успѣлъ удалиться во-время отъ опаснаго берега. Не будь этой телеграммы, восточная война приняла бы совершенно другое направленiе. Союзныя державы лишились бы своего флота и, будучи отрѣзаны отъ вспомогательныхъ источниковъ, очутились бы въ самомъ затруднительномъ положенiи.

Особенно блестящiе результаты принесла собою телеграфо-метеорологическая система въ Англiи, берега которой, благодаря адмиралу Фицрою, опоясаны системой предостерегательныхъ штурмовыхъ сигналовъ. Какъ только одна изъ многочисленныхъ тамошнихъ метеорологическихъ обсерваторiй получаетъ по телеграфу извѣстiе о признакахъ бури, — тотчасъ же телеграфируетъ объ этомъ въ центральную обсерваторiю въ Гринвичѣ. Эти депеши отправляются раньше всякихъ другихъ, даже раньше государственныхъ. Гринвичская обсерваторiя, изъ притекающихъ къ ней отовсюду наблюденiй, немедленно опредѣляетъ направленiе бури, и черезъ нѣсколько минутъ на отдаленныхъ берегахъ поднимаются назначенные по телеграфу сигналы. Сигналы эти состоятъ, днемъ, изъ конусовъ и цилиндровъ, ночью—изъ цвѣтныхъ фонарей; смотря по ихъ взаимному расположенiю, узнается направленiе бури. Въ iюлѣ 1858 г., въ одно ясное утро, вблизи Тайнмоута *(Tynemouth)*, на берегахъ взвились штурмовые сигналы, предвѣщающiе бурю. Ни одна изъ обыкновенныхъ практическихъ примѣтъ не оправдывала предсказанiя. Рыбаки покачивали головой, подсмѣивались надъ сигналами, и изъ числа рыбачьихъ лодокъ, которыхъ больше сотни стояло въ гавани, около девяти-десяти пошли въ море. Къ вечеру весь берегъ былъ усѣянъ обломками этихъ лодокъ и трупами самихъ рыбаковъ.

Первою нацiей, воспользовавшейся электрическими телеграфами для извѣщенiй о состоянiи погоды, были сѣверо-американцы. За ними послѣдовали всѣ другiе народы. Въ настоящее время телеграфо-метеорологическая система распространена во всемъ свѣтѣ. Находясь, напримѣръ, въ Берлинѣ, гдѣ устроена германская центральная обсерваторiя, стоитъ только взять въ руки газету, чтобы узнать какая стоитъ погода въ Вѣнѣ, Страсбургѣ, Кенигсбергѣ. Бурю, какъ мы видѣли, легко предсказать заранѣе; но въ отношенiи дождя намъ долго еще ждать этого, потому-что тутъ дѣйствуетъ слишкомъ много разныхъ мѣстныхъ условiй. Впрочемъ нечего отчаяваться, можетъ быть еще и на нашихъ глазахъ осуществится, напримѣръ, такая картина будущаго:

— Послушай, мой другъ, говоритъ жена, — поѣдемъ въ воскресенье куда-нибудь загородъ.

— Дай - ка мнѣ сюда указателя погоды, отвѣчаетъ мужъ, — надо сначала посмотрѣть, какая показана погода *на будущей недѣли.*

Взглядомъ знатока пробѣгаетъ онъ метеорологическую таблицу, вродѣ того какъ онъ просматриваетъ биржевой курсъ. Лицо его омрачается и онъ восклицаетъ: — Нѣтъ, другъ мой, нельзя ѣхать. Въ воскресенье утромъ въ $10^1/_2$ часовъ начнется дождь и будетъ лить безъ устали до четырехъ часовъ. А вотъ во вторникъ будетъ отличная погода, ни одного облачка не будетъ на небѣ, поѣдемъ во вторникъ.

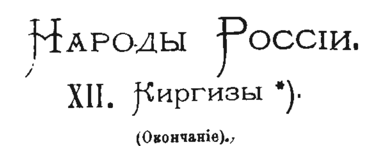
Вотъ будетъ благодать-то для предпринимателей разныхъ загородныхъ гулянiй, лѣтнихъ театровъ, народныхъ праздниковъ! Вдругъ мы читаемъ: — «Такой-то праздникъ отмѣненъ до будущей недѣли, потому-что обсерваторiя предсказала дурную погоду въ день, назначенный прежде», или: «концертъ въ такомъ-то саду, назначенный на 14-е число этого мѣсяца отмѣненъ до 16-го, такъ какъ 14-го означенъ дождь».

Кто бывалъ въ Вашингтонѣ въ смитсонскомъ институтѣ, тотъ могъ предвидѣть эту метеорологiю будущаго. Тамъ въ одной изъ залъ виситъ колоссальная карта Со-

единенныхъ Штатовъ; каждое утро въ $10^1/_2$ часовъ на нее нашпиливаютъ булавками разноцвѣтные флажки въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ находятся метеорологическія обсерваторіи. Всѣ эти обсерваторіи въ 10 часовъ утра присылаютъ телеграфическія депеши о состояніи у нихъ погоды. Въ Нью-Іоркѣ прекрасная, ясная погода — на него нашпиливаютъ голубой флажекъ; въ Санъ-Франциско небо пасмурно—къ нему пришпиливаютъ сѣрый флажекъ; въ С. Луи идетъ дождь—это обозначается чернымъ флажкомъ, наконецъ въ Бостонѣ идетъ снѣгъ— на немъ стоитъ бѣлый флажекъ.

Вашингтонцу, у котораго въ этихъ мѣстахъ друзья или родные, стоитъ въ $10^1/_2$ часовъ утра справиться съ этой картой—и онъ будетъ знать, какая у нихъ погода. Въ Бостонѣ у него замужемъ дочь; взглянувъ на карту, онъ думаетъ про себя: «Ну, вотъ сегодня Мери обновитъ шубку, что я подарилъ ей. Въ Бостонѣ идетъ снѣгъ».

Резервуаръ въ Лазенкахъ въ Варшавѣ. Рис. Ал. де-Баръ, грав. Паннемакеръ.



XII. Киргизы *).

(Окончаніе).

Хотя классъ земледѣльцевъ *игинчей* — существуетъ искони, но земледѣліе не идетъ между киргизами впередъ; не идетъ потому, что соха внушаетъ имъ отвращеніе, еще болѣе омерзительное для нихъ въ силу словъ корана: «вездѣ гдѣ проникаетъ это оружіе (т. е. соха)—оно несетъ за собою позоръ и рабство». Изъ этого выходитъ то, что только самые горькіе бѣдняки берутся за земледѣліе и тотчасъ бросаютъ его, какъ состояніе ихъ поправится.

Киргизы засѣваютъ преимущественно просо, какъ главный предметъ ихъ пропитанія, затѣмъ пшеницу и ячмень для лошадей. Благодаря нашему вліянію, они начали засѣвать рожь и картофель, который на Куванъ-Дарьѣ родится очень хорошо.

*) См. № 5 „Нивы“.

Скотоводство распространено далеко болѣе чѣмъ земледѣліе. Породы скота слѣдующія: овцы, лошади, верблюды, рогатый скотъ, ослы и козы.

Порода овецъ одна: *курдючная*. Она дѣлится на два вида: *казакъ-кой*—киргизская овца и *узбекъ-кой*—княжеская овца. Первая отличается лучшимъ качествомъ шерсти и превосходнымъ мясомъ.

Лошади представляютъ такъ-называемую *киргизскую* породу. Порода эта полудикая и отличается рѣдкой сносливостію; кони могутъ пробѣгать по 100 верстъ безъ корма, воды и отдыха.

Верблюды двухъ видовъ: двугорбые и одногорбые. Киргизы скрещиваютъ эти двѣ породы—и тѣмъ улучшаютъ.

Ослы весьма рѣдки у киргизовъ и встрѣчаются только у земледѣльцевъ.

Рогатый скотъ и козы разводятся въ огромномъ количествѣ съ недавняго времени и особенно между бѣдными, которые замѣняютъ рогатымъ скотомъ лошадей, такъ какъ содержаніе его проще, а выгода значительнѣе.

Изъ особыхъ обрядовъ киргизовъ заслуживаютъ описаніе ихъ похоронъ и ихъ вѣрованія въ чародѣевъ.

Киргизы съ усопшими погребаютъ вмѣстѣ и ихъ оружіе, могилы осыпаютъ камнемъ и землею, а иногда ставятъ надъ ними зданія изъ дерева, дикаго камня или землебитнаго кирпича. Посрединѣ этаго зданія кладется на коврѣ тѣло умершаго; родственники и друзья покойнаго изъявляютъ знаки своего сокрушенія и внимаютъ молитвѣ, читаемой муллою. Мулла прославляетъ добродѣтели усопшаго, его богатство и храбрость. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія, наслѣдникъ покойнаго обязанъ устроить пиръ, который ему стоитъ не дешево. Основаніемъ праздника должна быть награда тѣмъ, которые, при огромномъ стеченіи народа, выйдутъ побѣдителями изъ скачки, для которой каждый приготовляетъ себѣ лучшую лошадь, не исключая и самого наслѣдника. Чтобы не было споровъ и распрей, избираютъ двухъ судей изъ самыхъ почетныхъ лицъ.

Одинъ изъ наслѣдниковъ остается на томъ мѣстѣ, откуда начинается скачка; другой—тамъ, гдѣ назначено съѣзжаться. Имъ неизвѣстно, какое число верстъ составляетъ это разстояніе; оно иногда доходитъ до сорока верстъ. Соперники ѣдутъ сначала очень тихо, съ вечера до другаго дня; а въ этотъ день, когда спадетъ солнечный жаръ, начинаютъ скакать обратно до того мѣста, гдѣ ожидаютъ ихъ назначенныя имъ награды и гдѣ приготовленъ для нихъ обѣдъ, сопровождающійся по окончаніи разными играми. Первому прискакавшему даютъ раба, второму—панцырь, третьему—верблюда, четвертому—краснаго сукна чапанъ и богатую шапку, а пятому—лошадь съ сѣдломъ. Сверхъ этого, наслѣдникъ имѣнія обязанъ выставить народу лучшія сокровища покойнаго. Любимая лошадь усопшаго должна стоять въ самомъ богатомъ убранствѣ, покрытая черною попоною; на другихъ верховыхъ лошадяхъ раскидываютъ лучшія одежды покойнаго, его оружіе, ковры и т. п. Остальныя вещи развѣшиваютъ на протянутой веревкѣ: далѣе стоятъ его жены, надрывающіяся отъ слезъ, и его челядинцы, если они есть.

Этотъ обрядъ имѣетъ цѣлію показать всѣмъ присутствующимъ, что оставилъ по себѣ покойный въ наслѣдство, и тѣмъ упрочить его память и уваженіе къ нему. Надъ кибиткою умершаго ставится шестъ съ чернымъ полотномъ, какъ знакъ сокрушенія объ немъ осиротѣлой семьи.

Какъ всякій полудикій народъ, киргизы твердо вѣрятъ въ ворожбу и чародѣевъ, которые у нихъ дѣлятся на пять разрядовъ.

Первый разрядъ чародѣевъ называется *Фалча*; они предсказываютъ будущее по особымъ книгамъ и звѣздамъ. Это искусство возводится въ науку.

Второй разрядъ—*Ярупчи*, предсказываютъ по бараньей лопаткѣ. Для полученія такой вещи изъ лопатки, ее надобно скоблить ножемъ, а не прикасаться къ ней зубами: ибо въ противномъ случаѣ она не годится къ чародѣйству. Если чародѣю предложатъ вопросы, или онъ самъ что нибудь задумаетъ, то кладетъ лопатку на огонь и ждетъ пока на плоской сторонѣ появятся трещины, по которымъ онъ и дѣлаетъ свои предсказанія. Киргизы увѣряютъ, что Ярупчи такъ свѣдущи, что знаютъ какъ далеко ушелъ человѣкъ, отправившійся въ путь.

Третій разрядъ—*Бакша*, и киргизы болѣе всѣхъ имъ вѣрятъ. Если спросить у нихъ совѣта, то они велятъ сперва привести хорошую лошадь, козла или барана для принесенія въ жертву, потомъ начинаютъ пѣть заклинательные стихи, при чемъ бьютъ въ тактъ въ *кобицъ*,—волшебный барабанъ, обвѣшанный кольцами,—и напослѣдокъ скачутъ и ломаются. Вся эта комедія продолжается съ полчаса, потомъ убивается приведенная жертва, изъ которой кровь выпускаютъ въ особый сосудъ; кожу чародѣй беретъ себѣ, а мясо ѣдятъ всѣ присутствующіе. Потомъ собираютъ всѣ обглоданныя кости, пестрятъ ихъ синею краскою и бросаютъ къ западу отъ себя; туда же выливаютъ и выпущенную изъ жертвы кровь. Потомъ колдунъ дѣлаетъ еще нѣсколько заклинаній и даетъ отвѣты на вопросы.

Четвертый разрядъ чародѣевъ—*Рамча*. Рамча для волхвованія льетъ коровье масло на огонь, и по цвѣту пламени предсказываетъ будущее; при этомъ также приносится жертва и совершаются заклинанія. Къ этимъ волшебникамъ киргизы не питаютъ особеннаго довѣрія.

Пятый разрядъ чародѣевъ—*Джа-адугаръ*, они очаровывали прежде невольниковъ и плѣнныхъ, которыхъ имѣли киргизы. Въ силу ихъ чаръ, плѣнники не могли будто-бы никуда уйдти, а убѣгая, снова попадались въ руки ихъ прежнихъ хозяевъ или вообще киргизъ. Чтобы достигнуть этого, чародѣи вырываютъ у плѣнника нѣсколько волосъ, спрашиваютъ его имя и ставятъ посреди кибитки, на расчищенномъ и посыпанномъ золою мѣстѣ, на которомъ обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ дѣлаютъ заговоры, и въ это время приказываютъ плѣннику трижды отступить назадъ, плевать на свои ступни и каждый разъ выскакивать изъ кибитки. Наконецъ сыплютъ плѣннику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и этимъ колдовство оканчивается.

И всему этому вѣрится тепло и искренно—такъ присуща человѣку вѣра въ чудесное!

Винокуренныя тайны.

Букодолинское дѣло.

(Продолженіе).

Зимою 1871 года я охотился съ гончими. Погода была, какъ выражался мой пріятель, «такая, словно ее нарочно для охоты выписали изъ Парижа». Ни малѣйшаго вѣтерка и Реомюръ стоялъ на 0. Собаки гоняли безподобно, и каждый звѣрь былъ убиваемъ почти на первомъ кругѣ. Часу во второмъ отдѣлившаяся собака подняла какого-то звѣря и погнала по зрячему. Скоро однако къ этому страстному соло стали присоединяться другіе голоса, все больше и больше, пока не подбыли всѣ остальныя собаки и не слились въ общій музыкальный концертъ. Я стоялъ, притаивъ дыханіе, и въ восторгѣ, любуясь мелодичнымъ хоромъ дружеской стаи, съ томительной дрожью ожи-

далъ появленія звѣря. Собаки гнали прямо на меня — я такъ и впился глазами въ чащу. Но вотъ, что-то свѣтло-рыжее мелькнуло въ кустахъ, на мгновеніе замаскировалось стволомъ вѣковаго дерева и вновь понеслось, словно плывя по снѣгу далѣе. Опытный глазъ сразу узналъ вертлявую лисицу; —грянулъ выстрѣлъ, эхомъ прокатившійся въ чистомъ, зимнемъ воздухѣ, и замирая слился съ моимъ торжествующимъ голосомъ.

— Го-го-го-го, собачки! звалъ я стаю къ убитому, граціозно свернувшемуся клубочкомъ на снѣгу звѣрю.

— А что, убили? окликнулъ меня незнакомый голосъ.

— Да, убилъ! отвѣтилъ я, стараясь припомнить кому онъ принадлежалъ.

— Ну, похвастайте, покажите, Павелъ Ивановичъ, что *поймали!* продолжалъ разговаривать со мною тотъ же человѣкъ, въ которомъ я уже успѣлъ узнать по голосу и по слову «*поймать*» своего давнишняго пріятеля, Гершка Л.

— Здравствуйте! протянулъ я руку, стоявшему въ дорогой шубѣ, невдалекѣ отъ саней запряженныхъ четвернею отличныхъ лошадей, Гершкѣ.

— Ахъ! какой чудесный лисица! пожимая протянутую руку восторгался онъ.

— Да, недурна! А куда вы ѣдете?

— Домой. Не завернете ли переночевать ко мнѣ, Павелъ Ивановичъ? тутъ всего версты 2, любезно приглашалъ Гершко. — А какую я вамъ исторію разскажу! соблазнялъ онъ.

— По винокуренному дѣлу?

— Разумѣется! и очень, очень интересное дѣло.

— Въ такомъ случаѣ я вашъ гость; но не стѣсню ли я васъ?—вѣдь у меня нѣсколько товарищей, люди, лошади и болѣе 20 собакъ.

— Ну такъ цто зе? гордо и самодовольно спросилъ онъ, — всѣмъ мѣсто будетъ и чайкомъ напоимъ не хуже того, какимъ вы меня потчивали въ корчмѣ—помните?

— Помню. Это тогда, когда вы улизнули, написавъ на столѣ возлѣ моей кровати, что бы я держалъ языкъ за зубами. Гершко звонко и добродушно засмѣялся.

— А что это продолженіе тѣхъ же ухищреній? освѣдомился я.

— Нѣтъ! тогда я вамъ изложилъ теорію такъ-сказать, а теперь я вамъ разскажу экссквизитный случай, въ которомъ теорія была плохо примѣнена къ практикѣ. Но мнѣ пора—до свиданія—жду васъ Павелъ Ивановичъ! садясь въ сани, прощался Л.

Часа черезъ два я затрубилъ сборъ—и мы голодные, но веселые, даже счастливые удачной охотой и пріятно безъ заботъ проведеннымъ днемъ, садились въ сани, въ которыхъ было не мало трофеевъ нашей охоты. Застоявшіяся и озябшія лошади мигомъ пробѣжали двухверстное растояніе до Гершкиной усадьбы, окна которой свѣтились привѣтливымъ свѣтомъ. Видно было, что насъ ждали.

Накормивши насъ прекраснымъ обѣдомъ, а въ особенности фаршированной щукой à la juif, и распорядившись, чтобы нашимъ людямъ, лошадямъ и собакамъ было тепло и удобно, хозяинъ любезно пригласилъ насъ въ свой обширный и роскошно отдѣланный кабинетъ, въ которомъ, закуривъ папироску изъ чистаго турецкаго табаку, началъ обѣщанный разсказъ такъ:

«Букодолинскій винокуренный заводъ, принадлежащій титулованному владѣльцу Д., всегда, сколько я припомню, сдавался въ аренду. Самъ помѣщикъ никогда не изъявлялъ желанія заняться этимъ дѣломъ. Арендная цѣна, назначаемая имъ, была совершенно одинаково съ арендной платой другихъ заводовъ, такъ что конкуренты являвшіеся къ Д. и желавшіе взять въ аренду заводъ, кончали съ нимъ въ два слова.

«Вдругъ, въ иксъ году, передъ самымъ винокуреніемъ въ коммерческомъ мірѣ прошелъ слухъ, что Д. самъ намѣренъ курить. Одни этому вѣрили, другіе же, не вѣря, ѣздили къ нему съ цѣлью снять заводъ; но Д. требовалъ такую сумму, что никто и половины не думалъ предложить. Зная Д. какъ умнаго, образованнаго, а главное практическаго человѣка, я догадался, что это дѣлалось неспроста, а съ цѣлью. Вскорѣ я убѣдился, что не ошибся,—узнавъ, что Д. взялъ свидѣтельство на винокуреніе на свое имя и пустилъ заводъ въ ходъ. Меня удивило однако, что онъ, такой извѣстный, раціональный хозяинъ, не поставилъ воловъ на барду и даже не законтрактовалъ ее никому. И въ этомъ я видѣлъ цѣль,—какую— я узналъ вскорѣ, когда Д. послѣ перваго свидѣтельства, жалуясь на плохіе выхода, высокую норму и проч., остановилъ заводъ; затѣмъ недѣли черезъ три пустилъ его снова; тамъ опять остановилъ, и такъ въ теченіи всего періода.

«А! вотъ оно что! домекнулся я, весело засмѣялся разсказчикъ:—вашему с-ву выгоднѣе привозить контрбандный спиртъ изъ заграничнаго завода, нежели курить здѣсь... вотъ почему вы не поставили воловъ на барду и не продали ее никому.

— Не понимаю, сознался я чистосердечно.

— Видите ли, сталъ объяснять Гершко дидактическимъ тономъ,—графъ Д. какъ «sujet mixte»—не знаю, какъ это сказать по русски, замѣтилъ онъ,—имѣя имѣнія и здѣсь и за границей, земли коихъ граничатъ съ его русскими землями, пользуется свободнымъ проѣздомъ во всякое время и свободнымъ ввозомъ земледѣльческихъ продуктовъ, безъ контроля,—и какъ тамъ акцизъ на вино сравнительно много ниже здѣшняго, то онъ и тащитъ оттуда весь спиртъ; конечно, спиртъ этотъ идетъ не явно, а тайно, по ночамъ. Поняли ли вы теперь?

— Совершенно, улыбнулся я.

«Помощникъ надзирателя, продолжалъ Гершко,—того участка, въ которомъ находился Буколинскій винокуренный заводъ, былъ человѣкъ образованный, скромный и честный, которому и въ голову не приходило, чтобы богатый помѣщикъ, человѣкъ съ образованіемъ и титуломъ, могъ пуститься на какое нибудь неблаговидное дѣло. Онъ совершенно вѣрилъ графу, увѣрявшему, что частые перерывы между свидѣтельствами—*это осязательное доказательство невозможности курить при существующихъ нормахъ*, а возобновленіе свидѣтельствъ—это *опыты: нельзя ли курить безъ убытковъ* и этимъ *увеличить доходъ казны!...*

— Ловко придумано, засмѣялся я.

— Я же говорилъ вамъ, что графъ былъ весьма практическій и умный человѣкъ, отвѣтилъ Гершко серіознымъ тономъ.

«Дѣла графа шли отлично—и при громадномъ сбытѣ вина въ его заводѣ онъ богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ; но онъ этимъ не довольствовался и захотѣлъ сразу сдѣлаться милліонеромъ! Видно корысть—не исключительно еврейскій недостатокъ, глубокомысленно произнесъ Гершко.

— Вамъ, какъ охотнику, Павелъ Ивановичъ, лучше другихъ извѣстно, какъ справедлива пословица, говорящая, что кто погонится за двумя зайцами, тотъ ни одного не поймаетъ. Такъ случилось и съ графомъ. До сихъ

поръ не пойму, какъ онъ при своемъ умѣ могъ такъ обмишулиться и пойти на такой отчаянный рискъ?! Видно ужъ больно захотѣлось сдѣлаться милліонеромъ! засмѣялся Л.—Дѣло въ томъ, что, остановивъ заводъ и дождавшись отъѣзда помощника, онъ вдругъ вздумалъ курить безъ свидѣтельства, надѣясь, что до вторичной ревизіи его успѣетъ обдѣлать дѣлишки.

— Quelle inadvertence! изумился бывшій со мною французскій эмигрантъ Pesé le Latour.

— Тѣмъ болѣе глупо, пояснилъ Гершко, — что и въ подвалѣ у него было не мало лишняго вина.

— Графъ значитъ не придержался вашей теоріи? засмѣялся я.

— Отчего же именно моей? онъ не придержался *общей* теоріи всѣхъ винокуренныхъ заводчиковъ—ну и попался!

— Будто! изумился я.

— Да, попался. Но вы понимаете, что не безвыходно; онъ еще можетъ выкрутиться, т. е. шансы одинаковы за и противъ, что все же не хорошо; дѣло затѣяно уголовное, такъ какъ для спасенія себя графъ долженъ былъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ...

— Лучше вы извольте слушать, не перебивая меня, и я вамъ все разскажу по порядку. Когда помощникъ уѣхалъ, опечатавъ аппаратъ и соблюдя всѣ формальности,—Д. задумалъ, не теряя золотаго времени, сварить нѣсколько заторовъ и утаить такимъ образомъ причитающійся за нихъ казнѣ акцизъ. Дѣло бы пожалуй и могло увѣнчаться успѣхомъ, хотя повторяю, это ужь больно большой рискъ, еслибы случай не напакостилъ. Все отъ случая зависитъ въ семъ свѣтѣ! вздохнулъ разсказчикъ. Не успѣлъ помощникъ возвратиться усталый и нѣсколько нездоровый домой, какъ къ нему пріѣхалъ губернскій ревизоръ и потребовалъ, чтобы онъ сопровождалъ его въ Букодолину. Въ другое время помощникъ этотъ отказался бы по болѣзни ѣхать, но тутъ счелъ неловкимъ, такъ какъ ревизоръ былъ человѣкъ новый — недавно пріѣхавшій на службу въ то акцизное управленіе.

Ну и поѣхали. Ѣдутъ — дорогой завели интересный разговоръ (оба кончили курсъ въ университетѣ) и уже не въ дальнемъ разстояніи отъ завода замѣтили паръ, стоявшій густою волною надъ холодильникомъ... Оба вспылили—и этимъ испортили дѣло. Гнѣвъ, какъ извѣстно, худой совѣтчикъ; не даромъ у насъ—евреевъ—значится въ книгахъ, что человѣка можно узнать: «въ игрѣ, въ пьянствѣ и въ гнѣвѣ». Вмѣсто того, чтобы поворотить назадъ и взять въ сосѣдней волости понятыхъ и полицію, они начали дѣйствовать одни. Помощникъ, пожалуй, имѣлъ причину: онъ боялся, чтобы ревизоръ его не заподозрилъ; но ревизоръ... Впрочемъ, хорошо намъ критиковать теперь, сидя здѣсь и разсуждая о случившемся!—а я увѣренъ, что на ихъ мѣстѣ мы поступили бы чего добраго еще хуже, какъ бы въ скобкахъ для поученія замѣтилъ Гершко.

Мы не могли не согласиться, и Pesé de Latour прибавилъ, что онъ съ своимъ характеромъ могъ, пожалуй, commettre un homicide.

— Вотъ видите! Ревизующіе, пожалуй, никого не убили, но и ничего не открыли. Бросились они прежде всего къ заводу—дверь оказывается запертой; хотѣли пройти къ холодильнику,—глядятъ: калитка на запорѣ. Они—кричать. Глядятъ: бѣжитъ изъ завода, униженно кланяясь, винокуръ,—и откуда ни возьмись и самъ владѣлецъ. Вошли въ заводъ — мертвая тишина. Въ квасильномъ отдѣленіи — ни души. Въ заторномъ отдѣленіи—глядятъ: заторный чанъ и дрожжевая посуда — порожніе. Мучное отдѣленіе опечатано даже. Побѣжали на холодильникъ: видятъ четверо здоровыхъ парней усердно моютъ его, весело распѣвая. Заглянули ревизующіе внизъ: а тамъ сотни двѣ свиней жадно глотаютъ теплый заторъ...

— То есть его успѣли спустить чрезъ отверстіе? освѣдомился я.

— Въ десять минутъ Д. успѣлъ все обдѣлать. Онъ сохранилъ все свое хладнокровіе, а гг. ревизующіе, сердясь и горячась, потерпѣли полнѣйшее fiasco. Составили они, конечно, протоколъ и о бывшемъ заторѣ и о томъ, что аппаратъ ими найденъ теплымъ и пр.—и что же вы думаете? Д. подписалъ его, но съ оговоркой, что затора онъ не варилъ, о чемъ проситъ нарядить слѣдствіе, для того чтобы за клевету онъ могъ съ ревизующихъ потребовать удовлетвореніе, а что аппаратъ былъ *«по незнанію правилъ»* подогрѣтъ помощникомъ винокура, для того чтобы теплой водой помыть заводскую посуду, такъ какъ онъ съ такого-то числа намѣренъ продолжать винокуреніе, — и сами ревизующіе не безъ ироніи, написалъ онъ въ концѣ, видѣли, что въ моментъ ихъ пріѣзда мыли этой водой холодильникъ...

По моему, продолжалъ Гершко,—слѣдовало faire bonne mine au mauvais jeu,—слѣдовало, разорвавъ протоколъ, уѣхать, т. е. показать такой видъ, однимъ словомъ: противъ хитрости употребить хитрость—и въ ближайшей деревнѣ взявъ полицію и понятыхъ, возвратиться ночью... Но гг. акцизные хотѣли поймать быка прямо за рога. Это имъ не удалось—и много-много если они схватили его за хвостъ.

Изъ завода они пошли въ подвалъ. Я думаю, улыбнулся разсказчикъ,—что тогдашнюю ревизію можно было принять за образецъ всѣхъ ревизій! Ни одно правило, предписываемое питейнымъ уставомъ или рекомендуемое циркулярами акцизнаго управленія, не было забыто, или упущено изъ виду. Тутъ были употреблены въ дѣло и намѣтки и клецы и рюръ-шейты и отцѣживаніе въ мѣрники и доливаніе мѣрниками, но ничего не было найдено. Ревизующіе собирались было уже уйти изъ подвала, когда помощникъ замѣтилъ боковой ходъ, въ которомъ ощупью наткнулся на два большущихъ стояна, при постукиваніи оказавшихся полными.

(Окончаніе будетъ).

Варшава.

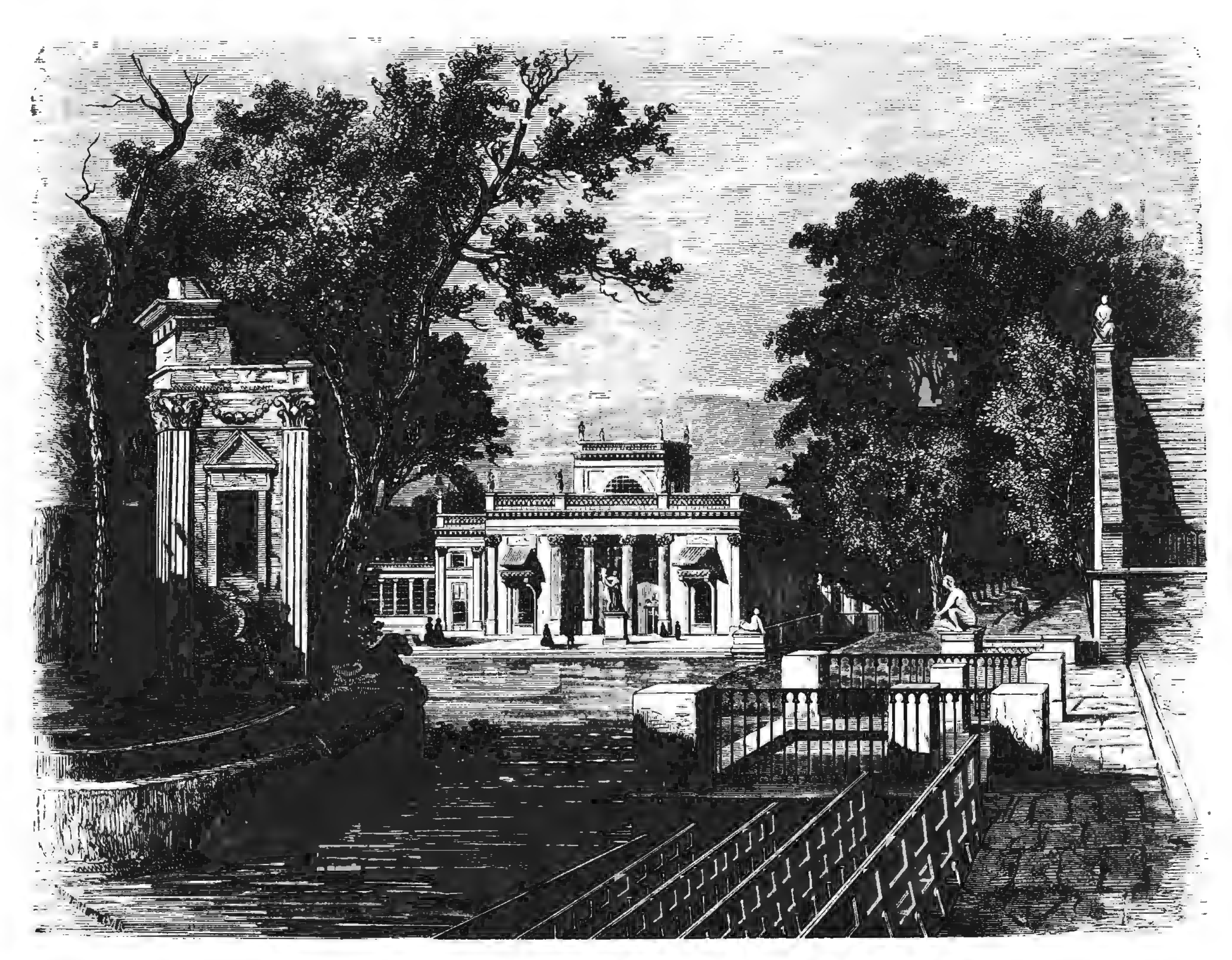
(Окончаніе).

Промышленная дѣятельность Варшавы сосредоточивается въ 253 заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ работаютъ до 6,000 человѣкъ и оборотъ которыхъ въ годъ простирается до $10^1/_2$ милліоновъ. Торговыхъ заведеній имѣется больше 11,000 (въ томъ числѣ 50 гостинницъ, 300 ресторацій, 240 кондитерскихъ, 102 пивныхъ лавки и 440 питейныхъ домовъ; модныхъ магазиновъ 84, бань 8). 47 омнибусовъ и 650 бричекъ и дрожекъ ходятъ по всѣмъ направленіямъ, представляя тоже значительныя удобства публикѣ.

Познакомивъ съ statu quo Варшавы, мы считаемъ долгомъ указать и на главнѣйшія замѣчательности города.

Древнѣйшія изъ церквей варшавскихъ—каѳедральный костелъ св. Яна, церкви св. Мартина (на Пивной улицѣ) и Пресв. Дѣвы Маріи (на ул. Піаристовъ), со времени основанія принадлежатъ къ XIV вѣку. Къ XV вѣку принадлежитъ храмъ св. Анны, при закрытомъ монастырѣ Бернардиновъ, на Краковскомъ предмѣстьѣ; наконецъ, XVII и XVIII вѣка украсили Варшаву католическими и реформатскими храмами наиболѣе роскошной и затѣйливой архитектуры. Въ настоящемъ столѣтіи сооружена евангелическо-реформатская церковь на улицѣ Лѣшно — памятникъ щедрости прусскаго короля Фридриха Вильгельма III (1804). Католическая церковь св. Карла Борромео на Электоральной улицѣ по проэкту Маркони (1849), еврейская синагога въ Прагѣ 1831 г.—на деньги, собранныя по подпискѣ;—англиканская церковь и всѣ 13 церквей православнаго исповѣданія. Самая красивая изъ нихъ—церковь Маріи Магдалины, освященная въ 1868 году и обошедшаяся всего въ 162,000. Каѳедральный соборъ св. Троицы, на Длугой улицѣ, сооруженъ по проэкту архитектера Голонскаго въ 1837 году, при архіерейскомъ домѣ.

Послѣ храмовъ, много изящныхъ дворцовъ заключаетъ въ себѣ Варшава. Бывшій королевскій *замокъ*, при новомъ съѣздѣ на берегу Вислы, по времени основанія принадлежитъ, какъ мы уже говорили, къ древнѣйшимъ строительнымъ памятникамъ привислянской столицы, напоминая эпоху ея первоначальнаго значенія при князьяхъ Мазовіи. Сигизмундъ III (1622) его перестроилъ заново. Владиславъ поставилъ передъ нимъ, на площади, статую отца своего на колоннѣ въ 62 фут. высоты, а въ началѣ настоящаго вѣка сломали стѣны его закрывавшія и подлѣ стѣны развели садъ. Въ этомъ видѣ *замокъ* служитъ резиденціею намѣстниковъ нашихъ. *Намѣстниковскимъ домомъ*, между тѣмъ, называется бывшій палацъ Конецпольскихъ и Радзивиловъ на Краковскомъ предмѣстьѣ, передѣланный въ 1818 году и служившій до 1867 года помѣщеніемъ земледѣльческаго общества — въ среду котораго, какъ извѣстно, прокралась революціонная пропаганда, подготовившая послѣднее возстаніе. Теперь въ *намѣстниковскомъ домѣ* — отдѣленіе канцеляріи намѣстника. Палацъ Красинскаго — на площади того же имени, построенный въ 1693 году, заключаетъ въ себѣ варшавскіе департаменты сената.



Лазенковскій дворецъ въ Варшавѣ. Рис. Ал. де-Баръ, грав. Паннемакеръ.

Грандіозностью фасада превосходитъ его домъ Брюля (постр. 1754 г.) на Вержбовой улицѣ, гдѣ помѣщался учредительный комитетъ и гдѣ поражаютъ величіемъ скульптуры Юзефа Дейбеля.

Послѣдній польскій король, Станиславъ Августъ Понятовскій, въ южной части города, въ паркѣ Лазенкахъ, соорудилъ для себя, по проэкту Мерлини, дворецъ Лазенковскій (1784 г.), гдѣ останавливаются обыкновенно члены Августѣйшаго дома проѣздомъ черезъ Варшаву. Садъ разбитъ очаровательно и украшенъ обильно скульптурами. На дворцовой терассѣ статуи «Аполлона» и «Сатира» (работы Пинка), да группы «Висла» и «Тибръ»—

Кауфмана, дѣйствительно замѣчательны. Въ Лазенковскомъ саду настроено нѣсколько домиковъ, между которыми лучшій, «Мысловый домъ», очень изященъ. Отъ Лазенокъ выдѣленъ бельведеръ, построенный цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ (1822 г.), гдѣ изволитъ обыкновенно останавливаться Государь Императоръ. На мосту въ Лазенкахъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ поставлена изваянная изъ камня Пинкомъ (1788 г.) статуя Яна Собѣсскаго, спасителя Вѣны отъ турокъ. Въ минувшее царствованіе въ Варшавѣ сооружены еще три памятника: въ Александровской цитадели — обелискъ въ честь Александру I (1835); на Саксонской площади, обелискъ же, «полякамъ падшимъ $^{17}/_{29}$ ноября за вѣрность своему государю», а противъ зданія 1-й гимназіи, по модели Торвальдсена, памятникъ Копернику, которому четырехъ-вѣковой юбилей праздновался въ нынѣшнемъ году. Великаго астронома изобразилъ великій скульпторъ сидящимъ съ планетаріемъ и циркулемъ въ рукахъ. Въ 1870 г. открытъ на Краковскомъ предмѣстьѣ и памятникъ фельдмаршалу князю Паскевичу, выполненный профессоромъ фонъ-Бокомъ.

Для дополненія замѣчательностей Варшавы нельзя также не упомянуть о театрахъ, *большомъ* и *маломъ*, помѣщающихся въ одномъ изящномъ зданіи, на Театральной площади, сооруженномъ по проэкту Антоніо Кароцци, на мѣстѣ бывшаго «Маривиля». На *большомъ* театрѣ, вмѣщающемъ 1149 чел. зрителей, даются: оперы, балеты и драмы польскою труппою. На *маломъ* же (rozmaitosci), вмѣщающемъ 770 зрителей, — комедіи, выполняемыя мѣстными артистами. Изъ сборовъ театральныхъ часть удѣляется въ кассу Варшавскаго благотворительнаго общества, которое въ своемъ помѣщеніи, на Краковскомъ предмѣстьѣ, имѣетъ и особенный театръ, на сценѣ котораго пьесы исполняются любителями все съ тою же цѣлью благотворенія. Въ «Лазенкахъ» на островкѣ озера, лѣтомъ, по воскресеньямъ, даются представленія въ открытомъ амфитеатрѣ. Тамъ же, впрочемъ, въ оранжереѣ существуетъ и придворный театръ, построенный королемъ Станиславомъ Понятовскимъ, оставившимъ память многихъ роскошныхъ затѣй и учрежденій для удовольствія варшавцевъ.

Вступивъ въ новый фазисъ мирнаго развитія и преуспѣянія въ области мысли и труда, Варшава, веселая, нарядная, комфортабельная, съ увеличивающимся трудолюбивымъ, развитымъ населеніемъ, должна по справедливости заслуживать все наше вниманіе и сочувствіе въ дѣлѣ лучшаго пониманія удобствъ жизни и разумнаго употребленія городскихъ доходовъ. Во многихъ отношеніяхъ, по этой части, можетъ она послужить образцомъ для насъ — и образцомъ, правду сказать, настолько вызывающимъ подражаніе, какъ все умно и кстати придумываемое и наглядно указывающее доступность скромнымъ затратамъ усовершенствованій научныхъ на пользу человѣчества.

Приложенный въ № 7 «Нивы» общій видъ Варшавы снятъ съ колокольни евангелической церкви. На лѣвой сторонѣ виденъ саксонскій садъ съ его каштановыми аллеями, окруженный частными постройками; противъ него къ срединѣ саксонская площадь. На заднемъ правомъ планѣ Висла, огибающая городъ.

Два рисунка въ настоящемъ нумерѣ изображаютъ: лазенковскій дворецъ съ его бассейномъ-резервуаромъ.

Судебная хроника.

Дѣло о поддѣлкѣ серій въ Харьковѣ. — Недостатокъ окружныхъ судовъ въ Полтавской губерніи и ухищренія мѣстныхъ жителей по этому случаю. — Дѣло матери, требующей черезъ судъ возвращенія ей дѣтей. — Дѣло о подлогѣ ребенка. — Шайка малолѣтнихъ воришекъ передъ лицомъ петербургскаго окр. суда. — Жалоба священника Богоявленскаго на пономаря Словохотова.

Въ петербургскихъ газетахъ сообщаются подробности извѣстнаго процесса о поддѣлкѣ серій цѣлою компаніею лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ слоямъ харьковскаго общества. Въ этомъ замѣчательномъ процессѣ замѣшаны извѣстныя лица: «бывшій предводитель дворянства, г. Гавриловъ, и отставной подполковникъ, г. Беклемишевъ. Дѣло началось еще при старыхъ судахъ и доходило до сената, но главные виновники, гг. Гавриловъ и Беклемишевъ, остались нетронутыми, «въ сильномъ подозрѣніи», какъ тогда выражались; пострадали только ихъ сподручники, между которыми былъ и г. Солнцевъ, тогдашній предводитель дворянства Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Во время дѣлопроизводства «серіисты» не стѣснялись никакими средствами, чтобы только удалить непріятныхъ для нихъ свидѣтелей: въ этомъ дѣлѣ, какъ въ любомъ уголовномъ романѣ, можно найти и убійство, и отравленіе, и подкупъ свидѣтелей, послужившій впрочемъ поводомъ къ возобновленію этого дѣла при введеніи въ Харьковѣ судебной реформы. Починъ въ возобновленіи этого дѣла принадлежитъ товарищу прокурора г. Кони. Свидѣтели дали новыя показанія, въ этотъ разъ настолько убѣдительныя, что виновность Гаврилова и Беклемишева стала несомнѣнною. Несмотря на то, что процессъ тянулся очень долго, несмотря на чрезвычайно сложную и запутанную его обстановку, при которой легко можно было бы не замѣтить характеристическихъ уликъ,—присяжные, благодаря прекрасной, разъяснившей дѣло, рѣчи товарища прокурора Монастырскаго и разумному судоговоренію, могли выяснить себѣ это дѣло вполнѣ и вынесли обвинительный приговоръ. Публика осталась очень довольна такимъ исходомъ процесса.

Неравномѣрное распредѣленіе окружныхъ судовъ по губерніямъ дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на отправленіе правосудія весьма неблагопріятно. Вотъ что сообщаетъ по этому поводу «Судебный Вѣстникъ». Въ Полтавской губерніи, заключающей въ себѣ болѣе 2-хъ милліоновъ жителей, существуетъ всего одинъ окружной судъ, который помѣщается въ самомъ городѣ Полтавѣ, т. е. не въ центрѣ, а на самомъ краю губерніи. Поэтому изъ г. Прилукъ напр. добраться до Полтавы и затруднительно и дорого, такъ какъ разстояніе между этими двумя городами составляютъ 218 верстъ. Чтобы избѣжать этихъ неудобствъ, обыватели прибѣгаютъ къ различнымъ уловкамъ: въ дѣлахъ уголовныхъ обходятъ судъ, въ гражданскихъ же довольствуются простымъ домашнимъ договоромъ, а то и просто безъ него обходятся; прибѣгаютъ также и къ „мѣнчимъ актамъ“, которые, какъ извѣстно, выдаются при обмѣнѣ земель владѣльцами „во избѣжаніе черезполосности“,—но здѣсь одинъ вручаетъ противной сторонѣ землю, взамѣнъ которой въ дѣйствительности получаетъ не землю, а деньги. Понятно, прибавляетъ корреспондентъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ проигрываетъ болѣе всего казна, лишающаяся разныхъ пошлинъ и гербоваго сбора, не говоря уже о тяжущихся, которые скорѣе соглашаются уменьшить суммы исковъ и

договоровъ — лишь бы только не ѣхать за три-девять земель, въ Полтаву.

Въ № 2 „Нивы“, какъ помнятъ наши читатели, мы сообщали одно дѣло, предметомъ котораго было истязаніе ребенка. Подобное тому находимъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“. Въ г. Саратовѣ проживалъ отставной поручикъ Каратѣевъ, содержавшій хоръ. Въ этомъ хорѣ находились братъ (15 л.) и сестра (13 л.). Вяхиревы, дѣти умершаго дьячка изъ Тверской губерніи. Мать отдала ихъ Каратѣеву на воспитаніе, при чемъ между ними было заключено формальное условіе: Каратѣевъ обязывался научить дѣтей играть на фортепіано, а дѣвочку, кромѣ того еще,—рукодѣлію. Дѣти же обязаны были слѣдовать за нимъ повсюду и исполнять его приказанія безпрекословно. Вскорѣ, однако, жестокое обращеніе воспитателя съ мальчикомъ заставило этого послѣдняго бѣжать изъ хора и жаловаться мировому судьѣ, приговоромъ котораго Каратѣевъ былъ признанъ виновнымъ въ нанесеніи побоевъ и истязаніи мальчика и обязывался возвратить дѣтей матери ихъ, пріѣхавшей въ это время въ Саратовъ. Съ своей стороны, Каратѣевъ требовалъ съ матери Вяхиревыхъ неустойку въ 500 рублей и настаивалъ на томъ, чтобы дѣвочка оставлена была у него до окончанія срока, означеннаго въ условіи. Мировой судья не подвергнулъ Каратѣева наказанію, такъ какъ мать не желала преслѣдовать его за побои; въ искѣ 500 рублей ему отказалъ, а дѣтей отдалъ матери. Каратѣевъ, хотя и остался недоволенъ рѣшеніемъ, но не обжаловалъ его, и дѣло было покончено.

Не лишено также интереса слѣдующее дѣло, разбиравшееся въ Московскомъ окружномъ судѣ въ концѣ января настоящаго года: графиня Елизавета Ѳедоровна Мусинъ-Пушкина, по второму мужу Азбукина, обвинялась въ томъ, что ребенка крестьянки Азаевой выдала за своего и такимъ образомъ совершила подлогъ—преступленіе, предъусмотрѣнное нашими уголовными законами. Дѣло происходило, по показанію свидѣтелей, такимъ образомъ: не имѣя дѣтей, графиня уговорила находившуюся у нея въ услуженіи беременную крестьянку Азаеву отдать имѣющее родиться дитя ей, графинѣ, на воспитаніе. Азаева согласилась. Тогда графиня стала выдавать себя за беременную, вводя такимъ образомъ въ заблужденіе и мужа своего; затѣмъ, когда у Азаевой родилась дочь, она взяла дѣвочку тайнымъ образомъ къ себѣ и выдала за свою. Послѣ смерти графа, его братъ, графъ Александръ Владиміровичъ, началъ искъ противъ г-жи Азбукиной, обвиняя ее въ подлогѣ. На судѣ, обстоятельства обвиненія хотя и подтвердились, но въ недостаточной степени; а потому присяжные вынесли оправдательный вердиктъ, во время чтенія котораго въ публикѣ многіе плакали и крестились.

Недѣли двѣ тому назадъ, Петербургскимъ окружнымъ судомъ разбиралось дѣло, до извѣстной степени характеризующее наши столичные нравы. Подсудимыми явились шестеро мальчиковъ, изъ которыхъ старшему 15 лѣтъ, а младшему только 10. Двое изъ нихъ обвинялись въ кражѣ бѣлья, остальные же были привлечены слѣдствіемъ. Оказалось, что это была цѣлая шайка маленькихъ воришекъ, которые уже не разъ пользовались насчетъ чужихъ кармановъ. Самый младшій считался между ними атаманомъ или „начальникомъ карманной выгрузки“, по ихъ собственному выраженію. На судѣ дѣти-воры вели себя очень свободно, кромѣ двухъ, казавшихся смущенными. Присяжные, послѣ продолжительнаго совѣщанія, вынесли обвинительный приговоръ всѣмъ подсудимымъ, за исключеніемъ тѣхъ двухъ, въ которыхъ замѣтно было нѣкоторое раскаяніе. Судъ приговорилъ трехъ мальчиковъ отдать родителямъ для домашняго исправленія, одного (какъ 15 лѣтняго, но дѣйствовавшаго безъ полнаго разумѣнія) заключить въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ въ помѣщеніи отдѣльномъ отъ совершеннолѣтнихъ, двухъ же остальныхъ признать по суду оправданными.

Бугурусланскій корреспондентъ газеты „Судебный Вѣстникъ“ разсказываетъ, что у одного изъ мировыхъ судей ихъ уѣзда разбиралось дѣло по жалобѣ священника Богоявленскаго на пономаря одного съ нимъ прихода, Марка Словохотова, котораго обвинялъ въ клеветѣ. Клевета состояла во 1-хъ въ томъ, что Словохотовъ распространялъ ложные слухи, будто священникъ, ревнуетъ его къ своей женѣ, дѣлаетъ на Словохотова доносы; во 2-хъ что священникъ сказалъ Словохотову однажды: „у тебя глазенки, какъ у моей попадьенки“,—тогда какъ этого въ дѣйствительности не было. Свидѣтели показали, что подобные слухи относительно священника Богоявленскаго дѣйствительно ходили въ обществѣ. Мировой судья приговорилъ пономаря къ 10-рублевому штрафу за распространеніе *ложныхъ слуховъ*, но не за *клевету*. Оба тяжущіеся этимъ рѣшеніемъ остались недовольны и дѣло перенесли въ мировой съѣздъ, который призналъ его мировымъ учрежденіемъ неподсуднымъ.

Политическое обозрѣніе.

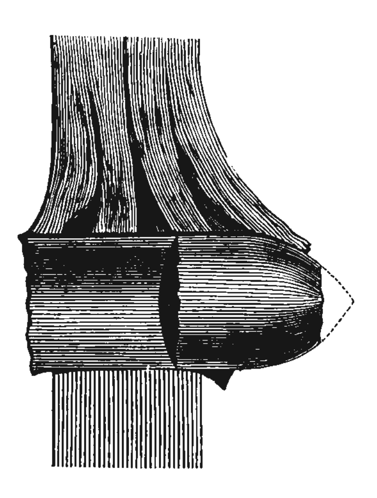
6-го февраля по нов. стилю открылись засѣданія англійскаго парламента. Передъ самымъ открытіемъ прочитана была обычная рѣчь королевы къ собранію народныхъ представителей, изложенная въ видѣ отчета о дѣйствіяхъ правительства за истекшій годъ и исполненная всякаго рода успокоительныхъ завѣреній. Упомянувъ вначалѣ о рѣшеніи двухъ спорныхъ вопросовъ, Алабамскаго и Санъ-Хуанскаго, королева переходитъ потомъ къ перепискѣ съ Россіею по средне-азіатскимъ дѣламъ, которая, по ея словамъ, привела къ самому благопріятному для обѣихъ націй исходу. Вслѣдъ за окончаніемъ чтенія королевскаго посланія, англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ представлены были собранію документы, касающіеся средне-азіатскаго вопроса, и сдѣланы словесныя сообщенія, изъ которыхъ явствуетъ, что возбужденная между Англіей и Россіей переписка возникла вслѣдствіе необходимости какъ можно точнѣе установить границу между Афганистаномъ и русскими владѣніями; что въ общихъ чертахъ разногласія между обѣими державами по этому поводу не существуетъ, и что, наконецъ, по сдѣланному представителемъ Россіи заявленію, предпринимаемый ею походъ въ Хиву имѣетъ цѣлью наказать хивинцевъ за ихъ разбои и освободить русскихъ, находящихся въ плѣну у хивинскаго хана. Съ другой стороны, помянутые документы обнародованы и у насъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и вполнѣ подтверждаютъ высказанныя правительствомъ Англіи надежды на полное соглашеніе между двумя великими державами.

Почти въ одинъ и тотъ же день съ мирнымъ открытіемъ англійскаго парламента, произошло весьма бурное и горячее столкновеніе въ прусской Палатѣ Депутатовъ. Въ собраніи обсуждался проэктъ займа въ 120 милліоновъ талеровъ для постройки желѣзныхъ дорогъ. Этотъ заемъ проэктировался министерствомъ, отъ котораго зависитъ выдача концессій (правъ на постройку) на проведеніе новыхъ желѣзныхъ путей. До послѣдняго времени выдача этихъ концессій производилась съ ве-

личайшими злоупотребленіями, причемъ обращалось вниманіе не столько на выгоды проводимой линіи для страны, сколько на выгоды отъ нея для сильныхъ лицъ, захватившихъ въ свои руки разныя промышленныя предпріятія и такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу концессій. Высшіе чиновники, отъ которыхъ зависѣла эта выдача, очень часто сами принимали участіе въ предпріятіи, какъ его учредители, или дѣйствовали через подставныхъ лицъ; при этомъ пускались въ ходъ самыя неблаговидныя средства, какъ-то: подкупъ, кумовство, знакомство, взаимныя услуги и проч. Противъ такого глубокаго міра злоупотребленій честно и открыто возсталъ депутатъ Ласкеръ, еврей по происхожденію. Въ засѣданіи 7-го февраля по нов. стилю, онъ произнесъ чрезвычайно горячую и убѣдительную рѣчь, въ которой представилъ все дѣло въ его настоящемъ видѣ. Вся его аргументація основывалась на рядѣ фактовъ, цифръ и присяжныхъ показаній. О рѣчи этой говоритъ теперь вся Европа, какъ объ удивительномъ произведеніи ораторскаго искусства, изобличающемъ самыя некрасивыя стороны нашей финансовой аристократіи. Берлинъ до сихъ поръ еще не можетъ успокоиться отъ этой прекрасной рѣчи; имя депутата Ласкера сдѣлалось весьма популярнымъ; фотографическія карточки его раскупаются на расхватъ; многіе пріѣзжаютъ къ нему на квартиру, чтобы лично выразить сочувствіе честности и смѣлости его обличеній. Вслѣдствіе этого заявленія, правительство принуждено было назначить особую коммиссію для разслѣдованія дѣла, въ составъ которой вошли нѣсколько членовъ отъ обѣихъ палатъ прусскаго сейма, а также нѣсколько чиновниковъ по назначенію отъ правительства. Вся эта исторія имѣетъ значеніе не отдѣльнаго или личнаго какого-нибудь парламентскаго столкновенія, а вызвана современнымъ общественнымъ зломъ, проникающемъ въ нравы многихъ европейскихъ націй.

Смѣсь.

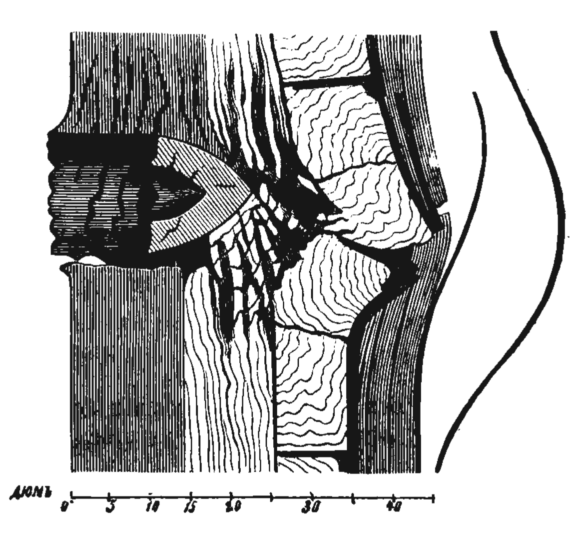
Состязаніе панцырной брони съ огнестрѣльными орудіями. Въ послѣднюю американскую войну впервые выступили панцырныя суда — и круглыя ядра американскихъ пушекъ оказались недѣйствительными противъ брони, которою обивались борты корабля. Но безопасность панцырныхъ судовъ скоро миновалась, такъ какъ стали изготовлять орудія, съ величайшею легкостью пробивавшія 4½ дюймовую броню. Съ тѣхъ поръ завязалась въ высшей степени любопытная борьба между броней и орудіемъ. «Надо дѣлать брони толще»—стало общимъ лозунгомъ. Такъ и поступали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенствовались и пушки, такъ что 8 дюймовая броня, на деревянномъ подбоѣ изъ крѣпкихъ балокъ, была пробита 9 дюймовымъ орудіемъ. Послѣ этого опыта приходилось убѣдиться, что сопротивленіе панцырныхъ судовъ пушкамъ крупнаго калибра вполнѣ и навсегда побѣждено. Но повсюду строили новыя панцырныя суда и довольно долгое время разсчитывали на то, что maximum сопротивленія желѣза еще не достигнуто и сила выстрѣла значительно ослабляется движеніемъ поражаемаго корабля. Но всему есть предѣлъ — и нынѣ броненосцы снова переживаютъ кризисъ. Знаменитый кораблестроитель Ридъ недавно прислалъ въ Times статью, которая гласитъ: «Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ главнымъ строителемъ нашего флота, соорудили громадный корабль «Ахиллъ» съ 4½ дюймовою бронею и пушками въ 4¾ тонны (95 центнеровъ); по окончаніи его пришелъ чередъ «Беллерофону» съ 6 дюймовою бронею и пушками въ 12½ тоннъ (260 центнеровъ); за нимъ слѣдовалъ «Монархъ» съ 7 дюймовою бронею и пушками въ 25 тоннъ (520 центнеровъ); потомъ «Геркулесъ» съ 9 дюймовою бронею и пушками въ 18 тоннъ (360 центнеровъ); наконецъ безмачтовый «Devastation» съ 12 дюймовою бронею и пушками въ 35 тоннъ (700 центнеровъ).



Прострѣленная 14 дюмовая броня.

Невольно дивишься, до чего это дойдетъ! Морскія силы всякаго государства обязаны слѣдить за другими, чтобы не подвергнуться пораженію. Немного лѣтъ тому назадъ «Король Вильгельмъ» считался сильнѣйшимъ изъ броненосцевъ; но съ тѣхъ поръ его превзошла по крайней мѣрѣ дюжина панцырныхъ судовъ.

Лѣтомъ прошлаго года въ Англіи производились многочисленные опыты для дознанія относительной крѣпости и взаимодѣйствія между броней и огнестрѣльнымъ снарядомъ,—при чемъ съ корабля «Готспуръ» изъ 25-тонновыхъ пушекъ палили въ 14 дюймовую желѣзную броню башеннаго броненосца «Глаттонъ». Два выстрѣла нанесли ей значительное повреждение, изображенное на прилагаемыхъ рисункахъ. Они не только пробили броню, но даже разщепили ея плиты на 7 футовъ перпендикулярно вверхъ; крѣпкій деревянный подбой позади 14 дюймовой брони согнулся, какъ ивовый прутъ, а внутренняя желѣзная обложка выгнулась и отстала. Внутри башни разлетѣлись болты и множество желѣзныхъ обломковъ наподобіе цѣлаго града гранатъ, такъ что экипажъ, въ случаѣ еслибъ онъ тамъ находился въ данную минуту, неминуемо бы пострадалъ. Теперь внутренность башни обиваютъ толстыми слоями каучука для предохраненія людей отъ града желѣзныхъ обломковъ.



Внутренняя броня. Деревянная стѣнка. Броня.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ „Нивы".

Жалобы на неполученіе одного изъ нумеровъ «Нивы» должны быть снабжены удостовѣреніемъ мѣстной почтовой конторы, чрезъ которую получается журналъ,—и присылаться въ редакцію не позже двухъ недѣль со времени выхода нумера.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о семъ, прилагать 30 копѣекъ на типографскіе расходы по печатанію новаго, а также присылать и прежній адресъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 23 Февраля 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 9 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 5 марта 1873 года. Годъ IV.

Въ камышахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Каразина.

(Продолженіе).

VIII.

Начало слѣдственнаго дѣла.

Русская, простая тѣлега, въ одну лошадь, потихоньку катилась по дорогѣ изъ дальнихъ ауловъ въ Чиназъ. Въ тѣлегѣ этой сидѣло два солдата-линейца: одинъ правилъ откормленною ротною лошадью, другой напѣвалъ что-то въ полъ-голоса и слегка кивалъ носомъ, когда его уже черезъ чуръ одолѣвала неотвязная дремота, нагоняемая и теплымъ ночнымъ воздухомъ, и тихимъ шелестомъ окружающаго камыша, и мягкимъ, покойнымъ стукомъ некованныхъ колесъ, да слабымъ побрякиваніемъ наборной упряжи.

Солдаты эти привозили матеріалы для постройки лабаза *), колья, жерди и проч., потомъ, всю остальную половину дня провозились за рытьемъ ямы и постройкой, а теперь возвращались домой, такъ какъ Касаткинъ объявилъ имъ, чтобы только черезъ недѣлю пріѣзжали забрать матеріалъ обратно.

— Надысь къ самому, почитай, комендантскому дому подходилъ—фурштаты сказывали, произнесъ одинъ изъ ѣхавшихъ.

— Кто подходилъ-то? спрашивалъ другой.

— Тигра…

— Чаво-жъ ему надыть было?

— Такъ, можетъ что чуялъ… На часахъ тогда Ко-

*) Далѣе читатель узнаетъ, что именно такое называется лабазомъ у тигровыхъ охотниковъ.

рюшкинъ третьей роты стоялъ, сказываетъ: обомлѣлъ совсѣмъ.

— Страшно—извѣстно.

— Пришелъ это онъ, на краю постоялъ; сюда-то, черезъ канаву, не перелазилъ, ну и пошелъ. Собаки, это, всѣ на крышу, вой такой подняли—страсть!

— Подлецъ-звѣрь, одно слово.

— И вотъ у насъ, въ Костромѣ, на что лѣса дремучіе, а его нѣту, не слыхать вовсе.

— Холоду боится.

— Да нѣшто здѣсь тоже не бываетъ холодно? — все одно.

— Опять же онъ лѣсу не любитъ.

— Нѣшто въ лѣсу ему хуже?

— Хуже—вотъ болотина, это, камыши—чаща всякая, ну тутъ ему самый водъ и есть.

— Вотъ, типерича, какъ здѣсь?

— Въ самый разъ—чу-кось!...

— Ахъ, чортъ те дери!..

Солдаты притихли, а лошадь стала по-немного упираться на ходу, задерживать шагъ и изрѣдка похрапывать.

— Береги, дядя Наумъ, что-то впереди не ладно.

— Можетъ онъ...

— Трещитъ... что-то сюда топочетъ... Слышишь?

— Слышу, тс!... остановилось...

— Капсюль на стержнѣ?

Солдатъ посмотрѣлъ на замокъ своего штуцера и произнесъ:

— Есть, готово.

— А то что стоитъ?

— Гдѣ?

— Вонъ прямо, ровно какъ на дорогѣ. Пригнись лучше увидишь.

Солдатъ пригнулся къ облучку. Теперь ему ясно видны были, на свѣтлой полосѣ горизонта, очертанія какого-то крупнаго животнаго.

Вдругъ лошадь, везшая повозку, тихо заржала; въ отвѣтъ послышалось другое ржаніе.

— Лошадь, дядя Наумъ. Вотъ те крестъ—она самая.

— То-то, я самъ гляжу, что лошадь.

Дѣйствительно, по дорогѣ на встрѣчу скакала свободная отъ всадника лошадь. Заслышавъ стукъ тѣлеги, она разомъ остановилась на ходу, дико всхрапнула, оглянулась назадъ, и не знала, повидимому, на что рѣшиться. Привѣтственное ржаніе «чалаго» въ ротной повозкѣ вывело ея изъ сомнѣнія, и лошадь осторожно подбѣжала къ повозкѣ и стала обнюхивать своего товарища. Одинъ изъ солдатъ соскочилъ и взялъ ее за волочившійся по дорогѣ, порванный поводъ.

— А вѣдь это капитанская лошадь! сказалъ дядя Наумъ.

— Она и есть; теперь это она безпремѣнно ушла съ затоновъ, конюхи не доглядѣли, она оторвалась и ушла, вотъ те оказія!

— Хорошо что ордѣ какой не попалась, а то бы и поминай какъ звали.

— Нѣтъ ничаго, привели бы; на нихъ этого грѣха нѣтъ. Вотъ, надысь, у коменданта какой ушелъ, рыжій, что напристяжкѣ ходитъ, одначе черезъ недѣлю привели; изъ подъ Нураты, сказывали, привели.

— Ну, какъ на кого прійдется!

Солдаты привязали къ облучку тѣлеги лошадь капитана Пуговицына и тронулись дальше. Погнали шибче, проѣхали еще съ полчаса; вдругъ, опять упряжный конь уперся на ходу, опять всхрапнулъ, и теперь уже кинулся въ сторону, чуть не опрокинувъ телѣгу, наскочивъ на высокую болотную кочку.

— Что тамъ опять за оказія?

— Лежитъ кто-то поперегъ дороги.

— Слѣзай, дядя,—фонарь съ тобою?

— Никакъ капитанъ?

Не смотря на темноту, можно было разсмотрѣть бѣлый китель лежащаго, крестообразно раскинутыя руки и ноги въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ. Одинъ изъ солдатъ принялся чиркать объ обшлагъ сѣрною спичкою мѣстнаго приготовленія; голубоватый огонекъ вспыхнулъ, затрещалъ, чуть было не погасъ, однако солдатъ справился, прикрылъ огонь отъ вѣтра шапкою и зажегъ фонарь.

— Свѣти.

— Это тотъ, что на пароходѣ пріѣхалъ... Крови-то что, страсть! гляди весь бокъ запакощенъ.

— Словно дышетъ еще...

— Поправь сѣно въ телѣгѣ, бери подъ мышки, легче.

Ровичъ застоналъ, тихо, чуть слышно.

— Ты сказалъ, дядя Наумъ?

— Тише!... дядя Наумъ кивнулъ на раненаго.

— Поднимай. Легче, за колѣно задѣнешь. Сними подушку съ сѣдла, клади ее подъ голову, вотъ такъ; сѣна подложи. Ладно!

— Что за притча такая?!...

— Кабы что на насъ не подумали?.. Вотъ грѣхъ-то будетъ. Мещерякъ, въ третьемъ году, тоже такъ ни за что пропалъ.

— Не пропадемъ, не бросить же такъ на дорогѣ!

— Кто говоритъ бросать!

Раненаго бережно уложили на телѣгу, онъ стоналъ и слегка метался въ безсвязномъ бреду. Одинъ изъ солдатъ сѣлъ на облучекъ и поддерживалъ голову Сергѣя Николаевича, другой велъ лошадь въ поводу. Поѣхали шагомъ, осторожно выбирая дорогу, чтобы какъ нибудь не побезпокоить офицера.

Еще не совсѣмъ разсвѣло, какъ тревожный слухъ разнесся по всей чиназской слободкѣ: «Ровича привезли убитаго,—Ровича разорвалъ тигръ,—на Ровича напали барантачи, и отрѣзали ему голову, а тѣло прислали въ Чиназъ; теперь они, т. е. барантачи, стоятъ лагеремъ на томъ берегу и готовятся къ нападенію на слободку». Вотъ говоръ, который пошелъ ходить по домамъ, разростаясь въ колоссальную нелѣпицу. Говорили уже, что «и Касаткинъ убитъ, и Трубаченко... всѣ уже убиты, кто только былъ на томъ берегу...» Какой-то отдаленный барабанъ, Богъ вѣсть по какому волненію, заколотилъ тревогу. Это усилило суматоху... кричали даже «пожаръ!» и лѣзли на крыши смотрѣть: гдѣ же это пламя?...

Къ утру наконецъ все разъяснилось и успокоилось, и только около дома «стараго пушкаря» бродили вереницы любопытныхъ, заглядывали въ окна—и забѣгали въ кухню съ разпросомъ о всемъ тамъ происходившемъ.

Мартынъ Федоровичъ настоялъ, чтобы раненаго непремѣнно помѣстили у него въ домѣ. Какъ ни противилась Маланья Ивановна, какъ ни кричала она на своего мужа, однако побѣда осталась на сторонѣ соединенныхъ силъ—отца и дочери. И въ настоящую минуту въ залѣ дома стараго пушкаря происходила слѣдующая сцена.

Сергѣй Николаевичъ лежалъ на диванѣ въ совершенномъ безпамятствѣ; около него, засучивъ рукава рубахи и снявъ сюртукъ, возился мѣстный докторъ. Мартынъ Федоровичъ сидѣлъ на стулѣ около подушекъ—и внима-

тельно, съ видомъ знатока наблюдалъ, какъ Наташа обмывала губкою—кровь, запекшуюся вокругъ маленькой ранки. Покойно, твердою рукою она нажимала губку на окровавленное тѣло, ловко очищала присохшую кровь—и только изрѣдка капавшія на подушку слезинки выдавали душевное волненіе дѣвушки. Комендантъ и два офицера сидѣли въ сосѣдней комнатѣ; передъ ними стояли недопитые стаканы чая и лежали письменныя принадлежности. Они собирались составлять протоколъ о всемъ случившемся, для начала слѣдственнаго дѣла.

Священникъ въ эпитрахили, съ дарами, приглашенный на всякій случай, стоялъ у окна и набожно вздыхалъ, выглядывая по временамъ на улицу, изъ подъ опущенной занавѣски.

— Я говорилъ: не слѣдовало *имъ* ѣхать, по многимъ соображеніямъ не слѣдовало-бы, укорительно произносилъ уже въ шестой разъ отецъ іерей.

— Э, батюшко, еще ничего неизвѣстно, что и какъ, а вы уже намеки дѣлаете, съ досадою произнесъ Чижиковъ.

— Начнете такъ, диктовалъ комендантъ одному изъ офицеровъ.—«Сего такого-то числа», какое нынче число?

— Двадцать третье.

— Сего, двадцать третьяго числа, въ четыре часа утра, рядовые ввѣреннаго мнѣ батальона, такіе - то»... Они оба здѣсь?

— Въ кухнѣ сидятъ.

— Допросъ особо снимите.

— Ой!.. застоналъ раненный.

Докторъ въ эту минуту принялся зондировать уже обмытую рану. Эта операція и вызвала болѣзненный стонъ, прервавшій диктовку протокола.

— Глубоко сидитъ. Правое легкое повреждено, говорилъ докторъ. — Подай пинцетъ, обратился онъ къ суетившемуся около фельдшеру.

— Опухоль успѣла затянуть ранку; надо сдѣлать надрѣзецъ... это мы сейчасъ, это мы сразу, бравировалъ докторъ.—Придержите-ко, Мартынъ Федоровичъ, руку; онъ хотя и въ безпамятствѣ, а на всякъ случай покойнѣй.

— Да вы не мучьте его очень! вырвалось у Наташи.

— Хе-хе! небось, будетъ живъ, не бойтесь, улыбнулся докторъ.

— Тутъ сейчасъ у васъ будетъ слѣдовать все, что вы извлечете изъ допроса обоихъ солдатъ, доносилось изъ сосѣдней комнаты.

— Батюшко, чайку стаканчикъ! приглашала священника Маланья Ивановна, высунувшись изъ-за двери.

— Ну, вотъ вамъ и пулька.. кругленькая!.. вытащилъ докторъ что-то маленькое, обмылъ это что-то и положилъ на столъ.

— Эхъ! крикнулъ Мартынъ Федоровичъ, отвернулся и уставилъ глаза въ одну точку.

— Петя, Петя, пропащая ты голова! чуть слышно прошептали сухія губы старика.

Наташа поблѣднѣла какъ полотно и начала поправлять подушки. Наконецъ она быстро поднялась, будто не выдержала болѣе гнетущей ей сердце тяжести и вышла изъ комнаты.

Докторъ промылъ рану, вложилъ туда корпію, залѣпилъ полосками пластыря и принялся бинтовать.

— Покой прежде всего... онъ скоро прійдетъ въ себя. Говорить много не позволяйте; пусть лучше вовсе не говоритъ ни слова. Рюмку краснаго вина и ложки двѣ крѣпкаго бульона; черезъ мѣсяцъ будетъ здоровъ... отчеканилъ докторъ, потянулся и началъ надѣвать свой сюртукъ.

— Ну, благодареніе Господу за его милости! вздохнулъ отецъ іерей.

— Пулю же надо завернуть въ бумагу и припечатать къ протоколу... докторъ началъ шарить на столикѣ, передвигая футляры съ инструментами, перещупывая клочья корпіи и обрѣзки пластыря.

— Надо припечатать... да гдѣ же она?...

— Что вы ищете, докторъ? спросилъ Чижиковъ.

— Пулю-пулю, что вытащилъ изъ раны.

— Да вы гдѣ же ее дѣли?

— Сюда вотъ на столъ положилъ... куда же это она запропастилась!

Мартынъ Федоровичъ смутился, онъ догадался о чемъ-то, онъ началъ быстро соображать.

— Какая пуля была? спросилъ онъ.

— Круглая, обыкновенно. Я же говорилъ.

— Вы докторъ ничего не говорили.

— Какъ не говорилъ?!.

— Вы ничего не говорили. Да не уронили-ли вы ее какъ нибудь? давайте искать.

Искали. Искали долго, выметали даже полъ и ничего не нашли, кромѣ костей, оглоданныхъ собаками подъ диваномъ.

Рѣшили, что все это очень подозрительно,—и отложили составлять протоколъ до того времени, какъ очнется Ровичъ.

Наташа, выйдя изъ комнаты, стремительно прошла черезъ кухню на заднее крыльцо и оглянулась. Кругомъ никого не было видно. Только за стѣною слышался глухой гулъ собравшагося народа. Въ углу двора за кучами неубраннаго навоза былъ старый заброшенный и засоренный до послѣдней возможности колодезь; его вырыли, разсчитывая имѣть хорошую прѣсную воду, но ошиблись въ разсчетѣ: вода оказалась солоноватая и негодная для употребленія. Давно уже обвалился срубъ, заросла бурьяномъ зіяющая дыра, и только по ночамъ синеватый паръ вился надъ этою забитою, загнившею ямою. Наташа еще разъ робко оглянулась. Никого. Она быстро въ три прыжка перебѣжала дворикъ, нагнулась надъ колодцемъ и тотчасъ же отбѣжала назадъ къ крыльцу. Со дна колодца донесся обрывистый звукъ упавшаго предмета; что-то булькнуло. Дѣвушка перевела духъ, обошла кругомъ и взошла въ комнаты.

— Вы это куда ходили? спросилъ ее докторъ, подозрительно глядя на заплаканные глаза Наташи.

— Куда? да вамъ-то что за дѣло? удивленно спросила та.

— Нѣтъ, однако? переспросилъ докторъ.

— Выплакаться ходила,—вы думаете, мнѣ легко было смотрѣть на *все это*.

— Кто говоритъ—пойдите-ко сюда!

Докторъ подманилъ ее рукою, та подошла.

— Барышня вы хорошая и умная, тихо сказалъ ей докторъ.—Сообразить вы скоро умѣете...

Наташа поблѣднѣла.

— Не бойтесь—я человѣкъ добрый, случившагося не поправить, а зла *никому* я дѣлать не хочу—поняли?... Что въ томъ толку!

Наташа стала перебирать пальцами свой передникъ и тихо вышла въ другую комнату.

— Опустите шторы, лишняго свѣта не надо, говорилъ докторъ,—народу тоже лишняго не требуется; когда

очнется—сейчасъ мнѣ дайте знать, я буду дома. Прощайте.

Докторъ собралъ свои инструменты и пошелъ къ дверямъ.

Въ комнатѣ съ больнымъ остался только Мартынъ Федоровичъ, который, подсѣвъ къ окну, гдѣ сквозь щель въ ставнѣ прорывался тоненькій лучъ свѣта,—развернулъ осторожно свой древній календарь и сталъ попрежнему отыскивать въ немъ чего нибудь поинтереснѣе для чтенія.

Черезъ часъ на смѣну пришла Наташа. Долго, пристально смотрѣлъ старикъ въ лицо своей дочери.

— Да что ты, папа? смутилась та наконецъ.

— А гдѣ пулька?

— Какая?...

— Кругленькая, что Петя самъ льетъ для своей двустволки. Ты знаешь—какая.

— Ничего я не знаю...

— Ну хорошо, посиди же ты теперь здѣсь, а я пойду сосну немного,—прощай.

Мартынъ Федоровичъ ушелъ, а Наташа пододвинула стулъ къ дивану, сѣла — и такъ и впилась глазами въ блѣдное неподвижное лицо Сергѣя Николаевича.

Тихо было въ комнатѣ, только мухи гудѣли и щелкались объ стекла, да съ улицы несся обыденный говоръ, топотъ конскихъ ногъ и отдаленный ревъ верблюдовъ. День былъ базарный—и къ Чиназу съѣхались со всѣхъ сторонъ окрестные кочевники.

Долго сидѣла дѣвушка не мѣняя положенія; она, казалось, сама ничего не чувствовала, сама ничего не сознавала, она даже не могла бы отдать себѣ отчета: долго ли тянулось это безмолвное ожиданіе первыхъ признаковъ пробуждавшейся жизни. Вдругъ она вся встрепенулась. Ей показалось, что опущенныя рѣсницы Сергѣя Николаевича слегка дрогнули, губы зашевелились. Наташа взяла ложечку, зачерпнула изъ стакана краснаго вина и влила жидкость въ ротъ больнаго. Конвульсивное движеніе горла показало, что вино было проглочено. Черезъ нѣсколько минутъ Ровичъ открылъ глаза—и долго, почти безъ всякаго выраженія, смотрѣлъ въ одну точку; потомъ въ этомъ взглядѣ мелькнуло что-то осмысленное—показалось изумленіе, неожиданность...

— Сергѣй Николаевичъ, тихо говорила Наташа, наклонившись къ самому уху раненаго. — Вы у насъ въ домѣ... Вы узнаете меня?—это я... Наташа...

Глаза больнаго опять закрылись, но Наташа успѣла замѣтить, что Сергѣй Николаевичъ узналъ ее; она, по крайней мѣрѣ, была убѣждена въ этомъ.

Тихое, ровное, хотя едва замѣтное дыханіе больнаго показало, что обморокъ смѣнился сномъ. Здоровая натура Сергѣя Николаевича взяла свое.

Наташа нагнулась къ нему, прижала свои горячіе губы къ его лбу и долго-долго не отрывала ихъ, едва удерживаясь, чтобы не разразиться самимъ неудержимымъ, истерическимъ рыданіемъ.

Ночь прошла относительно довольно покойно для больнаго. Къ утру, лихорадочное состояніе значительно ослабѣло, бредъ прекратился—и Сергѣй Николаевичъ въ первый разъ сознательно открылъ глаза и попросилъ пить. Онъ уже всѣхъ узналъ; онъ понялъ изъ разсказа Наташи все, что произошло съ нимъ,—только крайняя слабость не позволяла ему даже пошевелиться на постели—и каждое слово, произнесенное имъ, сопровождалось сильнѣйшею усталостью и болью груди. Пришелъ докторъ—осмотрѣлъ раненаго, пощупалъ пульсъ, посидѣлъ на стулѣ около больнаго, разсказалъ анекдотъ, весьма по его мнѣнію забавный, сообщилъ, что слѣдователемъ по всему этому дѣлу назначенъ заслуженный маіоръ,—и ушелъ обѣщавъ навѣдаться передъ вечеромъ.

Когда докторъ сообщилъ послѣднее обстоятельство, Ровичъ открылъ глаза—и на его лицѣ выразилось сильное безпокойство. Онъ нѣсколько разъ взглядывалъ то на доктора, то на дверь, какъ будто бы ждалъ съ нетерпѣніемъ его ухода. Едва только сутулутовая фигура доктора скрылась за дверью, Ровичъ кивнулъ Наташѣ; та подошла и нагнулась. Тихо, едва шевеля губами, почти у самаго уха дѣвушки Ровичъ произнесъ:

— Ружье мое..... оно заряжено..... мнѣ нужно, чтобы одинъ стволъ былъ разряженъ.....

Больше ничего не сказалъ Сергѣй Николаевичъ, и это усиліе стоило ему обморока. Онъ вдругъ осунулся и затихъ; казалось, даже дыханіе прекратилась въ груди раненнаго... Наташа громко вскрикнула... Эта внезапная перемѣна была такъ похожа на смерть.

Взошелъ Мартынъ Федоровичъ.

— Ну, что ты?!.. что случилось? заботливо произнесъ старикъ.

Наташа разсказала.

— Поздно!... Я это предчувствовалъ... говорилъ Чижиковъ. — Утромъ сегодня я видѣлъ маіора: онъ ѣздилъ верхомъ, съ двумя казаками. Онъ возвращался съ мѣста происшествія—онъ не дуракъ, этотъ проклятый маіоръ, знаетъ свое дѣло хорошо... Солдаты, что привезли Сергѣя Николаевича, не нашли ружья въ потемкахъ-то, а казаки нашли. Я у одного изъ нихъ видѣлъ штуцерокъ въ рукахъ. Теперь уже онъ припечатанъ и описанъ и стоитъ въ квартирѣ у маіора. Петенькино дѣло проиграно до чиста...

Наташа потупила голову.

Оборванный, полуголый киргизёнокъ Гайтакъ, племянникъ стараго Гайкулы, прискакалъ въ Чиназъ, на буромъ поджаромъ иноходцѣ, и остановилъ свою лошадь передъ крыльцомъ комендантскаго дома. Онъ должно быть очень спѣшилъ, потому что даже не поѣхалъ на перевозъ, что составляло значительный крюкъ,—а для *выигрыша времени*, переправился черезъ Сыръ-Дарью вплавь, противъ пароходной пристани, и въ настоящую минуту съ его лошади текли обильныя струи грязной воды и образовали лужу у столба съ кольцомъ, врытаго для привязки лошадей, передъ окнами дома.

— Ты куда прешь прямо въ домъ — кого тебѣ надо? грубо остановилъ мальчика часовой-линеецъ, когда тотъ сталъ взбираться на ступеньки крыльца...

— Тюра-коменданта — надо... самого коменданта надо... говорилъ киргизенокъ ломанымъ русскимъ языкомъ,—скоро надо... сейчасъ надо...

— Что тамъ такое?.. часовой позвонилъ.

— Скоро надо... Тюра-Касатка... велѣлъ скоро — байтакъ надо... Пусти.

— Погоди — нельзя.

Изъ дверей выглянулъ одинъ изъ комендатскихъ деньщиковъ.

— Доложи Егоръ его высокоблагородію, джигитъ пріѣхалъ, произнесъ часовой.

— Онъ на фурштатскомъ дворѣ, сообщилъ деньщикъ.— Эй! ты, обратился онъ къ посланцу,—знаешь, гдѣ фурштатскій дворъ, гдѣ арбы солдатскія стояли? пояснилъ деньщикъ мальчику...

— Знаю... я тамъ бывалъ...

— Ну, бѣги туда; слышишь, это онъ самъ на кого-то кричитъ?..

Съ фурштатскаго двора дѣйствительно доносился нѣсколько-сиплый голосъ коменданта, громогласно дѣлавшаго какія-то распоряженія.

Гайтакъ вскочилъ опять на своего поджараго и поскакалъ ко двору—онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ—чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла и уже кое-какъ уцѣпился руками за шею коня—и черезъ полминуты слѣзъ передъ комендантомъ, глядѣвшимъ уже, что за джигитъ такой несется по его задворкамъ.

— Ты отъ кого?

посланіе, далъ киргизу немного мелкихъ монетъ и, потупивъ голову, пошелъ къ себѣ домой... Ему жаль было Петра Михайловича. «Значитъ солоно пришлось бѣднягѣ, когда дошло до такого пасажа», думалъ комендантъ, направляясь къ канцелярскому флигелю.

Не прошло и часу, какъ объ этомъ письмѣ Касаткина зналъ весь Чиназъ,—узнали конечно и Мартынъ Федоровичъ съ дочкою и убѣдились окончательно, что всѣ попытки къ спасенью Петра Михайловича окончательно парализованы.

— Воля Божія! сказалъ старикъ—и даже на образа перекрестился...

Французская революція. Топленіе вандейцевъ въ Луарѣ. Рис. Дела-Шарлери, грав. Дюранъ.

— Вотъ, тюра-Касатка кагасъ (бумагу) прислалъ, сказалъ Гайтакъ, снялъ малахай и началъ тщательно рыться въ его подкладкѣ... Онъ вытащилъ оттуда четвертушку смятой бумаги и подалъ коменданту...

Это была записка отъ Касаткина слѣдующаго содержанія:

«Увѣдомляю васъ, господинъ комендантъ, что я убилъ Ровича. Распоряженіемъ объ арестованіи меня не спѣшите; я самъ, тотчасъ же по окончаніи охоты на тигровъ, явлюсь въ Чиназъ... Вы меня настолько знаете, чтобы повѣрить моему слову... Я только потому не являюсь сейчасъ же, что разсчитываю на услугу тигра, который можетъ быть избавитъ меня отъ суда и всякихъ проволочекъ...

П. Касаткинъ».

— Вотъ какъ! развелъ руками комендантъ, прочтя это

А заслуженный маіоръ — пришивая и припечатывая письмо къ слѣдственному дѣлу, процѣдилъ сквозь зубы: «Ну, голубчикъ, теперь ты отъ меня не отвертишься».

На площади передъ домикомъ адъютанта стояла конная группа, готовая по всѣмъ признакамъ, отправиться въ путь — ждали только самого адъютанта, осѣдланная лошадь котораго стояла у дворовой калитки. Это былъ конвой, назначенный для арестованія Касаткина. Адъютантъ, которому поручена была эта печальная обязанность, посланъ съ шестью казаками въ дальніе аулы и, въ настоящую минуту, наскоро доѣдалъ легонькій завтракъ, разговаривая кое съ кѣмъ изъ пришедшихъ его проводить товарищей.

— Эхъ! жаль — то есть такъ жаль, что и словъ не нахожу!.. вздыхалъ капитанъ Пуговицынъ, пережевывая кусочекъ селедки.

— Не говори! махнулъ рукою адъютантъ, пристегивая шашку.

— И кой чортъ дернулъ меня лошадь свою дать этому барину?! Вѣдь откажи я, пожалуй бы всего этого и не случилось бы...

— Не случилось бы.

— Я говорилъ, не слѣдовало ѣхать; по многимъ психическимъ причинамъ и соображеніямъ, не слѣдовало, въ сотый разъ говорилъ отецъ іерей.

— Ну, да ужь что же! теперь дѣло не поправишь.

— Ты, братъ, слушай, говорилъ тихонько Пуговицынъ адъютанту,—ты не спѣши очень... Онъ не уйдетъ. Дай ему хоть поохотиться въ послѣдній разъ какъ слѣдуетъ.

— Да, какъ же! ты читалъ, что пишетъ онъ: — «Тигры, говоритъ, можетъ предупредятъ и прочее»... Онъ, братъ, можетъ что такое затѣваетъ, что потомъ намъ своей шкурой прійдется отвѣчать... Дѣло уголовное.

— Кто говоритъ! а всетаки жаль... ты пойми — жаль!..

Капитанъ отъ излишнихъ припадковъ жалости совершенно раскисъ, наливая себѣ восемнадцатую, и не замѣчалъ уже, что стаканчикъ давно уже переполнился до краевъ — и по грязному столу расползались во всѣ стороны зеленоватыя струи полынной водки.

— Ну, однако, пора ѣхать, прощайте! коснѣющимъ языкомъ говорилъ тоже разчувствовавшійся адъютантъ.

— Прощай, голубчикъ!.. прощай, родной!..

— Вотъ что значитъ пренебрегать разумными предостереженіями! укоритально и съ сознаніемъ своей правоты произносилъ отецъ іерей. — «И въ писаніи сказано»...

— Садись!.. Скомандовалъ адъютантъ, показавшись на порогѣ.—Лошадь подай, ей!

Вся кавалькада рысью тронулась черезъ площадь, пронеслась по базарной улицѣ и скрылась въ облакахъ пыли, поднятыхъ по дорогѣ къ перевозу.

А Наташа, улучшивъ удобную минуту, все сообщила Сергѣю Николаевичу. Если тому и запрещено было говорить, что могло принести безусловный вредъ, за то слушать онъ могъ сколько угодно и совершенно безопасно для своего здоровья. Этимъ обстоятельствомъ и пользовалась его хорошенькая сидѣлка, прерывая свои разсказы страстными поцѣлуями въ лобъ, когда Маланья Ивановна уходила себѣ на кухню, а Мартынъ Федоровичъ — сперва дѣйствительно ничего не замѣчалъ, а потомъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Выздоровленіе, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ и предупредительности со стороны ухаживающихъ, должно было, по словамъ доктора, идти весьма быстрыми шагами— и дѣйствительно докторъ въ данномъ случаѣ не ошибался.

(Продолженіе будетъ).

Топленіе вандейцевъ въ Луарѣ *).

Тиранство, проявленное героями революціи надъ особами королевскаго семейства, конечно уже показало, чего можетъ ожидать человѣчество отъ этихъ, по словамъ ихъ, *передовыхъ дѣятелей человѣчества*.

Возстаніе въ Вандеѣ было для нихъ только поводомъ (конечно, по утушеніи уже пожара) развить свое утонченное свирѣпство въ обширномъ размѣрѣ,—хотя и въ малыхъ пріемахъ такія мѣры не могутъ не возбуждать общаго ужаса; такъ что вся тяжелая эпоха парижскаго террора оказалась цвѣтками передъ созрѣніемъ плодовъ его въ Нантѣ. Тамъ уничтожали однимъ разомъ цѣлый экипажъ плѣннаго судна или нѣсколько сотенъ мирныхъ гражданъ, вся вина которыхъ состояла въ ихъ доброй нравственности, коловшей глаза извергамъ, величавшимъ себя распорядителями судебъ родины.

Напомнить эти дни ужаса, пережитаго несчастною Франціей, въ кровавые дни революціи «пересоздавшей человѣчество»,—мы намѣрены теперь, не обѣщая, впрочемъ, ни полноты картины, ни пріятнаго успокоительнаго разсказа, сведеннаго на необходимость будто бы такихъ мѣръ: дѣло само говоритъ за себя — и нужно быть ужъ слишкомъ философомъ-утопистомъ, чтобы не содрогаясь представлять себѣ рѣки крови, пролитой за химеру невозможнаго въ человѣчествѣ равенства. Возстаніе Вандеи очертить намъ, однако, рѣшительно необходимо.

Казнь короля поразила всѣ дворы Европы такъ, что никто уже не хотѣлъ оставаться въ сношеніяхъ съ кровавой республикою—и Англія первая заговорила о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла своей сосѣдки. Конвентъ поспѣшилъ объявить войну коварному Альбіону 19 янв. (1 февраля) 1793 г., вмѣстѣ съ штатгальтеромъ Голландіи, и Питтъ загремѣлъ съ каѳедры о необходимости соединенія всей Европы для немедленнаго уничтоженія «гнѣзда извергов». Въ семь мѣсяцевъ англійское министерство успѣло заключить 10 союзовъ съ державами Европы и поднять на республику Ганноверъ, Россію, Кассель, Сардинію, Испанію, Неаполь, Пруссію, Австрію, Баденъ и Португалію,—такъ что оставались нейтральными только: Турція, республики Венеціанская и Швейцарская, да Швеція съ Даніею. Конвентъ, переживая послѣдніе дни свои, на первый случай объявилъ наборъ въ 300,000 рекрутъ, и эта-то мѣра возбудила къ возстанію западную часть Франціи, прилегающую къ низовьямъ Луары (именно департаменты нижней Луары, Мэнь и Луары, обѣихъ Севръ и Вандейскій). Началось это возстаніе въ городкахъ Шальянъ (въ нижнемъ Пуату) и Сенъ-Флоранъ (въ Анжу на Луарѣ), безъ всякаго какого либо уговора и даже въ полной неизвѣстности, гдѣ что дѣлается. Въ Сенъ-Флоранѣ молодые люди, стоящіе на очереди, отказались брать жеребьи, хотя и находились въ городкѣ, въ полномъ сборѣ. Комисаръ республики, употребивъ все свое наличное краснорѣчіе, вздумалъ припугнуть ослушниковъ и велѣлъ привезти пушку. Орудіе навели на толпу очередныхъ, но не стрѣляли. Угрожаемые сами бросились на пушку и завладѣли ею, прогнавъ прислугу. Кто бы подумалъ, что это— начало ожесточеннаго возстанія?

Слухъ объ удали молодцовъ въ Сэнъ-Флоранѣ 27 февраля (10 марта) дошелъ до продавца шерстью (въ разносъ) Жака Катлино, жившаго въ деревенькѣ Пэнъ-анъ-Можъ, отца пятерыхъ дѣтей, пользовавшагося большимъ вѣсомъ въ цѣломъ околодкѣ.

Собрать десятка два односельцевъ и убѣдить ихъ: какъ нужно всѣмъ возстать, не дожидая прихода, да расправы

*) См. статьи о французской революціи въ «Нивѣ» 1872 г., стр. 565, 635, 649, 699 и 731.

республиканской,—было для него часомъ времени. Горячій пріемъ и убѣдительность рѣчи человѣка, котораго давно уже привыкли всѣ слушаться, произвели магическое дѣйствіе: толпа пошла за нимъ, разростаясь съ силою потока. И когда, въ сосѣдней деревенькѣ Пуатевиньеръ, пылкій Катлино сдѣлалъ второй опытъ своего воззванія, — онъ могъ уже располагать сотнями преданныхъ, готовыхъ умереть, не задумавшись.

Южнѣе Пуатевиньера лежало мѣстечко Жалье, гдѣ расположенъ былъ отрядъ регулярнаго войска республики въ 80 человѣкъ, при одномъ орудіи. Не долго думая, Катлино повелъ свою ватагу туда и, сразу захвативъ врасплохъ команду въ плѣнъ, отнялъ пушку. Орудіе это, первый трофей свой, счастливый предводитель назвалъ «миссіонеромъ» и, не давая роздыха окриленнымъ удачею новобранцамъ, повезъ впереди своего скопища къ городку Шмилье (Chemillé), гдѣ, какъ извѣстно было, расположено было при трехъ орудіяхъ 200 человѣкъ войска республики. Катлино сдѣлалъ къ городку приступъ въ тотъ же вечеръ и имѣлъ блистательный успѣхъ, занялъ съ боя Шмилье, и сдѣлался обладателемъ, въ одинъ день, 4-хъ орудій, да почти 300 человѣкъ плѣнныхъ.

Какъ, отъ такихъ побѣдъ *по щучьему велѣнью*, не закружиться головѣ неопытныхъ крестьянъ, вообразившихъ себя не на шутку призванными для дешеваго настолько *спасенія отечества?* Причину такого розыгрыша, чуть не сказочнаго, увертюры вандейской борьбы можно отыскать прежде всего въ непростительной безпечности воинскихъ партій, расположенныхъ въ Пуату, не смотря на враждебность сельскаго населенія къ военнымъ, съ которыми возникали у крестьянъ ежеминутныя столкновенія за самовольства и самое широкое приложеніе къ дѣлу права сильнаго, въ особенности же въ примѣненіи къ женскому полу. Такъ, что *синій* — для крестьянина сдѣлался кошмаромъ, не дававшимъ ему дохнуть свободно. У правителей же *единой нераздѣльной республики*, за взаимными подъискиваніями другъ подъ друга, не хватало времени обратить вниманіе на положеніе дѣлъ внѣ Парижа, «гдѣ» думали они пренаивно: «все благоденствуетъ, согрѣтое горячею любовью къ отечеству!» Понятно, что когда слухъ о возстаніи въ Вандеѣ достигъ до Парижа, то у правителей, ничего тутъ не понимавшихъ, пресмѣшнымъ образомъ вытянулись лица. А они къ тому же ожидали высадки съ запада эмигрантовъ, со вспомогательнымъ войскомъ изъ Англіи и на англійскихъ судахъ. Вотъ и порѣшили, что вторгнулись въ благословенную палестину братскаго единодушія нарушители общаго покоя и завистники его — роялисты, тогда какъ, на мѣстѣ разгара возмущенія никто и неслыхивалъ ни о дессантѣ, ни о роялистахъ, смиренно запрятавшихся на ту пору, отъ грозы, въ своихъ замкахъ, въ семейномъ кругу.

Къ тому же, въ Пуату,—гдѣ возстаніе возникло само собою, когда о волненіяхъ въ Анжу не успѣлъ еще долетѣть туда и слухъ,—именно въ Шальянѣ и Машку, возбудилъ любезныхъ сограждянъ противъ республиканскаго правительства нѣкто Гастонъ — парикмахеръ, конечно, дальше своего городка никому неизвѣстный. Онъ, извольте видѣть, 1 (12) марта 1793 г. убилъ офицера республиканскаго — и въ мундирѣ убитаго съ торжествомъ повелъ свою ватагу къ деревнѣ Сэнъ-Жерве, гдѣ при началѣ свалки палъ одною изъ первыхъ жертвъ. Но, въ Парижѣ, поймавъ на лету фамилію Гастонъ, мигомъ придѣлали къ ней цѣлую исторію о генералѣ Гастонѣ, комендантѣ Лонгви, сдавшемъ эту крѣпость, въ истекшемъ году, эмигрантамъ. Теперь, въ воспаленномъ мозгу парижскихъ отгадчиковъ, явился предатель Лонгви съ англійскимъ десантомъ, на югѣ отъ Луары—чтобы идти на Парижъ. Страхъ отъ фантома собственнаго измышленія оковалъ мысли правителей—и они, потерявъ голову, не дѣлали на первый случай никакихъ распоряженій, все еще и гораздо позднѣе даже не отгадавъ истинной причины возстанія.

Оно между тѣмъ, въ двухъ указанныхъ нами центрахъ, шло совершенно различно.

Въ Анжу, кромѣ Катлино, возбудителемъ былъ еще молодой крестьянинъ Форе, заподозренный республиканскою администраціею въ неблагонадежности, за то что жилъ въ услуженіи у эмигранта и съ нимъ вмѣстѣ выѣзжалъ за границу. Лишь только воротился онъ къ своимъ пенатамъ, въ деревеньку Шанзо, какъ начальство послало двухъ жандармовъ—взять подозрительнаго. Форе не только не дался, но, приготовившись заранѣе къ встрѣчѣ непрошенныхъ гостей, съ приближеніемъ ихъ: одного убилъ, а за двоими побѣжавшими самъ погнался съ ружьемъ. На этомъ преслѣдованіи, очутясь подлѣ церкви, взбѣжалъ почти инстинктивно на колокольню, да и грянулъ въ набатъ. Сбѣжалась толпа. Форе разыгралъ роль краснорѣчивой жертвы несправедливыхъ гоненій, растрогалъ своихъ слушателей, и видя сильное уже ихъ возбужденіе, вдругъ скомандовалъ: итти за собою — искать губителей! Толпа и пошла за нимъ, изъ деревни въ деревню.

Черезъ два дня, 3 (14) марта, такую же штуку привелъ въ исполненіе лѣсной сторожъ Мольвріе, недовольный своимъ начальникомъ. Ясно, что всѣ были наэлектризованы ненавистью къ *синимъ* республиканцамъ. Въ этомъ— вся разгадка вспышекъ одновременно, въ разныхъ мѣстахъ. Ватаги Форе и Мольвріе соединились съ Катлино, который, съ приращеніемъ средствъ своихъ, рѣшился уже итти на главный городъ всего округа — Шолье, гдѣ, при одномъ орудіи, въ это время расквартировано было 500 человѣкъ регулярнаго войска.

Удача и на этотъ разъ увѣнчала, безъ особаго труда, дерзкую предпріимчивость, снабдивъ побѣдителей не только артиллеріею, оружіемъ и аммуниціею, но даже деньгами. Въ городкѣ находилась военная касса цѣлаго округа.

За этимъ подвигомъ Катлино вдругъ распустилъ своихъ героевъ, къ полному изумленію администраторовъ, начинавшихъ побаиваться уже захвата врасплохъ городовъ съ военными людьми. Дѣйствительно, есть много загадочнаго въ этомъ роспускѣ первыхъ полчищъ Вандеи, послѣ блистательныхъ успѣховъ. Дѣло въ томъ, однако, что предводимые Катлино стали поговаривать о желаніи воротиться домой съ приближеніемъ праздника Пасхи; а Катлино уже прослышалъ о движеніи отъ Анжера посланной противъ него сильной партіи регулярнаго войска, съ которымъ не врасплохъ справиться онъ не считалъ себя въ силахъ. Онъ и разрѣшилъ всѣмъ идти по домамъ.

Партія, дѣйствительно сильная, прошла по всему околодку. Но биться съ кѣмъ бы то ни было — ей уже не пришлось, за полнѣйшимъ всюду спокойствіемъ. Синіе, безъ сомнѣнія, косились на Сэнъ-Флоранъ и Пэнъ-анъ-Можъ, но *пустить краснаго пѣтуха* *), какъ дѣлывали они потомъ въ городкахъ и мѣстечкахъ Вандеи по точному приказу правителей республики, теперь еще своею

*) Сжечь.

властью не рѣшались—частію довольные и сами, что дѣло обходится дешево.

Праздники пировали по старому, какъ ни въ чемъ не бывало. Но, послѣ праздниковъ, предводители возстанія повторили мартовскую штуку, обратившись уже съ просьбою къ мѣстному дворянству, сидѣвшему въ своихъ замкахъ, въ ожиданіи лучшаго. Дворяне, всѣ почти служившіе въ рядахъ королевскихъ войскъ, конечно съумѣли изъ нестройныхъ скопищъ крестьянъ, соревновавшихъ въ строевой выучкѣ, создать ополченіе отличавшееся въ послѣдующихъ бояхъ замѣчательною стойкостью. Въ Анжу этимъ занялись, первые же, приставшіе къ крестьянскому дѣлу: Д'Эльбе и Бонъ-Шанъ, скоро пріобрѣтшіе громкую извѣстность, даже внѣ Вандеи. Въ Пуату формирователемъ и учителемъ явился Шаретъ. Предводителями же, по немъ, были: Вертёль, Бежари и Сапино̀. Скоро они дали себя знать, легко овладѣвъ мѣстностями: Эрбье, Шантоне и Понъ-Моронъ.

Молва объ опасности грозившей республикѣ и размѣрахъ силъ возставшихъ—разносила о нихъ самыя преувеличенныя представленія, тогда какъ, въ сущности, и въ самую горячую пору, дѣло не выходило изъ предѣловъ возможности потушить пожаръ, даже мѣстными средствами военно-окружной администраціи. Бѣда въ томъ, что мѣры принимались нерѣшительно, безъ плана, а дѣйствія были лишены единства. Вандейцы же, наоборотъ, имѣя одного главнаго предводителя Д'Эльбé, отличались обладаніемъ именно тѣхъ самыхъ качествъ, которыхъ недоставало правительству республики въ Анжу и Пуату. Дѣйствовали они, къ тому же, быстрѣе его; да, какъ народъ молодой, отличались и предпріимчивостью. Зная, что противъ мнимыхъ эмигрантовъ запасали въ городкахъ оружіе и снаряды, предводители вандейцевъ приходили всего чаще въ такіе городки и забирали преспокойно въ свою пользу эти депо, для нихъ будто и заготовляемыя. Съ другой стороны, администрація республики, неразборчивостью въ преслѣдованіи дворянъ, многихъ изъ нихъ сама принудила вступать въ ряды вандейцевъ. Ларошъ-Жакленъ, напримѣръ, жилъ себѣ въ своемъ замкѣ Клиссонъ съ молодою женою спокойно и не думая о возстаніи, пока, съ приближеніемъ къ этой сторонѣ партій, предводимыхъ Д'Эльбе, пришлось ему съ семействомъ спасаться куда глаза глядятъ, избѣгая, конечно, встрѣчи съ крестьянами, выдаваемыми чуть не за каннибаловъ. Во время одной тревоги, супруги Ларошъ-Жакленъ были разлучены и разбросаны въ разныя стороны. Мужъ, въ отчаяніи бродя по лѣсамъ и скрываясь, вдругъ слышитъ, что жена его попалась въ руки республиканскихъ властей, добравшись счастливо до замка. Г-жу Ларошъ-Жакленъ отвели подъ конвоемъ въ г. Брессюиръ и тамъ, безъ всякаго повода посадили въ тюрьму, только потому, что она дворянка. Несчастный мужъ съ отчаяніи присталъ къ возстанію и получилъ въ команду особый отрядъ, какъ офицеръ служившій уже въ королевскихъ войскахъ и знавшій военные порядки.

Въ это время инсургенты вандейскіе потерпѣли пораженіе, но подъ начальствомъ Ларошъ-Жакленя въ свою очередь разбили бывшихъ побѣдителей, при Обьерѣ. Тогда только Ларошъ-Жакленъ могъ вести — и то не совсѣмъ скоро—войско вандейцевъ на Брессюиръ, гдѣ томилось, жертвою республиканской ярости, его семейство. Передъ тѣмъ, уже крылатая молва донеслась до героя о безполезныхъ жестокостяхъ республиканскихъ головорѣзовъ — присланныхъ къ генералу Кэтино̀ на подмогу, изъ Марсели въ числѣ 400 человѣкъ, и на первыхъ же порахъ разстрѣлявшихъ 12 невинныхъ крестьянъ, захваченныхъ на рынкѣ у возовъ своихъ, да бургомистра городскаго, ихъ защищавшаго. Одинъ этотъ фактъ могъ погрузить Ларошъ-Жакленя въ мрачное отчаяніе.

Простая еще смерть дорогихъ для него особъ казалась самымъ меньшимъ зломъ, сравнительно съ утонченными истязаніями, которыя любили цинически разнообразить закоренѣлые изверги. Съ жаждою мщенія полетѣлъ, наконецъ, Ларошъ-Жакленъ, со своею партіею преданныхъ дѣлу законности, къ Брессюиру, гдѣ бражничали, мало думая о послѣдствіяхъ, 5,000 регулярныхъ армейцевъ республики. Малодушные не дождались даже грозы, но, получивъ вѣрное извѣстіе о движеніи вандейцевъ къ городу, бѣжали оставивъ все. Лароша-Жакленя свои и чужіе, не смотря на его двадцатый годъ отъ роду, называли *безтрепетнымъ*; но едва ли не дрожалъ онъ отъ душевнаго волненія, вступая въ оставленный безъ боя городъ? Къ счастію, горе не выпало на этотъ разъ великодушному бойцу народнаго дѣла: онъ обнялъ жену, испытавшую ужасы, но здоровую и неприкосновенную. Соединясь съ подругой жизни, Ларошъ-Жакленю пришлось не долго оставаться въ Брессюирѣ, куда подошли и прочіе начальники возстанія: Лескюръ—неразлучный другъ Лароша—Донисанъ—тесть его, Д'Эльбе—главнокомандующій, Де-Мариньи—начальникъ артиллеріи, де-Домань—кавалеріи и пр. менѣе важные. Ларошъ былъ огонь въ дѣлѣ, но утомлялся совѣтами, по его мнѣнію, въ партизанской войнѣ меньше всего пригодными за ежеминутными неожиданностями, измѣняющими сами собою всѣ наилучшіе планы, гдѣ время играетъ главную роль. А въ малой войнѣ расчетъ его точный невозможенъ.

Оставляя Брессюиръ 21 апрѣля (3 мая) 1793 г. генералъ Кэтино̀ ретировался въ г. Туаръ, расположенный надъ р. Туэ, по дорогѣ въ Сомюръ. Черезъ рѣку вандейцы переправились довольно удачно и Туаръ взяли приступомъ безъ большихъ жертвъ. Затѣмъ овладѣли легко и м. Шатень-рэ. Далѣе встрѣтилась однако неудача. Дѣло при Фонтенэ начали они довольно счастливо, казалось: правое крыло республиканцевъ подалось и разстроилось даже, но лѣвое крыло и центръ устояли и, получивъ подкрѣпленіе отбили нападавшихъ съ урономъ, заставивъ ихъ и бросить всю артиллерію. Въ ту пору такое положеніе, при другихъ обстоятельствахъ гибельное, обходилось какъ-то легко. Черезъ недѣлю, перемѣнявшись ролями, вандейцы побѣдители забрали свое съ лихвою.

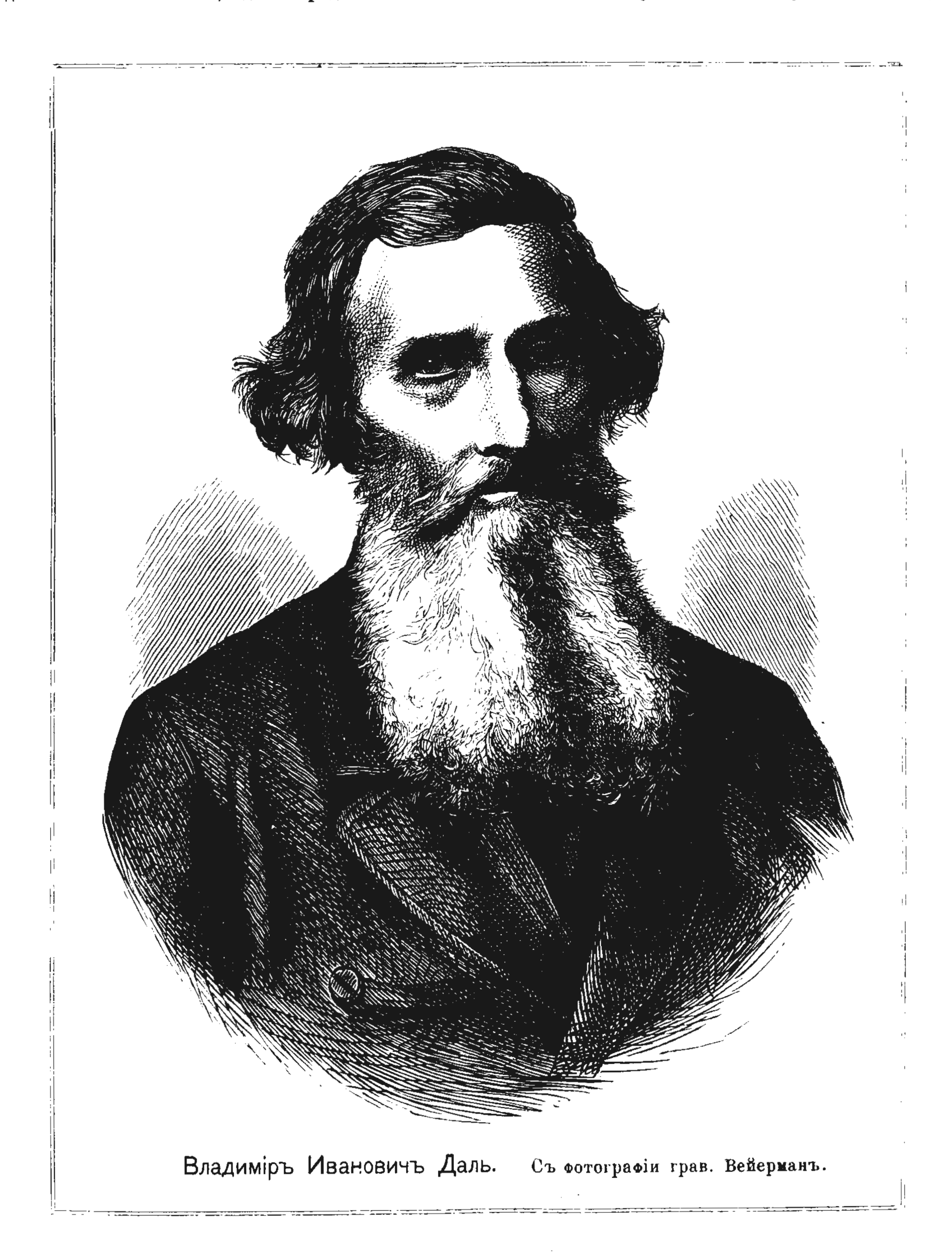
Враги впали въ ту самую ошибку, которая доставила имъ побѣду. Весь паркъ (40 пушекъ), тысячи ружей и снарядовъ достались вандейцамъ при вторичной попыткѣ на Фонтенэ; да, сверхъ того, побѣдителямъ досталось казна побѣжденныхъ: до милліона франковъ кредитными билетами республики.

За этимъ блистательнымъ дѣломъ, слѣдовалъ рядъ непрерывныхъ успѣховъ, втеченіе мѣсяца отдавшій вандейцамъ все пространство между Луарою къ сѣверу и Сомюрской дорогой, на востокъ. Отъ нихъ бѣжали регулярные войска при Вигье, Дуэ и Монтрёлѣ, а взятіе Сомюра, города уже довольно большаго, на Луарѣ, было вѣнцомъ усилій смѣлыхъ полчищъ возстанія. Въ Сомюрѣ пріобрѣли вандейскіе герои 80 орудій съ тысячами ружей и 11,000 плѣнныхъ, потерявъ сами только 60 человѣкъ убитыми, да 400—ранеными.

Эти успѣхи произвели въ Парижѣ родъ паники. Сами побѣдители возмечтали о себѣ тоже слишкомъ много. Захотѣли они, ни больше ни меньше, какъ вырвать весь западъ Франціи у республиканскаго правительства, пере-

правившись для того за Луару и отъ нея направившись прямо къ сѣверу. Предпріятіе—если не совсѣмъ невозможное, за то уже рискованное, такъ какъ приходилось, оторвавшись отъ родныхъ очаговъ, идти совершенно въ невѣдомую мѣстность, средствъ которой для защиты и обороны никто не соображалъ, полагаясь на одни зазывы бретанцевъ. И съ ними не вошли предводители въ прямыя непосредственныя сношенія, для опредѣленія хотя

Нанта не удалось—и это испортило непоправимо дѣло возстанія. Іюня 17 ванедійцы пошли къ Нанту—съ полупути уже отъ Анжера къ Ренну, гдѣ по первому плану переправы за Луару назначено было сборное мѣсто силъ Бретани; но на пути встрѣтили городъ Норъ (Nort) на р. Эрдрѣ и тамъ принуждены были биться цѣлый день съ республиканцами. Наконецъ, осилили эту преграду, въ сущности слабую и нестоившую остановки, оцѣняя во что



Владиміръ Ивановичъ Даль. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

главныхъ основаній будущаго плана дѣйствій. Больше всего надѣялись на постоянныя отступленія передъ собой республиканскихъ войскъ, особенно послѣ плѣненія вандейцами генерала Кэтино и занятія ими Анжера, заранѣе оставленнаго, не смотря на важное значеніе его, какъ стратегическаго пункта, господствующаго надъ всею срединою Луары. Если бы, затѣмъ, въ руки героевъ Вандеи попался другой центръ — на низовьяхъ Луары — Нантъ, то положеніе дѣла республики на сѣверо-западѣ дѣлалось вполнѣ критическимъ, о которомъ стоило крѣпко подумать. На счастье республики, предположенное занятіе

нибудь дорогое время. Въ восемь часовъ вечера главныя силы Вандеи подошли таки къ Нанту; но тамъ утомленные братья ихъ, выдерживая цѣлый день неравный бой, не могли добиться никакого результата. Свѣжія силы измѣнили было къ лучшему дѣло возстанія, но тутъ смертельно раненъ герой Катлино. За тѣмъ, когда республиканцы помаленьку стали выходить изъ Нанта, для чего обыкновенно вандейцы оставляли свободною одну изъ дорогъ,—и здѣсь трактъ на Орво и Трельеръ къ сѣверу умышленно былъ открытъ наступавшими. На бѣду, этой тонкости побѣдителей не понялъ сумазбродъ виконтъ Таль-

монъ и приложилъ излишнее усердіе перевезти на него орудія, чтобъ запереть бѣглецамъ единственный проходъ. Видя себя въ безвыходномъ положеніи, не давно чуть не трусы пришли въ ярость и, пользуясь минутнымъ замѣшательствомъ противниковъ, при отсутствіи раненаго вождя и вообще единодушія между прочими,—прогнали побѣдителей изъ города. Осьмнадцати-часовой бой, длившійся съ вечера во всю ночь, на 18 (30 іюля), въ полдень этого дня кончился полнымъ отступленіемъ вандейцевъ отъ Нанта. Хуже всего было то, что крестьяне, составлявшіе главныя силы отрядовъ, разбрелись при неудачѣ въ разсыпную. А пока началось сбиранье ихъ, пришлось за недостаткомъ средствъ оставить и Сомюръ, и Анжеръ, да отступать къ югу за Луару, обращаясь снова изъ нападавшихъ въ преслѣдуемыхъ. При Шантонэ и Люсонѣ, еще разъ счастіе озарило вандейцевъ славою, но, затѣмъ, рядъ непрерывныхъ пораженій: при Рошъ д'Эриnь, Мортани, Дуэ, Туарѣ (3 сентября), Коронѣ, Больe, Монтъ-Эгюи, Сэнъ Фюльжанѣ опять привели ихъ на край гибели. Наконецъ наступилъ и генеральный бой при Шолле (6—18 октября), гдѣ дрались съ упорствомъ отчаянія 45,000 республиканцевъ и 40,000 вандейцевъ, вначалѣ имѣвшихъ много шансовъ перевѣса. Они уже успѣли сбить противниковъ съ поля и овладѣть ихъ артиллеріею, когда храбрый генералъ Бонюи, энергія котораго росла съ опасностью, не безъ труда вторично повелъ въ дѣло республиканцевъ своихъ, становившихся въ безвыходное положеніе. Его еще разъ отбили вандейцы, когда свѣжій корпусъ, отряженный сюда отъ Майнцской арміи подоспѣлъ на выручку и рѣшилъ дѣло. Д'Эльбе и Боншанъ получили смертельныя раны—и общій ужасъ отдѣлилъ безтрепетныхъ предводителей нестройныхъ уже вандейскихъ массъ, которыхъ побѣдитель не думалъ преслѣдовать. Остатки героевъ отошли на высоты Сэнъ-Флорана, оставивъ арріергардъ въ Бопрео. Считая дѣло почти потеряннымъ, вожди рѣшили попробовать пройти въ Бретань, и для выполненія отчаяннаго уже теперь предпріятія выбрали неразсуждавшаго Ларошъ-Жакленя. О побѣдахъ теперь не мечтали вандейцы, все еще не теряя однакожъ надежды поправиться, получивъ подмогу въ Бретани. Ларошъ еще разъ перешелъ Луару и довелъ главныя силы до г. Лаваля, на Майенѣ. Здѣсь думали инсургенты набрать на первый случай контингентъ достаточный для пополненія пробѣловъ въ рѣдѣющихъ съ каждымъ приваломъ толпахъ своихъ. Распаденіе ихъ больше всего слѣдуетъ теперь приписывать непрерывнымъ преслѣдованіямъ *синихъ*, безчеловѣчно убивавшихъ всѣхъ раненыхъ вандейцевъ, которыхъ поневолѣ оставляли за утомленіемъ лошадей и быковъ, на которыхъ возили артиллерію. Вынеся такія страданія, для описанія которыхъ недостанетъ красокъ и словъ на языкѣ человѣческомъ, вандейцы наконецъ вступили въ Лаваль, думая тутъ сколько-нибудь отдохнуть. Не тутъ-то было. Въ ночь же—тревога, обратившаяся въ серьозный бой, перевѣсъ въ которомъ оказался однако на сторонѣ гонимыхъ. Неуспѣли еще разъ вздохнуть они, день-другой отъ усилій вырвать упорную побѣду, какъ новое нападеніе—и опять въ ночь. Силъ уже собрали синіе довольно много и думали задавить ими вандейцевъ. Вышло опять наоборотъ. Прижатые къ стѣнѣ дорого продавали жизнь свою—и въ результатѣ оказались полными побѣдителями. Несчастнымъ героямъ Вандеи удалось отнять плохо-стереженныя два орудія. Кто-то изъ смѣтливыхъ устроилъ баттарею на высотѣ, господствующей надъ центромъ ожесточеннаго приступа. Напрасно синіе истощаютъ безплодныя усилія добраться до пригорка, съ котораго ядра вырывали у нихъ цѣлые ряды, безнаказанно. Сбитые въ кучу и пораженные втылъ республиканцы какъ одурѣлые пустились бѣжать, наконецъ, не слушая команды, къ Шато-Гонтье. Въ догонку имъ, по открытой дорогѣ, побѣдители не жалѣли ихъ же чугуна, губя безъ счета противниковъ. Лаваль или Шато-Гонтье оказался самимъ блистательнымъ подвигомъ Ларошъ-Жакленя.

(Окончаніе будетъ).

Владиміръ Ивановичъ Даль.

Отецъ Владиміра Ивановича Даля былъ многосвѣдущій лингвистъ, богословъ и добросовѣстный врачъ, родомъ датчанинъ, который переселясь въ Россію и вступивъ въ русскую службу, смотрѣлъ на Русь какъ на свое второе отечество; а мать нашего знаменитаго этнографа и писателя, урожденная Фрейтагъ, была нѣмка, но родилась въ Россіи. Марья Ивановна Фрейтагъ, бабушка В. И. Даля, переводила Геснера и Ифланда. Владиміръ Ивановичъ родился 10 ноября 1801 г. въ Лугани Екатеринославской губерніи. По мѣсту служенія его отца въ морскомъ вѣдомствѣ, дитя въ 1814 году опредѣлили въ кадеты Морскаго Корпуса (въ Петербургѣ), гдѣ ученіе велось далеко не блистательно, и впечатлительному ребенку пришлось испытывать много непріятностей отъ строгости обращенія, считавшейся необходимостью тогдашняго военнаго воспитанія. Это однако нисколько не ожесточило молодаго человѣка, одареннаго блистательными способностями. Даже самая метода зубренія наизусть не оказала особенно вреднаго вліянія на будущее научное развитіе нашего ученаго. Онъ сохранилъ напротивъ необыкновенную воспріимчивость и въ молодости отличался даже мечтательностью, хотя при свѣтломъ умѣ, то и другое казалось бы не совмѣстнымъ въ одномъ и томъ же юношѣ по своей противоположности. Удивительно также и то, что послѣ спеціальнаго воспитанія, во время первой поѣздки изъ Петербурга до Чернаго моря къ мѣсту служенія, въ 1819 году, въ немъ пробудилась любовь къ занятіямъ этнографіей. Записная книжка его, въ этомъ случаѣ, въ первый разъ заключила на своихъ страницахъ бездну этнографическихъ свѣденій. Интересовали его живые обороты народной рѣчи, прибаутки, пѣсни, пословицы и даже народные разсказы. Новый міръ открылся тогда передъ глазами молодаго мичмана, которому, служебное поприще на первыхъ порахъ вовсе не улыбнулось. Живая же наблюдательность и остроуміе на этотъ разъ стали даже причиной гоненій со стороны начальства. При первомъ ознакомленіи съ новымъ служебнымъ бытомъ, въ Николаевѣ, гдѣ отецъ его былъ главнымъ докторомъ черноморскаго флота, остроумный Даль написалъ эпиграму на одну особу, пользовавшуюся особеннымъ вниманіемъ главнаго начальника черноморскаго флота. Шутка эта разошлась по рукамъ, навлекла гоненіе — и въ концѣ концовъ довела Даля до перевода для продолженія службы въ Петербургъ. Самый переводъ этотъ не избавилъ его отъ гоненій, такъ что по истеченіи нѣкотораго времени, молодой человѣкъ долженъ былъ оставить морскую службу въ 1823 году.

Талантливая натура его требовала однако дѣятельности—и вотъ, отставной морякъ дѣлается слушателемъ профессора Майера въ Дерптѣ. Курсъ конченъ имъ со степенью доктора—и съ наступленіемъ турецкой войны, Владиміръ Ивановичъ Даль по примѣру отца вступаетъ въ среду полковыхъ врачей. Счастливо окончивъ кампанію въ Турціи, онъ участвовалъ и въ подавленіи польскаго мятежа 1831 года. На этотъ разъ, всѣми любимому доктору пришлось отличиться знаніемъ и той спеціальности, которую онъ изучалъ еще юношей. Въ крайности онъ взялся за наведеніе понтоннаго моста для переправы черезъ Вислу и успѣшно выполнилъ его. Съ наступленіемъ мирнаго времени, прибывъ въ Петербургъ съ запасомъ записанныхъ на дневкахъ и роздыхахъ народныхъ сказокъ, Даль, по совѣту друзей (въ томъ числѣ безсмертнаго Пушкина), рѣшился напечатать пять изъ нихъ, чтобы заохотить любителей. «Первый пятокъ», какъ назвалъ свое изданіе любознательный врачъ, встрѣченъ былъ совершенно неожиданной грозой. Ѳ. В. Булгаринъ, желая насолить Далю, какъ члену пушкинскаго кружка, возбудилъ противъ его изданія административную кару, увѣривъ, что эти сказки заключаютъ въ себѣ какой-то опасный смыслъ. Книга была конфискована, а издатель посаженъ въ крѣпость. Къ счастію, ходатайство поэта Жуковскаго спасло бѣдняка отъ незаслуженной непріятности. Для дальнѣйшей же защиты отъ новыхъ попытокъ вредить талантливому собирателю народнаго творчества, В. А. Перовскій взялъ его къ себѣ на службу въ оренбургскій край, котораго былъ назначенъ генералъ губернаторомъ (1833 г.).

По смерти Пушкина, скончавшагося на рукахъ у Даля, нашъ неутомимый ученый перенесъ свою дѣятельность на дальній востокъ, гдѣ открылось ему обширное поле для наблюдательности и записываній особенностей быта, чуть не дѣвственнаго. Здѣсь Даль женился на первой своей супругѣ, Юліи Андре. Въ разъѣздахъ по Заволжью собрана большая часть того драгоцѣннаго матеріала, который наконецъ, получивъ наиболѣе пригодную для справокъ форму словаря, сдѣлалъ имя Даля дорогимъ для всѣхъ почитателей русской науки. Но объ этомъ капитальномъ трудѣ его рѣчь еще впереди, такъ онъ появился лишь много лѣтъ спустя. Совершивъ съ Перовскимъ зимнюю экспедицію въ Хиву, Даль въ письмахъ своихъ, оставилъ мастерское описаніе всѣхъ эпизодовъ этого похода, впослѣдствіи напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ».

Съ назначеніемъ въ министры внутреннихъ дѣлъ брата его покровителя, Даль является вновь въ столицѣ, однимъ изъ немногихъ дѣятелей нашей внутренней администраціи, въ качествѣ секретаря министра (1841 г.). Надеждинъ, Милютинъ и Даль были для графа Л. А. Перовскаго людьми незамѣнимыми. Время бытности при немъ было для Даля періодомъ неусыпныхъ трудовъ. Въ это-то время онъ между прочимъ напечаталъ двѣ брошюрки, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно записки для министра, по дѣлу о скопцахъ и о мнимомъ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей евреями для полученія ихъ крови, какъ увѣряло повѣрье, сильно распространенное въ простомъ народѣ.

Но кромѣ служебныхъ дѣлъ, отнимавшихъ у его много часовъ, онъ находилъ еще возможность заниматься литературой, ставъ любимцемъ публики подъ псевдонимомъ *Казака-Луганскаго* (1834—1839 г.). Здѣсь проявился весь его юморъ и чрезвычайная оригинальность рѣчи, чисто народной, такъ что въ этомъ отношеніи онъ является завершителемъ всего сдѣланнаго Державинымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, которые стремились къ отрѣшенію отъ чуждаго намъ высокопарнаго слога, созданнаго по латинскимъ образцамъ въ предшествующую эпоху.

Съ удаленіемъ Перовскаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1849 г. Даль получилъ мѣсто управляющаго Нижегородской удѣльной конторой. Живя тамъ, нашъ ученый этнографъ и беллетристъ пережилъ своего благодѣтеля и оставилъ этотъ постъ уже въ 1859 году, переселясь затѣмъ на житье въ Москву, гдѣ въ 1870 году присоединился къ православію.

Въ древней столицѣ, свободный отъ всякихъ служебныхъ занятій, посвятилъ все время свое неутомимый труженикъ своему «Толковому словарю живаго велико-русскаго языка»—и въ семь лѣтъ осилилъ этотъ колоссальный трудъ, составляющій 22 выпуска. Приступивъ къ печатанію, онъ все таки не зналъ отдыха — и наконецъ въ минувшемъ году увидѣлъ выходъ въ свѣтъ этого громаднаго труда.

Семидесятилѣтній старецъ въ это время понесъ горестную утрату въ лицѣ второй своей супруги и послѣ того самъ сталъ примѣтно угасать, а 22-го сентября 1872 года заснулъ на вѣки. Покойный былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ-то любителей словесности при Московскомъ университетѣ, географическаго, археологическаго и пр.

Если «Словарь Россійской Академіи» по справедливости считается капитальнымъ подвигомъ русской науки временъ Екатерины, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ этого названія безсмертный трудъ Даля, исполненный не цѣлой корпораціей, какъ тогда, а однимъ лицомъ—и съ такою полнотою и совершенствомъ, которыя вполнѣ приличны нашему времени, когда отечественная наука считаетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ и прославленныхъ представителей по любой отрасли знаній. Словарь Даля представляетъ собою всю наличность словъ и оборотовъ живой разговорной русской рѣчи, съ всѣми мѣстными особенностями и оттѣнками. Словомъ, это весь словесный капиталъ русскаго народа, расходуемый имъ по мелочамъ во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни на всемъ пространствѣ земли русской, а въ трудѣ Даля являющійся стройнымъ цѣлымъ, представляющимъ неизчерпаемый источникъ для всевозможныхъ справокъ.

Волки и охота на нихъ зимой съ поросенкомъ.

Описывая охоту на волковъ зимой съ поросенкомъ, я считаю весьма не лишнимъ, не распространяясь, сказать нѣсколько словъ объ этомъ интересномъ животномъ.

Волкъ ближе всѣхъ животныхъ походитъ на собаку — и именно на нашу породу дворовыхъ или пастушьихъ собакъ; только онъ нѣсколько побольше, покрѣпче ихъ, и съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который никогда не поднимаетъ къ верху, какъ собака, но всегда держитъ опущеннымъ. Видъ волка, взглядъ и осанка его, вполнѣ выражаютъ главнѣйшія его свойства; стоячія, короткія, обращенныя отверстіемъ впередъ уши, показываютъ тонкій слухъ и внимательность; толстая голова и шея, дю-

жія жилистыя ноги — силу; тонкая морда свидѣтельствуетъ о хорошемъ чутьѣ; огромный зѣвъ усаженный рядомъ большихъ крѣпкихъ зубовъ, выражаетъ кровожадность и лютость.

Волкъ одаренъ отличнымъ зрѣніемъ, слухомъ, а главное обоняніемъ — и носомъ слышитъ дальше, чѣмъ можетъ видѣть глазами; человѣка онъ узнаетъ тотчасъ, въ какомъ бы онъ положеніи ни былъ, и запахъ отъ падали слышитъ, по вѣтру верстъ за восемь; самихъ животныхъ чуетъ издалека и слѣдитъ ихъ по нѣсколько дней сряду.

Вообще волкъ отличается удивительною тонкостью органовъ; ни одно изъ животныхъ не имѣетъ столько лукавства, пронырливости, смѣтливости, какъ волкъ; у него нѣтъ дѣйствій безъ разсчета и все выполняется по обдуманному заранѣе плану. При нападеніи на домашнихъ животныхъ, волки прибѣгаютъ къ хитростямъ вполнѣ достойнымъ удивленія. Напримѣръ, когда стадо пасется подъ надзоромъ человѣка, на чистомъ полѣ днемъ, они почти никогда не дѣлаютъ нападенія; ночью они бросаюся смѣло, не боясь даже присутствія человѣка, если только нѣтъ собакъ. Волки всегда предварительно повѣряютъ силы своихъ противниковъ—и потому, даже днемъ, особенно въ заросляхъ, между оврагами, и въ степяхъ, поросшихъ бурьяномъ, они не боятся, когда при пастухѣ только одна собака; напротивъ разсчитываютъ, какъ бы и ею полакомиться. Если видятъ нѣсколькихъ собакъ, то прежде стараются отвести ихъ; а между тѣмъ, пока за однимъ гонятся собаки, другіе опрометью мечутся на стадо и производятъ въ немъ опустошенія.

Зимою волки бываютъ до того смѣлы, что бѣгаютъ по деревнямъ и даже улицамъ малонаселенныхъ городовъ и ловятъ собакъ у самыхъ воротъ. Но самая лакомая пища для волковъ — человѣческое мясо, и когда онъ разъ попробовалъ его, то неохотно ѣстъ другое мясо. Такъ напр., во время походовъ, волки цѣлыми стадами преслѣдуютъ войска—и послѣ сраженій съ неимовѣрною жадностью пожираютъ трупы убитыхъ и даже отрываютъ ихъ изъ земли, если они не глубоко зарыты.

Вообще сообразительность волка можетъ назваться исключительною между животными. Унесши, напримѣръ, овцу, онъ никакъ не вернется въ овчарню или дворъ на слѣдующую ночь, какъ бы зная, что на мѣстѣ преступленія человѣкъ въ первыя минуты негодованія думаетъ о его головѣ, для чего и обращается къ приличнымъ тому мѣрамъ. Съ достовѣрностью извѣстно, что волкъ возвращается на мѣсто удачнаго похищенія только черезъ двѣ ночи на третью—и опять если можно пользуется незнаніемъ многими принятаго имъ правила.

Волкъ чрезвычайно крѣпокъ на рану, почему стрѣлять его должно въ самыя убойныя мѣста, какъ-то: въ голову, грудь и по лопаткамъ.

Замѣчательно, что волкъ будучи раненъ, тотчасъ покажетъ охотнику то мѣсто, куда ударила пуля, потому что онъ не замедлитъ схватить зубами раненную часть тѣла, не смотря на то, что онъ былъ подстрѣленъ на бѣгу и продолжаетъ бѣжать.

Обыкновенно волки живутъ уединенно и вообще не любятъ общежитія; соединяются же стадами только въ извѣстныхъ случаяхъ, преимущественно зимою или когда голодъ принуждаетъ ихъ дѣлать нападенія на звѣрей общими силами,—но и тогда они не живутъ мирно, всегда ссорятся и страшно дерутся между собою. Волки грызутся точно такъ же какъ и собаки: ощетиня шерсть на загривкѣ, оскаливъ страшный рядъ зубовъ, они ворчатъ, бросаются другъ на друга, иногда вскакиваютъ на дыбы, грызутся, стараясь ухватить другъ друга за горло.

Охота на волковъ, по закону и обычаю, какъ на одно изъ самыхъ вредныхъ животныхъ, бываетъ во всякое удачное для этого время; но зима, во всякомъ случаѣ, лучшее время года для охоты за волками, потому что лѣтомъ волкъ скитается преимущественно въ лѣсахъ и показывается рѣдко;—зимою же голодъ заставляетъ его оставлять лѣса и переселяться на болѣе чистыя мѣста, поближе къ селеніямъ, а слѣдовательно и къ человѣку. Кромѣ того, зимою волкъ не такъ остороженъ какъ лѣтомъ и смѣлѣе идетъ на всѣ ловушки, устраиваемыя человѣкомъ.

Не распространяясь о разныхъ способахъ охоты на это умное кровожадное животное, я опишу только охоту на него съ поросенкамъ.

Ночная охота на волковъ съ поросенкомъ производится обыкновенно въ декабрѣ и январѣ, иногда и въ началѣ февраля, т. е. въ то время, когда волки бѣгаютъ цѣлыми стадами и, ища добычу, рыщутъ по полю и по дорогамъ въ лѣсу. Эта охота производится слѣдующимъ образомъ: выбравъ свѣтлую, мѣсячную ночь, запрягаютъ пару или тройку, а иногда и одну лошадь въ крестьянскіе розвальни, на которыхъ безъ стѣсненія могутъ усѣсться 4 или 5 охотниковъ; отправляются къ лѣсу, и на разстояніе ружейнаго выстрѣла отъ опушки, тихо ѣдутъ полемъ, или даже и по дорогамъ въ лѣсу, если лѣсъ не очень густой. Словомъ, выборъ мѣста для поѣзда долженъ быть основанъ на томъ, чтобы можно было ѣздить именно тамъ, гдѣ бы охотники могли тотчасъ замѣтить звѣря, какъ только онъ высунется.

Охотниковъ должно набрать изъ числа смѣлыхъ, рѣшительныхъ, какъ можно болѣе хладнокровныхъ и притомъ искусныхъ стрѣлковъ. Для болѣе удобнаго помѣщенія охотникамъ, къ санямъ прикрѣпляются скамейки или доска, такимъ образомъ, чтобы охотники сидѣли лицомъ въ разныя стороны и были бы въ состояніи стрѣлять по волкамъ, откуда бы они не показались. Внутри саней кто либо изъ охотниковъ или мальчикъ, или даже кучеръ, между колѣнъ держитъ въ мѣшкѣ живаго поросенка. Къ санямъ привязывается веревка саженей въ 5 или 6 длины, къ концу которой прикрѣпляется клокъ сѣна или мочалъ, который, тащась за поѣздомъ, показываетъ какъ будто за санями что-то бѣжитъ. Каждому охотнику необходимо имѣть съ собою два, или по крайней мѣрѣ одно хорошее двухствольное ружье, для избѣжанія потери времени при вторичномъ заряжаніи.

Извѣстно, что свиньи вообще очень щекотливы и не любятъ когда ихъ трогаютъ, особенно же когда треплютъ за уши; молодые же поросята въ этомъ случаѣ, кажется еще чувствительнѣе старыхъ: малѣйшее прикосновеніе къ нимъ рукою приводитъ ихъ въ раздражительность—и они начинаютъ такъ громко и пронзительно визжать, что визгъ этотъ слышенъ въ тихую ночь на цѣлыя версты. Потому-то охотникъ сидящій внутри или вообще тотъ, кому порученъ поросенокъ и долженъ по временамъ тормошить и подергивать поросенка за уши, чтобы онъ визжалъ,—и если вблизи дѣйствительно водятся волки, то они не заставятъ себя ждать и не замедлятъ явиться на крикъ поросенка; они будутъ осторожно подходить къ поѣзду, начнутъ всматриваться и какъ будто вслушиваться: гдѣ именно раздается визгъ. Въ это время должно еще болѣе тормошить поросенка, чтобы онъ громче визжалъ и тѣмъ сильнѣе подстрекалъ волковъ, которые, разгорячившись и въ азартѣ, принявъ волочащійся за

санями клокъ сѣна за поросенка, бросаются на него. Вотъ тутъ-то и нужно вооружиться полнѣйшимъ хладнокровіемъ, подавить въ себѣ страхъ, суетливость и излишнюю поспѣшность. Умѣнье сберечь и съ пользою употребить свои заряды — составляетъ здѣсь главное условіе; а потому, ежели волки бросятся на клокъ сѣна разомъ цѣлою стаей, то, смотря по числу ихъ, нужно сдѣлать залпъ или изо всѣхъ ружей или только изъ нѣсколькихъ, и безъ надобности ни подъ какимъ видомъ не стрѣлять, потому

Охота на волковъ съ поросенкомъ. Рис. съ натуры Ріу, грав. Паннемакеръ.

что въ этомъ случаѣ обыкновенно стрѣляютъ картечью, и нѣсколько хорошо направленныхъ выстрѣловъ даютъ успѣшные результаты.

Если залпъ былъ удаченъ, то разумѣется нѣкоторые изъ волковъ останутся на мѣстѣ, а другіе болѣе или менѣе раненные, хотя и разбѣгутся, но на другой день, навѣрное многіе и изъ нихъ будутъ найдены въ лѣсу мертвыми. Поэтому на слѣдующій день непремѣнно должно снова отправиться на мѣсто охоты и осмотрѣть всѣ слѣды разбѣжавшихся волковъ, особенно тѣхъ, по слѣду которыхъ будетъ замѣтна кровь, — большею частью бываетъ такъ, что хотя иной волкъ и сильно раненъ, но на первыхъ порахъ, сгоряча не почувствовавъ боли, можетъ убѣжать далеко, но ослабѣвъ будетъ стараться спрятаться гдѣ нибудь подъ кустомъ. Такимъ образомъ, найдя двухъ, трехъ или болѣе волковъ, можно будетъ увеличить ими число трофеевъ прошедшей ночи.

Вообще объ этой охотѣ можно сказать, что если она выполняется съ соблюденіемъ всѣхъ изложенныхъ здѣсь условій,—т. е. съ сохраненіемъ по возможности полнаго присутствія духа, умѣньемъ во время сдѣлать мѣткій залпъ, терпѣливо выждать той минуты, когда волки всѣ вдругъ кинутся на привязанный къ веревкѣ клокъ сѣна,—то она всегда оканчивается хорошими результатами. Напротивъ того, кое-какъ слаженныя и необдуманныя ночныя охоты на волковъ съ поросенкомъ иногда оканчивались весьма непріятными послѣдствіями, вродѣ того, что приходилось выбрасывать поросенка изъ саней, чтобы только отвязаться отъ волковъ, привлеченныхъ его визгомъ въ громадномъ количествѣ,—или бросить на мѣстѣ лошадь, причемъ самимъ охотникамъ приходилось спасаться куда кто могъ и куда кто успѣлъ, позабывъ всю отвагу и спасая свою жизнь.

Изъ другихъ зимнихъ охотъ на волка, слѣдуетъ упомянуть о подстереганіи на падали, преимущественно около боень рогатаго скота, куда звѣри уже повадились ходить. Здѣсь также собирается нѣсколько стрѣлковъ, хорошо вооруженныхъ, такъ какъ волки могутъ придти въ большемъ числѣ. Охотники залегаютъ противъ вѣтра, чтобы звѣри не почуяли засады. Эта охота еще опаснѣе предъидущей, такъ какъ голодные и разъяренные волки въ это время смѣлы до отчаянія, и за отсутствіемъ лошадей охотникамъ приходится полагаться единственно на свои силы

Винокуренныя тайны.

Букодолинское дѣло.

(Окончаніе).

Не успѣлъ онъ сообщить о своемъ открытіи ревизору, какъ Д., подвальный, винокуръ и рабочіе словно по волшебству исчезли изъ подвала и акцизные остались одни. Пока они мѣряли, опредѣляли крѣпость спиртомѣромъ и переводили это на градусы, Д. успѣлъ составить планъ— и когда помощникъ по требованію ревизора пошелъ за понятыми, онъ подослалъ 6 человѣкъ, изъ коихъ четверо, бросившись на ревизора и закутавъ его шинелью, держали подъ собою, а двое порубили стояны и выпустили излишній спиртъ въ сточныя канавы.

Когда помощникъ возвратился, все было кончено, т. е. «*наличнаго*» не оказалось. Конечно, дѣло это передано судебному слѣдователю, и при всей уловкѣ все же дорого и очень дорого обойдется графу, такъ какъ такой грубый поступокъ съ ревизоромъ до крайности, и совершенно справедливо, озлилъ противъ него акцизное вѣдомство... Правда, что тутъ нужно было идти напроломъ, другой альтернативы не представлялось; но зачѣмъ же ставить себя самого въ такое безвыходное положеніе? Если бы графъ велъ дѣло въ надлежащемъ размѣрѣ, то не было бы излишка, этого случая и уголовнаго дѣла... Крайность вызываетъ всегда крайнюю реакцію, какъ это было при усилившихся злоупотребленіяхъ, напр. въ Р...ской таможни, или во внутренней—Бердичевской, лѣтъ тридцать тому назадъ...

— Разскажите! просили мы.

— Слушайте, господа, согласился словоохотливый хозяинъ.—Лѣтъ тридцать тому назадъ...

— Позвольте! остановилъ я Гершко,—вѣдь вамъ тоже тридцать съ небольшимъ...

— Я не говорилъ вамъ, Павелъ Ивановичъ, что я былъ очевидцемъ — мнѣ объ этомъ разсказывалъ отецъ, укорилъ онъ меня.

Я извинился и Гершко сталъ продолжать.—Такъ вотъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Р...ской таможнѣ злоупотребленія дошли до такихъ размѣровъ, что разсказъ объ нихъ кажется просто вымысломъ. Тамъ не только пропускались черезъ таможню сотни тысячъ пудовъ контробанднаго товара, но товаръ этотъ конвоировался даже казаками стоявшаго на границѣ казачьяго полка.

— Полно! быть не можетъ?

— Кажется оно дѣйствительно, какъ я вамъ докладывалъ, вымысломъ, а между тѣмъ это фактъ. Стоило только заплатить по 10 червонцевъ съ повозки полковнику Р..у—и вамъ назначалась не только сотня, но и двѣ и три казаковъ. Вы понимаете, что при такомъ порядкѣ вещей, казна почти не имѣла дохода, и потому изъ департамента стали присылать ревизоровъ...

Въ то время не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ—и о выѣздѣ изъ Петербурга ревизоровъ было не легко увѣдомить во-время, такъ какъ посылаемыя письма приходили или позже, или одновременно съ ними. Вотъ почему ревизоръ накрылъ таможню, такъ сказать au flagrant délit. Спасенія не было, такъ какъ чиновникъ этотъ отказался отъ предложенныхъ ему 50-ти тысячъ. Тогда члены и директоръ *въ чрезвычайномъ засѣданіи* рѣшили, что они тихонько выйдутъ по одиночкѣ изъ присутствія, оставивъ ревизора съ глазу на глазъ съ секретаремъ Мальскимъ — силачемъ, безъ усилія ломавшимъ подковы. Мальскому была дана инструкція, что, если ревизоръ, при угрозѣ быть тутъ же задушеннымъ, откажется отъ денегъ, то онъ долженъ привести угрозу въ исполненіе... При одномъ взглядѣ на этого великана, съ плечами въ косую сажень, съ ручищами непомѣрной величины, можно было умереть отъ страха,—тѣмъ болѣе, когда онъ, заперевъ двери, шопотомъ пробасилъ, что «если не возьмете денегъ и не напишите — все въ порядкѣ, то...» и онъ жестомъ указалъ на горло. Понятно, что струсившій ревизоръ взялъ деньги и на другой день уѣхалъ.

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ другой ревизоръ, который поступилъ лучше: онъ опечаталъ книги и пакгаузъ и послалъ за жандармскимъ штабъ-офицеромъ и чиновникомъ особыхъ порученій губернатора; но пока тѣ успѣли пріѣхать — *ревизоръ*; *страдавшій видно меланхоліей, заръзался бръясь передъ зеркаломъ*. Онъ былъ найденъ въ такомъ положеніи. Эксперты-доктора склонялись тоже къ возможности психическаго страданія, и потому было рѣшено, что дѣйствія ревизора — страдавшаго разстройствомъ умственныхъ способностей—считать не имѣвшими значенія. Въ Петербургѣ посмотрѣли на это иначе и прислали цѣлую коммисію, которая все открыла и упекла всѣхъ членовъ въ каторгу...

— Вотъ вамъ подтвержденіе мною сказаннаго — что крайность приводитъ къ крайнимъ реакціямъ.

Въ Р...ской таможнѣ кончилось ссылкою нѣсколькихъ человѣкъ — преступниковъ; а вотъ въ Бердичевѣ, такъ тамъ погибло много людей совершенно невинно... Вы, вѣроятно, знаете, что когда-то, т. е. много лѣтъ тому назадъ въ Бердичевѣ была внутренняя таможня, въ которой выдѣлывались неимовѣрныя чудеса. Кружева, шелкъ и бархатъ записывались на приходъ миткалемъ и коленкоромъ; драгоцѣнные предметы роскоши значились ножами, ножницами и прочею дрянью. Куньи, бобровые, медвѣжьи и енотовые мѣха прописывались козьими и собачьими кожами, просто до невѣроятности. Въ этой продерзостной стачкѣ всѣ были за одно. Полиція и таможня заключили хищническій союзъ на жизнь и смерть—и поэтому многіе годы все было шито и крыто. Но вѣдь всему же есть конецъ на свѣтѣ — а по этому закону нашей планеты и для Бердичевской таможни пробилъ послѣдній часъ. Какой-то писарь, неудовлетворенный своею частью дохода, написалъ доносъ—и въ одинъ прекрасный вечеръ въ таможню прикатила коммисія подъ предсѣдательствомъ петербургскаго чиновника М. Члены этой коммисіи, найдя, что въ книгахъ значилось сто тысячъ заячьихъ, козьихъ и собачихъ кожъ, а въ наличности найдено въ цехгаузѣ равное количество цѣнныхъ мѣховъ,—опечатали таможню, желая на утро составить о томъ протоколъ. Но на другой день они нашли въ кладовой все сообразно книгамъ. Недоумѣвая, какъ это случилось, такъ какъ всѣ печати были въ цѣлости, они, т. е. собственно говоря М. взглянулъ вверхъ и увидѣлъ отверстіе въ потолкѣ. Этимъ объяснилось дѣло; но М. былъ такъ потрясенъ, что тутъ же сошелъ съ ума. Бывшіе съ М. члены коммисіи, отказавшись отъ предложенныхъ имъ громадныхъ денегъ, составили протоколъ о случившемся и отправили его въ Петербургъ, откуда, вскорѣ прибылъ командированный по Высочайшему повелѣнію графъ Z. При своей власти и имѣя въ распоряженіи цѣлые полки солдатъ, онъ все открылъ—всѣ злоупотребленія; но сколько человѣкъ пострадало при этомъ! Сколь-

ко семействъ пошло по міру, сколько людей лишилось жизни—страхъ! Вотъ какъ крайность проводятъ къ крайнимъ результатамъ, заключилъ разсказчикъ.

— Я думаю, что всякій незаконный поступокъ ведетъ къ наказанію? возразилъ я ему.

— Вы думаете? улыбнулся Гершко.—Посмотрите, что дѣлается кругомъ! Все идетъ по заведенному прежде порядку, въ особенности въ нашей глуши; но люди стали хитрѣе, осмотрительнѣе и не идутъ болѣе на такія отъявленныя, сумасбродныя рискованныя продѣлки. Тѣ же, которые, подобно графу ставятъ все на одну карту и при этомъ надѣются «на авось», тѣ рано или поздно должны остаться въ накладѣ...

— Вѣдь и вы же рискуете? замѣтилъ я Гершкѣ.

— Конечно, но это благоразумный рискъ, въ которомъ все расчитано на удачу. Если же случится быть пойману, то это произойдетъ отъ недобросовѣстнаго и неумѣлаго исполненія моими служащими данныхъ имъ наставленій. Но при неудачѣ даже, я могу быть привлеченъ къ гражданскому, а не уголовному суду. Дѣло кончится штрафомъ и только.

— Ну а дѣло графа уже кончилось? спросилъ кто-то.

— Какое кончилось! Развѣ такія дѣла, въ коихъ замѣшаны сотни свидѣтелей, могутъ скоро кончится? Оно теперь находится въ производствѣ—и дай Богъ, чтобы оно лѣтъ черезъ десять окончилось.

— Что же говоритъ графъ?

— Надѣется, что дѣло кончится ничѣмъ.

— А какъ думаетъ акцизное вѣдомство?

— Ну, то лѣзетъ на стѣну; да оно и понятно. Не могутъ же они индиферентно отнестись къ такой выходящей изъ ряда обыкновенныхъ продерзости... Одного не понимаю, присовокупилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, — за что они перевели помощника?

— Да это еще золотое начальство, отвѣтилъ я,—другое прямо уволило бы его.

— Да за что? вновь спросилъ Гершко.

— За неумѣніе поймать и открыть злоупотребленій и за безпорядки въ участкѣ!..

— Что вы это! изумился Гершко. — Можетъ же онъ знать, ревизуя одинъ заводъ, что дѣлается въ другомъ—отстоящемъ на 50 верстъ?

— Оно такъ, но...

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, лучше пойдемъ спать, а то споръ этотъ можетъ продлиться всю ночь—и мы все-таки не убѣдимъ другъ друга...

Я засмѣялся и, пожелавъ любезному хозяину покойной ночи, отправился въ приготовленную для меня комнату.

На другое утро, мы напившись чаю, отправились опять на охоту, которая, благодаря оттепели, обѣщала быть такъ же удачна, какъ и вчерашняя.

Гершко, прощаясь, обѣщался узнавши сказать конецъ Букодолинскаго дѣла; но онъ стоитъ на томъ, что оно не скоро еще будетъ кончено.

Недолинъ.

Смѣсь

Рѣдкая любовная исторія. Въ нью-іоркскихъ газетахъ разсказывается такая любовная исторія, какую рѣдко встрѣтишь въ наше практическое время. Капитанъ Чарльзъ Винсентъ отплылъ въ 1843 г. изъ Бостона въ Калькутту, оставивъ въ одномъ тихомъ городкѣ по сосѣдству съ Бангеромъ, въ штатѣ Менъ, восьмнадцатилѣтнюю невѣсту. Прошелъ почти годъ, а о кораблѣ, офицерахъ и матросахъ не было и слуху. Проходили цѣлые годы, сотни остъ-индскихъ кораблей приставали въ американскія гавани, но о томъ, гдѣ остался корабль «Лаура Шендонъ», никто ничего не могъ сказать. Тѣмъ временемъ невѣста оставалась вѣрна своему избраннику и твердо отказывалась отъ всѣхъ дѣлаемыхъ ей предложеній, какъ бы они ни были выгодны. Въ женихахъ не было недостатка, потому-что молодая дѣвица была не только хороша собой, прекрасно воспитана, но въ добавокъ еще имѣла довольно значительное состояніе. Она ждала двадцать девять лѣтъ и ни на минуту не теряла надежды на возвращеніе своего жениха. 15 сентября прошлаго 1872 г. ея престарѣлая мать получаетъ письмо съ штемпелемъ ливерпульскаго почтамта, и авторомъ этого письма былъ никто иной, какъ капитанъ Чарльзъ Винцентъ, теперь мужчина 54 лѣтъ. Онъ спрашивалъ, жива ли ея дочь и замужемъ ли она, а если не замужемъ, то онъ тотчасъ же пріѣдетъ въ Америку. Мать, скрывъ отъ дочери это извѣстіе, тотчасъ же отвѣтила на письмо. 1 Декабря капитанъ Винцентъ явился въ домъ своей вѣрной невѣсты. Его исторія могла бы наполнить цѣлую книгу. «Лаура Шендонъ» потерпѣла кораблекрушеніе въ Индійскомъ океанѣ и спаслись только капитанъ да одинъ матросъ. Два дни боролись они на плоту съ опасностями океана, пока наконецъ не были приняты отправлявшимся въ Китай бригомъ. Приставъ къ одной изъ китайскихъ гаваней, капитанъ работалъ цѣлые годы въ одномъ англійскомъ торговомъ домѣ въ качествѣ бухгалтера. Оттуда онъ писалъ нѣсколько писемъ, но не получалъ никакого отвѣта. Мало-по-малу онъ пріобрѣлъ себѣ состояніе и теперь у него значительное торговое заведеніе въ Китаѣ, куда онъ отправляется черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ съ своею супругою.

Французскій маршалъ. Страсбургскій коррсепондентъ газеты «Ind. Als.» передаетъ слѣдующую загадочную исторію: «16 дек. двое моихъ знакомыхъ были на дежурствѣ въ комитетѣ для бѣдныхъ; въ это время явилась высокая, прилично-одѣтая женщина съ просьбой о пособіи. Она сказала, что ея фамилія Ренье и что она держала въ Крутенау меблированныя комнаты, но что война разогнала ея жильцовъ, состоявшихъ преимущественно изъ студентовъ медицины; она распродала мало-по-малу всю мебель и дошла до крайней нищеты; въ настоящее же время она живетъ въ Рупрехтсгау. Посуливъ ей пособіе, мои знакомые спросили ее, не можетъ ли ей помочь кто нибудь изъ ея родныхъ. На это она отвѣчала слѣдующимъ показаніемъ, которое въ добавокъ подкрѣпила вполнѣ достовѣрными семейными бумагами. Ея отецъ родился въ Саарьгемюнде, точно также, какъ и ея братъ и сестра; отецъ умеръ въ гошпиталѣ въ Страсбургѣ и отъ всего семейства остались только она и ея братъ, который теперь маршалъ Франціи и обвиняется въ государственной измѣнѣ, а зовутъ его Базеномъ. Этотъ послѣдній былъ съ самаго дѣтства порядочнымъ негодяемъ, постоянно бѣгалъ изъ отцовскаго дома, а достигши 14 лѣтъ примкнулъ къ труппѣ нѣмецкихъ акробатовъ, гдѣ съ нимъ очень дурно обращались. Одинъ священникъ сжалился надъ нимъ и, такъ какъ онъ былъ съ большими способностями, училъ его до 18-го года; тутъ молодымъ Ренье опять овладѣла страсть къ бродяжничеству, онъ отыскалъ своихъ прежнихъ акробатовъ, а потомъ, наскучивъ подобною жизнію, завербовался, вмѣстѣ съ нѣсколькими нѣмецкими дезертёрами, въ иностранный легіонъ. Его умъ и мужество скоро обратили на него вниманіе начальства, его сдѣлали фельдфебелемъ, а такъ какъ онъ замѣтилъ, что дальнѣйшее его производство въ чины замедляется отъ того только, что его считаютъ нѣмцемъ, то и объявилъ, что фамилія Ренье и онъ родомъ изъ Сааргемюнде. Удостовѣрившись въ истинѣ его показаній, начальство внесло его въ списки подъ именемъ Ренье, по прозвищу Базенъ и, благодаря его несравненной храбрости, онъ получалъ чинъ за чиномъ, почти всегда на полѣ битвы. Во время своей юности онъ не разъ перемѣнялъ свое имя. Будучи акробатомъ и живя въ Германіи, онъ назывался Баксомъ (Bax), а потомъ это имя перешло въ Базенъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ достигъ такого высокаго званія, сестра нѣсколько разъ писала ему, но не получала отвѣта; онъ уже и знать ее не хочетъ. Теперь ей 63 года. Представленные ею документы вполнѣ, какъ мы уже говорили, достовѣрны, и мои знакомые колеблятся между неправдоподобіемъ этихъ фантастическихъ показаній и невозможностью сомнѣваться въ доставленныхъ ею документахъ.

Издержки на географическія экспедиціи. Читая о многочисленныхъ экспедиціяхъ, безпрестанно отправляющихся то въ жаркую Африку, то къ сѣверному ледовитому полюсу, читатели едва ли задаютъ себѣ вопросъ: что стоятъ подобныя экспедиціи? и конечно не одинъ изъ нихъ недовѣрчиво покачаетъ

головой, если мы скажемъ, что иное путешествіе въ такія страны, гдѣ люди ходятъ нагишомъ, обходится несравненно дороже, чѣмъ такое же путешествіе на какія нибудь знаменитыя минеральныя воды, гдѣ все отличается роскошью. Особенно оказались тароватыми на издержки для географическихъ экспедицій англичане. Хотя ихъ и обзываютъ иногда торгашами, тѣмъ не менѣе наука находитъ себѣ у нихъ въ богатомъ купеческомъ классѣ такую поддержку, какую едва ли оказываетъ ей купечество другихъ странъ. Когда серъ Джонъ Россъ возвратился изъ своей первой арктической экспедиціи 1818 г. и дѣло шло нѣкоторымъ образомъ о его чести, а между тѣмъ правительство не давало ему средствъ возстановить ее посредствомъ второй экспедиціи,—одинъ пивоваръ, по имени *Феликсъ Боотъ*, далъ 20,000 фунтовъ стерлинговъ или 120,00 рублей на новую экспедицію— отсюда-то и появилось на нашихъ картахъ имя Боотія Феликсъ. Россъ назвалъ вновь открытую страну именемъ жертвователя. Августъ *Петерманнъ* въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о полярныхъ странахъ представляетъ чрезвычайно интересный рядъ цифръ, дающій понятіе о томъ, что могутъ стоить подобныя экспедиціи. Согласно этимъ показаніямъ, баронъ фонъ Деккенъ истратилъ на путешествіе по восточной Африкѣ 600,000 талеровъ. Экспедиція Бурке въ сухія и жаркія страны Австраліи обошлась слишкомъ въ 200,000 талеровъ, не говоря уже о томъ, что только одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи остался въ живыхъ. Ливингстоновы путешествія, продолжающіяся слишкомъ тридцать лѣтъ, поглотили уже сотни тысячь; точная цифра этой суммы неизвѣстна, но извѣстно, что въ одинъ годъ онъ истратилъ 11,000 фунт. стерл. или 70,000 рублей. Сравнительно съ этимъ послѣднія экспедиціи къ сѣверному полюсу, при неменѣе значительныхъ результатахъ, обошлись дешево. Обѣ экспедиціи подъ начальствомъ Кольдевейя (1868—1870) стоили круглымъ числомъ 100,000 талеровъ; три экспедиціи 1869—1871 г., снаряженныя бременскимъ арматоромъ Розенталемъ, обошлись собственно ему одному въ 31,000 талеровъ. Если прибавить къ этому обѣ небольшія, но чрезвычайно значительныя сѣверныя экспедиціи графа Цейля и Пайерса (1870 и 1871), стоившія вмѣстѣ 8,000 талеровъ, то окажется, что семь нѣмецкихъ экспедицій къ сѣверному полюсу, принесшихъ не мало пользы, обошлись въ 140,000 талеровъ. При особенныхъ обстоятельствахъ отдѣльныя экспедиціи могутъ стоить чрезвычайно дешево. Такъ напр. знаменитый Генрихъ Бартъ истратилъ во время своего пятилѣтняго путешествія по внутренней Африкѣ всего 10,000 талеровъ, то есть онъ проживалъ въ годъ столько денегъ, сколько прожилъ бы ихъ въ Европѣ. Путешествіе Густава Радде по восточной Сибири и Амуру, тоже продолжавшееся пять лѣтъ, обошлось ему всего въ 3,850 рублей.

Лекарство отъ холеры. Итальянское правительство переслало англійскому записки о холерѣ доктора Пелицарри, профессора Атенея въ Бресчіи, для сообщенія ихъ докторамъ индійскаго университета въ Бенаресѣ. Профессоръ Пелицарри утверждаетъ, что холера развивается въ болотистыхъ странахъ и изцѣляется хиной. Онъ подтверждаетъ это мнѣніе замѣчаніемъ, что и въ Индіи, отечествѣ холеры, эта болѣзнь развивается изъ болотистыхъ испареній, становится заразительною и изцѣляется хиной. Профессоръ Пелицарри совѣтуетъ повторить и въ низменностяхъ Ганга тотъ же самый опытъ, который былъ сдѣланъ, и притомъ чрезвычайно удачно, въ Кампаньи-ди-Рома и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бресчіи. Этотъ опытъ состоитъ въ томъ, чтобы сгустить заразительныя болотистыя испаренія, подвергнуть ихъ дѣйствію хины и помощію микроскопа наблюдать за тѣмъ, что выйдетъ изъ этого. Вы увидите, какъ миріады инфузорій, живущихъ въ сгущенныхъ болотистыхъ испареніяхъ, внезапно умрутъ. Профессоръ Пелицарри совѣтуетъ дѣлать эти опыты, какъ на берегахъ Ганга, такъ и въ лазаретахъ. Очевидно, что если эти опыты будутъ имѣть тѣ же самые результаты, что въ Римѣ и Бресчіи, то свойство холеры опредѣлено и открыто лекарство противъ этой болѣзни.

Убавленіе платы писателямъ. Жоржъ-Зандъ получила за свой послѣдній романъ только 6,000 франковъ, тогда какъ до послѣдней войны она никогда не получала меньше 10,000 франковъ. Точно также пришлось согласиться на уменьшеніе своего гонорара и Виктору Гюго, такъ какъ спросъ на его сочиненія значительно уменьшился, какъ у его парижскаго, такъ и у его бельгійскаго издателей. Прежде ежегодно продавалось около 6,000 экземпляровъ его полныхъ сочиненій, а послѣ войны не продано и 3,000 экземпляровъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 2 Марта 1878 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ. Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 10 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 12 марта 1873 года. **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Каразина.

(Продолженіе).

IX.

Охота на тигровъ.

Солдаты окончили постройку лабазовъ, убрали лишній матеріалъ, чтобъ не валялся на виду и не внушалъ подозрѣнія тиграмъ, запрягли лошадей и уѣхали въ Чиназъ. Имъ уже не разъ приходилось строить этого рода сооруженія, и Касаткинъ даже не присутствовалъ самъ при постройкѣ, только мѣсто указалъ, — а самъ, тѣмъ временемъ, дрошелъ на затоны, гдѣ и случилось все нами разсказанное.

Трубаченко и Бабаджакъ сидѣли въ аулѣ Гайкулы-бабая и поджидали Петра Михайловича. Снаряды для охоты были давно уже приведены въ полнѣйшій порядокъ. Самъ Гайкула взялся ножи переточить охотничьи, и тутъ же на ручномъ точильномъ колесѣ, а потомъ на сырой бараньей кожѣ, исполнилъ это въ совершенствѣ,—такъ что когда Трубаченко держалъ ножъ прямо концомъ кверху, Гайкула взялъ маленькій листокъ бумаги, спустилъ его на остріе—и листокъ единственно только дѣйствіемъ своей незначительной тяжести наткнулся на это остріе и сползъ по немъ почти до самой рукоятки. Даже самъ точильщикъ не ожидалъ такого блестящаго результата; попробовали еще на конскомъ волоскѣ—тоже хорошо вышло.

— Эхъ, якши исякъ, копъ якши исякъ *), сказалъ Гайкула и добавилъ, хлопнувъ по плечу Трубаченко:— теперь проклятый пусть въ тройную шкуру влѣзетъ, а отъ твоего ножа не отвертится.

*) Хорошій ножъ—очень хорошій ножъ.

— Ну не дай Богъ, чтобы до ножей дѣло дошло, произнесъ Трубаченко,—тамъ уже игра невѣрна—послѣднее дѣло.

— Тогда уже и самъ чѣмъ нибудь да поплатишься, добавилъ Бабаджакъ.—Вонъ пріятель мой, Монтыкъ, въ фортѣ Перовскомъ что жилъ, головою поплатился: промахъ далъ онъ по тигру,—то есть оно не то, что совсѣмъ промахъ, а не положилъ его сразу; сцѣпились они съ звѣремъ... На другой день отыскали обоихъ—у тигра животъ весь какъ есть распахнутъ ножемъ и кишки всѣ вывалились, а у Монтыка черепъ прокушенъ зубами въ шести мѣстахъ, плечо словно подъ пушечнымъ колесомъ было, чисто измолото, да и голова-то вся выворочена лицомъ къ затылку,—хо-хо-хо!... вотъ какъ обработалъ. Нѣтъ, до ножей дойдетъ—ужъ это совсѣмъ скверно! закончилъ охотникъ и сталъ поправлять угольки въ своемъ кальянѣ, поковырывая въ чашечкѣ проволочнымъ протравникомъ.

— Ничего, Аллахъ милостивъ, произнесъ старый Ашикъ, сидѣвшій поблизости и слушавшій, какъ разговаютъ русскіе охотники,—Аллахъ милостивъ и до бѣды не допуститъ. Жаль, вотъ нѣту близко Каратай-Хаира колдуна! онъ бы вамъ помогъ сильно.

— Чѣмъ же это онъ помогъ бы намъ? полюбопытствовалъ Трубаченко.

— Какъ чѣмъ? онъ «Ярупча» (нѣчто въ родѣ колдуна): вопервыхъ, впередъ все знаетъ какъ что случится, а вовторыхъ, на ружье заговоръ дѣлаетъ. Посмотритъ на пулю, помажетъ ее чѣмъ-то (уже онъ знаетъ чѣмъ), поговоритъ и значекъ ножемъ положитъ, тогда стрѣляй смѣло; хоть не гляди совсѣмъ куда стрѣляешь, а только задумай—пуля уже сама найдетъ дорогу куда слѣдуетъ..

— Вотъ хорошо бы, обрадовался суевѣрный Бабаджакъ,—гдѣ же это теперь этотъ Каратай-Хаиръ вашъ?

— А Аллахъ его вѣдаетъ гдѣ. Колдуны—что птицы: сегодня здѣсь—завтра тамъ, ходятъ по всей землѣ. Гдѣ ихъ хорошо принимаютъ—дольше живутъ; гдѣ худо—туда и совсѣмъ не заходятъ, а зайдутъ такъ уже вѣрно не за добрымъ дѣломъ, а что нибудь напакостятъ. У насъ три года тому назадъ былъ, верблюдовъ двухъ вылечилъ и чорта выгналъ изъ бабы... Мы его хорошо принимали.

— Да у васъ колдунамъ хорошо въ степи живется, улыбнулся Трубаченко, — вотъ когда изъ службы выгонятъ, непремѣнно къ вамъ въ «Урупчи» пойду.

— Отъ пророка такая наука дается: отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ, изъ роду въ родъ переходитъ—такъ ты надъ этимъ дѣломъ не смѣйся, важно произнесъ старый Ашикъ и укорительно поглядѣлъ на невѣрующаго русскаго.

— Однако, гдѣ же это нашъ «Касатка» запропастился? перемѣнилъ разговоръ Трубаченко, — вотъ скоро солнце сядетъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ—что за диковинка?

— Забрелъ далеко, къ ночи будетъ, произнесъ Бабаджакъ, — выстрѣловъ не слышно, значитъ по близости нѣту, къ затонамъ прошелъ вѣрно или на Дарьѣ... Чу!..

— Что тамъ?

— Нѣтъ, мнѣ такъ показалось, Альфа его будто тявкнула.

— Обѣщалъ нынче ночью залечь въ лабазы.

— Лошадь, что вчера околѣла, началъ Гайкула,—уже тамъ, мои работники еще до полудня сволокли ее въ то мѣсто.

— На падаль пожалуй не пойдетъ, усумнился Бабаджакъ.

— А не пойдетъ, на живаго козла манить будемъ... вотъ возьмемъ того чернаго, что гляди какъ прыгаетъ, вонъ съ собаками играетъ.

Трубаченко указалъ на молодаго, чернаго какъ смоль козленка, весело заигрывающаго съ четырьмя киргизскими собаками.

— Такъ я вамъ его и отдала! огрызнулась изъ-за желомейки краснощекая дѣвка,—другихъ что ли нѣту?

— Ужъ очень намъ этотъ нравится, заигрывалъ съ степною красавицею Трубаченко.

— А этого хочешь?... пальцы красавицы приняли такую нецензурную форму, что Бабаджакъ плюнулъ, а Трубаченко разхохотался и швырнулъ въ дѣвку обуглившейся головешкою. Та отвернулась.

— Вотъ замужъ скоро выдавать будемъ, сказалъ Гайкула, подмигивая на веселую дѣвку, — изъ Курамы присылали сватать, да калыму мало даютъ, а за такую красавицу да хозяйку ханскаго калыму мало.

— А за меня пойдешь? спросилъ Трубаченко.

— А что дашь? крикнула красавица изъ-за желомейки.

— У насъ еще за женою наровятъ взять приданаго, а не то что ей платить. Ничего не дамъ.

— У васъ одни порядки, у насъ другіе, произнесъ Гайкула.

— На свадьбу позови хоть, когда женихъ подходящій найдется,—позовешь что-ли?... гляди, кто-то идетъ въ камышахъ, вонъ чуть шапка чернѣетъ, никакъ нашъ Петръ Михайловичъ.

— Никого не вижу, присмотрѣлся Бабаджакъ.

— А можетъ только показалось, согласился Трубаченко.

Всѣ замолчали.

Солнце сѣло, темнѣть начало, чуть уже краснѣлась на западѣ потухающая вечерняя заря, а Касаткина все не было. Недоумѣвалъ Трубаченко, недоумѣвалъ его товарищъ; даже самъ Гайкула—и тотъ наконецъ сказалъ: «Да гдѣ же это онъ въ самомъ дѣлѣ?»

Вздрогнулъ Бабаджакъ и попятился, широко раскрылъ глаза Трубаченко, а краснощекая дѣвка даже взвизнула на весь аулъ,—такъ неожиданно въ освѣщенномъ костромъ пространствѣ появилась фигура Петра Михайловича. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно его рубахи, безъ шапки, глаза смотрѣли тускло; ружье свое онъ лѣниво несъ, почти волокъ за собою, словно его одолѣла самая сильная усталость. Той граціи и ловкости, съ которою онъ обыкновенно закидывалъ за плечо свое оружіе, какъ не бывало.

— Наконецъ пришелъ, а мы тебя ждали - ждали! началъ Трубаченко,—ждали-ждали, повторилъ онъ какъ бы про себя.—Да что это, чортъ возьми, съ тобою?—болѣнъ что-ли? спросилъ онъ громко, всталъ съ земли и подошелъ къ охотнику.

— Оставь, глухо произнесъ тотъ,—дайте напиться... чаю бы сварить...

Онъ приставилъ къ желомейкѣ ружье, поправилъ рукою сбившіеся на лобъ волосы и опустился, почти повалился на песокъ, какъ человѣкъ совершенно потерявшій силы.

— Можетъ ты взаправду заболѣлъ? приставалъ къ нему Бабаджакъ.

— Усталъ очень, прошелъ много... пить дайте...

Гайкула поднесъ ему чашку съ холоднымъ кислымъ молокомъ, тотъ впился въ ея края сухими губами и долго тянулъ не отрываясь.

— Что онъ говоритъ? неожиданно спросилъ Касат-

кинъ. Онъ вдругъ оставилъ чашку, приподнялся и началъ вслушиваться.

Какой-то киргизъ шепталъ что-то на ухо старухѣ и нечаянно взглянулъ на Касаткина, тотъ замѣтилъ это.

— Кто говоритъ?

— Вотъ онъ... Петръ Михайловичъ протянулъ руку.

— Въ камышахъ, говоритъ, былъ, на падаль наткнулся—спрашиваетъ...

— На дорогѣ?.. на дорогѣ?..

Что-то дикое, тревожное слышалось въ этомъ вопросѣ.

— Нѣтъ, тутъ, влѣво, верблюдъ что третьяго дни пропалъ—лежитъ, такъ спрашивалъ: можетъ его тоже стащить къ лабазамъ?

— Сегодняшнюю ночь мы перегодимъ можетъ? поздно! замѣтилъ Трубаченко.

— Зачѣмъ ждать! мы сейчасъ поѣдемъ.

Касаткинъ всталъ и покачнулся.

— Поздно, пока дойдемъ. Да ты вотъ на ногахъ еле стоишь.

— Гайкула лошадей даетъ, верхами доѣдемъ,—собирайтесь!

— Кони давно готовы, сказалъ Гайкула.

— Ѣхать такъ ѣхать! рѣшилъ Бабаджакъ и сталъ подпоясывать свой архалукъ ремнемъ, на которомъ висѣлъ въ чехлѣ, на диво выточенный Гайкулою, ножъ.

— А и то правда! коли усталъ — не бѣда: въ лабазѣ все равно лежать будемъ. Отдохнешь. Ѣдемъ.

— Альфу привяжи на веревку, пусть здѣсь останется, распорядился Касаткинъ,—намъ ея теперь не надо. Гайда!

Всѣ трое начали садиться на лошадей.

Гуськомъ, всадникъ за всадникомъ, ѣхали наши охотники, съ трудомъ пробираясь по камышамъ. Чуть виднѣлись въ темнотѣ силуэты конныхъ фигуръ, и только мигали красноватыя искорки сигаръ въ зубахъ всадниковъ. Ѣхали молча, не разговаривая; киргизскія лошаденки фыркали и мотали головами, чуть брякали металлическія украшенія туземныхъ уздечекъ.

Сзади всѣхъ ѣхалъ киргизъ, который долженъ былъ пригнать лошадей обратно въ аулъ, когда всадники достигнутъ мѣста охоты. Впереди всѣхъ ѣхалъ Касаткинъ; онъ находилъ дорогу въ темнотѣ, руководясь единственно лишь какимъ-то охотничьимъ инстинктомъ. Человѣку непосвященному вся окрестность представлялась сплошнымъ, однообразнымъ моремъ темнаго тумана, въ которомъ чуть виднѣлись и кивали отдѣльные камышевые стебли, что вправо, что влѣво, что впереди, что сзади — все одно и то же; и даже звѣздъ на небѣ не было видно, т. е. не то чтобы совсѣмъ не было видно, а чуть теплились сквозь туманъ неясныя точки, и только привычный глазъ могъ разсматривать тамъ отдѣльныя группы и созвѣздія. Багровымъ, приплюснутымъ шаромъ медленно поднималась луна изъ-за горизонта, и надъ нею вставало и росло красное зарево,—и блѣднѣлъ туманъ, по мѣрѣ того какъ выше и выше поднималась луна, и словно фантастическія привидѣнія рисовались всторонѣ его причудливыя, клубящіяся волны.

Стало свѣтлѣе — поѣхали шибче; черезъ полчаса были на мѣстѣ.

Небольшое, возвышенное пространство, свободное отъ камыша, представилось глазамъ охотниковъ;—нѣсколько всторонѣ были врыты въ землю четыре толстыхъ столба—и на нихъ, на высотѣ пяти аршинъ, прилажено было нѣчто въ родѣ площадки, устланной нарѣзанымъ камышомъ. На одномъ столбѣ врублены были поперечныя полочки, на аршинъ одна отъ другой; этотъ столбъ служилъ лѣстницею для подъема на вершину лабаза. Другой лабазъ былъ построенъ съ противуположной стороны полянки — это было сооруженіе совершенно особенное отъ перваго.

Яма, аршина въ три въ діаметрѣ, прикрыта было сверху фашинами, туго связанными изъ камыша, установленными конусообразно и связанными вверху всѣ вмѣстѣ веревкою; — затѣмъ эта крыша заброшена была камышомъ, бурьяномъ и хворостомъ, что совершенно придало ей видъ чего-то случайнаго, а не умышленно построеннаго. Лабазы подобнаго рода предпочтительнѣе первыхъ, потому что животное не пугается громоздкости и дикаго вида первыхъ сооруженій—и довѣрчивѣй подходитъ къ приманкѣ; но за то первые совершенно предохраняютъ охотника, даже послѣ промаха, — между тѣмъ какъ въ ямѣ стрѣлокъ можетъ разсчитывать и на рукопашную свалку съ разъяреннымъ звѣремъ.

Посрединѣ полянки, на самомъ видномъ мѣстѣ, вытянувъ длинныя, мускулистыя ноги и запрокинувъ голоду съ вытаращенными, тусклыми глазами и съ вывалившимся языкомъ, лежала палая лошадь, и ея бѣлая масса отчетливо рисовалась на темномъ фонѣ песка, залитая луннымъ свѣтомъ.

— Пора, произнесъ Касаткинъ, — до разсвѣта осталось часа три, это самое настоящее время; ну, Батуйка, веди лошадей въ аулъ.

Всадники слѣзли и начали расправлять свои ноги. Киргизъ позавязалъ поводья на шеи лошадямъ и приготовлялся ихъ гнать.

— Гляди, какъ бы тебя полосатый дорогою не пощупалъ! крикнулъ ему вслѣдъ Трубаченко.

— Тише! произнесъ Петръ Михайловичъ.

— Аллахъ милостивъ, прошепталъ киргизъ и во всю прыть понесся къ ауламъ.

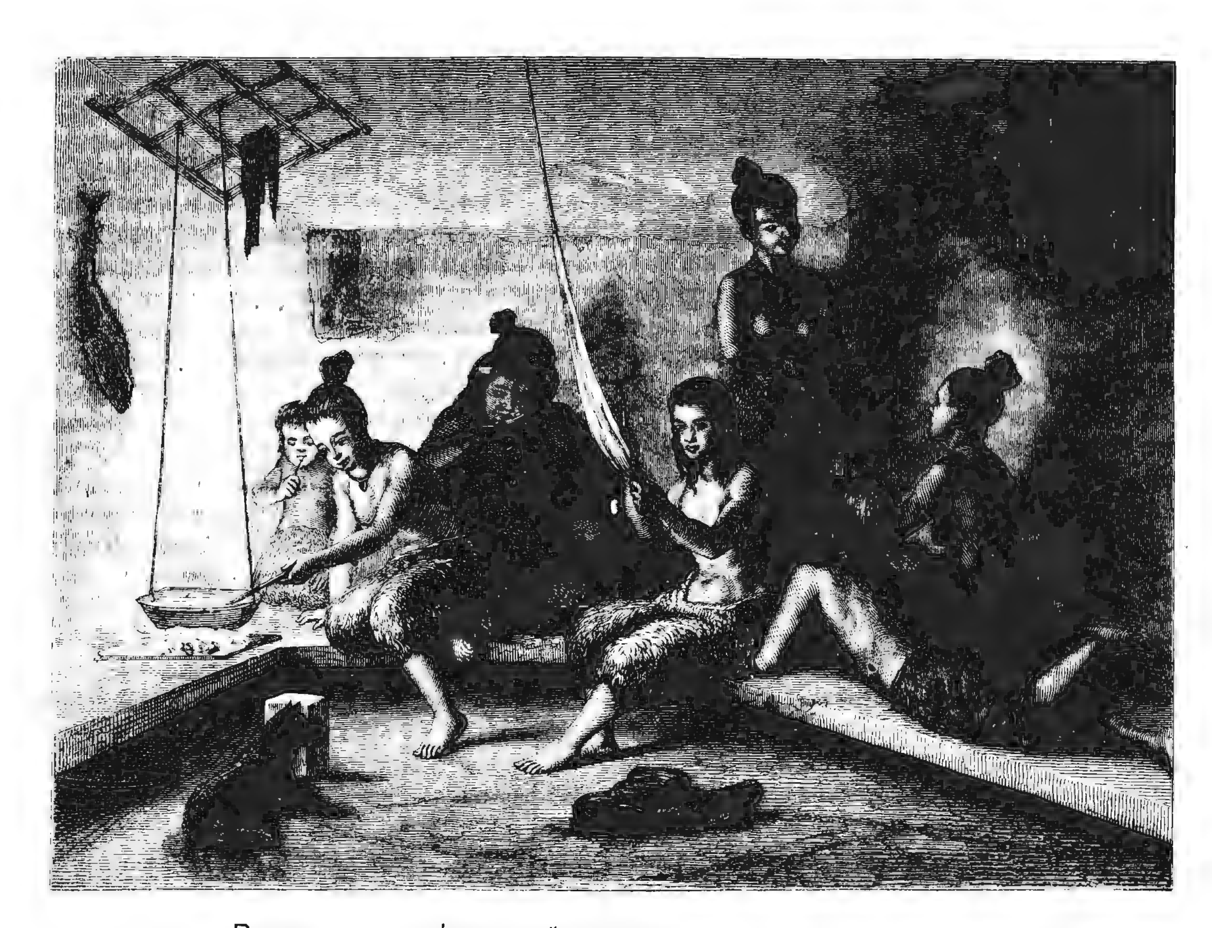
Охотники полѣзли въ засаду.

Бабаджакъ и Трубаченко заняли высокій лабазъ, Касаткинъ влѣзъ въ яму—нѣсколько секундъ слышенъ былъ шорохъ и шуршаніе; то охотники возились, умащиваясь и принимая позы покойнѣе, наконецъ все затихло, и на верху и внизу,—и никто бы не услышалъ теперь ни одного подозрительнаго звука, кромѣ однообразнаго шелеста камыша, когда легкому ночному вѣтру приходила охота пробѣжать по верхушкамъ и всколыхнуть эти легкія, пушистыя метелки, потереть одинъ о другой эти тонкіе, трубчатые стебли.

Замерли охотники въ нѣмомъ ожиданіи — и казалось дыханіе затаили. Вотъ къ шуму вѣтра прибавилось еще что-то длинное, протяжное, заунывное... Бабаджакъ толкнулъ локтемъ своего сосѣда. «Далеко!», прошепталъ тотъ.

А Касаткина поперемѣнно бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Темно и тѣсно было лежать ему въ этой ямѣ. «Какъ въ могилѣ», промелькнуло у него въ головѣ ужасное сравненіе; «какъ въ могилѣ», повторили его ссохшіяся, наболѣвшія губы. Сквозь щели, образовавшіяся въ томъ мѣстѣ, гдѣ крыша соединялась съ поверхностью земли, видѣлъ онъ мертвую лошадь: «Какъ выдались, какъ отчетливо очерчиваются исхудалыя ребра!.. Лежитъ она неподвижною глыбою, глаза словно стекло налитое саломъ... мертво тупые... А на дорогѣ, тамъ, въ пыли ничкомъ, развѣ не такъ лежитъ?.. Ноги раскинуты, руки накрестъ, затылокъ съ англійскимъ проборомъ кверху... Спина вздрагиваетъ въ послѣднихъ предсмертныхъ конвульсіяхъ...

— Береги! донесся шепотъ съ верхняго лабаза... Касаткинъ вздрогнулъ.



Внутренность эскимосской хижины. Рис. Сталь, грав. Гаусманъ.

Эскимосъ на лодкѣ. Рис. Ноэль, грав. Лаплантъ.

Эскимосскія сани. Рис. Ал. де Баръ, грав. Гильдебрандтъ.

Съ другой стороны послышался ревъ тигра, ближе... Рявкнулъ звѣрь и оборвалъ, — словно накололся лапою на что нибудь занозистое.

Еще разъ почувствовалъ Трубаченко, какъ его бока коснулся твердый локоть товарища... Какая-то тѣнь мелькнула на самой опушкѣ и скрылась... нѣсколько кустовъ колыхнулось подозрительно.

— Видѣлъ? шепталъ Трубаченко — и такъ тихо, что, казалось, только самъ себя могъ услышать.

— Вижу... такъ же тихо отвѣтилъ Бабаджакъ.

И опять все затихло кругомъ, опять ничего не слыхать, кромѣ шелеста вѣтра... Чу! вотъ замурлыкало что-то въ камышахъ, какъ котята мурлычатъ, когда ихъ щекочутъ рукою за ухомъ... Два зеленыхъ уголька вспыхнули у самой земли, между темными кустами выдвинулось что-то круглое, ушастое, проползло шага два, выползло на половину изъ чащи и припало на переднія лапы... Прямо на бѣлѣющуюся конскую тушу были устремлены эти двѣ фосфорическія точки, но каждому изъ охотниковъ казалось, что это именно на него смотритъ хищный звѣрь и не спускаетъ глазъ, готовясь къ послѣднему, рѣшительному прыжку.

Трубаченко припалъ головою къ прикладу ружья; онъ взялъ на прицѣлъ узкій промежутокъ между двумя свѣтлыми точками.

Попятился звѣрь назадъ, — остановился, опять попятился и скрылся...

— Бывалый, подумали охотники. — Остороженъ, каналья...

Вздрогнулъ Касаткинъ и быстро повернулъ голову... Шагахъ въ четырехъ отъ него, длинная тѣнь загородила узкій лучъ луннаго свѣта, пробивавшійся между щелями крыши. Тигръ лежалъ на брюхѣ, положивъ голову между переднихъ, протянутыхъ впередъ лапъ, и заложивъ уши, прищуривъ глаза, вздрагивалъ щетинистыми усами.

Другое полосатое тѣло, быстро, какъ молнія, пронеслось, почти не касаясь земли, и обрушилось на павшую лошадь. Длинные ноги брыкнули въ воздухъ; казалось, что конь воскресъ и сопротивлялся усиліямъ звѣря,—а это только трупъ поддался натиску животнаго, которое, уцѣпившись за бедро лошади зубами и передними лапами, сдвинуло его съ прежняго мѣста.

Двѣ молніи блеснули съ вершины лабаза—и два сухихъ, короткихъ выстрѣла тотчасъ же были покрыты свирѣпымъ, пронзительнымъ ревомъ. Тигръ взвился на дыбы, запрокинулся и покатился съ холмика, загребая взбудораженный песокъ своими лапами.

И изъ-подъ шалаша вспыхнулъ третій выстрѣлъ, но выстрѣлъ этотъ былъ направленъ совсѣмъ въ другую сторону. Страшная тяжесть обрушилась сверху на ненадежную крышу—и во всѣ стороны полетѣли разметанныя пучки камыша. Пуля Касаткина скользнула по плоскому черепу втораго тигра, пробила ему ухо—и полетѣла дальше по камышамъ, сбивая его метелки...

— Внизъ! крикнулъ Трубаченко,—тамъ бѣда, внизъ!.. и онъ спустилъ ноги и сталъ ощупывать на столбѣ первыя ступеньки.

— Погоди — ружье заряди, тогда только толкъ будетъ!.. остановилъ его Бабаджакъ.—Мое готово...

Онъ спрыгнулъ прямо, упалъ ничкомъ, вскочилъ — и кинулся къ лабазу - ямѣ...

Придавленный страшною тяжестью, Касаткинъ лежалъ на правомъ боку, силясь высвободить свою руку... земля и пыль набивали ему носъ и ротъ. Онъ чувствовалъ, какъ страшныя когтистыя лапы добирались до него, роясь въ развалинахъ крыши. И тигръ чуялъ подъ собою что-то живое, чуялъ врага и бѣсновался, встрѣчая преграду.

Наконецъ Касаткину удалось лечь навзничь; рука была свободна, — ножъ, гдѣ же ножъ?.. Онъ шарилъ онѣмѣвшими пальцами, онъ искалъ рукоятку... вотъ она!.. Ножъ былъ длинный, гиссарскій, и долго не вытаскивался изъ притиснутыхъ ноженъ... Вдругъ прямо ему въ лицо ударилъ ослѣпительный лунный свѣтъ — какъ ярокъ показался онъ послѣ темноты!—послѣдня вязанки полетѣли въ сторону, страшная морда была въ полуаршинѣ отъ его лица, лапа упиралась въ грудь—и въ тѣло впивались острые когти. Но въ то же мгновеніе, вдоль по этой самой лапѣ скользнула стальная змѣйка. Ударъ ножа пришелся какъ разъ подъ лѣвую переднюю лопатку звѣря прямо въ сердцѣ—и рухнулъ пораженный на смерть тигръ, навалившись на застонавшаго охотника.

Два выстрѣла въ упоръ, въ голову животнаго, прогремѣли въ ушахъ теряющаго сознаніе Петра Михайловича.

— Тащи — тащи за хвостъ — стаскивай! суетился Трубаченко.

— Подсунь прикладъ подъ животъ, ворочай! приступилъ Бабаджакъ. Понатужились, покряхтѣли—и кое-какъ сволокли убитаго тигра.

Касаткинъ лежалъ безъ движенія и тихо стоналъ, но глаза его были закрыты... Вся рубаха его была изодрана въ клочки и залита кровью—и человѣческою, и тигровою. Когда его вытащили изъ ямы и положили на песокъ, Бабаджакъ принялся осматривать искалеченнаго охотника.

— Обработалъ, нечего сказать! грустно произнесъ Трубаченко — и съ горя закурилъ свою сигару.

— Ничего, поправится, утѣшительно произнесъ Бабаджакъ,—воды вотъ жаль нѣту, а то бы хорошо обмыть, да голову примочить.

— Ну, до разсвѣта ждать нельзя; надо дѣлать носилки да тащить его въ аулъ... принимайся.

Устроили носилки изъ жердей, взятыхъ изъ разрушеннаго лабаза, настлали на нихъ камышу и положили раненаго. Тотъ стоналъ и метался, особенно когда его поднимали съ земли, и тихо бормоталъ что-то несвязное,—такое, что не могли ничего разобрать ни Трубаченко, ни Бабаджакъ, какъ ни прислушивались они, неся несчастнаго по кабаньей тропинкѣ, камышами.

Начало разсвѣтать, когда охотники завидѣли сквозь камышъ чернѣющіяся верхушки кибитокъ Гайкулы-Бабая. Дымъ поднимался густыми столбами надъ ауломъ и пахло гарью; — бараны блеяли невдалекѣ, ревѣли верблюды и звонко ржалъ какой-то молодой жеребчикъ, задравъ хвостъ трубою и носясь по пробуждающемуся аулу.

Всполошился аулъ, завидя печальную процесію; все высыпало изъ кибитокъ; даже пастухи, собиравшіеся было угонять скотъ, и тѣ бросили свое дѣло и прискакали къ кибиткѣ Гайкулы-Бабая.

Осторожно опустились носилки, сняли Петра Михайловича, раздѣли и принялись обмывать страшныя, рваныя раны. Старый Ашикъ и Трубаченко занялись этимъ — и зорко слѣдилъ сѣдой киргизъ за каждымъ проявленіемъ жизни у своего паціента.

— Якши — будетъ здоровъ! Крови потерялъ только много—оттого и лежитъ какъ пластъ, произнесъ Ашикъ, кончая перевязки.

У Касаткина оказались проломлены два ребра, обнажено почти до самыхъ костей лѣвое бедро и кромѣ того, на лѣвомъ же боку и груди, нѣсколько глубокихъ рваныхъ царапинъ когтями.

Коверъ, на которомъ лежалъ Касаткинъ, осторожно от-

тащили къ сторонѣ кибитки, разсчитавъ, чтобы онъ пришелся въ тѣни, когда поднимется солнце. Гайкула, съ четырьмя киргизами и верблюдомъ, отправились на мѣсто охоты поднять убитыхъ тигровъ, Ашикъ остался съ раненымъ, а Трубаченко съ Бабаджакомъ подсѣли къ огню, гдѣ закипалъ для нихъ чай и стояло блюдо баранины, приготовленное заботливою красавицею... Аппетитъ у нихъ былъ волчій и, не смотря на грустное настроеніе духа, зубы работали превосходно.

— Далъ бы знать въ Чиназъ, чтобы доктора выслали, да не стоитъ, говорилъ Трубаченко, прихлебывая чай изъ маленькой зеленой чашки.

— Не надо посылать, рѣшилъ Бабаджакъ.

— Насчетъ ранъ и всего этого киргизскіе знахари гораздо лучше нашихъ. Нашъ пріѣдетъ, еще чего добраго уходитъ совсѣмъ. Помнишь Тыркина?..

— Есть тутъ недалеко Али-турсукъ, кураминецъ, вмѣшался старый Ашикъ, такъ какъ наши пріятели говорили по киргизски и онъ понялъ о чемъ шла рѣчь.—Такъ тотъ, какія только хочешь раны вылѣчиваетъ. Онъ старикъ уже—и для другаго не поѣдетъ пожалуй, а для меня поѣдетъ. Я самъ, вотъ, какъ вернется Гайкула, съѣзжу.

— Ну, привези сюда твоего Али-турсука, согласился Трубаченко.

— Я видѣлъ его уже разъ какъ-то: хорошій знахарь, заявилъ Бабаджакъ.

Часа черезъ два вернулся Гайкула и привезъ тигровъ. Самка, убитая охотниками верхняго лабаза, была не изъ крупныхъ; зато самецъ, отдѣлавшій такъ Петра Михайловича, заставилъ весь аулъ раскрыть ротъ отъ изумленія: это былъ положительно великанъ—и старый Ашикъ, увидѣвши его, произнесъ: «Аллахъ, Аллахъ, вѣдь есть же такіе звѣри на свѣтѣ! Я такого еще въ первый разъ въ жизни вижу, а видалъ я ихъ на своемъ вѣку довольно».

Вдругъ послышался слабый голосъ Петра Михайловича; вниманіе всѣхъ было обращено на тигровъ — и раненый долженъ былъ повторить призывъ.

— Что, голубчикъ? что, очнулся?—Ну, какъ ты себя чувствуешь? подсѣлъ къ нему Трубаченко.

— Плохо... раненый произнесъ это слово и закрылъ глаза.

— Глоточекъ водки бы ему, шепнулъ Бабаджакъ.

— Вотъ я сейчасъ за Али-турсукомъ поѣду, поднялся на ноги и старый Ашикъ. — Гайкула, давай мнѣ своего чалаго.

Тихо высвободилъ Касаткинъ правую руку, приподнялъ ее и сдѣлалъ пальцами жестъ, какъ бы желая писать... Трубаченко не понялъ.

— Ну-же—ну-же, нетерпѣливо простоналъ раненый,— бумаги — карандашъ, скорѣе...

Трубаченко оторвалъ отъ книжечки въ бумажникѣ листокъ, досталъ изъ кармана обломанный карандашъ и подалъ Касаткину.

Слабо, чуть шевелились блѣдныя руки, водя карандашемъ по бумагѣ. Трубаченко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ этихъ худыхъ пальцевъ, въ которыхъ дрожалъ карандашъ, выводя какія-то каракули. Но, по мѣрѣ того какъ подвигалось письмо, красное угреватое лицо поручика все темнѣло и темнѣло, глаза открывались шире — и даже сигара, оставленная на минуту, попала опять въ ротъ, только не тѣмъ концомъ какъ слѣдуетъ.

— Фью, фью!.. свистнулъ Трубаченко, — вотъ исторія... Эхъ ты горемыка, горемыка!.. Что же теперь дѣлать будешь? произнесъ онъ, положилъ свою руку на лобъ несчастнаго Петра Михайловича и изобразилъ на своемъ грубомъ лицѣ какую-то пресмѣшную гримасу, а по этой гримасѣ прокатилась какая-то грязноватая капелька, еще и еще, повисли онѣ на кончикахъ щетинистыхъ усовъ и упали на окровавленныя тряпки, которыми обмотано было тѣло Касаткина.

— Пошли въ Чиназъ коменданту, сейчасъ—слышишь? произнесъ больной.

— Пошлю;—что уже тутъ!—конечно пошлю, угрюмо отвѣчалъ Трубаченко.—Бабаджакъ, на читай, коли хочешь... онъ протянулъ записку своему товарищу.

Черезъ четверть часа, въ камышахъ мелькала только спина киркизенка, скакавшаго въ Чиназъ съ запискою Петра Михайловича.

(Продолженіе будетъ).

Зима подъ полярнымъ кругомъ.

Долго зимовка въ негостепріимныхъ полярныхъ странахъ считалась европейцами крайне вредною для здоровья, если не совершенно невозможною. Конечно, первые опыты этого рода были вовсе не таковы, чтобъ разсѣять господствовавшіе предразсудки,—потому-что первая извѣстная зимовка европейцевъ въ этихъ странахъ (именно зимовка сэра Гюга Виллугби въ 1553 г.) кончилась гибелью всѣхъ участниковъ этой экспедиціи отъ холода и голода,—а во время другой, предпринятой въ 1596 г. Баренцомъ, изъ семнадцати человѣкъ погибло пять, главнымъ образомъ отъ скорбута, злѣйшаго врага здоровья въ этихъ странахъ.

Но хотя постоянно печальные опыты и не могли устранить возникшихъ опасеній, тѣмъ не менѣе эти попытки повторялись, часто безъ надлежащей подготовки. Были даже два случая, когда отдѣленные отъ корабля матросы принуждены были зимовать на Шпицбергенѣ безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ. Не прежде, какъ въ нашемъ столѣтіи, благодаря собраннымъ опытамъ и увеличенію средствъ, цѣлый рядъ подобныхъ предпріятій, со стороны англичанъ, американцевъ и русскихъ (начавшійся экспедиціей Парри въ 1819 г., за которою послѣдовали экспедиціи Росса, Пахтузова, Франклина, Кена, Гайеса, и др.), ознакомилъ насъ надлежащимъ образомъ съ угрожающими въ полярныхъ странахъ опасностями и разсѣялъ преувеличенные страхи. Какъ велики еще эти опасности—можно видѣть изъ слѣдующаго описанія зимовки въ полярныхъ странахъ, сдѣланнаго Пайеромъ, начальникомъ второй нѣмецкой экспедиціи для открытія чистаго, свободнаго отъ льдовъ, полярнаго моря, которое, какъ извѣстно, и было открыто имъ въ сентябрѣ 1871 г. между 42° и 60° восточной долготы (по гринвичскому меридіану) подъ 78° сѣверной широты.

«Съ уходомъ лѣта, температура котораго подъ конецъ напоминала, впрочемъ, собою скорѣе умѣренную европейскую зиму, — окрестность приняла тотъ торжественный видъ, какимъ отличаются арктическія страны. Все ниже и ниже опускалось солнце; дневной свѣтъ слабѣлъ, температура падала; утесистые берега опоясались полосою нагроможденнаго и разломаннаго льда, лежавшаго на подобіе окаменѣвшихъ во время прибоя волнъ. Птицы улетѣли на югъ, моржи и тюлени ушли дальше въ море, ра-

стенія умерли, а 20 сентября замерзъ и послѣдній протокъ, ведшій къ острову Сабины. 22 сентября корабль былъ уже окруженъ крѣпкимъ покровомъ молодаго льда, —такъ что, возвратясь послѣ десятидневнаго путешествія въ саняхъ съ острова Куна, мы дошли до корабля пѣшкомъ. Только одно небо сіяло еще надъ нами, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, во всемъ блескѣ; впрочемъ, метели и бури давали уже знать, хотя и рѣдко, о приближеніи зимы.

Вокругъ корабля, на возможно-близкомъ разстояніи, были поставлены, въ видѣ частокола, напиленныя ледяныя глыбы въ два фута толщиною. Мало по малу бури окружили эти глыбы и корпусъ корабля высокимъ массивнымъ брустверомъ снѣга, изъ-за котораго выглядывали одни только мачты. Цѣль этой ограды, такъ же какъ и постройки снѣговаго туннеля въ шесть шаговъ длины передъ люкомъ ведшей на палубу лѣстницы, состояла въ поддержаніи теплоты на кораблѣ. Эти мѣры, перенятыя нами у нашихъ предшественниковъ, оказались въ высшей степени полезными.

Чтобы получить какъ можно больше простору на кораблѣ, а также и для того чтобъ облегчить ему входъ въ мелкую бухту, съѣстные припасы, которые не портятся отъ мороза, три лодки — въ томъ числѣ и лодка для утопающихъ, стоявшая до сихъ поръ между двумя мачтами, — различныя снасти, бичевы, веревки, ремни, реи, лисельшприты, всевозможные желѣзные и корабельные снаряды были перенесены, еще до этого, на твердую землю и ограждены по мѣрѣ возможности отъ нападеній полярныхъ медвѣдей.

Бросимъ теперь взглядъ на внутренность корабля. Дѣятельность на немъ ограничивается пока ежечасными метеорологическими наблюденіями (провѣркою поставленнаго на сушѣ термометра, барометра въ каютѣ, и т. п.), насущными работами: очищеніемъ палубы отъ навѣянныхъ на нее массъ снѣга, ежечасной прорубкой сточной ямы, доставленіемъ необходимаго для дневнаго потребленія снѣга, и т. п.

Всего же больше занимаемся мы приготовленіями къ весеннимъ поѣздкамъ въ саняхъ. Одинъ готовитъ себѣ сапоги изъ парусины, другой сюртукъ изъ тюленьей кожи; кто подшиваетъ подъ чулки фланелевые подошвы, мастеритъ изъ каучука очки отъ снѣга, вродѣ эскимосскихъ, черезъ которые вы смотрите только помощію маленькой щелочки. Иные шьютъ палатки, готовятъ кухонные снаряды, ладятъ изъ послѣдней дубовой доски новые лыжи, или же осматриваютъ свои сильно заржавѣвшія ружья. Тутъ и пилятъ и стругаютъ, рѣжутъ и куютъ, а рядомъ съ заботами о матеріальныхъ потребностяхъ идутъ и научныя занятія: кто дѣлаетъ исчисленія или рисуетъ, кто сдираетъ кожу съ птицъ или лисицъ, или же приводитъ въ порядокъ и укладываетъ собранные минералы — и все это за однимъ и тѣмъ же столомъ, большею частью при свѣтѣ одной и той же лампы. За недостаткомъ масла, мы лишь временами зажигали вторую лампу, которая несносно пылаетъ и чадитъ съ тѣхъ поръ, какъ ея хрупкій стеклянный цилиндръ наотрѣзъ отказался служить намъ, какъ мы ни поддерживали его помощію жести и проволоки.

На печкѣ стоитъ большой жестяной котелъ съ снѣгомъ, а кругомъ нея развѣшаны различные предметы, которымъ тоже нужно оттаять: замерзшія платья, тюфяки, множество чулокъ, сапоги и мѣха; а на мачтѣ виднѣется нѣсколько бѣлыхъ куропатокъ, въ ожиданіи пока ихъ число увеличится настолько, чтобъ ими можно было накормить всѣхъ безъ исключенія. Въ обширномъ углу подлѣ мачты поднимается что-то вродѣ постоянной возрастающей дилювіальной морены, состоящей не изъ чего другаго, какъ сложенныхъ сюда ящиковъ, инструментовъ, жестяныхъ фонарей, кожъ, мѣховъ, ружей, платья, сапоговъ, грязнаго бѣлья, жестяныхъ барабановъ, и т. п. Даже койки— и тѣ какъ будто бы усѣяны обломками проплывшаго глетчера, потому что чучела птицъ, шапки, молотки, бѣлье, патроны, книги, башмаки, камни, маленькіе ящики, табакъ, мѣховыя перчатки, и пр. никоимъ образомъ не могутъ быть причтены къ принадлежностямъ постели.

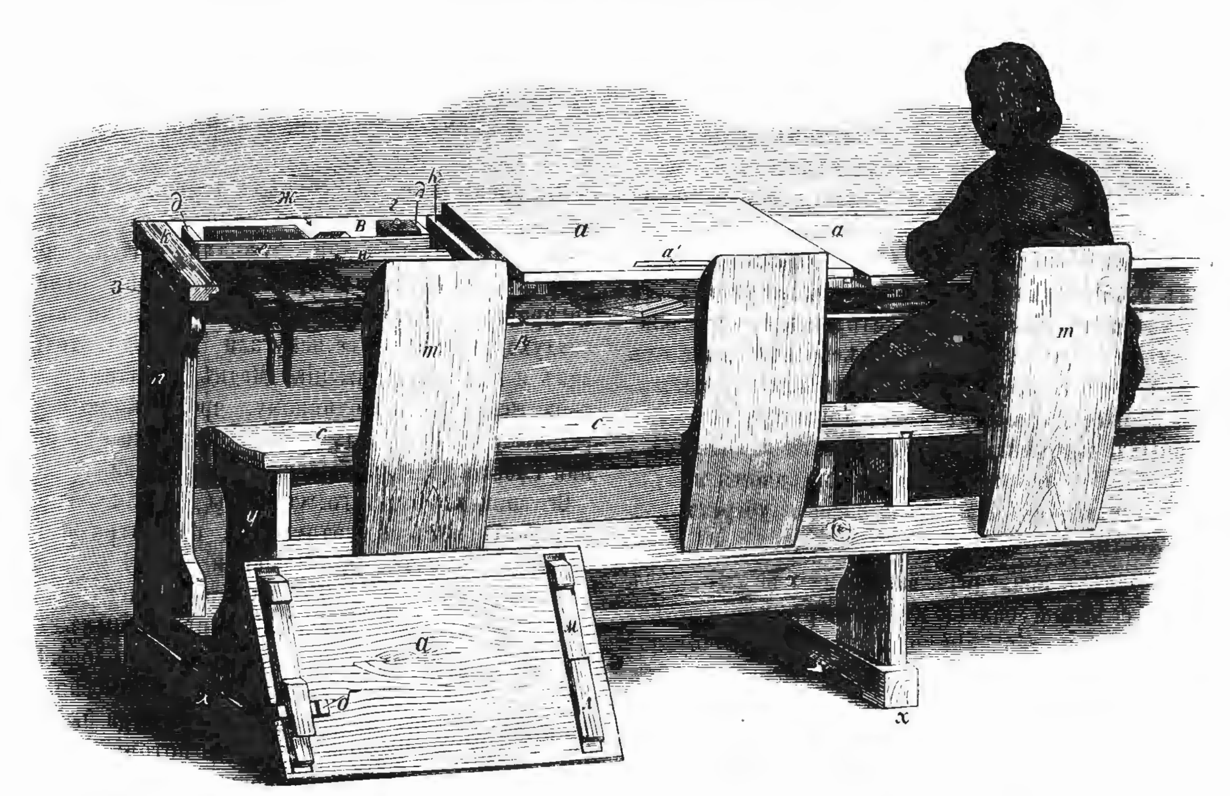
Къ самымъ тяжелымъ неудобствамъ арктической зимовки принадлежитъ неминуемое отреченіе отъ опрятности. Насчетъ цвѣта нашихъ карманныхъ платковъ, и т. п., я лучше помолчу. Такъ какъ промокшій въ сентябрѣ предметъ можетъ высохнуть или освободиться отъ льда не прежде, какъ въ іюнѣ, то въ теченіи всего этого времени нельзя было ничего стирать; а при недостаткѣ въ водѣ, которой едва хватало для питья, количество остававшейся для личнаго потребленія воды доходило до послѣдняго минимума. Во время зимовки на Новой Землѣ русскіе не разъ испытали благодѣтельное дѣйствіе купанья въ теплой водѣ, при чемъ за неимѣніемъ ваннъ, они купались въ бочкахъ; мы же едва успѣвали добывать для этой цѣли по одному блюду тепловатой воды въ мѣсяцъ. Арктическая ванная комната, съ 10°, 15° ниже нуля, мало чѣмъ разнится отъ ледяной пещеры. Вы увидите тутъ примерзшіе стаканы, блюда съ сѣроватой водой, добытой изъ растопленнаго и мѣстами еще не совсѣмъ растаявшаго снѣга, покрытыя ледяной корой стѣны со свѣшивающимися внизъ сосульками, а по угламъ горки изъ промерзшихъ сапоговъ, посуды, платья, ружей, и т. д.

Убійственно однообразно тянется жизнь; ждешь не дождешься солнца—и такъ цѣлые мѣсяцы. Кенъ превосходно выразилъ настроеніе своихъ спутниковъ, говоря, что одни сутки подъ полярнымъ полюсомъ старятъ человѣка больше, чѣмъ цѣлый годъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ земнаго шара.

Наступило Рождество. Мы устроили елку изъ молодыхъ вѣтокъ и моху; мѣсто сѣрой снѣжной воды заступилъ рейнвейнъ, нѣкоторые изъ насъ даже пустились танцовать по льду.

По вычисленію нашихъ астрономовъ, солнце должно было освѣтить 3 февраля прежде всего верхушку горы «Германія», лежащей близъ нашей гавани и имѣющей до 1000 футовъ вышины. Поэтому-то мы и отправились туда, чтобъ встрѣтить послѣ трехмѣсячной ночи первый солнечный лучъ днемъ раньше, чѣмъ это было возможно для горизонта нашего корабля. Съ вершины этой горы мы увидали съ восточной и южной стороны море, покрытое сплошной массой льда. На слѣдующій день солнечный свѣтъ дошелъ и до ледяной равнины. Когда давно желанное свѣтило поднялось надъ ледяными буграми къ югу отъ мыса Винна, радостное чувство освобожденія наполнило наши души. Хотя оно вскорѣ опять зашло, но все же съ возвращеніемъ свѣта все на кораблѣ оживилось; охота приняла гораздо болѣе обширные размѣры; въ особенно досталось при этомъ спавшимъ на ледяныхъ плотахъ моржамъ; начали дѣлать опыты насчетъ распространенія звука *) и покончили приготовленія къ весеннимъ саннымъ поѣздкамъ на сѣверъ.

*) Свѣтлый, чрезвычайно бѣдный влагой воздухъ арктическихъ странъ имѣетъ, кромѣ необыкновенной прозрачности, еще и другія свойства, именно: чрезвычайно благопріятенъ для распространенія звука, такъ что можно переговариваться на разстоянии нѣсколькихъ сотенъ шаговъ.



Школьная скамья системы Кунце. Рисунокъ Кунце, грав. Вейерманъ.

Охота въ Гренландіи часто начинается тѣмъ, чѣмъ она у насъ оканчивается—защищеніемъ самого себя; но вмѣстѣ съ этимъ она имѣетъ еще научный интересъ для зоологовъ и замедляетъ изслѣдователю путь возвращенія на корабль. Вообще тамъ охотятся не за одними только звѣрями, но также въ интересахъ зоологіи и географіи.

Охота за полярными медвѣдями и моржами соединена съ опасностями; а охота за мускусными быками, сѣверными оленями, лисицами и морскими животными—доставляетъ только удовольствіе.

Полярный медвѣдь, который, благодаря его желтовато-сѣрой косматой кожѣ и его черному носу, рѣзко отдѣляется отъ снѣжнаго поля и бросается въ глаза еще издали, — имѣетъ отъ десяти до двѣнадцати центнеровъ тяжести и далеко превосходитъ величиною находящіеся въ зоологическихъ садахъ или звѣринцахъ экземпляры (которые, будучи привезены въ Европу въ раннемъ возрастѣ и находясь подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для ихъ развитія условій, вырождаются), а силою не уступаетъ ни льву, ни тигру. Но холодный поясъ, въ которомъ онъ живетъ, остудилъ ему кровь; онъ остороженъ и недовѣрчивъ. Противорѣчащія показанія насчетъ его мужества объясняются тѣмъ, что по одному медвѣдю нельзя еще судить о другомъ, — что каждый изъ нихъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ особенностей своей природы и временной потребности въ пищѣ.

Разрѣзъ новой школьной скамьи и стола.

Полярный медвѣдь питается преимущественно тюленями, подстерегаетъ ихъ въ ледяныхъ разсѣлинахъ и нападаетъ на нихъ, когда они, не чуя опасности, грѣются на ледяныхъ плотахъ, — съ коварствомъ тигра, котораго онъ напоминаетъ также своимъ безшумнымъ приближеніемъ. Онъ преслѣдуетъ тюленей и въ водѣ, потому что очень ихъ любитъ и отлично плаваетъ; онъ и бѣгаетъ тоже чрезвычайно быстро, такъ что развѣ одинъ только сѣверный олень превзойдетъ его въ этомъ отношеніи. Благодаря грубости своихъ подошвъ, своимъ когтямъ и покрытымъ волосами лапамъ, онъ карабкается по крутымъ горнымъ утесамъ съ ловкостью кошки и такъ же безопасно разгуливаетъ по гладкимъ, какъ и по наклоннымъ ледянымъ плоскостямъ. Я содралъ у одного убитаго полярнаго медвѣдя съ заднихъ ногъ кожу, съ трудомъ очистилъ ее отъ жира, натеръ квасцами и надѣлъ ее себѣ на ноги—это были чудо какіе

теплые валенки; жаль только, что они сгорѣли зимою во время одного пожара на кораблѣ.

Такъ какъ тюлени останавливаются преимущественно между льдинами или на краю ихъ, то лѣтомъ медвѣдь — явленіе обычное. Онъ шагъ за шагомъ слѣдуетъ за охотниками на тюленей, чтобы воспользоваться ободранными звѣрями,—или же, наѣвшись до сыта, плыветъ на гигантскомъ трупѣ какого нибудь моржа. Этотъ отважный путешественникъ посѣщаетъ и Исландію, благодаря уносимымъ полярнымъ теченіемъ глыбамъ, на которыхъ онъ располагается. Часто его встрѣчаютъ за нѣсколько миль отъ твердой земли, онъ плыветъ къ лодкамъ или кораблямъ, пока его не прогонятъ выстрѣлами. Когда ему надоѣстъ кушать жирныхъ тюленей, онъ принимается за питательныя утиныя яйца — и расположившись на какомъ нибудь маленькомъ островкѣ, въ нѣсколько часовъ уберетъ ихъ всѣ до послѣдняго.

Полярный медвѣдь проводитъ часть зимы во снѣ, подъ какой нибудь снѣжной банкой въ глетчерѣ или ущельи. Во время своего странствованія, онъ поднимается обыкновенно на какой нибудь ледяной холмъ, и высоко поднявъ рыло, осматриваетъ окрестность и нюхаетъ воздухъ, отыскивая себѣ пищу. Эскимосы сражаются съ нимъ копьями—родъ охоты требующей особенной ловкости и хладнокровія; многіе изъ нихъ носятъ на себѣ ясные слѣды подобной борьбы. Исключая ранъ въ голову, однимъ выстрѣломъ трудно усмирить его; а чтобъ убить его, требуется не рѣдко до пяти выстрѣловъ.

Подъ 75° сѣверной ширины, когда мы возвращались изъ путешествія на самый крайній сѣверъ, до котораго когда либо достигали на восточномъ берегу Гренландіи, на насъ напалъ полярный медвѣдь. Закутавшись съ головы до ногъ въ мѣха, закрывъ себѣ лица стѣсняющими кругозоръ масками, тащили мы по ледянымъ буграмъ и рѣзко обозначеннымъ снѣжнымъ волнамъ сани, какъ онъ подкрался къ намъ сзади, приблизительно шаговъ на пятнадцать. «Медвѣдь!» вскричалъ одинъ изъ матросовъ; мы обернулись—и увидали къ величайшому нашему ужасу, что онъ мчится къ намъ во весь опоръ. Въ ту же минуту мы стащили съ себя пояса и ремни, помощію которыхъ мы тащили сани и укрылись за высоко нагруженные сани. Каждый схватилъ первое попавшееся ему подъ руку оружіе: шестъ для палатки, топоръ, и т. п. Ружья лежали вмѣстѣ съ прочею поклажею—и въ торопяхъ ихъ нельзя было скоро вытащить изъ подъ туго-натянутыхъ веревокъ. Тѣмъ временемъ медвѣдь обошелъ нашу оборонительную позицію; наше положеніе становилось крайне сомнительно. Плотникъ, который вытащилъ прежде другихъ свое ружье, выстрѣлилъ и промахнулся; вслѣдъ за этимъ выстрѣлилъ я и ранилъ медвѣдя въ спину. Животное сдѣлало дикій скачокъ и заревѣло, но я успѣлъ опять зарядить свое ружье—и мой второй выстрѣлъ положилъ его на мѣстѣ. Слѣдовавшіе за тѣмъ выстрѣлы быстро добили медвѣдя—и когда я срисовалъ его, мы содрали съ него часть кожи и отрубили голову, которую мы нарочно щадили. Съ какимъ удовольствіемъ ѣли мы сырое мясо этого животнаго!

Но не всегда встрѣчи съ медвѣдями имѣютъ такой благопріятный исходъ; часто въ роли охотника выступаетъ не человѣкъ, а животное. Одинъ изъ нашихъ товарищей чуть-чуть не былъ разорванъ медвѣдемъ. Это случилось 6 марта 1870 г. вечеромъ, наканунѣ того дня, въ который мы намѣревались отправиться для изслѣдованія еще неизвѣстнаго сѣвернаго берега Гренландіи. Къ счастью, мы сидѣли молча въ каютѣ, какъ вдругъ послышался едва внятный крикъ о помощи.

Въ одно мгновеніе сбѣжали мы съ лѣстницы. На встрѣчу намъ несся крикъ Бергена: «Медвѣдь тащитъ меня!»

На дворѣ было уже совсѣмъ темно, мы почти ничего не видали и бросились по тому направленію, откуда раздавались крики, съ шестами, ружьями, и т. п., по ледянымъ буграмъ и снѣжнымъ сугробамъ, чтобы отнять нашего товарища у животнаго. Сдѣланные нами выстрѣлы на воздухъ нисколько не испугали медвѣдя, точно такъ же какъ и наше приближеніе. Медвѣдь тащилъ до сихъ поръ свою жертву по взломанному, чрезвычайно неровному береговому льду—и былъ теперь недалеко отъ ровной ледяной плоскости, тянувшейся далеко къ югу.

Все зависѣло отъ того, чтобъ мы догнали его прежде, чѣмъ онъ достигнетъ ее, потому что, не смотря на свою ношу, медвѣдь помчался бы по ровной дорогѣ не хуже лошади. И намъ это удалось. Медвѣдь обернулся было къ намъ, но при всеобщемъ натискѣ и безпрерывныхъ выстрѣлахъ обратился въ бѣгство и выпустилъ свою добычу. Мы подняли со льду нашего, такъ счастливо спасеннаго, товарища и отнесли его въ каюту. Тутъ, когда былъ принесенъ огонь, мы оледенѣли отъ ужаса, потому что медвѣдь разорвалъ Бергену головную кожу въ различныхъ направленіяхъ, искусалъ ему болѣе или менѣе сильно носъ, глазъ, руки и ноги; волосы и платье несчастнаго были всѣ въ крови. Бергенъ не переставалъ ощупывать раны на рукахъ и ногахъ, но вскорѣ съ нимъ сдѣлалось что-то вродѣ столбняка. Мы сдѣлали ему на скорую руку постель въ нашей маленькой каютѣ, гдѣ помѣщалось восемь человѣкъ, такъ какъ его койка была слишкомъ тѣсна,—и размѣстились на плоскости въ двѣ квадратныхъ сажени, остававшейся отъ стола, печки и постели.

Бергенъ, какъ мы узнали впослѣдствіи, возвращался съ ежечасной повѣрки термометра, поставленнаго на твердой землѣ въ ящикѣ, въ двухъ стахъ пятидесяти шагахъ отъ корабля,—какъ вдругъ, когда онъ былъ всего въ двадцати шагахъ отъ корабля, на него напалъ медвѣдь, выскочившій безъ всякаго шума изъ-за находившейся за нимъ льдины. При Бергенѣ было ружье, только онъ былъ такъ оплошенъ, что не взвелъ заранѣе курка—и, будучи застигнутъ врасплохъ медвѣдемъ, пытался прогнать его, держа передъ нимъ потайной фонарь. Но медвѣдь, какъ будто бы и не замѣтивъ этого фонаря, повалилъ Бергена наземь, сталъ на него, и укусивъ его нѣсколько разъ въ голову, потащилъ дальше. Къ счастью, толстая мѣховая шапка была такъ велика, что хищное животное не могло охватить своею пастью головы; только его зубы, какъ разсказывалъ впослѣдствіи Бергенъ, скользили по черепнымъ костямъ. Услыхавъ со стороны корабля шумъ, медвѣдь схватилъ Бергена (который пытался оборониться отъ своего страшнаго врага жалкими ударами снятой съ руки мѣховой перчатки), и волоча его то за руку, на которой онъ въ куски разорвалъ перчатку, то за ногу, съ которой онъ стащилъ сапогъ,—быстро повлекъ его по ледянымъ буграмъ и лощинамъ. Кровавые слѣды были явственно видны на другой день.

Осаждающіе дѣлали не разъ визиты и нашимъ съѣстнымъ запасамъ, сберегавшимся на твердой землѣ, при чемъ особенно пострадали астрономическіе инструменты.

Одно изъ величайшихъ неудобствъ при путешествіи въ саняхъ—это то, что, устраивая складочныя мѣста для провіанта, путешественники никогда не могутъ вполнѣ оградить ихъ отъ нападеній этихъ хищниковъ. Лучше

всего вѣшать мѣшокъ съ припасами на какомъ нибудь крутомъ утесѣ. Сила, обнаруживаемая медвѣдями при разореніи такихъ мѣстъ, поразительна. Ограждать подобные склады замерзшимъ пескомъ и водой—лучше, чѣмъ прикрывать ихъ самыми тяжелыми камнями, потому что медвѣдь притупляетъ себѣ такимъ образомъ когти. Во время одной изъ нашихъ санныхъ поѣздокъ, медвѣди сожрали не только стеариновыя свѣчи, но и табакъ и каучуковыя бутылки. Опустошая одно складочное мѣсто, основанное еще Кеномъ, они пренебрегли солониной и обнаружили, напротивъ того, особенное пристрастіе къ молотому кофе и парусинѣ. Каучуковые кафтаны показались имъ слишкомъ жесткими—и они только превратили ихъ въ невыразимо твердые комья и обглодали даже флагъ.

Не смотря на многочисленность этихъ животныхъ, ихъ рѣдко встрѣтишь больше трехъ разомъ — обыкновенно это члены одного семейства. Само собою разумѣется, что сперва убиваютъ родителей, потому что лишенная дѣтенышей медвѣдица — опасный противникъ. Если эти послѣдніе ранены, она ставитъ ихъ передъ собою, чтобы защитить ихъ, или же прикрываетъ ихъ своимъ собственнымъ тѣломъ, тогда какъ дѣтеныши не отказываются покушать мяса только-что убитой матери.

Ледяныя поля родины—любимое зрѣлище медвѣдей, съ которымъ они неохотно разстаются. Въ 1869 г. мы были на одномъ китоловномъ судѣ съ такими высокими вантами, что содержавшійся на палубѣ въ клѣткѣ медвѣдь — пойманный въ водѣ гарпуномъ и поднятый на корабль помощію блока — не могъ видѣть изъ-за нихъ плававшія вокругъ корабля льдины. Медвѣдь легко выносилъ заключеніе, такъ какъ его постоянно угощали большими кусками тюленьяго мяса, котораго, благодаря только-что происходившей передъ этимъ охотѣ за тюленями, было вдоволь. Только когда болѣе сильныя движенія корабля позволяли медвѣдю смотрѣть выше вантовъ и видѣть ледъ, онъ начиналъ яростно ревѣть.

23 августа мы видѣли на обратномъ пути послѣднихъ трехъ медвѣдей, сначала въ туманѣ, а потомъ (когда туманъ разсѣялся) такъ отчетливо, какъ будто бы они нарочно подошли къ намъ такъ близко, чтобы проститься съ нами этою живою картиною.

Если имя чудовища примѣнимо къ какому животному, то это конечно къ моржу. Это — громадное созданіе въ двадцать футовъ длины, въ двадцать центнеровъ вѣсу, жирное, обтянутое кожей въ три четверти дюма толщины, съ невыразимо безобразною головою, большими глазами и зубами въ три фута длины (въ томъ же родѣ, что и слоновая кость), которые служатъ ему для того, чтобъ отыскивать себѣ на днѣ моря пищу, преимущественно морскія растенія, и помогаютъ ему, вмѣстѣ съ грудными плавниками, вскарабкиваться на ледяные плоты, служащіе ему мѣстомъ отдыха. Его пасть окружена, вродѣ того какъ у кошекъ, длинными щетинами, толщиною въ штопальную иголку. Прибавьте къ этому такой же истинно-сатанинскій голосъ — порывистые, непередаваемые крики, лай, ревъ, фырканье; все это, повидимому, очень ему нравится, такъ какъ онъ частенько-таки это повторяетъ.

Охота за моржами — опасное предпріятіе, потому что, поднимаясь вверхъ, они въ порывѣ бѣшенства въ состояніи проломить ледъ въ шесть дюймовъ толщиною. Поэтому, если встрѣтишься съ ними на не совсѣмъ прочномъ старомъ льду, необходимо постоянно и какъ можно быстрѣе перемѣнять мѣсто,—такъ какъ моржи, будучи вынуждены въ качествѣ млекопитающихъ животныхъ всплывать, черезъ трещины и отверстія во льду, на поверхность каждые десять минутъ, для того чтобъ перевесть дыханіе, замѣчаютъ направленіе и разстояніе своихъ враговъ и могутъ, вынырнувъ, попасть какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ они видѣли ихъ въ послѣдній разъ—и разбить ледъ въ куски.

Завидѣвъ судно, подобное чудовище поднимается съ удивленіемъ на поверхность воды, тотчасъ же поднимаетъ тревогу, лая безъ умолку, и плыветъ къ нему такъ быстро, какъ только можетъ; его крики привлекаютъ другихъ моржей, будятъ спящихъ, столкновенія съ которыми лодки тщательно избѣгаютъ, — и передъ маленькимъ суденышкомъ является въ скоромъ времени толпа чудовищъ самаго грознаго вида. Очень можетъ быть, что эти животныя дѣйствуютъ такимъ образомъ подъ вліяніемъ одного любопытства,—только форма, посредствомъ которой они выражаютъ это чувство, слишкомъ ужь не ловко выбрана и внушаетъ сильное подозрѣніе, какъ бы они не вздумали опрокинуть лодку, чтобы получше разсмотрѣть ее,—и вотъ приходится приступать къ приготовленіямъ къ битвѣ, тѣмъ болѣе что скоро приходишь къ убѣжденію въ возможности отъ нихъ уйдти даже при самой быстрой греблѣ пятерыхъ сильныхъ гребцовъ.

Ревущая, прыскающая и ныряющая толпа находится еще въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки. Раздаются первые выстрѣлы—и эта минута воспламеняетъ ихъ ярость. Начинается дикая борьба, во время которой одни стараются отогнать этихъ ужасныхъ сфинксовъ ударами топора въ плавники, которыми они грозятъ опрокинуть и разорвать лодку; другіе защищаются копьями, или бьютъ ихъ по чудовищному черепу ремнями, или же наконецъ, пускаютъ въ зіяющую бездну неумолчно ревущей пасти неперевариваемыя пилюли. Воздухъ наполняется дикими криками, сильно взволнованная вода покрывается пѣной; новыя чудовища вдругъ поднимаются наверхъ или же плывутъ къ лодкѣ; другіе, получивъ смертельныя раны, опускаются на дно, окрашивая поверхность воды своею кровью. Угрожающая лодкѣ опасность быть опрокинутой или сильно поврежденной какимъ нибудь моржемъ, хватающимся зубами за ея ванты, можетъ быть иногда отвращена только умерщвленіемъ предводителя этихъ столь же храбрыхъ, какъ и настойчивыхъ животныхъ. Въ такихъ случаяхъ выстрѣлъ въ пасть—единственно-дѣйствительное средство, потому что, за исключеніемъ глазныхъ впадинъ, выстрѣлы въ голову остаются безъ всякаго дѣйствія, да и наносимыя тѣлу раны тоже не особенно дѣйствительны.

Эскимосу тюлени и моржи служатъ для всевозможнаго употребленія. Онъ рѣжетъ изъ ихъ кожъ ремни, дѣлаетъ себѣ платье, мастеритъ лодку, обтягиваетъ этими кожами полъ и стѣны своей снѣжной хижины. На нашихъ рисункахъ изображена эта лодка и внутренность такой хижины. Кости этихъ животныхъ служатъ ему орудіями, матеріаломъ для приготовленія саней и оружія; ихъ жиръ — топливомъ; ихъ мясо — пищею; словомъ, существованіе эскимоса безъ этихъ животныхъ просто немыслимо. Немалымъ подспорьемъ ему служатъ и собаки, замѣняющія здѣсь лошадей—и гораздо выгоднѣйшія ихъ въ томъ отношеніи, что находятъ путь по чутью и не требуютъ почти ничего для прокормленія. На рисункѣ изображенъ обыкновенный способъ ѣзды въ Гренландіи.

(Окончаніе будетъ).

Вопросъ о школьныхъ скамьяхъ.

Поразительное распространенiе близорукости въ средѣ нашей учащейся молодежи и не менѣе часто встрѣчающееся искривленiе позвоночнаго столба, которое въ просторѣчiи зовется сутуловатостью, — вотъ два зла, проистекающiя, по основательному мнѣнiю врачей, отъ дурнаго устройства общеупотребительныхъ школьныхъ скамей. И вотъ, съ нѣкотораго времени, возникъ вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной формѣ скамьи и учебнаго стола.

Врачи и педагоги, правительство и общество въ Германiи серiозно взялись за дѣло, возникла спецiальная литература обсуждавшая эту тему, столь важную для будущихъ поколѣнiй, наряжены были особыя коммиссiи — и наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ введены скамьи опредѣленнаго образца.

Вслѣдствiе неправильнаго устройства стола и скамьи (парты) во многихъ школахъ, ученики принуждены слишкомъ близко наклоняться къ рукописи или книгѣ, вытягивая шею. Мальчики подпираютъ себѣ верхнюю часть тѣла, кладя локти на столъ, при чемъ голова и грудь опускаются, а плечи поднимаются кверху. Отсюда и развиваются различные недостатки тѣла, находящагося въ перiодѣ роста: близорукость, нарушенiе правильности кровообращенiя, дыханiя и пищеваренiя. Изъ людей, оказавшихъ услугу этой отрасли гигiены, назовемъ Гильома, Баллара, Фарнера, Шребера, Кона, Фалька, Бухнера, Германа, Фрея, Вирхова, Шобера, Бока, Кунце, Флинцера и Шильдбаха. Д-ръ Фарнеръ въ Цюрихѣ первый призналъ, что главная причина неправильнаго положенiя тѣла при ученическихъ занятiяхъ—заключается въ горизонтальномъ устройствѣ стола и лавки.

Всякому сидѣвшему на школьной скамьѣ извѣстно, что между столомъ и лавкою остается нѣкоторое пространство. Этотъ-то промежутокъ, называемый у Фарнера *дистанцiей*, и есть главное препятствiе къ надлежащему положенiю тѣла при писанiи. Когда дитя пишетъ не на близко-придвинутомъ столѣ—оно необходимо должно наклоняться впередъ, чтобы глазъ его видѣлъ бумагу подъ острымъ угломъ.

Скоро всѣ согласились въ томъ, что *дистанцiя* должна быть уничтожена или превращена въ одну изъ противуположныхъ ей частей. Въ первомъ случаѣ отвѣсъ (снуръ съ гирькой) долженъ одновременно касаться внутренняго края стола и передняго скамьи, во второмъ—передній край лавки долженъ заходить нѣсколько подъ край стола.

Но какъ рѣдкiй предметъ вызываетъ единодушное отношенiе къ нему, такъ случилось и на этотъ разъ. То что нравилось врачамъ — приходилось не по вкусу педагогамъ. Послѣднiе утверждали, что дѣти непремѣнно должны вставать—при входѣ учителя, на молитву, при отвѣчанiи уроковъ и т. д. Технику предстояла задача удовлетворить одновременно требованiямъ обѣихъ сторонъ: врачей и наставниковъ.

До сихъ поръ это достигалось тремя системами. Эрнстъ Кунце въ Хемницѣ устроилъ предписанную д-ромъ Шильдбахомъ, изъ Лейпцига, школьную скамью съ выдвижнымъ откоснымъ столомъ, дозволяющимъ писать не сгибая спины и свободно привставать съ мѣста. Вторая система оффицiально введена была въ Регенсбургѣ въ 1871 году; при этой системѣ отодвигается самое сидѣнiе. Наконецъ, д-ръ Бухнеръ изобрѣлъ третью систему; по его плану, парты должны быть только двумѣстныя съ проходомъ между ними, такъ, чтобы при вызовѣ ученика, онъ могъ вставать съ лавки — вправо или влѣво.

Спрашивается: которая же изъ этихъ системъ наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли? Множество безпристрастныхъ педагоговъ, имѣвшихъ случай изучить дѣло на опытѣ, высказались въ томъ смыслѣ, что бухнерова двумѣстная скамья во многихъ отношенiяхъ (преимущественно, за недостаткомъ помѣщенiя въ многолюдныхъ классахъ) оказалась непрактичною, и что скамья Кунце съ выдвижнымъ откосомъ стола гораздо предпочтительнѣе.

Слѣдовательно, остается выбрать между этой скамьею и регенсбургской системой. Когда мы, взрослые, садимся за письменный столъ, то невольно придвигаемъ нѣсколько стулъ—такъ чтобы полость живота приходилась какъ можно ближе къ краю стола. Это правильное положенiе тѣла у дѣтей достигается только при помощи одной изъ вышеупомянутыхъ двухъ системъ. Но скамья съ подвижнымъ сидѣньемъ уже нѣсколько разъ была испробована и найдена непрактичною, — тогда какъ скамья Кунце съ подвижнымъ откосомъ стола, по свидѣтельству многихъ педагоговъ, оказались настолько удобною, что введена во многихъ городахъ Германiи, Хемницѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, и даже въ Голландiи.

Послѣ выдвижнаго откоса стола и сидѣнья скамьи, особенно заботливо устроена ея спинка. У ребенка, сидящаго въ теченiи нѣсколькихъ часовъ выпрямившись и не прислоняясь спиной, напрягаются мускулы икръ и спины — и слѣдствiемъ этого является усталость. Цюрихскiй анатомъ Германъ Мейеръ, разсматривая механизмъ сидѣнья, вывелъ научное доказательство того, что изъ двухъ употребляемыхъ въ школьныхъ скамьяхъ спинокъ, высокой и низкой (крестцовой), слѣдуетъ отдать безусловное предпочтенiе послѣдней, — и это-то устройство спинки находится въ скамьѣ Кунце.

Далѣе, при устройствѣ школьной скамьи, относительно ея размѣровъ, слѣдуетъ взять во вниманiе самый ростъ учениковъ. Многочисленными измѣренiями дѣтей различнаго возраста—найдено опредѣленное отношенiе между высотой скамьи и стола для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Затѣмъ, по разстоянiю локтей сидящаго ученика отъ сидѣнья—опредѣляется надлежащее отношенiе высоты задняго края стола къ наклону доски. Отсылая читателей, желающихъ подробнѣе познакомиться съ этими вычисленiями, къ превосходной книгѣ Шильдбаха, мы перейдемъ къ дальнѣйшему описанiю системы Кунце.

Общiй видъ стола отличается простотой. Доска его устроена отлогимъ откосомъ. Чернильницы не замѣтно, видна лишь гладкая наклонная плоскость. Только то бросается въ глаза, что столъ состоитъ не изъ одной доски, а изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ по числу сидящихъ за нимъ учениковъ. Эти доски близко соприкасаются (на рисункѣ *а*). Заднiй край доски снабженъ планочкою *(а')* отъ 10 до 12 центиметровъ длины, чтобы книги, карандаши и т. п. мелкiя вещи не соскальзывали со стола. Между столомъ и скамьей остается нѣкоторое пространство, позволяющее ученику двигаться вбокъ и даже привставать, хотя и не совсѣмъ выправляя колѣна. Когда же онъ усѣлся писать, то берется правой рукой подъ край доски, оттягиваетъ влѣво устроенный близь праваго края деревянный засовъ *(б)*, и придвигаетъ къ себѣ доску стола, которая такимъ образомъ выдается краемъ надъ лавкою, и будучи укрѣплена въ этомъ положенiи засовомъ,

служитъ удобнымъ пюпитромъ. При сдвиганіи доски, на переднемъ краю стола открывается углубленное пространство (В); въ немъ справа помѣщается чернильница (*г*), остальное мѣсто назначается для перьевъ и т. п. Съ боковъ оно ограничено планочками *д*, а спереди и сзади болѣе широкими *е* и *ж*, которыя скошены подобно доскѣ стола. Передняя изъ этихъ планочекъ (*ж*) прикрѣплена скруглена, а сзади выдолблена — и это послѣднее углубленіе непрерывною кривою линіею переходитъ въ спинку скамьи. Для каждаго ученика—отдѣльная спинка, клинообразно спускающаяся внизъ къ сидѣнью. Столы и скамьи соединены между собою боковыми стѣнками (*п* и *у*), скрѣпленными толстыми балками (*х*), на которыхъ покоится подножная доска (*ф*).

Софійскій соборъ въ Новгородѣ. Рис. Ал. де Баръ, грав. Саржанъ.

къ отвѣсной стѣнкѣ стола (*з*); задняя (*е*) прикрѣпляется къ горизонтальной дощечкѣ (*и*). Углубленіе для чернильницы вырѣзано въ этой дощечкѣ, поддерживающей дно ея планочкою *і*. Откосныя планки (*к*) позволяютъ сдвигать и закрѣплять (*л*, *м*) доску стола. Задержка *н* препятствуетъ дальнѣйшему сдвиганію доски. Нѣсколько приподнятая къ переди полочка для книгъ (*о*) подъ столомъ—длиною 12 центиментровъ. Боковыя стѣнки стола (*п*) назади вырѣзаны, такъ же какъ и *р*.

Верхняя плоскость скамьи (*с*) должна быть спереди

Можно смѣло надѣяться, что со введеніемъ этой новой системы устранятся два наизлѣйшія послѣдствія старой: близорукость и искривленіе позвоночнаго столба,—такъ какъ бреславскій окулистъ Конъ, нашелъ, что въ старшихъ классахъ всегда больше близорукихъ, чѣмъ въ младшихъ (до 55°); а берлинскій ортопедъ Эйленбургъ доказалъ, что изъ 300 случаевъ искривленія позвоночнаго столба, въ 267 (т. е. 90°) недостатокъ этотъ развился въ теченіи школьнаго періода (отъ 6 до 14 лѣтъ).

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

Восемь вѣковъ уже существуетъ первопрестольный храмъ въ древнемъ Новгородѣ—и чего не перенесъ онъ въ эти долгіе годы искуса, избороздившіе наружныя стѣны святилища безчисленными шрамами и царапинами! Неразъ падали утлыя его стѣны и замѣнялись новыми, для укрѣпленія которыхъ, не надѣясь на прочность сооруженія, наивные строители выводили массивные контрфорсы. Благодаря имъ, да пристройкамъ, первоначальныя формы храма теперь уже трудно и представить себѣ иначе, какъ на планѣ. Такъ что теперь новгородскій Софійскій соборъ—памятникъ очень любопытный для изученія и изслѣдованія—далеко не пригоденъ для заключеній о характерѣ и стилѣ византійской архитектуры, современной первоначальному его возведенію.

На мѣстѣ кумира Перунова поставлена, первымъ епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ, церковь Св. Іоакима и Анны (989 г.), въ сѣверной части новгородскаго кремля дѣтинца, первоначальнаго мѣста народныхъ собраній и старой божницы, зарождавшейся славянской республики на Волховѣ. Спустя же 56 лѣтъ, близъ Якимовской церкви, сынъ великаго князя Ярослава I заложилъ и первый каменный храмъ Св. Софіи (1045 г.), вызвавъ храмоздателей изъ Византіи. Семь лѣтъ продолжалось сооруженіе—и преемникъ Іоакима, епископъ Лука (Жидята) 14 сентября 1052 г. освятилъ новую церковь «вельми красну и превелику», по словамъ лѣтописи. Спустя же три недѣли, 4 октября, скончался князь Владиміръ Ярославичъ—храмоздатель—и погребенъ въ св. Софіи.

Народная фантазія съ сооруженіемъ этого храма слила много легендъ—и теперь повторяемыхъ устами благочестивыхъ чтителей святыни, ради занесенія ихъ въ лѣтописи. Извѣстно, что по обычаямъ православной Византіи, въ главномъ куполѣ, въ срединѣ свода изображался обыкновенно *Спаситель съ раскрытымъ Евангеліемъ и благословляющею рукою*. Въ Софійскомъ же куполѣ рука у Христа написана сжатою—и будто поводомъ къ этому, какъ гласитъ лѣтопись, былъ голосъ повелѣвшій живописцамъ не трудиться переписывать руки на благословляющую: — «Писаріе, писаріе, вѣщалъ таинственный голосъ,—не пишите Мя благословящею рукою, а напишите Мя со сжатою рукою; въ сей бо руцѣ моей Азъ Новградъ держу—и егда рука распрострется, будетъ граду сему скончаніе». (3-я новгород. лѣтоп. подъ год. 6553—1045). Намъ самимъ случалось слышать вѣщанія богомолокъ, будто-бы усматривавшихъ распущеніе перстовъ руки въ наше время, тогда какъ стѣнопись оставалась, разумѣется, въ прежнемъ положеніи. Не привязываясь къ запискѣ голоса въ лѣтопись подъ такимъ годомъ, когда стѣны еще не были подняты на достаточную высоту и не могло еще рѣчи быть объ украшеніи храма стѣннымъ письмомъ,—можно чудный голосъ объяснить и просто внутреннимъ побужденіемъ мастера иностранца, которымъ онъ старался объяснить поводъ, почему отступлено имъ отъ обычнаго мотива. А затѣмъ, безусловная вѣра въ возможность подобныхъ гласовъ и сверхъестественныхъ видѣній—только утверждала и чуть не канонизировала мнимую подлинность точной передачи факта въ этой формѣ.

Воображеніе было уже безъ того сильно настроено къ чудесному, самымъ величіемъ и роскошью украшенія Софійскаго собора. Стѣны его первоначально покрыты были сплошь иконнымъ письмомъ; въ алтарѣ сіяла византійская мусія въ орнаментахъ; драгоцѣнный металлъ горѣлъ на окладахъ иконъ и въ пышной утвари; облаченія духовенства, наконецъ, тоже были богаты и цѣнны настолько, что неразъ привлекали тысячныя толпы хищниковъ, издалека приходившихъ съ оружіемъ и,—какъ Всеславъ Полоцкій—вывозившихъ на возахъ драгоцѣнности, награбленныя въ храмѣ. Пожары да эти *вывозы* лишили Софійскій храмъ всей прежней красоты его, оставивъ для нашихъ дней грустную, возбуждающую глубокое сочувствіе, повѣсть его страданій и потерь. Намъ возразятъ, конечно, что послѣ каждой подобной бѣды храмъ Св. Софіи, какъ видно, выходилъ, украшаясь даяніями чтителей. Это, по возможности, конечно, дѣлалось и не одинъ разъ, а обѣдненіе сокровищъ храма шло въ возрастающей прогрессіи: не столько могли дать въ извѣстный періодъ времени, собирая менѣе примѣтно,—сколько похищали разомъ. И теперь, слѣды мозаики остались въ алтарѣ на такихъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе украшеній обусловливаетъ нахожденіе ихъ, если не на цѣлой стѣнѣ, то на большей части ея. Стѣнопись древняя тоже скрыта подъ слоями штукатурки. За всѣми утратами и самое имущество храма заключаетъ еще замѣчательное богатство археологическихъ памятниковъ. Между тѣмъ, само собою, это только обрывки и остатки исчезнувшихъ сокровищъ.

Какъ не назвать послѣ этого Софійскій памятникъ благочестія предковъ—*многострадальнымъ!* Съ этимъ читатели наши сами согласятся, узнавъ его исторію, хотя въ и самомъ бѣгломъ очеркѣ. Протекло всего еще 14 лѣтъ, по освященіи Софійскаго собора, какъ полоцкій князь Всеславъ Брячиславичъ наложилъ на него первый святотатственную руку (1066). Вторгнувшись въ Новгородъ, онъ разграбилъ ризницу храма, увезя съ собою не только утварь, но—паникадила и колокола (см. I лѣтоп. Новгор. подъ год., 6574—5.). Въ 1340 году сгорѣлъ Софійскій соборъ, вмѣстѣ съ домомъ владыки, — и такъ быстро, что не успѣли вынести даже мѣстныхъ иконъ (см. лѣт. I—IV. поду год. 6848).

Не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ это время испорчены, если не погибли безвозвратно: двухвѣковая стѣнопись, выполненная въ 1108 г., на сумму оставленную по завѣщанію святителя Никиты,—живопись въ притворахъ, совершонная въ 1144 году, и иконостасъ (кивотъ), построенный въ 1151 году. Преосвященный Василій, въ годъ слѣдующій за пожаромъ (1341), успѣлъ устроить иконостасъ и росписать храмъ внутри, но искусство церковное, можно положительно сказать, стояло въ это время безконечно ниже, чѣмъ въ эпоху ближайшую къ сооруженію храма; такъ что съ искусствомъ предшественниковъ, мастеровъ XI и XII вѣка, трудъ людей XIV вѣка ни въ какомъ отношеніи не могъ равняться. То была пора полнаго помраченія свѣта искусства. То, что могло быть тогда менѣе цѣннымъ (конечно не по матеріальной своей стоимости), а именно металлическія двери, золоченыя, сдѣланныя въ 1336 году, изъ пожара вынесены невредимо—и это счастливое событіе выставляется лѣтописцемъ въ такомъ свѣтѣ, какъ бы фактъ самый важный. Можно судить, поэтому, какъ низко вообще стояло образованіе, или пониманіе подлинной красоты и величія художественнаго. Трудно же давать, при такомъ положеніи дѣла, особый вѣсъ словамъ лѣтописца, или входить въ его интересы при дальнѣйшемъ изложеніи

судебъ храма, еще разъ горѣвшаго въ 1368 году, и опять съ архіерейскимъ домомъ. Пожарныя истребленія до того бывали часты въ это время, что въ продолженіе 14 лѣтъ (1393—1407 г.) три раза посѣщали эти бѣдствія Софійскій храмъ, испепеливъ въ немъ все, что могло сдѣлаться жертвою пламени. Сперва сгорѣла глава съ крестомъ, затѣмъ обгорѣлъ верхъ собора (1394 г.), наконецъ, охвачено огнемъ и все зданіе (1407). Какимъ вышло оно послѣ трехъ передрягъ такого рода,—можно легко представить себѣ, опредѣливъ недостатокъ въ хорошихъ техникахъ, непремѣнное ухудшеніе самыхъ матеріаловъ и спѣшность задѣлки поврежденій, чтобы какъ нибудь открыть для богослуженія первопрестольный храмъ Новгорода.

Лѣтописи оставили намъ указаніе, что первоначальныя стѣны Софійскаго собора стояли неприкосновенно всего одинъ вѣкъ, до снабженія ихъ наростами и полипами, исказившими художественное произведеніе, до непризнанія въ немъ ничего изящнаго,—съ трехъ сторонъ, кромѣ алтарной. Первою пристройкою къ собору, слѣдуетъ, кажется, считать Мартиріевскую паперть, или притворъ съ южной стороны (1180), гдѣ погребенъ самъ святитель (1199 г.). Паперть Мартирія прилегала къ придѣлу Рождества Богородицы, отъ котораго отдѣляли ее, позлащенныя когда-то, Сигтунскія (корсуньскія) двери. Южная пристройка паперти выступила отъ первоначальныхъ стѣнъ, на 1 сажень и $1^1/_2$ вершка. Съ сѣверной же стороны собора пристройка придѣловъ *Іоанна Богослова* и *Усѣкновенія предтечи*, отошла отъ стѣнъ на 2 сажени и $2^3/_4$ верш. Сверхъ того, устроены *полати* (хоры) и, для всхода на нихъ къ югозападному углу собора пристроена круглая лѣстница, съ продолженіемъ ея до самаго купола. Южная пристройка выступала, какъ замѣчено нами, на неравное разстояніе съ сѣверною; но неравенство это еще болѣе непропорціонально съ западной стороны, гдѣ къ стѣнамъ первоначальнымъ, прибавили разомъ 6 саженъ и 2 аршина, по длинѣ въ три сажени. Черезъ это первоначальный оставъ храма оказался съ низу какъ бы въ ящикѣ, между трехсторонними наростами, поднятыми на 9 сажень отъ почвы. Нечего говорить, что отъ этого потерялъ храмъ снаружи общій эффектъ, который хотѣлъ сообщить своему творенію первый сооружатель—художникъ.

Поэтому, въ наше время обращенія къ изученію строительныхъ памятниковъ, изслѣдователямъ Софійскаго собора остается доступною для работъ ихъ одна алтарная сторона, да и то относительно, а не вполнѣ. И на восточномъ фасѣ зданія выросли низменныя, круговидныя пристройки, по угламъ со сферическими кровлями, да съ южнаго угла придѣлъ Якимовскій, оказывающійся здѣсь съ XVI вѣка.

Прилагаемый намъ видъ Софійскаго собора представляетъ зданіе именно съ этого пункта, съ частью храмовой ограды. Кромѣ пяти соборныхъ куполовъ, видна еще малая глава придѣла трехъ исповѣдниковъ (Гурія, Самона и Авива), приросшая къ главному зданію, съ западной стороны.

Послѣ такихъ нарощеній извнѣ, не трудно представить разнообразіе пошибовъ орнаментаціи на отдѣльныхъ частяхъ, при чемъ только трибуны троечастнаго алтаря напоминаютъ романо-византійское искусство.

Да и то, съ позднѣйшимъ искаженіемъ: проломкою оконныхъ отверстій, гдѣ не слѣдуетъ,—не говоря уже объ отсутствіи симметріи, или равенства размѣровъ этихъ проемовъ, *разнокалиберныхъ* въ полномъ смыслѣ. Безобразіе ихъ особенно поражаетъ при сравненіи правильныхъ аркадъ первоначальныхъ входовъ, соотвѣтственныхъ высотѣ зданія, въ общемъ характерѣ перваго сооруженія. Длина собора тогда была (съ алтаремъ) 10 сажень и ширина почти такая же, при высотѣ въ 18 сажень (до свода); а съ куполомъ—23 сажени. Въ настоящее время, позволимъ себѣ также замѣтить—и форма куполовъ, и росписаніе стѣнъ внутри, очень недавнія, произведенныя въ минувшее царствованіе.

Въ Софійскомъ соборѣ почиваютъ *поверхъ земли* шесть святыхъ: княгиня Анна (Ингигерда), сынъ ея князь Владиміръ Ярославичъ — сооружатель храма, Мстиславъ Ростиславовичъ внукъ Мономаха (скончавшійся 1180 г.), Ѳедоръ Ярославичъ младшій братъ Александра Невскаго (ум. 5 Іюня 1233 г.), да епископы: Никита († 31 янв. 1108 г.) и Іоаннъ († 7 сент. 1186 г.). Да 9 угодниковъ почиваютъ здѣсь *подъ спудомъ*; а именно, святители: Іоакимъ, Лука, Аркадій, Григорій, Мартирій, Антоній, Василій, Симеонъ и Аѳоній митрополитъ. Сверхъ того, погребены, непричтенные церковью къ лику святыхъ, три князя и супруга создателя храма, да 19 святителей новгородскихъ, за время шести вѣковъ (съ 1223—1818 годъ).

Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности указать на былую обрядность, соблюдавшуюся въ Софійскомъ соборѣ, во время самостоятельности Новгорода и даже въ XVII вѣкѣ, когда еще совершались ежегодно отсюда 27 крестныхъ ходовъ по городу. Между тѣмъ, теперь исполняется, только 9 ходовъ.

П—въ.

Смѣсь.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Мексики, возстаніе, произведенное Лозадою въ Тепикѣ, принимаетъ угрожающіе размѣры. Въ манифестѣ своемъ, обращенномъ къ мексиканскому народу, Лозада предлагаетъ учредить правительство на подобіе парижской комуны. Армія его уже завладѣла частью провинцій Ялиско и Гвалайяры. 28 января онъ разбилъ Корону. Хотя генералъ Флоресъ нанесъ чувствительное пораженіе Лозадѣ, но послѣдній на другой же день атаковалъ его и въ свою очередь разбилъ своего противника. Въ Мексикѣ господствуетъ паника. Правительство не знаетъ, что предпринять; торговля и промышленность въ застоѣ.

Въ послѣднихъ нумерахъ иностранныхъ техническихъ и горнопромышленныхъ журналовъ сообщаютъ успокоительныя извѣстія *о каменномъ углѣ*, недостатокъ котораго для будущихъ поколѣній еще недавно озабочивалъ Европу. Изысканія, произведенныя директоромъ геологическаго общества въ Лондонѣ, убѣдили его въ полной несостоятельности опасеній за будущность каменнаго угля, потому что почтенному директору удалось найдти громадные запасы угля подъ слоемъ краснаго песчаника въ пермской формаціи нѣкоторыхъ мѣстностей Англіи. Такъ, въ Сутъ-Стафордширѣ и Шропширѣ лежитъ болѣе 10,000 милліоновъ тоннъ угля на глубинѣ доступной для разработки; ниже варвикширскихъ копей, разрабатывающихся въ настоящее время, находится еще около 1,760 милліоновъ тоннъ угля. Предполагаютъ, что подобныхъ запасовъ безчисленное множество, какъ въ Англіи, такъ и въ континентальныхъ странахъ Европы.

2-й заемъ 1866 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 14-й тиражъ 1-го марта 1873 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го марта 1873 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
176	28	500	4207	20	5000	8486	48	500
226	7	8000	4236	47	500	8765	27	500
238	34	500	4319	8	500	8874	2	500
415	32	500	4527	3	500	8875	28	40000
480	25	500	4550	33	5000	9149	23	500
496	28	500	4615	46	500	9218	36	500
561	15	500	4685	25	500	9319	50	500
997	48	500	4711	41	500	9563	34	500
1129	2	500	4833	37	500	9620	34	500
1235	49	500	4938	36	500	9650	18	500
1241	20	500	5066	19	500	9655	13	500
1339	20	500	5109	30	500	9772	27	500
1344	12	500	5153	50	500	9915	2	500
1366	38	500	5173	38	500	9958	27	500
1395	26	500	5199	40	500	10113	10	500
1403	18	500	5215	18	500	10142	5	500
1403	10	8000	5290	14	500	10209	14	500
1482	38	5000	5314	33	500	10334	7	1000
1482	34	1000	5335	33	500	10383	6	500
1499	25	500	5371	45	500	10454	33	500
1516	29	500	5428	32	500	10494	3	500
1579	2	500	5496	6	500	10513	21	500
1580	6	500	5662	32	1000	10556	31	500
1685	17	500	5695	20	500	10785	12	1000
1717	18	500	5805	43	8000	10908	28	500
1769	40	500	5910	32	500	10940	27	500
1795	3	1000	6112	9	1000	10943	12	500
1832	13	500	6210	46	1000	11113	31	500
1588	24	500	6314	8	500	11132	41	500
1973	8	1000	6500	35	500	11301	19	8000
2030	12	500	6553	19	500	11302	22	500
2078	45	500	6659	31	500	11345	27	500
2166	19	500	6667	31	1000	11350	3	500
2170	42	500	6672	47	500	11398	50	500
2197	5	10000	6764	36	500	11440	12	500
2250	16	500	6845	49	500	11498	10	500
2404	25	500	6848	45	500	11563	9	1000
2469	35	500	6894	10	500	11622	49	5000
2527	10	500	6941	38	500	11640	27	500
2532	15	500	6992	45	500	11647	2	500
2559	26	500	7080	16	500	11747	45	500
2878	21	500	7091	9	500	11750	4	5000
2840	6	500	7095	5	500	11768	12	500
2949	18	500	7250	7	500	11811	32	75000
2987	40	500	7261	38	1000	12000	25	500
3017	44	500	7336	13	500	12094	35	500
3193	19	500	7363	24	500	12105	1	500
3421	7	500	7390	1	500	12147	49	10000
3467	14	500	7391	2	500	12185	6	500
3517	5	500	7445	15	5000	12289	48	500
3519	24	500	7465	45	500	12297	13	500
3681	43	500	7535	3	500	12318	26	500
3708	29	500	7548	12	1000	12611	3	500
3671	29	500	7804	3	1000	12704	25	500
3773	5	5000	7616	22	500	12759	6	500
3782	45	500	7652	30	500	12788	15	8000
3785	21	1000	7717	49	500	12828	7	500
3835	15	500	7806	39	500	12898	34	500
3931	24	500	7867	44	500	12922	26	500
3946	32	500	7875	1	500	12932	4	500
3970	2	500	7888	5	500	12995	32	500
3977	46	500	7993	2	500	13185	34	500
4043	9	500	7997	24	500	13414	6	500
4045	22	500	8125	29	500	13418	32	500
4071	27	1000	8227	9	500	13446	32	500
4093	30	500	8368	13	500	13584	7	500

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
13709	18	1000	15688	38	500	17691	11	1000
13753	44	500	15709	20	200000	17803	30	500
13804	29	500	15749	31	500	17834	23	500
13871	18	500	15819	34	1000	17880	27	500
14050	43	500	15839	28	500	17882	3	500
14110	17	500	15896	9	500	17905	19	500
14150	1	500	15949	29	500	17956	8	500
14362	22	500	15988	41	500	17982	12	500
14391	46	500	15996	24	500	18190	25	500
14502	7	500	16009	14	1000	18205	34	500
14579	24	500	16036	41	500	18220	7	500
14607	6	500	16235	7	500	18254	24	500
14647	44	500	16237	27	500	18363	7	500
14678	13	500	16276	31	500	18381	35	500
14689	48	500	16286	20	500	18526	38	500
14690	2	500	16355	28	500	18682	9	500
14745	7	500	16394	24	500	18880	10	500
14799	13	500	16447	8	500	18922	17	500
14839	3	500	16497	28	500	19017	30	500
14931	38	500	16623	22	500	19021	7	500
14980	1	5000	16629	38	500	19026	15	500
15026	24	500	16779	29	500	19045	4	500
15165	39	500	16846	26	500	19109	6	500
15196	37	500	16891	3	500	19243	36	500
15237	41	500	16931	30	500	19248	49	500
15262	17	500	16932	32	500	19311	26	10000
15283	16	500	17001	42	500	19345	10	500
15300	1	500	17101	40	500	19350	12	500
15325	40	500	17174	28	500	19617	4	500
15393	7	500	17181	40	500	19747	45	25000
15414	3	500	17194	47	500	19809	4	500
15423	43	500	17358	14	500	19850	5	500
15425	20	1000	17611	18	500	19882	6	500
15440	22	500	17678	36	500			

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1873 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 1-го марта 1873 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

152, 156, 479, 681, 872, 1530, 1633, 2009, 2418, 2676, 3171, 3352, 3763, 3935, 4677, 4885, 5415, 5858, 6032, 6033, 6323, 6501, 6775, 7249, 8955, 9352, 9379, 10971, 11325, 11529, 12152, 12293, 12342, 12596, 12671, 12766, 12892, 13524, 13724, 14086, 14334, 15440, 15825, 17053, 17747, 17723, 18121, 19126.

Всего 48 серій, составляющихъ 2,400 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1873 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 9 Марта 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 19 марта 1873 года. **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Каразина.

(Продолженіе).

X.

Чуть не до драки.

Усиліе, которое сдѣлалъ Касаткинъ, для того чтобы написать нѣсколько строкъ коменданту, не прошло ему даромъ; онъ вытянулся и закрылъ глаза; его грудь даже не шевелилась—такъ слабо было дыханіе... Трубаченко подумалъ было, что это смерть. Быстро нагнулся поручикъ къ своему несчастному товарищу, положилъ ему руку сперва на лобъ... лобъ былъ сухой и холодный; тронулъ то мѣсто, гдѣ должно было биться сердце—ничего не слышно.

— Готово, Бабаджакъ, произнесъ не громко Трубаченко.

— Готово такъ готово! угрюмо согласился татаринъ, отвернулся и сталъ пристально разсматривать что-то на концѣ своего сапога. Но кажется этотъ порыжѣлый, растрескавшійся сапогъ, зачиненный чуть не въ десяти мѣстахъ, мало интересовалъ опечаленнаго охотника.

— Смотри, послѣдняя кровь уйдетъ изъ него! сказалъ Гайкула и показалъ на свѣжія красноватыя пятна, проступившія сквозь повязки.

— Перевязать надо, говорилъ Трубаченко,—эй, воды тащи чистой! крикнулъ онъ краснощекой дѣвкѣ (теперь, впрочемъ, вовсе не краснощекой), пугливо, озабоченно метнувшейся исполнять приказаніе поручика.

— Какъ бы хуже не было, если мы его развязывать опять будемъ?.. еслибы такъ какъ нибудь... замялся Бабаджакъ.—Вотъ, помнишь Трифона казака, пока не трогали живъ былъ, а начали перевязывать—онъ...

— Ахъ я дуракъ-дуракъ! эхъ я скотина безмозглая! хлопнулъ себя по лбу Трубаченко.

Бабаджакъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Что ты? произнесъ онъ и даже отодвинулся немного.

— Да какъ же?! не написалъ отъ себя, въ какомъ онъ положеніи. Доктора бы прислали, тарантасъ, либо фуру лазаретную.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? а какъ же мы его въ Чиназъ повеземъ? На рукахъ развѣ донести?—и то правда, на рукахъ ему покойнѣе будетъ. Мы возьмемъ коверъ у Гайкулы и положимъ его между двухъ жердей.

— Да зачѣмъ въ Чиназъ тащить? здѣсь лучше пускай останется,—вотъ Али-Турсукъ пріѣдетъ, онъ лечить его станетъ.

— Да по мнѣ-то пожалуй что лучше; да какъ бы за нимъ не прислали архаровцевъ?! Дѣло вѣдь, во всякомъ случаѣ, уголовное—и его арестуютъ.

— Чего его арестовать?.. онъ развѣ уйдетъ?...

— Положеніе такое. Вотъ гляди, что къ вечеру пріѣдутъ изъ Чиназа. Ну, принесла воды? чистыхъ тряпокъ тащи, какія только есть у тебя—тюрбанъ свой размотай съ головы... Бабаджакъ, развязывай осторожнѣй.

Дѣвка поставила на кошму около раненаго, большое, кожаное ведро съ водою и отошла всторону, вытирая глаза рукавомъ своей синей рубахи. Трубаченко, Гайкула и Бабаджакъ принялись осторожно перевязывать Петра Михайловича. Тотъ лежалъ почти безъ всякихъ признаковъ жизни, даже не застоналъ, когда начали отдирать отъ ранъ присохшія, покрытыя кусками запекшейся крови, тряпки.

Кое-какъ перевязали. Больной все еще находился въ безчувственномъ состояніи. Грустно прошелъ день. Во всемъ аулѣ Гайкулы-бабая царствовала какая-то тоскливая печаль и скука. Всѣ ходили повѣсивши носы; даже красавица-дѣвка не подавала голоса, разъ какъ-то впрочемъ попробовала она затянуть какую-то пѣсню—начала и вдругъ замолчала, такъ это вышло не кстати. Ребятишки—и тѣ не возились и не шумѣли; кучею сидѣли они въ тѣни желомайки и пугливо смотрѣли на длинное вытянутое тѣло Петра Михайловича. Старый Ашикъ—какъ уѣхалъ съ утра, такъ и не возвращался; должно быть знахарь Али-Турсукъ былъ дѣйствитольно далеко.

Къ вечеру, только-только начало садиться солнце и по камышамъ пошли красноватые отблески, а отъ кибитокъ потянулись на востокъ длинныя синеватыя тѣни,—поднялась густая пыль на тропѣ, что вела къ чиназской пристани. Въ этой пыли мелькали бѣлыя шапки, концы казачьихъ винтовокъ, конскія головы; а впереди всѣхъ, обскакавъ приближающуюся группу, какъ стрѣла несся киргизенокъ, который возилъ письмо къ коменданту,—и безпощадно гналъ свою заморенную, изо всей мочи скакавшую лошадь.

— Бѣда! хрипло крикнулъ мальчикъ и почти кубаремъ на всемъ скаку свалился съ коня у кибитки Гайкулы-бабая.

— Что тамъ такое? сердито сказалъ Гайкула, приподнялся и подозрительно смотрѣлъ на пыльное облако.

— За этимъ ѣдутъ, онъ указалъ на Касаткина, — его брать хотятъ отъ насъ... онъ тамъ бѣду сдѣлалъ... его за это убьютъ... говорилъ задыхаясь и захлебываясь киргизенокъ,—я пойду подыму тревогу по ауламъ.

— Дуракъ! улыбнулся Трубаченко.

— Изъ моей кибитки не возьмутъ, мрачно произнесъ Гайкула-бабай и покосился въ тотъ уголъ, гдѣ на рѣшеткѣ висѣла его кривая, туземная сабля (клынчь) въ зеленыхъ кожаныхъ ножнахъ и стоялъ мултукъ фитильный (ружье) на подсошкѣ.

— Чудаки! произнесъ поручикъ, слышавшій все это,—эй, Бабаджакъ, гляди какъ бы косоглазые и вправду какой бѣды не надѣлали.

— Да неужели же его отдавать такъ?... заворчалъ Бабаджакъ.

— Ты что это? удивился Трубаченко,—чай тоже офицеромъ считаешься, порядки знать долженъ.

— Чорта мнѣ въ вашихъ порядкахъ!

— Сбивай аулъ на ноги! тихо сказалъ Гайкула киргизенку.

Тотъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ по кибиткамъ.

— Ну, будетъ исторія! вздохнулъ Трубаченко и сталъ присматриваться къ приближающейся кавалькадѣ:—кого, молъ, это Богъ посылаетъ?

— Э, да это адъютантъ нашъ! ну, съ этимъ, пожалуй, сговоримся какъ нибудь.

Поручикъ пошелъ навстрѣчу къ казакамъ. Онъ хотѣлъ предупредить о возможности столкновенія.

— Гудятъ въ аулахъ, прислушался Бабаджакъ.

Гайкула-бабай вышелъ изъ кибитки. Онъ надѣлъ на себя красный халатъ, обложенный позументомъ, тотъ самый что надѣлъ на него губернàторъ, когда Гайкула представлялся ему въ числѣ представителей Кураминскихъ кочевій. Киргизъ надѣлъ даже медаль жалованную: онъ не забылъ ничего, что бы могло придать ему значеніе во время переговоровъ.. Онъ разсчитывалъ на успѣхъ этихъ переговоровъ и думалъ только въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Гайкула сталъ около раненаго и ждалъ. Старый киргизъ, весь въ красномъ, облитый лучами заходящаго солнца, былъ необыкновенно картиненъ въ эту минуту.

— Совсѣмъ дьяволъ! проворчалъ Бабаджакъ, взглянувъ на Гайкулу-бабая.

— Здорово, братяга,—надѣлали вы тутъ дѣловъ! привѣтствовалъ еще издали адъютантъ, завидѣвъ быстро идущаго ему навстрѣчу Трубаченко.

— Да... оказія!.. развелъ тотъ руками,—постой-ко... къ аулу сразу не ѣзди, мнѣ поговорить съ тобой надо.

— Что тамъ еще? Стой!...

Адъютантъ слѣзъ съ лошади, казаки по его командѣ остановились и тоже начали слѣзать. Такова уже казачья привычка: какъ «стой»—такъ долой съ коня, поразмяться немного.

— Что за дѣло? да на тебѣ лица нѣтъ!

— Вы за Касаткинымъ пріѣхали?

— Да, за нимъ. Онъ этого, какъ бишь его, питерца-то ухлопалъ было—теперь у Чижикова чуть живой лежитъ.

— Ну и этотъ не лучше... Вчера ночью тигръ такъ оттрепалъ, на чистоту; я такъ думаю, что не выживетъ.

— Какъ же мы его повеземъ?

— Да я такъ думаю, что совсѣмъ его трогать не слѣдуетъ. Тутъ еще одна оказія есть... Ты, братъ, осторожнѣе...

— Что за вздоръ! я присланъ чтобъ его арестовать.

— Не трогай, говорю тебѣ.

— А! ну тамъ поглядимъ... Садись!...

Адъютантъ сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ къ кибиткѣ, гдѣ, словно вся огненная, виднѣлась фигура Гайкулы-бабая. Трубаченко пошелъ напрямикъ, туда же.

— Здравствуй, Гайкула! произнесъ адъютантъ, остановивъ свою лошадь у кибитки и слѣзая.

— Будь здоровъ и ты, коли гостемъ пріѣхалъ! мрачно произнесъ Гайкула, въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

— Бѣдняга! протянулъ адъютантъ и нагнулся надъ Петромъ Михайловичемъ.

— Эка, братцы, народу валитъ, со всѣхъ то есть концовъ! говорилъ сзади казакъ-урядникъ, подозрительно поглядывая на всполошившіеся аулы.

— Чего это они? удивился адъютантъ, и вопросительно смотрѣлъ то на Гайкулу, то на Бабаджака, то на Трубаченко. Онъ немного растерялся...

— Я тебя предупреждалъ, что оказія вышла... они тебѣ не хотятъ давать его, шепнулъ ему Трубаченко.

— Что? какъ?.. э!.. что за глупости!... пробормоталъ адъютантъ и подумалъ:—вѣдь дернула же меня нелегкая только десять казаковъ взять! что бы было полъ-сотни?!.. такъ нѣтъ вотъ... Слушай, тамуръ (пріятель), какъ бы это носилки устроить? обратился онъ къ Гайкулѣ.

— Зачѣмъ тебѣ носилки? спросилъ тотъ, а самъ кивнулъ кое-кому изъ киргизовъ.

Тѣ подошли къ Касаткину и сѣли около него, положивъ на виду свои клынчи.

— А вотъ я его хочу въ Чиназъ вести, такъ чтобы покойнѣе было.

— Онъ мой гость и у меня останется—везти въ Чиназъ его не нужно, рѣшительно произнесъ Гайкула.

— Ну, тутъ тебя спрашивать не будутъ: нужно или не нужно. Это лучше тебя знаютъ, вспылилъ адъютантъ.

— Не горячись, а то сглупишь что нибудь такое, что послѣ не расхлѣбаешь, шепталъ ему Трубаченко.

— Слушай ты теперь (Гайкула выступилъ впередъ).— Что онъ сдѣлалъ, за что его брать хотите?

— Человѣка убилъ, вотъ что...

— Что же ему за это будетъ?

— Судить его будутъ... а тамъ...

— Разстрѣляютъ можетъ какъ того солдата, что въ прошломъ году вы разстрѣляли?

— Можетъ и разстрѣляютъ, невпопадъ совралъ адъютантъ.

— Не трогайте его... коли онъ зло сдѣлалъ, его Аллахъ прежде васъ наказалъ. Смотрите, онъ самъ на дорогѣ къ смерти... Роднымъ же убитаго, если они потребуютъ, мы пеню заплатимъ и верблюдами, и лошадьми, и баранами, какъ тамъ захотятъ; всѣмъ кочевьемъ своимъ сложимся и заплатимъ.

— Они говорятъ, заплотятъ за него... лошадей дадутъ, барановъ...: чего же тебѣ еще надо? объяснялъ Бабаджакъ рѣчь Гайкулы, не совсѣмъ хорошо понимавшему по киргизски, адъютанту.

— Это не мое дѣло, я долженъ его привезти—и шабашъ! произнесъ адъютантъ въ отвѣтъ на предложеніе Гайкулы.

— Ну, подожди, мы его вылечимъ—можетъ онъ живъ будетъ, тогда и пріѣдешь за нимъ; а теперь, что вамъ въ немъ толку? лукавилъ Гайкула-бабай, а самъ думалъ:— мы его въ это время туда припрячемъ, что вамъ его и собаками не сыскать.

— Э, да что тутъ вздоръ болтать даромъ! ребята, бери вотъ жерди, подсовывай подъ коверъ!

Казаки тронулись было. Киргизы загудѣли.

— Ну-же!.. горячился адъютантъ.

— Не трогай! важно произнесъ Гайкула,—оставь, иди себѣ съ Богомъ домой, а то дойдетъ до крови.

Молодцоватый урядникъ мигнулъ казакамъ и кинулся къ ковру, на которомъ неподвижно лежалъ Петръ Михайловичъ, все еще въ забытьи, нисколько не подозрѣвавшій какая драма разыгрывается надъ его тѣломъ.

Дюжій киргизъ, весь рябой, со всего размаху ударилъ кулакомъ подскочившаго казака—тотъ упалъ.

— А, бунтъ!... заревѣлъ адъютантъ, — шашки вонъ! руби ихъ мерзавцевъ!...

— Дур-ракъ, братъ, ты совсѣмъ, или пьянъ какъ свинья! крикнулъ на него Трубаченко,—куда лѣзете? али головъ своихъ не жалко? остановилъ онъ сунувшихся было казаковъ.

— Меня убьешь прежде, а потомъ руку на него положишь, спокойно произнесъ Гайкула-бабай и сталъ передъ тѣломъ Касаткина.

Сѣдой старикъ поднялъ тяжелый мултукъ своими трясущимися руками и приложился. Краснощекая дѣвка подбиралась сзади къ адъютанту, сжимая что-то въ своей правой рукѣ...

— Ради самаго Бога, не дѣлай глупостей, убѣждалъ адъютанта Трубаченко,—перебьютъ васъ всѣхъ здѣсь— только тѣмъ и кончится.

— Да какъ же я-то? вѣдь я же долженъ?...

Адъютантъ спохватился, что дѣло зашло уже очень далеко... Онъ оглянулся. Кругомъ, со всѣхъ сторонъ видны были скуластыя, озлобленныя лица, торчали пики, въ стиснутыхъ кулакахъ блестѣли кривые ножи... Горсть казаковъ, въ бѣлыхъ парусинныхъ рубахахъ, совершенно терялась въ этой толпѣ.

— Оставь,—ужъ я устрою все какъ слѣдуетъ; ты лучше не суйся. Повѣрь мнѣ, я говорю какъ товарищъ твой.

— Да, пожалуй...

— Онъ его не возметъ! изо всей мочи крикнулъ Трубаченко, и его голосъ едва только покрылъ гулъ и ропотъ собравшейся толпы.

— Хвала Аллаху, что не попустилъ даромъ литься крови человѣческой! произнесъ Гайкула.

Сквозь толпу пробирался Ашикъ-Мулла и тащилъ за рукавъ другаго старика въ полосатомъ халатѣ, пугливо озиравшагося, особенно когда онъ замѣтилъ казачьи рубахи... Это былъ Али-Турсукъ—знахарь, котораго розыскалъ таки старый Ашикъ и привезъ лечить Петра Михайловича.

— Онъ его не возьметъ, повторилъ Трубаченко,—онъ завтра утромъ поѣдетъ въ Чиназъ и скажетъ коменданту, что Касаткинъ больной лежитъ здѣсь — комендантъ вѣдь не зналъ этого... Можетъ-быть ему и простятъ вину его. Богъ милостивъ и избавитъ его отъ всякаго худаго.

Одобрительный ропотъ послышался въ толпѣ.

— Вѣрно ли это? нѣтъ ли тутъ какой нибудь хитрости? подозрительно произнесъ одинъ изъ толпы.

— Моя голова въ томъ порука, сказалъ Трубаченко и провелъ пальцемъ по шеѣ, какъ бы показывая, что могутъ ее отрѣзать у него, если онъ сказалъ неправду.

— Пускай казаки дальше отойдутъ и тамъ вонъ станутъ. Мы имъ туда и сѣна и ячменю принесемъ и плову имъ сваримъ, только бы близко не подходили, говорилъ Гайкула.

— Это можно, это можно сейчасъ, поспѣшилъ согласиться адъютантъ.—Эй, ребята, отойди вонъ туда къ камышамъ; огонекъ разведите... Да полно, ночевать ли мнѣ здѣсь?—я можетъ лучше теперь въ Чиназъ отправлюсь? обратился онъ къ Трубаченко.

Онъ немножко трусилъ, то есть оно и не совсѣмъ немножко, и радъ былъ поскорѣй отойдти отъ ауловъ Гайкулы-бабая.

— Нѣтъ, отчего-же, переночуй; видишь темно со-

всѣмъ стало—опять же и кони притомились; вѣдь вы все рысью гнали.

— Да, поспѣшали таки... А какъ бы чего не вышло?.. ночью-то?

— Что же, и тебѣ что ли порука моя нужна, какъ этимъ? Пожалуй, я готовъ. Вотъ и Бабаджакъ тоже пойдетъ къ тебѣ въ заложники, усмѣхнулся Трубаченко.

— Тебѣ все, братецъ, шутки!

— Да и ты нынче такъ было пошутилъ, что... эхъ, да и говорить не хочется, что бы было!..

— Милости просимъ подъ мою крышу, поклонился Гайкула адъютанту, — коли добрымъ гостемъ будешь, всякій почетъ и пріемъ тебѣ сдѣлаютъ. Эй, бабы, кумысу давай!.. огонь подъ котлы положите живо!...

Гайкула-бабай расходился и началъ хозяйничать; онъ былъ видимо радъ, что дѣло окончилось мирно. Радъ былъ и Трубаченко, улыбался и Бабаджакъ, оскаливъ свои широкіе бѣлые зубы;—радъ былъ и адъютантъ, но скрывалъ свою радость и пытался придать своей физіономіи самое солидное выраженіе.

Казаки разнуздали лошадей, распустили подпруги у сѣделъ и разбили коновязь. Два или три киргиза усердно помогали имъ, натаскали камыша для костровъ и привезли два большихъ турсука съ хорошею родничною водою.

Давно уже сѣло солнце — и даже луна поднялась и освѣтила аулы, всюду горѣли костры, блистало оружіе; группы киргизовъ, не расходясь, толпились у огней—лошади ржали на приколахъ, чуя какъ въ ихъ торбы засыпали ячмень... Женскіе голоса визгливо пѣли какую-то торжественную пѣсню-импровизацію, въ которой описывалось событіе этого дня. Громче всѣхъ раздавался голосъ краснощекой красавицы.

Гайкула распорядился, чтобъ киргизы не расходились и провели ночь у его кибитокъ: онъ боялся немножко казаковъ и подозрѣвалъ ихъ въ желаніи ночью, пользуясь сномъ своихъ противниковъ, овладѣть Касаткинымъ.

Ночная свѣжесть привела немного въ чувство Петра Михайловича, онъ открылъ глаза; но въ этомъ тупомъ взглядѣ, какъ-то странно устремленномъ впередъ, было что-то тяжелое, безотрадное.

— А, ты еще шевелишься... зубы то какіе!.. шепталъ Касаткинъ.

— Тс!... произнесъ Трубаченко и поднялъ палецъ кверху.

— Очнулся? спросилъ адъютантъ и подползъ къ Петру Михайловичу.

— Наташа... больно у тебя когти острые... плечо больно... пароходъ Аралъ... Наташа .. тише!.. лошадь скачетъ... топочетъ... Альфа, назадъ!..

— Бредитъ, прошепталъ адъютантъ и поползъ на свое мѣсто.

На другой день чуть свѣтъ адъютантъ съ казаками уѣхалъ въ Чиназъ. Къ вечеру самъ комендантъ съ докторомъ пріѣхали въ тарантасѣ къ Гайкулѣ въ гости. Пріѣхалъ и маіоръ слѣдователь, — пріѣхалъ и Мартынъ Федоровичъ, только безъ Наташи; она осталась ухаживать за своимъ больнымъ и наотрѣзъ отказалась отъ поѣздки.

Докторъ осмотрѣлъ Петра Михайловича и рѣшилъ, что ему жить осталось не болѣе какъ двое сутокъ. Маіоръ составилъ протоколъ и занесъ въ него докторское заявленіе. Комендантъ заявилъ, что въ виду всего этого «арестъ можетъ быть только такъ для формы больше... нельзя же...» и дозволилъ оставить раненаго въ аулѣ Гайкулы, только съ тѣмъ чтобы тутъ же находились два казака въ видѣ часовыхъ... Хозяинъ аула остался совершенно доволенъ этимъ распоряженіемъ.

Гости провели часа два въ аулѣ, напились кумысу, покормили лошадей и поѣхали обратно въ городокъ. Знахарь Али-Турсукъ принялъ больнаго на свое попеченіе.

Трубаченко видѣлъ, что докторъ произнесъ свой приговоръ и отказался отъ леченія,—и потому допустилъ кочеваго мудреца дѣлать надъ Касаткинымъ все, что ему будетъ угодно.

— Живой будетъ, помни мое слово! говорилъ таинственно Ашикъ.—О, мой тамыръ Али—великій знахарь и свое дѣло знаетъ.

— Посмотримъ, произнесъ Трибаченко,—поставитъ на ноги—подарю ему своего караковаго иноходца—помнишь того, что купилъ въ Джюзакѣ третьяго года?

— Эге, какой ты добрый! сказалъ Али-Турсукъ (онъ слышалъ обѣщаніе Трубаченко), — только мнѣ твоей лоне надо. Понимаешь?

— Что такъ? удивился поручикъ.

Махнулъ рукою въ отвѣтъ Али-Турсукъ и наклонился къ своему паціенту.

(Продолженіе будетъ).

Эчміадзинскій монастырь.

У подножія величественнаго Арарата, который армяне называютъ Святая гора, а персіяне Куги-Нухъ (гора Ноя), въ довольно пространной равнинѣ, окруженный вѣковыми деревьями и зеленью, расположенъ знаменитый и древній Эчміадзинскій монастырь, изображенный на нашемъ рисункѣ.

По армянскому преданію, на горѣ Араратѣ до всемірнаго потопа находился земной рай, и потому Ной долженъ былъ непремѣнно остановиться на ней въ своемъ ковчегѣ, а человѣческій родъ вторично произойти на этомъ пунктѣ.

Основателемъ Эчміадзинскаго монастыря и армянской церкви былъ св. Григорій, просвѣтитель Арменіи, происходившій изъ царскаго рода Арсанидовъ, пришедшій въ Арменію проповѣдовать Евангеліе и своими чудесами обратившій язычниковъ въ христіанство, а также самаго Тиридата Великаго. Съ того времени св. Григорій почитается у народа армянскаго Апостоломъ и есть собственно основатель армянской церкви. Сначала онъ былъ рукоположенъ архіепископомъ, потомъ въ началѣ IV столѣтія, въ бытность свою въ Кесаріи-Кападокіи, возведенъ кападокійскимъ патріархомъ Леонтіемъ въ санъ независимаго патріарха Арменіи. Отъ св. Григорія идетъ достоинство патріарховъ эчміадзинскаго престола и права ихъ въ непрерывномъ порядкѣ чрезъ всѣ столѣтія. Поэтому патріархи до сего времени дорожатъ нетлѣнною рукою св. Григорія, которая — хранится въ Эчміадзинскомъ соборѣ.

Названіе Эчміадзинъ означаетъ сошествіе Единороднаго и дано св. Григоріемъ построенной имъ обители и церкви въ 304 — 307 годахъ. Монастырь находится за высокими стѣнами съ 8-ю башнями, углубленные сводчатые ворота ведутъ на наружный дворъ; въ воротахъ и на этомъ дворѣ помѣщаются разнаго рода лавки, а также

Эчміадзинскій монастырь. Рис. Волковскій, грав. Борамовскій.

восковой заводъ. Вторые ворота ведутъ во внутренній дворъ, посреди котораго стоитъ этотъ древній соборъ. Онъ построенъ изъ мѣстнаго камня красноватаго цвѣта. Одна наружная стѣна и совершенно темный камень, вдѣланный въ одинъ изъ сводовъ церкви, суть еще остатки того времени, когда была первоначальная постройка,—а также подземный рыбный прудъ, находящійся частію подъ церковью. Видно, что соборъ построенъ не разомъ и не въ одномъ стилѣ; но части его возведены въ весьма различныя времена. Постройки эти весьма разнообразныхъ архитектуръ, нѣкоторыя части и укрѣпленія въ древне-византійскомъ, другіе готическомъ, мавританскомъ и ново-италіянскомъ стиляхъ; изъ архитектуры новѣйшаго времени (и то не совсѣмъ) находится красивый памятникъ, около большихъ главныхъ воротъ, одного англичанина Макдональда, бывшаго посланникомъ при персидскомъ дворѣ и умершаго при возвращеніи изъ Персіи чрезъ Эчміадзинъ въ концѣ прошлаго столѣтія. На этомъ памятникѣ сдѣланы надписи: на англійскомъ, персидскомъ и греческомъ языкахъ.

Соборъ — вовсе не колосальныхъ размѣровъ, длина его составляетъ 50, ширина 48, а вышина 35 аршинъ; внутри его—въ архитектурномъ отношеніи господствуетъ болѣе одинъ византійскій стиль; стѣны росписаны по золотому фону въ 1736 году, на нихъ множество надписей. На колокольнѣ находится тибетскій колоколъ съ мистическими тибетскими молитвами. Въ самомъ соборѣ даже и въ свѣтлые дни совершенно темно, отчего онъ много выигриваетъ. Алтарь стоитъ по преданію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во времена язычества былъ жертвенникъ и статуя Артемиды.

Въ соборѣ находятся древнія святыни: Копье, которымъ былъ прободенъ Спаситель, принесенное туда первыми проповѣдниками Евангелія; кусокъ дерева отъ Ноева ковчега, по преданію переданный Ангеломъ св. Іакову во снѣ, и рука св. Григорія, просвятителя Арменіи, въ золотой ракѣ. Тамъ чрезвычайно много богатыхъ ризъ въ золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ; предполагаютъ, что много драгоцѣнностей хранится подъ спудомъ въ кладовыхъ монастыря. Подлѣ главнаго алтаря стоитъ престолъ или кресло, сдѣланное въ стилѣ Renaissance, превосходной работы, присланное въ подарокъ патріарху Іакову папою Инокентіемъ XI въ 1698 году. Прочія строенія кромѣ собора не имѣютъ достоинства въ архитектурномъ отношеніи. Монастырь былъ раззоренъ Шахъ-Абасомъ — и только въ 1629 году совершенно поправленъ въ томъ видѣ, въ какомъ находится до нынѣшняго возобновленія.

Патріаршее помѣщеніе и кельи высшаго духовенства и монаховъ очень скромны; въ первомъ есть лѣтнія комнаты, соединяющіяся съ садомъ въ азіатскомъ вкусѣ, а зимнія отдѣланы на европейскій манеръ. При монастырѣ находятся: синодальное управленіе подъ предсѣдательствомъ патріарха, главное духовное училище, а также типографія и библіотека, въ которой много древнихъ рукописей, чрезвычайно замѣчательныхъ и любопытныхъ. Для богомольцевъ нѣтъ особаго помѣщенія или гостинницы—и они должны, если не имѣютъ знакомыхъ въ монастырѣ, останавливаться въ селеніиВаршападъ, окружающемъ Эчміадзинъ.

Въ настоящее время въ монастырѣ Эчміадзинскомъ, кромѣ самого патріарха, имѣютъ пребываніе шесть архіепископовъ, около десяти архимандритовъ и только шестьдесятъ человѣкъ монашествующихъ.

Эчміадзинъ есть постоянное пребываніе патріарховъ; патріархъ Католикосъ признается главою армянской церкви, онъ одинъ имѣетъ право: освящать мѵро употребляемое при мѵропомазаніи, назначать епископовъ во всѣ армянскія эпархіи, заботиться о дѣлахъ церкви, разрѣшать отступленія отъ церковныхъ правилъ и дозволять печатаніе церковно-служебныхъ и духовныхъ книгъ.

Доходы Эчміадзинскаго монастыря и патріарха состоятъ изъ приношеній богомольцевъ, сборовъ со всѣхъ армянскихъ монастырей и чрезъ три года по приходамъ; изъ имущества, остающагося послѣ смерти архіепископовъ и высшаго духовенства; изъ большихъ суммъ, жертвуемыхъ архіепископами за мѵро и за ихъ посвященіе; и наконецъ, изъ годовыхъ обязательныхъ сборовъ съ шести селеній, принадлежащихъ Эчміадзинскому монастырю, не говоря о щедрыхъ пожертвованіяхъ и подаркахъ, стекающихся отъ армянъ, проживающихъ во всей Европѣ, Азіи и Африкѣ. Изъ этихъ доходовъ эчміадзинскій патріархъ долженъ дѣлать всѣ расходы по своему патріархатству: производить содержаніе духовенства, монашествующихъ, синодальнаго управленія, духовнаго училища и типографіи, поддерживать монастырскія зданія и дѣлать всѣ церковныя расходы.

Служеніе патріарха въ Эчміадзинѣ бываетъ не часто; оно должно быть не иначе, какъ съ шестью архіепископами, архимандритами и множествомъ духовенства. Въ Крещеніе, которое празднуется у армянъ вмѣстѣ съ Рождествомъ, патріархъ съ крестнымъ ходомъ отправляется на Іордань. Процессія эта по истинѣ великолѣпна: все духовенство, въ богатомъ облаченіи, съ святынями собора и хоругвями выступаетъ изъ собора съ крестнымъ ходомъ. Впереди патріарха идетъ низшее духовенство, потомъ архимандриты, епископы и архіепископы; далѣе, подъ богатымъ балдахиномъ шествуетъ патріархъ, въ длинной парчевой ризѣ, съ вакасомъ вокругъ шеи, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями, и въ высокой митрѣ на подобіе католической, отороченной по краямъ брилліантами, имѣя въ рукахъ патріаршій посохъ тоже весь въ каменьяхъ. Передъ балдахиномъ идутъ два протодіакона, одинъ съ большой свѣчой, а другой съ большимъ крестомъ; какъ свѣча, такъ и крестъ перевязаны чернымъ крепомъ (знаки патріаршіе). Балдахинъ сопровождаютъ съ каждой стороны діаконы и иподіаконы, имѣя въ рукахъ рипиды съ ангелами, которые машутъ крыльями и производятъ звонъ маленькими бубенчиками вродѣ колокольчиковъ, висящими на крыльяхъ ангеловъ. Гармоническое ровное музыкальное пѣніе, блестящія отъ солнца ризы, хоругви и несомая святыня, дѣлаютъ шествіе патріарха дѣйствительно торжественнымъ—и даже многіе магометане слѣдуютъ съ уваженіемъ за процессіей.

Въ окрестностяхъ Эчміадзина много древнихъ монастырей и церквей; нѣкоторыя совершенно разрушены, другіе еще сохранились въ цѣлости, но находятся въ запустѣніи,—изъ нихъ замѣчательны:

Монастырь Харь-Вирабъ (глубокій ровъ). При царѣ Тиридатѣ ровъ этотъ былъ мѣстомъ жестокаго наказанія виновныхъ, потому что онъ наполнялся змѣями, скорпіонами и другими ядовитыми животными; въ этотъ-то ровъ былъ брошенъ язычниками по приказанію Тиридата св. Григорій, который молитвами своими былъ сохраненъ невредимымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; на этомъ самомъ мѣстѣ и построенъ монастырь, пришедшій нынѣ въ совершенное разрушеніе.

Монастырь Аркъ-Уры (первонасажденная виноградная лоза) замѣчателенъ тѣмъ, что Мицбинскій архіепископъ св. Іаковъ, какъ говоритъ преданіе Св. Отцовъ, вознамѣ-

рился достигнуть вершины Арарата и посмотрѣть мѣсто, гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ. Принеся Богу усердное моленіе, онъ отправился на вершину — и поднимаясь постепенно, для подкрѣпленія своихъ силъ долженъ былъ отъ усталости отдыхать; по пробужденіи каждый разъ находилъ себя опять внизу или недалеко того мѣста, отъ котораго начиналъ свой путь—и такимъ образомъ трудился три дня; напослѣдокъ во снѣ явился ему Ангелъ Господень, который, давъ ему кусокъ дерева отъ Ноева ковчега, сказалъ, что Богъ, услышавъ его молитву, посылаетъ ему этотъ кусокъ за труды, и что онъ не иначе бы могъ увидѣть желаемое, еслибы опять возвратился въ нѣдра родившей его матери и осмотрѣлъ ея внутренность.

Св. Іаковъ, возставъ отъ сна, нашелъ подлѣ себя кусокъ дерева сѣроватаго цвѣта, костяной твердости и пріятнаго запаха (этотъ кусокъ хранится донынѣ, какъ святыня, въ Эчміадзинскомъ соборѣ), и молилъ Бога, чтобы на память объ этомъ совершилось на мѣстѣ, гдѣ явился ему Ангелъ, чудо, которое бы осталось навсегда,— и вдругъ открылся источникъ ключевой воды, сохранившійся до сего времени. Говорятъ, что вода источника имѣетъ чудесную силу, вокругъ его водятся черныя птицы (дрофы), которыя во время засухи и нападенія саранчи всегда слѣдуютъ въ немаломъ числѣ за водой, которую беретъ духовенство куда бы то ни было. Воду изъ этого источника привозятъ даже въ Тифлисъ вмѣстѣ съ нетлѣнною рукою св. Іакова, во время засухи и нападенія саранчи, когда почти два мѣсяца тамъ не бываетъ дождя—и отъ сильной жары, доходящей до 40°, появляются разныя эпидемическія болѣзни и большая смертность. Это почти всегда случается въ августѣ, мѣсяцѣ и тогда вѣрующіе посылаютъ нарочно въ Эчміадзинъ духовенство, которое и привозитъ воду изъ этого источника. Всю дорогу черныя дрофы будто-бы летятъ за ней наподобіе густаго облака— и гдѣ имъ попадается на поляхъ саранча, поѣдаютъ ее; въ другое время птицъ этихъ нигдѣ не видно. Съ прибытіемъ воды и нетлѣнной руки Іакова, всегда почти появляются тучи и идетъ проливной дождь. Всѣ, какъ православные, такъ католики и грегоріане, съ вѣрою прикладываются къ рукѣ святаго; она ставится въ одной изъ тифлисскихъ церквей и находится въ серебряной вызолоченой ракѣ.

Кегарди Ваккъ (монастырь копья), основанный Тиридатомъ послѣ его крещенія, весь изъ краснаго камня—и хотя еще въ цѣлости, но запущенъ. Въ немъ три необыкновенныя церкви, каждая высѣчена изъ одного камня: одна изъ нихъ, называемая Арзакану, со сводомъ, въ ней ничего нѣтъ придѣланнаго изъ посторонняго вещества; образа высѣчены на стѣнахъ, такъ же, какъ и купель, на приличномъ мѣстѣ, не отдѣляется отъ общаго основанія камня. Свѣтъ въ церковь входитъ изъ отверстія сверху, она обширна, можетъ вмѣщать въ себѣ до 200 человѣкъ; посреди ее находится источникъ, вода въ немъ пріятна, на вкусъ чиста и прохладна.

Наконецъ, развалины монастыря Парьби. Во время отправленія литургія св. Григоріемъ въ церкви этого монастыря, язычники бросили къ ногамъ его у алтаря бѣшеную собаку, говоря ему со смѣхомъ: «Григорій, если твой Богъ великъ и силенъ, пусть вылечитъ эту собаку». Святой молился—и по преданію молитва его была услышана, совершилось чудо, собака выбѣжала изъ церкви совершенно здоровая. Съ тѣхъ поръ всѣ бѣснующіеся и болящіе, приходящіе съ вѣрою въ эту церковь, получаютъ исцѣленіе.

Зима подъ полярнымъ кругомъ.

(Окончаніе).

Арктическая лисица чрезвычайно интересное видоизмѣненіе европейской. Она или бѣлая, или голубоватая, или сѣрая. Ея чрезвычайно нѣжный мѣхъ составляетъ главную статью торговли компаніи Гудзонова залива. Она немногимъ меньше европейской, только хвостъ ея замѣтно короче; ея мясо можно ѣсть только въ случаѣ крайней нужды.

Полярная лисица, за весьма немногими исключеніями, далеко не имѣетъ того лукавства, какимъ славится ея европейская родственница; по крайней мѣрѣ замѣченныя мною въ ней черты свидѣтельствуютъ скорѣе о ея полнѣйшей безхитростности. Такъ напр. зимою мы ловили лисицъ посредствомъ западни, какъ это обыкновенно дѣлается эскимосами. Однажды была вынута изъ западни и положена на землю, повидимому, мертвая лисица. Черезъ нѣсколько времени она однакоже вдругъ вскочила и убѣжала. Лисица — злѣйшій врагъ молодыхъ утокъ, къ которымъ она чувствуетъ большую слабость. Она питается всѣмъ, что ни попадется ей, а зимою и черепокожными животными и другими морскими продуктами, какіе только остаются послѣ прилива на взломанномъ береговомъ льду.

Почти всю зиму и весну держали мы въ трюмѣ нѣсколько лисицъ, въ томъ числѣ и бѣлыхъ. Отъ непосредственнаго сосѣдства съ углемъ, эти послѣднія превратились въ черныхъ; двѣ изъ нихъ умерли отъ туберкулёзной чахотки, какъ это оказалось при вскрытіи труповъ. Одна прекрасная сѣрая лисица была привязана за свое упорство въ каютѣ, другую мы выпустили на волю, а послѣдняя убѣжала изъ клѣтки, которую мы для нее сдѣлали и поставили подлѣ корабля на ледъ. Этотъ побѣгъ, случившійся вслѣдствіе того, что ледяная глыба—на которой стояла клѣтка—растаяла и обрушилась, имѣлъ въ себѣ что-то невыразимо комическое. Лисица, изсохшая до послѣдней степени возможности, начала потягиваться, ея пушистый хвостъ распустился въ видѣ вѣника, она скатилась въ лужу,—наконецъ, вскочила, словно балетный танцоръ, и полная любви къ свободѣ пустилась бѣжать изо всѣхъ ногъ, не удостоивъ корабль ни однимъ взглядомъ.

Европейская лисица не терпитъ близости человѣка; гренландская же, напротивъ того, ищетъ его, потому что надѣется поживиться отъ него. Послѣ удачной охоты она первая выражаетъ ему свое удивленіе и спѣшитъ насладиться вмѣстѣ съ нимъ добычей, сорвать ночью съ саней окорокъ сѣвернаго оленя и подальше утащить его; во время охоты и санныхъ поѣздокъ она слѣдуетъ за нимъ на почтительномъ разстояніи и пользуется его сномъ для открытія, осмотра и грабежа принесенныхъ имъ мѣшковъ съ провіантомъ. Видъ вмерзшаго въ ледъ корабля доставляетъ ей величайшее удовольствіе; вѣдь тутъ всегда бываютъ остатки, которые какъ нельзя больше годятся для нея, и разныя вещи, которыя она легко можетъ стащить. Да, она до такой степени свыкается съ ролей лизоблюда, что часто ею не шутя начинаютъ тяготиться.

Гренландскій сѣверный олень разнится какъ нельзя больше отъ лапланскаго и шпицбергенскаго. Рога у него высокіе, а не лежатъ въ видѣ лопатки, какъ у этого послѣдняго. Онъ высоко несетъ голову и шею, чрезвычайно строенъ и напоминаетъ во всѣхъ отношеніяхъ европейскаго оленя.

Мускусный быкъ (правильнѣе, овцебыкъ) нѣсколько меньше европейскаго и находится въ близкомъ свойствѣ съ тѣмъ видомъ, который водится въ западной Гренландіи и въ арктическомъ архипелагѣ сѣверной Америки. Вопреки своей безвредности, онъ грозенъ съ виду; его черная шерсть длинна и падаетъ внизъ грубыми космами, тѣмъ не менѣе на спинѣ у него такая шерсть, тоньше которой едва ли можно найти. Я ощипалъ шерсть съ трехъ мускусныхъ быковъ, которыхъ мы убили на островѣ Кунъ, для того чтобы бережнѣе перевезти собранныя мною окаменѣлости,—и тщательно срисовалъ самаго статнаго изъ этихъ животныхъ. Замѣчательно, что глаза у нихъ поразительно малы.

Какъ показываетъ само имя, животное это отличается болѣе или менѣе сильнымъ, смотря по возрасту, мускуснымъ запахомъ, которымъ отзывается его мясо; только къ этому запаху обыкновенно легко привыкаютъ, не то что къ запаху ворвани. Впрочемъ, мясо его очень похоже на мясо нашихъ быковъ.

Какъ сѣверный олень, такъ и мускусный быкъ—питаются растительною пищею, поэтому я и скажу нѣсколько словъ о гренландской растительности.

Нигдѣ почти эта растительность не измѣняетъ мѣстнаго колорита, обусловливаемаго горными породами, а развѣ только оттѣняетъ его. Мхи, лишаи, сѣровато-зеленыя травы, лютики, камнеломныя травы (*saxifraga*), и т. п. образуютъ разрозненныя маленькія колоніи между массами вывѣтрившагося камня. Представителями лѣсовъ служатъ здѣсь: березки въ нѣсколько дюймовъ вышины, со стволами немногимъ чѣмъ толще зажигательной спички, столь же маленькіе кусты черники; а больше всего ивы стелящіяся по землѣ и развѣтляющіяся на подобіе корней. Такъ какъ полярный день длится цѣлые мѣсяцы, то большее или меньшее возвышеніе надъ уровнемъ моря не такъ сильно вліяетъ на растительность, какъ въ Европѣ, гдѣ характеръ растительности замѣтно измѣняется при каждой тысячѣ футовъ высоты.

Само собою разумѣется, что эти животныя были чрезвычайно полезны для насъ и что безъ нихъ мы были бы не разъ поставлены въ самое затруднительное положеніе. Къ сожалѣнію, самая удачная изъ нашихъ охотъ происходила незадолго передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Гренландіи. У острова Янъ-Майена мы должны были выбросить слишкомъ тысячу фунтовъ оленьяго и бычачьяго мяса, такъ какъ отъ внезапнаго возвышенія температуры оно испортилось.

Европейскій заяцъ отличается своею безпокойною торопливостью, способностью бѣжать, не отдыхая, цѣлыя мили и трусостью; гренландскій же заяцъ сидитъ, напротивъ того, какъ бы прикованный къ своему мѣсту, какъ бы близко ни проходилъ мимо него охотникъ. Временами вамъ встрѣчаются горныя покатости, покрытыя тамъ и сямъ бѣлыми пятнышками; судя по неподвижности этихъ точекъ, вы думаете, что это снѣжныя хлопья,—ни чуть не бывало — это бѣлые зайцы. Они почти одинаковой величины съ нашими, только ихъ мясо (точно такъ же, какъ и мясо альпійскихъ зайцевъ) не такъ вкусно. Охота за зайцами сопровождается въ Гренландіи самыми смѣшными сценами. Слухъ, а еще болѣе зрѣніе, повидимому, очень слабо развиты у этого животнаго, потому что случается не рѣдко чуть-чуть не наступить на него, или же, встревоженный выстрѣлами или шумомъ шаговъ, онъ поднимается, кружится на мѣстѣ или же стоитъ полчаса въ одномъ и томъ же положеніи. Однажды я стоялъ подлѣ одного зайца, который, испугавшись повторяющихся выстрѣловъ, нѣсколько разъ пускался бѣжать и всякій разъ останавливался послѣ нѣсколькихъ шаговъ. Онъ беззаботно кушалъ мохъ, я вынулъ свой альбомъ и срисовалъ его—и притомъ въ тѣхъ различныхъ положеніяхъ, которыя принимало это животное, когда смѣхъ и разговоры моихъ спутниковъ безпокоили его.

Интересно также и періодическое появленіе множества птицъ, оживляющихъ арктическій міръ на нѣсколько лѣтнихъ недѣль. Это куропатки и вороны, которые остаются тутъ и на зиму, множество пѣвчихъ птицъ, нѣсколько видовъ чаекъ, отличающихся своею прожорливостью, гагары, и пр., но больше всего гаги. Эти послѣднія сидятъ на изрытыхъ отвѣсныхъ скалахъ на подобіе бѣлыхъ точекъ, съ крикомъ летаютъ по воздуху, взаимно вызывая другъ друга на свиданіе, садятся въ кружокъ по краямъ ледяной глыбы, плаваютъ по каналамъ длинными колоннами или плотными группами, или же наконецъ, обучаютъ своихъ дѣтей искуству ходить, плавать и летать, хотя эти послѣднія и не нуждаются въ подобномъ руководствѣ.

Западный берегъ Гренландіи гораздо богаче птицами, чѣмъ восточный; поэтому наша добыча была, сравнительно, не велика. Мясо арктическихъ птицъ, питающихся морскими животными, болѣе или менѣе отзывается ворванью.

Полярное море, кромѣ маленькихъ рыбокъ, оживлено еще множествомъ животныхъ низшаго развитія, служащихъ пищею водянымъ великанамъ: киту, нарвалу, и т. п. Продолжающаяся цѣлыя столѣтія ловля прогнала, однакоже, вышепоименованныхъ млекопитающихъ въ неизвѣданныя еще нами моря; въ одномъ только Баффиновомъ заливѣ ловля эта производится съ большимъ успѣхомъ. Одинъ пойманный китъ покрываетъ издержки предпріятія — и приноситъ большія выгоды, потому что онъ даетъ до шести тысячъ центнеровъ жиру и до тысячи центнеровъ китоваго уса. Ловля этихъ животныхъ извѣстна и безъ насъ; наши сношенія съ ними ограничились выстрѣлами въ двухъ переносныхъ китовъ, плывшихъ очень близко отъ корабля, что, конечно, причинило имъ только скоро-преходящее нездоровье, но за то заставило ихъ яростно нырнуть внизъ,—и многими нарвалами, которыхъ мы ловили, коль скоро они то поднимаясь вверхъ, а то опять опускаясь, буровили на своемъ пути воду, пока наконецъ не являлись на ея поверхности. Видѣли мы и китовъ, которые, пуская вверхъ водяныя дуги, еще издали давали знать о своемъ присутствіи.

Туземцы этихъ странъ, эскимосы, малорослы, но крѣпкаго сложенія, какъ бы нарочно приспособленнаго къ суровому климату ихъ родины, которую они страстно любятъ. Жилища себѣ они наполовину роютъ въ землѣ и надстраиваютъ изъ торфа, подпирая ихъ вмѣсто балокъ китовыми костями, и покрывая землею и мохомъ. Единственное окно, затянутое прозрачными тюленьими кишками, находится въ верхней части крыши. Въ теченіи долгой полярной ночи хижина освѣщается китовымъ жиромъ въ глиняныхъ ночникахъ, и натапливается до того, что хозяева сидятъ почти нагишомъ. Одѣваются они въ шкуры сѣвернаго оленя изъ роговъ котораго дѣлаютъ себѣ наконечники копій и стрѣлъ.

Лодки, подобныя изображенной на рисункѣ въ прошломъ нумерѣ «Нивы», образцы которыхъ можно видѣть въ Царскомъ Селѣ, дѣлаются изъ тюленьей кожи, и будучи непроницаемы для воды (когда человѣкъ займетъ единственное отверстіе ихъ), никогда не тонутъ. Изъ тюленьей же кожи шьются лѣтніе сапоги и куртки. Любимая пища эскимосовъ—тюленье мясо, олени, а лѣтомъ дикіе гуси и прочая птица. Эскимосы живутъ въ многоженствѣ, но рѣдко имѣютъ болѣе двухъ женъ. Народъ этотъ по всему вѣроятію монголо-американскаго происхожденія.

Торжество 50-лѣтняго юбилея П. А. Каратыгина.

Въ четвергъ, 1 марта, праздновался 50-ти-лѣтній юбилей артистической дѣятельности нашего высокодаровитаго комика, писателя для русскаго театра, режиссера и учителя драматическаго искусства, П. А. Каратыгина. Въ лѣтописяхъ русской сцены не встрѣчается такого долгаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, *наслѣдственнаго* служенія ей. Семья Каратыгиныхъ впервые появляется на театральныхъ подмосткахъ въ 1794, въ лицѣ Андрея Васильевича, отца юбиляра, и Александры Дмитріевны, его матери, знаменитой драматической артистки; въ 1820 г. восходитъ новое свѣтило, трагическій талантъ, *петербургскій Мочаловъ*, сынъ ихъ, В. А. Каратыгинъ; вскорѣ къ нему присоединяется его супруга, Александра Михайловна, славная *Колосова;* три года спустя, выступаетъ младшій братъ трагика, Петръ Андреевичъ, достойно завершающій въ наши дни эту артистическую плеяду.

Петръ Андреевичъ родился 1805 года въ Петербургѣ—и десяти лѣтнимъ мальчикомъ вступилъ въ театральное училище, въ число учениковъ воспѣтаго Пушкинымъ балетмейстера Дидло. Но семейныя преданія были слишкомъ обаятельны для того, чтобы остаться безъ вліянія на юношу — и вотъ, съ 1818 года онъ начинаетъ появляться на публичныхъ спектакляхъ въ роляхъ пажей и т. п., а 1-го марта 1823 года выпущенъ изъ театральнаго училища въ драматическую труппу на роли *вторыхъ любовниковъ.* «Въ прежнихъ комедіяхъ», разсказываетъ Петръ Андреевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «по большей части авторы выводили двухъ любовниковъ: одинъ—повѣса, негодяй и вертопрахъ, а другой—нравственный, скромный и благовоспитанный молодой человѣкъ. Первый изъ нихъ обыкновенно тѣшитъ публику и смѣшными фразами, и комическимъ своимъ положеніемъ; а второй, кромѣ скуки, ничего не выжметъ изъ своей роли, за что и получаетъ въ концѣ пьесы обычную награду и, какъ счастливый смертный, соединяется съ своей возлюбленной». Такъ какъ для питомца театральнаго училища служба *въ теченіи 10 лѣтъ обязательна безъ контракта*, то и Петръ Андреевичъ лишь по прошествіи этого срока выбился изъ роли *скромныхъ счастливцовъ* на комическія амплуа — настоящую дорогу, соотвѣтствующую его врожденному юмору и веселому характеру. Съ этихъ поръ собственно и начинается его сознательное служеніе драматическому искусству — и Каратыгинъ становится творцомъ такихъ типическихъ ролей, какъ Загорѣцкій въ «Горе отъ ума», Клейстеръ въ «Булочной», Пауковъ въ «Архиваріусѣ» и т. д. Высокоосмысленная игра и неизмѣнно добросовѣстное отношеніе къ ролямъ, какъ бы ни были второстепенны послѣднія, скоро обратили вниманіе публики—и донынѣ сохранившей полнѣйшее сочувствіе къ старѣйшему изъ теперешнихъ артистовъ, который положительно незамѣнимъ въ большей части своего репертуара.

1823 г. 1873.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.

Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ Ф. Герасимовъ.

Почти одновременно съ поступленіемъ на сцену, Петръ Андреевичъ стяжалъ себѣ и другую, не менѣе почтенную извѣстность — въ качествѣ писателя, автора многихъ оригинальныхъ русскихъ пьесъ и талантливыхъ передѣлокъ съ иностранныхъ языковъ; число всѣхъ ихъ доходитъ до *семидесяти*, причемъ на долю оригинальныхъ выпадаетъ цѣлая треть. Достаточно упомянуть о «Вицмундирѣ», «Булочной», «Запутанномъ дѣлѣ», «Знакомыхъ незнакомцахъ», «Заемныхъ женахъ», «Ножкѣ», которыя и до сихъ поръ служатъ украшеніемъ водевильнаго репертуара.

Что касается педагогической дѣятельности заслуженнаго артиста, то о трудахъ его на этомъ поприщѣ краснорѣчивѣе всякихъ фразъ свидѣтельствуютъ имена двухъ его учениковъ: А. М. Максимова и безсмертнаго Мартынова. Сверхъ того, Петръ Андреевичъ находилъ возмож-

ность удѣлять время для устройства многочисленныхъ спектаклей во всевозможныхъ кружкахъ и семьяхъ Петербурга.

Но если высокоталантливый артистъ неутомимо и всестороннее посвятилъ всѣ свои силы на служенiе дорогому для него искусству, то надо отдать справедливость и обществу, которое съумѣло достойно оцѣнить заслуги почтеннаго юбиляра и почтило день его золотой свадьбы съ русской сценой праздникомъ на славу.

Въ день юбилея, утромъ, квартира Петра Андреевича наполнилась депутацiями отъ собранiя художниковъ, отъ публики, отъ труппъ балетной, оперной и драматической съ В. В. Самойловымъ во главѣ,—не считая многочисленныхъ друзей, знакомыхъ и почитателей его таланта. Въ пять часовъ явилась особая депутацiя съ приглашенiемъ на торжественный обѣдъ, устроенный въ помѣщенiи Собранiя художниковъ,—и въ то же время юбиляръ получилъ отъ директора театровъ Высочайше пожалованную золотую медаль «за отличiе», для ношенiя на андреевской лентѣ на шеѣ.

Зала Собранiя была обращена въ зимнiй садъ, великолѣпно иллюминована и украшена красными щитами въ лавровыхъ вѣнкахъ, съ надписями названiй всѣхъ пьесъ, вышедшихъ изъ подъ пера Каратыгина; такiя же надписи виднѣлись и на драпировкахъ сцены, среди которой въ цвѣтахъ и зелени выдѣлялся исполненный нарочно къ этому дню художникомъ Дылевымъ бюстъ Петра Андреевича. Посрединѣ залы, въ двухъ большихъ шкатулкахъ, помѣщались подарки юбиляру: столовый и чайный серебряные сервизы изящной работы.

Прибывъ въ залу, Петръ Андреевичъ былъ встрѣченъ громкими рукоплесканiями, при звукахъ музыки. За тѣмъ М. И. Семевскiй поднесъ и прочелъ ему адресъ, украшенный превосходной виньеткой Шарлеманя, вкратцѣ резюмирующiй заслуги и личныя качества юбиляра. За обѣденными столами помѣщалось до ста лицъ обоего пола. Подлѣ Петра Андреевича сидѣли: знаменитая его своячениця *А. М. Каратыгина* и дочь его. Во время стола тосты чередовались съ звуками оркестра, подъ управленiемъ г. Вухерпфенига, выполнявшаго разныя, преимущественно русскiя пьесы.

Послѣ тоста, предложеннаго юбиляромъ за здоровье Государя Императора и всего царствующаго дома, когда смолкли крики: ура! и звуки народнаго гимна, М. И. Семевскiй произнесъ рѣчь, въ которой характеризовалъ и подробно развилъ значенiе пятидесятилѣтнихъ трудовъ Каратыгина для русской сцены. Рѣчь эта не разъ прерывалась общими рукоплесканiями, криками: браво! и задушевнымъ смѣхомъ въ то время, когда ораторъ приводилъ дышащiя искрометнымъ юморомъ строки «воспоминанiй юбиляра». «Въ заключенiе» сказалъ М. И. Семевскiй: «отъ имени всѣхъ здѣсь присутствующихъ, вручаю нашей незабвенной, великой артисткѣ, Александровнѣ Михайловнѣ Каратыгиной, этотъ лавровый вѣнокъ и прошу ее украсить имъ нашего глубоко-уважаемаго юбиляра». Когда маститая артистка исполнила просьбу присутствующихъ— и глубоко растроганный Петръ Андреевичъ благодарилъ общество,—артистъ Ѳ. А. Бурдинъ привѣтствовалъ его отъ лица всей драматической труппы въ краткихъ, но чрезвычайно теплыхъ словахъ, которыми заявилъ между прочимъ, что имя Каратыгиныхъ пребудетъ незабвеннымъ въ исторiи русскаго театра, и выразилъ надежду, что почтенный юбиляръ еще долго и долго будетъ украшать общество драматическихъ артистовъ.

На это Петръ Андреевичъ отвѣчалъ тостомъ за здоровье своихъ добрыхъ товарищей и за процвѣтанiе русскаго театра, а И. И. Монаховъ прочелъ слѣдующiй экспромтъ:

Въ день вашей сватьбы золотой
Съ родною нашей русской сценой
Мы пьемъ за вашъ союзъ святой —
Онъ не тревожился измѣной.
А мы, вступивъ со сценой въ бракъ,
Васъ просимъ, чтобъ благословили
Вы молодыхъ прожить съ ней такъ,
Какъ вы полвѣка съ нею жили.

Въ свою очередь режиссеръ нѣмецкой труппы, А. Е. Толлертъ, обратясь къ юбиляру отъ имени нѣмецкихъ товарищей по искусству, просилъ позволенiя привѣтствовать его, который вывелъ на сцену петербургскаго *нѣмца* (Булочная) слѣдующими *нѣмецкими* стихами (которыя мы помѣщаемъ въ русскомъ переводѣ одной изъ родственницъ юбиляра, г-жи Т.....):

Когда въ чертогъ семъ, искусству посвященномъ,
Родная Русь тебя привѣтствiемъ даритъ,
И на челѣ, вѣнкомъ лавровымъ осѣненнымъ,
Звѣзда прекрасная безсмертiя горитъ, —
Дозволь вступить на пиръ благословенный
Твоей съ театромъ сватьбы золотой
И намъ, собратьямъ чужеземной сцены,
И дружески прими привѣтъ нѣмецкiй мой.

* * *

Предъ нами ты стоишь съ достойною наградой,
Нашъ бодрый юбиляръ, артистамъ въ образецъ.
Для родины твоей талантъ твой былъ отрадой,
Но не былъ также чуждъ для нашихъ онъ сердецъ,
Ума и остроты родникъ неистощимый,
Поютъ и хвалятъ всѣ твой безустанный трудъ,
И поколѣнiя, артистъ высоко чтимый,
Ужъ полстолѣтiя вѣнокъ тебѣ плетутъ.

* * *

За постоянное къ высокому стремленье,
За то, что ты всю жизнь прекрасное любилъ,
Искусству русскому за честное служенье,
Которому всегда во всемъ ты вѣренъ былъ,
Прими сей гимнъ, сочувствiемъ внушенный,
Во имя братства, правды и добра;
Позволь и намъ, изъ глубины душевной,
Тебѣ во славу возгласить: ура!

Затѣмъ слѣдовали адресъ балетной труппы, поздравленiе г. Поля-Дево отъ французской труппы, чтенiе многихъ писемъ, привѣтствiй и телеграммъ, присланныхъ на имя юбиляра. Тутъ были присланы поздравленiя отъ санктпетербургскаго губернскаго предводителя дворянства, отъ артистовъ драматической, оперной и балетной труппъ московскихъ театровъ; особыя поздравленiя отъ г-жъ Снѣтковой, Ѳедотовой, Д. М. Леоновой, г. Нильскаго; слѣдующая телеграма г. А. Неваховича изъ Берлина:

Взамѣнъ объятiй и букета,
Вашъ старый другъ, другъ юныхъ лѣтъ,
Въ день торжества артиста и поэта,
Шлетъ электрическiй привѣтъ.

Многочисленные тосты заключились предложенiемъ Петра Андреевича выпить за здоровье всѣхъ лицъ, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ, вспомнившихъ объ немъ въ этотъ дорогой для него праздникъ.

При звукахъ музыки общество перешло въ гостиную и оставалось тамъ до поздняго вечера въ оживленной бесѣдѣ.

Пожелаемъ и мы заслуженному артисту еще многiя лѣта на служенiе нашей сценѣ, далеко не богатой истинными талантами.

Уральские казаки.

Пустынныя и безграничныя степи русскаго юго-востока на отдаленнѣйшихъ окраинахъ своихъ ложатся мертвою глушью всюду, гдѣ только ни установилось наше казачество, колонизировавшее самые малоизвѣстные закоулки приволжскаго и пріуральскаго захолустья, еще въ то время, когда и срединныя части Великаго Княжества Московскаго не отличались особенною густотою населенія. Бросьте взглядъ на эти, поразительныя своимъ величавымъ однообразіемъ, глади. Вотъ онѣ стелятся передъ вами золотистымъ песчанымъ просторомъ или изумрудными безграничными ширями зеленѣющихъ пастбищъ. На горизонтѣ — ни горныхъ цѣпей, ни куполообразныхъ холмовъ. Только туманныя, мягко рисующіяся въ отдаленіи, полосы камыша означаютъ теченія медленно струящихся рѣкъ. Тутъ негдѣ остановиться взгляду. Если нѣтъ по близости казачьей станицы или киргизскаго кочевья, одинокій путникъ только и услышитъ, что хриплый крикъ степнаго орла, рѣющаго въ недосягаемой вышинѣ ослѣпительно сіяющаго неба, да рѣзкій вой степнаго волка. Тишь невозмутимая, вѣющая на душу подавляющимъ чувствомъ одиночества. Вы видите передъ собою—пустыню не знающую плуга, — просторъ, гдѣ голосъ человѣка раздается рѣже, чѣмъ крикъ барса... На всей этой безграничной глади разсѣяно множество соляныхъ озеръ, словно разбросанные щиты сверкающихъ на зелени равнинъ, подъ лучами лѣтняго солнца. Ночью подъ серебристымъ сіяніемъ луны, эти матово бѣлыя глади тихихъ водъ, обрамленныя высокими метлами камыша, могутъ настроить душу на самыя очаровательныя созерцанія. Длинныя, граціозно извивающіяся бити Урала (Яикъ-рѣки), большаго и малаго Узеней и другихъ рѣкъ—привольно ложатся посреди этого, почти еще дѣвственнаго, царства пустыни, образуя тысячи заливныхъ островковъ, покрытыхъ высокою травою, еще болѣе мелей—то кроющихся подъ голубыми струями, то выступающихъ песчанными дугообразными излучинами, сверкающими подъ зарею словно пролитыя массы расплавленнаго золота. Кое-гдѣ—и то весьма рѣдко—попадаются кочевья киргизовъ съ шумными пасущимися вокругъ табунами и стадами и суетливою обстановкою степной жизни. На лучшихъ мѣстахъ этого края, у впаденія Урала въ Каспійское море, у быстрыхъ притоковъ, на хорошихъ промысловыхъ мѣстахъ, тянутся широко и привольно выстроенные поселки — станицы, гдѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ осѣли авантюристы и колонизаторы пустырей земли русской — казаки.

Въ 1574 году донской казакъ Нечай съ своею шайкою, грабившей суда, попадавшіяся имъ на Каспійскомъ морѣ, сильною бурею былъ отброшенъ въ устье р. Урала. Этому флибустьеру понравились дѣвственные берега впервые увидѣнной имъ рѣки съ ихъ привольною ширью, гдѣ было довольно мѣста для разгула бѣшеной натурѣ любаго атамана. Дружина его нашла случайно открытыя мѣста, лучше родного донскаго простора,—и верстахъ въ сорока отъ нынѣшняго Уральска ею было основано здѣсь первое казацкое поселеніе, первый русскій форпостъ, далеко вдвинувшійся въ малоизвѣстный край. Тотчасъ же съ учрежденіемъ станицы началась эпопея грабежей, битвъ, набѣговъ. Казаки, не смотря на свою малочисленность, являлись почти всюду смѣлыми побѣдителями. Такъ, черезъ десять лѣтъ, т. е. въ 1584 г., Нечай, захвативъ татарскій городъ Сарайчикъ и разграбивъ его, кинулся преслѣдовать татаръ до предѣловъ Хивы, гдѣ массы узбековъ подавили казаковъ своею численностью и почти вся рать русскихъ была захвачена въ плѣнъ. Говорятъ, что домой въ родныя станицы изъ этого набѣга вернулось только трое казаковъ, остальные погибли. Ногаи, жившіе вблизи, не разъ обращались въ Москву съ жалобами на казаковъ; но, безсильная относительно своихъ окраинъ, въ то время Москва отказалась отъ вмѣшательства въ дѣло яицкихъ шаекъ, оправдываясь тѣмъ, что послѣднія не считаются будто бы ея подданными. Это время было цвѣтущимъ періодомъ русскаго казачества вообще. Казачество внушало ужасъ азіатскому сѣверу и востоку; на югѣ казаки неразъ уже добирались до Азова и громили крымскую орду.

Сами казаки начали считать себя русскими подданными лишь при первомъ Романовѣ Михаилѣ. Такъ, въ 1614 г. они не обинуясь выдали Заруцкаго съ Маріею Мнишекъ и другими ихъ сторонниками, искавшими убѣжища на Яикѣ, — князю Одоевскому. Въ это же время ими основанъ былъ городокъ Гурьевъ, на устьяхъ Урала. Первымъ же городомъ въ этомъ краю былъ Яицкій-городокъ. Не оставляя борьбы съ окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ кочевниками, они занялись ловлями осетровъ и др. рыбы въ рѣкахъ этой дѣвственной пустыни. Уже Алексѣй Михайловичъ нашелъ необходимымъ положить конецъ удалымъ, полуразбойническимъ набѣгамъ яицкихъ казаковъ. Такъ вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ на нихъ—персидскаго шаха, онъ поселилъ между ними стрѣльцовъ; но это обстоятельство мало помогло дѣлу—и стрѣльцы скоро совершенно слились съ казачествомъ, принявъ разумѣется и всѣ обычаи и замашки послѣдняго. Особенно много стрѣльцовъ было переселено на берега Урала — Петромъ Великимъ, со времени котораго подвиги уральцевъ если и не потеряли своего мужественнаго характера, то направлялись уже не на грабежъ отдаленныхъ ханствъ и Персіи, но лишь на самозащиту. Въ болѣе близкое къ намъ время, уральцы выступаютъ какъ сподвижники Пугачева, который здѣсь нашелъ готовую почву для смутъ всякаго рода. Это впрочемъ такъ общеизвѣстно, что мы не станемъ останавливаться на движеніяхъ яицкаго казачьяго войска, переименованнаго послѣ того въ уральское.

Изъ этого болѣе чѣмъ краткаго очерка — понятны тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ мало по малу слагался видовой характеръ уральскаго казачества. Въ поэтическихъ былинахъ его—прежде всего слышится жизнь полная опасностей, въ нихъ какъ пульсъ бьется жажда подвиговъ и презрѣніе къ смерти. Въ пѣсняхъ ихъ — рельефно выступаетъ любовь къ завоеванному ими краю, любовь къ этимъ луговымъ гладямъ, къ этимъ безпріютнымъ равнинамъ. Прочтите, приводимую хоть Желѣзновымъ, пѣсню про Яикъ рѣку—и васъ поразитъ поэтическое чувство этой горсти смѣлыхъ авантюристовъ, пониманіе тонкихъ и уловимыхъ лишь для чуткаго взгляда прелестей мѣстной природы. Всѣ эти пѣсни льются, какъ степныя рѣки, медленно, покойно; но въ этой медленности, въ этомъ внутреннемъ покоѣ чувствуется самообладаніе, сила, несокрушаемая, никогда не измѣняющая. Понятно, что степной разбойникъ, какъ окрестили уральца его враги, не могъ воспитать въ себѣ чувства безграничнаго уваженія къ женщинѣ. Поэтому послѣдняя здѣсь занимаетъ весьма низкое мѣсто. Рѣдкій казакъ не бьетъ свою жену—и бьетъ по принципу, какъ будто иначе будетъ поколеблена въ самыхъ основаніяхъ его власть, какъ главы семьи. Даже вдовою—женщина какъ мать не занимаетъ въ семьѣ вы-

сокаго мѣста. Старшій сынъ считаетъ себя гораздо выше ея, хотя и оказываетъ ей формальное и чисто условное уваженіе.

Борьба, вѣчная и непримиримая борьба, не дала уральцамъ возможности вглядѣться въ явленія окружающей ихъ природы. Отсюда самое глубокое суевѣріе, самая безграничная вѣра въ духовъ, которые здѣсь являются многочисленнѣйшими, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кромѣ общихъ всему славянству вѣрованій, тутъ есть своя особенная нечисть. Она попадается и въ водѣ, и въ лѣсу, и въ лугахъ—и повсюду вообще, куда только ни забрасываетъ казака его удаль. Все переполнено сверхъестественными силами. На каждомъ шагу уралецъ окруженъ ими. Помянетъ ли онъ чорта—чортъ тутъ какъ тутъ. Возвращается ли онъ пьяный съ пирушки, нечисть чутко сторожитъ его —и бѣда несчастному если онъ одинъ! Въ каждой рѣчкѣ, въ каждомъ омутѣ есть шишиги—умершіе безъ покаянія люди. Живутъ они такъ до суднаго дня—и живутъ, строго говоря, недурно. Ѣдятъ въ волю, пьютъ тоже. Если шишига мужчина, онъ часто появляется въ мірѣ въ видѣ красиваго, ловкаго, богатаго, хорошо одѣтаго парня. Его любятъ на гибель свою дѣвки, потому что каждая отдавшаяся ему—тоже становится шишигой. Точно такъ же и жонки-шишиги получаютъ отъ чорта отпускъ, чтобы, являясь въ міръ, смущать своею красою легковѣрныхъ и слишкомъ уже горячихъ парней. Правда, есть возможность жонку-шишигу опять воротить землѣ. Стоитъ только прочесть надъ ней молитвы, да накинуть на нее крестъ. Только если крестъ этотъ снять съ нее хоть на одну минуту въ теченіи года — она тотчасъ же исчезнетъ — и пиши пропало. Жонки шишиги являются къ своимъ любезнымъ тайкомъ; при этомъ онѣ требуютъ, чтобы на мѣстахъ свиданій не было ни образовъ, ни крестовъ. Любовь ея для парня та же пагуба, потому что мѣсяца въ три онъ изсохнетъ и умретъ отъ ея ласкъ.

Шишиги впрочемъ занимаются не одними любовными похожденіями. Рыболовы уральцы не разъ вмѣсто осетровъ ловили эту нечисть; наловятъ, продадутъ скупщикамъ — осетры какъ осетры. Повезутъ добычу купцы, смотришь—она по дорогѣ и расползется во всѣ стороны, домой только пустые возы придутъ. Коли рыболовъ одинъ, шишига пожалуй и покажется ему изъ воды и потолкуетъ съ нимъ по душѣ. По землѣ шишиги шляются только до колокольнаго звона, котораго они вообще не любятъ. Между ними бываютъ добрые, но попадаются и злые.

Главное занятіе уральскихъ казаковъ—рыболовство. Они преимущественно ловятъ въ Уралѣ осетровъ, составляя для этого правильныя, хорошо организованныя и никѣмъ не эксплуатируемыя партіи. На мѣста лова одновременно съ промышленниками направляются и ловкіе цѣловальники съ боченками неизбѣжной водки. Каждый вечеръ, когда вдоль пустынныхъ и тихихъ береговъ пустынной рѣки, или на какомъ либо изъ небольшихъ, безлюдныхъ островов ея, затеплятся и засверкаютъ костры и въ котлахъ закипитъ вкусная уха,—въ кружкахъ усталыхъ промышленниковъ слышится русская пѣсня, рѣющая словно вольная птица надъ всѣмъ этимъ воднымъ и степнымъ просторомъ. Небольшія байдарки колышутся въ струяхъ рѣки; едва-едва колеблются метелки камыша, ясный мѣсяцъ мечтательно глядитъ съ безоблачнаго, темно-синяго неба, и миріады крупныхъ южныхъ звѣздъ искрятся и лучатся надъ этою заповѣдною глушью... Внезапно издали послышится порою ревъ барса, гдѣ-то словно вспугнутая крикнетъ птица и тотчасъ же зашуршатъ въ воздухѣ тяжелые взмахи крупныхъ крыльевъ... Хорошо грезится и хорошо спится послѣ трудоваго дня подъ монотонные, словно ласкающіе и убаюкиващіе звуки этихъ—мѣрно набѣгающихъ на длинныя отмели берега — струй... Тутъ-то слагаются чудныя былины, отъ которыхъ вѣетъ свѣжею ночною синью и прохладой, широкой, родной рѣкою, однообразнымъ шелестомъ камыша и луговой травы; но порой и въ этихъ былинахъ какъ рѣзкіе крики барса проносятся дикіе грозовые звуки, предупреждая васъ, что въ мирномъ и покойномъ промышленникѣ живетъ еще и понынѣ несокрушимая и буревая мощь стараго колонизатора окраинъ великой земли русской — казацкаго удальца, яицкаго неутомимаго и безпощаднаго богатыря.

Впрочемъ рыбный промыселъ не всегда представляетъ такія идиллическія картины. Иногда (особенно часто это случается весною) водопольемъ несчастную и жалкую байдарку казака отнесетъ внизъ по рѣкѣ—и Господь знаетъ придется ли ей остановиться, или эту ничтожную щепку черезъ одинъ изъ своихъ рукавовъ Уралъ выброситъ въ Каспійское море. Въ прежнее время также часто случалось, что рыбаковъ захватывали киргизы, обращая ихъ затѣмъ въ рабство, или продавая въ Хиву. Рабъ—у нищаго, кочеваго степняка! Ужасъ этого положенія — не можетъ быть сравненъ ни съ чѣмъ. Ему нѣтъ возврата, нѣтъ надежды ни на что лучшее. Тѣ, которые читали очерки даровитаго нашего писателя Каразина, поймутъ безвыходныя условія плѣна, выпадавшаго часто на долю уральцевъ. Часто киргизы ловили казака для исполненія надъ нимъ обряда и обѣта родовой мести. Его зарѣзывали какъ барана, съ соблюденіемъ извѣстныхъ церемоній надъ могилою убитаго имъ въ бою киргиза. Впрочемъ, это еще лучшій исходъ. Годы невольничества, въ грязи, нищетѣ, подъ градомъ неустанныхъ палочныхъ побоевъ, подъ надзоромъ сотни глазъ — это едва ли не хуже смерти.

Кромѣ рыболовства уральцы занимаются также и охотою. Самая любимая охота ихъ—это преслѣдованіе сайгаковъ. Оно требуетъ необыкновенной осторожности, присутствія духа, вѣрности глаза и быстроты. Да наконецъ, слѣдя за стадомъ сайгаковъ, казакъ цѣлые дни долженъ проводить въ своихъ милыхъ степяхъ, лицомъ къ лицу съ подстерегающей его на каждомъ шагу опасностью. Тутъ онъ перерождается, напоминая собою типы, очерченные Куперомъ въ его романахъ изъ жизни американскихъ дикарей. Подкрадываться къ сайгаку нужно съ соблюденіемъ самыхъ тонкихъ предосторожностей. Сайгакъ чутокъ и довольно одного шороха, чтобы стадо ихъ стремглавъ летѣло куда нибудь вдаль, гдѣ ужъ его не нагнать ни на какихъ лошадяхъ. Часто казаки на этой охотѣ обвертываютъ себя травою, вѣтвями или накрываются шкурою сайгака. По вѣтру послѣдній тоже хорошо чувствуетъ близость человѣка — и съ этой стороны подобраться къ нему невозможно.

Понятно, что такая жизнь не можетъ дать особеннаго простора грамотности въ населеніи удалыхъ промышленниковъ и охотниковъ. Дѣйствительно, между уральскими казаками еще весьма мало знающихъ даже читать. Молодежь уральская или отправляется на рыбныя ловли, или же, оставаясь дома, занимается воинственными играми. Большая часть послѣднихъ, разумѣется, воспроизводятъ набѣги. Половина мальчиковъ представляетъ шайку барантачей киргизовъ, другая — русскихъ. Тутъ уже дѣти пріучаются къ тѣмъ боевымъ хитростямъ, которыя имъ потомъ приходится примѣнять къ дѣлу съ такимъ успѣхомъ и отвагой...

При этомъ нельзя не пожалѣть, что многіе высказы-

ваются противъ существованія казачества въ наше время. Это учрежденіе еще не отжило своего вѣка. Послѣднія войны наши съ средне-азіатскими ханствами, какъ нельзя лучше, доказали справедливость такого замѣчанія — и уральцамъ предстоитъ еще немало дѣла на нашихъ окраинахъ—и въ поступательномъ движеніи Россіи на востокъ уральцы играютъ не маловажную роль.

томъ противу вторженія въ наши предѣлы полудикихъ кочевниковъ. Тутъ же находили просторъ для своей дѣятельности тѣ широкія, непримирившіяся съ регламентаціей московскихъ собирателей Руси и первыхъ Романовыхъ, силы, которыя, оставаясь въ центрахъ, могли бы помѣшать объединенію велико-россійскаго племени — объединенію хотя и созданному въ чаду пожаровъ, пытокъ и насилій,

Уральскіе казаки. Рис. Віола, грав. Саржанъ.

Таковы нѣкоторыя, бытовыя черты этого уголка нашего отечества, заброшеннаго въ неисходную глушь, — горсть рѣчныхъ пиратовъ долго была надежнымъ оплотомъ... но представляющему неизбѣжное и высоко осмысленное историческое явленіе.

В. Н. Д.

Библіографія.

Практическая логика. (Преимущественно для учителей). Сочиненіе д-ра Фридриха Динтеса, директора учительской семинаріи въ Вѣнѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. Запольскій. Спб. 1873 г. Было время, когда преподаваніе логики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ считалось необходимымъ, и она входила въ число предметовъ гимназическаго курса. Затѣмъ, вслѣдствіе ли неудачи въ самомъ преподаваніи этой науки или по какимъ нибудь другимъ причинамъ, но предметъ этотъ былъ исключенъ изъ курса нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, потерявъ такимъ образомъ вся-

кое образовательное значеніе для учащагося юношества. Даже въ средѣ педагоговъ того времени совершилась перемѣна во взглядахъ на этотъ предметъ: на него стали вдругъ смотрѣть какъ на безконечный рядъ схоластическихъ упражненій, безплодныхъ по содержанію, скучныхъ по формѣ—и во всякомъ случаѣ крайне томительныхъ и отвлеченныхъ. Имъ ставилось въ упрекъ даже ихъ точность и послѣдовательность. Къ счастію, взглядъ этотъ, съ теченіемъ времени, сталъ находить все меньшее и меньшее число сторонниковъ,—такъ что, наконецъ, теперь его не рѣшаются высказывать открыто. Ясное дѣло, что въ схоластичности, сухости и излишней отвлеченности логики виновата была не сама наука, а ея жрецы—и въ особенности тѣ, на долю которыхъ выпало преподаваніе ея въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Живая, практическая сторона науки о мышленіи, при неудовлетворительномъ преподаваніи, ускользала изъ виду, а на мѣсто ея выступали слабыя стороны и недостатки, отъ которыхъ, впрочемъ, никакая наука не можетъ быть застрахована. Главнымъ недостаткомъ преподаванія логики было слишкомъ уединенное положеніе ея между остальными предметами гимназическаго курса—вслѣдствіе чего она лишена была органической связи съ реальными науками, доставляющими ей главный матеріалъ, не устанавливала въ мышленіи хорошихъ привычекъ и если способствовала систематизированію знаній, то въ очень слабой степени. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ недостатковъ—теперь, когда преподаваніе логики снова вводится въ курсъ нашихъ гимназій, — необходимо поставить этотъ предметъ на ту практическую почву, которой держатся лучшіе изъ современныхъ педагоговъ-мыслителей. Для этого, всякій отвлеченный законъ мышленія не слѣдуетъ давать учащимся готовымъ, а нужно стараться довести ихъ до того, чтобы они *самостоятельно* вывели его изъ массы предоставленнаго въ ихъ распоряженіе матеріала. Такой пріемъ, соблюдаемый строго и методически, пріучитъ ихъ внимательнѣе относиться къ способамъ выраженія собственныхъ мыслей—не только на урокѣ логики, но и при всякой умственной работѣ. Другимъ, столь же необходимымъ, условіемъ успѣха преподаванія этого предмета—является то, чтобы логика была слита съ преподаваніемъ отечественнаго языка, т. е. чтобы преподаваніе одного помогало преподаванію другаго и входило въ него, какъ его составная часть. Наконецъ, преподаваніе логики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ принесетъ мало пользы, если требованія этого предмета будутъ упускаться изъ виду преподавателями другихъ предметовъ при отвѣтахъ учащихся — какъ устныхъ, такъ и письменныхъ.

Означенная въ заголовкѣ книга не можетъ служить *учебникомъ* логики въ нашихъ гимназіяхъ, такъ какъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, представляетъ 16-ти лѣтнимъ юношамъ много затруднительнаго для пониманія. Она и не назначается для этой цѣли, потому что преимущественно обращаетъ вниманіе на *педагогическое* значеніе логическихъ законовъ въ дѣлѣ познаванія. Съ этой точки зрѣнія, книжка г. Динтеса можетъ быть полезна преимущественно для учителей, какъ систематическое изложеніе законовъ мышленія, указывающее пути для упорядоченія и уясненія всякаго рода знаній, — въ чемъ наше обученіе, какъ извѣстно, всего болѣе нуждается.

Какихъ учительскихъ семинарій намъ не нужно. Д. Д. Дашкова. Москва. Въ этой небольшой брошюркѣ почтенный авторъ разбираетъ вопросъ о томъ, хорошо-ли дѣлаютъ многія изъ нашихъ земствъ, создавая народныхъ учителей преимущественно изъ среды крестьянскихъ и стараясь, чтобы будущіе учителя не порвали связи съ той жизнію, въ которой родились и выросли. Для достиженія этихъ двухъ цѣлей, земства набираютъ воспитанниковъ для своихъ учительскихъ семинарій почти исключительно изъ крестьянъ и хлопочутъ, чтобы они возвращались учителями по возможности въ свою родную мѣстность. Такія стремленія, по мнѣнію автора, не могутъ быть названы цѣлесообразными. Начать съ того, что сословность въ выборѣ молодыхъ людей къ дѣлу обученія народа можетъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу: для учительства требуется прежде всего и болѣе всего хорошая, честная личность, не испорченная ни воспитаніемъ, ни школой. А съ такими свойствами молодыхъ людей можно найти во всѣхъ сословіяхъ. Что касается затѣмъ до требованія, чтобы сельскій учитель былъ непремѣнно изъ мѣстныхъ уроженцевъ, то и оно, по мнѣнію г. Дашкова, не выдерживаетъ критики. Конечно, было бы очень пріятно, если бы привязанность къ родному мѣсту заставила сельскаго учителя полюбить и самое дѣло, которому онъ служитъ. Но авторъ опасается, какъ бы эта самая близость къ родному очагу не повліяла на положеніе учителя въ совершенно неблагопріятномъ для него смыслѣ. Столкновенія молодаго учителя, стоящаго въ умственномъ, нравственномъ и матерьяльномъ отношеніяхъ выше окружающей его семейной обстановки, можетъ вызвать между ними охлажденіе, натянутость и недовѣріе, столь пагубныя во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе такомъ, съ которымъ тѣсно связанъ интересъ общественный. — Разрѣшивъ такимъ образомъ отрицательно оба эти вопроса, уважаемый авторъ обращается потомъ къ самой задачѣ, какую имѣютъ земства при приготовленіи народныхъ учителей вообще. Сословіе учителей, созидаемое теперь въ разныхъ учительскихъ семинаріяхъ и педагогическихъ курсахъ, способно, по мнѣнію автора, организовать школу, поставить ее, какъ говорится, на ноги, обучить дѣтей чтенію, письму, счету. Однимъ словомъ, оно въ состояніи выработать въ болѣе короткій срокъ, чѣмъ это было прежде, людей грамотныхъ, исполнительныхъ на глазахъ учителя и начальства, кое-что знающихъ и кое-что помнящихъ. Но оно не завлечетъ дѣтей ученіемъ, не заставитъ ихъ работать головой по собственной волѣ и не привьетъ къ нимъ охоты къ дальнѣйшему самообразованію. А это-то едва ли не самое важное, чего можно требовать отъ хорошей школы. Передавая свои знанія, воспитанники учительскихъ семинарій не въ состояніи образовывать и воспитывать, потому что сами необразованны и невоспитаны. Причины этого послѣдняго явленія авторъ усматриваетъ въ организаціи самихъ учительскихъ школъ, въ которыхъ собственно на умственное образованіе и развитіе отпускается только одинъ годъ, именно средній; два же остальныхъ года тратятся отчасти на выясненіе и утвержденіе элементарныхъ знаній, съ которыми ученики поступаютъ въ семинаріи, частію же на практическія занятія. Чтобы поправить дѣло, необходимо, возвысивъ требованія отъ поступающихъ въ учительскія школы, дополнивъ и расширивъ самый ихъ курсъ, — открыть доступъ въ нихъ для всѣхъ, чувствующихъ въ себѣ влеченіе къ дѣятельности учителя, на которую ихъ привлекали бы не искусственныя приманки, вродѣ освобожденія отъ воинской повинности, и не какія нибудь иныя льготы, а свободное чувство и естественное призваніе. «Надо, однимъ словомъ, говоритъ г. Дашковъ, — чтобы всякій начальный учитель въ Россіи сознательно и неутомимо трудился надъ дѣломъ своимъ, разрабатывалъ его самостоятельно и вольно, познакомившись, конечно, съ тѣмъ, что уже сдѣлано до него, — намъ нужны самодѣятели, а не самоучки». Съ мыслями, изложенными въ брошюрѣ г. Дашкова, не мѣшаетъ познакомиться въ особенности нашимъ земскимъ дѣятелямъ.

Смѣсь.

Двухголовый соловей.

Подъ этимъ названіемъ, въ Петербургѣ, въ циркѣ Гинне, показывалось замѣчательнѣйшее явленіе природы — двѣ дѣвицы, африканскаго племени, миссъ Христина и миссъ Милли, сросшіяся между собою наподобіе сіамскихъ близнецовъ, но далеко превосходящія послѣднихъ въ отношеніи ненормальности анатомическаго строенія. Профессоръ Вирховъ въ берлинскомъ обществѣ врачей прочелъ цѣлую лекцію объ этомъ феноменѣ, изъ которой заимствуемъ слѣдующее. По мнѣнію почтеннаго ученаго, это есть міровое явленіе, до сихъ поръ еще не виданное, по крайней мѣрѣ еще ни разу не констатированное научнымъ образомъ, и едвали имѣющее повториться въ теченіи тысячелѣтій. Близнецы эти произошли на свѣтъ отъ чрезвычайно плодовитаго брака, такъ какъ у миссъ Христины-Милли (осьмаго ребенка по порядку рожденія) еще 14 братьевъ и сестеръ. Тотчасъ послѣ родовъ, верхнія части тѣла малютокъ были настолько различно развиты, что одна почти втрое превосходила дру-

гую по величинѣ и по вѣсу. Во время позднѣйшаго развитія и роста неравенство это исчезло. Верхняя часть позвоночнаго столба у обѣихъ дѣвушекъ слегка выгнута кнаружѣ и образуетъ горбъ; внизу оба позвоночные столба соединяются въ одинъ, по всей вѣроятности съ общимъ позвоночнымъ мозгомъ. Этимъ объясняется то, что уколъ или давленіе на нижнія оконечности одной изъ дѣвицъ — ощущается и другою, хотя слабѣе, чѣмъ прикосновеніе къ собственнымъ членамъ послѣдней. Нижнія конечности развиты нѣсколько менѣе верхнихъ, но впрочемъ всѣ четыре ноги вполнѣ организованы и весьма изящны. Біеніе сердца и пульсація у обѣихъ независимы одни отъ другихъ; напротивъ, отправленія нижнихъ полостей туловища одновременны. Необычайное явленіе это нельзя даже и сравнивать съ сіамскими близнецами, которые соединены лишь хрящеватою связкой; кромѣ того, послѣдніе производятъ непріятное впечатлѣніе малымъ своимъ ростомъ и старчески истощенными лицами,—тогда какъ двухголовый соловей, при весьма приличной наружности, возбуждаетъ невольное участіе своей бодростью и веселымъ настроеніемъ духа.

Въ юридическихъ кружкахъ подняли уже вопросъ о томъ, какъ должно смотрѣть на это существо въ духѣ закона: какъ на одну особь или какъ на двѣ отдѣльныя личности, могутъ ли онѣ порознь заключить контрактъ, совершать завѣщанія и т. п., можно ли подвергать ихъ тюремному заключенію въ случаѣ проступковъ съ одной стороны, такъ и другая при этомъ терпитъ наказаніе, не произойдетъ ли двоеженства въ случаѣ выхода замужъ и т. д. Извѣстно, что сіамцы женаты каждый отдѣльно.

По мнѣнію Вирхова миссъ Христина-Милли напоминаетъ показывавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ «Шлвенскаго ребенка», имѣвшаго на крестцѣ большой наростъ, въ которомъ можно было ощупать нѣкоторыя подвижныя части. Вирховъ писалъ въ то время, что эти подвижныя части суть рудименты (зачаточные органы) другаго недоразвитаго ребенка, который въ случаѣ полнаго развитія явился бы въ видѣ «двухголоваго соловья».

Нынѣ эта интересная парочка отправилась казать себя въ Москвѣ.

Au bon marché. Мы разговаривали о тѣхъ измѣненіяхъ, какимъ подверглась соціальная и экономическая жизнь Парижа со времени послѣдней войны. «Купцы», сказалъ я, «конечно, вздыхаютъ о временахъ имперіи, когда, благодаря экс-императрицѣ Евгеніи, роскошь въ нарядахъ все болѣе и болѣе увеличивалась, а торжества наполеоновскаго двора дѣйствовали на подобіе магнита, осыпая магазины золотомъ. Связь между политикой и биржей—дѣло понятное».

«Такъ по этой-то причинѣ, ты думаешь, имперія имѣетъ здѣсь приверженцевъ, а республика враговъ? Пойдемъ, ты получишь отвѣтъ посредствомъ практическаго примѣра».

Мой пріятель взялъ меня подъ руку и повелъ въ знаменитый магазинъ «Au bon marché», дѣла котораго со времени введенія республики идутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо лучше, чѣмъ во времена имперіи. О колоссальныхъ размѣрахъ этого заведенія можно судить лучше всего по тому, что его владѣльцы получили въ прошломъ 1872 г. 8 милліоновъ франковъ доходу безъ вычета издержекъ. Въ апрѣлѣ и маѣ они продавали *ежедневно*, среднимъ числомъ, на 180,000 франковъ! Этотъ доходъ кажется съ перваго взгляда баснословнымъ—но онъ становится понятенъ, коль скоро узнаешь, что это заведеніе состоитъ въ сущности изъ 22 отдѣленій, управляемыхъ на основаніи общихъ правилъ и соединенныхъ подъ одной и той же крышею. Такимъ образомъ въ одномъ отдѣленіи продаются, напр., только дамскія шляпы, въ другомъ шали, въ третьемъ карманные платки, въ четвертомъ зонтики, въ пятомъ перчатки и т. д., словомъ, все, что только нужно модной дамѣ для украшенія своей собственной особы. Я говорю «дамѣ», потому-что потребности мужчинъ здѣсь очень мало принимаются въ разсчетъ—турокъ еще можетъ одѣть себя съ грѣхомъ-пополамъ въ этомъ заведеніи, но не европеецъ. Напротивъ того дамѣ — даже съ величайшими претензіями — открывается здѣсь такое поприще, которое не такъ-то легко найти; она можетъ переходить изъ лавки въ лавку и вездѣ найдетъ что нибудь отличное и превосходное. Если вы желаете разсмотрѣть какъ слѣдуетъ это заведеніе, то вамъ понадобится для этого по меньшей мѣрѣ полдня, потому-что оно занимаетъ 4,000 квадратныхъ локтей и поднимается на 50, такъ какъ зданіе пятиэтажное. Сравнительно, это еще очень новое заведеніе; не дальше какъ за 20 лѣтъ передъ этимъ оно было обыкновеннымъ магазиномъ галантерейныхъ товаровъ.

Два дня въ недѣлю чужестранцы могутъ осматривать весь домъ подъ надзоромъ назначаемаго нарочно для этого проводника. Если они купятъ при этомъ что нибудь — тѣмъ лучше, но никто и не подумаетъ навязывать имъ что-бы то ни было. Въ особенности же замѣчательно это заведеніе тѣми удобствами, которыя оно доставляетъ служащимъ при немъ лицамъ. Между прочимъ тутъ служитъ 90 хорошенькихъ женщинъ, занимающихся продажею товаровъ, а для того, чтобы начальство могло контролировать ихъ во всевозможныхъ отношеніяхъ, онѣ должны жить въ самомъ зданіи. У нихъ обширныя спальни, прекрасно устроенныя, съ хорошими вентиляторами; иныя изъ нихъ занимаютъ даже особыя комнаты, другія же живутъ вмѣстѣ. Кромѣ этого есть большой прекрасный залъ, снабженный фортепьяно, гдѣ онѣ проводятъ, большею частью, вечера. Имъ отнюдь не запрещается отлучаться изъ дому; онѣ, съ нѣкоторыми ограниченіями, могутъ уходить на 2 часа (съ 9 до 11 часовъ), а по воскресеньямъ могутъ бывать въ театрѣ. Такъ какъ въ этомъ заведеніи кормится отъ 700 до 800 человѣкъ, то для нихъ назначены различные часы обѣда, такъ-что въ то время, какъ обѣдаетъ одна группа, другія группы остаются на своихъ постахъ. Въ домѣ есть большая столовая, гдѣ за небольшую плату всѣ служащіе при этомъ заведеніи комми и дѣвушки получаютъ такіе же обѣды, какъ и во французскихъ ресторанахъ. Подлѣ этой комнаты устроена парикмахерская для дамъ и мужчинъ, чтобы ихъ прическа была всегда въ порядкѣ.

Жалованье всѣхъ вообще продавцевъ не велико, но они получаютъ извѣстную долю съ каждой проданной вещи, вслѣдствіе чего и стараются продать какъ можно больше. Когда покупщики устанутъ ходить по лѣстницамъ и разсматривать товары, они могутъ отдохнуть въ буфетѣ; а для мужей, которые, приведя своихъ женъ въ это заведеніе, не желаютъ сопровождать ихъ дальше, есть бильярдная комната и кабинетъ для чтенія. Гдѣ существуютъ такія заведенія, какъ «*Au bon marché*», тамъ должно быть еще много денегъ, и купцамъ рѣшительно все равно, республика у нихъ или имперія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА и МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123,

ПОЛУЧИЛЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ГОТОВЫХЪ ДАМСКИХЪ ВЕЩЕЙ
ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ДОМОВЪ ПАРИЖА.

ОТДѢЛЪ 1-й.
БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Пальто Ліонс. бархату гладкое, безъ отдѣлки	85	—	125	—
Пальто и Манто Ліонс. бархату, отдѣланное богатыми кружевами и аграмантомъ	100	—	350	—
Ротонды Ліонс. бархату гладкія и съ мѣшками съ разной отдѣлкой.	100	—	400	—
Панье съ кофтой и баской Ліонс. бархату съ богатой отдѣлкой съ кружевами клюни, гипюръ, аграмантомъ, бахромой и друг. отдѣлк.	110	—	400	—
Кофта, козакъ, баска Ліонс. бархату.	50	—	1[illegible]0	—

ОТДѢЛЪ 2-й.
ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Пальто Ліонс. фай съ небольшой отдѣлкой	45	—	50	—
Пальто изъ лучшаго Ліонс. фай, армюръ, съ богатой отдѣлкой	60	—	150	—
Ротонды изъ лучшаго Ліонс. фай гладкія и съ мѣшками съ разной отдѣлкой.	75	—	150	—
Панье съ кофтой и съ баской изъ лучш. Ліонс. фай, съ богатой отдѣлкой	75	—	200	—
Кофты, козакъ, баски, изъ Ліонс. фай.	20	—	75	—

ОТДѢЛЪ 3-й.
ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Пальто изъ кастора съ бог. отдѣлк.	20	—	50	—
Пальто изъ французской матеріи съ разною отдѣлкой	30	—	60	—
Кофты, козакъ, панье	15	—	75	—
Ротонды разныя изъ кастора Драде-Велюръ, гладкія и съ мѣшками съ богатой отдѣлкой	25	—	60	—
Долманы, отъ 30 руб. и дороже.	—	—	—	—

ОТДѢЛЪ 4-й.
БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Сорти-де-Баль	10	—	20	—
Ротонды съ роскошною отдѣлкою и вышивкою	25	—	200	—

ОТДѢЛЪ 5-й.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Костюмы шелковые черные съ богатой отдѣлкой	100	—	400	—
Большой выборъ костюмовъ изъ разныхъ модныхъ шерстяныхъ тканей всѣхъ цвѣтовъ съ роскошной отдѣлкой	20	—	125	—

ОТДѢЛЪ 6-й.
ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Бархатъ Ліонс. узкій, арш.	6	—	12	—
Бархатъ Ліонс. широкій	12	—	18	—
Фай черн. Ліонс	1	75	6	—
Фай всѣхъ модныхъ цвѣтовъ	1	80	4	—
Шали ковровыя	50	—	200	—
Платки ковровые	15	—	100	—
Платки кашмир. чер. вышитые	6	—	50	—
Платки кашмир. бѣлые	15	—	40	—
Платки крепонъ	15	—	150	—
Ротонды кружевныя, ляма, клюни, бѣлыя и черныя	30	—	150	—

ОТДѢЛЪ 7-й.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ШЛЯПЪ

самыхъ новѣйшихъ фасон., пригот. по послѣдн. Парижск. моделямъ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Модели	25	—	65	—
Шляпы: шелковыя и крепповыя	6	—	15	—
„ касторовыя	3	—	15	—
„ соломенныя	2	—	25	—
Чепчики, уборы и наколки	3	—	20	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	15	и дор.
„ для шляпъ и куафюръ	—	75	10	—
Большой выборъ зонтиковъ.				
Антука	2	25	10	—
Модные	3	—	25	и дор.
Большой выборъ дѣтск. шляпъ.				

ОТДѢЛЪ 8-й.
ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ.

для дѣвочекъ и мальчиковъ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Салопчики для гулянья до 2 лѣтъ изъ разной матеріи	10	—	25	—
Кофточки	2	—	6	—
Платьица длинныя для 3 лѣтъ и болѣе	4	—	15	—
Пальто изъ кастора съ отдѣлкой	6	—	25	—
Пальто изъ французской матер.	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ разныхъ матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ изъ разн. матерій съ отдѣлкой	5	—	25	—
Полный костюмъ для мальчиковъ матроска	10	—	20	—

Покорнѣйше просятъ желающихъ выписывать обозначать при заказахъ цвѣтъ матерій и мѣрку длины и полноты вокругъ плечъ, также по части дамскихъ нарядовъ принимаетъ отъ гг. иногородныхъ покупателей всевозможныя порученія, которыя будутъ исполнены со всевозможною аккуратностію и скоростію.

Дозволено цензурою 16 Марта 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 12 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 26 марта 1873 года. Годъ IV.

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

XI.

Усердная сидѣлка.

Оставимъ израненаго Петра Михайловича на попеченіе медика-киргиза, знахаря, какъ ихъ называютъ,—тѣмъ болѣе, что русскій докторъ уже изрекъ свой приговоръ, и будемъ увѣрены, что въ аулѣ Гайкулы-бабая ему будетъ ни чуть не хуже, чѣмъ въ чиназскомъ лазаретѣ. Съ этимъ мнѣніемъ совершенно согласились всѣ его друзья—и Трубаченко, и Бабаджакъ, и Пуговицынъ, и даже самъ Мартынъ Федоровичъ, который, впрочемъ, на другой день намѣревался еще разъ посѣтить Петра Михайловича, и уже въ этотъ разъ непремѣнно съ дочкою, а можетъ быть и съ самою Маланьей Ивановной.

Если Али-Турсукъ, знахарь, готовъ былъ служить Каcаткину своимъ знаніемъ, то въ свою очередь Гайкула и краснощекая киргизка не оставляли его своими заботами, до такой степени утонченными, что хоть бы и не въ камышахъ въ полудикомъ кочевомъ аулѣ. Особенно послѣдняя—та положительно не оставляла ни на одну минуту больнаго: сгоняла мухъ и оводовъ, смачивала губы водой съ примѣсью водки, по указанію Али-турсука терла въ деревянной чашкѣ какія-то сушеныя травы табачнаго цвѣта, которыя знахарь привезъ съ собою—и собственноручно зарѣзала чернаго барана съ бѣлою головою, выбраннаго изъ стада, для необходимыхъ заклинаній.

И такъ, зная что нашему больному тамъ не хуже чѣмъ гдѣ либо, оставимъ его въ покоѣ доживать, по мнѣнію доктора, послѣдніе сутки и перейдемъ въ Чиназъ взглянуть на другаго больнаго.

Шторки у оконъ опущены; въ комнатѣ самый мягкій, пріятный для глазъ полусвѣтъ—и скользитъ этотъ полусвѣтъ по высокой спинкѣ мягкаго зеленаго кресла, по округленнымъ формамъ подушекъ безукоризненной бѣлизны, по столику, заставленному полудюжиной пузырьковъ съ этикетами, двумя графинами съ чѣмъ-то красноватымъ, недопитымъ стаканомъ, въ которомъ торчитъ ложечка, и тому подобнымъ. Скользитъ по пряди темныхъ волосъ, рѣзко обозначившихся на подушкѣ, по матовому блѣдному лбу, по острымъ угламъ приподнятыхъ колѣнъ, прикрытыхъ только легкимъ лѣтнимъ одѣяломъ,—задѣваетъ чуть-чуть уголъ передника и кончикъ ноги въ красненькой туфелькѣ, и чуть замѣтнымъ четыреугольникомъ рисуется на чисто-вымытомъ деревянномъ полу, на которомъ въ растяжку спитъ на боку старая лягавая собака Мартына Федоровича.

— Наташа, шипитъ Маланья Ивановна, чуть-чуть пріотворивъ дверь сосѣдней комнаты, — Наташа, заснула чтоли?

— Тс!.. тише вы, маменька! зашевелилась на креслѣ Наташа.—Сергѣй Николаевичъ только-что задремалъ. Тише-же, Бога ради!

Въ голосѣ дѣвушки послышалась мольба; несносная дверь такъ громко заскрипѣла, стоптаные башмаки Маланьи Ивановны такъ противно шаркаютъ по полу.

— Ну, что вамъ?...

Наташа на цыпочкахъ, какъ тѣнь, словно не прошла а пронеслась надъ поломъ, проскользнула къ дверямъ.

— Ну, что же вамъ нужно? говорила она съ досадою.

— Ватрушки съ ежевикою будешь ѣсть? я для тебя оставила... вонъ, пойди, онѣ тамъ на блюдѣ... сегодня удались отлично... я ихъ на сметанѣ ставила, а ягоду распарила заранѣе.

— Ахъ, маменька, ну что вы съ своими ватрушками!.. Наташа рванулась назадъ и притворила дверь.

— Рехнулась совсѣмъ дѣвка, произнесла Маланья Ивановна, постояла немного подъ дверью, послушала и пошла къ себѣ, нарочно вотъ тяжело шмыгая башмаками, «На молъ тебѣ, вотъ на зло-те!...»

Опять тишина, опять гробовое молчаніе; чуть шелестятъ только листки какой-то книги, осторожно перелистываемой тонкими пальчиками, да слышно ровное, покойное дыханіе больнаго.

Грохотъ экипажныхъ колесъ и разнокалиберный звонъ бубенчиковъ, такъ и ворвался въ комнату, разомъ нарушивъ эту могильную тишину... Усталыя лошади фыркали, особенно одна—та даже принялась рыть землю ногою, когда тарантасъ остановился у крыльца Чижиковскаго дома, и какъ нарочно подъ кованое копыто коня все попадались осколки какой-то разбитой бутылки.

— Это несносно, это невыносимо! простонала Наташа.

— Добрый ангелъ мой! отчетливо произнесъ другой голосъ.

Открытые глаза больнаго смотрѣли такъ нѣжно, въ нихъ такъ много свѣтилось чего-то такого, что... такого что... Наташа и сама не понимала, чего въ нихъ много свѣтилось...

— Васъ разбудили... Сергѣй Николаевичъ... васъ побезпокоили...

Слегка влажная, исхудалая рука приподнялась, протянулась и повисла въ воздухѣ. Сергѣй Николаевичъ былъ еще очень слабъ и не могъ долго держать руку на вѣсу, она начала опускаться на прежнее мѣсто, ее поддержали.

— Добрый мой ангелъ!.. еще разъ нѣжно произнесъ Ровичъ и сжалъ эти тонкіе дрожащіе пальцы.

— Наташа, снова зашипѣла Маланья Ивановна, и снова ея потное лицо въ чепцѣ кивало въ дверяхъ, заскрипѣвшихъ еще сильнѣе чѣмъ прежде.

Наташа не отвѣчала.

— Наташа.. да ты слышишь—я тебя зову.. слышишь ли?.. пойди сюда!

— Не нужно мнѣ вашихъ ватрушекъ, отстаньте Бога ради.

— Иди, а то громко закричу... Наташа... громко закричу!...

Маланья Ивановна разинула ротъ и собралась исполнить свое намѣреніе.

Еще разъ черезъ всю комнату пронеслось легкое видѣніе.

— Маіоръ пріѣхалъ, онъ въ садикѣ сидитъ. Пойди займи его, пока я начинку для индюка приготовлю.

— Маменька, да что вы меня мучите?

— Дура, набитая дура!.. и въ кого ты только вышла? вся въ отца должно быть.

— Да какъ же я Сергѣя Николаевича брошу? вы поймите это.

— Я буду навѣдываться. Иди же!

— Маменька...

— Опять?! дура, вѣдь самъ слѣдователь, надо ублажить, а то въ такую бѣду втянетъ... Напакостили вотъ, теперь идите разхлебывайте... Самъ въ аулы ѣздилъ и дорогу опечатывалъ; не всю, а то мѣсто самое, понимаешь? таинственно прошептала Маланья Ивановна и протянула Наташу за рукавъ ея платья—какъ бы она опять не юркнула на свое кресло.

Сильный свѣтъ незавѣшанныхъ оконъ сосѣдней комнаты заставилъ Наташу на минуту зажмурить глаза. Она была блѣдна и сильно похудѣла за это время; подъ глазами ея протянулись дугообразныя, синеватыя полосы.

— Ишь какъ обработалась дѣвка! произнесла Маланья Ивановна, косясь на свою дочку. — Ну что щуришься, или на бѣлый свѣтъ смотрѣть стыдишься? Потемошница! Иди въ садъ, что-ли!

— Вы ужъ, маменька, послушайте тутъ у двери, чуть не плакала Наташа, выходя на крыльцо.

А заслуженный маіоръ уже минутъ десять ходилъ взадъ и впередъ по единственной дорожкѣ садика и все поглядывалъ на калитку. На зеленой деревянной скамейкѣ, стоящей у большаго куста сирени, лежали портфель съ бумагами, маіорская фуражка и старыя грязныя перчатки съ прорванными пальцами.

Маіоръ похаживалъ съ заложенными назадъ руками и поводилъ носомъ. Его аппетитъ, возбужденный утреннею поѣздкою въ камыши, пріятно раздражался запахомъ изъ раскрытаго кухоннаго окна; да притомъ же голосъ Маланьи Ивановны говорилъ кому-то: «Ты его не очень прижаривай, и какъ только съ одного боку зарумянится, ты сейчасъ его и окати сметаною».

— Гм! окати сметаною, повторилъ маіоръ, — а давненько не ѣдалъ хорошаго карася въ сметанѣ!.. Ты чего?

Изъ-за стѣнки выглядывала голова его кучера.

— Я насчетъ, ежели, здѣсь мнѣ ждать что-ли, или на фатеру ѣхать?

— Ахъ, да! поѣзжай, братецъ, домой. Да слушай: выводишь когда тройку, натри рыжему саломъ лѣвую ляжку, всю какъ есть постромкою обтеръ; не могъ лоскутъ кожи подшить, каналья!

— Я войлочекъ подложу.

— Подложи. Макаркѣ шельмецу скажи, чтобы чистый

китель принесъ сюда и платокъ носовой спросилъ бы у Агафьи... слышишь?

— Слушаю-съ.

Голова исчезла. Черезъ минуту опять задребезжали колеса маіорскаго тарантаса; опять на весь Чиназъ загудѣли бубенцы наборной сбруи... Маіоръ получилъ отъ Маланьи Ивановны приглашеніе обѣдать и потому распорядился отсылкою экипажа.

Калитка скрипнула. Наташа взошла въ садикъ, потупя глазки и перебирая кончикъ своего фартука; она теперь немножко покраснѣла, а можетъ быть этотъ оттѣнокъ придалъ ей красный платочекъ, который она накинула себѣ на голову. Маіоръ разлетѣлся къ ней на встрѣчу и ловко раскланялся.

— Здраствуйте, барышня! здраствуйте, шалунья! что, испугались?

— Чего мнѣ пугаться?—здраствуйте.

— Какъ чего? тоже—слѣдователь, не кто другой... Ну-съ, готовьтесь къ допросу,—присядемъ-ко.

И маіоръ осторожно взялъ дѣвушку подъ руку, подвелъ ея къ скамейкѣ, посадилъ, взялъ свой портфель и съ важностью началъ перебирать въ немъ исписанные листы бумаги.

— Ну-съ... онъ долго и пристально глядѣлъ на личико дѣвушки, обтеръ усы фуляромъ, откашлялся и произнесъ:

— Эге! да вы никакъ и взаправду струсили?.. Ну, ничего, ничего; дайте мнѣ ручку только поцѣловать вашу, вѣдь я добрый. Ну, давайте же: вотъ такъ! Теперь извольте слушать. Вотъ ваше показаніе; я его самъ уже составилъ, а вы только возьмите перышко и имячко ваше подмахните, вотъ въ этомъ мѣстечкѣ, на самомъ кончикѣ... Да можетъ я прочту прежде?

— Къ чему все это?

— Нѣтъ, позвольте... это будетъ лучше. Слушайте.

И маіоръ, откашлявшись, началъ читать сочиненное имъ показаніе.

«Мая такого-то года, въ шесть часовъ утра».—Гм!... ну, это мимо, а вотъ оно: «по принесеніи онаго тѣла въ безчувственномъ состояніи и уложеніи его на диванъ, въ домѣ отца моего, крѣпостной артиллеріи поручика Мартына Федоровича Чижикова... Я. нижеподписавшаяся» э, гм!... «единственно влекомая только чувствомъ христіанскаго милосердія, какъ научаютъ насъ божественныя слова...» Это я, знаете, нарочно чувствительнѣе написалъ; такъ слѣдуетъ, потому генералъ - губернаторъ читать будутъ, ну и можетъ дальше пойдетъ... «Божественныя слова...» да — «присутствовала самолично при осмотрѣ и перевязываніи тѣлесныхъ поврежденій вышереченнаго гвардіи капитана...

— Пожалуйте водку кушать! взвизгнула, высовываясь изъ окна, Маланья Ивановна,—я въ сѣняхъ приготовила; тутъ прохладно и мухъ нѣту. Пожалуйте, милости просимъ!

— Э, позвольте, мы сейчасъ вотъ кончимъ.. замахалъ маіоръ рукою.—«Вышереченнаго гвардіи капитана Сергѣя Николаевича Ровича и вынутія пули доподлинно не замѣтила, ибо какъ по своему женскому дѣлу и разуму...» я, знаете, это нарочно, для того чтобы подумали: что-же съ нея взять, въ самомъ дѣлѣ!

— Идите водку кушать, маменька зоветъ, а прочтете послѣ. Да я и такъ подпишу, если это нужно, остановила чтеніе показанія Наташа.

— Да оно положимъ... а все бы не мѣшало... Въ сѣняхъ, маменька сказывали?

— Да, въ сѣняхъ, изъ калитки налѣво — переднее крыльцо заперто.

— Увидимся еще надѣюсь?

— Можетъ быть.

Маіоръ собралъ снова свои бумаги въ портфель, любезно раскланялся и пошелъ къ калиткѣ.

— Ваше высокоблагородіе!

— А!.. это ты, братецъ? Ну что, принесъ?

У куста стоялъ его Макарка съ чистымъ кителемъ подъ мышкою.

— Пожалуйте переодѣваться. Вотъ здѣсь за кустомъ не видно.

— Да смотри, точно-ли не видно? озирался маіоръ во всѣ стороны и юркнулъ за кустъ.

— А пуговицу опять не пришилъ, каналья?

— Дорогою несъ, оторвалась. Шаровары мѣнять не будете? я и шаровары захватилъ.

— Ну, ужъ давай... тащи!.. осторожнѣе!... Барышня ушла?

— Ушли-съ... Маменька изъ окошка смотрятъ...

— Не видитъ?

— Немножко должно замѣчаютъ.

— Загороди! вотъ такъ.

Черезъ минуту, маіоръ вышелъ изъ-за куста весь бѣлый какъ снѣгъ, въ бѣломъ кителѣ и таковыхъ же шароварахъ. Онъ обтиралъ лицо чистымъ платкомъ — и въ чаяніи «пропустить рюманцыю», какъ выражался капитанъ Пуговицынъ, пошелъ отыскивать входа въ прохладныя сѣни, гдѣ нѣтъ ни мухъ ни тому подобнаго, но за то на чистой скатерти стоятъ ватрушки съ ежевикою, что-то окаченное сметаною и графинчикъ съ изумрудной, цѣлительной.

Ровичъ приподнялся и полусидѣлъ на диванѣ. Онъ чистилъ себѣ ногти обгорѣлымъ остаткомъ сѣрной спички; заслышавъ шаги Наташи, онъ бросилъ свое занятіе, откинулся на подушки, вытянулъ руки вдоль и полузакрылъ глаза.

Дѣвушка вошла на цыпочкахъ, осторожно притворила дверь и подошла къ дивану. Она начала прислушиваться къ дыханію спящаго; она слушала долго, внимательно, пока не почувствовала, какъ къ ея виску прикоснулись влажныя губы Сергѣя Николаевича.

— Вы проснулись? прошептала Наташа и покраснѣла до ушей. Ее кинуло въ жаръ. Она едва успѣла опуститься въ кресло. Даже вся комната завертѣлась передъ ея глазами и запрыгали свѣтлые четыреугольники оконъ.

Съ этого дня выздоровленіе Сергѣя Николаевича пошло самыми быстрыми шагами. Черезъ недѣлю онъ уже стоялъ на ногахъ, а еще черезъ недѣлю онъ вдвоемъ съ Наташей дѣлалъ даже довольно продолжительныя прогулки по берегу и позволялъ себѣ легкія катанья въ лодкѣ, гдѣ впрочемъ онъ сидѣлъ на рулѣ, а Наташа гребла веслами, такъ какъ Сергѣю Николаевичу строго запрещено было дѣлать усиленныя движенія.

И пошли ходить по всему Чиназу новыя варіаціи старой, избитой пѣсни.

XII.

Грустные признаки.

Прошли сутки, прошли другія, прошли третьи, наконецъ прошла цѣлая недѣля,—Касаткинъ не умиралъ да и только, вопреки всѣмъ предсказаніямъ ученаго доктора. На четырнадцатый день у больнаго проявился довольно сильный апетитъ; онъ выпилъ чашку кумысу, хотѣлъ

еще, да ему Али-турсукъ не далъ. Краснощекая киргизка пѣла самыя веселыя пѣсни и сердито хмурилась, когда пріѣзжалъ кто нибудь изъ Чиназа; особенно она озлилась, когда (давно это было, еще въ самомъ началѣ) пріѣхалъ Мартынъ Федоровичъ съ своимъ семействомъ. Ревнивая дикарка глазъ не спускала съ Наташи, а когда замѣтила, что та нагнулась было къ лежащему на коврѣ Петру Михайловичу, то не стѣсняясь схватила ее за плечо и чуть не отбросила въ сторону.

— Кой (оставь)! крикнула киргизка,—это не твой!... ступай откуда пріѣхала!

Гайкула-бабай прикрикнулъ на свою дочку и унялъ ее немного, а то бы дѣло дошло до чего нибудь худшаго.

Трубаченко—тотъ не надолго уѣзжалъ въ Чиназъ по службѣ и опять вернулся въ аулъ; онъ почти совсѣмъ поселился въ аулѣ, и Гайкула поставилъ для него особенную желомайку, гдѣ онъ и устроился вмѣстѣ съ Бабаджакомъ, Діанкою, Венеркою и скучающей, вѣчно-воющей Альфою.

Али-турсукъ теперь рѣшился въ первый разъ перевязать раны—долго онъ отмачивалъ присохшія тряпки теплою водою; осторожно, чуть не по ниточкѣ, разбиралъ онъ ихъ и съ нескрываемымъ удовольствіемъ наблюдалъ затянувшіяся, разползшіяся самыми замысловатыми рубцами, рваныя раны.

— Лѣвая рука совсѣмъ испорчена, она больше не годится и скоро высохнетъ, произнесъ Али-турсукъ и тутъ же добавилъ, какъ бы въ утѣшеніе,—э! это ничего, бѣда не большая; можно сто лѣтъ жить безъ руки. У «Басмака», въ Дзингатахъ, обѣихъ рукъ не было, да на сто-двадцатомъ году померъ.

Гайкула пиръ задалъ по случаю благополучнаго исхода болѣзни своего гостя. Собрались всѣ сосѣди, варили пловъ; вечеромъ огни зажгли, музыку позвали, состоящую изъ рожка, двухъ бубновъ, одной балалайки и трехъ чугуновъ натянутыхъ бараньимъ пузыремъ и замѣняющихъ литавры. Пѣли почти всю ночь и плясали. Краснощекая веселилась больше всѣхъ и поминутно носила больному то лапши въ чашкѣ, то кумысу, то жирные кусочки баранины. Послѣдніе она таскала пальцами изъ котла, и прикрывъ концомъ кушака, спѣшила пробѣжать освѣщенное свѣтомъ костра пространство, пока не замѣтили похищенія зоркіе глаза главной хозяйки.

Нѣжность и предупредительность доброй дикарки простиралась даже на Альфу, которая, получая ежедневно отъ своей новой покровительницы самыя вкусныя кости, растолстѣла такъ, что уже, безъ продолжительной тренировки, положительно не годилась для охоты.

Выздоравливало тѣло Петра Михайловича не по днямъ, а по часамъ; но не радовался Трубаченко, слѣдя за этимъ быстрымъ выздоравливаніемъ, уныло поглядывалъ старый Гайкула и даже поутихла немного живая, вертлявая его дочка.

Что-то странное дѣлалось съ Касаткинымъ... Его душа не поддавалась леченію Али-турсука—и грустное предчувствіе закрадывалось въ сердца окружающихъ.

Смотрѣлъ Касаткинъ какъ-то вяло, безжизненно, безучастно слѣдя за всѣмъ, что вокругъ него происходило... По цѣлымъ часамъ иногда онъ смотрѣлъ въ одну какую нибудь точку и бредилъ съ открытыми глазами, да бредилъ вдобавокъ безъ всякой связи что-то неразборчивое. Разъ какъ-то сорвалось у него слово «Наташа»—онъ вдругъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ, оглянулся испуганно, пошарилъ около себя руками и засмѣялся, да такъ странно засмѣялся: безстрастно, однотонно, безъ всякаго измѣненія въ чертахъ лица...

Бродилъ онъ иногда вокругъ кибитки Гайкулы и все прицѣливался руками, будто у него былъ его штуцеръ и онъ замѣтилъ что-то въ камышахъ у самой опушки. А разъ цѣлыхъ два дня пролежалъ навзничь, не шевелясь и не закрывая глазъ, и все пѣлъ что-то въ полголоса.

— Петя, не поѣдемъ-ли мы рыбу половить на затоны? подошелъ къ нему Трубаченко и тронулъ его за плечо.

Онъ думалъ, что это развлечетъ немного больнаго и отгонитъ отъ него неотвязныя видѣнія... Поохотиться онъ не предлагалъ Касаткину, потому-что уже какая охота однорукому...

Ничего не отвѣчалъ Петръ Михайловичъ на предложеніе поручика, только пѣть пересталъ и сталъ откручивать пуговицу отъ его кителя.

Заплакалъ Трубаченко и отошелъ всторону.

Альфа начала бояться своего хозяина и недовѣрчиво косилась на него, особенно когда тотъ начиналъ жестикулировать, обращаясь къ чему-то невидимому. Собака залаяла даже разъ какъ-то и потомъ каждый разъ принималась выть, едва только Касаткинъ выходилъ изъ спокойнаго состоянія.

Ночью пришла къ нему «краснощекая», обняла его крѣпко-крѣпко и легла рядомъ съ нимъ подъ кошму. Тотъ даже не пошевелился.

Ночь была тихая, темная: все спало въ аулѣ, никто не могъ видѣть продѣлокъ молодой киргизки.

— Милый ты мой, душа ты моя, козликъ мой бѣленькій! шептала ему на ухо дѣвушка и сильно прижималась къ нему, цалуя это лицо, холодное, безотвѣтное.—Вотъ, погоди, пріѣдетъ еще знахарь изъ степи, умнѣе Али-турсука; онъ тебя совсѣмъ вылечитъ, тогда я за тебя и безъ калыма пойду. Отецъ отдастъ, онъ тебя любитъ.

— Слышишь? скачетъ!.. внезапно приподнялся Касаткинъ и вскочилъ на ноги.—Тише, тс!...

Онъ началъ прислушиваться... Какъ тигрица вскочила киргизка и тоже вся обратилась въ слухъ—такъ и пронизывая темноту своими блестящими, разгорѣвшимися глазами...

Все было тихо, никакого подозрительнаго шума и топота не слышала краснощекая.

— Хвостомъ шевелитъ, внушительно съ удареніемъ произнесъ Петръ Михайловичъ—и затѣмъ опять что-то непонятное.

— Ложись, ложись! повелительно произнесла киргизка и почти силою повалила его на прежнее мѣсто.

— Это въ твоемъ черепѣ черный духъ сидитъ. Пріѣдетъ знахарь «Ярупча», онъ тебѣ его выгонитъ...

Уложила больнаго степная красавица, примочила ему водою голову, стала перебирать ему волосы пальцами и запѣла киргизскую, колыбельную пѣсню... Усыпительно дѣйствовали эти монотонные звуки дикаго напѣва; словно наркотическіе пары опіума туманили мозгъ и застилали все передъ глазами... Петръ Михайловичъ заснулъ подъ пѣсню своей покровительницы.

— Что, братъ, а вѣдь дѣло-то его плохо? говорилъ Трубаченко Бабаджаку, на другой день утромъ, сидя за промывкою ружей.

— Не хорошо. Совсѣмъ не хорошо. Сегодня колдуны пріидутъ—будутъ заклинанія дѣлать, можетъ помогутъ, отвѣчалъ Бабаджакъ.

— Помогутъ, чорта съ два!..

Иванъ Васильевичъ Грозный слушаетъ письмо Курбскаго, доставленное Василіемъ Шибановымъ.

Рис. И. С. Пановъ, грав. Θ. Герасимовъ.

— Али-Турсукъ помогъ же, а русскій докторъ говорилъ: умретъ непремѣнно, сутокъ не проживетъ, умретъ.

— А по мнѣ такъ лучше бы померъ! что ему жизнь теперь, на радость, что ли?

— Да, безъ руки плохо. Стрѣлять нельзя.

— А безъ мозговъ-то еще плоше... Ишь, гляди, бродитъ какъ волкъ какой въ засадѣ,—даже смотрѣть страшно!

Трубаченко взглянулъ въ ту сторону, гдѣ — по утоптанной площади, между кибитками Гайкулы-бабая,—словно часовой, бродилъ Петръ Михайловичъ и опять рукою размахивалъ, а неподалеку сидѣла Альфа и, поднявъ кверху свою острую морду, выла, прерывая по временамъ свое жалобное вытье озлобленнымъ, прерывистымъ лаемъ.

Къ вечеру пріѣхали въ аулъ два старика. Пріѣхали они на высокихъ, старыхъ какъ сами хозяева, аргамакахъ, слѣзли съ лошадей и были встрѣчены Гайкулою съ самою утонченною вѣжливостью и вниманіемъ. На головахъ пріѣхавшихъ были лисьи малахаи; крытые краснымъ сукномъ, верблюжьи халаты были выложены цвѣтными шнурками и даже галуномъ; пояса увѣшаны всевозможными принадлежностями дороги, письма, куренья, и спеціальными принадлежностями ихъ промысла. Это и были сами колдуны: «Магома-Тузай и Султанъ-Берды», пріѣхавшіе выгонять чернаго духа изъ подъ черепа Петра Михайловича.

Самой процесъ изгнанія отложили до завтра, такъ какъ завтра должно было наступить новолуніе, самое удобное время для всякаго колдовства, — да и сами колдуны побаивались русскихъ, которыхъ видали въ первый разъ въ своей жизни, и недовѣрчиво поглядывали на своего «невѣрнаго» паціента. Гайкула далъ имъ присмотрѣться къ Петру Михайловичу, а пока пошелъ заботиться, чтобъ колдунамъ устроить пріемъ и ужинъ сообразно ихъ высокому званію.

(Продолженіе будетъ).

Грозный какъ писатель

Въ «Нивѣ» 1872 года мы не разъ касались личности грознаго царя, Ивана Васильевича, какъ правителя, завоевателя царствъ Казанскаго и Астраханскаго, безпощаднаго борца противъ боярской крамолы и проч. и проч. Нынѣ мы хотимъ побесѣдовать съ читателями о значеніи его въ русской литературѣ, гдѣ онъ занимаетъ также весьма видное и почетное мѣсто.

Свѣтская литература древней Руси, послѣ поученія Мономаха и посланія Даніила Заточника, достигнувъ своего апогея въ «словѣ о полку Игоревѣ» (см. Нива 1873, № 1), какъ бы замираетъ на все время татарскаго погрома. Остаются лишь пѣсни, былины и сказки, чисто народныя, съ одной стороны; съ другой—повѣсти, вовсе не русскаго происхожденія, заимствованныя у византійцевъ. Въ XVI же столѣтіи свѣтская литература, какъ фениксъ изъ пекла, возрождается въ лицѣ двухъ талантливыхъ дѣятелей, князя Курбскаго и самого Грознаго царя, являясь живымъ выраженіемъ современности — борьбы двухъ противоположныхъ началъ тогдашняго общества: автократіи и боярства. Оба писателя равносильны другъ другу если не по слогу, то по крайней мѣрѣ по образованности, таланту, энергіи и одушевленію. Чрезвычайно начитанный по своему времени, хорошо знакомый съ Св. Писаніемъ, съ переводами сочиненій св. отцовъ церкви, съ русскими лѣтописями и хронографами, но будучи самоучкой, Іоаннъ, при всемъ своемъ врожденномъ остроуміи, не легко справляется съ литературнымъ изложеніемъ, которому вредитъ излишняя пылкость, нерѣдко заставляющая его путаться въ оборотахъ, прибѣгать къ многословію и даже къ брани вмѣсто доказательствъ; за-то державный авторъ превосходитъ всѣхъ современниковъ глубиною ироніи, ѣдкой и неотразимой, которая оттѣняетъ всѣ его доводы. Напротивъ того, творенія Курбскаго отличаются правильностью изложенія, ясностью мысли и часто проникнуты теплымъ чувствомъ, обличая человѣка учившагося и воспитаннаго, знакомаго съ «грамматикой, риторикой, діалектикой и философіей».

И вотъ, эти два человѣка, изъ которыхъ одинъ былъ представителемъ зачинавшагося единодержавія, а другой—удѣльно-вѣчевыхъ преданій личной свободы,—сталкиваются на литературномъ полѣ и вступаютъ въ полемическую борьбу. Понятно, какимъ интересомъ должна была проникнута знаменитая переписка Грознаго съ Курбскимъ для современниковъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, родившійся около 1528 года, происходилъ изъ знаменитаго боярскаго рода, который велъ начало свое отъ потомка Мономахова, св. Ѳеодора (Ростиславича), князя Смоленскаго и Ярославскаго. Ближайшіе предки, отецъ его и самъ онъ, съ двадцатилѣтняго возраста, славились воинской доблестью. Покрытый славою подъ Казанью, въ битвахъ съ Крымскими татарами, Литвой и Ливонскимъ орденомъ, Курбскій становится любимымъ царскимъ воеводою, уважаемымъ всѣми какъ способнѣйшій изъ военачальниковъ. Но вотъ въ характерѣ Іоанна происходитъ пагубная перемѣна: ближайшіе друзья и сторонники—Сильвестръ, Адашевъ, Воротынскій, Шереметевъ удалены отъ двора; партія, къ которой принадлежалъ Курбскій, подвергается гоненію; Рѣпнина и Скурлетева казнятъ на глазахъ Курбскаго. Мелкое дворянство русское толпами уходитъ въ Литву, куда зазываетъ король польскій, обѣщая ласку и милость. Большая часть бояръ остается вѣрна царю, но Курбскій уже колеблется, а въ 1563 году, будучи воеводою въ Юрьевѣ Ливонскомъ и свѣдавъ о гнѣвѣ царя, рѣшается бѣжать, опасаясь позорной казни.

Съ горькими слезами оставляетъ онъ жену и девятилѣтняго сына, перелѣзаетъ чрезъ крѣпостную стѣну, бросивъ ключи въ колодезь, и съ однимъ вѣрнымъ слугою своимъ, Василіемъ Шибановымъ, скачетъ верхомъ въ городъ Вильколіръ, занятый литовцами.

Отсюда и начинается знаменитая переписка съ Грознымъ царемъ, состоящая изъ двухъ писемъ Іоанновыхъ (одно равняется цѣлой книгѣ по объему) и четырехъ Курбскаго. Чувствуя на себѣ нравственный долгъ оправдать свой поступокъ, бывшій ни болѣе ни менѣе какъ государственною измѣною, Курбскій разражается градомъ упрековъ въ первомъ посланіи: «Зачѣмъ, о, царь! зачѣмъ побилъ ты сильныхъ во Израили и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ пороги церковные обагрилъ? Чѣмъ провинились они передъ тобою, о, царь! Или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель? Не прегордыя ли царства

храбростью своею разорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у кого прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое имъ воздаяніе:—всѣхъ насъ губишь! Или думаешь: самъ ты безсмертенъ?.. Христосъ, сидящій на престолъ Херувимскомъ — судья между мною и тобою!»

Въ первый разъ еще приходилось могущественному государю Московскому выслушивать голосъ отдѣльной личности, отстаивавшей свои права противъ его всепоглащающей власти. Іоаннъ воспылалъ гнѣвомъ и въ отвѣтномъ посланіи, опровергая Курбскаго, приписываетъ славныя дѣянія своего правленія одному себѣ, отвергаетъ всякое значеніе боярскаго сословія и доказываетъ Курбскому, что онъ измѣною погубилъ душу—не только свою, но и всѣхъ своихъ предковъ. «Зачѣмъ отвергнулъ ты единородную свою душу? пишетъ царь: «Что ты дашь въ замѣнъ ея въ день страшнаго суда? Если ты даже и міръ весь пріобрѣтешь—смерть все таки напослѣдокъ похититъ тебя! Чего же ты изъ за тѣла-то продалъ душу свою?... Если ты праведенъ и благочестивъ, почто же не изволилъ ты отъ меня, строптиваго владыки, пострадать и вѣнецъ жизни (вѣчной) наслѣдовать? Ты не на человѣка возъярился, но на Бога! Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты и въ какую пропасть сошелъ ты душою и тѣломъ? Такъ-то, вотъ въ чемъ и благочестіе твое все, что ты изъ самолюбія себя погубилъ. Коли ты точно праведенъ и благочестивъ, какъ ты самъ о себѣ говоришь, такъ чего же ты испугался неповинной смерти — вѣдь такая-то смерть не есть смерть, а пріобрѣтенье? Все равно вѣдь на послѣдокъ умрешь-же!»

Нельзя не сознаться, что это сильный и неотразимый отвѣтъ на аргументацію Курбскаго, который самъ поставилъ вопросъ на религіозную почву, замѣнявшую въ тѣ времена начала политическія и научныя. Но дальше Іоаннъ не пренебрегаетъ злыми и ѣдкими насмѣшками, «кусательными словами» (по выраженію Курбскаго), и даетъ поводъ князю замѣтить, во второмъ посланіи, «что онъ могъ бы отвѣчать на каждое его слово, но мужамъ благороднымъ неприлично ссориться, словно рабамъ». При этомъ онъ не пропускаетъ случая кольнуть царя сравненіемъ непослѣдовательности его изложенія съ *бабьими бреднями*, прибавляя что «не только искуснымъ и ученымъ людямъ, но даже и дѣтямъ читать его письмо смѣшно и удивительно». Въ отвѣтъ же на насмѣшки Курбскій замѣчаетъ, что онъ достоинъ не насмѣшекъ, а сожалѣнія, какъ несчастный изгнанный, изъ отечества, вынужденный къ скитанію по чужимъ землямъ. И дѣйствительно, Курбскій такъ и умеръ за рубежомъ, проведя большую часть жизни въ Миляновичахъ, бѣдномъ мѣстечкѣ близь пожалованнаго ему городка Ковля, гдѣ доселѣ видны развалины дворца его съ придворною церковью.

Но, спрашивается, кто же былъ смѣльчакъ, доставившій первое посланіе Курбскаго царю? Это былъ все тотъ же Василій Шибановъ, вѣрный его слуга, который подалъ письмо самому Іоанну на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: «отъ господина моего, твоего измѣнника, князя Курбскаго». Царь, пылая гнѣвомъ, ударилъ Шибанова въ ногу своимъ остроконечнымъ желѣзнымъ посохомъ и пробилъ ее. Шибановъ, не мѣняясь въ лицѣ молчалъ; царь же налегъ на посохъ и приказалъ читать письмо. Моментъ этотъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ.

Топленіе вандейцевъ въ Луарѣ *).

(Окончаніе).

Успѣхъ при Шато-Гонтье возбудилъ въ вандейцахъ прежнюю самоувѣренность и, вмѣсто движенія къ Ренну, обусловилъ въ нихъ ничѣмъ неоправдываемое возвращеніе за Луару, для чего требовалось взять Анжеръ, оставленный *синими*. При всей дерзости этаго предпріятія, оно всетаки можетъ быть имъ бы удалось, еслибы не трата даромъ времени въ Лавалѣ и не безцѣльное движеніе къ Краону—потому что тамъ находилась ничтожная горсть регулярнаго войска, отрѣзаннаго отъ своихъ силъ, которое и потомъ можно было взять даромъ. Для такой мелочи жертвовать временемъ при критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находились вандейцы, было большою несообразительностью, губившею лучшія ихъ предпріятія въ погонѣ за нестоющимъ вниманія. Между тѣмъ, въ Лавалѣ и Краонѣ потеряно десять дней, усилившихъ всякаго рода затрудненія вандейцевъ по части продовольствія, что заставило силы ихъ поневолѣ уже принять оставленное прежде направленіе къ Ламаншу, черезъ Маэнь, Фужеръ, Доль, Понторсонъ и Авраншъ. Совершая этотъ походъ, всѣ уже, и не предводители, видѣли себя въ отчаянномъ положеніи; тѣмъ болѣе, что при Долѣ пришлось драться, въ Авраншѣ нашелъ смерть благодушный Форе, а предположеніе уѣхать моремъ не могло состояться по значительности силъ вандейскихъ. Это заранѣе можно было предвидѣть и не расчитывать на невѣдомое богатство перевозныхъ судовъ у прибрежныхъ жителей. Послѣ дѣла при Долѣ, приходилось бѣднякамъ съ отчаяніемъ въ душѣ возвращаться прежнею дорогою на Фужеръ и Лаваль, а полумѣсяцомъ позднѣе, въ состояніи явнаго разстройства силъ своихъ, пытаться взять Анжеръ, какъ единственное средство къ возвращенію въ домашніе очаги. Но и этого исполнить не удалось.

Вмѣсто Анжера, по какому-то необъяснимому случаю, вандейскіе вожди повели свои толпы на убой къ Мансу, гдѣ, не говоря о лучшей дисциплинѣ въ регулярныхъ войскахъ, тѣ и численностью много превосходили растроенную массу защитниковъ идеи королевскаго правленія. Результатъ послѣдовалъ такой именно, какого можно было и ожидать: вандейцы отбиты и разсѣяны. Обрывкамъ полчищъ приходится отступать въ обратномъ направленіи, дѣлая далекой обходъ къ Луарѣ, черезъ которую, въ Ансенисѣ, вздумали они прорваться во что бы ни стало. А переправа эта оказалось гибельнѣе всего, что только можно было придумать во вредъ инсургентамъ: синіе, располагая рѣчною флотиліей съ пушками, отрѣзали имъ отступленіе, явившись въ самую пору переправы. Предводитель Ларошъ-Жакленъ оказался уже за рѣкою, а оторванная масса безъ начальства отброшена къ Савенэ, гдѣ ее добили окончательно. Попавшіе на свою сторону, съ Ларошъ-Жакленемъ, Божѐ, Стофле и Ланжери, съ горстью храбрыхъ, еще сопротивлялись стойко до самой смерти своего юнаго предводителя (4 марта нов. ст. 1794 г.) на переходѣ изъ Тремантина къ Нуалье. Одержавъ побѣду надъ синими, Ларошъ-Жакленъ, примѣтивъ двухъ раненыхъ республиканскихъ гренадеровъ, которыхъ хотѣли приколоть его люди, остановилъ убійцъ словами:

*) См. № 9 «Нивы».

«я самъ поговорю имъ», и скача, крикнулъ: «не бойтесь, я щажу васъ!» Одинъ изъ нихъ сталъ на колѣни, подавая ему ружье, но въ ту минуту какъ Ларошъ принималъ его, оно выстрѣлило и зарядъ попалъ въ лобъ, убивъ на повалъ героя, на 21 году его бурной жизни. Стофле выместилъ его смерть на *синихъ*, не давъ имъ пощады, при занятіи Шолле. Мариньи же, въ великую пятницу 18 (7) апрѣля, напавъ на замокъ Клиссонъ, положилъ въ немъ 1200 синихъ, наведя ужасъ на нихъ не менѣе, чѣмъ въ 1793 году по взятіи Брессюира. Но тутъ начались несогласія предводителей, въ такое время, когда партіи республиканцевъ, прозванныхъ отъ крестьянъ *адскими*, проходили вдоль и поперегъ по Анжу и Пуату, производя всевозможныя неистовства надъ беззащитными. Республиканскіе генералы дѣлали просто облавы для поимки мнимыхъ уже шуановъ. Напишутъ мэру, чтобы собралъ на площадь свое населеніе въ такой-то день, окружатъ городокъ—и подходя, пускаютъ заряды въ толпу, по приказу созванную.

Бретоны, призывавшіе шуановъ къ себѣ, но во-время неподавшіе имъ помощи людьми, оказали широкое гостепріимство убѣжавшимъ съ бойни Савенэ, немногимъ бойцамъ за принципъ законности, да женщинамъ и дѣтямъ. Всякаго рода хитрости, употребляемыя жандармами республики, для открытія между мѣстнымъ населеніемъ гонимыхъ пришельцевъ изъ-за Луары, оказывались въ Бретани недѣйствительными, въ теченіе памятной своею суровостью зимы 1793—1794 года. Чего не вынесли въ это время супруги и матери героевъ Вандеи, находясь въ безпрестанномъ страхѣ быть открытыми и испытывая томительную пытку неизвѣстности о милыхъ сердцу: гдѣ они, что съ ними? У слабыхъ женщинъ хватило силъ выносить подобное положеніе цѣлые полгода, пока слово *амнистія* не возбудило надеждъ на перемѣну къ лучшему. Сперва, впрочемъ, изверги сдѣлали ловушку изъ этой вожделѣнной *амнистіи* (всепрощенія). Орудія тиранства Робеспьера, не смотря на выданныя квитанціи въ Нантѣ—удостовѣрявшія что такого-то или такую-то, «представители республики приняли въ амнистію»—хватали, сажали въ келью и отправляли на эшафотъ, отбирая находимыя при бѣднякахъ свидѣтельства ихъ безопасности. Такъ захвачена была вдова героя вандейской войны Боншана въ Ансенисѣ, при переѣздѣ черезъ Луару. Съ канонерскихъ ботовъ потомъ стрѣляли въ судно, ее перевозившее и чуть было не пустили на дно, если бы подоспѣвшіе поселяне не вытащили ее, бросившись вплавь, подъ выстрѣлами. Спасенная великодушіемъ незнакомыхъ людей, вдова Боншана скрывалась нѣсколько недѣль въ древесномъ дуплѣ, гдѣ дѣти у нея заболѣли оспою и сынъ померъ. Крайность положенія, однако, три мѣсяца спустя, заставила ее отдаться жандармамъ. Привели страдалицу въ Нантъ, гдѣ наперсникъ лютаго Макса Робеспьера, свирѣпый Карье, чинилъ беззаконный судъ надъ жертвами, заранѣе обреченными гибели. Надо правду сказать однако, что, понимая обязанность судьи только въ осужденіи, извергъ этотъ не дѣлалъ никакого различія между приводимыми къ нему гражданами единой нераздѣльной республики и роялистами—тѣмъ и другимъ изрекалась одна *смерть*, въ глубинѣ Луары, со смертносныхъ ботовъ.

Захваченную въ лапы этаго *топителя*, г-жу Боншанъ спасла великодушная находчивость одного изъ городскихъ представителей, приставленныхъ «для порядка», къ плѣнникамъ республики—м-сье Одадиня, мѣстнаго купца и горячаго почитателя идеи республиканскаго равенства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добраго и благороднаго человѣка. Когда несчастную мадамъ Боншанъ проводили мимо его, по двору тюрьмы, Одадинь остановился будто бы для допроса: кто такая? и успѣлъ шепнуть ей, чтобы она заявила хоть мнимую беременность. Бѣдняжка машинально повиновалась этому внушенію и, по приводѣ въ коммиссію, сказала, что она *беременна*.

Ее и удержали въ тюрьмѣ безсрочно, такъ какъ въ ту пору правители республики одумались, что безполезно губятъ приплодъ вмѣстѣ съ жертвами своими, и распорядились женщинъ казнить по разрѣшеніи ихъ отъ бремени, а новорожденныхъ дѣтей воспитывать на счетъ государства, чтобы образовать изъ нихъ добрыхъ гражданъ Франціи.

Оставаясь въ пересыльной тюрьмѣ—той самой въ которую приводили назначенныхъ къ казни утромъ и оставляли здѣсь до ночи—несчастная вдова героя Вандеи каждый день видѣла перемѣну несчастныхъ обоего пола. Въ полночь раздавался колокольчикъ на главномъ дворѣ тюрьмы. Вслѣдъ затѣмъ входили въ келью съ огнемъ и вызывали, по одному, обреченныхъ къ смерти. Лицо вышедшее за двери страшной кельи—принималось коммиссаромъ, чтобы не возвращаться уже въ мѣсто страданія. Коммиссаръ, отсчитавъ десятокъ жертвъ, подъ конвоемъ отправлялъ на берегъ—и тамъ, приведенные размѣщались на ботъ съ раздвижнымъ дномъ и высокоподнятыми платформами на кормѣ и на рулѣ. На этихъ платформахъ садились обыкновенно стражи съ оружіемъ. Ботъ, биткомъ набитый людьми, отваливалъ отъ пристани, выплывалъ на глубину, и когда посредствомъ легкаго механизма дно раздвигалось а судно наполнялось водою до бортовъ—жертвы назначенныя на утопленіе погружались и исчезали.

Умѣнье плавать не могло выручить жертвы, потомучто, передъ отправленіемъ, погубляемые связывались крѣпко парами спиною къ спинѣ. Случалось, конечно, что отчаяніе при видѣ смерти давало сверхъестественныя силы потопляемымъ и они цѣплялись за борты бота. Но тутъ пускали въ дѣло багры, крючья и тесаки изверги-топители, не только колотя по рукамъ, головѣ и по чему придется, но отсѣкая руки и нанося тяжелыя раны жертвамъ, кровью которыхъ обливались стѣнки смертоноснаго судна и обрызгивалось одежда исполнителей варварскихъ приговоровъ.

Опроставъ ботъ, т. е. спустивъ въ Луару всѣхъ посаженныхъ на пристани въ судно смерти, его направляли обратно за новымъ грузомъ—и въ одну ночь губили, такимъ образомъ, до 400 человѣкъ. Иногда же усердію губителей удавалось спровадить за ночь и до шестисотъ жертвъ. Робеспьерова партія шутливо называла подобные свои подвиги *очищеніемъ воздуха* или «выпалываньемъ *сорной травы!*». Звѣрскій жаргонъ губителей богатъ былъ, нечего сказать, всякаго рода эпитетами и техническими словами, выражавшими спеціальныя особенности страшной процедуры обращенія живыхъ людей въ трупы, хладнокровно и съ сознаніемъ достоинства. Преданія сохранили много страшныхъ эпизодовъ этихъ *систематическихъ* топленій въ Луарѣ, гдѣ цинизмъ отвратительныхъ деталей доходилъ до наивной передачи ихъ какъ бы явленія нормальнаго, входившаго въ порядокъ вещей. При этомъ и сами исполнители даже хвалились проявленіемъ удали и своего рода ухарства, какъ мастера дѣла, обращеннаго въ почетную профессію.

Впрочемъ, сводя всѣ разсказы, полученные съ разныхъ сторонъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что жертвы губимыя такъ систематически, вѣроятно насмотрѣвшись

ужасовъ, при послѣднемъ актѣ жизненной драмы, не часто проявляли попытки продолжать страданія въ этомъ мірѣ. Но бывали конечно случаи, когда несчастныя женщины, и не молодыя уже, не выдерживали характера—и не разбирая за какую цѣну предлагали имъ жалкое спасеніе—хватались за него, едва ли сознавая себя. Никто не осудитъ этихъ слабыхъ за присущее человѣчеству отвращеніе отъ смерти... и какой еще смерти?! Эти случаи малодушія проявлялись, между тѣмъ, довольно рѣдко.

Одна аристократка, мать трехъ дочерей, мадамъ Журданъ, склонилась на предложеніе губителя: спасти понравившуюся ему, ея младшую дочь. Вышло однако совсѣмъ не то, что думала слабая родительница и презрѣнный предлагатель позора. Дѣвочка, которую силился мнимый спаситель удержать и выхватить изъ воды, когда жертвы уже погружались—сама бросилась въ средину лодки, наклонивъ голову и утонула прежде матери и сестеръ.

Была еще въ числѣ приговоренныхъ звѣрскимъ судомъ, въ Нантѣ, мадмуазель Кюисаръ, сестра эмигрировавшаго офицера. Товарищъ ея брата по полку, перешедшій въ ряды республиканскихъ войскъ, командовалъ ротою марсельскихъ головорѣзовъ въ Нантѣ—и узнавъ объ участи дѣвицы Кюисаръ, съ опасностью жизни пробрался къ ней и предложилъ: спасти ее. Она отвергла предложеніе, въ которомъ непрошенный благодѣтель намекнулъ на заманчивость ихъ обоюднаго счастія и на молодость которая погибнетъ безцѣльно, прибавивъ еще что-то въ подобномъ родѣ. Но съ дѣвицею Кюисаръ вмѣстѣ заключена была тетка, на которую убѣжденія офицера республики произвели совершенно противное дѣйствіе чѣмъ на племянницу, такъ что она сама принялась уговаривать упрямицу, называя безчеловѣчнымъ упорство, изъ-за котораго должны гибнуть другіе. Дѣвица поняла тогда, что тетушкѣ самой хочется спастись, а племянницу готова она принести въ жертву любви своей къ жизни,—и больше не возражала. Такъ что офицеръ подумалъ что ему удалось достигнуть желаемаго вполнѣ и съ своей стороны распорядился—съ помощью добрыхъ друзей—похищеніемъ мадмуазель Кюисаръ изъ самыхъ нѣдръ бота смерти. Для этого придумалъ онъ выплыть на своемъ канонерскомъ ботѣ съ солдатами на рѣку, въ то время какъ отвалитъ отъ берега судно обреченныхъ на смерть. Подойдя къ нему, легко было произвести суматоху, да во время смятенія вырвать дѣвушку и—баста! Съ распорядителемъ экзекуціи онъ успѣлъ поладить и условиться какъ сдѣлать удобнѣе—и ожидалъ съ твердымъ убѣжденіемъ удачи.

Вотъ выплываетъ онъ на своемъ канонерскомъ ботѣ въ самую пору, пересѣкая путь судну смерти. Нѣсколько солдатъ съ оружіемъ и онъ самъ вспрыгнули на платформу смертоноснаго бота.. подаютъ руки теткѣ и дѣвушкѣ. Тетка спасена, а мадмуазель Кюисаръ вырывается изъ рукъ солдатъ и съ крикомъ «Vive le Roi!» бросается въ глубину рѣки, всѣхъ приведя въ оцѣпенѣніе такою неожиданностью.

За нею бросаются, хватаютъ... выносятъ, но—уже трупъ!

Злодѣй Карье также отпускалъ съ своей стороны шуточки, вполнѣ его достойныя. Разъ, для забавы что-ли, приказалъ онъ перехватать въ Нантѣ всѣхъ проститутокъ, конечно ни въ чемъ не виноватыхъ передъ заправлятелями судьбою Франціи и неопасныхъ по своимъ взглядамъ на вещи единству республики; во имя котораго губили шуановъ съ семьями.

Проститутокъ оказалось подъ арестомъ слишкомъ триста. «Эта цифра страшно велика, по одному Нанту!» съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства отвѣтилъ Карье на рапортъ полицейскаго коммиссара, забиравшаго погибшія созданія. — Нужно положить предѣлъ разврату: утопить ихъ сегодня же!

И несчастныя грѣшницы погибли незаслуженною карою съ избыткомъ искупая заблужденія бурной жизни.

Эта безполезная жестокость вооружила противъ Карье самыхъ кровожадныхъ санкюлотовъ, которые считали погубленныхъ имъ — добрыми гражданками. Можете посудить, сколько же перегубилъ этотъ извергъ дѣйствительно честныхъ и добрыхъ особъ прекраснаго пола, за которыхъ не заступались головорѣзы? Но, число жертвъ лютости Карье было бы еще больше, если бы въ подручныхъ своихъ находилъ онъ поддержку; а то, къ счастью, между непосредственными помощниками злодѣя, находились люди, менѣе его кровожадные.

Однимъ изъ такихъ былъ Ламберти, въ умахъ жителей Нанта и жертвъ шуанскаго возстанія оставившій о себѣ добрую память. Возставать прямо противъ рѣшеній кроваваго трибунала онъ конечно не рѣшался, какъ на безконечное безумство; но, въ тѣхъ случаяхъ, когда спасти кому-либо жизнь можно было не возбуждая противъ себя преслѣдованія—онъ щадилъ и давалъ даже средства укрыться. Про него разсказывали однако, и онъ, можетъ съ намѣреніемъ даже, не опровергалъ факта мнимаго истребленія всѣхъ католическихъ монаховъ въ Нантѣ. Добрыя католички знали впрочемъ очень хорошо, что у нихъ въ городѣ скрыты были 400 отцовъ разныхъ орденовъ, начиная съ босоногихъ кармелитовъ. Ламберти только покручивалъ усъ да подсмѣивался, когда величали его *избивателемъ чернокафтанниковъ*. Кто его разберетъ, притворялся онъ только или вѣрилъ этому?

Въ душѣ былъ онъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться.

Представили ему, изловленную въ городѣ, горничную жены Ларошъ-Жакленя — Агату, дѣвушку бойкую и безстрашную, которая сказала прямо, у кого жила она.

— А! гмъ! а ты хочешь жить?

— Мнѣ все равно, отвѣтила она вздыхая,—наглядѣлась ужь страховъ, такъ что...

— Не боишься, скажешь, смерти? перерывая ее докончилъ Ламберти. — Ну, это не совсѣмъ я думаю такъ? Вотъ, еслибы... и онъ далъ шутливо понять, чѣмъ могла бы она купить свою безопасность.

— Никогда! закричала Агата—и вскочивъ на окно, показала рукою, что готова броситься внизъ и убиться.

— Этого не дѣлай, отозвался Ламберти покойно; — я хотѣлъ только испытать, не напускная ли у тебя храбрость. Нетрусовъ я люблю и... такъ и быть, спасу тебя безъ всякихъ цѣлей. Ступай щипать корпію!

Онъ дѣйствительно назначилъ ее въ помощь гражданкамъ, на жалованьѣ республики приготовлявшимъ бинты и корпію, для отсылки въ войсковые штабы. Когда же кончилась эта работа, перевелъ Ламберти свою protégé въ тюремный госпиталь, гдѣ спокойно и дожила она до паденія Робеспьера съ братьею, когда кончилась пора ужасовъ и эпоха топленій въ Луарѣ.

Между злодѣями не можетъ не быть и добрыхъ людей, попавшихъ можетъ быть и по ошибкѣ въ ихъ среду.

Торговое счетоводство на практикѣ.

«Чѣмъ правильнѣе ведутся конторскія книги, тѣмъ болѣе довѣрія къ торговому дому, ибо книги выражаютъ совѣсть и знаніе хозяйскаго дѣла.

Ни одна статья закона, ни одно распоряженіе высшихъ властей не пользуется такою завидною ненарушимостью и въ то же время не выполняется съ такою примѣрною точностью, какъ статья 529 Торговаго Устава, гласящая о ненарушимости коммерческой тайны купеческихъ (конторскихъ) книгъ. Статья эта соблюдается не только хозяевами отдѣльныхъ торговыхъ домовъ, но даже уставами банковъ, акціонерныхъ компаній и пр.

Къ чему же и для чего, спрашивается, сохранять тайну въ счетоводствахъ? Вѣдь если и встрѣчаются случаи, гдѣ счетоводство выражаетъ будущія торговыя предположенія, то это весьма и весьма рѣдко; чаще же книги служатъ выраженіемъ прошедшихъ уже дѣйствій—и секретничать съ ними незачѣмъ. Конечно, никто не приметъ наши слова за желаніе сдѣлать изъ купеческой конторы нѣчто похожее на толкучій рынокъ, куда бы всякій приходилъ и любопытствовалъ сколько душѣ угодно; однако, думается намъ, нѣтъ тоже никакой надобности превращать купеческую контору въ неприступный Гибралтаръ и тѣмъ лишать возможности, съ одной стороны, контролировать купеческія книги, а съ другой—научаться желающимъ практически счетоводству. Безконтрольность влечетъ за собою то, что представляемыя на конкурсъ книги оказываются въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительными—и разорившійся коммерсантъ попадаетъ въ разрядъ *неосторожныхъ банкротовъ*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ быть можетъ *несчастный* или *злостный*. Обстоятельство это было подробно объяснено нами въ 11-й книгѣ Бесѣды 1872 г.; поэтому и переходимъ къ другому неудобству, — къ невозможности желающему научиться практически веденію купеческихъ книгъ. Является, напримѣръ, теоретикъ-бухгалтеръ къ нуждающемуся въ счетоводствѣ банкиру и предлагаетъ ему свои услуги. Банкиръ ранѣе всего спрашиваетъ, гдѣ тотъ занимался веденіемъ книгъ; на это бухгалтеръ теоретикъ отвѣчаетъ обыкновенно, что онъ нигдѣ не занимался и потому проситъ банкира допустить его въ видѣ испытанія на мѣсяцъ къ занятіямъ въ конторѣ, послѣ чего уже и взять къ себѣ, если онъ окажется годнымъ. Банкиръ въ ту же минуту вспоминаетъ о ненарушимости конторской тайны и отказываетъ теоретику-бухгалтеру, замѣняя его какимъ нибудь практикантомъ-счетчикомъ, который, сдѣлавшись президентомъ купеческой конторы и пользуясь привилегированностію своего положенія, ведетъ книги какъ попало—и вотъ, въ концѣ концовъ, оказываются онѣ никуда не годными. Конечно, опять оговариваемся,—не всѣ такъ поступаютъ; но что большинство дѣйствуетъ именно такъ, а не иначе,—это засвидѣтельствовано офиціально нѣкоторыми извѣстными коммерсантами; о чемъ тоже говорили въ 11-й книгѣ Бесѣды 1872 г.

Не такъ давно намъ удалось воспользоваться любезностью одного торговаго дома въ Москвѣ и осмотрѣть его счетоводство, при чемъ мы замѣтили, что ведется оно по общимъ правиламъ двойной бухгалтеріи (объясненнымъ нами при разборѣ новыхъ по торговому счетоводству въ 8 книгѣ Бесѣды 1872 г.) и потому считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ тѣми практическими пріемами, которые приняты въ осмотренной нами конторѣ, надѣясь, что эти пріемы могутъ кому нибудь пригодиться.

Приступивъ къ осмотру конторскихъ книгъ почтеннаго торговаго дома, сдѣлавшаго пріятное въ нашу пользу исключеніе, мы попросили прежде всего показать намъ опись первоначальнаго имущества—и уже затѣмъ, сличивъ статьи ея съ документами, обратились къ обзору *журнала* и *гроссъ-буха*, этихъ основныхъ книгъ каждаго счетоводства. Тутъ увидѣли мы, что всѣ статьи, значащіяся въ описи и выражающія положительную сторону капитала этой фирмы, какъ-то: наличныя деньги, товары, чужіе векселя и пр. списаны со счета капитала и записаны на счета: кассы, товаровъ, чужихъ векселей и пр. и пр.; долги же этой фирмы, то есть отрицательная сторона капитала, наоборотъ, записаны на счетъ капитала и списаны со счета своихъ долговъ. При этомъ счета открыты въ главной книгѣ сообразно съ тѣми подраздѣленіями, на какія распадается само дѣло,—и для тѣхъ именно предметовъ и торговыхъ операцій, которыми по преимуществу заинтересованы хозяева фирмы. Кромѣ того, обращено также не послѣднее вниманіе и на то, чтобы часто повторяющіеся значительные расходы велись отдѣльными счетами, а мелкіе или рѣдко встрѣчающіеся соединялись по возможности вмѣстѣ и не раздроблялись на многіе... Руководствуясь этимъ правиломъ, конторою заведено столько вспомогательныхъ книгъ, сколько потребовалось ихъ по сути дѣла, а именно: *кассовая* (для денегъ), *товарная* (для всякаго рода имущества) и, наконецъ, *разсчетная* (для разсчета съ кредиторами фирмы). Книги этихъ, казалось бы, мало; по крайней мѣрѣ ихъ гораздо меньше установленнаго количества торговымъ уставомъ,—но мы уже имѣли случай говорить *), что нашъ законъ въ данномъ случаѣ безъ нужды усложнилъ торговое счетоводство, а потому тутъ остается намъ только засвидѣтельствовать, что на практикѣ, какъ мы видѣли, ихъ заглаза довольно. Однако, чтобъ не говорить голословно, разскажемъ о подробностяхъ веденія отчетности въ осмотрѣнной нами конторѣ.

Каждое лицо, имѣющее на своихъ рукахъ особое дѣло, какъ то: кассиръ, смотритель кладовой, главный приказщикъ магазина и пр., при всякомъ пріемѣ или отпускѣ хранящихся у него предметовъ, въ ту же минуту какъ совершается какая-либо по его части операція, записываетъ эту операцію въ имѣющуюся у него вспомогательную книгу. Записи эти не представляютъ ни хитрости, ни труда, ибо вносятся безъ всякихъ научныхъ правилъ и притомъ въ заранѣе разграфленныя страницы, съ отмѣткою тѣхъ данныхъ, какія необходимы по существу произведенныхъ операцій. Затѣмъ, по окончаніи въ извѣстный часъ дня занятій, каждый изъ названныхъ дѣльцовъ выбираетъ изъ своей книги всѣ случаи выдачи или пріема и подаетъ о томъ въ главную бухгалтерію особую рапортичку, такъ точно разграфленную какъ и его книга. На основаніи этихъ рапортичекъ, конечно провѣренныхъ контролеромъ конторы, помощникъ главнаго бухгалтера составляетъ журналъ, записывая въ него каждую статью во всей подробности и указывая, согласно правилъ двойной бухгалтеріи **), какой счетъ дебитуетъ

---

*) «Безнаказанность нашихъ банкротовъ» въ № 11 Бесѣды 1872 г.

**) См. бухгалтерія Иванова или фонъ-деръ-Зее.

(получаетъ) и какой кредитуетъ *(расходуетъ)*. Потомъ, соединивъ однородныя статьи журнала въ одну, разносятся всѣ записки журнала по соотвѣтствующимъ счетамъ гроссъ-буха. Засимъ составляютъ дневной балансъ—и счетоводство окончено. Тутъ надо замѣтить, что въ случаѣ отказавшейся въ чемъ либо невѣрности, сейчасъ же, не откладывая въ долгій ящикъ, наводятъ справку въ кассѣ или магазинахъ—и каждая малѣйшая ошибка немедленно исправляется, не путая дальнѣйшаго книговеденія. Такъ повторяется изо-дня-въ-день—и распорядитель фирмы получаетъ ежедневныя свѣдѣнія о положеніи всего дѣла, въ видѣ балансоваго счета, составляемаго для него по табличкѣ французскаго бухгалтера Адольфа Гильбо.

Работа по составленію баланса вчернѣ дѣлается въ конторѣ такъ: по разнесеніи всѣхъ записей въ главную книгу, выбираютъ изъ нея на отдѣльную бумажку, въ формѣ вѣдомости, итоги всѣхъ суммъ по отдѣльнымъ счетамъ главной книги, занося каждый итогъ противъ его названія въ соотвѣтствующую графу дебета и кредита. Далѣе, сличивъ итоги дебета и кредита по каждому счету, разницу записываютъ особо, опять-таки въ соотвѣтствующую графу прихода или расхода; при чемъ прибыль и убытокъ выдѣляются и записываются отдѣльно. Такимъ образомъ является возможность опредѣлить: во первыхъ, общій по всему дѣлу избытокъ, а также и прибыль, а во вторыхъ, сбалансировать всѣ счета главной книги. Кстати скажемъ, что *балансированіемъ* (закрытіемъ) *счета* называется приравниваніе итога одной его стороны *(дебета)* къ другой *(кредиту)*; для чего разницу между сторонами, т. е. остатокъ прикладываютъ къ итогу меньшей стороны, перенося въ то же время эту разницу на противоположную сторону балансирующаго счета, каковымъ и бываетъ обыкновенно счетъ баланса исходящаго. Для наглядности только-что сказаннаго, возьмемъ маленькій произвольный примѣръ и прослѣдимъ на немъ всевозможные переходы суммъ съ одного счета на другой, вплоть до составленія баланса.

На первомъ листѣ каждой главной книги мы увидимъ, что записанъ счетъ «капитала», откуда уже и получаются прочіе счета. Поэтому начнемъ такъ же и мы, предупреждая читателя, что въ главной книгѣ на лѣвой страницѣ записывается всегда приходъ (дебетъ) каждаго счета, а на правой — расходъ (кредитъ), такъ что каждый счетъ занимаетъ обыкновенно обѣ страницы и потому нумерація гроссъ-буха идетъ не постранично, а по листамъ

Счетъ капитала.

Дебетъ.	Руб.	Кредитъ	Руб
Со счета своихъ долговъ:		*На счетъ кассы:*	
Осталось за нами разнымъ лицамъ	350	Наличныхъ денегъ . .	1000
Итого . .	350	*На счетъ имущества:*	
		Разнаго, на	1000
Со счета баланса:		*На счетъ товара:*	
		Разнаго, на	2000
		На счетъ чужихъ долговъ:	
Чистаго капитала . . .	3250	За разными лицами . .	500
Итого . .	3600	Итого . .	3600

Счетъ закрытъ.

Уравнивая итоги, т. е. закрывая этотъ счетъ, необходимо приписать къ лѣвой сторонѣ его разницу въ 3250 руб., которая въ то же время въ балансовомъ счетѣ должна быть записана на правой сторонѣ, ибо (по правиламъ двойной системы счетоводства) если одинъ счетъ получаетъ, приходуетъ, дебитуетъ, то слѣдовательно другой счетъ отдаетъ, расходуетъ, кредитуетъ. Поэтому и указывается надъ каждой записью, откуда, съ какого счета она поступила, или куда, на какой счетъ выбыла. Отсюда является главное преимущество двойной бухгалтеріи передъ простою; отсюда происходитъ, что каждая ошибка оказывается при первоначальной повѣркѣ равенства итоговъ, а не въ концѣ книги. Однако продолжаемъ далѣе:

Счетъ кассы.

Дебетъ.	Руб.	Кредитъ.	Руб.
Со счета капитала:		*На счетъ товара:*	
Наличныхъ денегъ . .	100	Куплено разнаго товара, на	4000
Со счета товара:		*На сч. убытка и прибыли:*	
Продано разнымъ лицамъ, на	5000	Употреблено на общіе расходы	1200
Со счета имущества:		*На сч. своихъ долговъ:*	
Продано разн. лиц., на .	250	Уплачено разн. лицамъ.	100
Итого . .	5350	Итого . .	5300
		На сч. баланса.	
		Наличный остатокъ . .	50
		Итого . .	5350

Счетъ закрытъ.

Счетъ имущества.

Дебетъ.	Руб.	Кредитъ.	Руб.
Со счета капитала:		*На счетъ кассы:*	
Наличнаго имущества на	1000	Продано разн. лицамъ на	250
Итого . .	1000	Итого . .	250
		На счетъ баланса:	
		Наличный остатокъ, на	750
		Итого . .	1000

Счетъ закрытъ.

Счетъ товара.

Дебетъ.	Руб.	Кредитъ.	Руб.
Со счета капитала:		*На счетъ кассы:*	
Наличнаго товара, на .	2000	Продано разнаго товара, на	5000
Со счета кассы:		Итого . .	5000
Куплено разн. товару, на	4000		
Со сч. убытка и прибыли:		*На счетъ баланса:*	
За проданный товаръ получено барыша . .	500	Осталось наличнаго товара, на	1500
Итого . .	6500	Итого . .	6500

Счетъ закрыть

Счетъ долговъ чужихъ.

Дебетъ.	Руб.	Кредитъ.	Руб.
Со счета капитала:		*На счетъ баланса:*	
Состоитъ за разными лицами	500	Осталось за разными лицами	500
Итого . .	500	Итого . .	500

Счетъ закрытъ.

Счетъ долговъ своихъ.

Дебетъ.	Руб.	Кредитъ.	Руб.
Со счета кассы:		*На счетъ капитала:*	
Уплачено разн. лицамъ	100	Должны разнымъ лицамъ	350
Итого . .	100	Итого . .	350
Со счета баланса:			
Остаемся должны разн. лицамъ	250		
Итого . .	350		

Счетъ закрытъ.

Счетъ убытка и прибыли.

Дебетъ.	Руб.	Кредитъ.	Руб.
Со счета кассы:		*На счетъ товара:*	
На общіе расходы по дѣлу	1200	Барыша отъ продажи товара	500
Итого . .	1200	Итого . .	500
		На счетъ баланса:	
		Чистаго убытка	700
		Итого . .	1200

Счетъ закрытъ.

Отсюда *счетъ исходящаго баланса* является въ такомъ видѣ:

	Руб.		Руб.
Наличныхъ денегъ	50	Чистаго капитала вначалѣ дѣла	3250
Имущества	750	Осталось своихъ долговъ	250
Товара	1500	Итого	3500
Чужихъ долговъ	500		
Убытка	700		
Итого	3500		

Но вслѣдствіе полученнаго въ данномъ примѣрѣ убытка, *счетъ чистаго капитала* уже выразится такъ:

Активъ.	Руб.	Пассивъ.	Руб
Наличныхъ денегъ	50	Долгу своего	250
Имущества	750	Слѣдоват. чистаго капитала	2550
Товара	1500	Итого	2800
Долгу чистаго	500		
Итого	2800		

То есть: *чистый капиталъ* всегда равенъ всему активному безъ пассивнаго. Общій же *балансовый счетъ* будетъ имѣть слѣдующій видъ:

	Руб.		Руб.
Наличныхъ денегъ	50	Основнаго капитала	3250
Имущества	750	Долговъ своихъ	250
Товара	1500	Прибыли	500
Чужихъ долговъ	500	Итого	4000
Общихъ расходовъ	1200		
Итого	4000		

На этомъ примѣрѣ читатель видитъ, что вначалѣ всѣ суммы перешли со счета капитала на прочіе счета; за тѣмъ, каждая совершавшаяся операція была записываема по тому счету, у котораго выбывали предметы, въ расходъ *(кредитъ)*, а по тому, на который тѣ предметы прибывали, въ приходъ *(дебетъ)*. Наконецъ, по сравненіи итоговъ каждаго счета и по выводѣ прибыли и убытка, счета были закрыты и остатки перенесены на балансовый счетъ, который обыкновенно, какъ видимъ мы изъ газетъ, и публикуется ежемѣсячно каждымъ банкомъ ко

Общій видъ Вѣнской выставки 1873 года, съ высоты птичьяго полета.

1 и 2. Промышленный отдѣлъ. 3. Отдѣленіе машинъ. 4. Павильонъ изящныхъ искусcттъ. 5. Павильонъ любителей. 6. Теплица. 7. Акварій. 8. Главная аллея Пратера. 9. Главный входъ. 10. Паркъ. 11. Главный входъ въ промышленный отдѣлъ. 12. Павильонъ коммисіонерства. 13. Павильонъ почтъ и телеграфовъ. 14. Императорскій павильонъ. 15. Павильонъ присяжныхъ по выставкѣ. 16. Крытые переходы. 17. Фейерверочная аллея Пратера. 18. Соединительныя тропинки. 19. Боковой входъ въ промышленный отдѣлъ. 20. Крытые переходы. 21. Паркъ для промышленныхъ заведеній. 22. Рестораны. 23. Сѣверная желѣзная дорога. 24. Государственная дорога. 25. Общая станція желѣзныхъ дорогъ. 26. Дунай. 27. Набережье Дуная. 28. Проволочная желѣзная дорога. 29. Мѣста для экипажей. 30. Паркъ.

всеобщему свѣдѣнію. Но едва ли большинство читателей этихъ банковскихъ отчетовъ что-нибудь выводитъ изъ нихъ, такъ какъ изъ одного балансоваго счета ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть тѣхъ видоизмѣненій, которыя произошли за извѣстный періодъ времени въ торговомъ дѣлѣ. Вотъ, въ виду этаго-то послѣдняго обстоятельства и принято въ осмотрѣнной нами конторѣ за правило подавать распорядителю фирмы, вмѣсто обычнаго балансоваго счета, тотъ же самый счетъ только по весьма остроумной формѣ Гильбо. Форма эта состоитъ изъ таблицы, раздѣленной вертикально и горизонтально на столько частей, сколько всѣхъ счетовъ въ главной книгѣ,—помѣщая въ однихъ параллеляхъ всѣ счета дебитующіе, а въ другихъ—кредитующіе. Отъ этого получается возможность показать въ самомъ балансѣ всѣ происшедшія по каждому счету измѣненія и одною табличкою замѣнить рядъ счетовъ, только что выписанныхъ нами для примѣра. Конечно, это нововведеніе не представляетъ особой важности, но мы все-таки сообщаемъ о немъ—и сообщаемъ съ нѣкоторымъ даже сочувствіемъ, какъ о новизнѣ безспорно оригинальной и несовсѣмъ безплодной. Представляя ниже самый чертежъ этой таблицы, группирующей на четвертушкѣ бумаги всѣ отдѣльные счета гроссъ-буха, просимъ читателя просмотрѣть ее повнимательнѣе и тогда онъ увидитъ, что преимущество этой формы передъ обыкновеннымъ балансомъ едва ли подлежитъ спору.

По поступленіи этого баланса или, если хотите, какъ называетъ свою таблицу самъ Гильбо, этого *resumé journalier* къ распорядителю торговаго дома, этотъ послѣдній выбираетъ изъ него нужныя для себя свѣденія и вноситъ ихъ въ особую *хозяйскую книгу*, на основаніи которой онъ руководитъ всѣмъ дѣломъ и которая по этому должна остаться дѣйствительно въ секретѣ, такъ какъ въ ней отмѣчаются разныя предположенія и такія торговыя операціи, исполненіе коихъ можетъ быть въ далекомъ будущемъ.

Табличка Гильбо.

Названіе счетовъ дебиторовъ.	Названіе счетовъ кредиторовъ.							
	Сч. капитала.	Сч. кассы.	Сч. имущества.	Сч. товара.	Сч. долговъ чужихъ.	Сч. долговъ своихъ.	Сч. убытка и прибыли	Итого.
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Сч. капитала.	—	50	750	1500	500	350	700	3850
Сч. кассы	100	—	250	5000	—	—	—	5350
Сч. имущества . . .	1000	—	—	—	—	—	—	1000
Сч. товара	2000	4000	—	—	—	—	500	6500
Сч. долговъ чужихъ .	500	—	—	—	—	—	—	500
Сч. долговъ своихъ .	250	100	—	—	—	—	—	350
Сч. убытка и прибыли	—	1200	—	—	—	—	—	1200
Итогъ . . .	3850	5350	1000	6500	500	350	1200	18750

Въ письмахъ нашего туриста г. Славинскаго объ Америкѣ былъ разсказанъ, между прочимъ, очень интересный случай съ однимъ ньюіоркскимъ торговымъ домомъ, который едва было не понесъ громадныхъ убытковъ именно вслѣдствіе того, что секретныя *хозяйскія* книги дѣлались извѣстными и какія-то темныя личности пользовались многими задуманными и начатыми операціями въ этой фирмѣ. Но дѣло кончилось благополучно—и злокозненный ночной сторожъ, входившій воровскимъ способомъ въ контору, накрытъ былъ на мѣстѣ преступленія.

Въ заключеніе этой замѣтки должно сказать, что для веденія конторскихъ книгъ какого бы то ни было торговаго дома,—будь это банкирская контора, фабричное заведеніе или просто на просто модный магазинъ, — словомъ, для всякаго рода конторской дѣятельности необходимо, кромѣ знанія бухгалтеріи, имѣть ясное представленіе о тѣхъ операціяхъ, которыя приходится записывать въ книги. Поэтому для служащаго, напримѣръ, въ банкѣ—необходимѣе всего прочаго обладать математическими свѣденіями, такъ какъ тамъ то и дѣло встрѣчаются случаи: учета векселей, перевода денегъ изъ одного государства въ другое, займовъ съ погашеніемъ и тому подобное; такъ точно для фабричнаго или заводскаго бухгалтера, прежде всего, требуется знакомство съ техникой производства тѣхъ предметовъ, которые выдѣлываются на фабрикѣ, ибо безъ этого невозможно правильно слѣдить за переработкою сырыхъ матерьяловъ въ издѣлія и никогда не достигнется главная цѣль хорошаго счетоводства:—сдѣлать самую точную и опредѣленную разцѣнку всему имѣющемуся на фабрикѣ или заводѣ.

В. Сафоновъ.

Вѣнская выставка.

Крылатая молва еще съ осени прошлаго года разнеслао во всѣ уголки нашего отечества вѣсть о предстоящей всемірной выставкѣ въ столицѣ Австро-Венгріи. Многіе изъ петербуржцевъ получили даже литографированныя приглашенія на *русскомъ* языкѣ (хотя и съ грѣхомъ пополамъ) отъ комитета выставки; Академія художествъ выставила множество картинъ и скульптурныхъ произведеній, отправляемыхъ въ Вѣну. Какъ устные, такъ и печатные толки о новомъ дворцѣ промышленности не перестали еще занимать общество. Въ виду всего этого считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ общимъ видомъ зданій и расположеніемъ отдѣловъ.

При устройствѣ бывшихъ доселѣ всемірныхъ выставокъ, постоянно стремились къ тому, чтобы зданіе, вмѣщающее образцовыя произведенія человѣческаго творчества, изобрѣтенія и труда, было вполнѣ достойно своего содержимаго. Такимъ образомъ возникали обширные дворцы, великолѣпно изукрашенные снаружи и внутри, производившіе на зрителя впечатлѣніе не менѣе грандіозное, какъ и собранные въ нихъ плоды современнаго искусства и промышленности. Многіе изъ этихъ палацовъ исчезли тотчасъ послѣ того, какъ пестрая толпа національностей, стекавшаяся со всѣхъ концовъ Европы, снова разбрелась по домамъ, захвативъ съ собой и выставленные продукты; такъ было со зданіями выставокъ 1862 и 1867 гг. Другіе же пережили свое кратковременное назначеніе и донынѣ стоятъ хотя опустѣлые, но все еще достойные удивленія и любопытства; таковы Сиденгамскій Crystal palace (хрустальный дворецъ) и Palais de l'Industrie (дворецъ промышленности), служившіе гостепріимнымъ кровомъ, первый — выставкѣ 1851 г., а второй — 1855 г.

По этому и въ Вѣнѣ прежде всего озаботились тѣмъ, чтобы предстоящая выставка во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ образомъ примкнула къ ряду своихъ предшественницъ. Что касается внѣшняго вида и расположенія зданій — то красотѣ ихъ особенно благопріятствовали условія мѣстной природы.

Пратеръ, этотъ всемірно-извѣстный естественный паркъ, украшеніе дунайской столицы, представлялъ наилучшую (изъ всѣхъ прежде бывшихъ) арену для состязаній искусства и промышленности. Здѣсь сама природа взяла на себя роль художника-садовода, здѣсь не представлялось надобности разбивать искуственные газоны и куртины вокругъ павильоновъ выставки,—все было готовое. Обширность Пратера дала возможность раскинуть зданія выставки на такомъ пространствѣ, какого не представляло даже Марсово поле въ 1867 году.

Вотъ табличка пространства, занимаемаго предшествовавшими выставками:

въ Лондонѣ (Гайдъ-Паркъ) 1851 г. около 18,000 кв. саж. или $7^1/_2$ десятинъ;

въ Парижѣ (Елисейскія поля) 1855 г. около 22,900 кв. саж. или $9^1/_2$ десятинъ;

въ Лондонѣ (Бромптонъ) 1862 г. около 41,300 кв. саж. или 17 десятинъ;

въ Парижѣ (Марсово поле) 1867 г. около 98,200 кв. саж. или 40 десятинъ;

въ Вѣнѣ (Пратеръ) 1873 г. около 517,900 кв. саж. или 215 десятинъ.

И такъ, Вѣнская выставка занимаетъ пространство *впятеро* обширнѣйшее Парижской 1867 года. Три главныя зданія (отдѣлы промышленный, машинъ и изящныхъ искусствъ) равняются знаменитому *дворцу промышленности*, занимая около 25,300 кв. саж. или 10 дес.

Возведеніе зданій выставки поручено автору проекта ея, Карлу Газенауэру въ качествѣ главнаго строителя, при двухъ помощникахъ, архитекторахъ Гигитцѣ и Коромпаѣ.

Большая ротонда, желѣзная постройка въ 120,000 пудовъ, составляющая центръ главнаго зданія, будетъ покрыта по новой системѣ Скоттъ-Росселемъ, строителемъ Гретъ-Истерна и Сиденгамскаго дворца. Свѣтлый, пустой сводъ этой гигантской кровли обнимаетъ 102 метра, т. е. вдвое болѣе величайшаго въ свѣтѣ купола св. Петра въ Римѣ.

Къ ротондѣ примыкаетъ главная галлерея въ 11 сажень ширины и 420 сажень, (т. е. почти верста) огульной длины. Эта главная галлерея въ равномѣрныхъ разстояніяхъ пересѣкается подъ прямымъ угломъ поперечными галлереями въ 7 сажень ширины и 95 сажень огульной длины, — такъ что съ каждаго бока главной галлереи образуются 24 двора въ 16 сажень ширины. Эти дворы обусловливаютъ возможность освѣщенія всѣхъ выставленныхъ предметовъ боковымъ свѣтомъ сверху, устраняя такимъ образомъ неудобство стеклянныхъ крышъ, которыя при вѣнскомъ климатѣ и частыхъ дождяхъ почти невозможны. Они облегчаютъ также вентиляцію всѣхъ помѣщеній и позволяютъ въ случаѣ надобности расширить ихъ, для чего стоитъ только покрыть дворъ или часть его. Другое удобство, представляемое этимъ расположеніемъ выставки, состоитъ въ легкомъ доступѣ ко всѣмъ отдѣламъ снаружи, легкости оріентироваться внутри и распознавать помѣщенія разныхъ государствъ, снабженныя отдѣльнымъ входомъ со двора.

Что касается архитектурнаго расположенія, то Газенауеръ раздѣлилъ свой дворецъ промышленности на три части, а именно: большую квадратную срединную постройку (центромъ которой служитъ ротонда) и два примыкающія къ ней боковыя зданія съ четырехугольными дворами. Кромѣ 32 входовъ на лицевой сторонѣ поперечныхъ галлерей, устроены четыре главныхъ портала, изъ которыхъ одинъ — противъ главной аллеи Пратера (8), а другой — противъ фейерверочной (17).

Позади дворца промышленности, параллельно ему, возвышается почти равный ему по длинѣ отдѣлъ машинъ (3), продольная постройка, предназначенная для помѣщенія машинъ въ полномъ ходу, работающихъ предъ глазами зрителей. Отдѣломъ этимъ завѣдуетъ г. фонъ-Энгертъ, въ качествѣ главнаго инженера выставки.

Параллельно боковому фасаду дворца промышленности, съ правой стороны, у небольшаго рукава Дуная, высится длинное четырехраздѣльное зданіе изящныхъ искусствъ (4), въ срединѣ котораго устроенъ двойной рядъ залъ, освѣщенныхъ сверху, назначенный для большихъ холстовъ; а меньшія залы, съ боковымъ свѣтомъ, заключаютъ въ себѣ картины меньшихъ размѣровъ.

Пространство между дворцомъ промышленности и павильономъ изящныхъ искусствъ обращено въ паркъ, украшенный статуями и другими художественными издѣліями.

Къ павильону изящныхъ искусствъ примыкаютъ соединенные съ нимъ галлереей два павильона любителей, въ которыхъ будутъ помѣщены картины частныхъ владѣльцевъ, до сихъ поръ недоступныя публикѣ.

Съ обѣихъ сторонъ павильона изящныхъ искусствъ расположены: у главной аллеи, теплица (6), а къ Дунаю акваріумъ (7). Между главной аллеей Пратера и дворцомъ промышленности разбитъ украшенный фонтаномъ и боскетами паркъ (10).

По бокамъ его выстроены другъ противъ друга павильоны коммисіонерства (12) и почтъ и телеграфовъ (13), а далѣе великолѣпный императорскій павильонъ (14) и павильонъ присяжныхъ выставки (15).

На случай ненастья справа и слѣва отъ главнаго входа (9), устроены два боковые крытые перехода (16), чтобы вступать въ зданіе выставки осушивъ подошвы обуви. Экипажи, слѣдующіе по фейерверочной аллеѣ (17) и примыкающимъ сюда улицамъ (18), подъѣзжаютъ прямо къ боковому порталу (19) выставки.

Изъ дворца промышленности такіе же крытые переходы (20) ведутъ въ отдѣлы машинъ и изящныхъ искусствъ.

Паркъ (21), тянущійся между промышленнымъ и машинными отдѣлами, назначенъ для выставки строительныхъ матеріаловъ.

Кромѣ того, вокругъ всего пространства, занимаемаго выставкой, расположены рестораны (22). По-за-паркомъ изящныхъ искусствъ, рукавъ Дуная съ тремя перекинутыми мостами отдѣляетъ собственно пространство выставки отъ обширнаго парка (30), соединяющагося съ набережьемъ Дуная и отведеннаго для выставки предметовъ сельскаго хозяйства и конской. Набережье же Дуная (27) предназначено для размѣщенія гидравлическихъ машинъ и аппаратовъ.

Сообщеніе выставки съ городомъ чрезвычайно удобно. Двѣ желѣзныхъ дороги, Сѣверная (23) и Государственная (24), доставляютъ пассажировъ къ находящейся позади отдѣленія машинъ общей станціи (25). Пароходы по Дунаю (26) будутъ ходить до самой выставки. Проволочная желѣзная дорога (28) вдоль фейерверочной аллеи сообщаетъ ее съ Пратерштерномъ. Для выставки экипажей назначены мѣста (29), заключающія ихъ въ себѣ до 2,000.

Смѣсь.

Еслибы **происхожденіе многихъ модъ** стало извѣстнымъ публикѣ — въ обществѣ пожалуй поубавилось бы «подражательницъ модисткамъ», какъ назвалъ ихъ Грибоѣдовъ въ своей безсмертной комедіи. Пресловутая Кора Пирль, на веселой пирушкѣ членовъ Жокей-клуба, хвалилась недавно, что ей стоитъ только надѣть какую нибудь шляпенку самой потѣшной формы,—и весь Парижъ, а въ особенности высшій свѣтъ, тотчасъ станетъ подражать этой нелѣпости. Замѣтимъ кстати, что m-lle Кора весьма талантливая живописица и всегда сама изобрѣтаетъ и выполняетъ рисунки заказываемыхъ ею драгоцѣнностей, которыя раздариваетъ на память. Вслѣдствіе вышеупомянутаго смѣлаго предложенія, между двумя изъ присутствующихъ господъ состоялось пари, — а Кора, потребовавъ у одного изъ нихъ шляпу, сплюснула ее, стоптала ногами, отчаянно загнула поля и украсила импровизованную модель лентой и бѣлымъ перомъ. Затѣмъ она предложила друзьямъ найдти названіе *этой новой модѣ*. Веселое собраніе оказалось весьма послѣдовательнымъ, окрестивъ суетное порожденіе капризныхъ паровъ шампанскаго именемъ «*Рогобо*». На другой день шляпа на головѣ Коры прогуливалась въ Булонскомъ лѣсу, а дублетъ ея выставленъ былъ въ окнахъ Кориной модистки. Чрезъ недѣлю «Рогобо» стало любимымъ головнымъ уборомъ парижанокъ, а наши дамы проносили его весь истекающій зимній сезонъ съ большими или меньшими варьянтами.

Ромъ и сливки къ чаю. Извѣстно, что при смѣшиваніи различныхъ веществъ, часто бываетъ не все равно, чего прибавить сначала и чего подъ конецъ. Такъ напримѣръ, если въ чай подлить сперва сливокъ, а потомъ рому, то сливки не свертываются; наоборотъ, онѣ тотчасъ же свернутся, если влить ихъ послѣ рому.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА и МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123,

ПОЛУЧИЛЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ГОТОВЫХЪ ДАМСКИХЪ ВЕЩЕЙ
ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ДОМОВЪ ПАРИЖА.

ОТДѢЛЪ 1-й.
ВАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Пальто Ліонс. бархату гладкое, безъ отдѣлки	85	—	125	—
Пальто и Манто Ліонс. бархату, отдѣланное богатыми кружевами и аграмантомъ	100	—	350	—
Ротонды Ліонс. бархату гладкія и съ мѣшками съ разной отдѣлкой.	100	—	400	—
Панье съ кофтой и баской Ліонс. бархату съ богатой отдѣлкой съ кружевами клюни, гипюръ, аграмантомъ, бахромой и друг. отдѣлк.	110	—	400	—
Кофта, козакъ, баска Ліонс. бархату.	50	—	150	—

ОТДѢЛЪ 2-й.
ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Пальто Ліонс. фай съ небольшой отдѣлкой.	45	—	50	—
Пальто изъ лучшаго Ліонс. фай, армюръ, съ богатой отдѣлкой	60	—	150	—
Ротонды изъ лучшаго Ліонс. фай гладкія и съ мѣшками съ разной отдѣлкой.	75	—	150	—
Панье съ кофтой и съ баской изъ лучш. Ліонс. фай, съ богатой отдѣлкой	75	—	200	—
Кофты, козакъ, баски, изъ Ліонс. фай.	20	—	75	—

ОТДѢЛЪ 3-й.
ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Пальто изъ кастора съ бог. отдѣлк.	20	—	50	—
Пальто изъ французской матеріи съ разною отдѣлкой	30	—	60	—
Кофты, козакъ, панье	15	—	75	—
Ротонды разныя изъ кастора Драде-Велюръ, гладкія и съ мѣшками съ богатой отдѣлкой	25	—	60	—
Долманы, отъ 30 руб. и дороже.	—	—	—	—

ОТДѢЛЪ 4-й.
БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Сорти-де-Баль	10	—	20	—
Ротонды съ роскошною отдѣлкою и вышивкою	25	—	200	—

ОТДѢЛЪ 5-й.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Костюмы шелковые черные съ богатой отдѣлкой	100	—	400	—
Большой выборъ костюмовъ изъ разныхъ модныхъ шерстяныхъ тканей всѣхъ цвѣтовъ съ роскошной отдѣлкой	20	—	125	—

ОТДѢЛЪ 6-й.
ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Бархатъ Ліонс. узкій, арш.	6	—	12	—
Бархатъ Ліонс. широкій	12	—	18	—
Фай черн. Ліонс	1	75	6	—
Фай всѣхъ модныхъ цвѣтовъ	1	80	4	—
Шали ковровыя	50	—	200	—
Платки ковровые	15	—	100	—
Платки кашмир. чер. вышитые	6	—	50	—
Платки кашмир. бѣлые	15	—	40	—
Платки крепонъ	15	—	150	—
Ротонды кружевныя, ляма, клюни, бѣлыя и черныя	30	—	150	—

ОТДѢЛЪ 7-й.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ШЛЯПЪ
самыхъ новѣйшихъ фасон., пригот. по послѣдн. Парижск. моделямъ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Модели	25	—	65	—
Шляпы: шелковыя и креповыя	6	—	15	—
„ касторовыя	3	—	15	—
„ соломенныя	2	—	25	—
Чепчики, уборы и наколки	3	—	20	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	15	и дор.
„ для шляпъ и куафюръ	—	75	10	—
Большой выборъ зонтиковъ.				
Антука	2	25	10	—
Модные	3	—	25	и дор.

Большой выборъ дѣтск. шляпъ.

ОТДѢЛЪ 8-й.
ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ.
для дѣвочекъ и мальчиковъ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
Салопчики для гулянья до 2 лѣтъ изъ разной матеріи	10	—	25	—
Кофточки	2	—	6	—
Платьица длинныя для 3 лѣтъ и болѣе	4	—	15	—
Пальто изъ кастора съ отдѣлкой	6	—	25	—
Пальто изъ французской матер.	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ разныхъ матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ изъ разн. матерій съ отдѣлкой	5	—	25	—
Полный костюмъ для мальчиковъ матроска	10	—	20	—

Покорнѣйше просятъ желающихъ выписывать обозначать при заказахъ цвѣтъ матерій и мѣрку длины и полноты вокругъ плечъ, также по части дамскихъ нарядовъ принимаетъ отъ гг. иногородныхъ покупателей всевозможныя порученія, которыя будутъ исполнены со всевозможною аккуратностію и скоростію.

При семъ нумерѣ прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе о разн. изданіяхъ **И. Д. Ступина**, *въ Москвѣ*.

Дозволено цензурою 23 Марта 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 13 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 2 апрѣля 1873 года. **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

XIII.

Заклинаніе.

На другой день, еще съ полудня, чуть не удесятерилось населеніе аулы Гайкулы-бабая: со всѣхъ сторонъ пріѣхали киргизы смотрѣть, какъ такіе мудрецы, какъ Магома-Тузай и Султанъ-Берды, будутъ выгонять чернаго духа изъ-подъ черепа Касаткина. Даже перевозчикъ оставилъ свой паромъ на попеченіе работниковъ и пріѣхалъ провѣдать своего тамыра (пріятеля) Гайкулу и навѣстить больнаго охотника.

— Ужъ позволять-ли имъ мудровать надъ Петей? спросилъ тихонько Бабаджака Трубаченко,—какъ бы чего худаго не вышло? Я ужъ лучше оповѣщу въ Чиназъ.

— Чего оповѣщать! — хуже не будетъ, говорилъ Бабаджакъ. — Пускай дѣлаютъ свое дѣло, эти колдуны извѣстные, они умные.

— Умные!.. Дичь одна!.. Ну, какого чорта они подѣлаютъ?

— Не поминай шайтана, не надо.

— Какъ бы намъ отвѣчать потомъ не пришлось?

— За что такое отвѣчать?

— А за то, скажутъ: какъ-молъ допустили? да какъ-молъ не донесли?

— Ты мнѣ повѣрь, я тебѣ говорю, повѣрь. Они вылечутъ Петьку. Я самъ, у насъ въ Башкиріи, видѣлъ, какъ у одного чернаго духа выгоняли. Ну и выгнали.

— Да по мнѣ пожалуй, хуже не будетъ, согласился Трубаченко и сообразилъ при этомъ, что теперь уже все равно ничего не подѣлаешь; соглашайся не соглашайся,

а ужъ они Касаткина изъ своихъ рукъ не выпустятъ и всякое вмѣшательство ихъ не поведетъ ровно ни къ чему.

Такъ какъ наѣхало много гостей, а гость лицо священное для каждаго киргиза, то поэтому всѣ аульники позаботились объ томъ, чтобы пріѣхавшіе были сыты и не жаловались послѣ, что въ «Дальнихъ аулахъ» ихъ держали съ пустыми желудками. Штукъ десять барановъ были зарѣзаны и варились въ большихъ котлахъ, поставленныхъ на открытомъ воздухѣ. Киргизы сидѣли пестрыми кружками у кибитокъ, женщины сновали взадъ и впередъ съ чашками молока и подносами съ разными сластями. Гайкула-бабай и его отецъ сидѣли въ кибиткѣ, полы которой были подняты такъ, что всѣ могли видѣть сквозь рѣшотку (телегà) все, что тамъ происходитъ. На почетномъ мѣстѣ, за очагомъ сидѣли колдуны и созерцали тлѣющіе уголья очага, какъ бы отыскивая тамъ, въ этихъ то вспыхивающихъ, то погасающихъ искрахъ, совѣта и указанія какъ приступить къ такому важному дѣлу. Пришли въ кибитку и наши офицеры: Трубаченко съ Бабаджакомъ, поздоровались съ хозяиномъ, съ его гостями, и сѣли.

— Ну вотъ, Аллахъ милостивъ, онъ пошлетъ выздоровленіе нашему больному, произнесъ Гайкула.—Вотъ эти люди знаютъ, что надо сдѣлать; они его вылечатъ.

— Хорошо-бы коли такъ, произнесъ въ отвѣтъ Трубаченко.

— Вылечатъ, съ увѣренностью произнесъ Бабаджакъ.

А Касаткинъ лежалъ въ своей кибиткѣ на коврѣ и думалъ. Онъ провелъ безсонную ночь—и теперь его клонило ко сну, несмотря на окружающій шумъ и движеніе. Молодая киргизка не отходила отъ его кибитки и безпрестанно заглядывала туда подъ различными предлогами. До ушей больнаго достигалъ шумъ и говоръ; онъ видѣлъ, что собралось много народу, что происходитъ что-то необыкновенное,—но совершенно равнодушно относился ко всему этому. Онъ не понималъ ничего и не пытался даже понять; онъ былъ далекъ отъ мысли, что именно онъ всему причиною, что именно для него собрался весь этотъ народъ. Онъ былъ далекъ отъ всякой мысли, кромѣ одной, гвоздемъ засѣвшей въ его воспаленномъ, больномъ мозгу, поражавшей его слухъ, рисующей передъ его глазами несуществующія картины. Ему все чудился далекій топотъ коня, и онъ напряженно прислушивался; ему чудилось что-то, ничкомъ лежащее поперегъ дороги... Англійскій проборъ такъ вотъ и лѣзъ въ глаза; а въ сердцѣ его копошилось, грызло, терзало что-то словно живое, то стискивая его словно клещами, то раздвигая широко-широко, такъ что занимался духъ и нехватало больше мѣста въ этой впалой, наболѣвшей груди.

Иногда на лицѣ его мгновенно являлась спокойная ясная улыбка,—и еслибъ не эти глаза, неопредѣленно тускло смотрящіе куда-то въ пространство, то можно было бы подумать, что настала минута спасенія... Но эта улыбка исчезала такъ же мгновенно, какъ и появлялась, и снова эти блѣдныя исхудалыя черты искажало тяжелое, безъисходное страданіе. Быть можетъ въ эти минуты онъ видѣлъ другой образъ—дорогой, свѣтлый... быть можетъ..

Красивая дочь Гайкулы-бабая вздрагивала каждый разъ, когда замѣчала эту улыбку; она до крови закусывала себѣ губу и звѣремъ смотрѣла въ ту сторону, гдѣ за камышами стлалась широкая Дарья, а за нею виднѣлись низенькіе домики и флагштокъ чиназской слободки. Ревнивая киргизка чутьемъ угадывала, что это была за улыбка и что ее вызывало.

Ждали вечера, когда покажется на потемнѣвшемъ небѣ тонкій серпъ новой луны, и до тѣхъ поръ не приступали къ заклинаніямъ. Всѣхъ присутствующихъ такъ и подмывало самое жгучее нетерпѣніе, за малѣйшимъ движеніемъ Магомы-тузая и Султана-берды слѣдили суевѣрные, любопытные и жадные до всего таинственнаго дикари; но колдуны не двигались съ мѣста и даже не удостоивали отвѣтами никого, кто только ни подходилъ къ нимъ съ какимъ бы то ни было вопросомъ.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый вечеръ. Пора была начинать заклинанія и поднялись съ своихъ насиженныхъ мѣстъ старики Магома-тузай и Султанъ-берды. Между кибиткою Гайкулы-бабая и тою гдѣ лежалъ Касаткинъ—образовалась улица, такою тѣсною толпою стояли по обѣимъ сторонамъ всѣ собравшіеся; каждому хотѣлось протискаться какъ можно болѣе впередъ, задніе поднимались на цыпочки, упирались локтями на плеча переднихъ, тѣ ворчали и протестовали, глухой говоръ стоялъ надъ ауломъ, и этотъ шумъ едва покрывался дробью литавръ и грохотомъ большаго барабана. Колдуны пошли къ своему паціенту. Впереди шелъ Магома-тузай въ длинной бѣлой рубахѣ, въ бѣлой же чалмѣ, и только темно-коричневое, загорѣлое лицо да такія же кисти высохшихъ отъ старости рукъ—оттѣняли эту типичную бѣлую фигуру. За нимъ шелъ маленькій мальчикъ лѣтъ восьми, въ красной рубашенкѣ и, пугливо поглядывая по сторонамъ своими большими глазенками, держалъ въ обѣихъ рукахъ тыквенный кальянъ, заправленный и готовый для куренія; синеватый дымокъ поднимался надъ этимъ кальяномъ, забивался въ носъ мальчика, тотъ морщился, чхалъ и отворачивалъ въ сторону свою кошачью мордочку. За мальчикомъ шелъ Султанъ-берды, тоже весь въ бѣломъ, и несъ въ рукахъ длинную, камышевую трость, обведенную кисточками изъ крашенной шерсти и конскаго волоса.

Магома-Тузай, по обычаю всякаго гостя, не могъ сразу войти въ чужую кибитку, не опросивъ прежде хозяина: будутъ ли довольны его посѣщеніемъ. Онъ остановился, не доходя шаговъ двухъ до входа, и громко произнесъ:

— Сулессъ, суллессъ! (отвѣчай).

Вздрогнулъ Касаткинъ отъ этого голоса, рванулся и сѣлъ, прижавшись спиною къ стѣнкѣ кибитки.

— Ну чего испугался? нѣжно успокоивала его дочь Гайкулы, — ну чего? это пришли къ тебѣ добрые люди, хорошіе. Они въ гости пришли къ тебѣ.

— Суллессъ! повторилъ свой окликъ Магома-тузай.

— Суллесъ! произнесъ вслѣдъ за нимъ Султанъ-Берды.

— Кудакъ кунакъ (божій гость)! отвѣтила за больнаго красавица. Она видѣла, что отъ Касаткина не дождешься отвѣта.

Согнулся Магома-тузай и пролѣзъ въ кибитку, за нимъ пробрался второй колдунъ. Мальчикъ съ кальяномъ остался на порогѣ, поставилъ на землю кальянъ и сѣлъ около на корточки.

Гайкула велѣлъ отнять совсѣмъ прочь боковыя кошмы—и всѣ, кто желалъ присутствовать при заклинаніяхъ, усѣлись вокругъ кибитки въ нѣсколько рядовъ. Оригинальную картину представляли эти обручи живыхъ лицъ, типичныхъ, косоглазыхъ, скуластыхъ, затаившихъ дыханіе, даже поблѣднѣвшихъ отъ наплыва нетерпѣливаго волненія. Мертвая тишина настала кругомъ, только слышалось дыханіе зрителей и сухой трескъ угольковъ въ сѣткѣ кальяна... Кто-то до того струсилъ, что у него запрыгали челюсти—и этотъ характеристическій стукъ зубовъ ясно слышенъ былъ въ наступившей тишинѣ.

Вдругъ Альфа, до сихъ поръ покойно лежавшая у ногъ Касаткина, жалобно завыла.

— Аллахъ помилуй насъ и спаси! послышался шепотъ въ толпѣ.

— Это хорошо, ясно произнесъ Магома Тузай.—Собака чуетъ того черного духа, который боится уже нашего присутствія.

— Уйди, Джанымъ (душа)! шепнулъ Гайкула своей дочери.

Та неохотно повиновалась, и безпрестанно оглядываясь на Петра Михайловича, лѣниво вышла изъ кибитки.

— Ну, будь здоровъ! началъ колдунъ, обращаясь къ паціенту.

Улыбнулся Петръ Михайловичъ, подвинулся къ старику, протянулъ свою руку и слегка дотронулся до его пожелтѣвшей, длинной бороды. Потомъ онъ указалъ ему пальцемъ въ темный уголъ кибитки и тихо произнесъ.— Слышишь? скачетъ...

Султанъ-берды досталъ изъ кармана кожаный мѣшочекъ, вышитый шелкомъ и серебряною проволокою; онъ взялъ оттуда щепотку чего-то зеленоватаго и всыпалъ въ сѣтку кальяна. Дымъ вмѣсто синеватаго повалилъ густой молочный и заклубился въ воздухѣ, поднимаясь подъ самый верхъ кибитки. Онъ передалъ кальянъ своему товарищу, сидѣвшему рядомъ съ Касаткинымъ, тотъ сдѣлалъ видъ, что покурилъ изъ этого кальяна и передалъ его паціенту. Машинально принялъ Касаткинъ кальянъ изъ рукъ колдуна и поднесъ камышевую трубку къ своимъ ссохшимся, растрескавшимся отъ горячечнаго жара, губамъ и усиленно затянулся.

— Ну довольно, произнесъ Магома-тузай, видя что больной слишкомъ уже жадно вцѣпился въ дымовую камышину. Онъ отнялъ кальянъ и залилъ водою тлѣющіе уголья.

— Это они ему ганаши (родъ опіума) дали, шепнулъ Бабаджакъ Трубаченко.

— Эхъ, какъ бы не уморили они его совсѣмъ! вздохнулъ поручикъ.

Наши офицеры находились въ самыхъ первыхъ рядахъ зрителей, вмѣстѣ съ Гайкулою-бабаемъ и его отцомъ, муллою Ашикомъ.

Вдругъ Касаткинъ какъ-то странно пошатнулся, сперва сильно качнулся впередъ, потомъ откинулся назадъ; голова его запрокинулась, словно шейные мускулы потеряли всякую силу, руки вытянулись, глаза закрылись. Магома-тузай поддержалъ его и осторожно положилъ навзничь, подсунувъ подъ голову маленькую цилиндрическую подушку.

Тогда оба колдуна встали съ своихъ мѣстъ, обошли нѣсколько разъ вокругъ лежащаго и стали: одинъ у головы, другой у ногъ, лицомъ другъ къ другу. Альфу вытащили за ошейникъ изъ кибитки, потому что она все время злобно рычала и чрезвычайно подозрительно посматривала на полы длинныхъ рубахъ колдуновъ.

— Албасти-бассу *), слушай, я тебѣ говорю, началъ Магома-тузай, нагнулся, прикоснулся концами пальцевъ до лба больнаго и держалъ ихъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи.

«Албасты-бассу! Не отъ насъ самихъ,
«А отъ самого Аллаха
«Имѣемъ мы нашу силу.
«Слушай волю его,—слушай и повинуйся,

началъ Магома-тузай свои заклинанія.—

«Слушай волю его и повинуйся»,

повторилъ Султанъ-Берды. Колдуны переглянулись и разомъ произнесли громко, почти вскрикнули:

«Оставь, проклятый-ты, это тѣло!..»

Нѣкоторые изъ переднихъ зрителей вдругъ отшатнулись отъ рѣшотки; они вѣроятно подумали, что вотъ, сію минуту, вслѣдъ за этимъ крикомъ, вылетитъ черный духъ и пожалуй еще заберется къ кому нибудь изъ нихъ, благо недалеко ходить.

Послѣ этого заключенія, Магома-Тузай взялъ камышевую трость и слегка дотронулся до груди больнаго. Онъ замахивался сильно, будто бы хотѣлъ ударить что есть мочи—и ловко удерживалъ свою руку въ тотъ моментъ, когда трость готова была прикоснуться къ тѣлу паціента.

Это дѣлалось для того, чтобы испугать чернаго духа и заставить его убраться вонъ изъ подъ черепа больнаго. Затѣмъ оба колдуна вышли изъ кибитки и велѣли, не трогая спящаго подъ вліяніемъ паровъ опіума, разобрать всю кибитку. Пять или шесть женщинъ приступили къ этому дѣлу. Они ловко стащили кошмы, свернули ихъ, положили всторону и принялись за крышу; ребро за ребромъ, вся крыша была разобрана менѣе чѣмъ въ пять минутъ и снятъ верхній кругъ; осталось только сложить «телега»—и Касаткинъ остался совершенно на открытомъ мѣстѣ, навзничь лежащій на мохнатомъ красномъ коврѣ.

Барабанъ и литавры все время гудѣли не переставая; Магома-тузай и Султанъ-берды совѣщались всторонѣ, пожимая плечами и разводя руками, какъ бы говоря, что дѣло-то трудновато.

— Ну что? подошелъ къ нимъ Гайкула.

— Силенъ духъ, очень силенъ, трудно съ нимъ сладить, вздохнулъ Магома-тузай.

— А главное дѣло, засѣлъ онъ въ невѣрное тѣло, ужъ очень для него удобное, поддержалъ товарища Султанъ-берды.

— Постарайтесь, низко поклонился Гайкула,—ничего для васъ не пожалѣю: по двѣ лучшихъ лошади выберете изъ косяка и барановъ по десяти головъ на каждаго.

Говоря это, Гайкула покосился на свою дочь, грустно стоящую неподалеку, порывавшуюся подойти поближе къ тому, что неподвижно, словно тѣло, ожидающее похоронъ, лежало на самомъ видномъ мѣстѣ, въ центрѣ свободнаго круга, обрамленнаго толпами зрителей.

Работники Гайкулы натаскали цѣлыя горы вязанокъ камыша и разложили громадные костры. При красномъ свѣтѣ огня вся картина приняла еще болѣе дикій, оригинальный характеръ.

— Раздайся, раздайся! дорогу дайте! слышались голоса въ темнотѣ. Конскій храпъ и топотъ далъ знать о приближеніи какихъ-то всадниковъ; раздвинулась толпа— и въ освѣщенное пространство въѣхали два конныхъ киргиза на неосѣдланныхъ, табунныхъ лошадяхъ и втащили за собою на арканахъ еще третью лошадь, всю воронную безъ отмѣтинъ, сердито прижимающую назадъ свои надрѣзанныя уши и поминутно брыкающую задомъ. Конь былъ положительно дикій, необъѣзженный, можетъ быть въ первый разъ почувствовавшій прикосновеніе аркана къ своей щекотливой шеѣ.

— Осторожнѣй, берегись, не подходи близко! предостерегали конные киргизы.

— Ну, что, легко его взяли? спросилъ у одного изъ нихъ Гайкула-бабай.

— Съ самаго заката солнечнаго бились; не дается, да

*) Названье чернаго духа. (Все заклинаніе передано мною буквально).

и все тутъ. Мы его уже въ топь загнали, тамъ и заарканили.

Дѣйствительно, ноги пойманнаго коня, по самое брюхо, были покрыты грязью и иломъ. Отъ животнаго валилъ густой паръ, большіе дикіе глаза искрились, красныя ноздри громко фыркали и сопѣли.

имъ надо было обскакать лежащаго Касаткина, справа и слѣва, вороной непремѣнно долженъ былъ перепрыгнуть черезъ тѣло, а это считается однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, для того чтобы окончательно испугать чернаго духа.

Всадники гикнули, пригнулись къ лошадямъ и поска-

Леонардо да Винчи.

— Шайтанъ, звѣрь... го-го-го! окликнулъ Гайкула коня.—Годится этотъ? обратился онъ къ колдунамъ.

— А чистая масть? спросилъ его Магома-тузай.

— Ни одного волоса бѣлаго, весь черный какъ воронъ.

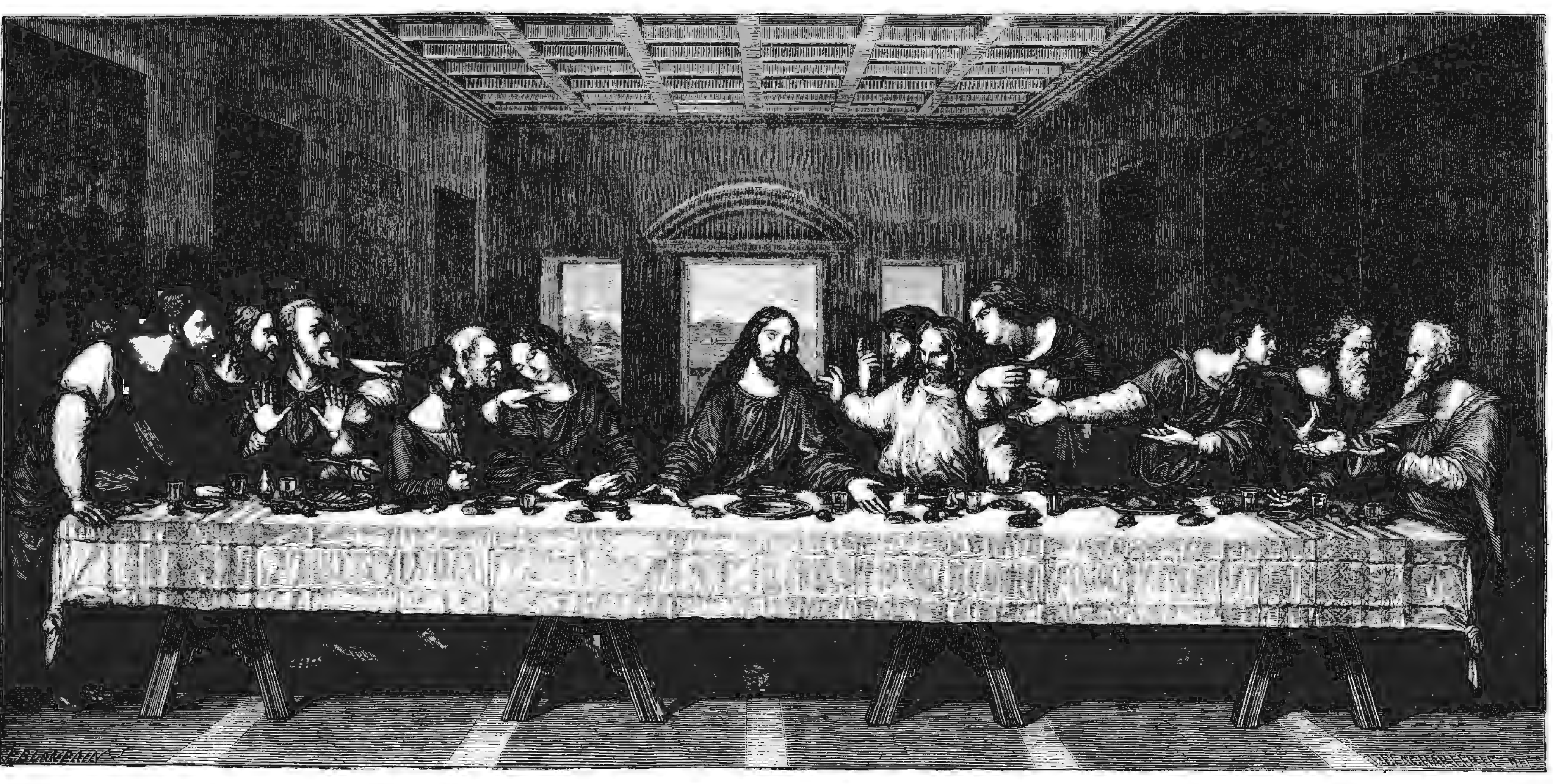
— Ну, ведите!

Широко раздалась толпа. Всѣ знали уже, что это такое готовится и потому позаботились о просторѣ.

Пойманную лошадь прихватили для большей прочности еще двумя арканами. Всадники размѣстились такъ, что вороной конь пришелся какъ разъ между ними,—и когда кали; нѣсколько пѣшихъ палками и крикомъ побуждали упрямаго коня скакать куда ему слѣдуетъ.

Дико фыркнулъ конь, подбѣжалъ къ больному, нагнулъ голову къ самой землѣ, сильно обнюхалъ лежащаго, насторожилъ уши и попятился. Натянутые до послѣдней возможности арканы трещали; оба всадника чуть не свалились на землю.

— Гайда, гайда! кричали они. — Гайда, гайда! орала толпа и гикала, и свистала, и швыряла въ упершагося на одномъ мѣстѣ коня комками земли, малахаями, чѣмъ ни попало.



Тайная вечеря (съ картины Леонардо да Винчи). Рис. де ла Шарлери, грав. Бланпенъ.

Неожиданно взвился конь на дыбы, перескочилъ черезъ Касаткина, стащилъ на землю одного изъ арканщиковъ и понесся вонъ изъ аула.

— Держи, держи! кричалъ Гайкула.

— Держи, еще два раза надо! кричали оба колдуна.

Пѣшіе ринулись на перерѣзъ къ крыльцу, навалились на арканъ, волочившійся по землѣ, и остановили таки вороного коня.

Еще два раза повторилась эта дикая сцена. Со всѣхъ трехъ лошадей мыло валилось бѣлыми, пѣнистыми хлопьями.

— Ну довольно! произнесъ Мигома-тузай и добавилъ: —если и теперь черный духъ не оставитъ его въ покоѣ, такъ уже ничего больше нельзя сдѣлать.

Султанъ-берды потребовалъ себѣ чашку съ холодною водою и красный кумачный платокъ. Когда ему подали то и другое, онъ намочилъ въ водѣ, выжалъ платокъ и положилъ на лобъ Петра Михайловича.

Потомъ оба колдуна взяли по куску бараньяго жира и бросили ихъ въ самый пылъ горящаго костра. Старики усѣлись у этого огня и внимательно слѣдили за горѣвшимъ жиромъ; они по цвѣту и формѣ пламени хотѣли угадать, на сколько успѣшны будутп результаты ихъ леченія.

Трубаченко и Бабаджакъ подошли къ своему несчастному товарищу. Тамъ уже сидѣла красавица Джанымъ и наблюдала, чтобы платокъ на лбу больнаго былъ постоянно влаженъ. Это нужно было для того, чтобы больной скорѣе избавился отъ непріятнаго дѣйствія одуряющаго курева.

— И ты говоришь, что онъ будетъ здоровъ? говорилъ Гайкула, пристально глядя въ глаза Магомы-тузая.

— Къ слѣдующей новой лунѣ, не раньше, отвѣчалъ Магома-тузай.

— Не раньше, подтвердилъ Султанъ-берды.

— Будемъ ждать, рѣшилъ Гайкула.

— Да, жди чорта съ два! махнулъ рукою Трубаченко и усиленно, всею грудью, затянулся изъ своей трубочки.

Ночью оба колдуна уѣхали.

XIV.

Исчезновеніе.

Сильная усталость взяла верхъ надъ чувствомъ красавицы Джанымъ. Она долго сидѣла надъ спящимъ Петромъ Михайловичемъ, внимательно слѣдила за его неестественнымъ сномъ, прислушивалась къ его сонному лепету и неразборчивому бреду... и не забывала понемногу поливать водой быстро высыхающій платокъ, покрывавшій голову спящаго. Наконецъ, она раза два какъ-то странно наклонилась впередъ — выпрямилась, опять раза два клюнула носомъ—тихо прилегла головою на колѣни Петра Михайловича—и не поднималась уже болѣе. Она заснула, заснула крѣпко, насколько можетъ крѣпко спать здоровая, степная натура, изнуренная четырехсуточнымъ, безсоннымъ дежурствомъ около безпокойнаго, помѣшаннаго больнаго.

И весь аулъ спалъ такъ же крѣпко, какъ спала красавица Джанымъ; даже вѣтеръ, казалось, заснулъ въ камышахъ, — и неподвижно, таинственно, безвучно дремали густыя камышевыя чащи.

Альфа лежала у ногъ своего хозяина. Подняла голову вѣрная собака, вскочила и смотрѣла на Касаткина. Тотъ зашевелился, глубоко вздохнулъ и сѣлъ. Онъ проснулся, пошарилъ рукою подлѣ себя, дотронулся до головы Джанымъ, оперся даже на ея плечо, поднимаясь на ноги; та ничего не слышала и не чувствовала. Сильно покачнулся на своихъ ослабѣлыхъ ногахъ охотникъ, чуть опять не повалился на коверъ, и пошелъ прямо впередъ, туда, въ темноту, — не разбирая дороги, не глядя по сторонамъ, словно его тянула какая-то сверхъестественная сила... Слѣдомъ за нимъ, не отставая ни на шагъ, побѣжала его Альфа, и ея бѣлая фигурка долго еще мелькала въ темнотѣ, пока охотникъ и его спутница не скрылась въ густотѣ чащи, словно проглоченные этими темными зарослями. А Джанымъ крѣпко спала, охвативъ руками скомканный коверъ, словно жарко обнимая кого-то во снѣ — и не слышала она, не чувствовала, что такое около нея дѣлается.

Заря свѣтлою полосой отдѣлила темный горизонтъ; шире и шире расползалась эта полоса... Туманъ заклубился по низу и зашелестили, загудѣли проснувшіеся камыши. Лошади заржали въ загородяхъ; заревѣлъ ишакъ гдѣ-то за кибитками; фыркая и отряхивая росу, поднялась изъ-за вязанокъ камыша косматая верблюжья морда, и зашевелились спящіе кочевники, потягиваясь и зѣвая подъ своими ватными и верблюжьими халатами.

Вскочила на ноги Джанымъ, вскрикнула и глазамъ своимъ не повѣрила. Нагнулась она къ ковру, ощупала его своими руками... Никого!.. Вотъ платокъ ея красный лежитъ; онъ еще не высохъ, онъ мокрый совсѣмъ, вотъ шапка его лежитъ неподалеку. Грязная нога наступила на нее, ясно виденъ этотъ слѣдъ, примявшій козырекъ, приплюснувшій твердый околышекъ; вотъ еще тѣ же слѣды перешли черезъ золу потухшаго костра, опрокинули чашку съ сухимъ просомъ, скрылись на твердомъ, утоптанномъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде кибитка, опять показались на пескѣ и потянулись къ камышамъ, сопровождаемые малыми, звѣздообразными слѣдками собаки.

— Онъ ушелъ! на весь аулъ взвизгнула краснощекая киргизка. — Гайкула, отецъ! Онъ ушелъ!..

Она не дожидалась отвѣта... Какъ гончая собака, пригнувшись къ самой землѣ, почти ощупывая каждый слѣдъ руками, она пустилась по этимъ слѣдамъ...

— Ты куда Джанымъ?—хотѣла было остановить ее какая-то женщина, вышедшая изъ сосѣдней кибитки.

Джанымъ на нее даже и не взглянула.

— Онъ ушелъ! крикнула еще разъ красавица, обернувшись къ аулу, уже около самой опушки.—Онъ ушелъ, отецъ, посылай на розыскъ!..

— Что тамъ еще?.. вышелъ изъ своей кибитки Трубаченко.

— Кто ушелъ, кто? спрашивалъ Бабаджакъ, высовывая изъ подъ кошмы только свою широко-скулую, стриженную голову.

— Эй! Каримъ, говорилъ спокойно Гайкула одному изъ работниковъ, — собери людей, человѣкъ пять, что-ли! пусть поищутъ въ камышахъ... какъ бы и вправду куда не забрелъ въ худое мѣсто!.. Черный духъ силенъ и къ доброму не поведетъ.

— Давно онъ ушелъ? спросилъ подойдя къ нему Трубаченко.

— А не знаю... Прежде всего чтобы къ топямъ шли искать! Влѣво, около соленаго плеса. Тамъ всего хуже мѣсто.

— Пойду и я.—Бабаджакъ, вставай, пойдемъ Касатку искать. Онъ въ бреду ушелъ куда-то...

— Дочь, если скоро найдете, назадъ приведите, произнесъ Гайкула.—Да онъ тутъ близко гдѣ нибудь. Гдѣ ему далеко уйти! онъ и на ногахъ-то, я думаю, путемъ не могъ держаться.

— Хороши колдуны, нечего сказать! разводила руками старуха,—не могли выгнать чернаго духа, а напугать напугали,—теперь онъ и увелъ съ собою русскаго; боялся, что опять пугать будутъ.

— Это вѣрно, поспѣшилъ согласиться кое-кто изъ окружающихъ.

— Гей! Гей! носились по камышамъ крики.

— Гей! Гей! вторило имъ эхо...

Тамъ и сямъ мелькали верхушки малахаевъ и красныя тюбетейки искавшихъ бѣглеца.

Почти весь аулъ разбрелся на поиски...

Высоко поднялось солнце, перешло уже оно далеко за полдень, когда начали понемногу возвращаться посланные... Ничего не нашли они... Касаткинъ и его собака словно сквозь землю провалились.

Привели Джанымъ, измученную, изцарапавшуюся, въ обрывкахъ красной рубахи, изодравшейся въ клочья въ густыхъ, колючихъ заросляхъ. Она выла на весь аулъ и, захлебываясь, заикаясь отъ волненія, говорила всѣмъ и каждому, будто бы сама видѣла, какъ между двухъ кочекъ, у самой топи горѣло зеленое пламя, а въ немъ-то именно и пропалъ русскій охотникъ, вмѣстѣ съ своею бѣлою собакою. Кто не вѣрилъ, кто повѣрилъ сразу. А Трубаченко отвелъ своего товарища въ сторону и говорилъ:

— Ну, братъ, собираемся-ко, да идемъ въ Чиназъ. Намъ здѣсь больше дѣлать нечего. Надо все объявить коменданту. А то пожалуй опять таки за все отвѣчать прійдется.

— Пойдемъ, согласился Бабаджакъ.

И оба они стали собирать свои несложные пожитки.

(Продолженіе будетъ).

Тайная вечеря.

(Съ картины Леонардо да Винчи).

Одинъ изъ величайшихъ художниковъ всѣхъ временъ и народовъ, глава флорентійской школы живописи, Леонардо да Винчи родился 1452 года, въ замкѣ Винчи близь Флоренціи. Онъ былъ побочный сынъ С. Пьетро, нотаріуса флорентійской синьоріи, но вѣроятно усыновленный имъ, жилъ въ домѣ отца и получилъ прекрасное воспитаніе, благодаря заботамъ пріемной матери. Способности его къ художествамъ выказались очень рано, и онъ скоро превзошелъ своего учителя, живописца и скульптора Андреа дель Варрокіо. Ангелъ, котораго Леонардо написалъ въ картинѣ Варрокіо «Крещеніе Спасителя (нынѣ въ галлереѣ флорентинской академіи), до того поразилъ учителя, что тотъ бросилъ кисть и палитру, воскликнувъ: «ребенокъ больше меня смыслитъ!» Къ этому времени первой молодости Леонардо относятся его «голова Медузы» и «Поклоненіе волхвовъ» въ галереѣ Уффицій во Флоренціи, двѣ Магдалины, въ палаццо Питти и въ Римѣ во дворцѣ Альдобрандини, нѣсколько мадоннъ въ галереяхъ Боргезе и Джіустиніани, и pendant Медузѣ, голова Ангела съ поднятою рукою въ раккурсѣ отъ плеча до большаго пальца. Количество рисунковъ и эскизовъ этой поры чрезвычайно велико, такъ какъ Леонардо не проводилъ ни одного дня безъ упражненій въ любимомъиск усствѣ. Кромѣ того, во Флоренціи онъ возобновилъ прежнія занятія скульптурой, и предался изученію математики, физики, механики и архитектуры. Онъ хорошо пѣлъ и игралъ на лютнѣ, даже изобрѣталъ инструменты, устроивъ новой системы грифъ для альта и начертивъ проектъ лиры новой конструкціи, наконецъ выступилъ даже поэтомъ и именно импровизаторомъ, впрочемъ до насъ дошелъ всего лишь одинъ сонетъ его. При всѣхъ этихъ дарованіяхъ, онъ отличался еще красотой, сильнымъ тѣлосложеніемъ, умомъ и остроуміемъ.

Въ 1482 г. герцогъ миланскій Лодовико Марія Сфорца вызвалъ его къ себѣ на службу, сначала въ качествѣ пѣвца и импровизатора; но уже въ слѣдующемъ году Леонардо изваялъ коллосальную модель конной статуи герцога Франческо Сфорца, которую современники считали чудомъ искусства; впослѣдствіи она была разрушена французскими стрѣлками, избравшими ее цѣлью для своихъ стрѣлъ. Въ это же время Леонардо написалъ Пресвятую Дѣву съ Младенцемъ на колѣняхъ, сидящую на тронѣ и вѣнчаемую двумя ангелами (нынѣ въ миланской королевской академіи художествъ). Но главнѣйшимъ произведеніемъ Леонардо да Винчи является «Тайная вечеря», написанная имъ около этого времени въ Миланѣ, которую подробнѣе опишемъ ниже. Здѣсь же имъ изготовлено множество рисунковъ и картоновъ, съ которыхъ ученики его писали картины, извѣстныя впослѣдствіи подъ его именемъ. Въ 1489 г., къ свадьбѣ герцога Галеаццо съ Изабеллою Арагонской, Леонардо устроилъ механизмъ, представлявшій теченіе планетъ; затѣмъ онъ воздвигъ загородную вилу графа Менци въ Ваприно, а въ 1493 и 1494 годахъ по назначенію правительства занимался частію проведеніемъ каналовъ, частію архитектурными сооруженіями. Такъ, выстроилъ онъ для Галеоццо Сансеверино великолѣпную конюшню, разрушенную во время нашествія французовъ 1499 г., а герцогинѣ Беатриче купальню, въ которой напускалась по желанію холодная или горячая вода. Герцогскій замокъ украшенъ былъ по его же рисункамъ. Онъ провелъ воды Адды до Милана и соорудилъ на протяженіи 200 миль судоходный каналъ отъ Мартезаны къ долинамъ Кіавенны и Велтлину.

Но болѣе всего содѣйствовало развитію искусствъ учрежденіе имъ въ Миланѣ академіи художествъ, которой онъ далъ свое имя и отдался всѣми силами души. Для ея учениковъ и написалъ онъ свой знаменитый «Trattato della pittura», въ которомъ совѣтуетъ имъ обращаться прежде всего къ природѣ, преимущественно предъ антиками; въ особенности же важнымъ считалъ онъ изученіе анатоміи, и въ 1494 г. самъ рисовалъ части человѣческаго тѣла, по которымъ читалъ свои лекціи. Цѣлый томъ съ 235 большими анатомическими рисунками, на голубой и цвѣтной бумагѣ хранится нынѣ въ лондонскомъ королевскомъ собраніи рисунковъ. Не довольствуясь этимъ, онъ въ 1496 г., вмѣстѣ съ Лукою Пачіоло дель Борго Санъ Сеполькро, написалъ большой трудъ о пропорціяхъ человѣческаго тѣла и о перспективѣ, гдѣ впервые трактуется о геометрическихъ законахъ, съ 60 рисунками. Понятно, что такая блестящая личность должна была образовать вокругъ себя цѣлую школу живописи, достойную учителя. Между множествомъ учениковъ Леонардо да Винчи находятся имена Чезаро да Сесто, Больтрафіо, Франческо Мелци, Марко д'Ожіоне, Андрея Салаино, Пьетро Риччіо или Джіанпедрино, Джироламо, Алибрандо, Бернардино Фассоло, Гауденціо Винчи, Бернардино Луини и проч.

Послѣ паденія дома Сфорца въ 1499 г., Леонардо съ

ученикомъ своимъ Салаино, покинулъ Миланъ и былъ благосклонно принятъ во Флоренціи гонфалоньеромъ Пьетро Содерини, который назначилъ ему ежегодное содержаніе. Здѣсь, на первыхъ порахъ да Винчи написалъ портреты Моны Лизы, красавицы жены Франческо дель Джіокондо, и Жиневры, супруги Америго Венчи; въ особенности неподражаемъ первый, пріобрѣтенный французскимъ королемъ Францискомъ I, который заплатилъ за него 4,000 талеровъ золотомъ. Въ 1501 году Леонардо занимался смѣтою работъ, потребныхъ для того, чтобы сдѣлать рѣку Арно судоходною отъ Флоренціи до Пизы, и въ то же время изобрѣлъ плавательную машину; въ 1502 онъ, въ качествѣ придворнаго архитектора и генеральнаго инженера герцога Валентина Борджіа, предпринялъ поѣздку съ цѣлію осмотра крѣпостей всего государства; а въ слѣдующемъ году получилъ отъ гонфалоньера Пьетро Содерини заказъ написать большую картину на стѣнѣ залы Совѣта, сюжетомъ которой, соперничая съ Микель-Анджело, и выбралъ битву флорентинцевъ съ миланцами при Ангіари (1440 г.), гдѣ погибъ военачальникъ Николо Пиччинино. Слѣдующіе годы до 1509 провелъ онъ попеременно то въ Миланѣ, то во Флоренціи, работая надъ каналами Мартезанскимъ и С. Христофорскимъ. Въ Миланѣ же въ 1509 г. устроилъ онъ декораціи для торжественнаго тріумфальнаго шествія короля Людовика XII—и за это получилъ отъ француза-узурпатора въ собственность полосу воды С. Христофорскаго канала, гдѣ соорудилъ удивленія достойный шлюзъ. Король назначилъ ему содержаніе въ качествѣ своего придворнаго живописца. Когда же герцогъ Максимиліанъ Сфорца снова завладѣлъ Миланомъ въ 1512 году, Леонардо вернулся сюда и написалъ два портрета этого государя; но вскорѣ затѣмъ отправился во Флоренцію, а въ 1513 съ кардиналомъ Джіуліано Медичи въ Римъ—къ тому времени, какъ Левъ X сталъ папою. Здѣсь знаменитый художникъ терялъ дорогое время на механическія игрушки, которыми забавлялъ свое общество, между тѣмъ какъ Микель Анджело и Рафаэль уже прославляли Италію величественными произведеніями; впрочемъ, онъ занимался и серіознымъ изученіемъ отраженія отъ зеркалъ. Въ 1515 году, недолго прогостивъ во Флоренціи, онъ присутствовалъ на вступленіи Франциска I въ Миланъ—и съ тѣхъ поръ постоянно находился въ свитѣ короля, которому сопутствовалъ и во Францію; но тамъ онъ почти ничего уже не писалъ и только составилъ планъ Роморентинскаго канала въ Орлеанне, впрочемъ не осуществленный. Леонардо да Винчи умеръ въ С. Клу 2 мая 1519 г.

Въ Миланѣ, неподалеку отъ порта Верчеллина, стоитъ древняя монастырская каменная церковь С. Марія делле Граціа, въ XV столѣтіи принадлежавшая доминиканскому монастырю, нынѣ обращенному въ кавалерійскую казарму. Въ трапезѣ бывшаго монастыря находится «Тайная вечеря», знаменитѣйшее произведеніе Леонардо да Винчи, написанное имъ на стѣнѣ масляными красками. Эта картина, имѣющая 28 футовъ длины, при фигурахъ въ полтора - большихъ натуральной величины, представляетъ совершеннѣйшее и благороднѣйшее выраженіе всѣхъ идеаловъ средневѣковой живописи. Поражая изящнѣйшимъ сочетаніемъ формъ и линій во всѣхъ группахъ, она вмѣстѣ являетъ необыкновенное богатство психическихъ мотивовъ, присущихъ человѣку. Трудность сочетать типичное съ портретнымъ побѣждена до изумительнаго совершенства — и предъ глазами зрителя возникаетъ идеальная дѣйствительность, полная жизненной правды и изящества. Но за то и ни на одномъ изъ великихъ средневѣковыхъ произведеній не тяготѣло такого роковаго злосчастія, какъ надъ «Тайною вечерей». Въ теченіи вѣковъ картина была до того искажена, различными случайностями, что до нашего времени дошли такъ-сказать одни жалкіе остатки первоначальной ея красоты. Прежде всего виною такого исхода былъ самъ Леонардо, рѣшившійся на попытку *стѣнной* живописи и притомъ *масляными* красками, а не альфреско; уже въ 1500 году трапеза была затоплена наводненіемъ, а въ 1650 въ стѣнѣ проломали дверь и тѣмъ уничтожили нижнюю половину средней фигуры — Спасителя. Позднѣе картина много пострадала во время неурядицъ и военныхъ набѣговъ того варварскаго времени. Но самымъ возмутительнымъ искаженіемъ было то, что въ 1726 году всю картину поручено было переписать бездарному Беллоти, а въ послѣдствіи и еще нѣсколько разъ реставрировать. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ сохранившіеся чертежи отдѣльныхъ головъ, собственноручно набросанные Леонардо, и нѣкоторыя превосходныя копіи всей картины работы первыхъ его учениковъ.

Артиллерія у жуковъ.

Ни чья жизнь не подвергается такимъ частымъ нападеніямъ и такимъ опасностямъ, какъ и безъ того уже короткая и непрочная жизнь слабаго насѣкомаго. Счету нѣтъ толпамъ враговъ, которые ведутъ безпрерывную войну съ насѣкомыми; да къ тому же и въ собственномъ-то ихъ лагерѣ идутъ вѣчные споры и несогласія, жестокая вражда и неутомимое преслѣдованіе другъ друга,—такъ что хитрый обираетъ безпечнаго, а сильный не дастъ пощады слабому. Еслибы предъусмотрительная природа не надѣлила насѣкомыхъ самыми удивительными средствами защиты, то, не смотря на ихъ несмѣтное множество, они скоро должны бы были перевестись. Но природа не была имъ мачихой; она снабдила ихъ необыкновеннымъ множествомъ средствъ для охраненія и сбереженія своей жизни. То защитой насѣкомому служитъ его наружный видъ и цвѣтъ, который, словно маска, дѣлаетъ его неузнаваемымъ для преслѣдователя, или, лучше сказать, сбиваетъ съ толку врага; а то нѣкоторыя произвольныя или непроизвольныя выдѣленія отгоняютъ отъ него нападающаго; иногда, вслѣдствіе изумительной живучести, насѣкомыя остаются невредимы отъ самыхъ губительныхъ вліяній, а иногда имъ помогаютъ бороться съ врагомъ особенныя положенія и движенія, особые звуки или особое оружіе и храбрость, иногда разныя хитрости, которыя онѣ пускаютъ въ ходъ и такимъ образомъ разрушаютъ непріятельскіе планы. Собирателю насѣкомыхъ доставляетъ нерѣдко удовольствіе то, что онъ можетъ подойти къ открытой имъ добычѣ только при помощи напряженнаго вниманія, терпѣнія и хитрости, — подойти и узнать, въ заключеніе, каково бываетъ на душѣ тѣхъ, у кого, какъ говорится, по усамъ текло да въ ротъ не попало.

Станемъ-те наблюдать съ этой стороны маленькаго жучка, котораго природа надѣлила столько же удивительнымъ, сколько интереснымъ средствомъ защищаться,

какъ нельзя успѣшнѣе отъ своихъ преслѣдователей.

Вонъ лежитъ мертвый дождевой червякъ. Около него собралась цѣлая толпа маленькихъ жучковъ, чтобы утолить свой голодъ его мясомъ. По величинѣ и по виду всѣ жучки похожи другъ на друга, всѣ они принадлежатъ одному роду: — это жучки-бомбардиры. Странное названіе, но скоро его значеніе станетъ для насъ ясно. Величиной эти созданьица не больше трехъ линій, шея у нихъ очень тонкая, за то тѣмъ толще почти четырехъугольная чорная задняя часть тѣла, которая защищается сверху темно-синими или зеленоватыми блестящими надкрыліями, а ноги и щупальцы, голова и грудный щитъ, напротивъ того, красныя. Не будемъ мѣшать маленькимъ звѣркамъ, пусть себѣ спокойно наслаждаются своей добычей. Но вотъ откуда-то несется во весь опоръ сильный жукъ-бѣгунъ; панцырь его блеститъ на солнцѣ, точно стальные рыцарскіе доспѣхи. И дѣйствительно, это рыцарь безъ страха и упрека, это такъ-называемый охотникъ за гусеницами, одинъ изъ нашихъ наибольшихъ и наикрасивѣйшихъ жуковъ, отъявленный разбойникъ, злобно снующій во всѣ стороны и особенно не дающій пощады гусеницамъ. Ужь онъ примѣтилъ безпечно-угощавшихся бомбардировъ-жуковъ и рѣшилъ сцѣпиться съ ними. Уступятъ ли бомбардиры охотнику или завяжется битва? Схватка пѣхоты съ артиллеріей — вѣдь маленькіе жучки представляютъ артиллеристовъ; любопытно, чѣмъ кончится дѣло.

Вполнѣ увѣренный въ своемъ превосходствѣ, охотникъ начинаетъ аттаку. Но, взгляните, бомбардиры поспѣшно отступаютъ, потому что противникъ напалъ на нихъ слишкомъ неожиданно и прямо въ упоръ. Ихъ колонна разсыпалась, одинъ бѣжитъ въ одну сторону, другой въ другую; каждый торопится спасти свою жизнь поспѣшнымъ бѣгствомъ. Храбрецы, нечего сказать! Не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, даютъ себѣ тягу! Не обращая больше никакого вниманія на массу трусовъ, охотникъ сосредоточиваетъ свое преслѣдованіе на одномъ бомбардирѣ, который попался ему на глаза, — и начинаетъ преслѣдовать его со всевозможной запальчивостью. Но у бѣглеца уже захватило духъ, силы оставили его, и онъ падаетъ на землю какъ мертвый. Тогда охотникъ подходитъ къ нему, широко раскрываетъ свои острыя, мечеобразныя челюсти, чтобы нанести своей жертвѣ послѣдній смертельный ударъ, вдругъ — пафъ! въ него летитъ выстрѣлъ. Испуганный охотникъ останавливается, пятится назадъ, протираетъ себѣ глаза, потому что зарядъ попалъ ему прямо въ лицо. Тѣмъ временемъ маленькій бомбардиръ пользуется смятеніемъ врага; онъ снова пускается въ бѣгство, въ надеждѣ спастись въ какую нибудь лазейку. Но врагъ ужъ успѣлъ опомниться и снова преслѣдуетъ его по пятамъ. Пафъ! пафъ! раздаются новые выстрѣлы. Опять смятеніе, опять бѣгство. Этотъ маневръ не разъ повторяется, ничего еще не рѣшено. Все смѣлѣе и горячѣе нападаетъ охотникъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что заряды холостые; заряды бомбардировъ не смертельны, они только пугаютъ ими. Вотъ наконецъ послѣдній натискъ, который превосходитъ упорствомъ всѣ остальные. Нашъ бомбардиръ палитъ изо всѣхъ силъ, одинъ ударъ слѣдуетъ за другимъ; оба бойца окружены довольно примѣтнымъ облачкомъ пара. Но охотникъ напираетъ ближе и ближе, не обращая больше вниманія на пальбу и дымъ. Наконецъ бѣдняжка истратилъ всѣ свои снаряды, начинается рукопашная схватка; охотникъ нападаетъ спереди, немилосердно впивается острыми когтями въ свою жертву, и маленькій бомбадиръ падаетъ наконецъ мертвый на съѣденіе побѣдителю. Но онъ погибъ геройской смертью!

Однако подобныя встрѣчи не всегда кончаются такъ трагически. Большею частью маленькому бѣглецу удается заползти въ мохъ, подъ камень или въ какую нибудь трещину въ землѣ, куда толстопузый охотникъ за гусеницами не можетъ за нимъ слѣдовать. А иной разъ случается видѣть, какъ бомбардиры, вмѣстѣ съ своими врагами, къ числу которыхъ принадлежатъ и другія породы хищныхъ жуковъ, забывъ старую вражду, вмѣстѣ пожираютъ какого нибудь червяка, улитку или другую падаль. Вѣдь это водится и за людьми: враждебныя до сихъ поръ національности вдругъ сходятся въ какомъ нибудь общемъ дѣлѣ, если отъ этого можетъ произойдти выгода для обѣихъ сторонъ.

Корона называемая шапка Мономаха.

Съ фотографіи грав. Паннемакеръ.

Въ чемъ же однако состоитъ удивительный аппаратъ этого замѣчательнаго жучка? Снарядъ этотъ весьма простъ, а между тѣмъ дѣйствіе его поразительно. Въ послѣднемъ брюшномъ обручѣ находится у этихъ жуковъ парная железа, выдѣляющая особенную жидкость, которая потомъ собирается въ сжимающемся, также парномъ вмѣстилищѣ продолговато-круглой формы. Вмѣстилище это покрыто еще слоемъ пересѣкающихся мускульныхъ волоконъ, посредствомъ сжиманія которыхъ собранная жидкость, свѣтлая какъ вода, выпрыскивается черезъ выходящую сзади трубочку. Расположеніе мускульныхъ волоконъ, вмѣстѣ съ значительной подвижностью задней части, дѣлаютъ возможнымъ выпрыскиваніе жидкости во всѣхъ направленіяхъ. Жидкость же эта такого летучаго свойства, что при соприкосновеніи съ воздухомъ она производитъ трескъ и превращается при этомъ въ голубоватый или бѣловатый паръ, который въ потьмахъ свѣтится фосфорическимъ свѣтомъ, чернитъ кожу и производитъ жгучее ощущеніе. Хотя научное изслѣдованіе этого оригинальнаго аппарата принадлежитъ новѣйшему времени, но это странное средство защиты жуковъ-бомбардировъ извѣстно уже давно, — не даромъ же дано имъ такое названіе, принятое даже наукой. Выстрѣлы могутъ повторяться отъ 8 до 12

разъ, при чемъ, конечно, количество выпускаемой жидкости съ каждымъ разомъ уменьшается и звукъ выстрѣла постепенно слабѣетъ. Впрочемъ, вообще этотъ звукъ явственно слышенъ только первые разы,—преимущественно же тогда, когда бомбардиры очень оживлены и бомбардируютъ въ большомъ количествѣ въ одно и то же время, къ чему ихъ очень легко побудить, даже если ихъ схватить за голову; больше того, даже находясь въ спирту, они все еще внятно бомбардируютъ.

Жуки-бомбардиры (брахины) встрѣчаются въ травѣ, на лугахъ, подъ камнями или на древесныхъ корняхъ подъ мохомъ, большею частію обществами, состоящими иногда изъ нѣсколькихъ сотенъ особей. Въ средней Европѣ ихъ всего три или четыре вида—и то самыхъ маленькихъ; за то ихъ много встрѣчается въ тропическихъ странахъ, большею частію сравнительно большаго размѣра и съ такой сильной способностью стрѣлять, что до многихъ изъ нихъ нельзя дотрогиваться безъ перчатокъ.

Между небомъ и водой.

(Подлинная исповѣдь одного британца). Переводъ съ англійскаго.

Въ сѣрый какъ свинецъ вечеръ, 18... года, изъ Голигедской гавани отчаливалъ пакеботъ «Примиреніе». Тяжелыя тучи на небѣ ближе сдвигались другъ къ другу; мелкія, капризныя волны нетерпѣливо бились о бока судна; а густой черный дымъ, валившій изъ трубы, стлался прямо къ убѣгавшимъ берегамъ, словно хотѣлось ему какъ можно поскорѣй уйдти отъ безпокойнаго моря и осѣсть на твердой землѣ.

На пароходѣ было очень немного пассажировъ, да и тѣхъ мелкій но упорный дождь заставилъ сойти въ каюты. На палубѣ оставался только одинъ пассажиръ. Это былъ высокій блондинъ, въ щегольскомъ костюмѣ, съ голубыми глазами, съ тонкимъ носомъ съ горбинкой, съ свѣтлорусыми шелковистыми усами, изъ подъ которыхъ выглядывали весьма насмѣшливыя губы. Не обращая вниманія на дождь, онъ курилъ себѣ сигару, ловко приноравливая свой шагъ къ пароходной качкѣ, какъ человѣкъ бывалый на морѣ. Глубоко запустивъ руки въ элегантныхъ перчаткахъ въ просторные карманы своего пальто, и съ особеннымъ свойственнымъ ему лѣниво-веселымъ видомъ, онъ посматривалъ то за рулевымъ, то за дымомъ изъ трубы, то за сотрясеніемъ машины подъ своими ногами и за бунтующею вокругъ стихіей.

Курчавый, вѣчно готовый къ услугамъ, кельнеръ то и дѣло выпрыгивалъ на палубу и мгновенно снова нырялъ внизъ, въ залу, исполняя всевозможныя неважныя услуги, въ которыхъ является такая крайняя надобность всѣмъ этимъ прекраснымъ людямъ, пассажирамъ. Когда онъ еще разъ прошмыгнулъ съ подносомъ мимо господина прохаживавшагося по палубѣ, этотъ послѣдній спросилъ его:

— Можетъ быть здѣсь нельзя курить?

— Сколь вамъ угодно, сэръ, съ обязательной улыбкой отвѣчалъ кельнеръ, — вѣдь кромѣ васъ нѣтъ никого на палубѣ.

— Очень мало пассажировъ, замѣтилъ путешественникъ.

— Да, сэръ, очень мало; вы единственный пассажиръ перваго класса.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ путешественникъ,—значитъ, я могу выбирать любую каюту?

— Какую вамъ угодно, сэръ. Тамъ, внизу, есть только еще одна дама.

— А! воскликнулъ въ отвѣтъ путешественникъ и посмотрѣлъ черезъ окно палубы въ залу, какъ будто хотѣлъ отыскать тамъ свою спутницу.—Я боюсь, что намъ предстоитъ трудный переѣздъ.

— Это навѣрное, сэръ, поддакнулъ сговорчивый кельнеръ,—вѣтеръ шибко крѣпчаетъ.

И онъ нырнулъ внизъ.

Путешественникъ закурилъ новую сигару, посмотрѣлъ на бѣлый пѣнистый слѣдъ парохода, и снова принялся ходить взадъ и впередъ по палубѣ. У него была живая, сообщительная натура; онъ любилъ обмѣнъ мнѣній, горячіе споры, вообще все, что приводитъ въ движеніе мысль,— и разсчитывалъ на интересныхъ товарищей путешествія, видѣвшихъ кое что на свѣтѣ, съ которыми, куря сигару, можно бы было пріятно поболтать о томъ, о семъ. Теперь же ясно, что ему прійдется проскучать въ одиночествѣ,— и онъ вспомнилъ о дамѣ, въ обществѣ которой ему суждено было сдѣлать это путешествіе.

— Какая досада, что я съ ней не знакомъ! думалъ онъ, — тогда часъ другой незамѣтно прошелъ бы у насъ въ разговорахъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ я былъ бы въ восторгѣ отъ такого путешествія вдвоемъ, мнѣ бы это казалось чисто - романическимъ приключеніемъ. О, какъ мы, мужчины, бываемъ глупы въ эти юные годы! Тогда я навѣрно бы воображалъ, что сама судьба устроила такъ, потому что назначала насъ другъ для друга. А можетъ быть она замужемъ, или старуха, или несноснѣйшая женщина? Придется же мнѣ поскучать до Кингстоуна!

Промаршировавъ такимъ образомъ еще съ полъ часа, онъ опять заглянулъ черезъ окошко внизъ, и на этотъ разъ увидѣлъ тамъ даму, сидящую за чаемъ.

— По крайней мѣрѣ то хорошо, что она не страдаетъ морской болѣзнью, подумалъ онъ; — во всякомъ случаѣ, надо посмотрѣть ее поближе. Докуривъ сигару, онъ спустился по обитой мѣдью лѣсенкѣ въ залу.

Дама, ради которой онъ сошелъ внизъ, могла быть лѣтъ тридцати; въ томныхъ глазахъ ея сквозила грусть, лицо было блѣдно, но тѣмъ не менѣе ее можно было назвать красивой. Манеры ея отличались изяществомъ, все выраженіе лица говорило, что она много прочувствовала въ жизни, а оттѣнокъ усталости во всей фигурѣ—усиливалъ это впечатлѣніе. Частое вздрагиванье ея тонкой, коротенькой верхней губы предательски выдавало напряженную, раздражительную дѣятельность нервной системы; вообще она казалась интересной страдалицею. Безукоризненный вкусъ ея туалета довершалъ привлекательность всей ея изящной фигуры.

Когда незнакомецъ вошелъ въ залу, она сидѣла за столомъ—и кельнерша, съ занятымъ и озабоченнымъ видомъ, прислуживала ей. Онъ снялъ шляпу—очевидно это слѣдовало принять за поклонъ—и скинулъ дождевой плащъ; потомъ, чтобы дать замѣтить свое присутствіе, кашлянулъ. Но она его не замѣчала и продолжала мѣшать ложечкой чай.

Бросивъ мелькомъ взглядъ въ зеркало,—взглядъ, выражавшій увѣренность въ своей красивой наружности,—пу-

тешественникъ поправилъ мастерски завязанный галстукъ, поближе подошелъ къ столу, и еще разъ кашлянулъ. Въ эту самую минуту, пароходъ сильно качнуло, такъ что чайный приборъ зазвенѣлъ. Дама подняла глаза и легкимъ наклоненіемъ головы показала, что замѣтила подошедшаго незнакомца.

— Кажется, надо ждать сильной бури.. хотѣлъ начать разговоръ путешественникъ, но едва онъ выговорилъ первыя слова, какъ дама громко вскрикнула. Она бы упала со стула, еслибъ кельнерша не подоспѣла къ ней на помощь.

Путешественникъ попеременно то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Принесите воды! сказалъ онъ, оправясь немного, кельнершѣ; намочивъ свой платокъ изъ проворно принесеннаго графина и положивъ его на голову лежащей въ обморокѣ женщинѣ, онъ прибавилъ: — впрочемъ ничего, это пройдетъ; это такъ, неожиданность... испугъ... Но принесите же какихъ нибудь капель!...

Кельнерша побѣжала за спиртомъ, и тотчасъ же принесла его. Минутъ черезъ пять, благодаря помощи обоихъ, дама пришла въ чувство. Она оглядѣлась кругомъ, будто просыпаясь отъ тяжелаго сна.

— Теперь, оставьте насъ пожалуйста однихъ, сказалъ путешественникъ, обращаясь къ кельнершѣ.

— Такъ вы знакомы съ дамой, сэръ? спросила кельнерша, въ нерѣшительности уходить ей или нѣтъ.

— Знакомъ ли? Да.

— Я буду, сударыня, тутъ рядомъ, сказала кельнерша, — извольте только позвать. Не угодно ли вамъ теперь еще что нибудь?

— Благодарю васъ, нѣтъ, отвѣчала дама, — я совсѣмъ поправилась; мнѣ больше ничего не надо.

Кельнерша ушла; оба пассажира остались одни, и съ нѣмымъ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга.

— Такъ въ самомъ дѣлѣ это не обманъ зрѣнія! воскликнулъ наконецъ незнакомецъ, — это вы... вы, Мэри?

Дама, запинаясь, отвѣчала: — Да, конечно я. Но вы! неужели это въ самомъ дѣлѣ вы?

— Вѣдь вашъ обморокъ прошелъ, не правда ли? спросилъ онъ; — или не достать ли еще чего нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю, ничего не надо! но вы ли это въ самомъ дѣлѣ?

— Я все еще точно вижу сонъ, продолжалъ путешественникъ; — черезъ десять лѣтъ полной разлуки, встрѣтиться на одномъ пароходѣ, да еще вдобавокъ съ глазу на глазъ! Это просто неслыханная случайность!

— Случайность? повторила дама, вопросительно глядя на него.

— Случайность? Да, разумѣется, случайность.

— Такъ вы не знали, что я на этомъ пароходѣ?..

— Какими же судьбами могъ я знать? прервалъ ее путешественникъ. — Я только на прошлой недѣлѣ высадился въ Соутамптонъ. Въ Лондонѣ не было никого изъ моихъ друзей. Я и собрался въ Дублинъ къ Винсей Меггиръ. Вотъ почему я такъ пораженъ. Это самое невѣроятное приключеніе: послѣ десятилѣтней разлуки, мужъ и жена совершенно неожиданно встрѣчаются на одномъ пароходѣ, гдѣ они притомъ единственные пассажиры! Но вы встаете, Мэри?

Она дѣйствительно сдѣлала движеніе чтобы уйти. — Я не знаю, зачѣмъ мнѣ оставаться, спокойно сказала она.

— Если ужъ вы не можете дышать однимъ воздухомъ со мной, сказалъ господинъ, — то уйду я. Съ какой же стати мнѣ выгонять васъ изъ залы? Я опять пойду на палубу.

Дама взглянула въ окошечко, выходящее на палубу; дождь крупными каплями билъ въ стекла.

— Въ такую ночь нельзя оставаться на палубѣ, отвѣчала она съ невольной женской заботливостью.

— Благодарю васъ, сказалъ господинъ.

— Я совсѣмъ не то думала, возразила она, стараясь поправиться.

— Вы жестоки, сказалъ супругъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго молчанія. — Если ужъ судьба такимъ необыкновеннымъ образомъ свела насъ, то по крайней мѣрѣ не дѣлайте эту встрѣчу враждебной.

— Враждебной? Нѣтъ! Зачѣмъ придавать такую важность другъ другу? проговорила она съ холодной усмѣшкой.

— Послушайте, примите мое предложеніе, продолжалъ супругъ. — Вы пили чай.. продолжайте, пожалуйста... онъ васъ укрѣпитъ... Или... вдругъ прибавилъ онъ, будто осѣненный внезапной мыслью, — а что, еслибы мы стали пить чай вмѣстѣ?

— Вмѣстѣ! отвѣчала она удивленнымъ тономъ, дѣлая уклончивый жестъ.

— О, не безпокойтесь, пожалуйста, успокоительно сказалъ супругъ, — вы заплатите за вашъ чай, я заплачу за свой; пускай намъ подадутъ его на разныхъ подносахъ, — совершенно платонически, такъ платонически, какъ только возможно!

Не смотря на то, что сердце дамы сильно билось, она не могла удержаться отъ улыбки. Мужъ замѣтилъ это и немедленно заказалъ себѣ чай. Когда его принесли, онъ подвинулъ приборъ такъ, что дамѣ пришлось сидѣть какъ разъ противъ него. Затѣмъ, каждый изъ нихъ, какъ будто черезъ десять лѣтъ это было для нихъ въ настоящую минуту самымъ важнымъ дѣломъ, принялся пить чай.

Мистеръ и миссисъ Тирльби женились въ 185— году. Миссъ Гарброу слыла за одну изъ первыхъ красавицъ, а Френсисъ Тирльби пользовался репутаціей молодаго человѣка съ довольно эротическими наклонностями. Послѣ первыхъ трехъ - четырехъ медовыхъ мѣсяцевъ невозмутимаго счастія, проведенныхъ большею частью подъ мечтательнымъ небомъ юга — среди величественныхъ развалинъ, разрушенныхъ коллонадъ, античныхъ статуй, или у подножія покоящихся вулкановъ — послѣ этого прекраснаго времени, вернулись они въ холодную, туманную Англію, въ страну бурнаго лѣта, мягкой но пасмурной зимы и заботливо-скрываемыхъ домашнихъ бурь.

Прошелъ годъ; среди своихъ старыхъ друзей, старыхъ связей и знакомствъ, легко увлекающійся Френсисъ Тирльби сдѣлался однимъ изъ тѣхъ беззаботныхъ мужей, которые большую часть жизни проводятъ въ клубахъ, подъ тѣмъ предлогомъ что имъ нельзя терять связей съ обществомъ, а тамъ собираются самые блестящіе его представители. Когда ему случалось оставаться дома наединѣ съ женой, на него какъ разъ находилъ стихъ предаваться глубокимъ размышленіямъ. Она обижалась его невниманіемъ къ ней, а онъ обижался ея обидчивостью. Въ дѣвушкахъ она была избалована, какъ единственная дочь. И его баловали не меньше; онъ былъ единственный сынъ. Ни тотъ ни другая не выказывали ни малѣйшаго желанія къ уступкамъ. И та и другая сторона обладала даромъ сарказма, способнымъ отравить жизнь; они осыпали свое семейное счастіе градомъ язвительныхъ эпиграммъ и цѣлой артиллеріей горькихъ словъ

взрывали его на воздухъ. Мѣсяцы проходили между яростными бурями и грозными, удушливыми затишьями. Наконецъ послѣдовалъ окончательный взрывъ: Френсисъ Тирльби сталъ ревновать жену. Она оставила его домъ; вскорѣ состоялось соглашеніе насчетъ развода.

Послѣ развода съ женой, мистеръ Тирльби пришелъ къ тому убѣжденію, что въ домѣ его стало какъ-то необыкновенно пусто и холодно, что это ничто иное какъ меблированный отель; онъ рѣшился служить. Его состояніе было помѣщено въ такъ-называемомъ Индійскомъ домѣ, и онъ поступилъ на государственную службу по ту сторону океана.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Онъ опять возвратился въ Англію. Теперь, встрѣтясь такимъ оригинальнымъ образомъ съ женщиной, которую онъ нѣкогда любилъ,—онъ чувствовалъ, что въ сущности снова влюбленъ въ нее; что же мѣшаетъ ему съизнова начать ухаживать за ней?—протекшие года будто не существовали. Вѣдь вотъ она сидитъ противъ него совершенно какъ въ былое время—и ей не измѣнила ни одна изъ ея прелестей. Онъ совсѣмъ растаялъ. Сидя такъ, въ тѣсной комнатѣ, подъ убаюкиванье пароходной качки, звонъ стакановъ и мерцающій свѣтъ туда и сюда качающейся лампы, онъ любовался на знакомыя черты, на нѣкогда столь привлекательную для него игру этого выразительнаго лица,—и ему живо вспоминалось то время, когда эти прекрасныя руки готовили для него чай.

Миссизъ Тирльби между тѣмъ сидѣла какъ мраморная богиня, устремивъ глаза въ окошко, о которое яростно билось бушующее море. По наружности по крайней мѣрѣ, она была олицетворенное спокойствіе; мысли ея были повидимому далеко, она сидѣла неприступная, гордая. Супругъ, положивъ локоть на столъ и подперевъ рукой голову, смотрѣлъ на нее съ непритворнымъ восхищеніемъ.

— Кромѣ шутокъ, Мэри, сказалъ онъ,—вы такая хорошенькая, что даже лучше прежняго!

Она покраснѣла, невольно польщенная, и опять не могла удержаться отъ легкой улыбки; съ увѣренностью хорошенькой женщины, она чувствовала, что ея бывшій мужъ говоритъ правду и притомъ вполнѣ убѣжденъ въ своихъ словахъ.

— Наша встрѣча, началъ онъ,—во всякомъ случаѣ, въ высшей степени оригинальна. Ему лучше хотѣлось сказать какой нибудь вздоръ, чѣмъ вовсе ничего не говорить.—Вы вѣдь, разумѣется, съ горничной?

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Нѣтъ? что это значитъ?

— Герріэтъ никогда не ѣзжала моремъ—и боялась въ такую погоду ѣхать на пароходѣ. Она увѣряла, что мы утонемъ. Я и отправилась одна.

— Это еще увеличиваетъ оригинальность! воскликнулъ супругъ, — значитъ въ первомъ классѣ мы буквально единственная пара...

— Единственные *пассажиры*, поправила его дама, и губы ея приняли ледяное выраженіе.

— Въ настоящее время, ужъ конечно не пара, отвѣтилъ мужъ, съ полу-насмѣшкой, полу-сожалѣніемъ.

— И не пара въ будущемъ, продолжала дама, замѣтивъ, что, не смотря на насмѣшливый тонъ ея супруга, она производитъ на него сильное впечатлѣніе.

Онъ, съ своей стороны, чтобы облегчить свою обиду отъ такого категорическаго отвѣта, разомъ выпилъ цѣлую чашку чаю.

— Ужъ сколько лѣтъ я не пилъ чаю съ такимъ удовольствіемъ! сказалъ онъ, подавляя тяжелый вздохъ и ставя пустую чашку;—десять лѣтъ не пилъ я такого чаю.

Это была его всегдашняя манера; объ самыхъ серіозныхъ вещахъ онъ говорилъ шутя, пока не занималъ твердой позиціи и не былъ увѣренъ въ силѣ сопротивленія своего противника.

— Смѣю я сдѣлать нескромный вопросъ, опять началъ онъ, между тѣмъ какъ она ни словомъ ни взглядомъ не отвѣчала ему,—зачѣмъ ѣдете въ Ирландію?

Теперь миссизъ Тирльби, съ своей стороны, хладнокровно наливала себѣ вторую чашку.

— Я проведу нѣсколько недѣль..... О! вдругъ вскрикнула она и оттолкнула отъ себя чайникъ.

Она охала отъ боли. Мистеръ Тирльби подскочилъ къ ней.

— Что такое? воскликнулъ онъ.

— Я обожгла себѣ руку, отвѣчала она, и охая и ахая дышала на больное мѣсто.

— Позвольте, сказалъ онъ.

— Благодарю васъ, не безпокойтесь, сказала дама, мгновенно овладѣвая собой и пряча руку; — я не позволяю никому интересоваться тѣмъ, что составляетъ мою исключительную собственность.

Онъ поклонился; однако лицо его вспыхнуло, а дама не могла скрыть на своемъ лицѣ выраженія жестокаго торжества.

— Сухое мыло отлично помогаетъ, сказалъ онъ потомъ совершенно прозаически. — У меня есть кусокъ въ сакъ-вояжѣ.

— Какъ вы добры! отвѣчала дама, смягченная его предложеніемъ.

— Помилуйте, Мэри! сказалъ мистеръ Тирльби, поскорѣе называя ее по имени, чтобы съ помощію этого союзника, упрочить за собой успѣхъ, и вставая за своимъ цѣлебнымъ средствомъ. — Я теперь такъ - сказать всесвѣтный странникъ, нельзя жить безъ запаса.

Онъ открылъ черный кожаный сакъ-вояжъ, стоявшій подлѣ него, натеръ мыла на чистый носовой платокъ, которымъ осторожно, даже нѣжно обвязалъ руку своей жены. При этой операціи онъ замѣтилъ на бѣлой рукѣ обручальное кольцо, и завязывая какъ разъ надъ нимъ узелъ, не могъ удержать вздоха.—Этотъ вздохъ отъ чистаго сердца; бѣдная ручка! вполголоса сказалъ онъ жалобно и нѣжно, все еще наклоняясь надъ рукой.

— Отлично, благодарю васъ, сказала жена, и спрятала руку подъ столъ.

— Ничто такъ не прохлаждаетъ какъ мыло, опять началъ онъ съ иронической улыбкой.

— Это правда, съ достоинствомъ отвѣчала жена. Затѣмъ нѣсколько времени оба сидѣли, погруженные въ свои думы.

— Какая качка! снова заговорилъ онъ; — не прикажете ли помочь вамъ? вы вѣдь теперь инвалидъ.

— Вы чрезвычайно любезны, отвѣчала она.

— Развѣ я не всегда былъ любезенъ? спросилъ онъ и сѣлъ.

— Всегда, колко подтвердила жена, — хотя и не со мной.

— Милая Мэри!

— Пожалуйста... вы забываетесь...

— Нисколько. Я даже готовъ повторить то же самое. Вообще, отчего это въ самомъ дѣлѣ мы были такъ несчастливы вмѣстѣ?

(Окончаніе будетъ).

Первое купанье. Рис. Зюсъ, грав. О. Готъ.

Первое купанье.

Какъ сильно новорожденное животное, въ сравненіи съ новорожденнымъ ребенкомъ!

Безпомощно лежитъ и жалобно плачетъ нашъ младенецъ—и если даже всѣ части его нѣжнаго организма развиты въ совершенствѣ, то и въ такомъ случаѣ онъ въ сущности не можетъ сдѣлать никакого самостоятельнаго движенія; приходится поднимать, носить и кормить его, да къ тому же еще браться за него такъ же осторожно какъ за сырое яйцо, чтобъ не искривить его нѣжныхъ маленькихъ членовъ или даже не помять ему его мягкаго, едва сросшагося черепа.

Насколько развитѣе и самостоятельнѣе его бываетъ при своемъ появленіи на свѣтъ маленькое животное! Едва высвободится оно изъ своей яичной скорлупки — нашъ рисунокъ изображаетъ именно этотъ моментъ — какъ сейчасъ же становится на свои крѣпкія ножки и смотритъ такъ, какъ будто бы оно уже пожило на свѣтѣ. Наши читатели быть-можетъ не забыли прелестнаго рисунка Густава Зюса, помѣщеннаго въ 23 № «Нивы» за 1870 г., подъ заглавіемъ «Первыя впечатлѣнія», гдѣ были изображены только что вылупившіеся изъ яйца цыплята. Теперь тотъ же художникъ даритъ насъ прехорошенькой дружкой къ этому рисунку, именно: «Первымъ купаньемъ».

Да, маленькая уточка бываетъ почти такъ же умна при своемъ появленіи на свѣтъ, какъ и тогда, когда покидаетъ его. Едва откроются у нея глазки, какъ уже она твердо держится на своихъ ножкахъ съ плавательною перепонкою и принимается ковылять кругомъ, словно она уже давно упражнялась въ этомъ. И пищу тоже она добываетъ себѣ сама, ловитъ мухъ и комаровъ, гоняется за бабочками и майскими жуками. И такъ-то живо и быстро подвигается она впередъ, что зачастую мамаша-утка едва успѣваетъ слѣдовать за своей непокорной отраслью и тщетно силится напомнить ей объ умѣренности и осмотрительности своимъ выразительнымъ крякaньемъ.

Но молодому существу не терпится—его такъ и тянетъ къ цѣли его жизни, къ его призванію. Къ пруду стремится оно, поплавать тамъ — вотъ чего ему хочется; земля не его стихія. Смотря по обстоятельствамъ, это неодолимое стремленіе удовлетворяется... просто лужицей; нужды нѣтъ! воды алчетъ уточка столько же для питья, какъ и для купанья и плаванья.

Конечно, не всегда приходится ей ходить за этимъ такъ далеко. Наши три уточки, повидимому, рождены подъ особенно благопріятною звѣздою. Едва успѣли онѣ выбраться изъ яйца, которое онѣ съ презрѣніемъ оставили за собою, въ качествѣ побѣжденнаго препятствія,—какъ уже услышали отрадный шумъ воды, шибко падающей изъ трубы; стоитъ имъ сдѣлать нѣсколько шаговъ — и благодѣтельная струя прямо польется имъ въ широко-открытые клювы и на нѣжныя перышки. Главная героиня нашей сцены представлена переживающею именно этотъ блаженный моментъ—ея глазъ сіяетъ, какъ только можетъ сіять глазъ утки; отъ восторга передъ жемчужною благородною жидкостію она совершенно онѣмѣла. Ея подруга повидимому уже насладилась вдоволь и теперь отдыхаетъ, занимаясь своимъ туалетомъ, чисткой своего влажнаго пуховаго платьица, при чемъ ея многоискусный ротикъ оказываетъ ей важныя услуги. Всѣхъ менѣе посчастливилось, какъ кажется, третьей сестрицѣ; стоя въ довольно неловкой позѣ, она должна довольствоваться тѣми немногими каплями, что стекаютъ ей на спину съ окружающаго трубу моха.

Еслибы наши дѣтки были въ состояніи такъ же быстро обходиться безъ посторонней помощи, то-то обрадовались бы иныя мамаши! А между тѣмъ, радоваться тутъ пожалуй было бы и нечему. Многое ли можетъ сдѣлать мать-утка для своего птенчика? тогда какъ мать-женщина можетъ подѣйствовать самымъ благодѣтельнымъ или самымъ вреднымъ образомъ на всю будущность своего ребенка.

Смѣсь.

Корона называемая шапка Мономаха.

Каждый народъ, въ наше время и изстари, чествовалъ регаліи, служившія украшеніемъ государей въ торжественные дни коронованія ихъ, слагая цѣлыя легенды о происхожденіи и замѣчательности этихъ уборовъ царственнаго сана. Мы, русскіе, не обсѣвки въ полѣ — и о вѣнцѣ царскомъ имѣемъ свой разсказъ.

Не споря о древности самаго памятника и не препираясь съ московскими учеными: *вѣрнѣе ли приписать* шапку-вѣнецъ Владиміру Святославичу, или Владиміру Всеволодовичу,—мы, съ своей стороны, полагаемъ едва ли возможнымъ такъ далеко искать его происхожденіе. Относясь неравнодушно къ вопросамъ науки и желая къ фактамъ подлиннымъ не примѣшивать миѳовъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, что слово *мономахова шапка* въ первый разъ встрѣчается только въ XVI вѣкѣ,—и это, какъ намъ кажется, вопросъ о принадлежности ея кому либо изъ великихъ князей съ именемъ Владиміра—дѣлаетъ совершенно лишнимъ. Если люди XV вѣка не считали этого памятника принадлежностью Мономаха, то намъ въ XIX вѣкѣ, сообразивъ и провѣривъ факты, позднѣйшей выдумкѣ не стоитъ придавать никакого значенія. Назвалъ мономаховой шапкою наслѣдственный вѣнецъ отца, дѣда и прадѣда, Іоаннъ Грозный, въ духовномъ своемъ завѣщаніи—и это первое документальное свидѣтельство. «Благословляю сына своего Ивана,—пишетъ Грозный, любившій вносить въ свою рѣчь витіеватыя украшенія и блистать ученостью,—крестъ животворящаго древа большой цареградской, да крестъ Петра чудотворца, которымъ чудотворецъ благословилъ прародителя нашего великаго князя Ивана Даниловича и весь родъ нашъ. Да сына своего Ивана благословляю царствомъ русскимъ, *шапкою мономаховскою*, и всѣмъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему *царю* и великому князю *Владиміру Мономаху, царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда*».

Обращая вниманіе на весь пышный наборъ громкихъ словъ, которыми подтверждалъ Грозный данное имъ шапкѣ прозваніе мономаховской, мы находимъ неточности и невѣрности, подрывающія вѣроятность приводимой легенды. Благодушнаго Мономаха царемъ никто никогда не называлъ—и онъ себѣ этой чести не приписывалъ. Константинъ IX Дука, прозванный Мономахомъ, занималъ престолъ византійскій, когда отецъ Владиміра Всеволодъ подумалъ быть великимъ княземъ. Форма византійскаго вѣнца императоровъ этого времени, судя по монетамъ, была другая, на шапку мономахову не похожая, да и мѣхъ на шапкѣ характерная принадлежность русскаго убора одежды, а никакъ уже не греческаго. Современниками Владиміра Всеволодовича на кіевскомъ престолѣ были Алексѣй и Іоаннъ Комнины, въ Византіи. Резона къ посылкѣ вѣнца,—даже принимая въ соображеніе сватовство съ царевичемъ Леономъ,—не оказывается достаточнаго. Да Мономахъ, при его правилахъ, едва ли бы и принялъ подобный даръ отъ грековъ, честно соблюдая условія старшинства только въ семьѣ другихъ князей, *младшихъ братьевъ*, по собственному его выраженію. Всѣ эти соображенія рѣшительно говорятъ противъ легендарной повѣсти о присылкѣ ему вѣнца изъ Царяграда; — хоть она и занесена въ лѣтопись, но, конечно, въ позднѣйшее время.

Слѣдя за ходомъ идеи о принадлежности вѣнца-шапки Мономаху, отъ Грознаго — въ обратномъ слѣдованіи къ его предкамъ — мы опять находимъ странности, ничѣмъ необъяснимыя. Иванъ III эту шапку завѣщалъ (1504 г.) сыну своему Василію, вовсе не росписывая мнимой исторической рѣдкости; между тѣмъ

въ чинѣ коронованія внука Ивана III, несчастнаго Димитрія, шапка названа *мономаховской*. Не могъ же государь забыть этого, если подлинно не позднѣйшая приписка къ церемоніалу этотъ эпитетъ въ чинѣ Дмитріева вѣнчанія?

Во второмъ завѣщаніи Василія Темнаго, между тѣмъ, прямо говорится: — «А сына своего Ивана благословляю крестъ *Петровъ чудотворцевъ*, да крестъ 30 лотъ *парамшинской*, да шапки, да бармы, да сердоличная коробка, да поясъ золотъ большой съ каменьемъ». Какъ тутъ согласить: выставку имени золотыхъ дѣлъ мастера даже, точное указаніе принадлежности креста св. Петру митрополиту и мнимое опущеніе важнѣйшей исторической знаменитости—подарка Мономаху, если таковой былъ извѣстенъ? Всѣ вещи поставлены въ порядкѣ, соблюдаемомъ во всѣхъ перечняхъ принадлежностей царскаго сана, такъ что сомнѣнія не можетъ быть, что тутъ идетъ рѣчь именно о наслѣдственномъ вѣнцѣ, а не о другой какой шапкѣ; между тѣмъ она названа просто *золотою!* Не указываетъ ли это прямо, что шапку золотую чествовали и придавали ей одно и то же значеніе и Василій Дмитріевичъ, и Василій Темный, не слыхавъ о принадлежности ея Мономаху, но зная ея наслѣдственность въ своемъ родѣ и переходъ отъ отца къ старшему сыну исключительно, въ родѣ Калиты, тоже давшаго сыну своему Семену *золотую шапку*. До Калиты завѣщаній мы не имѣемъ, кромѣ Мономахова, а тамъ о шапкѣ золотой нѣтъ помина. Слѣдовательно, не пускаясь въ безфактичныя предположенія, мы не имѣемъ даже права относить шапку-вѣнецъ дальше княженія Ивана Даниловича. Отбросивъ же всякія натяжки, намъ и искать казалось бы больше нечего, потому что форма мнимаго мономаховаго вѣнца—не больше какъ видоизмѣненіе обычнаго головнаго убора князей нашихъ—всего вѣроятнѣе подъ вліяніемъ татарскихъ обычаевъ, понизившихъ тулью до самой головы, какъ въ ермолкѣ. Обшейте ермолку мѣхомъ, да придѣлайте къ вершинѣ яблоко съ крестомъ, — для укрѣпленія своего, непремѣнно потребующее нѣсколько вытянуть полочки (составныя части тульи, такія же, какъ и въ ермолкѣ, изъ треугольниковъ обшитыхъ пазомъ, въ изломѣ дѣлающихъ углы), — вотъ вамъ и настоящая форма мономаховской шапки, какъ она дошла до насъ.

Мы непрочь относить происхожденіе легенды о принадлежности Мономаху шапки вѣнца наслѣдственнаго—гораздо раньше Грознаго, а именно къ Ивану III, которому пожалуй казалось совсѣмъ съ руки — женившись на греческой принцессѣ — присвоить себѣ, въ качествѣ наслѣдника правъ Палеологовъ на уничтоженный турками тронъ Византійскихъ императоровъ, право употреблять ихъ печать *Орла* и еще выставить далекое свойство съ домомъ бывшихъ владыкъ вселенной—хоть и въ униженномъ ихъ положеніи. Исторія о вѣнцѣ, якобы присланномъ изъ Византіи и за три съ половиною уже вѣка сохраняемомъ въ родѣ Московскихъ владыкъ, дѣлала эффектъ не малый. Не даромъ, въ размолвкѣ съ гордою женою, Иванъ III и коронуетъ *мономаховымъ* вѣнцомъ внука отъ старшаго своего сына. «Смотри, какъ бы говорилъ Иванъ Софьѣ Ѳоминишнѣ,—мы не тебѣ и не твоимъ грекамъ обязаны родствомъ Цареградскимъ; а задолго до васъ, признали насъ родными и вѣнецъ прислали владыки Византійскіе, лучшаго времени, когда еще ихъ побаивались дикари востока и запада. Я, стало быть, тебѣ ничѣмъ не обязанъ—и ты, дальше роли покорной супруги, въ дѣла мои не мѣшайся». Задумалъ и сдѣлалъ: вѣнчалъ внука, игрушку своего минутнаго каприза. А назвать въ завѣщаніе золотую шапку *мономаховской* все же не рѣшился, за близостью сложенія басни.

Иванъ IV, начетчикъ первой руки, до котораго дошелъ слухъ о короновaніи Димитрія вѣнцомъ Мономаховымъ, да который и самъ короновался этою же регаліей,—спустя восемьдесятъ уже лѣтъ послѣ перваго случая съ нею, записалъ въ документѣ новый титулъ шапки Калиты и съ того времени Мономаховой она прозывается, у шутниковъ нашего времени возбуждая даже наивную охоту: спустить ее еще пониже Мономаха, въ глубь вѣковъ. Вѣкъ съ четвертью все же прибавляется, если приписать ее Владиміру святому? Какъ будто, для насъ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ происхожденіе отъ XIV вѣка менѣе почтенно, чѣмъ отъ десятаго? До послѣднихъ годовъ Михаилова царствованія (именно 1642 г.) мы впрочемъ не располагаемъ точнымъ обозначеніемъ Мономаховой шапки. Въ указанномъ же году, въ новой росписи, «писанной съ прежнихъ росписей», по случаю порученія вѣдать *большой нарядъ царской* боярину Ѳедору Ивановичу Шереметьеву, наслѣдственный вѣнецъ государей московскихъ описанъ такъ: «шапка Мономахова золота, сканная съ каменьемъ и зерны, пушена соболемъ, подложена атласомъ червчатымъ». Въ одной изъ книгъ Архива Оружейной Палаты (№ 785) встрѣчается извѣстіе (л. 10) о взвѣшиваніи тяжести царскихъ шапокъ. Это выполнялъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій, двоюродный братъ царя Михаила Ѳедоровича, 17 іюня 1641 года. При взвѣшиваніи оказалось въ Мономаховой шапкѣ вѣса 2 фунта и 20 золотниковъ, безъ соболя.

Что же это за *зерна* и *камни* на почтенномъ памятникѣ древности, свято хранимомъ первопрестольною столицею и соблюденномъ въ литовскую разруху, — показываетъ опись казны усопшаго царя Ивана V Алексѣевича, составленная по указу Петра I, 16 февраля 1696 года, *постельникомъ* Алексѣемъ Михайловичемъ Татищевымъ, да *стряпчимъ съ ключемъ* Леонтьемъ Богдановичемъ Плохово. Въ описи ихъ наружность *Мономаховской шапки* описана подробно и совершенно соотвѣтствуетъ настоящему положенію этой регаліи. «Шапка царская, злата, сканная, Мономахова; на ней крестъ золотъ гладкій. На немъ, по концамъ въ исподи четыре зерна гурмыцкихъ. Да на ней 4 изумруды, 2 лала, 2 коры яхонтовыя въ золотыхъ гнѣздахъ, 25 зеренъ гурмыцкихъ на золотыхъ синяхъ. Околъ соболій, подложенъ атласомъ червчатымъ. Влагалище деревянное оклеено бархателью (*брокатель*—парча) травчатою; закладки и крючки серебряные.

При выходахъ «въ большомъ нарядѣ», шапку эту отличали прибавкою словъ «съ крестомъ»; говорилось обыкновенно, «шапка царская съ крестомъ, Мономахова».

Ею вѣнчались на царство цари: Иванъ IV Васильевичъ Грозный (1547 г.), Ѳедоръ I Ивановичъ (1584 г.), Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ (1598 г.), Лжедимитрій (1605 г.), Василій VI Ивановичъ Шуйскій (1606 г.), Михаилъ I Ѳедоровичъ Романовъ (1613 т.), Алексѣй I Михайловичъ (1645 г.) и Ѳедоръ II Алексѣевичъ (1676 г.); всего съ внукомъ Ивана III, Дмитріемъ Ивановичемъ (1498 г.), *ею совершено десять коронованій, въпродолженіи* 178 *лѣтъ*.

Для двоецарственниковъ же, братьевъ Петра и Ивана Алексѣевичей, сдѣланы были уже особые вѣнцы, которые помѣстимъ мы ниже, разсказавъ ихъ исторію.

Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ видно изъ «царскихъ выходовъ», послѣ коронованія своего (28 сент. 1645 г.), не разъ надѣвалъ въ торжественныхъ случаяхъ шапку мономахову, присутствуя при Богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ. Въ «выходахъ встрѣчаются объ этомъ указанія, подъ числами: 25 іюля, 13 и 16 авг. 1652 г., 6 *января*, 25 февраля и 7 апрѣля 1653 г., 10 февраля 1654 г., 6 *января* и 15 *Августа* 1660 г., 8 марта и 25 *декабря* 1663 г., 22 августа 1664 г. и 31 марта 1670 г. Первый и предпослѣдній случаи надѣванія мономаховой шапки были поставленія іерарховъ: патріарха Никона (1652 г. 25 іюля) и сарскаго митрополита Павла (1664 г., 22 авг.), а семь разъ—при причащеніи Св. Таинъ, «для легкости», такъ какъ мономахова шапка вѣсила меньше всѣхъ другихъ головныхъ уборовъ перваго наряда.

Сигнальныя станціи на морѣ. Въ Нью-Іоркѣ давненько уже носятся съ слѣдующимъ проектомъ: миляхъ въ 200—300 къ востоку отъ Санди-Гука, небольшаго островка у береговъ штата Нью-Джерсей, при входѣ въ Неританскій заливъ, поставить пароходъ, соединить его подводнымъ канатомъ съ Нью-Іоркскою станціей—и такимъ образомъ подавать проходящимъ въ виду береговъ кораблямъ сигналы о приближающейся бурѣ. Разумѣется, осуществленіе этого проекта принесетъ большую пользу. Но безконечно выгоднѣе было бы выполненіе напечатаннаго въ «New-Jork Times», повидимому, нѣсколько химернаго плана. Авторъ его, Сидней Морзъ, прославившійся многими важными изобрѣтеніями, ручается впрочемъ, что планъ вовсе не такъ неисполнимъ, какъ это кажется. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Морзъ предлагалъ устроить на морѣ сигнальныя станціи, находящіяся въ телеграфномъ сообщеніи между собою и съ сушей. Исходя отъ общеизвѣстнаго факта, что на извѣстной, не слишкомъ большой глубинѣ подъ уровнемъ воды, море вовсе не подвергается вліянію бурь и теченій,—изобрѣтатель предлагаетъ погрузить на эту глубину большіе желѣзные ящики (бои) и прикрѣпить ихъ на якорѣ. На нихъ, какъ на твердомъ и прочномъ фундаментѣ, поставить небольшія подзорныя башенки, которыя лучше большихъ маяковъ будутъ противостоять бурѣ и волнамъ на томъ основаніи, что травы и кустики безопаснѣе гордыхъ и мощныхъ дубовъ выдерживаетъ вѣтеръ. Та же плоская возвышенность морскаго дна, на которой уложенъ атлантическій телеграфъ, могла бы служить и мѣстомъ укрѣпленія якорей, а погруженіе и ремонтъ боевъ гораздо легче укладки телеграфнаго каната. Громадныя выгоды подобныхъ станцій не требуютъ поясненія. Онѣ могли бы не только предостерегать проходящіе корабли отъ перемѣны погоды и служить верстовыми столбами на морѣ съ означеніемъ на нихъ градусовъ долготы и широты,—но также доставлять убѣжище потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, служа вмѣстѣ и сигнальными и спасительными станціями. Проектъ этотъ стоило бы испробовать на дѣлѣ, такъ какъ г. Морзъ до сихъ поръ еще ни разу не ошибался въ практической годности своихъ изобрѣтеній. Что эти бои могутъ быть погружены и укрѣплены—не подлежитъ никакому сомнѣнію; спрашивается только, устоятъ ли подзорныя башенки противъ бури,—а это легко дознать съ небольшою затратою.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА и МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123,

ПОЛУЧИЛЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ГОТОВЫХЪ ДАМСКИХЪ ВЕЩЕЙ

ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ДОМОВЪ ПАРИЖА.

ОТДѢЛЪ 1-й.
БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.

	От		До	
	Руб.	К.	Руб.	К.
Пальто Ліонс. бархату гладкое, безъ отдѣлки	85	—	125	—
Пальто и Манто Ліонс. бархату, отдѣланное богатыми кружевами и аграмантомъ	100	—	350	—
Ротонды Ліонс. бархату гладкія и съ мѣшками съ разной отдѣлкой.	100	—	400	—
Панье съ кофтой и баской Ліонс. бархату съ богатой отдѣлкой съ кружевами клюни, гипюръ, аграмантомъ, бахромой и друг. отдѣлк.	110	—	400	—
Кофта, козакъ, баска Ліонс. бархату.	50	—	150	—

ОТДѢЛЪ 2-й.
ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.

Пальто Ліонс. фай съ небольшой отдѣлкой.	45	—	50	—
Пальто изъ лучшаго Ліонс. фай, армюръ, съ богатой отдѣлкой	60	—	150	—
Ротонды изъ лучшаго Ліонс. фай гладкія и съ мѣшками съ разной отдѣлкой.	75	—	150	—
Панье съ кофтой и съ баской изъ лучш. Ліонс. фай, съ богатой отдѣлкой	75	—	200	—
Кофты, козакъ, баски, изъ Ліонс. фай.	20	—	75	—

ОТДѢЛЪ 3-й.
ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.

Пальто изъ кастора съ бог. отдѣлк.	20	—	50	—
Пальто изъ французской матеріи съ разною отдѣлкой	30	—	60	—
Кофты, козакъ, панье	15	—	75	—
Ротонды разныя изъ кастора Драде-Велюръ, гладкія и съ мѣшками съ богатой отдѣлкой	25	—	60	—
Долманы, отъ 30 руб. и дороже.	—	—	—	—

ОТДѢЛЪ 4-й.
БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

Сорти-де-Баль	10	—	20	—
Ротонды съ роскошною отдѣлкою и вышивкою	25	—	200	—

ОТДѢЛЪ 5-й.

Костюмы шелковые черные съ богатой отдѣлкой	100	—	400	—
Большой выборъ костюмовъ изъ разныхъ модныхъ шерстяныхъ тканей всѣхъ цвѣтовъ съ роскошной отдѣлкой	20	—	125	—

ОТДѢЛЪ 6-й.
ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ.

	От		До	
	Руб.	К.	Руб.	К.
Бархатъ Ліонс. узкій, арш.	6	—	12	—
Бархатъ Ліонс. широкій	12	—	18	—
Фай черн. Ліонс	1	75	6	—
Фай всѣхъ модныхъ цвѣтовъ	1	80	4	—
Шали ковровыя	50	—	200	—
Платки ковровые	15	—	100	—
Платки кашмир. чер. вышитые	6	—	50	—
Платки кашмир. бѣлые	15	—	40	—
Платки крепонъ	15	—	150	—
Ротонды кружевныя, ляма, клюни, бѣлыя и черныя	30	—	150	—

ОТДѢЛЪ 7-й.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ШЛЯПЪ

самыхъ новѣйшихъ фасон., пригот. по послѣдн. Парижск. моделямъ.

Модели	25	—	65	—
Шляпы: шелковыя и креповыя	6	—	15	—
„ касторовыя	3	—	15	—
„ соломенныя	2	—	25	—
Чепчики, уборы и наколки	3	—	20	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	15	и дор.
„ для шляпъ и куафюръ	—	75	10	—

Большой выборъ зонтиковъ.

Антука	2	25	10	—
Модные	3	—	25	и дор.

Большой выборъ дѣтск. шляпъ.

ОТДѢЛЪ 8-й.
ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ.

для дѣвочекъ и мальчиковъ.

Салопчики для гулянья до 2 лѣтъ изъ разной матеріи	10	—	25	—
Кофточки	2	—	6	—
Платьица длинныя для 3 лѣтъ и болѣе	4	—	15	—
Пальто изъ кастора съ отдѣлкой	6	—	25	—
Пальто изъ французской матер.	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ разныхъ матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ изъ разн. матерій съ отдѣлкой	5	—	25	—
Полный костюмъ для мальчиковъ матроска	10	—	20	—

Покорнѣйше просятъ желающихъ выписывать обозначать при заказахъ цвѣтъ матерій и мѣрку длины и полноты вокругъ плечъ, также по части дамскихъ нарядовъ принимаетъ отъ гг. иногородныхъ покупателей всевозможныя порученія, которыя будутъ исполнены со всевозможною аккуратностію и скоростію.

Дозволено цензурою 30 Марта 1878 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № [illegible].

№ 14 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 9 апрѣля 1873 года. **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

XV.

На новой квартирѣ Сергѣя Николаевича.

Былъ превосходный лѣтній вечеръ. Пыль улеглась, и въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ вѣяло прохладою. По дорогѣ, извилистою лентою тянувшейся между пепельно-зелеными кустарниками джиди и стройными колонками тополей, тихонько, шажкомъ ѣхали два всадника. Дорога въ этомъ мѣстѣ съузилась до того, что двѣ лошади не могли идти рядомъ.

— Твоя лошадь боится... вотъ этого пня, обратился Сергѣй Николаевичъ къ своей прелестной спутницѣ.

— Пустяки, она должна идти... Ну, «Голубокъ», впередъ!

Наташа энергично щелкнула языкомъ и тронула своего караковаго коня хлыстикомъ... Голубокъ попятился и началъ подозрительно похрапывать.

— Ну, за мной!..

Сергѣй Николаевичъ ударилъ своего коня шпорами, проскочилъ впередъ и выбрался изъ тѣснины; Голубокъ, не упрямясь болѣе, послѣдовалъ за переднею лошадью.

Они поровнялись.

— Однако мы ужасно отстали! замѣтила Наташа.—Тарантасы уѣхали очень уже далеко, я даже не слышу стука колесъ...

— Ну и пускай себѣ спѣшатъ! Мы дорогу знаемъ... Вѣдь ты со мною не боишься?

— Нѣтъ — не боюсь... вздохнула Наташа и наклонилась всторону своего кавалера.

Тотъ слегка обнялъ ея талію и нѣжно поцѣловалъ это

упругое, молодое плечо, дрогнувшее при поцѣлуѣ подъ тонкою косыночкою...

— Тс!.. кажется, ѣдетъ кто-то сзади!..

— Нѣтъ, это стучитъ здѣсь, вотъ тутъ... слышишь? Ровичъ взялъ руку дѣвушки и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Дорогой мой!..

Наташа сильно наклонилась опять въ ту же сторону... Сѣдло покачнулось и начало сползать... Ровичъ поддержалъ наѣздницу и соскочилъ съ своей лошади.

— Ну вотъ и остановка... Давайте я пересѣдлаю вашего Голубка... говорилъ онъ, наматывая поводья своего коня на руку и снимая съ сѣдла Наташу.

— Какой ты сильный!..

— Ангелъ милый!..

Сергѣй Николаевичъ подержалъ нѣсколько секундъ Наташу на рукахъ; та притворно сопротивлялась, пытаясь ступить на землю. Маленькая голубая туфля свалилась съ ноги дѣвушки, и яркимъ бирюзовымъ пятнышкомъ рисовалась на темномъ грунтѣ, влажной отъ росы, дороги.

Они возвращались съ прогулки по окрестностямъ Чиназа, устроенной въ видѣ пикника, т. е. съ самоварами, выпивкой и подзакускою. Все общество уѣхало впередъ въ своихъ экипажахъ; Сергѣй же Николаевичъ и Наташа, совершенно впрочемъ случайно (такъ по крайней мѣрѣ, казалось имъ самимъ), отстали — и теперь не очень спѣшили нагонять передніе экипажи.

Понѣжничали, поцѣловались разъ десять, подтянули подпруги у дамскаго сѣдла, сѣли и опять поѣхали, пустивъ коней небольшимъ галопомъ.

— Что съ тобою, Наташа, ты вдругъ нахмурилась и поблѣднѣла? отнесся къ дѣвушкѣ Сергѣй Николаевичъ, когда всадники выбрались изъ садовъ и передъ ихъ глазами раскинулись безконечные камыши съ сверкающей вдали лентой великой средне-азіатской рѣки.

Наташа не отвѣчала — и, опустивъ глазки, пристально разглядывала сѣдые волосы въ черной гривѣ своего «Голубка».

— Наташа!.. нѣжно произнесъ Ровичъ и хотѣлъ было опять обнять ея талію. Та вздрогнула и поблѣднѣла еще сильнѣе.

— Другъ мой, Наташа, да что съ тобою?

— Оставьте — оставьте!.. Я не могу этого видѣть...

Наташа судорожно ударила хлыстомъ коня и поскакала... Ровичь за нею. Она неслась въ карьеръ между двухъ сплошныхъ стѣнъ волнующагося камыша... Пыль, взбитая скачущими лошадьми, поднялась и неподвижно стояла въ покойномъ воздухѣ; впереди тоже показались облачка пыли, въ которыхъ замелькали головы пристяжныхъ, взмахивающіе кнуты и бѣлыя фуражки сидящихъ въ экипажахъ.

Наши всадники быстро догоняли всю кавалькаду. Ровичь недоумѣвалъ и кусалъ губы съ досады. Наташа видимо успокоивалась—и на ея лицѣ началъ понемногу проступать прежній румянецъ.

— А ужъ мы было безпокоиться начали... любезно отнесся комендантъ, когда Наташа придержала лошадь, поровнявшись съ экипажемъ.

— Чего безпокоиться!.. Она у меня молодецъ; сама дорогу знаетъ, засмѣялся Мартынъ Федоровичъ и, протянувъ руку, потрепалъ по шеѣ «Голубка». — Ага, взмылился, разбойникъ... усталъ!...

— Я полагаю, что съ такимъ надежнымъ кавалеромъ всякое безпокойство излишне, произнесъ заслуженный маіоръ, сидѣвшій на козлахъ тарантаса, и пріударилъ на словѣ «надежный».

— Наталья Мартыновна!.. взвизгнула казначейша изъ другаго тарантаса.

— Сергѣй Николаевичъ!.. не менѣе пронзительно позвала попадья изъ того же экипажа.

— У насъ маленькая непріятность случилась, ослабли подпруги и надо было пересѣдлать; это заняло немного времени... словно оправдывался Ровичь — и, замѣтивъ, что Наташа подъѣхала къ тарантасу казначейши съ одной стороны, поспѣшилъ заскакать съ другой, гдѣ сидѣла толстощекая, румяная попадья въ шляпѣ, украшенной цѣлымъ цвѣтникомъ, и съ зонтикомъ, распущеннымъ не смотря на то, что солнце уже сѣло и надъ туманнымъ горизонтомъ виднѣлся только самый крохотный, красный какъ раскаленное желѣзо, его краюшекъ.

— Хотите персикъ? продолжала попадья, протягивая всаднику что-то мокрое, сочное до того, что съ него капало, вынутое изъ корзинки, наполненной до самыхъ краевъ переспѣлыми сильно-помятыми фруктами.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не хочу. Что вы такъ на меня пристально смотрите?

— Вовсе не на васъ, а на вашу лошадь... улыбнулась полная дама.

— Что вы въ ней находите особеннаго?.. вы такъ внимательно ее осматриваете, отъ ушей до кончиковъ копытъ.

— Меня удивляетъ немного эта перемѣна... Прежде на ней ѣздилъ Петръ Михайловичъ...

Сергѣй Николаевичъ закусилъ губу и слегка сдвинулъ брови, Наташа опять поблѣднѣла и отвернулась.

— Ну, такъ что-же?

— Прежде, подъ Касаткинымъ,—эта лошадь шла всегда такъ вяло, некрасиво. Ну, совсѣмъ, какъ оселъ! Уши, бывало, развѣситъ, спотыкается; а теперь — я ее просто не узнаю... Это прелесть, что за красивая лошадка! Шейка кольцомъ, танцуетъ, а не идетъ... Чудо!..

— Это очень просто, подхватила казначейша.—Новый наѣздникъ правитъ конемъ лучше, чѣмъ прежній... Поздравляю!..

И она начала хихикать и подталкивать локтемъ свою сосѣдку.

Сергѣй Николаевичъ тоже улыбнулся, но какъ-то неестественно, кисло. Онъ крѣпко стиснулъ рукоять своего хлыста. Онъ въ эту минуту съ большимъ удовольствіемъ приложилъ бы свой хлыстъ къ этому пошловатому, красному, смѣющемуся лицу, сбилъ бы однимъ ударомъ эти цвѣтники, гдѣ яркими пятнами алѣлъ мохъ, топорщились колосья и бѣлѣли звѣздочки полевой ромашки...

Кавалькада подъѣзжала къ Чиназу.

Послѣ ужина, Сергѣй Николаевичъ, закуривъ сигару, вышелъ на крыльцо. Заслуженный маіоръ остался съ Мартынъ Федоровичемъ доигрывать въ пикетъ. Наташа повертѣлась немного въ комнатѣ, такъ больше для виду, и, улучивъ удобную минуту, юркнула въ дверь и очутилась на крыльцѣ, гдѣ сидѣлъ на перилахъ Ровичъ и дѣлалъ видъ, будто вовсе не замѣчаетъ появленія дѣвушки.

— Сережа!.. шепнула Наташа.

— А, это ты?.. Я думалъ ты уже ушла спать.

— Не простившись съ тобою... развѣ это можно?

— Отчего-же?!.

Онъ притянулъ къ себѣ Наташу. Та тяжело дышала — и косилась на дверь.

— Въ окно увидятъ, что ты дѣлаешь?! Боже мой!

— Никто не увидитъ, радость моя!.. Ангелъ мой милый!..

Онъ взялъ ея руку и тихонько свелъ ее съ крыльца. Та шла не сопротивляясь, не отнимая своей головки отъ плеча Ровича. Галунъ офицерскаго погона теръ ей плечо... она не замѣчала этого... Они пошли по улицѣ.

Было темно и тихо. Весь Чиназъ спалъ—и только въ окнахъ Чижикова видѣнъ былъ свѣтъ, да въ какомъ-то узкомъ и темномъ переулкѣ кто-то усердно и терпѣливо щелкалъ кремнемъ, высѣкая искорки для своей потухшей трубочки.

— Хорошо тебѣ, Наташа?

— Хорошо.. хорошо.. почти простонала та—и жалась къ своему кавалеру, вздрагивая каждый разъ при всякомъ подозрительномъ шумѣ.

— Скажи мнѣ, Наташа, что это сдѣлалось съ тобою во время прогулки?

— Когда?..

— А вотъ, когда мы выбрались изъ садовъ. — Ты вдругъ перемѣнилась; ты поблѣднѣла; ты, словно, испугалась чего-то?..

— Это такъ, это ничего... Ну, зачѣмъ ты вспоминаешь объ этомъ?..

Въ голосѣ дѣвушки послышался страхъ... Словно ее пугало одно воспоминаніе.

— Но, Боже мой, да говори же, говори!..

— Ну... не надо...

— Наташа!..

— Знаешь, я не могу видѣть этого... Ну не могу... Мнѣ все кажется...

— Да что именно?..

— Этихъ камышей... Тамъ такъ страшно!.. Мнѣ все представляется онъ. Бродитъ онъ, дикій, безумный;—на меня смотритъ съ такимъ укоромъ, съ такою тоской... Господи!.. Да чѣмъ же я виновата? что я ему сдѣлала?.. Вѣдь не могу же я не любить тебя!.. Виновата ли я, что какъ только я взвидѣла тебя, со мною сдѣлалось что-то такое странное!.. Я все забыла на свѣтѣ, все, кромѣ одного тебя... Ты вездѣ стоялъ передо мною... Что пережила я въ эти минуты!.. Господи, Господи!.. Ты видѣлъ, что я долго боролась... Я не хотѣла измѣнять ему. Я молила Бога, чтобы ты уѣхалъ скорѣе... Остальное ты знаешь...

— Крошка моя!..

Ровичъ остановился, сильно обнялъ Наташу и поцѣловалъ ея въ лобъ.

— Я благословляю случай, пославшій мнѣ эту пулю; благодаря ей, ты сблизилась со мною, моя болѣзнь дала мнѣ этого ангела...

— Милый!.. милый!..

Двѣ косматыя собаки съ хриплымъ лаемъ кинулись на нашихъ голубковъ, кто-то науськивалъ изъ-за угла забора, темною массою виднѣвшагося неподалеку. Ровичъ началъ отмахиваться хлыстомъ, Наташа подобрала свои юпочки. Оба они отступили по направленію къ главной улицѣ.

— Ты не испугалась?.. ласково спрашивалъ Ровичъ, когда собаки отстали и затихло ихъ послѣднее ворчаніе.

— Нѣтъ... Ничего.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— А знаешь, что? — Мнѣ все кажется, что онъ еще живъ... Мнѣ это такъ живо представляется, что я даже увѣрена въ этомъ.

— Пустяки, ты знаешь, что послѣ того какъ Трубаченко съ Бабаджакомъ донесли тогда—обо всемъ, что случилось съ Касаткинымъ...

Наташа опять вздрогнула, при одномъ только этомъ имени.

— Ну, тогда вѣдь цѣлую недѣлю отыскивали его—все обшарили по обоимъ берегамъ; кажется, булавку—и ту бы можно было найти при подобныхъ розыскахъ.

— Да куда же онъ дѣлся?.. Куда же?..

— По всей вѣроятности, утонулъ. Изъ всѣхъ предположеній, это самое вѣрное.

— Бѣдный, бѣдный!.. и я, я виновата во всемъ этомъ...

— Наташа!..

— Я, я виновата!.. Господи, за что ты послалъ мнѣ такое испытаніе?..

Дѣвушка принялась судорожно рыдать, почти повиснувъ на рукѣ Сергѣя Николаевича.

— Да успокойся, дитя мое, успокойся! И себя ты мучишь напрасно, и меня то же.

— Ну — не буду, не буду...

Опять они остановились, опять начались утѣшенія съ одной стороны, обѣщанія утѣшиться съ другой,—ласки, самыя пламенныя съ обѣихъ...

— Ну, пора домой! мама браниться будетъ, вздохнула Наташа...

— Ночь такъ прекрасна... заявилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Вотъ и твоя квартира, указала Наташа, когда они поровнялись съ небольшимъ домикомъ, смотрѣвшимъ на улицу четырьмя окнами, заставленными войлочными ставнями.—Ты здѣсь останешься; я уже пойду одна.

— Хочешь зайти ко мнѣ? Погляди, какъ я устроился. Я вѣдь только вчера перебрался изъ гостинницы... Зайдемъ!..

— Что ты, что ты!—Ни за что!..

— Да полно! ну, чего ты боишься? Неужели ты мнѣ не вѣришь... Ангелъ мой...

— Ни — за что!..

Она уперлась и старалась вырвать свою руку.

— Увидитъ кто нибудь... Оставь...

Однако она вошла въ дверь — и Сергѣй Николаевичъ принялся чиркать спичкою. Двѣ свѣчи, зажженныя на столикѣ у зеркала, освѣтили чистую комнату, убранную со вкусомъ и обставленную съ самою изысканною предупредительностью ко всякимъ потребностямъ комфорта.

Наташа дрожала какъ въ лихорадкѣ и стояла посреди комнаты, словно не рѣшаясь сдѣлать какое либо движеніе.

— Ну вотъ ты и у меня—это ты мнѣ отдала визитъ... шутилъ Сергѣй Николаевичъ, лаская дѣвушку.

— Ты тутъ спишь?.. сама не зная что говоритъ спросила Наташа, кивнувъ глазами на складную кровать, застланную дорогимъ хивинскимъ ковромъ.

Вдругъ обѣ свѣчи погасли... Онѣ погасли вслѣдствіе какого-то маневра со стороны Ровича.

Въ комнатѣ воцарилась непроницаемая темнота.

— Ай! вскрикнула Наташа.

Но этотъ крикъ былъ прерванъ самымъ пламеннымъ, неотразимымъ поцѣлуемъ.

XVI.

Опять въ камышахъ.

Большой, старый кабанъ-одинецъ взъерошилъ на спинѣ свою сѣдую, длинную щетину, громко хрюкнулъ и попятился. Клыкастый бродяга сопѣлъ носомъ, злобно щел-

калъ челюстями—и все пятился и пятился задомъ, пока не протискался между двухъ кочекъ въ камышъ и не завязъ въ илистой топи, по самое брюхо. Здѣсь онъ успокоился немного и прищурилъ глаза; жидкая грязь засасывала его мало-по-малу по самое рыло; густое облачко комаровъ совсѣмъ облѣпило его, набивалось въ уши, лѣзло въ ноздри—и заставляло кабана все глубже и глубже зарываться въ прохладную грязь, пока на ея поверхности не остались только отфыркивающіяся, запѣнившіяся ноздри.

А животное вовсе не туда пробиралось куда попало. Предположенія щетинистаго обитателя болотистыхъ береговъ были совсѣмъ инаго рода. Онъ, во-первыхъ, намѣревался выбраться на берегъ Сыръ-Дарьи, поваляться въ сухомъ горячемъ пескѣ на отмели, пошарить—не валяется-ли гдѣ-нибудь между блестящими бѣлыми ракушками какой-нибудь, выброшенной волнами, уснувшей рыбки (дикія свиньи очень любятъ лакомиться этими подачками щедрой кормилицы-рѣки). Мало-ли что еще предполагалъ кабанъ—но... его предположенія не сбылись, потому что ему помѣшали.

Раздвигая камыши, спотыкаясь и махая въ воздухѣ руками, словно разрушая какія-то невидимыя преграды, показалась странная человѣческая фигура. Рубаха и штаны на ней были изодраны въ клочья. Рваныя, грязныя, окровавленныя тряпки болтались и трепались отъ вѣтра; глаза у этой фигуры были неподвижно устремлены впередъ, смотрѣли тускло, безжизненно. Исхудалое, покрытое струпьями и кровавыми ссадинами, лицо было искажено отвратительной улыбкой идіота...

Слабый, тощій, сухой какъ скелетъ, онъ шелъ—и его дрожащія слабыя ноги подгибались, словно не могли уже сдерживать это больное, страдальческое тѣло.

За человѣкомъ шла собака — такая же, какъ и ея хозяинъ—она тоже понурила свою голову и высунула на бокъ сухой воспаленный языкъ.

Собака шла и думала:—куда это идетъ ея хозяинъ,—когда и гдѣ онъ остановится? Человѣкъ ничего не думалъ. Онъ ничего не могъ уже думать.

Какъ живая мать носитъ въ своемъ чревѣ мертваго ребенка, такъ въ его живомъ еще черепѣ лежалъ мозгъ, умершій уже для всякой опредѣленной мысли.

Человѣкъ былъ Петръ Касаткинъ,—собака—его вѣрная Альфа.

Вдругъ ноги несчастнаго подкосились—его тѣло какъ-то странно откинулось назадъ, колыхнулось впередъ... руки безнадежно взболтнули въ воздухѣ...

Касаткинъ упалъ.

Упалъ ничкомъ, затылкомъ кверху; только на затылкѣ этомъ не было англійскаго пробора.

И собака его уныло, жалобно завыла и легла у ногъ Петра Михайловича, то замолкая на минуту, то снова начиная свое грустное вытье, такъ сильно побезпокоившее того стараго кабана, отложившаго свою прогулку по берегу до другаго, болѣе благопріятнаго случая.

Солнце перешло уже за полдень и спустилось низко, почти къ самымъ холмамъ на томъ берегу Дарьи. Жаръ смѣнился вечернею прохладою, поднялся туманъ надъ рѣкою; шумныя стаи утокъ и дикихъ гусей спустились на затоны... Быстро набѣгали сумерки, а за ними слѣдомъ надвигалась густая темнота—безлунной южной ночи...

А Касаткинъ все лежалъ—и не двигался въ немъ ни одинъ мускулъ, не шевелилась ни одна тряпка... Неподвижною безобразною массою виднѣлась эта жалкая фигура, лежащая ничкомъ, какъ разъ поперекъ утоптанной двойными копытцами, кабаньей тропы.

Два глаза-изумруда сверкнули всторонѣ..... Быстро, неслышно шагая, выползло изъ чащи полосатое тѣло... Взвизгнула Альфа и юркнула за кочки.

Осторожно подкрался тигръ шаговъ на десять къ охотнику, прилегъ, вытянулся, прыгнулъ, тряхнулъ головою, поморщилъ носомъ и отошелъ прочь.

Этотъ тигръ былъ гастрономъ и баловень. Онъ не ѣлъ труповъ.

(Продолженіе будетъ).

Между небомъ и водой.

(Подлинная исповѣдь одного британца). Переводъ съ англійскаго.

(Окончаніе).

Пароходъ поднимался и опускался, пока Френсисъ говорилъ, не получая отвѣта. На палубѣ слышались громкія приказанія, буря ревѣла, дождь барабанилъ въ окна.

— Это буря, замѣтилъ супругъ, что было впрочемъ совершенно лишнее.

— Кажется, отвѣчала супруга.

— Но отчего вы не отвѣчаете на мой вопросъ?

— На какой?

— О! нетерпѣливо проговорилъ онъ, — я спрашивалъ: отчего мы были такъ несчастны?

— Точно такъ же я могу спросить: отчего вы всегда были такъ невнимательны ко мнѣ?

— Ну, я узнаю васъ! воскликнулъ супругъ, — всегда отвѣчаете на вопросы вопросами. Я отлично помню вашу тогдашнюю манеру. Это всегда раздражало меня.

— А что же васъ не раздражало?

— Понятно все—потому что вы нарочно доводили меня до этого.

— Да, дѣйствительно такъ.

Пауза. Одна сторона кусаетъ губы, другая—хмуритъ брови. Качка къ полномъ разгарѣ.

— Но, началъ опять мистеръ Тирльби, придерживаясь чтобы не упасть со скамейки,—но конечно я былъ злымъ духомъ, тираномъ,—вѣдь мужья всегда такіе.

— Отчего же! у меня былъ сварливый характеръ, женщины вѣдь всегда сварливы.

— Дорогая моя, началъ мистеръ Тирльби, теперь уже окончательно впавъ въ саркастическій тонъ, — вы были со дня вашего рожденія ангеломъ кротости, и всегда бывали правы. Притомъ же вы переносили ваше несчастіе съ такимъ терпѣніемъ и покорностію судьбѣ; «мой мужъ чудовище, онъ сведетъ меня въ могилу»—вотъ что было написано на вашемъ кроткомъ лицѣ, но губы молчали.

— Съ вашихъ за то, съ раздраженіемъ возразила дама, — кажется не сходила веселая улыбка, которою вы всему свѣту кричали: «посмотрите-ка, какой я добрѣйшій человѣкъ! Но развѣ миссисъ Тирльби чѣмъ нибудь угодишь?» Ну, слава Богу, я не ношу больше этого имени.

Со стола полетѣла чашка, чашка миссисъ Тирльби, и супругъ ея былъ настолько золъ, что, какъ будто не зная что буря повалила чашку, качая головой сказалъ:— Но чѣмъ же виноваты чашки! Вѣдь мы не дома, миссисъ Тирльби.

„Весна“. Рис. Андріоли, грав. Регульскій.

— Развѣ я бросила ее со стола?

— А вы скажете, что нѣтъ?

— Я не знаю, чего вы отъ меня хотите.

— Ровно ничего, даже не хочу чтобы вы опять бросали на полъ чашки; — вѣдь вы, конечно, твердо убѣждены, что этотъ грѣхъ съ чашкой лежитъ на моей душѣ, а никакъ не на вашей.

— Вы невыносимы! сверкая глазами вскрикнула миссизъ Тирльби, и такъ сильно ударила рукой о столъ, что и другая чашка полетѣла за первой и разбилась въ мелкіе дребезги.

Мистеръ Тирльби наклонился, подобралъ пестрые черепки и сказалъ, съ жалобнымъ видомъ показывая ихъ женѣ.—И это безъ сомнѣнія сдѣлалъ я. Извините, пожалуйста.

Щеки миссизъ Тирльби пылали отъ гнѣва, но она все-таки была очень хороша — Юнона въ ссорѣ съ Юпитеромъ.

Мистеръ Тирльби попытался было пройтись по шатающейся залѣ. — Время, сказалъ онъ,—во всякомъ случаѣ не измѣнило вашего вздорнаго характера.

— И кромѣ того, возразила миссизъ Тирльби,—оно не заставило меня позабыть, что я выстрадала отъ васъ. Еще черезъ десять разъ десять лѣтъ это не выйдетъ у меня изъ памяти.

— Черезъ десять разъ десять лѣтъ, насмѣшливо отвѣчалъ супругъ, — вы будете безъ сомнѣнія очень хорошенькой старушкой.

— Ну, да и вы не будете молодымъ человѣкомъ. Вѣдь ужъ и теперь вамъ скоро стукнетъ сорокъ.

— Конечно, съ горечью отвѣчалъ мистеръ Тирльби,— впрочемъ, и въ женщинѣ тридцать пять лѣтъ не Богъ знаетъ какая молодость.

Плохо, когда ссорящіеся супруги такъ досконально знаютъ взаимныя слабости. Миссизъ Тирльби вспомнила, что у ея мужа были жидкіе волосы, и она съ злорадствомъ открыла, что у него проглядываетъ лысина. Она бросила на его голову такой взглядъ, который былъ способенъ смертельно оскорбить тщеславіе мужа.

А мистеръ Тирльби былъ страшно тщеславенъ.

— Конечно, конечно! ядовито засмѣялся онъ, хватаясь за рѣдѣющее мѣсто, будто желая скрыть его отъ проницательнаго взгляда миссизъ Тирльби, — что касается степенности вида, то намъ не въ чемъ упрекнуть другъ друга.

Лицо миссизъ Тирльби освѣтилось торжествующей улыбкой, потому-что ея густые волосы были безукоризненно-черны, какъ въ лучшее время молодости. Она знала что противникъ, взглянувъ на нихъ, долженъ будетъ вполнѣ смириться. Между тѣмъ, въ этой перестрѣлкѣ, они почти не замѣчали, что тамъ, на морѣ, ярость разнузданныхъ стихій становилась съ каждой минутой грознѣе и грознѣе.

Но вдругъ подлѣ залы послышался какой-то стукъ, какъ будто бы заколачивали дверь; это напомнило мистеру Тирльби объ опасности. Онъ пошелъ къ двери; на встрѣчу ему, изъ каюты выходившей въ залу, рыдая выскочила кельнерша.

— Машина сломалась! кричала она, — нельзя больше управлять пароходомъ!

— Какъ же смѣютъ запирать насъ здѣсь? вскрикнулъ мистеръ Тирльби.

Онъ получилъ неутѣшительный отвѣтъ, что страшная волна, скатившаяся съ палубы на лѣстницу, готова была затопить залу, еслибъ не успѣли заколотить дверь. Затѣмъ послѣдовала вторая такая волна.

— Мы погибли! вопила кельнерша.

— Насъ бы не заколотили здѣсь, успокоительно сказалъ мистеръ Тирльби,—еслибы не было надежды.

— Молитесь, всхлипывая простонала кельнерша,—и я буду молиться. И она, шатаясь, побрела къ себѣ въ каюту.

Миссизъ Тирльби побѣлѣла какъ мѣлъ. Она держалась за одинъ изъ желѣзныхъ пиластровъ залы. Пароходъ безъ отдыху валяло во всѣ стороны. Весь чайный приборъ, теперь такъ же и приборъ мистера Тирльби, лежалъ въ дребезгахъ на полу.

Прошло четверть часа напряженнаго страха; въ это время оба плѣнника, каждый по своему, могли сводить свои счеты съ небомъ.

— Мэри, сказалъ наконецъ мистеръ Тирльби, забитый между заколоченной дверью и лакированнымъ бѣлымъ деревяннымъ столбомъ, который, составляя нижнюю часть главной мачты, скрипя и содрогаясь, говорилъ о бѣшеной ярости бури,—Мэри, простите ли вы меня?

— Вы думаете, мы погибаемъ?

— Я зналъ, что не вы разбили первую чашку, продолжалъ мистеръ Тирльби,—простите меня.

— Ни первую, ни вторую.

Мистеръ Тирльби хотѣлъ заспорить, но страшный гулъ и гвалтъ кругомъ заглушили его слова.

— Итакъ, прощеніе и примиреніе... только это и можно было разслышать изъ всего, что онъ говорилъ.

Иногда, во время самой ужасной бури, вдругъ наступаетъ тишина, на одну минуту, конечно. Теперь наступила такая минута.

Миссизъ Тирльби подумала, что опасность миновала.

— Не знаю! сказала она, не сдаваясь на примиреніе,— можетъ быть еще черезъ десять лѣтъ судьба опять нечаянно столкнетъ насъ другъ съ другомъ. Если я теперь останусь жива, то во всякомъ случаѣ буду благодарить небо за эту встрѣчу. Теперь я понимаю лучше, чѣмъ когда нибудь, отчего мы не могли ужиться подъ одной крышей...

Послѣднія слова были снова заглушены ревомъ бури. Затѣмъ на палубѣ затрещало, загремѣло. Сломалась верхняя часть мачты; внизу сотрясеніе отдалось съ такой силой, что мистера Тирльби вдругъ съ розмаху бросило на полъ. Позади него, пробившись изъ-подъ заколоченной двери, точно сквозь плохо запертый шлюзъ, ворвалась страшнымъ потокомъ морская вода.

Изящно обутыя ножки миссизъ Тирльби стояли по щиколодку въ водѣ.

— Мы тонемъ? спросила она, и на этотъ разъ въ голосѣ ея слышался дѣйствительный страхъ.

— Богъ знаетъ!

— Фрэнсисъ!

— Мэри!

Супруги молча смотрѣли другъ на друга: онъ, сидя въ водѣ; она, уцѣпившись за желѣзный пиластръ, едва удерживаясь на ногахъ въ безпрестанно прибывающей соленой водѣ.

— Мэри! повторилъ мистеръ Тирльби искреннимъ, сердечнымъ тономъ; онъ очень хорошо понималъ, какъ она должна была бороться съ собой.

— Мнѣ хотѣлось бы сообщить вамъ нѣчто, сказала миссизъ Тирльби дрожащимъ голосомъ,—на случай еслибы вы спаслись. Дадите ли вы мнѣ слово, что вы воспользуетесь этимъ только въ единственнымъ случаѣ — именно: если изъ насъ обоихъ, спасетесь только вы?

— Боже избави отъ этого!

— И я также молю его объ этомъ, сказала миссизъ Тирльби,—я не хотѣла бы умереть, потому что у меня есть обязанности, которыя я должна исполнить.

— Вы не остались свободны?

— По крайней мѣрѣ не свободна отъ обязанностей.

— Вы взяли на воспитанiе ребенка?

— Онъ мой собственный.

— Вашъ?

Въ эту минуту на палубу рухнула часть трубы и разбила на тысячи кусочковъ верхнее окно въ залѣ. Дождь захлесталъ въ отверстiе. Еще немного—и казалось зала должна была вполнѣ обратиться въ водяной храмъ.

— Вашъ? спросилъ мистеръ Тирльби, все сидя въ водѣ.

— Онъ родился черезъ пять мѣсяцевъ послѣ нашей разлуки, отвѣчала миссизъ Тирльби; — да проститъ мнѣ Господь, что я умолчала о своихъ надеждахъ! Я не хотѣла такой цѣной возвратить вашу любовь.

Мистеръ Тирльби не способенъ былъ выговорить слова. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилiя подняться изъ своей сидячей ванны, но сильная качка не позволяла ему достигнуть этого.

— Мэри! воскликнулъ онъ наконецъ,—и мы, въ первую же минуту нашего свиданiя, не нашли слова полнаго примиренiя! Возможно ли это! — Подождите! воскликнулъ онъ, напрягая всѣ свои силы, чтобы подняться,—еще минутку терпѣнiя! я не могу не пожать вашей руки. Не правда ли: теперь, теперь ужъ вы не оттолкнете меня?

— Сидите спокойно, просила его миссизъ Тирльби, и въ голосѣ ея слышалось безпокойство,—вы можете упасть; самая большая опасность, кажется, прошла.

Но опасность вовсе не прошла. Все предъидущее было какъ будто слабой прелюдiей къ тому, что теперь начала творить буря. Зеркала срывались со стѣнъ и звеня летѣли въ пѣнившуюся по залѣ воду; лампа погасла; доски, сорванныя съ палубы, стучали и гремѣли о боковыя стѣны, а обломки огромной реи продавили проволочную сѣть разбитаго ими боковаго окна залы. Казалось, вся вселенная готова была разрушиться.

Мистеръ Тирльби, кое-какъ придерживаясь за шатающiйся столъ, ощупью дотащился въ потемкахъ до своей жены. Она все стояла на томъ же мѣстѣ; но руки ея, ухватившiяся за желѣзный пилястръ, были холодны какъ ледъ, и сама она больше походила на мертвую чѣмъ на живую.

— Мэри, сказалъ онъ, одной рукой обнимая жену, другой хватаясь за пилястръ, — кто: дѣвочка или мальчикъ?

— Мальчикъ, едва разслышалъ онъ въ темнотѣ.

— У меня сынъ, мальчикъ почти десяти лѣтъ? И хорошенькiй, не правда-ли? Похожъ ли онъ хоть немного на меня?

— У него ваши глаза.

— Голубые? Чудесно! Но, надѣюсь, Мэри, что волосы ваши?

Мистеръ Тирльби молчалъ нѣсколько минутъ.

— И какъ мы могли такъ отвратительно встрѣтить другъ друга! сказалъ онъ, вспомнивъ насмѣшки, которыми они перестрѣливались такъ недавно.

— Я радъ, что у него ваши волосы, прибавилъ онъ,— можно надѣяться, что это избавитъ его отъ несчастiя скоро потерять ихъ. Но какъ назвали вы моего сына?

— Его зовутъ именемъ отца, чуть слышно прозвучало въ отвѣтъ.

Мистеръ Тирльби былъ внѣ себя отъ волненiя. — Мэри!.. воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ, — клянусь вамъ...

Но желѣзный пилястръ подался, и страшный толчекъ отбросилъ мистера Тирльби и его полубезчувственную жену въ противоположный уголъ; они очутились среди опрокинутой мебели, нагроможденной тамъ въ безпорядочную кучу. Съ трудомъ нашелъ мистеръ Тирльби для себя и для своей жены новую точку опоры въ этомъ ужасномъ хаосѣ.

— Можетъ быть вамъ еще возможно спастись? простонала миссизъ Тирльби.

— Нѣтъ, ни мнѣ, ни вамъ.

— Черезъ палубное окно, Фрэнсисъ...

— А что же будетъ съ вами, Мэри?

— Если я и умру, то сынъ нашъ по крайней мѣрѣ не останется сиротой. Онъ гоститъ въ Дублинѣ у тети Елленъ. Запомните адресъ: Мерейонъ скверъ, миссизъ О'Грэди...

Послѣднiя слова замерли на устахъ говорившей. Она лишилась чувствъ. Всѣ самые нѣжные распросы мистера Тирльби оставались безъ отвѣта.

Бѣдная женщина! вздыхалъ мистеръ Тирльби, и среди оглушительно ревущихъ вокругъ него стихiй, мысли его унеслись въ прошедшее. — Славу Богу, что смерть дала намъ по крайней мѣрѣ эту отстрочку, сказалъ онъ самъ себѣ, возвращаясь къ настоящей грозной опасности,—но я думаю, если ужъ такъ суждено, то въ настоящую минуту я могу умереть съ христiанской твердостью. Его зовутъ Фрэнсисомъ, опять думалъ онъ,—а вѣдь въ наши хорошiе дни и меня она также называла Фрэнсисомъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось еще взглянуть на мальчугана! Держу пари, что у него моя походка. Ни что такъ не наслѣдственно, какъ походка.

Такимъ образомъ провелъ онъ всю ночь, держа на рукахъ свою безчувственную жену—жену такую, какъ она была въ лучшiе дни,—лаская въ своей душѣ, волнуемой самыми противуположными чувствами, образъ никогда невиданнаго имъ мальчика. Изъ сосѣдней каюты доносились до него вопли и мольбы кельнерши, и минутами онъ самъ молился вмѣстѣ съ ней. А буря ревѣла; искалѣченное судно трещало, скрипѣло и гремѣло; въ залѣ раздавался плескъ образовавшаго въ немъ озера, черезъ палубу безпрерывно перекатывались съ громовымъ шумомъ и грохотомъ чудовищныя волны. По временамъ онъ думалъ, что разнузданныя силы природы сейчасъ же втянутъ свою жертву въ зiяющую бездну. Но судно опять, словно чудомъ, выкарабкивалась вверхъ, и онъ снова начиналъ надѣяться.

Наконецъ на разсвѣтѣ онъ сталъ различать на палубѣ человѣческiе голоса. Ревъ и гулъ бури уже не заглушалъ ихъ больше. Потомъ, когда первыя слабыя полосы утренняго свѣта, робко освѣтили окружавшую его картину опустошенiя, на лѣстницѣ послышались шаги. Вскорѣ дверь задрожала подъ ударами топоровъ и тяжелаго лома. Когда она отскочила, въ залу ворвался, точно общипанная мокрая ворона, кельнеръ.

— Спасительный пароходъ въ виду, сэръ! воскликнулъ онъ.—Гдѣ миссъ Сусанна? Гдѣ кельнерша? Все благополучно теперь, сэръ. Прошу извинить меня за то, что я не былъ на своемъ мѣстѣ; но надо было сильно работать помпами. Я долженъ былъ помогать тамъ. А, вотъ она! И оба служащiе духа опустошенной залы, какъ были оба мокрые, бросились въ объятiя другъ друга.

Въ дверяхъ показался сѣдой капитанъ.—Мы перенесли

самое трудное, пробормоталъ онъ, — Богъ не оставилъ насъ еще на этотъ разъ.

Мистеръ Тирльби снесъ свою жену наверхъ. На свѣжемъ воздухѣ она скоро пришла въ себя. Она принимала, что ей давали для подкрѣпленія ея силъ; а когда старшій рулевой увѣрялъ, что онъ сегодня ночью заговорилъ море, она сказала: «а я ни за что въ свѣтѣ не хотѣла бы проспать эту ночь на землѣ!»

Спасительный пароходъ подошелъ. Не безъ опасности пересадили на него пассажировъ. Потомъ онъ взялъ своего сильно поврежденнаго товарища на буксиръ, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ Кингстоунской гавани.

Въ толпѣ, ожидавшей на пристани прибытія парохода, одинъ маленькій мальчикъ неутомимо махалъ шляпой.

— Я вижу тетю Елленъ, сказала краснѣя миссизъ Тирльби, — она пришла навстрѣчу намъ съ Фрэнсисомъ.

Глаза мистера Тирльби стали влажны. — Мэри, сказалъ онъ, не сводя глазъ съ махавшаго мальчика, — то, что вы назвали нашего сына моимъ именемъ, убѣждаетъ меня, что иногда вы вспоминали обо мнѣ съ дружескимъ чувствомъ. Но неужели же теперь вы не забудете и не простите всего дурнаго?

Она безмолвно пожала ему руку.

— И мою послѣднюю злость съ чашкой?

Миссизъ Тирльби улыбнулась.

— Мама, мама! послышалось радостное привѣтствіе съ пристани, и черезъ нѣсколько минутъ, мать и сынъ держали другъ друга за руки.

— Наверху стоитъ тетя, сказалъ мальчикъ; потомъ, съ удивленіемъ взглянувъ на господина, который протянулъ ему руку, спросилъ: — а кто же это, мама?

— Твой отецъ, сказала конфузясь миссизъ Тирльби.

— Мой отецъ изъ Индіи?

— Какъ! закричала сверху тетя Елленъ, — мистеръ Тирльби? Возможно ли это? Самъ мистеръ Тирльби?!

— А отчего папа такъ долго оставался въ Индіи? спросилъ мальчикъ.

— Потомъ! уняла его миссизъ Тирльби, давая мужу руку, чтобы идти съ нимъ на берегъ.

— Съ этихъ поръ, сказалъ мистеръ Тирльби, крѣпко держа за руку также и мальчика, — мы будемъ жить только другъ для друга, и такимъ образомъ постараемся вознаградить себя за потерянное время.

Геологическое происхожденіе Россіи.

Мы начали говорить о томъ, какія мѣстности Россіи прежде другихъ выступили съ морскаго дна (Нива, № 6, стр. 91). Прежде всего поднялись силурскія глины съ представителемъ своей эпохи—трилобитомъ. Этотъ древнѣйшій ракъ изображенъ подъ № 1 на прилагаемомъ рисункѣ. Потомъ поднялись обширныя девонскія формаціи, въ которыхъ встрѣчаются окаменѣлыя рыбы, голоптихіи (№ 2). До девонской формаціи, отъ Новагорода и Орла вдоль Урала бушевало море. Мѣстами на немъ выдвигались острова, и простоявъ тысячу-другую лѣтъ, опять опускались въ море, уступая ему остатки своихъ растеній. Эта древнѣйшая исторія нашей почвы довольно темна; ея не видало ни одно существо, которое могло бы пересказать намъ въ подробности, какъ что было; но общія черты вовсе не могутъ подлежать сомнѣнію. Пришла пора, когда поднялись изъ моря новыя пространства суши, отъ сѣвернаго конца нынѣшняго Бѣлаго моря черезъ Архангельскую, Вологодскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Смоленскую, Калужскую, Рязанскую губерніи, а также довольно широкою полосою вдоль Урала, съ узкою вѣтвью на сѣверо-западѣ, къ Сѣверному океану. Среди моря, лежавшаго на поверхности остальной Россіи, возвышался громадный островъ, называемый теперь Жегулевскими горами. Вокругъ него нынѣшняя Волга дѣлаетъ обходъ, называемый Самарскою лукою. Другой островъ образовался тамъ, гдѣ теперь течетъ Донецъ.

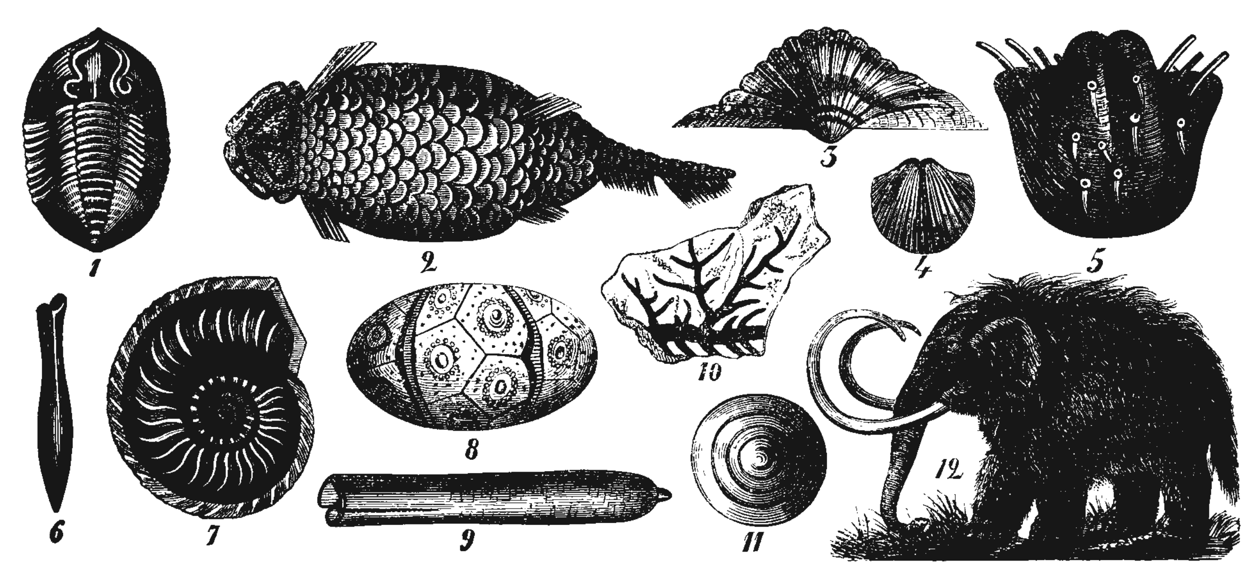
На геологической картѣ Россіи (Нива, стр. 93) эти новыя пространства обозначены вертикальными чертами, проведенными въ сѣверо-южномъ направленіи. Мы не знаемъ, море-ли отступало, земля-ли поднялась,—только произошелъ большой переворотъ. Вся эта новая полоса гораздо новѣе девонской; въ ней уже нѣтъ ни трилобитовъ, ни голоптихія,—а новые виды окаменѣлостей, между которыми видное мѣсто занимаютъ продуктъ гигантскій, спириферъ московскій (№№ 3 и 4) и крошечная фузулина цилиндрическая. Въ формаціи, отмѣченной этими и другими ясно-опредѣленными окаменѣлостями, часто попадаются прослойки чорнаго вещества растительнаго происхожденія. Это каменный уголь, лежащій иногда очень тонкими, въ листъ бумаги, слоями, иногда въ сорокъ аршинъ толщиною, придавленный сверху громадными каменными массами.

По составу каменнаго угля и по отпечаткамъ, оставшимся на разныхъ камняхъ этой формаціи, видно, что этотъ драгоцѣнный матеріалъ составился изъ растеній. Есть мѣста, гдѣ цѣльныя деревья въ стоячемъ положеніи занесены были песчаниками и известняками, потомъ принявшими твердость камня. Эти деревья принадлежатъ къ видамъ—теперь не существующимъ, и часто пропитаны насквозь кремнеземомъ и другими каменными массами. Тамъ гдѣ древесные стволы лежатъ горизонтально, — они нерѣдко совсѣмъ сплюснуты, и красивый узоръ ихъ коры бываетъ совершенно чисто отпечатанъ на камнѣ, который во время производства этого оттиска былъ въ видѣ тонкаго ила, а потомъ, въ теченіе многовѣковаго давленія громадныхъ массъ, обратился въ камень.

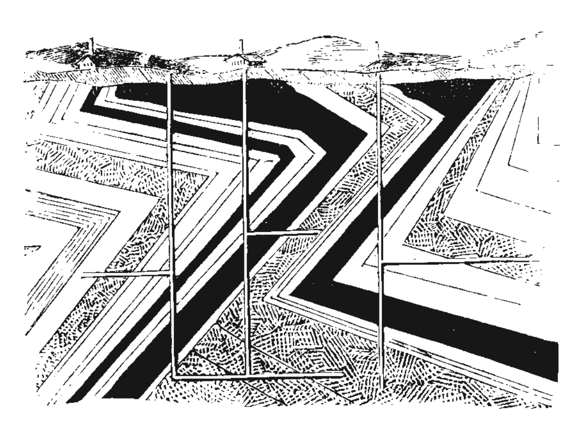
Очень трудно составить себѣ вѣрное и отчетливое понятіе о томъ, какъ образовались каменноугольные слои. Извѣстно, что лѣсъ, хотя бы съ незапамятныхъ временъ растущій на бѣдной песчаной почвѣ (какъ напримѣръ, сосновый лѣсъ), въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій очень мало обогащаетъ почву, на которой растетъ: въ теченіе столѣтій она остается такъ же бѣдна, какъ въ началѣ. Сухія вѣтви, опадающія съ деревьевъ, хвоя, листья мелкаго кустарника, который ухитряется кое-какъ жить на пескѣ,— все это перегниваетъ, и, по общему закону, отдаетъ землѣ частицы, заимствованныя изъ земли, отдаетъ воздуху взятое изъ воздуха, и почва пріобрѣтаетъ очень мало питательныхъ частицъ, да и тѣ уходятъ на поддержаніе жизни растущихъ деревьевъ. Стало быть на простое гніеніе нельзя разсчитывать для образованія толстыхъ слоевъ растительныхъ остатковъ нужно медленное гніеніе въ водѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если разомъ вырубить цѣлый старый лѣсъ, расколоть его на небольшія полѣнья и плотно уложить ихъ на землѣ, занятой лѣсомъ, то составился бы слой не толще вершка; по обращеніи его въ каменный уголь, подъ слоемъ влажнаго илу, можетъ образоваться уже не болѣе четверти вершка. Самый густой, непроходи-

мый лѣсъ никакъ не можетъ дать слоя толще двухъ вершковъ. Отсюда до сорока-аршинныхъ слоевъ, какіе иногда попадаются, еще далеко.

Въ водѣ гніеніе совершается очень медленно; это скорѣе вымачиванье, чѣмъ гніеніе. Наши торфяники даютъ хорошее понятіе о томъ, какіе результаты получаются отъ медленнаго гніенія растительныхъ частицъ въ водѣ. Торфяники всякій знаетъ. Они образуются на влажныхъ мѣстахъ, отъ медленнаго гніенія различныхъ травъ и тростниковъ и ихъ корней. Очень древніе торфяники, разрабатываемые на топливо, показываютъ намъ всѣ степени гніенія подъ водой. Для правильной разработки торфяникъ сначала осушается. Верхній слой тогда состоитъ изъ сухаго моху и травы, желто-зеленаго цвѣта. Подъ нимъ — буроватый рыхлый слой, похожій на рѣдкій войлокъ.

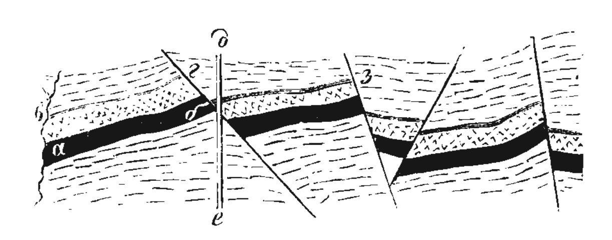


Представители геологическихъ формацій России. Гравир. К. Вейерманъ.


Черт. I.

Еще глубже — торфъ становится темнѣе, плотнѣе, какъ будто тотъ же войлокъ плотнѣе слежавшійся. Еще дальше въ глубину торфъ почти теряетъ всякіе признаки растительнаго своего происхожденія, а нижній слой есть плотная, совершенно чорная масса, въ которой уже нельзя разобрать ни одного растительнаго волокна; это — такъ-называемый жирный торфъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ на ощупь жиренъ и мажется какъ масло. Еслибъ онъ успѣлъ окаменѣть, то образовалъ бы наилучшій каменный уголь, называемый шотландскимъ боггедомъ.

Надо полагать, что огромные запасы каменнаго угля образовались въ допотопной древности приблизительно такимъ же образомъ (то есть скопленіемъ растительныхъ веществъ подъ водой), какъ это теперь еще можно видѣть въ непроходимыхъ тинистыхъ болотахъ, заросшихъ тростникомъ въ Остъ-Индіи. Въ нихъ растительность очень сильна; тепличная жара въ нѣсколько дней выгоняетъ тростникъ, который согрѣваетъ, отживаетъ свой вѣкъ, падаетъ въ тину, между тѣмъ какъ надъ нимъ поднимаются одно за другимъ все новыя и новыя тростниковыя поколѣнія. Нѣсколько тысячелѣтій такого обильнаго скопленія можетъ дать громадный запасъ растительнаго вещества. Тогда этому запасу останется только опуститься подъ морское дно, быть занесеннымъ глиной, толщиною въ нѣсколько десятковъ саженъ, и еще черезъ нѣсколько десятковъ столѣтій подняться опять изъ-подъ моря: получится прекрасный слой каменнаго угля. Но природа настолько разнообразна въ своихъ средствахъ, что, вѣроятно, не ограничивалась однимъ этимъ способомъ приготовленія каменнаго угля. Хорошее средство также — осѣданіе на дно моря тѣхъ водорослей, которыя въ изобиліи



Черт. 2.

наполняютъ нѣкоторыя мѣста океана, — какъ напримѣръ, саргасы, плавающіе между морскими островами и Мексиканскимъ заливомъ. Эти водоросли отживая опускаются на дно, и въ теченіе тысячелѣтій образуютъ очень почтенный запасъ. При благопріятныхъ условіяхъ, когда этотъ запасъ хорошенько сляжется и покроется слоемъ какого нибудь известняка, а потомъ поднимется съ морскаго дна, — для будущихъ людей найдется хорошій слой каменнаго угля.

Наша каменно-угольная формація изслѣдована еще не вполнѣ. Положительно можно только сказать, что наши залежи каменнаго угля составляютъ богатства неисчисли-

мыя и еще не тронутыя. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтъ десять-двадцать тому назадъ и не подозрѣвали существованія угля, теперь онъ открытъ и началась его разработка. У насъ еще нѣтъ къ нему привычки, мы еще можемъ существовать при помощи небольшаго количества остающихся у насъ лѣсовъ,—но это не на долго. Придетъ пора, когда мы настолько подвинемся въ образованности, что поймемъ необходимость беречь остатки лѣса и даже разводить новые, и тогда мы примемся раскапывать наши подземные запасы топлива. Надо признаться, что это не совсѣмъ легко,—что гораздо легче и скорѣе вырубить лѣсъ, чѣмъ его насадить; но придетъ нужда, потребуютъ обстоятельства,—и мы углубимся въ землю за топливомъ, а къ тому времени наука приметъ у насъ, вѣроятно, такую силу, что будетъ свѣтить намъ въ подземныхъ работахъ.

Послѣ того какъ выдвинулась изъ-подъ воды каменноугольная формація—прошло еще нѣсколько тысячелѣтій. Не слѣдуетъ однакоже полагать, что разъ выдвинутая формація оставалась спокойною. Это видно изъ того, что слои каменнаго угля, а также и различныя напластованія песчаниковъ, известняковъ и свинцовыхъ глинъ,—отлагавшіеся, очевидно, въ совершенно горизонтальномъ положеніи, теперь почти нигдѣ не являются въ первобытномъ своемъ видѣ. Множество предпринимателей, разорившихся на развѣдкахъ каменнаго угля, знаютъ это очень хорошо. Нерѣдко каменно-угольный пластъ *а-б*, (см. черт. 2) довольно толстый, такъ что стоитъ его разрабатывать, вдругъ прерывается: за извѣстнымъ предѣломъ *б*, лежитъ еще каменно-угольная формація, попадаются и продукты, и спириферы, и фузулины; а каменнаго угля нѣтъ и слѣда. Только-что выработанный слой лежалъ въ извѣстномъ наклонномъ положеніи, а дальше, за этимъ слоемъ, попадается тоненькая прослойка,—напримѣръ, того же самаго нечистаго известняка *в-г*, какой встрѣтился ровно двумя саженями выше разработанной массы угля. Неопытный развѣдчикъ совсѣмъ потеряется въ этомъ случаѣ и скажетъ, что слой пресѣкся и дальше ничего нѣтъ. Можетъ быть онъ рѣшится пробить буровую скажину *д-е*, углубится на нѣсколько десятковъ саженъ и скажетъ, что угля нѣтъ и слѣда. Напротивъ, болѣе опытный изслѣдователь обратитъ вниманіе на то, что пластъ известняка *в-г* встрѣтился опять въ *б* и принялъ нѣсколько иное, болѣе горизонтальное направленіе. Въ выработанной части саженяхъ въ двухъ ниже его начинался уголь; стало быть можно будетъ заключить, что и далѣе, на такомъ же разстояніи внизъ, опять найдется уголь,—ищетъ и опять находитъ продолженіе пласта опять въ нѣсколько десятковъ милліоновъ пудъ. Ясно, что въ этомъ мѣстѣ земная кора подвергалась могучимъ переворотамъ: громадные пласты сдвигались и ломка была громадная. Попадаются и такія напластованія, — что слои вывернуты и изломаны, какъ на прилагаемомъ чертежѣ 1, изображающемъ общій характеръ каменно-угольныхъ слоевъ въ Бельгіи и сѣверной Франціи. Бывшіе горизонтальными, слои изломаны такъ, что иногда трудно бываетъ узнать, которые были верхними и которые нижними въ то время, когда они образовывались.

На каменноугольной формаціи, когда она неизвѣстно въ который разъ ушла подъ воду, отложилась пермская формація. Она тоже состоитъ изъ конгломератовъ, песчаниковъ, нечистыхъ известняковъ и сланцевыхъ глинъ; въ ней тоже есть отпечатки растеній, иногда тонкіе слои каменнаго угля и обширные прорывы расплавленныхъ массъ на поверхность изъ внутреннихъ слоевъ земнаго шара. Эти расплавленныя массы являются въ видѣ порфировъ. Не рѣдко случается, что каменноугольные пласты приподняты косвенно, а на нихъ пласты пермскіе отложились совершенно горизонтально. Потомъ, послѣ новой ломки, переломы и сдвиги каменноугольной формаціи осложнились и въ то же время изломалась и пермская формація. Въ ней окаменѣлостей очень мало, за то большія рудныя богатства. Она тянется у насъ отъ Вологды къ Уралу далеко за Пермь и отъ устья Мезени далеко за Самару. Особенно много мѣдныхъ рудъ, въ видѣ малахита и мѣдной лазури. Попадается гипсъ, каменная соль, иногда глубоко подъ землею, а иногда на самой поверхности, какъ напр. въ Илецкой Защитѣ, гдѣ она образуетъ кусокъ въ двѣ версты длиною и болѣе версты шириною. Известковый слой пермской формаціи отличается очень замѣчательною морскою раковиной: продуктомъ, изображеннымъ на нашемъ рисункѣ подъ № 5.

На пермской формаціи лежитъ обыкновенно переходная, называемая тріасомъ; но у насъ въ Россіи онъ почти не встрѣчается, и потому у насъ не найдено остатковъ того громаднаго звѣря, который изображался на стр. 92 «Нивы». Это лабиринтодонъ, по черепу—ящерица, по тазовымъ костямъ—лягушка. Пріятный звѣрекъ: лягушка въ 4 или въ 5 аршинъ величиною. Россія, лишенная тріаса, не имѣетъ и этого гада-великана. Въ этомъ случаѣ мы можемъ, однако, утѣшиться, такъ какъ у насъ нѣтъ недостатка въ гадахъ другихъ сортовъ.

Пока въ другихъ странахъ пермская формація лежала подъ водою и отлагались на нее слои тріаса, наша была сушью,—и уже гораздо позже, когда тамъ образовались слои пестраго песчаника, раковиннаго известняка и кейпера, она мѣстами опустилась подъ морскую поверхность. Сколько десятковъ или сотенъ вѣковъ прошло въ это время, опредѣлить никто не возьмется. Затѣмъ, то пространство, гдѣ теперь Москва съ окрестностями, длинная полоса отъ Владиміра до Симбирска, еще полоса отъ Костромы до Сѣвероекатерининскаго канала, полоса, образующая теперь Общій Сыртъ, весь Канинъ полуостровъ, то мѣсто, гдѣ теперь Кавказскія горы и цѣпь горъ южнаго берега Крыма—опустились и покрылись водою. Всѣ эти отдѣльные куски на югѣ соединялись въ громадное море, покрывавшее всю юговосточную часть европейской Россіи. Тогда стала повторяться та же исторія, которая происходила во всѣ предшествовавшіе періоды. Въ водѣ жили разныя животныя, береговыя скалы вывѣтривались, размывались, уносились въ море и отлагались на днѣ, прикрывая кости умиравшихъ животныхъ. Тутъ были: трехъ-саженные ихтіосавры, нѣчто среднее между рыбой и ящерицей; плезіосавры, тоже ящерицы, но съ такою длинной шеей, которая равнялась туловищу, и несмѣтныя множества аммонитовъ (№ 7) и белемнитовъ (№ 6). Послѣ длиннаго промежутка времени, всѣ эти полосы выступили изъ-подъ моря. Онѣ называются теперь юрскою формаціей или юрой.

Юрскіе пласты покрываютъ совершенно горизонтально пермскую и каменноугольную формаціи, переломанныя и иногда перевернутыя. Наши юрскіе пласты обыкновенно не высоки, и рѣдко достигаютъ 40 саженъ; обыкновенно же они гораздо тоньше.

Когда поднялись юрскіе наши пласты, то подъ водою оставались еще обширныя мѣстности, начиная отъ курляндскаго берега Балтійскаго моря, вся Литва, Бѣлоруссія, Смоленская, Орловская, Воронежская, Пензенская губерніи. Среди моря покрывавшаго эти губерніи и простиравшагося далеко къ югу, вѣроятно до азіатской Турціи, вздымался островъ каменноугольной формаціи около того

мѣста, гдѣ впослѣдствіи явился Донецъ, и низменный гранитный кряжъ по нынѣшнему Днѣпру. Въ этомъ морѣ продолжали совершаться отложенія и напластованія, и въ нихъ залегаютъ остатки жившихъ тогда пузырчатыхъ цидаритовъ и белемнитовъ съ остріемъ (№№ 8 и 9). Такъ напластовались огромные слои зеленаго песчаника и мѣлу, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ крошечныхъ известковыхъ кусочковъ и микроскопическихъ известковыхъ панцырей разныхъ инфузорій. Вѣроятно море, въ которомъ совершились эти осадки, было очень глубоко, тихо и мало возмущалось бурями, потому что мѣловыя массы не имѣютъ слоистаго сложенія, и пропластки между ними состоятъ только изъ кремневыхъ гнѣздъ.

По прошествіи нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ вѣковъ, дно этого моря поднялось, но не все, а вышла наружу мѣловая формація Саратовской губерніи и Земли Войска Донскаго, Курская, Черниговская, сѣверные и южные откосы кавказской и крымской юры, южные откосы Общаго Сырта, окрестности Гродна и губерніи Сѣдлецкая, Люблинская, Радомская, Кѣлецкая, Петраковская и Калишская.

Остальныя, непокрытыя штрихами на нашей картѣ пространства были еще дномъ моря или большихъ внутреннихъ озеръ. Въ нихъ уже являются осадки и отложенія такъ-называемой третичной формаціи, съ остатками животныхъ гораздо болѣе похожихъ на тѣхъ, которые живутъ и до сихъ поръ. Нижній третичный слой очень правильно названъ нуммулитовымъ, потому что составляющіе его известняки и известковые песчаники почти цѣликомъ состоятъ изъ спиральныхъ раковинъ нуммулитовъ (№ 11). Ихъ такъ много и величина ихъ такъ разнообразна (отъ мѣднаго пятака до мельчайшаго чечевичнаго зерна), что скрѣпляющая ихъ известь едва замѣтна. Въ Симферополѣ многіе дома и заборы выстроены изъ нуммулитовыхъ известняковъ. Выше нуммулитовъ лежитъ слой изъ песчаниковъ и глинистыхъ сланцевъ темносѣраго и синеватосѣраго цвѣта, съ множествомъ отпечатковъ морскихъ поростовъ, хондритовъ (№ 10), и кромѣ ихъ нѣтъ никакихъ окаменѣлостей.

Когда послѣднія, третичныя формаціи вышли изъ-подъ морской поверхности, ихъ мѣловое основаніе оказалось покрытымъ наносами, то есть несвязанными массами песку, глинъ и разнообразнѣйшаго щебня. Устройство наносовъ ясно удостовѣряетъ, что они образовались изъ частицъ разрушенныхъ болѣе твердыхъ породъ и принесены на теперешнія мѣста порывистыми, безпорядочными токами водъ. Въ этихъ-то третичныхъ наносахъ встрѣчаются кости громаднаго звѣря, похожаго на слона, именно косматаго мамонта (№ 12). Его клыки и бивни бываютъ иногда болѣе двухъ саженъ длиною, а самые крупные изъ найденныхъ до сихъ поръ экземпляровъ мамонта достигаютъ роста въ семь аршинъ. Очень сроденъ этому допотопному великану нашъ нынѣшній африканскій и азіатскій слонъ, и есть полныя основанія полагать, что кромѣ множества другихъ животныхъ (гигантскаго оленя, пещернаго медвѣдя и другихъ) жилъ тогда и человѣкъ. Среди безчисленнаго множества опасностей отъ такихъ большихъ животныхъ, мало защищеннымъ и невооруженнымъ прародителямъ нашимъ жить было не легко. Къ счастію, у нихъ было орудіе, почти совершенно не данное другимъ животнымъ,—та божественная искра, которая называется разумомъ. Эта искра дала человѣку возможность одолѣть и своихъ враговъ и даже враждебный иногда климатъ.

Какъ въ Англіи ѣдятъ и пьютъ.

«Скажи мнѣ, какъ ты ѣшь—и я скажу тебѣ, кто ты таковъ». Мы не знаемъ, употреблялъ ли кто до насъ это мудрое изрѣченіе; но что, будучи примѣнено къ дѣлу, оно знакомитъ насъ до извѣстной степени съ характеромъ человѣка — это не подлежитъ сомнѣнію.

Давно уже рѣшено, что человѣкъ—полу-звѣрь, полу-ангелъ. Сколько животнаго скрывается въ каждомъ человѣкѣ—легче всего рѣшить при отправленіи животныхъ потребностей. Но такъ какъ каждый изъ насъ стремится увѣрить другихъ, что онъ больше ангелъ чѣмъ звѣрь, то надобно имѣть не мало наблюдательности, чтобы открыть на цивилизованномъ обѣдѣ, сколько каратовъ ангела въ каждомъ изъ присутствующихъ. Дѣвица N. желаетъ, чтобъ ее считали «неземнымъ созданіемъ», и потому, отправляясь на званый обѣдъ, до-сыта наѣдается дома. Самыхъ несдерживающихся ѣдоковъ вы встрѣтите въ зоологическомъ саду, — и во время раздачи корма, легче всего изучить характеръ звѣрей. Кто возьмется за это съ толкомъ, тотъ очень скоро ознакомится со свойствами львовъ, гіенъ, пеликановъ и т. п. Но это очень сложная и обширная тема, почему, предоставляя подробное развитіе ея самимъ читателямъ, я ограничусь только описаніемъ того, какъ ѣдятъ въ *Лондонѣ*.

Что человѣческое тѣло подобно лампѣ съ масломъ — это старая исторія, а также и вытекающія изъ этого послѣдствія, что народы теплыхъ странъ нуждаются въ меньшемъ количествѣ масла для этой лампы, чѣмъ народы холодныхъ странъ. Что эскимосы упиваются ворванью — за это еще не слѣдуетъ осуждать ихъ, точно такъ же, какъ нельзя ставить арабскимъ разбойникамъ въ заслугу то, что они довольствуются пригоршней финиковъ. Что англичане много ѣдятъ мяса — это слѣдствіе ихъ климата.

Ничто не можетъ быть различнѣе напр. англійскаго и нѣмецкаго завтрака. Многіе нѣмцы содрогнулись бы при одной мысли съѣсть на тощій желудокъ столько мяса, но въ Англіи легко привыкаютъ къ этому—и возвратясь въ Германію не очень-то охотно принимаются за обычный кофе и сопровождающія его двѣ булочки. Англичане предпочитаютъ за завтракомъ чай кофею—и нѣмцы во время своего пребыванія въ Англіи дѣлаютъ большею частію то же, тѣмъ болѣе что чай тутъ хорошъ, а кофей обыкновенно плохъ, тогда какъ въ Германіи это бываетъ наоборотъ. Это зависитъ частію отъ матеріала, но больше отъ приготовленія. Въ Берлинѣ теплое варево, слывущее подъ именемъ чая, окрашиваютъ ромомъ или аракомъ, или же подбавляютъ туда немного ванили; въ Англіи, да и у насъ также, это сочли бы варварствомъ. Англичане пьютъ, большею частію, чорный чай, но очень часто его перемѣшиваютъ съ зеленымъ. Зеленый же чай въ томъ видѣ, какъ его продаютъ въ лавкахъ, чистая мистификація; ни одинъ китаецъ не захотѣлъ бы и глядѣть на него, потому что онъ фабрикуется собственно для европейскаго рынка. Зеленый и чорный чай ростутъ на одномъ и томъ же кустарникѣ, съ тою разницею, что первый — если только онъ неподдѣльный — состоитъ изъ первыхъ молодыхъ листиковъ; но цвѣтъ его, когда онъ высохнетъ, желто-зеленый, а не сине-зеленый, какимъ полу-

чаемъ его мы. Это поддѣльный цвѣтъ, происхожденіемъ котораго онъ обязанъ американцамъ. Одинъ американскій торговый домъ взялъ на себя огромный подрядъ зеленаго чая—и такъ какъ его нельзя было добыть въ надлежащемъ количествѣ въ Кантонѣ, то подрядчики и прибѣгли къ краскѣ. Впрочемъ, тѣ заблуждаются, кто думаетъ, что этотъ цвѣтъ придается чаю посредствомъ сушки на мѣдныхъ доскахъ. Дѣйствительно процессъ этотъ производится на мѣдныхъ доскахъ, но потому только, что этотъ матеріалъ употребляется въ Китаѣ больше желѣза, а не изъ-за яри. Красится же чай куркумовымъ корнемъ и берлинской синькой. Въ сине-зеленый цвѣтъ красятъ его китайцы изъ уваженія къ европейскимъ и американскимъ предразсудкамъ. Кто не вѣритъ тому, что это поддѣльная краска, тому мы совѣтуемъ разсмотрѣть первый настой.

Самый лучшій чай не доходитъ до насъ, его пьютъ сами китайцы. Мандарины употребляютъ его для подарковъ. Самый лучшій чай—это такъ-называемый обезьянскій чай. Онъ растетъ на скалахъ, недоступныхъ для людей, и для добыванія его дрессируютъ обезьянъ, которыя приносятъ его въ котомкахъ.

Китайцы пьютъ чай безъ молока и сахара и употребляютъ только дождевую воду. Въ колодезной водѣ очень часто не распускаются самыя лучшія части чая. Растворяющія свойства воды усиливаются посредствомъ прибавленія къ нимъ капельки углекислаго натра (сода). Это дѣлаютъ въ Англіи бѣдные люди, чрезъ что они сберегаютъ много чая.

Что чай только заваривается кипяткомъ, но не кипятится, это извѣстно всякой хозяйкѣ; но въ Америкѣ его часто кипятятъ, въ особенности же если его приготовляютъ кухарки-негритянки. Отъ этого чай теряетъ свой ароматъ. Хорошій чай не долженъ быть теменъ, какъ пиво, но долженъ имѣть темно-золотистый цвѣтъ. У насъ наливаютъ въ чашку сперва чай, въ Англіи же сперва сливки, а потомъ уже чай.

За завтракомъ дамы съѣдаютъ только по одному яйцу; мужчина можетъ съѣсть два,—но если онъ возьметъ три, то это очень удивитъ хозяйку дома. Не смотря на такую умѣренность, въ Лондонѣ издерживается громадное количество яицъ. Есть большія заведенія, гдѣ торгуютъ одними только яйцами, которыя получаются въ большихъ длинныхъ ящикахъ изъ всѣхъ частей Великобританіи, а въ особенности изъ Франціи, и вслѣдствіе этого очень часто отзываются соломою, въ которой они были уложены. Только что снесенныя яйца *(new-laid eggs)* продаются на расхватъ и стоятъ втрое больше другихъ.

Дурныя яйца легко узнать, держа ихъ противъ газоваго пламени, и если свѣтъ проходитъ насквозь, то они хороши. Другое средство еще лучше и вѣрнѣе. Передъ вареніемъ яйца нужно попробовать его языкомъ; широкій конецъ долженъ быть теплѣе, а узкій холоднѣе. Если оба теплы, или оба холодны, то яйцо гнило. Длинныя и особенно большія круглыя яйца заключаютъ въ себѣ молодыхъ пѣтушковъ, что я считаю не лишнимъ замѣтить, такъ какъ эти свѣденія могутъ пригодиться не одной хозяйкѣ.

Въ Англіи яйца ѣдятъ ложечками, точно такъ же, какъ и въ Россіи; въ Голландіи ихъ выливаютъ на тарелку; въ Америкѣ въ рюмку или фаянсовый стаканчикъ. Кромѣ яицъ за завтракомъ ѣдятъ еще рыбу, напр., въ извѣстное время года, свѣжеиспеченныя сельди. Бифстекъ жарится, большею частію, на ростерѣ. Если какой нибудь трактирщикъ подастъ вамъ «англійскій» бифстекъ, который будетъ внутри сыръ, то скажите ему, что ни одному англичанину не придетъ на умъ ѣсть сырое мясо. Сокъ, вытекающій при рѣзаньи, долженъ имѣть блѣдно-красный цвѣтъ.

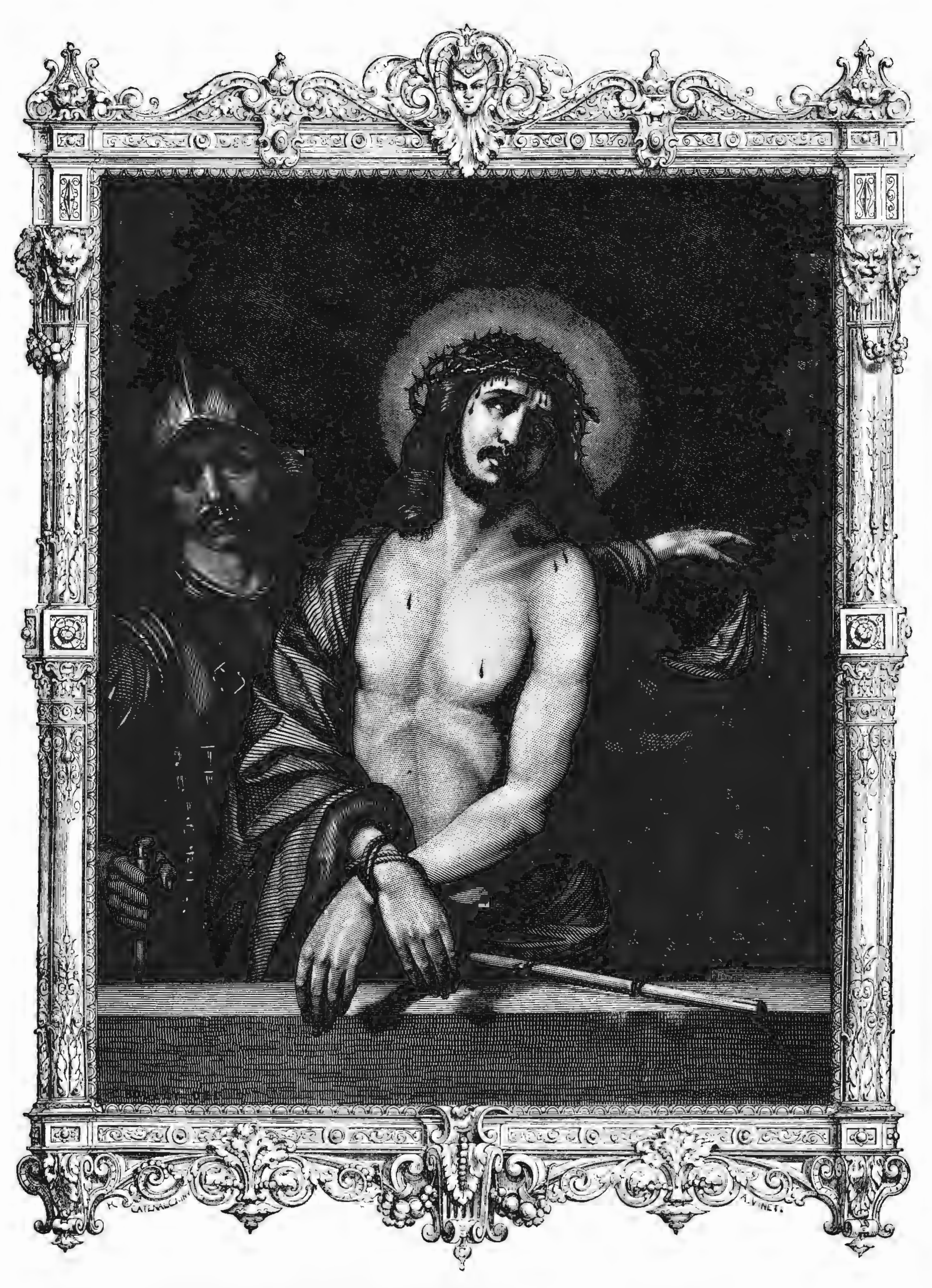
Бараньи котлеты, тоже изжаренныя на ростерѣ, въ большомъ употребленіи за завтракомъ. Ѣсть баранину съ горчицей считается варварствомъ, а рѣзать рыбу ножемъ все то же, что рѣзать англичанку по сердцу. Вы должны отрѣзать себѣ маленькій кусочекъ хлѣба, взять его въ лѣвую руку, а въ правую вилку. Если рыба тверда, вы имѣете право прибѣгать къ ножу, но только самымъ умѣреннымъ образомъ. Подносить ножъ ко рту считается въ Англіи величайшимъ нарушеніемъ приличія. Если вы положите ножъ и вилку на тарелку такимъ образомъ, чтобъ они образовали уголъ, то это покажетъ слугѣ, что вы еще не покончили съ стоящимъ передъ вами кушаньемъ; если же вы положите ихъ параллельно другъ подлѣ друга, то онъ уноситъ тарелку. На вопросъ хозяйки дома, угодно ли еще чашку чаю? отвѣчаютъ: благодарю, *да*, или: благодарю, *нѣтъ*. Если васъ не спрашиваютъ, а вы между тѣмъ желаете еще чашку, то должны сказать: *J will thank you for another cup of tea* (я буду весьма благодаренъ вамъ за другую чашку).

Нерѣдко за завтракомъ стоитъ на столѣ прикрытая тарелка, на которой лежитъ что-то вродѣ растертаго пармезанскаго сыра; это высушенная говядина, наструганная посредствомъ особаго инструмента.

Почти ни одинъ англійскій завтракъ не обходится безъ брункресса; не маленькаго, курчаваго салата, который разводится часто въ садахъ, но высокаго, съ толстыми стеблями, который ростетъ при ручьяхъ. Это растеніе разводится искуственнымъ образомъ въ окрестностяхъ Лондона въ большихъ размѣрахъ и закупается оптомъ для доставленія на особенно-отведенный подъ него рынокъ. Здѣсь онъ покупается множествомъ бѣдныхъ женщинъ и дѣтей, которые разносятъ его во время завтрака по улицамъ съ крикомъ *water cressy* и не безъ труда зарабатываютъ себѣ такимъ образомъ нѣсколько жалкихъ шиллинговъ. И хотя я видѣлъ много людей, которые покупали этотъ салатъ, и очень мало, сравнительно, такихъ, которые ѣли бы его, но онъ составляетъ принадлежность стола и замѣняется иногда редисками.

Соусъ въ Англіи нѣчто совершенно другое, чѣмъ у насъ. Англійскій соусъ не готовится на кухнѣ, но покупается въ бутылкахъ въ лавкахъ. Это составъ изъ острыхъ отваровъ, которые подаются къ рыбѣ и мясу. Соусъ изъ анчоусовъ и другіе тому подобные соусы встрѣчаются на каждомъ англійскомъ столѣ. Кромѣ того съ мясомъ ѣдятъ еще разные острые и крѣпкіе препараты, приготовляемые въ Индіи. Значительное уклоненіе отъ всѣхъ этихъ соусовъ представляетъ собою яблочный соусъ, который подается къ жаркому изъ свинины. Вареную рыбу ѣдятъ еще съ соусомъ изъ устрицъ и маленькихъ краббовъ, но это французское нововведеніе. То, что слыветъ у насъ подъ именемъ соуса, называется *gravy*. Сокъ, вытекающій изъ жаркого на блюдо и собирающійся въ особое, нарочно устроенное для этого углубленіе, называется *dish gravy*.

Въ полдень или въ часъ лондонецъ садится за свой *lnncheon* или *lunch* (второй завтракъ), состоящій большею частію изъ хлѣба, масла, сыру или холоднаго мяса, и пьетъ при этомъ пиво или стаканъ вина. Въ семействахъ, гдѣ есть дѣти, которыя еще учатся и вслѣдствіе этого не допускаются къ настоящему обѣду, этотъ *lunch*



„Се человѣкъ“ съ картины Гверчино. Рис. Л. Буле, грав. Паннемакеръ.

играетъ роль простаго обѣда, который онъ и замѣняетъ, причемъ должна присутствовать и гувернантка.

Обѣдаютъ въ Лондонѣ между пятью и восмью часами. Семейный обѣдъ, большею частію, очень простъ и состоитъ часто только изъ жаркаго и принадлежностей къ нему. Супъ ѣдятъ очень рѣдко,—а если и ѣдятъ, то большею частію такъ сильно приправленный кайенскимъ перцомъ, что у непривычнаго къ нему человѣка захватитъ отъ него дыханіе. Передъ жаркимъ подаютъ иногда рыбу. Торбетъ, камбала, вахня и макрели любимая рыба англичанъ. Жаркое состоитъ изъ ростбифа, бараньей спины, задней четверти баранины или даже и плечной лопатки, домашней птицы или дичи, рѣдко свинины, а еще рѣже телятины. Задняя четверть баранины, повидимому, самое обыкновенное блюдо—и если это жаркое подается гостю холодное, то это знакъ, что имъ не очень дорожатъ. Отсюда и англійская поговорка *to give him the cold shoulder* (подать ему холодное плечо), то есть оказать холодный пріемъ. Весною ѣдятъ ягнятину, большею частію съ *mint-sauce* (мятнымъ соусомъ), который въ Англіи очень любятъ. Но чѣмъ особенно гордится Англія, такъ это ростбифомъ, и дѣйствительно англійская говядина—самая лучшая во всемъ свѣтѣ. Причина этому раціональное разведеніе и содержаніе скота.

Въ Англіи на животныхъ смотрятъ съ точки зрѣнія той пользы, какую онѣ могутъ принести человѣку и хлопочутъ о томъ, чтобы животное какъ можно больше соотвѣтствовало своей спеціальной цѣли. Англійскія лошади славятся своею быстротою. Чистокровныя лошади происходятъ отъ арабскаго жеребца,—но какая разница между арабскою и англійскою скаковою лошадью! Если люди несмыслящіе толку въ лошадяхъ и находятъ, что арабская лошадь красивѣй англійской, за то, относительно цѣли — быстроты—ихъ и сравнивать нельзя. Но особенно удивительны тѣ перемѣны, которыя произведены англичанами въ собакахъ посредствомъ раціональнаго воспитанія и спариванія. Для каждаго особаго рода охоты, англичане сформировали мало по малу новую расу собакъ, наиболѣе соотвѣтствующую той или другой цѣли.

Подобныхъ же результатовъ достигли они и относительно домашнихъ животныхъ, служащихъ для питанія. Такихъ превосходныхъ и цѣлесообразныхъ быковъ для бойни нѣтъ нигдѣ, кромѣ Англіи. Отъ времени до времени иллюстрированныя изданія помѣщаютъ у себя изображенія животныхъ, получившихъ призы. Васъ поражаютъ громадные размѣры тѣхъ частей, которыя назначаются для ѣды, тогда какъ голова и ноги, для этой цѣли безполезныя, удивительно малы. Если отрѣзать эти послѣднія, то получится почти четвероугольное туловище.

Птицу съ бѣлымъ мясомъ: куръ и индѣекъ англичане ѣдятъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ вареной ветчиной — сырую вообще не ѣдятъ — или бычачьими языками, потому что куриное или индѣечье мясо англичане находятъ слишкомъ сухимъ. Мнѣ кажется это варварствомъ, потому что грубый вкусъ копченаго мяса заглушаетъ нѣжный вкусъ птичьяго. За жаркимъ слѣдуетъ *pie*, пастетъ или скорѣе пуддингъ. Пастеты изъ фруктовъ — одно изъ самыхъ любимыхъ блюдъ англичанъ. Желѣзное, муравленое снаружи и снутри, продолговатое, умѣренно-глубокое блюдо наполняется ломтиками яблокъ, вишнями, смородиной, и т. п. и посыпается потребнымъ количествомъ сахару. Въ центрѣ блюда ставится опрокинутая чашка—и все это покрывается тонкимъ слоемъ тѣста, прикрѣпляющимся къ краямъ блюда. За тѣмъ блюдо идетъ въ печь. Очень любятъ также англичане пастеты изъ ревеня. Иные изъ насъ почувствуютъ, пожалуй, спазмы при одной мысли о подобномъ кушаньѣ, но въ Англіи оно кажется превосходнымъ. Ревень необыкновенно похожъ вкусомъ на крыжовникъ. Ѣдятъ собственно не корни, а стволы, въ которыхъ очень много мякоти. Сколько извѣстно, первые четыре связки ревеня привезены на лондонскій рынокъ однимъ огородникомъ не больше какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, и двѣ изъ нихъ онъ долженъ былъ увезть обратно. Теперь въ каждый базарный день вы видите множество запряженныхъ четверкой фуръ съ этимъ товаромъ, который они привозятъ туда для продажи.

Такъ какъ для человѣческаго тѣла необходима и растительная пища, то англичане ѣдятъ и овощи; но они приготовляютъ ихъ такимъ образомъ, что не будь эти овощи такъ прекрасны, ихъ пожалуй нельзя было бы и ѣсть. Овощи только варятъ въ водѣ, выжимаютъ и подаютъ на дощечкѣ съ дырочками, которая кладется на блюдо. Приправлять чѣмъ бы то ни было овощи—кажется англичанину варварствомъ.

Въ Англіи есть всѣ овощи, какія только разводятся у насъ и еще нѣкоторыя другія, которыхъ у насъ нѣтъ, напримѣръ, *seakole* (морская капуста), чрезвычайно рѣдкая и вкусная зелень. Спаржу въ Англіи ѣдятъ въ такомъ состояніи, въ какомъ у насъ ее уже не ѣдятъ, именно, когда она сильно поднимется. Брюкву употребляютъ только на кормъ скоту. Огуречный салатъ ѣдятъ только съ однимъ кушаньемъ, именно съ свѣжей лососиной.

Пуддинги отличаются отъ пастетовъ, какъ твердые раки отъ мягкихъ; впрочемъ *soft crabs* (мягкіе раки) — кушанье американцевъ, англичане же пренебрегаютъ ими. Пуддингъ заключаетъ въ себѣ обыкновенно и фрукты, которые однакоже кладутся не на блюдо, но въ тѣсто, и не пекутся съ нимъ, а варятся въ салфеткѣ. Нужно имѣть англійскій желудокъ, чтобы переваривать это кушанье. Нѣмецкія кровяныя колбасы и ихъ родственники, урожденные Свинкины, въ Англіи принимаютъ видъ пуддинга. Царь пуддинговъ, плумпуддингъ извѣстенъ всякому, по крайней мѣрѣ хоть по имени. Въ Рождество его ѣдятъ почти во всякомъ домѣ—и на коринку, изюмъ и обсахаренную лимонную корку такой расходъ въ Англіи, что этими продуктами нагружаются цѣлые корабли. Не будучи англичаниномъ, трудно находить особенное наслажденіе въ пуддингѣ. Еще менѣе понятенъ для иностранца такъ-называемый свадебный пирогъ, стоящій иногда больше ста рублей, кусочки котораго посылаются пріятельницамъ въ особенныхъ трехугольныхъ коробочкахъ, приготовляемыхъ нарочно для этой цѣли. Этотъ свадебный пирогъ, сколько я могъ понять, ни что иное, какъ высшій сортъ плумпуддинга съ сахарною глазурью въ палецъ толщины, куда очевидно входитъ и миндаль; но кусочекъ этого пирога, положенный подъ подушку дѣвицы, дѣлаетъ то, что она видитъ во снѣ своего будущаго мужа. Самую послѣднюю ступеньку на лѣстницѣ пуддинговъ занимаетъ густой холодный гороховый пуддингъ, который ѣдятъ бѣдные люди для утоленія голода. Кто съѣстъ такого пуддинга на одинъ пени, тотъ сытъ, за то его желудку приходится не мало поработать.

Послѣ стола ѣдятъ сыръ и сельдерейный или латуковый салатъ. Обыкновенный сыръ — честерскій; но самый лучшій, за то и самый дорогой—стильтонскій. Подобный сыръ, дюймовъ восьми въ вышину и дюймовъ восьми въ поперечникѣ стоитъ около семи рублей. Хорошій сыръ долженъ быть внутри зеленъ, покрытъ плѣсенью и отзываться затхлымъ. Въ Англіи ѣдятъ не корни сельдереи, а злакъ—и сообразно съ этимъ воспитываютъ и растеніе. Коль скоро

оно начнетъ рости и достигнетъ извѣстной вышины, то нижнюю часть его покрываютъ землею и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока оно ростетъ. Вслѣдствіе этого стебли достигаютъ большой толщины и вышины и остаются бѣлы; вся сила уходитъ въ стебель, который имѣетъ не рѣдко до двухъ футовъ вышины. За столомъ его ставятъ въ высокій, наполненный водою стаканъ и ѣдятъ съ солью. Латуковый салатъ, необыкновенной нѣжности и величины, употребляется въ пищу, въ томъ же самомъ незатѣйливомъ видѣ.

Передъ дессертомъ скатерть снимается, такъ что онъ ставится на непокрытый столъ. Онъ состоитъ почти изъ тѣхъ же вещей, что и у насъ. Къ дессерту дѣти допускаются. По знаку хозяйки дома, дамы встаютъ и уходятъ въ *drawing-room*, оставляя мужчинъ за бутылкою вина.

Передъ обѣдомъ хозяинъ дома (или, если за столомъ присутствуетъ какое нибудь духовное лицо, то это послѣднее) читаетъ молитву, иногда очень длинную; то же самое повторяется и по снятіи скатерти. Кланяться или жать руку хозяйкѣ послѣ обѣда не принято.

Дамы не очень любятъ, если какой нибудь дамскій угодникъ вздумаетъ предпочесть ихъ общество бутылкѣ. Онѣ пользуются этимъ временемъ для того, чтобъ передать другъ другу много такого, чего вовсе не нужно слышать мужчинамъ,—и очень не прочь подремать въ покойныхъ креслахъ. Когда же наконецъ, приходятъ мужчины, иногда порядочно навеселѣ, то начинаютъ подавать чай съ прибавленіемъ необыкновенно-тоненькихъ, сложенныхъ вмѣстѣ ломтиковъ хлѣба съ масломъ, извѣстныхъ подъ именемъ сандвичей. Этимъ заканчиваются въ Англіи обыкновенные обѣды.

Въ Рождество всѣмъ индѣйскимъ пѣтухамъ настаетъ конецъ, потому что въ это время въ рѣдкомъ англійскомъ домѣ не подается къ столу индѣйка. Безъ плумпуддинга и безъ индѣйки англичанину и Рождество не въ Рождество. Вообще какъ ни хвастаютъ своимъ благочестіемъ англичане, но этотъ праздникъ въ Англіи столько же, если не болѣе праздникъ желудка, какъ и праздникъ сердца.

Таковы кулинарные обычаи націи, которая до сноббичности не прощаетъ иностранцамъ самомалѣйшаго нарушенія ихъ.

Политическое обозрѣніе.

Истекшій мартъ въ области политики былъ мѣсяцемъ *бурь въ стаканѣ воды*. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ временному кризису въ Англіи, грозившему паденіемъ главы кабинета и разыгравшемуся простымъ парламентскимъ турниромъ виговъ и торіевъ, причемъ тѣ и другіе остались на прежнихъ мѣстахъ — и не только смѣны министерства, но даже и распущенія палаты не послѣдовало.

Гладстонъ, ставъ во главѣ правительства въ 1868 г., задался преимущественно устраненіемъ прискорбнаго внутренняго разлада Ирландіи съ Великобританіею, дошедшаго до феніанизма; для осуществленія своихъ стремленій онъ старался отмѣнить или по крайней мѣрѣ ослабить подавляющее господство протестантской церкви въ католической странѣ и облегчить ирландскимъ фермерамъ законный путь къ поземельной собственности, въ чемъ отчасти и успѣлъ; сверхъ того либеральный премьеръ желалъ основать для католиковъ университъ, въ которомъ они могли бы пользоваться учеными степенями и преимуществами, не вступая въ казенныя коллегіи протестантскія, каковы: Magee college и Trinity college въ Дублинѣ (гдѣ форма присяги не дозволяетъ католикамъ искать степени), или чисто-свѣтскій «королевскій университетъ съ тремя коллегіями въ Бельфастѣ, Коркѣ и Гальвеѣ, противъ которыхъ возстаетъ ирландское духовенство за исключеніе изъ нихъ религіознаго элемента, называя ихъ «разсадниками атеизма»; хотя у католиковъ есть и своя коллегія, Roman catolic university, но она не даетъ академическихъ степеней и преимуществъ. Придавая дѣлу умиротворенія Ирландіи первостепенную важность и считая возможными взаимныя уступки, Гладстонъ предложилъ основать въ Дублинѣ университетъ, чуждый вѣроисповѣдныхъ началъ, но самостоятельный и подлежащій единственно вліянію общества подъ контролемъ правительства, т. е. управляемый совѣтомъ членомъ, назначаемыхъ отъ правительства и общества, и сенатомъ изъ всѣхъ получившихъ въ этомъ университетѣ ученую степень. Но такимъ компромиссомъ не удовлетворились ни одна изъ заинтересованныхъ сторонъ: ни парламентъ, находившій стремленія премьера слишкомъ радикальными; ни ирландское духовенство, требовавшее упраздненія правительственнаго Trinity college и основанія католическаго университета. Пока дѣло шло о чисто-политическихъ или соціальныхъ вопросахъ, Гладстонъ могъ стать выше всѣхъ партій; но лишь только рѣчь зашла о религіи — дѣйствія его оказались связанными вѣковыми традиціями—и билль, внесенный Гладстономъ въ палату, не прошелъ.

На другой день Гладстонъ, считавшій проведеніе билля вопросомъ: *быть или не быть*, заявилъ, что министерство подало въ отставку, и что она принята королевой. Когда либеральное министерство (виги) вынуждено отказаться отъ кормила правленія, это считается признакомъ того, что страна не желаетъ идти за нимъ по пути дальнѣйшихъ реформъ—и мѣсто его занимается обыкновенно консервативнымъ; — но главѣ торіевъ, Дизраэли, рекомендованному королевѣ въ премьеры самимъ Гладстономъ, на этотъ разъ не удалось составить новаго кабинета, такъ какъ онъ не могъ бы управлять страною при палатѣ, большинство членовъ которой принадлежитъ къ либеральной партіи, а распустить палату до истеченія срока въ 1875 году было бы сопряжено съ большими избирательными издержками, отнюдь не оправдываемыми чисто-личнымъ вопросомъ о главенствѣ Дизраэли или Гладстона. Консервативное правительство не состоялось—и вожди обѣихъ партій, Дизраэли и Гладстонъ заявили палатѣ объ исходѣ министерскаго кризиса. Гладстонъ и его министерство остались въ главѣ правленія, но ослабленные пораженіемъ, причемъ премьеръ заявилъ, что онъ самъ желалъ отдыха и неохотно остается, но не думаетъ распускать палату въ текущемъ году, если не будетъ вынужденъ обстоятельствами.

Во Франціи почти съ такимъ же результатомъ шла борьба такъ-называемой «коммисіи тридцати» противъ президента. Коммисія эта была назначена, собраніемъ по вліянію монархическихъ элементовъ, съ тѣмъ, чтобы отразить посланіе Тьера (въ которомъ онъ заявилъ, что республика есть фактъ не подлежащій обсужденію) и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть его проектъ учрежденія верхней палаты, который, по мысли Тьера, принадлежало бы право, въ согласіи съ правительствомъ, распускать собраніе. Въ проектѣ, выработанномъ коммисіей, политика президента, насколько она выражена въ его посланіи, подверглась полному пораженію, но на дѣлѣ самый проектъ оказывается простой парламентской шумихой, о чемъ побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ.

Смѣсь.

Весна. Картина Андріолли. (См. стр. 213).

Помѣщая прелестную семейную картинку художника Андріолли, мы считаемъ излишнимъ вдаваться въ подробное описаніе—смыслъ ея такъ понятенъ и сразу пробуждаетъ самыя свѣтлыя воспоминанія прошлаго, самыя пріятныя надежды въ ближайшемъ будущемъ. Всѣхъ—и ликующее дѣтство, и цвѣтущую молодость, и дряхлѣющую старость—равно живитъ первый лучъ весенняго солнышка — и невольно припоминаются задушевныя троки изящнѣйшаго изъ современныхъ русскихъ поэтовъ:

Весна! выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

* * *

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ—даль голубая видна,
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

„Се человѣкъ“.

(Съ картины Гверчино да Ченто). (См. стр. 221).

Знаменитый живописецъ Болонской школы, Джіанъ Франческо Барбьери, прозванный Гверчино потому что косилъ правымъ глазомъ (guercio—косой), родился 8 февраля 1591 года, въ Ченто, близь Болоньи. Такъ какъ родители были чрезвычайно бѣдны, то первовачальное образованіе онъ получилъ въ плохой школѣ, гдѣ научился лишь читать и писать. Не смотря на то, десяти лѣтъ отъ роду онъ уже обращалъ на себя всеобщее вниманіе чудесными своими способностями къ живописи. Когда же на дверяхъ родительскаго дома онъ написалъ замѣчательную мадонну, то отецъ отдалъ его къ сельскому маляру для *усовершенствованія* его таланта. Но учитель непремѣнно задушилъ бы молодое дарованіе, еслибъ юноша не имѣлъ предъ глазами неистощимыхъ сокровищъ болонскаго искусства. По колориту, въ картинахъ Гверчино много сходства съ произведеніями Каравад̀жіо. Рисунокъ его изященъ и смѣлъ, хотя иногда замѣчаются невѣрности въ пропорціяхъ его фигуръ. Его упрекаютъ въ однообразіи его произведеній; но это однообразіе являлось у него естественнымъ слѣдствіемъ замкнутой жизни, большую часть которой онъ проводилъ въ размышленіяхъ и молитвахъ. Никогда не участвовалъ онъ въ шумныхъ оргіяхъ своихъ собратьевъ. Оскорбляемый италіанскими художниками, Гверчино переносилъ обиды съ невозмутимою твердостью, никогда не отвѣчая на оскорбленія. Онъ умеръ холостымъ на 67-мъ году своей жизни, которую посвятилъ счастію своихъ двоюродныхъ сестеръ, нѣжно имъ любимыхъ. Большую же часть своихъ доходовъ употреблялъ на вспоможеніе бѣднымъ художникамъ. Замѣчательнѣйшія изъ картинъ его суть: смерть Катона утическаго, Коріоланъ, сыновья Іакова показывающіе ему окровавленную одежду Іосифа, св. Петронилла, св. Петръ воскрещающій Тавита, св. Антоній падуанскій, Іоаннъ Креститель, Введеніе во храмъ, Давидъ и Абигаилъ, Лотъ и его дочери, Воскрешеніе Лазаря, и наконецъ «Се человѣкъ», снимокъ съ которой прилагаемъ. Эта картина представляетъ тотъ великій мигъ, когда Спаситель міра былъ выведенъ къ народу по распоряженію Пилата.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 6 Апрѣля 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр., д. № 53.

№ 15 — 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 16 апрѣля 1873 года. — **Годъ IV.**

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Продолженіе).

XVII.

Письмо.

Прошло мѣсяца два, съ тѣхъ поръ какъ Сергѣй Николаевичъ уѣхалъ въ Самаркандъ. Передъ своимъ отъѣздомъ Ровичъ обѣщалъ Наташѣ: во-первыхъ, акуратно писать — не менѣе какъ разъ въ недѣлю и извѣщать ее въ письмахъ обо всемъ, что только съ нимъ ни дѣлается.— «Все, все пиши, слышишь? говорила ему Наташа, сидя съ нимъ въ своей комнатѣ, за перегородкою, наканунѣ отъѣзда, — всякую мелочь — все пиши... Ты думаешь это пустякъ какой нибудь? а для меня далеко не пустякъ... для меня все важно, что хотя сколько нибудь имѣетъ общаго съ тобою».

А Сергѣй Николаевичъ говорилъ ей на это,—улыбаясь и обнимая ея полненькую талію:

— Все буду писать, — даже, что у меня бываетъ за обѣдомъ; — такъ и буду выписывать тебѣ *мели* за всю недѣлю... Во-вторыхъ, Ровичъ обѣщалъ, покончивъ всѣ дѣла, вернуться черезъ два, много два съ половиною мѣсяца, обвѣнчаться и ѣхать въ Петербургъ.

Первое исполнялось довольно акуратно: письма были длинныя, довольно пламенныя, какъ будто бы даже задушевныя, но какъ-то нѣсколько насмѣшливыя, шутливыя,—такъ иногда говорятъ съ дѣтьми, когда не знаютъ, что имъ отвѣчать на ихъ вопросы, или же желаютъ протянуть время, чтобы ребенокъ не успѣлъ раскапризничаться до прихода няньки.

На Наташу эти письма дѣйствовали всегда такъ: она

порывисто, лихорадочно радовалась, когда къ ихъ крыльцу подходилъ дневальный солдатъ изъ комендантскаго управленія, черезъ которое обыкновенно шла вся корреспонденція. Печать срывалась, конвертъ рвался на клочья отъ нетерпѣнія... Затиснувъ письмо подъ лифъ своего платьица, Наташа словно боялась, что кто нибудь отниметъ у ней эту драгоцѣнность, и пряталась къ себѣ, запирала дверь на крючокъ и читала, — читала всѣмъ своимъ существомъ: глаза горѣли и забѣгали все впередъ и впередъ,—губы шевелились и вслухъ повторяли каждую фразу письма... но вотъ это оживленіе мало по малу исчезало, лице блѣднѣло, глаза смотрѣли задумчиво... чтеніе окончено,—въ результатѣ тоскливая скука и опасеніе чего-то невѣдомаго; и такъ — до полученія слѣдующаго посланія.

— Да ты что это? спрашивала ее въ подобныя минуты Маланья Ивановна.

— Ужъ не случилось ли чего съ Сергѣемъ? озабоченно спрашивалъ Мартынъ Федоровичъ. Онъ уже позволялъ себѣ эту фамильярность относительно Ровича.—Покажи-ко письмо, — ну покажи; чѣмъ это онъ тебя такъ разстроилъ?

Письмо перечитывалось Чижиковымъ, перечитывалось Маланьей Ивановной. Старики терялись въ догадкахъ и ничего не понимали. По ихъ мнѣнію, въ письмахъ этихъ было все какъ слѣдуетъ; и описаніе проведеннаго времени, и разныя любезности, и поклоны съ самимъ искреннимъ почтеніемъ и преданностью имъ, родителямъ. Кончалось всегда такъ: «твой вѣрный и горячо-любящій другъ»... Чего же больше!?

— Ничего не понимаю; съ чего это ее такъ разогорчило? недоумѣвала Маланья Ивановна.

— А и вправду, что-то какъ будто бы не то! думалъ Мартынъ Федоровичъ, но только думалъ; вслухъ же онъ низачто не рѣшился бы заявить подобное сомнѣніе.

Письмо тщательно разглаживалось, ставился на немъ померъ по порядку и подшивалось оно въ общую тетрадь съ предъидущими. Тетрадь эта подавала надежду быть весьма увѣсистою.

И такъ, первое обѣщаніе Сергѣя Николаевича исполнялось, — оставалось только ждать исполненіе втораго. А такъ какъ срокъ этому второму обѣщанію подходилъ, то понятно, что каждый колокольчикъ, со стороны паромной пристани, заставлялъ вздрагивать и томиться помолвленную невѣсту Сергѣя Николаевича Ровича.

Былъ базарный день. Окрестные кочевники навезли на чиназскій базаръ—масла, каймаку, сыру, зелени разной. Изъ ближайшихъ кишлаковъ (деревень) привезли сухаго клеверу (джекушки), ячменю, дровъ... Съ краснымъ товаромъ наѣхали торгаши — и Чиназъ оживился. Вся базарная улица кипѣла самою оживленною дѣятельностью: громадная площадь, тянувшаяся по берегу Дарьи, по обѣимъ сторонамъ дороги, была заставлена арбами, верблюдами и лошадьми; всюду виднѣлись зеленые холщевые и плетеные изъ циновокъ временные навѣсы. Прямо на открытомъ воздухѣ работали туземцы-сапожники и чинили обувь всякому, кто только въ томъ нуждался... Звенѣли наковальни переносныхъ кузницъ; щелкали нагайки и рыскали всадники тамъ, гдѣ отведено было мѣсто для конной, специіальной ярмарки. Мясники, туземцы и солдаты мѣстнаго батальона бродили между группами овецъ и мелкихъ коровенокъ, пригнанныхъ тоже для продажи, и ощупывали имъ загривки и паха, испытывая степень откормки... Индѣецъ-мѣняла съ краснымъ значкомъ на лбу, изображающимъ священное пламя, сидѣлъ верхомъ на своемъ кованомъ сундучкѣ-кассѣ и внимательно свидѣтельствовалъ какую-то рваную, засаленную бумажку, — всученную ему плутомъ-артельщикомъ... Евреи—продавцы крашенаго шелка — засѣдали, окруженные грудами своего красиваго ярко-цвѣтнаго товара... Полупьяный солдатъ, шатаясь и спотыкаясь, продавалъ съ рукъ пару казенныхъ шароваръ и шинель, выслужившую срокъ и ставшую уже его неотъемленной собственностью... Однимъ словомъ, все ходило, бѣгало, суетилось, толкало, спорило, бранилось, мирилось, продавало, покупало, мѣняло... Однимъ словомъ, базарная жизнь находилась въ полномъ разгарѣ.

Подобными базарными днями пользуется обыкновенно все населеніе Чиназа, чтобы закупить себѣ провизіи и заготовить все необходимое вплоть до слѣдующаго базара.

Всѣ чиназскія барыни, сопровождаемыя деньщиками, навьюченными не хуже верблюда, бродили по линіямъ ятокъ и навѣсовъ, любезно улыбались и раскланивались при встрѣчѣ другъ съ другомъ,—ссорились иногда, когда вкусы ихъ относительно какой нибудь необыкновенно жирной и дешевой утки или же вязки фазановъ сходились, —теребили товаръ другъ у друга и даже устраивали нѣчто вродѣ аукціона, надбавляя на товаръ по копѣйкѣ и болѣе, лишь бы перебить ее у этой «скаредной Марчихи» или же «низкой, презрѣнной Исаихи»...

Маланья Ивановна закупила уже почти все, что ей было нужно, отправила своего Евдокима деньщика домой разгрузиться, второй разъ навьючила и второй разъ отправила домой, а сама пока вольготно похаживала по зеленному ряду—и такъ, больше изъ любопытства, прицѣнивалась къ огурцамъ и къ коровьему маслу. Переговорилась съ попадьею, торговавшей въ эту пору осетра у отставнаго солдата промышленника.

— Ну, ныньче базаръ хорошъ, давно уже такого не было! заявила Маланья Ивановна.

— Бойко!.. согласилась попадья.—Ну такъ какъ же? обратилась она въ десятый разъ къ рыбаку.

— А все такъ же, спокойно отвѣчалъ тотъ.

— То есть, какъ же — четыре съ полтиною?..

— Нѣтъ, не четыре съ полтиною, а шесть.

— Богъ въ тебѣ есть?!.

— Надо быть имѣется. Какъ безъ Бога жить!..

— Ахъ! какая дороговизна! сочувственно произноситъ Маланья Ивановна.

— Избалованы очень... замѣчаетъ попадья.—Ну, что, вы уже все покончили?..

— А все. Такъ вотъ брожу; можетъ, что еще навернется.

— Ко мнѣ кофій пить милости просимъ.

— Охъ, что-то мнѣ не до кофею!..

— Что такое?..

— Подъ ложечкой что-то и пониже, ровно что сосетъ да и только...

— Краснымъ перцемъ натереться въ банѣ... Четверговую соль къ лѣвой пяткѣ хорошо тоже прикладывать...

— Пробовала, уже пробовала. Ну, что батюшка?..

— Новую ризу шьетъ... вѣнцы золотить въ Ташкентъ отослалъ... Время вотъ уже подходитъ... Что, нѣтъ вѣсточки?..

— Третьяго дня получили, пишетъ, черезъ двѣ недѣли безпремѣнно пріѣдетъ.

— Ну, вотъ слава Богу!.. пристроите дочку... Людей, по крайней мѣрѣ увидитъ; въ Петербургъ поѣдетъ...

— Жалко дочку-то... Тоже въ какую дальность...

— Можетъ Мартынъ Федоровичу мѣсто какое нибудь подходящее выхлопочетъ, тамъ, въ Петербургѣ.. Ну и вы переѣдете... Прощайте тогда, Маланья Ивановна, объ насъ провинціалахъ чай и не вспомните никогда.

— Э, нѣтъ, матушка, этого во мнѣ нѣтъ,—гордости во мнѣ нѣтъ никакой... Вотъ начто, напримѣръ, казначейша, что она мнѣ, ровня ли въ самомъ дѣлѣ? а я всегда съ ласкою,—въ своемъ домѣ принимаю,—наравнѣ съ комендантшей почетъ дѣлаю...

— Это точно... Потише, вонъ она сюда пробирается.

— Ишь, вѣдь купила много на три рубля всей-то провизіи, а идетъ ровно весь базаръ одна забрала.

— Деньги легко достаются... Ахъ голубушка моя, Марина Львовна, ну, какъ васъ Господь Богъ милуетъ?..

Казначейша, Марина Львовна, перешагнула черезъ лотки съ медомъ и приблизилась къ дамамъ.

— Фу... совсѣмъ измучилась! — Карпъ, иди домой, скажи барину, чтобы зелень на ледъ спряталъ, а корзину чтобы до меня не разбирать... Здравствуйте, родныя мои!..

— Покончили, душенька, Марина Львовна? облобызалась съ нею Маланья Ивановна.

— Ухъ, покончила!..

— Кофій пить ко мнѣ пожалуйте, приглашала и эту попадья.

— Охъ ужъ мнѣ этотъ кофій!..

— А что?

— Въ голову это ударяетъ сильно; опять въ сердце, ровно кто буравомъ...

— Перцемъ натер... начала было попадья, но, вспомнивъ, что это средство предложено уже было Чижиковой отъ другихъ недуговъ, остановилась—и, помолчавъ, закончила: у батюшки іерея—рецептъ, въ памятникѣ записанъ; я вамъ покажу дома.

— А докторша-то... слышали? начала Марина Львовна.

— Что такое?

— Все какъ есть съ «укціону» продаетъ; съ своимъ-то съ «амантомъ»-то этимъ расходится, ну и продаетъ, чтобы ничего, говоритъ, объ этомъ анафемѣ, подлецѣ, измѣнщикѣ не напоминало.—Завтра съ барабаномъ извѣщать будутъ.

— Скандалъ!.. Право!..

— Совсѣмъ нѣтъ, ни на вотъ-сколько!

Казначейша показала на своемъ пальцѣ насколько именно нѣтъ у докторши совѣсти.

Всѣ три чиназскія дамы выбрались изъ толпы и пробирались узенькимъ переулочкомъ на главную улицу, чтобы оттуда направиться къ попадьѣ въ ея палисадникъ.

— Ну, что голубочка моя, Маланья Ивановна, чай наши птенчики-то теперь ручка въ ручку сидятъ—не налюбуются другъ на друга, не надышатся? лукаво спрашивала казначейша.

— Какіе это птенчики? недоумѣвала Маланья Ивановна.

— Ну, какъ какіе!.. женихъ съ невѣстою. Будто не знаете?

— Гдѣ же сидятъ?..

— Ну, гдѣ тамъ имъ сподручнѣе. Да что вы, словно... Я уже и не знаю. Я про Сергѣя Николаевича съ Натальей Мартыновною говорю.

— Да онъ еще въ Самаркандѣ. Онъ не пріѣхалъ.

— Ну полноте, полноте, сюрпризъ намъ дѣлаете. Будто я не знаю...

— Да право же нѣтъ, не пріѣзжалъ;—будетъ не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли. Третьяго дня писалъ.

— Странно!..

— Да что странно-то, что?..

— Сама видѣла. Неужели же я ошиблась?.. Диковина!..

— Да вы гдѣ-же его видѣли? спросила попадья,—скажите, душечка, потому надо поскорѣе батюшкѣ оповѣстить... Вѣнцы послалъ золотить, такъ чтобы задержки какой не было...

— Ровно третьяго дня — была это я въ банѣ, часу эдакъ въ одинадцатомъ, ночью уже... Иду назадъ... Дилинь, дилинь, динь-динь... колокольчикъ слышу... Только успѣла посторониться съ дороги, узелъ съ бѣльемъ грязнымъ еще чуть не выронила, — гляжу, тарантасъ... Приглядываюсь: Сергѣй Николаевичъ сидитъ, сигарку куритъ, въ самый задъ прижался и фартукомъ задернулся... Ну, ладно. Я сейчасъ домой, Пашку посылаю къ Вульфзону, чтобы разузнать; приходитъ Пашка, говоритъ—точно пріѣхалъ и чай пьетъ, самъ, говоритъ, въ окошко видѣлъ...

— Не знаю... задумчиво протянула Маланья Ивановна—и съ ея толстыхъ красныхъ щекъ началъ пропадать румянецъ.—Третьяго дня, вы говорите?

— Третьяго дня... вечеромъ; эдакъ часу въ одинадцатомъ, либо маленько позже. Изъ бани это я шла, узелъ съ бѣльемъ выр...

— Писалъ, самъ писалъ, черезъ двѣ недѣли— и письмо цѣло...

— Ну, можетъ мой Пашка ошибся — это бываетъ. Да чего же это вы такъ разстроились?.. Можетъ Пашка и ошибся; — кто другой пріѣхалъ, а онъ думалъ, что Сергѣй Николаевичъ...

Всѣ трое остановились передъ узенькою калиткою палисадника.

— Пожалуйте, проходите... приглашала попадья.

— Развѣ чашечку... согласилась казначейша.

— Повремените немного, матушки, я сейчасъ прійду, заторопилась Маланья Ивановна.—Я сейчасъ, вотъ только тутъ не подалеку сбѣгаю и мигомъ вернусь... Тутъ близко вотъ...

И Маланья Ивановна быстро зашагала къ заведенію Александра Вульфзона, гдѣ не умолкая во весь день и большую половину ночи слышалось щелканье бильярдныхъ шаровъ — и неслись разные подходящіе къ дѣлу возгласы.

Маланья Ивановна не шла, а просто неслась по улицѣ. Она было совсѣмъ готова была, подобравъ юбки, пуститься бѣгомъ — да ее удерживало отъ этого пасажа только чувство собственнаго достоинства — и боязнь замелькать голыми икрами на соблазнъ чиназцевъ, такъ какъ Маланья Ивановна, по случаю жаркой погоды, надѣла туфли безъ чулокъ, прямо на босую ногу.

— Справку наводить покатила! засмѣялась ей вслѣдъ казначейша.

— Да въ чемъ дѣло?.. въ чемъ?..

— А то, что они жениха только и видѣли. Удралъ!..

— Да не можетъ быть... писалъ недавно...

— Сама, сама видѣла; я только такъ сказала, что Пашку посылала. Сама я пошла въ гостинницу-то—смотрю на дворѣ тарантасъ стоитъ — Ровичевскій, вѣдь я его знаю, у моего же мужа на казенной кузнѣ чинился;—закатываютъ его подъ навѣсъ, чтобы не видали. Я къ жиду. Кто, молъ, пріѣхалъ?.. «Чиновникъ Маклаковъ, сейчасъ дальше ѣдетъ». Я въ сѣни, да къ дверямъ,—а подлецъ-то, Вульфзонъ, сталъ на дорогѣ говоритъ: «бѣлье мѣняютъ, нагишемъ стоятъ, пускать никого не приказали»... Я это вышла, какъ будто домой, а сама къ окош-

ку, пріотворила ставень, гляжу—шторки спущены; а въ одномъ углѣ, промежь двухъ цвѣточныхъ горшковъ, и видно... Сергѣй Николаевичъ сидитъ — бумаги перебираетъ, и сидитъ это онъ какъ есть во всей одеждѣ, даже сумки съ плеча не снимаетъ... Я къ мужу; говорю: такъ молъ и такъ. Тотъ на почтовую станцію, подорожную смотритъ; что за диковинка! Точно, «Маклаковъ, чиновникъ казенной палаты, значится:—проѣзжаетъ въ Ташкентъ, по дѣламъ службы, давать трехъ лошадей съ проводникомъ, безъ всякаго задержанія»... Пришелъ это мужъ со станціи и говоритъ мнѣ: «дура»! А я ему: «самъ дуракъ! Коли такого пустяка не понимаешь, что люди могутъ по чужимъ подорожнымъ ѣздить, особливо, когда это имъ требуется».

— Ай! Ай! Ай!..

— Ну само собою разумѣется, что удралъ... Чего ему въ другомъ случаѣ прятаться?..

— Ай! Ай! Ай!.. Отецъ іерей вѣнцы золотить послалъ, — ризу новую дѣлаетъ...

— Пригодится для другаго случая.

— Ай! Ай! Ай!.. еще разъ пропѣла попадья.—Пожалуйте-же!..

И они прошли, наконецъ таки, въ калитку палисадника.

Александръ Вульфзонъ, снявъ съ себя сюртукъ, въ одномъ жилетѣ, разгружалъ ящики съ портеромъ, присланные ему отъ Филатова, изъ Ташкента... Супруга его ему помогала, два сартенка мальчики таскали бутылки на погребъ.

— Опять разбитая!.. произнесла супруга.

— Ужасно непріятно... Такъ много «бою», надо опять по полтиннику на бутылку набавлять, господа обижаются.

— А что на нихъ смотрѣть-то?..

— Эй, ты!—эти, что съ длинными горлышками, эти здѣсь ставь, въ сѣняхъ на полкѣ...

— Окорока бы давно пора вывѣсить, напомнила супруга.

— А икру протерла? напомнилъ ей супругъ. — Ахъ! извините-съ, сударыня. Рахиль, подай сюртукъ!

Вульфзонъ замѣтилъ Маланью Ивановну, стремительно ворвавшуюся въ гостинницу.

— Послушай, ты — говори сейчасъ! всю правду говори! вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, говори... Кто третьяго дня вечеромъ проѣзжалъ?

Чижикова была внѣ себя и крѣпко ухватилась за борта жилета содержателя гостинницы; она словно боялась, что тотъ убѣжитъ отъ нея и оставитъ ее безъ отвѣта.

— Пожалуйста садитесь, сударыня... да что же ухватились?..

— Кто проѣзжалъ третьяго дня вечеромъ, въ двѣнадцатомъ часу?.. Слышишь, говори сейчасъ, а то удушу...

— Помилуйте, зачѣмъ же человѣка душить?.. улыбался эксъ-горнистъ. — Я и такъ скажу, я все какъ слѣдуетъ скажу. Мнѣ что, я человѣкъ посторонній...

— Мы знаемъ свое дѣло, и въ чужія не вмѣшиваемся, заявила отъ себя Рахиль.

— Кто проѣзжалъ?

— Пожалуйста садитесь... Ну-съ... Поручикъ Карманчиковъ проѣзжалъ.

— Врешь—не объ этомъ тебя спрашиваю. Еще кто?..

— Еще... кто же еще проѣзжалъ?.. Рахиль, кто еще проѣзжалъ?..

— Азе право не помню... Повивальная бабка Ракитина проѣзжала съ офицеромъ-артиллеристомъ, что въ Джюзакѣ стоитъ...

— Врешь, не тотъ... Еще кто?..

— Ахъ! да, Маклаковъ, чиновникъ, проѣзжалъ, Дуйгороевъ купецъ, полковникъ Направоналевскій...

— Ровичъ проѣзжалъ, Сергѣй Николаевичъ?..

Маланья Ивановна такъ и впилась глазами въ Вульфзона.

— Ровичъ?! Нѣтъ, Ровичъ не проѣзжалъ.

— Врешь!

— Это какъ вамъ будетъ желательно; — мнѣ все равно...

— Побожись!..

— Зачѣмъ же я божиться буду? божиться большой грѣхъ, божиться никогда не слѣдуетъ...

— Подлецы вы, христопродавцы!.. порывисто поднялась со стула Маланья Ивановна и пошла прямо къ себѣ домой, не заходя уже къ попадьѣ пить кофій.

Вечеромъ того же дня, въ семействѣ стараго пушкаря разыгралась слѣдующая сцена.

За чайнымъ столомъ сидѣлъ Мартынъ Федоровичъ—и перелистывалъ свой календарь. Наташа наливала чай. Маланья Ивановна сидѣла всторонѣ и подозрительно поглядывала на свою дочку.

— Ты что-то блѣдна, Наташа; тебѣ какъ будто не здоровится? Ты бы сказала; я за Богданъ Карлычемъ, докторомъ, пошлю. А?.. говорилъ Чижиковъ, оставивъ чтеніе и пристально посмотрѣвъ на свою дочку.

— Нѣтъ, ничего, папа, такъ пустяки, что-то грустно стало...

— Ну, вотъ, получишь скоро еще письмецо и развеселишься; — а тамъ, глядь поглядь, двѣ-то недѣльки и не замѣтите, какъ пролетятъ...

Наташа покраснѣла, Маланья Ивановна завозилась на стулѣ.

— Тебя тошнитъ? спросила Маланья Ивановна.

— Нѣтъ, Наташа вспыхнула еще больше.

— Умнѣе ничего не придумала? укорительно взглянулъ на свою супругу Мартынъ Федоровичъ.

— Нѣтъ, я къ тому только говорю, что какъ бы чего не вышло...

— Что же такое можетъ выйдти, маменька? холодно обернулась къ ней Наташа.

— Мало ли что? Да чего хитришь-то передъ матерью, не знаю развѣ?..

— Что вы знаете?..

— Платья зачѣмъ всѣ поразставляла?.. Узки небось стали?..

— Маменька!.. маменька!.. да вы хоть бы изъ жалости не мучили меня!..

Наташа разрыдалась и вышла изъ комнаты.

— Эхъ! палка по тебѣ плачетъ! поднялся со стула Мартынъ Федоровичъ. — Бить бы тебя, да бить слѣдовало!..

Онъ замахнулся чубукомъ на свою половину, потомъ одумался, поставилъ трубку въ уголъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Ну, чѣмъ ты ее попрекнула, чѣмъ?—Бога въ тебѣ нѣтъ — совѣсти ни на грошъ, чувства материнскаго ни на волосъ!..

— На весь Чиназъ сраму нажили, во всякомъ углѣ говорятъ, заплакала было Маланья Ивановна.

— Великъ-то весь твой Чиназъ!.. Ну хоть бы и случился грѣхъ такой. Такъ вѣдь Сергѣй Николаевичъ не

Щекотливый вопросъ. Съ картины Эрдмана. Грав. О. Ротъ.

кто другой, человѣкъ честный... Предложеніе сдѣлалъ публично, почитай вотъ скоро женится — и все обстоитъ благополучно, на нашу радость, на ихъ счастье. А ты попрекать... Эхъ ты дура, дура непокрытая!..

— Хорошо коли женится, а то какъ бы...

— Это еще что!

— Да ничего... Сомнѣніе есть у меня такое, что его коломъ не вышибешь...

— Ври больше, да Наташу смущай... ей и безъ того тошно.

— Отъ судьбы не уйдешь...

— Вотъ черезъ двѣ недѣли пріѣдетъ...

— Кто это?

— Кто? — Сергѣй Николаевичъ.

— Да онъ гдѣ?..

— Въ Самаркандѣ, чай сама знаешь... Да ты что въ самомъ дѣлѣ? У тебя никакъ на умѣ есть что-то. Что такое?..

— Охъ! хорошо бы коли онъ въ Самаркандѣ. Охъ! хорошо бы!

— А то гдѣ-же? гдѣ? Все то вы бабы врете. Одна дура сбрехнула, другая подхватила, третья понесла по вѣтру... Пошли благовѣстить. А я самъ справлялся и на почтѣ и на паромѣ, вездѣ справлялся,—и знаю, что говорю...

— Охъ! хорошо бы... Охъ! хорошо бы!..

— Да уймись ты съ своимъ оханьемъ! Только тоску нагоняешь!

— Чукось?

— Что тамъ?

— Кто-то на крыльцѣ топчется. Эй! кто тамъ?..

Маланья Ивановна выглянула за дверь.

— Вотъ письмо тебѣ, говорилъ сартенокъ, что служилъ у Вульфзона, протягивая конвертъ, тщательно запечатанный и надписанный крупнымъ почеркомъ.

— Какое письмо?

— Я почемъ знаю. Тамъ написано все. Проѣзжій передалъ, — говоритъ: изъ Самарканда.

— Вотъ тутъ письмо какое-то, взошла въ комнату Маланья Ивановна.

— Покажи... Ну вотъ оно и есть, отъ Сергѣя Николаевича къ Наташѣ. Вѣрно опоздалъ къ почтѣ-то и послалъ съ проѣзжимъ. Ну-ко, что онъ пишетъ хорошенькаго?... Эхъ, вы вороны! каркаете только безъ всякаго пути...

— Наташа, Наташа!.. Иди, письмо тебѣ! крикнула Маланья Ивановна.

Быстро вбѣжала Наташа, чуть не вырвала конвертъ изъ рукъ отца, распечатала и стала читать.

«Наталья Мартыновна!

«Я пишу къ вамъ только потому, что у меня не хватило ни силъ, ни твердости духа говорить съ вами лично.

Обстоятельства мои сложились такъ, что я долженъ отказаться отъ того счастія, которое мнѣ предстояло.

Я не могу быть вашимъ мужемъ...

Не проклинайте меня и сохраните сожалѣніе къ тому, кто васъ любилъ, любитъ и будетъ любить... Силы судьбы непреоборимы... Все противъ нашего брака—и какъ мнѣ ни больно, я покорился. Совѣтую, отъ души совѣтую то же и вамъ.

Когда вы будете читать это письмо, я буду уже далеко на пути въ Россію, къ Петербургу, съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не возвращаться въ Азію.

Мой привѣтъ всѣмъ вашимъ роднымъ... Прощайте!..

Сергѣй Ровичъ».

«P. S. Если вы позволите мнѣ, какъ другу, дать вамъ совѣтъ, вотъ онъ: Не пренебрегайте исканіями маіора; онъ васъ любитъ и *ни на что* не посмотритъ».

Слова *ни на что* были подчеркнуты.

Покойно дочитала Наташа это письмо и протянула его къ Мартыну Федоровичу. Потомъ она сняла съ шеи маленькій медальонъ, бросила его на кирпичный полъ и въ дребезги растоптала каблукомъ...

— Наташа, Наташа! что ты? кинулась къ ней Маланья Ивановна.

— Подлецъ! подлецъ! шепталъ старый пушкарь.

Холодно посмотрѣла вокругъ себя дѣвушка, улыбнулась и покойно произнесла.

— Еще налить тебѣ чаю, папаша?

Вздрогнулъ старикъ отъ такого, повидимому совершенно обыкновеннаго вопроса. Начала креститься Маланья Ивановна.

— Наташа, родная моя, крѣпко обнялъ Чижиковъ свою дочь, — не отчаявайся! Не губи ты себя...

Онъ не договорилъ и зарыдалъ, прижавъ къ своей груди голову Наташи.

— Эхъ, папа, не знаешь ты меня! Если я погубила Петю и перенесла это, такъ отъ этой потери вѣрно не расплачусь.

И она спокойно принялась наливать чай.

(Окончаніе будетъ).

Императоръ Германскій.

Фридрихъ Людвигъ Вильгельмъ I, сынъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы, родился 22 марта 1797 года. Получивъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ IV, превосходное воспитаніе, онъ рано вступилъ въ военную службу и совершилъ походы 1813 и 1814 г., въ которыхъ отличился непоколебимымъ мужествомъ. Переходъ чрезъ Рейнъ у Мангейма въ ночь на новый 1814 годъ былъ имъ совершенъ съ русскими войсками корпуса Сакена, 8-мымъ, 11-ымъ, 28-ымъ, 32-ымъ, 36-ымъ и 39-ымъ егерскими полками, подъ командою генераловъ Талезина и Заса, которые были оба ранены при нападеніи на шанцы французовъ при Рейнѣ. И такъ, будущій германскій императоръ подъ русскимъ знаменемъ впервые побывалъ въ огнѣ и въ первый разъ перешелъ Рейнъ. Точно такъ же, еще до полученія желѣзнаго креста, принцъ Вильгельмъ уже былъ пожалованъ кавалеромъ Георгія четвертой степени, за личную храбрость при Баръ-сюръ-Обѣ, гдѣ онъ безстрашно ринулся въ самый центръ непріятельскаго огня вмѣстѣ съ Калужскимъ пѣхотнымъ полкомъ, котораго шефомъ состоитъ и понынѣ. Съ русскими же войсками, въ свитѣ короля, отца своего, ввошелъ онъ и въ Парижъ. По вступленіи брата на престолъ, принявъ титулъ «принца прусскаго», онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ политическихъ событіяхъ, но оказывалъ замѣтное предпочтеніе дѣламъ военнымъ — и пробывъ нѣкоторое время губернаторомъ Помераніи, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, лѣтомъ 1849 года получилъ главное начальство надъ войсками, посланными для

подавленія революціи въ южной Германіи. Въ нѣсколько недѣль удалось ему совершенно усмирить возстаніе въ Пфальцѣ и Баденѣ. Въ томъ же году, будучи назначенъ военнымъ губернаторомъ Рейнскихъ провинцій и Вестфаліи, онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Кобленцъ, къ которому и доселѣ сохранилъ особенную любовь вмѣстѣ съ своею супругою Августою, дочерью великаго герцога Веймарскаго. Въ 1854 году онъ былъ пожалованъ новоучрежденнымъ титуломъ главнокомандующаго инфантеріей и назначенъ губернаторомъ майнцской крѣпости. Принцъ умѣлъ заставить полюбить себя во всѣхъ сферахъ общества, а феодальная и клерикальная реакція въ Пруссіи окончательно замолкла, когда державный братъ его, заболѣвъ, назначилъ принца, 23 октября 1857 года, регентомъ — сначала только на три мѣсяца. Годъ спустя онъ уже пользовался полными правами регентства, а по смерти Фридриха Вильгельма IV, 2 января 1861 года вступилъ на тронъ и 18 октября короновался въ Кёнигсбергѣ.

Такъ-называемая «Новая эра» открылась старымъ либеральнымъ министерствомъ Гогенцоллернъ-Ауерсвальда, склонявшимся на путь парламентанизма, но не обладавшимъ достаточною энергіею. Во время итальянской войны 1859 г. король Вильгельмъ хотѣлъ вступиться за поддержаніе австрійскихъ владѣній, но требовалъ, чтобы Пруссіи было предоставлено главное начальство надъ союзной арміей, что и побудило императора Франца Іосифа заключить невыгодный виллафранкскій миръ. Надежды на объединеніе Германіи, питаемыя въ то время, однако не сбылись, — и Оскаръ Бекеръ, покусившійся 14 іюля 1861 года на жизнь короля, выставилъ побудительной причиной своего преступленія то, что король не доросъ до рѣшенія этой задачи. Тѣмъ не менѣе, Вильгельмъ шагъ за шагомъ подвигался въ выполненіи великаго плана, составлявшаго цѣль его жизни. При содѣйствіи военнаго министра, фонъ Роона, король прежде всего занялся переустройствомъ прусской арміи, затѣмъ созвалъ консервативное министерство, въ которомъ съ 1862 года занялъ мѣсто графъ Отто фонъ Бисмаркъ Шенгаузенъ. Возбуждая множество столкновеній по дѣламъ внутренняго управленія, прусское правительство отличалось необыкновенною энергіею въ дѣлахъ внѣшнихъ. Курфюрстъ Гессенскій принужденъ былъ уступить въ вопросѣ конституціи государства.

Приглашеніе императора Франца Іосифа на съѣздъ государей во Франкфуртъ (1863) король Вильгельмъ отклонилъ, такъ какъ въ австрійскихъ предложеніяхъ совершенно упускалось изъ виду могущественное положеніе Пруссіи.

Въ слѣдующемъ году приснопамятная шлезвигъ-голштинская война ознаменовалась новыми успѣхами прусскаго оружія, причемъ король лично благодарилъ свое войско на дюппельскихъ шанцахъ.

Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ вдаваться въ сужденія о томъ, насколько эта война была справедлива съ русской точки зрѣнія; достаточно упомянуть объ исходѣ ея, вслѣдствіе котораго три эльбскія герцогства, принадлежавшія датской коронѣ, были уступлены въ общее владѣніе императора Франца Іосифа и короля Вильгельма; а въ слѣдующемъ году, по голштейнскому договору, весь Лауэнбургъ достался Пруссіи. Затрудненія внутренней политики были отодвинуты на задній планъ такимъ внѣшнимъ успѣхомъ, но оппозиція дѣлала свое дѣло и неустанно пыталась низвергнуть министерство. Король не терялъ изъ виду своей великой цѣли—и когда призвалъ свой народъ, 18 іюня 1866 года, поднять оружіе противъ Австріи, прусскій народный духъ пробудился. Вильгельмъ лично поспѣшилъ въ Богемію и 2 іюля прибылъ въ Гитчинъ, гдѣ и принялъ главное начальство надъ войсками, а на другой день произошла рѣшительная битва при Кролевцѣ. 18 іюля король перенесъ главную квартиру свою въ Никольсбургъ — и тамъ были заключены предварительныя условія мира, окончательно ратификованныя пражскимъ трактатомъ 23 августа. Миръ былъ дарованъ и союзникамъ Австріи, съ которыми заключенъ союзъ, между тѣмъ какъ всѣ германскія государства къ сѣверу отъ Майна вошли въ союзъ сѣверогерманскій. Ганноверъ, Гессенкассель, Нассау, Франкфуртъ, Гессенъ-Гамбургъ, нѣкоторыя части Гессенъ-Дармштадта и Баваріи вошли въ составъ прусской монархіи. По возвращеніи въ Берлинъ, король былъ встрѣченъ съ невыразимымъ восторгомъ.

Примиреніе было достигнуто и во внутренней политикѣ. Коронѣ прусской предоставлено было предсѣдательство въ союзѣ и главное начальство надъ союзными войсками. Таможенный союзъ, получившій конституціонный строй и общенародное представительство, снова тѣсно соединилъ между собою сѣверъ и югъ, мысль о единствѣ Германіи ожила во всѣхъ умахъ—и нужна была лишь искра войны съ Франціею, чтобы воспламенить окончательно народный патріотизмъ. Исходомъ войны этой, какъ извѣстно, было объединеніе Германіи, подъ властью Вильгельма I, избраннаго императоромъ новаго государства. За эту же войну онъ получилъ Георгія 1-й степени.

Ожидаемый пріѣздъ императора германскаго въ Петербургъ — не первое посѣщеніе имъ Россіи. Въ 1858 году, будучи принцемъ регентомъ, онъ присутствовалъ на большомъ парадѣ въ Варшавѣ, причемъ лично провелъ свой Калужскій полкъ предъ государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Въ свитѣ императора Вильгельма, во время посѣщенія имъ Петербурга будутъ находиться: государственный канцлеръ князь Бисмаркъ, фельдмаршалъ графъ Мольтке, генералъ-адъютантъ графъ Гольцъ, свитскій генералъ баронъ Штейнакеръ, гофмаршалъ графъ Перпонхеръ, секретарь статскій совѣтникъ Канцкій; тайный совѣтникъ кабинета его величества фонъ-Вильмовскій; статскій совѣтникъ Миснеръ; генералъ свиты его величества Альбедиль, начальникъ военно-походной канцеляріи его величества; совѣтники Шульцъ и Миленцъ; чиновникъ военно-походной канцеляріи майоръ фонъ-Хаугвицъ; флигель-адъютанты императора: полковникъ фонъ-Гимменъ, командиръ гвардейскаго гусарскаго полка; полковникъ графъ Лендорфъ; полковникъ графъ фонъ-Вальдерзее, командиръ гановерскаго 13-го уланскаго полка; полковникъ князь Радзивилъ; полковникъ фонъ-Тиле, командиръ 3-го гвардейскало пѣхотнаго полка; полковникъ фонъ-Лестокъ, командиръ бранденбургскаго 8-го гренадерскаго полка; полковникъ Бронзартъ фонъ-Шеллендорфъ, князь Генрихъ XIII Рейссъ, подполковникъ, командиръ 7-го гусарскаго его величества короля полка; флигель-адъютанты короля: подполковникъ фонъ-Альтенъ; маіоръ фонъ-Винтерфельдъ; маіоръ фонъ-Линдеквистъ; генералъ-штабъ-докторъ, профессоръ фонъ-Лауеръ, тайный совѣтникъ Борхъ; завѣдывающій собственною шкатулкой его величества Мюллеръ.

Положеніе солнца и его значеніе между неподвижн. звѣздами.

I.

Страстное стремленіе тоскующаго человѣческаго сердца къ безконечному превосходно выражено Гёте, въ слѣдующихъ словахъ Фауста:

«О, для чего душа своихъ незримыхъ крылій
Не можетъ тѣлу передать!
А между тѣмъ не каждому-ли сродно
Себѣ прокладывать мечтами путь свободный
И уноситься далеко,
Когда въ лазури высоко
Надъ нами жаворонокъ вьется
И пѣснь его такъ сладко-сладко льется,
Когда среди сіяющихъ зыбей
Эѳира синяго, надъ дикими скалами,
Паритъ орелъ, не шевеля крылами,
Иль къ теплой родинѣ своей,
Надъ зеркаломъ озеръ, надъ злачными полями
Несется стадо журавлей.»

Еще болѣе страстное стремленіе къ безконечному овладѣваетъ человѣческимъ сердцемъ, когда, среди глубокаго ночнаго безмолвія, мы поднимемъ взоры къ небу, гдѣ звѣзды сіяютъ во всемъ своемъ великолѣпіи, гдѣ величественное созвѣздіе орла блеститъ такъ же ярко, какъ блистало тысячелѣтія тому назадъ, и куда стремится человѣческая душа какъ къ родинѣ — родинѣ безсмертія и безконечности.

Подобныя чувства побудили людей, уже тысячелѣтія тому назадъ, искать разрѣшенія загадки на счетъ звѣздъ. Изъ этихъ неясныхъ ощущеній развилось мало-по-малу стремленіе слѣдить за движеніями самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ и разгадать управляющіе ими законы. Созерцаніе и удивленіе, благоговѣніе и обожаніе возвысились съ теченіемъ времени до наблюденія и изслѣдованія, пока наконецъ человѣческій умъ превратилъ ощущеніе въ методическое вычисленіе, а благоговѣйное созерцаніе въ свѣтлое знаніе.

Если все вообще естествознаніе еще не считаетъ себя достигнувшимъ конечной цѣли въ какой бы то ни было изъ своихъ отраслей и, будучи столь же далеко отъ высокомѣрія философскихъ школъ, какъ и отъ самоувѣренности обскурантизма, довольствуется тѣмъ, что проложило своими стремленіями путь къ дальнѣйшему развитію,— если этотъ фактъ служитъ къ величайшей чести этой отрасли вѣденія, то еще въ болѣе сильной степени принадлежитъ эта честь астрономіи. Она, самая древняя изъ наукъ, въ то же время и самая юная, самая неутомимая въ своемъ стремленіи впередъ. Звѣздословіе считаетъ себѣ болѣе двухъ тысячелѣтій, а между тѣмъ его предварительныя работы будутъ длиться еще многія, многія столѣтія. Усиливаясь проникнуть въ безконечность пространства и безграничность временъ, оно столь же возвышенно, какъ и сама природа, и внушаетъ благоговѣніе безконечностью и безграничностью своихъ стремленій.

Изложить популярнымъ образомъ новѣйшіе результаты этихъ стремленій—вотъ задача нашей статьи.

II.

Смѣлое открытіе Коперника разрушило много неправильныхъ и ложныхъ понятій о всей вселенной вообще. Съ тѣхъ поръ мы знаемъ, что земля есть такая же звѣзда, какъ и другія блуждающія звѣзды, которыя мы видимъ по ночамъ на небѣ. Земля наша — звѣзда! Подъ вліяніемъ этой основной идеи, разрушившей міросозерцаніе древнихъ и среднихъ вѣковъ, наука совершенно переродилась и все болѣе и болѣе обогащается новыми открытіями.

Тѣмъ не менѣе, вплоть до конца прошлаго столѣтія господствовало предположеніе древнихъ временъ, что движутся въ небесномъ пространствѣ собственно только немногія планеты, тогда какъ безчисленное множество другихъ звѣздъ, получившихъ названіе «неподвижныхъ», пребываетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и находится на неизмѣримомъ разстояніи другъ отъ друга. Подобно этимъ неподвижнымъ звѣздамъ, стоитъ неподвижно и солнце, а вокругъ него обращаются планеты или блуждающія звѣзды, которыя такимъ образомъ постоянно возвращаются къ своему исходному пункту.

Тутъ знаменитый астрономъ Вильямъ Гершель направилъ свой гигантскій телескопъ въ область неподвижныхъ звѣздъ и обогатилъ науку открытіемъ, что и въ этихъ, повидимому, неизмѣняющихся и неподвижныхъ сферахъ господствуютъ законы движенія и перемѣны.

Вскорѣ достовѣрныя измѣренія показали, что наблюденія Гершеля совершенно основательны. Помощію сильныхъ телескоповъ открыли, что звѣзды, считавшіеся до тѣхъ поръ простыми солнцами,—въ сущности двойныя солнца, обращающіеся одно вокругъ другаго. Открыли даже двойныя и многосложныя солнца, подчиненныя въ отношеніи другъ друга тому же закону тяготѣнія, который управляетъ нашею солнечною системою. Такимъ образомъ возникла въ наукѣ новая основная мысль, что абсолютнаго покоя, стоянія въ пространствѣ и неизмѣняемости нѣтъ, не только вокругъ земли, но и во всей вселенной.

Эти воззрѣнія, все болѣе и болѣе подтверждавшіяся новыми наблюденіями, привели къ новой задачѣ: опредѣлить болѣе точнымъ образомъ совершающіяся въ мірѣ неподвижныхъ звѣздъ перемѣны. Съ этой цѣлью принялись за изученіе звѣздныхъ каталоговъ, дошедшихъ къ намъ еще изъ древнихъ временъ. Самое древнее произведеніе въ этомъ родѣ завѣщано намъ великимъ грекомъ Гиппархомъ, который жилъ за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и, измѣривъ при помощи тогдашнихъ несовершенныхъ инструментовъ положеніе звѣздъ, составилъ удивительный звѣздный каталогъ. Конечно, точность его изслѣдованій крайне неудовлетворительна по нашимъ понятіямъ, но наука уже опредѣлила границы его ошибокъ. Мы положительно знаемъ, что, опредѣляя занимаемыя звѣздами мѣста, Гиппархъ ошибся почти на цѣлый лунный поперечникъ. Но даже и при этой неправильности въ счетѣ, все же въ результатѣ оказывалось, что во времена Гиппарха многія звѣзды занимали въ сущности другое мѣсто.

Еще болѣе важенъ былъ для этого изслѣдованія другой звѣздный каталогъ, составленный въ 1719 г. трудолюбивымъ астрономомъ Фламштедомъ. Фламштедъ дѣлалъ свои измѣренія уже при помощи болѣе совершенныхъ инструментовъ. Предѣлы ошибокъ у него уже такъ ограничены, что не превышаютъ десятой части луннаго поперечника. Конечно, фламштедову звѣздному каталогу всего только сто лѣтъ, тогда какъ гиппарховъ представляетъ намъ положеніе звѣздъ за двѣ тысячи лѣтъ передъ этимъ; зато достоинство этого послѣдняго каталога много теряетъ отъ неточности вычисленій, и наоборотъ—то, что фламштедовы измѣренія проигрываютъ со стороны разницы во времени, вознаграждается ихъ вѣрностію.

Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ другіе звѣздные каталоги, скажемъ только, что, не смотря на сдѣланныя въ нихъ ошибки, всѣ они привели къ одному и тому же результату.

Вильгельмъ I, Императоръ Германскій.

Съ фотографіи грав. Ѳ. Герасимовъ.

Неподвижныя звѣзды — въ этомъ теперь убѣдились — движутся въ пространствѣ. Не только двойныя звѣзды, образующія особыя системы съ легко опредѣляемымъ временемъ обращенія, но и неподвижныя звѣзды не принадлежащія ни къ одной изъ этихъ системъ — движутся въ самыхъ различныхъ направленіяхъ по неизвѣданнымъ еще наукою путямъ. Вотъ къ какому блестящему результату пришли изслѣдованія, сдѣланныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но какъ всякая новая истина, добытая путемъ добросовѣстныхъ изслѣдованій, задаетъ человѣческому уму новыя задачи, точно такъ же случилось и тутъ. Результаты одного изслѣдованія сдѣлались въ скоромъ времени основаніемъ другаго.

III.

Въ то время какъ утверждалось понятіе, что міръ неподвижныхъ звѣздъ не представляетъ собою неизмѣняющейся области, не подлежащей никакому движенію и перемѣнѣ, — отношенія къ этой области собственно солнца могли быть оставлены всторонѣ. Въ пребывающемъ въ состояніи вѣчнаго покоя мірѣ — опредѣленіе мѣста занимаемаго какимъ-нибудь міровымъ тѣломъ не представляетъ еще особеннаго интереса. Когда же наука открыла, что въ области неподвижныхъ звѣздъ происходятъ перемѣны мѣста, и предположеніе, что всѣ небесныя тѣла подчинены законамъ движенія, стало дѣлаться все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, — вопросъ о положеніи солнца въ міровомъ про-

странствѣ пріобрѣлъ совершенно другое значеніе въ наукѣ.

Если всѣ неподвижныя звѣзды движутся по неизвѣстнымъ путямъ, то можно было съ величайшимъ правдоподобіемъ предположить, что и солнце, будучи такою же неподвижною звѣздою какъ и другія, не остается неподвижно въ міровомъ пространствѣ. Если же солнце двигается по одному изъ неизвѣстныхъ направленій, то возникаетъ вопросъ: какія изъ замѣченныхъ передвиженій неподвижныхъ звѣздъ дѣйствительныя и происходятъ отъ движеній собственно этихъ звѣздъ — и какія изъ этихъ передвиженій только кажущіяся, вызванныя движеніемъ солнца въ пространствѣ въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій.

Способъ, какимъ были ведены эти новыя изслѣдованія, теоретически легко понять. Мы находимся среди очень длинной столбовой дороги, обсаженной по обѣимъ сторонамъ деревьями; намъ кажется, что вдали эта дорога все болѣе и болѣе съуживается, а деревья стоятъ тамъ ближе другъ къ другу, чѣмъ подлѣ насъ. Если же мы намѣтимъ вдали пару такихъ деревьевъ и пойдемъ къ нимъ, то въ глазахъ нашихъ они все больше и больше станутъ отдаляться другъ отъ друга, а дорога мало-по-малу пріобрѣтетъ свою натуральную ширину. Точно такое же явленіе представляетъ намъ собою вечеромъ длинный рядъ зажженныхъ уличныхъ фонарей, если мы стоимъ на мѣстѣ. Издали намъ кажется, какъ будто бы огоньки находятся очень близко другъ отъ друга; когда же мы пойдемъ впередъ, а черезъ нѣсколько времени оглянемся назадъ, то намъ покажется какъ будто бы находящіеся тамъ фонари придвинулись другъ къ другу — и притомъ тѣмъ ближе, чѣмъ дальше мы отъ нихъ ушли.

Очень понятно, что тѣ же самыя явленія должны представляться намъ и между неподвижными звѣздами ночнаго неба, если солнце вмѣстѣ съ своими планетами идетъ въ пространствѣ по опредѣленному направленію. Въ той небесной странѣ, откуда мы удаляемся, видимыя тамъ звѣзды должны представляться намъ болѣе близкими другъ къ другу чѣмъ за два тысячелѣтія передъ этимъ, а въ той странѣ неба, куда мы идемъ вмѣстѣ съ солнцемъ, болѣе отдаленными другъ отъ друга. Созвѣздія въ той странѣ, откуда мы идемъ, должны казаться намъ меньше; а тѣ созвѣздія, къ которымъ мы не перестаемъ приближаться, должны представляться намъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ нашимъ предкамъ, жившимъ за двѣ тысячи лѣтъ передъ этимъ. Разсматривая въ совокупности всѣ эти кажущіяся движенія въ мірѣ неподвижныхъ звѣздъ, намъ, стало быть, легко было изучить направленіе, а также и скорость, съ какою солнце идетъ по міровому пространству.

Но какъ понятенъ основной методъ употребленный при этомъ изслѣдованіи, такъ трудно оказалось на практикѣ придти помощію его къ какому нибудь вѣрному результату.

Прежде всего, число неподвижныхъ звѣздъ, перемѣну мѣста которыхъ можно было опредѣлить навѣрное, оказалось очень не велико. Потомъ, ошибки при измѣреніяхъ въ двухъ звѣздныхъ каталогахъ, представляющихъ намъ главный матеріалъ для изслѣдованія, открываютъ слишкомъ обширное поле для погрѣшностей въ исчисленіи. Наконецъ, главнымъ затрудненіемъ при этомъ изслѣдованіи оказался тотъ фактъ, что въ сущности всѣ звѣзды на небесномъ сводѣ перемѣняютъ мѣсто—и слѣдовательно въ пространствѣ нѣтъ нигдѣ постоянной, не передвигающейся точки, которую, какъ это бываетъ при другихъ измѣреніяхъ, можно бы было безопасно принять исходной точкой для отдѣленія истинныхъ движеній отъ кажущихся.

По этому-то наука необыкновенно много выиграла оттого, что въ первыя десятилѣтія нашего XIX вѣка три замѣчательнѣйшихъ астронома дѣлали изслѣдованія относительно этого предмета совершенно независимо другъ отъ друга, именно: одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего столѣтія Гершель, превосходный математикъ Прево и извѣстный наблюдатель и счетчикъ Аргеландеръ, которые вели это дѣло, опираясь на совершенно различные аргументы. И всѣ трое единогласно постановили, что, во первыхъ, неподвижныя звѣзды совершаютъ въ пространствѣ свои собственныя, удобопознаваемыя движенія; во-вторыхъ, что при этомъ совершаются и кажущіяся перемѣны мѣста, происходящія отъ движенія солнца въ міровомъ пространствѣ, и что, въ третьихъ, это движеніе солнца происходитъ по одному и тому же направленію, которое приводитъ насъ въ ту страну свѣта, гдѣ мы видимъ предъ собою созвѣздіе Геркулеса.

Въ созвѣздіи Геркулеса нѣтъ ни одной изъ самыхъ яркихъ звѣздъ, и оно бросается въ глаза меньше другихъ. А между тѣмъ это созвѣздіе очевидно лежитъ между двумя прекрасными звѣздами первой величины: Арктурусомъ и Вегою, составляющими въ серединѣ лѣта и ранней осенью украшеніе звѣзднаго неба. Точно такимъ же образомъ удаляемся мы вмѣстѣ съ солнцемъ отъ противуположнаго въ небесномъ пространствѣ пункта — и этотъ пунктъ лежитъ нѣсколько глубже, чѣмъ прекраснѣйшее созвѣздіе на небѣ, Оріонъ, украшающій своимъ блескомъ наши зимніе вечера.

IV.

Но, какъ и всегда, это открытіе послужило только ступенью къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Съ разрѣшеніемъ одного вопроса—другіе вопросы стали еще настоятельнѣе.

Съ какою скоростію движется солнце по міровому пространству?

Теперешнее направленіе движенія единственное ли и постоянно ли, а также въ прямомъ ли направленіи и съ одинаковой ли скоростью совершается движеніе,—или же это направленіе только временное, которое хотя и кажется прямолинейнымъ для небольшаго періода въ двѣ тысячи лѣтъ, но въ сущности составляетъ только малую частицу большаго круговаго пути, каковы всѣ изслѣдованные до сихъ поръ пути мировыхъ тѣлъ?

Можно ли открыть ту страну вселенной, гдѣ лежитъ центръ тяжести солнечнаго движенія?

Принадлежитъ ли солнце какой нибудь высшей системѣ, которой подчинены и другія солнца?

Всѣ подобные вопросы, которые въ свою очередь ведутъ все дальше и дальше, легко приходятъ на умъ человѣку и поставлены въ совокупности и точною наукою. Только точная наука смотритъ на это далеко не такъ какъ простодушные мечтатели—и не разсчитываетъ понять сразу причину вещей, но постепенно приступаетъ къ рѣшенію такихъ основныхъ вопросовъ, которые, по ея мнѣнію, могутъ быть разрѣшены при помощи нашихъ средствъ для изслѣдованія,—а дальнѣйшія изслѣдованія предоставляетъ будущему, хотя бы это будущее наступило не прежде многихъ тысячелѣтій.

Основываясь на надежной почвѣ точныхъ фактовъ, строгая наука не могла питать надежды на быстрыя открытія. Для убѣжденія въ томъ, что солнце движется въ міровомъ пространствѣ, ей нужны были наблюденія двухъ тысячелѣтій. Точно такъ же оказалось несомнѣнно, что за двѣ тысячи лѣтъ передъ этимъ видъ звѣзднаго неба представлялся обыкновенному глазу точно такимъ же, какъ

и нынѣ. Рѣшено, что если не явится какихъ нибудь неизвѣстныхъ обстоятельствъ, которыя невозможно опредѣлить заранѣе, то и черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ насъ міръ неподвижныхъ звѣздъ нисколько не измѣнится для обыкновеннаго глаза. Не увлекаясь прелестью скорыхъ лавровъ, наука поставила себѣ первою задачею—составить при помощи лучшихъ инструментовъ, какъ можно тщательнѣе, хорошія звѣздныя карты, которыя могли бы служить будущему основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Десятилѣтія самыхъ неутомимыхъ трудовъ на лучшихъ обсерваторіяхъ подвинули насъ настолько, что мы положительно можемъ сказать: — еслибы даже ближайшее время и не подарило насъ никакими новыми открытіями и изобрѣтеніями, которыя даютъ непредвидѣнное развитіе наукѣ, то все же у ней будетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ гораздо болѣе надежный матеріалъ, чѣмъ тотъ, который представляется намъ теперь посредствомъ сравненія двухъ тысячелѣтій. Открытія нашихъ теперешнихъ астрономовъ, которые посвящали дни и ночи исчисленіямъ и наблюденіямъ и составили звѣздныя каталоги, клонятся къ тому, чтобы одно будущее полстолѣтіе сдѣлало больше, чѣмъ два прошедшихъ тысячелѣтія.

Но трудясь такъ безкорыстно для будущаго, наука отнюдь не пренебрегаетъ улучшенными средствами наблюденія, для того чтобъ обогатить добытыми ею результатами и настоящее—и представить столь же смѣлыя, какъ и глубокія рѣшенія вопроса касательно положенія солнца въ міровой системѣ.

Что безпрерывное движеніе солнца въ пространствѣ вселенной, въ теченіи огромнаго періода въ двѣ тысячи лѣтъ, такъ мало измѣнило видъ звѣзднаго неба—это могло происходить отъ двухъ причинъ. Совершаемая солнцемъ перемѣна мѣста можетъ быть такъ медленна, что даже сравнительно близкія звѣзды перемѣняютъ свое кажущееся положеніе лишь въ крайне незначительной степени; или наоборотъ, безпрестанное движеніе солнца въ пространствѣ можетъ быть сравнительно очень быстрымъ, но разстояніе всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ такъ велико, что кажущуюся перемѣну мѣста можно было замѣтить у нихъ не прежде какъ послѣ многихъ столѣтій.

Что же изъ двухъ? Разрѣшеніе этого вопроса стало задачею слѣдующихъ трудовъ.

Въ теченіе послѣднихъ столѣтій не разъ пытались опредѣлить разстояніе какой нибудь неподвижной звѣзды—и насчетъ употребленнаго при этомъ метода не остается уже никакого сомнѣнія. Земля обращается въ годъ вокругъ солнца, описывая при этомъ огромный кругъ. Мы всегда находимся на разстояніи цѣлаго поперечника этого пути, слѣдовательно на разстояніи 40,000,000 верстъ отъ того пункта въ міровомъ пространствѣ, гдѣ мы находились за шесть мѣсяцевъ передъ этимъ. Такое сильное передвиженіе въ пространствѣ можно конечно замѣтить по какой нибудь звѣздѣ, которую мы стали бы разсматривать въ телескопъ, отыскавъ ее опять черезъ полгода. Движеніе земли въ пространствѣ должно вызывать противуположное кажущееся движеніе неподвижной звѣзды по небу, и если мы узнаемъ размѣры этого кажущагося движенія, то съумѣемъ такъ же опредѣлить вѣрнымъ математическимъ путемъ и разстояніе этой неподвижной звѣзды; ибо весьма понятно, что дѣйствительный путь земли долженъ точно такъ же относиться къ кажущемуся пути неподвижной звѣзды, какъ поперечникъ земнаго пути къ разстоянію неподвижной звѣзды.

Но какъ ни точенъ этотъ методъ, тѣмъ не менѣе всѣ попытки придти помощію его къ какому нибудь вѣрному результату—оказывались тщетны вплоть до истеченія первой трети нашего столѣтія. При болѣе точномъ изслѣдованіи всѣхъ сдѣланныхъ до тѣхъ поръ измѣреній, оказалось, что наши инструменты для наблюденія все еще не такъ совершенны, чтобы мы могли помощію ихъ замѣчать ежегодное кажущееся движеніе по небу какой нибудь неподвижной звѣзды, происходящее вслѣдствіе движенія земли въ пространствѣ. Разстояніе неподвижныхъ звѣздъ для тогдашнихъ средствъ наблюденія лежало за границами измѣряемости; это разстояніе оказалось такъ велико, что дѣйствительно-существующее кажущееся движеніе казалось намъ безконечно-малымъ и незамѣтнымъ.

Не прежде какъ лѣтомъ 1834 г. былъ сдѣланъ безсмертнымъ Бесселемъ (помощію новаго инструмента для измѣренія, названнаго геліометромъ) счастливый опытъ, который привелъ къ положительному результату—и этимъ результатомъ открывается рядъ новыхъ изслѣдованій, вслѣдствіе которыхъ оказывается возможнымъ опредѣлить положеніе солнца въ міровомъ пространствѣ болѣе точнымъ образомъ.

Бесселевы измѣренія относились только къ одной маленькой малозамѣтной звѣздѣ, извѣстной подъ именемъ 61-й звѣзды въ созвѣздіи Лебедь. Эта звѣзда уже и до того обращала на себя вниманіе довольно сильнымъ собственнымъ движеніемъ въ пространствѣ. Кромѣ того, ее наблюдали еще какъ двойную звѣзду; но что особенно способствовало опредѣленію ея разстоянія — это чрезвычайно благопріятное для измѣреній положеніе ея между двумя другими неподвижными звѣздами, въ которыхъ не замѣчается собственнаго движенія, — что давало возможность возможность воспользоваться ими для измѣреній, какъ благопріятными и незыблемыми пунктами. Тщательныя наблюденія и измѣренія, дѣлавшіяся впродолженіе 15 мѣсяцевъ, дали въ результатѣ разстояніе этой маленькой двойной звѣзды отъ солнца въ 675,000 разъ больше разстоянія земли отъ солнца. Разстояніе отъ солнца 61-й звѣзды въ созвѣздіи Лебедь такъ велико, что локомотивъ, дѣлающій въ день по 200 миль, доѣхалъ бы до нея не прежде 200 мильоновъ лѣтъ. Невозможность представить человѣческому разумѣнію подобныя разстоянія посредствомъ обыкновенныхъ вычисленій такъ велика, что оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ совершенно другому масштабу, чѣмъ прежде. Самый быстрый вѣстникъ изъ небесныхъ пространствъ—это, какъ извѣстно, свѣтовой лучъ, который пролетаетъ въ секунду больше 40,000 миль. Разстояніе 61-й звѣзды въ созвѣздіи Лебедь оказалось такъ велико, что свѣтъ ея доходитъ до насъ не прежде, какъ безъ малаго черезъ 10 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ періодъ между исходомъ свѣтоваго луча изъ неподвижной звѣзды и тѣмъ моментомъ, когда доходитъ онъ до нашего глаза, называется *«временемъ свѣта»* этой звѣзды.

Со времени этого удачнаго измѣренія Бесселя подобныя измѣренія дѣлались во всѣхъ небесныхъ странахъ. Конечно, изъ всѣхъ этихъ измѣреній къ опредѣленнымъ результатамъ пришло только десять; но какъ ни мало это число въ сравненіи съ безконечнымъ сонмомъ небесныхъ звѣдъ, а все же оно достаточно для того, чтобъ дать довольно ясное понятіе о положеніи солнца между его товарищами, неподвижными звѣздами. Такимъ образомъ открывается пытливому человѣческому уму новый путь, и для искренняго поклонника науки это гораздо важнѣе, чѣмъ мнимое всезнаніе, разсчитывающее разрѣшить такія

загадки, одинъ уже объемъ которыхъ нельзя еще опредѣлить сколько нибудь добросовѣстнымъ образомъ.

Мы попытаемся передать нашимъ читателямъ все, что извѣстно до сихъ поръ съ большею или меньшею достовѣрностью насчетъ значенія, положенія и движенія солнца въ кругу сосѣднихъ съ нимъ звѣздъ; но мы принуждены коснуться слегка одного изъ сдѣланныхъ наукою открытій, которое въ послѣднее время самымъ неожиданнымъ образомъ способствовало новымъ пріобрѣтеніямъ во всѣхъ областяхъ естествовѣдѣнія, въ особенности же обѣщаетъ много для астрономіи.

Самая новая, самая могучая и наиболѣе успѣвшая сдѣлать отрасль науки, «спектральный анализъ», изобрѣтена двумя нѣмецкими изслѣдователями, Бунзеномъ и Кирхгофомъ. Обозрѣть хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ всю область сдѣланныхъ этою новою наукою завоеваній—значило бы то же, что хотѣть обозрѣть однимъ взглядомъ всю область физики, химіи и астрономіи. Поэтому-то мы ограничимся здѣсь однимъ пунктомъ, который спеціально касается нашей задачи.

Все, что могли показать намъ до тѣхъ поръ самыя лучшія астрономическія орудія и самыя добросовѣстныя измѣренія движеній, совершающихся въ мірѣ неподвижныхъ звѣздъ — касалось только перемѣнъ мѣста или, правильнѣе, передвиженія звѣздъ. Можно было опредѣлять, перемѣнила ли звѣзда съ теченіемъ времени свое положеніе и куда она подвинулась — вправо или влѣво, вверхъ или внизъ. Но *приблизилась* ли къ намъ при этомъ движеніи звѣзда или *удалилась* отъ насъ — это былъ недоступный для разрѣшенія вопросъ, такъ что его пришлось оставить совершенно неразъясненнымъ. Мысль о рѣшеніи подобнаго вопроса была далека отъ науки, потому что никто не могъ указать, какимъ образомъ можно было приступить къ подобному изслѣдованію.

Орудіе спектральнаго анализа, астрономическій спектроскопъ сдѣлалъ однакоже возможнымъ то, что считалось до тѣхъ поръ невозможностью.

Разсматривая сквозь призму цвѣтной спектръ какой нибудь неподвижной звѣзды, мы видимъ тонкія линіи, занимающія совершенно опредѣленное положеніе между этими цвѣтами. Эти линіи не передвигаются, если во время наблюденія звѣзда остается на одинаковомъ отъ насъ разстояніи. Не то бываетъ, если во время наблюденія звѣзда дѣлаетъ движеніе отъ насъ или къ намъ. Если наблюдаемая звѣзда удаляется, то всѣ линіи передвигаются въ нашихъ глазахъ къ красной сторонѣ спектра, если же звѣзда приближается, то линіи передвигаются къ фіолетовой сторонѣ спектра.

Этотъ фактъ, вполнѣ подтвержденный вычисленіемъ и наблюденіемъ, сдѣлалъ возможнымъ разрѣшеніе такихъ вопросовъ, къ которымъ до тѣхъ поръ не рѣшались и приступать. Конечно, эти въ высшей степени мелкія изслѣдованія только-что начались—и результаты сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи измѣреній вѣрны только въ отношеніи двухъ звѣздъ; тѣмъ не менѣе эти измѣренія такъ важны для главной задачи нашей статьи, что значительнымъ образомъ приближаютъ насъ къ ея рѣшенію.

Все, что извѣстно до сихъ поръ о движеніи солнца и о томъ что окружаетъ его, а также о его значеніи между неподвижными звѣздами, его составѣ и свѣтовой силѣ, заключается въ слѣдующемъ:

Прежде всего, солнце обращается вокругъ своей оси, подобно всѣмъ извѣстнымъ планетамъ. Оно совершаетъ это обращеніе въ 25 дней, въ чемъ мы можемъ убѣдиться по перемѣщенію солнечныхъ пятенъ. Въ этомъ отношеніи солнце не составляетъ исключенія между неподвижными звѣздами. Перемѣна свѣта у многихъ звѣздъ, которыя сіяютъ въ извѣстныя времена то ярче, а то темнѣе, доказываетъ, что эти небесныя тѣла тоже обращаются вокругъ своей оси и имѣютъ мѣстами темныя пятна, ослабляющія выходящій отъ нихъ свѣтъ.

Солнечное ядро, образующее пылающую массу, одѣто свѣтящеюся сферою, которая давно уже извѣстна подъ названіемъ «Короны,» но сущность ея подверглась основательному изслѣдованію только въ настоящее время. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій оказывается, что эта сфера не освѣщена, а сіяетъ своимъ собственнымъ свѣтомъ. Кромѣ того солнце безпрестанно извергаетъ изъ себя пылающее вещество, именно пылающій водородный газъ, который (точно такъ же, какъ и у вулкановъ, только въ гораздо болѣе сильной степени) поднимается въ міровое пространство въ видѣ громадныхъ столбовъ въ нѣсколько тысячъ миль вышины, потомъ распространяется въ видѣ облака и, словно гонимый сильною бурею, въ нѣсколько часовъ совершенно измѣняется въ своемъ видѣ. Въ этомъ отношеніи солнце не составляетъ исключенія. Спектроскопическія изслѣдованія показываютъ, что во многихъ тысячахъ звѣздъ происходятъ точь въ точь такіе же процессы — и многія вещества, извергаемыя неподвижными звѣздами, похожи на тѣ, что выбрасываются солнцемъ.

Далѣе, солнце движется во вселенной вмѣстѣ со всѣми планетами, въ томъ числѣ и нашей землею. Есть ли планеты и у другихъ неподвижныхъ звѣздъ—нельзя сказать навѣрное, но подобное предположеніе очень правдоподобно.

Такъ какъ солнце обращается вмѣстѣ съ этимъ и вокругъ своей оси, то возникаетъ вопросъ, по какому направленію идетъ оно: по направленію плоскости своего экватора или плоскости своихъ полюсовъ? Изслѣдованіе показываетъ, что оно не держится ни того ни другого направленія. Солнечный экваторъ наклоняется къ плоскости движенія наиболѣе значительныхъ планетъ только на нѣсколько градусовъ. Но линія, по которой идетъ солнце въ міровомъ пространствѣ, значительно уклоняется отъ этой плоскости. Если мы перенесемся мысленно на солнечный экваторъ, то линія по которой идетъ солнце въ міровомъ пространствѣ, будетъ наклонена къ сѣверному небесному полушарію больше, чѣмъ на 30 градусовъ.

Перейдемъ отъ солнца къ ближайшимъ къ нему звѣздамъ. По новѣйшимъ измѣреніямъ оказывается, что 61-ая звѣзда въ созвѣздіи Лебедь вовсе не ближайшая сосѣдка солнца. Честь ближайшаго сосѣдства съ солнцемъ принадлежитъ одной звѣздѣ первой величины въ созвѣздіи Центавръ. Этого созвѣздія мы, жители сѣвернаго полушарія, не можемъ видѣть. Но путешественникъ, посѣщающій южное полушаріе, видитъ тамъ великолѣпное созвѣздіе Южный Крестъ, ярко освѣщающее мракъ ночи. Недалеко отъ этого созвѣздія сіяетъ въ небѣ и созвѣздіе Центавра, и самая яркая звѣзда въ этомъ созвѣздіи—ближайшая сосѣдка нашего солнца, при чемъ замѣтимъ, что разстояніе этой звѣзды уже опредѣлено. Конечно, это сосѣдство по нашимъ темнымъ понятіямъ очень неблизкое. Свѣтъ этого сосѣда доходитъ къ намъ не прежде какъ черезъ 3 года и 7 мѣсяцевъ или около того.

Интересно то, что двѣ изъ прекраснѣйшихъ небесныхъ звѣздъ расположены такимъ образомъ по обѣимъ сторонамъ нашего солнца, что оно находится почти въ самой срединѣ.

Одна изъ этихъ звѣздъ, Сиріусъ,—самая яркая на всемъ небѣ, и конечно каждый изъ нашихъ читателей любовался ею въ зимніе вечера. Вторая изъ этихъ звѣздъ находится

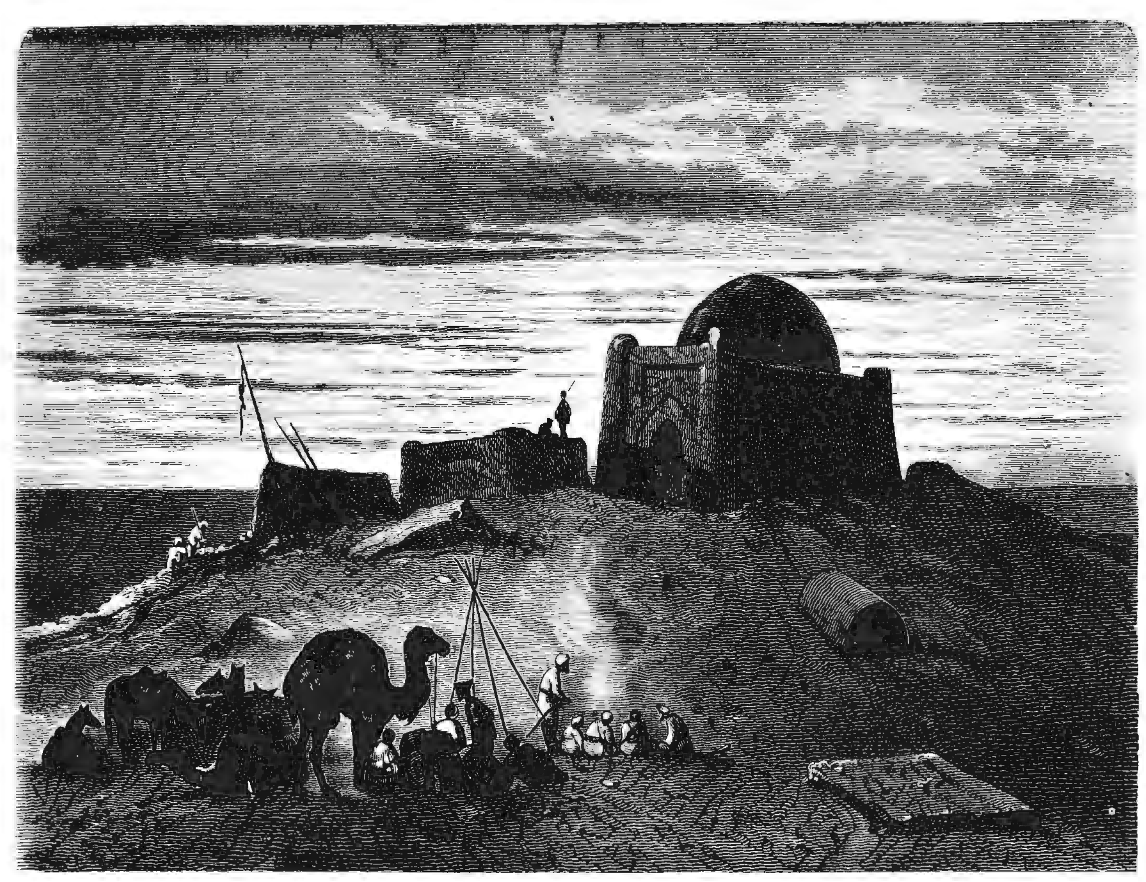
почти какъ разъ на противуположной сторонѣ небеснаго купола: это «Вега», звѣзда первой величины въ созвѣздіи Лиры. Разстояніе обѣихъ этихъ звѣздъ отъ солнца почти одинаковое. Время свѣта Сиріуса—слишкомъ 14 лѣтъ, а время свѣта Веги 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Сиріусъ, солнце и Вега должны казаться издали прекраснымъ тройнымъ созвѣздіемъ,—вродѣ того, какимъ мы любуемся на поясѣ Оріона, гдѣ точно такъ же сіяютъ рядомъ три звѣзды, расположенныя почти на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга.

Еще интереснѣе, что Сиріусъ находится близъ той небесной страны, откуда солнце удаляется, а Вега въ той небесной сторонѣ, куда оно идетъ. По новѣйшимъ спектроскопическимъ измѣреніямъ это шествіе далеко не медленное. Солнце удаляется отъ Сиріуса почти по десяти миль въ секунду, что равняется $^1/_{4000}$ свѣтовой быстроты. Не трудно вычислить, что если Сиріусъ и Вега не передвигаются съ своего мѣста, то солнце, которое находится теперь не въ самой срединѣ между двумя звѣздами, а ближе къ Сиріусу,—въ 3200 году будетъ какъ разъ въ срединѣ между ними, а при дальнѣйшемъ движеніи впередъ будетъ ближе къ Вегѣ, чѣмъ къ Сиріусу.

Если мы представимъ себѣ линію отъ Сиріуса до Веги, почти на самой срединѣ которой находится теперь идущее по міровому пространству солнце,—и, мысленно перенесясь на это небесное тѣло, станемъ лицомъ къ Вегѣ, а спиною къ Сиріусу,—это будетъ самая удобная точка зрѣнія для обзора ближайшихъ къ солнцу звѣздъ. Обратившись лицомъ направо и смотря глубоко внизъ, увидимъ вблизи южнаго полюса нашего ближайшаго сосѣда, звѣзду первой величины въ созвѣздіи Центавра, о которой мы уже говорили. Странствуя по міровому пространству вмѣстѣ съ солнцемъ, мы не очень быстро удаляемся отъ нея. Ея свѣтъ, достигающій до насъ въ $3^1/_2$ года, конечно долго еще будетъ сопутствовать намъ. Имѣетъ ли сама по себѣ эта звѣзда движеніе, вслѣдствіе котораго мы лишимся нѣкогда ея сосѣдства, это рѣшатъ будущія изслѣдованія.

Если же мы поднимемъ взоры вверхъ, нѣсколько влѣво, то увидимъ прекрасную звѣзду Капеллу, сіяющую желтымъ свѣтомъ въ созвѣздіи Возничаго, которая въ зимніе вечера стоитъ почти надъ нашей головою. И эта звѣзда тоже наша сосѣдка, и разстояніе ея опредѣлено; только эта сосѣдка немножко далеко отъ насъ разбила свою палатку, или точнѣе сказать: это самая отдаленная изъ всѣхъ измѣренныхъ звѣздъ. Ея свѣтъ доходитъ до насъ не прежде какъ черезъ 70 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Если бы эта прекрасная звѣзда угасла въ эту самую минуту, то только немногимъ изъ нашихъ читателей пришлось бы замѣтить это несчастное событіе. Извѣстіе о томъ, что это прекрасное міровое тѣло погасло, дошло бы до нашихъ потомковъ не прежде, какъ черезъ 70 лѣтъ.

На одинаковой высотѣ съ Капеллою, только вправо надъ нами, находится въ извѣстномъ созвѣздіи «Большая Медвѣдица» звѣзда третьей величины не съ особенно сильнымъ блескомъ, обозначаемая на звѣздныхъ картахъ буквою *i*. Ея разстояніе тоже измѣрено—и оказывается, что и она тоже наша сосѣдка; только это сосѣдство не очень близкое. Время ея свѣта 24 года. Если мы станемъ смотрѣть все направо же, только дальше и ниже, то увидимъ прекрасную звѣзду первой величины «Арктурусъ», обращающую на себя вниманіе, въ весенніе и лѣтніе вечера, своимъ красноватымъ свѣтомъ. И ея раз-



Изъ средней Азіи. Казачій пикетъ въ урочищѣ Девлетъ-Ярь.

Рис. Н. Каразинъ, грав. Ѳ. Герасимовъ.

стояніе тоже опредѣлено. Время ея свѣта 25 ½ лѣтъ. Такъ какъ эта звѣзда почти настолько же отстоитъ отъ солнца, какъ и упомянутая выше звѣзда *i* въ Большой Медвѣдицѣ, то замѣчательно, что уголъ разстоянія между этими двумя звѣздами простирается до 60 градусовъ. Вслѣдствіе этого, солнце и обѣ эти звѣзды образуютъ собою треугольникъ; или другими словами: эти три звѣзды расположены такимъ образомъ, что находятся на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга. Свѣтъ одной доходитъ къ другой въ четверть столѣтія. Указываетъ ли это расположеніе на болѣе тѣсное физическое отношеніе этихъ трехъ неподвижныхъ звѣздъ — этого еще не обсуждали.

Передъ нами находится извѣстная полярная звѣзда, разстояніе которой тоже вымѣрено. Время ея свѣта 30 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Но линія отъ солнца къ полярной звѣздѣ ведетъ еще къ одной группѣ звѣздъ меньшаго размѣра, заслуживающей особеннаго вниманія. Въ этой группѣ находятся двѣ звѣзды, которыя тоже наши сосѣдки. Время свѣта одной изъ нихъ 10 ½ лѣтъ, а другой 14 ½ лѣтъ. Поэтому-то полярная звѣзда образуетъ съ этими двумя звѣздами опять-таки особенно замѣчательное сосѣдство,—и если мы прибавимъ къ нимъ 61-ю звѣзду въ созвѣздіи «Лебедь», находящуюся недалеко отъ этой страны, съ временемъ свѣта простирающимся до 10 лѣтъ,—то это составитъ, можетъ быть, совершенно особенную группу, которая, вслѣдствіе болѣе близкихъ отношеній находящихся въ ней звѣздъ, сдѣлается предметомъ будущихъ изслѣдованій.

Когда мы разсматриваемъ все то, что открыто наукою въ этомъ отношеніи, намъ приходитъ на умъ очень основательное предположеніе, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ у солнца окажутся еще и другіе сосѣди. Легко замѣтить, что всѣ эти измѣренія представляютъ гораздо больше данныхъ относительно сѣверной небесной сферы потому только, что на сѣверной половинѣ земли число трудолюбивыхъ наблюдателей гораздо значительнѣе, чѣмъ на менѣе цивилизованной южной. Впрочемъ теперь мы питаемъ надежду, что превосходные астрономическіе инструменты, сдѣланные недавно для находящейся въ Австраліи обсерваторіи, привлекутъ и туда тоже дѣльныхъ астрономовъ, которые положатъ начало изслѣдованіямъ южной небесной сферы—точно такъ же, какъ это было сдѣлано для сѣверной. Это пополнитъ картину, изображающую сосѣдство солнца. Тѣмъ не менѣе наука выиграла необыкновенно много уже и отъ того, что мы не только подсмотрѣли путь солнца, но еще открыли между безчисленнымъ множествомъ неподвижныхъ звѣздъ небольшой рядъ тѣхъ, къ свитѣ которыхъ собственно принадлежитъ наше центральное тѣло.

Теперь намъ остается коснуться тѣхъ данныхъ, которыя даютъ намъ рѣшеніе насчетъ того, какое мѣсто занимаетъ солнце по своей величинѣ, скорости движенія и т. п. между окружающими его неподвижными звѣздами.

Пока мы не измѣрили еще разстоянія ни одной неподвижной звѣзды, мы судили о звѣздахъ по степени ихъ свѣтовой силы, при чемъ предполагалось, что если свѣтовая сила и не можетъ быть вѣрнымъ признакомъ близости, то все же она составляетъ признакъ дѣйствительной величины звѣздъ.

На основаніи этихъ предположеній Сиріусъ считался ближайшею и величайшею звѣздою, потому-что онъ превосходитъ свѣтомъ всѣ прочія звѣзды. При этомъ прекрасный, ясный свѣтъ Веги былъ принятъ нормальною мѣрою, и по этой мѣрѣ на долю Сиріуса приходится вчетеро больше свѣтовой силы. Но съ тѣхъ поръ какъ наука познакомила насъ съ дѣйствительными разстояніями, для распредѣленія звѣздъ по разрядамъ принятъ другой масштабъ.

Такъ какъ солнце находится немного что не въ серединѣ между Сиріусомъ и Вегою, то свѣтовая сила не можетъ уже служить признакомъ близости. Мы знаемъ теперь, что звѣзда *a* въ созвѣздіи Центавръ почти вчетверо ближе къ намъ чѣмъ Сиріусъ, а между тѣмъ мы видимъ, что, не смотря на это, свѣтъ ея всемеро слабѣе. Съ тѣхъ поръ какъ мы открыли, что звѣзда Капелла въ двадцать разъ дальше отъ насъ, чѣмъ *a* въ Центаврѣ, а между тѣмъ на наши глаза степень ихъ блеска почти одинакова,—свѣтовая сила никоимъ уже образомъ не могла служить масштабомъ для опредѣленія разстояній.

Тѣмъ временемъ спектроскопія открыла совершенно другаго фактора свѣтовой силы, въ особенности же свѣтовыхъ цвѣтовъ. Свѣтовая сила и цвѣтъ звѣзды зависитъ отъ тѣхъ веществъ, которыя пылаютъ въ ея оболочкѣ и поглощаютъ извѣстную часть свѣтовыхъ лучей. Свѣтовая сила можетъ въ сущности измѣняться, если въ фотосферу звѣзды выступятъ изъ внутренняго пылающаго ядра новыя вещества. Это вдругъ случилось въ 1866 г. съ одной звѣздой третьей величины въ созвѣздіи Корона, вслѣдствіе чего она пользовалась значительною свѣтовой силою въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если изліяніе этихъ веществъ не скоропостижно, а непрерывно и продолжительно, то не особенно блестящая звѣзда можетъ быть въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій чрезвычайно блестящей. Если это изліяніе прекратится и звѣзда покроется непроницаемымъ слоемъ выгарокъ остывшаго и выгорѣвшаго вещества, то свѣтъ можетъ совершенно изчезнуть, и въ міровомъ пространствѣ вмѣсто сіяющей будетъ существовать темная звѣзда, какихъ нѣсколько уже открыты наукою.

Точно такимъ же образомъ и перемѣна въ цвѣтѣ бываетъ слѣдствіемъ перемѣны этого цвѣта въ фотосферѣ пылающихъ веществъ. Сиріусъ, который сіяетъ теперь желтымъ свѣтомъ, казался за двѣ тысячи лѣтъ передъ этимъ красной звѣздой. Это знакъ, что съ того времени во внутренности Сиріуса происходили болѣе сильныя изліянія свѣтящихся веществъ, вслѣдствіе чего его свѣтовая сила и его свѣтовыя цвѣта измѣнились.

Что касается солнца, то оно, какъ полагаютъ, почти одинаково въ этомъ отношеніи съ Вегою. Насчетъ изліяній водороднаго газа—наше центральное тѣло молодецъ и можетъ поспорить въ этомъ отношеніи съ самыми трудолюбивыми изъ своихъ товарищей въ небесномъ пространствѣ. Какъ отзовутся слѣдствія подобнаго трудолюбія съ теченіемъ будущихъ тысячелѣтій на обитателяхъ земнаго шара—это принадлежитъ къ тѣмъ умозрѣніямъ, которыя наука предоставляетъ будущему.

Интересны два открытые наукою факта, дающіе намъ рѣшеніе насчетъ того, какъ велико наше солнце въ сравненіи съ ближайшими къ нему звѣздами.

Измѣренная Бесселемъ 61-я звѣзда въ созвѣздіи Лебедь—двойная звѣзда, точно такъ же какъ и Сиріусъ, который былъ, въ новѣйшее время, изслѣдованъ и измѣренъ профессоромъ Ауверсомъ.

По времени обращенія тѣхъ двойныхъ звѣздъ, разстояніе которыхъ измѣрено, можно опредѣлить и размѣры этихъ звѣздъ,—и этимъ-то путемъ мы узнаемъ, какое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи наше солнце.

Сравнивая наше центральное тѣло съ 61-й звѣздой въ созвѣздіи Лебедь, мы, какъ было уже замѣчено Бессе-

лемъ, можемъ смотрѣть на него съ нѣкоторой гордостью. *Оно вдвое больше, чѣмъ эти объ двойныя звѣзды вмѣстѣ.*

Но при сравненіи его съ двойной звѣздой Сиріусомъ эта гордость смѣняется смиреніемъ. Изъ сдѣланныхъ Ауверсомъ измѣреній оказывается, что не только самъ Сиріусъ, но даже его спутникъ, котораго съ трудомъ можно видѣть помощію нашихъ инструментовъ, больше нашего солнечнаго шара, первый въ 13 разъ, а послѣдній въ 7 разъ.

Судя по этимъ двумъ фактамъ, о всѣхъ другихъ еще неизслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи неподвижныхъ звѣздахъ, можно сказать: Наше солнце принадлежитъ по скорости своего движенія въ пространствѣ, по свѣтовой силѣ и по величинѣ, къ неподвижнымъ звѣздамъ средняго разряда.

Вотъ результаты, добытые путемъ научныхъ изслѣдованій на основаніи фактовъ.

Что же касается самой науки, обогатившейся въ настоящее время такими открытіями, о какихъ прежде и не грезилось,—мы можемъ сказать о ней то же, что говоритъ поэтъ о человѣческомъ сердцѣ. Она неудержимо стремится впередъ, пытаясь присоединить къ крыльямъ своего духа вещественныя крылья — инструменты для наблюденія. Ей сродно уноситься далеко вверхъ, откуда, разливаясь по синему эѳиру, долетаетъ до насъ свѣтъ звѣздъ. Она размѣряетъ помощію своего масштаба (времени свѣта) разстоянія на милліоны лѣтъ и прокладываетъ человѣчеству путь къ изученію вѣчныхъ законовъ.

Изъ средней Азіи

Необъятныя степи, самыя обширныя равнины земнаго шара, занимаютъ почти всѣ наши юго-восточныя границы. То сыпучіе пески, то волнистыя пространства, слабо поросшіе жалкою растительностію, то чащи саксаула, то золотистыя низменности двухъ великихъ степныхъ рѣкъ: Аму и Сыръ-Дарьи, то солонцеватые осадки высохшихъ озеръ-лужъ оставшихся послѣ испаренія и схода водъ — древняго центрально-азіатскаго моря;—вотъ физіономія киргизскихъ степей. Недостатокъ воды, главнѣйшими источниками которой служатъ разбросанные по караваннымъ и кочевымъ путямъ колодцы, не допускаетъ земледѣлія. Осѣдлый человѣкъ—пахарь бѣжитъ изъ этихъ степей или на сѣверъ въ многоводную Сибирь, или южнѣе въ оазисы Сыръ-Дарьи, Келеса, Чу, Ангрена, Чирчика и Зоровшана. Степи оставлены на пользованіе немногочисленныхъ киргизскихъ родовъ, кочующихъ на просторѣ съ своими привычными ко всякаго рода лишеніямъ верблюдами, лошадьми и овцами. И бродятъ эти косоглазые сыны степей, перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто свои легкія, переносныя жилища, знать никого не хотятъ — ссорятся между собою, дерутся, мирятся—и только потому относятся съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ своей могучей сосѣдкѣ, что, наученные горькимъ опытомъ, знаютъ каково имъ можетъ достаться, если они ее затронутъ.

Невозможность наблюдать слишкомъ уже внимательно за кочевниками, частые случаи безнаказанности, кое-какія удачи ободрили кочевниковъ, пріучили ихъ къ нѣкоторой независимости... «Видишь, говоритъ молодой киргизъ (старый травленый волкъ этого не скажетъ),—вонъ вѣтеръ поднялъ пыль столбомъ и понесъ ее по степи... поди поймай!.. Такъ вотъ и мы... Угоняйся-ка за вѣтромъ въ полѣ!..»

А если прибавимъ ко всему этому, что нравственныя правила номадовъ сложились подъ условіями нѣсколько противурѣчащими нашимъ,—что то, на что мы смотримъ какъ на преступленіе, у нихъ считается доблестью, какъ напримѣръ: разбой, грабежъ и ловкое воровство (неловкій воръ какъ и вездѣ подвергается самымъ злымъ насмѣшкамъ и порицанію),—то мы легко можемъ догадаться, что случаи самыхъ разнообразныхъ *недоразумѣній* между нами и вѣтреными сосѣдями должны повторяться болѣе или менѣе часто и наконецъ способны вывести насъ окончательно изъ терпѣнія.

Съ тѣхъ поръ какъ обширныя, осѣдлыя области центральной Азіи съ ихъ культурнымъ населеніемъ — перешли къ намъ, эта степь легла между нами и нашими новыми пріобрѣтеніями. Вопросъ осложнился, *недоразумѣнія* начали встрѣчаться все чаще и чаще.

То караваны русскихъ купцовъ, идущіе съ товаромъ въ Ташкентъ, Бухару и Самаркандъ, ни вѣсть куда исчезнутъ, — то вдругъ исчезнутъ станціи нашего главнаго почтоваго тракта, то пострадаютъ путешественники, поплатившись своимъ имуществомъ и даже головами, и т. д. и т. д. съ самыми разнообразными варіаціями... Кого обвинять потомъ?—конечно косоглазыхъ... Да они ли одни виноваты, нѣтъ ли еще какихъ-либо постороннихъ причинъ, нѣтъ-ли подстрекателей? Есть, какъ-же не быть? есть.

Прямо съ нашими степями сливаются степи Хивинскаго ханства — ханства совершенно отъ насъ независимаго и вдобавокъ еще не имѣющаго никакихъ причинъ относиться къ намъ дружелюбно... При слѣдствіяхъ, производимыхъ по свѣжимъ слѣдамъ преступленій, оказывается большею частью, что преступники или пришли со стороны Хивы или ушли туда. Чѣмъ-нибудь недовольные нами аулы откочевываютъ къ Хивѣ... Плѣнные наши оказываются рабами въ Хивѣ-же. Фанатики, подстрекатели, бродящіе по степи и волнующіе легко-воспламеняемые умы киргизской молодежи, волнующіе наперекоръ увѣщаніямъ старыхъ «біевъ»—приходятъ изъ Хивы и говорятъ отъ имени хивинскаго хана...

Такъ вотъ она виновница всѣхъ этихъ, до смерти надоѣвшихъ уже, непріятностей! Покончить съ нею—и можетъ быть у насъ въ степяхъ воцарится блаженное спокойствіе.

Вотъ одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ — къ походу на Хиву.

Невозможность группировать большія массы войскъ,— по неимѣнію въ достаточномъ количествѣ воды и перевозочныхъ средствъ, заставляетъ насъ ограничиться небольшими отрядами—тѣмъ болѣе, что для одолѣнія Хивы и не требуется слишкомъ большихъ усилій. Главныя трудности похода предстоятъ въ борьбѣ съ природою, а для этого чѣмъ отрядъ меньше, тѣмъ лучше. Историческіе примѣры достаточно это подтверждаютъ.

Отрядовъ собственно три—и расположились они въ углахъ громаднаго треугольника, внутри котораго находится Хива. Одинъ отрядъ идетъ съ сѣвера, черезъ киргизскую степь средней орды, другой съ береговъ Каспійскаго моря, отъ Красноводскаго залива, третій — отъ Джизака, съ востока. Походное движеніе уже начато. Мы предполагаемъ, насколько будетъ возможно, сообщать время отъ времени главнѣйшіе эпизоды этого оригиналь-

наго похода, болѣе или менѣе характеризующіе событіе. Извѣщенія эти будутъ сопровождаться оригинальными рисунками, набросанными на мѣстѣ дѣйствія нашимъ корреспондентомъ. Начинаемъ съ перваго: Для наблюденія за степью въ разныхъ удобныхъ пунктахъ поставлены небольшіе казачьи отряды — наши сторожевые пикеты. Одинъ изъ подобныхъ пикетовъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Это стоянка у могилъ Девлетъ-Ярь, недалеко отъ песковъ «Большіе Барсуки»; — внизу у подножія большаго борхана (холма), на которомъ темными силуэтами рисуются могильныя сооруженія надъ гробницей святаго, расположенъ небольшой отрядъ кавалеріи; тутъ же и верблюды, составляющіе обозъ отряда. Казаки варятъ себѣ что-нибудь къ ужину, межь тѣмъ какъ часовые, забравшись на стѣны мавзолеевъ, наблюдаютъ за темнѣющимъ далекимъ горизонтомъ.

Смѣсь.

Щекотливый вопросъ.

(См. стр. 229).

Есть картины, которыя такъ выразительны, что дѣлаютъ излишнимъ всякое объясненіе; картины, которыя сразу переносятъ насъ на мѣсто дѣйствія и даже заставляютъ переживать изображенный на нихъ моментъ. Къ числу такихъ картинъ принадлежитъ и предлагаемая нами копія съ картины Эрдманна «Щекотливый вопросъ». Поэтому, оставляя въ сторонѣ самое произведеніе, мы и займемся художникомъ.

Отто Эрдманнъ, сынъ извѣстнаго профессора химіи, доктора Отто Линне Эрдманна, родился въ Лейпцигѣ 4 Декабря 1834 г. Благодаря тому обстоятельству, что отецъ его любилъ искусства, развитіе его таланта началось еще въ ранней юности подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ рисовальныхъ учителей въ Лейпцигѣ Шлика. Затѣмъ онъ долго работалъ въ мастерской лейпцигскаго профессора Егера и наконецъ отправился для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ въ Дюссельдорфъ. Здѣсь онъ нѣсколько времени колебался между преданіями своей школы и традиціями дюссельдорфской, пробовалъ не безъ успѣха свои силы въ ландшафтной живописи, наконецъ избралъ такъ-называемый *genre* и до такой степени усвоилъ себѣ его, что пріобрѣлъ названіе *живописца рококо*.

Если Эрдманнъ съ свойственнымъ ему юморомъ и рисуетъ намъ картины преимущественно изъ временъ пудры и париковъ, то все же большую часть этихъ картинъ нельзя считать однимъ только изображеніемъ эпохи и костюмовъ рококо. Костюмъ для него не цѣль, а средство, — средство передать въ картинѣ эпизодъ изъ современной жизни, въ особенности изъ жизни образованныхъ сословій. Нынѣшній костюмъ самъ по себѣ не пригоденъ для живописнаго изображенія и поэтому не выгоденъ для художника; то, что сегодня въ модѣ и считается красивымъ, черезъ нѣсколько лѣтъ вызоветъ въ насъ улыбку. Костюмъ же рококо, напротивъ того, сдѣлался уже *историческимъ*, его познакомила съ нами сцена, и любовникъ въ напудренномъ или украшенномъ косичкою парикѣ нисколько не шокируетъ насъ, тогда какъ любовникъ въ костюмѣ, который носили за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ этимъ, во фракѣ съ высокимъ воротникомъ и фалдами на манеръ ласточкина хвоста просто показался бы намъ смѣшнымъ. Прибавимъ къ этому, что вообще костюмъ рококо рѣшительно живописнѣе нашей современной одежды, въ особенности мужской.

Хотя эпоха рококо и далеко осталась за нами, но все же было бы заблужденіемъ считать, чтобы между нами и людьми того времени не было ужъ ничего общаго относительно образа мыслей и чувствъ. Есть такія вещи, которыя *во всякія времена* волновали человѣческое сердце; есть въ нашей жизни много такого, что коренится въ самой природѣ человѣка и вслѣдствіе этого *никогда* не измѣнится. Вотъ это-то обще-человѣческое и непреходящее и рисуетъ намъ Эрдманнъ въ прелестныхъ формахъ рококо, оставляя въ сторонѣ противуизящныя преувеличенія этихъ формъ и безнравственныя крайности, нерѣдко проявлявшіяся въ нравахъ того времени.

Горнозаводскіе опыты. Въ парижскихъ катакомбахъ, въ минувшемъ февралѣ, въ присутствіи собранія ученыхъ и журналистовъ, производились любопытные опыты. Артиллерійскій офицеръ, г. Денерусъ (Denayrouce), въ качествѣ инженера и изобрѣтателя, принялъ публику у входа въ катакомбы и провелъ ее подземными галлереями въ такъ-называемую *мастерскую* (atelier), обширную подземную камеру. Тамъ было устроено нѣчто вродѣ сцены. Зрителей отдѣляла отъ «дѣйствующихъ лицъ» цѣльная стеклянная перегородка. Этихъ «дѣйствующихъ лицъ» было трое: человѣкъ въ костюмѣ горнорабочаго, двѣ курицы и кроликъ. Дѣло шло объ испытаніи новоизобрѣтеннаго дыхательнаго аппарата, которымъ и былъ вооруженъ рабочій. Система гуттаперчевыхъ трубокъ проводитъ изъ переноснаго резервуара воздухъ, необходимый для дыханія человѣку и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживающій огонь въ его фонарѣ. Замкнутое пространство сцены обильно наполнили углекислымъ газомъ. Куры и кроликъ вскорѣ задохлись; свѣчи, горѣвшія въ открытомъ пространствѣ, погасли, — а рабочій продолжалъ преспокойно работать при свѣтѣ своего фонаря. Изобрѣтатель этого аппарата надѣется ввести его во всеобщее употребленіе при горныхъ заводахъ. Даже засыпанные обрушившейся шахтой могутъ обойтись съ помощью этого аппарата въ теченіи довольно долгаго времени, — между тѣмъ какъ, съ другой стороны, никакая буря не можетъ задержать работы ихъ товарищей, которые безпрепятственно произведутъ спасительную раскопку. Запасъ сжатаго возуха хранится въ резервуарѣ цѣлые мѣсяцы.

Война съ майскими жуками въ Виртембергѣ. По оффиціальнымъ свѣденіямъ въ Виртембергѣ прошлаго года истреблено 230,902,000 майскихъ жуковъ. Такъ какъ на каждаго жука приходится потомство около 20-ти гусеницъ и каждая гусеница въ теченіи трехлѣтняго періода своего развитія потребляетъ два фунта растительной пищи, — то потомство вышеупомянутыхъ жуковъ въ три года уничтожило бы около 46,000,000 центнеровъ или 138,000,000 пудовъ растительныхъ веществъ, что, будучи переложено на деньги, по цѣнѣ сѣна 20 копѣекъ за пудъ, составило бы сумму убытка въ 27,600,000 рублей серебромъ.

Халдейское сказаніе о потопѣ, изображенное клинообразными письменами на ассирійскихъ памятникахъ и разобранное Джоржемъ Смитомъ, служащимъ при Британскомъ музеѣ, знакомитъ насъ съ древнею сагою, какъ она разсказывалась во времена халдейскаго періода въ Эрегѣ, одномъ изъ городовъ Нимрода (нынѣ развалины Верка). Ксизутръ или Ной извѣщается о нечестіи міра, получаетъ повелѣніе строить ковчегъ, постройка и населеніе его, потомъ остановка ковчега на вершинѣ горы, выпусканіе птицъ и т. д. Разсказъ однако болѣе сходенъ съ извѣстною грекамъ сагою Бероза, халдейскаго историка, нежели съ библіей. Главнѣйшая разница состоитъ во времени продолжительности потопа и въ названіи горы, на которой остановился ковчегъ. Клинообразное сказаніе полнѣе Берозова и содержитъ подробности, которыя обойдены, какъ въ Библіи, такъ и у халдейскихъ писателей. Кромѣ того, въ немъ содержатся еще нѣкоторыя любопытныя и весьма важныя извѣстія касательно халдейской исторіи. Какъ заявляетъ Джоржъ Смитъ — это единственный случай находки надписи, которая упоминаетъ о библейскихъ событіяхъ.

Аптекарь Порсгрундъ получилъ съ южнаго берега Норвегіи найденный не подалеку отъ Христіаніи образчикъ ископаемаго вещества, которое, по изслѣдованію профессора Кьерульфа и нѣсколькихъ нѣмецкихъ минералоговъ, оказалось новымъ и до сихъ поръ еще неоткрытымъ минераломъ. По предложенію Роде его назвали кьерульфиномъ. Тамошняя мѣстность, огибающая Лангезундъ-Фьордъ, въ послѣднее время особенно привлекала вниманіе минералоговъ, преимущественно иностранныхъ, такъ какъ здѣсь найдено много такихъ новинокъ, напримѣръ, бамблитъ, эсмаркитъ и брецицитъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 13 Апрѣля 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-Пбургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 16 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 23 апрѣля 1873 года. Годъ IV.

Въ камышахъ.

повѣсть

Н. Каразина.

(Окончаніе).

Эпилогъ.

Заполдень.

Солнце печетъ невыносимо. Кругомъ ни кустика, ни деревца, ни чего, гдѣ бы можно было укрыться отъ этихъ жгучихъ, почти отвѣсныхъ лучей безпощаднаго солнца.

Кое гдѣ только, отъ скалъ и отдѣльныхъ камней, выступающихъ по гребнямъ холмовъ ломанными линіями, причудливыми, острыми углами, тянется что-то сѣроватое, мглистое, чуть-чуть намекающее на тѣнь... Да, это дѣйствительно только намекъ. Путешественникъ не ищи себѣ тамъ отдыха и прохлады! Какъ отъ стѣнъ и сводовъ натопленной печи пышетъ удушливымъ жаромъ, такъ и отъ этихъ накаленныхъ камней бьетъ горячимъ воздухомъ; одно неосторожное прикосновеніе къ этимъ камнямъ можетъ причинить серіозные обжоги. Здѣсь, на совершенно открытомъ мѣстѣ, еще есть надежда, что нѣтъ-нѣтъ да и набѣжитъ на тебя легкій порывъ освѣжающаго вѣтра... Тамъ же— одна смерть!

Волнистою линіей тянется однообразный, печальный горизонтъ; только на востокѣ поднимаются темно-синія громады горнаго хребта.

Ниже чернѣетъ ущелье. Глухіе удары доносятся оттуда... разъ-два, разъ-два... разъ!...

Не то дымъ, не то пыль, не то туманныя полосы клубами вылетаютъ изъ этого ущелья и тянутся по низу, сливаясь съ общимъ тономъ сѣдой, знойной мглы.

Блеснуло раза два что-то. Красныя пятнышки замелькали между камнями... Болтнулъ въ воздухѣ бѣлый значекъ на дальнемъ курганѣ и спрятался... Затихло все, замерло... и снова слышны грозные, таинственные удары.

Тамъ, въ этомъ ущельѣ—дерутся.

Какъ орлиное гнѣздо, на самой кручѣ, повиснувъ надъ горою, бѣлѣетъ аулъ-кишлакъ.—Это ключъ въ горы. Мимо него нѣтъ дороги...

Стойко защищаютъ горцы свое, уже дымящееся мѣстами, гнѣздо. Изстари насижено оно ихъ прапрадѣдами, и куда-какъ не хочется отдавать его ненавистнымъ бѣлымъ рубахамъ, «Акъ-кульмакъ».

А здѣсь, на совершенно открытомъ мѣстѣ, стоятъ рядами туземныя, двуколесныя орбы, лежатъ и дремлютъ верблюды, бьются на приколахъ и храпятъ неспокойные кони, прислушиваясь къ долетающимъ звукамъ недалекаго боя. Яркозелеными конусами сверкаютъ вершины палатокъ. Повсюду снуютъ бѣлыя, рваныя рубахи линейцевъ, бродятъ пестрые и полосатые халаты туземцевъ «лаучи» и «арбакешей» [1]).—Дымятся-костры подъ чудовищными котлами, тянетъ по воздуху гарью и саломъ, — пьяные возгласы рѣжутъ ухо, звенитъ битая посуда подъ навѣсами походныхъ маркитантовъ... Душу надрывающій стонъ несется оттуда, гдѣ въ красномъ кругу виднѣется бѣлый крестъ, намалеванный на дверцахъ лазаретной фуры.

Здѣсь расположились обозъ и резервъ аттакующаго отряда.

— Это наши «батарейныя» жарятъ... слышишь, дядя Наумъ? говоритъ часовой на курганѣ своему товарищу, стоящему шагахъ въ двадцати, пониже, и приглядывающемуся въ даль, къ этимъ бѣловатымъ дымкамъ, что порою вылетали изъ ущелья.

— Батарейныя... соглашается дядя Наумъ.

— Конныхъ отседова видно...

— Наши аль ихъ?

— Красные... значитъ не наши. Чу-кось!..

— Гранатами валяютъ. Въ атаку, значитъ, еще не скоро.

— А по мнѣ бы сразу.

— Потому ты некрутъ (рекрутъ), ну, значитъ и глупъ.

— Гляди, дядя Наумъ, запалили... экій дымъ повалилъ!..

— Сѣно у нихъ на крышахъ загорѣлось, это отъ гранатъ и есть.

— Батюшки! обходятъ!.. Вона, какъ нашихъ казаковъ поперли... страсть!..

— Кошемники [2]), одно слово.

— А вонъ и наши стрѣлочки!.. ишь-ты, прикрыли казаковъ—а тѣ и рады.

— Третья рота...

— Нѣтъ, наша никакъ: значекъ синій безъ полосы.

— Хошь бы воды ведерку принесъ кто сюда въ цѣпь изъ обоза. А то индо все нутро пересохло...

— Вотъ какъ!

— Съ нами крестная сила!..

Первый часовой даже зажмурилъ глаза отъ неожиданности;—второй —не донесъ до носу понюшки зеленаго, тертаго табаку, и его грязная мозолистая рука, съ характерно загнутымъ крючкомъ большимъ пальцемъ, такъ и остановились на полудорогѣ.

Грохотъ и трескъ взрыва, усиленный до безконечности горнымъ эхомъ, потрясъ накаленный воздухъ. Густые клубы чернаго дыма, мелькая обломками крышъ, пылающими хлопьями сѣна и хвороста, взлетѣли высоко и стали раскидываться кудреватою шапкою надъ злополучнымъ селеніемъ. Тамъ и сямъ замигали красные языки пламени. Пальба страшно усилилась... Сплошной гулъ несся по горамъ.

Вдругъ все затихло разомъ.

— Ну, теперь, братъ, держись... на штурмъ пошли! вздохнулъ дядя Наумъ; снялъ свое кепи съ назатыльникомъ, встряхнулъ его, перехватилъ въ лѣвую руку, вздохнулъ еще разокъ и началъ креститься.

Часовой на курганѣ тоже зачастилъ правою рукою, перенося ее ото лба къ желудку, съ одного плеча на другое...

Изъ ущелья потянулась вереница, направляясь къ вагенбургу. Это были носилки съ убитыми и ранеными. Ихъ конвоировали человѣкъ двадцать оборванныхъ, усталыхъ солдатъ, закинувшихъ за-плеча свои штуцера и оживленно толкующихъ объ чемъ-то на ходу. Они то и дѣло оборачивались назадъ и съ нескрываемою досадою поглядывали то на аулъ, то на своихъ искалѣченныхъ товарищей.

Они были очень недовольны, что штурмъ обойдется безъ нихъ.

— Эхъ ты, волкъ-ти заѣшь, теперь пока дотащимъ, пока-что—назадъ не скоро вернемся... они базаръ-то безъ насъ обработаютъ!.. горячился рыжій унтеръ.

— Наддай ходу, братцы!

— Бѣгомъ!..

— Легче, голубчики мои! легче, родимые!.. Ой! Ой!.. Смерть моя пришла! застоналъ одинъ изъ раненыхъ.

— Ну, крѣпись, Малашкинъ, скоро къ дохтору доволочемъ.

— А вправду, осторожнѣй! куда спѣшить—поспѣемъ.

— Еще гляди, пожалуй, оттедова турнутъ, какъ подъ Ташкентомъ. Больно прытки, скоро на базаръ попасть... не ровно облопаетесь.

— Ничего не облопаемся... Теперь наша взяла;—сады-то пообчистили картечью... Теперь легко...

— Сторонись!.. Ишь, дьяволъ!..

Какое-то шальное ядро щелкнулось о камень неподалеку, отскочило, и пошло скакать по откосу, отчетливо, со звономъ рикотешируя по каменистому грунту.

— Наше, аль ихнее?

— Откедова наше?.. Это та пушченка, что у нихъ надъ оврагомъ стояла. Спервоначалу которая палить начала....

— Она самая.

— Вы меня уже, братцы, бросьте; потому мнѣ — ужъ совсѣмъ смерть... Только мука лишняя... стопалъ раненый казакъ, свѣсившій изъ носилокъ свою разможженую ногу, чертившую по землѣ... Кровавый слѣдъ тянулся за этою ногою, и при каждомъ толчкѣ трещали раздробленныя кости.

— Потерпи, казакъ, атаманомъ будешь! съострилъ рыжій унтеръ.

Изъ обоза высыпало все его населеніе, встревоженное гуломъ взрыва,—и, взобравшись на арбы, толпою стоя у главнаго прохода, дожидалось подходатранспорта раненыхъ.

— Ну, ныньче насъ того... пощипали... пощипали! суетился толстенькій, красно-лицый докторъ, съ необыкновенно веселой и довольной физіономіей. Онъ былъ безъ сюртука, рукава его ситцевой рубахи были засучены выше локтей.

Жидокъ, помощникъ фельдшера, держалъ передъ нимъ жестяную лохань, въ которой веселый докторъ,

---

[1]) Верблюжьи и арбяные возчики.

[2]) Кошемниками, обыкновенно, называютъ туркестанскіе солдаты оренбургскихъ казаковъ. Слово это для нихъ весьма обидно.

чуть не въ сотый разъ, промывалъ свои окровавленныя руки.

— Да, не безъ потерь, согласился капитанъ Пуговицынъ, командующій резервною ротою и вагенбургомъ.

— Офицера одного никакъ волокутъ?

— Гдѣ? гдѣ?

— Вонъ первыя носилки... сапогъ со шпорою видѣнъ.

— Кто бы это могъ быть? — Эй, фельдшеру Мандельбергу сказать, чтобы бинты и корпію свѣжіе досталъ изъ аптечнаго ящика...

— Да гдѣ его, этого жида, сыщешь теперь?

— Посмотри у маркитанта подъ фурою.

Докторъ бѣгомъ спустился съ холма, на встрѣчу носилкамъ; капитанъ Пуговицынъ зашагалъ за нимъ слѣдомъ.

Какая-то женщина, вся въ бѣломъ, вышла изъ-подъ большаго полотнянаго навѣса, гдѣ лежали больные — и, прикрывъ отъ солнца глаза своею исхудалою рукою, смотрѣла: какихъ еще страдальцевъ вынесли изъ этого проклятаго боя, къ звукамъ котораго она все время прислушивалась, съ тоскою въ душѣ и жгучею болью въ сердцѣ. До этой минуты она, не разгибаясь, ухаживала за тѣми, что лежали подъ навѣсомъ грустными, печальными рядами.

Съ какою любовью, — больше, — съ какимъ благовѣніемъ эти несчастные слѣдили за каждымъ движеніемъ женщины!

Принесли новыхъ раненыхъ, уложили ихъ покойнѣе. Мѣста подъ навѣсомъ оказалось мало, подкатили нѣсколько аробъ, связали сверху ихъ платформы, накрыли войлоками... Устроилось что-то вродѣ длиннаго навѣса, подъ которымъ даже можно было ходить, чуть-чуть только нагнувъ голову.

— Матушка, Наталья Мартыновна... государыня моя распрекрасная! говорилъ улыбаясь толстенькій докторъ.— Я уже вамъ послѣ ручки разцѣлую... Теперь некогда...

— Некогда... «дѣла много», тихо произнесла Наталья Мартыновна.—Я... я, знаете ли, докторъ, уже начинаю немного привыкать... Уже теперь могу не плакать... Черствѣть начинаю...

— Привыкайте!.. ободрительно кивнулъ головою докторъ.

— Скоро, такъ же какъ и вы, буду смѣятся...

— Т. е. вѣрите-ли, голубушка моя, ангелочекъ первостатейный, если бы не вы—не поспѣлъ бы,—ни за что не поспѣлъ бы.

А Наталья Мартыновна теперь уже ничего не отвѣчала — дѣйствительно некогда было. Присѣвъ надъ носилками, въ которыхъ лежалъ молодой солдатъ, весь разметавшійся въ предсмертномъ, горячечномъ бреду, она промывала ему лицо и голову, отыскивая, подъ этимъ слоемъ запекшейся крови и грязи, рубцы сабельныхъ ударовъ. Руки ея были заняты, сухіе губы придерживали конецъ бинта, глаза сосредоточенно, съ самымъ горячимъ участіемъ, смотрѣли на несчастнаго...

Поднялись отяжелѣвшія, словно свинцовыя рѣсницы — раненый взглянулъ, поднялъ руку, будто хотѣлъ перекреститься,—мгновеніе, эта рука повисла въ воздухѣ и упала, безсильная, похолодѣлая... Онъ вытянулся и умеръ...

Онъ умеръ съ спокойною улыбкою на лицѣ. Въ минуту смерти онъ видѣлъ надъ собою не красную угреватую рожу полупьянаго фельдшера... Нѣтъ, надъ нимъ склонилось прелестное лицо ангела и освѣтило умирающему его послѣднюю минуту...

— Наталья Мартыновна!.. ваше благородіе!..

Сѣдая, обросшая щетинистыми бакенбардами, голова деньщика Дементія заглянула подъ навѣсъ.

Задумалась женщина надъ умершимъ и не слыхала, что ее зовутъ.

— Матушка!... ваше благор....

— А? что ты, Дементій? что Петя?

— Пищитъ маленько; а то все хорошо спалъ... Пожалуйте.

Быстро встала Наташа и вышла изъ-подъ лазаретнаго навѣса. Чувство матери взяло верхъ надъ святымъ чувствомъ милосердія.

Въ углу вагенбурга стояла арба, крытая полосатымъ ковромъ; подъ арбою, къ высоко-поднятой оси была подвѣшена корзинка-люлька; въ ней копошилось что-то маленькое, жалобно попискивающее.

— Иду, мой птенчикъ; иду, моя радость, иду!..

И здѣсь Наташа наклонилась надъ живымъ существомъ, требующемъ отъ нея помощи и покровительства... Только здѣсь ей пришлось накинуть на себя большую легкую косынку. Дѣло требовало нѣкоторой таинственности...

— Хе, хе!.. Это онъ почуялъ, что къ ротному котлу сзывали. Похлебку хлебать... Тоже, значитъ, поѣсть захотѣлъ! подсмѣивался старый Дементій, присаживаясь около и пересматривая на свѣтъ какія-то ветошки.........

Бой затихалъ. На вершинѣ обгорѣлой цитадели трепались два или три русскихъ значка. Съ базара доносились крики, стукъ разбиваемыхъ дверей, ругань, а иногда и запоздалые выстрѣлы.

Навьюченные всякимъ добромъ ослы, лошади, даже верблюды тянулись изъ аула къ маркитанскимъ палаткамъ.

Нѣсколько барабановъ били сборъ.

Кое что изъ жизни домашней и полевой крысы.

Какъ ни стараются естествоиспытатели проникнуть во всѣ явленія жизни животныхъ, многое въ этой жизни всетаки остается для насъ загадочнымъ. Пусть говорятъ, что сѣверная пеструшка или большая норвежская полевая мышь *(mus lemmus)* предпринимаетъ свои странствія вслѣдствіе случающагося по временамъ чрезмѣрнаго размноженія и происходящаго отсюда недостатка пищи, или вслѣдствіе предчувствія особенно суровой зимы,—это все еще не представляетъ достаточныхъ причинъ для такого изумительнаго предпріятія, и можно утвердительно сказать, что главная причина его продолжаетъ оставаться для насъ загадкой. Вѣдь и въ исторіи человѣчества мы встрѣчаемъ поразительную параллель этому явленію въ переселеніи народовъ. Кто скажетъ: что такъ внезапно повлекло гунновъ изъ Азіи въ благоустроенныя европейскія земли и что заставляетъ сѣверную пеструшку, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тихой, осѣдлой жизни, вдругъ бросать все и цѣлыми стадами переходить высокую горную цѣпь

Табунъ въ киргизской степи, застигнутый пургой. Рис. Коссакъ, грав. Гораздовскій.

скандинавскихъ альповъ, чтобы по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ снова пуститься въ тяжелый обратный путь.

Точно такъ же не вполнѣ объяснены и причины распространенія полевой крысы *(mus decumanus)*, которая поселилась въ Европѣ всего сначала прошлаго столѣтія и теперь уже можетъ назваться всемірнымъ гражданиномъ. Если приводить одни внѣшнія причины, какъ единственный поводъ движенія, имѣвшаго послѣдствіемъ переселеніе полевой крысы изъ Индіи или Персіи, вѣроятнаго ея отечества,—то на это можно возразить, что тѣ же самыя или подобныя условія въ прежнія времена не гнали же полевую крысу къ намъ въ Европу.

Безъ сомнѣнія, распространенію этой полевой крысы главнымъ образомъ содѣйствовали международныя сообщенія, именно: съ кораблями она заносилась въ другія части свѣта и на близь-лежащіе острова. Вездѣ, гдѣ она появлялась и гдѣ находила домашнюю крысу *(mus rattus)*, она вступала съ ней въ борьбу на жизнь и на смерть. Странная вещь, что двѣ такія родственныя породы не могутъ выносить другъ друга. Полевая крыса—вѣчный непримиримый врагъ домашней крысы, которую она вытѣсняетъ, благодаря своему болѣе сильному сложенію и своей болѣе значительной величинѣ и способности къ борьбѣ. Обитательница подваловъ, погребовъ, конюшень, подземныхъ трубъ и каналовъ, она не только вытѣснила оттуда вездѣ отступающую передъ ней домашнюю крысу въ болѣе возвышенныя помѣщенія, но даже и тамъ преслѣдуетъ свою соперницу, чтобы окончательно истребить ее, такъ что теперь остались едва замѣтные слѣды нашего первоначальнаго, чорнаго, европейскаго грызуна. «Еще лѣтъ тридцать тому назадъ», пишетъ одинъ нѣмецкій ученый, «можно было наблюдать массами домашнюю крысу. Она была въ то время, вмѣстѣ съ менѣе многочисленною полевой крысой, докучливымъ товарищемъ по квартирѣ фридбергскихъ студентовъ въ Веттерау. Запасы, приносимые воспитанниками изъ дому, дѣлались большею частію добычей крысъ, которыя прогрызали ящики, шкатулки, шкафы. Часто видѣлъ я, какъ послѣ освѣжающаго лѣтняго дождя, онѣ собирались дюжинами на крышахъ казарменныхъ семинарскихъ зданій и, отыскавъ мѣстечко, гдѣ въ углубленіяхъ оставалось немного дождя, чинно утоляли свою жажду. Но что за смятеніе дѣлалось въ этихъ группахъ, въ какое неистовое бѣгство пускалось все, когда нашъ удалой котъ, красиво изогнувъ дугой спину, прыгалъ въ середину черномазыхъ звѣрковъ и впивался острыми когтями и зубами въ попавшуюся ему добычу, чтобы прокусить ей затылокъ! Многіе изъ бѣглецовъ, пившихъ у самаго края крыши, съ переполоху падали на мостовую семинарскаго двора и исчезали, часто тяжело раненые, въ подвальныя щели. Въ нижнихъ помѣщеніяхъ я еще въ то время наблюдалъ полевыхъ крысъ. Онѣ толпились въ подвалахъ и въ большихъ кухонныхъ помѣщеніяхъ нижняго этажа, обложенныхъ камнемъ, куда онѣ проникали черезъ водосточную трубу. Тутъ онѣ поднимали между собою ссоры изъ-за разныхъ остатковъ, вырывая ихъ другъ у друга; дѣло всегда кончалось тѣмъ, что старыя опытныя крысы отнимали у молоденькихъ, не такъ сильныхъ какъ они, достававшіяся имъ крошки; поэтому молодыя крысы всегда старались поскорѣе убѣгать съ своей долей. Когда же имъ приводилось встрѣтиться здѣсь съ домашней крысой, что случалось довольно часто, то, если послѣдняя не успѣвала спастись бѣгствомъ, ее ожидала кровавая расправа. Точно по уговору, нѣсколько полевыхъ крысъ разомъ бросались на одну домашнюю; ея писки привлекали къ мѣсту сраженія еще другихъ полевыхъ крысъ, которыя если и не принимали всѣ вообще участія въ побоищѣ, то всетаки смотрѣли на него съ сочувствіемъ и съ такимъ выраженіемъ, что мы-молъ и сами можемъ похвалиться подвигами не хуже этого. Онѣ заживо разрываютъ своего врага на части, въ то время какъ главная воительница хватаетъ свою побѣжденную противницу за горло или затылокъ, а ея помощницы рвутъ и грызутъ всѣ части тѣла. Побѣдительницы тащатъ трупъ, вырывая его другъ у друга и долго теребя его такимъ образомъ изъ стороны въ стороны, пока наконецъ не затащутъ его въ какой нибудь темный уголокъ, гдѣ съѣдаютъ до послѣдней косточки.

Побѣда всегда бываетъ на сторонѣ болѣе сильнаго и болѣе интеллигентнаго,—и замѣчательно, что истина этого изрѣченія подтверждается какъ въ жизни животныхъ, такъ и въ жизни человѣка. Постепенное вырожденіе и наконецъ совершенное исчезновеніе—вотъ участь, ожидающая домашнюю крысу, точно такъ же, какъ и участь болѣе слабыхъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ человѣческихъ племенъ въ борьбѣ съ племенами, превосходящими ихъ могуществомъ и нравственной силой. И хотя бы у домашней крысы было во сто разъ больше враговъ чѣмъ прежде—они никогда не могли бы довести ее до такой участи. Одной только ея безжалостной кузинѣ суждено было привести въ исполненіе грозное дѣло разрушенія, потому что она превосходитъ ее всѣми свойственными крысамъ способностями. Превосходство дарованій приводитъ къ побѣдѣ, къ владычеству. Конечно, домашнія крыса — отличный грызунъ, но полевая крыса грызетъ упорнѣе, сильнѣе, успѣшнѣе. Домашняя крыса одарена весьма тонкими чувствами, но у ея врага слухъ и обоняніе развиты еще тоньше. Кто станетъ оспаривать у нашего подавленнаго чорнаго грызуна искусство лазить, прыгать, подкрадываться, ускользать, плавать? Но сѣрая тиранка и тутъ перещеголяла ее. Ей ни почемъ карабкаться по гладкимъ отвѣснымъ стѣнамъ, она подкарауливаетъ на деревьяхъ спящихъ птичекъ, пронюхиваетъ гнѣзда въ дуплахъ или на вѣтвяхъ, въ особенности если деревья стоятъ близко къ стѣнамъ; не смотря на свое плотное и неуклюжее сложеніе, она умѣетъ протискиваться въ маленькія дырки или въ самое короткое время прогрызетъ ихъ, если онѣ слишкомъ тѣсны. Во время бѣгства она умѣетъ неожиданными быстрыми поворотами избѣгать опасности. Въ водѣ она двигается почти такъ же ловко, какъ и на землѣ. Она проворно переплываетъ ручьи, пруды и рѣки, ныряетъ, долго сдерживаетъ дыханіе, точно настоящее водяное животное, и даже подъ водой пробѣгаетъ по дну порядочныя пространства. Поэтому она зачастую спасается въ воду отъ преслѣдованія; она—какъ подтверждается многими наблюденіями—даже дѣлаетъ нападенія въ прудахъ и рѣчкахъ на маленькихъ утятъ, тащитъ ихъ подъ воду и топитъ. У нея хитрость соединяется со смѣлостью, которую мы въ гнѣвѣ называемъ дерзостью и безстыдной наглостью; послѣднее качество принимаетъ у крысъ еще большіе размѣры, когда ихъ подкрѣпляетъ сознаніе союза со многими товарищами.

Такія массы могутъ даже, при извѣстныхъ условіяхъ, угрожать маленькимъ дѣтямъ. Стоитъ только одной дерзкой старой обжорѣ начать дѣло, и вся чернохвостая ватага живо бросится за ней. Я знаю такой случай, что крысы забрались въ хлѣвъ и выѣли у гусей глаза и изгрызли ноги. Что они проѣдаютъ жиръ у живыхъ свиней, откармливаемыхъ на убой,—это фактъ извѣстный каж-

дому сельскому хозяину. Кухни, погреба, кладовыя, шкафы, лари всегда подвергнуты нападеніямъ этихъ грабительницъ. Повсемѣстное размноженіе ихъ—сущая язва для домашняго хозяйства, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

Особенно охотно поселяются онѣ въ такихъ мѣстахъ, которыя соотвѣтствуютъ ихъ наклонностямъ, какъ напр. пивоварни, мучные и фруктовые магазины. Въ одной пивоварнѣ крысы расплодились до такой степени, что превосходный пинчеръ долженъ былъ неутомимо охотиться за ними. Въ сосѣднемъ саду онъ складывалъ настоящія горки изъ умерщвленныхъ имъ крысъ. Хорошій пинчеръ въ состояніи дать основательную острастку этимъ дерзкимъ животнымъ или, по крайней мѣрѣ, не давать имъ размножаться. Въ Парижѣ очень высоко цѣнятъ искусство пинчеровъ; но, конечно, гдѣ размноженіе крысъ доходитъ до такихъ громадныхъ размѣровъ какъ въ Парижѣ, тамъ вообще нѣтъ радикальнаго средства для ихъ истребленія. Даже на корабляхъ напрасно ломали голову надъ разными средствами, чтобъ избавиться отъ этой язвы. Благодаря необыкновенной живучести, свойственной исключительно ихъ роду, онѣ упорно держатся, не смотря на травлю пинчерами, котами, на отравы сѣрой, углеродомъ, разными ядами, и на хитро устраиваемыя мышеловки. Вездѣ онѣ чувствуютъ себя какъ дома и сразу акклиматизировываются. Если во время сна, которому онѣ предаются ночью послѣ полуночи и большую часть дня, имъ нужно тепло, то онѣ устраиваютъ общія гнѣзда, гдѣ взаимно грѣютъ себя. Такъ какъ онѣ, въ полномъ смыслѣ слова, всеядны,—то и относительно потребности въ жизненныхъ припасахъ не встрѣчается никакого препятствія къ ихъ размноженію.

Какъ въ борьбѣ съ домашней крысой полевая выказываетъ ярость и злость, такъ точно и въ оборонительномъ положеніи противъ ея враговъ въ ней проявляются тѣ же самыя качества. Въ сущности только самые отборные коты храбро сражаются съ старыми полевыми крысами, тогда какъ большая часть ихъ держится отъ крысъ въ почтительномъ отдаленіи; даже у самыхъ храбрыхъ собакъ бываютъ видны на губахъ и на мордахъ слѣды крысиныхъ укушеній и имъ не всегда легко достается побѣда. Особенно зла бываетъ матка, когда ее преслѣдуютъ вмѣстѣ съ ея дѣтенышами, которыхъ она, гдѣ возможно, всегда старается спасти, таща ихъ съ собою во рту; въ такихъ случаяхъ ярость ея можетъ быть даже опасной. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобной злости, когда мальчикъ каменьщика приподнялъ однажды при мнѣ каменную плиту, подъ которой находилось гнѣздо съ маленькими крысенятками. Волосы у крысы поднялись дыбомъ—и въ ту же самую минуту она съ визгомъ прыгнула ему на грудь и уцѣпилась такъ, что онъ въ отчаяніи насилу могъ отъ нея отбиться и обратить ее въ бѣгство.

Замѣчательное, еще не изслѣдованное основательно явленіе въ семейной жизни домовыхъ и полевыхъ крысъ — это такъ-называемый *крысиный* король. Нѣсколько молодыхъ крысенятъ какъ будто бы срастаются хвостами, а старыя крысы, не щадя труда, таскаютъ имъ пищу. Хвосты, тамъ, гдѣ они срастаются другъ съ другомъ, заключаютъ въ себѣ небольшое углубленіе, а когда ихъ разорвутъ, то оказывается, что эта поверхность на этихъ мѣстахъ покрыта кожей; изъ этого можно вывесть заключеніе, что вѣроятно сращеніе это происходитъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, вслѣдствіе выпота клейкаго вещества. Вѣроятно, это въ высшей степени интересное, хотя и отвратительное явленіе бываетъ чаще, чѣмъ полагаютъ. Судя по основательнымъ догадкамъ, судьба этого неизвѣстнаго крысинаго короля — преждевременная смерть, такъ какъ продовольствіе его пищей со стороны старыхъ крысъ продолжается очень ограниченное время; затѣмъ молодые крысенята околѣваютъ съ голоду, или, можетъ быть, тотъ или другой изъ нихъ околѣваетъ и пожирается старыми,—а вслѣдъ за этимъ, весьма вѣроятно, та же участь постигаетъ и всю цѣпь еще живыхъ сочленовъ крысинаго короля.

Койвисто.

Лѣто, въ 1872 году, мнѣ довелось провести въ компаніи, назначенной для работъ у затонувшей, годъ тому назадъ, подводной лодки, въ одной изъ довольно оживленныхъ мѣстностей Финляндіи, лежащей въ шхерахъ около Біорнэ-зунда, а именно противъ Койвисто, отстоящей отъ Кронштадта на 43 морскихъ мили, т. е. приблизительно на 75 верстъ. Мѣсто это я называю оживленнымъ относительно другихъ окружающихъ его, но въ сущности, если вглядѣться въ него и въ жителей, оно производитъ на наблюдателя какое-то тяжелое впечатлѣніе. Койвисто—мѣсто на материкѣ, въ разстояніи 46 верстъ отъ Выборга по почтовому тракту, ровному какъ скатерть, благодаря хорошо утрамбованной отъ природы почвѣ, а частію и малому движенію по ней проѣзжихъ и жителей. Койвисто—одна изъ достаточныхъ деревень Финляндіи; въ ней чухонская кирка — при киркѣ кладбище, 3 лавочки, почтовая станція, не похожая на наши станціи на Руси, отличающаяся необыкновенной чистотой, и вѣжливостью смотрителей въ отношеніи къ проѣзжающимъ. Мнѣ неоднократно приходилось путешествовать сухимъ путемъ до Выборга—и никогда не случалось вступать съ смотрителями въ споры, по случаю отказа въ лошадяхъ, какъ это ведется на Руси. Хозяева бывали всегда настолько любезны, что, въ случаѣ расхода лошадей, безъ всякаго съ моей стороны натиска, доставали лошадей въ деревняхъ и брали тѣ же прогоны. Зато мѣстные почтари далеко уступаютъ въ веселіи русскимъ ямщикамъ — и въ состояніи нагнать скуку на самаго счастливаго по характеру человѣка.

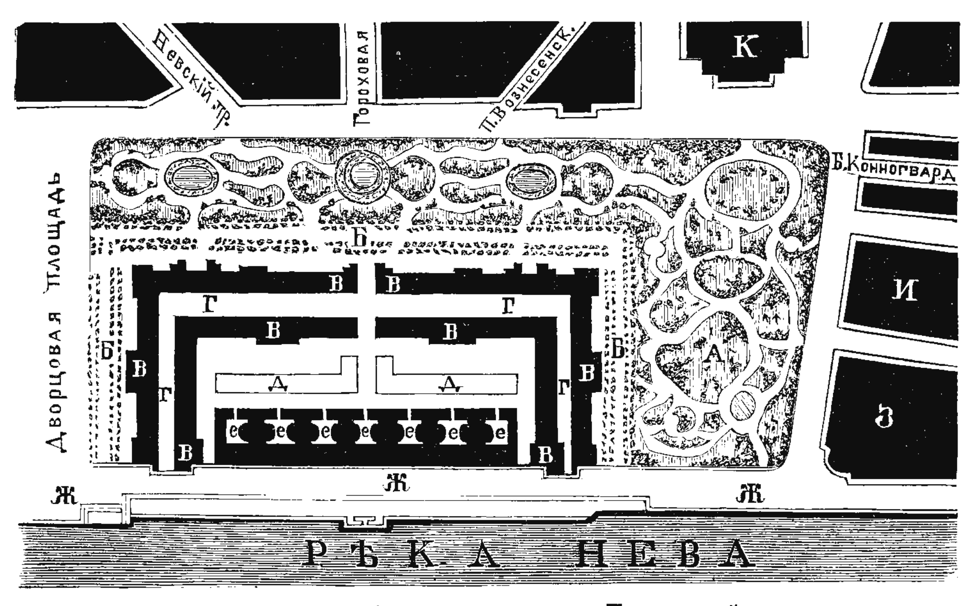
На ваши вопросы (нѣкоторые изъ почтарей знаютъ по русски), они или вовсе не отвѣчаютъ, или отвѣчаютъ весьма односложно; на задушевный разговоръ вы ихъ ни за что не вызовете, но вы можете нѣсколько вывести изъ угрюмости, давъ папиросу или сигару,—табакъ во всѣхъ видахъ любимъ чухнами. Во все время пути, чухна уныло покрикиваетъ на лошадь, пожевывая и по временамъ выплевывая табачную жвачку, чтобъ замѣнить ее новою. Ѣзда финляндскихъ почтарей совершенно противуположна ѣздѣ русскихъ ямщиковъ. Нашъ ямщикъ гонитъ на гору и осторожно опускаетъ подъ гору; въ Финляндіи наоборотъ, на малѣйшій пригорокъ чухна въѣзжаетъ медленно, подъ гору же летитъ стремглавъ, — и какъ на Руси привыкла почтовая лошадь къ маневрамъ своего вожака, такъ и въ Финляндіи трудно отучить ее отъ науки, переданной ей хозяиномъ. Ѣзда почтарей чухонцевъ отличается необыкновенною точностью въ отношеніи ко времени. Вы

можете замѣтить время по вашимъ часамъ, проѣзжая какой либо верстовой столбъ—и, подъѣзжая къ столбу слѣдующему чрезъ 10 верстъ, увидите, что проѣхали ровно часъ,—можетъ быть ошибетесь на 1 или 2 минуты. Это наиболѣе странно потому, что ѣзда ихъ не ровная, по причинѣ чрезвычайно волнообразной мѣстности Финляндіи. Ѣзда производится большею частію въ двухъколесныхъ таратайкахъ съ возвышеннымъ сидѣньемъ, на которомъ вы сидите рядомъ съ почтаремъ; въ случаѣ же если ѣдутъ двое, то чухна ухитряется сѣсть на облучокъ, на которомъ нужно гораздо больше искусства чтобы усидѣть, чѣмъ на облучкѣ русской тѣлеги или саней нашему ямщику. На чай у васъ почтарь никогда не попроситъ, а если дадите и значительный кушъ, не удивится и не поблагодаритъ хорошенько; самое большое, что молча немного приподниметъ шапку. Приходится, отдавая ему прогоны (которыя платятся по привозѣ на станцію) русскими деньгами, долго объяснять, что столько-то копѣекъ равняются столькимъ - то пенни или маркѣ и столькимъ-то пенни. Нерѣдко приходилось прибѣгать къ посредству цѣлой компаніи чухонъ и прослушать длинные между ними толки объ этомъ предметѣ, пока одинъ изъ нихъ, наиболѣе бывалый и авторитетный, не разрѣшитъ недоразумѣнія.

Деревня Койвисто лежитъ на правомъ берегу пролива, если ѣхать изъ Петербурга; проливъ этотъ у моряковъ носитъ названіе *трубы*. При входѣ въ проливъ, на правомъ же матеромъ берегу,—лоцвахта, дающая еще издали себя знать длиннымъ шестомъ и иногда поднятымъ на немъ флагомъ. Фарватеръ при входѣ въ проливъ довольно извилистъ; вообще, идя изъ Петербурга, придерживаются лѣваго берега. Проливъ обладаетъ довольно сильнымъ теченіемъ, доходящимъ иногда до 2 узловъ, т. е. $3^1/_2$ верстъ въ часъ. Послѣднее время мѣстность въ проливѣ, противъ описываемаго мною селенія, оживилась производящимися въ ней 2-хъ лѣтними работами по подъему подводной затонувшей лодки, при одномъ изъ опытовъ надъ нею на глубинѣ 15 саженъ. Оживленію мѣстности лѣтомъ способствовало иногда появленіе броненосной эскадры, производившей въ этомъ году маневры въ Біорнэ и являвшейся иногда проходомъ въ Койвисто за провизіей—и тѣмъ содѣйствовавшей ея вздорожанію. Такъ напримѣръ, цѣна на яйца къ концу лѣта возросла до 15 коп. десятокъ, масло продавалось по 30 коп. фунтъ, говядина и телятина самаго сквернаго качества по 18 коп. ф., сажень дровъ сосновыхъ по 3 р. 50 к., благодаря отчасти не-промаху-купцу ярославцу, удачно спекулирующему уже нѣсколько лѣтъ въ этой мѣстности и скопившему себѣ порядочное состояніе. Торговля здѣсь идетъ, по его словамъ, лучше зимой, чѣмъ лѣтомъ — и только благодаря проходамъ эскадры она сравнивается съ зимней; это потому, что большая часть чухонъ—владѣльцы лайбъ, которые съ открытіемъ навигаціи въ Финскомъ заливѣ, не взирая ни на какія бури, шныряютъ по прибрежнымъ портамъ, сбывая въ нихъ свои мѣстныя произведенія и богатства страны: дрова, булыжникъ, картофель, салаку, соленые сиги, бруснику и масло, отличающееся особымъ способомъ приготовленія, а именно, громаднымъ количествомъ входящей въ него соли,—и возвращаясь обратно въ Койвисто, привозятъ скромныя приправы для своей пищи. Зимой же закупка эта производится на мѣстѣ, такъ какъ требованія жителей настолько мелочны, что не стоитъ каждый разъ нарочно ѣздить за ними въ городъ. Вообще если сравнить цѣны за продукты, бывшія года 3 тому назадъ, съ настоящими,—то окажется громадная разница. Я помню, съѣзжая съ судна въ Койвисто въ 1869 г., я и 3-е моихъ товарищей напивались кофе со сливками, съ хлѣбомъ и масломъ, за 20 коп.; теперь такой цѣны и помину нѣтъ. Въ послѣднее время возрасла цѣна не только на продукты, но и на удовольствія; нанять на часъ лошадь безъ вожака стоитъ отъ 60 к. до 1 рубля. Чухны вообще народъ съ выдержкой, упрямы и горой стоятъ за цѣну назначенную ими, и скорѣе согласятся, чтобъ у нихъ сгнилъ товаръ, но не сдѣлаютъ уступки, не станутъ задабривать покупателя. Примѣрами тому могутъ служить слѣдующіе случаи. Какъ-то разъ на корветъ, гдѣ я служилъ, пріѣхала чухонка, привезла множество берестянныхъ корзинокъ съ малиной и просила за нихъ по 30 к. за штуку,—и хотя ей давали петербургскую цѣну, но она ничего не уступила и уѣхала съ своимъ товаромъ, который по всей вѣроятности, за неимѣніемъ сбыта, и пропалъ даромъ. Булочникъ, живущій въ Койвисто, считалъ чуть ли не одолженіемъ, что мы у него брали булки; не смотря на неоднократныя просьбы, дѣлать булки къ извѣстному времени, — не дѣлалъ. Чухны чрезвычайно безпечный народъ; очень часто можно видѣть чухну, стоящаго на дрянномъ якоришкѣ, въ довольно сильный вѣтеръ на открытомъ мѣстѣ. При входѣ на большой кронштадскій рейдъ, въ темную осеннюю ночь, мы едва не разбили лайбу, стоящую безъ огня на фарватерѣ; на ней не оказалось ни одного изъ людей, должно полагать, съѣхавшихъ въ Кронштадтъ за какою либо надобностью.

Я приводилъ, какъ образецъ вѣжливости, финляндскихъ почтовыхъ смотрителей; масса же вообще крайне невѣжлива. Разъ собралось на берегу общество офицеровъ съ моего корвета и съ бронесной эскадры, бывшей проходомъ въ Біорнэ, поиграть въ городки или рюхи, какъ они называются у простонародья; всякій имѣетъ какое либо понятіе объ этой игрѣ—и потому я не считаю нужнымъ ее описывать. Играли на дорогѣ въ довольно широкомъ мѣстѣ, гдѣ смѣло можетъ разъѣхаться нѣсколько экипажей; ѣхалъ чухна и, не взирая на просьбы объѣхать мѣсто игры, проѣхалъ чрезъ него и развалилъ поставленный городъ. Подтвержденіемъ того же служитъ прикащикъ одной изъ находящихся тамъ лавокъ. Офицеры съ моего корвета частенько заходили въ лавочку, дѣлая разныя закупки; прикащикъ всѣхъ зналъ на перечетъ и никогда не ломалъ шапки. Чухны—всѣ отважные моряки, женщины не подлежатъ исключенію; погода не разбирается ими, при поѣздкѣ по морю, хотя вооруженія и оснастки ихъ лайбъ весьма ненадежны, да и плаванія совершаются иногда на ужасно ветхихъ судахъ. Впрочемъ ходятъ они большею частію компаніями, иногда очень большими, особенно изъ Кронштадта; но причина тому не ожиданіе помощи при несчастномъ случаѣ съ однимъ изъ нихъ,—объ этомъ разговору не можетъ быть,—а просто выжиданіе благопріятнаго вѣтра, съ которымъ бы можно достигнуть дому. Женщины не уступаютъ мужчинамъ въ храбрости, и нерѣдко можно видѣть чухонку, одну одинешеньку, на небольшой лодкѣ, въ довольно крѣпкій вѣтеръ, переплывающую проливъ. Чухны всѣ необыкновенно честны, но какъ истые моряки питаютъ сильную слабость къ тросу и парусамъ, и не всегда выдерживаютъ себя противъ столь сильнаго искушенія. Чухны и чухонки отличаются необыкновенною чистотою нравовъ, и за всякое нечистое побужденіе виновный рискуетъ поплатиться изувѣченьемъ тѣмъ, что первое попадется подъ руку оскорбленной. Пьянство у чухонъ мало распространено, пьянаго рѣдко встрѣтишь; водки

пьютъ мало—и она весьма плохой очистки. Пива пьютъ довольно много; пиво хорошо, но довольно дорого, 10 к. простое, а такъ называемый *козелъ* 15 коп. Только разъ удалось мнѣ видѣть пьянаго чухну; зрѣлище это какъ нельзя лучше даетъ понятіе о морскихъ инстинктахъ обитателей Финляндіи. Однажды, по окончаніи работъ, команда корвета собралась на бакѣ (носовая часть палубы) пѣть пѣсни; дулъ довольно свѣжій вѣтерекъ, невдалекѣ отъ корвета показался чухна, ѣдущій на небольшой финкѣ подъ парусомъ,—самъ онъ сидѣлъ развалясь на кормовой скамьѣ, съ весломъ въ рукахъ, которымъ, не смотря на сильное опьяненіе, владѣлъ ловко. Онъ поминутно перегибался то въ ту, то въ другую сторону, отчего шлюбка крѣнилась — и казалось страннымъ, какъ онъ не вывалится изъ нее. Шлюпка направлялась къ корвету; подъѣхавъ къ послѣднему и заразясь веселымъ настроеніемъ матросовъ, чухна сталъ самъ пѣть. Финку поставило



Планъ Новаго сада на Адмиралтейской и Петровской площадяхъ.

А. Садъ. Б. Существующій Адмиралтейскій бульваръ. В. Зданіе адмиралтейства. Г. Бывшій каналъ, предполагаемый къ засыпкѣ и устройству бульвара. Д. Мѣста, выдѣленныя подъ дворы адмиралтейства. е. Семь участковъ, предназначаемыхъ подъ застройку домами. Ж. Вновь предполагаемая гранитная набережная. З. Сенатъ. И. Св. Синодъ. К. Исаакіевскій соборъ.

бортъ о бортъ съ корветомъ, отчего ее стало бить волною и рисковало залить или перевернуть. Правящій ванту на корветѣ скомандовалъ «на шлюбку» и велѣлъ гребцамъ убрать у чухны парусъ и отбуксировать на берегъ, — а въ случаѣ попытокъ со стороны послѣдняго вновь пуститься въ плаваніе, представить къ ландсману (нѣчто вродѣ мироваго судьи, личность пользующаяся у чухонъ уваженіемъ). Когда корветская шлюбка приблизилась къ чухнѣ, и матросъ сталъ убирать парусъ въ финкѣ,—чухна еще повидимому, не разгадавъ намѣренія матроса, не противился; но когда увидѣлъ свой парусъ убраннымъ, и фалень отъ его финки (фалень—веревка для привязыванія шлюбки) взятымъ на корветскую шлюбку, то вскочилъ, сталъ кричать, ругаться на своемъ языкѣ и выкидывать корпусомъ такія тѣлодвиженія, что поневолѣ пришлось приказать оставить его въ покоѣ — изъ боязни не вывалить.

Фалень былъ отданъ; чухна, качаясь, поставилъ снова парусъ и, ругаясь и перегибаясь въ разныя стороны, удалился къ противуположному Койвисту берегу—въ деревню, которой и достигъ, должно полагать, благополучно, насколько можно было наблюдать съ корвета. Типъ чухонъ въ Койвисто не совсѣмъ чистый, попадаются физіогноміи съ довольно правильными чертами лица и темными волосами, тогда какъ главный признакъ чухонскаго типа—льняные волосы. Костюмъ чухонца въ Койвисто общій чухонскій, т. е. женщины носятъ красный или бѣлый съ красными расшивами сарафанъ и красную кичку, покрытую или повитую сверху бѣлымъ платкомъ; мужчины — синія синелевыя брюки и пиджаки, болѣе зажиточные сѣрыя бумажныя, или черныя суконныя, сапоги иногда замѣняются башмаками и полусапожками. Коснусь нѣсколько чухонскихъ удовольствій. Удовольствія эти состоятъ: въ качаньяхъ на деревянныхъ качеляхъ особаго устройства, на которыхъ качаются медленно и сидя; въ танцахъ,—послѣдніе устраиваются поочередно въ нѣкоторыхъ домахъ, отличающихся обширностью въ сравненіи съ прочими, тутъ же продаются и угощенія, состоящія изъ пива, меду, водки и кофе. Танцы происходятъ большею частью подъ звуки разбитой скрипки, на которой, прожевывая табакъ, пилитъ какой ни-на есть изувѣченный старецъ, получающій въ награду за свой талантъ и доставляемое удовольствіе — угощеніе. Танцуютъ нѣчто вродѣ польки и вальса; но танцы чухонъ какъ-то монотонны, угрюмы и кажутся скорѣе дѣломъ, чѣмъ удовольствіемъ. Вальсъ танцуется ужасно медленно, полька тоже; оба танца исполняются парою ужасно долго, до тѣхъ поръ пока кому либо изъ танцующихъ, преимущественно дамѣ, становится не въ моготу продолжать. Между танцами непродолжительные антракты. Начинаются они обыкновенно въ 5 и кончаются въ 9 час. Къ числу не послѣднихъ удовольствій чухонъ принадлежитъ поѣзоки въ церковь. Еще съ утра, въ праздничный день, виднѣются вдали, во всѣхъ направленіяхъ, приближающіяся къ Койвисту шлюбки, называемыя у насъ финками. Въ нихъ сидитъ около 10-ти, иногда болѣе, дѣвушекъ и бабъ, одѣтыхъ большею частью въ красныя или въ бѣлыя съ красными расшивами внизу юбки и съ красными кичками на головахъ; онѣ гребутъ неутомимо къ киркѣ. Мужчины

же и болѣе престарѣлыя женщины сидятъ въ кормѣ, одинъ изъ мужчинъ на рулѣ. Если вѣтеръ попутный къ киркѣ, то шлюбки идутъ подъ бѣлоснѣжными парусами; чухна гордится своими шлюбками. Иногда парусъ ставится лишь въ помощь весламъ. Погода не разбирается, будь сильный вѣтеръ — въ церковь всетаки идутъ, хотя частенько пріѣзжаютъ мокрые съ ногъ до головы. Подъѣзжая къ берегу, шлюбка становится на мель по мелкотѣ мѣста, изъ нея выходятъ мужчины и женщины, и общими усиліями втаскиваютъ шлюбку немного на песокъ, чтобы ее не смыло приливомъ. Послѣ службы, всѣ снова уѣзжаютъ — и остальной день проводится совершенно мертвенно, если нѣтъ въ деревнѣ танцевъ. Въ большіе праздники, напримѣръ, въ Ивановъ день, въ нѣкоторыхъ деревняхъ жгутъ вечеромъ, часовъ въ 10, смоляныя бочки и костры.

Бочки жгутся, большею частью, на возвышенныхъ мѣстахъ, горѣніе бочекъ сопровождается холостыми зарядами изъ кремневокъ, заставить которыя произвести выстрѣлъ представляетъ не мало труда; стрѣлокъ, приступающій вначалѣ къ своей затѣѣ молчаливо и съ нѣкоторой важностью, скоро теряетъ терпѣніе, вслѣдствіе упорства ружья произвести выстрѣлъ, — морщится всякій разъ при осѣчкѣ, и только по произведеніи выстрѣла снова оживаетъ духомъ. Вмѣсто бочекъ жгутъ иногда костры довольно большихъ размѣровъ; при этомъ около г. Трапзундѣ, въ избранной для сожиганія костра мѣстности, открывается иногда шинокъ, преимущественно какимъ либо евреемъ, который въ приманку для матросовъ съ иностранныхъ судовъ, прибывшихъ въ Транзундъ за лѣсомъ, держатъ 2—3 прислужницъ. Какъ я сказалъ, Койвисто довольно зажиточная деревня, благодаря хорошему очертанію берега, образующему довольно приглубую и безопасную бухту, положенію въ проливѣ, чрезъ который происходитъ движеніе военныхъ и комерческихъ судовъ, идущихъ чрезъ него какъ въ русскіе такъ и заграничные порта. Многія изъ этихъ судовъ, преимущественно коммерческія, заходятъ въ бухту на ночевку и за провизіей. Деревня Койвисто лежитъ на горѣ, изъ которой ближе къ берегу бьетъ родникъ, дающій великолѣпную воду, и составляющій не малое богатство жителей, — къ несчастію, не обращающихъ на него должнаго вниманія и не заботящихся прорыть его глубже и обнести срубомъ, чтобы сдѣлать водохранилище; а потому большая часть воды уходитъ въ море, вслѣдствіе чего — наливаться водою судамъ здѣсь долго. Еще при входѣ въ проливъ, ваше вниманіе невольно обращается на выдѣляющуюся изъ зелени, довольно высокую, колокольню и церковь, крытыя гонтомъ, равно какъ и большая часть селенія, и отъ времени принявшія сѣрый цвѣтъ, — и на стоящую на мысу лоцвахту (лоцманская станція). Подъѣзжая ближе къ Койвисту, открывается красный домикъ и паркъ ландсмана, а еще ближе, сѣрый небольшой домикъ съ красною крышей и съ шестомъ на павильонѣ, въ день имянинъ своего владѣльца украшающимся большимъ треугольнымъ флагомъ, — это баня здѣшняго зажиточнаго помѣщика; за ней видѣнъ и самый домъ владѣльца красный съ мезониномъ, а вправо и влѣво, по обѣимъ сторонамъ почтоваго тракта, разбросана деревня. Вправо же, но нѣсколько внизъ — дома кистера и пастора, окруженные великолѣпными березовыми рощами и лугами съ высокой, чуть не по колѣно, сочной травой, манящей въ лѣтніе іюльскіе жары зарыться отъ солнца, поваляться и помечтать. У большей части жителей Койвисто жилища отличаются чистотой и хорошимъ воздухомъ внутри, въ отличіе отъ обыкновенныхъ чухонскихъ деревень, гдѣ воздухъ въ жилищахъ кислый и удушливый. Съ открытіемъ навигаціи, главы семействъ, а также и большая часть мужскаго народонаселенія, уходятъ для заработка на своихъ лайбахъ или нанимаются каптенами на вольные пароходы, первые — сбывая произведенія страны, всѣ — чтобы зашибить деньгу на зиму; такъ какъ земледѣліе ограничичивается, почти исключительно, засѣваніемъ картофеля, а скотоводство далеко не обширно, почти исключительно для себя. Кромѣ скотоводства, засѣванія картофеля, сбыта этихъ произведеній и даровъ страны, булыжника и лѣса, занятія жителей заключаются въ рыбной ловлѣ; ловится: салака, щуки, сиги, послѣдніе солятся на зиму. Рыбная ловля производится сѣтями и острогой на огонь. Лѣтомъ рыбная ловля находится исключительно въ рукахъ женщинъ, потому что мужской элементъ разъѣзжается. Койвисто изобилуетъ грибами, особенно въ прошломъ году ихъ не зачѣмъ даже было утруждать себя собирать въ лѣсу, а достаточно было идти по почтовой дорогѣ и въ $1^1/_2$ часа набиралась большая корзина, хотя ту же корзину, въ избранной мѣстности, можно было набрать скорѣе.

Этотъ даръ страны, за который у насъ зимою въ посту платятъ такъ дорого, остается непроизводительнымъ; ихъ даже чухны не ѣдятъ. Лѣсъ въ окрестностяхъ Койвисто преимущественно хвойный и сосновый, ели мало; около дорогъ попадается большими пространствами береза, обѣ породы стройны, тонки и очень высоки.

Къ довершенію моего разсказа, долженъ сказать, что описываемая мною часть Финляндіи изобилуетъ множествомъ тропинокъ и дорогъ, сбиться съ которыхъ весьма легко; особенно, перемѣнивъ дорогу на другую въ извѣстномъ мѣстѣ, легко попасть опять къ тому же мѣсту по другой.

Страсбургскій соборъ.

Сильная крѣпость въ Эльзасѣ, бывшій главный городъ департамента Нижняго Рейна, а еще древнѣе нѣмецкій вольный имперскій городъ, Страсбургъ, нынѣ, какъ извѣстно, снова вошедшій въ составъ Германской имперіи, расположенъ въ живописной и плодоносной равнинѣ, въ получасовомъ пути отъ Рейна, при сліяніи судоходныхъ рѣкъ Илла и Брёша, орошающихъ городъ, изъ которыхъ первая впадаетъ въ Рейнъ верстахъ въ пяти ниже. Страсбургъ имѣетъ $1^1/_2$ мили въ окружности, 270 улицъ и переулковъ, 60 мостовъ; улицы узки и кривы, что придаетъ городъ своеобразный средневѣковый видъ. Расположеніе этого города-крѣпости таково, что широкіе фасы его обращены къ сѣверу и югу, а узкая восточная часть идетъ къ Рейну. Здѣсь, на рукавѣ великой германской рѣки, высится цитадель, Вобановскій пятиугольникъ съ бастіонами и 5-ю равелинами. Самый городъ окруженъ бастіонами на старинно-нѣмецкій манеръ и отдѣльными фортами. Въ немъ 14 площадей и 7 воротъ. Но главнѣйшую достопримѣчательность его составляетъ мастерское произведеніе древне-германскаго зодчества, страсбургскій соборъ, называемый мюнстеромъ, въ большей части своей дѣло строителя Эрвина фонъ Штейнбаха. Тонкая, прорѣзная башня его высится на 438 парижскихъ футовъ

и уступаетъ по величинѣ лишь Хеопсовой пирамидѣ. Самый соборъ имѣетъ 355 футовъ длины и 435 футовъ ширины, три громадныхъ придѣла съ цвѣтными стеклами по окнамъ и органъ въ 224 трубки, изъ которыхъ самая большая, оловянная, вѣситъ 341 фунтъ. Фасадъ украшенъ спульптурными произведеніями, арабесками и превосходной оконной розеткой; три портала, изъ которыхъ средній составляетъ главный входъ, ведутъ во внутренность собора. Къ замѣчательнѣйшимъ рѣдкостямъ относятся башенные часы съ южной стороны крестовиднаго зданія. Они начаты въ 1547 году Конрадомъ Дазиподіемъ и Исаакомъ Гальбрехтомъ, по плану профессора Герлинуса, и окончены въ 1580 г.; но вскорѣ остановились—и не смотря на многочисленныя попытки въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, не могли быть поправлены, пока это не удалось наконецъ Швильге въ 1836—42 годахъ. Куранты эти составляютъ одно изъ величайшихъ произведеній искуства, представляя солнечную систему со всѣми созвѣздіями и часы планиглобной системы, окруженные множествомъ фигуръ; изъ послѣднихъ замѣчательны 4 времени года и 12 апостоловъ, которые съ первымъ ударомъ 12 часовъ начинаютъ свое шествіе вокругъ; межь тѣмъ какъ стоящій на боковой башенкѣ пѣтухъ хлопаетъ крыльями и поетъ. Башню эту часто поражала молнія, а въ послѣднюю франко-прусскую войну ударило непріятельское ядро, такъ какъ осажденные французы устроили на ней наблюдательный постъ. Постройка собора начата въ 1015 году епископомъ Вернеромъ Габсбургскимъ, а башни — спустя 262 года. Эрвинъ фонъ Штейнбахъ составилъ для нея планъ и началъ постройку въ 1277 году, но умеръ въ 1318, не окончивъ зданія. Сынъ его, Іоаннъ продолжалъ возведеніе башни до такъ-называемой платформы, при содѣйствіи сестры своей Сабины, которой принадлежатъ украшенія южнаго боковаго портала. Только въ 1365 году окончитъ башню Гансъ Гюльцъ изъ Кельна, весь же соборъ окончательно достроенъ въ 1439 году.

Внутреннее обозрѣніе.

Прибытіе императора германскаго въ Петербургъ.— Свѣденія о хивинскомъ походѣ.

Въ воскресенье 15 апрѣля, въ 2 часа пополудни, прибылъ въ Петербургъ по варшавской желѣзной дорогѣ императоръ германскій Вильгельмъ, въ сопровожденіи канцлера князя Бисмарка, фельдмаршала графа Мольтке и многочисленной свиты. По прибытіи въ предѣлы Россіи, въ Вержболово, императоръ Вильгельмъ былъ встрѣченъ лицами, назначенными состоять при его особѣ: генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Бергомъ и виленскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Потаповымъ, сопровождавшимъ императора по ввѣреннымъ его управленію губерніямъ. На станціи Вержболово находился почетный караулъ отъ петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка со знаменемъ и хоромъ музыки. Сверхъ того, на всѣхъ станціяхъ, гдѣ останавливался поѣздъ, везшій императора Вильгельма, были выставлены почетные караулы. Въ Динабургѣ, куда поѣздъ прибылъ вечеромъ, вся крѣпость была освѣщена бенгальскими огнями, а укрѣпленія ея такъ иллюминованы, что и въ темнотѣ можно было различить ихъ очертанія. Въ Лугѣ императора Вильгельма встрѣтили петербургскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Лутковскій, и германскій посолъ при здѣшнемъ дворѣ, принцъ Рейссъ. Государь Императоръ вечеромъ изволилъ выѣхать въ Гатчину, чтобъ встрѣтить тамъ утромъ своего августѣйшаго гостя. Ровно въ 12-ти часовъ экстренный поѣздъ, на которомъ ѣхалъ императоръ Вильгельмъ, прибылъ въ Гатчину, гдѣ сервированъ былъ завтракъ. Въ Гатчинѣ выставленъ былъ почетный караулъ съ штандартомъ отъ драгунскаго военнаго ордена полка, въ главѣ котораго находился Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Хоръ музыки игралъ гимнъ: „Heil Dir im Siegeskranz“. Къ Высочайшему завтраку, въ залѣ станціи, украшенной цвѣтами, были приглашены: канцлеръ князь Бисмаркъ, фельдмаршалы: графъ Бергъ и графъ Мольтке, графъ Гольцъ, графъ Перпоншеръ, посолъ принцъ Рейссъ и его братъ генералъ графъ Каницъ, Альбедиль, Штейнекеръ, князь Радзивиллъ и князь Суворовъ. Императоры прибыли на варшавскую станцію въ Петербургѣ въ одномъ вагонѣ. На станціи находился почетный караулъ отъ первой роты перваго баталіона калужскаго пѣхотнаго императора германскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыки, подъ начальствомъ полковника Давыдова. Музыка играла гимнъ: „Heil Dir im Siegeskranz“. На станціи находились, сверхъ особъ императорской фамиліи, канцлеръ князь Горчаковъ, министры, генералы, придворные чины. При представленіи императору Вильгельму лицъ, присутствовавшихъ на станціи, онъ привѣтствовалъ канцлера князя Горчакова, военнаго министра генералъ-адъютанта Милютина, министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева, генералъ-адъютанта Тотлебена и многихъ другихъ лицъ, которыя ему еще прежде были знакомы. На варшавскую станцію желѣзной дороги прибылъ для встрѣчи императора Вильгельма Е. И В. Великій князь Николай Николаевичъ, а въ Зимнемъ дворцѣ августѣйшій гость былъ встрѣченъ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдницей Цесаревной и Великими Княгинями Александрой Петровной и Ольгой Ѳедоровной. Отъ станціи варшавской желѣзной дороги, императоръ Вильгельмъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ Е. И. В. Государемъ Императоромъ, а за ними слѣдовала въ безчисленномъ рядѣ колясокъ и каретъ блестящая свита германскаго императора и особы, выѣхавшіе на станцію варшавской желѣзной дороги для встрѣчи гостей. Всѣ улицы и площади, по которымъ проѣзжалъ блестящій кортежъ, богато разукрашенныя флагами, коврами, бюстами и цвѣтами, были усѣяны десятками тысячъ народа.

„Journal de St.-Pétersbourg“ сообщаетъ, что на время пребыванія германскаго императора въ Петербургѣ предположена слѣдующая программа празднествъ и парадовъ: Въ воскресенье, 15-го апрѣля—семейный обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ; въ понедѣльникъ, 16-го апрѣля—семейный обѣдъ въ Аничковомъ дворцѣ; во вторникъ, 17-го апрѣля—большой пріемъ во дворцѣ, парадъ, семейный обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ, большая зоря въ 10 часовъ вечера; въ среду, 18-го апрѣля—обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ, балъ въ Эрмитажѣ; въ четвергъ, 19-го апрѣля—обѣдъ въ Петергофѣ, балъ въ залѣ Дворянскаго Собранія; въ пятницу, 20-го апрѣля—большой смотръ войскамъ, вечеромъ—даровое представленіе въ театрѣ для войска; въ субботу, 21-го апрѣля—прогулка и обѣдъ въ Царскомъ Селѣ; въ воскресенье, 22-го апрѣля—парадъ калужскому полку, торжественный обѣдъ; въ понедѣльникъ, 23-го апрѣля—семейный обѣдъ у его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, вечеромъ — балъ въ Аничковомъ дворцѣ; во вторникъ, 24-го—парадъ полкамъ имени его величества императора германскаго; въ среду, 25-го апрѣля—отдыхъ. —Въ свитѣ императора германскаго, кромѣ названныхъ уже лицъ, по словамъ „Journal de St.-Petersbourg», будутъ генералъ графъ Каницъ, ко-

мандиръ 1-й пѣхотной гвардейской бригады, и гвардейской артиллеріи полковникъ Дресски.

По прибытіи своемъ, въ воскресенье, 15-го апрѣля, въ Зимній дворецъ, Ихъ Величества вышли на балконъ дворца, и были восторженно привѣтствуемы народомъ; послѣ того императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ визиты августѣйшимъ членамъ Императорской фамиліи. Семейный обѣдъ происходилъ у е. в. императора германскаго. Вечеромъ Ихъ Величества изволили отправиться въ Большой театръ, гдѣ давался балетъ «Камарго». Князь Бисмаркъ тоже провелъ этотъ вечеръ въ театрѣ, сдѣлавъ предварительно нѣсколько визитовъ, въ томъ числѣ русскому государственному канцлеру, князю Горчакову. 16-го апрѣля, императоръ Вильгельмъ принялъ въ аудіенціи нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ состоящихъ за ординарцевъ офицеровъ полковъ имени его величества, и удостоилъ визитомъ больнаго фельдмаршала, князя Барятинскаго. Въ полдень императоръ посѣтилъ, какъ мы уже сообщили, гробницы членовъ Императорскаго семейства въ Петропавловской крѣпости. Въ это же утро князь Бисмаркъ и графъ Мольтке были удостоены посѣщеніемъ Государя Императора. Семейный обѣдъ происходилъ въ Аничковомъ дворцѣ, откуда Ихъ Величества и Высочества отправились въ Михайловскій театръ, гдѣ въ этотъ день былъ французскій спектакль.

Во вторникъ, 17-го апрѣля, Высочайшій выходъ начался ровно въ 11 часовъ утра. Германскій императоръ былъ въ русскомъ мундирѣ короля Фридриха Вильгельма III полка, съ георгіевской лентой. За Ихъ Величествами шли члены Императорской фамиліи, а далѣе — канцлеръ германской имперіи князь Бисмаркъ, фельдмаршалы: графъ Бергъ и графъ Мольтке. На выходъ съѣхалось болѣе чѣмъ когда-либо придворныхъ дамъ, генераловъ и офицеровъ. Можно сказать, что болѣе блестящаго выхода никогда не было.

Въ $1^1/_2$ часа пополудни начался разводъ съ церемоніею. Разводъ былъ представленъ отъ Фридриха Вильгельма III полка. По окончаніи церемоніальнаго марша, были представлены германскому императору всѣ генералъ-адъютанты, генералы свиты Его Величества, флигелъ-адъютанты, адъютанты Наслѣдника Цесаревича и главнокомандующаго войсками петербургскаго округа Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Затѣмъ были представлены начальники частей войскъ, находящихся въ Петербургѣ. Наконецъ были вызваны конные ординарцы и вѣстовые, назначенные отъ всѣхъ здѣшнихъ кавалерійскихъ полковъ. Манежная ѣзда ординарцевъ кончилась скачкою и волтижерствомъ конвойныхъ и казаковъ.

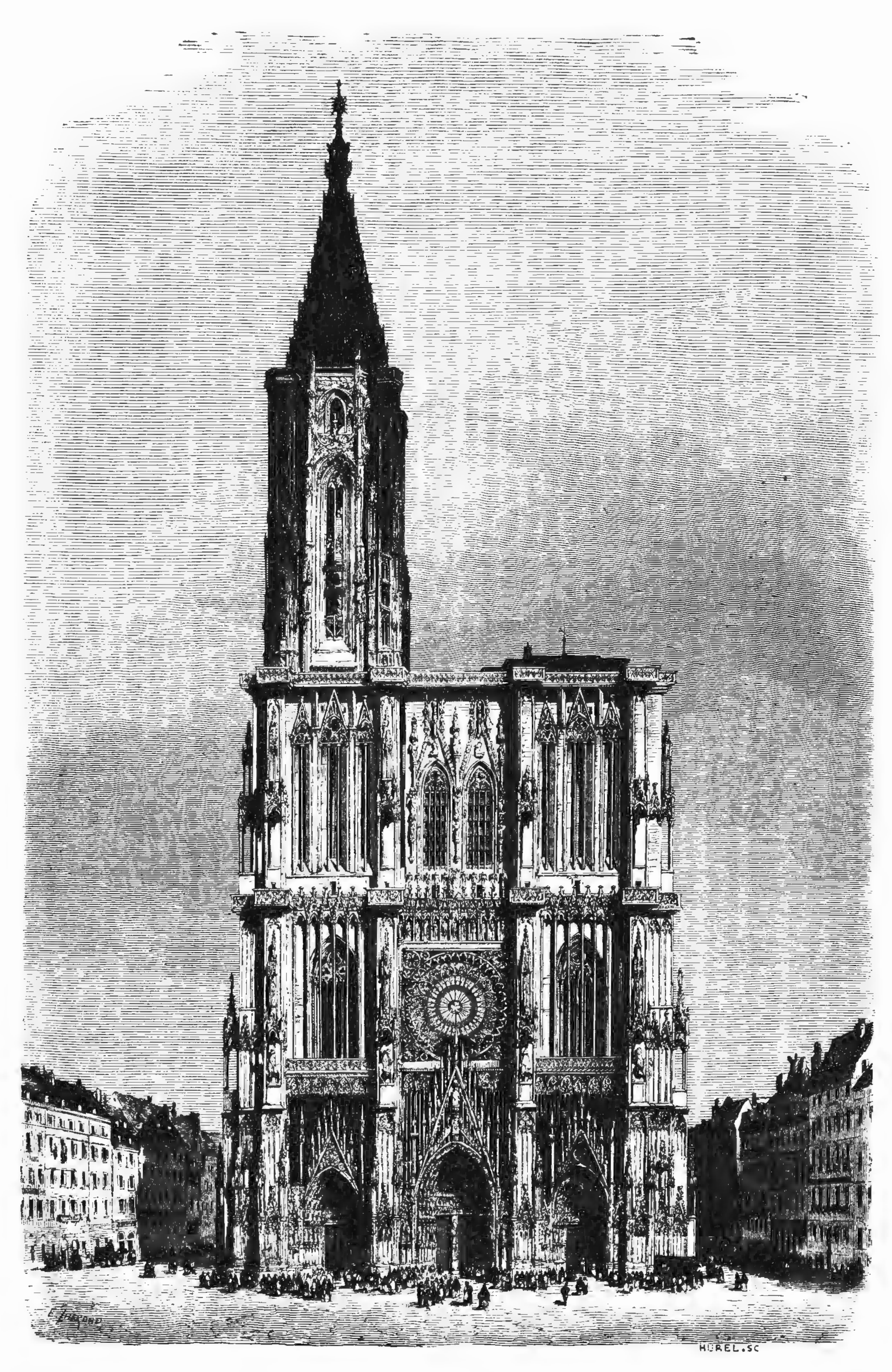
Въ девятомъ часу вечера, Ихъ Величества, въ открытой коляскѣ и въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, изволили проѣзжать по блистательно иллюминованнымъ улицамъ. По возвращеніи Ихъ Величествъ, въ $9^1/_2$ часовъ вечера, въ Зимній дворецъ, началась большая зоря съ церемоніей, при участіи 2,094 исполнителей (1,300 музыкантовъ, 480 барабанщиковъ и горнистовъ, и хоръ пѣвчихъ въ 314 человѣкъ). Ихъ Величества и члены Императорской фамиліи, съ ближайшею свитою, изволили присутствовать при исполненіи зори въ палаткѣ надъ подъѣздомъ Его Величества. Площадка и музыканты были освѣщены четырьмя электрическими солнцами. Сначала громадный оркестръ съигралъ прусскій гимнъ „Heil dir im Siegeskranz", который какъ сообщаетъ „St.-Petersburger Zeitung", былъ повторенъ пять разъ, при громкихъ крикахъ ура!, раздававшихся со стороны собравшагося въ прилегающихъ мѣстностяхъ народа. Затѣмъ были исполнены: маршъ изъ „Пророка", „Wacht am Rhein", „Штейнмецъ-маршъ", попури изъ „Жизни за Царя" и въ заключеніе былъ пропѣтъ торжественный хоралъ. Всѣми хорами дирижировалъ г. Вурмъ. Вся Адмиралтейская площадь, бульваръ и Дворцовая набережная были полны народа. Толпы любопытныхъ были такъ огромны, что преображенскій полкъ, оцѣплявшій площадку, не былъ въ состояніи удерживать напоръ, и въ помощь ему, въ 9 часовъ, былъ вызванъ павловскій полкъ. Зоря кончилась въ исходѣ 11-го часа.

Главныя улицы Петербурга были роскошно иллюминованы. Проспекты Адмиралтейскій, Невскій и Большая Морская залиты свѣтомъ; хорошо были иллюминованы и многіе другіе проспекты и улицы центра города. Во многихъ мѣстахъ сіяли электрическія солнца и горѣли бенгальскіе огни. Изъ отдѣльныхъ зданій особенно выдавались: домъ градоначальника, Дума, Большой театръ, помѣщенія нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденій и магазиновъ, какъ напр. Штанге, Кумберга и т. д. Громадныя массы народа толпились по улицамъ и множество экипажей тянулись вереницею, хотя погода, бывшая довольно теплою около двухъ часовъ пополудни, значительно похолодѣла къ вечеру. На всѣхъ главныхъ пунктахъ Невскаго проспекта и Большой Морской играла музыка; небольшіе хоры играли и въ нѣкоторыхъ частныхъ квартирахъ, выходящихъ на улицы.

Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ изволили проѣзжать по Невскому и Морской въ открытой коляскѣ среди безчисленной толпы народа, провожавшій ихъ неумолкаемыми криками «ура».

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатано:

„Экспедиція противъ Хивы, какъ извѣстно, направлена со стороны трехъ пограничныхъ съ нею округовъ: туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго. Приводимъ слѣдующія свѣдѣнія объ оренбургскомъ экспедиціонномъ отрядѣ. Онъ состоитъ изъ 9-ти ротъ 1-го и 2-го оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ, саперной команды, шести сотенъ оренбургскаго и трехъ уральскаго казачьихъ войскъ, 6-ти конныхъ орудій и 6-ти ракетныхъ станковъ, 4-хъ полупудовыхъ мортиръ и двухъ нарѣзныхъ пушекъ, предназначаемыхъ для вооруженія укрѣпленія, которое предполагается построить на сообщеніяхъ отряда, близъ мыса Ургумуруна, у устья Айбугирскаго залива. Начальство надъ оренбургскимъ отрядомъ ввѣрено военному губернатору и командующему войсками Уральской области, генералъ-лейтенанту Веревкину. Назначенныя въ составъ отряда части войскъ оренбургскаго округа, снабженныя всѣми предметами, необходимыми для поддержанія силъ и сохраненія здоровья людей въ степномъ походѣ, выступили изъ городовъ Оренбурга, Орска и Уральска, эшелонами, между 13-мъ и 25-мъ февраля, по направленію къ Эмбенскому посту, крайнему пункту сосредоточенія всего отряда. Для облегченія передвиженія частей и тяжестей въ зимнее время, роты обоихъ линейныхъ батальоновъ, ихъ обозныя принадлежности, а также орудія, лафеты, передки и зарядные ящики отправлены были на нанятыхъ для того пароконныхъ саняхъ; артиллерійскія же упряжныя лошади, для сбереженія ихъ на дальнѣйшій походъ, велись въ поводу до Эмбенскаго поста. На случай защиты людей отъ бурановъ, во время степныхъ переходовъ, за ними везлось извѣстное число джуламеекъ (родъ небольшихъ войлочныхъ кибитокъ). По распоряженію главнаго мѣстнаго начальства, на всѣхъ ночлежныхъ пунктахъ выставлены были, сверхъ того, киргизами, за особое вознагражденіе, кибитки, топливо и сѣно, а для обезпеченія довольствія войскъ въ пути мясомъ, они пригоняли скотъ на продажу частямъ отряда. Въ виду же того, что при дальнѣйшемъ движеніи войскъ отъ Эмбенскаго поста, въ особенности по восточной окраинѣ Усть-Урта, можетъ встрѣтиться недостатокъ въ мясѣ и сѣнѣ для лошадей, отрядъ везетъ съ собой небольшой запасъ хорошей солонины, 15 тысячъ порцій мясныхъ консервовъ и ты-



Страсбургскій соборъ. Рис. Беронъ, грав. Гюрель.

сячу четвертей овса. Сверхъ того, войска снабжены восемью трубчатыми колодцами. Для облегченія же переправъ во время движенія по хивинской территоріи, изрѣзанной каналами, оренбургскому отряду приданы два разборчатыхъ моста, одинъ на козлахъ, а другой частью понтонный, частью на бурдюкахъ. Наконецъ, независимо отъ устройства походной лазаретной части, оренбургскій отдѣлъ «Общества попеченія о раненыхъ воинахъ" принялъ, и съ своей стороны, участіе въ снабженіи чиновъ отряда разными госпитальными и другими полезными принадлежностями,—а именно, имъ заготовлено для перевозки и переноски раненыхъ и больныхъ, 3 повозки и 50 складныхъ носилокъ, запасы госпитальнаго бѣлья, вина, табаку, разныя противоцынготныя средства, дополнительныя порціи чая и сахара, нѣкоторыя книги, журналы, письменныя принадлежности и т. п. На непредвидимые же расходы Общество ассигновало изъ своихъ средствъ, въ распоряженіе особаго уполномоченнаго, сумму въ 3,000 рублей.

«Къ 18-му марта весь экспедиціонный отрядъ собрался въ Эмбенскомъ постѣ; большая часть эшелоновъ совершила движеніе въ срокъ по маршруту; но уральскія сотни и тяжести должны были преодолѣть значительныя трудности въ пути, вслѣдствіе крайне испорченнаго состоянія дорогъ, глубокаго снѣга и булановъ. Повозки стояли иногда по нѣсколько часовъ, не будучи въ состояніи выбраться изъ рытвинъ и ухабовъ. Со стороны же киргизъ всюду было оказано самое усердное содѣйствіе въ облегченіи движенія войскъ: старшины попутныхъ ауловъ выѣзжали съ своими товарищами на встрѣчу отряду, заранѣе расчищали снѣгъ для солдатскихъ кибитокъ, привозили топливо, мясо и сѣно. Несмотря на трудности похода, состояніе здоровья людей отряда вообще удовлетворительно; были случаи воспаленія глазъ, какъ у офицеровъ, такъ и у нижнихъ чиновъ, вслѣдствіе отраженія солнечныхъ лучей на снѣговой степи и дыма отъ нагрѣванія кибитокъ.

«Послѣднія свѣдѣнія, полученныя изъ Эмбенскаго поста, извѣщаютъ, что отъ 26 марта выступилъ оттуда авангардъ отряда—изъ двухъ сотенъ и саперной команды; главныя же силы должны были выступить 29-го или 30-го марта. Дальнѣйшее движеніе оренбургскаго отряда будетъ направлено съ Эмбы на кол. Аты-джаксы, Асю-тасты, пески Исенъ-чагылъ, къ Аральскому морю и, западнымъ берегомъ его, къ Айбугирскому спуску, въ 65 вер. отъ хивинскаго города Куня-Ургерча. Здѣсь отрядъ генерала Веревкина долженъ соединиться съ колонною кавказскихъ войскъ, направленною отъ Киндерлинскаго залива. Для обезпеченія сообщеній своего тыла и преграждения доступовъ мелкимъ непріятельскимъ шайкамъ въ южные предѣлы оренбургской степи, будутъ выставлены небольшіе наблюдательные отряды на усть-Уртѣ, у песковъ Самъ и оврага Джебыске, близъ р. Чена. При выступленіи отряда изъ Эмбенскаго поста, онъ везетъ съ собою продовольствіе на 80 дней; затѣмъ, изъ поста будутъ своевременно отправляемы продовольственные транспорты къ мысу Ургу, гдѣ, какъ сказано выше, предполагается устроить укрѣпленіе и складочный пунктъ. Вообще, отрядъ будетъ обезпеченъ продовольствіемъ и фуражемъ до 15-го сентября, что ставитъ его внѣ всякой случайности, даже при невозможности найти достатосное количество припасовъ на мѣстѣ, въ Хивинскомъ ханствѣ. Для обратнаго же слѣдованія отряда провіантъ и фуражъ заготовляются особо".

Смѣсь.

Табунъ, застигнутый пургой въ киргизской степи.

(См. стр. 244—245).

Главное богатство кочевника заключается въ его стадахъ, преимущественно овецъ, и табунахъ лошадей. Киргизскія лошади малорослы, костлявы и невзрачны, но изумительно проворны и выносливы. Нужно много терпѣнія и ловкости, чтобы сдѣлать полудикаго табуннаго коня хорошею упряжною лошадью; что же касается выѣздки подъ-верхъ, то киргизъ объ ней заботится всего менѣе. Необыкновенное умѣнье киргизовъ обращаться съ лошадьми происходитъ отъ того, что они съ дѣтства привыкаютъ къ сѣдлу. Выбравъ любую лошадь изъ цѣлаго табуна, киргизъ набрасываетъ на нее арканъ, вскакиваетъ верхомъ и мчится въ степь. Конь употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ сбросить съ себя всадника—но все тщетно. Прыжки, скачки, брыканье задомъ, взвивы на дыбы—ни что не помогаетъ: всадникъ словно приросъ къ своему коню. Нѣсколько часовъ носится бѣшеная лошадь по необъятной степи, выбивается изъ силъ—и затѣмъ становится совершенно покорною волѣ своего господина. День и ночь пасется табунъ на степномъ раздольѣ; только утромъ и вечеромъ пригоняютъ его въ станъ для доенія и даютъ ему кратковременный отдыхъ. Утреннее ржаніе возвращающагося табуна будитъ весь аулъ, женщины выходятъ съ своими шайками, каждая кобыла становится подлѣ своего жеребенка, и начинается доеніе. Кумысъ—главнѣйшая статья пищи, безъ которой киргизъ не можетъ и часу просуществовать. Отправляясь на пастбище, пастухи берутъ съ собою по небольшому турзуку (кожаный мѣхъ около ведра вмѣстимости)—и этотъ напитокъ составляетъ единственную отраду во время гнетущаго лѣтняго зноя.

Зимою за табунами нѣтъ никакого ухода. Бродя въ широкомъ просторѣ степей, они сами должны выкапывать себѣ изъ подъ снѣга копытами скудный кормъ, состоящій изъ прошлогодней травы. Ни что не защищаетъ ихъ отъ непогоды, мороза и мятелей, такъ что въ очень холодныя зимы гибнетъ множество лошадей. Рисунокъ нашъ изображаетъ одинъ изъ такихъ зимующихъ табуновъ, застигнутый бичемъ восточныхъ окраинъ Россіи—пургой. Явленіе это начинается легкимъ низовымъ вѣтеркомъ, который волочитъ по гладкой степи снѣжную пыль. На краю горизонта появляется облачко, которое быстро несется, разростаясь тучею по мѣрѣ приближенія. Вѣтерокъ усиливается; вотъ закрутились побѣги снѣжной пыли и смѣшались въ какой-то вихреобразной пляскѣ; сверху тоже начинаетъ моросить, устилая бездорожную степь ровнымъ бѣлымъ пологомъ. Горе путнику, неуспѣвшему добраться до станціи! Потомъ начинается гулъ вверху; низовой и верховой потоки вѣтра сливаются въ одну шумящую грозную массу, снѣгъ хлещетъ, наступаетъ мятель, темь, ревъ. Почуявъ пургу, лошади жмутся въ кучу, бѣснуясь подъ ударами ледянаго, пронизывающаго вѣтра. Съ изумительной быстротой заноситъ ихъ снѣгомъ по колѣна, ускакать уже нѣтъ никакой возможности въ сугробахъ наметенаго снѣга; остается сплотится тѣснымъ клубомъ, взаимно согрѣвая другъ дружку и поджидать—конца снѣжной бури—или смерти.

Новый садъ на Адмиралтейской и Петровской площадяхъ въ С.-Петербургѣ.

(См. стр. 249).

Наша сѣверная столица, сравнительно съ Лондономъ, Парижемъ, Вѣною и другими европейскими городами, чрезвычайно бѣдна мѣстами для прогулокъ въ чертѣ города, дающими возможность подышать чистымъ воздухомъ тѣмъ изъ обывателей, которымъ занятія или недостатокъ средствъ не позволяютъ лѣтомъ переселяться на дачу. Мысль объ устройствѣ новаго обширнаго сада принадлежитъ предсѣдателю Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства, который заявилъ ее въ одномъ изъ засѣданій 1871 года. Проектъ, составленный обществомъ, удостоился Высочайшаго одобренія въ общихъ его чертахъ, а затѣмъ подробности разработывались Городскою Строительною Коммиссіею вмѣстѣ съ Обществомъ Садоводства. Садъ устраивается на средства города, при чемъ производство работъ относительно самаго сада взяло на себя Общество Садоводства, между тѣмъ какъ Строительная Коммиссія распоряжается возведеніемъ новыхъ зданій. Разбивка сада была начата осенью прошлаго года и до наступленія зимы окончена на пространствѣ отъ Зимняго дворца до Вознесенскаго проспекта. Въ нынѣшнемъ году работы такъ быстро подвигаются, что садъ, по всей вѣроятности, скоро будетъ открытъ для публики. Какъ видно на прилагаемомъ планѣ, садъ будетъ простираться отъ угла Адмиралтейскаго бульвара до конногвардейкаго манежа, гдѣ примкнетъ къ бульвару, выходящему на Адмиралтейскую и Петровскую площади, — и такимъ образомъ обниметъ пространство около 17,300 кв. саженъ. Ширина сада по Дворцовой площади 32 сажени (съ бульваромъ 42 саж.); длина его по направленію отъ Дворцовой площади къ зданію Синода 305 саженъ. Отъ по-

ворота синодальной стороны до набережной Невы 128 саженъ; наконецъ, параллельное набережной, протяженіе отъ Сената до бульвара заключаетъ 62 сажени (съ бульваромъ 75 саж.).

Внѣшнія линіи сада отъ зданій на площадяхъ находятся въ разстояніи 16 саженъ, а отъ Невы въ 50-ти саженяхъ. Между зданіемъ адмиралтейства и бульваромъ будетъ проѣздъ; широкая аллея бульвара назначается для верховой ѣзды, а сенатская часть бульвара отводится подъ шоссе. Что касается расположенія прочихъ дорожекъ, то, какъ видно на планѣ, при ихъ проведеніи устранена утомительная и однообразная прямолинейность; свободными и прихотливыми извивами разбѣгаются онѣ во всѣ стороны, облегчая движеніе большимъ массамъ публики. Противъ Гороховой улицы, Невскаго и Вознесенскаго проспектовъ устроены обширные бассейны съ фонтанами; ихъ высокіе водометы (4—6 саженъ высоты) будутъ распространять пріятную прохладу въ лѣтній зной. Противъ Исаакіевскаго собора разбитъ большой эллиптическій газонъ съ низенькими кустарниками и цвѣточными клумбами. Часть сада въ правомъ углу противъ сената, охватывая собою памятникъ Петру Великому, разбита въ англійскомъ вкусѣ и къ адмиралтейству поднимается въ гору, образуя посрединѣ холмъ; вообще же вся площадь сада представляетъ волнообразную поверхность, что придаетъ ему изящество естественнаго парка на подобіе *Champs Elysés* или *Buttes de Chaumont*. Дорожки сада шириною въ 3 сажени. Во многихъ мѣстахъ устраиваются бесѣдки, кіоски для продажи прохладительныхъ напитковъ. Весь садъ будетъ обнесенъ рѣшоткою.

Что касается самой растительности, то дорожки предполагается обсадить отчасти густыми кустарными деревьями для доставленія тѣни, а частью оставить на солнопекѣ для весеннихъ и осеннихъ дней, обставивъ изрѣдка насаженными деревьями. Большіе тѣнистые пріюты будутъ устроены на мѣстахъ, назначенныхъ для дѣтскихъ игръ. Вообще же, относительно расположенія растеній, садъ не только удовлетворитъ эстетическому чувству, но будетъ поучителенъ и для любителя садоводства. Здѣсь будутъ собраны, по возможности въ отдѣльныхъ группахъ, не только всѣ зимующіе въ Петербургѣ деревья и кустарники, но и красивѣйшія изъ однолѣтнихъ. А нѣкоторымъ частямъ, посадкою хвойныхъ растеній, придадутъ характеръ вѣчнозеленѣющихъ. Главнѣйшая трудность заключалась въ подготовленіи почвы, такъ какъ мѣстность, мостившаяся въ теченіи многихъ лѣтъ, представляла фута на 2 толщины сплотившуюся, почти камнеобразную массу щебня и песку. Надо было взломать се, отчасти перемѣшать съ подпочвой и покрыть сверху слоемъ (3,000 куб. саженъ) свѣжей земли.

Общія предполагаемыя издержки до сихъ поръ простираются до 145,000 руб.

Что касается возведенія новыхъ зданій, то изъ плана читатель увидитъ, что часть адмиралтейства, выходящая на Неву, приметъ совершенно иной видъ. Вдоль рѣки устроена будетъ гранитная набережная, небольшая бульварная аллея и широкая улица для будущихъ палацовъ.

Кометы и падающія звѣзды. Директоръ Берлинской обсерваторіи, профессоръ Фёрстеръ, сообщаетъ въ «Deutschen Reichs-Anzeiger» слѣдующее:

«Съ проложеніемъ большихъ подводныхъ телеграфныхъ линій, соединяющихъ Европу съ остальными частями свѣта, Астрономія получила возможность обозрѣвать все небесное пространство сполна при единовременномъ содѣйствіи обсерваторій, разбросанныхъ на отдаленнѣйшихъ пунктахъ земнаго шара. Блистательный результатъ этой всемірной передачи научныхъ наблюденій сказался 27 ноября прошлаго года, во время обычнаго періода падающихъ звѣздъ. Это паденіе звѣздъ, происходившее преимущественно надъ сѣвернымъ полушаріемъ, повело къ догадкѣ, что съ противуположной точки земнаго шара, т. е. вообще съ южнаго полушарія, пролетающія мимо земли и не раздробленныя въ земной атмосферѣ части этого звѣзднаго роя, должны представляться кометообразнымъ скопленіемъ—и именно въ той самой точкѣ небеснаго пространства, которая противуположна пункту кажущагося начала этого явленія на сѣверѣ. Получивъ телеграфическую депешу профессора Клинкерфуса изъ Геттингена съ увѣдомленіемъ о его гипотезѣ, Мадрасская обсерваторія дѣйствительно открыла на указанномъ мѣстѣ комету, которой прохожденіе въ чрезвычайной близости отъ земли — должно находиться въ тѣсной связи съ вышеупомянутымъ роемъ падающихъ звѣздъ, пролетавшихъ мимо насъ 27 ноября.

Эта комета, вскорѣ по усмотрѣніи ея, пропала изъ виду, померкнувъ отъ луннаго свѣта—а затѣмъ ее уже не видали болѣе, такъ что открытіемъ этого кометообразнаго скопленія обязаны единственно телеграфному сообщенію».

Нынѣ хлопочутъ объ установленіи постоянныхъ астрономическихъ сношеній между Европой и Америкой по телеграфнымъ линіямъ между Берлиномъ, Боркумомъ, Лофестофомъ, Валенціей и Вашингтономъ, — причемъ Берлинская обсерваторія будетъ сообщать свои наблюденія въ Америку, а Смитсоніанскій институтъ изъ Вашингтона обѣщалъ присылать американскія наблюденія въ Берлинъ.

Изъ Неаполя сообщаютъ о новыхъ раскопкахъ, произведенныхъ на этихъ дняхъ въ Помпеѣ. Въ вестибюлѣ небольшаго домика найдены два скелета, одинъ изъ нихъ женскій съ тяжелымъ золотымъ браслетомъ необыкновенной формы. Въ саду этого дома найдена статуетка изъ терракотты, изображающая философа. Но важнѣйшей находкой оказалась въ бесѣдкѣ сосѣдняго дома статуя венеры, раскрашеннаго мрамора, въ 1/2 аршина вышины. Она вполнѣ сохранилась, недостаетъ только двухъ пальцевъ правой руки. Волосы окрашены желтой краской, брови и рѣсницы черной. Одежда, ниспадающая съ лѣваго плеча и прикрывающая ноги, на лицевой сторонѣ желтая съ красными полосками, съ изнанки голубоватая. Лѣвая рука, держащая яблоко, опирается на небольшую фигурку, края которой покрашены желтымъ, зеленымъ и чернымъ. Обнаженныя части тѣла неокрашены.

Новый водопадъ. Въ «Times» пишутъ, что м-ръ Ч. Б. Броунъ, землемѣръ Британскихъ колоній въ Гвіанѣ, въ послѣднюю свою поѣздку къ истокамъ большой рѣки близъ начала Массарунда, открылъ громадный водопадъ, предъ которымъ знаменитый Ніагарскій—ничто. Вода низвергается съ сѣверовосточной стороны крутаго склона горы Рераима. Утесъ этотъ имѣетъ 2000 футовъ высоты и повидимому недоступенъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ его, которыя уже изслѣдованы. Вершина его плоская и широкая.

Голуби и хищныя птицы. Китайцы употребляютъ интересное средство для защиты голубей отъ хищныхъ птицъ. Они прикрѣпляютъ голубямъ на спину бамбуковыя дудочки, которыя при взлетѣ птицъ издаютъ пронзительный свистъ. Когда такимъ образомъ взлетаетъ цѣлая стая — поднимается невообразимый свистъ, пугающій хищныхъ птицъ и удерживающій ихъ на почтительномъ разстояніи. Дудочки эти, будучи различной длины и толщины, издаютъ самые разнообразные звуки—и благодаря имъ, китайцы сохраняютъ большую часть своихъ голубей.

Птицы и холера. Въ Премыслѣ, въ Галиціи, на высокой колокольнѣ упраздненной церкви, служащей провіантскимъ складочнымъ магазиномъ, живетъ множество галокъ и воронъ. Въ прошломъ году городъ посѣтила холера и усилилась до такой степени, что изъ 18,000 человѣкъ населенія умерло 900. За нѣсколько дней до наступленія эпидеміи, вороны и галки вдругъ пропали съ колокольни; ни въ городѣ, ни даже въ окрестностяхъ не было видно этихъ птицъ до 30 ноября. Въ этотъ день онѣ снова появились и съ радостнымъ крикомъ заняли покинутое жилище. Температура втеченіи всего этого времени не измѣнялась. Оберъ-инженеръ Юлій Милнернъ, замѣтившій фактъ переселенія птицъ, списался съ другими городами, гдѣ временно гостила холера,—и получилъ въ отвѣтъ подтвержденія своихъ наблюденій изъ двухъ маленькихъ городковъ: тамъ точно также, при появленіи эпидеміи, отлетали эти птицы и возвращались по прекращеніи ея.

Парфюмерные товары у арабскихъ дамъ. Дамы счастливой Аравіи душатся въ высшей степени оригинально и цѣлесообразно. Онѣ выкапываютъ въ земляномъ полу своей хижины или палатки углубленіе величиною въ бутылку шампанскаго, наполняютъ его древеснымъ углемъ, зажигаютъ и бросаютъ туда пригоршню благовонныхъ кореньевъ и смолъ. Между тѣмъ какъ изъ углубленія поднимается горячій благовонный паръ, дамы, раздѣвшись, садятся надъ нимъ на корточки, накрываются съ головы платьями какъ бы колпаками, распустивъ ихъ шатромъ надъ углубленіемъ. При высокой температурѣ отъ углей развивается сильная испарина, кожа увлажняется, поры ея открываются и вся поверхность тѣла напитывается благовоніями. Какъ только уголья погасли, парфюмерный процессъ конченъ; дамы и одежда ихъ надушены до такой степени, что букетъ ихъ слышится за сто шаговъ по вѣтру. Употребляемыя при этомъ вещества—инбирь, гвоздика, корица, ладанъ, мирра и проч., смѣшанныя смотря по желанію.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ

ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ВЕСЕННІЙ СЕЗОНЪ.

МОДЕЛИ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. ТЮНИКИ.				
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлкою	100	—	325	—
» фай и sicilienne	35	—	190	—
» кашемиры, біарицъ	20	—	150	—
» Матер. фантазій, цвѣтовъ réséda, moutarde и друг. съ вышивками, стальными пуговицами и прочими отдѣлками	25	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. ПАЛЬТО. (на шелковыхъ подкладкахъ).				
Изъ Ліонс. бархата коротк. безъ отдѣлки	70	—	100	—
Уличныя безъ отдѣлки	105	—	175	—
Съ богат. отдѣлками	125	—	250	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne безъ отдѣлк.	50	—	95	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne съ богатыми отдѣлками	65	—	150	—
Ліонс. фай на ластикѣ	40	—	60	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. КОФТЫ - ЖАКЕТЫ.				
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлками	50	—	150	—
» » фай	18	—	100	—
» кашемира	15	—	85	—
» драпа велюре монтаньякъ	20	—	65	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. ДОЛМАНЫ.				
Изъ Ліонск. бархата съ роскошн. отдѣлк.	90	—	200	—
» » фай	50	—	125	—
» кашемира, драпа съ богат. вышивками всѣхъ цвѣтовъ	50	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. РОТОНДЫ.				
Изъ Ліонск. узкаго бархату безъ отдѣлки	90	—	140	—
» » » » съ богат. отдѣлк.	125	—	195	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ безъ отдѣлки	150	—	200	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ съ отдѣлкою	175	—	250	—
Дра-де-велюръ, монтаньякъ, drap-de-Paris	35	—	75	—
Драпа	20	—	50	—
Англійской 2-сторонней матеріи	20	—	45	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е. БѢЛЫЯ ВЕЩИ.				
Изъ кашемира біаритца съ прошивками, кружевами, вышивками и т. д.	25	—	60	—
Фай, армюра съ богат. отдѣлк.	50	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е. КОСТЮМЫ для комнатъ и прогулокъ самыхъ модныхъ цвѣтовъ.				
Шерстяные	25	—	85	—
Шелковые	95	—	450	—

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. Огромная партія кашемировыхъ черныхъ вышитыхъ платковъ:				
Гладкіе	4	и	дороже	
Вышитые	8	и	дороже	
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е.				
Ковровые платки и шали	20	и	дороже	
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.				
Фай цвѣтной	2	50	5	—
» черный	2	50	12	—
Ліонск. бархатъ	6	50	10	—
Широкій 2-хъ арш. барх. аршинъ	40	—	—	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е. ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французской матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	2	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивк.	6	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е. НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ШЛЯПЫ (МОДЕЛИ) первыхъ Парижскихъ домовъ.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е. ШЛЯПЫ.				
Касторовыя кругл.	7	—	20	—
Городскія	10	—	25	—
Креповыя	8	—	25	—
Тюлевыя	9	—	30	—
Соломенныя круглыя	7	—	20	—
» городскія	10	—	25	—
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.				
Антука	3	—	8	—
Зонтики	5	50	18	—
Кружевные	8	—	60	—

Требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—4.

Дозволено цензурою 20 Апрѣля 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С. П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 17 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 30 апрѣля 1873 года. Годъ IV.

50,000!...

Оригинальная шутка одномъ дѣйствіи.

Соч. **П. Новикова.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ МАРКЫЧЪ, чиновникъ.
МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА, его жена.
ВѢРА ИВАНОВНА, ихъ дочь.
ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ, женихъ Вѣрочки.
СТЕПАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ФЕРТОВЪ, сослуживецъ Ивана Маркыча.
ѲЕДУЛЪ ПОТАПЫЧЪ, купецъ.
ЛАВРЕНТІЙ, **ДМИТРІЙ** } его прикащики.
МАТРЕНА, кухарка.
ДВОРНИКЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Ивана Маркыча.

Большая но не богатая комната. Не много мебели, довольно старой. Направо бюро, на немъ восковыя вазы и статуэтки. На стулѣ дамскія шелковыя платья и картонки. Столъ. На стѣнѣ висятъ сюртукъ и пальто.

Вѣра Ивановна и Владиміръ Андреевичъ тихо разговариваютъ. Марья Васильевна вяжетъ чулокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Владиміръ Андреевичъ, Вѣра Ивановна и Марья Васильевна.

Влад. Андр. Знаете что, Марья Васильевна, ужъ если Иванъ Маркычъ такъ сильно капризничаетъ, то мы съ Вѣрой Ивановной обвѣнчаемся безъ его согласія!..

Мар. Вас. Что вы, что вы, Владиміръ Андреичъ! какъ можно безъ отцовскаго согласія! Нѣтъ, батюшка, такой грѣхъ на душу не возьму...

Вѣра Ив. *(сквозь слезы)* А папашѣ не грѣхъ, давши слово Владиміру Андреевичу, безъ всякой причины теперь не позволять на мнѣ жениться?..

Мар. Вас. Конечно, причины нѣтъ никакой, только

все противъ закона идти нельзя: безъ родительскаго согласія, Богъ счастья Вѣрочкѣ не дастъ...

Влад. Андр. Нѣтъ, съ вами лопнетъ всякое терпѣніе! Да вѣдь вы сами готовы согласиться, что Иванъ Маркычъ капризничаетъ и дѣлаетъ глупости,—такъ чѣмъ же мы виноваты? Да наконецъ вы знаете, что меня переводятъ въ другой городъ на службу,—чрезъ двѣ недѣли я уже долженъ быть тамъ, на мѣстѣ; если на этой недѣли Иванъ Маркычъ не согласится сыграть нашу свадьбу, тогда простите, Вѣра Ивановна, не я буду виной нашей разлуки!!

Вѣра Ив. Нашей разлуки? Владиміръ Андреичъ, не повторяйте этого слова! развѣ вы не вѣрите моей любви? развѣ вы не вѣрите, что я для васъ готова пожертвовать всѣмъ, готова съ вами бѣжать хоть на край свѣта,—я умру съ горя!..

Влад. Андр. Разстаться съ вами я не въ силахъ! я вижу: вы любите меня, никакая преграда не въ силахъ насъ разлучить!..

Вѣра Ив. Одна лишь смерть! *(обнимаетъ его).*

Марья Вас. *(всторону)* Дышатъ не надышатся другъ на друга, вотъ истинная-то любовь! да, у моей Вѣрочки ангельское сердце!

Влад. Андр. Мы еще разъ попытаемся упросить Иванъ Маркыча; если онъ опять будетъ капризничать, тогда мы примемъ рѣшительныя мѣры!..

Марья Вас. Ужъ право не знаю! у меня даже голова кругомъ идетъ. Чудакъ—мой Иванъ Маркычъ... *(всторону)* ну гдѣ онъ другаго такаго дурака т. е. жениха-то найдетъ? вѣдь умный-то человѣкъ ныньче деньги спрашиваетъ, а у Вѣрочки всего за душой 200 рублей; ну какія это деньги! *(вслухъ)* Нѣтъ и въ самомъ-то дѣлѣ—чего Маркычъ дурака-то разыгрываетъ, сейчасъ же на горло ему наступлю, попытаемся-ка всѣ вмѣстѣ въ послѣдній разъ попросить его!..

Влад. Андр. Извольте, мамаша, я готовъ! попросимте его еще, Вѣра Ивановна.

Марья Вас. А! кажись проснулся *(прислушивается къ дверямъ направо).* Такъ и есть, покрякиваетъ.

(голосъ Ивана Маркыча за сценой).

Гдѣ оракулъ, дайте мнѣ оракулъ!..

Марья Вас. Вѣрочка, гдѣ оракулъ? слышь, папочка спрашиваетъ...

Вл. Андр. Какой ему надо оракулъ?

Марья Вас. Да вотъ что сны-то угадываетъ...

Вл. Андр. Неужели онъ вѣритъ этимъ глупостямъ?

Марья Вас. Что вы, батюшка, какъ же не вѣрить-то? Оракулъ чай ученые люди писали?!

Вл. Андр. *(всторону)* И въ настоящее время еще многіе вѣрятъ этимъ бреднямъ!

Вѣра Ив. *(ища въ бюро)* И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-жъ оракулъ-то? Папочка разсердится, если мы его не найдемъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Иванъ Маркычъ выходитъ въ халатѣ.

Ив. Мак. Да куда же вы дѣвали оракулъ! да ищите же скорѣй! я забуду сонъ и тогда конечно — все будетъ потеряно!.. *(къ публикѣ)* Представьте себѣ: голубь нѣсколько разъ садился мнѣ на носъ, кончикъ носа и до сихъ поръ чешется; а это что значитъ? счастье сидѣло у меня на носу...Батюшки, да вѣдь сегодня разыгралась лоттерея, а у меня есть пять билетовъ; неужели 50,000!!

Вѣра Ив. А, вотъ нашла! извольте, папочка, оракулъ!

Ив. Марк. *(цѣлуя въ лобъ)* Благодарю, ты очень находчива.

Вл. Андр. Здравствуйте, Иванъ Маркычъ, какъ ваше здоровье?

Ив. Мар. *(читая)* Не мѣшайте, ради Бога! вы видите, что я занятъ...

Вл. Андр. *(смѣясь)* Да, очень серіозными дѣлами...

Ив. Марк. А какъ бы вы думали! *(ища)* Видѣть голубей во снѣ... а, стопъ! стопъ! нашелъ! ну, ну, такъ и есть: неожиданное счастье, прибыль, я выиграю! *(весело потираетъ руки)* Ну вотъ сердце говоритъ, что я выиграю!

Мар. Вас. Да чему же ты радуешься? чинъ что-ли получишь?

Ив. Марк. Чинъ! къ чему мнѣ чинъ! слава Богу, я и безъ того ужъ губернскій секретарь! лѣтъ черезъ 40 и генераломъ буду.

Вѣра Ив. Значитъ, папочка награду денежную получитъ...

Ив. Марк. Велика у насъ награда бываетъ! пустяки!

Влад. Андр. Ужъ не получите ли вы какое наслѣдство?

Ив. Марк. Ничего вы не понимаете, ничего вы не знаете...

Марья Вас. Глупости у тебя все на умѣ, лучше объ дѣлѣ поговорилъ бы съ Владиміромъ Андреичемъ.

Ив. Марк. Какія у васъ могутъ быть серіозныя дѣла, вздоръ какой нибудь, пустяки! Вотъ какъ теперь вижу: голубь сидѣлъ у меня на носу, это 50,000 на мой № упали.

Влад. Андр. Иванъ Маркычъ, я васъ прошу дать сегодня рѣшительный отвѣтъ...

Ив. Марк. *(читая въ книгѣ)* Видѣть голубей... да, да, видите? неожиданное счастье, прибыль!

Марья Вас. А и въ самомъ дѣлѣ, Маркычъ, что ты и взаправду капризничаешь-то некстати, чего ты только медлишь ихъ свадьбой?

Влад. Андр. Я жду отвѣта, Иванъ Маркычъ.

Ив. Марк. Ахъ да не мѣшайте мнѣ, ради Бога! ну я вамъ сказалъ разъ навсегда, что теперь на вашу свадьбу согласиться не могу,—ну не могу и не могу!.. у меня на это есть серіозныя и уважительныя причины...

Вѣра Ив. Какія же, папочка, причины?

Ив. Марк. Это моя тайна.

Вѣра Ив. *(сквозь слезы)* Вы просто, папочка, значитъ не хотите выдать меня за Владиміра Андреевича, въ такомъ случаѣ я лучше умру...

Марья Вас. Что ты, Вѣрочка, Богъ съ тобой! да нѣтъ, этого быть не можетъ!! да чтожъ это и въ самомъ дѣлѣ, Маркычъ, ты видно смѣешься? говори, дочь погубить хочешь что-ли?

Ив. Марк. Кто ее губитъ? вѣдь кромѣ Владиміра Андреевича, я ни за кого ее болѣе не отдамъ, *(всторону)* да и незакого болѣе, нынче женихи жгутся, чортъ ихъ возьми!..

Влад. Андр. Серіозно, Иванъ Маркычъ, вѣдь вы дали мнѣ честное слово...

Ив. Марк. Знаю... далъ слово такъ и сдержу—и будетъ она твоя, только ради Бога подожди!.. *(нѣжно)* Вѣдь вы знаете, дѣтки мои, что я васъ искренно люблю; по этому-то вотъ я и жду только одного случая, чтобъ видѣть васъ вполнѣ счастливыми! дѣти мои, поцѣлуйте меня! *(цѣлуетъ).*

Вѣра Ив. Папаша, когда же наша свадьба?

Влад. Андр. Назначьте по крайней мѣрѣ срокъ, надо же мнѣ объ этомъ знать!

Ив. Марк. (*сердито*) Оставьте меня ради Бога въ покоѣ!

(*всѣ ходятъ сзади его*).

Нѣтъ ужъ мы отъ васъ не отстанемъ, скажите намъ сегодня, сейчасъ!

Ив. Марк. Если вамъ такъ захотѣлось узнать день вашей свадьбы, извольте, такъ и быть скажу: (*показывя листочекъ*) когда розыграютъ эту лоттерею, тогда я розыграю и вашу свадьбу.

Всѣ. Странно! да почему же это такъ?

Ив. Марк. Я хочу, чтобъ у тебя было приданаго 50 тысячъ, я хочу чтобъ твоя свадьба была на славу... я хочу пригласить на свадьбу всѣхъ своихъ начальниковъ, даже его превосходительство; понимаете? его превосходительство со звѣздой!

Марья Вас. Экую чепуху ты, Маркычъ, городишь... скажите пожалуйста, что выдумалъ! опять взялъ билеты на лоттерею!

Влад. Андр. Да вы шутите, Иванъ Маркычъ?

Ив. Марк. Въ серіозныхъ дѣлахъ не шутятъ—рѣшено!

Марья Вас. Эта лоттерея совершенно свела его съ ума, только ей и бредитъ... Да что-ты уморить насъ всѣхъ чтоли хочешь? мало ты еще просадилъ въ эту бездонную лоттерею, мало за квартиру что ли долженъ, мало сраму-то я еще терплю отъ долговъ, по міру пустить насъ хочешь, лоттерейникъ окаянный!

Ив. Марк. Уймитесь, уймитесь, волненія страсти! Марья Васильевна, не кипече-па, не кипече-па! браните сколько душѣ вашей угодно, а что вы скажете, какъ вдругъ вашъ Иванъ-то Маркычъ въ одинъ прекрасный день принесетъ вамъ 50 тысячъ,—ась? что вы тогда скажете на это, Марья Васильевна?

Марья Вас. (*плюнувъ*) Сумашедшій!

Влад. Андр. Полноте, Иванъ Маркычъ, думать о пустякахъ, — напрасныя мечты, мы и безъ вашихъ денегъ обвѣнчаемся...

Вѣра Ив. Ахъ, папочка—не въ деньгахъ счастье! И черезъ золото слезы льются...

Ив. Марк. Нѣтъ, ужъ это атанде-съ, милѣйшій Владиміръ Андреичъ! какъ-то нибудь съиграть свадьбу я не намѣренъ! Развѣ мои начальники и его превосходительство со звѣздой поѣдутъ въ такую квартиренку въ 4-й этажъ? Нѣтъ ужъ, Володя, ты лучше подожди, я выиграю 50 тысячъ; не даромъ же мнѣ голуби на носъ садились...

Марья Вас. Да ты бы грѣховодникъ своихъ-то 100 рублей выигралъ!

Ив. Марк. Не сто, Марья Васильевна, а всѣхъ 300 рублевиковъ посѣялъ въ разныя лоттереи.

Всѣ. 300 рублей!

Вл. Андр. 300 рублей! почти годовой окладъ! и вотъ какимъ путемъ думали вы поправить свое состояніе?! Страсть къ выигрышу заставляетъ бѣднаго человѣка ставить свой трудовой рубль на обманчивую карту, и мало по малу ведетъ честнаго труженика къ гнусному азарту; жажда отыграться вынуждаетъ его добывать деньги какимъ бы то ни было путемъ. Въ это время въ немъ заглушаются самыя благородныя чувства, въ немъ теряется охота къ честному труду—и онъ безсознательно дѣлается воромъ!—Да, эти выигрыши выжимаются изъ кармановъ бѣдныхъ работниковъ, легковѣрныхъ отцовъ семейства, лишающихъ своихъ дѣтей послѣдняго куска хлѣба.

Ив. Марк. Мнѣ что за дѣло! какъ бы не выиграть, только бы выиграть!..

Марья Вас. Шуточное дѣло: проиграть 300 рублей! когда такъ, не стану-жъ съ тобой долго возиться... Батюшка, Владиміръ Андреичъ, вотъ что голубчикъ мой: у Вѣрочки есть билетъ въ 200 руб., ей подарилъ мой покойный братъ на свадьбу, вамъ этихъ денегъ на первое обзаведеніе будетъ достаточно; что намъ на него смотрѣть!.. принеси-ка, Вѣрочка, эти билеты! я вамъ ихъ, Владиміръ Андреичъ, отдамъ, покупайте что нужно для свадьбы, — что его дожидаться-то и въ самомъ дѣлѣ!..

Вѣра Ив. Сейчасъ, мамочка, принесу (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же кромѣ Марьи Васильевны.

Ив. Марк. Вотъ тебѣ разъ!.. (*отводя Владиміра Андреевича въ сторону*). Володя, извини меня, мнѣ право совѣстно... но вѣдь я еще могу выиграть 50 тысячъ! Не сердись, ей Богу отдамъ...

Влад. Андр. Да вы мнѣ не много должны — и я съ васъ не требую...

Ив. Марк. Ахъ, не про твой долгъ я говорю... я у дочки взялъ 200 рублей.

Влад. Андр. Тихонько?

Ив. Марк. Тихонько!

Вл. Андр. Ну вотъ видите, до чего довела страсть!.

Ив. Марк. Чтожъ дѣлать, Володя! я разъ затратилъ на лоттерею казенныя деньги, надо было потомъ внести... я и рѣшился... Не хорошо это... знаю... но чтожъ дѣлать!.. пожалуйста заступись, знаешь, моя баба какъ расходится—бѣда! умасли ее какъ нибудь; скажи, что ты взялъ.

Вл. Андр. Нѣтъ, ужъ благодарствуйте... отвѣчайте-ка сами...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Вѣра Ивановна (входитъ грустная, съ открытой коробкой, идя медленно).

Марья Вас. Покажи-ка мнѣ билетъ, чай процентовъ ужъ много накопилось... покажи-ка?

Вѣра Ив. Мамочка, здѣсь нѣтъ билета.

Марья Вас. Какъ нѣтъ? гдѣ же онъ? поищи хорошенько...

Влад. Андр. Не ищите напрасно.

Ив. Марк. (*къ Влад. Андр.*). Скажи, что воры украли.

Марья Вас. (*на Ив. Марк.*) Иванъ Маркычъ...

Ив. Марк. (*одѣвая сюртукъ*). Гдѣ моя шляпа?

Марья Вас. Ужъ не ты ли взялъ-то этотъ билетъ, не въ лотерею-ль посадилъ ты его?

Ив. Марк. Ну, отдамъ я вамъ 200 рублей, коль выиграю, двѣ тысячи отдамъ!..

Марья Вас. А! такъ вотъ ты, батюшка Иванъ Маркычъ, до чего дошелъ съ этими лоттереями! мало того, что заложилъ мои ложки и обручальныя кольца, такъ ужъ у роднаго дѣтища отнялъ послѣднія крохи!.. Человѣкъ ты, или нѣтъ? Есть у тебя на вороту крестъ-то? а? да говори же, безсовѣстный—говори! (*плача*) Боже мой, до чего я дожила!

Влад. Андр. Успокойтесь, Марья Васильевна, я достану на свадьбу денегъ; къ чему себя тревожить!..

Марья Вас. Нѣтъ, батюшка, Владиміръ Андреевичъ, силушки моей съ нимъ не хватаетъ, я этого не позволю! Какъ? украсть у своей дочери!

Ив. Марк. Вовсе я не укралъ, а такъ—тихонько взялъ.

Марья Вас. Прочь съ глазъ моихъ, видѣть тебя не

хочу!.. (*сквозь слезы*) Вонъ, лотерейникъ, убирайся вонъ! ахъ, дурно!! (*падаетъ въ кресла*).

Ив. Марк. (*надѣвая пальто и шляпу*). Сегодня мнѣ дома не житье, Володя, успокой ее, помочите уксусомъ... а я сбѣгаю посмотрѣть, не вышла ли таблица выигрышей... не даромъ мнѣ снились голуби... Вѣрочка, прости, не сердись на отца; видитъ Богъ, я для тебя хотѣлъ выиграть, мнѣ хотѣлось тебя видѣть счастливой и богатой.. Впрочемъ, я вѣдь еще выиграю; а если не выиграю, петлю на шею и въ воду!

Вѣра Ив. Богъ съ вами! (*плачетъ*).

Ив. Марк. Ну, и эта въ слезы ударилась! (*уходя говоритъ въ сторону*). Вотъ послѣ этого и старайся для своего семейства! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же кромѣ Ивана Маркыча.

Марья Вас. Ишь ты подумаешь, до какой степени пристрастился къ лоттереѣ!

Влад. Андр. Ахъ, стоитъ ли объ этомъ горевать! У меня мѣсто хорошее, притомъ и дядюшка, быть можетъ, пришлетъ на свадьбу, будетъ чѣмъ прожить... и въ бѣдности люди бываютъ счастливы...

Вѣра Ив. Да, мамочка, мы будемъ жить вмѣстѣ съ вами, Владиміръ Андреевичъ любитъ трудиться, я тоже буду работать въ магазинѣ, для насъ право будетъ довольно... (*цѣлуетъ ее*).

Марья Вас. Спасибо вамъ, дѣточки, за ласки! мнѣ отъ вашихъ словъ какъ будто сдѣлалось и полегче, а то вѣдь этотъ грѣховодникъ совсѣмъ меня убилъ, мотыга эдакой! Ишь что выдумалъ—проигрывать дочерни деньги? а!

Вѣра Ив. Успокойтесь, мамочка, будемъ надѣяться на Бога.

Марья Вас. Ну, ладно, ладно, я не сержусь, я спокойна, дѣти мои; послѣ свадьбы переѣду къ вамъ, мнѣ старухѣ немного мѣста надо; а онъ пусть живетъ себѣ одинъ, пусть возится съ своими лоттереями, хоть самого себя разыгрываетъ.

Вѣра Ив. Мамочка, не сердитесь на папашу, онъ для насъ же искалъ счастія.

Марья Вас. Лоторейникъ эдакой!.. не думаетъ ли онъ, что какъ выигралъ бы 50 тысячъ, такъ Вѣрочку бы отдалъ за графа или князя.

Вѣра Ив. Да я бы сама ни за кого кромѣ Владиміра Андреевича не пошла!..

Влад. Андр. Ну, я хоть тѣмъ доволенъ, что теперь Иванъ Маркычъ согласится на нашу свадьбу.

Вѣра Ив. Конечно, онъ теперь согласится (*глядя на Влад. Андр., въ сторону*) Какой великодушный человѣкъ, какъ я его полюбила! (*тихо разговариваетъ съ нимъ*).

Марья Вас. (*въ сторону*) Голубчики мои, глядятъ не наглядятся другъ на друга... Бывало и мы съ Маркычемъ точь въ точь такъ ворковали,—а теперь, грѣховодникъ эдакой, въ лоттерею готовъ меня розыграть!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Матрена.

Матрена (*прибирая мебель и вытирая пыль*). Кажись, сама-то успокоилась, пойти попросить деньжонокъ...

Марья Вас. Что тебѣ, Матрена?

Матрена. Пыль, барынька, вытираю...

Марья Вас. Да мы и безъ тебя здѣсь приберемъ, а ты убирай-ка лучше у себя на кухнѣ,—у тебя тамъ, чай, все вверхъ ногами!..

Матрена. Иду, иду!.. (*кланяясь*) Бѣла барынька, сдѣлайте Божеску милость, не откажите... скоро розыгрышъ... позвольте рублика 2 въ счетъ жалованья...

Мар. Вас. Какого жалованья? да вѣдь ты ужъ за два мѣсяца впередъ взяла?

Матрена. Знаю, бѣла барынька, что взяла... да вотъ еще хочется лотерейныхъ билетиковъ купить... позволь, родимая, еще за мѣсяцъ 4 рублика.

Мар. Вас. 4 рубля на лоттерею?

Матрена. Да, можетъ статься, барынька, я выиграю 50 тысячъ.

Влад. Андр. Ну, а если проиграешь, Матрена, такъ вѣдь ты два мѣсяца прослужишь даромъ, башмаковъ не на что будетъ тебѣ купить!..

Матрена (*задумчиво*). Точно, батюшка... да я ужъ рублевъ съ десятокъ пропекла... отыграться-то больно охота... авось выиграю!..

Влад. Андр. Нѣтъ, Матрена, кто дѣлаетъ на авось, всегда послѣднее теряетъ...

Мар. Вас. Я увѣрена, что это Маркычъ вовлекъ ее въ лоттерею, это онъ грѣховодникъ ее смутилъ. Нѣтъ тебѣ ни гроша, не смѣй и говорить про лоттерею!.. вонъ, безстыжая!

Матрена (*уходя*). Хоть душу свою заложу, а куплю билеты, — колдунья на кофею угадала, что я много выиграю денегъ!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Иванъ Маркычъ и Степ. Петр. Фертовъ.

Ив. Мар. (*вессылый, вбѣгая въ комнату, держитъ въ рукахъ голову сахара, арбузъ и бутылки*). Вотъ и я, вотъ и я!..

(*Матрена принимаетъ вещи*).

Ив. Марк. (*цѣлуя Влад. Андр.*). Володя, другъ мой! (*цѣлуя Вѣру Ив.*). Вѣрочка, голубушка! (*обнимая Мар. Вас.*). Жонушка моя! (*обнимая Матрену*). Ангелъ мой, Матренушка!! (*обнимая Степ. Петр.*). Благодарю! благодарю!!. каково! 50 тысячъ!.. 50 тысячъ!..

Фертовъ. Мое почтенье, Марья Васильевна! какъ вы поживаете, Вѣра Ивановна?

Влад. Андр. (*всторону*). Фертовъ! какъ сюда попалъ этотъ прощалыга?

Ив. Марк. Матрена, заплати извощику 20 к., нѣтъ, 40, нѣтъ, мало, дай ему цѣлковый!..

Мар. Вас. Гдѣ ты такъ нахватался, любезный? вы что-ль его, Степанъ Петровичъ, такъ напоили?

(*Иванъ Марк. приплясывая вертитъ Матрену*).

Фертовъ. Нисколько, Марья Васильевна, Иванъ Маркычъ это съ радости... онъ выигралъ 50 тысячъ.

Всѣ. 50 тысячъ?!

Ив. Марк. Да-съ 50 тысячъ — только!.. Что, Марья Васильевна, будешь меня за это ругать? а? что? дай тебя поцѣловать!

Мар. Вас. Да ты взаправду выигралъ 50 тысячъ?

Ив. Марк. Ха, ха, ха, не вѣритъ!..

Фертовъ. Правда, Марья Васильевна, я самъ читалъ таблицу; его № выигралъ 50 тысячъ, вѣдь у него 1234.

Вѣра Ив. Да, да, 1234, я очень хорошо помню.

Мар. Вас. (*цѣлуя Ив. Марк.*). Ахъ ты умничекъ, красавчикъ мой!

Ив. Марк. (*передразнивая*). Вишь теперь умничекъ, красавчикъ! а что прежде говорила?

Мар. Вас. Прости, не буду никогда ни въ чемъ тебѣ болѣе поперечить.

Матрена *(всторону)*. Ну, вотъ говорятъ нельзя выиграть! *(уходя)* Да я таперича хоть украду да куплю билетовъ, ишь какъ легко выиграть!

(Уходитъ).

Фертовъ. Благодарю васъ, съ удовольствіемъ!

Ив. Марк. *(на ухо Вѣрѣ Ив.)*. Постарайся ему понравиться... знаешь — крестникъ его превосходительства!.. Фи, какая дрянная у меня квартиренка! завтра же надо сыграть новую... и къ чему здѣсь этотъ хламъ? все будетъ новое *(бросаетъ вазы и мелкія вещи за окно, всѣ его удерживаютъ)*, все это дрянь, мусоръ все къ

Остяки. Рис. Э. Віолла, грав. Тенаръ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ Матрены.

Ив. Марк. Чтобъ вы убѣдились на дѣлѣ, что я выигралъ, такъ сейчасъ увидите, какъ намъ изъ лавочекъ принесутъ разнаго товара; купцы объ этомъ узнали и отпускаютъ въ долгъ сколько угодно... Марья Васильевна, приготовьте къ обѣду гуся или индѣйку съ яблоками, да рябчиковъ еще купите, да лососинки свѣженькой... устрицъ, устрицъ еще захватите!.. Степанъ Петровичъ, вы у насъ обѣдаете?

чорту! оставьте меня въ покоѣ, на 50 тысячъ всего куплю! *(бросаетъ платья)*.

Мар. Вас. и Вѣра Ив. Папочка, да вѣдь это шелковыя платья!

Ив. Марк. Бархатныхъ накуплю! пусть теперь Матрена ходитъ въ шелковыхъ... Владиміръ Андреевичъ, сходите-ка поскорѣй, подыщите мнѣ приличную квартирку въ бель-этажѣ—комнатъ въ 10, въ 12, съ конюшней...

Мар. Вас. Ну, конечно съ конюшней, безъ экипажа не ловко...

Вѣра Ив. А мой будуаръ чтобъ былъ на улицу, да пріищите еще хорошую горничную...

Ив. Марк. Да, зайди еще Володя въ контору Убри, найми мнѣ швейцара...

Мар. Вас. Въ красной ливреѣ.

Ив. Марк. Да, да въ красной ливреѣ!..

Вѣра Ив. А повара-то, папочка?

Ив. Марк. Да, да... и повара...

Влад. Андр. *(всторону)*. Господи! какъ вдругъ всѣ перемѣнились!.. я не узнаю и Вѣру Ивановну!

Вѣра Ив. *(сердито)*. Ахъ да, ступайте скорѣй, Владиміръ Андреевичъ!

Ив. Марк. (*начальническимъ тономъ*). Ступай же, братецъ, не заставляй тебѣ повторять! Завтра у меня будетъ балъ, будутъ начальники, его превосходительство со звѣздой! понимаешь?

Мар. Вас. Ваничка, амурчикъ мой, для бала-бъ надо купить новыя платья...

Вѣра Ив. Да, папочка, дайте намъ денегъ...

Ив. Марк. Гроша въ карманѣ нѣтъ, да вы возьмите въ долгъ, хоть на тысячу рублей, выигрышъ получу — такъ и заплачу.

Фертовъ (*всторону*). А! прекрасный случай, надо воспользоваться, послѣднія отдамъ... (*Вѣрѣ Ивановнѣ*) Къ вашимъ услугамъ (*подаетъ бумажникъ*). Сдѣлайте одолженіе, ровно 100 рублей.

Влад. Андр. (*всторону*). Неужели возьметъ?

Вѣра Ив. (*поглядывая на Фертова*). Да онъ прелюбезный! Очень, очень вамъ благодарна (*пожимаетъ ему руку*).

Мар. Вас. Благодарю васъ, батюшка, Степанъ Петровичъ, очень благодарю!

Влад. Андр. Съ какимъ удовольствіемъ я бросилъ бы ему въ глаза его картежныя деньги! и Вѣра Ивановна имъ одолжается! послушайте, Вѣра Ивановна!

Вѣра Ив. (*всторону, смотря на Фертова*). Очень не дуренъ... странно, отчего онъ мнѣ прежде не нравился?..

Фертовъ. (*тихо*) Дѣло, кажется, пойдетъ на ладъ... Вѣрочка посматриваетъ на меня умильно... (*Взглянувъ на Влад. Андр.*) ужъ не соперникъ ли это мой? надо спровадить... (*осматриваютъ другъ друга*).

Влад. Андр. (*къ Мар. Вас.*) Марья Васильевна, мнѣ нужно съ вами поговорить...

Мар. Вас. Э, батюшка, до того ли намъ теперь! слышь, завтра у насъ балъ, его превосходительство будетъ... такъ и быть, приходите и вы!..

Вл. Андр. Такъ и быть? благодарю васъ за любезное приглашеніе! Вѣра Ивановна, вы придете сегодня къ маменькѣ?

Вѣра Ив. А ужъ не знаю, можетъ быть, вѣрнѣе всего завтра, послѣ завтра, когда-нибудь... извините, мы ѣдемъ въ Гостинный дворъ.

Вл. Андр. (*съ негодованіемъ*). Когда нибудь? Боже мой! она ли это сказала? неужели эти деньги такъ быстро ее измѣнили?

Фертовъ (*всторону*). Эге, да она съ нимъ безъ церемоніи? ну, не опасенъ же онъ мнѣ!..

Вѣра Ив. (*къ Фертову*). Такъ вы у насъ сегодня обѣдаете? ахъ, какъ я рада!.. до свиданія, Степанъ Петровичъ!..

Фертовъ (*цѣлуя ей руку*). До свиданія, прелестная Вѣра Ивановна.

Вѣра Ив. (*всторону*). Да онъ право душка! пойдемте, мамочка.

Мар. Вас. Прощайте, Степанъ Петровичъ! (*уходя*) прекрасный молодой человѣкъ!

Вл. Андр. О деньги, деньги, что вы только дѣлаете!

(Окончаніе будетъ).

Народы Россіи.

XIII. Бродячіе и осѣдлые остяки

Сѣверъ Тобольской губерніи представляетъ безотрадную картину неоглядной шири, сплошь занятой топями, болотами и необозримыми лѣсами, все понижающимися по направленію къ Ледовитому океану и вовсе изчезающими у береговъ его. Сѣрое небо низко виситъ здѣсь надъ промерзлою снѣговою гладью громадныхъ пустынь. Шумъ и движеніе жизни чужды этому унылому простору. Громадныя рѣки тянутся здѣсь, посреди низменныхъ береговъ своихъ, на которыхъ изрѣдка темнѣютъ убогія кочевья властителя и обитателя тундры—остяка, да жалкіе чумы бродячаго самоѣда или вогула, заходящихъ сюда изрѣдка изъ сосѣднихъ губерній Европейской Россіи. Между этими рѣками—значительнѣе всѣхъ Обь—главный нервъ этого края, единственно удобный путь для сообщенія съ крайнимъ сѣверомъ Березовскаго округа. Ея притоки даютъ возможность на легкихъ челнокахъ пробираться въ отдаленнѣйшую глушь этой пустыни, которая зимою замираетъ словно въ летаргическомъ снѣ, окованная ледяными цѣпями полярныхъ морозовъ. Тогда только легкій сѣверный олень прокладываетъ человѣку путь по однообразнымъ снѣгамъ и замерзшимъ болотамъ — и въ теченіи семи мѣсяцевъ другаго сообщенія между различными пунктами нѣтъ, да и быть не можетъ.

Чѣмъ далѣе къ западу, чѣмъ ближе къ сѣвернымъ отрогамъ уральскаго хребта, тѣмъ виды березовскихъ пустынь дѣлаются разнообразнѣе и живописнѣе. Тутъ у Константинова камня, вдоль р. Кары, у горы Пай-яръ и Сабли, путникъ невольно остановится, пораженный чуднымъ величіемъ ярко-сверкающихъ вершинъ, словно плавающихъ въ лазури недосягаемо-высокаго неба,—граціозными линіями увѣнчанныхъ купами ели и сосны скатовъ, вдоль которыхъ порою тянутся причудливые гребни скалъ,—мирными зеленѣющими цѣпями холмовъ, оттѣняющихъ однообразныя линіи горизонта... Картины этой природы достаточно уже описаны нами въ статьѣ «Самоѣды» (№ 2, 3 и 4 «Нивы» 1872 г.), поэтому мы уже и не станемъ говорить о пейзажахъ этой окраины горнаго хребта, такъ какъ его восточные склоны въ Тобольской губерніи почти тождественны съ западными въ Архангельской.

На всемъ этомъ просторѣ кочуютъ племена остяковъ, общая численность которыхъ—до 12,000 ч., вмѣстѣ съ племенами сибирскихъ самоѣдовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе принадлежатъ къ общему корню — и въ самомъ типѣ ихъ сказываются такія сходныя черты, что напримѣръ Кастренъ проводилъ едва намѣченную, разграничительную черту между ними. Остяки — не особенно рослый народъ. Между ними мало найдется индивидуумовъ выше

средняго роста. Смуглое, безкровное, скуластое лицо, острые черные глаза, словно высматривающіе изъ щелей, широкій и короткій носъ—вотъ что кинется въ глаза случайному наблюдателю. Затѣмъ онъ замѣтитъ, что большая часть этихъ лицъ почти совершенно лишены бороды, (остяки выщипываютъ и брѣютъ бороду); что даже сравнительно молодые номады этого племени кажутся стариками, по обилію морщинъ и вялому ихъ характеру; что движенія ихъ неповоротливы, тяжелы, неуклюжи... Весьма часто остяки обезображены оспой или сифилисомъ, двумя бичами полярныхъ пустынь, вырождающими ихъ племена, борьба противъ коихъ почти невозможна при настоящихъ условіяхъ кочевой жизни.

Языкъ, которымъ говорятъ остяки, мало имѣетъ сходства съ нарѣчіемъ самоѣдовъ. Впрочемъ, пограничные съ Архангельской губ. остяки приняли не мало самоѣдскихъ и зырянскихъ словъ, остальныя же выраженія и часто конструкціи—русскаго языка. Собственно остяцкій языкъ распадается на нѣсколько вѣтвей; самымъ чистымъ изъ этихъ нарѣчій считается сургутское. Они почти вовсе не поютъ пѣсень, въ томъ смыслѣ, въ какомъ послѣднія существуютъ у насъ. Остякъ просто напѣваетъ названіе встрѣчающихся ему предметовъ, или вещей, которыя онъ когда-то видѣлъ и сохранилъ въ своей памяти. Часто эти предметы соединяются съ именами милыхъ людей—и только. Также бѣдны и немногосложны ихъ преданія. Собственно историческаго быта или чего либо въ родѣ этого у нихъ и искать нечего. Даже и суевѣріе ихъ весьма бѣдно и блѣдно. Да то и понятно. Мертвая пустыня сѣвера, скудная красками и линіями, не разовьетъ фантазію убогаго дикаря, вся жизнь котораго—неустанная борьба изъ за куска хлѣба, изъ-за возможности не умереть сегодня, а что будетъ завтра—Господь вѣдаетъ.

Олень даетъ главныя средства къ жизни остяку номаду. Кожи его—составляютъ одежду послѣдняго. Та же малица что и у самоѣдовъ—длинный изъ оленьяго мѣха мѣшокъ съ рукавами, къ которымъ пришиты рукавицы. Она шьется шерстью внутрь и на подолѣ украшается выпушкою изъ собачьяго мѣха. Изъ того же матеріала шьются и шаровары, также шерстью къ тѣлу; къ шароварамъ придѣланы мѣховые чулки съ такими же башмаками. Лѣтняя одежда еще дополняется широкимъ кожанымъ поясомъ съ громадной метталлической бляхой, къ которому привѣшиваются ножъ, трубка, кремень и огниво. Остяки, живущіе въ сосѣдствѣ русскихъ, вмѣсто малицъ носятъ холщевыя рубахи съ воротниками и нарукавниками краснаго или желтаго сукна. Случается, что къ рубашкамъ прикрѣпляютъ метталлическіе откладные воротники преимущественно изъ олова, къ которымъ придѣланы различныя украшенія изъ бусъ, кусочки цвѣтнаго стекла и другихъ предметовъ. Эти же остяки въ ненастье надѣваютъ широкіе сермяжные мѣшки съ капишономъ для головы, называемые гусемъ. Зимою къ вышеописанному мѣховому костюму прибавляютъ *пимы* (обувь изъ оленьяго мѣха шерстью вверхъ), *парху*, шубу изъ длиннаго оленьяго мѣха шерстью также вверхъ. Парха, когда она сшита особенно прочно, изъ толстыхъ кожъ, называется зимнимъ гусемъ. Кромѣ этого носятъ еще дома ягу—мѣховой халатъ, сшитый шерстью вверхъ съ отложнымъ воротникомъ. Зимой и лѣтомъ, какъ мужчины такъ и женщины, ходятъ съ открытой головой, только изрѣдка въ особенно сильные морозы накрывая ее мѣховою шапкой.

Остяки занимаются главнымъ образомъ звѣриными и рыбными промыслами или оленеводствомъ. Первые живутъ почти осѣдло. Они устроили въ посѣщаемыхъ ими урочищахъ по берегамъ рыболовныхъ рѣкъ или въ лѣсахъ избушки, называемыя ими *юрта*. Это—бревенчатые срубы, гдѣ крыша замѣняется бревнами, заваленными землею. Въ ней дѣлается отверстіе для выходу дыма. Въ стѣнѣ прорубается окно, стекло въ которомъ замѣнено или ледяною полосой или же склеенными рыбьими шкурками. Сквозь маленькую и низенькую дверь входя внутрь этой промысловой избушки, вы прежде всего почувствуете дурноту отъ переполненной міазмами ея атмосферы, потомъ вы замѣтите повсюду грязь, нечистоту, копоть, покрывающую и очагъ, и нары, и цыновки, и оленьи шкуры, и самихъ обитателей этого непривлекательнаго угла. Кромѣ этихъ избушекъ, остяки устраиваютъ еще и амбары или клѣтушки, куда складываютъ свои съѣстные припасы и пожитки. У дверей обыкновенно настораживаютъ стрѣлы съ желѣзными наконечниками, такъ что всякій отворяющій дверь будетъ чуть не на смерть пораженъ ими. Лѣтомъ эти остяки живутъ въ деревянныхъ чумахъ.

Остяки, занимающіеся оленеводствомъ, постоянно живутъ въ чумахъ, общее устройство котораго мало чѣмъ отличается отъ самоѣдскаго, подробно описаннаго нами. Поразительная картина такого чумовья. Посреди снѣжной глади, раскинутые на значительное пространство одни отъ другихъ, поднимаются конусы, покрытые лѣтомъ берестою, зимою—оленьими шкурами. Дымъ подымается высоко изъ отверстій продѣланныхъ на верху чумовъ, отъ очага располагаемаго обыкновенно по самой серединѣ этого незатѣйливаго жилища. Нѣсколько нартъ чернѣютъ вокругъ кочевья, стада оленей и мелкорослыя остяцкія собаки оживляютъ унылую картину кочевья. Внутри чумовъ почти всегда можно встрѣтить въ одной кучѣ: собакъ, голыхъ дѣтей, грязныхъ женщинъ, съ взбитыми волосами, и невозмутимо-важныхъ ихъ властелиновъ—мужей, отдыхающихъ близь огня, въ ожиданіи, когда въ котелкѣ подвѣшенномъ надъ очагомъ закипитъ незатѣйливое варево.

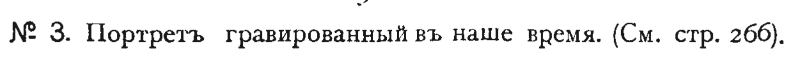
Трудно сказать, что дѣлалъ бы остякъ, еслибы природа не снабдила его такимъ неизмѣннымъ помощникомъ, каковъ полярный олень. Стада послѣднихъ, принадлежащія остякамъ, считаются сотнями, тысячами головъ,—и еслибы не сибирская язва и оленья чума, то ихъ было бы вдвое. Олени даже не требуютъ особеннаго присмотра за собою. Довольно если при стадѣ находится нѣсколько штукъ собакъ, неустанно берегущихъ его противу волковъ, собирающихъ стадо во время непогоды, сгоняющихъ его къ кочевью. Олень остяцкій, какъ самоѣдскій, съ грузомъ въ 10 пудовъ можетъ сдѣлать въ день до 40 верстъ; безъ груза же, на легкѣ, до 100. Когда стадомъ въ окрестностяхъ выѣденъ весь мохъ, остякъ переноситъ свое чумовище на другое мѣсто, стараясь лѣтомъ подобраться поближе къ берегамъ Ледовитаго океана и впадающихъ въ него рѣкъ. Олень же служитъ и главнымъ способомъ къ продовольствію остяковъ. Оленина вяленая, сырая, вареная—составляетъ для нихъ идеалъ гастрономическихъ наслажденій, особенно же сырая. Остяки-рыболовы питаются преимущественно рыбой сушеной, вареной и сырой, ягодами. Корреспондентъ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей сообщаетъ между прочимъ странный фактъ, что остяки не только не употребляютъ въ пищу грибовъ, но даже удивляются, что русскіе могутъ ѣсть ихъ. Сосѣди остяковъ, самоѣды, тѣ уже не только ѣдятъ но и сушатъ грибы на зиму. Хлѣба остяки ѣдятъ мало, муку же примѣшиваютъ на похлѣбки изъ оленины или сырой рыбы. Признакомъ богатствомъ инородца Березовскаго округа главнымъ образомъ служитъ чай, который онъ и пьетъ чуть ли не по шести разъ въ день. Какъ и самоѣды,

№ 1. Копія съ портрета, гравир. въ XVI вѣкѣ А. Дюреромъ. (См. стр. 266).

№ 2. Портретъ изъ «Magasin pittoresque» 1833 года. (См. стр. 266).

они готовы продать все за скверную разбавленную водку, завозимую имъ русскими промышленниками и березовскими купцами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ пробовали было пустить въ тундрѣ — въ продажу—курительный табакъ; но остяки отнеслись къ нему совершенно равнодушно,—хотя всѣ они, не исключая прекраснаго пола, жуютъ листья табаку и нюхаютъ его почти постоянно.

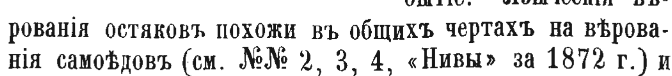
Остяки, какъ и всѣ номады сѣвера, лѣнивы до крайней степени. Они начинаютъ работать только тогда, когда ихъ пришибетъ нужда; безъ того остякъ рѣдко возьмется за дѣло. Этимъ разумѣется пользуются не только русскіе сибиряки, но и зыряне Архангельской губерніи, эксплуатирующіе инородцевъ, входящихъ съ ними въ какія бы то ни было сношенія. Всего хуже у остяковъ положеніе женщины. Она здѣсь безотвѣтная раба, животное, которое по понятіямъ ея мужа только и имѣетъ одно неоспоримое право — рожать дѣтей. Она работаетъ на своего повелителя съ утра до ночи, не слыша отъ него ни одного ласковаго слова.



№ 3. Портретъ гравированный въ наше время. (См. стр. 266).

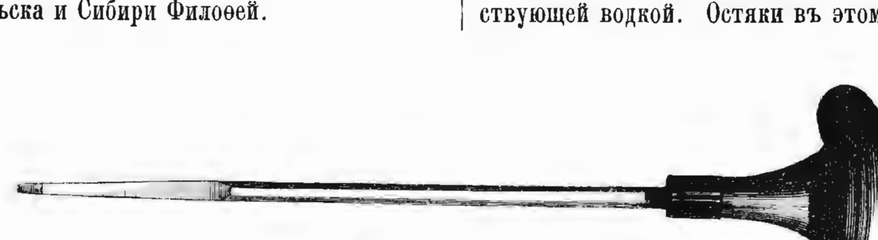
Къ тому же и обычай поставилъ остячку въ самое тяжелое положеніе въ семьѣ. Она и за тяжелымъ трудомъ не смѣетъ разговаривать, если около сидитъ мужчина. Женщина у нихъ не должна старшимъ показывать своего лица. Впрочемъ этотъ обычай строго соблюдается только у остяковъ, мало сталкивавшихся съ русскими и не пріобрѣтшихъ еще кое-какой осѣдлости.

Между собою остяки удивительно кротки и миролюбивы. О ссорахъ и распряхъ между ними слышать почти не приходится въ тундрѣ. Они честны, гостепріимны и относятся дружелюбно даже къ березовскимъ эксплуататорамъ, обирающимъ это слабое и податливое племя. Ни одинъ остякъ не скажетъ вамъ, сколько ему лѣтъ. Времена года онъ дѣлитъ по промысламъ, свойственнымъ каждому изъ нихъ, и постоянно сбивается въ опредѣленіи періода, въ теченіи котораго случилось то или другое событіе. Языческія вѣрованія остяковъ похожи въ общихъ чертахъ на вѣрованія самоѣдовъ (см. №№ 2, 3, 4, «Нивы» за 1872 г.) и



они до сихъ поръ, номинально придерживаясь христіанства, упорно держатся старыхъ суевѣрій. Первые зачатки христіанства здѣсь явились еще въ царствованіе Михаила Федоровича, но особенно широкое распространеніе его относится въ 1714 году, когда за это дѣло ревностно взялся митрополитъ Тобольска и Сибири Филоѳей.

Вотъ какъ между прочимъ одинъ знатокъ быта этихъ инородцевъ описываетъ ихъ обычаи при погребеніи своихъ мертвецовъ: инородцы ужасно боятся покойниковъ; если кто умретъ — чумъ сейчасъ разбираютъ, послѣ похоронъ окуриваютъ верестомъ или оленьимъ саломъ и переходятъ на другое мѣсто. Умершаго хоронятъ въ тотъ же день или не далѣе какъ на другой же день; одѣвъ его въ ту одежду, которую онъ носилъ, завертываютъ въ оленью кожу. Въ могилу, не глубоко вырытую, кладутъ и запасную одежду, которую покойникъ надѣвалъ когда либо при жизни. Кромѣ того къ мужчинамъ кладутъ еще ихъ ружья, топоръ, ножъ, сверло, ложку, котелокъ и прочія вещи, употребляемыя въ ихъ быту и на промыслахъ; къ женщинамъ—иголки, нитки, наперстокъ, ножъ и другія хозяйственныя принадлежности. Одного изъ любимыхъ оленей покойника, въ особенности на которомъ онъ всегда ѣздилъ, убиваютъ на могилѣ и тутъ же съѣдаютъ, оставляя только голову съ рогами и нарту, опрокинутую вверхъ полозьями. Они даже боятся говорить о покойникахъ, не только тронуть положенныхъ ими вещей.



№ 4. Полукруглый грабштихель (см. стр. 266).

№ 5. Заостренный грабштихель (см. стр. 266).

Остяки носятъ нѣсколько именъ: одно христіанское, преимущественно уменьшительное — Ванька, Петька, Сенька; другое—свое, данное при рожденіи вознаменованіе какого нибудь событія — дождь, пурга, и т. д.; третье—укрѣпившееся за нимъ прозваніе, означающее обыкновенно какую либо рѣзкую, выдающуюся черту его характера. Часто сборщики ясака (податей) сбиваются съ толку этими разными именами, хотя остякъ, по свойственной ему честности, никогда не станетъ избѣгать такой уплаты.

№ 6. Управленіе грабштихелемъ (см. стр. 266).

Русскіе промышленники, являясь въ тундру, прежде заключенія какихъ либо торговыхъ сдѣлокъ, спаиваютъ инородца — крѣпкою и доброкачественной, быстро дѣйствующей водкой. Остяки въ этомъ состояніи ссорятся и дерутся другъ съ другомъ, шумятъ, веселятся по своему, и на другой день изъ чувства благодарности за доставленное удовольствіе отдаютъ явному мошеннику мѣха пушныхъ звѣрей, рыбу и всю свою промысловую добычу, за ту цѣну, какую ему угодно будетъ назначить. Почти всѣ остяки занимаются звѣриными промыслами, при чемъ употребляютъ въ дѣло капканы, западни, самострѣлы, отраву, ружья, луки, а противъ волковъ, медвѣдей и дикихъ оленей—рогатины. Главный предметъ промысла—лисица, медвѣдь, песецъ, горностай, заяцъ, бѣлка, волкъ, бурундукъ и соболь. Птицеловство у нихъ развито также сильно. Они ловятъ гусей, утокъ и гагаръ, преимущественно сѣтями, въ которыя иногда попадаются разомъ до 100 и болѣе штукъ этой птицы. Вотъ какъ тотъ же очевидецъ описываетъ этотъ способъ ловли: выбираютъ

№ 7. Граверъ, работающій съ лупой (см. стр. 266).

на рѣкѣ выдающіеся лѣсные мысы или протоки и заливы, закрытые съ береговъ тальникомъ, и дѣлаютъ для пролета птицъ просѣки, шириною не болѣе сажени. Въ этой просѣкѣ ставятъ высокіе шесты съ прикрѣпленными вверху блоками и пропущенными въ нихъ тонкими веревками, привязанными къ сѣти, которая лежитъ на землѣ до пролета птицъ. Спугнутая съ рѣки стая птицъ ѣдущимъ въ лодкѣ человѣкомъ, или же произвольно перелетающая, поднявшись нѣсколько отъ поверхности воды, стремится въ первую прогалину лѣса, гдѣ видна вода или значительное открытое мѣсто. Въ это время ловкій промышленникъ вдругъ поднимаетъ сѣть—и рѣдкая птица изъ цѣлой стаи не сдѣлается его добычей. Ловля производится преимущественно на утренней или на вечерней зарѣ.

Рыбу ловятъ сѣтями, неводами связанными изъ гибкихъ прутьевъ; крупную — бьютъ острогами. Такимъ образомъ добываютъ громадныхъ осетровъ, нельмъ, налимовъ, сельдей, щукъ, язей и окуней. Осетры вывозятся отсюда зырянами въ Архангельскъ, откуда эта рыба идетъ на столичные рынки. Впрочемъ обскій осетръ не отличается тѣмъ значительнымъ содержаніемъ жиру, который придаетъ особый вкусъ уральскому и др. Центромъ мѣстнаго пушнаго и рыбнаго торга является обдорская ярмарка. Но обыкновенно обдорскіе и березовскіе кулаки не допускаютъ остяковъ до прямыхъ сношеній со скупщиками мѣховъ и рыбы. Это достигается тѣмъ легче, что остяки зимою закабаляются ловкимъ плутамъ, предлагающимъ имъ въ долгъ водку и хлѣбъ. Насколько намъ извѣстно до сихъ поръ, Тобольская администрація не могла изыскать никакихъ способовъ, чтобы положить конецъ этой наглой эксплоатаціи довѣрчивыхъ инородцевъ сѣвера.

Остяки осѣдлые преимущественно живутъ въ урманѣ. Урманъ — это лѣсъ, состоящій изъ смѣшенія многихъ древесныхъ породъ, а именно кедра, пихты, осины, ели и березы. Около избъ этихъ инородцевъ уже и нынѣ попадаются разводимыя ими конопля и крапива, изъ которой они приготовляютъ холстъ. Деревни ихъ разбросаны преимущественно по Васюганской тундрѣ — громадному пространству топей, до того проникнутыхъ влажностію, что по нимъ не можетъ проходить лось, не проваливаясь въ трясины. По всему этому необозримому болоту кое-гдѣ осѣли остяки, по сухимъ оазамъ и по верхушкамъ рѣдкихъ здѣсь холмовъ; деревушки инородцевъ состоятъ изъ пяти или шести избъ, близь которыхъ устраиваются амбары съ навѣсами для нартъ—оленныхъ саней. Врытыя въ землю печи доканчиваютъ общую картину этого поселка, оставляющаго по себѣ самое унылое впечатлѣніе нищеты, грязи и безпріютности.

Таково это бѣдное племя, заброшенное въ холодныя топи и мертвыя пустыни далекаго сибирскаго сѣвера. Эксплуатируемое русскими, оно задыхается въ экономическомъ рабствѣ, работая всю жизнь на чужое богатство и счастіе. Подъ вліяніемъ убожества, заразительныхъ болѣзней, притѣсненій, оно выродилось и вырождается съ удивительною быстротою—и уже недалеко то время, когда отъ него останутся только жалкіе обломки, безпомощно затерянные посреди снѣговаго простора полярныхъ степей, озаряемыхъ таинственнымъ блескомъ сполоха, въ глуши вѣковыхъ лѣсовъ обступившихъ пустынные берега Оби—и въ топяхъ громадныхъ тундръ, на тысячи верстъ раскинувшихъ свои неоглядныя шири.

У насъ даже мало кто и изслѣдовалъ это племя.

Только одинъ изъ благороднѣйшихъ друзей человѣчества — Кастренъ жилъ между этими номадами, вглядываясь въ немудрую обстановку ихъ быта и изыскивая въ ихъ простыхъ преданіяхъ исторію колонизаціи этой мертвой пустыни. Кастренъ за свою любовь къ наукѣ поплатился жизнью — и послѣ него уже не являлось болѣе такихъ самоотверженныхъ и великихъ изслѣдователей полудикихъ расъ Сибири.

В. Н. Д.

Трудъ и капиталъ затрачиваемый на каждый № „Нивы“.

Читатели наши, пріученные многолѣтнимъ опытомъ, каждую недѣлю въ извѣстный день ждутъ полученія «Нивы», будучи вполнѣ увѣрены, что никакая сила — кромѣ весьма немногихъ, вродѣ нашествія непріятельскаго, землетрясенія, частнаго потопа и т. п. — не помѣшаетъ выпуску очереднаго № нашего журнала; но едва ли многіе изъ нихъ удостоивали обсудить, сколько хлопотъ и издержекъ, сколько самыхъ разнообразныхъ дѣятелей и работниковъ, сколько матеріаловъ, машинъ и всевозможныхъ приспособленій, словомъ: какая затрата труда и капитала въ теченіи всей недѣли необходима для того, чтобы выдать два печатныхъ листа, въ совокупности составляющихъ № «Нивы». Такъ какъ подробное изложеніе этого предмета потребовало бы нѣсколькихъ томовъ, въ составъ которыхъ вошли бы цѣлые трактаты о книгопечатаніи, граверскомъ искусствѣ, писчебумажномъ производствѣ, и многое множество разныхъ техническихъ свѣденій,—а между тѣмъ мы надѣемся это личное наше дѣло изложить не безъ интереса для нашихъ читателей, то и просимъ ихъ послѣдовать за нами въ предлагаемомъ бѣгломъ очеркѣ зачатія, постепеннаго формированія и наконецъ появленія въ свѣтъ одного изъ представителей періодической иллюстрированной печати.

Каждый день, съ 9 ч. утра, въ конторѣ редакціи начинается обычная дѣятельность. Сюда, какъ бы въ громадный складъ, со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, стекается *сырой матеріалъ*. Разсыльный возвращается изъ почтамта съ кучей большихъ и малыхъ пакетовъ — это оригинальная бельлетристика, стихотворенія, статьи по всевозможнымъ отраслямъ знаній, словомъ: внутренняя корреспонденція, присылаемая изъ нашихъ губерній, часто изъ-за нѣсколькихъ тысячъ верстъ, и пробывшая недѣли, иногда мѣсяцы въ дорогѣ. Мѣстные петербургскіе литераторы доставляютъ свои произведенія. Является другой разсыльный съ громадной связкой иностранныхъ газетъ и журналовъ. Изъ книжныхъ магазиновъ приносятъ новыя изданія, вышедшія въ свѣтъ и требующія печатнаго отзыва. Художники предлагаютъ всевозможные рисунки перомъ и карандашомъ, фотографіи, акварели и т. п. Почтальонъ доставляетъ десятка два-три писемъ. Пока секретари редакціи выдаютъ подписчикамъ вышедшіе нумера, принимаютъ и разносятъ по алфавитамъ и трактовымъ книгамъ новые абонементы, отвѣчаютъ на прежнія письма,—вся масса доставленнаго *сыраго матеріала* поступаетъ на просмотръ въ кабинетъ редактора.

Едва ли кому чаще приходится вспоминать басню Лафонтена о *горѣ, родившей мышь!* Сплошь и рядомъ, изъ громаднаго вороха мелкоисписанной бумаги нѣтъ возможности выжать и десятка строкъ, годныхъ для печати, —а между тѣмъ все это надо прочесть. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе изъ Серпухова, такъ прямо и начинающееся:

Эхъ, кумъ Андрей, пропадай моя жисть!
Поѣдомъ ѣстъ кругомъ одна ненависть...

Вотъ корреспонденція съ Амура—край новый, интересный — читаешь-читаешь — дѣло идетъ о какихъ-то пререканіяхъ между становымъ и уѣзднымъ лекаремъ, *который человѣкъ довольно легкомысленный, потому что на имянинахъ у..* и т. д. и т. д. Вотъ еще толстѣйшая, калиграфически переписанная, отличающаяся необыкновенною ясностью слога и даже не безъ литературныхъ пріемовъ, длинная предлинная повѣсть о томъ, какъ жила-жила дѣвушка да замужъ и вышла.., но къ несчастію узнается это только подъ конецъ на 649 страницѣ. Есть отъ чего въ отчаяніе придти, отыскивая ужъ не жемчужнаго, а хоть бы простаго ячменнаго зерна въ этой грудѣ плевелъ, — еслибъ не было постоянныхъ сотрудниковъ, обезпечивающихъ своими статьями составъ слѣдующаго нумера. Но вотъ, наконецъ, терпѣніе преодолѣло массу. Сортировка кончена, кое-что выбрано съ многочисленными исправленіями; статьи иностранныхъ журналовъ, признанныя интересными, передаются переводчику; газеты—завѣдующему отдѣлами внутренняго и политическаго обозрѣнія; новыя книги, достойныя отзыва,—присяжному библіографу. Сырой матеріалъ обработывается этими почтенными дѣятелями, которымъ платится отъ 20 — 50 рублей за листъ. Романисты же и вообще беллетристы получаютъ за листъ 100, 150, 175 рублей и болѣе.

Каждую субботу въ редакціи собираются главные сотрудники — и здѣсь вмѣстѣ съ издателемъ обсуждается составъ слѣдующаго нумера. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній въ типографіи, содержаніе нумера распредѣляется въ 16 столбцахъ особой разграфленной таблички, представляющей собою 16 страницъ каждаго нумера «Нивы». Вотъ, напримѣръ, табличка № 15 «Нивы».

„НИВА“ № 15.

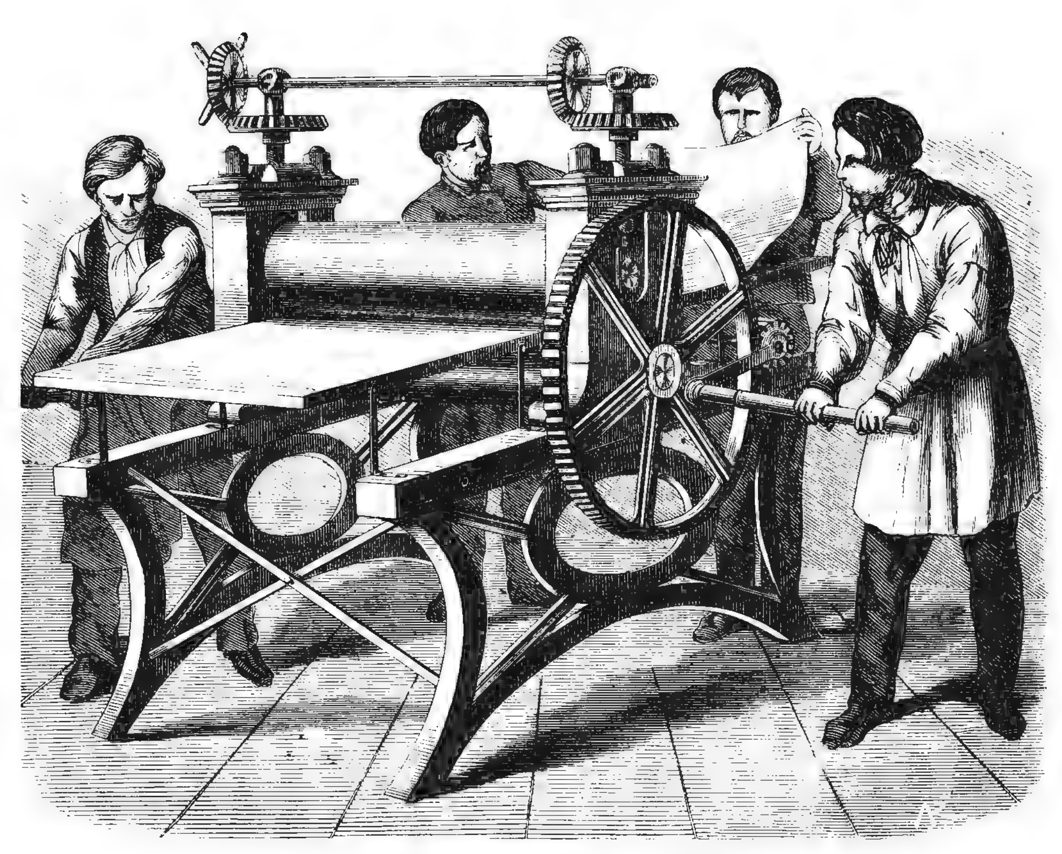
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
Титулъ. Въ Повѣ	кам сть Н.	ыша Каразн	хъ. на.	Рисун. Щекотливый вопросъ.	Въ камышахъ. — Импер Герма	аторъ нскій.	Положеніе солнца и его значеніе между неподвижными звѣздами.
9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.
Портретъ Императора Германскаго.	Положе значеніе движны	ніе солн между ми звѣз	ца и его неподами.	Рисунокъ Казачій пикетъ въ урочищѣ Девлетъ-яръ.	Положе ца и его между звѣздам.	ніе солн- значеніе неподв. — Изъ средней Азіи.	Смѣсь.

Получивъ такую табличку, вмѣстѣ со всѣми означенными статьями и рисунками, типографія въ состояніи безошибочно распредѣлить дальнѣйшія работы.

Выступаетъ новый рядъ тружениковъ. Въ такъ-называемой *наборной*, обширномъ помѣщеніи, заставленномъ рядами налоеобразныхъ *реаловъ*, передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ по наборщику. На реалѣ, наклонно подобно конторкѣ помѣщается *касса*, плоскій ящикъ, раздѣленный продольными и поперечными перегородками на четвероугольныя отдѣленія по числу буквъ азбуки; въ каждомъ отдѣленіи по нѣскольку сотенъ одной и той же буквы, отлитыхъ изъ особаго металлическаго сплава, *типографскаго металла.* Статья, отданная въ наборъ, роздана по листамъ разнымъ наборщикамъ; каждый листъ этого *оригинала* утверждается на особомъ пюпитрѣ, воткнутомъ въ кассу, — и вотъ искусныя руки, проворно шмыгая по отдѣленіямъ кассы, буква за буквой набираютъ строку статьи въ такъ-называемую *наборную верстать;* закончивъ строку требуемой длины (въ «Нивѣ» около 50 буквъ), наборщикъ закрѣпляетъ ее и начинаетъ вслѣдъ за нею новую. При наборѣ буквы ставятся отъ правой руки къ лѣвой, а не наоборотъ какъ при чтеніи и письмѣ.

Спѣшность работы обусловливаетъ множество ошибокъ, попадаются буквы перевернутыя, не тѣ буквы какія слѣдуетъ, часто цѣлыхъ словъ текста наборщикъ не можетъ разобрать или перевираетъ ихъ по своему. За тысячу набранныхъ буквъ ему платятъ 16 копѣекъ — и самый искусный не въ состояніи набрать болѣе, чѣмъ на 2 — 2½ рубля. Цѣлый день стоитъ онъ въ спертой, душной атмосферѣ, пропитанной вредными для здоровья испареніями. Вотъ работа наборщиковъ пришла къ концу: одинъ набралъ строкъ полтораста, другой двѣсти съ чѣмъ-то, третій пятьдесятъ. Такимъ образомъ, наборъ всей статьи образуетъ плиты, шириною каждая въ столбецъ «Нивы», но самой разнообразной длины—одна короче столбца, другая много длиннѣе, по числу набранныхъ строкъ. Плиты эти, обвязанныя сбоку шнуркомъ и называемыя *гранками*, укладываются на тонкую желѣзную доску, а съ неё спускаются на станокъ ручнаго пресса; особый рабочій, тискальщикъ, накатываетъ ихъ черной типографской краской помощью валика, покрываетъ намоченой печатной бумагой, подводитъ ихъ подъ нажимъ пресса — и на бумагѣ оттискивается такъ-называемая первая корректура, поступающая на прочтеніе и выправленіе къ *корректору*, — между тѣмъ какъ гранки тѣмъ же порядкомъ убираются съ пресса сначала на доску, а потомъ на столъ. Наборъ двухъ листовъ «Нивы» стоитъ около 35 рублей.

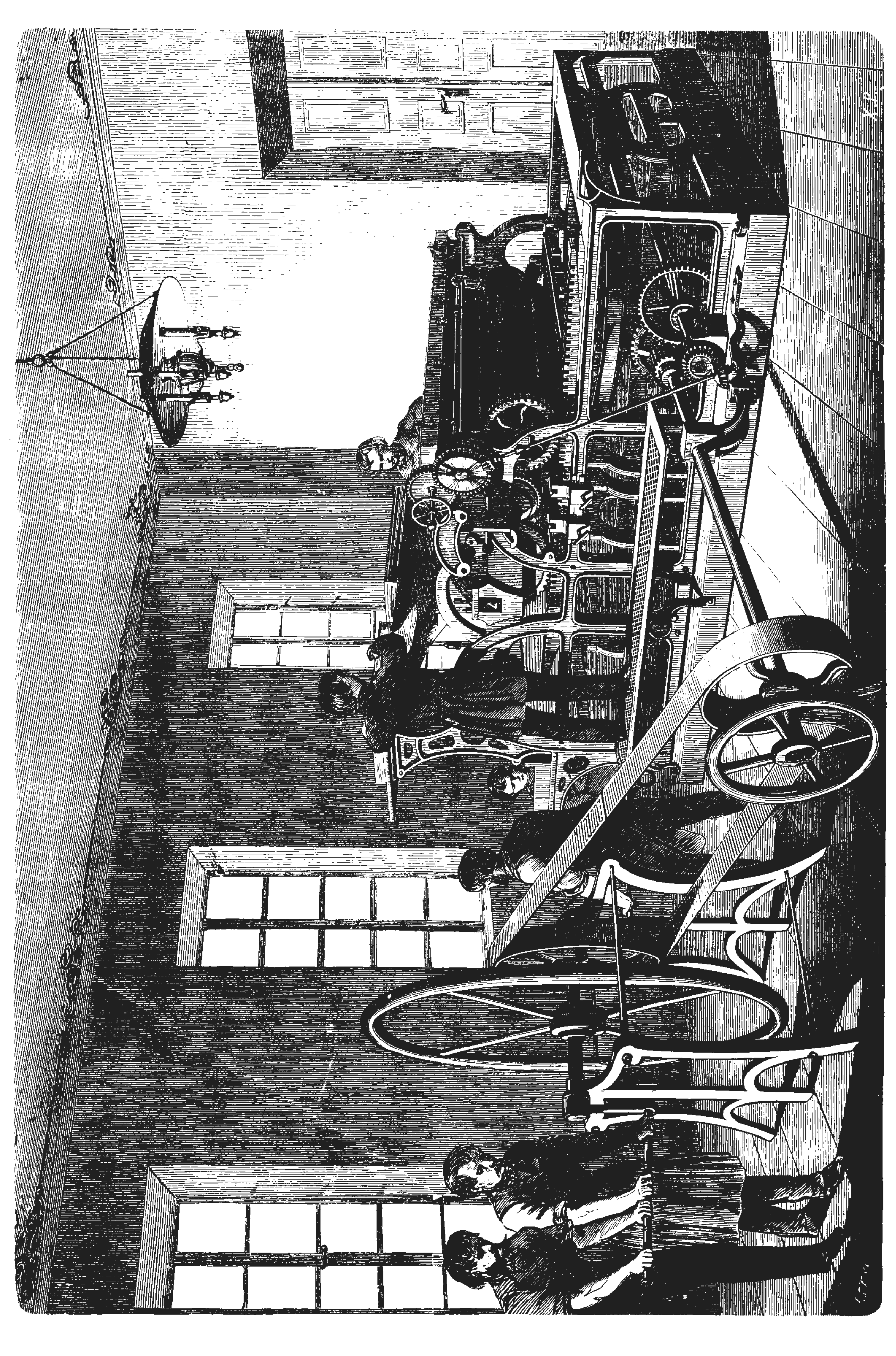
Труденъ наборъ, но не мало муки и съ корректурой. Въ каждой строкѣ оказывается отъ 3 — 10 ошибокъ, смотря по грамотности и опытности наборщика. Каждую изъ нихъ корректоръ, перечеркнетъ особымъ знакомъ, а на поляхъ корректуры подъ тѣмъ же знакомъ укажетъ, какую букву слѣдуетъ поставить вмѣсто ошибочной, — и наборщикъ обязанъ безвозмездно исправить свои погрѣшности. Имѣя корректуру передъ глазами, онъ развязываетъ гранки, смачиваетъ ихъ водой, чтобъ шрифтъ не разсыпался, и особымъ *типографскимъ* шиломъ вытаскиваетъ изъ сплоченнаго набора каждую ошибочную букву, а на мѣсто ея вставляетъ новую, настоящую. Но это еще не большая бѣда; а вотъ плохо, если онъ второпяхъ при наборѣ перескочилъ глазами строку оригинала и пропустилъ нѣсколько словъ, что случается нерѣдко; тутъ приходится набрать ихъ вновь—и такъ какъ это обыкновенно бываетъ или меньше или больше печатной строки, то надо перебирать прежнія строки, расширяя промежутки между словами, пока не вгонишь ровно строка въ строку. Бываетъ иногда такая корректура, что легче бы и скорѣе набрать съизнова, чѣмъ выправить ее. Корректура № «Нивы» обходится въ 6 рублей.



№ 8. Сатинировальная машина.

Исправленныя гранки поступаютъ въ руки *метранпажа* (верстальщика), который, отдѣляя отъ нихъ по 65 строкъ (столбецъ «Нивы»), *верстаетъ* ихъ, т. е. укладываетъ по 2 столбца рядомъ въ *полосы* или страницы, обводитъ линейками, ставитъ *колонцифры* (заголовокъ каждой страницы) на верху, и наконецъ обвязываетъ всю полосу шнуркомъ. Четыре такихъ полосы или страницы составляютъ *первую форму*, т. е. то, что печатается на одной сторонѣ печатнаго листа, а четыре д р у г и х ъ — *вторую*, печатаемую на оборотѣ. Казалось бы обязанность метранпажа легка въ сравненіи съ наборщиками, но это только повидимому. Не считая того, что для двухъ листовъ № «Нивы» онъ долженъ отдѣлить отъ гранокъ 32 столбца, сверстать и обвязать 16 страницъ,—ему частенько приходится перебирать строки въ болѣе короткія, облагая шрифтомъ рисунокъ (какъ на стр. 268) и ведя въ головѣ математическій разсчетъ ширины разныхъ промежутковъ (пунктовъ, квадратовъ и полу квадратовъ), вставляемыхъ между словами для выравниванія строкъ. Онъ же вычисляетъ по числу строкъ всевозможнаго крупнаго и м е л к а г о ш р и ф т а, сколько помѣстится въ номерѣ той или другой статьи. При версткѣ онъ набираетъ заглавія статей, подписи а в т о р о в ъ, оглавленіе нумера и т. п. мелочи. Затѣмъ, когда сверстанныя полосы оттиснутся подобно гранкамъ на томъ же ручномъ прессѣ и получится *вторая корректура*, — онъ, по прочтеніи ея редакторомъ, обязанъ ее выправить. Правда, здѣсь уже гораздо менѣе ошибокъ буквенныхъ, но за то встрѣчаются перестановки или перемѣны цѣлыхъ словъ, пропущенныхъ безъ вниманія первымъ корректоромъ, прибавки, передѣлки и т. п. Съ исправленіемъ второй

№ 9. Паровыя скоропечатныя машины г. Эдуарда Гоппе.



№ 15. Ручная скоропечатная машина.

корректуры можетъ уже начинаться печатаніе, но такъ какъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, подобныхъ «Нивѣ», текстъ печатается вмѣстѣ съ рисунками, то мы предварительно и обратимся къ этой художественной сторонѣ нашего дѣла.

Что за лѣнивый народъ рисовальщики и какъ трудно разсчитывать на своевременное исполненіе заказовъ — это читатели «Нивы» знаютъ изъ стихотворной шутки «Исповѣдь художника», помѣщенной въ нашемъ журналѣ за прошлый годъ и принадлежащей перу одного изъ этихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. Дѣла вести съ ними нелегко, живутъ они большею частью далеко на Острогѣ, въ самомъ фантастической обстановкѣ изъ мольбертовъ, недоконченныхъ картинъ, гипсовыхъ статуй, дома никогда не бываютъ, рисуютъ мало — но все-таки по маленьку рисуютъ и, надо сказать, хорошо. Рисунки, присылаемые въ редакцію иногородными корреспондентами, годятся только въ качествѣ оригинала, сами же по себѣ вовсе не идутъ въ дѣло, какъ бы хорошо ни были они исполнены на бумагѣ. Для всякаго иллюстрированнаго изданія надо ихъ сперва скопировать на деревянную доску, а хорошихъ рисовальщиковъ на деревѣ даже и въ Петербургѣ немного. Доски эти приготовляются изъ букшпановаго дерева (у токарей называемаго *пальмою*), въ какомъ угодно размѣрѣ, въ особыхъ столярныхъ мастерскихъ, и смотря по величинѣ рисунка стоятъ 3—4 рубля каждая. Съ одной стороны онѣ гладко отполировываются. Эту гладкую сторону художникъ ровно покрываетъ бѣлилами — и давъ просохнуть, рисуетъ на ней твердымъ карандашомъ какъ на бумагѣ, — но при этомъ главная трудность заключается въ томъ, что рисунокъ долженъ быть произведенъ въ обратномъ видѣ, т. е. такъ, какъ онъ представляется въ зеркалѣ. Смотря по величинѣ рисунка, по количеству фигуръ, а также по большей или меньшей извѣстности художника, за рисунокъ платится отъ 20 — 75 рублей.

Исполненный такимъ образомъ рисунокъ, по одобреніи его издателемъ, отправляется въ фотографію, гдѣ съ него дѣлаютъ снимокъ, а затѣмъ поступаетъ въ распоряженіе гравера.

Граверное искусство еще въ X вѣкѣ было уже извѣстно въ Китаѣ, гдѣ прилагалось къ печатанію книгъ рѣзными деревянными досками. Въ началѣ XV столѣтія граверы являются въ Нидерландахъ, Германіи и Италіи и вначалѣ ограничиваются изображеніями святыхъ, игральными картами и т. п. Въ XVI столѣтія труды Дюреровъ, Кранаховъ и Гольбейновъ уже возводятъ гравюру на степень художественнаго произведенія и съ тѣхъ поръ она постоянно совершенствуется до нашего и въ наше время.

Для нагляднаго понятія объ успѣхахъ рѣзьбы на деревѣ, помѣщаемъ три образчика 1) портретъ, гравированный въ XVI вѣкѣ, 2) портретъ изъ Magasin Pittoresque въ первый годъ его изданія (1833) и наконецъ 3) портретъ, исполненный въ наши дни.

Посмотримъ теперь, какъ производится самая рѣзьба на деревѣ. Получивъ доску съ рисункомъ, граверъ приступаетъ къ работѣ, при помощи грабштихелей, изображенныхъ на прилагаемыхъ рисункахъ (4 и 5). Это родъ стальныхъ долотецъ, длиною отъ 3 до 4-хъ дюймовъ, на концѣ заостренныхъ и укрѣпленныхъ въ круглой рукояткѣ. Полный наборъ ихъ состоитъ: изъ 12 полукруглыхъ грабштихелей (рис. 4) различной толщины, для гравированія ровныхъ линій или тоновъ; изъ 10 заостренныхъ грабштихелей (рис. 5) также различной толщины, для гравированія неровныхъ линій; изъ 6 грабштихелей служащихъ для выборки (выемки) большихъ ложбинокъ въ деревѣ. Передъ началомъ работы, граверъ покрываетъ всю доску буматой, чтобы прикосновеніемъ руки не стереть рисунка, и приклеивъ воскомъ загибы бумаги къ краямъ доски, отдираетъ небольшой клочекъ бумаги въ томъ мѣстѣ, гдѣ намѣренъ начать гравированіе. Но для того чтобъ не терять изъ виду общей гармоніи тоновъ рисунка, часто приходится снимать бумагу и вглядываться. Доска большею частью кладется на кожаной подушкѣ, набитой пескомъ. Укладъ руки и управленіе грабштихелемъ показаны на рисункѣ 6. Граверъ начинаетъ выбирать грабштихелемъ, т. е. вырѣзывать всѣ бѣлыя, свѣтлыя мѣста рисунка, оставляя чорныя, темныя выпуклыми, — при чемъ различныя степени свѣта и тѣни выражаются чертами большей или меньшей толщины. Работа эта требуетъ большой осторожности, вѣрности глаза и руки, такъ какъ разъ награвированное мѣсто на деревѣ уже не можетъ быть переправлено, ибо съ одной стороны грабштихель безвозвратно стираетъ слѣдъ рисунка, а съ другой — срѣзаннаго кусочка дерева не надставишь. При очень мелкихъ и тонкихъ работахъ, граверъ рѣжетъ глядя сквозь *лупу* (увеличительное стекло), какъ это изображено на рис. 7. По вырѣзаніи такимъ образомъ всего рисунка, граверъ еще разъ проходитъ грабштихелемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуется болѣе отчетливости и тонкихъ штриховъ. Но и теперь, когда главная работа кончена, рисунокъ все еще недостаточно выдѣляется и вся гравюра имѣетъ сѣроватый цвѣтъ. Тогда граверъ покрываетъ доску черною краскою при помощи подушечки, называемой *тампономъ*, — и рисунокъ, выступая со всѣми оттѣнками свѣта и тѣни, даетъ возможность придать ему окончательную отдѣлку, пройдя еще разъ грабштихелемъ. Затѣмъ дѣлается ручной оттискъ на китайской бумагѣ, которую граверъ прикладываетъ къ покрытой краскою доскѣ и слегка притискиваетъ ладонью. Оттискъ этотъ представляется издателю, который сличаетъ его съ фотографическимъ снимкомъ первоначальнаго рисунка на деревѣ, чтобъ видѣть, насколько вѣрно воспроизвелъ его граверъ. Граверъ получаетъ плату за каждый квадратный дюймъ гравюры по 70 коп; а такъ какъ въ страницѣ «Нивы» около 72 квадр. дюймовъ, то гравюра въ цѣлую страницу стоитъ 50 рублей; когда-же рисунокъ занимаетъ обѣ страницы, то цѣна его, смотря по работѣ, доходитъ до 100, 150 и 200 рублей. По исполненіи возможныхъ поправокъ, награвированный рисунокъ вполнѣ готовъ и переходитъ къ метранпажу, который верстаетъ его вмѣстѣ съ текстомъ и сдаетъ на машину печатать.

Важную роль въ печатаніи гравюръ играютъ краска и бумага. Доброкачественность краски главнымъ образомъ состоитъ въ чернотѣ и глянцѣ при умѣренной густотѣ. Что касается бумаги — она должна быть безукоризненной бѣлизны, изъ плотной и ровной массы. Бумага «Нивы», покупаемая по 8 рублей за стопу, для полнаго комплекта каждаго номера (9000 экземпляровъ) обходится въ 160 рублей.

Но какой-бы высокой степени совершенства ни достигала выработка, все же бумага нѣсколько шероховата и тѣмъ затрудняетъ печатаніе тонкихъ штриховъ гравюры; для устраненія этого недостатка, передъ самымъ печатаніемъ, ее подвергаютъ глаженію, называемому *сатинирова-*

нiемъ. Предназначенная для того машина (рис. 8) состоитъ изъ двухъ толстыхъ стальныхъ цилиндровъ (валовъ), утвержденныхъ на подставкѣ литаго желѣза и приводимыхъ въ вращательное движенiе помощью рукоятки. Цилиндры могутъ сдвигаться другъ съ другомъ болѣе или менѣе близко, смотря по надобности, отчего зависитъ сильнѣйшее или слабѣйшее тисненiе бумаги. Каждый листъ бумаги, предварительно смоченный водою, кладется межъ двухъ полированныхъ цинковыхъ листовъ такого же формата какъ бумага; наготовивъ такимъ образомъ 10 — 15 листовъ, ихъ впускаютъ межъ двухъ цилиндровъ сатинировальной машины, и вертя рукоятку прокатываютъ во всю длину подъ громаднымъ давленiемъ. При машинѣ 4 работника: двое вертятъ рукоятку, третiй впускаетъ листы межъ цилиндровъ, а четвертый принимаетъ съ противуположной стороны прокаченную бумагу и вынимаетъ по одному листу изъ цинковыхъ обложекъ.

Бумага становится совершенно гладкою и прiобрѣтаетъ глянецъ. Такая машина сатинируетъ въ день около 6 стопъ (стопа 480 листовъ). Сатинированiе цѣлаго нумера «Нивы» стоитъ 7 рублей 50 копѣекъ

Обозрѣвъ заготовку всѣхъ матерiаловъ, обратимся теперь къ скоропечатной машинѣ, которая, имѣя при себѣ десятерыхъ работниковъ, выпускаетъ въ часъ до 1000 печатныхъ листовъ. Въ Типографiи г. Гоппе, гдѣ печатается «Нива», всѣ машины приводятся въ движенiе паромъ, какъ видно на рис. 9. Но чтобы подробнѣе вникнуть въ устройство скоропечатной машины, мы попросимъ читателей слѣдить за изложенiемъ по большому рисунку № 10, на которомъ изображена машина приводимая въ движенiя не паромъ а живыми двигателями — рабочими. Здѣсь большое маховое колесо съ двойной рукояткой составляетъ приводъ всей машины и вращается шестью работниками. По обѣимъ сторонамъ машины выдаются двѣ лавочки, на которыхъ стоитъ рабочiй, называемый накладчикомъ. Позади машины за большой горизонтальной доской, *столомъ*, двое рабочихъ принимаютъ выходящiе изъ подъ цилиндра отпечатанные листы и укладываютъ ихъ ровно на столѣ (въ другихъ скоропечатныхъ машинахъ это дѣлается не рабочими, а механическимъ гребнемъ) Спереди у машины придѣланъ продольный резервуаръ, наполненный типографской краской, а подъ нимъ на осяхъ 6 вальцовъ, изъ которыхъ четыре обложены тягучей массой, смѣсью клея и сиропа. Первый изъ этихъ вальцовъ, самый тонкiй, вращаясь принимаетъ краску непосредственно изъ резервуара, передаетъ ее двумъ желѣзнымъ, а тѣ распредѣляютъ ее по тремъ толстѣйшимъ, эластичнымъ, изъ которыхъ два нижнiе натираютъ ее уже прямо на форму, сданную на машину изъ наборной. Форма эта, положенная на прочной желѣзной подставкѣ, обведенной желѣзною рамой, крѣпко утверждается деревянными клиньями. Какъ скоро машина приводится въ дѣйствiе, вся подставка вмѣстѣ съ формою втягивается подъ *цилиндръ*, составляющiй важнѣйшую часть машины, и выходитъ съ противуположной стороны. Цилиндръ (замѣняющiй прессы въ ручномъ станкѣ) есть широкiй валъ, дюймовъ 20 въ поперечникѣ, который своимъ оборотомъ навертываетъ на себя бумагу и прижимаетъ ее къ формѣ, оттискивая на листѣ заразъ и текстъ и рисунки.

Когда накладчикъ спуститъ съ покатой деки листъ бумаги на цилиндръ, послѣднiй захватываетъ бумагу при помощи такъ-называемыхъ лапокъ, а сдѣлавъ оборотъ выпускаетъ ее изъ подъ себя къ столу на особыя покато-натянутыя тесемки, съ которыхъ и принимаютъ рабочiе отпечатанный съ одной стороны листъ. По отпечатанiи всего потребнаго количества экземпляровъ, *первая* форма снимается съ подставки, на мѣсто ея спускается *вторая* — и листъ печатается наоборотъ. Затѣмъ наступаетъ очередь первой формы втораго листа, а потомъ и его второй формы.

Казалось бы все это весьма просто, но дѣло въ томъ, что гравюру на деревѣ нельзя печатать прямо, не подготовивъ ее въ самой машинѣ, а подготовка эта (приправка) составляетъ самый кропотливый трудъ и требуетъ особаго искуснаго рабочаго, такъ-называемаго *мастера*. Какъ скоро форма уложена на подставкѣ, мастеръ наклеиваетъ на цилиндръ нѣсколько листовъ чистой бумаги одинаковой величины съ формою, и приказавъ вертѣть машину, оттискиваетъ на цилиндрѣ всю форму съ текстомъ и рисунками.

Оттискъ этотъ остается на цилиндрѣ и служитъ основанiемъ дальнѣйшей работы — такъ какъ цилиндръ и подставка формы при устройствѣ машины пригоняются другъ къ другу съ математическою точностью, и каждая точка цилиндра притискивается постоянно на одну и ту же точку формы. Отбивъ еще нѣсколько оттисковъ на отдѣльныхъ листахъ бумаги, мастеръ вырѣзываетъ изъ нихъ ножичками свѣтлыя мѣста рисунка до 6 разъ, а полутѣни до 3-хъ, и приготовляетъ такое количество этихъ вырѣзныхъ оттисковъ, какое потребно для произведенiя извѣстнаго эффекта свѣта и тѣни. Наистарательнѣйше выполненная гравюра на деревѣ, при печатанiи ея на гладкомъ цилиндрѣ, не передаетъ всѣхъ оттѣнковъ картины: есть мѣста требующiя темной тѣни, а потому и болѣе сильнаго давленiя цилиндра; другiя, свѣтлыя мѣста должны быть лишь слегка притиснуты къ формѣ. Вотъ для этого и служатъ вырѣзанные оттиски, такъ-называемыя *подкладки*. Они наклеиваются на оттискъ отбитый на цилиндрѣ, и всѣ вырѣзки приходятся на соотвѣтствующiя имъ свѣтлыя мѣста на цилиндрѣ. Гдѣ требуется сильная тѣнь, тамъ приходятся невырѣзанныя мѣста 6-ти подкладокъ, вслѣдствiе чего это мѣстечко цилиндра, будучи выпуклѣе, сильнѣе прочихъ прижимается къ формѣ при оборотѣ; въ другихъ, болѣе свѣтлыхъ мѣстахъ, полутѣняхъ рисунка, останется двѣ или три подкладки; въ самыхъ свѣтлыхъ оставляется одна подкладка. Работа эта требуетъ большаго искусства и опытности; хорошiе *мастера* рѣдки не только у насъ но и заграницею.

Цилиндръ съ наклеенными вырѣзками облекается сначала сукномъ, а сверхъ него тонкимъ полотнянымъ покровомъ — и печатанiе начинается. За *приправку* номера платится 6 рублей. За печатанiе платится съ каждой тысячи листовъ по 3 рубля, такъ что полный комплектъ нумера «Нивы» обходится около 60 рублей.

По отпечатанiи потребнаго количества экземпляровъ листа на обѣ стороны, отпечатанные листы сушатся, кладутся межъ двухъ листовъ глянцовитаго картона и идутъ подъ прессъ, гдѣ за ночь выравниваются. Затѣмъ поступаютъ къ переплетчику, гдѣ *фальцуются*, т. е. складываются вчетверо, и сдаются въ контору редакцiи для раздачи подписчикамъ и для заклейки въ бандероли иногороднымъ.

Такимъ образомъ, на каждый нумеръ «Нивы» (при печатаніи 9000 экземпляровъ) затрачивается среднимъ числомъ:

На типографію	115 рублей
За бумагу	160 »
За рисунки	200 »
Гонораріи авторамъ	125 »

Итого . . . . 600 рублей, не считая расходовъ на ежемѣсячное приложеніе «Моды», на наемъ помѣщенія для конторы, жалованья секретарямъ, упаковку, объявленія и многихъ мелочей, которыхъ невозможно высчитать.

Мы перечислили только главнѣйшіе труды, предполагая, что работа идетъ какъ по маслу, безъ малѣйшей задоринки. Но на практикѣ этого никогда не бываетъ — и бѣдному издателю приходится хлопотать самому, почти не покладая рукъ. Часто цѣлую форму, совсѣмъ набранную и сверстанную, при переноскѣ на машину разсыпаютъ въ дребезги — и надо начинать почти весь наборъ съизнова. Тамъ вдругъ загулялъ мастеръ и превосходный рисунокъ приправленъ такъ небрежно, что будетъ погубленъ въ конецъ, если издатель лично не поспѣшитъ на мѣсто дѣйствія. То безпечный сотрудникъ не доставилъ продолженія статьи, которая интересуетъ публику, — скачи къ нему, упрашивай.... И такъ далѣе, безъ конца.

Смѣсь.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

14-го апрѣля, смерть похитила одного изъ извѣстнѣйшихъ и любимыхъ нашихъ поэтовъ, именно Владиміра Григорьевича Бенедиктова, о жизни и литературной дѣятельности котораго мы и поговоримъ теперь въ краткихъ словахъ:

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ родился 5-го ноября 1807 года въ Петербургѣ, но вскорѣ былъ перевезенъ въ городъ Петрозаводскъ, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто совѣтника губернскаго правленія. Здѣсь будущій поэтъ, на 8-мъ году, сталъ учиться дома, а 9-ти лѣтъ поступилъ въ Олонецкую гимназію, и тутъ пройдя 4 класса окончилъ курсъ. Въ гимназіи покойный Владиміръ Григорьевичъ съ особеннымъ вниманіемъ и любовью слушалъ и училъ уроки русской словесности, и съ завистью смотрѣлъ на способность своего учителя писать стихи, которыя онъ иногда писалъ для учениковъ къ экзаменамъ или какимъ нибудь праздникамъ.

По окончаніи курса въ гимназіи, Бенедиктовъ въ 1821 году былъ привезенъ отцомъ въ Петербургъ, и опредѣленъ въ бывшій 2-й кадетскій корпусъ, куда онъ по экзамену былъ принятъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ.

Во время пребыванія своего въ корпусѣ, В. Г. Бенедиктовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своими, упражнялся въ писаніи стиховъ на разные предметы и участвовалъ въ домашнихъ журналахъ и альманахахъ, издававшихся рукописными тетрадками и читавшихся только между воспитанниками. Впрочемъ, главными предметами занятій покойнаго въ корпусѣ были математика и военныя науки.

Окончивъ въ кадетскомъ корпусѣ курсъ первымъ воспитанникомъ, В. Г. Бенедиктовъ 25-го іюня 1827 г. былъ выпущенъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ прапорщикомъ; 6-го апрѣля 1830 г. произведенъ въ подпоручики, а 3-го января 1831 г. отправился при двухъ батальонахъ полка въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ, и участвовалъ во всѣхъ тогдашнихъ военныхъ передвиженіяхъ и дѣйствіяхъ измайловцевъ, за что и награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью: за храбрость.

Къ этому же времени относятся первыя изъ его напечатанныхъ стихотвореній: ‹Бивакъ›, ‹Ночь близъ м. Якацъ›, ‹Бранная красавица› и ‹Прощаніе съ саблею›. По возвращеніи Измайловскаго полка въ Петербургъ, В. Г. Бенедиктовъ подалъ въ отставку изъ военной службы—и уволенный по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ причисленъ къ канцеляріи министра финансовъ. Переименованный въ томъ же 1832 году въ коллежскіе секретари, онъ въ декабрѣ былъ назначенъ въ помощь при занятіяхъ по особой части секретной канцеляріи, 2-го апрѣля 1833 года произведенъ въ титулярные совѣтники и 21-го мая 1834 года опредѣленъ столоначальникомъ въ канцелярію министра финансовъ по секретной части. Но въ теченіи всего этого времени В. Г. Бенедиктовъ уже не оставлялъ бесѣды съ музами, хотя не печаталъ своихъ произведеній до самого 1835 года, когда наконецъ вышли въ С.-Петербургѣ, особой книжкой стихотворенія В. Г. Бенедиктова.

Появленіе этой книги произвело большой шумъ, какъ въ литературномъ мірѣ, такъ и въ публикѣ; книга вызвала какъ теплыя и живыя одобренія тогдашнихъ лучшихъ литературныхъ дѣятелей, такъ и весьма строгія критики В. Г. Бѣлинскаго и Н. А. Полеваго.

Стихотворенія В. Г. Бенедиктова, покупаемыя на расхватъ, были изданы вторымъ изданіемъ въ слѣдующемъ 1836 году. Въ этомъ же году покойникъ сталъ сотрудничать въ журналахъ; помѣщалъ свои стихотворенія въ «Библіотекѣ для Чтенія», а въ слѣдующемъ году въ «Современникѣ» и ‹Сынѣ Отечествѣ›.

Назначенный въ томъ же году старшимъ секретаремъ въ общую канцелярію министра финансовъ, онъ 1838 году издалъ вторую книжку своихъ стихотвореній, въ которую вошло двадцать девять новыхъ стихотвореній, еще болѣе упрочившихъ за покойникомъ его поэтическую славу.

Въ 1839 году В. Г. Бенедиктовъ отправился по секретно-служебному порученію въ Новороссійскія губерніи, гдѣ и оставался до осени, написавъ тамъ нѣсколько стихотвореній напр: ‹Обновленіе›, ‹Слезы›, ‹Муки›, которые и были помѣщены въ ‹Отечественныхъ Запискахъ› издаваемыхъ А. А. Краевскимъ.

Бесѣдуя неустанно съ своими музами, покойный Владиміръ Григорьевичъ ежегодно дарилъ читающую публики своими стихотвореніями, въ 1842 году издалъ вторично свою вторую книжку стихотвореній, а въ 1856 году издалъ всѣ свои стихотворенія въ 3 томахъ.

Въ 1843 году въ іюлѣ, В. Г. Бенедиктовъ былъ сдѣланъ директоромъ правленія экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, въ томъ же году получилъ чинъ статскаго совѣтника, и какъ бы замолкнувъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, весьма рѣдко показывался въ публику, написалъ однако въ это время цѣлый рядъ стихотвореній, который и занялъ 2-й томъ изданія 1856 года.

Въ 1850 году покойный получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1854 году былъ назначенъ совѣтникомъ правленія государственнаго заемнаго банка, а въ 1856 году, получивъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, назначенъ членомъ правленія государственнаго заемнаго банка. Литературная дѣятельность В. Г. Бенедиктова въ 1857 году выразилась въ длинномъ рядѣ стихотвореній, которыя и были изданы въ томъ же году подъ названіемъ ‹Новыхъ стихотвореній›.

Въ 1860 году, В. Г. Бенедиктовъ былъ уволенъ отъ службы за штатомъ съ мундиромъ и съ весьма хорошей пенсіей, и сталъ сотрудничать въ многихъ журналахъ, перечислять которые, какъ и его послѣднія стихотворенія за краткостью статьи мы не будемъ.

Бѣлый уголь. На Австралійскомъ материкѣ найденъ новый родъ топлива, которое тамъ называютъ ‹бѣлымъ углемъ›. Оно состоитъ изъ растительныхъ волоконъ, завитыхъ спиралью, а въ промежуткахъ засыпанныхъ мелкимъ пескомъ, по консистенціи похоже на пшеничное тѣсто, легко воспламеняется и горитъ яркимъ пламенемъ. Бѣлымъ углемъ покрыты цѣлыя полосы земли, онъ лежитъ на поверхности, такъ что его не надо сначала выкапывать,—и уже теперь въ большомъ количествѣ употребляется на топливо.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Дозволено цензурою 27 Апрѣля 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С. П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 18 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 1 мая 1873 года. Годъ IV.

50,000!...

Оригинальная шутка въ одномъ дѣйствіи.

Соч. **П. Новикова.**

(Окончаніе).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Владиміръ Андреевичъ, Иванъ Маркычъ и Фертовъ.

Фертовъ (*къ Ивану Марковичу*). А мнѣ бы нужно съ вами, Иванъ Маркычъ, поговорить о довольно серіозномъ дѣлѣ, безъ свидѣтелей... (*глядя на Влад. Андр.*).

Ив. Марк. Понимаю, понимаю... (*серіозно*) Володя, да что же, братецъ, ступай...

Влад. Андр. Вѣдь вы хотѣли обѣдать сегодня у моей маменьки?

Ив. Марк. (*смѣясь*). Вотъ выдумалъ! у насъ у самихъ сегодня обѣдъ... индѣйка будетъ съ устрицами... Ужъ ты сегодня одинъ съ ней пообѣдай... да ты не сердись Володя, я тебѣ сдѣлаю подарокъ,—хорошій, Володя, подарокъ! и денегъ дамъ... помогу тебѣ... Прощай!

Вл. Андр. Я не нуждаюсь въ деньгахъ, я живу трудомъ и не ищу помощи, помогите лучше какому нибудь промотавшемуся франту (*уходя*). Боже мой, не ожидалъ я такого несчастія!!

ЯВЛЕНІЕ X.

Фертовъ и Иванъ Маркычъ.

Фертовъ. Ахъ, чортъ возьми! не въ бровь, а прямо въ глазъ! Ну да ладно, онъ понялъ... Ха, ха, ха, вотъ такъ обдѣлалъ статейку: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! Скажите пожалуйста, Иванъ Маркычъ, ужъ не женихъ ли это прелестной Вѣры Ивановны?

Ив. Мар. Какой онъ женихъ! знакомый, принимаю такъ, по бѣдности...

Фертовъ. О, вы—благодѣтельный человѣкъ, Иванъ Маркычъ, за это васъ Богъ наградилъ прелестной дочкой.

Ив. Мар. Правда, Степанъ Петровичъ, не ошиблись, рѣдкое дитя! *(въ стор.)* Ужъ не хочетъ ли онъ на ней жениться? вотъ было бы счастье... вѣдь крестникъ его превосходительства!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Матрена.

Фертовъ. Признаться, Иванъ Маркычъ, я давно собирался поговорить съ вами насчетъ Вѣры Ивановны — и наконецъ рѣшаюсь...

Матрена. Батюшка баринъ!

Фертовъ. Вѣчно мнѣ помѣшаютъ!..

Матрена. Изъ лавки товару принесли...

Ив. Мар. Пусть сюда несутъ...

Матрена. Эй, молодчики, сюда!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и прикащики Лаврентій и Дмитрій вносятъ корзины, посуду и проч.

Фертовъ. Съ этимъ чудакомъ я полажу... матушка глуповата... Вѣрочка еще не опытна... Однако надо поторопиться жениться, а то почтеннѣйшіе родители всѣ тысячи истратятъ въ Гостинномъ дворѣ на разные пустячки. Послѣ-жъ свадьбы тотчасъ за границу; ужъ давно я не дышалъ чистымъ воздухомъ!..

Ив. Мар. Ахъ вы красавцы мои... дайте васъ поцѣловать!.. на чай вамъ по рублю... Прощайте!..

Лаврентій. Очинно благодарны-съ вашей милости *(подавая счеты)*, а позвольте получить-съ...

Ив. Марк. Хорошо, хорошо... разсчетъ завтра, послѣ завтра... сегодня мелкихъ нѣтъ... Есть бумажка, только крупновата, *(показывая билетъ)* 50,000 не размѣняешь?

Лаврентій *(недовѣрчиво)* 50,000? слышь, Митюха — 50,000?

Дмитрій. Кажись, обчикурить хочетъ...

Лавр. Пойдемъ, скажемъ хозяину, чтобъ глядѣлъ въ оба. Счастливо оставаться! *(уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Фертовъ и Иванъ Маркычъ.

Фертовъ. Вы знаете, что если его превосходительство, мой крестный папаша, захочетъ, такъ сразу сдѣлаетъ меня начальникомъ отдѣленія... и вамъ, если я только попрошу, не откажетъ къ новому году *(показывая на петлицъ крестикъ)* понимаете?

Ив. Марк. *(крѣпко его обнимая)*. Безцѣннѣйшій Степанъ Петровичъ, вы, вы, мой благодѣтель!.. требуйте чего хотите... я для васъ на все готовъ...

Фертовъ. Требовать я не могу, а прошу васъ, убѣдительно прошу...

Ив. Марк. Говорите, ради Бога, говорите...

Фертовъ. *(встор.)* Да махну прямо. *(вслухъ)* Влюбленъ, влюбленъ, Иванъ Маркычъ, въ Вѣру Ивановну влюбленъ...

Ив. Марк. *(въ стор.)*. Я такъ и зналъ, я такъ и зналъ!.. *(вслухъ)* Вы шутите, Степанъ Петровичъ? вы, вы, крестникъ его превосходительства? Не смѣю вѣрить моему счастью!!

Фертовъ. И такъ, вы согласны? Въ такомъ случаѣ стоитъ только уговорить вамъ Вѣру Ивановну и еще озаботиться *(сухо)* о томъ, чтобъ она выкинула изъ головы этого господина; я замѣтилъ, что она къ нему не равнодушна...

Ив. Марк. Вздоръ, чистѣйшій вздоръ!.. Она его правда любила, нельзя же знаете ли, надо же было за кого нибудь... Ну а теперь другое дѣло, теперь она невѣста-то съ капитальцемъ! такіе женихи ей, батинька, теперь не къ масти... Она его позабудетъ, будьте спокойны!.. А! да вотъ и онѣ, сейчасъ же имъ объявлю ваше желаніе *(цѣлуетъ его)*, благодарю, не ожидалъ!

Фертовъ. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! вы меня этимъ премного обяжете.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Марья Вас. и Вѣра Ивановна съ картонками и матеріями.

Вѣра Ив. А, Степанъ Петровичъ! Вы еще здѣсь?! очень рада, посмотрите-ка... хороша-ли матерія?

Фертовъ. Премиленькая! Charmant! Charmant!

Вѣра Ив. А шляпка? Папочка, посмотрите-ка, къ лицу?

Ив. Мар. Еще бы не къ лицу! ты у меня вѣдь красавица, вся въ меня...

Вѣра Ив. Ахъ, какъ я сегодня счастлива! Позвольте васъ поцѣловать, папочка, за эти подарки!..

Мар. Вас. Позволь тебя поцѣловать!

Ив. Марк. За что? за что? вѣдь эти обновки сдѣлалъ вамъ Степанъ Петровичъ въ сюрпризъ и на свой счетъ...

Мар. Вас. Что ты, что ты, Маркычъ?..

Ив. Марк. Ну, конечно на свой счетъ... не правда-ли Степанъ Петровичъ?

Вѣра Ив. Мнѣ право совѣстно...

Фертовъ. Помилуйте, это сущая бездѣлица, *(въ сторону)* теперь можно объясниться въ любви...

Вѣра Ив. *(тихо)* Прелесть что за мужчина!..

Мар. Вас. Во сто кратъ лучше Владиміра Андреевича.

Ив. Марк. Это еще что, а вотъ онъ скоро подаритъ тебѣ, Вѣрочка, премиленькія колечки, золотыя, гладенькія такія...

Мар. Вас. *(къ Ив. Марк.)* Ну а кольца-то къ чему?

Ив. Мар. Тише!

Фертовъ. *(встор.)* Въ какое поставилъ затруднительное положеніе, нечего дѣлать, начну...

Мар. Вас. Что за вздоръ ты мелешь!

Ив. Мар. Какой же вздоръ, Марья Васильевна,—Степанъ Петровичъ предлагаетъ Вѣрочкѣ руку и сердце...

Вѣра Ив. Что вы, папаша?

Мар. Вас. Въ самомъ дѣлѣ? ну что-жъ, если согласенъ, поперечить тебѣ не стану!

Фертовъ *(цѣлуетъ руку Марьи Вас. и разговариваетъ съ ней тихо)*.

Вѣра Ив. *(встор.)* Боже мой, что мнѣ дѣлать! я не могу сообразиться съ мыслями... Если не послушаться папашу, онъ не дастъ мнѣ ничего, придется жить съ Владиміромъ Андреевичемъ въ бѣдности... а мнѣ бы хотѣлось пожить повеселѣе.. платье. балы.. театры.. А честное слово?.. нѣтъ, я не должна обмануть Владиміра Андреевича!..

Фертовъ. Вѣра Ивановна, конечно вамъ кажется странно, что я не много васъ знаю, а уже предлагаю свою руку... Но клянусь вамъ: съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узналъ, сердце мое не знаетъ покоя,—гдѣ бы я ни былъ, всюду предо мной вашъ прелестный образъ.

Ив. Марк. *(на ухо Вѣрѣ Ив.)* Помни: крестникъ его превосходительства.

Фертовъ. Съ тѣхъ поръ я испытываю ужасныя страданія и боли сердца; вы, Вѣра Ивановна, вы только одни можете излѣчить мои раны.

Ив. Марк. Браво, молодецъ!

Фертовъ. Ужель вы не сжалитесь надъ несчастнымъ страдальцемъ?

Вѣра Ив На что мнѣ рѣшиться?

Марья Вас. *(на ухо Вѣрѣ Ив.)* Вѣрочка, воля родителей священна, ослушаться грѣхъ!

Вѣра Ив. Воля родителей священна...

Ив. Марк. Ну, значитъ согласна, будьте счастливы!..

Марья Вас. А какъ же Владимірь-то Андреевичъ?

Ив. Марк. Очень просто: его на смарку — въ чистую!..

Вѣра Ив. *(встор.)* Скажу, что меня силой заставили согласиться!..

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Федулъ Потапычъ.

Ѳед. Пот. Ивану Маркычу, Марьѣ Васильевнѣ, наше наиглубочайшее-съ...

Ив. Марк. А! Ѳедулъ Потапычъ, съ какимъ къ намъ товаромъ?

Ѳед. Пот. Да къ вашей милости, не съ товаромъ, а со счетцомъ — товаръ-то во на лицо...

Ив. Марк. Хорошо, хорошо, я вѣдь сказалъ, разсчетъ завтра, послѣ завтра; у меня есть деньги, вотъ видите-ли билетикъ въ 50,000.

Ѳед. Пот. Какой же эвто билетъ-то, ломбартный?

Ив. Мар. Какой ломбартный, лотерейный, да это все равно...

Ѳед. Пот. Покажь-кась, баринъ... *(смотря)* ну что-жъ, это лотерейный въ рубль серебра!..

Ив. Марк. Да вѣдь онъ выигралъ 50,000!

Ѳед. Пот. *(смѣясь)* Что...о...о... 50,000.?

Ив. Марк. Вотъ и таблица, видишь? № 1234—50,000.

Ѳед. Пот. Ну, гдѣ-жъ тутъ энтотъ номеръ? объ немъ здѣсь и помину нѣтъ...

Ив. Марк. Какъ нѣтъ? видно читать-то не учился...

Ѳед. Пот. Ишь ты шустрый какой! Ваша-то таблица съ мыльными пузырями, — вотъ настоящая-то.

Вѣра Ив. *(смотря на билетъ и таблицу)*. Вѣдь и точно, папаша, у васъ № 1234, а выигрываетъ 1243.

Ив. Марк. Да вы съ ума спятили? *(вырываетъ таблицу и читаетъ)* ну да, да, мой № выигралъ, посмотрите, Степанъ Петровичъ...

Фертовъ *(читая)*. Боже! такъ и есть!.. ахъ я дуракъ, да гдѣ у меня глаза-то были?!. Таблица-то была не вѣрная... Какъ же мои-то 100 рублей? это чортъ знаетъ что!..

Ѳед. Пот. Эхъ, баринъ, баринъ, не одного тебя эвта таблица въ грѣхъ ввела!

Ив. Марк. Да что...о...о.. вы дурачить меня хотите?.. отцы мои родные!.. да пощадите на старости лѣтъ... я!.. я!.. я выигралъ 50,000! Послушайте, честные люди, да не шутите же такъ... *(становится на колѣни)* Ну не мучьте, сжальтесь надо мной!!. вы пошутили? вѣдь я выигралъ? *(плача и вдругъ вскочивъ схватываетъ Ѳедулъ Потапыча за горло)* Это ты перепечаталъ таблицу!

Ѳед. Пот. Полно баринъ, нешто я типографщикъ? опомнись! что говоришь, экъ онъ очумѣлъ! Эй! молодцы!! обирай все назадъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же Дмитрій и Лаврентій (Лаврентій и Дмитрій собираютъ).

Ив. Марк. Да нѣтъ, это сонъ! я сплю, ей Богу сплю! Степанъ Петровичъ, да вѣдь вы сами читали, что мой, мой номеръ выигралъ 50,000! вы, вы сами читали?...

Фертовъ. Да понимаете ли вы, что таблица-то была невѣрная! я такой же былъ слѣпой дуракъ, какъ и вы... Вы меня съ умысломъ обрадовали, вамъ вѣроятно не на что было купить платья для своей дочери... Отдайте мои сто рублей.

Вѣра Ив. *(припадая къ плечу матери)*. Маменька!..

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже и Владимірь Андреевичъ (останавливается близь дверей).

Марья Вас. Кто насъ теперь пожалѣетъ? былъ одинъ у насъ добрый и честный человѣкъ — и того мы потеряли по твоей милости... Деньги насъ съума всѣхъ свели... дочь-то свою загубилъ! Уйди вонъ, тебѣ говорю!.. И вамъ, сударь, у насъ нечего дѣлать... у насъ нѣтъ денегъ! возьмите назадъ свои вещи.

Фертовъ. Мнѣ деньги, сударыня, нужны, а не тряпки.

Ив. Марк. А, когда такъ, прощайте... я нехочу видѣть васъ въ нищетѣ...надоѣла мнѣ жизнь... пойду и утоплюсь въ Фонтанкѣ!.. прощайте!! *(бѣжитъ къ среднимъ дверямъ)*.

Вл. Андр. *(останавливая его на порогѣ)* Не торопитесь, умереть еще успѣете... Благодарите Бога, что онъ избавилъ васъ отъ лишнихъ денегъ и отъ этого господина!..

Ив. Марк. *(останавливается въ задумчивости)*.

Фертовъ. Оскорбленіе, чортъ возьми! Милостивый Государь!

Влад. Андр. *(подавая ему бумажки)*. Вотъ ваши деньги, берите! вы хотѣли жениться на Вѣрѣ Ивановнѣ для того, чтобы заплатить свои долги! это безчестно, низко!

Фертовъ *(въ сторону)*. Вызвать его развѣ на дуэль? *(беретъ деньги)*.

Влад. Андр. Получили ваши деньги?

Фертовъ. Получилъ-съ; слава Богу, хоть деньги-то выручилъ. Вотъ скандалъ! пойду искать другую невѣсту... ха, ха, ха!.. вотъ тебѣ и 50,000.!

Влад. Андр. *(отворяя ему дверь)*. Не угодно-ли?..

Фертовъ *(уходя)*. Мое почтенье!

Влад. Андр. *(къ Ѳедулу Пот.)*. За этотъ товаръ я сейчасъ заплачу...

Ѳед. Пот. *(въ сторону)*. Вотъ эвто баринъ, такъ баринъ! *(вслухъ)* ступайте, молодцы!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же Лаврентій и Дмитрій уходятъ. Взамѣнъ ихъ дворникъ и Матрена. (Дворникъ ведетъ Матрену съ самоваромъ).

Дворникъ. Вотъ сейчасъ захватилъ вашу куфарку, вижу тащитъ вашъ самоваръ, подозрительно стало больно, вотъ я и привелъ къ вамъ на разсужденіе.

Матрена *(кидаясь въ ноги)*. Простите, окаянную, грѣхъ попуталъ! видитъ Богъ въ первый разъ въ жизни, для обороту самоваръ заложить хотѣла, въ лоттерею отыграться...

Ив. Марк. Въ тюрьму тебя запрячу и слушать ничего не хочу!

Матрена. Въ тюрьму? Господи! отецъ родной, да я лучше никогда играть не буду въ лотерею эту, прости Господи!

Влад. Андр. Ну такъ и быть Матрена, выручу тебя изъ бѣды: вотъ тебѣ проигранныя твои деньги, только съ

условіемъ, чтобы ты не бросала твои трудовые рубли на вѣтеръ.

Матрена Ахъ, батюшка, никогда не буду!.. Дай вамъ Богъ здоровье! (*дворникъ уходитъ*).

Ив. Марк. И мой поступокъ не лучше Матрены, и меня окаяннаго слѣдовало бы въ тюрьму.

(*Марья Васильевна и Вѣра Ивановна стоятъ въ задумчивости*).

Влад. Андр. Я увѣренъ, что этотъ урокъ послужитъ вамъ въ пользу, перестаньте горевать... Я первый протягиваю вамъ руку примиренія... вы добрые люди, это было ваше минутное увлеченіе... Вѣра Ивановна, я на васъ сердиться не долженъ... вы еще молоды, вы увлекаетесь невольно... дайте мнѣ вашу руку.

Вѣра Ив. Нѣтъ, я не достойна быть вашей женой, вы должны презирать меня, я поступила нечестно!

Влад. Анр. Клятва предъ алтаремъ смоетъ ваше заблужденіе.

Ив. Марк. Я болѣе всѣхъ виноватъ, я чуть не погубилъ свое семейство; да, я не заслуживаю прощенія!

Марья Вас. Я на тебя, Иванъ Маркычъ, сердиться не буду, но только съ условіемъ: даешь ли ты честное слово, никогда не брать въ лоттерею билетовъ?

Ив. Марк. Не говори мнѣ про эту лоттерею; другу недругу закажу брать билеты въ лоттерею...

Вл. Андр. Ну смотрите, съ этимъ условіемъ мы съ вами миримся,..

Марья Вас. (*Матренѣ*) А ты не будешь брать въ лоттерею?

Матрена Не буду, матушка, не буду—не напоминай мнѣ про нее, (*плача*) пропали мои десять рубликовъ!

Ив. Марк. (*плача*) Пропали мои 300 рубликовъ... тю—тю!..

Өед. Пот. А эвто что жъ за слезы на радостяхъ?

Марья Вас. (*весело*) И въ самомъ дѣлѣ, чего мы плачемъ! (*приплясывая*).

Ахъ ты Ваничка, соколикъ мой,
Ахъ, красавецъ мой пригоженькой!...

Ив. Марк.

У меня-ль жена не ласкова,
Ахъ, она-ли не разумница!

Өед. Пот. (*приплясывая*) Ай люли, люли, люлюшеньки! (*кружатся*) (*въ сторону*) Вотъ это по россійскому!

Ив. Марк. Погодите, еще веселиться, друзья мои, здѣсь-то туча миновалась, а вотъ худо (*показывая на публику*) если отсюда-то будетъ пасмурно... Вѣрочка, замолви-ка здѣсь что нибудь... (*подводя ее къ рампѣ*).

Вѣра Ив.

Много шума, много спора
Мы надѣлали сейчасъ,
Но окончивъ миромъ ссору—
Ждемъ теперь суда отъ васъ!...
Хоть билетъ нашъ въ лоттерею—
Неудаченъ въ этотъ разъ,
Но признаться: мы хотѣли—
Только выиграть у васъ!!

Всѣ.

Но признаться: мы хотѣли
Только выиграть у васъ.

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Сеидъ Магометъ Худояръ-Ханъ Коканскій.

Въ настоящее время, когда вниманіе общества устремлено на совершающуюся экспедицію противъ Хивы, все касающееся Средней Азіи пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ глазахъ публики. Поэтому мы не щадили никакихъ издержекъ для пріобрѣтенія матеріаловъ относительно этой страны, малоизвѣстной какъ древнему, такъ и новому міру. Предлагаемая читателямъ статья съ рисунками составляетъ лишь первое звѣно длиннаго ряда средне-азіатскихъ очерковъ, которые будутъ напичатаны на страницахъ «Нивы» въ теченіи нынѣшняго года.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей въ Средней Азіи настоящаго времени — есть безспорно Худояръ-ханъ Коканскій. Онъ замѣчателенъ, во первыхъ, судьбой своею, полною превратностей и тревогъ, а во вторыхъ, тѣмъ, что прекратилъ наконецъ смуты и безпорядки, которые волновали Коканское ханство при его предшественникахъ.

Ханствующій въ Коканѣ домъ происходитъ изъ каракиргизскаго рода; предокъ нынѣшняго хана былъ киргизъ Нарбута-бій. Надобно замѣтить, что главную массу населенія въ ханствѣ составляютъ *сарты*, т. е. народность, происшедшая отъ браковъ аборигеновъ страны: *таджиковъ* (народа арійскаго происхожденія и вполнѣ родственнаго съ персами) и пришельцевъ-завоевателей *узбековъ* (народа тюркскаго происхожденія). Сарты склонны къ мирной, осѣдлой жизни, торговлѣ, разнымъ промысламъ. Совершенную противуположность съ ними составляютъ узбеки, воинственные и энергичные. Къ числу узбекскихъ родовъ принадлежатъ, между прочимъ, также кипчаки и кара-киригизы (иначе: черные или дикокаменные киргизы), занявшіе долины Тянь-Шаня и частію Коканское ханство, въ его восточной части. Центръ кипчакскаго населенія въ Коканѣ есть городъ Андиджанъ или Анджанъ. Неудивительно, что воинственные узбеки, поселившись въ Коканѣ, вскорѣ присвоили себѣ верховную власть — и каракиргизъ Нарбута-бій сдѣлался коканскимъ ханомъ.

Но преемники Нарбуты скоро утратили свои типическія, узбекскія особенности; окруженные сартами, сравнительно болѣе цивилизованными, они мало по-малу стали принимать нравы, образъ жизни, воззрѣнія сартовъ и, конечно, отдавали имъ во многихъ случаяхъ предпочтеніе предъ своими единоплеменниками, узбеками. Послѣдніе, въ свою очередь, не уступали безъ борьбы первенствующей своей роли въ ханствѣ. Оттого вся исторія Кокана есть собственно исторія борьбы за гегемонію двухъ народностей: сартовской и узбекской. На сторонѣ первой стояли ханы, придавая тѣмъ сартовской партіи дѣйствительный вѣсъ и значеніе; вторая партія, узбекская или вѣрнѣе кипчакская — потому что въ послѣднее время видную роль въ этой партіи играли кипчаки — сильна была своими даровитыми и храбрыми представителями. Извѣстнѣйшими вождями, *батырями*, кипчаковъ въ послѣднее время были Мусульманъ-Кулъ и Алимъ-Кулъ.

Кипчакская партія въ Коканѣ поднялась и получила особое значеніе съ 1841 года, т. е. со времени завоеванія Кокана бухарскимъ эмиромъ Насыръ-Уллахомъ (Батыръ-ханъ). Кипчаки возстали противъ бухарцевъ, свергли

поставленныхъ эмиромъ въ Коканѣ и въ Ташкентѣ правителей и провозгласили ханомъ старика Ширъ-Алія. Конечно, подъ его именемъ управляли ханствомъ кипчаки. Когда сартовская партія снова начала брать перевѣсъ и во главѣ приближенныхъ къ хану всталъ нѣкто Шади, убитаго Ширъ-Алія. Эта борьба между Мусульманъ-Куломъ и Мурадъ-ханомъ была первымъ событіемъ, въ которомъ Худояръ-ханъ является дѣйствующимъ лицемъ, хотя и вполнѣ пассивнымъ.

Мурадъ-ханъ былъ разбитъ и бѣжалъ изъ Кокана, а

Сеидъ Магометъ Худояръ-Ханъ Коканскій. Рис. Дмитровичъ, грав. Крыжановскій.

сартъ родомъ, то кипчаки открытою силою возвратили себѣ первенство. Глава кипчаковъ, Мусульманъ-Кулъ двинулся съ войскомъ противъ хана, или вѣрнѣе противъ его перваго министра Шади и разбилъ ханскія войска. Шади былъ убитъ въ сраженіи—и его мѣсто занялъ Мусульманъ-Кулъ.

Мусульманъ-Кулъ не присвоилъ себѣ верховной власти, но всегда дѣйствовалъ или именемъ хана, или именемъ кого либо изъ ханскаго дома. Такъ, когда Ширъ-Али былъ убитъ и мятежники хотѣли провозгласить ханомъ Мурадъ-хана, Мусульманъ-Кулъ двинулся противъ нихъ, но при этомъ взялъ съ собою, въ отрядъ свой, 16-ти лѣтняго Худояра (нынѣшняго хана коканскаго), сына Мусульманъ-Кулъ провозгласилъ Коканскимъ ханомъ Худояра. Конечно, дѣйствительною главою ханства остался по прежнему Мусульманъ-Кулъ. Это былъ временщикъ, въ полномъ значеніи этого слова. Положеніе, которое онъ занялъ при Худояръ-ханѣ, совершенно напоминаетъ положеніе Меньшикова при Петрѣ II. Онъ держалъ молодаго хана почти взаперти, не давалъ ему денегъ, не позволялъ дѣлать никакихъ распоряженій.

Такъ продолжалось до самаго совершеннолѣтія Худояръ-хана, когда онъ началъ уже тяготиться опекою своего строгаго родственника, Мусульманъ-Кула. Не видя возможности избавиться отъ невыносимаго гнета, Худояръ-ханъ написалъ письмо ташкентскому правителю (беку)

Нуръ-Магомету, приглашая его подняться и освободить Коканъ отъ власти Мусульманъ-Кула.

Нуръ-Магометъ послушался призыва и двинулся съ войскомъ противъ Кокана. Мусульманъ-Кулъ, выступая противъ ташкентцевъ, взялъ съ собою и Худояръ-хана; но ночью Худояръ-ханъ тайно перешелъ на сторону враговъ.

Началась битва—и ташкентскій бекъ былъ разбитъ на голову; въ числѣ плѣнныхъ былъ также и Худояръ-ханъ. Но Мусульманъ-Кулъ не показалъ и тѣни неудовольствія на измѣну Худояра и по прежнему оставилъ его ханомъ.

Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ того, ханъ сдѣлалъ еще одну попытку избавиться отъ Мусульманъ-Кула: однажды, когда во дворцѣ хана былъ *той* (праздникъ), одинъ изъ гостей умышленно началъ ссору съ Мусульманъ-Куломъ и кинулся на него съ обнаженною саблею. Началась общая схватка; черезъ минуту въ городѣ загудѣлъ набатъ—и заговорщики, ждавшіе этого сигнала къ рѣзнѣ, бросились на живущихъ въ городѣ кипчаковъ. Много друзей и слугъ Мусульманъ-Кула погибло при этомъ, но онъ самъ успѣлъ отбиться отъ враговъ и спасся. Онъ на-скоро собралъ своихъ кипчаковъ и двинулся съ ними противъ хана. Произошла битва—и кипчаки были разбиты. Ханъ обѣщалъ простить всѣхъ виновныхъ, если они выдадутъ Мусульманъ-Кула,—и кипчаки не постыдились предать въ руки враговъ своего вождя. Но имъ не удалось купить этой цѣною свое помилованіе; захвативъ Мусульманъ-Кула, ханъ приказалъ «стереть съ лица земли всѣхъ кипчаковъ». Началась страшная рѣзня; кипчаковъ убивали повсюду: въ городахъ, деревняхъ, домахъ, на базарахъ; посылались особые отряды для ихъ истребленія. Самого Мусульманъ-Кула ханъ приказалъ казнить, но предварительно предъ его глазами казнили всѣхъ его родственниковъ и приверженцевъ.

Кипчакская партія была обезсилена претерпѣннымъ погромомъ; но кипчаки затаили месть и только ждали случая къ возстанію. Случай этотъ вскорѣ представился: волненіе началось на отдаленной окраинѣ Кокансchallenge скаго ханства, между киргизами Ауліе-атинскаго и Чекментскаго бекствъ, много терпѣвшихъ отъ несправедливостей и поборовъ своихъ правителей. Возмутившіеся избрали своимъ главою роднаго брата хана, Молля-хана. Къ нему же присоединились и озлобленные кипчаки, со своими біями, изъ которыхъ особенно выдавался Алимъ-Кулъ (впослѣдствіи противникъ ген. Черняева). Въ битвѣ войско Худояръ-хана было разбито, и онъ самъ бѣжалъ въ Бухару. На престолъ коканскій вступилъ Молля-ханъ, но дѣйствительнымъ правителемъ ханства сдѣлался энергичный кипчакскій бій Алимъ-Кулъ.

Мы не станемъ разсказывать событія въ Коканѣ послѣ бѣгства въ Бухару Худояръ-хана, такъ какъ имѣемъ въ виду изложить только его біографію. Но необходимо сказать, что это время было самое тяжелое для Кокана; честолюбивые біи кипчакскіе боролись между собою за первенство, а ханъ игралъ при этомъ совершенно пассивную роль. Черезъ 2 года послѣ своего вступленія на престолъ, Молля-ханъ былъ задушенъ заговорщиками, которые злобились на него за то, что онъ приблизилъ къ себѣ одного только Алимъ-Кула.

Ташкентъ, населенный исключительно одними сартами, конечно не могъ симпатизировать Кокану, гдѣ перевѣсъ снова взяли кипчаки; поэтому ташкентцы рѣшились совершенно отдѣлиться отъ Кокана и призвали къ себѣ изъ Бухары Худояръ-хана. Алимъ-Кулъ выступилъ съ войскомъ противъ Ташкента—и началась долговременная, памятная всѣмъ коканцамъ, борьба Худояръ-хана съ Алимъ-Куломъ. Два года продолжалась эта борьба; успѣхъ попемѣнно склонялся то на одну, то на другую сторону. Сторону Алимъ-Кула приняли всѣ узбеки, а сторону Худояръ хана держали всѣ сарты. Во всемъ ханствѣ происходила борьба на жизнь и на смерть между двумя народностями—и много крови стоила Кокану эта борьба. Въ серединѣ втораго года борьбы, Алимъ-Кулъ поставленъ былъ почти въ безвыходное положеніе: онъ былъ запертъ въ тѣснинѣ, при Кара-Кульджѣ, съ весьма небольшимъ отрядомъ. Но Алимъ-Кулъ успѣлъ таки отбиться и въ концѣ концовъ—одержалъ верхъ. Городъ Коканъ былъ взятъ Алимъ-Куломъ—и Худояръ-ханъ, видя невозможность бороться съ могущественнымъ и искуснымъ противникомъ, вторично бѣжалъ въ Бухару. Алимъ-Кулъ провозгласилъ коканскимъ ханомъ Султанъ-Сеита (сынъ убитаго Молля-хана); но дѣйствительнымъ регентомъ ханства сдѣлался бій Алимъ-Кулъ.

Въ это время Коканскому ханству грозила новая, неожиданная опасность, русскіе подвигались въ глубь Средней Азіи двумя отрядами: со стороны Вѣрнаго отрядомъ полковника (нынѣ генер.-маіора) М. Г. Черняева взяты были города: Ауліе-ата и Чекментъ, а со стороны Сыръ-Дарьи отрядомъ полковника Веревкина взятъ городъ Азретъ или Туркестанъ. Оба соединенные отряда стали угрожать Ташкенту. Алимъ-Кулъ бросился на встрѣчу русскимъ, нѣсколько разъ вступалъ въ битву и оспаривалъ каждый шагъ своей земли. Неожиданная смерть Алимъ-Кула положила конецъ этой упорной защитѣ. Алимъ-Кулъ былъ убитъ въ сраженіи съ отрядомъ ген.-маіора Черняева, подъ Ташкентомъ.

Еще до смерти Алимъ-Кула, Худояръ-ханъ получилъ отъ всѣхъ партій въ Коканѣ единодушное приглашеніе вступить снова на ханскій престолъ. Господство Алимъ-Кула было слишкомъ тягостно для страны, а жестокость его возбудила къ нему общую ненависть. Говорятъ, что однихъ высшихъ чиновниковъ (сипаевъ) было казнено до 4 тысячъ человѣкъ. Алимъ-Кулъ хотѣлъ господствовать терроромъ. Смерть его помогла Худояръ-хану въ третій разъ достигнуть престола—и на этотъ разъ уже безъ кровопролитія.

Худояръ-ханъ дѣйствительно внесъ миръ въ утомленную и раззоренную смутами страну. Онъ примирилъ всѣ партіи, вступилъ въ дружескія сношенія съ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, разрѣшилъ полную свободу торговли русскимъ купцамъ въ своей странѣ и оказываетъ имъ постоянно помощь и защиту. Онъ старается развить благосостояніе своей страны, проводитъ огромные арыки (ирригаціонные каналы), построилъ превосходный, крытый базаръ въ Коканѣ и караванъ-сараи во всѣхъ значительныхъ городахъ ханства. Ханъ внимательно присматривается къ европейскимъ порядкамъ и старается усвоить себѣ нѣкоторые внѣшніе пріемы европейской цивилизаціи. Онъ выписалъ изъ Россіи, для омеблированія нѣкоторыхъ комнатъ своего роскошнаго дворца,—зеркала, столы, кресла и другую мебель, завелъ экипажи (нѣсколько колясокъ), разные предметы роскоши, напр. столовые и стѣнные, весьма дорогіе часы, канделябры, люстры, и т. п. Эти по европейски убранныя комнаты дворца служатъ для пріема посѣтителей иностранцевъ, т. е. русскихъ. Въ обыденной жизни своей ханъ конечно не отрѣшился еще отъ своихъ азіатскихъ обычаевъ и привычекъ, чего, разумѣется, невозможно и требовать отъ него. Въ послѣднее время ханъ устроилъ у себя полную и снабженную весьма хорошими инстру-

ментами фотографію. Другая фотографія устроена старшимъ сыномъ хана, Насыръ-Этдинъ-бекомъ (ханъ Заде) въ Андиджанѣ, городѣ ввѣренномъ его управленію. По указанію русскихъ промышленниковъ, ханъ началъ также разработывать богатые нефтяные источники въ своемъ ханствѣ—и теперь улицы Ташкента освѣщаются коканскимъ керосиномъ.

Дворецъ хана, представленный на рисункѣ нашемъ, составляетъ одно изъ лучшихъ зданій Кокана, вообще обильнаго роскошными постройками, въ восточномъ стилѣ. Дворецъ этотъ весьма обширенъ и обнесенъ двумя стѣнами. Рисунокъ нашъ изображаетъ первые, главные ворота ханскаго дворца (см. стр. 285).

Любовь царицы.

Историческая повѣсть А. Брахфогеля.

I.

Вскорѣ послѣ битвы при Филиппахъ, гдѣ Брутъ и Кассій, мечтавшіе отстоять въ Римѣ республику, поплатились за свои грезы полнымъ пораженіемъ своихъ войскъ и личною гибелью,—Маркъ Антоній, тріумвиръ и одинъ изъ ихъ побѣдителей, основалъ свое мѣстопребываніе въ Тарсѣ, въ Малой Азіи. Онъ былъ одинъ изъ трехъ подѣлившихъ между собою римскій міръ, наслѣдіе Цезаря.

Октавіанъ сталъ владыкой Италіи; Лепидъ получилъ Испанію и Африку; Антонію достался Востокъ, наиболѣе дивная треть этого міра. То была львиная доля добычи—но на гибель ему. Желѣзное сердце растаяло подъ знойнымъ небомъ,—и тотъ голосъ что гремѣлъ надъ израненнымъ тѣломъ умерщвленнаго Цезаря, воспламеняя поголовно духъ мщенія во всемъ народѣ римскомъ, теперь едва уловимо и томно звучалъ среди разнѣживающей обстановки чувственной жизни.

Далеко не охотно переселившись въ Тарсъ и не будучи вѣнчаннымъ властителемъ, онъ тѣмъ не менѣе окружилъ себя дворомъ, затмѣвавшимъ роскошью всѣ царскіе. Повелители Востока стекались сюда толпою, повергая къ ногамъ тріумвира дары и знаки покорности; а онъ, откинувшись на подушкахъ золотаго трона и полусомкнувъ вѣки, выслушивалъ ихъ. Гордость цѣлаго Рима витала на челѣ его. Едва удостоивая взгляда нагроможденныя у ногъ его сокровища, играя кистями тоги, онъ легкимъ наклоненіемъ головы принималъ присягу. А они, уходя, разносили въ отдаленнѣйшіе предѣлы славу равнаго богамъ всемилостивѣйшаго повелителя. Да, равнаго богамъ! Въ Аѳинахъ, гдѣ онъ провелъ послѣдній годъ, его именовали Діонисомъ (Вакхомъ) и рой вакханокъ окружалъ его плясками, когда онъ, увѣнчанный виноградомъ, съ леопардовой кожей на плечахъ, коротал въ пирахъ аттическія ночи. Онъ всегда любилъ Аѳины. Тамъ, во всей силѣ еще неискаженной красоты, сказывался возвышенный духъ Фидія въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ памятникѣ. Тамъ улыбки аѳинянокъ еще вѣяли чарующей прелестью и граціей, унаслѣдованной отъ Аспазіи. Но докучливыя дѣла правленія звали его на востокъ. Досадуя, простился онъ съ колонадами Минервина града и отплылъ на кораблѣ въ Тарсъ.

Этотъ городъ лежалъ на южномъ берегу Малой Азіи, неподалеку отъ моря, нѣсколько выше устья рѣки Кидна. Онъ былъ основанъ въ глубокой сѣдой древности Сарданапаломъ, послѣднимъ царемъ вавилонскимъ, который оставилъ по себѣ не только улицы, дворцы и храмы, но и превосходный совѣтъ гражданамъ:

Упивайтесь, пируйте, любите —
Остальное не стоитъ труда

Не мудрено угадать, что царь, основавшій городъ единственно ради такого класическаго завѣщанія обывателямъ, конечно не пустыню выбралъ мѣстомъ его построенія.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Киднъ шумно струилъ свои свѣтлыя волны къ близкому устью. На полночь высились горы, преграждая доступъ холоднымъ дуновеніямъ сѣвера. Къ югу разстилалось море—чудное, тихое кипренское море. Воды его были такъ же прозрачны, какъ въ тѣ времена, когда изъ лона ихъ возникла Венера Анадіомене (водою-рожденная). По отлогимъ склонамъ береговъ обильно произрастала виноградная лоза; померанцовыя деревья толпились тѣнистыми чащами; розы выглядывали въ разсѣлинахъ скалъ и напояли воздухъ благоуханіями вѣчной весны. Майскія ночи оглашались звонкой соловьиною трелью изъ каждаго куста—и кроткій, пригожій народъ въ мечтательной задумчивости внималъ этимъ брачнымъ напѣвамъ.

Въ этомъ-то миломъ но тихомъ Тарсѣ основалъ свое мѣстопребываніе великій тріумвиръ Маркъ Антоній. И пока Октавіанъ втайнѣ питалъ честолюбивѣйшіе замыслы, забирая мало по-малу въ свои руки всю власть надъ Римомъ,—пока Лепидъ былъ въ походѣ на варваровъ,—онъ, сильнѣйшій изъ трехъ, нѣжилъ свое тѣло, натертое благовонными мазями, на ложѣ восточной лѣни. Красивѣйшіе изъ его рабовъ пѣли ему стихи Анакреона, красивѣйшія изъ рабынь тѣшили его сладострастными круговыми плясками. По временамъ, какъ уже сказано, принималъ онъ царственныхъ данниковъ или производилъ смотры своихъ легіоновъ,—но ничто не помогало. Повелитель Востока скучалъ.

Имъ овладѣвала смертная скука.

Ему ничего не стоило начать любую войну и приковать цѣпями цѣлые народы къ тріумфальной колесницѣ побѣдителя. Отдавъ своимъ когортамъ *хлѣбъ* уже покоренныхъ провинцій, онъ могъ бы доставить имъ и *зрѣлища* новыхъ завоеваній.

Но сладострастье аѳинскихъ ночей и любовный шопотъ этого изнѣженнаго города—шутя обезоружили мощную длань, поднимавшую филиппинскій мечъ, и совлекли съ широкой груди панцырь, носимый при Мутинѣ. Антоній жаждалъ флейтъ Эллады, грохотъ азіатскихъ тимпановъ былъ ему противенъ. Какое-то гнетущее затишье овладѣло имъ,—обезсиливающее, томительное затишье, какъ тѣ, что наступаютъ передъ сильнѣйшими грозами.

Впрочемъ онъ-бы давно уже снялъ свой лагерь и вернулся въ излюбленную Грецію, еслибъ его не удерживалъ въ Тарсѣ нѣкоторый долгъ, своего рода гордость. Въ числѣ властителей, вытребованныхъ имъ туда на судъ, была и Клеопатра египетская, послѣдняя царица изъ дома Птоломеевъ. Она одна еще не поспѣшила заявить свою покорность—и брови тріумвира мрачно хмурились, когда въ его присутствіи упоминали о Египтѣ. Самъ онъ, разумѣется, былъ слишкомъ гордъ, чтобы проронить хоть слово досады или удивленія касательно отсутствія этой данницы, уловившей нѣкогда волшебными сѣтями великаго

Цезаря;—онъ и другимъ не дозволилъ бы произнести при немъ подобное слово.

Онъ еще никогда не видалъ царицы. Но слыхалъ о ея чарующей силѣ. Онъ думалъ о Цезарѣ—и любопытство боролось въ душѣ его съ неудовольствіемъ. То что дѣлало Птоломейку такою гордою и самоувѣренною, даже явно дерзкою,—отнюдь не настроивало его къ снисходительности. Въ отвѣтъ на всѣ росказни объ ея сверхъестественномъ дарѣ обольщенія, онъ только надменно поднималъ чело.

Онъ понималъ лишь уступчивую, предающуюся красоту женщины, цвѣтокъ предназначенный быть сорваннымъ рукою мужчины.

Царицы, подчиняющей неотразимою властью, не встрѣчалъ онъ еще ни въ одной женщинѣ. Такимъ образомъ, тлѣющее неудовольствіе на отсутствующую разгоралось съ каждымъ днемъ—и съ каждымъ днемъ созрѣвала въ немъ твердая рѣшимость подготовить этой женщинѣ пріемъ настолько суровый, чтобы весь Востокъ со страхомъ взиралъ на прославленнаго имъ милостивца.

Такъ и сегодня, въ зловѣщемъ молчаніи, возлежалъ онъ за обѣдомъ. Прохладный вѣтерокъ съ моря врывался въ отворенную залу съ цѣломъ роемъ лепестковъ померанцеваго цвѣта и осыпалъ ихъ бѣлоснѣжными хлопьями курчавые волосы тріумвира.

Антоній гнѣвно отряхалъ ихъ, вымѣщая на безвинныхъ цвѣткахъ дурное настроеніе духа. Приближенные безмолствовали. Повелитель оттолкнулъ поданный ему кубокъ—огненная струя кипрскаго вина не манила его устъ. На всемъ лежала свинцовая печать унынія и раздражительности. Въ сосѣднемъ покоѣ звучали струны греческой цитры и переливчатый голосъ отрока, пѣвшаго строфы изъ Софо. Въ порывѣ внезапнаго бѣшенства, тріумвиръ сорвалъ съ себя вѣнокъ изъ розъ, по эллинскому обычаю надѣваемый къ столу, и пустилъ имъ вдоль колоннады въ пѣвца. Полный звукъ пѣсни мигомъ затихъ. Всѣ въ смущеніи встали съ мѣстъ, изрѣдка лишь осмѣливаясь бросить робкій взглядъ на гнѣвное лицо тріумвира.

Вдругъ онъ обратился къ Персандеру, придворному врачу своему:

— Какое ощущеніе овладѣваетъ человѣкомъ, который видитъ нѣчто неслыханное, сверхъестественное?

Но не дождался отвѣта. Проведя рукой по лбу, онъ продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Должно быть похоже на смерть.

И трепетъ пробѣжалъ по всему стану героя.

Въ это мгновеніе съ нарѣчной стороны города поднялся нестройный гулъ. Онъ приближался къ дворцу и походилъ на радостные клики восторженной толпы. Клики восторга? тріумвиръ прислушался. Кого же могъ привѣтствовать народъ, когда *Онъ* не показывался изъ глубины своихъ покоевъ? Онъ слегка приподнялся съ триклиніума навстрѣчу возраставшему шуму. Приближенные вздохнули свободнѣй. Гроза на челѣ повелителя нашла себѣ исходъ, ей было надъ чѣмъ разразиться,—и когда онъ далъ знакъ освѣдомиться о причинѣ смятенія, всѣ поспѣшили вонъ, радуясь возможности подъ предлогомъ повиновенія укрыться отъ начинавшейся бури. Грозный остался одинъ.

— Не она ли наконецъ, пробормоталъ онъ, — эта скользкая нильская змѣйка? И вставъ изъ-за стола, онъ прислушивался къ набѣгавшимъ волною радостнымъ кликамъ, которые потрясали окрестный воздухъ. Сердце ему стѣснила яростная зависть и нѣкоторая, доселѣ невѣдомая, боязнь. Спѣшно вернувшійся любимецъ его, Макробій, отступилъ, замѣтивъ мрачное облако на челѣ повелителя.

— Что же тамъ такое?

Тотъ пролепеталъ дрожащими устами:

— Это Венера Водою - рожденная... снова выходитъ изъ волнъ и желаетъ привѣтствовать Марса.

— А! богиня красоты, преклоняющаяся предъ богомъ войны! скажи ей, Марсъ идетъ... А про себя прибавилъ: во всеоружіи!

Судя по его внѣшнему виду, онъ вовсе не намѣревался благосклонно встрѣтить богиню благосклонности. Быть можетъ, онъ хотѣлъ предъ глазами ликующаго народа показать ей, что здѣсь, кромѣ его самого, никому не подобаетъ ликованій. Онъ накинулъ пурпурную тогу, опоясалъ мечъ съ драгоцѣнной рукоятью, и накрывъ широкое чело сіяющимъ шлемомъ, поспѣшилъ дворцовыми садами къ берегу Кидна.

Солнце клонилось къ закату, воспламеняя близкое лоно морское волшебнымъ огнистымъ блескомъ. Вверхъ по рѣкѣ плыла небольшая флотилія, впереди всѣхъ корабль подъ парусомъ изъ чистаго пурпура. Его складки напоены были благоуханіями, и вѣтеръ на далекое разстояніе несъ ихъ ароматъ. На палубѣ сверкала громадная раковина изъ разноцвѣтнаго мрамора. Дѣвы и отроки въ свѣтлыхъ одеждахъ, по видимому неся на плечахъ, окружали ее живыми каріатидами. Въ самой же раковинѣ, на ложѣ изъ розъ, покоилась женщина въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи, опоясанномъ и расшитомъ по краямъ серебромъ. Въ распущенныхъ волосахъ сіяли жемчужины. Грудь и плечи ослѣпляли собственнымъ блескомъ, едва отдѣляясь отъ края бѣлой одежды. Всю ее обливалъ какой то матовый свѣтъ. Она лежала въ живомъ пурпурѣ цвѣтовъ, какъ звѣзда, скатившаяся съ неба въ чашечку розы.

На верхней ступени широкаго мраморнаго схода къ рѣкѣ стоялъ Маркъ Антоній.

Вѣтерокъ, напрягавшій паруса волшебной галеры, развѣвалъ и перья на его шлемѣ. Заходящее солнце отражалось въ сверкающихъ доспѣхахъ мужественнаго стана. Тогу же относила вѣтромъ назадъ, какъ бы для того чтобы не стѣснять дыханія этой мощной груди. Корабль сталъ на якорѣ, среди кликовъ толпы, словно въ опьяненіи тѣснившейся къ невиданному великолѣпію. Дивный образъ женщины въ раковинѣ слегка восклонился. Потомъ она медленно приподняла лѣвую руку по направленію къ полководцу, стоявшему на берегу, какъ бы моля поддержать ее при сходѣ съ высокаго ложа.

А онъ — гнѣвный богъ? не волшебство ли вдругъ осѣтило его своими чарами? Онъ повинуется знаку. Со ступени на ступень сходитъ онъ внизъ къ мосткамъ корабельнымъ, покрытымъ сидонской ковровою тканью отъ нижной ступени мраморной лѣстницы до самой палубы. Какъ во снѣ, ослѣпленный, обезсиленный, переходитъ онъ мостки. Всѣ разступаются передъ нимъ — и вотъ онъ уже стоитъ у края раковины — крошечная, какъ снѣгъ бѣлая рука женщины дрожа принимаетъ уже опору его руки, — а темные глаза ихъ разгораются огнемъ, впиваясь очи въ очи, подобно солнцамъ, взаимно палящимъ другъ друга жгучами перекрестными лучами. Вотъ онъ снялъ блистательную красавицу съ цвѣточнаго ложа, и горделиво закинувъ голову, рука въ руку ведетъ ее съ палубы, по мосткамъ, на лѣстницу, — она слѣдуетъ за нимъ съ приподнятымъ челомъ и возводя взоръ къ лицу его, межь тѣмъ какъ изъ устъ ея вырывается подавленный вздохъ. Волнистыя складки ея длинной одежды змѣятся далеко позади на ступеняхъ, сверкая искрящимся шить-

емъ, словно расплавленное серебро выступаетъ изъ земли подъ пятой чародѣйки.

Народъ затихъ. Восторженные клики замерли на губахъ. Какъ-бы уничтоженные зрѣлищемъ этого единственнаго въ мірѣ явленія двойственной красоты, предстоящіе затаили дыханіе — и подобострастное безмолвіе смѣнило шумные возгласы изумленной толпы. Пока божественная чета шествуетъ берегомъ ко дворцу, сонмъ дѣвъ и отроковъ съ палубы сыплетъ въ народъ золотыя и серебряныя деньги, кольца и прочія драгоцѣнности. Сладчайшіе голоса отроковъ, неслыханные на берегахъ Кидна, поютъ хоромъ:

Слава тебѣ, тріумвиръ, грозной стопою
Бога войны попиравшій Востокъ,
Знамя свое водрузившій на Киднѣ
И съ торжествомъ подъ пяту низложившій
Въ рабство тебѣ обращенныхъ царей!

А дѣвы продолжаютъ отвѣтнымъ хоромъ:

Дважды хвала повелителю боя,
Свѣтлому Марсу, когда снизойдетъ
Съ пыльной своей колесницы, къ подножью
Дивной богини, Водою-рожденной,
Въ даръ повергая кровавый трофей.

II.

Хвалебная пѣснь тріумвиру съ египетской царицей — замолкла, и сумерки осѣнили своимъ покровомъ взволнованный городъ. На улицахъ, вблизи дворца, тѣснились толпы, приливая и вновь отливая на подобіе морскаго прибоя. Потѣшные огни были зажжены въ честь богини любви, вновь рожденной моремъ, — и всѣ считали себя осчастливленными зрѣлищемъ, котораго удостоились. Съ горячихъ устъ юношей срывались вздохи о чарующемъ образѣ, дѣвы стыдясь прятали лица въ подушки, — стыдясь того, что нѣкогда считали себя прекрасными.

Между тѣмъ, въ дворецъ тріумвира казалось переселился Олимпъ со всѣми богами, съ тѣхъ поръ какъ серебряный край одеждъ египтянки прошумѣлъ на мраморномъ полу. Не сводя глазъ съ блистательной гостьи, повелитель провелъ ее въ роскошныя залы. Тамъ указалъ онъ ей сѣсть на собственное его тронное кресло, — и только тутъ, когда она движеніемъ руки отклонила милостивое приглашеніе, онъ впервые нашелъ нѣсколько словъ, чтобъ воскликнуть:

— Привѣтствую тебя, богиня, явившаяся намъ изъ пѣны морской! прими покорность твоего...

Она не дала ему кончить своей рѣчи. Взявъ его за руку, она начала тихимъ голосомъ:

— Нѣтъ, воевластитель, не ты явился сюда во имя покорности. Здѣсь я преклоняю колѣна. Ты вызвалъ меня своимъ повелѣніемъ. Дозволь же мнѣ прикоснуться губами къ рукѣ побѣдителя, пока мои спутники вручатъ ему вѣнецъ побѣжденной.

Внезапнымъ напоминовеніемъ забытой дѣйствительности отдались эти слова въ ушахъ очарованнаго. Онъ слегка вздрогнулъ.

Ему живо припомнилось, что онъ намѣревался уничтожить эту женщину, — а теперь онъ уже не въ силахъ быть отнять у нея своей руки. Точно скованная покоилась эта рука въ ея рукѣ, а прелестныя уста такъ близко наклонились къ ней, что ее жгло горячее дыханіе, межь тѣмъ какъ рѣчь ихъ лилась дальше...

— Ахъ, не всевластную безсмертную богиню видишь ты передъ собою! Это бѣдная земная женщина — нѣкогда царица, нынѣ прибывшая сюда заплатить дань слезами и — какъ избѣжать ей ужасной мысли? — быть можетъ принять оковы цѣпей. Не Водою-рожденная говоритъ съ съ тобою, тріумвиръ преисполненный власти, — это Клеопатра египетская... Клеопатра...

Голосъ ея пресѣкся, а съ нимъ порвалась и нить прежнихъ мыслей Антонія. Уста ея коснулись его руки. Жгучій, палящій зной цѣлой Африки сосредоточился въ этомъ прикосновеніи. Трепетъ охватилъ полководца. Вотъ она склонилась впередъ, какъ-будто хотѣла пасть къ его ногамъ. Сильной рукой подхватилъ онъ изнеможенную красавицу — и взявъ вѣнецъ Египта, поданный ему сребробородымъ царедворцемъ, возложилъ его на чело очаровательной просительницы. Имъ овладѣло какое-то призрачное бытіе, блестящее яркими красками дѣйствительности. Онъ оглядывался вокругъ, недоумѣвая, та ли это зала, тѣ ли сады, то ли самое небо надъ ними, что прежде: да, все было то же самое, и сіяющій взоръ его вновь обратился къ солнцу, озарявшему всю это дѣйствительность инымъ, волшебнымъ свѣтомъ. Губы его прошептали:

— А все же Водою-рожденная!

Но она снова его прервала, кротко пояснивъ, что для того только и выбрала нарядъ пресвѣтлой богини, чтобы получить безпрепятственный доступъ къ нему.

— Всему свѣту извѣстно, что Маркъ Антоній чтитъ небожителей. Имя, которое я заимствовала у богини, давало мнѣ увѣренность, что ты встрѣтишь меня пріязненнымъ взглядомъ.

— Заимствовала? страстно перебилъ онъ, — она должна быть у тебя въ долгу то, за что ты ею одолжалась. Ты лишь возвратила себѣ свое достояніе. Боги вновь сходятъ на землю, царица, — къ чему имъ занимать свою сущность?

— Это твои слова, не мои. О, мой тріумвиръ, что остается Рожденной отъ пѣны морской, кромѣ блаженной покорности вѣщимъ рѣчамъ грознаго Владыки войнъ! Да, ты правъ, боги сходятъ на землю — да будетъ же наше время временами боговъ!

И голосъ ея звучалъ музыкой при этихъ словахъ, не совсѣмъ ясныхъ, но разнѣживающихъ мужское сердце. Не звонко-веселою трелью жаворонка лился этотъ голосъ; онъ походилъ на соловьиную пѣснь, приглушенную далью, страстную какъ въ послѣдніе дни весны, предъ замолканіемъ....

Чудный день смѣнился дивною ночью. Весь дворецъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ неказистыхъ покоевъ удержанныхъ для себя тріумвиромъ, былъ предоставленъ египетской царицѣ. Опочивальню ей отвели въ помѣщеніи, выходившемъ на море. По ту сторону этого моря, вѣдомой ей, простиралось ея царство. Ея царство, лѣтъ за одинадцать унаслѣдованное отъ отца, четыре года спустя полученное въ подарокъ отъ Цезаря, а семь часовъ тому назадъ отвоеванное у Марка Антонія. Семь часовъ тому совершилось второе великое торжество въ ея жизни. За семь лѣтъ передъ тѣмъ, самъ Цезарь, всемогущій владыка Рима, явился на берега Нила, намѣреваясь у юной царицы, тяжущейся съ братомъ своимъ за вѣнецъ, отнять ея царство. Вмѣсто того, онъ загостился тамъ на цѣлые мѣсяцы, опутанный сѣтями вѣнчанной чародѣйки, пренебрегалъ побѣдами ради ея улыбокъ — и вдругъ возвѣстилъ міру, что египтянка родила ему сына, Цезаріона. Наслѣдникомъ, котораго не могли дать ему римлянки, въ довершеніе полноты его счастія подарила его первая красавица Востока. Прощаясь съ Египтомъ, онъ оставилъ его двадцатилѣтней царицѣ съ прибавкою цѣлыхъ провинцій.

Семь лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Красота Клеопатры достигла зенита. Съ этимъ соединялся блестящій даръ

женственной прелести. Каждое движеніе ея было запечатлѣно поцѣлуемъ грацiи, осанка поражала совершенствомъ изящества и величія. Даже сильнѣйшія проявленія страстей не могли исказить разлитаго въ ней благородства. Высокій санъ ея сказывался не только въ каждой чертѣ лица, отъ каждой складки ея одежды вѣяло величествомъ. Притомъ она превосходила всѣхъ женщинъ умѣньемъ и навыкомъ сводить съ ума мужчину. Глаза ея горѣли пожирающимъ пламенемъ. Темные и свѣтящіеся въ одно и то же время, они ежеминутно мѣнялись въ цвѣтѣ: обращаясь къ небу, сіяли чистѣйшею синевой этого южнаго неба; скользя по зелени садоваго дерна, вспыхивали искрящимся блескомъ изумруда; покоясь на темныхъ предметахъ, загадочно мерцали, словно сама ночь разстилала въ нихъ глубоко-таинственный покровъ свой. Уста ея, съ одинаковой непринужденностью выражавшія неудержимую веселость и строжайшую недоступную сдержанность, казалось были на то и созданы, чтобы навѣки лишать разсудка тѣхъ, кого удостоятъ поцѣлуя. Очаровательнѣйшее лукавство, трогательнѣйшая мольба слабой женщины, самыя увлекательныя остроты и опьяняющіе звуки необузданной страсти—все это въ равной степени присуще было божественнымъ устамъ. Но сверхъ того, Клеопатра владѣла однимъ несравненнымъ даромъ. Она не только сама была красавицей — она умѣла возвысить до красоты все, что ее окружало. Весь свѣтъ порицалъ ея расточительность, но всѣ причуды ея были запечатлѣны благородствомъ и поэзіей. Съ дѣтства привыкла она не знать желаній, которыхъ нельзя было бы тотчасъ же удовлетворить. Подданные ея трепетали передъ малѣйшей морщинкой на челѣ ея; за малѣйшую улыбку предавали себя на распятіе. Она ни въ чемъ не встрѣчала себѣ отказа, никогда не слыхивала противорѣчія. Казначеи охотно допускали безмѣрную роскошь, которой окружала себя царица. Этой роскошью она заявляла свое повиновеніе тому великому закону, который повелѣваетъ украшать бытіе, потому-что этимъ оно облагороживается. Царица и владѣтельница неисчислимыхъ богатствъ, она такъ и поступала, преобразивъ свою жизнь въ поэму, гдѣ будничное являлось сказочнымъ, неслыханное—обыденнымъ.

Сегодня свершилось второе великое торжество въ ея жизни. Она очень хорошо знала, что собственно предстоитъ ей. Она такъ хорошо понимала это, что держала соглядатаевъ даже за обѣденнымъ столомъ и въ опочивальнѣ враждебнаго ей воителя. И все же рѣшилась на борьбу. Правда, что тріумвиръ не укрылся бы шлемомъ и панцыремъ отъ того всеоружія, которое было въ ея распоряженіи. И вотъ, она побѣдила. На что ни взглянетъ она—все предвѣщало ей торжество. Надо лишь довершить коварствомъ сирены то, что начато ея обаяніемъ. И однакожь, не одна гордая радость побѣды заставляла ее вспыхивать яркимъ румянцемъ. Еще выше вздымалась грудь и гораздо сильнѣе билось сердце при мысли о томъ воинѣ съ богоподобнымъ челомъ, который встрѣтилъ ее на берегахъ Кидна,—при мысли о томъ, что воинъ этотъ и Маркъ Антоній тріумвиръ—одно и то же лицо!

Безмолвно сидѣла она въ своей опочивальнѣ, на рѣзномъ изъ слоновой кости креслѣ съ высокою спинкою. Шея и плечи царицы были обнажены. Вмѣсто низпавшей одежды ихъ затопили волны распущенныхъ волосъ. Ира, когда-то подруга дѣтскихъ игръ, нынѣ наперсница, опрыскивала эти волосы нардомъ изъ золотаго сосуда коринѳской работы. Молча, по примѣру своей повелительницы, медленно и заботливо расчесывала она ихъ гребнемъ, предварительно погруженнымъ въ благовонную мазь.

Вдругъ царица отбросила назадъ темный ливень волнистыхъ кудрей и, схвативъ руку наперсницы, воскликнула порывомъ:

— Ира, донынѣ я никогда еще не видывала мужа!

— Какъ? возразила та—и долго помолчавъ, прибавила: — а Цезарь?

— Не хочешь ли ты унизить меня этимъ напоминаніемъ? гнѣвно проговорила повелительница: — развѣ ты забыла, какой ужасъ возбуждали во мнѣ его лысый черепъ и тощія губы?

— Но онъ былъ величайшій человѣкъ на свѣтѣ, и ты, послѣ богини побѣдъ, Паллады-Аѳины, была единственной женщиной, которую онъ любилъ.

— Любилъ? перебила царица. — Нѣтъ, любить ему не было дано богами. Хвастливость и тщеславіе—вотъ что держало у ногъ моихъ маленькаго великаго человѣка, который даже лавры носилъ для того только, чтобъ прикрыть свою лысину, — суетное тщеславіе — вотъ и все. Ниломъ клянусь, въ этомъ онъ былъ ниже всякой женщины. Міру слѣдовало бы сказать про него, что онъ все могъ, всѣмъ владѣлъ,—и какъ въ юности былъ первымъ плясуномъ и декламаторомъ, а въ позднѣйшемъ возрастѣ величайшимъ полководцемъ и правителемъ, такъ же точно хотѣлъ онъ обладать прелестнѣйшей въ свѣтѣ женщиной и возбудить зависть всѣхъ смертныхъ. Но я-то знаю, что онъ называлъ любовью! Его объятія...

Она умолкла. Трепетъ отвращенія прервалъ ея рѣчь.

— А ты, несносная, снова начала она, помолчавъ,—развѣ тебѣ не о чемъ и поговорить со мною, кромѣ Цезаря? Лучше верни мнѣ назадъ мою молодость, принесенную въ жертву ему. О, Ира!.. и страннымъ огнемъ загорѣлись очи царицы,—теперь, только теперь настало бы время для этой жертвы! Да будутъ прокляты дни, въ которые этому сердцу когда либо грезилась любовь! Проклятіе всѣмъ, кто осмѣливался простирать ко мнѣ свои желанія! Будь жизнь ихъ въ моихъ рукахъ, я стерла бы ихъ съ лица земли, всѣхъ до единаго!..

И снова стыдливая краска вспыхнула на блѣдномъ лицѣ царицы.

— Ты жалуешься, царица, на времена, безвозвратно минувшія, шепнула ей наперсница,—и только что одержала побѣду, достойную зависти грацій Олимпа!

Клеопатра порывисто встала. Одежды ея пали долу, обнаживъ сокровенную, сказочную красоту. Царица сложила руки на груди и голосомъ, прерывающимся отъ радостныхъ слезъ, воскликнула:

— Потому-то и жалуюсь. Побѣду—да! но съ смертельною раной въ груди!....

А что же Антоній?

Въ безпокойномъ снѣ разметался онъ на взбитыхъ подушкахъ своего ложа. Онъ грезилъ. Вокругъ него гудѣла дикая суматоха битвы. Вихри пурпуровой пыли взвивалась волнистымъ облакомъ. Кто-то скрытый въ этомъ облакѣ стремительно несся вдаль, непреоборимо увлекая за собою. Вдругъ облако потонуло въ морѣ. Антоній кинулся за нимъ. Волны шумно сомкнулись надъ его головой—и онъ съ ужасомъ пробудился. Въ страхѣ привставъ съ ложа, онъ лишь мало по малу приходитъ въ себя. При блѣдномъ свѣтѣ ночника съ высокой бронзовой стойки, онъ узналъ Макробія, своего любимца, на стражѣ неподалеку отъ ложа, и подозвалъ его наклоненіемъ головы.

— Что случилось? воскликнулъ онъ, и какъ будто

вспомнивъ, что именно случилось, прибавилъ:—она дѣйствительно здѣсь?

— Ты о богинѣ говоришь? спросилъ Макробій.

Тріумвиръ громко засмѣялся.

— Стало быть о царицѣ египетской? продолжалъ тотъ.

— О царицѣ и богинѣ! воскликнулъ Антоній:—она въ самомъ дѣлѣ здѣсь?

— Она явилась—и немилость твоя миновала.

— Да, перебилъ тріумвиръ,—моя немилость... Суровъ я былъ съ вами? съ тобой тоже, Макро? онъ положилъ руку на плечо любимца.

— Вонъ тамъ стоитъ мой шлемъ — возьми его себѣ. Мѣдь его драгоцѣнна, работа единственная. Возьми его и забудь, что я грубо съ тобой обошелся.

— А что же отроку Люцію, сказалъ Макробій,—котораго ты такъ гнѣвно прервалъ за трапезой? Онъ до сихъ поръ еще дрожитъ отъ страха; что будетъ съ его серебристымъ голосомъ, если ты не ободришь его улыбкой?

— Отдай ему тогу. Правда, грань камня въ наплечной застежкѣ стоитъ цѣлой провинціи—но все же отдай ему. А чтобъ онъ могъ носить ее, когда возмужаетъ,—заутра онъ болѣе не рабъ.

Антоній снова прилегъ на подушки.

— Она здѣсь, прошепталъ онъ, — она, Клеопатра! И по всему стану его пробѣжалъ тотъ же трепетъ, какъ вчера, когда онъ спрашивалъ у врача: каково ощущеніе человѣка, предъ которымъ стоитъ смерть.

(Продолженіе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Пребываніе въ Петербургѣ Императора Германскаго.

18 апрѣля, германскій императоръ принималъ депутацію отъ проживающихъ въ Петербургѣ германскихъ подданныхъ. Депутація, состоявшая изъ 30 членовъ, была представлена императору Вильгельму германскимъ посланникомъ, принцемъ Гейнрихомъ VII Рейсскимъ. Его величество былъ въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ. Предводитель депутаціи, г. Бреннеръ, преподнесъ императору адресъ, переплетенный въ ярко-красный шагреневый переплетъ, съ ободкомъ украшеннымъ арабесками, на лицевой сторонѣ. Посреди—германскій орелъ, внизу—гербъ города Петербурга и цифра „1873“. Все это сдѣлано изъ окисленнаго серебра. На первой страницѣ начинается адресъ, кругомъ его акварелью изображенъ торжественный въѣздъ императора Вильгельма въ Петербургъ. Внизу изображены Германія и Россія, въ военныхъ доспѣхахъ, братски обнявшимися и подающими другъ другу руки. На первой страницѣ начало адреса, который кончается на третьей; затѣмъ слѣдуетъ латинскій переводъ его и далѣе подписи 700 германскихъ гражданъ, проживающихъ въ Петербургѣ.

По прочтеніи этого адреса, императоръ Вильгельмъ обратился къ депутаціи съ рѣчью, которую заключилъ слѣдующими словами: „Провидѣніе увѣнчало успѣхомъ наше правое дѣло и Оно же, конечно, исполнитъ нашу надежду на то, что Германія останется на настоящей ея высотѣ и будетъ успѣшно развиваться среди мира. Наше единство—фактъ, и оно съ каждымъ годомъ будетъ приносить все лучшіе плоды; такая имперія въ центрѣ Европы, какъ Германская, вообще послужитъ гарантіей мира. Сознаніе счастія преисполняетъ насъ всѣхъ при видѣ того, что Провидѣніе избрало насъ для достиженія этого, а потому, конечно, и осуществятся надежды наши, которыя вы выразили такъ краснорѣчиво.“

19 апрѣля, въ $1^1/_2$ часа по полудни, Его Величество Государь Императоръ, вмѣстѣ съ императоромъ Вилгельмомъ I и съ многочисленною свитою, изволилъ посѣтить инженерный замокъ; генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, въ теченіе почти цѣлаго часа, представлялъ германскому императору различныя объясненія по поводу обороны Севастополя, причемъ большую севастопольскую модель императоръ осматривалъ сначала съ высоты птичьяго полета, для чего ему пришлось взобраться по винтовой лѣстницѣ на верхнюю галлерею залы, а затѣмъ модель была раздвинута на части и высочайшій посѣтитель прошелъ въ середину самой модели для болѣе удобнаго осмотра прекрасно-исполненныхъ подробностей различныхъ фортификаціонныхъ работъ. По окончаніи объясненій, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ удостоился милостиваго привѣтствія императора Вильгельма, причемъ его императорско-королевское величество пожаловалъ его орденомъ „pour le mérite“.

Вечеромъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, былъ блестящій балъ, данный дворянствомъ Петербургской губерніи въ честь августѣйшаго гостя. Зала Дворянскаго Собранія, особенно царская ложа, были со вкусомъ убраны зеленью и живыми растеніями. Входныхъ билетовъ на этотъ балъ роздано до $2^1/_2$ тысячъ. Великолѣпная зала была ярко освѣщена; горѣло, какъ слышно, до 4,500 свѣчъ. Въ трехъ колоссальныхъ буфетахъ подавались угощенія кавалерамъ; дамамъ же ихъ разносила многочисленная прислуга. Устройство ужина въ боковыхъ залахъ было поручено г. Огюсту. Зала была, можно сказать, переполнена гостями. Въ 12 часу изволили прибыть Государь Императоръ вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ, одѣтымъ въ мундиръ петербургскаго его имени полка. Въ это же время начались танцы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ почти безъ перерывовъ. Императоръ Вильгельмъ изъ ложи смотрѣлъ на оживленную картину бала, а затѣмъ прошелся по самой залѣ, среди публики. Въ началѣ перваго часа Высочайшія особы оставили балъ, который продолжался еще до исхода втораго часа.

20 апрѣля, утромъ состоялся парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ настоящее время въ Петербургѣ. Начало парада назначено было въ 11 часовъ. Въ 10 час. 40 мин. Государь Императоръ изволилъ сѣсть на лошадь у подъѣзда Зимняго дворца и объѣхалъ шагомъ выстроенный у Александровской колоны собственный Его Величества конвой и стоявшую на разводной площадкѣ конную артилерію. Затѣмъ Его Величество изволилъ стать передъ фронтомъ Своего конвоя, въ ожиданіи выхода изъ дворца императора Вильгельма I. Свита Государя Императора расположилась на лѣвомъ флангѣ конвоя; а лица, сопровождавшія императора Вильгельма, стали у подъѣзда Зимняго дворца тыломъ къ нему. Ровно въ 11 часовъ, императоръ Вильгельмъ, въ русскомъ мундирѣ съ георгіевскою лентою, сѣлъ на лошадь, и какъ только выѣхалъ изъ подъѣзда дворца, былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ, принявшимъ на себя командованіе всѣмъ парадомъ и вручившимъ своему августѣйшему дядѣ строевую записку.

Пожавъ другъ другу руки, оба Императора начали объѣздъ войскъ, начиная съ дворцовой площади, при звукахъ прусскаго гимна, сопровождаемые привѣтственными криками войскъ. Объѣхавъ войска расположен-

ныя на разводной площадкѣ и набережной, оба Императора, въ сопровожденiи многочисленной свиты, проѣхали чрезъ Лѣтнiй садъ и продолжали объѣздъ войскъ, выстроенныхъ на Марсовомъ полѣ, начиная отъ Михайловскаго моста. Весь объѣздъ происходилъ шагомъ и продолжался $^3/_4$ часа. За Императорами изволили слѣдовать, въ открытой коляскѣ, запряженной четверкою лошадей, Ихъ Высочества Государыня Цесаревна, Великая Княгиня Александра Петровна и Ольга Ѳеодоровна, и принцеса Терезiя Ольденбургская. Затѣмъ началось прохожденiе войскъ. Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ поочередно становились во главѣ частей, которыхъ они состоятъ шефами, и проходили другъ передъ другомъ во главѣ своихъ частей. Первый разъ войска прошли: пѣхота поротно, артилерiя побатарейно, кавалерiя поэскадронно — шагомъ; второй разъ конвой прошелъ рысью, пѣхота въ полковыхъ колонахъ — шагомъ, что было необыкновенно эфектно, особенно когда проходили полки преображенскiй, финляндскiй, калужскiй и петербургскiй,— стрѣлковыя части въ батальонныхъ колонахъ — бѣгомъ, кавалерiя — перемѣнными алюрами, артилерiя — рысью, за исключенiемъ послѣдней конной батареи, которая была пущена въ карьеръ.

Императоръ Вильгельмъ, проѣзжая затѣмъ по линiи, въ особенности благодарилъ орденскiй своего имени полкъ. Парадъ кончился около трехъ часовъ.

Послѣ смотра, оба Императора, вмѣстѣ съ бывшими на смотру членами императорской фамилiи, изволили отправиться на завтракъ къ его высочеству принцу Ольденбургскому, изъ дворца котораго смотрѣли парадъ 500 дѣвицъ изъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведенiй съ ихъ директрисами.

Царскiй столъ былъ приготовленъ на 43 куверта въ угольной залѣ, выходящей на Неву и Лѣтнiй садъ. Закуска была сервирована въ большой танцовальной залѣ, посреди экзотическихъ растенiй. Столы были убраны однимъ изъ чиновъ дворца принца Ольденбургскаго, г. Мебусомъ, какъ нельзя роскошнѣе и изящнѣе, цвѣтами и земляникой изъ оранжерей Его Высочества.

20 сего апрѣля въ императорскомъ большомъ театрѣ данъ былъ парадный спектакль—балетъ «Дочь Фараона». Еще въ восьмомъ часу массы экипажей стали собираться по освѣщеннымъ улицамъ къ подъѣздамъ большаго театра. Къ 8 часамъ, театральная зала была полна, съ верху до низу, почти исключительно военной публикой и дамами; статское платье являлось какъ рѣдкое исключенiе. Бель-этажъ былъ занятъ особами дипломатическаго корпуса, лицами свиты императора германскаго, министрами и высшими чинами двора; остальные ярусы и партеръ были наполнены военными: четвертый ярусъ воспитанниками военно-учебныхъ заведенiй, а пятый—нижними чинами.

Ровно въ 8 часовъ, Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ I показались въ большой царской ложѣ, привѣтствуемые криками «ура» и прусскимъ гимномъ. Когда въ императорскую ложу вошли Высочайшiя особы, оркестръ, одѣтый въ придворныя мундиры, заигралъ: „Heil dir im Siegeskranz“, и всѣ встали съ своихъ мѣстъ, обратясь къ императорской ложѣ. Видъ театра въ эту минуту былъ особенно эффектенъ: длинные ряды роскошно одѣтыхъ женщинъ, съ обнаженными плечами и руками, стоявшихъ сплошною стѣною вдоль края ложъ, и блестящая пестрота мундировъ— представляли особенно красивую картину.

Послѣ перваго дѣйствiя, ихъ Величества Государь Императоръ и императоръ германскiй изволили перейти въ боковую императорскую ложу, гдѣ и оставались до конца спектакля.

Во время антрактовъ вся публика вставала, обращаясь лицомъ къ императорской ложѣ, а придворные лакеи въ это время разносили по всемъ мѣстамъ чай, прохладительные напитки, мороженое и пр. Кромѣ того, въ залахъ фойе бель-этажа, былъ устроенъ буфетъ съ фруктами, конфектами, шампанскимъ и т. д.

Около 11 часовъ, балетъ закончился великолѣпнымъ апоѳеозомъ, при электрическомъ освѣщенiи, послѣ чего Государь Императоръ, вмѣстѣ съ своимъ августѣйшимъ гостемъ, изволили оставить театръ.

Когда императоръ Вильгельмъ возвращался изъ Большаго театра въ Зимнiй дворецъ, всѣ суда, стоявшiя на на якорѣ передъ зданiемъ дворца, были освѣщены шкаликами до самой верхушки мачтъ, и временами на нихъ зажигались разноцвѣтные бенгальскiе огни, озарявшiе яркимъ свѣтомъ зданiе дворца и всю окрестность.

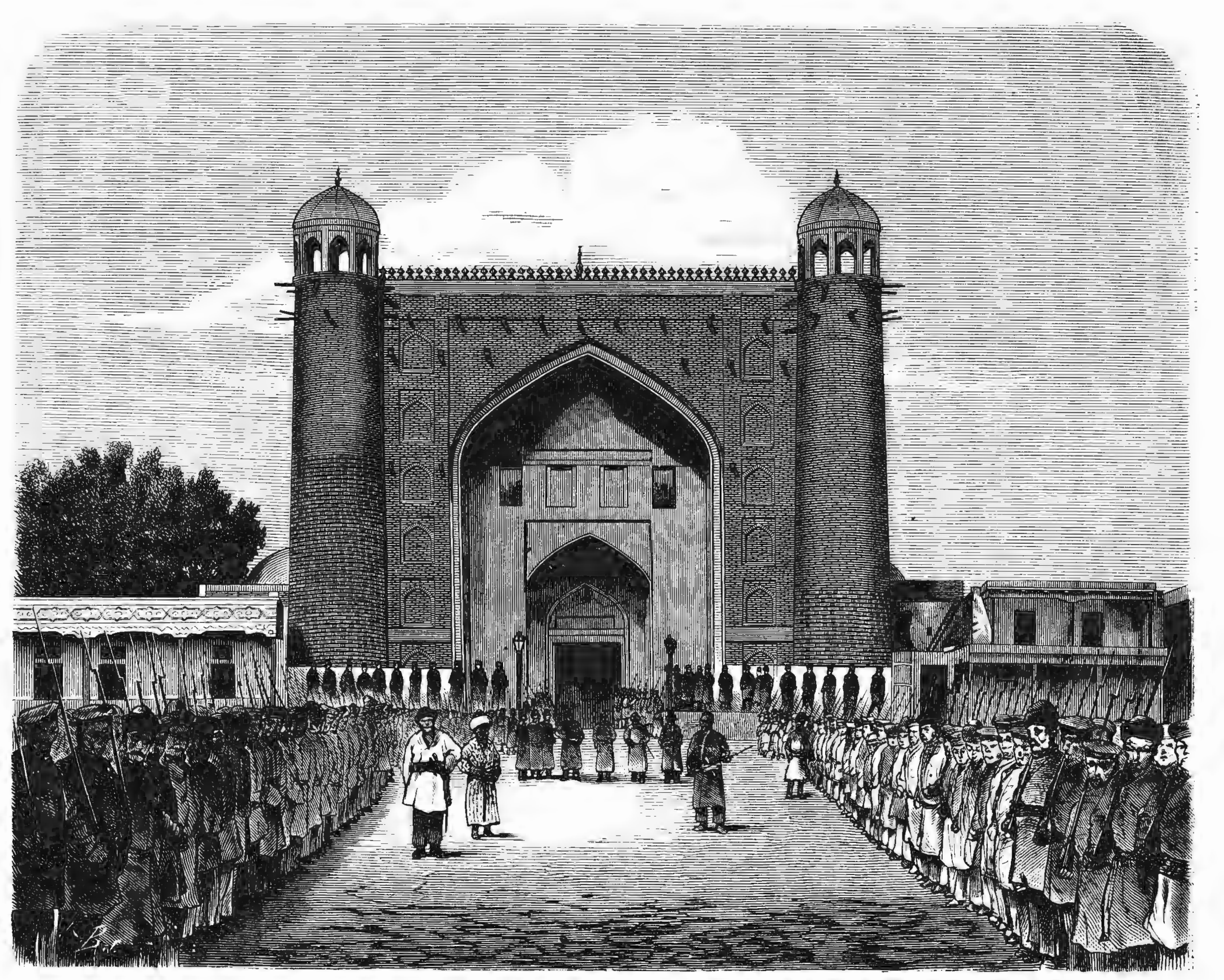
Театральная площадь и Морская улица были роскошно иллюминованы. Несмотря на отвратительную погоду, народъ толпился на улицахъ.

21 апрѣля Ихъ Величества Государь Императоръ и императоръ германскiй изволили посѣтить Царское село. Императорскiй поѣздъ вышелъ изъ Петербурга въ $4^1/_2$ часа. На царскосельскомъ путевомъ дворѣ Августѣйшiе путешественники были встрѣчены представителями мѣстной власти. Засимъ, Ихъ Величества со всею свитою изволили сѣсть въ экипажи и ѣхать въ Александровскiй дворецъ, въ которомъ, какъ извѣстно, скончалась императрица Александра Ѳеодоровна. Августѣйшiй гость Государя Императора пожелалъ прежде всего посѣтить покои незабвенной сестры своей, съ которыми для его величества связано столько воспоминанiй. Послѣ Александровскаго дворца, въ подробности осмотрѣнъ былъ царскосельскiй арсеналъ и, наконецъ, высокiе посѣтители прибыли въ Большой дворецъ. Обозрѣнiемъ комнатъ императрицы Марiи Ѳеодоровны, императора Александра I и императрицы Елисаветы Алексѣевны, а также и залъ дворца было занято время до обѣденнаго стола, который сервированъ былъ въ арабесковой комнатѣ на 60 кувертовъ. Въ $7^3/_4$ час. Ихъ Величества съ прочими особами изволили возвратиться въ С.-Петербургъ.

Въ воскресенье, 22 апрѣля, германскiй императоръ присутствовалъ при богослуженiи въ лютеранской Петра и Павла церкви. Въ 10 час. его величество, въ сопровожденiи Е. В. Принца Ольденбтргскаго, Мольтке и нѣсколькихъ особъ свиты, изволилъ войти въ ложу находящуюся на правой сторонѣ алтаря. Обѣдню служилъ пасторъ Стиренъ, а рѣчь говорилъ пасторъ Ферманъ. Въ часъ по полудни, производился на дворцовой площади разводъ съ церемонiей калужскаго его императорскаго величества императора германскаго полка. Ровно въ часъ вышелъ императоръ германскiй, въ сопровожденiи Государя Императора. Подойдя къ находящимся въ строю рядовымъ, императоръ германскiй сказалъ: „здорово“, на что рядовые отвѣтили извѣстнымъ привѣтствiемъ и огласили площадь громкими криками „ура“.

Всѣ старшiе офицеры калужскаго полка получили прусскiй орденъ краснаго орла, равно какъ и бывшiе у его величества на ординарцахъ унтеръ-офицеры и и рядовые. Разводъ прошелъ при хорошей погодѣ и при многочисленной публикѣ, наполнявшей весь адмиралтейскiй бульваръ.

Въ шесть часовъ по полудни, въ Николаевской залѣ Зимняго дворца, происходилъ парадный обѣдъ, въ честь его величества императора германскаго. Къ Высочайшему обѣденному столу приглашены были придворныя дамы, члены государственнаго совѣта, сенаторы, статсъ-секретари, почетные опекуны, свита императора Вильгельма и военная свита Государя Императора, первые и вторые чины двора, полные генералы, гвардейское начальство и штабъ-офицеры полковъ, коихъ



Дворецъ Худояръ-Хана Коканскаго. Съ фотографіи капитана Кривцова рис. Волковскій, грав. Вейерманъ.

императоръ германскій состоитъ шефомъ. Приглашенныхъ всего было 636 персонъ.

Во время обѣда, Его Величество Государь Императоръ, провозглашая тостъ въ честь его величества императора германскаго, изволилъ произнести слѣдующія слова:

«Здоровье его величества императора и короля Вильгельма, моего лучшаго друга. Въ дружбѣ, Насъ соединяющей, которую мы наслѣдовали отъ Нашихъ Родителей, и которую, надѣюсь, Мы передадимъ Нашимъ Дѣтямъ, Я вижу для Европы лучшій залогъ мира, въ коемъ всѣ нуждаются и котораго всѣ желаютъ. Да сохранитъ Господь его величество еще на многія лѣта, и да дастъ ему наслаждаться въ мирѣ и спокойствіи его успѣхами и славою. Таковы искреннѣйшія желанія Моего сердца».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, его величество императоръ-король изволилъ сказать слѣпующее:

«Августѣйшія слова, которыя Ваше Величество изволили произнести, останутся навсегда запечатлѣнными въ глубокотронутомъ и признательномъ сердцѣ моемъ. Эта признательность относится равномѣрно къ дружественному пріему, сдѣланному мнѣ лично Вами и встрѣченному мною въ Вашемъ государствѣ.»

«Чувства и желанія, Вашимъ Величествомъ выраженныя, суть также и мои. Да услышитъ ихъ Всевышній для благоденствія нашихъ народовъ и для упроченія европейскаго мира.»

Въ понедѣльникъ вечеромъ, 23 апрѣля, его императорское величество, императоръ германскій, въ сопровожденіи Государя Императора, изволилъ посѣтить михайловскій театръ, въ которомъ шла 4-актная нѣмецкая пьеса «Krisen», въ которой играла ангажированная на время пребыванія въ столицѣ германскаго императора талантливая артистка, г-жа Буска. Ихъ Величества помѣщались въ царской ложѣ, съ правой стороны у сцены. Императоръ Вильгельмъ пожаловалъ режиссеру нѣмецкаго театра, г. Кейнигу-Толлерту, орденъ Краснаго Орла 3-й степени.

24-го апрѣля, въ 12½ часовъ пополудни, императоръ Вильгельмъ, въ сопровожденіи министра Императорскаго двора графа Адлерберга и т. с. Гедеонова, осматривалъ Эрмитажъ; особенный интересъ императора возбудилъ керченскій музей.

Въ 2 часа пополудни, на Царицыномъ Лугу происходило ученіе съ пальбой первому батальону семеновскаго полка и 11-му драгунскому военному полку, шефомъ котораго состоитъ его величество германскій императоръ. По окончанія ученія, императоръ удостоилъ посѣщеніемъ военнаго министра, генералъ-адъютанта Милютина, англійскаго посланника, графиню Протасову и княгиню Шаховскую. Въ 4 часа Ихъ Величества, съ присутствовавшими членами Императорской фамиліи и ближайшими лицами свиты, изволили, какъ сообщаетъ «Русск. Инв.», отправиться на завтракъ къ Его Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу. Въ 6 часовъ былъ фамильный обѣдъ у Е. И. В. герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго. Вечеромъ, въ 9½ ч., императоръ Вильгельмъ посѣтилъ Большой театръ, гдѣ давался балетъ «Царь Кандавалъ», и оставался до конца спектакля. т. е. до 11½ часовъ.

25-го апрѣля, какъ сообщаетъ «Русск. Инв», въ присутствіи Ихъ Величествъ Государя Императора и императора Вильгельма, происходило ученіе сводной бригадѣ изъ пѣхотныхъ полковъ с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III и калужскаго имени императора германскаго, короля прусскаго Вильгельма I. Къ часу пополудни бригада была выстроена на Марсовомъ полѣ, въ резервномъ порядкѣ, имѣя въ головѣ калужскій полкъ. Въ 1 часъ и 20 минутъ Ихъ Величества подъѣхали въ коляскѣ къ Мраморному дворцу и, сѣвъ на лошадей, изволили направиться, въ сопровожденіи свиты, къ войскамъ.

Послѣ ученія на Марсовомъ полѣ и смотра пожарной команды, императоръ Вильгельмъ отправился на семейный обѣдъ къ Е. И. В. Великому Князю Константину Николаевичу. Передъ Мраморнымъ дворцомъ на Невѣ выставлены были въ одну линію, разцвѣченные флагами, яхта „Волна“, пароходъ «Стрѣльна», тендеръ „Костя“ и паровая яхточка „Голубка“. Вечеромъ императоръ Вильгельмъ былъ на нѣмецкомъ спектаклѣ въ Михайловскомъ театрѣ (бенефисъ г-жи Буска), а затѣмъ на балѣ у германскаго посла принца Рейсса. Помѣщеніе посольства было убрано весьма изящно цвѣтами; въ одной изъ гостиныхъ былъ поставленъ, среди роскошныхъ цвѣтовъ, бюстъ императора Вильгельма.

26 апрѣля, императоръ германскій, провожаемый Государемъ Императоромъ, со всею своей свитой изволилъ оставить нашу столицу въ 4 часа дня. Поѣздъ съ высокимъ гостемъ отправился въ Гатчино, откуда, въ 7 съ половиною часовъ, съ экстреннымъ поѣздомъ отправился въ Берлинъ.

Смѣсь.

Въ приказѣ по военно-народному управленію туркестанскаго генералъ-губернатора, напечатанному въ «Туркест. Вѣд.», объявлено, что Государь Императоръ, по ходатайству туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана 1-го, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать коканскому хану Худаяру, за собственноручною Его Величества подписью, высочайшій рескриптъ, въ которомъ благодаритъ хана за постоянно-мирныя и дружескія отношенія къ намъ, причемъ титулуетъ его свѣтлѣйшимъ.

Болѣзнь землеѣдства. Г. Зелинскій въ газетѣ «Кавказъ» сообщаетъ слѣдующіе случаи болѣзни землеѣдства, замѣченной имъ въ нашемъ нахичеванскомъ уѣздѣ: «Я лично зналъ, пишетъ г. Зелинскій, одного армянина изъ нахичеванскаго уѣзда, для котораго земля была лучшимъ лакомствомъ. Болѣзнь эта развита большею частію между женщинами: въ Эривани извѣстны пока четыре женщины, изъ которыхъ одна ѣстъ уголь, двѣ простую землю, а одна—глину подъ туземнымъ названіемъ *гиль*. Глина эта употребляется туземцами вмѣсто мыла. Глиноѣдка-женщина до того пристрастилась къ этому минеральному веществу, что всегда носитъ его съ собой. Всѣ эти землеѣды-женщины здоровы, полны—и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онѣ полнѣютъ; а нахичеванскій армянинъ, напротивъ, отличается желтымъ цвѣтомъ лица, впалыми глазами, вялостью всего организма и въ высшей степени лѣностью».

Громаднѣйшій музей естественныхъ наукъ, на устройство котораго предполагается истратить до 10.000,000 долларовъ, основывается въ Нью-Іоркѣ. Величайшее во всей Америкѣ зданіе будетъ простираться на 800 футовъ длины при 600 футахъ ширины, обнимая такимъ образомъ квадратную площадь до 15 акровъ. Къ возведенію лицеваго фасада уже приступлено, другія части зданія и пристройки будутъ выполнены постепенно втеченіи 15 лѣтъ. Строительнымъ матеріаломъ служитъ гранитъ. Колоссальное зданіе это будетъ въ четыре этажа, въ верхнемъ отведутся комнаты для студентовъ, въ нижнихъ пріемныя и отдѣленія для коллекцій зоологическихъ, ботаническихъ, минералогическихъ и т. д. Музей будетъ выстроенъ въ стилѣ renaissance.

О воспитаніи собакъ кошками. За неимѣніемъ у насъ чисто-естественно-историческаго журнала, считаю долгомъ заявить редакціи случай, котораго я былъ отчасти свидѣтелемъ, отчасти переданный мнѣ знакомымъ.

Вопреки пословицѣ, антипатія между кошками и собаками совсѣмъ не такъ велика, какъ говорятъ, и не можетъ быть сравнена съ ненавистью кошекъ къ мышамъ.

Гостя недавно въ одномъ имѣніи въ Финляндіи, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго факта:

Сука испанской породы ощенилась пятью щенками, здоровыми и хорошо сложенными. Такъ какъ опасались, чтобы она не истощилась кормя ихъ всѣхъ, то рѣшились пожертвовать двумя изъ нихъ, чтобъ спасти остальныхъ. Въ домѣ была кошка, только что окотившаяся; одного изъ котятъ взяли и замѣнили щенкомъ,—кошка очень хорошо приняла незнакомца и черезъ нѣсколько времени еще другаго. Щенки росли и укрѣплялись, какъ нельзя лучше и, что всего удивительнѣе, казались здоровѣе тѣхъ, которыхъ кормила настоящая мать. Эти послѣдніе были толстолапы и неуклюжи; первые напротивъ, ловки и веселы, какъ молодыя кошки; скоро стали они ѣсть мясо, и въ то время, когда трое братьевъ ихъ не были еще въ состояніи сами добывать себѣ пищи, эти могли уже обойтись безъ кормилицы. Кошка казалась весьма печальною, когда ихъ отъ нея отняли; въ продолженіи двухъ дней не имѣла она ни минуты отдыха, и бѣгала по дому съ чердака въ погребъ, ища своихъ питомцевъ. Наконецъ, проникнула въ комнату, гдѣ сука кормила своихъ щенятъ. О, о, сударыня, фыркнула кошка, сгорбивъ спину,—такъ это вы похитили у меня моихъ дѣтей! — Вашихъ дѣтей? они мои, они плодъ моей утробы!—Неправда! проворчала кошка — и какъ бы въ подтвержденіе своихъ правъ поднявъ лапу, дала славную пощечину собакѣ; эта отвѣчала зубами. Драка была очень упорная и кончилась тѣмъ, что кошка унесла одного изъ щенковъ; спрятавъ его въ вѣрное мѣсто, она воротилась и отняла втораго. Замѣчательнѣе всего то, что она не тронула третьяго щенка, помня что у ней отняли двоихъ. Имѣя снова двоихъ же при себѣ, она успокоилась.

Оканчивая эту замѣтку, я не могу не обратить вниманіе читателя на раннее развитіе и особенныя привычки двухъ щенятъ, откормленныхъ кошкою. Весьма любопытно было бы узнать результаты нѣсколько разъ произведенныхъ опытовъ этого рода, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ связь съ человѣкомъ, потому что здѣсь идетъ дѣло не объ чемъ иномъ, какъ объ степени сообщенія кормилицею младенцу оттѣнковъ собственнаго своего характера и свойствъ своего темперамента, передаваемыхъ ему молокомъ.

Въ подтвержденіе какъ этого такъ и того, что даже въ животныхъ иногда видно вліяніе воспитанія совершенно чуждаго ему вида, передаю случай, о которомъ мнѣ разсказывали.

У одного господина былъ котъ и борзая шотландская собака. Около года она не выходила изъ дома и не видала другихъ собакъ. Она была воспитана двумя барышнями и котомъ, съ которымъ весь день была вмѣстѣ. Эти два животныя питали другъ къ другу нѣжнѣйшую дружбу; при болѣе строгомъ наблюденіи за ними оказалось, что собака приняла кроткія и тихія привычки воспитавшихъ ее дѣвушекъ,—котъ же образовалъ ея физическія способности, развилъ силу мускуловъ. Фоксъ (кличка собаки) носилъ на себѣ отпечатокъ общества кота, онъ припадалъ и давалъ скачки, каталъ передъ собою шарикъ или мышь и потомъ быстро на нихъ прыгалъ со всѣми ухватками своего учителя, лизалъ себѣ лапу и проводилъ ею по уху: подражаніе было очевидно. Можно было скорѣе предполагать, что въ такомъ уединеніи собака, какъ животное болѣе разумное нежели котъ, будетъ имѣть вліяніе на этого послѣдняго; но вышло совершенно противное: переимчивость, болѣе развитая въ собакахъ нежели въ кошкахъ, объясняетъ это обстоятельство. Вообще, по мнѣнію натуралистовъ, подобныя явленія замѣчены также и на другихъ породахъ собакъ, долго находившихся въ обществѣ кошекъ.

Интересное открытіе сдѣлано въ парижской тюрьмѣ Консіержери. Изъ трехъ башень кассаціоннаго двора двѣ были разрушены пожаромъ. Нѣсколько дней тому назадъ рабочіе, производя поправки, открыли въ *башнѣ св.. Людовика* глубокую колодцеобразную шахту, которая залегаетъ въ наружной стѣнѣ набережной и служила страшной темницей бывшему дворцу. Въ одной изъ башень продѣлано отверстіе въ 2 квадр. метра, продолжающееся туннелемъ къ Сенѣ до самой поверхности воды. Здѣсь туннель вдругъ перегибается отвѣснымъ колодцемъ на дно рѣки. Попытки проникнуть въ эту ужасную шахту оказались тщетными, такъ какъ внутреннія стѣны ея утыканы желѣзными пиками и орудіями, которыя перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ. Въ ту пору, когда эта башня св. Людовика бывала еще по временамъ случайнымъ мѣстопребываніемъ королей французскихъ, въ подземныхъ казематахъ содержались важные преступники. Когда отъ нихъ желали отдѣлаться, то приводили ихъ, внутреннимъ корридоромъ въ стѣнѣ, къ этой шахтѣ, отворяли потайную дверь и сбрасывали ихъ въ зіяющую пропасть на острія пикъ и копій. Подобную же шахту показываютъ въ знаменитомъ Шильонскомъ замкѣ на Женевскомъ озерѣ, но тамъ нѣтъ убійственныхъ пикъ; на верхнемъ краю шахты устроено лишь нѣсколько ступенекъ, по которымъ ничего нечаявшій узникъ сходилъ въ темноту, обрывался съ послѣдней и летѣлъ въ бездну, на днѣ которой ждала его смерть.

Блоунтъ и Татчеръ. Между различными способами отдѣлываться отъ вызова на дуэль интересенъ употребленный массачузетскимъ судьею, Татчеромъ, противъ представителя Сѣверной Каролины, Томаса Блоунта. Въ 1797 г. оба они были членами національнаго конгресса, засѣдавшаго въ Филадельфіи. Блоунтъ внесъ предложеніе на счетъ «оборонительныхъ мѣръ»; Татчеръ возражалъ противъ одного изъ пунктовъ этого предложенія, находя его выраженнымъ слишкомъ «по французски». По его мнѣнію, предложеніе слѣдовало излагать простымъ американскимъ языкомъ. Блоунтъ находилъ это опроверженіе до того ничтожнымъ и дѣтскимъ, что джентльменъ постыдился бы и выступать съ нимъ. Татчеръ отвѣчалъ, что ему рѣдко приходится краснѣть за свои слова и заключилъ старинной поговоркой: «нечистая совѣсть сама себя обличаетъ». Блоунтъ гнѣвно всталъ съ мѣста и заявилъ, что «подобныхъ оскорбленій онъ никому безнаказанно произносить не позволитъ». По требованію оратора собраніе было призвано къ порядку; но дѣло тѣмъ не кончилось. Блоунтъ послалъ своему противнику вызовъ и получилъ отвѣтъ судьи Татчера, распотѣшившій всѣхъ членовъ конгресса и положившій всей кутерьмѣ такой юмористическій конецъ, что возобновить ее не было уже никакой возможности.

— Я мужъ и отецъ, сказалъ судья,—и семья моя настолько заинтересована въ моемъ существованіи, что я не воленъ пренебрегать имъ. Я посовѣтуюсь объ этомъ дѣлѣ съ моей женой, и какъ только она положитъ рѣшеніе, вы тотчасъ получите мой отвѣтъ.

Стоимость работы. Извѣстно, что чугунъ и сталь дѣлаются изъ желѣза, а изъ нихъ уже всевозможныя подѣлки, причемъ цѣна возрастаетъ единственно за работу, а не за матеріалъ. Интересно слѣдующее вычисленіе. Кусокъ желѣза, стоющій 1 рубль, будучи переработанъ:

въ подковы	стоитъ уже	3 руб.
въ ремесленные инструменты	» »	4 »
въ чугунную посуду и изящныя издѣлія	» »	45 »
въ иголки	» »	75 »
въ лезвія столовыхъ ножей	» »	90 »
въ лезвія перочинныхъ ножей	» »	700 »
въ стальныя пряжки и пуговки	» »	900 »
въ стальныя украшенія	» »	2,000 »
въ стальныя запонки	» »	6,000 »
въ часовыя пружины	» »	50,000 »

Различныя скорости. Обыкновенный пешеходъ ровнымъ и спокойнымъ шагомъ проходитъ въ 2 часа одну милю, дѣлая въ каждую секунду по 3 ⅓ фута. Еслибъ онъ могъ идти такимъ образомъ день и ночь, то совершилъ бы кругосвѣтное путешествіе (5,400 миль) въ 450 дней. Улитка самый медленный ходокъ, она въ цѣлый часъ подвигается всего на 1 футъ. Обыкновенный почтовый дилижансъ проѣзжаетъ въ часъ одну милю, въ секунду 6 ⅔ фута. Курьеръ скачетъ по 13 ⅓ футовъ въ секунду, т. е. двѣ мили въ часъ. Хорошій конькобѣжецъ дѣлаетъ въ секунду 26 футовъ или 4 мили въ часъ. Съ такою же скоростью бѣжитъ сѣверный олень, который можетъ сдѣлать 96 миль въ день. Борзая собака втрое его проворнѣе, она пробѣгаетъ 78 футовъ въ секунду или 12 миль въ часъ. Еслибъ она могла бѣжать съ этой скоростью безъ отдыха, то въ 16 дней обѣжала бы землю кругомъ. Муха пролетаетъ 5 футовъ въ секунду, ласточка 75′, орелъ 96′, почтовый голубь 144′. Онъ облетѣлъ бы землю въ 8 дней. Акула проплываетъ въ секунду 40 футовъ, 6 миль въ часъ, и вокругъ свѣта въ 32 дня. Буря проносится по 60 футовъ въ секунду, ураганъ по 120′, звукъ по 1500′. Локомотивъ безъ груза въ секунду проѣзжаетъ 80 футовъ, въ часъ 12 миль, въ 19 дней вокругъ свѣта. Локомотивъ съ грузомъ движется вдвое медленнѣе. Дробь изъ охотничьяго ружья пролетаетъ въ секунду 300 футовъ, пушечное ядро 600; удерживая эту скорость, оно могло бы облетѣть землю въ 1 день. Звукъ же облетѣлъ бы ее въ 12 часовъ. Свѣтъ пробѣгаетъ въ секунду 42,000 мили, электричество почти вдвое больше, т. е. восемь разъ вокругъ земли.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При семъ нумерѣ особое приложеніе «Моды» «Нивы» за **Май** мѣсяцъ съ 21 рисункомъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ВЕСЕННІЙ СЕЗОНЪ.
МОДЕЛИ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

ТЮНИКИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлкою	100	—	325	—
» фай и sicilienne	35	—	190	—
» кашемиры, біарицъ	20	—	150	—
» Матер. фантазій, цвѣтовъ réséda, moutarde и друг. съ вышивками, стальными пуговицами и прочими отдѣлками	25	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

ПАЛЬТО.

(на шелковыхъ подкладкахъ).

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонс. бархата коротк. безъ отдѣлки	70	—	100	—
Уличныя безъ отдѣлки	105	—	175	—
Съ богат. отдѣлками	125	—	250	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne безъ отдѣлк.	50	—	95	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne съ богатыми отдѣлками	65	—	150	—
Ліонс. фай на ластикѣ	40	—	60	—

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

КОФТЫ - ЖАКЕТЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлками	50	—	150	—
» » фай	18	—	100	—
» кашемира	15	—	85	—
» драпа велюре монтаньякъ	20	—	65	—

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е.

ДОЛМАНЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ роскошн. отдѣлк.	90	—	200	—
» » фай	50	—	125	—
» кашемира, драпа съ богат. вышивками всѣхъ цвѣтовъ	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 5-е.

РОТОНДЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. узкаго бархату безъ отдѣлки	90	—	140	—
» » » » съ богат. отдѣлк.	125	—	195	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ безъ отдѣлки	150	—	200	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ съ отдѣлкою	175	—	250	—
Дра-де-велюръ, монтаньякъ, drap-de-Paris	35	—	75	—
Драпа	20	—	50	—
Англійской 2-сторонней матеріи	20	—	45	—

ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.

БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ кашемира біаритца съ прошивками, кружевами, вышивками и т. д.	25	—	60	—
Фай, армюра съ богат. отдѣлк.	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.

КОСТЮМЫ

для комнатъ и прогулокъ самыхъ модныхъ цвѣтовъ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Шерстяные	25	—	85	—
Шелковые	95	—	450	—

ОТДѢЛЕНІЕ 8-е.

Огромная партія кашемировыхъ черныхъ вышитыхъ платковъ:

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Гладкіе	4	и	доро	же
Вышитые	8	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 9-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Ковровые платки и шали	20	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Фай цвѣтной	2	50	5	—
» черный	2	50	12	—
Ліонск. бархатъ	6	50	10	—
Широкій 2-хъ арш. барх. аршинъ	40	—	—	—

ОТДѢЛЕНІЕ 11-е.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французской матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	2	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивк.	6	—	20	—

ОТДѢЛЕНІЕ 12-е.

НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ

отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—

ШЛЯПЫ (МОДЕЛИ)

первыхъ Парижскихъ домовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 13-е.

ШЛЯПЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Касторовыя кругл.	7	—	20	—
Городскія	10	—	25	—
Креповыя	8	—	25	—
Тюлевыя	9	—	30	—
Соломенныя круглыя	7	—	20	—
» городскія	10	—	25	—

ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Антука	3	—	8	—
Зонтики	5	50	18	—
Кружевные	8	—	60	—

Требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—5.

Дозволено цензурою 6 Мая 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 19 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 8 мая 1873 года. Годъ IV.

Любовь царицы.

Историческая повѣсть А. Брахфогеля.

(Продолженіе).

Жизнь достойная боговъ!

Таково было завѣтное слово Клеопатры египетской повелителю и рабу своему Марку Антонію римскому. Слову предстояло осуществиться на дѣлѣ. Триремы воевластителя примкнули къ египетскимъ кораблямъ въ устьѣ Кидна. Съ сѣвера подулъ попутный вѣтеръ—и соединенный флотъ понесся къ югу, съ пурпурнымъ парусомъ царицы во главѣ. Этотъ царственный корабль таилъ въ своихъ нѣдрахъ похищеніе плѣннаго тріумвира прелестнѣйшей въ свѣтѣ царицей, уносилъ новыхъ боговъ изъ міра греческихъ колоннъ на родину сфинксовъ. Какъ тихо плескало море, какъ благопріятствовалъ вѣтеръ! Вѣдомо ли имъ было, что за царство страсти несли они въ страну солнца?

Антоній и Клеопатра! Въ полномъ цвѣтѣ бытія, въ зенитѣ жизненнаго пути, судьба свела ихъ на одну дорогу. *Она* созналась, что до *него* не видывала мужа. *Онъ* хранилъ молчаніе, но безмолвно, покорно сложилъ гордую голову къ *ея* ногамъ и позволилъ увезти себя, какъ живой трофей, на берега Нила. Минулъ мѣсяцъ со времени первой ихъ встрѣчи. Оба любили. Не томясь въ слезливой юношеской мечтательности. Она давно была пережита вмѣстѣ съ весеннимъ разцвѣтомъ ихъ бытія. Теперь настало знойное лѣто жизни — зноемъ дышала и любовь, овладѣвшая ими. Страсть, жаркая какъ дневное свѣтило, которое жгло ихъ отвѣсными лучами, безпредѣльная какъ море, укачивавшее ихъ на лонѣ своемъ по пути къ югу. Куда дѣвалось блѣдное прошлое предъ пыломъ настоящаго? Позади ихъ все являлось тяжелымъ сномъ; теперь только жили они. Два метеора встрѣтились на пути своемъ. Непреоборимо тяготѣя другъ къ другу, съ тѣхъ поръ они не разставались; за то все небо цѣликомъ принадлежало

новому двойному свѣтилу. Нѣсколько кораблей было услано впередъ возвѣстить въ Александріи прибытіе повелителя. Весь Нижній Египетъ столпился въ пристани на встрѣчу входящему флоту. Прежде всѣхъ присталъ царицынъ корабль. Рѣзко выдѣляясь отъ свиты, еще издали виднѣлась чета властителей, стоявшихъ рука объ руку на краю палубы. Передъ ними, на берегу, словно живой пальмовый лѣсъ, волновалась непроглядная толпа народа, махавшая громадными листьями царственной пальмы въ защиту отъ солнца и привѣтствуя гостей—съ восторженными кликами, какихъ не удостоивались ни Цезарь, ни Александръ Македонскій.

— Они молятся тебѣ! воскликнула Клеопатра.

— Потому что я твой, было ей отвѣтомъ.

Они ступили на землю. Вдругъ чей-то голосъ тихо, но четко, шепнулъ надъ ухомъ военачальника: «Маркъ Антоній тріумвиръ, подъ тобою то самое мѣсто, гдѣ убитъ тріумвиръ Кай Помпей!»

Онъ оглянулся въ изумленіи, — но со всѣхъ сторонъ устремлялись къ нему лишь радостные взоры, лишь восторженныя ликованія отовсюду привѣтствовали его. Однакожь онъ явственно разслышалъ тѣ слова—и мысль темнѣе ночи омрачила ему эти свѣтлыя мгновенія. Помпей! да, это вѣрно: на этомъ самомъ берегу былъ онъ убитъ ради его сотріумвира Цезаря. И—что же? у него такой же сотріумвиръ въ Римѣ, Октавіанъ, племянникъ Цезаря, правда не герой, но скрытный и болѣе всѣхъ смертныхъ снѣдаемый тайнымъ честолюбіемъ!.. Губы Антонія крѣпко стиснулись, глаза мрачно и неподвижно уставились въ землю, напитанную кровью его предшественника. Не надолго впрочемъ. Нѣжная рука, проворно скользя, разгладила нахмуренное чело. Онъ снова глядѣлъ въ очи царственной сирены — куда дѣлись воспоминанія и предчувствія? Развѣ не его эти глаза и сквозящая въ нихъ любовь? Развѣ не его эта царица со всѣми областями ея прелестей? О чемъ еще стоило думать, кромѣ ея одной? И онъ упивался полнымъ забвеніемъ въ чашѣ красоты. Одинъ глотокъ изъ этого кубка—и Рима какъ не бывало!.

Да, жизнь достойная боговъ!

Тарсъ оказывался лишь жалкимъ прологомъ къ Александріи. Празднества шли за празднествами безконечной вереницей. Поэты истощали свое воображеніе, придумывая новое. На минутную прихоть расточались груды сокровищъ. Невѣроятное становилось будничнымъ для того только, чтобъ стереть съ лица земли все обыкновенное.

Однажды Клеопатра сказала:

— Надо тебѣ посмотрѣть Египетъ. Это страна чудесъ.

И когда гость возразилъ:

— Развѣ ты не Египетъ?

Царица несказанно развеселилась и воскликнула:

— Пойдемъ, я его покажу тебѣ; мемноновы столбы и пирамиды падутъ къ твоимъ ногамъ, ибо ты любимъ Египтомъ.

И вотъ они отправились на югъ. Цѣлый народъ, въ ослѣпительныхъ нарядахъ, сопутствовалъ имъ. Пустынные храмы Мемфиса вновь огласились пѣснопѣніями—конечно иными чѣмъ тѣ, что во времена Сезостриса отражались отъ гранитныхъ ихъ стѣнъ. Сфинксы съ изумленіемъ поднимали головы въ наносныхъ пескахъ пустыни. Какъ отлично было это великолѣпіе отъ видѣннаго ими за тысячелѣтія! Они пережили свой вѣкъ—эти пирамиды и каменные великаны. Пробужденные вновь, они отряхали прахъ Сахары съ своихъ неуклюжихъ членовъ и, не вѣря глазамъ, косились на вихри мятущейся вокругъ нихъ роскоши. Какимъ весельемъ вѣяло отъ этихъ образовъ, нарушавшихъ ихъ покой! какъ легко падали складки нынѣшнихъ греческихъ одеждъ, въ сравненіи съ долгополыми ѳаларами минувшаго времени! У ногъ Озирисова истукана чудовищной величины, гдѣ нѣкогда въ громадныя порфировыя чаши лилась кровь сотни жертвенныхъ животныхъ,—нынѣ на изящномъ золотомъ треножникѣ шаловливо вспыхивало и переливалось яркое пламя; шутя приближалась влюбленная чета и разсыпала предъ грознымъ идоломъ пригоршню цвѣтущихъ розъ.

Лучъ эллинскаго свѣточа озарилъ и темныя преддверія храма въ Филахъ, но проникнувъ въ самый храмъ онъ угасъ въ его величественномъ сумракѣ, едва досягнувъ по колѣна обитавшихъ тамъ гранитныхъ великановъ. Лучъ такъ и остался лучомъ, мимолетнымъ, скоропреходящимъ,—а въ той каменной лѣтописи Египта гнѣздилась вѣчность. И вотъ, самой граціи, легкомысленно хотѣвшей украсить все это мрачное величіе цвѣточными вѣнками, скоро наскучилъ неблагодарный трудъ, ей взгрустнулось, она понурила голову и затосковала по своей столицѣ.

— Ты теряешь свою веселость, сказалъ ей однажды тріумвиръ. — Вернемся. Я жажду солнечнаго свѣта.

— Истый орелъ! воскликнула царица: — будь по твоему, я насыщу тебя его лучами.

И они вернулись въ лучезарную Александрію. Прежняя жизнь началась съизнова. Все что могло лишь изобрѣсти самое пресыщенное воображеніе—тотчасъ осуществлялось, осыпая опьяняющими цвѣтами фантазіи ту жизнь, которую нильская царица называла жизнью боговъ.

Надо разсказать про закладъ, объ которомъ побилась Клеопатра съ тріумвиромъ. Выигрывалъ тотъ, чей праздникъ обойдется дороже. Антоній по условію долженъ былъ устроить свой впередъ. Онъ не щадилъ усилій. Каждый часъ одних приготовленій былъ уже самъ по себѣ праздникомъ. Наконецъ, насталъ назначенный день.

Ареной торжества былъ пловучій шатеръ, раскинутый посрединѣ рѣки. Столбы и подставки его были обложены слоновой костью, а пологомъ и стѣнками служилъ фіолетовый тирскій пурпуръ. Серебряные снуры поддерживали великолѣпную ткань, распредѣляя ее во всѣ стороны широкими складками. Гирлянды бѣлыхъ розъ обвивали колонки. Полъ усыпанъ былъ мягкимъ серебрянымъ пескомъ. Ставка эта могла помѣстить въ себѣ триста человѣкъ. Водолазы, нарядясь тритонами, плавали вокругъ блистательнаго зданія, подавая гостямъ кораллы, жемчугъ и рѣдкія раковины, казалось, только что наловленные въ глубинѣ. Множество островковъ, искуственно образованныхъ изъ сплавнаго лѣса, окружали шатеръ. Усаженные цвѣтущимъ кустарникомъ и низенькими пальмами, они походили на громадные букеты, опущенные въ воду. Въ самомъ шатрѣ, отворявшемся съ южной стороны толпѣ гостей, а съ восточной обоимъ предсѣдательствующимъ на праздникѣ божествамъ, было устроено возвышеніе для этихъ послѣднихъ. Надъ тронным кресломъ царицы пылало золотое солнце, серебряный мѣсяцъ освѣщалъ кресло ея друга, а надъ ложами гостей мерцали звѣзды. Гостей прибыло болѣе двухсотъ, такъ какъ тріумвиръ со всего Востока созвалъ царей, градоправителей и военачальниковъ, въ свидѣтели его любовнаго безумства. Со всѣхъ сторонъ свѣта стеклись они, каждый гость въ сопровожденіи собственныхъ тѣлохранителей, дабы явить собою достойное созвѣздіе спутниковъ двумъ главнымъ свѣтиламъ этого дня. На пирѣ были чернокожіе князья эфіоповъ съ золотымъ пескомъ въ курчавыхъ волосахъ, смуглые старшины арабовъ и бѣлолицые правители со-

сѣднихъ греческихъ провинцій. Столы ломились подъ тяжестью серебряныхъ сосудовъ, кубковъ и чашъ. Ихъ наполняли рѣдчайшія яства, сласти и пряности, съ несказанными усиліями добытыя изъ отдаленнѣйшихъ земель. Всюду сверкало серебро, разливая матовый свѣтъ. Каждый гость получалъ въ подарокъ сосуды, служившіе ему за трапезой. Громадныя амфоры, кубки и чаши были погружены на дно Нила, въ даръ признательности старому богу-рѣкѣ, за гостепріимный пріютъ на волнахъ его.

Сверхъ того, въ память этого дня, посвященнаго своей владычицѣ, Антоній велѣлъ перевезти изъ Мемфиса въ Александрію обелискъ, всемірное чудо по его громадности и великолѣпію работы. Онъ приказалъ поставить его на приморской площади города. Это стоило жизни множеству людей и скота. И вотъ, острый каменный лучъ вонзился въ небо, словно стоялъ здѣсь цѣлыя тысячелѣтія. Клеопатра изумилась удачѣ предпріятія, не имѣвшаго себѣ подобнаго въ минувшіе вѣка.

— А не правда ли, онъ похожъ на иглу?! воскликнула она.

Въ это время тріумвиръ любовно игралъ прядями ея волосъ.

— И довольно драгоцѣнную для того, чтобъ заколоть тебѣ косы!

Игла Клеопатры — слово это уцѣлѣло, вмѣстѣ съ самымъ камнемъ и памятью о тѣхъ, кто могъ *такъ* говорить, забывая весь міръ въ грезахъ любви.

Таковъ-то былъ праздникъ Антонія. Мѣсяцемъ позже, за нимъ долженъ былъ послѣдовать и Клеопатринъ. Но прошелъ этотъ мѣсяцъ,—а тріумвиръ, подвигшій небо и землю на приготовленія къ своему, съ удивленіемъ замѣчалъ, что его соперница по закладу такъ безпечна, какъ будто совсѣмъ забыла объ условіи. Назначенный день приближался, но нигдѣ еще не виднѣлось волшебныхъ садовъ или пловучихъ дворцовъ, нигдѣ не громоздилось искусственныхъ горъ или сказочныхъ сооруженій. Никакихъ гостей не ждали съ предѣловъ извѣстнаго міра, никакихъ кораблей съ грузомъ серебряной утвари не являлось изъ Греціи. Да и могъ ли Египетъ побѣдить послѣ того, что было предложено ему Римомъ?

А все же онъ побѣдилъ.

У царицы былъ сельскій домикъ, неподалеку отъ Александріи, въ которомъ она имѣла обыкновеніе проводить исполненные глубокой тайны, блаженнѣйшіе часы ея любви. Какимъ-то лучезарнымъ гнѣздышкомъ пріютился онъ въ тѣни царственныхъ пальмъ и тамариндовъ. Ни одинъ звукъ изъ шумнаго города не долеталъ въ это затишье. Только море гудѣло у подножья садовъ. Прибой его волнъ, да шорохъ вѣтра по верхушкамъ пальмъ—лелѣяли усыпляющимъ напѣвомъ то счастье, которое такъ часто искало прибѣжища въ этихъ стѣнахъ.

Сюда-то привезла царица своего гостя. Она сама правила пароянской колесницей съ ловкостью амазонки. Удивленіе тріумвира еще болѣе возросло, по прибытіи на мѣсто. Ни одинъ рабъ не встрѣтилъ ихъ, не слышно было ни малѣйшей музыки, ни одного свѣтильника не виднѣлось въ наступающемъ сумракѣ ночи. Тихой идилліей, а не гамомъ вакханаліи вѣялъ этотъ пріемъ. Въ залѣ, напоенной благоуханіями нильскихъ лилій, стоялъ древній тронъ египетскихъ царей. Его принесли сюда изъ ѳивскаго храма Озириса. Вокругъ поставлены были старинные, необычайной формы, высокіе свѣтильники того же храма. Жрецы раздрали свои одежды, жалуясь на кощунство, похитившее эти священные предметы у Солнца. На что доселѣ не дерзалъ еще ни одинъ изъ завоевателей персидскихъ, македонскихъ или римскихъ — на то, ради неистовой прихоти, осмѣлилась законная владычица страны, всѣхъ болѣе обязанная воздавать полную мѣру уваженія божествамъ ея предковъ.

Къ этому трону привела Клеопатра своего тріумвира, собственноручно воспламенивъ высокіе свѣтильники. Этимъ поступкомъ она воистину оскорбляла святыню. Единожды въ годъ, на праздникъ разлитія Нила, возжигались эти свѣтильники рукою старѣйшаго гіерофанта, и народъ повергался ницъ на все время, пока они горѣли. Что ей было до того? Она разграбила могильные склепы предковъ, чтобы купить улыбку обожаемаго римлянина.

Какъ свѣтильники возжигала она сама, такъ теперь собственноручно собрала простую трапезу, плоды и вино. Первые подавала она ему въ изукрашенныхъ чашахъ, второе лила изъ легкаго сосуда. Все поражало противоположностью его празднику. Тамъ сотни гостей—здѣсь они двое и никого болѣе. Тамъ сокровища и сласти со всего міра — здѣсь чаша съ плодами да кубокъ вина. Но она самолично прислуживала ему за скудной трапезой, въ вѣнцѣ нильскаго царства, подвернувъ пурпурную одежду широкими складками вокругъ бедръ наподобіе рабыни. А онъ принималъ ея услуги, лежа въ креслѣ Озириса, озаряемый свѣтильниками, стоявшими доселѣ вокругъ жертвенниковъ.

Тріумвиръ понялъ свою подругу. Не праздникъ она давала ему—она боготворила его. Взявъ кубокъ онъ воскликнулъ:

— Жалкій Юпитеръ, тебѣ служитъ Геба — мнѣ Клеопатра!

Но этого мало. Царица хотѣла и расточительностью взять верхъ надъ полководцемъ. Закладъ надо было выиграть вдвойнѣ.

На власахъ ея горѣлъ вѣнецъ Египта. Сотни лучей, подобно цвѣтнымъ молніямъ обвивая чело ея, сверкали въ драгоцѣнныхъ камняхъ клейнода. Вершину его составляла грушевидная жемчужина, чудо чудесъ, когда либо исхищенныхъ у моря. Еще Цезарь хотѣлъ увезти это диво въ Римъ, дабы украсить имъ сокровищницу Юпитера Капитолійскаго. За дальнѣйшее обладаніе этимъ сокровищемъ и властью, которой оно было символомъ, богоподобная жена принесла себя въ жертву лысому владыкѣ міра. По преданію, сама Изида, матерь Египта, нѣкогда носила этотъ клейнодъ—и цари всѣхъ династій съ почтительнымъ трепетомъ склоняли голову, возлагая на себя это диво морской бездны. Пророчества, изсѣченныя гіероглифами на груди сфинксовъ, гласили, что «послѣднимъ царемъ Египта будетъ тотъ, при комъ утратится эта жемчужина». Жрецомъ, приносившимъ въ то утро вѣнецъ, овладѣла дрожь при передачѣ его изъ рукъ въ руки, слеза повисла на рѣсницахъ старца—и онъ шатаясь вышелъ изъ дворца.

Эта жемчужина сіяла теперь въ волосахъ Клеопатры, рабски служившей тому человѣку, за чей взглядъ она отдала бы все свое царство. Отдала бы? она уже отдала его! Ибо, когда Антоній, подъ конецъ трапезы, протянулъ ей кубокъ, чтобъ выпить за его здоровье, она совершила неслыханное въ лѣтописяхъ любовной страсти. Быстро сорвала она съ вѣнца жемчужину — и прежде чѣмъ изумленный тріумвиръ успѣлъ помѣшать ей, столкла сокровище въ прахъ на днѣ золотой иготи. Вотъ, порошокъ его шипя опустился на дно полнаго кубка—и царственная вакханка осушила безцѣнную чашу.

— Тебѣ, мой тріумвиръ,—Египетъ со всѣмъ его сонмомъ боговъ и царей, во благо твое!

Безмолвно заключилъ онъ въ свои объятія побѣдительницу. Пораженіе его было полное, уничтожающее. Уничтожающее блаженство, блаженнѣйшее ничтожество! Жарко пылали уста на устахъ, въ открытыхъ аркахъ колоннадъ порхалъ ночной вѣтерокъ, сѣя ливнемъ миртовыхъ лепестковъ, а волны морскія звучали тихимъ брачнымъ гимномъ...

— Дай мнѣ, шептала Клеопатра, — дай изойти кровью моего сердца, дай умереть, уничтожиться на твоемъ сердцѣ!...

— Но не одной, моя страшная, дивная, сладчайшая побѣдительница! Уничтожимся другъ въ другѣ—что намъ осталось еще?

IV.

«Уничтожимся другъ въ другѣ — что намъ еще остается?» такъ сказалъ тріумвиръ своей царицѣ.

Что оставалось имъ?

Конечно — еслибъ ихъ путемъ не правило ничто кромѣ взаимной страсти, въ такомъ случаѣ имъ ничего болѣе не оставалось. Но царская діадема — бѣдствіе. Что разрѣшается пастырямъ, винодѣламъ, даже рабамъ — недозволено властителямъ. Съ этимъ-то воспрещеніемъ на устахъ должна было постучаться судьба у дверей Александрійскаго дворца — и очень невдолгѣ.

Минулъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Александрію прибылъ Маркъ Антоній,—а письма его друзей, сначала лишь звавшія его въ Римъ, потомъ молившія о пріѣздѣ, становились все настоятельнѣе. Уже Сенатъ, разгнѣванный праздной жизнью тріумвира, грозилъ объявить его лишеннымъ власти, если онъ не поспѣшитъ оставить Александрію и не приведетъ въ покорность мятежные народы Востока, — такъ какъ множество малоазіатскихъ племенъ, съ воинственными парѳянами во главѣ, наскучивъ римскимъ игомъ, открыто возмутились. За дерзостью послѣдовалъ успѣхъ. Они осмѣлились издѣваться надъ Тѣмъ, чье одно имя нѣкогда приводило ихъ въ трепетъ, и теперь хотѣли его, обезумленнаго чарами любви, низвести до тѣни прежняго героя. Правда, гнѣвъ Сената почти не имѣлъ значенія. Съ тѣхъ поръ какъ Цезарь на изгнаніе его Сенатомъ отвѣтилъ переходомъ чрезъ Рубиконъ, это высокое собраніе сановниковъ было развѣнчано до машины, всегда готовой повиноваться планамъ единичныхъ честолюбцевъ. Теперь имъ управлялъ Октавіанъ. За сенатскими приговорами скрывался онъ съ его неистощимымъ коварствомъ. Нельзя допустить, что онъ въ самомъ дѣлѣ сердился на неслыханное нерадѣніе своего сотріумвира, такъ какъ оно слишкомъ помогало уронить его въ глазахъ Рима. Но это нерадѣніе начинало колебать римскую власть на Востокѣ, а кромѣ Антонія никто не сумѣлъ бы поддержать зыблющееся зданіе. Трудно рѣшить, имѣлъ ли Октавіанъ въ виду свое конечное единовластіе уже въ это время.

Для этого такъ много еще нужно было сдѣлать, что онъ не могъ обойдтись безъ помощи Антонія, какъ ни настоятельно требовали личныя его выгоды елика-возможно умалить всеобщее уваженіе къ своему помощнику. И вотъ, по его настоянію, Сенатъ отправилъ наконецъ въ Египетъ цѣлое посольство, съ тѣмъ чтобы напомнить нерадивому тріумвиру его долгъ и вызвать его на усмиреніе Малой Азіи.

Сами по себѣ послы были очень хорошо приняты въ Александріи. Что же касается доставленнаго ими приказа за подписью отцовъ отечества, то надъ нимъ полководецъ громко расхохотался, — и когда царица, пораженная внезапнымъ предчувствіемъ разлуки, поблѣднѣла, онъ, все еще смѣясь надъ Сенатомъ, поцалуями согналъ блѣдность съ ея щокъ.

Но пришла пора замолкнуть его смѣху. Къ повелителю прибылъ еще посолъ, потребовавшій пріема втайнѣ и ночью. Прислалъ его Долабелла, испытанный другъ Антонія. Доставленное письмо ясно свидѣтельствовало объ честолюбіи Октавіана.

Все болѣе и болѣе овладѣвалъ онъ властью надъ умами, по мѣрѣ возрастанія общаго ропота на безумства Антонія въ Александріи. Безнаказанное возстаніе Парѳянъ вмѣняется ему въ смертную преступленіе — и скоро же никакая мудрость съ его стороны не помѣшаетъ врагамъ его выступить открыто съ своими злыми умыслами.

Если они боялись этого до сихъ поръ, то это слѣдуетъ приписать ихъ неспособности подавить возстаніе малоазіатовъ безъ Антонія. Какъ только онъ это совершитъ — дни его сочтены. Но прежде всего долженъ онъ имѣть въ виду, что каждый часъ, теряемый имъ въ Александріи, усиливаетъ враждебное настроеніе противъ него и облегчаетъ игру Октавіану.

— Добро же! воскликнулъ тріумвиръ, прочитавъ это, — Долабелла правъ. Я покину Александрію. Но не въ Парѳію отправлюсь я—туда довольно и Вентидія моего военачальника—я ѣду въ Римъ! Они увидятъ, что я все тотъ же Антоній, котораго они знали! Ты же, сладчайшая царица, не плачь. Если Октавіанъ дерзаетъ простирать виды на вселенную, такъ Антоній и подавно! Развѣ не вмѣстѣ учились мы въ школѣ у Цезаря? А затѣмъ, ты знаешь, кто со мной раздѣлитъ міръ.

Клеопатра только вздохнула въ отвѣтъ.

— И тебя бранятъ они, диво Востока, продолжалъ онъ, — а между тѣмъ, въ цѣломъ Римѣ нѣтъ ни одной женщины, достойной произнесенія ея имени тѣми устами, которыхъ касались твои.

Царица все еще безмолствовала. Вдругъ, какъ бы пораженная внезапнымъ безуміемъ, она схватилась руками за грудь.

— Что съ тобой? вскричалъ Антоній.

Въ дикомъ ужасѣ сорвала она съ груди одежду, словно подъ нею скрывалось что-то чудовищное. Потомъ едва выговорила съ усиліемъ:

— Вотъ здѣсь... и тутъ... точно змѣя шевелилась на груди... впиваясь ядовитыми зубами...

— Змѣя—на этой груди?... воскликнулъ тріумвиръ и прижалъ къ ней уста: — не змѣямъ—Антонію принадлежитъ она!..

И все же онъ оторвалъ уста свои отъ этой груди и отплылъ въ Римъ. Десять дней спустя, римскій флотъ, съ крутобортнымъ кораблемъ военачальника во главѣ всѣхъ, вышелъ изъ устьевъ Нила. Кормовая часть корабля съ позлащенной головой овна блистала на солнцѣ, а съ самой высокой мачты развѣвался пурпурный стягъ Клеопатры. Увы, лишь стягъ одинъ, а не парусъ—не парусъ, уносившій ихъ нѣкогда изъ Тарса!

Корабль только что отвалилъ отъ берега. На палубѣ стоялъ тріумвиръ. На мосткахъ у самой воды — царица. Колѣна ея дрожали подъ бременемъ горя. Словно лаская возлюбленнаго, простираетъ она руки въ воздухъ,—тотъ воздухъ, которымъ *онъ* еще дышалъ мигъ тому назадъ... Но вотъ ихъ раздѣлило пространство, недоступное объятьямъ. Она склоняется всѣмъ станомъ, чтобъ хоть на пядь одну приблизиться къ удаляющемуся.

(Продолженіе будетъ).

Насръ-Эддинъ, шахъ персидскій

Нынѣшній шахъ принадлежитъ Каджарской династіи, овладѣвшей кормиломъ правленія въ Персіи по пресѣченіи рода Керимова въ 1794 году; каджары, туркоманское племя, нелюбимы чистокровными персами, но предводители ихъ давно уже играли видную роль въ государствѣ, и наконецъ достигли престола. Насръ Эддинъ, сынъ Мирзы Магомета шаха персидскаго, родился 30 ноября 1829 г.

Насръ-Эддинъ, шахъ персидскій.

Рисовалъ съ фотографіи и рѣзалъ на деревѣ Ѳ. Герасимовъ.

Будучи наслѣдникомъ престола, онъ жилъ въ Тавризѣ и управлялъ провинціею Адзербейшанъ, подъ руководствомъ даровитаго Мирзы-Тагжи-хана, который впродолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ его царствованія былъ и первымъ министромъ юнаго шаха. Насръ-Эддинъ въ 1848 г., по смерти отца, вступилъ на престолъ, оспариваемый многочисленными претендентами. Государство было донельзя разорено его предшественниками, а потому и начало правленія новаго шаха было ознаменовано смутами и неурядицами. Замышленныя имъ коренныя реформы, облегченіе налоговъ, уплата государственнаго долга, возвращеніе отнятой собственности лицамъ, потерпѣвшимъ разореніе въ прежнее время и проч., — все это оставалось пока обѣщаніями. Впрочемъ изъ внѣшнихъ займовъ неуплаченъ былъ только французскій, почему графъ Сартижъ, акредитованный посломъ въ Тегеранѣ съ 1844 года и 24 іюля 1847 года заключившій торговый трактатъ между Франціею и Персіею, взялъ свои паспорты. Внутренніе же займы вовсе не оплачивались, и кредиторы не могли добиться никакого удовлетворенія. Тяготы поборовъ, запущенное состояніе улицъ, мостовъ, водопроводовъ, каравансераевъ и пр. публичныхъ зданій, расточеніе доходовъ на роскошныя постройки, злоупотребленія министра, преслѣдованіе всѣхъ недовольныхъ, подавшихъ жалобы, — все это имѣло слѣдствіемъ частыя

возмущенія въ провинціяхъ, которыя могли быть подавлены лишь силою оружія. Въ самомъ Тегеранѣ, въ январѣ 1850 года, возникли безпорядки по поводу отлагаемой отставки ненавистнаго министра, который и былъ смѣщонъ въ ноябрѣ 1851, по ходатайству матери шаха и недовольныхъ вельможъ. На мѣсто его вступилъ семидесятилѣтній Мирза-Ага-Ханъ. Къ этому времени въ Тегеранъ прибыли австрійскіе офицеры и ученые для основанія тамъ учебныхъ заведеній и организаціи персидской арміи на австрійскій образецъ,—но относительно послѣдняго — они обманулись въ своихъ надеждахъ: заключенный съ ними договоръ не исполнялся, обѣщаннаго имъ жалованья не платили; что же касается учебныхъ заведеній, то основано было лишь одно по горному вѣдомству, весьма скоро начавшее процвѣтать. Въ Хорассанѣ, гдѣ особенно усилилась національно-персидская партія, считавшая въ силу религіозныхъ воззрѣній непозволительнымъ подчиненіе Каджарской династіи, къ которой принадлежалъ шахъ, — вслѣдствіе отставки тамошняго правителя, Ассада-Эль-Даула, вспыхнуло возстаніе, которое и повлекло за собой отдѣленіе этой провинціи отъ Персіи. Яръ-Магометъ, властитель Герата, пытавшійся возвратить провинцію, былъ отбитъ хорассанцами. Когда же по смерти Яръ-Магомета, Достъ-Магометъ ханъ Кандагарскій и его сводный братъ, Катунтильханъ, спорили между собою за Гератъ, персидское войско двинулось туда въ мартѣ 1852 года и овладѣло Гератомъ, который вошелъ въ составъ Персіи. Но Англія вступилась за самостоятельность Герата, пославъ къ Абуширу въ Персидскомъ заливѣ британскій флотъ и высадивъ 9,000 войска. Въ 1852 году, 15 августа, члены религіозной секты Бабидовъ сдѣлали покушеніе на жизнь шаха, повлекшее многочисленныя казни. При разрывѣ между Россіей и Турціей осенью 1853 года, шахъ склонялся на сторону Россіи, не принимая впрочемъ дѣятельнаго участія въ войнѣ. Въ этомъ же году Персію постигли новыя бѣдствія: 4 мая города Ширазъ и Кашанъ были разрушены землетрясеніемъ, а затѣмъ во всемъ государствѣ свирѣпствовала жесточайшая холерная эпидемія. Лѣтомъ 1855 года Англія и Франція отправили въ Персію послами Муррея и Бурре для противодѣйствія русскому вліянію. Французскій посолъ заключилъ дружественный и торговый договоръ съ Персіею, ратификованный 14 іюля, — но дальнѣйшихъ цѣлей относительно Россіи не достигъ, такъ какъ Англія въ то же время заявила свое неудовольствіе по поводу вмѣшательства Персіи въ Гератскія дѣла. Вслѣдствіе этого между обѣими государствами отношенія стали натянутыми, повлекли отъѣздъ англійскаго посла и еще болѣе ухудшились, когда персидское правительство, для ослабленія возраставшаго вліянія Достъ-Магомета въ Гератѣ, осадило этотъ городъ. Англичане находили это нарушеніемъ договора, заключеннаго въ 1853 году между Англіей и Персіей, хотя и не подписаннаго первою. Въ сущности же виды Англіи клонились къ занятію нѣкоторыхъ пунктовъ въ Персидскомъ заливѣ, именно острова Каррака и торговаго города Бушира, чѣмъ усилилось бы противодѣйствіе русскому вліянію. 1 ноября послѣдовало изъ Калькутты объявленіе войны со стороны Остъ-Индскаго правительства, а 24 ноября 42 англійскихъ военныхъ корабля съ 12,000 войска появились у входа въ Персидскій заливъ. 7 декабря войско высадилось, а 9-го персидскій комендантъ въ Буширѣ сдался съ 12-тысячной арміей, послѣ чего англичане обложили острова Карракъ и Буширъ. Еще до этого персидское правительство отправило чрезвычайнаго посла, Феррукъ-Хана, въ Константинополь для переговоровъ съ тамошнимъ англійскимъ посломъ, но не добилось никакого результата. Россія двинула войска къ персидскимъ границамъ, но увѣщала заключить миръ. Между тѣмъ французское правительство, съ своей стороны, хотѣло воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что островъ Карракъ еще ранѣе былъ уступленъ Франціи, и посредничествомъ въ заключеніи мира возвратить себѣ утраченное вліяніе на Восточныя дѣла; въ январѣ 1857 года Феррукъ-Ханъ и французскій посолъ въ Тегеранѣ прибыли въ Парижъ, гдѣ и былъ подписанъ, 4 марта, уполномоченными Англіи и Персіи, мирный договоръ, а до окончательной ратификаціи его обоими государствами заключено перемиріе. Англія обѣщала очистить острова Карракъ и Буширъ, подъ условіемъ, чтобы первый былъ объявленъ вольной гаванью, гдѣ англичане имѣли бы поселенія для проложенія Евфратской дороги. Персіяне, съ своей стороны, должны были очистить Гератъ, признавъ его самостоятельность, и разрѣшить англичанамъ учрежденіе консульствъ во всѣхъ городахъ, гдѣ ихъ имѣютъ русскіе.

Въ 1858 году дворцовая революція низвергла перваго министра—и мѣсто его занялъ Феррукъ-Ханъ, проведшій многіе годы въ Европѣ. Войско было вновь организовано коммиссіей французскихъ офицеровъ. Въ 1860 году персидское правительство учредило при дворахъ всѣхъ великихъ державъ Европы постоянныя посольства на европейскій образецъ. Въ послѣдніе годы въ Персіи проложено множество телеграфныхъ линій. Какъ иностранные такъ и внутренніе займы уплачены — и Персія представляетъ собою единственное государство, въ которомъ нѣтъ государственнаго долга. Государственные расходы Персіи, при 4,400,000 жителей, простираются до 15,352,000 руб. (4,362,000 томановъ). Личное имущество шаха огромно. «Almanach de Gotha» говоритъ, что въ казнѣ шаха находится до 3,750,000 томановъ въ золотой персидской монетѣ (3 р. 12½ коп.), дукатахъ и имперіалахъ, золотыя вещи на сумму до 1,250,000 томановъ, коронные бриліанты (самой большой изъ нихъ Деріа-и-нуръ, въ 178 каратовъ) на сумму 4,500,000 томановъ, всего до 9,500,000 томановъ, или до 29,687,500 рублей. Такой массы золота и бриллiантовъ нѣтъ ни у одного изъ европейскихъ монарховъ.

Ожидаемое прибытіе шаха въ Петербургъ будетъ первою поѣздкой властителя Персіи въ Европу; до него не одинъ изъ персидскихъ государей не бывалъ въ *Френгистанѣ*, какъ называютъ въ Персіи всѣ вообще европейскія державы. Это путешествіе давно уже было однимъ изъ завѣтныхъ желаній шаха, но различныя обстоятельства, тѣсно связанныя съ дѣлами внутренняго устройства и управленія, а также и предразсудки азіатскаго населенія, съ которыми оно смотритъ на продолжительное отсутствіе повелителя, — мѣшали осуществленію его намѣреній.

Въ декабрѣ прошлаго года, въ Петербургъ прибылъ чрезвычайный посланникъ персидскаго шаха, мирза Мелькумъ-ханъ, низамъ-уль-мулькъ, съ собственноручнымъ письмомъ отъ его величества Насръ-эддина къ Государю Императору. Въ письмѣ этомъ шахъ выражалъ, что вслѣдствіе искренней привязанности и дружбы которую онъ питаетъ къ нашему августѣйшему Монарху, онъ уже давно искалъ случая свидѣться съ Государемъ Императоромъ; теперь же, когда владѣнія его пользуются полнымъ спокойствіемъ и внутреннимъ благоустройствомъ и по всей Европѣ царствуетъ миръ, шахъ считаетъ себя счастливымъ, что можетъ осуществить свое давнишнее

желаніе и въ началѣ весны настоящаго года надѣется посѣтить, съ высочайшаго соизволенія, Петербургъ и лично выразить своему державному брату и сосѣду чувства, питаемыя имъ къ его особѣ. Государь Императоръ изволилъ, собственноручнымъ же письмомъ, отвѣчать шаху, что отъ свиданія съ нимъ Его Величество ожидаетъ еще большаго упроченія тѣхъ добрыхъ сосѣдственныхъ отношеній, которыя такъ долго существуютъ между обоими государствами и ихъ подданными, и проситъ не сомнѣваться въ полномъ радушіи и искреннемъ уваженіи, съ которыми шахъ будетъ принятъ въ русскихъ владѣніяхъ. Относительно самаго путешествія его величества, Насръ-эддина, установлена была, на совѣщаніи между мирзой Мелькумъ-ханомъ и нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, слѣдующая, высочайше утвержденная, программа. Императорскій чрезвычайный посланникъ при персидскомъ дворѣ, тайный совѣтникъ Бегеръ, будетъ сопровождать его величество шаха изъ Тегерана до границы его владѣній, т. е. до гор. Решта, у Энзелійскаго залива, на юго-западномъ берегу Каспійскаго моря; гдѣ будутъ приготовлены для принятія шаха и его свиты пароходы Общества «Кавказъ и Меркурій». Откланиваясь шаху въ Рештѣ, посланникъ нашъ представитъ ему старшаго драгомана Императорской миссіи г. Кребеля, который долженъ сопровождать его величество во все время путешествія до с.-Петербурга. Такъ какъ персидскій государь оставляетъ въ Рештѣ твердую землю и, садясь на пароходъ, вступаетъ уже на русскую территорію, то его величество будетъ встрѣченъ тамъ генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ и флигель-адъютантомъ Безакомъ, назначенными привѣтствовать шаха отъ имени Государя Императора и сопровождать его въ путешествіи. Принявъ шаха съ его свитой, пароходы конвоируемые военными судами каспійской флотиліи, отправятся прямо къ устьямъ Волги, гдѣ, на небольшихъ пароходахъ, царственный путешественникъ, съ сопровождающими его лицами, будетъ перевезенъ въ Астрахань. Послѣ двухдневнаго отдыха въ этомъ городѣ, шахъ и его свита будутъ перевезены до Царицына на рѣчныхъ пароходахъ, а въ Царицынѣ приготовленъ будетъ особый поѣздъ, который и доставитъ путешественниковъ по желѣзной дорогѣ прямо въ Москву. Въ этой столицѣ предположено трехдневное пребываніе шаха, и въ Москву же выѣдетъ для привѣтствованія его величества и поступленія въ его распоряженіе начальникъ драгоманата азіатскаго департамента, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гамазовъ. При слѣдованіи же шаха по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ будетъ встрѣченъ на станціи Любани и привѣтствуемъ директоромъ азіатскаго департамента тайнымъ совѣтникомъ Стремоуховымъ. Согласно проектированному маршруту путешествія, его величество долженъ былъ сѣсть на пароходъ въ Энзели 27-го апрѣля, прибыть въ Астрахань 30-го, а въ Москву 5-го мая, въ 11 часовъ утра. 6-го же числа, вечеромъ, предполагался выѣздъ шаха изъ Москвы, а прибытіе въ Петербургъ предназначалось 8-го числа утромъ. Впрочемъ числа эти легко могутъ быть измѣнены, такъ какъ по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ шахъ сядетъ на пароходъ въ Энзели, быть можетъ, не ранѣе 29-го апрѣля. Сколько извѣстно, шахъ везетъ съ собою шесть прекрасныхъ лошадей, изъ которыхъ четыре предназначаются въ подарокъ Государю Императору. Въ Петербургѣ персидскій шахъ будетъ помѣщаться въ Эрмитажѣ.

Удавъ

Говоря объ удавѣ, мы не будемъ описывать наружныя признаки змѣй, какъ уже всѣмъ извѣстныя, а только въ короткихъ словахъ опишемъ ихъ нравы, обычаи и тѣ изъ ихъ качествъ, которыя не такъ общеизвѣстны.

Змѣи живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта — и чѣмъ разнообразнѣе мѣстность, тѣмъ ихъ больше. Обильные водой сырые лѣса тропическихъ странъ можно считать за настоящую родину этихъ животныхъ; но они живутъ и въ самыхъ голыхъ пустыняхъ и встрѣчаются также на значительныхъ высотахъ, до границы лѣсовъ. Вообще можно сказать, что змѣи — самыя распространенныя изъ пресмыкающихся животныхъ, такъ какъ онѣ, подобно черепахамъ, живутъ и въ водѣ и притомъ какъ въ прѣсной такъ и въ соленой. Этой чрезвычайной распространенности соотвѣтствуетъ и разнообразіе мѣстъ, въ которыхъ онѣ живутъ.

Несмотря на то что змѣи — безъ ногъ, онѣ умѣютъ устроиться, одни въ водѣ, другія въ болотѣ, иныя на ровномъ мѣстѣ, тѣ на крутыхъ скалахъ, а нѣкоторыя даже въ вѣтвяхъ деревьевъ.

Выбравъ разъ мѣсто жительство, змѣи упорно держатся его и уходятъ только на небольшое разстояніе. — Конечно, имъ приходится иногда странствовать, переплывать рѣки и другія воды чтобы перебраться на другой берегъ или на острова, гдѣ онѣ могутъ найти себѣ болѣе богатую пищу; они иногда выползаютъ изъ лѣсовъ и степей и появляются въ деревняхъ и городахъ, но вообще не любятъ странствовать и выбираютъ по возможности такое мѣсто, гдѣ бы было имъ убѣжище, по близости котораго они могли бы подстерегать добычу.

Путешествія большею частью онѣ предпринимаютъ во время спариванія и при приближеніи зимы.

Змѣи чаще всего встрѣчаются вдали отъ человѣческихъ жилищъ, но это только потому, что человѣкъ постоянно преслѣдуетъ ихъ и прогоняетъ отъ своего сосѣдства; сами-же онѣ нисколько не боятся своего злѣйшаго врага и иной разъ забираются къ нему какъ весьма неожиданныя и непріятныя гостьи. — Нерѣдко случается находить змѣй въ садахъ среди самого города, въ южныхъ же странахъ змѣи часто забираются въ дома и преимущественно ночныя змѣи — самыя опасныя.

Обращаясь къ дѣятельности органовъ чувствъ у змѣй, можно сказать, что за исключеніемъ осязанія всѣ остальныя тупы и слабы, да и тутъ способность ощущенія слаба; хотя извѣстно, что несмотря на свои толстые покровы, змѣя чуствуетъ прикосновеніе и подобно другимъ пресмыкающимся животнымъ любитъ тепло, — но тѣмъ не менѣе нельзя не принять, что ощущеніе вызывается у змѣй только сильнымъ раздраженіемъ.

Немногимъ отличаются другія чувства змѣй, зрѣніе ихъ тоже довольно слабо, и вообще глаза у нихъ не имѣютъ того важнаго у нихъ заченія какъ у другихъ пресмыкающихся.

Насколько можно судить, органъ слуха развитъ тоже наравнѣ съ другими органами и гораздо менѣе осязанія. Какъ видно на опытахъ, змѣи не обращаютъ вниманія на звуки, которые происходятъ вблизи ихъ, если они только не производятъ сильнаго сотрясенія въ воздухѣ и не сильно потрясаютъ почву.

Еще труднѣе разъяснить степень обонянія змѣй. — Строеніе органа обонянія повидимому чрезвычайно неблагопріятно, — на многочисленныхъ опытахъ доказано, что змѣи ничѣмъ не выражали, что-бы запахъ какъ

нибудь на нихъ дѣйствовалъ и что-бы они что нибудь чуяли.

Вкуса змѣи точно такъ-же не имѣютъ; это доказываютъ какъ изслѣдованіе языка такъ и наблюденія надъ живыми змѣями. Языкъ, какъ органъ вкуса, у змѣй не имѣетъ вкусовыхъ желѣзъ; да къ тому же, при глотаніи, змѣи прячутъ его во влагалище и если дѣлаютъ различіе между добычей, то это можно отнести къ осязательной способности, а не ко вкусу.

„Будте мудры какъ змѣи и незлобивы какъ голуби„ гласитъ одно изрѣченіе.—Въ отношеніи змѣй и это невѣрно, потому что умъ по всему видимому у нихъ очень незначителенъ, и почти навѣрно можно сказать, что змѣи стоятъ ниже другихъ пресмыкающихся; хотя при охотѣ на нихъ онѣ выказываютъ нѣкотораго рода хитрость и имъ нельзя выказать въ проявленіи ума при борьбѣ съ непріятелями, но никогда ни при какихъ обстоятельствахъ они не выказывали ума большаго чѣмъ другія пресмыкающіяся. У змѣй слабѣе не только внѣшнія чувства но и умственныя способности. Преходя къ удаву, мы должны сказать, что вообще все семейство удавовыхъ или ложноногихъ (Perpodes) не ядовито.

Удавы живутъ во всѣхъ жаркихъ, богатыхъ водою мѣстахъ Стараго и Новаго свѣта; живутъ они преимущественно въ лѣсахъ—чаще всего въ такихъ которые перерѣзываются рѣками и вообще богаты водой, впрочемъ нѣкоторыя виды удавовъ встрѣчаются и въ сухихъ мѣстностяхъ. Многіе изъ нихъ—настоящія водяныя животныя, которыя покидаютъ рѣки, озера и болота только для того, что-бы грѣться на солнцѣ и спать; охотятся они преимущественно или въ водахъ или по берегамъ ихъ. Иные виды избѣгаютъ воды и боятся ея до извѣстной степени. Устройство ихъ глазъ показываетъ, что это животныя ночныя—что и подтверждено наблюденіями надъ ними въ неволѣ.—Насколько они лѣнивы и любятъ покой днемъ, на столько же бодры и оживлены они ночью. Днемъ они лежатъ свернувшись или вытянувшись и двигаются только тогда, когда имъ угрожаетъ опасность или когда они, охотясь долгое время неудачно, завидятъ удобную добычу. Тогда животное быстро развертывается и бросается изо всей силы на завидѣнную добычу, схватываетъ ее крѣпкими зубами, обвивается вокругъ нея, стягиваетъ ее и душитъ. Чрезъ нѣсколько минутъ животное уже умерло; змѣя, какъ бы потерявъ всю свою быстроту, снова дѣлается вялою, неповоротливо развертывается и начинается трудная работа проглатыванія. Ужасныя исторіи, которыя разсказываютъ и которымъ вѣрятъ, суть не болѣе какъ сказки: ни одинъ удавъ не можетъ проглотить человѣка, быка, лошадь, большаго оленя; для самаго большаго члена этого семейства чрезвычайно трудно проглотить даже козулю.

Удавовъ страшатся только люди несвѣдующіе. Въ Бразиліи всякій знаетъ, что они оказываютъ должное уваженіе людямъ, и какъ-бы страшась прогнѣвать ихъ однимъ своимъ присутствіемъ, пропадаютъ изъ глазъ и прячутся тотчасъ, какъ только завидятъ человѣка. За ними усердно охотятся, потому что пользуются ихъ мясомъ, жиромъ и шкурою. Первое ѣдятъ только индѣйцы, жиру приписываютъ разныя цѣлебныя свойства, а кожу употребляютъ на различныя украшенія.

Воспоминанія севастопольца *).

Намъ былъ отданъ приказъ назавтра двинуться къ Евпаторіи.

Распоряженія были всѣ отданы, всѣ было устроено, и я, забравшись въ мою саклю, въ первый разъ послѣ двухъ недѣль урвалъ свободную минуту хорошенько вымыться, и крикнувъ деньщика Сабурова, сѣлъ бриться.

Сабуровъ, который благодаря хлопотамъ былъ совершенно трезвъ, между тѣмъ какъ у него была весьма не похвальная привычка бывать всегда на первомъ а иногда и на второмъ взводѣ,—помѣстился у двери и долго молча и какъ-то задумчиво смотрѣлъ на меня.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ наконецъ, подходя ко мнѣ, — ваше высокоблагородіе, нѣтъ ужъ воля ваша...

— Что тебѣ, Сабуровъ? спросилъ я не понимая его; онъ былъ сильно взволнованъ...

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, сегодня живы, а завтра умереть придется.

— Такъ что-же? туда и дорога: «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать».

— Правда ваша, Павелъ Егоровичъ, истиная правда, а всеже такъ отпустить васъ не могу.

— Что-такое, Сабуровъ? я право въ толкъ не возьму, что тебѣ, сказалъ вставая и подавая ему полотенце.

— Нѣтъ ужъ, ваше высокоблагородіе, вы мнѣ позвольте. Я человѣкъ простой, но видитъ Богъ какъ люблю я васъ! какъ люблю! и онъ развелъ руками, какъ бы подподтверждая свои слова.

— Одинъ Господь знаетъ, что съ вами завтра будетъ, что съ вами эти нехристи поганые подѣлаютъ; воля ваша, а такъ всежъ-таки васъ отпустить не могу.

— Да говори же, Сабуровъ, что надо! сказалъ, я приходя въ нетерпѣніе.

— Ужъ не извольте гнѣваться, Павелъ Егоровичъ, не ругайте меня а позвольте благословить...

— Спасибо, Сабуровъ, большое спасибо, сказалъ, я тронутый этой глубокой привязанностью.

Онъ повернулся въ уголъ гдѣ висѣлъ образъ, положилъ три земные поклона, снялъ съ груди образокъ Георгія Побѣдоносца, подошелъ ко-мнѣ и со слезами на глазахъ перекрестилъ меня. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! и онъ надѣлъ на меня образокъ.

— Носи его всегда подъ мундиромъ, Павелъ Егоровичъ. Видитъ Богъ, какъ люблю тебя... Мать родная благословила, какъ въ солдаты сдали, вѣкъ бы не ростался кабы не ты. Эхъ! да, что и толковать! сказалъ онъ махнувъ рукой и отвернулся, чтобы скрыть свои слезы.

На дворѣ было скверно и сыро, холодный порывистый вѣтеръ прохватывалъ до костей и его заунывные тягучіе звуки наводили какія-то тоскливыя мысли. Не было слышно ни пѣсень ни бубновъ, все шло безмолвно, какъ-бы сохраняя свои силы для будущаго дѣла.

Я ѣхалъ на лошади, понуривъ голову и думая о домѣ, о родныхъ, о дорогихъ мнѣ людяхъ,—вернусь-ли я къ нимъ?—Что-то будетъ со мной?—Убьютъ меня завтра или нѣтъ?... а на груди у меня висѣлъ образъ Георгія Побѣдоносца...

Безъ шуму подошли мы къ Евпаторіи и окружили въ столь короткое время выросшія траншеи и укрѣпленія.—

*) 5 февраля 1855 г. Записано со словъ участвовавшаго, полковника *** уланскаго полка.

Удавъ, готовящийся проглотить кролика.

Небо было покрыто сѣрыми тучами,—Евпаторіи не было видно.

Дивизіонъ мой стоялъ для прикрытія легкой артилеріи, лафеты орудій которой были для большей безопасности вкопаны въ землю.—Я выдался впередъ, стараясь разсмотрѣть городъ,—но это было невозможно.

Между артилеристами шелъ тихій разговоръ.

— Смотри, Вася, если меня убьютъ—отплати имъ, прямо туда и бей въ ту амбразуру, отплати за старика дядю; дома-же кланяйся, да скажи чтобъ не плакали—что на роду написано того не минуешь. А за вѣру и царя умереть—отъ писанія показано... говорилъ старый фейерверкеръ, обращаясь къ племяшу.

— Что ты, дядюшка, счего ты помрешь! не убьютъ, я не дамъ, отстою,—съ жаромъ говорилъ молодой парень, еще не нюхавшій пороху.

— Молода братъ ты дѣтина, Васька! нѣтъ, я знаю, что меня убьютъ, сердце вѣщуетъ; я и умылся, и бѣлье чистое надѣлъ, и все, какъ быть слѣдъ, и объ грѣховъ отпущеніи помолился.

— Дядюшка, да вѣдь и я то же сдѣлалъ.

— Сдѣлалъ—и дѣлай такъ, Васюкъ, передъ каждымъ крупнымъ дѣломъ. Будь готовъ къ смерти, иди перекрестясь—за царя за батюшку, за Русь за матушку, за вѣру православную!!

Я отъѣхалъ къ сосѣднему орудію; тамъ шелъ разговоръ совсѣмъ другого рода: какой-то солдатикъ ярославецъ съ жаромъ разсказывалъ о своихъ проказахъ на родинѣ, о своихъ побѣдахъ надъ бабами, и богохульствовалъ.

— Эхъ, что мнѣ! загубила меня Машка, пропадай теперь все, разъ чорту душу продалъ—не воротишь.

— Брось, Сережка, тебѣ говорятъ, брось, забубенная ты голова, не передъ дѣломъ бы!.. сказалъ старый солдатъ.

— Сказано что пропащій человѣкъ, такъ дай душѣ волюшку, а языку просторъ!

Старый солдатъ съ омерзеніемъ плюнулъ и отошелъ въ сторону.—Ничего ты ему не втолкуешь, сказалъ онъ глубокомысленно и прилегъ у лафета.

Проѣзжая далѣе, у одного орудія, по одну сторону, я увидѣлъ молодаго юнкера на колѣнахъ, съ жаромъ молившагося Богу.

По другую сторону, двое солдатиковъ дулись въ три листка.

У слѣдующаго лафета сидѣлъ весьма молодой прапорщикъ и со слезами на глазахъ смотрѣлъ на какой-то женскій портретъ въ медальонѣ.

Онъ долго смотрѣлъ на портретъ, поцѣловалъ его, спряталъ за мундиръ, всталъ крякнулъ потянулся—и съ словами, все въ руцѣхъ Божіихъ, зашагалъ къ сосѣднему кружку офицеровъ.

Проѣзжая на свое мѣсто, я видѣлъ, что солдатики большею частью сидѣли смирно, тихо разговаривая. Вездѣ за малыми исключеніями было видно серіозное настроеніе, всѣ лица смотрѣли бодро и безъ особаго страха, именно такимъ выраженіемъ, какое видно на лицѣ человѣка покончившаго всякіе счеты съ жизнью и положившагося только на Создателя.

Стало немного свѣтлѣе и не вдалекѣ передъ нами показались неясные абрисы новосозданныхъ укрѣпленій Евпаторіи.

Все стояло по мѣстамъ, ожидая сигнала, чтобы разомъ бросить въ работу французовъ и англичанъ цѣлыя сотни ядръ, бомбъ и картечи.

Тишина была совершенная, вдругъ мелькнулъ огонекъ, послышалось шипѣнье—и сигнальная ракета длиннымъ огненнымъ змѣемъ взвилась на воздухъ... Вотъ она поднялась высоко,—на секунду остановилась, замерла на мѣстѣ, грянулъ выстрѣлъ... Въ то же мгновеніе послышался страшный грохотъ и чугунный дождь съ свистомъ и шумомъ полетѣлъ съ нашей стороны на осажденный городъ.

Съ ихъ стороны не отвѣчали.

Много разъ давали мы залпы, много стрѣляли въ одиночку, не одна сотня выстрѣловъ была пущена въ Евпаторію; съ ихъ стороны все было тихо, какъ будто весь городъ вымеръ или, какъ говорится въ сказкахъ, заснулъ непробуднымъ сномъ.

Надъ Евпаторіей отъ лопавшихся гранатъ стоялъ дымъ громадными клубами—и только съ горѣвшихъ зданій прорѣзывались длинные огненные языки, и подымаясь къ небу, какъ-бы молили объ отомщеніи.

Вдругъ на всемъ фасадѣ укрѣпленій побѣжала огненная полоска, замелькали огоньки—и сотни конгревскихъ ракетъ съ страшнымъ шумомъ взлетѣли на воздухъ.

Было еще довольно темно—и красные огненные столбы, точно гигантскіе змѣи-горынычи прорѣзывали небо, освѣщая всю окрестность какимъ-то фантастическимъ краснымъ свѣтомъ... Они поднялись высоко, остановились, раздался страшный трескъ—и они градомъ посыпались на землю.

Вотъ одна летитъ прямо на меня, я вижу ее... сей часъ конецъ —я нагнулся, схватился рукой за грудь и нащупалъ подъ мундиромъ образокъ, деньщиково благословеніе. Ракета свистнула—провизжала—перелетѣла черезъ меня—и шагахъ въ десяти за мной ушла въ кучу рыхлой земли, выброшенной изъ ямъ, куда были вкопаны лафеты.

Граната не лопнула—я уцѣлѣлъ...

Конгревскія ракеты, пущенныя изъ Евпаторіи, были началомъ отвѣта. Тотчасъ за ними пошла пальба—и наши стали валиться.

— Подождемъ, Васька, дай имъ выстрѣлить, — пусть сами разбойники мѣсто, укажутъ! говорилъ старикъ артилеристъ племяшу.

Въ одной изъ непріятельскихъ амбразуръ мелькнулъ огонекъ...

— Вонъ, дядюшка! сказалъ Василій, показывая пальцемъ.

Старикъ хотѣлъ нацѣлить, но тутъ Васька невольно шарахнулся всторону—что-то словно живое рявкнуло мимо пахнувъ вѣтромъ, и тяжело шлепнулось въ нѣсколькихъ шагахъ позади... Пока онъ глядѣлъ на столбъ земляной пыли, поднявшійся въ мѣстѣ паденія ядра, болѣзненный старческій стонъ рѣзнулъ его ухо... Онъ обернулся, кинулся къ дядѣ. Старикъ лежалъ въ канавкѣ, кровь лила ручьями изъ оторванной ноги.

— Цѣль туда, Васька, сказалъ солдатикъ и держась лѣвой рукой за лафетъ направилъ пушку—грянулъ выстрѣлъ.

— Славно Васюкъ, молодца! сказалъ служака и перекрестившись, снова упалъ на землю.

Но онъ не видалъ, что дальше сотворилъ его нацѣлъ.

Земля задрожала и заходила, послышался страшный оглушительный трескъ, громъ, показалось громадное пламя—и вдругъ двѣ мельницы махая крыльями взлетѣли на воздухъ... остановились... пошатались... и—ломаясь въ тысячи кусковъ полетѣли на осажденный городъ.

А небо пылало заревомъ горѣвшихъ зданій.

Граната, пущенная служакой и племяшемъ, пробивъ двери пороховаго склада, взорвала его.

Проѣзжая по фронту я видѣлъ, какъ ядро отнесло обѣ ступни солдатику ярославцу, разговоръ котораго я слышалъ еще ночью. Товарищи положили его на носилки и понесли

на перевязочный пунктъ. Онъ страшно ругался и богохульствовалъ.

— Перестань, Сережка, полно, Богъ хуже накажетъ! говорилъ тотъ-же солдатъ, который унималъ его ночью.

Между тѣмъ стало немного свѣтлѣе—и изъ лѣвыхъ воротъ Евпаторіи выѣхала турецкая конница, чтобы сдѣлать на насъ аттаку. Мы открыли по ней страшный огонь картечью, такъ что они должны были ретироваться, но не на долго. Чтобы остановить нашъ огонь, они изъ города вытащили всѣхъ женщинъ, дѣвушекъ, грудныхъ дѣтей и поставили ихъ противъ себя, какъ самую вѣрную оборону.

Нашему полку было приказано сдѣлать на нихъ аттаку, но мы должны были воротиться, потому-что съ кораблей, стоявшихъ у берега, осыпали насъ градомъ ядръ и картечи.

Къ нашему отряду были прикомандированы албанцы, въ числѣ 500 человѣкъ. Это были охотники, пришедшіе изъ мести туркамъ раздѣлить съ нами всѣ трудности войны.

Албанцы — народъ очень красивый; одежда ихъ состоитъ изъ очень широкой бѣлой юбки, доходящей до колѣнъ, изъ коленкоровой кофты *) и сверху изъ куртки краснаго, синяго и другихъ цвѣтовъ бархата и сукна, разшитыхъ золотомъ. На головѣ у нихъ красныя фески съ чернымъ крестомъ, а на ногахъ цвѣтныя онучи, доходящіе до колѣнъ, и постолы, т. е. башмаки изъ куска сыромятной кожи, привязанные къ ногамъ длинными ремнями. Костюмъ этотъ сильно напоминаетъ римскихъ воиновъ. Вооруженіе ихъ—за поясомъ кинжалъ и пистолеты, сбоку кривая турецкая сабля, за плечами-же ружья, которыя у нихъ считаются священными и переходятъ изъ рода въ родъ.

Долго продолжалось бомбардированіе, много было побито у насъ, но наконецъ былъ отданъ приказъ о штурмѣ.

Пѣхота двинулась, впереди албанцы. Съ барабаннымъ боемъ, съ музыкой и пѣснями шла вся эта масса почти на вѣрную смерть.

Какъ только турки услышали, что на нихъ идутъ ихъ страшные враги альбанцы, такъ почти всѣ побросали оружіе и бросились къ понтоннымъ мостамъ, чтобы спастись бѣгствомъ. Для ихъ дѣла это было лучшее, что они могли сдѣлать, потому-что ихъ мѣста заняли французскіе стрѣлки и, владѣя хорошо оружіемъ, перестрѣляли всѣхъ албанцевъ, которые съ остервененіемъ бросились на валы.

Пошла страшная битва, крикъ, гамъ, стоны умирающихъ или раненыхъ, пальба, громогласные возгласы,—но мы все-таки должны были отступить, потерявъ страшное количество убитыхъ и раненыхъ. Трогательно было видѣть, какъ храбрые албанцы, которыхъ осталось менѣе десятой части, подъ градомъ пуль и картечи отправлялись къ укрѣпленіямъ во рвы, чтобы собирать завѣтныя ружья своихъ убитыхъ товарищей, и пренебрегали жизнію, только чтобы не оставить свою святыню на поруганіе врагамъ.

Между тѣмъ уже начинало темнѣть—и намъ былъ отданъ приказъ къ отступленію. Проходя около мѣста, гдѣ стояла пѣхота, я увидѣлъ солдатика, на колѣняхъ опершагося на ружье,—я окликнулъ его, онъ не отвѣчалъ; я подъѣхалъ къ нему и увидѣлъ, что небольшая конгревская ракета своимъ хвостомъ попала ему въ спину и пронизавъ пригвоздила его къ землѣ.

Мы отступили и стали лагеремъ въ долинѣ; недалеко отъ насъ былъ главный перевязочный пунктъ, помѣщавшійся въ землянкахъ, въ которыхъ стояла зимой пѣхота.

*) На востокѣ вмѣсто рубахъ носятъ кофты.

Палатка моя была готова, я взошелъ въ нее и началъ раздѣваться, какъ вдругъ явился Сабуровъ.

— Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ! проговорилъ онъ со слезами на глазахъ, обнимая и цѣлуя меня. — Не знаю почему, Павелъ Егоровичъ, а не думалъ я васъ больше увидѣть; разъ пять въ гошпиталь бѣгалъ справляться—не ранены ли вы.

— Чуть было не убили, Сабуровъ,—надъ самой головой пролетѣла.

Онъ отвернулся, перекрестился и какъ-то торжественно взглянулъ на меня.

— А бѣдный Новиковъ - то сильно раненъ; я видѣлъ, какъ его въ гошпиталь привезли, поручика Жукова тоже. Надо бы къ нимъ сходить.

Новиковъ былъ старый вахтмистръ, человѣкъ бывалый и любимецъ всего дивизіона.

— Да я самъ къ нимъ схожу, приготовь мнѣ что-нибудь поѣсть, да вынь чай и сахаръ—надо навѣстить бѣдныхъ товарищей, сказалъ я, выходя изъ палатки.

Темна и непривѣтлива сошла ночь на землю. Не было на небѣ ни звѣздъ, ни мѣсяца, словно не хотѣлось имъ выходить въ такую ночь на обыкновенный дозоръ. Закутанный тьмою, угрюмо стоялъ еще обнаженный лѣсъ, простирая свои сухія и искривленныя вѣтви, какъ бы плача надъ падшими на полѣ битвы. Вотъ какой-то глухой шумъ потянулся и замеръ въ воздухѣ—и снова все смолкло, предутренній сонъ какъ будто одолѣлъ природу. Гуще и темнѣе сошелъ предразсвѣтный мракъ, а эта темнота и затишье тяжелѣе всего ложились на душу.

Я взошелъ въ землянку, тутъ видъ былъ еще тяжелѣе. Длинная низкая землянка была едва освѣщена двумя тремя масляными лампами, пахло сыростью и копотью, и какой-то паръ стоялъ во всемъ пространствѣ. Слышались легкіе стоны, стенанія,—и лишь нѣсколько сестеръ милосердія, эти святыя души, обрекшія себя на физическія и моральныя страданія, ходили между ранеными. Дежурные фельдшера сладко дремали, и вѣрно грезились имъ картины болѣе счастливыя, болѣе пріятныя, имъ вѣроятно снилась ихъ родина, ихъ близкіе можетъ быть родные или какія-нибудь оставленныя ими на родинѣ невѣсты или зазнобушки.

Какъ ни было жалко, а надо было разбудить одного изъ нихъ, чтобы спросить, гдѣ лежатъ мои больные.

— Поручикъ Жуковъ, ваше высокоблагородіе, говорилъ заспанный фельдшеръ,—лежитъ подъ номеромъ 48-мъ по лѣвой сторонѣ противъ лампы, а Новиковъ въ углу направо.

Я пошелъ къ нимъ, Жуковъ былъ безъ памяти, я оставилъ ему чай и сталъ отыскивать Новикова. Проходя осторожно между раненными, я увидѣлъ въ углу его знакомую фигуру. При слабомъ мерцаніи лампъ, я замѣтилъ, какъ поднялась эта могильная фигура, положила на себя три креста и безъ стону безъ крику рухнулась на свое соломенное ложе. Я подошелъ къ нему—Новиковъ былъ уже мертвъ. Какъ въ жизни онъ былъ героемъ, такъ и умеръ геройски. Миръ праху твоему, славный служака! Закрывъ ему глаза, я вышелъ изъ землянки.

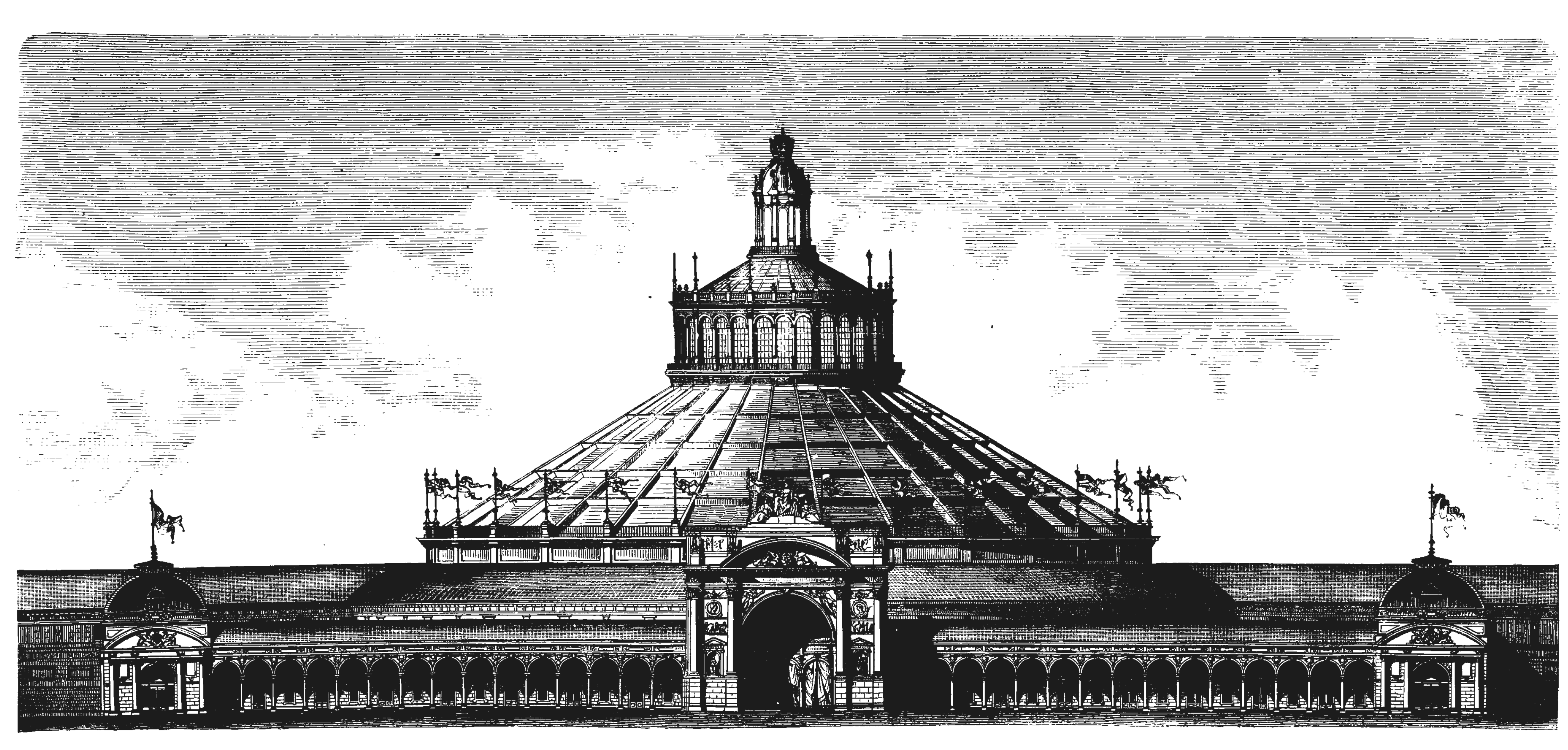
Темное предутреннее небо побѣлѣло, розовая зорька только что заиграла на востокѣ; ея алый свѣтъ, предвѣстникъ восхода, показался мнѣ предвѣстникомъ будущей жизни, а освѣщенное мѣсто—вратами дня, которыя открылись для принятія душъ воиновъ, умершихъ геройски за *Вѣру*, *Царя* и *Отечество*.

Вѣнская выставка.

Въ № 11 «Нивы» мы помѣстили подробное описаніе Вѣнской всемірной выставки; нынѣ, съ открытіемъ ея, послѣдовавшимъ 19 апрѣля, намъ остается сказать нѣсколько словъ о главномъ чудѣ выставки, осуществленію котораго почти никто не хотѣлъ вѣрить: это главная ротонда, поддерживаемая чугунными колоннами. Сначала сомнѣвались въ самой возможности выстроить такое громадное зданіе; затѣмъ не вѣрили, чтобы верхній вѣнецъ съ колоннами могъ быть поднятъ на такую высоту; наконецъ, общее недовѣріе возбуждала крыша изъ балокъ, идущихъ радіусами отъ вѣнца. Когда все это было покончено, предсказывали, что зданіе непремѣнно рушится. Однако до сихъ поръ ротонда стоитъ непоколебимо. Гигантскій потолокъ ея, высокій какъ куполъ большаго собора, оклеенъ замѣчательными обоями, которые издали кажутся фресками; въ окнахъ надъ порталами вставлены стекла съ живописью. Ничего нельзя представить себѣ эффектнѣе великолѣпнаго купола ротонды, гигантская императорская корона которой, увѣнчивающая его, сверкаетъ на солнцѣ, рельефно выдѣляясь на фонѣ яснаго голубаго неба. Центральный порталъ украшенъ, какъ и всѣ остальные, алегорическими фигурами. Надъ дверью красуется австрійскій гербъ съ девизомъ: «Viribus unitis». Величина громаднѣйшаго въ Европѣ купола церкви св. Петра въ Римѣ составляетъ 66 аршина, куполъ же ротонды имѣетъ 146 аршинъ въ діаметрѣ. Ротонда утверждена на 50 чугунныхъ столбахъ, возвышающихся по сторонамъ ея въ видѣ изящныхъ колоннъ въ 24 аршина вышины. На вершинѣ ихъ построена галерея, съ которой можно любоваться публикой, гуляющей въ саду. Отъ верхней галереи прямая лѣстница ведетъ на наружную площадку, завершающую куполъ, съ которой открывается прекрасная панорама Вѣны и ея окрестностей. Подъ ногами зрителя изящно группируются городскія зданія, надъ которыми высится башня собора св. Стефана, превосходящая вышиною башни всѣхъ прочихъ церквей; на горизонтѣ разстилаются дачи, окаймленныя густою зеленью Каленскихъ холмовъ, за которыми синѣютъ вдали очертанія Карпатскихъ горъ. Ближе къ зданію течетъ Дунай, съ берегами, усѣянными роскошными виллами, съ великолѣпными парками. Величественное впечатлѣніе главнаго портала ротонды съ его статуями и примыкающими къ нему съ обѣихъ сторонъ аркадами—еще болѣе выигрываетъ отъ обширной площадки передъ ротондою, на которую поднимаются по каменной лѣсницѣ съ двумя бронзовыми львами. Площадка эта постоянно кишитъ публикой, которая любуется отсюда раскинутыми передъ ротондой цвѣтниками съ богатыми фонтанами. Три входа въ тріумфальную арку главнаго портала, надъ которой поставлены статуи Австріи и Венгріи, задрапированы красными бархатными портьерами. Этимъ порталомъ входятъ въ большой вестибюль ротонды, украшенный въ аркѣ портала картиною на стеклѣ, исполненною Гайлингомъ по наброску профессора Лауфенберга. Краски ея ослѣпительны: въ срединѣ, на тронѣ, Австрія въ императорской коронѣ, пурпурной мантіи и золотомъ нарядѣ, подъ балдахиномъ, украшенномъ цвѣточными гирляндами и обставленномъ съ обѣихъ сторонъ плодоносными деревьями. На ступеняхъ трона преклоняютъ колѣна пажи съ гербами Габсбургскимъ и Австрійскимъ; справа и слѣва отъ нихъ помѣщены, съ одной стороны: природа, окруженная избыткомъ своихъ произведеній, съ другой—наука съ геніемъ несущимъ свѣточъ.

Открытіе выставки послѣдовало 19 апрѣля, при довольно неблагопріятной, сумрачной погодѣ.

Въ двѣнадцать часовъ вошелъ императоръ, предшествуемый министромъ торговли и церемоніймейстеромъ, изъ дворцоваго павильона въ саду выставки, черезъ южный



Главная ротонда Вѣнской выставки.

порталъ. Помѣщенный внутри ротонды хоръ придворной капеллы, въ соединеніи съ хорами различныхъ музыкальныхъ обществъ, заигралъ народный гимнъ. Императоръ велъ крон-принцессу Викторію, на которой было надѣто голубое платье; за нимъ слѣдовали крон-принцъ Германской имперіи съ императрицей Елизаветой, которая была въ лиловомъ платьѣ и держала въ рукѣ великолѣпный букетъ, поднесенный директоромъ выставки, барономъ Шварцемъ. Рядомъ шли принцы императорскаго дома, кронпринцъ Рудольфъ и принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Когда высокопоставленныя лица заняли свои мѣста на эстрадѣ — дамы сидя, а мужчины стоя—пѣніе замолкло и воцарилась минута глубокой, своеобразной тишины, исполненной ожиданія. Всѣ взоры устремлены были на эстраду, всѣ головы обнажены. По срединѣ стоялъ императоръ, по правую его руку сидѣла крон-принцесса, по лѣвую—императрица; рядомъ съ ней стоялъ крон-принцъ Германской имперіи въ бѣломъ мундирѣ, а рядомъ съ принцессой Викторіей стоялъ принцъ Уэльскій въ красномъ мундирѣ. Передъ ступеньками эстрады стояли эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, братъ императора и протекторъ выставки, и Райнеръ, ея президентъ. Эрцъ-герцогъ-протекторъ первый произнесъ рѣчь, на которую отвѣчалъ императоръ. Трубные звуки, къ которымъ примѣшалось громкое «ура», покрыли слова императора. Затѣмъ послѣдовали рѣчи министра-президента и бургомистра. Праздничный гимнъ Генделя, къ которому Жозефъ Вейленъ присочинилъ нѣсколько новыхъ строфъ, заключилъ торжество. Оно продолжалось около получаса, послѣ чего императоръ съ своими гостями и съ своей свитой оставилъ ротонду.

Общій ансамбль вѣнской всемірной выставки великолѣпнѣе, нежели парижской выставки 1867 года; это зависитъ отъ того, что всѣ постройки первой помѣщены весьма просторно, не скучены на тѣсномъ пространствѣ и разбиты въ паркѣ, дающемъ тѣнь и прохладу. Главныя зданія выставки даже вблизи кажутся выстроенными изъ огромныхѣ камней сѣраго гранита; между тѣмъ всѣ они деревянныя и только выштукатурены и окрашены чрезвычайно искусно подъ камень. Внутри зданія для каждой страны отведено мѣсто, соотвѣтственно ея географическому положенію. Такъ, напримѣръ, для странъ Востока ототведена восточная часть зданія, западныхъ — западная, южныхъ — южная и т. д.

Австрія занимаетъ болѣе всѣхъ мѣста. Почти четвертая часть внутренняго помѣщенія отведена подъ ея продукты. За нею слѣдуетъ Германія, которой отвели лучшее мѣсто въ зданіи, а именно галереи, окружающія непосредственно ротонду. Франція и Англія занимаютъ пространство сообразное количеству выставленныхъ имъ произведеній.

Вотъ перечень мѣстъ и пространствъ, отведенныхъ для различныхъ націй:

Австрія .	29,827	кв. арш.
Германія .	13,616	» »
Франція .	12,888	» »
Англія .	12,866	» »
Россія .	6,805	» »
Венгрія .	6,003	» »
Италія .	6,003	» »
Турція .	5,951	» »
Белгія .	5,279	» »
Соединенные Штаты .	2,727	» »
Китай, Сіамъ, Янонія	2,727	» »
Швейцарія '.	2,272	» »
Южная Америка	2,201	» »
Египетъ и центр. Африка . . .	2,027	» »
Голландія	1,778	» »
Греція	1,752	» »
Швеція и Норвегія	1,747	» »
Румынія	1,328	» »
Испанія	1,223	» »
Португалія	1,048	» »
Персія и цент. Азія	698	» »
Тунисъ	524	» »
Марокко	174	» »

Каждый отдѣлъ украшенъ флагами и эмблемами своей

національности; кромѣ того, на концѣ каждой поперечной галлереи снаружи помѣщенъ гербъ и имя государства, занимающаго галлерею. Надписи эти сдѣланы на языкѣ каждаго государства.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ нашей газетѣ недавно сообщены были свѣдѣнія о составѣ туркестанскихъ экспедиціонныхъ войскъ, направленныхъ противъ Хивы, и о началѣ выступленія изъ Оренбурга тѣхъ частей, которыя назначены были въ составъ Оренбургскаго отряда. Дополняемъ, со словъ Русск. „Инвал.“, эти свѣдѣнія нѣкоторыми подробностями о снаряженіи войскъ Туркестанскаго отряда, и распредѣленіи ихъ дальнѣйшаго движенія.

Всѣ части войскъ, направленныя, между 1 и 7 марта, изъ Ташкента, Ходжента и Ура-Тюбе сосредоточены были, 13 числа того же мѣсяца, на р. Клы, близъ Джизака, и въ этотъ же день началось выступленіе джизакской колонны черырьмя эшелонами (каждый день по эшелону) къ Буканскимъ горамъ, чрезъ уроч. Тамды.

Казалинская колонна, въ составъ которой назначены были части войскъ изъ Казалинска и Перовска, выступила изъ этихъ пунктовъ между 10 и 14 марта, на уроч. Иркибай, откуда должна была слѣдовать на встрѣчу джизакской колоннѣ въ Буканскимъ же горамъ.

По соединеніи обѣихъ названныхъ колоннъ въ одинъ общій туркестанскій отрядъ, войска предполагали двинуться отъ Буканскихъ горъ, чрезъ Минъ-булакъ, прямо къ Аму-дарьѣ.

На путяхъ сообщенія колоннъ, въ устроенныхъ опорныхъ пунктахъ, на Иркибаѣ и Тамды, должны были быть оставлены гарнизоны; въ первомъ—одна рота пѣхоты и одна сотня казаковъ при двухъ $^1/_4$ пудовыхъ единорогахъ, а во второмъ—одна роты пѣхоты и полсотни казаковъ съ двумя облегченными пушками.

Собственно для наступательныхъ дѣйствій противъ хивинскаго ханства со стороны туркестанскаго военнаго округа назначено: 18 ротъ пѣхоты, саперная рота, 14 полевыхъ, 4 горныхъ орудія и 2 картечницы, $5^1/_2$ сотенъ и ракетная батарея; кромѣ того, на случай осады или для бомбардированія хивинскихъ укрѣпленій и городовъ, взято четыре полупудовыя мортиры. Общая численность дѣйствующаго туркестанскаго отряда простирается до 4,700 человѣкъ и 1,400 лошадей.

Воска названнаго отряда снаряжены тройнымъ комплектомъ патроновъ на каждое ружье и такимъ же комплектомъ боевыхъ зарядовъ на орудіе; изъ этого количества боевыхъ припасовъ, войска имѣютъ при себѣ по одному комплекту, а два остальные везутся во вьючномъ транспортѣ артиллерійскаго парка. Въ инженерномъ же паркѣ, кромѣ полагающихся въ немъ предметовъ, взято четыре желѣзныхъ парома, изъ двухъ складныхъ лодокъ каждый.

Медицинская часть туркестанскаго отряда организована слѣдующимъ образомъ; при дѣйствующихъ войскахъ учрежденъ военно-походный лазаретъ на 270 мѣстъ, а въ опорныхъ пунктахъ на Иркибаѣ и Тамдахъ—временные лазареты на 15 мѣстъ въ каждомъ; всѣ эти лазареты снабжены въ достаточномъ количествѣ необходимыми госпитальными вещами, медикаментами и хирургическими инструментами.

Сверхъ того, благодаря Всемилостивѣйшему соизволенію Государыни Императрицы, Августѣйшей покровительницы Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, туркестанскія войска снабжены, на средства этого Общества, особымъ значительнымъ запасомъ медицинскихъ и гигеническихъ принадлежностей, съ которыми и отправились доктора Гриммъ и Преображенскій.

Съ своей стороны и туркестанскій отдѣлъ „Общества“ выдѣлилъ для отряда часть своихъ средствъ, въ размѣрѣ 1,500 руб., на учрежденіе военно-походнаго лазарета на 20 человѣкъ. Всѣми этими мѣрами и пожертвованіями медицинская часть экспедиціоннаго туркестанскаго отряда можетъ считаться вполнѣ обезпеченною.

Для сохраненія здоровья и поддержанія силъ людей въ далекомъ степномъ походѣ, туркестанскія войска снабжены: чаемъ и сахаромъ, въ размѣрѣ перваго—по одному, а сахару по 3 фунта на 100 чел. въ день; кибитками (казалинская колонна,—такъ какъ по географическому положенію и климатическимъ условіямъ мѣстности, по которой ей приходилось идти первое время похода, войска могли подвергаться сильнымъ стужѣ и буранамъ) и переносными палатками, а для подстилки и укрытія во время сна на ночлегахъ — кошмами. На случай обезпеченія войскъ водою,—во время переходовъ по безводнымъ пространствамъ или гдѣ вода можетъ оказаться негодною или въ недостаточномъ количествѣ,—каждая часть взяла съ собою необходимое число турсуковъ, баклагъ и боченокъ для наполненія ихъ водою въ тѣхъ пунктахъ, отъ которыхъ предвидится, по маршруту или по разспросамъ, безводный переходъ.

Въ инструкціи, которою снабжены всѣ начальники частей и эшелоновъ туркестанскаго отряда, изложены весьма обстоятельно и подробно практическія указанія для степнаго похода относительно сбереженія силъ и здоровья людей, какъ во время движенія, такъ и на ночлегахъ; о сохраненіи порядка и правильности въ движеніяхъ эшелоновъ и вьючнаго обоза и о наблюденіи за цѣлостью послѣдняго; о порядкѣ выступленія и прихода на ночлеги, а также о расположеніи на нихъ, и, наконецъ, нѣкоторыя замѣчанія относительно способа дѣйствій противъ непріятеля. Подобныя инструкціи принесутъ несомнѣнную пользу, такъ какъ онѣ знакомятъ не только начальниковъ частей, но и прочихъ офицеровъ съ требованіями и условіями степной экспедиціи—и тѣмъ, конечно, значительно облегчаютъ войскамъ тягость похода, регулируя такъ-сказать степень напряженія ихъ силъ и давая имъ соразмѣрное назначеніе.

Продовольствіе отряда везется непосредственно за войсками, въ количествѣ $2^1/_2$ мѣсячнаго запаса, и сверхъ того, на опорныхъ пунктахъ въ Тамдахъ и Иркибаѣ заготовлено еще мѣсячное довольствіе. Гарнизоны же этихъ пунковъ снабжены продовольственными запасами на четыре мѣсяца.

Для поднятія всѣхъ тяжестей туркестанскихъ экспедиціонныхъ войскъ потребовалось громадное количество верблюдовъ, примѣрно до 8,800, нанятыхъ у киргизъ Сыръ-дарьинской области за помѣсячную плату. Число этихъ вьючныхъ животныхъ достигло такой крупной цифры преимущественно потому, что нанятые верблюды оказались весьма слабосильными отъ зимней безкормицы и не могутъ поднимать болѣе 12 пудовъ, тогда какъ средняя тяжесть клади для хорошаго верблюда считается отъ 16 до 18 пудовъ.

Одновременно съ дѣйствіями нашихъ отрядовъ въ хивинскомъ ханствѣ, въ устья Амударьи войдутъ два парохода аральской флотиліи „Перовскій“ и „Самаркандъ“ съ двумя морскими баржами и приступятъ къ подробнымъ изслѣдованіямъ входовъ въ аму-дарьинскую

дельту. На этихъ же судахъ отправлены и два топографа, для производства, въ случаѣ возможности, топографическихъ работъ въ низовьяхъ Аму-дарьи.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ" напечатаны слѣдующія извѣстія о хивинскомъ походѣ: Движеніе оренбургскаго экспедиціоннаго отряда продолжаетъ встрѣчать большія затрудненія отъ глубокихъ снѣговъ и трудности добыванія подножнаго корма для верблюдовъ. Послѣднія извѣстія отъ генералъ-лейтенанта Веревкина сообщаютъ, что авангардъ отряда, выступившій, какъ извѣстно, изъ Эмбенскаго поста 26-го марта, къ 4-му апрѣля прибылъ на уроч. Чушка-куль, а главныя силы, двинувшіяся изъ поста четырьмя днями позже авангарда, достигли одновременно уроч. Намазъ-тау, лежащаго верстахъ въ 40 ближе Чушка-куля. Такъ какъ отъ Эмбенскаго поста до Намазъ-тау считается 106 верстъ и главныя силы отряда прошли это разстояніе въ пять дней, то выходитъ, что войска дѣлали переходы, среднимъ числомъ, въ 20 верстъ. Несмотря на трудности пути, состояніе здоровья людей въ оренбургскомъ отрядѣ удовлетворительно. Оренбургскій экспедиціонный отрядъ изъ Намазъ-тау выступилъ, 11-го числа, на Усть-Уртъ, близъ уроч. Арысъ. Мѣстность эта, не обозначенная на картахъ сто-верстнаго масштаба, представляетъ оврагъ, находящійся на сѣверномъ Чинкѣ усть-уртскаго плато, и лежитъ около 100 верстъ къ югу отъ Намазъ-тау. Можно полагать, что затрудненія, которыя пришлось преодолѣть оренбургскимъ войскамъ при движеніи отъ Эмбенскаго поста, вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, теперь миновали, такъ какъ генералъ Веревкинъ сообщаетъ, что ввѣренный ему отрядъ слѣдуетъ благополучно и здоровье людей удовлетворительно.

Красноводскій отрядъ, послѣдній эшелонъ котораго выступилъ, какъ извѣстно, 26 марта изъ Чикишляра, находился 8 апрѣля у колодца Айдинъ, отстоящаго отъ Чикишляра въ разстояніи 236 верстъ и лежащаго невдалекѣ отъ стараго русла Аму-Дарьи, по которому отрядъ должлнъ слѣдовать до колодца Игды. Движеніе это совершено красноводскимъ отрядомъ вполнѣ благополучно. Полученное „Рус. Инвал." телеграфическое извѣстіе изъ Тифлиса сообщаетъ, на основаніи донесенія ,полковника Маркозова, что ввѣренный ему красноводскій отрядъ прибылъ къ 17 апрѣля на кол. Игды, причемъ кавалерія наша настигла туркменскій аулъ Атабаевъ, завязавшій съ нею перестрѣлку. Въ происшедшей затѣмъ схваткѣ раненъ у насъ одинъ казачій офицеръ шашкою, а непріятель, потерявъ 22 человѣка убитыми, вынужденъ былъ сдаться. У туркменъ отбито было при этомъ до 1000 свѣжихъ верблюдовъ и много разнаго скота. Изъ Игды отрядъ долженъ былъ двинуться на колодцы Ортакуи и Дудуръ къ Измыхширу, и полковникъ Маркозовъ разсчитывалъ быть здѣсь 1 мая. Отъ Игды до Измыхшира будетъ, примѣрно, около 300 верстъ, а отъ послѣдняго до Хивы— верстъ 60.

По извѣстіямъ той же газеты изъ Казалинскаго отряда, погода въ первые дни движенія отъ Сыръ-Дарьи къ Иркибаю была холодная; морозъ доходилъ до 7° съ сѣвернымъ вѣтромъ, и безъ снѣга; только съ 24 марта сдѣлалось теплѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ночлега войска находили колодцы заваленными, такъ что солдаты съ трудомъ очищали ихъ. Въ Иркибаѣ отрядъ остановился на нѣсколько дней, чтобы построить временное укрѣпленіе, для обезпеченія пути сообщенія. Выборъ мѣста для этого укрѣпленія и распоряженіе самою постройкою были поручены Его Высочеству Великому Князю Николаю Константиновичу. Работы по возведенію укрѣпленія были произведены 8-ымъ линейнымъ батальономъ. Въ трое сутокъ фортъ былъ готовъ, вооруженъ нѣсколькими орудіями, а 25 марта въ него введенъ гарнизонъ и поднятъ флагъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, казалинскій отрядъ, пройдя въ четыре недѣли 500 верстъ, долженъ былъ соединиться, 12-го апрѣля, съ джизакскимъ отрядомъ, у Буканскихъ горъ. Авангардомъ казалинскаго отряда командуетъ Его Величество Великій Князь Николай Константиновичъ.

10 апрѣля отправились изъ Дагестана послѣднія команды, назначенныя въ мангышлакскій отрядъ для хивинскаго похода. Въ „Московъ. Вѣдом." г. Костемеровскій передаетъ слѣдующія извѣстія, полученныя изъ лагеря близъ залива Киндерли, отъ 7 апрѣля и даже позже.

По этимъ свѣдѣніямъ, около 26 марта, прибылъ въ Киндерлійскій заливъ изъ Петровскаго порта съ частями, имѣющими войти въ составъ мангышлакскаго отряда, маіоръ Навроцкій, назначенный начальникомъ операціонной линіи и всѣхъ вагенбурговъ ея. Вскорѣ за нимъ въ заливъ прибылъ моремъ изъ Александровскаго форта начальникъ магынскаго отряда, полковникъ Ламакинъ. При этомъ, кромѣ частей отряда, доставлено много предметовъ продовольствія, палатки и кибитки. Произведена была высадка на пустынный глинисто-песчаный берегъ людей, животныхъ и выгрузка необходимыхъ предметовъ. Затѣмъ избрана позиція, наиболѣе соотвѣтствующая потребностямъ и военно-сухопутнымъ и морскимъ и при томъ представлявшая возможность устройства колодцевъ.

По русскому обычаю, назначенныя команды, помолясь Богу, немедленно приступили къ спѣшнымъ работамъ по рытью колодцевъ и разбивкѣ лагеря. Работы шли безостановочно. Вскорѣ въ степи и по прибрежью появились въ лагерномъ порядкѣ группы черныхъ войлочныхъ кибитокъ и парусинныхъ бѣлыхъ палатокъ, и пустыня оживилась видомъ новорождающагося военнаго городка. Въ колодцахъ также скоро докопались до воды; вода оказалась въ нихъ или солоноватая, или съ запахомъ гнилыхъ яицъ. Пробы ничего не обнаружили вреднаго въ водѣ; животныя пили ее охотно. Вскипяченная вода теряла свой затхлый запахъ и становилась совершенно годною для пищи и для чаю. Затѣмъ при лагерѣ отведено было удобное мѣсто собственно для устройства постояннаго вагенбурга, въ которомъ бы помѣщались всѣ склады отряда, доставляемые сюда моремъ; склады эти и начали немедленно выгружать съ судовъ и доставлять въ сказанное мѣсто.

Въ продолженіе первыхъ десяти дней апрѣля прибыли въ киндерлійскій лагерь сухимъ путемъ изъ Александровскаго форта, подъ прикрытіемъ пѣхотнаго и коннаго конвоя, верблюды и конныя повозки, а также табунъ верблюдовъ изъ сосѣднихъ туркестанскихъ кочевьевъ. Затѣмъ изъ Красноводска доставлены сюда на паровыхъ шкунахъ части, назначенныя въ составъ мангышлакскаго отряда. Отрядъ такимъ образомъ собрался окончательно, и тутъ онъ былъ посѣщенъ помощникомъ начальника штаба кавказскаго военнаго округа, полковникомъ Золотаревымъ, и начальникомъ штаба войскъ Дагестанской области, полковникомъ Шкуринскимъ, причемъ сдѣланы были окончательны распоряженія, касающіяся предстоящаго далекаго похода.

Рѣшено по пути слѣдованія устроить, кромѣ киндерлійскаго, еще три вагенбурга, примѣрно верстахъ въ 150 другъ отъ друга, которые служили бы этапами для передвигающихся эшелоновъ отряда и для другихъ потребностей. Этимъ непрерывное сообщеніе между Хивинскимъ оазисомъ и Каспіемъ будетъ надежно обезпечено.

На пути слѣдованія мангышлакскаго отряда встрѣ-

чается достаточно колодцевъ и притомъ съ хорошею водою; есть и безводицы—напримѣръ, между Канды и Сумса. Туркменскіе караваны проходятъ отъ залива Киндерли въ предѣлы Хивы въ 26 дней. Надо надѣяться, что отрядъ пройдетъ этотъ путь во столько же дней; препятствій не предвидится. Обозъ, по мѣрѣ движенія отряда впередъ, полагаютъ распредѣлять по вагенбургамъ, между которыми отрядныя тягости и будутъ подвигаться подъ особыми прикрытіями. Одинъ транспортъ съ первымъ эшелономъ отряда въ первыхъ числахъ апрѣля уже выдвинутъ въ Бишъ акты, гдѣ и устроится второй вагенбургъ и этапъ отряда.

Для передвиженія тяжестей отряда уже имѣются въ рукахъ 12 сотенъ верблюдовъ, частію нанятыхъ по 10 руб. въ мѣсяцъ, частію добытыхъ казаками съ бою у кафаровой орды, бѣжавшей въ Хиву; затѣмъ еще ожидается пригонъ верблюдовъ. Кромѣ того, при отрядѣ имѣется 100 вьючныхъ лошадей и 50 конныхъ повозокъ. Но такъ какъ процедура навьючиванія и развьючиванія верблюдовъ и пастьба ихъ въ степи очень хлопотливы и утомительны для солдатъ, то смѣется въ виду усилить комплектъ конныхъ повозокъ до 200 или болѣе. По нашему мнѣнію, эта мѣра, помимо ближайшей своей цѣли, имѣетъ еще другую важность: она повела бы къ устройству непрерывнаго колеснаго сообщенія между хивинскимъ оазисомъ и Каспійскимъ моремъ черезъ великолѣпный Киндерлійскій заливъ.

Для отряда, именно для нижнихъ чиновъ его, закуплено въ Шурѣ 550 фунтовъ чаю и сообразное количество сахару, 10 пудовъ чесноку, пять пудовъ перцу и пр., общество покровительства раненымъ и больнымъ воинамъ тоже прислало чаю, сахару, нѣсколько денегъ для больныхъ и раненыхъ и кресла для перевозки раненыхъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ Эмбенскій постъ лазутчиками, въ Хивинскомъ ханствѣ производится дѣятельный сборъ людей, причемъ каждаго снабжаютъ лошадью и вооруженіемъ, состоящимъ изъ сабли и ружья. Сборнымъ пунктомъ этого передоваго хивинскаго скопища, къ сторонѣ Оренбургской степи, будто бы, назначены окрестности Кунграда, откуда оно будетъ направлено къ Джаны-Кала, небольшому укрѣпленьицу, недавно воздвинутому хивинцами на мысѣ Ургу.

Библіографія.

Руководство гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ семинарій и школъ и для примѣненія къ домашнему воспитанію дѣтей. Съ 218 гравированными политипажами въ текстѣ. Составлено по предложенію С.-Петербургскаго Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ инспекторомъ гимнастики при этомъ Совѣтѣ *К. А. Шмидтомъ*. С.-Петербургъ 1873. Цѣна 1 р. 50 к.

Курсъ гимнастики для деревенскихъ и сельскихъ школъ съ необходимыми совѣтами и указаніями для преподавателей. Съ 105 гравированными политипажами въ текстѣ. Составленъ инспекторомъ гимнастики при С.-Петербургскомъ Совѣтѣ Дѣтскихъ пріютовъ *К. А. Шмидтомъ*. С.-Петербургъ. 1873 Цѣна. 75 к.

Раннее развитіе умственныхъ способностей, проявляющееся въ пониманіи вещей обыкновенно недоступныхъ дѣтскому возрасту и быстрыхъ успѣхахъ въ наукахъ, въ ущербъ физическому здоровью, скоро истощаетъ юный организмъ, порождаетъ многія дѣтскія болѣзни и въ концѣ концовъ нерѣдко приводитъ къ тому, что ребенокъ, поражавшій такъ-называемой *геніальностью*, становится ниже всякой посредственности или даже совсѣмъ неспособнымъ къ дальнѣйшимъ учебнымъ занятіямъ. Вотъ почему, въ настоящее время никто уже не сомнѣвается въ необходимости физическаго развитія дѣтей, которое, идя наряду съ умственнымъ, служило-бы противовѣсомъ и поддержкой молодому организму—и въ Германіи, напр., нѣтъ ни одного учебнаго заведенія, въ которомъ гимнастика не занимала бы почетнаго мѣста въ числѣ прочихъ общеобразовательныхъ предметовъ. Цѣль гимнастики: путемъ соотвѣтственныхъ движеній каждаго члена, достичь всесторонняго, правильнаго и равномѣрнаго развитія тѣла, что возможно лишь при систематическомъ преподаваніи. Иностранная литература чрезвычайно богата сочиненіями по этому предмету и различными системами преподаванія гимнастики. У насъ-же, вышепоименованныя изданія составляютъ первую попытку гимнастическаго руководства съ спеціальнымъ назначеніемъ для дѣтей—и попытку весьма успѣшную. Такъ какъ вторая изъ названныхъ книжекъ составляетъ лишь сокращеніе первой въ видахъ удешевленія, то мы и займемся исключительно «Руководствомъ гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ». Упражненія, вошедшія въ составъ руководства, отличаясь легкостью и простотою, въ тоже время представляютъ богатый матеріялъ для развитія силы и ловкости въ дѣтяхъ, путемъ самыхъ естественныхъ тѣлодвиженій. Изложены они чрезвычайно толково и наглядно пояснены въ политипажныхъ рисункахъ. По характеру ихъ, упражненія дѣлятся на три отдѣла: 1) пріуготовительныя упражненія, 2) упражненія со взаимодѣйствіемъ и 3) упражненіе на машинахъ. Пріуготовительными упражненіями называются такія, которыя производятся безъ посторонняго участія и только иногда съ помощью какихъ нибудь снарядовъ, называемыхъ ручными аппаратами, напр. палки, веревки, шары и проч. Упражненія эти играютъ первую роль при обученіи гимнастикѣ, такъ какъ помощію ихъ достигается равномѣрное и всестороннее развитіе тѣла, составляющее залогъ вѣрнаго успѣха дальнѣйшихъ гимнастическихъ упражненій. Развивая и укрѣпляя всѣ части тѣла, они пріучаютъ дѣтей управлять своими движеніями, разсчитывать и соразмѣрять ихъ, словомъ развиваютъ въ дѣтяхъ живость, смѣлость и сообразительность. Таковы упражненія шейныхъ мускуловъ, рукъ, ногъ, туловища, упражненія сидя, въ равновѣсіи, въ ходьбѣ, скаканіи, бѣгѣ и проч. Упражненія со взаимодѣйствіемъ исполняются двумя или тремя учениками вмѣстѣ, причемъ требуется своевременность и точность, почему и къ упражненіямъ этимъ можно приступать лишь тогда, когда ученики усвоятъ себѣ правила простыхъ упражненій. Наконецъ упражненія на машинахъ, для производства которыхъ тѣло отдѣляется отъ земли, поддерживаясь на какомъ нибудь снарядѣ, составляютъ высшую степень гимнастическаго развитія. Сверхъ того, почтенный авторъ присовокупилъ къ своему труду описаніе нѣсколькихъ гимнастическихъ игръ цѣлымъ обществомъ дѣтей, что придаетъ особую занимательность предмету и безъ того не отличающемуся сухостью. Сочиненіе это, будучи разсмотрѣно въ ученомъ комитетѣ, состоящемъ при IV отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, признано «очень полезнымъ пособіемъ для учителей гимнастики». Изданіе не оставляетъ желать ничего лучше и относительно своей внѣшности.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Дозволено цензурою 13 Мая 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С. П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 20 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 21 мая 1873 года.

Годъ IV.

Цѣна этого № въ отдѣльной продажѣ 30 коп.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ПОДПИСЧИКАМЪ „НИВЫ“

Хотя мы и не обѣщали нашимъ читателямъ никакихъ ПРЕМІЙ, тѣмъ не менѣе, надѣясь доставить имъ удовольствіе, мы не пощадили значительныхъ издержекъ (превышающихъ стоимость двухъ нумеровъ „Нивы“) для прилагаемаго къ этому нумеру особаго прибавленія:

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ХИВИНСКАГО ХАНСТВА,

Съ планомъ города Хивы и ситуаціонною картою Средней Азіи.

Имѣя передъ собою эту карту, читатели весьма удобно могутъ слѣдить по ней за ходомъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи.

Любовь царицы.

Историческая повѣсть А. Брахфогеля.

(Продолженіе).

Какъ тихо стало въ этомъ дворцѣ!—точно въ храмѣ, лишенномъ божества. Осиротѣвшая жрица сидитъ на ступеняхъ разграбленнаго алтаря и смотритъ вдаль на сѣверъ, за море, омраченная необузданной ревностью, завидуя праху римскихъ плитъ, попираемыхъ ногою тріумвира.

Но этого мало, что онъ отсутствовалъ. Проходили мѣсяцы, — онъ не подавалъ вѣсти. Ужь не море ли, завидуя ихъ любви, поглощало его пословъ? Въ довершеніе всего молва доносила ей странные слухи. Болѣе чѣмъ странные — ужасные, жизнь отравляющіе, міръ возмущающіе слухи. Насколько было въ нихъ правды?

Антоній, къ изумленію всего народа и величайшему неудовольствію Октавіана, явился въ Римъ. Общая злоба на него была въ самомъ разгарѣ. Нѣкогда необозримая толпа его друзей и приверженцевъ таяла съ каждымъ днемъ. Жалкая кучка оставшихся ему вѣрными встрѣтила его ворчливыми упреками. Давно пора было ему пріѣхать. Промедли онъ еще мѣсяцъ — и дѣло его могло быть спасено развѣ силой оружія. Ему надо было бы вести Римъ на Римъ, какъ нѣкогда Цезарю. Теперь же всѣ нареканія сводились къ одному имени—Клеопатры. Онъ отправился на Востокъ съ тѣмъ чтобы подчинить ее и обратить Египетъ въ Римскую провинцію. Вмѣсто того, онъ лобзалъ полы одеждъ ея—и ради ея потерялъ Азію. Пока онъ не показывался въ Римъ, думали, что не найдется мѣры наказанія за подобную слабость. Нынѣ, когда онъ снова явился среди нихъ во всемъ своемъ обаяніи, давно уже покорившемъ ему сердца всѣхъ,—они только изыскивали предлогъ для его оправданія и радовались возможности проклинать Клеопатру какъ единственную виновницу.

Что касалось Октавіана—присутствіе Антонія въ Римѣ разрушало самые сокровенные его планы. Чего бы онъ не далъ, чтобы вырвать его изъ сердецъ народа! Одинъ торжественный выходъ Антонія, одна рѣчь къ черни въ Капитоліѣ—и прошлаго какъ не бывало. Умный и ловкій, недаромъ же онъ былъ сыномъ сестры Цезаря, Октавіанъ тотчасъ сталъ во главѣ общаго настроенія. Все что мало по малу создавалъ онъ въ видахъ будущаго—теперь было имъ покинуто. Онъ порѣшилъ точно такъ же ничего не щадить для сближенія съ своимъ совластителемъ, безъ котораго никакъ не могъ обойдтись, — какъ прежде старался погубить его въ глазахъ отечества. До сихъ поръ онъ съ тайнымъ злорадствомъ смотрѣлъ на то, какъ Антоній, въ полномъ забвеніи долга и чести, лежалъ у ногъ Клеопатры; теперь надо было не только изгладить это изъ памяти всѣхъ, но и въ будущемъ сдѣлать навсегда невозможнымъ. И вотъ, развился цѣлый замыселъ, который, созрѣвая во мракѣ лукавой души, пользовался и мракомъ ночи съ ея темными путями для того чтобы въ самое сердце поразить *тѣхъ*, противъ кого былъ направленъ. Гонцовъ царицы—она каждую недѣлю отправляла ихъ—перехватывали; точно такъ же и повѣренныхъ Антонія, которыхъ онъ посылалъ къ своей царицѣ. Оба ждали ихъ напрасно. Въ душѣ тріумвира закипало гордое негодованіе; царица предавалась глухому, безвыходному отчаянію. Увы! между ними лежало море, широкое, жестокосердое море!

Прошло полгода. Военачальники Антонія положили предѣлъ распространенію мятежа въ Малой Азіи. Окончательное подавленіе возстанія составляло личную его задачу въ ближайшемъ будущемъ. Но прежде того, въ Римѣ съ большимъ торжествомъ праздновалось примиреніе обоихъ тріумвировъ. Сенатъ и народъ пѣли гимны въ честь возсоединенныхъ. Геніемъ же прочнаго мира, между обоими властителями стояла Октавія, сестра Октавіана. Рука ея, при радостныхъ кликахъ цѣлаго Рима отданная Марку Антонію, долженствовала навѣки запечатлѣть ихъ дружескій и родственный союзъ. Строгая и доблестная душа этой женщины приносила себя въ жертву. Она была невысокаго мнѣнія о человѣкѣ, ставшемъ ея мужемъ. Но надѣялась и за него и за себя; да, и за себя ибо даже она — римлянка съ головы до ногъ — не могла безнаказанно противиться этой мужественной красѣ. Теперь она стала его женой. Но ей и въ голову не приходило, *кого* она замѣняла. Она не знала, что строгій строй мыслей и недоступная добродѣтель ея отнюдь не обладаютъ той волшебной силой, которая могла бы изгладить въ сердцѣ Антонія обольстительный образъ царственной сирены.

Какъ только первая смутная вѣсть о томъ проникла въ Египетъ, Клеопатра вспыхнула въ лицѣ. Конечно, она не повѣрила слуху.

— Его хотятъ отнять у меня? воскликнула она: — Добро же—Римъ вступаетъ со мною въ борьбу за него. Но я сильнѣе!

Но душу ей стѣснила внезапная скорбь—и въ невольномъ раздумьи о томъ невниманіи съ его стороны, которое она претерпѣвала со времени его отъѣзда, царица прибавила:

— Сильнѣе? О, Ира! точно ли я сильнѣе Рима?

Затѣмъ послѣдовали подтвержденія ужасной новости. На первыхъ порахъ, удрученная любовнымъ недугомъ царица хотѣла идти на Италію и отбить своего тріумвира силой. Она отдала повелѣніе снарядить свой флотъ. На златоносыхъ корабляхъ и сама сражаясь впереди всѣхъ, хотѣла она потопить Западъ, отнявшій у нея избранника ея души. Потомъ она одумалась—и рядомъ съ ревностью, жестоко язвившей все существо ея, пробудилась гордость. Царица въ Клеопатрѣ была поражена на смерть—но еще не умерла окончательно. Не все могла она простить. При томъ—развѣ все это пока не слухъ одинъ? Даже болѣе того, если судить хладнокровно: развѣ это не внѣ предѣловъ возможнаго? Что же осталось бы ложнаго на свѣтѣ, еслибъ это могло быть правдой?

Но и этому утѣшенію скоро насталъ конецъ. Долабелла, повѣренный Антонія, прибылъ въ Александрію—и въ качествѣ посла Римскаго передалъ Египетской царицѣ уничтожающее извѣстіе.

Онъ очень удивился, видя царицу такою болѣзненною и тоскующей. Въ Римѣ говорилось—и какъ-же при этомъ скрежеталъ Антоній!—что на берегахъ Нила живется блистательнѣй и веселѣе чѣмъ когда либо: наслажденье за наслажденьемъ, безумныя празднества за празднествами и—о вѣроломство!—любовь за любовью.

Онъ исполнилъ свое посольство. Клеопатра безмолвно стояла передъ нимъ. Когда-же онъ сталъ оправдывать, пытался утѣшить, — царская кровь вспыхнула и заговорила въ ней, она согласилась съ римскимъ посломъ.

День спустя, она позвала своихъ строителей. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, отъѣз-

жавшій далъ ей послѣднее лобзанье, изъ плитъ темнаго порфира воздвигалась теперь громадная гробница.

Каждый день приходила сюда царица надзирать за работами. Но взоръ ея лишь скользилъ надъ гробницей и надъ волнами морскими, устремляясь къ той точкѣ небосклона, гдѣ нѣкогда—исчезъ ея пурпурный стягъ.

V

Тріумвиръ сочетался бракомъ. Знатнѣйшая изъ женщинъ отдала ему руку—и тѣмъ поставила Антонія въ глазахъ Рима на прежнее мѣсто. Ея строгой красотѣ, всесвѣтной дани уваженія, благородству ея образа мыслей—даже *онъ* дивился, ощущая нѣкоторое успокоеніе въ томъ, что можетъ назвать *все это* своимъ. Въ шумной драмѣ его жизни насталъ эпизодъ какъ нельзя болѣе непохожій на прежніе—но въ самомъ несходствѣ этомъ таилось нѣчто умиротворящее и привлекательное. Отъ перваго брака съ Фульвіей у него былъ сынъ, къ судьбѣ котораго до сихъ поръ онъ питалъ почти полное равнодушіе. Октавія, сама не подарившая его послѣдникомъ, ввела этого мальчика въ домъ отца—какъ нѣчто новое, внезапно удостоенное признанія. Она взрастила и воспитала его, какъ истая римлянка, какъ нѣкогда Корделія своихъ Гракховъ—и такимъ образомъ заставила мужа ощущать отеческія гордость и надежды. Словомъ, римская семейная идиллія, наставшая вслѣдъ за египетской вакханаліей, на время остепенила волненіе крови въ тріумвирѣ и содѣйствовала возстановленію хотя отчасти прежнихъ силъ его духа.

На время! Развѣ такое прошлое, какъ у этого мужа призваннаго стать на землѣ полубогомъ, могло быть забыто? Какъ ни вѣялъ на него римскій воздухъ новымъ честолюбіемъ, какъ ни возстановляла Октавія давно утраченное имъ общее уваженіе—онъ уже не могъ быть прежнимъ Антоніемъ. Онъ заваливалъ себя правительственными дѣлами всякаго рода, приходилъ во всевозможныя столкновенія съ народомъ, принуждалъ себя играть роль заботливѣйшаго главы семейства—и все-же кралъ у дѣлъ правленія, кралъ у своихъ приверженцевъ, кралъ у своей семьи каждый выпадавшій ему часокъ уединенія. Въ удаленномъ покоѣ, куда не проникалъ ни одинъ звукъ изъ внѣшняго міра, лелѣялъ онъ въ себѣ цѣлой міръ воспоминаній, средоточіемъ которыхъ была сказочная красавица береговъ Нила. Что-то охватывало его тамъ, словно мягкими жаркими объятьями, словно разливался вокругъ упоительный запахъ цвѣтовъ, губы его горѣли лихорадочнымъ огнемъ, тяжело смыкались и рдѣли его вѣки, точно съ роду невѣдомыя ему слезы готовы были хлынуть потокомъ. И когда кроткая красота Октавіи появлялась въ этомъ затишьи—удивительно-ли, что онъ, пробуждаясь отъ грезъ, глядѣлъ на нее какъ на мраморное божество, вызывающее молитву, а не жажду обладанія?

Впрочемъ, онъ совершилъ и великое дѣло. Секстъ Помпей, сынъ низверженнаго Цезаремъ Помпея, стоялъ въ главѣ значительнаго войска и еще значительнѣйшаго флота, грозя тріумвирату Октавіана, Антонія и Лепида. Особенно страшенъ былъ онъ съ моря. Онъ препятствовалъ ввозу хлѣба въ Римъ—и громадному городу предстоялъ голодъ. Народъ роптал, угрожало возстаніе. Антоній, по прежнимъ отношеніямъ стоявшій къ противнику ближе Октавіана, предотвратилъ враждебное столкновеніе переговорами, не ронявшими римскаго достоинства. Бѣдствіе междоусобной войны было отклонено, и пышныя празднества, данныя другъ другу примирившимися, скрѣпили ихъ соглашеніе.

Около того же времени возобновленъ былъ раздѣлъ римскаго міра. Востокъ остался за Маркомъ Антоніемъ въ прежнихъ границахъ. Онъ порѣшилъ управлять своими владѣніями изъ Аѳинъ. Мѣсяцемъ позже, флотъ, долженствовавшій доставить его и Октавію въ Пирей *), вышелъ изъ устьевъ Тибра.

Западъ скрылся позади его. Снова повѣяло на него благорастворенннымъ воздухомъ Востока. Снова плылъ онъ къ своей погибели. Греція встрѣтила его съ восторгомъ. Но душѣ его были чужды эти радостные клики; она вся погружалась въ то прошлое, на почву котораго онъ ступилъ теперь,—а сдѣлать это прошлое вновь настоящимъ... Тутъ онъ взглянулъ на Октавію и впервые понялъ, что уваженіе можетъ быть совмѣстно съ ненавистью. И могло-ли это имѣть иной исходъ? могла-ли красота весталки, могъ-ли возвышенно-строгій разумъ римлянки надолго удержать за собою побѣду въ борьбѣ съ воспоминаніями и чарами этихъ странъ—въ борьбѣ за обладаніе тѣмъ человѣкомъ, который даже въ Римѣ, посреды волненій и занятій дѣлами правленія, не могъ вполнѣ быть самимъ собою,—тогда какъ здѣсь каждый звукъ, каждый порывъ вѣтерка шепталъ ему о восторгахъ, послѣдовавшихъ за первымъ его посѣщеніемъ Аѳинъ? Правда, Октавіи еще разъ представился случай помирить между собою мужа и брата, такъ какъ союзникамъ грозила новая размолвка. Но что ему было до Рима? Онъ едва поблагодарилъ ее за самопожертвованіе. Оно все сильнѣй и сильнѣй угнетало ему душу невыносимымъ бременемъ, крѣпче и крѣче стягивала прежняя неизъяснимая сила свои путы вокругъ попавшагося въ ея сѣти. Тенета стали такъ тѣсны, что онъ пересталъ уже биться въ нихъ. Онъ только поднималъ руку и потрясая грозилъ ею небу. Что разлучало его съ прошлымъ? Гдѣ эти препятствія, которыхъ нельзя устранить?

Однажды онъ прогуливался вдоль аѳинской пристани. Какъ разъ въ это время прибыло египетское торговое судно, котораго хозяинъ знавалъ тріумвира въ Александріи. Антоній стиснулъ губы, узнавъ этого человѣка. Тотъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и склонился предъ повелителемъ. Антоній прошелъ молча, неудостоивая даже взглядомъ смиреннаго гостя. Но вернувшись въ дворецъ и оставивъ свою свиту въ переднемъ покоѣ, онъ позвалъ Макробія и велѣлъ ему привести египетскаго купца, какъ только стемнѣетъ къ ночи. Любимецъ понялъ своею повелителя: «ты хочешь разпросить объ Египтѣ»? прошепталъ онъ.

Тріумвиръ не отвѣтилъ и только судорожно сжалъ руку повѣреннаго.

Было за полночь. Макробій заднимъ входомъ провелъ александрійца во дворецъ. Встрѣченный на первыхъ порахъ такъ немилостиво и теперь такъ странно вытребованный, купецъ трепеталъ и тѣломъ и душою. Страхъ его усилился при видѣ высокаго полководца, стоявшаго передъ нимъ во весь ростъ. Окончательно сробѣвъ, онъ упалъ къ ногамъ Антонія, словно глядя въ лицо самой смерти. Но какъ изумили его милостивый пріемъ, полные участія разспросы и увѣренія въ неограниченной благосклонности! Болѣе часу долженъ былъ онъ разсказывать внимающему тріумвиру про берега Нила. Его распрашивали о каждомъ знакомцѣ, о каждомъ товарищѣ въ пирахъ. Лишь одно имя оставалось неупомянутымъ, имя сквозившее во всѣхъ разспросахъ,—имя Клеопатры не было произнесено. Боязливый гость не осмѣливался на-

*) Аѳинская пристань.

звать его, гордый хозяинъ не хотѣлъ выговорить его первымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ узналъ достаточно. Отпуская купца, онъ подалъ ему свитокъ, обвязанный золотыми снурами:

— Черезъ часъ ты съ твоимъ кораблемъ будешь вдали отъ Пирея. Грузъ твой принадлежитъ мнѣ. Макробій заплатитъ тебѣ за него до послѣдней мелочи. Это письмо— ты знаешь кому оно—возьми съ собою. Тебѣ извѣстно— если только ты правду разсказывалъ мнѣ о запустѣніи и вдовьемъ видѣ александрійскаго дворца—кто наградитъ тебя съ олимпійскою щедростью. Самъ я черезъ мѣсяцъ отправляюсь въ Азію—тамъ я буду ближе къ Египту и легче получу отвѣтное посланіе. Ты-же исполни свое порученіе и разскажи тамъ у себя дома, что за всѣ эти мѣсяцы и годы истинное мое *я* не покидало Александріи...

Черезъ мѣсяцъ—говорилъ Антоній. Мѣсяцъ этотъ прошелъ. Александрійскій купецъ давно уже бросилъ якорь въ родимой пристани. Онъ разсказывалъ о Маркѣ Антоніи, превознося его любовь къ Египту. Не прошло и дня, какъ слухъ объ этомъ проникъ въ дворецъ, и еще до захода солнца необычайный гонецъ былъ туда потребованъ.

Но этого мало. Забывъ все царское достоинство, Клеопатра сама кинулась встрѣчать его въ преддверіи дворца. Она вырвала изъ рукъ его подаваемый свитокъ. Прочтя письмо и окончательно утративъ силы, царица опустилась на мраморныя ступени, которыхъ даже нога ея никогда не касалась,—и сѣла тамъ, слушая необычайнаго посла. Что значили всѣ хвалебныя пѣсни, когда либо ласкавшія ея слухъ на высотѣ престола, въ сравненіи съ упоительной нѣгой и музыкой тѣхъ вѣстей, которыя сообщалъ этотъ человѣкъ, а она слушала сидя на ступеняхъ своею дворца?!

Въ свиткѣ начертаны были только три слова, безъ всякой подписи. Но царица знала этотъ почеркъ—и все существо ея трепетало при мысли: не сонъ-ли, не обманъ-ли это чувствъ? Крѣпко прижавъ къ своей груди, держала она безцѣнную рукопись. Нѣжно привлекши къ себѣ Иру, она прошептала:—его истинное *я* никогда не покидало Александріи? О, Ира! и мы могли такъ страшно и такъ долго грезить съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ?

Тутъ она велѣла принести себѣ свитокъ папируса, чтобъ отвѣтить на три слова своего тріумвира. Эти три слова были: «Смѣю-ли я возвратиться»?

Ея-же отвѣтъ, начертанный дрожащею отъ счастья рукою, гласилъ:

«Пріѣзжай»!

Антоній между тѣмъ, согласно заявленіямъ александрійскому купцу, покинулъ Аѳины, спѣша на помощь къ Вентидію, который считалъ себя не въ силахъ противостоять новому напору пареянъ. Письмо египетской царицы дошло къ нему въ то самое время, какъ онъ всходилъ на корабль въ Аѳинской пристани. Съ желѣзнымъ сердцемъ, вдвойнѣ радуясь возможности наконецъ бѣжать отъ Октавіи, вырвался онъ изъ ея объятій. Письмо Клеопатры было спрятано у него на сердцѣ. Аѳины скрылись позади его—и когда послѣдняя вершина гористыхъ береговъ Аттики потонула въ волнахъ морскихъ, онъ свободно вздохнулъ, словно это сброшенныя оковы звеня погрузились въ пучину.

Настала пятая ночь этого странствія по морю. Истома желаній не давала покою полководцу на мягкомъ ложѣ. Онъ короталъ ночь на палубѣ, то крупными шагами измѣряя ее длину, то склоняясь на бортъ корабля и глядя въ волны. Далеко-далеко свѣтилось море, словно силясь пристыдить самое небо съ необозримымъ роемъ мерцающихъ звѣздъ. Вдругъ на южномъ небосклонѣ вспыхнула зарница.

— Все пламенѣетъ! воскликнулъ онъ, съ любовью прижимая свертокъ папируса къ своему сердцу. Потомъ, все еще глядя на югъ, гдѣ уже снова стемнѣло, онъ обратилась къ кормчему.

— Какъ обстоитъ вѣтеръ, кормчій?

— Надо свернуть паруса и удвоить весла. Попутный западный вѣтеръ въ Азію перемѣнился—и неожиданный вѣтеръ съ сѣвера несетъ насъ прямо къ Африкѣ.

И подтверждая слова свои дѣломъ, кормчій сильно повернулъ руль. Антоній схватилъ его за руку.

— Это богъ напрягаетъ мои паруса! Это его знаменіе влечетъ насъ къ югу—послѣдуемъ же ему!

И доставъ спрятанное на груди письмо египетской царицы, онъ указалъ свиткомъ на юго-востокъ, гдѣ новая зарница только что сверкнула надъ свинцовой чертой моря.

Макробій подошелъ къ повелителю.

— Знаешь, куда мы плывемъ, Макро?

Тотъ едва слышно отвѣтилъ:

— Вонъ изъ Греціи—вонъ изъ объятій Октавіи... И когда Антоній молча пожалъ ему руку, шепнулъ,—въ объятья...

— Клеопатры! воскликнулъ тріумвиръ, и указывая на паруса, напрягаемыя перемѣнившимся вѣтромъ, прибавилъ:—развѣ ты не видишь, что такъ угодно самимъ богамъ?

Между тѣмъ боги, волю которыхъ обезумѣвшій тріумвиръ прозрѣлъ въ порывахъ сѣвернаго вѣтра, повидимому перемѣнили намѣреніе. Попутный его желаніямъ вѣтеръ перешелъ въ бурю. Гроза, предвозвѣщенная дальними молніями, разразилась — и трирема Антонія, чуть не въ дребезги разбитая, къ утру выброшена была малоазіатскій берегъ. Въ этомъ грозный повелитель ужъ конечно не умѣлъ прочесть высшей воли. Онъ признавалъ божественное знаменіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не противорѣчило демону, овладѣвавшему его сердцемъ. Въ Ефесѣ, собравъ потерпѣвшихъ крушеніе своихъ спутниковъ и велѣвъ чинить пострадавшія суда, онъ написалъ на клочкѣ пергамента: «Маркъ Антоній до наступленія осени пробудетъ въ Тарсѣ Киликійскомъ». Этотъ свитокъ онъ какъ какъ-бы шутя сунулъ въ руку Макробію, а тотъ, не требуя дальнѣйшихъ приказаній повелителя, даже не простясь съ нимъ, къ вечеру плылъ уже въ открытомъ морѣ. За ужиномъ тріумвиръ его хватился. Онъ спросилъ о любимцѣ, и узнавъ объ его отъѣздѣ на югъ, только прошепталъ: «развѣ я посылалъ его? Это боги ведутъ его въ Египетъ».

Онъ и самъ не зналъ, что и сколько могъ возлагать на рамена боговъ.

Онъ отправился въ Тарсъ. Какія воспоминанія встрѣтили его тамъ, какія надежды окрыляли каждое движеніе его души! Безцѣльно влачилъ онъ время въ киликійскомъ городѣ, не придумывая даже оправданій этому новому медленію, новому бездѣйствію. Загадкою былъ онъ для всѣхъ. Не спѣшить къ легіонамъ, требовавшимъ, его появленія во главѣ воспомогательнаго войска, было явною измѣною Риму,—а между тѣмъ они тщетно призывали его. Правда, онъ послалъ имъ подкрѣпленія, но недостаточно сильныя, да еще подъ началомъ неспособныхъ предводителей. Самъ-же оставался въ Тарсѣ и проводилъ время на дворцовомъ крыльцѣ, посматривая на югъ, не вынырнутъ-ли съ краю небосклона наподобіе пурпурныхъ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НИВѢ" № 20, 1873, ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

СИТУАЦІОННАЯ КАРТА СРЕДНЕЙ АЗІИ

ПЛАНЪ ГОРОДА ХИВЫ.

1. Ханской дворецъ (Арикъ).
2. „ „ Арикъ.
3. Мечеть Св. Палванъ Ата.
4. „ Сейтъ-бай.
5. Медресе Мохамедъ-Рахимъ Хана.
6. „ Мохамедъ-Аминъ Хана.
7. „ Кутлу-Мурать-Инака.
8. „ Рахманъ Берды Бія.
9. „ Ширгазы Хана.
10. Медресе Алла-Кулъ Хана.
11. „ Ходжасъ-мехрема.
12. „ Фазуль-бека.
13. „ Давлетъ-Кара-Куна.
14. „ Бекъ Ніяза Диванъ Беги.
15. Домъ Мехтяра.
16. „ Кушъ Беги.
17. „ Диванъ Беги.
18. Караванъ Сарай.
19. Крытыя лавки.
20. Базарная площадь.
21. Ворота Абдалъ-Баба.
22. „ Бакча Дарваза.
23. „ Шермухаметъ Ата.
24. Загор. Ханск. домъ и садъ Ангарикъ.
25. „ „ „ „ Гильджанъ.
26. „ „ „ „ Рапсикъ.
27. „ „ „ „ Чирджели.
28. Домъ и садъ Рахманъ Берды-Бія.
29. „ Сейтъ-Махмутъ-Тюря.
30. „ Юсуфъ Бека.
31. „ Мехтера.
32. „ Ибрагимъ Берды Бека.
33. Бассейнъ Исмамудъ.
34. Мѣсто Казни.
35. Кладбище Авастанъ.

Генеральная Карта ХИВИНСКАГО ХАНСТВА

Дозволено цензурою 13 Мая 1873 г.

Масштабъ 0 25 50 100 150 вер.

Похороны у Вендовъ. Оригинальный рисунокъ Бургера, грав. Ивановъ.

лебедей паруса Клеопары. Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ она посѣтила эти берега. Ему-же казалось, точно это вчера только было. Каждый камень, который они попирали ногою, каждый кустарникъ, цѣплявшійся за ея одежды, каждая струйка рѣчная, носившая ихъ, — все говорило объ *ней*. Письма Октавіи, извѣщавшія о тоскующей вѣрной супругѣ и объ успѣхахъ его сына, бросалъ онъ не читая. Наконецъ, даже не велѣлъ пускать къ себѣ на глаза ея гонцовъ, или хотя въ нѣсколькихъ словахъ докладывать ему объ нихъ. Такъ, мало по малу, вторично спускался онъ въ объятья прежняго губительнаго блаженства—и часъ конечной гибели былъ уже не далекъ.

Солнце клонилась къ закату. Тріумвиръ только-что вернулся съ бѣшеной скачки верхомъ вдоль по морскому берегу. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки спросилъ:—не приходило-ли кораблей на пристань за наше отсутствіе?

— Только одно торговое судно изъ Финикіи.

— Объ этомъ ужь докладывали мнѣ шесть часовъ тому назадъ. Съ чѣмъ?

— Драгоцѣнный грузъ пурпура, ковровъ и Сидонскихъ тканей. Хозяинъ, родомъ изъ Египта, молитъ о дозволеніи предстать предъ лицо твое и похвалиться своимъ товаромъ.

— Допустить! Я полагаю, намъ пригодится его драгоцѣнный грузъ. Кто-бы повѣрилъ, въ какомъ нищенскомъ гнѣздѣ я живу здѣсь?.. И онъ указалъ на дворецъ позади его.—Весь товаръ сюда!

При этихъ словахъ, спутники его едва могли сдержать выраженіе крайняго изумленія, чуть не ужаса. Ежечасно ждали они приказа выступать въ походъ—и вмѣсто того видѣли теперь въ повелителѣ желаніе за-ново отдѣлывать домъ свой, какъ-бы для продолжительнаго пребыванія въ немъ.

Къ чему приведетъ это въ такое время, когда Римъ ежечасно ждетъ вѣсти о подавленіи возстанія парѳянъ?

Давно уже не бывалъ повелитель такъ разговорчивъ и веселъ, какъ въ этотъ вечеръ за ужиномъ. Что за мысль мелькала въ улыбкѣ на устахъ его и тайно сказывалась въ каждой веселой шуткѣ, срывавшейся съ этихъ устъ? Эти ковры и ткани для *нея!* Ея нога будетъ попирать эту роскошь! На радость ея глазамъ, избалованнымъ созерцаніемъ всевозможной красоты, ниспадутъ широкія складки этого пурпура съ вершинъ карнизовъ и колоннъ! Съ такими-то мыслями, каждымъ біеніемъ сердца предчувствуя близкое будущее, бродилъ онъ послѣ пира въ чащѣ садовъ, сквозящихъ и мерцающихъ отблесками луннаго сіянія. Съ наслажденіемъ вдыхалъ онъ свѣжій воздухъ, который сегодня былъ такъ же тихъ и пріятенъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда нильская Венера выплывала изъ устьевъ Кидна. Въ то время онъ велѣлъ художнику, который всюду за нимъ слѣдовалъ, изваять статую богини, въ совершенствѣ передававшую черты и формы египетской царицы. Мраморное изваяніе было поставлено въ бесѣдкѣ изъ миртъ, которыя, находясь въ запустѣніи со времени отъѣзда Антонія изъ Тарса, разрослись и покрыли произведеніе искусства густымъ естественнымъ навѣсомъ перепутанныхъ вѣтвей. По прибытіи въ Тарсъ, тріумвиръ прежде всего пошелъ къ этой статуѣ. Мечемъ проложилъ онъ себѣ дорогу въ чащѣ молодой заросли, чтобъ насладиться хоть изображеніемъ того лика, объ утратѣ котораго такъ болѣла его душа. Никому изъ приверженцевъ его не дозволялось входить въ эту часть сада. Одинъ одинехонекъ, никѣмъ невидимый, приносилъ онъ всего себя въ жертву къ подножію безжизненнаго мрамора, не передававшаго и тысячной доли тѣхъ сокровищъ, которыми нѣкогда обладалъ онъ и нынѣ томительно жаждалъ этого обладанія.

Такъ было и теперь. Въ колеблющихся вѣтвяхъ миртовой чащи мерцалъ и переливался на статуѣ серебристый свѣтъ мѣсяца. Богиня была изваяна лежащею. Склоненная на руку, голова ея была слегка приподнята. Длинный покровъ облегалъ все тѣло, такъ какъ художникъ—желая ли польстить, или въ самомъ дѣлѣ считая это внѣ предѣловъ своего искусства — отказался воспроизвести образъ богини въ дивной наготѣ, которой не въ силахъ передать никакая пластика.

Тріумвиръ остановился у входа въ бесѣдку. Въ трепетной игрѣ луннаго сіянія, ему вдругъ почудилось (и какъ охотно отдался онъ этому обману глазъ!), будто бы покровъ статуи слегка приподнимается и вновь опускается, словно дивныя формы колышатся дыханіемъ жизни, словно мраморныя уста эти дышатъ какъ живыя.

— Клеопатра! воскликнулъ онъ.

Въ отвѣтъ ему послышался вздохъ.

Онъ ринулся впередъ — и чудо свершилось въ глазахъ его. Онъ замеръ на мѣстѣ въ блаженномъ восторгѣ, а статуя вдругъ восклонилась и приняла его въ живыя объятья.

То былъ драгоцѣнный грузъ, прибывшій на финикійскомъ кораблѣ. То былъ отвѣтъ на письмо, посланное съ Макробіемъ мѣсяцъ тому назадъ изъ Эфесской гавани. Сердце къ сердцу, душа въ душу, снова приникли другъ къ другу римскій тріумвиръ и египетская царица. И звѣзды небесныя, словно понимая всю полноту счастья этихъ двухъ смертныхъ созданій, взирали на нихъ съ высоты, искрясь лучами страстнаго блеска. Счастье? Нѣтъ! нѣчто другое было написано въ этомъ звѣздномъ свиткѣ. То была гибель ихъ, скрѣпленная тьмами темъ огненныхъ печатей.

(Продолженіе будетъ).

Похороны у Вендовъ.

Если мы сличимъ веселую картину ѣдущихъ на крестины вендовъ, помѣщенную въ 51 № «Нивы» 1872 г., съ прилагаемымъ при семъ изображеніемъ вендскихъ похоронъ, то мы увидимъ предъ собою два крайнія звѣна одной и той же, теперь сомкнувшейся, жизненной цѣпи. Сцена эта происходитъ тоже въ Нижнемъ Лаузицѣ. Здѣсь, такъ же какъ и въ Верхнемъ Лаузицѣ, больше всего сохранились вендскіе нравы, обычаи и языкъ. Поэтому-то, желая познакомить нашихъ читателей съ этимъ соплеменнымъ намъ народомъ, мы и занялись, главнымъ образомъ, лаузитцкими вендами, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о всѣхъ вообще вендахъ.

Венды, народъ славянскаго происхожденія, господствовали нѣкогда въ сѣверо-восточной Германіи, отъ Вислы до Лабы (Эльбы) (въ Помераніи, Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Силезіи, Лаузицѣ, Саксоніи и Богеміи), и частію истреблены германскими племенами или смѣшались съ ними, частію же и теперь еще уцѣлѣли (подъ именемъ кашубовъ) въ Лаузицѣ и Помераніи. Первоначальное мѣстопребываніе вендовъ неизвѣстно въ точности. Іорнандъ

раздѣляетъ вендовъ на три главныхъ племени: собственно вендовъ, живущихъ у сѣверныхъ границъ Германіи, славянъ—въ окрестностяхъ верхней Вислы до Днѣстра, и антеновъ — къ востоку отъ этихъ послѣднихъ, у Днѣстра. Живя къ сѣверу отъ Германіи, венды впервые появились на сѣверо-востокѣ этой страны во время переселенія народовъ. Въ то время было основано ими нѣсколько государствъ, изъ которыхъ одни долго держались, а другія пали вскорѣ послѣ основанія. Къ концу пятаго столѣтія, вендскія племена, въ соединеніи съ другими славянами, основали Великокроацію и Великосербію; первое изъ этихъ государствъ занимало восточную Богемію, Силезію, Лодомирію, а послѣднее—Мейссенъ, Западную Богемію и Моравію. Когда же авары и франки разрушили это государство, то вендскіе племена основали другія, въ Великоморавіи и Богеміи. Между вендскими племенами, поселившимися на сѣверовостокѣ Германіи, особенно замѣчательны: *бодричи* (*bordici*), могущественный народъ, жившій въ Мекленбургѣ, вмѣстѣ съ другими славянами; *вильцы*—вдоль остзейскаго берега отъ Одера до Вислы, *укеры*, *гавелы*, *ретары* — въ пяти бранденбургскихъ маркахъ, *лютичи* — въ маркграфствахъ Верхнемъ и Нижнемъ Лаузицѣ, и *сорбы*, которые, впрочемъ, рѣзко отличаются отъ вендовъ. Венды въ сѣверовосточной Германіи, распространившіеся отдѣльными партіями даже до Франконіи и окрестностей Рейна, были, большею частію, порабощены Карломъ Великимъ. Хотя при его слабыхъ преемникахъ они и пріобрѣли нѣкоторую самостоятельность, но впослѣдствіи противъ нихъ вооружились саксонскіе герцоги и основали съ этой цѣлью маркграфства Мейсенъ, Лаузицъ и Бранденбургъ. Послѣ ихъ покоренія, которое было облегчено раздорами между оботритами и вильцами, они были насильно обращены въ христіанство. Хотя Оттонъ Великій и основалъ въ ихъ странѣ нѣсколько епископствъ, но освободившись отъ германскаго владычества при Мистевоѣ, они уничтожили всѣ слѣды возникавшаго христіанства. Около 1047 года князь бодричей Готшалькъ былъ признанъ княземъ нѣсколькими вендскими племенами и основалъ великое *вендское государство*. Онъ много сдѣлалъ для утвержденія у вендовъ христіанства, но его убійца и преемникъ Круко всячески силился истребить его. Въ 1105 г. сынъ Готшалька Генрихъ опять возвратилъ себѣ власть, и въ его царствованіе границы вендскаго государства простирались отъ Лабы до Одра. Послѣ его смерти (1126 г.) шлезвигскій герцогъ Кнутъ Главардъ успѣлъ завладѣть вендскимъ престоломъ въ ущербъ генриховымъ наслѣдникамъ и былъ коронованъ въ оботритскіе короли императоромъ Лотаремъ II. Онъ покорилъ Вагрію и Голштинію, но въ 1131 г. былъ убитъ своимъ отцомъ Магнусомъ, королемъ Готландскимъ. Послѣ смерти Кнута вендское государство было покорено Генрихомъ Львомъ. И въ южныхъ странахъ венды также мало-по-малу были порабощаемы нѣмцами, и силою оружія были всѣ безъ исключенія обращены въ христіанство еще до XII столѣтія. Всего болѣе сохранили венды свою національность, какъ мы уже говорили, въ Верхнемъ и Нижнемъ Лаузицѣ, въ особенности въ окрестностяхъ Бауцена, Гёрлица и Циттау. Они занимаются преимущественно земледѣліемъ и отличаются крѣпкимъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, трудолюбіемъ, способностью къ образованію и гостепріимствомъ. Въ Пруссіи ихъ насчитываютъ до 100,000, въ Саксоніи до 50,000. Точно также есть венды и въ Австріи, именно въ Штейермаркѣ и Иллиріи. Вообще число всѣхъ живущихъ въ Германіи вендовъ, сохранившихъ болѣе или менѣе свои обычаи и языкъ, простирается до милліона.

Вендскій языкъ — отрасль кореннаго славянскаго языка, именно сѣверозападной вѣтви его, больше схожъ съ польскимъ и богемскимъ, чѣмъ съ русскимъ и иллирійскимъ. На немъ говорятъ еще въ Лаузицѣ потомки древнихъ вендовъ—и онъ распадается на нѣсколько нарѣчій, отличающихся другъ отъ друга, главнымъ образомъ, выговоромъ. Въ печати употреблялись до сихъ поръ нѣмецкія буквы. Вотъ начало молитвы Господней: «*nash Wotze*, *kiz szy ty we nebeszewh*, *sweezene butz twoje meno*», т. е. «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое». Существуетъ нѣсколько грамматикъ этого языка и собраніе вендскихъ народныхъ пѣсенъ, изданное въ 1843—44 г. въ двухъ томахъ.

Джузеппе Верди.

Изъ знаменитаго тріумвирата, дѣлившаго между собою, въ теченіи цѣлаго полустолѣтія, міръ драматической музыки, не осталось въ живыхъ ни одного. Періодъ времени, когда новѣйшая опера разцвѣла самымъ пышнымъ цвѣтомъ, обозначается именами *Мейербера*, *Обера* и *Россини*. Настощее время возвело на тронъ трехъ другихъ композиторовъ, опять нѣмца, француза и итальянца. *Вагнеръ*, *Гуно* и *Верди*—вотъ кто указываетъ теперь цѣль и дорогу новѣйшимъ направленіямъ драматической музыки. Основываясь на мнѣніи лучшихъ музыкальныхъ критиковъ, объ этихъ трехъ представителяхъ современной оперы можно сказать, не рискуя ошибиться: вся ихъ сила въ нашемъ безсиліи; между людьми небольшаго роста они всѣхъ выше и бросаются въ глаза, какъ одинокіе холмы, поднимающіеся надъ обширною плоскою равниною. Почти имъ однимъ мы обязаны всѣмъ, что только сохранилось въ репертуарахъ нашихъ театровъ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ. Но какъ ничтожно кажется это пріобрѣтеніе, когда подумаешь, что одно и то же десятилѣтіе произвело Нѣмую, Телля, Фра-Діаволо, Роберта и Гугенотовъ, не говоря уже о множествѣ второстепенныхъ произведеній, до сихъ еще поръ не потерявшихъ цѣны. Будущее нѣмецкой оперы представляется чѣмъ-то въ родѣ корабля, который несется на всѣхъ парусахъ по безконечной водной пустынѣ, тогда какъ лежащая за нимъ твердая земля все болѣе и болѣе теряется изъ виду. Композиторъ Фауста истощилъ, по видимому, на одну эту оперу весь художественный запасъ своей жизни и въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ только подражаетъ своему собственному созданію. Также плохо, если только не плоше, положеніе оперы и въ Италіи, ея родинѣ. Давно уже изсякъ богатый потокъ звуковъ, разливавшійся отсюда, въ первую треть нашего столѣтія, по всѣмъ театрамъ,—и итальянская сцена, служившая когда-то мелодическою кладовою всему цивилизованному міру, сама принуждена теперь пробавляться чужеземными матеріалами. Музыкальный геній націи, высказавшійся съ такою силою въ произведеніяхъ Россини, Беллини и Донизетти, не говоря уже о другихъ, болѣе или менѣе даровитыхъ композиторахъ, замолкъ по видимому на долгое время, послѣ того, какъ снизойдя до Верди, уже усталый и изнеможенный, пропѣлъ намъ его устами односложную прощальную пѣснь.

Что бы ни говорили о Верди противники его таланта, но тотъ, кто могъ собрать вокругъ себя милліоны слушателей, создать такія мелодіи, которыя раздаются вездѣ, гдѣ только музыка услаждаетъ сердце человѣка, тотъ заслуживаетъ вниманія, хотя бы только въ культурно-историческомъ значеніи.

«Живо помню я, говоритъ одинъ нѣмецкій критикъ,—то тяжелое впечатлѣніе, какое произвело на меня первое знакомство съ произведеніями Верди, именно съ его Троваторе. Точно будто бы меня безжалостно колотили кулаками, и это впечатлѣніе не оставляло меня весь слѣдующій день. Все высокое, прекрасное, благородное, существованію чего въ царствѣ звуковъ я такъ глубоко вѣрилъ, въ созданіяхъ этого композитора унижено, превращено въ карикатуру. Они напомнили мнѣ тѣ сатанинскія созданія, о которыхъ разсказываетъ древняя сказка. Желая подражать въ своемъ творчествѣ Богу, сатана, вмѣсто людей, создалъ только отвратительныхъ обезьянъ и ухмыляющихся кобольдовъ. И не я одинъ вынесъ подобное впечатлѣніе;

эстетическое чувство всякаго, кто сроднился съ тѣмъ идеальнымъ міромъ, который развивается передъ нами въ твореніяхъ великихъ нѣмецкихъ композиторовъ, оскорблено до послѣдней степени возможности при первомъ соприкосновеніи съ операми Верди». Между тѣмъ, Троваторе и нѣкоторыя другія изъ оперъ этого композитора выдержали безчисленное множество представленій и вошли въ составъ всевозможныхъ театровъ, и объяснять это одной испорченностью вкуса публики и ея готовностью награждать ловкихъ льстецовъ и угодниковъ—нельзя. Мы далеки отъ того, чтобъ отрицать дикіе и грубые элементы въ натурѣ Верди—и охотно сознаемся, что они въ значительной степени способствовали его побѣдамъ. Но онъ отнюдь не имъ однимъ обязанъ своими тріумфами, должны были быть и другія качества, для того, чтобы сдѣлать его не только властелиномъ итальянской оперы, но раскрыть ему настежь двери всѣхъ европейскихъ театровъ. Дѣло въ томъ, что кромѣ свойственной всѣмъ итальянцамъ сценической техники и способносте обращаться съ голосами такъ, чтобъ изъ этого постоянно выходилъ эффектъ, Верди обладаетъ еще въ извѣстной степени и даромъ мелодическаго изобрѣтенія.

Музыкальное образованіе Верди ограничивается очень тѣснымъ кругомъ. Сокровища духа, собранныя непрерывными трудами цѣлыхъ столѣтій, остались нетронутыми имъ; онъ почерпнулъ все свое содержаніе изъ недавняго прошедшаго и настоящаго. Единственными учителями Верди были знаменитые композиторы девятнадцатаго столѣтія и послѣдніе замѣчательные представители французской оперы. Въ особенности же онъ обязанъ въ этомъ отношеніи мейерберовымъ операмъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ множество драматическихъ лозунговъ и уловокъ, какъ мы увидимъ это дальше. Но прежде, чѣмъ вдаваться въ подробный разборъ произведеній Верди, мы считаемъ необходимымъ опредѣлить: какое мѣсто занимаетъ этотъ композиторъ въ сравненіи съ его предшественниками.

Ни одна форма искусства не обязан такъ Италіи, какъ опера. Италія произвела и поставила на ноги поющуюся драму, это своеобразное дитя новѣйшаго духа. Наперерывъ другъ передъ другомъ схватились за это новое изобрѣтеніе нѣмцы и французы—и изъ совокупной дѣятельности этихъ трехъ народовъ возникла классическая опера. Всѣ національныя различія и противуположности слились въ ней въ полную гармонію, потому-то она и можетъ считаться самымъ идеальнымъ отраженіемъ новѣйшей культуры. Но для каждаго развитія, какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго, наступаетъ по непреложнымъ законамъ природы періодъ, когда дружно соединенные элементы покидаютъ другъ друга, чтобы вступить посредствомъ самостоятельнаго развитія въ новый кругъ жизни. Подготовленный и благопріятствуемый ходомъ міровыхъ событій, этотъ поворотъ наступилъ въ области драматической музыки въ началѣ нашего столѣтія. Неудавшаяся попытка навязать націямъ противуестественное соединеніе—должна была вызвать въ нихъ еще болѣе живое чувство ихъ особенностей и побудить ихъ къ еще болѣе сильному заявленію своихъ личностей. Поэтому-то во время наполеонова владычества и вслѣдъ за его паденіемъ мы и встрѣчаемъ повсюду пробужденіе національнаго духа, завоевывающаго себѣ самыя различныя области, кекъ въ практическомъ, такъ и идеальномъ мірѣ.

Въ то время, какъ литература спустилась съ своей космополитической высоты для того, чтобъ съ любовію погрузиться въ отечественныя преданія и исторію и представить въ поэтическомъ видѣ родные обычаи и воззрѣнія,—музыка почерпула новыя силы отъ тѣснаго сближенія съ народными пѣснями. Оберъ, Веберъ и Россини—три композитора, которымъ французская, нѣмецкая и итальянская оперы обязаны своимъ національнымъ возрожденіемъ. Мелодіи Танкреда возбуждами восторгъ во всѣхъ мѣстностяхъ, начиная отъ Альпъ и до Сициліи, потомучто въ нихъ слышались отголоски той музыки, которая жила въ собственномъ сердцѣ. Старая опера не могла отказаться отъ своего академическаго происхожденія. Укрывшись за высокій валъ созданныхъ ею самою правилъ и постановленій, она осталась глуха къ тому потоку благозвучія, который такъ отрадно шумѣлъ за предѣлами этого вала. Съ неудержимою силою хлынули освѣжительныя волны на сцену, когда Россини юношески сильною рукою разрушилъ эту преграду. Наполнивъ оперу мелодическимъ содержаніемъ народныхъ пѣсенъ, онъ былъ ея реформаторомъ. А между тѣмъ та новая жизнь, которую онъ сообщилъ оперѣ, была только кажущеюся, потому-что онъ черпалъ свои звуки не изъ самой драмы, а приносилъ ихъ извнѣ, какъ нѣчто уже готовое. Кончилось тѣмъ, что ему самому пришлось быть свидѣтелемъ, какъ увяли тѣ цвѣты, которые такъ роскошно распустились подъ его рукою. Эти драматически-костюмированные вокальные концерты пали гораздо быстѣе, чѣмъ въ прежнее время мелодіи Жолини, Пачини и Паэзіелло. Въ своихъ послѣднихъ созданіяхъ композиторъ обернулся спиною къ отечественной сценѣ, а ея скипетръ перешелъ къ Беллини.

Если до сихъ поръ опера хлопотала только о томъ, чтобы ласкать ухо, услаждать его всѣми прелестями, какія только присущи человѣческому голосу, самому выразительному музыкальному органу, то теперь она стала заботиться только объ томъ, чтобъ утолить жажду духа къ истинному чувству. Мѣсто россиніевскихъ мелодій, стремившихся только къ благозвучію и при уклоненіи ихъ отъ всякаго болѣе серіознаго и глубокаго содержанія, заняла чрезмѣрная чувствительность, какія-то тоскливыя порыванія, искавшія вездѣ только пищи своей грусти. Это сладострастное томленіе, эта разрѣшающаяся сладкими слезами грусть порядочно уже надоѣли, когда явился Донизети. Уступая въ отношеніи творческой силы Россини и Беллини, но превосходя, по крайней мѣрѣ послѣдняго, технической ловкостью и способностью усвоенія, онъ заимствовалъ у обоихъ предшественниковъ все, что только можетъ быть перенято и доступно подражанію, и пріобрѣлъ такимъ образомъ благодарное поле для дѣятельности своего богатаго, многообразнаго таланта. Онъ не остановился на этомъ, но вошелъ въ тѣсную связь и съ французской оперою, которая достигла въ то время полной зрѣлости. Чему положилъ начало Донизетти, то Верди продолжалъ съ величайшею ревностію, не щадя ничего. Пожертвовавъ національною самостоятельностью, онъ промѣнялъ ее на французское подданство.

Начиная съ попытокъ флорентинскихъ ученыхъ воскресить въ пѣніи и звукѣ красоты античной трагедіи, вплоть до нашего времени, исторія оперы, этого двойнаго существа, представляла борьбу между музыкою и драмою, прерванную только краткимъ періодомъ мира и согласія. Согласно съ законами природы, каждый изъ обоихъ факторовъ, заключившихъ между собою этотъ союзъ, стремится къ преобладанію. Истинное примиреніе ихъ мы встрѣчаемъ только въ классической оперѣ, гдѣ южная красота формъ соединяется съ сѣверною силою духа. Но по мѣрѣ того, какъ художественное творчество трехъ народовъ, раздѣлившихъ между собою царство звуковъ, начало держаться чисто національной почвы, воскресъ и старинный раздоръ. Въ то время, какъ французская и нѣмецкая опера все болѣе и болѣе выдвигала драматическій элементъ въ ущербъ музыкѣ, итальянская имѣла въ виду одно только благозвучіе, нисколько не озабочиваясь характеристикой выраженія. Эта послѣдняя односторонность должна была истощиться скорѣе, чѣмъ противуположная ей, потому-что самое свойство чисто чувственнаго наслажденія таково, что оно всегда кончается пресыщеніемъ и отвращеніемъ. Если французскій способъ чувствованія и выраженія началъ входить въ употребленіе у Донизетти, если потомъ у Верди этотъ элементъ наполняетъ и проникаетъ все, то это случилось вслѣдствіе неодолимой потребности къ болѣе или менѣе сильной приправѣ, въ освѣженіи царства звуковъ озономъ характеристики.

Но разъ итальянская опера начала прислушиваться къ Парижу и руководиться имъ, ея драматической невинности и благозвучію наступилъ конецъ. Она потеряла свою наивную прелесть, не замѣнивъ ее духовною свободою и благороднымъ образованіемъ истиннаго искусства. Музыка Верди вкусила отъ древа познанія, оставила за собою рай мелодическаго *dolce far niente;* въ потѣ лица ѣстъ она хлѣбъ свой и лишь изрѣдка мечтательное воспоминаніе о потерянномъ блаженствѣ прерываетъ этотъ суровый трудъ. Сущность классической оперы состоитъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что она беретъ въ совокупности все, что только было создано въ теченіи столѣтій творчествомъ принимавшихъ участіе въ развитіи музыки народовъ. Ту же самую цѣль имѣетъ, по видимому, и космополитизмъ новѣйшей сцены, а между тѣмъ, какъ посмотришь ближе, оказывается, что онъ дѣлаетъ совершенно противное. Первая примиряетъ и разрѣшаетъ въ полную гармонію національныя различія и противуположности, послѣдній оставляетъ ихъ на мѣстѣ и пользуется ими только для контрастовъ. Въ первомъ случаѣ связь выходитъ органическая въ высшей степени идеальная, въ послѣднемъ механическая, чисто матеріальнаго свойства; тамъ дѣйствительное сліяніе, тутъ простая смѣсъ.

Замѣчательнѣйшій представитель космополитической музыки, который собираетъ свои жатвы со всевозможныхъ полей и все бросаетъ въ свой огромный горшокъ—это Мейерберъ. Верди у него кругомъ въ долгу. Но въ то время, какъ богатый хозяинъ предлагаетъ намъ самый отборный товаръ, его подчиненный запасается только товаромъ болѣе грубаго и расхожаго сорта. Между ними та же разница, что между Парижемъ и провинціей. Вездѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, вы замѣчаете въ произведеніяхъ Верди слѣды мейерберовскаго вліянія. Вы видите это вліяніе и въ рѣзкомъ образѣ его выраженія, въ его психологическомъ *haut-gout*, въ страсти къ безобразному, какъ богатому источнику характеристики, въ стремительности ритма и инструментовки и мало ли еще въ чемъ. Конечно, итальянецъ бьетъ по всѣмъ этимъ струнамъ грубѣе и сильнѣе, потому-что у него нѣтъ изобрѣтательной ловкости и тонкости вкуса, чтобъ сравняться съ своимъ образцомъ.

Издревле музыкальный геній націи лелѣялъ и нянчилъ комическую оперу—Россини поднесъ ей самые свѣжіе цвѣты своей фантазіи, да и въ твореніяхъ Донизетти она занимаетъ видное мѣсто. Но тщетно стали бы вы искать въ двадцати слишкомъ произведеніяхъ Верди хоть одно такое, которое принадлежало бы къ болѣе свѣтлому роду. Рѣзвая грація, дары юмора, улыбка сквозь слезы не дались ему. Онъ не можетъ улыбаться; гдѣ онъ пытается сдѣлать это, тамъ выходитъ у него только отвратительная гримаса. Онъ выбираетъ только такіе сюжеты, съ

которыхъ капали бы ядъ и кровь; гнѣвный паѳосъ—вотъ основная черта его музыки; бурныя волненія страсти—вотъ сфера, гдѣ ему легче всего дышать; для сочувствія широко и свободно изливающемуся потоку чувства—у него нѣтъ ни достаточной нѣжности, ни надлежащаго хладнокровія. Выводимые имъ на сцену люди преданы въ жертву самымъ дикимъ побужденіямъ и страстямъ, но бѣдны любовью. Повинуясь влеченію пессимизма, его музыкальная характеристика углубляется въ изображеніе зла. Ея гнѣвныя мелодіи внушены ей ненавистью, ей знакомы дикіе крики мщенія, фальшивая мелодія коварства и хриплый хохотъ презрѣнія и злости. Чудовища въ родѣ оборванной Азучены или горбатаго шута Риголетто, безобразные и душою и тѣломъ,—ея любимцы. Но не одни пороки и преступленія, все вообще патологическое во всевозможныхъ его проявленіяхъ, болѣзни души и тѣла ссужаютъ ее матеріалами и красками для создаваемыхъ ею образовъ. Она подстерегаетъ судорожныя содроганія смертельно раненаго сердца, наклоняется надъ постелью больнаго, чтобы сосчитать послѣднія біенія жизненнаго пульса. Композиторъ, простирающій руку къ такимъ вещамъ, не могъ уже довольствоваться тѣми орудіями, какими дѣйствовала до тѣхъ поръ итальянская опера.

Джузеппе Верди родился 9 октября 1814 г. въ мѣстечкѣ Бусето, лежащемъ миляхъ въ 4 отъ Пармы и въ такомъ же разстояніи отъ Піаченцы. Онъ началъ учиться музыкѣ у мѣстнаго органиста и вскорѣ усвоилъ себѣ все, что только могъ передать ему его учитель. Но какъ ни влекло его въ свѣтъ, къ главнымъ центрамъ художественной жизни, тѣмъ не менѣе, не имѣя ровно никакихъ средствъ, онъ и думать не могъ о томъ, чтобы покинуть родину. Ему пошелъ уже девятнадцатый годъ, какъ наконецъ явилась помощь. Одинъ зажиточный другъ его семейства, Антоніо Барецдо убѣдился въ его талантѣ и снабдилъ его необходимыми средствами для поступленія въ миланскую консерваторію. Полный самыхъ блестящихъ надеждъ, отправился юноша въ столицу Ломбардіи. Но тутъ его ждало самое горькое разочарованіе. Когда онъ явился въ консерваторію просить, чтобы его приняли туда, директоръ этого заведенія Франческо Базеле рѣзко и сухо отказалъ ему. Лицо молодаго художника, говоритъ Фетисъ, сочинитель извѣстнаго музыкальнаго лексикона,—внушило директору непобѣдимое отвращеніе; и дѣйствительно, прибавляетъ онъ,—никогда еще не встрѣчалось композитора съ такой малообѣщающей физіономіей. Отвергнутый консерваторіей, Верди выбралъ себѣ учителемъ Лавинья, капельмейстера Скалы. Этотъ учитель не мучилъ его изученіемъ теоріи, а только заставлялъ его компонировать втеченіи

Джузеппе Верди. Рис. Нейманъ, грав. О Ротъ.

трехъ лѣтъ. Верди писалъ въ это время марши, увертюры, симфоніи, серенады, пѣсни, кантаты, даже церковную музыку; все это осталось неизвѣстнымъ публикѣ. Такимъ образомъ, Верди никогда не пользовался выгодами строгой, основательной школы. Впослѣдствіи онъ силился присоединить къ богатому врожденному таланту соотвѣтствующее образованіе.

Первая опера Верди *«Oberto Conto di San Bonifacio»* была исполнена въ первый разъ въ театрѣ Скала въ 1839 г. и принята съ большимъ одобреніемъ. Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ всѣ другія оперы Верди, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли въ свое время успѣхъ, а другія пали, мы займемся только тѣми, которыя сдѣлали Верди однимъ изъ самыхъ популярныхъ композиторовъ нашего времени. Этихъ оперъ пять: *Эрнани*, написанная въ 1848 г., *Риголетто* (1851 г.), *Троваторе* (1853), *Травіата*, (1853 г.) и *«Ballo in Maschera»* (1859).

Либретто *«Эрнани»* взято изъ извѣстной трагедіи Виктора Гюго, того же имени. Если въ произведеніи великаго поэта безсиліе и скудость мысли, неестественность характеровъ и т. п. недостатки еще прикрыты до извѣстной степени шумихою реторическихъ фразъ,—то въ либретто, которое имѣетъ дѣло только съ драматическимъ сырымъ матеріаломъ, все это выступаетъ во всей своей наготѣ. Къ величайшимъ нелѣпостямъ, какія когда либо являлись на сценѣ, принадлежитъ катастрофа. Вслѣдствіе соглашенія, въ родѣ того, которое лежитъ въ основаніи такъ-называемой американской дуэли, Эрнани отдалъ въ распоряженіе стараго графа Сильвы свою жизнь. Звукъ рога, возвѣщающій близость врага, тревожитъ бывшаго бандита, а теперь новобрачнаго герцога, среди упоеній медоваго мѣсяца. Его мольбы такъ же тщетны, какъ и Эльвирины слезы. Въ развивающемся отсюда терцетѣ теноръ молитъ со всею силою высокаго груднаго регистра; вмѣстѣ съ нимъ молитъ и нѣжный сопрано;—но кровожадный басъ непреклоненъ, пока наконецъ двойное самоубійство не утоляетъ его мстительности. Партитура обнаруживаетъ еще полную зависимость Верди отъ Донизетти; всевозможные мелодическіе кусочки съ богато убраннаго стола Люціи и Люкреціи составляютъ главное содержаніе музыки. Но къ этимъ лакомствамъ примѣшивается какой-то своеобразный, горькій и противный элементъ, который долженъ предохранить ихъ, какъ примѣсь смолы къ греческимъ винамъ, отъ приторности. Что эта опера удержалась до сихъ поръ,—этимъ она обязана бравурной аріи Эльвиры во второмъ актѣ и второму финалу.

Основою риголетто тоже служитъ трагедія Виктора Гюго: *«Le roi s'amuse»*. Въ сущности это произведеніе Виктора Гюго ничто иное какъ замаскированный пасквиль и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ отвратительныхъ эстетическихъ проступковъ. Вся пьеса живетъ и дышетъ въ сферѣ нравственнаго растлѣнія, которая французскимъ романистамъ пріятнѣе всевозможныхъ аравійскихъ благоуханій. Болѣе сильнаго злоупотребленія контрастами не встрѣтишь нигдѣ. Благословленія и проклятія, самый безсовѣстный эгоизмъ и самоотверженіе, доходящее до степени самоуниженія, безстыдное легкомысліе и еще болѣе противная сентиментальность рисуются другъ подлѣ друга въ самомъ преувеличенномъ видѣ. Еслибы подобный сюжетъ попался въ руки Донизетти, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ отказался бы отъ всякаго внутренняго сродства съ нимъ и окунулъ бы его въ потокъ своихъ звуковъ, бывшій у него всегда наготовѣ. Не такъ поступилъ Верди. Онъ схватился обѣими руками за собранные въ трагедіи французскаго поэта ужасы и придалъ имъ еще болѣе силы своею музыкою. Главный козырь этой оперы — это извѣстный квартетъ послѣдняго акта, постоянно приводящій въ восторгъ большинство публики. Въ это время сцена представляетъ шинокъ Спарафуцилы; вѣтреный герцогъ шутитъ и любезничаетъ съ сестрою бандита, тогда какъ погубленная имъ Гильда и ея отецъ Риголлето, незамѣтно для него, слѣдятъ за нимъ. Самый пошлый цинизмъ и готовое на величайшія жертвы самоотверженіе любви, веселое волокитство и разрывающіе грудь стоны, всѣ эти контрасты, схваченные въ одной рамкѣ—вотъ задача, ожидавшая композитора и исполненная имъ самымъ блестящимъ образомъ. Только необыкновенный талантъ могъ создать изъ подобнаго матеріала такой восхитительный *morceau d'ensemble*. Нельзя не удивляться реалистической силѣ характеристики, искусному сочетанію голосовъ и все болѣе и болѣе возрастающему эффекту.

1853 г. подарилъ римлянъ оперою *Троватаре*, — произведеніе, обозначающее, какъ въ отношеніи богатства и разнообразія музыкальнаго изобрѣтенія, такъ и въ отношеніи драматической силы выраженія, высшую точку, до какой когда-либо достигало творчество Верди. Эта опера имѣла такой успѣхъ, какимъ можетъ похвалиться за послѣдніи двадцать лѣтъ только еще одна опера—Фаустъ Гуно. Ея мелодіи раздаются на всѣхъ языкахъ; она доставляетъ обильные сборы театральнымъ кассамъ и не менѣе какъ четыре одинаково выгодныхъ роли исполнителямъ. Четыре выгодныхъ роли въ одной и той же оперѣ!—кто знакомъ съ дѣломъ, тотъ знаетъ, что это значитъ. Содержаніе этой оперы, представляющее дикую смѣсь ужасовъ и преступленій, либрето заимствовано изъ испанской драмы. Продѣлки цыганъ, похищеніе ребенка, ядъ, преступленіе, костры и т. п. вещи образуютъ трагическія принадлежности дѣйствія. Хотя пылающій костеръ освѣщаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ чуть не каждую сцену, тѣмъ не менѣе самыя важныя отношенія дѣйствующихъ лицъ другъ къ другу покрыты мракомъ. А когда наконецъ ожидающая смерти на кострѣ Азучена кричитъ въ порывѣ мщенія графу, что павшая по его повелѣнію голова—голова его брата,—это точь въ точь такой же конецъ, какъ и въ оперѣ Галеви «Жидовка».

Ни въ одной изъ оперъ Верди не проявляется въ такой сильной степени самые разнообразные элементы, соединяющіеся въ личности ихъ творца, какъ въ Троваторе. Замѣчательная сила творчества и самый смѣлый натурализмъ, который не останавливается ни передъ какимъ средствомъ выраженія, рѣдкая способность пользоваться драматичностью положенія и пристрастіе къ совершенно безполезнымъ ужасамъ—идутъ рука объ руку. Вмѣсто увертюры композиторъ открываетъ обыкновенно свои оперы нѣсколькими шумными восклицаніями оркестра. Такимъ же тревожнымъ сигналомъ начинается и Троваторе. Затѣмъ вплоть до втораго акта преобладаетъ характеръ танцовальной музыки, звуки галопа и вальса не перестаютъ раздаваться въ ушахъ вашихъ. Болѣе благородный тонъ начинается только въ адажіо Леонориной аріи, за то аллегро отличается еще большею необузданностью. Въ разсказѣ цыганки мы встрѣчаемъ рядомъ съ преувеличеніями и выраженія глубокаго чувства. Мелодическіе оазы третьяго акта, это аріозо Азучены и анданте въ аріи Манрико. Исполненная глубокаго чувства въ анданте, но опять-таки обезображенная отвратительнымъ аллегро, арія Леоноры открываетъ четвертый актъ. За нею слѣдуетъ одинъ изъ самыхъ эффектныхъ *morceau d'ensemble*, какими только можетъ похвалиться новѣйшая опера. Точно такъ же и послѣдняя сцена, съ страстнымъ прощаніемъ любящихся, принадлежитъ къ лучшему, что только создано композиторомъ.

Опера *Травіата*, либрето которой заимствовано изъ извѣстнаго романа Дюма-сына *«La dame aux camélias»*, и опера *Ballo in maschera*, у которой тоже либрето, что и у Оберова *«Gustave ou le bal masqué»*, принадлежитъ къ самымъ безукоризненнымъ произведеніямъ Верди. Не то, чтобы источникъ изобрѣтенія струился въ нихъ особенно сильно; напротивъ того, въ Риголетто и Троваторе несравненно больше удачныхъ мелодическихъ и драматическихъ пассажей, но въ этихъ операхъ музыка относится съ большимъ уваженіемъ къ художественному приличію; обращеніе съ голосами напоминаетъ болѣе мягкія преданія прежнихъ школъ, а инструментовка держится болѣе нѣжныхъ обычаевъ.

Верди живетъ въ сельскомъ уединеніи въ окрестностяхъ Буссето, своей родины. Благодаря своимъ трудамъ, онъ теперь изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ въ странѣ. Итальянскій король и бывшій французскій императоръ покрыли его грудь орденами, а французская академія предоставила ему упраздненное смертью Мейербера кресло.

Путешествіе персидскаго шаха и пребываніе его въ Москвѣ и Петербургѣ.

По свѣдѣніямъ напечатаннымъ въ „Русскомъ Инвалидѣ", Его Величество Насръ-эдинъ Шахъ Персидскій, сѣлъ въ Ензели на пароходъ 30-го апрѣля—и 2-го мая въ 9 часовъ вечера встрѣченъ былъ въ морѣ астраханскимъ губернаторомъ, который былъ тотчасъ приглашенъ представиться Его Величеству. Губернаторъ, привѣтствуя Его Величество съ благополучнымъ прибытіемъ на границу Россіи, испросилъ дозволеніе отправиться впередъ для принятія Шаха въ Астрахани.

3-го мая, въ 3 часа пополудни, Шахъ прибылъ въ Астрахань, гдѣ и былъ встрѣченъ салютаціонною пальбою и національнымъ персидскимъ гимномъ, при огромномъ стеченіи публики. Съ пристани Его Величество отправился въ приготовленное для него помѣщеніе въ губернаторскомъ домѣ, у подъѣзда котораго принялъ отъ мѣстныхъ войскъ почетный караулъ. Во время проѣзда, Шахъ былъ радушно встрѣчаемъ собравшимся на пути народомъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха Шахъ пожелалъ видѣть пожарную команду и лично благодарилъ полицеймейстра за удовольствіе, доставленное какъ скоростію сбора команды, такъ и эволюціями, на которыя Его Величество смотрѣлъ изъ оконъ губернаторскаго дома. Сопровождающему Шаха флигель-адъютанту Безаку Его Величество поручилъ благодарить команду.

Вечеромъ Шахъ посѣтилъ театръ, и при входѣ встрѣченъ былъ персидскимъ національнымъ гимномъ. Пробывъ до конца въ театрѣ, Его Величество особенно остался доволенъ піесою „Русская свадьба", прекрасная постановка и бытовая сторона которой весьма интересовали Шаха. 4-го мая послѣ полудня Его Величество отплылъ въ дальнѣйшее путешествіе.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что въ самый полдень, 7-го мая, древняя столица Россіи приняла царственнаго гостя Насръ Эддинъ-шаха. Въ 6 часовъ утра 7-го мая, императорскій поѣздъ, въ которомъ находился его величество со свитой, вступилъ въ предѣлы Московской губерніи, причемъ шахъ обратилъ свое вниманіе на мостъ черезъ Оку, первое подобнаго рода построеніе, которое онъ увидѣлъ въ Европѣ. Царственнаго гостя въ Коломнѣ ожидали московскій губернаторъ и мѣстные предводитель дворянства и городской голова. Послѣднимъ отъ лица города подпесена была великолѣпно убранная коломенская пастила, черезъ генералъ-адъютанта князя Меншикова. Въ $7^1/_2$ часовъ на станціи Фаустово шахъ былъ встрѣченъ музыкой оркестра Крейнбринга, игравшаго персидскій маршъ, сочиненный А. И. Дюбюкомъ. Городской голова сосѣдняго города Бронницъ, коммерціи совѣтникъ Кононовъ, привѣтствовалъ его величество краткою рѣчью и поднесъ великолѣпную корзину съ фруктами. Затѣмъ, на платформу явилась депутація отъ персіянъ, ведущихъ торговлю въ Москвѣ. Дверь вагона отворилась, и шахъ въ блестящемъ мундирѣ, осыпанномъ рубинами и бриллiантами, въ бриллiантовыхъ эполетахъ, сталъ въ дверяхъ. Подданные преклонились предъ своимъ повелителемъ и громко привѣтствовали его. Персіяне чрезъ консула поднесли шаху фотографическіе виды Москвы въ роскошномъ альбомѣ и корзину фруктовъ. Ровно въ полдень поѣздъ прибылъ въ Москву. Прекрасное, ясное утро смѣнило нѣсколько уже дней продолжавшуюся сумрачную, дождливую погоду, и жители столицы въ громадномъ числѣ наполнили площадь предъ рязанскою станціей и улицы, по коимъ шахъ имѣлъ проѣхать. Его Величество принялъ въ вагонѣ московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукаго. На платформѣ находились командующій войсками московскаго округа, лица занимающія высшія военныя и гражданскія должности, и множество дамъ. На привѣтствіе генералъ-губернатора, переведенное драгоманомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гамазовымъ, его величество отвѣчалъ самымъ привѣтливымъ выраженіемъ. По представленіи шаху почетнаго караула со знаменемъ отъ лейбъ-екатеринославскаго полка, его величество сѣлъ одинъ въ парадную карету, запряженную шестеркой лошадей бѣлой масти. За нимъ слѣдовалъ великій визирь, также одинъ, въ открытомъ экипажѣ. Затѣмъ, поѣздъ съ принцами и свитой въ придворныхъ экипажахъ проѣхалъ отъ Красныхъ воротъ въ Кремлевскій дворецъ. Всѣ улицы покрыты были густыми массами народа; дома украшены были коврами, персидскими флагами и зеленью. По всему протяженію пути народъ привѣтствовалъ повелителя сосѣдней и дружественной страны. На крыльцѣ дворца шахъ встрѣченъ былъ его сіятельствомъ В. А. Долгоруковымъ, опередившимъ поѣздъ, и вице-президентомъ дворцовой конторы, графомъ Ламздорфомъ. Въ залахъ дворца были караулы отъ ростовскаго пѣхотнаго полка, отъ сумскаго гусарскаго и отъ роты дворцовыхъ гренадеръ. Войдя въ георгіевскую залу, шахъ видимо былъ удивленъ ея великолѣпіемъ; изъ андреевской залы онъ вышелъ на террасу. Предъ нимъ, при ясномъ солнечномъ сіяніи открылся великолѣпный видъ на Замоскворѣчье, золотые куполы храма Спасителя, кремлевскія башни и множество народа, покрывавшаго набережную. Громкое ура привѣтствовало шаха. Въ глубокомъ молчаніи нѣсколько минутъ стоялъ Насръ-Эддинъ, окидывая взоромъ величественный видъ, ему представившійся. Обратившись къ генералъ-губернатору, шахъ сказалъ: «Прошу выразить Государю Императору мою глубочайшую благодарность за пріемъ, сдѣланный мнѣ властями и народомъ». Затѣмъ его величество отправился во внутренніе покои. Вечеромъ его величество былъ въ Большомъ театрѣ, гдѣ давали балетъ „Волшебный башмачокъ". Театръ былъ освѣщенъ à giorno. Шахъ, пріѣхавъ въ театръ, вошелъ сначала въ среднюю императорскую ложу, въ сопровожденіи генералъ-губернатора князя Долгорукова, верховнаго визиря, персидскихъ принцевъ и министровъ. Сѣвъ въ срединѣ ложи, онъ предложилъ подлѣ себя мѣсто генералъ-губернатору. Просидѣвъ первый актъ балета въ средней ложѣ, шахъ ко второму акту перешелъ въ боковую царскую ложу, гдѣ, посадивъ подлѣ себя князя В. А. Долгорукова, пригласилъ сѣсть и генералъ-адъютанта князя Меншикова и пробылъ въ ложѣ до окончанія спектакля. Во продолженіе всего представленія, вся свита шаха находилась стоя въ обѣихъ ложахъ. Роскошная постановка балета чрезвычайно понравилась шаху, и онъ изъявилъ желаніе посѣтить Большой театръ и 8 мая. Утромъ, 8-го мая, его величество посѣтилъ оружейную плату, гдѣ встрѣченъ былъ директоромъ ея, ректоромъ московскаго университета С. М. Соловьевымъ, который, при посредствѣ г. Гамазова, объяснялъ шаху достопримѣчательности, находящіяся въ оружейной палатѣ. Съ особеннымъ любопытствомъ разсматривалъ высокій посѣтитель бирюзовый тронъ, который, какъ извѣстно, былъ присланъ въ подарокъ царю Борису Ѳеодоровичу однимъ изъ предшественниковъ Насръ-Эддина, шахомъ Аббасомъ, въ началѣ XVII столѣтія. По возвращеніи изъ оружейной палаты, шахъ, еще наканунѣ изъявившій желаніе познакомиться съ нѣкоторыми изъ лицъ военнаго и гражданскаго званія, принималъ всѣхъ въ картинной галлереѣ. Затѣмъ его величество отправился въ лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, гдѣ былъ встрѣченъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, княземъ А. П. Ширинскимъ-Шихматовымъ, директоромъ института Н. Д. Деляновымъ и всѣми служащими. Въ большомъ залѣ, гдѣ были собраны преподаватели и воспитанники, его величество, сѣвъ на особоприготовленное возвышенное мѣсто, благоволилъ выслушать привѣтственную рѣчь на персидскомъ языкѣ, сказанную профессоромъ Назарьянцемъ, и стихотвореніе на арабскомъ, сочиненное и прочтенное профессоромъ Муркосомъ. Вечеромъ, послѣ спектакля, его величество прямо изъ театра отправился на великолѣпный балъ данный генералъ-губернаторомъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ.

10 мая въ 1 ч. 10 минутъ по-полудни состоялся давно ожидаемый пріѣздъ шаха персидскаго въ Петербургъ. Ко времени проѣзда шаха въ Зимній дворецъ, густыя толпы народа покрывали Невскій и вообще всѣ улицы и площади отъ Петербургскаго вокзала Николаевской дороги до дворца; скопленіе публики было наиболѣе значительное у Полицейскаго и Аничкина мостовъ и противъ Казанскаго собора; внѣшній порядокъ охраняла городская полиція и жандармы. На многихъ пунктахъ играли военные хоры музыки, городъ былъ убранъ флагами, въ нѣсколькихъ окнахъ по Невскому проспекту были выставлены портреты шаха.

Въ Зимнемъ дворцѣ при пріемѣ шаха былъ большой

парадный выходъ, гдѣ принимали его величество также Государыня цесаревна и Великая Княгиня Александра Петровна. По окончаніи пріема, его величество шахъ персидскій, часу въ шестомъ, проѣзжалъ по Петербургу въ коляскѣ, съ садразамомъ и княземъ Суворовымъ. Съ шахомъ персидскимъ во двор-цѣ помѣщаются: садразамъ Мирза-Хусейнъ-ханъ, Яхья-ханъ, Низамъ-ульмулькъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Мирза-Али-ханъ, лебъ-медикъ шаха Толозанъ, одинъ изъ церемоніймейстеровъ, и человѣкъ десять камергеровъ. Послѣ обѣда персидскіе гости верхомъ и въ колясках стали появляться и на улицахъ. Шахъ персидскій послѣ обычнаго визита осматривалъ эрмитажъ, вечеромъ былъ на парадномъ спектаклѣ въ Большомъ театрѣ.

Вмѣстѣ съ шахомъ персидскимъ, по словамъ „Journal de St.-Petersbourg", пріѣхалъ младшій братъ его, Иззидъ-Даулэ Абдулъ-Самадъ-мирза, имя котораго не значилось въ напечатанномъ на дняхъ спискѣ свиты шаха. Братъ шаха вполнѣ образованный человѣкъ—не только съ персидской, но даже съ европейской точки зрѣнія, говоритъ хорошо по-французски и свѣдущъ въ наукахъ.

Свита прибывшаго въ Петербургъ персидскаго шаха состоитъ изъ полномочнаго министра, 37 высшимъ сановниковъ и 13 придворныхъ служителей. Вотъ имена и званія этихъ лицъ. Мирза-Малькомъ-ханъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, раньше шаха объѣхавшій Европу, выѣхалъ на встрѣчу персидскому шаху въ Астрахань и будетъ сопровождать его во время посѣщенія всѣхъ европейскихъ дворовъ. Принцы и министры: 1) его свѣтлость *Хаджи-мирза-Хуссейнъ-ханъ*, великій визирь; 2) принцъ *Али-Кули-мирза*, министръ народнаго просвѣщенія; 2) принцъ *Султанъ-Мурадъ-мирза*, 4) принцъ *Фирузъ-мирза*, 5) принцъ *Имамъ-Кули-мирза*, 6) *Аллахв-Кули-ханъ*, 7) *Яхія-ханъ*, министръ двора и генералъ-адъютантъ шаха, 8) *Мухамедъ-Рахимъ-ханъ*, главный церемоніймейстеръ; 9) *Хассанъ-Али-ханъ*, министръ общественныхъ работъ; 10) *Али-Риза-ханъ*, хранитель печати шаха, его родственникъ; 11) *мирза-Абдулъ-Вехабъ*, главный толкователь закона; 12) *мирза-Али-ханъ*, секретать шаха; 13) докторъ *Тхолозанъ*, врачь шаха. Пишхидметы (придворные чины) шаха: 14) *Ага-Али*, казначей шаха; 15) *Хаджи-мирза-Али*, 16) *мирза-Мухамедъ-ханъ*, начальникъ хранителей ружей его величества; 17) *Мухамедъ-Али-ханъ*, начальникъ по гардеробной части; 18) *Ага-Риза*, главный фотографъ; 19) *Гуламъ-Хуссеинъ-ханъ*, 20) *Мехди-Кули-ханъ*, родственникъ шаха; 21) *Ага-Веджихъ*, прицъ; 22) *Махамедъ - Хассанъ - ханъ*, 23) *Султанъ-Хуссеинъ-мпрза*. Сартипы (генералы): 24) *Султанъ-Овеисъ-мирза*, сартипъ перваго класса; 28) *Али-Кули-ххнъ*, директоръ персидскихъ телеграфовъ, сартипъ 1-го класса; 26) *Хассанъ-Али-ханъ*, сартипъ 2-го класса; 27) *Мухамедъ-Бахыръ-ханъ*, сартипъ 3-го класса. Церемоніймейстеры: *мирза-Али-Нагви*, 29) *Мухамедъ-Хассанъ-ханъ*. Адъютанты: 30) *мирза-Риза*, 31) *мирза-Аредъ*. Разные чины: 32) *Рахметуллахв-ханъ*-начальникъ тѣлохранителей шаха, 33) *Хаджи-Муста, фа-Кули-ханъ*, оберъ-егермейстеръ шаха; 34) *Ибрахимъ-ханъ*, шталмейстеръ; 35) *Ага-Ибрахимъ*, главный кравчій; 36) *Хаджи-Мухамедъ-ханв*, начальникъ служителей, приготовляющихъ кофе и кальянъ; 37) *Ага-Риза*, привратникъ шаха. Кромѣ этихъ лицъ шахъ везетъ еще 13 человѣкъ придворной прислуги.

Шахъ персидскій пробудетъ въ Петербургѣ семь дней. Въ перый день, 10-го мая, какъ говорятъ, будетъ пріемъ; вечеромъ онъ посѣтитъ балетъ въ Большомъ театрѣ. 11-го — большой парадъ на Марсовомъ полѣ, завтракъ у принца Ольденбургскаго. 12-го—бригадное ученье, обѣдъ въ концертной залѣ, спектакль въ Михайловскомъ театрѣ. 13-го гулянье и фейерверкъ на Елагиномъ островѣ. 14-го—бригадное ученье, балъ въ концертной залѣ; 15-го бригадное ученье, балетъ; 16-го—спектакль въ Царскомъ селѣ, ужинъ въ большомъ дворцѣ; 17-го—отъѣздъ.

11 мая, въ 12 часовъ, состоялся на Марсовомъ полѣ Высочайшій смотръ въ честь персидскаго шаха Насръ Эддина.

Еще съ девяти часовъ утра началъ собираться народъ, покрывшій густою массою всѣ окрестности Марсова поля и инженерной площадки. Устроенныя для публики мѣста надъ Лебяжьей канавою были украшены русскими и персидскими флагами, а на эстрадѣ выставлены бюсты его величества шаха. Персидскіе сановники, частью верхомъ, частью въ экипажахъ, стали собираться у Михайловскаго манежа еще съ 11 часовъ; одѣты они были въ черныхъ полукафтанахъ, шитыхъ золотомъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ русскихъ лентахъ.

Ровно въ 12 часовъ, въ коляскѣ вмѣстѣ съ шахомъ персидскимъ, прибылъ Государь Императоръ. Его Высочество главнокомандующій, какъ передаютъ въ „Русск. Инвал.", встрѣтивъ Ихъ Величества, подалъ шаху почетный рапортъ, и затѣмъ начался объѣздъ войскъ. Государь Императоръ имѣлъ на шеѣ портретъ шаха персидскаго, украшенный драгоцѣнными камнями, а шахъ Насръ-Эддинъ былъ въ Андреевской лентѣ. Вниманіе всѣхъ было обращено на богатое убранство лошади шаха; чепракъ былъ весь шитъ золотомъ, а надъ гривою возвышался бѣлый султанъ, украшенный драгоцѣнными камнями. За шахомъ слѣдовалъ пѣшкомъ конюшій, неся накидку вродѣ плаща, шитую золотомъ. Войска, при приближеніи государей, отдавали честь, причемъ музыка играла персидскій гимнъ, а затѣмъ, когда Государь Императоръ изволилъ поздороваться съ войсками,—русскій гимнъ.

Объѣхавъ войска шагомъ, Государь Императоръ направился къ палаткѣ, выстроенной на серединѣ Марсова поля. На парадѣ въ палаткѣ изволили присутствовать Ихъ Высочества: Государыня цесаревна, Великая Княгина Александра Петровна и принцеса Терезія Ольденбургская; здѣсь же помѣщались и высшіе чины персидскаго двора, бывшіе пѣшкомъ.

Когда линіи войскъ были сомкнуты, начался церемоніальный маршъ; сначала проходила пѣхота въ полковыхъ колонахъ, стрѣлковыя части, побатальонно, бѣгомъ; за пѣхотою—кавалерія, поэскадронно, перемѣнными алюрами; затѣмъ конная артиллерія, побатарейно, рысью, за исключеніемъ учебной батареи, которая лихо пронеслась вкарьеръ и также молодецки остановилась у дома принца Ольденбургскаго; кавалерія, послѣ прохожденія, выстроилась фронтомъ къ Лѣтнему саду, имѣя головы полковъ на линіи, и по общему сигналу, поданному Государемъ Императоромъ, понеслась вкарьеръ. Въ разстояніи шаговъ 15 отъ палатки, кавалерія была остановлена и отдала всѣми частями одновременно честь его величеству шаху и находящимся въ палаткѣ Высочайшимъ особамъ. По окончаніи парада, Его Величество, вмѣстѣ съ шахомъ, отправился на завтракъ къ Его Высочеству принцу Ольденбургскому.

По словамъ „Голоса", парадъ 11-го мая и вообще наши войска произвели на шаха весьма глубокое впечатлѣніе, такъ что по окончаніи смотра онъ поздравилъ Государя съ прекраснѣйшимъ войскомъ, а когда великій князь Николай Николаевичъ Старшій изволилъ спросить его, какая часть войска ему понравилась болѣе, онъ выразился, что всѣ части русскаго войска равномѣрно превосходны и обучены въ совершенствѣ. На завтракѣ у принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго по правую и лѣвую стороны шаха сидѣли Ея Высочество Государыня Цесаревна и великая княгиня Александра Петровна.

(Окончаніе будетъ).

Хива.

Статья Г. Ф. Гельмерсена. (Переводъ изъ «Nordische Presse»).

На югъ отъ Аральскаго моря, на широтѣ Рима и меридіанѣ Урала, простирается по лѣвому берегу впадающей въ это море рѣки Аму-Дарьи (древняго Оксуса, арабскаго Джигуна или Сигона) равнинная впадина, ограниченная съ востока песчаною пустынею Кизилъ-Кумъ (Красный песокъ) и низкой цѣпью возвышенностей Шейхъ-Джейли, съ юга и юго-запада туркменскою пустынею, а съ запада нагорною равниною Устьюртъ. Эта небольшая плодородная котловина есть нынѣшнее ханство Хива въ самомъ тѣсномъ значеніи; размѣры поверхности его обозначены весьма различно у разныхъ географовъ. Муравьевъ [1]) придаетъ этому оазу длину съ сѣвера къ югу въ 170 верстъ, а ширину съ запада къ востоку 150 верстъ. Каверзинъ [2]) считаетъ разстояніе отъ Пятняка, у южнаго конца, до Кунграта, на сѣверѣ ханства, въ 120 верстъ, а ширину отъ Ургеуча до Хивы въ 40 верстъ. Базинеръ [3]), посѣтившій Хиву въ 1842 г. въ свитѣ полковника Данилевскаго, придаетъ этой впадинѣ размѣры въ 671 квадратную милю — это вѣроятно описка. Всего вѣрнѣе будетъ, если мы основаніемъ разсчета примемъ вышедшую въ 1851 г. карту Аральскаго моря и ханства Хивы, Ханыкова [4]), и новѣйшія карты, изданныя императорскимъ генеральнымъ штабомъ. По этимъ картамъ выходитъ, что вся впадина отъ Пятняка (или Питняка) до Аральскаго моря имѣетъ приблизительно 11 — 12,000 квадратныхъ верстъ; количество-же воздѣланной земли отъ Пятняка до Лаудана равняется только 6 — 7,000 квадратнымъ верстамъ, потому что большая часть сѣверной полосы населена сплошь кочующими племенами и скудно обработана. Эта сѣверная, наибольшая часть ханства отдѣлена отъ южной двумя рукавами или устьями Аму-Дарьи, которые отвѣтвляются отъ рѣки подъ городомъ Кипчакомъ. Одинъ изъ этихъ рукавовъ, Лауданъ, течетъ по направленію съ востока на западъ и впадаетъ въ мелкое, болотистое озеро Айбугиръ, бывшее встарину бухтою Аральскаго моря, у узкаго прохода въ которую, близъ мыса Урья, долженъ быть построенъ русскій фортъ. Другой рукавъ, по названію Кюкъ-Узякъ, оказывается незначительною рѣчкою, которая от-

Инженерный замокъ. Рис. Де-ла-Шарлери, грав. Паннемакеръ.

(За крайнимъ недостаткомъ мѣста статья къ рисунку «Инженерный замокъ» будетъ помѣщена въ слѣдующемъ №).

[1]) Murawyëw. Voyage en Turcomanie et à Khïwa. Paris 1823, page 232.

[2]) Бэръ и Гельмерсенъ. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Zweites Bändchen. St.-Petérsburg, 1839.

[3]) Beiträge и пр. Funfzehntes Bändchen, 1848.

[4]) На русскомъ языкѣ, по меркаторской проекціи.

дѣляется отъ Аму-Дарьи съ правой стороны, течетъ на сѣверо-востокъ и теряется въ болотистой низменности, богатой озерами и поросшей густыми камышами; эта низменность тянется вдоль южнаго берега Аральскаго моря и, по словамъ нѣкоторыхъ географовъ, называется озеромъ Дау-Кара. Всю эту, болѣе или менѣе подверженную наводненіямъ, сѣверную половину Хивы можно считать дельтою Аму-Дарьи.

Владѣльцы Хивы самовластно простираютъ предѣлы своихъ владѣній далеко за эту дельту; они считаютъ своими подданными всѣ сосѣднія кочующія племена, которыя платятъ имъ принудительную дань, приводятъ къ нимъ въ неволю похищенныхъ русскихъ и персіянъ и нанимаются имъ помогать въ грабительскихъ набѣгахъ и въ нападеніяхъ на русскіе торговые караваны. Опредѣленіе точныхъ границъ послѣдуетъ только теперь, по окончаніи похода противъ Хивы.

Почва хивинскаго оаза состоитъ изъ горизонтальныхъ пластовъ мелко раздробленной наносной (аллювіальной) глины, пепельно-сѣраго цвѣта, съ большей или меньшей примѣсью песку. Русло-же Аму-Дарьи состоитъ, говорятъ, изъ чистой глины и ила. Южная половина ханства—настоящій плодородный оазъ—пересѣчена частою сѣтью ирригаціонныхъ каналовъ, проведенныхъ отъ Аму-Дарьи. Базинеръ, въ своемъ описаніи Хивы, насчитываетъ на западномъ берегу рѣки 10 главныхъ каналовъ, шириною отъ 35 до 100 футовъ, и 144 меньшихъ каналовъ, отъ нихъ проведенныхъ, шириною отъ 7 до 28 футовъ. Въ сѣверной половинѣ—всего 4 главные и 3 меньшіе канала. Главные каналы имѣютъ отъ 10 до 14 и болѣе футовъ глубины, и нѣкоторые изъ нихъ служатъ водяными путями для большихъ нагруженныхъ лодокъ, какъ напр. каналъ Хана и каналъ Казаватъ. Многіе каналы окаймлены аллеями, которыя очень берегутся, потому что деревья нерѣдко употребляются для построекъ. Многія изъ главныхъ дорогъ пересѣкаются каналами, и черезъ нихъ построены мосты. Хорошія войска могли бы съ нѣкоторымъ успѣхомъ защищать пересѣченную такимъ образомъ мѣстность, но отъ хивинцевъ этого нельзя ожидать, ибо они такъ боятся европейскаго огнестрѣльнаго оружія, что всегда стараются держаться внѣ выстрѣла.

Аму-Дарья три раза въ годъ разливается. Первый разливъ, весьма незначительный, бываетъ во время ледохода, обыкновенно около середины февраля. Второй разливъ, самый значительный, начинается въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Вода прибываетъ 14 дней и такъ же медленно убываетъ. Третій разливъ, продолжающійся не болѣе 8—10 дней, бываетъ большею частью въ концѣ сентября. Каверзинъ говоритъ, что этотъ разливъ самый высокій, и что поверхность рѣки тогда поднимается иногда на 14 и до 18 футовъ. Однако-же Аму-Дарья только ниже Кунграта выступаетъ изъ береговъ и наводняетъ въ особенности свой восточный берегъ, вслѣдствіе чего въ этихъ мѣстахъ залегаютъ большіе заливные луга. Выше по теченію ихъ нѣтъ, потому что рѣка рѣдко, при самомъ большомъ половодіи, заливаетъ свои берега, мѣстами возвышенные даже искусственными насыпями. Межень, т. е. самое сухое для теченія рѣки время, бываетъ въ іюнѣ. Въ это время можно вбродъ переѣхать черезъ нее верхомъ, но это только выше Пятняка.

При половодіи быстрота рѣки необыкновенно усиливается—мѣстами до 6 футовъ въ секунду [1]), и тогда она несетъ множество отмытыхъ органическихъ и неорганическихъ частицъ, которыя расходятся по лѣниво-текущимъ каналамъ и въ нихъ осаждаются на дно. Ежегодная расчистка каналовъ отъ этого ила составляетъ тяжелую обязанность для пользующихся землями и исполняется невольниками и поденщиками съ великимъ трудомъ. Чѣмъ больше разливъ — тѣмъ лучше урожаи; въ противномъ случаѣ бываетъ голодъ, какъ это было въ 1804 г. вслѣдствіе продолжительной засухи. Голодъ въ томъ же году повлекъ за собою и сильныя эпидеміи.

Хотя широта Хивы та же, что широта средней Италіи, однако климатъ не имѣетъ ничего общаго съ климатомъ счастливаго полуострова. Вслѣдствіе своего положенія въ центрѣ материка, Хива, окруженная вдобавокъ безлѣсными пустынями Арало-Каспійской впадины, имѣетъ характеризующій среднюю Азію, суровый, чисто-континентальный климатъ. Въ ноябрѣ или декабрѣ начинается холодная зима, въ нѣкоторые дни сгоняющая ртуть до 17 и даже 20° ниже 0, по Реомюру, и покрывающая Аму-Дарью и часть Аральскаго моря льдомъ толщиною въ 12—18 дюймовъ; за зимою въ мартѣ слѣдуетъ короткая, сухая весна, а тамъ — знойное, почти безъ дождя, лѣто; тогда палящій дневной жаръ, до 28—30° выше 0, смѣняется прохладною ночью. Какъ обитатели Дантова Чистилища, жители Хивы осуждены «терпѣть муки отъ жара и отъ стужи». Но эти муки еще усиливаются въ степяхъ и песчаныхъ пустыняхъ, черезъ которыя приходится пройти нашимъ войскамъ, идущимъ въ Хиву съ сѣвера, сѣверо-запада и востока. Когда фельдмаршалъ, графъ Бергъ, въ то время еще полковникъ генеральнаго штаба, рекогносцировалъ въ зиму 1825 — 26 г.г. мѣстность отъ Оренбурга до западнаго берега Аральскаго моря, термометръ часто по цѣлымъ днямъ стоялъ на 20, 25° ниже 0; между тѣмъ не надо забывать, что только офицеры имѣли палатки, а люди должны были проводить всѣ ночи подъ открытымъ небомъ, даже въ метель и вьюгу. Еще тяжелѣе приходилось войскамъ, которыя графъ Перовскій велъ въ Хиву въ зиму 1839—40 гг. черезъ тѣ же мѣста. Термометръ упалъ ниже 33°, ртуть замерзала, и наконецъ измученные люди и животныя не могли прокладывать себѣ дороги по нанесеннымъ метелью сугробамъ. Экспедиція не удалась и весною 1840 г. вернулась въ Оренбургъ, потерпѣвъ значительныя потери. Дѣло въ томъ, что маленькая армія была превосходно снаряжена, но выступила, вмѣсто сентября, въ ноябрѣ и напала на зиму необычайно суровую, даже для этихъ странъ.

Два года спустя полковникъ Данилевскій, и съ нимъ упомянутый уже дерптскій естествоиспытатель Базинеръ, въ то же время года и тѣмъ же путемъ отправились черезъ Усть-Юртъ въ Хиву и въ январѣ 1843 г. возвратились въ Оренбургъ, не испытавъ болѣе 17° мороза,—и тамъ гдѣ войска Перовскаго проваливались въ сугробы, Данилевскій нашелъ ровно столько снѣга, сколько нужно было его солдатамъ, чтобъ утолять жажду и стряпать себѣ ѣду.

Этого краткаго обзора достаточно, чтобъ показать, какъ сама природа мѣстными и климатическими условіями затруднила доступъ къ этому маленькому задорному разбойничьему гнѣзду, къ этому континентальному Тунису, и съ какими трудностями должны будутъ бороться наши храбрыя войска въ настоящую экспедицію.

Своею плодородностью хивинскій оазъ обязанъ не только искусственному орошенію, за которымъ ханское правительство строго наблюдаетъ, но и очень теплому лѣту, по милости котораго благоденствуютъ въ Хивѣ такія растенія какъ виноградъ, хлопокъ, гранатовое и тутовое дерево. Всякому, кто пожелаетъ познакомиться поближе съ разно-

[1]) Базинеръ. Быстрота Невы въ быстрыхъ мѣстахъ—около 3 футовъ въ секунду.

образными продуктами хивинской почвы, мы рекомендуемъ уже упомянутое, поучительное сочиненіе Базинера. Какъ ботаникъ, онъ въ немъ представляетъ наглядную картину растительности страны и даетъ подробный списокъ разныхъ сортовъ полезныхъ деревъ, питательныхъ растеній, растеній служащихъ для пряжи, для краски, украшенія, изготовленія масла.

Послѣ утомительнаго странствованія по пустынѣ, этотъ цвѣтущій садъ производитъ на путешественника такое впечатлѣніе, какъ тщательно воздѣланная, теплая низменность Китая, когда вдругъ спустишься въ нее изъ ужасной степи Гоби.

Въ хивинскомъ оазѣ насчитывается 25 городовъ, изъ которыхъ многіе, впрочемъ, не заслуживаютъ этого имени, и около 50 меньшихъ поселковъ. Строенія всѣ, не исключая и столицы ханства, — изъ глины и тонкихъ, кривыхъ бревенъ. Только мечети, въ болѣе значительныхъ городахъ, иногда строятся изъ кирпича. Дома стоятъ въ глубинѣ дворовъ, прислоняются къ сосѣднимъ домамъ и окружены мазаной стѣной; большинство городовъ обнесены плохо содержащимися оградами или снабжены столь-же жалкими, скудно вооруженными цитаделями. Если сравнить различныя показанія о численности населенія ханства, то можно остановиться на цифрѣ 350,000; изъ этой цифры будетъ 100,000 кочевниковъ и 250,000 осѣдлыхъ.

Господствующее племя — турецкое: *Узбеки*. Самъ ханъ Узбекъ. Они — завоеватели земли, занимаются торговлею, земледѣліемъ, охотою, и несутъ военную службу.

Таджики, персидское племя, первоначальные, покоренные жители страны, развитіемъ выше своихъ покорителей. Они самые многочисленные жители Хивы; почти вся торговля въ ихъ рукахъ. Каверзинъ, русскій невольникъ, долго среди ихъ жившій, называетъ ихъ боязливыми, смирными, подлыми; они охотно обманываютъ, дурно платятъ долги; плохіе наѣздники, не годятся для войны, одержимы отвратительнѣйшими пороками, но много молятся и даже между ними есть ученые люди.

Значительную тоже долю населенія составляютъ персидскіе невольники, вольноотпущенные персіяне и ихъ потомство. По Базинеру ихъ отъ 40 до 52,000, по Вамбери — около 40,000. Они очень усердно занимаются земледѣліемъ.

Каракалпаки, въ числѣ около 40,000 душъ, кочуютъ въ сѣверной половинѣ ханства, около устій Аму-Дарьи и по низменностямъ Дау-Кара. Они мало занимаются земледѣліемъ, нѣсколько тяжелы на подъемъ и боязливы, а потому дурные воины, живутъ бѣдно.

Туркмены, племенъ Ямудъ и Гокланъ, живутъ въ окрестностяхъ Куня-Ургендша, Ильалы и Тамгауса, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они нрава хищнаго, задорны и упрямы и служатъ хану на войнѣ.

Киргизы кочуютъ у озера Айбугирь и въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ Каракалпаками; они не очень многочисленны и главное ихъ занятіе — скотоводство. Они часто продаютъ своихъ дѣтей Узбекамъ и Таджикамъ.

Кромѣ этихъ племенъ въ Хивинскомъ ханствѣ есть еще татары, евреи, арабы и ямшиды. Арабы — потомки выписанныхъ очень давно изъ Мекки преподавателей магометанскаго закона. Ямшиды — родомъ изъ Герата и только въ 1841 г. были насильно переселены въ Хиву при набѣгѣ на ихъ родныя мѣста.

Столица имѣетъ около 20,000 жителей, принадлежащихъ разнымъ національностямъ и вообще занимающихся главнымъ образомъ торговлею и мелкими промыслами, въ число которыхъ входитъ, при случаѣ, и воровство. Улицы, какъ и во всѣхъ прочихъ городахъ, кривы и такія узкія, что нагруженный верблюдъ не можетъ свободно проходить по нимъ. Въ видахъ порядка и безопасности приняты нѣкоторыя мѣры, но мало дѣйствительныя. Такъ, напр. у воротъ стоятъ стражи, но краденыя лошади съ величайшей легкостью переводятся черезъ разрушенныя городскія стѣны.

Форма правленія — безусловнѣйшій деспотизмъ. Ханъ, если хочетъ, чтобъ его уважали, — долженъ отъ времени до времени предпринимать большія разбойничія экспедиціи, которыя величаются именемъ войны, и не скупиться на казни. Аллахъ-Кульи, старшій сынъ и наслѣдникъ Мохаммеда-Рахми, былъ нрава мирнаго, добраго, не любилъ ни охоты, ни разбоевъ, — и за это Узбеки и Туркмены его ненавидѣли, тѣмъ болѣе что онъ строго наказывалъ за воровство и грабежъ. Каковы ханы, таковы и слуги ихъ. Каждый правитель города и округа пользуется обширною властью и произволомъ.

Послѣ того какъ Хива, въ средніе вѣка называемая Ховаресмъ или Харесмъ, долго пробыла подъ властью Сельджукійскихъ турокъ и управлялась намѣстниками, — одинъ изъ послѣднихъ, по имени Афтизъ, сдѣлался въ 1127 г. самостоятельнымъ ханомъ. Его преемники простерли свои завоеванія даже на Бухару, Самаркандъ и часть Персіи. Но монголы при Чингисъ-ханѣ вторилась и въ Ховаресмъ, покорили и опустошили страну. Она тоже много натерпѣлась отъ Тимура, который въ 1388 разрушилъ тогдашнюю столицу Ургендшъ и перевелъ жителей въ Самаркандъ.

Потомъ Хива побывала подъ властью еще Бухары и Персіи, и снова досталась Узбекамъ, которые постепенно и придали ей ея нынѣшній строй и видъ.

Чтобы уяснить себѣ настоящія отношенія Хивы къ Россіи, нужно возвратиться къ довольно отдаленному времени. Послѣ походовъ Тимура (1400 г.), казаки основали на Уралѣ и на Волгѣ вольное казачество и не давали пощады ни сухопутной ни морской торговлѣ на Каспійскомъ морѣ. Въ 1603 г. около 1000 уральскихъ молодцовъ перешли чрезъ Усть-Юртъ, врасплохъ напали на городъ Ургендшъ и разграбили его. На обратномъ пути Узбеки напали на эту шайку, отбили у нея награбленныя богатства и женщинъ которыхъ казаки уводили въ неволю, — и перебили на мѣстѣ большую часть казаковъ; но набѣги на Хиву стали повторяться.

Если вспомнить, какъ свѣжа еще должна была быть въ Хивѣ память объ этихъ набѣгахъ, когда донской разбойничій атаманъ, Стенька Разинъ ходилъ по Каспійскому морю со своими судами, — то понятно станетъ, откуда произошло преданіе, и теперь еще существующее въ Хивѣ, будто Заркраукъ, рукавъ встарину посылаемый Аму-Дарьей въ Каспійское море, былъ запруженъ плотиною близь Куня-Ургендша, чтобъ русло его высохло и не подпускало страшной Стеньковой флотиліи.

Это преданіе, а также преданіе о богатыхъ золотыхъ розсыпяхъ близь Аму Дарьи и въ Индіи, Петръ Великій С.-Петербургѣ узналъ въ 1714 г. отъ одного туркмена, Ходжа-Нефеса, нарочно пріѣхавшаго изъ Усть-Юрта, на Астрахань, что-бы ему это сообщить. Петру тутъ-же пришла мысль опять провести Заркраукъ въ Красноводскую бухту Каспійскаго моря, чтобы такимъ образомъ проложить водяной путь къ золотымъ странамъ, и онъ поручилъ одному изъ офицеровъ своей лейбъ-гвардіи, кабардинскому князю Александру Бековичу Черкасскому, исполнить этотъ смѣлый планъ, безъ враждебныхъ намѣреній противъ Хивы.

Сдѣлавъ рекогносцировку восточнаго берега Каспійскаго

берега и дороги въ хиву и извѣстивъ хивинскаго хана чрезъ своихъ посланныхъ о мирныхъ своихъ намѣреніяхъ, Бековичъ съ 4,000 людей выступилъ въ походъ, въ іюлѣ 1717 г.

Пройдя мимо развалинъ Ургендша — и когда до новой столицы, Хивы, оставалось не болѣе ста верстъ, онъ, противъ всякаго ожиданія, долженъ былъ выдержать нападеніе отъ тогдашняго хана Шингази, который вывелъ противъ него 24,000 войска, узбековъ, туркменовъ и киргизовъ. Отбиваясь отъ нихъ безпрестанно, Бековичъ прошелъ еще три дня; вдругъ къ нему явились два парламентера, стали извиняться отъ имени хана, объясняя происшедшее недоразумѣніемъ, и просили разрѣшенія прислать въ русскій лагерь уполномоченныхъ для переговоровъ. Переговоры эти длились четыре дня. Бековичъ, съ 500 уральскими казаками, пошелъ въ непріятельскій лагерь и оттуда послалъ майору Франкебергу, русскому начальнику, приказъ размѣстить свои войска по квартирамъ, назначеннымъ имъ ханомъ, для удобнѣйшаго продовольствія. Франкенбергъ исполнилъ это только послѣ того, какъ приказъ ему былъ повторенъ. Едва лишь войска были разведены по разнымъ мѣстамъ, послѣдовало новое нападеніе; кто защищался всѣ были избиты, остальные уведены въ неволю.

Хивинскій ханъ самодовольно похвалялся своимъ подвигомъ, а хивинцы сильно зазнались, полагаясь на неприступность своей земли,—тѣмъ болѣе, что, послѣ катастрофы съ Бековичемъ, русскіе бросили и построенные у Каспійскаго моря форты близь Красноводска, Тюпа или Фюкъ-Карагана и Александровской бухты. Туркменамъ и Киргизамъ опять стало—раздолье и уводъ плѣнныхъ въ неволю принялъ такіе размѣры по всему Каспійскому морю и вдоль рѣки Урала до значительнаго отдаленія отъ устья, что никто не заходилъ въ киргизскую степь и не подходилъ даже границѣ ея безъ вооруженнаго конвоя. Рынкомъ же для сбыта этихъ невольниковъ, какъ и тѣхъ, которые уводились изъ Персіи, а также для богатствъ, отбиваемыхъ у каравановъ, служило разбоничье гнѣздо — Хива.

Долго не было принимаемо мѣръ для подавленія этихъ безпорядковъ, которые, однако, дѣлали небезопаснымъ и торговый путь изъ Оренбурга на Троицкъ въ Бухару, столь важный для Россіи. По этому тракту до 1825 г. ходили только бухарскіе караваны. Въ этомъ году произошла первая попытка отправить русской торговый караванъ изъ Оренбурга въ Бухару. Караванъ состоялъ изъ 3000 верблюдовъ нагруженныхъ товарами, и ему былъ данъ конвой изъ 500 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Цѣльковскаго и нѣсколькихъ орудій. При Болсъ-Тюбѣ на караванъ напали 12,000 хивинскихъ всадниковъ. Восемъ дней русскіе защищались въ укрѣпленномъ лагерѣ, и должны были повернуть назадъ, предоставивъ хищникамъ большую часть товаровъ, потому что такой маленькій отрядъ солдатъ не могъ защитить такаго большаго каравана. Это событіе побудило наше правительство поручить графу Бергу рекогносцировку къ Аральскому Морю, о которой мы выше разсказали. Нѣсколько позднѣе, когда Оренбургскимъ краемъ управляли графъ Перовскій и генералъ Обручевъ, были приняты болѣе серіозныя мѣръ противъ Хивы. Чтобы проложить туда путь, на восточномъ берегу Каспійскаго Моря и на дорогѣ отъ Оренбурга въ Усть-Юртъ, при Эмбѣ, Акбулакѣ и Чушкакулѣ, были построены форты и снабжены гарнизонами. На разбойничью флотилію Туркменовъ и Киргизовъ, стоявшую у восточнаго берега Каспійскаго Моря, по приказанію Перовскаго, полковникъ Мансуровъ съ казаками напалъ среди зимы и сжегъ ее. Чтобъ обезопасить торговый путь въ Бухару, по которому хивинцы при Майли-Башъ, у переправы черезъ Сыръ-Дарью, взимали безсовѣстную пошлину отъ проходящихъ каравановъ, причемъ не всегда обходилось безъ кровопролитія,—а также для того, чтобы въ этихъ мѣстахъ противодѣйствовать враждебному Россіи вліянію хивинцевъ на киргизовъ,—таможенная черта была придвинута къ Сыръ-Дарьѣ. Вверхъ по этой рѣкѣ было построено нѣсколько фортовъ по направленію къ Джулеку и Тишемкенту, а на Аральскомъ Морѣ создалась флотилія изъ небольшихъ пароходовъ и парусныхъ судовъ.

Ни эти мѣры, ни походъ Перовскаго, впрочемъ неудавшійся, не могли обуздать хивинскихъ грабителей. Ханское правительство лишь настолько оказало снисхожденія, что, по внушеніямъ англійскихъ эмиссаровъ, Аббота и Шекспира, которыхъ лордъ Пальмерстонъ, знавшій объ всемъ, послалъ черезъ Персію въ Хиву еще до выступленія Перовскаго,—добровольно выдало часть русскихъ невольниковъ. Нашъ успѣхъ по верховьямъ Сыръ-Дарьи и у Зарявшана, т. е. занятіе Ташкента и Самарканда, хотя и привели насъ къ подножію Средне-азіатскихъ горныхъ цѣней, также мало, повидимому, подѣйствовали. Хива, слишкомъ полагаясь на свое защищаемое природою мѣстоположеніе и слишкомъ успокоенная неудачею прежнихъ русскихъ военныхъ операцій, рѣшилась отстаивать свою свободу въ смыслѣ грабежей, убійствъ и увода невольниковъ, упорствуетъ въ враждѣ противъ Россіи и самонадѣянно готовится къ оборонѣ. Но намъ все таки кажется, что ея часъ пробилъ и что скоро совершится справедливая кара надъ этимъ клочкомъ земли, столько столѣтій бывшимъ, своими беззаконіями, бичомъ и язвою всѣхъ своихъ сосѣдей.

Введеніемъ правильныхъ порядковъ до границъ Персіи и Бухары завершится длинный рядъ воинственныхъ и мирныхъ предпріятій, которыя необходимо было Россіи совершить для обезпеченія своего спокойствія въ Средней Азіи. Что эти предпріятія вызовутъ нѣкоторые волненіе въ Англіи и ея индѣйскихъ владѣніяхъ — надо было предвидѣть. Впрочемъ англичане скоро успокоились, потому что каждый безпристрастный знатокъ дѣла не можетъ не сказать, что Россія вполнѣ права, а для русскихъ армій перейти Гималайскія горы и вторгнуться въ Индію съ завоевательными цѣлями было бы чистымъ сумасшествіемъ. Въ Англіи конечно также мало вѣрятъ и въ намѣреніе Россіи когда нибудь забраться въ Индію изъ Хивы чрезъ Мервъ и Гератъ и помѣриться съ британскимъ оружіемъ на тѣхъ поляхъ, на которыхъ происходили битвы Александра Великаго. Не такихъ побоищъ опасаются въ будущемъ правительства Инда и Темзы, а глухой, утомительно долгой борьбы, стоющей большихъ денегъ, а иногда и крови, для сохраненія верховнаго вліянія на государства магометанскаго исповѣданія, еще отдѣляющихъ средне-азіатскую Россію отъ Индіи, — да еще страшитъ ихъ собственное фанатическое, недовольное магометанское населеніе и, наконецъ, предстоящая борьба за средне-азіятскую торговлю.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 18 Мая 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С. П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 21 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 29 мая 1873 года. Годъ IV.

Любовь царицы.

Историческая повѣсть А. Брахфогеля.

(Окончаніе).

VI.

Въ тѣхъ же звѣздахъ, которыя озаряли свиданье влюбленныхъ, написана была гибель Антонія и Клеопатры. Всякій страхъ мірскаго приговора, всякій стыдъ предъ законами нравственности, всякое повиновеніе долгу и чести — все исчезло въ объятіяхъ возсоединенной четы. И если впослѣдствіи, среди упоеній, въ душѣ тріумвира повременамъ еще вспыхивалъ лучъ сознанія — одного мига было достаточно для возстановленія божественно-сладкихъ потемокъ. Онъ только проводилъ рукой по челу и вновь отдавался во власть прежнихъ чаръ. Правда, на первыхъ порахъ возсоединенія ихъ, онъ еще настолько признавалъ свои повинности Риму, что открылъ военныя дѣйствія противъ парѳянъ. Но, не одушевляемый ничѣмъ кромѣ желанія вернуться къ прежнему блаженству въ Египтѣ, онъ наскоро собрался въ походъ и едва не погибъ самъ. Происходили стычки, къ которымъ онъ не былъ достаточно приготовленъ, да и прежній орлиный взоръ полководца измѣнялъ ему нынѣ при построеніяхъ легіоновъ въ боевой порядокъ. Исходу войны предстояло безславіе. Главныя силы врага заключались въ конницѣ, до того грозной и опасной, что страхъ, наводимый ею, еще во времена Цезаря обратился въ пословицу. Антоній встрѣтилъ въ ней непреоборимаго врага. Внезапно, подобно тому какъ грозовыя тучи въ лѣтній зной мчатся по небу, со всѣхъ сторонъ налетали ихъ конные отряды, устилая равнину. Подъ напоромъ этихъ центавровъ гнулись колѣна римской пѣхоты. Шлемы и панцыри трещали подъ копытами коней. Облако пыли застилало смѣшанные ряды опрокинутаго строя — и прежде чѣмъ войско могло сознать свое пораженіе, нанесшіе его всадники уже исчезали на краю небосклона. Къ этому присоединялись непастное время года, ковар-

ство союзныхъ данниковъ и губительныя лихорадки въ войскахъ. Антоній, жаждавшій лишь предлога къ возвращенію въ Египетъ, тотчасъ ухватился за эти препятствія дальнѣйшему походу. Онъ приказалъ возвѣстить въ Римѣ, что слѣдующей весной онъ предприметъ изъ Египта новый походъ противъ пареянъ и ихъ союзниковъ и тогда уже цѣлые народы прикуетъ къ своей побѣдной колесницѣ. А между тѣмъ его отступленіе, продолжавшееся двадцать семь дней, весьма походило на бѣгство — и не смотря на хвастливыя обѣщанія, стоило ему военной его славы. Во все время этого отступленія, онъ отбивался отъ преслѣдовавшихъ его отрядовъ конницы, боролся противъ враждебной природы и противъ тяжкаго недостатка во всемъ, что требуется для продовольствія войска. Возвратный путь тріумвира съ пареянскихъ полей въ объятія своей царицы былъ отмѣченъ двадцатью тысячами труповъ.

Опять Александрія стала мѣстопребываніемъ Антонія. Все въ немъ умерло, кромѣ его страсти. Эта страсть была для него рокомъ. Она была пучиною, въ которую онъ топилъ все: и послѣднюю искру достоинства римскаго гражданина, и любовь супруги, и прежнюю свою славу, и будущее всемірное владычество. Очарованный, обезсиленный, онъ жилъ взглядами красавицы, которая, воздавая ему божескія почести, угнетала его какъ раба. Изнемогая въ знойномъ блаженствѣ, которому вѣчно новою пищею служило то, что должно бы было охладить его, они въ какомъ-то самозабвеніи стремились къ погибели. Этому такъ и надлежало быть. Колесо катилось съ горы — то было тріумфальное шествіе смерти. Развѣвался пурпуръ, курился еиміамъ, алмазы сіяли, звенѣли чаши, увѣнчанныя цвѣтами,—а міръ въ безмолвномъ ужасѣ смотрѣлъ на это величіе, могущество и красоту, безъ удержу мчавшіяся въ пропасть.

Да, въ пропасть. Пока Антоній въ Египтѣ всѣмъ жертвовалъ своему любовному опьяненію, одиночество покинутой Октавіи въ Римѣ накликало на него тысячи проклятій и приговоровъ. Въ то же время сила Октавіана съ каждымъ днемъ возрастала и всѣ уже видѣли въ немъ единственное спасеніе, единственную будущность римской державы. Самъ же онъ все болѣе и болѣе открыто выступалъ со своими замыслами сосредоточенія въ своихъ рукахъ всеміраго владычества. Секста Помпея, вслѣдствіе возникшихъ новыхъ непріязненныхъ столкновеній, онъ уничтожилъ, при мощномъ содѣйствіи третьяго тріумвира, Лепида, въ большомъ морскомъ сраженіи при Милеѣ. Какъ бы для того, чтобъ довершить побѣду, судьба толкнула его бѣжавшаго противника на финикійскій берегъ, въ руки римскихъ наемныхъ войскъ, которыя не задумались заслужить награду, обѣщанную за эту знаменитую голову. А когда вскорѣ послѣ того Лепидъ, за оказанную помощь, потребовалъ себѣ во владѣніе островъ Сицилію, Октавіанъ, спѣшившій отъ успѣха къ успѣху, ни минуты не колебался обратить оружіе противъ своего союзника. Дѣло не дошло до настоящей войны. Войска Лепида чувствовали, подъ чьимъ главенствомъ ихъ ожидаютъ въ будущемъ побѣды и добыча. Они передались Октавіану,—а покинутый вождь ихъ, и безъ того уже утомленный треволненіями, неразрывными съ его положеніемъ, рѣшился удалиться въ частную жизнь и предоставить болѣе счастливому товарищу свою долю римской державы. Это случилось семь лѣтъ спустя послѣ битвы при Филиппахъ, которая повлекла за собою раздѣлъ римской державы между Октавіаномъ, Антоніемъ и Лепидомъ, а въ слѣдующемъ году Октавіанъ почувствовалъ себя уже достаточно сильнымъ и самостоятельнымъ, чтобы въ первый разъ открыто выступить противъ Антонія. Позорное обращеніе Антонія съ его сестрою и пораженія въ Малой Азіи, которыя вовсе не были заглажены, согласно обѣщанію, послѣдующими побѣдами,—подали къ тому достаточный поводъ. На первый изъ этихъ упрековъ Антоній отвѣтилъ громогласнымъ отреченіемъ отъ Октавіи и объявленіемъ Клеопатры своею законною супругою. На второй упрекъ отвѣтилъ онъ тѣмъ, что слѣдующею весною выступилъ въ походъ въ главѣ блестящей рати и, нимало не заботясь о главныхъ врагахъ римлянъ — пареянахъ, пошелъ войною на армянскаго царя Артавазда. Этотъ царь былъ однимъ изъ союзниковъ пареянъ — и тріумвиру легко далась побѣда надъ отрѣзаннымъ отъ союзниковъ непріятелемъ, далеко уступающимъ ему боевыми силами. Пышнымъ тріумфальнымъ шествіемъ, съ плѣннымъ царемъ, шедшимъ впереди его колесницы, онъ вступилъ въ Александрію. Словно будучи только полководцемъ Клеопатры и побѣдивъ лишь во имя ея, онъ положилъ вѣнецъ къ ея ногамъ, и прибавилъ Армянское царство къ областямъ, подвластнымъ Египту. Всѣ эти самоуправства отозвались въ Римѣ однимъ общимъ воплемъ негодованія. Но самой ѣдкой насмѣшкой и тяжкой виной было сочтено ему то, что онъ дерзко присвоилъ себѣ почести тріумфатора, когда настоящій непріятель, пареяне, уже нѣсколько лѣтъ совсѣмъ почти стряхнулъ съ себя римское иго, и подбивалъ другія племена къ столь же успѣшному отпаденію. Сенатъ и народные трибуны открыто требовали отъ Октавіана, чтобъ онъ отъ имени Рима привлекъ къ отвѣтственности безумца, который на смерть оскорблялъ его—въ лицѣ его сестры, оскорблялъ государство—предоставленіемъ цѣлыхъ отластей на произволъ мятежниковъ, наконецъ оскорблялъ каждаго римлянина—доходящимъ до государственной измѣны поклоненіемъ египетской царицѣ.

Около этого времени, Октавія въ послѣдній разъ вмѣшалась въ дѣла своего супруга. Она продала свое частное имущество и выручила отъ этой продажи большія суммы. На эти деньги она собравъ снарядила войска и рѣшилась сама ему передать ихъ съ рукъ на руки. Если бы ей удалось подстрекнуть его къ походу и если бы походъ удался, тогда по крайней мѣрѣ его положеніе было бы спасено. За себя же она давно перестала чего нибудь желать или надѣяться.

Она доѣхала до Греціи, а тамъ ее встрѣтили приказанія Антонія отказаться отъ своего намѣренія лично съ нимъ видѣться гдѣ бы то ни было, такъ какъ онъ занятъ приготовленіями къ новому походу противъ пареянъ—и исходъ дѣла покажетъ, имѣетъ ли Римъ причины обвинять его въ изнѣженности. «Но, присовокупилъ онъ,—я не намѣренъ насыщать своими будущими завоеваніями жадность Римской черни—другое божество ожидаетъ моихъ жертвоприношеній».

На это посланіе, разрывавшее сердце какъ супруги, такъ равно и римлянки, Октавія отвѣтила собственноручнымъ письмомъ.

„Ты знаешь такъ же хорошо какъ и пишущая эти строки,“ писала она, „что эти слова — послѣднія съ которыми супруга обращается къ супругу. Любви твоей я лишилась. Но ничто не можетъ меня принудить считать твою честь чужою для себя. До тѣхъ поръ пока я дышу—буду стараться ее охранять. Безропотное молчаніе мое до сихъ поръ доказывало тебѣ это. Все мое имущество я продала—ты это знаешь. Что мною выручено—я привезла тебѣ, чтобъ помочь тебѣ въ твоихъ приготовленіяхъ. Вотъ и все. Лица твоего зрѣть я и не надѣялась. Я знаю, что римлянкѣ, родственницѣ Юлія Цезаря, законной твоей женѣ, въ твоемъ домѣ нѣтъ мѣста. Одно прошу тебя принять къ сердцу и молю боговъ, чтобъ они присоединили свои увѣщанія къ моему голосу: помни, что въ Римѣ у тебя есть сынъ, и что ты не вправѣ оставить ему память объ отцѣ, какъ о мужѣ бывшемъ героемъ и кончившемъ измѣною Риму. Во имя его и его будущности вручаю тебѣ эти деньги, эти войска, эти боевые при-

пасы. Ты полководецъ—по крайней мѣрѣ ты былъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ—и знаешь, что со всѣмъ этимъ дѣлать. Распорядись, кому все передать, и да увѣнчаетъ давно желанная побѣда твои знамена свѣжими лаврами!“

Когда посланный съ этимъ письмомъ прибылъ въ Александрію, онъ засталъ тріумвира и царицу за странною забавою. На мосткахъ, далеко вдавшихся въ Нилъ, сидѣла державная чета, окруженная шумною, блестящею толпою, и удила рыбу. Каждый разъ какъ особенно большая рыба клевала приманку, воздухъ оглашался радостными криками. До сихъ поръ царицѣ больше везло счастье. Въ серебряныхъ лоханяхъ возлѣ нея трепетали самыя крупныя, рѣдкія рыбы. Вдругъ тріумвиръ воскликнулъ:

— На моей удѣ сокровище! и съ трудомъ сталъ тащить что-то тяжелое.—Посмотримъ, что тамъ попалось. Это самъ старый богъ рѣки даритъ насъ этимъ сокровищемъ!—И надъ водой показалась лучезарная діадема. Водолазы, по приказанію Антонія, прикрѣпили ее къ удѣ. Царица улыбаясь приняла неожиданный подарокъ. Приглашеніе-же въ свою очередь попытать счастья у стараго бога рѣки—она отклонила.

— Мое счастье давно довершено! воскликнула она,—развѣ мнѣ не досталась драгоцѣннѣйшая добыча изъ всѣхъ когда либо выпадавшихъ въ удѣлъ смертной?

Въ это самое время, когда веселье достигло высшей степени, явился посолъ съ письмомъ Октавіи. Антоній прочелъ—и темныя тучи осѣнили его чело. Довольно долгое время мрачно и досадливо смотрѣлъ онъ на шумную суматоху кругомъ—и вдругъ отвернулся, точно ужаленный. Клеопатра-же, заглянувъ черезъ плечо его въ посланіе и узнавъ почеркъ, содрогнулась въ глубинѣ сердца. Она ничего не страшилась кромѣ этой римлянки, ни къ чему кромѣ ея не питала ненависти. Злая змѣя ревности шипя поднимала голову въ груди ея, когда случайно произносили имя Октавіи; судорожный трепетъ охватывалъ царицу, когда тріумвиру чѣмъ-бы то ни было напоминали о супругѣ. Такъ было съ нею теперь—и не безъ причины.

— Антоній! вырвалось у нея невольно, и въ страхѣ она положила руку на плечо его. Онъ подался шагъ назадъ и, не замѣчая царицы, шепталъ:

— Она уничтожаетъ меня...

— Антоній! повторила царица съ оттѣнкомъ мольбы.

Онъ-же, быстро повернувшись, бросилъ на нее мрачный, почти враждебный взглядъ, отъ котораго она вся затрепетала. Потомъ тихими шагами пошелъ прочь, оставивъ свою подругу.

— Антоній! воскликнула она слабѣющимъ голосомъ, но онъ уже не слыхалъ ея.

За цѣлые годы еще не было у него подобной минуты. До сихъ поръ еще однимъ звукомъ своего голоса она умѣла разогнать всякое неблагопріятное ей настроеніе его духа. Что-же произошло сегодня? Обуреваемая глубоко-уязвленною гордостью и смертельнымъ страхомъ спѣшитъ она во дворецъ—и дрожа всѣмъ тѣломъ, падаетъ на руки прислужницъ.

— Это смерть, я чувствую ея приближеніе. Пошлите за Антоніемъ, хочу видѣть его въ послѣдній разъ.

Недвижимо лежала она на коврахъ своего ложа, когда онъ вошелъ. Безпомощная, блѣдная—но вдвое опаснѣй, вдвое привлекательнѣй въ этой безпомощности. „Я знаю... ты ѣдешь... въ Грецію...“ шептала она угасающимъ голосомъ.

Но онъ не далъ ей договорить. Въ безумномъ страхѣ приподнялъ онъ дивную красавицу и положилъ себѣ на колѣна. «Прости, прости меня, молилъ онъ:—я былъ не въ себѣ, когда огорчилъ тебя. Возвратись въ жизнь или возьми меня съ собой въ жилище тѣней». И когда она взглянула на него съ просіявшимъ лицомъ, онъ обратился къ Макробію, который послѣдовалъ за нимъ до порога.

— Макро, сжечь то письмо!

На другой день, онъ далъ обоимъ сыновьямъ, которыхъ имѣлъ отъ Клеопатры, гордый титулъ: *царя царей*. Въ торжественномъ народномъ собраніи александрійцевъ, онъ объявилъ Клеопатру законною своей супругой. Онъ призналъ ее властительницей Египта, Ливіи, Кипра и Сѣверной Аравіи—и клялся въ качествѣ ея полководца защищать права ея противъ всего міра. А для того, чтобъ возможно глубже оскорбить Октавіана,—Цезаріону, сыну Цезаря и Клеопатры, далъ онъ титулъ „законнаго сына и наслѣдника Юлія Цезаря“, наичувствительнѣйше поразивъ такимъ образомъ права Октавіана, который наслѣдовалъ послѣ Цезаря въ качествѣ племянника и пріемыша его.

Такъ раздувалъ онъ пламя вспыхнувшей въ Римѣ ненависти къ нему въ грозный пожаръ, не принимая никакихъ мѣръ для того чтобы полный разгаръ ея не засталъ его врасплохъ.

Онъ расчитывалъ на сокровища Египта и на то, что Италія, какъ онъ зналъ, истощена войнами и непосильными налогами. Даже въ слѣдующемъ году, когда Октавіанъ объявилъ войну—не ему, а Клеопатрѣ,—онъ съ царицею совершалъ пышныя поѣздки по Востоку, вмѣсто того чтобъ съ флотомъ и войскомъ спѣшить обратно въ Италію. Въ Патрахъ, гдѣ они провели зиму, они предавались ряду изысканнѣйшихъ безумствъ. Точно оставалось только праздновать побѣду, а не предстояла рѣшительная борьба за обладаніе всѣмъ тогдашнимъ міромъ,—вакханалія слѣдовала тамъ за вакханаліею, сумасбродство за сумасбродствомъ. Пока Октавіанъ въ Римѣ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ достойнымъ образомъ приготовиться къ бою, и втайнѣ все-таки не могъ не трепетать, поцѣлуи Клеопатры изгладили въ Маркѣ Антоніѣ—послѣдній остатокъ мужества и геройства. Спасенія для нихъ не было болѣе. Сами себя украшая, жертвы собственной страсти въ какомъ-то одурѣніи шли на встрѣчу жертвенному ножу.

VII.

Настала пора рѣшительнаго исхода—четырнадцатый годъ послѣ убіенія Цезаря, одиннадцатый годъ тріумвирата Октавіана, Антонія и Лепида. Маркъ Антоній опоздалъ годомъ. Если-бы оно тогда-же, какъ Октавіанъ, вынужденный къ тому негодованіемъ Рима и безпримѣрными дерзостями своего противника, объявилъ войну ему или, вѣрнѣе, египетской царицѣ,—если-бы онъ тогда же съ флотомъ поспѣшилъ въ Италію, то онъ бы могъ сразиться съ своими соперникомъ еще, такъ сказать, у воротъ его дома, и сраженіе могло бы рѣшить дѣло иначе, нежели ему предстояло рѣшиться теперь. Да и теперь онъ еще могъ бы обезпечить себѣ успѣхъ, если бы боги не ослѣпили обреченнаго темнымъ силамъ и не предоставили простому случаю распорядиться двумя царственными судьбами. То что Марку Антонію, располагавшему сокровищами Египта, ничего не стоило, а именно: собрать какъ бы волшебствомъ флоты и превосходно снаряженныя рати,—то самое Октавіану, послѣ столькихъ войнъ, при пустой казнѣ, съ истощенными и разграбленными народами, представляло почти непобѣдимыя трудности. Пока онъ еще напрягалъ всѣ свои силы, чтобъ справиться съ необходимыми приготовленіями, Антоній уже явился въ Средиземномъ морѣ съ такимъ флотомъ, великолѣпнѣе котораго еще не бывало на этихъ волнахъ. Впереди прочихъ судовъ и на этотъ разъ блисталъ высокій, издалека замѣтный, великолѣпный корабль царицы съ пурпуровыми парусами, золотымъ килемъ и увѣнчанными бортами.

— Теперь мы будемъ давать славныя битвы!... воскликнула Клеопатра, когда послѣдніе верхи Александріи исчезли позади ихъ, — и пустимъ Западъ ко дну!

Зачѣмъ они такъ и не сдѣлали! Но самая война должна была для нихъ облечься въ одѣжды праздничнаго ликованія и звяканье оружія смягчиться пѣніемъ нѣжныхъ флейтъ. Въ Патрахъ, какъ мы уже сказали, они пробыли зиму и въ увеселеніяхъ пропустили пору слабости противника. Наконецъ, когда и Октавіанъ со своимъ флотомъ явился въ греческихъ водахъ, они поднялись и поплыли въ бой на пышно убранныхъ корабляхъ, съ пѣснями любви на устахъ.

При мысѣ Акціумѣ, на западномъ берегу Греціи, столкнулись владыки римскаго міра — нѣкогда друзья, товарищи по власти и по оружію, нынѣ жаждущіе лишь истребленія одинъ другаго. Крикъ изумленія и смущенія пронесся по рядамъ римскихъ гребцовъ, когда стала подплывать роскошная флотилія Антонія, сіяя въ солнечныхъ лучахъ. Его корабли были вдвое выше кораблей его противника, и если за послѣдними оставалось превосходство относительно числа и проворства, за то Антоніевы корабли болѣе чѣмъ вознаграждали эти качества тяжестью и силою напора, дѣлавшими ихъ непродолимыми въ столкновеніяхъ. Въ то же время на берегу сошлись и сухопутныя рати противниковъ и громкій радостный возгласъ привѣтствовалъ великолѣпныя суда Антонія, тогда какъ легіоны Октавіана молча и озобченно глядѣли на свои суда съ высокаго, крутаго берега.

Военный совѣтъ, созванный Антоніемъ и Клеопатрою, былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ начать бой на сушѣ. За это стоялъ Вентидій, Долабелла тоже, даже самъ тріумвиръ (лежа на леопардовой кожѣ, головою въ колѣнахъ царицы) соглашался съ ними. Но Клеопатра порывисто встала:

— Нѣтъ, воскликнула она,—на морѣ! Побѣдимъ разомъ и навсегда. Волны — мое царство. Развѣ сама я не стану сражаться на нихъ вмѣстѣ съ вами? Ни слова о битвѣ на сушѣ!

Слова ея рѣшили дѣло—и слѣдующее утро узрѣло начало морской битвы, имѣвшей рѣшить участь міра. Съ палубы высокихъ судовъ, нерѣдко, для большаго удобства, вооруженныхъ деревянными башнями, бойцы Антонія метали на непріятельскія суда стрѣлы, камни, заостренныя бревна. Множество кораблей пустили они ко дну, пронизывая ихъ своими кованными килями и топя, подобно тому, какъ всадники мчатся на пѣхотинцевъ и топчутъ падшихъ копытами коней. Другія суда губили они, напирая съ двухъ сторонъ и сдавливая ихъ между своими бортами: суда съ трескомъ разсѣдались и погружались въ море. Множество веселъ, обломковъ, парусовъ и труповъ уже носилось окрестъ по волнамъ. Антоній, чувствуя, какъ пробуждался въ немъ прежній боецъ-исполинъ, съ собственнаго корабля управлялъ боемъ, какъ подобаетъ вождю и герою. Духъ минувшихъ временъ посѣтилъ его вновь. Съ вершины деревянной башни, на которой онъ стоялъ, взоръ его гордо стремился къ пурпуровому парусу своей властительницы. Тамъ ему виднѣлась награда. Для *нея* надо было завоевать царство, какимъ донынѣ еще не владѣла женщина, — *съ нею* предстояло наслаждаться до конца упоеніемъ высшаго могущества и высшаго блаженства на землѣ!

Битва была въ самомъ разгарѣ. Еще одинъ часъ — и, казалось, она рѣшится въ пользу Востока. Сухопутная рать Антонія уже ликовала на хребтѣ скалистаго берега. На корабль Клеопатры уже явился посланный извѣстить ее, чтобъ она готовила побѣдные лавры на чело своего тріумвира.

Но вѣнокъ былъ сплетенъ слишкомъ рано. Солнце стояло надъ Акціумомъ въ высшей точкѣ своего пути— это былъ зенитъ и успѣха Антонія. Пылающая стрѣла, попавъ на башню его корабля, измѣнила весь ходъ битвы—и все рѣшила. Пламя незамѣтно сообщилось деревяннымъ снастямъ. Раздуваемое вѣявшимъ съ сѣвера вѣтромъ, оно въ нѣсколько мгновеній охватило пожаромъ весь корабль. Самому вождю, оглушенному паденіемъ горящаго бревна, которое тяжело ударило его въ високъ, лишь съ трудомъ удалось перебраться на другой корабль. Многіе видѣли, какъ онъ упалъ, а бывшіе на дальнемъ разстояніи сочли ударъ опаснѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, даже смертельнымъ— это обстоятельство разнесло ужасъ и смятеніе въ средѣ его воиновъ — и придало новое мужество бойцамъ Октавіана. И до царицына корабля дошла роковая вѣсть, подтверждаемая пожаромъ на антоніевомъ кораблѣ, который носился безъ кормчаго среди остальнаго флота, всюду распространяя бѣдствіе. Царица, ждавшая побѣдителя, въ пышномъ нарядѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукѣ, прекрасная и ликующая какъ въ день прибытія на берега Кидна,—замерла на мѣстѣ, когда чудовищная молва впервые прозвучала въ ея ушахъ. Когда же стали приходить вѣсти за вѣстями, подтверждающія ужасный слухъ,—когда она увидѣла, что объятый пламенемъ корабль вождя носится съ пылающими парусами, — когда она примѣтила смятеніе, распространившееся кругомъ, — когда, наконецъ, часть римскаго флота на всѣхъ парусахъ и веслахъ повернула въ ту сторону, гдѣ стоялъ ея царскій корабль; — тогда исчезло послѣднее сомнѣніе. Вѣнокъ, не нужный болѣе, выскользнулъ изъ рукъ ея на палубу, а на него склонилась и сама царица.

Ира заговорила: — Онъ палъ! спасайся! прикажи отступать! Клеопатра ее поняла, но изъ груди ея, какъ бы на смерть пораженной, тяжкимъ усиліемъ вырвался отвѣтъ:

— Умереть мы должны, но не въ лапахъ у римскаго пса! Назадъ! Въ Египетъ!

И мигомъ повернули руль. Сѣверный вѣтеръ напрягалъ пурпуровые паруса, корабль царицы какъ на крыльяхъ рѣзалъ волны — исходъ битвы при Акціумѣ былъ рѣшенъ!

Рѣшенъ исходъ — и бой проигранъ Маркомъ Антоніемъ. Все что когда либо ставилось на ставку одной битвы — было потеряно здѣсь. Мракомъ ночи застлались очи тріумвира, когда онъ увидѣлъ бѣгство Клеопатры. Убійственная боль охватила его раненую голову. Изъ всего свершагося окрестъ, онъ видѣлъ только бѣглянку — и слѣпо, въ припадкѣ начинающагося безумія, приказалъ слѣдовать за нею. Тщетно молили его военачальники. Глухой ко всему, въ тупомъ отчаяніи, онъ не сводилъ неподвижнаго взора съ уносящейся вдаль полосы пурпура. Недавно еще герой — теперь снова безсильный рабъ своей страсти, утратившій всякую власть надъ собою, погибшій человѣкъ,—не взирая на свѣжую рану, онъ самъ бросился къ рулю, собственной дланью принудилъ кормчаго повернуть,—и не прошло получаса, какъ онъ уже плылъ въ открытомъ морѣ, лихорадочнымъ взглядомъ мѣряя пространство, которое еще отдѣляло его отъ опередившей губительницы. Позади его сгинула побѣда, которую онъ почти что держалъ въ рукахъ,—передъ нимъ зіяла гибель—и, хватаясь за край одеждъ своей царицы, онъ безумно ринулся въ бездну...

И вотъ опять вступили они въ Александрію. Какъ бы не оставивъ за собою Акціума, истребленнаго флота, покинутой вождемъ и побитой рати,—какъ будто не висѣлъ надъ ними мечъ настигающаго съ тыла, побѣдоноснаго врага: такъ вступили они въ городъ, бывшій въ теченіи почти цѣлаго десятилѣтія свидѣтелемъ ихъ безмѣрнаго безумія, ихъ безмѣрной любви. Безмѣрной? Нѣтъ, на землѣ нѣтъ ничего неизсякаемаго, ничего неизмѣннаго. Такъ и кубокъ этой любви источалъ послѣднія капли, а на днѣ его зіяла смерть. Чувствуя это, они хотѣли извлечь изъ немногихъ пѣнистыхъ капель десятикратную сладость и упоеніе. Послѣдніе вѣнки вили они другъ для друга — порицать

ли ихъ, если въ эти вѣнки они вплетали все, что было самаго благоуханнаго, самаго опьяняющаго? Смерть и жизнь сливались въ ихъ пламенныхъ поцѣлуяхъ, надежда и отчаяніе, южная страстность въ наслажденіи бытіемъ и холодный ужасъ въ виду завѣдомо-неизбѣжной участи.

Октавіанъ явился на рубежѣ Египта. Пелузій, пограничная твердыня, растворилъ предъ нимъ врата. Еще разъ Антоній ринулся ему на встрѣчу съ небольшимъ, наскоро собраннымъ войскомъ — и въ нѣсколько часовъ былъ разбитъ. Въ сопровожденіи горсти вѣрныхъ воиновъ, онъ бѣжалъ назадъ въ Александрію, чтобъ умереть въ объятіяхъ своей царицы. Но смерть сама поспѣшила ему на встрѣчу. Случай, однажды уже такъ пагубно повліявшій на его судьбу, слѣпой, безсмысленный случай, долженъ былъ нанести ему и послѣдній ударъ. Его встрѣтили гонцы съ извѣстіемъ, что Клеопатра, прійдя въ ужасъ отъ исхода послѣдняго сраженія, сама лишила себя жизни. Онъ выслушалъ чудовищную вѣсть, но съ устъ его не сорвалось ни вопроса касательно обстоятельствъ ея кончины, ни горестнаго вздоха. Онъ выхватилъ свой короткій мечъ и вонзилъ его себѣ въ грудь. Если бы Макробій съ быстротою молніи не схватилъ его за руку, и тѣмъ не ослабилъ бы силу удара, — нѣкогда могущественнѣйшій, а нынѣ послѣдній изъ мужей своего времени испустилъ бы духъ въ открытомъ полѣ. Такимъ образомъ, другу удалось если не спасти его, то по крайней мѣрѣ донести еще живаго въ городъ.

Тамъ смятеніе и испугъ передъ ожидаемымъ прибытіемъ побѣдителей разсѣяли всякое подобіе порядка. Царица искала убѣжища въ той гробницѣ близъ устья Нила, которую она воздвигла въ то время, когда Антоній сочетался бракомъ съ Октавіею. Но не бездыханнымъ тѣломъ, какъ гласила молва, покоилась она въ жилищѣ смерти. Она жила, хотя и въ безднѣ горя. Къ ней принесли умирающаго тріумвира. Но такъ какъ ворота гигантскаго зданія были завалены громадными каменными плитами, на удаленіе которыхъ потребовалось бы слишкомъ много времени, то Антонія подняли прямо на верхъ на веревкахъ. Царица наклонилась къ нему съ плоской кровли и сама обхватила его, помогая перенести черезъ перила. Желанія его сбылись: уста ея приняли его послѣдній вздохъ. Она же и мертваго все еще крѣпко держала въ объятіяхъ, прильнувъ къ его хладѣющимъ устамъ, и только это леденящее кровь ощущеніе во всемъ ея тѣлѣ заставило ее медленно опустить его наземь. Безъ слезъ и тупо глядѣла она на боготворимаго ею въ живыхъ, всецѣло ей принадлежавшаго — и нынѣ отшедшаго безъ нея. Внезапно взоръ ея палъ на кровавыя пятна его одежды. Она приподняла ее — и хриплый звукъ вырвался изъ груди ея, когда глазамъ ея предстала зіяющая, смертельная рана. Широко раскрытые глаза мгновенно вспыхнули дикимъ блескомъ, она нагнулась къ уху мертвеца и шепнула ему:

— Еще есть одно средство отомстить — попытаемся. Ты не заждешься меня! Поглядѣвъ еще нѣсколько мгновеній на рану, она тихо прикрыла ее одеждою и сказала:

— Да, и я умру. Но не мечъ, не кинжалъ свершитъ это славное дѣло. Ранамъ не подобаетъ безобразить красоту, любимую *тобою.* Ядъ смертельнаго лобзанія сведетъ меня въ твои объятія, единственный изъ всѣхъ сыновъ земли достойный имени мужа.

Приближенные протѣснились въ гробницу, намѣреваясь побудить свою повелительницу къ бѣгству въ Мемфисъ или Ѳивы. Она отказалась—и ничто не могло поколебать ея рѣшенія. Безжизненное тѣло тріумвира она приказала передать тѣмъ жрецамъ, должность которыхъ состояла въ бальзамированіи египетскихъ царей. Потомъ она знакомъ подозвала одного изъ царедворцевъ, велѣла принести себѣ письменный приборъ и написала письмо слѣдующаго содержанія:

На пути въ Хиву. II. Лазаретный верблюдъ. Рис. Н. Каразинъ, грав. Герасимовъ.

Клеопатра Египетская Каію Октавіану Римскому.
«Пишу эти строки у тѣла Марка Антонія, котораго ты побѣдилъ. Какъ рѣшилъ ты насчетъ меня? Чего мнѣ ждать — вѣнца или цѣпей? Чѣмъ быть — царицей или рабой».

Письмо она отдала царедворцу.

— Спѣши съ этимъ къ римскому полководцу. Пока онъ будетъ читать, не спускай съ него глазъ, впейся взоромъ въ его черты, и передай мнѣ малѣйшее мановеніе его бровей, каждую его мысль со дна его души.

Царица осталась одна.

— Антоній! простонала она надорваннымъ голосомъ — и съ распростертыми объятіями упала на каменный полъ, на которомъ покоилось его тѣло.

Настало слѣдующее утро.

Царица все еще была въ гробницѣ. Она сидѣла въ ослѣпительномъ уборѣ. На щекахъ еще виднѣлись слѣды засохшихъ слезъ. У ногъ ея стояла золотая плетеная корзина, наполненная розами. Нѣжная зелень вдругъ зашевелилась въ ней, приподнялась; что-то прошелестило подъ нею, словно вешній вѣтерокъ взыгралъ въ листьяхъ. Еще шелестъ — легкое шипѣніе — вдругъ изъ пурпура розъ выгибаясь развертывается черное кольцо, — поднимается влажная змѣиная головка.

Царица мрачно усмѣхается. Въ этой усмѣшкѣ и безконечная скорбь и безконечная радость. Улыбкой этой она поминаетъ своего Марка Антонія, божественныя празднества, которыя онъ для нея затѣвалъ, богатыя области, которыми онъ отдаривалъ ее за страстный шепотъ и ласки. Охладѣла теперь расточительная десница; тотъ же, кто сокрушилъ ее, стоитъ у воротъ. Она ждетъ гонца, котораго послала къ нему съ вопросомъ: сулитъ ли онъ ей вѣнецъ или оковы? Но вотъ и онъ. Языкъ его долго не повинуется ему, когда царица велитъ говоритъ. Собравшись съ духомъ, онъ черезъ силу произноситъ:

— Холодно дрогнули углы жестокосердо-стиснутыхъ губъ его по прочтеніи твоего письма. Онъ промолчалъ; но въ грозныхъ тучахъ его чела прочелъ я участь, тебя ожидающую.

— Какую же? воскликнула царица. — Но довольно! Римскій орелъ затѣмъ опускаетъ здѣсь крылья, чтобы въ сокровищахъ Египта почерпнуть силу для новыхъ пареній къ побѣдамъ. Знаетъ онъ, твердо знаетъ, что я, въ осмѣяніе его Запада, на одномъ празднествѣ Марка Антонія, носила вотъ въ этихъ волосахъ то, что дважды купило бы весь его Римъ. О, алчность! Но пусть — я дамъ за себя выкупъ, какого не давалъ еще ни одинъ царь. Готовьте жертвенники, пусть заклубится къ небу дымъ, — но не внутренности жертвенныхъ животныхъ тащите на сожженіе новому божеству — а гекатомбы золота.

Она прервала свою рѣчь. Взоръ ея остановился на лицѣ посланнаго, глядѣвшаго на нее со страхомъ и страданіемъ.

— Но... что съ тобою? Зачѣмъ ты протягиваешь ко мнѣ руки? Какіе ужасы таятся еще за твоими устами? Открой мнѣ все — я не казню тебя. Смерть онъ изрекъ мнѣ? или ему надо выкупъ и меня въ придачу? Мало того, зловѣщій? А! понимаю... теперь — разверзайся земля!

Всѣ фибры въ ней напряглись оскорбленной гордостью, негодованіемъ, злобнымъ смѣхомъ. Она продолжала:

— Живымъ трофеемъ были бъ я угодна ему, надменному побѣдителю съ мѣднымъ челомъ — не такъ ли? Въ подобранной одеждѣ, какъ рабыня, въ вѣнцѣ фараоновъ на обезчещенной главѣ, предстоитъ мнѣ идти впереди его побѣдной колесницы? Мнѣ, передъ которою весь Востокъ склонялся челомъ во прахъ? Клянусь Ниломъ, хитеръ тотъ мозгъ, что породилъ подобные замыслы! Заковать въ цѣпи ту руку, которую цѣловалъ нѣкогда Цезарь, полубогъ твоего Рима, — эту руку, когда Антоній умащалъ ее всѣми благовоніями Аравіи, — вотъ чего захотѣлъ ты, Октавіанъ, побѣдитель и... глупецъ!

Посланный утвердительно склонилъ голову. Царица приблизилась къ нему. Она распустила обхватывавшій станъ ея поясъ, сверкавшій драгоцѣнными каменьями.

— Не дрожи: не твои уста изрекли безумное кощунство. Возьми это — иди!

Онъ вышелъ. Она не удостоила даже взглянуть ему вслѣдъ. Неподвижный взоръ ея уставился на корзину съ розами. Грудь ее высоко вздымалась, въ полусомкнутыхъ глазахъ ея вспыхивалъ дивный огонь, точно вселенная пылала въ нихъ.. Вдругъ царица подняла руку къ небу...

— Цари Египта, вставайте изъ каменныхъ гробовъ! Разверзайтесь пирамиды отъ Мемфиса до Мероэ! готовьте пріемъ божественной жертвѣ, которая сохранивъ еще розы ланитъ убираетъ ихъ роскошными вешними розами, дабы, нисходя къ вамъ, удвоить свою прелесть.

Пока она говоритъ, глаза ея загораются какъ бывало въ то время, когда судьба народовъ зависѣла отъ мановенія ея бровей. Она вся трепещетъ въ какомъ-то сладостно-священномъ ужасѣ, подобно герою, котораго боевые звуки зовутъ къ неслыханному подвигу. Вотъ она наклоняется — поднимаетъ съ пола корзину съ шевелящимися розами — судорожно прижимаетъ ее къ груди своей...

И эта грудь, на которой когда-то Цезарь забывалъ о грядущихъ побѣдахъ, а Маркъ Антоній въ блаженныхъ грезахъ проспалъ всемірное владычество, — эта грудь становится ложемъ алчныхъ ехиднъ! Шипя выползаютъ онѣ изъ цвѣточной засады, любовно впиваются въ тѣло ихъ смертоносные зубы. Незримо, но безпощадно, жало за жаломъ вонзается въ жарко-волнующуюся, бѣлоснѣжную эту грудь. Быстро и губительно, какъ нѣкогда любовь къ тріумвиру, ядъ проникаетъ въ сердце царицы — и вотъ, въ блѣднѣющихъ ланитахъ, въ потухающемъ взорѣ, гаснетъ... угасъ дивный метеоръ Востока.

Лазаретный верблюдъ.

(*На пути въ Хиву*).

Полдень—Зной. Почти вертикальные лучи солнца накаливаютъ песчаную пустыню.

На первомъ планѣ, лѣниво раскачиваясь, широко и размашисто шагая, идетъ верблюдъ; его ведетъ неуклюжій киргизъ-лауча въ своей остроухой, рогатой шапкѣ, въ широкихъ кожаныхъ шараварахъ... Онъ не ведетъ, онъ скорѣе тянетъ лѣнивое животное, перекинувъ черезъ плечо волосяной чумбуръ.

Верблюдъ этотъ навьюченъ; но вмѣсто мертваго неподвижнаго вьюка, съ обоихъ боковъ животнаго висятъ живыя или покрайней мѣрѣ полу-живыя существа въ висячихъ креслахъ, чрезвычайно напоминающихъ тѣ висячія полочки, которыя мы часто видимъ по стѣнамъ незатѣйливыхъ кабинетовъ, — сидятъ и дремлютъ, а можетъ быть находятся въ болѣзненномъ безпамятствѣ два солдата—одинъ съ одной стороны, другой съ другой стороны, служа противовѣсомъ своему товарищу. Перекинутый черезъ спину верблюда и натянутый на тонкихъ палочкахъ полотняный зонтъ, въ видѣ оконныхъ маркизъ, превосходно защищаетъ сидящихъ отъ солнца, отражая отъ своей ярко-бѣлой поверхности жаркіе, губительные лучи.

Весь вьюкъ: кресла, зонтъ, и пассажиры, считая въ каждомъ среднимъ числомъ по три съ половиною пуда, едва достигаетъ до десяти пудовъ, а хорошій вьючный верблюдъ можетъ легко нести на себѣ пятнадцать и въ крайнемъ случаѣ до двадцати пудовъ. Такимъ образомъ является возможность подвѣсить еще грузу:—

ящики съ перевязочными и аптечными припасами въ данномъ случаѣ самые приличные предметы, боченокъ съ водою и фляга со спиртомъ тоже не будутъ лишними,—такимъ образомъ формируется превосходный вьючный лазаретный обозъ, какого вы навѣрное не увидите въ европейскихъ арміяхъ.

А дальше, на второмъ планѣ виднѣются группы идущихъ солдатъ-пѣхотинцевъ туркестанскихъ боевыхъ батальоновъ—характерныя шапки съ назатыльниками, мѣшки за плечами, красные панталоны, засунутые въ высокіе сапоги, придаютъ отряду оригинальный характерный видъ. Еще дальше видны конныя группы казаковъ, — мелькаютъ въ знойкомъ, мглистомъ воздухѣ тонкія черточки казачьихъ пикъ,—треплются значки... глухо гудитъ бубенъ въ рукахъ удалаго, незнающаго устали запѣвалы.

И стоятъ хивинцы на своихъ высокихъ, стѣнныхъ гребняхъ и посматриваютъ въ степь:—не покажутся ли въ облакахъ бѣловатой пыли именно такіе точно, описанные нами отряды.

Другіе имъ не страшны, а съ этими познакомилъ ихъ уже горькій, печальный опытъ прежнихъ лѣтъ, прежнихъ кровавыхъ схватокъ.

Кораллы.

Гдѣ начало и конецъ океана, великаго океана, опоясывающаго дивами своего подводнаго міра всю землю, исполненную чудесъ, и отражающаго въ своихъ зеркальныхъ водахъ недосягаемое небо съ его невѣдомыми тайнами, недоступными пытливости людей?

Долго бездны моря оставались столь же недоступными и таинственными, какъ недосягаемая глубь неба. Колоссальные телескопы воздвигнуты для измѣренія недосягаемой дали неба; лотъ досталъ уже образцы морскаго дна съ глубины двухъ миль и даже болѣе.

Чѣмъ болѣе люди учатся и изслѣдуютъ, тѣмъ сильнѣе они проникаются убѣжденіемъ, какъ ничтожны всѣ наши знанія: вѣковыми, настойчивыми трудами народы допытываются у природы на вершокъ знанія — и тутъ же убѣждаются, что несмѣтная даль недосягаемаго знанія остается невѣдомою и недоступною ихъ изслѣдованію,—и поневолѣ, преклоняясь предъ неограниченнымъ всемогуществомъ Творца, восклицаютъ: «Чудны дѣла Твои, Господи», а люди умные дорожатъ каждымъ и малымъ пріобрѣтеніемъ знанія, воздавая должную справедливость труженикамъ науки.

Много въ природѣ есть чудеснаго, но немного еще найдется такихъ дивныхъ животныхъ, какъ кораллы, которые съ большею силою возбуждали бы наше воображеніе, вызывая безконечный рядъ мыслей. Возьмемъ ли мы въ руки коралловое ожерелье — куда вознесетъ оно нашу мысль? Къ свѣтлозеленой пеленѣ лагуны, отдѣляющейся отъ темныхъ, бурныхъ валовъ моря бѣлоснѣжной полосою буруновъ, которые, пѣнясь и сверкая, разбиваются о каменные рифы въ далекомъ тропическомъ океанѣ; къ вѣчно-лазурнымъ водамъ, омывающимъ берега счастливой Сициліи, и къ далекой древности, когда все прекрасное и необыкновенное въ природѣ было одарено чудесною силою, по мнѣнію простодушныхъ, мало свѣдущихъ народовъ. Труды и опасности мореплавателей, умозрѣнія философовъ, пренія друзей науки, чудеса животнаго царства—все это разомъ охватываетъ умъ при одномъ словѣ *кораллъ*.

Но что же такое кораллъ?

Ничтожное по величинѣ, едва замѣтное животное, имѣющее видъ прозрачнаго пузырька и живущее во всѣхъ теплыхъ моряхъ; кораллъ есть продуктъ органической жизни животнаго, выростающаго какъ цвѣтокъ изъ известковаго камня.

Люди дивятся огромнымъ размѣрамъ пирамидъ и развалинъ древности,—но что значатъ всѣ эти постройки въ сравненіи съ коралловыми строеніями, нагроможденными микроскопическими работниками? Ничтожный полипъ, едва-ли съ булавочную головку величиной, строитъ прочныя укрѣпленія противъ напора могучихъ волнъ, и предлагаетъ гостепріимство пальмѣ и человѣку. Человѣкъ строитъ плотины противъ морскихъ волнъ — и сколько это стоитъ трудовъ и стукотни! А ничтожные полипики воздвигаютъ свои плотины стройно, безшумно, но постоянно, и ведутъ вѣчную борьбу съ бурными волнами.

Но кто же эти могучіе строители? Крошки, студенистыя животныя, пузырь величиною съ булавочную головку, имѣющій ротъ, кишечный каналъ и вокругъ рта нѣсколько щупальцевъ, которыми ловитъ добычу. Отдѣльно живущій полипъ имѣетъ стебелекъ, которымъ онъ навѣки прикрѣпляется къ почвѣ. Полипы-слизняки, свободно плавающіе, называются медузами, а также морскою крапивою, потому-что прикосновеніе къ ихъ щупальцамъ производитъ обжогъ, какъ отъ крапивы; они издаютъ сильный фосфорическій блескъ.

Въ древнія времена кораллъ считался за лекарственное снадобье противу разныхъ болѣзней. Греки называли кораллъ «дщерью океана», а Ѳеоѳрастъ упоминаетъ о кораллѣ при исчисленіи драгоцѣнныхъ кеменьевъ. Плиній разсказываетъ, что кораллъ въ Индіи почитался не меньше, чѣмъ жемчужина почиталась въ Римѣ, замѣчая при томъ, что у каждаго народа существуетъ свой особенный вкусъ для оцѣнки вещей. По его же свидѣтельству, Зороастръ приписывалъ нѣкоторую таинственную силу кораллу, отчего у персовъ кораллъ имѣлъ двоякую цѣну—какъ украшеніе и какъ святыня.

Въ Персіи, Китаѣ, Японіи кораллъ имѣетъ одинаковую цѣну съ золотомъ. Древніе галлы имѣли обыкновеніе украшать свое оружіе этимъ прелестнымъ произведеніемъ гальскихъ и итальянскихъ водъ. Но когда кораллъ оказался цѣннымъ, какъ вывозной продуктъ,—жители отказались отъ этого украшенія, и теперь кораллъ на мѣстѣ своего рожденія составляетъ сравнительную рѣдкость.

Въ средневѣковую эпоху кораллъ цѣнили наравнѣ съ алмазомъ. Плиній же описываетъ его какъ морское растеніе, приносящее красные плоды. Намъ не слѣдуетъ удивляться, что Плиній вдался въ такое ошибочное мнѣніе, когда видимъ, что то же заблужденіе повторялось и въ ближайшія къ намъ времена. Въ Джонсоновомъ лексиконѣ находится слѣдующее описаніе: «Кораллъ, растеніе твердокожее, кремнистаго или известковаго состава — неизмѣняющееся какъ въ водѣ, такъ и на воздухѣ.

Переходя къ среднимъ вѣкамъ, находимъ первое упоминаніе о кораллахъ въ описи Alionore de Rohun'a, гдѣ между драгоцѣнными вещами помѣщенъ коралловый Pater nost r въ золотой оправѣ и три коралловыя вѣтки.

Въ 1700 году Турнефоръ описываетъ кораллъ, какъ морское растеніе, а Реомюръ подтверждаетъ это мнѣніе, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ противъ прежнихъ натуралистовъ, свидѣтельствуя, что кораллъ есть кремнистый продуктъ морскихъ растеній. Графъ де-Марсиньи дѣлаетъ на этомъ пути шагъ впередъ и не только подтверждаетъ растительное свойство коралла, но и удостовѣряетъ, что своими глазами видѣлъ его цвѣты. Въ своемъ сочиненіи La Physique de la mer, онъ представляетъ изображенія этихъ морскихъ растеній, и такимъ образомъ разъ навсегда рѣшаетъ этотъ спорный пунктъ, какъ по крайней мѣрѣ онъ предполагалъ. Однако нашлись люди, которые не совсѣмъ удовлетворились его рѣшеніемъ.

Въ 1723 году французская академія наукъ поручила

студенту медицины и естественныхъ наукъ Жанъ-Андре-де-Пейсонелю изслѣдовать и произвесть ближайшія наблюденія надъ разрѣшеніемъ вопроса о столь интересномъ предметѣ. Пейсонель началъ свои наблюденія съ марсельскихъ окрестностей, а покончилъ на сѣверныхъ берегахъ Африки. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ, добросовѣстныхъ и остроумныхъ опытовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что цвѣты графа де-Марсильи были ни что иное какъ животныя,—и при этомъ приводилъ ясныя доказательства, что кораллъ не растеніе, а продуктъ цѣлой колоніи полиповъ. Считаемъ за лучшее передать это описаніе его словами:

«Я положилъ цвѣтокъ коралла въ сосудъ, наполненный морскою водою, и увидѣлъ, что принимаемое за цвѣтокъ этого мнимаго растенія было въ дѣйствительности животное въ родѣ полипа. Я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ двигались щупальцы или ноги этого животнаго; а когда сосудъ былъ поставленъ мною подогрѣваться на легкомъ огнѣ, тогда всѣ микроскопическія животныя стали видимо распускаться. Полипъ вытягивалъ свои щупальцы, отчего и образовалось то, что графъ де-Марсильи принималъ за лепестки цвѣтка. Чашечка мнимаго цвѣтка—животное, которое двигало своими щупальцами и выдавалось изъ коры».

Но за всѣ свои талантливые труды, бѣдный Пейсонель не получилъ ни награды, ни благодарности; его открытіе было осмѣяно Реомюромъ и Бернаромъ де-Жюссье, какъ нѣчто незаслуживающее вѣроятія; всюду встрѣтило его только недовѣріе и недоброжелательство; всѣ его достопримѣчательныя сочиненія не удостоились даже быть напечатанными. Оскорбленный и униженный не по заслугамъ, Пейсонель получилъ отвращеніе отъ этихъ порученій и уѣхалъ на Антильскіе острова въ качествѣ корабельнаго доктора, но и оставаясь въ неизвѣстности, онъ продолжалъ трудиться. Не много прошло послѣ того лѣтъ, а Реомюръ и де-Жюссье принуждены были отказаться отъ своего мнѣнія и сознаться, что какъ бы тамъ ни было, а теорія Пейсонеля вѣрна.

Съ тѣхъ поръ чудесный зоофитъ, животно-растеніе, озарился настоящимъ свѣтомъ, по объясненіямъ натуралистовъ. Но прежде-чѣмъ приступить къ описанію дѣйствительнаго способа образованія кораллов, заглянемъ—съ помощію Шлейдена, издавшаго достопримѣчательную книгу «Море»,—въ убѣжище сиренъ, гдѣ растутъ коралловыя скалы.

Въ глубинахъ моря растутъ цѣлые лѣса коралловъ—чудесные, подводные лѣса, точно волшебные сады въ сказочномъ мірѣ; сплошныя массы безлиственныхъ кустарниковъ, приносящихъ бѣлоснѣжные, звѣздообразные цвѣты, *мадрепоровъ*, то голыхъ какъ палецъ, то раскинутыхъ роскошными побѣгами, и *горгоній*, качающихъ надъ вымершими массами свои желтыя и лиловыя опахала. Шероховатые стебли коралловъ облѣплены морскою порослью, точно разноцвѣтными лишаями и мхомъ, тогда какъ нѣжныя вѣтви обвѣшаны пурпуровыми раковинками. Живые цвѣтники, словно гигантскіе кактусы, блистающіе яркими цвѣтами, точно роскошныя гряды разнообразныхъ ранункуловъ, то стелются по сверкающимъ пескамъ морскаго дна, то захватываютъ своими щупальцами необъятныя пространства по склонамъ скалъ. Миріады мамаленькихъ рыбокъ, блистающихъ то золотисто-изумрудными металлическими искрами, то ослѣпительною бѣлизною чистѣйшаго серебра, ныряютъ и вьются вокругъ коралловъ; странныя существа — *лента рыба* — словно длинныя змѣи, съ розовымъ и лазурнымъ отливомъ, и таинственныя, прозрачныя сепіи, блистающія радужными цвѣтами, извиваются и скользятъ въ коралловыхъ чащахъ, гоняясь за добычею. Когда же ночная тѣнь осѣнитъ глубины, тогда въ этихъ подводныхъ лѣсахъ зажигаются милліоны огней: медузы и рачки горятъ, какъ свѣтляки во мракѣ; между ними носится перпатка и свѣтитъ свѣтло-зеленымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Для полноты очарованія этой, по истинѣ, волшебной ночи въ волшебномъ краѣ, плыветъ огромный серебряный щитъ мѣсяцъ-рыбы, тихо блистая, подобно лунѣ, посреди крошечныхъ звѣздочекъ. Такая жизнь кипитъ въ нѣдрахъ океана—и весь этотъ міръ чудесъ и красоты скрытъ для всѣхъ, кромѣ глаза отважнаго водолаза. Но даже и въ этотъ подводный міръ, полный таинственности и опасности, проникаетъ человѣческая хищность, и предпріимчивый духъ извлекаетъ на землю подводныя сокровища для своей пользы и утѣхи.

Знаменитый Гумбольдтъ удостовѣряетъ, что такъ-называемыя коралловыя скалы суть ни что иное, какъ совокупность остатковъ мадрепоры, скрѣпленныхъ известью, обломками раковинъ и пескомъ.

Фигье описываетъ вѣтку живаго коралла, какъ гнѣздо микроскопическихъ животныхъ, происходящихъ отъ перваго недѣлимаго и размножающагося почками весьма быстро, такъ что отъ каждаго недѣлимаго образуется огромный полипнякъ съ милліонами особей, а при дѣленіи отводками молодое поколѣніе селится близь стараго, почему много полиповъ сидятъ одинъ подлѣ другаго, и эти новыя поколѣнія соединенными усиліями производятъ коралловую вѣтвь.

Въ прежнія времена думали, что коралловые острова или атолы, какъ индѣйцы ихъ называютъ, построены на подводныхъ кратерахъ; ученый Шамиссо полагалъ, что кораллы всего скорѣе и крѣпче выростаютъ изъ общей колоніи, размножаясь въ ширину, чѣмъ и объясняетъ кольцеобразную форму общей постройки. По этому случаю Дарвинъ предлагаетъ вопросъ: «на чемъ же строители, не могущіе существовать на большой глубинѣ, основали свои прочныя постройки?» По теоріи Дарвина, принятой теперь всѣми, и основанной на тщательныхъ наблюденіяхъ и остроумныхъ соображеніяхъ, развитіе и возрастаніе коралловъ происходитъ путемъ осѣданія или погруженія острова въ воду, что вполнѣ объясняетъ главныя черты строенія атоловъ, сходство ихъ формъ и многія исключительныя подробности. Медленно и долго совершается это погруженіе гигантскихъ строеній и кораллы — эти микроскопическіе строители, — воздвигли чудесные памятники колебаній земли. Каждый атолъ служитъ мавзолеемъ погибшаго острова.

Коралловый островъ есть подводная гора, чрезвычайно высокая и такая крутая, что съ нею нельзя сравнить самые обрывистые волканы. Вершина или лагуна коралловой горы нѣсколько углублена и вдавлена. Каждая частица этой массы носитъ отпечатокъ ея органическаго устройства. Коралловыя строенія можно считать одними изъ чудеснѣйшихъ и наиболѣе заслуживающихъ вниманія явленій природы. Всѣ наши мыслительныя способности повергаются невольно въ изумленіе, если вдуматься въ эти чудеса. Вода и суша—въ вѣчной борьбѣ за каждый шагъ коралловыхъ строеній. Жизнь кипитъ въ нѣдрахъ океана, какъ и на поверхности земли, и вездѣ жизнь идетъ рядомъ съ смертью. Волна морская—колыбель несмѣтныхъ милліоновъ живыхъ существъ; дно морское—пространная могила. Миріады животныхъ строятъ свои жилища ближе къ поверхности моря, которое сверкаетъ ихъ свѣтомъ и кипитъ ихъ жизнью. Умираютъ эти животныя—и остатки ихъ ложатся несмѣтными осадками на

Сивучи. Рис. Менель, грав. Гошаръ.

дно морское, и изъ этихъ атомовъ образуются горы и равнины. На днѣ морскомъ нѣтъ ни шороха, ни треска, все тихо и спокойно, даже никакого теченія не бываетъ. Море — бездонная могила жизни и среда безконечныхъ убійствъ: одинъ китъ, напримѣръ, однимъ глоткомъ поглощаетъ милліоны этихъ слизняковъ, и гоняясь за ними, проплываетъ отъ одного полюса къ другому. Вездѣ погоня, борьба и смерть; но подъ водою побѣдители не провозглашаютъ громогласно своихъ побѣдъ, побѣжденные не стонутъ: таинственною тишиною сопровождается смерть въ подводномъ мірѣ, и только иногда прерывается колыханіемъ волнъ отъ предсмертныхъ судорогъ раненыхъ. Медузы, полипы, инфузоріи, какъ свѣтляки, распространяютъ фосфорическій свѣтъ, посредствомъ свѣтящейся слизи, покрывающей ихъ, и особенными свѣтильными органами. Перемѣнчивый ихъ свѣтъ подобенъ то яркому горѣнію, то слабому сіянію.

Полипы большою частію живутъ большими обществами, но каждой изъ нихъ имѣетъ особенную организацію и наслаждается повидимому своею собственною жизнью, хотя и соединяется съ главнымъ стволомъ посредствомъ канала, и жизнь каждой особи способствуетъ жизни и цѣли общей.

Коралловая вѣтвь состоитъ изъ двухъ различныхъ частей: одной внутреней твердаго каменистаго и довольно хрупкаго свойства — это коммерческій кораллъ; другая же наружная оболочка какъ бы древесная кора, мягкая слизистая и легко спадающая, когда полипнякъ засушенъ, — собственно говоря, наружная часть и есть мѣсторожденіе живой колоніи. Первая часть внутренняя называется полипнякомъ; вторая наружная — колоніею полиповъ. По мѣрѣ того, какъ умирающіе полипы каменѣютъ, полипнякъ увеличивается въ объемѣ. Полипняки ноздреватые и скважистые въ той части, гдѣ находятся живые полипы, постоянно твердѣютъ и дѣлаются сплошными въ той части, гдѣ животныя отжили свой вѣкъ.

Когда колонія полиповъ отживаетъ свой вѣкъ, ея населеніе постепенно вымираетъ, вѣтки ломаются и распадаются въ обломки. Послѣ этого онѣ начинаютъ скрѣпляться между собою и образуютъ скалы, на которыхъ развиваются новыя колоніи, и на нихъ появляются свѣжіе коралловые лѣса для того, чтобы пройти чрезъ ту же процедуру жизни и въ свою очередь послужить основаніемъ новаго поколѣнія. Конечно, твердѣетъ сначала нижняя часть полипняка. Утвердившись на подводной скалѣ, полипы какъ пчелы строятъ свои соты—и отдѣляемая ими известковая жидкость, твердѣя снизу, поднимается въ видѣ сучковатаго дерева — коралла. Но никогда живая отрасль коралла не поднимается надъ поверхностію океана; полипы могутъ жить только подъ водою на скалахъ, въ илистомъ грунтѣ и въ волнующихся слояхъ моря—и умираютъ на поверхности воздвигнутой скалы; другіе же продолжаютъ свой трудъ съ боковъ скалы. Изъ этихъ известковыхъ жилищъ образуется широкая коралловая плотина, имѣющая видъ большаго кольца, внутри котораго находится вода. Такой круглый островъ называется атоломъ, а его внутреннее озеро—лагуною. Какъ уже сказано, строители этихъ гигантскихъ работъ дѣйствуютъ только подъ водою, и потому требуются другія силы природы для того, чтобы эти острова доставили питательную почву для пальмы и достаточно мѣста для ноги человѣка. Почва на атолѣ образуется морскими волнами, которыя набрасываютъ туда землю, песокъ, листья, остатки мертвыхъ животныхъ и деревьевъ; все это перегниваетъ и превращается въ плодородную почву. Морскія птицы заносятъ на крыльяхъ сѣмена разныхъ растеній, удобряютъ землю и такимъ образомъ появляетея растительность.

Въ Европѣ кораллы ловятся преимущественно на скалистыхъ берегахъ Генуи, Ливорно и Неаполя. Ловля кораллов требуетъ много тяжелыхъ трудовъ, сопровождающихся опасностями; въ Италіи существуетъ даже поговорка въ такомъ родѣ, что «ходить по коралламъ впору только ворамъ да разбойникамъ.»

Лодки, употребляемыя для этой ловли, имѣютъ отъ шести до пятнадцати тоннъ, отъ восьми до десяти матросовъ подъ управленіемъ капитана или *падроне*. Машина употребляемая для ловли коралловъ—имѣетъ сходство съ тяжелымъ колесомъ безъ косяковъ и съ малымъ числомъ спицъ. Огромный камень привязывается къ серединѣ этого колеса, какъ для спуска его, такъ и для того чтобы разбивать кораллы. Къ машинѣ прикрѣплены сѣти, въ которыя попадаютъ обломки скалъ и отбитыхъ коралловъ. Все это привязывается къ шпилю крѣпкими веревками. При достиженіи коралловой мели, машина выкидывается за бортъ и ходъ судна замедляется. Шесть или семь человѣкъ работаютъ у шпиля, остальные управляются съ лодкою. Тяжелая деревянная машина бьется о шероховатыя мели, и каждую минуту качаетъ и подбрасываетъ лодку. Обязанность вытаскивать тяжело нагруженныя сѣти представляетъ страшный трудъ. Иногда вытаскиваются огромные обломки съ кораллами. Пока матросы заняты обдираніемъ коралловъ, машина спокойно виситъ съ боку лодки, наготовѣ для новой ловли. Когда ловля покончена, кораллы сняты съ вѣтки, а также и паразиты къ ней прицѣпившіеся,—тогда суда отправляются въ Мессину, Неаполь, Геную или иную гавань, гдѣ живутъ фабриканты коралловыхъ издѣлій. Красные кораллы чаще всего попадаются у береговъ Варварійскихъ владѣній, впрочемъ тамъ же встрѣчаются черные, бѣлые и розовые. Часто розовые кораллы, вслѣдствіе своей рѣдкости и большаго на нихъ требованія, цѣнятся значительно дороже другихъ; но розовые кораллы ловятся преимущественно на скалистыхъ меляхъ Галиты и Фрателли. Обыкновенные красные кораллы раздѣляются на четыре сорта. Самые большіе и яркоцвѣтные перваго сорта продаются отъ тридцати шиллинговъ до двухъ фунтовъ стерлинг. за фунтъ. По своимъ яркимъ цвѣтамъ, они названы кровавыми цвѣтками и кровавою пѣною. Купцы высоко цѣнятъ ихъ. Второклассные, величиною поменьше, но хорошаго цвѣта и безъ скважинъ, кораллы цѣнятся отъ восьми до десяти шилинговъ за фунтъ. Къ третьему разряду принадлежитъ мертвые кораллы, сами опавшіе отъ стебля и всегда уже со скважиною; они не имѣютъ сравнительно высокой цѣны, выцвѣли или какъ говорятъ итальянцы sbianchito. Къ четвертому разряду принадлежатъ выкинутые моремъ — terraglio — они безцвѣтны, полуразрушены и почти не имѣютъ цѣнности.

Шлейденъ утверждаетъ, что ловля коралловъ только въ Боннѣ и La Calle простиралась до 85,920 фун. ст. Обдѣлка коралловъ и фабрикація коралловыхъ ожерельевъ сосредочены въ Неаполѣ и другихъ прибрежныхъ городахъ Италіи, а также въ Касси близь Марселя. Когда изъ коралла намѣрены дѣлать шарики для четокъ и бусъ, то сначала раздѣляютъ его на части тонкою круглою пилою, а потомъ уже обдѣлываютъ на токарномъ станкѣ. Эта отрасль промышленности даетъ работу какъ мужчинамъ какъ и женщинамъ. Невольно припоминаешь Граціеллу Ламартина, какъ она выходила на балконъ, чтобы стряхнуть пурпуровую пыль съ своихъ волосъ.

Все это разнообразіе и чудесное хотя дѣйствительное устройство подводной жизни коралловъ—не удовлетворяло

воображенiе человѣческое,—и въ прежнiе времена, съ понятiемъ объ этомъ мнимо-подводномъ растенiи соединялось много суевѣрныхъ предразсудковъ. Реджинальдъ Скоттъ въ книгѣ: «Discoverie of Witchiraft» извѣщаетъ, что кораллъ есть предохранительное средство противъ колдовства и всякой порчи, и что по этому случаю на дѣтей надѣваютъ коралловыя ожерелья. Плавтъ въ своемъ сочиненiй «Jëwel house of Nature» повторяетъ ту же исторiю съ прибавленiемъ, что кораллъ предохраняетъ отъ обмороковъ. Словомъ, по его мнѣнiю, кораллъ имѣетъ какую-то особенную симпатiю съ природою человѣческою, потому что лучшiе кораллы блѣднѣютъ, теряютъ свой яркiй цвѣтъ, когда особа носящая ихъ заболѣваетъ — и первобытный цвѣтъ возвращается съ возстановленiемъ здоровья.

Но и въ наше время, между коралловыми издѣлiями Неаполя, большую роль играютъ амулеты, большею частiю въ видѣ руки, какъ предохранительное средство противъ чорнаго, т. е. завистливаго глаза. Трудно повѣрить, чтобы донынѣ сохранилось понятiя о чорномъ глазѣ,—чорномъ не по наружному цвѣту, а по недоброжелательству, по чернотѣ души,—а между тѣмъ этотъ фактъ подтверждается достовѣрными авторитетами. Графъ Аррибабене передаетъ намъ истинный анекдотъ о покойномъ неаполитанскомъ королѣ Фердинандѣ II, который оказывается самымъ ярымъ послѣдователемъ этого суевѣрiя: Король давалъ былъ въ Казертѣ, своей лѣтней резиденцiи. Всѣ аристократы были приглашены, кромѣ одного принца. Одинъ изъ церемонiймейстровъ осмѣлился освѣдомиться, какая была-бы причина такого упущенiя? Король отвѣчалъ на то, что этотъ принцъ «gettattur» *) и потому онъ не желаетъ его видѣть у себя на балѣ. Однако возраженiе короля было искусно опровергнуто и принцъ получилъ приглашенiе. При его появленiи въ большую залу, всѣ гости разомъ шарахнулись отъ него въ сторону, что тотчасъ было замѣчено королемъ, который по добродушiю своему поспѣшилъ взять его подъ руку—и чтобъ отвлечь его вниманiе отъ нанесеннаго ему оскорбленiя, онъ указалъ ему на громадный канделябръ, замѣчательный по своей красотѣ. Но не успѣлъ принцъ устремить на него свои глаза, какъ канделябръ упалъ съ ужасающимъ грохотомъ; нѣкоторые изъ приглашенныхъ получили значительные ушибы. Не надо и распространяться о томъ, что съ той поры несчастный принцъ не получалъ приглашенiя во дворецъ.

*) Gettatura — дурной глазъ.

Кораллы при художественной отдѣлкѣ составляютъ изящное дополненiе драгоцѣнныхъ каменьевъ. Брильянтовый уборъ съ краснымъ коралломъ былъ замѣчательнѣйшимъ произведенiемъ ювелирнаго искусства на Парижской выставкѣ 1851 года. Изъ коралловъ дѣлаютъ камеи, только это очень рѣдкiе образцы; но еще рѣже кораллы приняты въ архитектурныя украшенiя. Въ церкви Сен-Рока въ Лиссабонѣ находится алтарь изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, украшеннаго рельефными листьями изъ краснаго коралла. Это изящнѣйшее произведенiе художества стоитъ баснословную сумму.

Кораллъ производитъ красивый эффектъ при украшенiи имъ бокаловъ, шкатулокъ и другихъ цѣнныхъ издѣлiй.

Хотя въ наше время нечего бояться ни колдовства, ни порчи и не требуется амулетовъ для предохраненiя отъ чернаго глаза,—однако надо признаться, что и въ наше время прекрасные камушки служатъ не рѣдко предметомъ восхищенiя и увлеченiя до страсти, которая также порча и омраченiе. Одно вѣрно, что, для неповерхностнаго ума, чудеса природы открытыя друзьями науки и въ полипникѣ, не менѣе велики, нежели чудодѣйная сила, нѣкогда приписываемая имъ невѣжественнымъ суевѣрiемъ. Но если мы вдумаемся въ неизмѣримость величiя Творца въ его мельчайшихъ творенiяхъ, то невольно погрузимся въ благовѣйный восторгъ и сознаемся, что много въ природѣ есть чудесъ; но немного такихъ поразительно-очаровательныхъ, какiя являются плодомъ жизни слизистыхъ крошечныхъ архитекторовъ, извѣстныхъ намъ въ видѣ коралловъ.

Сивучи.

Морскихъ львовъ извѣстно нѣсколько видовъ, какъ южныхъ морскихъ львовъ «otaria jubata», такъ и сѣверныхъ, называемыхъ чаще «сивучами». Настоящiй морской левъ живетъ на южномъ концѣ Америки и на югѣ Новой Голландiи и Зеландiи; сѣверный встрѣчается на сѣверѣ Тихаго океана, отъ Берингова пролива до Японiи и Калифорнiи. Въ образѣ жизни обоихъ видовъ есть много общаго съ морскими котами и другими родами отряда ластоногихъ, но они отличаются другимъ характеромъ и окраской мѣха. Морскiе львы заслуживаютъ до нѣкоторой степени свое названiе. Желтый цвѣтъ ихъ мѣха еще темнѣе львинаго; морда, какъ у всѣхъ тюленей, напоминаетъ кошачью; всего же характернѣе грива. Животъ и ноги сивуча довольно темны, сравнительно съ буро-желтой окраской его спины; переднiя ласты покрыты черной кожей съ небольшими черными бородавками, на заднихъ ногахъ кожа образуетъ лопасти. Кромѣ гривы, украшающей морскаго льва, очень замѣчательны его глаза по ихъ странному выраженiю, обусловленному необыкновеннымъ сопоставленiемъ цвѣтовъ. Бѣлокъ у глаза бѣлый, радужная оболочка изумруднаго зеленаго цвѣта, а слизистая оболочка ихъ внутреннихъ угловъ красна, какъ киноварь.

Свиду морской левъ или сивучъ кажется свирѣпымъ и страшнымъ, въ отношенiи же къ человѣку онъ является однимъ изъ трусливѣйшихъ животныхъ и при видѣ его тотчасъ убѣгаетъ въ воду. При испугѣ онъ испускаетъ глубокiе вздохи, бѣжитъ, спотыкаясь и падая безпрерывно, его ноги дрожатъ—и онъ улепетываетъ безъ оглядки; но если спасенiе невозможно, если отступленiе ему не помогаетъ и не избавляетъ его отъ преслѣдованiя,—въ немъ являются признаки характера его царственнаго собрата; онъ поворачивается и, тряся своей державной головой, съ ревомъ и ворчаньемъ, какъ бы выговаривая дерзкому противнику, идетъ прямо на человѣка, почти всегда заставляетъ противника отступить и тѣмъ какъ бы мѣняется съ нимъ ролями.

Сѣверные народы никогда не охотятся за сивучемъ на водѣ, потому что онъ, какъ-бы чувствуя свою силу и власть въ этой стихiи, смѣло бросается на охотниковъ, опрокидываетъ ихъ жалкiе челноки, предоставляя имъ возможность познакомиться съ подводнымъ мiромъ.

На сушѣ большею частiю охотятся на сивуча изъ засады, или нападая въ расплохъ. Во время его сна, человѣкъ, надѣющiйся на свою силу и ноги, ползетъ подъ вѣтромъ съ желѣзнымъ и костянымъ копьемъ, снимающимся съ рукояти, и втыкаетъ его въ одну изъ переднихъ лапъ, между тѣмъ какъ другiе охотники въ то же время привязываютъ къ дереву конецъ толстаго тюленьяго ремня, къ другому концу котораго прикрѣплено копье. Проснувшееся животное отъ боли начинаетъ ревѣть и метаться, стараясь скрыться, но, привязанное, не можетъ двинуться, не разорвавъ себѣ лапы, а въ это время охотники доколачиваютъ его дубинами или ранятъ стрѣлами. Охотники, рѣшающiеся на эту отважную охоту, пользуются общимъ уваженiемъ. Иногда охотники на своихъ жалкихъ челнокахъ изъ древесной коры или звѣриныхъ кожъ отправляются на острова и, охотясь тамъ вышеописаннымъ способомъ, возвращаются домой въ челнокахъ, нагруженныхъ двумя, иногда тремя сивучами, такъ что края лодки почти что не подымаются надъ водою.

Жиръ и мясо льва очень вкусны, особенно у молодыхъ. Студень изъ ихъ ногъ и самыя ноги жареныя, по мнѣнiю гурмановъ и гастрономовъ, составляютъ очень лакомый кусочекъ.

Самецъ сивучъ имѣетъ нѣсколько женъ и живетъ съ ними въ дружбѣ и согласiи, но по большей части предпочитаетъ какую нибудь одну, которая понравится. Въ августѣ и сентябрѣ самки заботятся о продолженiи потомства ихъ властителя и приносить ему дѣтенышей. Обращаясь очень милостиво и даже любезно съ своими женами и позаботившись о воспроизведенiи потомства, на новорожденныхъ львенковъ сивучъ не обращаетъ никакого внима-

нія; а матери, слѣдуя примѣру своего мужа, тоже не чувствуютъ къ нимъ особенной любви и заботливости, чѣмъ составляютъ особенность отъ другихъ видовъ этого класса тюленей, который напротивъ изъ-за своихъ дѣтей готовъ биться до послѣдней капли крови. Львята очень неподвижны и лѣнивы, большую часть времени спятъ, вообще очень вялы. По вечерамъ матери, еще не совсѣмъ забывая долгъ свой, уходятъ съ ними въ море и плаваютъ у береговъ. Если малютки устанутъ, то ложатся на спину матери отдыхать, но та начинаетъ вертѣться и сбрасываетъ маленькихъ лѣнивцевъ въ воду, предоставляя имъ самимъ возвращаться на берегъ.

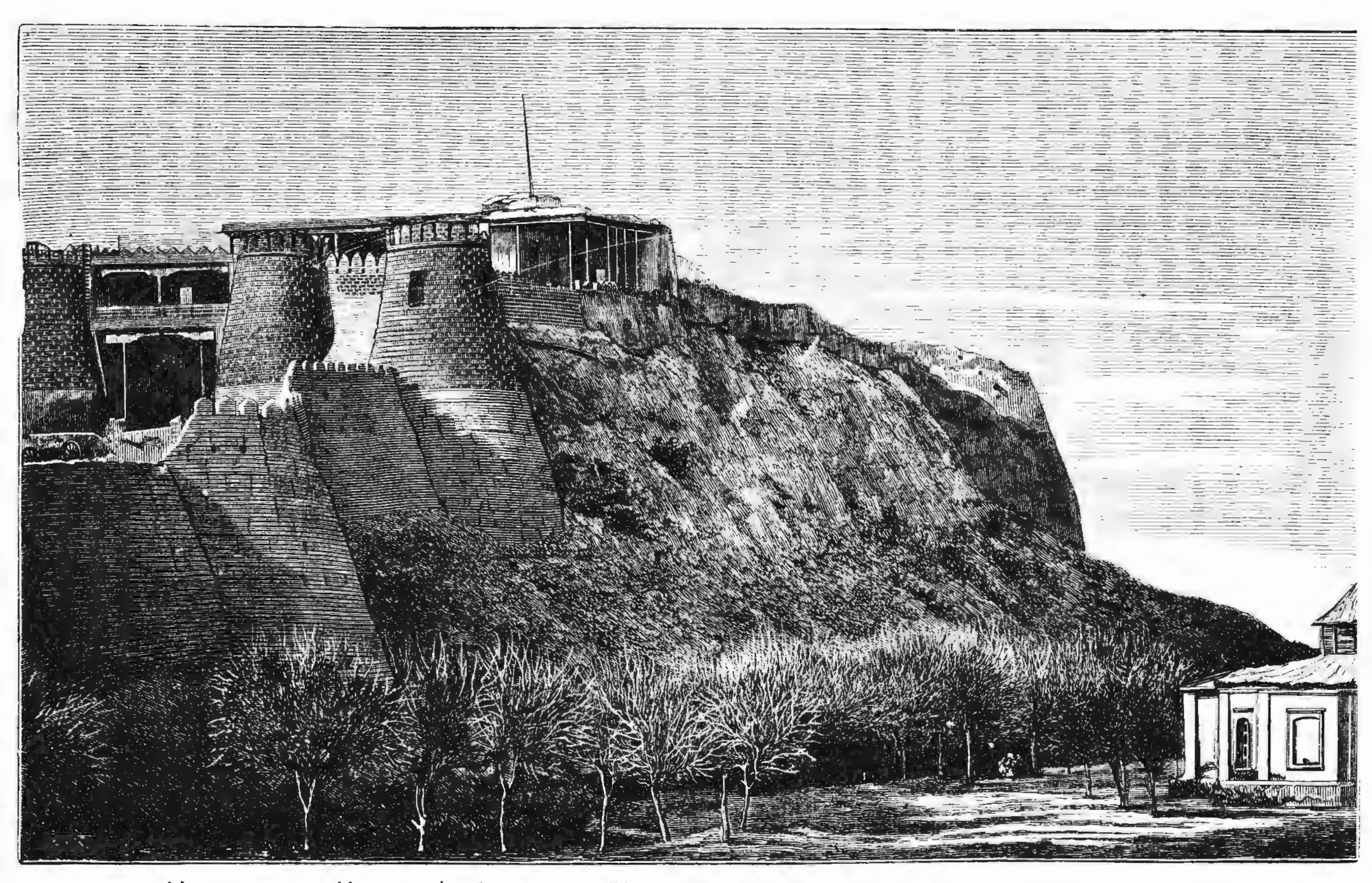
Какъ ни боятся морскіе львы человѣка, но если съ ними обходиться тихо, не пугать и не тревожить ихъ—они скоро привыкаютъ къ нему и не убѣгаютъ при его появленіи. «Я разъ провелъ шесть дней, разсказываетъ естествоиспытатель Штеллеръ,—среди стада морскихъ львовъ въ хижинѣ на небольшомъ возвышеніи, откуда могъ свободно наблюдать за ихъ жизнію. Они лежали вокругъ меня, смотрѣли на огонь и были вообще очень внимательны ко всему, что я дѣлалъ. Они даже не бѣжали, не смотря на то, что я ходилъ между ними и бралъ ихъ дѣтенышей».

Морскіе львы, какъ и другія особи этого вида, ведутъ между собой ожесточенныя битвы — изъ-за своихъ женъ, а отчасти и изъ за мѣстъ отдохновенія. Морскіе коты, которые очень часто встрѣчаются въ обществѣ морскихъ львовъ, никогда не вмѣшиваются въ ихъ драки, и какъ-бы чувствуя свою подвластность, тотчасъ убѣгаютъ. Изъ страха къ львамъ, они позволяютъ послѣднимъ даже любезничать съ ихъ женами, не заявляя признаковъ неудовольствія.

Сивучи мычатъ какъ быки; голосъ дѣтенышей похожъ на блеяніе овецъ. Львы кормятся рыбой и простыми тюленями.

Ходжентъ.

Въ 168 верстахъ отъ Ташкента, тамъ, гдѣ Сыръ-Дарья прорывается въ узкомъ руслѣ, сжатая двумя грядами скалъ: Акъ-тау и Могулъ-тау, возникъ промышленный азіатскій городокъ Ходжентъ, возникъ онъ въ весьма отдаленныя времена, и вѣроятно существовалъ еще до Александра Македонскаго. По крайней мѣрѣ, есть полное основаніе предполагать, что герой древности Александръ Македонскій — или Искандеръ Зулькарнейнъ, т. е. Александръ двурогій, доводилъ до Ходжента свои побѣдоносныя дружины. Здѣсь онъ поставилъ жертвенники Геркулесу, Бахусу, Спріусу, Семирамидѣ и Александру. Туземцы приписываютъ своему городу даже баснословную древность и увѣряютъ, что онъ построенъ дочерью Адама, Ходжендою.



Цитадель въ Ходжентѣ. Съ фотографіи капитана Кривцова. Рис. Дмитровичъ, грав. Крыжановскій.

Чрезвычайно красивъ Ходжентъ, если смотрѣть на него съ противоположнаго берега, обрамленнаго хребтомъ горъ Могулъ-тау, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ печальныя горы, а вовсе не «монгольскія», какъ полагаютъ иные. Ходжентъ тонетъ въ зелени тутовыхъ деревьевъ, тополей и винограда. Это городъ среднеазіатскаго шелководства. Здѣсь производится огромное количество коконовъ, выматывается много шелка, ткется значительное количество шелковыхъ матерій (шаи—канаусъ), полушелковыхъ тканей: адрясу, бикосабу и другихъ. Въ Ходжентѣ—лучшіе вышивальщики шелкомъ по сукну и кожѣ, лучшіе красильщики. Это городъ промышленный, городъ таджиковъ, того арійскаго племени, которое заселяло нѣкогда всю Среднюю Азію и родственно нынѣшнимъ персамъ-иранцамъ.

Въ Ходжентѣ устроенъ паромъ для переправы чрезъ Сыръ-Дарью, имѣющую здѣсь весьма быстрое теченіе. Мостъ строится или вѣрнѣе—его давно уже собираются строить. Но такъ какъ у нашихъ мѣстныхъ аферистовъ не достаетъ бездѣлицы — капитала, то злосчастный мостъ такъ и остается пока только въ проэктѣ. Видно и за это дѣло придется взяться казнѣ!

Тотчасъ же у паромной пристани, на крутомъ, довольно высокомъ берегу расположенъ русскій Ходжентъ. По берегу Сыръ-Дарьи тянутся рядомъ бѣлые домики, довольно незатѣйливой архитектуры. Еще далѣе—бывшая шелкомотальная фабрика Хлудова, теперь опустѣлая и прекратившая свою дѣятельность. За фабрикою—остатки полуразрушеннаго бастіона, который защищался особенно упорно во все время осады. Наши солдаты прозвали его за это «злымъ бастіономъ».

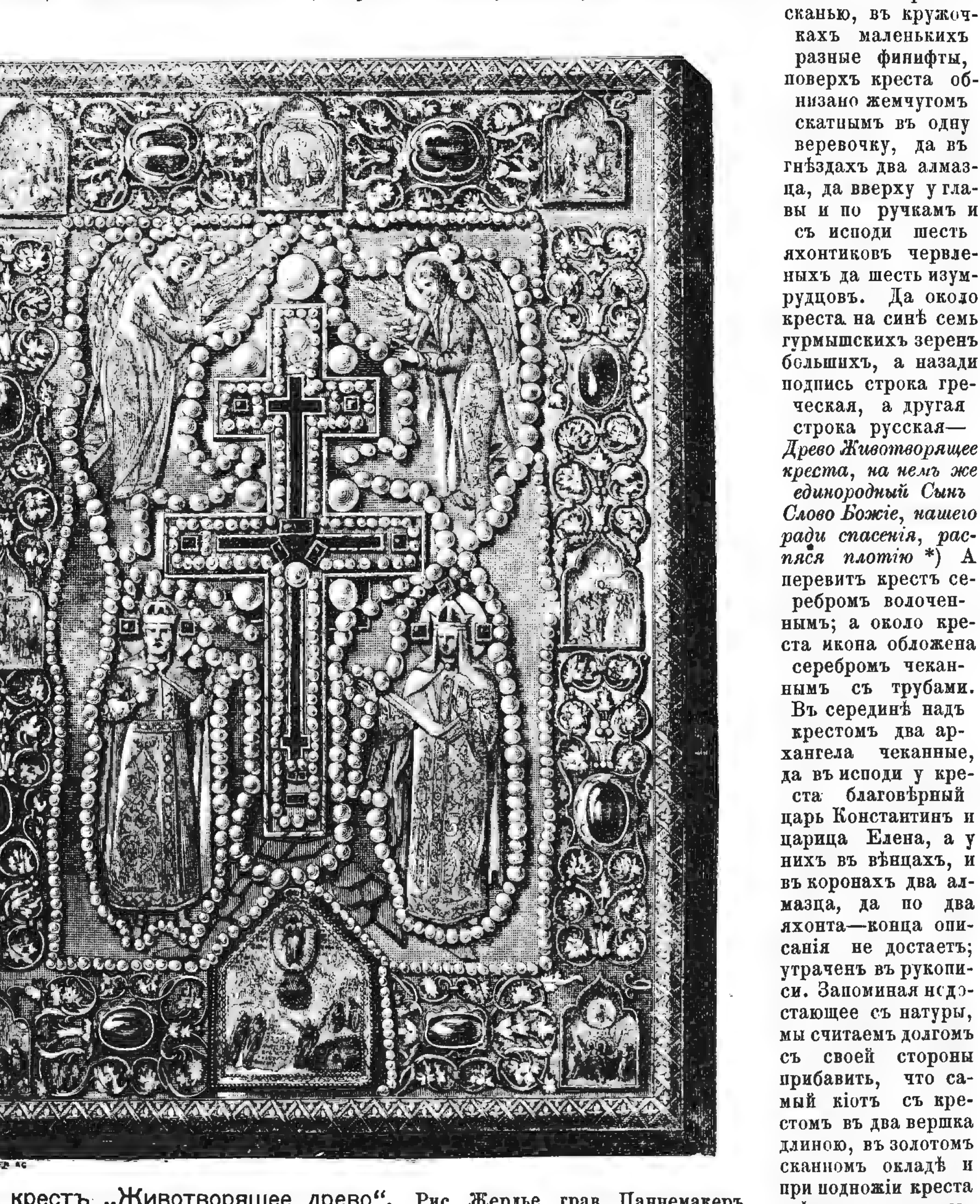
На площади, если можно назвать такъ обширный пустырь, окаймленный русскими домишками, казенными и частными, виднѣется русская церковь, пока еще временная,—невзрачный домикъ, самой обыкновенной архитектуры. Постоянный, большой храмъ будетъ вскорѣ воздвигнутъ въ другомъ мѣстѣ, на высокомъ берегу Дарьи. Мѣсто это теперь отмѣчено большимъ водруженнымъ крестомъ и походитъ съ перваго взгляда на могилу. Тотчасъ же за площадью начинается азіатскій базаръ. Къ площади же примыкаетъ и подошва той возвышенности—насыпаннаго кургана,—на которой построена *урда* или цитадель Ходжента. Азіатскія легенды любятъ все пріурочивать ко временамъ Абдуллы-хана и Тимуръ-

ленга, а болѣе отдаленныя постройки ко времени Искандера Зулькарнейна. Такъ и кургаузъ ходжентской цитадели, по преданію, насыпанъ воинами Тимура. Грозный эмиръ хотѣлъ наглядно опредѣлить этимъ численность и силу своего несмѣтнаго войска.

Весьма красивъ видъ ходжентской цитадели, съ ея башнями и бурджами или выступами для фланкированія стѣнъ, съ зубчатой стѣной уже отслуживающей свой срокъ.

Въ Ходжентѣ считается 3,850 дворовъ, т. е. 19,300 человѣкъ жителей. Изъ нихъ—большинство таджики и только незначительное число узбековъ, кураминцевъ и киргизъ.

Наперсный крестъ „Животворящее древо“.



Наперсный крестъ „Животворящее древо“. Рис. Жерлье, грав. Паннемакеръ.

Вмѣстѣ съ шапкою мономаховскою, считался принадлежностью *большаго наряда* царскаго сана и наперсный крестъ «Животворящее древо,—на цѣпи аравійскаго злата», — какъ значится въ поставленіяхъ на царство государей въ XVI и XVII вѣкахъ (до Петра съ Иваномъ).

И этотъ памятникъ благочестія приписывается принадлежащимъ Мономаху и присланнымъ будтобы одновременно съ шапкою. По крайней мѣрѣ, изъ текста 8-й главы «Степенной книги» цитата о мнимой присылкѣ изъ Царяграда отъ императора Кон стантина Мономаха и этого креста —помѣщена въ началѣ XVII столѣтія, на исподней сторонѣ оклада его.

Въ XIV столѣтіи «крестъ — Животворящее древо» уже составлялъ семейную святыню владѣтелей московскихъ, какъ видно изъ духовныхъ завѣщаній ихъ, начиная съ родителя Дмитрія Донскаго. Для отличія отъ цареградскаго же креста, присланнаго со св. митрополитомъ Алексѣемъ, отъ патріарха Филоѳея великому князю Ивану Ивановичу въ 1354 г. и называемаго «страстьми малыми», — «*крестъ — животворящее древо*, въ духовныхъ завѣщаніяхъ государей, въ XV вѣкѣ назывался «*страстьми большими*». Такъ великій князь Василій Дмитіевичъ писалъ (1425 г.): — «А сына своего Василія (извѣстнаго подъ именемъ «Темнаго»—отца Ивана III); благословляю *страстьми большими*, да крестъ честный животворящій патреяршъ филоѳеевской, да крестъ Парамшина дѣла, да чепь хреливчатую, да шапку золотую, да бармы, да коронку сердоличную».. Крестъ филоѳеевскій теперь хранится въ *образной* въ царскомъ теремѣ; а крестъ «животворящее древо» съ конца XVII вѣка, когда пересталъ употребляться при коронованіи,—въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Цѣпь, на которой держался крестъ на персяхъ государя, была какъ видно по описямъ,— сканная, трехгранная, изъ 80 звенъ. Въ XVII вѣкѣ у ней стали убавлять звенья, чтобы приходилась она какъ слѣдуетъ, при меньшемъ ростѣ и ширинѣ въ плечахъ государей, сравнительно съ предками. Такъ, для Михаила уже убавлено было 4 звѣна, а къ вѣнчанію на царство Ѳедора Алексѣевича разомъ снято 30 звеньевъ. Знаки этого укороченія цѣпи видны теперь на ней, уже имѣющей 79 звенъ, причемъ связь металлической сканью перервана и отнимавшіяся кольца связаны проволокою.

Крестъ же въ росписи, 1642 года (какъ мы уже замѣтили при описаніи мономаховской шапки) «составленной съ прежнихъ росписей слово въ слово», описанъ въ слѣдующихъ терминахъ. «Крестъ животворящее древо обложенъ золотомъ по сторонамъ сканью, въ кружочкахъ маленькихъ разные финифты, поверхъ креста обнизано жемчугомъ скатнымъ въ одну веревочку, да въ гнѣздахъ два алмазца, да вверху у главы и по ручкамъ и съ исподи шесть яхонтиковъ червленыхъ да шесть изумрудцовъ. Да около креста на синѣ семь гурмышскихъ зеренъ большихъ, а назади подпись строка греческая, а другая строка русская— *Древо Животворящее креста, на немъ же единородный Сынъ Слово Божіе, нашего ради спасенія, распяся плотію* *) А перевитъ крестъ серебромъ волоченнымъ; а около креста икона обложена серебромъ чеканнымъ съ трубами. Въ серединѣ надъ крестомъ два архангела чеканные, да въ исподи у креста благовѣрный царь Константинъ и царица Елена, а у нихъ въ вѣнцахъ, и въ коронахъ два алмазца, да по два яхонта—конца описанія не достаетъ; утраченъ въ рукописи. Запоминая недостающее съ натуры, мы считаемъ долгомъ съ своей стороны прибавить, что самый кіотъ съ крестомъ въ два вершка длиною, въ золотомъ сканномъ окладѣ и при подножіи креста вдѣлана золотая панагія іерусалимскаго патріарха Ѳеофана съ камнемъ отъ гроба Господня. Обдѣлка его чеканною работою представляетъ Воскресеніе Христово, съ явленіемъ ангела мѵроносицамъ. Въ семи *плащахъ* между орнаментами рамки, представлены чеканною же работою, праздники, а именно: Внизу, по сторонамъ панагіи, въ углахъ — *положеніе въ гробъ* (съ лѣва) и *Вознесеніе* (съ права). По срединѣ рамки: слѣва—*Крестная смерть Христа*; справа — *Распятіе*. Вверху: (слѣва) *Входъ въ Іерусалимъ*, (по срединѣ) *Св. Троица*, (справа) *Явленіе мироносицамъ*.

Въ подписи помѣщенной на верхней серебрянной доскѣ кіота, между прочимъ, говорится, что «въ томъ же кіотѣ мощи мученицы Гликеріи, мощи преподобныя Парасковѣи во плоти, мощи Матфея новомученнаго во плоти. Украшеніе его и сканіе князя Іоанна Андреевича Хворостинина. Зачато же бысть украшати дѣло сіе, въ честь Христа Бога нашего въ лѣто 7113 (1605) а совершено бысть въ лѣто 7129 (1621).

---

*) Подпись эта въ 9 строкахъ (въ перемежку): 1-я греческая, 2, 4, 6 и 8 русскія, на 9-й же стр. слова ῤαῤχὶ и плотію—написана на исподней сторонѣ.

Слѣдовательно, рисунокъ нами помѣщенный представляетъ образецъ московскаго вкуса орнаментаціи въ эпоху смутнаго времени и, судя по изображеніямъ Константина и Елены—особенность царскаго костюма того времени, особенно женскаго, излишество жемчуга, конечно не даетъ высокой идеи объ этомъ вкусѣ, но тонкая выдѣлка орнаментаціи рамки и иконъ *на плащахъ* миритъ съ злоупотребленіемъ пронизовъ, безъ которыхъ не обходились даже воротники одеждъ. Время со своими причудами моды деспотически заявляетъ свои права даже при большемъ развитіи общества чѣмъ было московское передъ самозванцами и только послѣ бурь, чуть было не уничтожившихъ все, чѣмъ дорожилъ терпѣливый русскій народъ, не щадя ни достоянія ни жизни.

Письма Императора Николая I къ севастопольцамъ.

Гатчино, 12-го сентября 1854 года. (Первое письмо по полученіи отъ князя Меншикова извѣстій объ Альминскомъ сраженіи).

«Буди воля Божія; ты и твои подчиненные исполнили долгъ свой, какъ смогли; больно неудачи, но еще больнѣе потеря! Будемъ надѣяться на милость Божію и не терять надежды на свѣтлые дни.

«Да благословитъ тебя Господь и всѣ войска; скажи имъ, что Я попрежнему на нихъ надѣюсь и увѣренъ, что скоро Мнѣ вновь докажутъ, что упованіе мое не напрасно. Пошли Мой поклонъ и благословеніе Корнилову и нашимъ храбрымъ морякамъ; ихъ положеніе Меня крайне озабочиваетъ. Богъ милостивъ, унывать мы не должны!.. Обнимаю».

20-го сентября. «Любезный Горчаковъ, ты снова предупредилъ, какъ видишь, желаніе Мое, рѣшась двинуть 10-ю и 11-ю дивизію къ Одессѣ.

«Надо благодарить Бога, что Меншикову удалось его трудное и отважное фланговое движеніе въ виду непріятеля: дѣлаетъ честь ему и столько же войскамъ, что послѣ неудачнаго дѣла и огромной потери начальниковъ, офицеровъ и самихъ людей, могли движеніе совершить въ столь примѣрномъ порядкѣ. Повторяю, слава Богу! Теперь что бы ни было, но корпусъ Меншикова имѣетъ свободное отступленіе, ежели не удастся даже спасти Севастополь. Признаюсь, я предвидѣлъ гораздо худшее...

«Непріятель вторгся въ наши предѣлы, настало время всякому принести свою жертву на службу отечеству. Потому Я рѣшился послать Моихъ младшихъ **двухъ сыновей** къ тебѣ въ армію. Желаю, чтобы они прежде состояли при тебѣ, чтобы знакомиться съ своимъ ремесломъ. Отъ тебя зависѣть будетъ ихъ послать туда, гдѣ оно имъ въ пользу быть можетъ, и гдѣ ихъ присутствіе послужитъ и къ ободренію войскъ. Поручая ихъ тебѣ, Я тебѣ даю высшее доказательство Моей дружбы и того уваженія, которое питаю къ твоимъ благороднымъ, высокимъ чувствамъ, которыя цѣню въ тебѣ выше всего. Передай же ихъ и имъ, пусть послужатъ со временемъ такъ, какъ ты.

«Богъ съ тобою, душевно обнимаю».

27 сентября. «Вчера, поздно вечеромъ получилъ Я твое донесеніе, любезный Меншиковъ, отъ 21-го, вечеромъ.

«Благодарю всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ-морякамъ, что я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать; надѣяться на милосердіе Божіе, помнить, что мы—русскіе, защищаемъ родимый край и вѣру нашу, и предаться съ покорностью волѣ Божіей. Да хранитъ тебя и васъ всѣхъ Господь. Молитвы Мои за васъ и наше правое дѣло, а душа моя и всѣ мысли съ вами. Душевно обнимаю.

«Поклонись Горчакову и обними Корнилова.

«Что наши раненые; каково имъ; какъ призрѣны и гдѣ, и какъ обезопасилъ ихъ отъ бомбъ?»

27 сентября. (Изъ письма къ кн. Горчакову)... «Завтра благословлю въ походъ Моихъ **младшихъ сыновей**; думаю, что они къ тебѣ явиться могутъ 3-го или 5-го октября. Будь имъ руководитель и сдѣлай изъ нихъ добрыхъ, вѣрныхъ служивыхъ, а за усердіе ихъ отвѣчаю. Не балуй ихъ и говори имъ правду».

30 сентября. «Не унывать никому, повторяю Я, доказать каждому, что мы тѣ же русскіе, которые отстояли Россію въ 1812 году.

«Богъ съ вами и всѣмъ мой поклонъ и надежда. Обнимаю».

7 и 8-го октября. «Постепенно наступать на непріятеля, укрѣпляясь на удобныхъ мѣстахъ, устраняетъ опасность, которой мы подвергались бы при болѣе отважномъ образѣ дѣйствій. Притомъ, молодое войско пристрѣливать, знакомить съ огнемъ, разохотить и беречь сколько можно, не утомляя, грѣя и кормя сколь можно лучше...

«Напиши мнѣ, много ли раненыхъ и больныхъ выписывается?..

«Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди; войскамъ мой поклонъ и увѣренность, что каждый свято исполнитъ долгъ свой, какъ надлежитъ православнымъ русскимъ, защищающимъ край родной и святую вѣру. Никому не унывать; съ нами Богъ! Душевно обнимаю».

10-го октября. «Повторяю вопросъ Мой о раненыхъ, много ли умерло, много ли выздоровѣло и поступило во фронтъ, много ли выздоравливающихъ, сколько увѣчныхъ? Пришли списки убитымъ и умершимъ штабъ и оберъ-офицерамъ...

«Полушубки велѣлъ готовить для твоихъ войскъ. Корми вдоволь; давай двойныя чарки водки, коль нужно; ободряй, грѣй и береги войска; подымай въ нихъ духъ, объявя, что я ими доволенъ и надѣюсь на всѣхъ. Обнимаю душевно».

11-го октября. (По полученіи донесенія объ исходѣ первой бомбардировки). «Сейчасъ получилъ твои два донесенія, любезный Меншиковъ, отъ 5 и 6 чиселъ. Слава Богу, слава героямъ, защитникамъ Севастополя! Первое покушеніе отбито со славой; будемъ надѣяться на милость Божію и впредь!

«Благодари всѣхъ и каждаго за то, что мое довѣріе оправдываютъ; Мнѣ-ли не знать, что могутъ наши молодцы! Сухопутные и морскіе, соперники въ вѣрности долгу, въ христіанской храбрости и въ геройствѣ! Такъ искони было, такъ искони будетъ! Передай Мои слова съ Моей благодарностью, могу сказать отцовскою, потому что ихъ всѣхъ люблю, какъ дорогихъ родныхъ дѣтей.

«Славная смерть нашего любезнаго, почтеннаго Корнилова Меня глубоко огорчила; миръ праху его! Вели положить рядомъ съ незабвеннымъ Лазаревымъ. Когда доживемъ до спокойныхъ временъ, поставимъ памятникъ на мѣстѣ, гдѣ убитъ; и бастіонъ называть по немъ...»

....«Чисто непонятно Мнѣ, какъ батар. № 10-го могла уцѣлѣть. Думаю, что командиръ ея заслужилъ Георгія 4. Вели собрать при досугѣ думу и опредѣли кому справедливо дать; прислугѣ этой батареи дай по 3 руб. на человѣка, а прочимъ всѣмъ въ дѣлѣ бывшимъ по 2 руб. Да сверхъ тѣхъ данныхъ крестовъ нижнимъ чинамъ, дай еще отъ Меня по 5 на батарею».

«Богъ съ вами, да хранитъ васъ Господь и да дастъ православнымъ побѣду надъ врагами».

«На вѣки твой искренно доброжелательный».

10-го октября. «Благодарю, любезный Горчаковъ, за письмо твое 7-го отрября.

«Меншиковъ ожидалъ скоро штурма и усилилъ гарнизонъ до 38,000, имѣя при себѣ до 25,000, кромѣ кавалеріи. Все зависитъ отъ усилій непріятеля и храбрости защищаться войскъ въ случаѣ штурма, на которую Я смѣло надѣюсь, ежели ихъ вести будутъ умѣть.

«Полагаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы ты Моихъ **рекрутъ** *) не медля отправилъ въ Крымъ, къ Меншикову, съ тѣмъ, чтобы они тамъ оставались при немъ до минованія опасности или до изгнанія непріятеля; потомъ же, чтобъ воротились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой подавать примѣръ другимъ. И такъ, съ Богомъ, вели имъ отправиться туда.

«Прощай, обнимаю душевно; да хранитъ тебя Господь.

«Обними Моихъ рекрутъ и благослови въ путь, и всѣмъ нашимъ поклонись».

14-го октября. «Ежели опредѣлено свыше не спасти Севастополя, не терять духа, но собравъ остатки гарнизона, надо съ нимъ отступить къ прибывшимъ резервамъ и, устроясь на удобной позиціи, не дать время укрѣпиться въ Севастополѣ, но сейчасъ же стараться выбить непріятеля...

«Сыновьямъ Николаю и Михаилу Моимъ дозволилъ Я ѣхать къ тебѣ; пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень Моей довѣренности; пусть дѣти учатся дѣлить опасности ваши и примѣромъ своимъ служатъ одобрѣніемъ храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ ихъ Я ввѣряю.

«Обнимаю отъ души; да хранитъ тебя и васъ всѣхъ милосердый Богъ.

«Сегодня отслужили мы панихиду по почтенномъ героѣ Корниловѣ и горько плакали. Царствіе ему небесное».

16-го октября. «Донесеніе твое отъ 11-го числа, любезный Меншиковъ, получилъ сегодня вечеромъ. Геройская оборона, столь успѣшно продолжающаяся, и частные случаи молодечества изумительнаго Меня восхищаютъ.

«Благодарю всѣхъ и каждаго за ихъ богатырскій духъ, за ихъ вѣрную службу, и скажи всѣмъ, что Я не съ вами, за то дѣти мои среди васъ будутъ.

«Обнимаю отъ души».

19 октября. (По полученіи извѣстія о занятіи Чоргунской позиціи). «Слава Богу! слава тебѣ и сподвижникамъ твоимъ, слава героямъ богатырямъ нашимъ за прекрасное начало наступательныхъ дѣйствій. Благодарю тебя, любезный Меншиковъ, что предугадалъ Мою волю, объявивъ Мое спасибо войскамъ молодцамъ; оно ими вполнѣ заслужено.... Не менѣе счастливитъ Меня геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣру еще не бывало.

*) Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

(Окончаніе будетъ).

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

„Ея Величество Государыня Императрица 29-го и 30-го апрѣля и 1-го и 2-го мая изволили быть въ Кастелламаре, Солерно, Амальфи, Неаполѣ и Ишіа, возращаясь на ночь въ Сорренто.“

14-го мая, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ Государь Императоръ изволилъ принимать, какъ сообщаетъ „Русск. Инв“., всѣхъ членовъ бывшихъ коммиссій о воинской повинности и объ организаціи войскъ, причемъ Его Величество весьма милостиво благодарилъ ихъ за добросовѣстный трудъ и изволилъ выразить надежду, что трудъ этотъ не останется безъ пользы для государства и для арміи.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ выѣхать 14-го мая въ Николаевъ.

18-го мая, въ 4 часа пополудни, Его Императорское Величество и ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Государыня Цесаревна и великій князь Владиміръ Александровичъ изволили выѣхать изъ Царскаго-Села, чрезъ Варшаву, въ Вѣну.

18-го мая, ихъ императорскія высочества великіе князья Николай и Георгій Александровичи отправились въ заграничное путешествіе въ Англію: изъ С.-Петербурга, отъ пристани Англійской набережной, въ исходѣ перваго часа пополудни, на императорской паровой яхтѣ „Александрія“ до кронштадскаго рейда, откуда дальнѣйшее слѣдованіе будетъ совершено на императорской паровой яхтѣ „Штандартъ“.

19-го мая, Его Величество Государь Императоръ съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государыней Цесаревной и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, въ 7 часовъ пополудни, изволилъ благополучно прибыть въ Варшаву. Послѣ обѣденнаго стола въ Бельведерскомъ дворцѣ Его Императорское Величество и ихъ Императорскія Высочества, въ 8 часовъ 45 мин. пополудни, отправились со станціи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги въ Вѣну.

20-го мая, Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть въ Вѣну, гдѣ Императрица Австрійская вмѣстѣ съ Эрцгерцогами и Эрцгерцогинями встрѣтили Его Величество на станціи желѣзной дороги. Императоръ Австрійскій выѣхалъ для встрѣчи Государя Императора въ Гацердорфъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ.

1.

данный начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту графу Гейдену.

Графъ Ѳедоръ Логгиновичъ. Признавъ своевременнымъ приступить къ преобразованію положенія о воинской повинности, а также и къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ устройствѣ военно-сухопутныхъ силъ имперіи, Я повелѣлъ въ концѣ 1870 года учредить двѣ особыя коммиссіи для составленія подробныхъ предположеній по обоимъ означеннымы вопросамъ, на основаніяхъ, предварительно Мною указанныхъ.

Опытность, пріобрѣтенная вами на различныхъ поприщахъ служебной дѣятельности, и примѣрное усердіе ваше побудили Меня оказать вамъ особое довѣріе и возложить на васъ предсѣдательство въ означенныхъ коммиссіяхъ.

Нынѣ, съ окончаніемъ занятій коммиссій, Я съ удовольствіемъ убѣдился, что обширная работа, на нихъ возложенная, исполнена съ знаніемъ дѣла и вполнѣ согласно съ Моими предначертаніями. Въ пріуготовленномъ подъ вашимъ руководствомъ проектѣ устава о воинской повинности въ совершенной мѣрѣ оцѣнены и поняты наиболѣе дорогіе интересы Нашего отчества, разумно согласованы и приведены къ единству мѣстныя и гражданскія его особенности, и одинаково обезпечены какъ потребности правильнаго и обширнаго пополненія вооружонныхъ силъ имперіи, такъ и потребности охраненія семейнаго быта, хозяйственной дѣятельности и образованія населенія.

Столь добросовѣстнымъ трудомъ, равно какъ и тщательнымъ обсужденіемъ весьма сложныхъ вопросовъ по устройству войскъ, вы достойно оправдали мое личное къ вамъ довѣріе и пріобрѣли новое право на изъявленіе вамъ, за неутомимою и всегда полезную дѣятельность вашу, Моей искренной благодарности.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Царскомъ Селѣ.
13-го мая 1873 года.

II.

Данный на имя супруги Министра Государственныхъ Имуществъ, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Валуева.

Анна Ивановна. Въ ознаменованіе особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія и во вниманіе къ отличной и полезной службѣ вашего супруга, Мы, съ соизволенія Государя Императора, приняли васъ въ число дамъ *меньшаго креста ордена св. великомученицы Екатерины*, коего знаки при семъ препровождаемъ, съ тѣмъ чтобы вы ихъ на себя возложили.

Пребываемъ навсегда къ вамъ благосклонны.

III.

Данный на имя супруги генералъ-адъютанта князя Барятинскаго.

Княгиня Елисавета Александровна. Въ ознаменованіе особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія и во вниманіе къ отличной и полезной службѣ вашего супруга. Мы, съ соизволенія Государя Императора, приняли васъ въ число дамъ *меньшаго креста ордена св. великомученицы Екатерины*, коего знаки при семъ препровождаемъ, съ тѣмъ чтобы вы ихъ на себя возложили.

Пребываемъ навсегда къ вамъ благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

„МАРІЯ“.

8-го апрѣля 1873 г.
Въ Сорренто.

Государь Императоръ, 13-го сего мая, Высочайше повелѣть соизволилъ учрежденныя въ 1870 году Коммиссіи для разработки на новыхъ основаніяхъ положеній о личной воинской повинности и о запасныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ войскахъ и государственномъ ополченіи, за окончаніемъ возложенныхъ на нихъ порученій, закрыть.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, отправляясь изъ С.-Петербурга для обозрѣнія нѣкоторыхъ губерній, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, передалъ управленіе Министерствомъ Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарю, сенатору, тайному совѣтнику князю Лобанову-Ростовскому.

На время отсутствія Государственнаго Канцлера изъ С.-Петербурга. Всемилостивѣйше повелѣно вступить въ управленіе Министерствомъ Товарищу Министра Иностранныхъ Дѣлъ, сенатору, дѣйствительному тайному совѣтнику Вестману.

Правленіе Государственнаго Банка назначило взимать съ 12-го числа сего мая по Банку Конторамъ: Московской, Одесской, Рижской, Харьковской, Кіевской, Ростовской и Таганрогскому Отдѣленію по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ до 3-хъ мѣсяцевъ по $4\frac{1}{2}\%$, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ срокомъ до 3-хъ мѣсяцевъ по $5\frac{1}{2}\%$ въ годъ; прочихъ же Конторахъ и Отдѣленіяхъ по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ вообще — по пяти процентовъ, а по ссудамъ подъ процентныя бумаги — по шести процентовъ въ годъ.

Подводная телеграфная линія, соединяющая съ Индіею страны за Индіею лежащія, повреждена на участкѣ между Мадрасомъ и островомъ Пенангомъ, лежащимъ въ юго-восточной части Бенгальскаго залива. Сообщая о семъ для всеобщаго свѣдѣнія, телеграфный департаментъ присовокупляетъ, что во время этого повреждения депеши, адресованныя на восточной полуостровъ Индіи и страны, за Индіею лежащія, какъ-то: въ Голландскую Индію, т. е. острова Яву и Суматру, и въ Австралію могутъ быть передаваемы телеграфомъ до мѣста назначенія по одному только пути чрезъ Сибирь.

Разливомъ Сѣверной Двины и ледоходомъ, повредившимъ проложенный чрезъ Двину подводный кабель, было прервано телеграфное дѣйствіе по линіи къ Архангельску. Для возстановненія сообщенія на поврежденномъ участкѣ телеграфа, между Сійскомъ и Холомогорами, устроены нынѣ временная линія и станція въ м. Коскогорахъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Харьковскій университетъ, по словамъ корреспондента „Моск. Вѣд.“, обогатился двумя крупными пожертвованіями: онъ получилъ въ даръ, по завѣщанію, замѣчательную по содержанію и цѣнности энтомологическую коллекцію убитаго харьковскаго землевладѣльца Донца-Захаржевскаго, который былъ большой знатокъ и любитель энтомологіи. Другое приношеніе, весьма цѣнное, сдѣлано харьковскому университету его воспитанникомъ, землевладѣльцомъ Валковскаго уѣзда, умершимъ за-границей послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, А. Н. Алферовымъ. Покойный былъ хорошо знакомъ съ живописью и умѣлъ цѣнить ея произведенія. Живя постоянно въ своемъ имѣніи Алексѣевкѣ, А. Н. подъ конецъ пристрастился къ изученію гравировальнаго искусства и употребилъ значительную часть своего состоянія на составленіе собранія гравюръ, которое можетъ служить, какъ говорятъ знатоки, выраженіемъ историческаго развитія гравировальнаго дѣла. Это собраніе поступило въ пользу университета.

Уровень знаній, которыя будутъ требоваться будущею осенью при повѣрочныхъ испытаніяхъ для поступленія на женскіе курсы при Медико-Хирургической Академіи, судя по программѣ ихъ, нѣсколько повышенъ противъ того что требовалось при испытаніяхъ прошлою осенью.

Въ Пензѣ 2-го мая, открыта, въ память выздоровленіе Государя Наслѣдника Цесаревича, мастерская для портнихъ и при ней женская ремесленная школа. Ко дню открытія поступило въ школу 30 учницъ.

20-го мая, въ часъ пополудни, въ залѣ Собранія Академіи, экстраординарный профессоръ М. О. Кояловичъ защищалъ представленную имъ на соисканіе степени доктора богословія диссертацію подъ названіемъ: „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“.

МОРЕПЛАВАНІЕ.

Въ „Кронштадтскій Вѣстникъ“ телеграфируютъ: Фрегатъ „Свѣтлана“, 6-го (18-го) мая, ушелъ изъ Александріи въ Пирей. „Изумрудъ“, 9-го (21-го) мая, прибылъ въ Гонъ-Конгъ. „Рюрикъ, 7-го (19-го) мая, ушелъ изъ Лиссабона для слѣдованія въ Копенгагенъ.

„Кроншт. Вѣстн.“ сообщаетъ, что Кронштадтъ начинаетъ оживляться. Гавани уже наполнились коммерческими кораблями, а на военныхъ судахъ спѣшно заканчиваются работы по вооруженію, и суда приготовляются къ выходу на рейдъ. 11-го мая былъ особенно сильный наплывъ парусныхъ коммерческихъ кораблей, которыхъ прибыло въ теченіе дня 46. Пассажирское пароходное сообщеніе съ Ораніенбаумомъ и Петербургомъ производится уже совершенно правильно.

Пароходы между *Петербургомъ и Кронштадтомъ* начали свои правильные рейсы. Ледъ, скопившійся на Восточномъ рейдѣ, 8-го числа понесло въ море, и 9-го его оставалось уже очень немного, только у самаго берега Кронштадта.

— Во время одного изъ послѣднихъ штормовъ на Каспійскомъ морѣ, по свѣдѣніямъ „Кавказа“, потонула шхуна „Самара“, принадлежавшая жителю города Баку, мусульманину Дадашеву. Грузъ шхуны — полосовое желѣзо — погибъ, а экипажъ спасенъ.

ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ.

16 мая общее собраніе акціонеровъ недавно утвержденнаго центральнаго банка открылось рѣчью барона Френкеля, въ которой онъ указалъ причины, возбудившія у него мысль устройства этого банка; причемъ были высказаны надежды, что центральный банкъ принесетъ много пользы земскому кредиту. Были выбраны члены совѣта: графъ Левашевъ, князь Оболенскій, Полежаевъ, Розенталь, Гинцбургъ, Френкель, Фелейзенъ, Сущовъ, Геригроссъ, Бабстъ, Анцыферовъ, Лясскій, Мейеръ, Мелле, Штральбергъ, Шеллеръ, Рафаловичъ. Изъ нихъ при правленіи: Розенталь, Штральбергъ (представитель иностранныхъ капиталовъ), Мейеръ, Шеллеръ (представители иностранныхъ капиталовъ), Анцыферовъ.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Въ минувшемъ апрѣлѣ въ 12 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ города *Баку* образовался *новый бьющій фонтанъ нефти* изъ буровой скважины, заложенной въ группѣ № 10 Балаханской площади. Изъ скважины этой вычерпывается въ часъ 600 пудовъ, а въ 20 часовъ — 12.000 пудовъ нефти. Никакое описаніе не въ состояніи передать того впечатлѣнія, которое производитъ на зрителя фонтанъ нефти. Достаточно сказать, что онъ *бьетъ на 40 футовъ высоты и имѣетъ у основанія 10 дюймовъ въ діаметрѣ*.

— Джонъ Эриксонъ, *изобрѣтатель мониторовъ*, представилъ недавно на разсмотрѣніе американскаго морскаго министерства вновь изобрѣтенный имъ торпедо (подводный разрывной снарядъ). Снарядъ вмѣщается въ гальванизированный желѣзной коробъ въ 10 футовъ длины и 19 футовъ въ поперечникѣ, находящійся въ соединеніи съ двигательной машиной, устанавливаемой на берегу. Весь соединенный апаратъ приводится въ движеніе сжатымъ воздухомъ. Разрывной снарядъ состоитъ изъ 400 фунтовъ нитроглицерина. Апаратъ погружается въ воду на десять или на пятнадцать футовъ, и потому взрывъ его происходитъ непосредственно подъ килевою частью корабля, не защищенною желѣзною бронею. Снарядомъ управляютъ съ берега помощью рычага. Разрывная сила снаряда, по словамъ изобрѣтателя, въ состояніи въ одинъ моментъ разрушить панцырный корабль самыхъ большихъ размѣровъ. Преимущество торпедо Эриксона предъ другими подводными минами заключается еще въ томъ важномъ обстоятельствѣ, что всѣ части его находятся подъ водою и могутъ быть передвигаемы, не обнаруживая своего присутствія въ водѣ какими либо выходящими наружу оконечностями, замѣчаемыми обыкновенно вахтенными матросами.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

По словамъ гельсингфорскаго корреспондента „Гдовско-Ямб. Листка“, изъ всѣхъ частей Финляндіи, въ особенности восточной, слышатся жалобы на сильный недостатокъ корма для скота. Пудъ сѣна въ иныхъ мѣстахъ стоитъ 6 марокъ (марка 20 коп.), а въ другихъ — не достать сѣна ни за какую цѣну. Многіе изъ жителей лишились своихъ домашнихъ животныхъ, которыя околѣли съ голоду. Къ несчастью погода стоитъ все холодная, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля еще покрыта снѣгомъ.

— Въ „Моск. Вѣд.“ сообщаютъ, что на-дняхъ послѣдовало разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ на ассигнованіе изъ общаго продовольственнаго капитала 300,000 руб. въ распоряженіе самарской губернской земской управы, съ зачисленіемъ этой суммы безпроцентнымъ на управѣ долгомъ въ теченіе трехъ лѣтъ, для выдачи пособій на продовольствіе Николаевскаго уѣзда и обсѣмененіе полей пострадавшимъ отъ неурожая прошлаго года крестьянамъ Бузулуцкаго и Самарскаго уѣздовъ.

— Корреспондентъ газеты „Кавказъ“ изъ Царскихъ-Колодцевъ пишетъ, что 19-го апрѣля тамъ была сильная буря съ дождемъ и градомъ, причинившими не мало бѣдъ: съ частныхъ зданій, артиллерійскихъ конюшенъ и провіантскаго магазина сорваны крыши, но хлѣбъ на прилежащихъ поляхъ не поврежденъ, и урожай ожидается очень хорошій.

6-го апрѣля, въ дер. *Ершовкѣ*, Хвалынскаго уѣзда, *Саратовской губерніи*, распалась часть находящейся въ этой деревнѣ горы и повредила 3 крестьянскіе двора и до 2.500 яблоновыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ въ садахъ крестьянъ. Убытокъ простирается до 3.000 р.

Изъ *Елисаветграда* сообщаютъ, что тамъ чума рогатаго скота не прекращается.

— Въ окрестностяхъ *Бердянска* въ текущемъ маѣ прошли обильные дожди. Хлѣба озимые и яровые превосходны, да и на травы уже есть надежда. Послѣдній дождь, 4-го мая, шелъ два часа въ перемежку съ небольшимъ градомъ.

УЧЕНЫЯ И ДР. ОБЩЕСТВА.

«Пензенскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что общества трезвости распространяются весьма быстро по всѣмъ уѣздамъ губерніи. Такъ, изъ Нижнеломовскаго, Мокшанскаго и Саранскаго уѣздовъ получены извѣстія о составленіи крестьянами 53-хъ приговоровъ, запрещающихъ пьянство, что съ прежде состоявшимися приговорами составитъ 243.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ВЕСЕННІЙ СЕЗОНЪ.

МОДЕЛИ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

ТЮНИКИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлкою	100	—	325	—
» фай и sicilienne	35	—	190	—
» кашемиры, біарицъ	20	—	150	—
» Матер. фантазій, цвѣтовъ réséda, moutarde и друг. съ вышивками, стальными пуговицами и прочими отдѣлками	25	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

ПАЛЬТО.

(на шелковыхъ подкладкахъ).

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонс. бархата коротк. безъ отдѣлки	70	—	100	—
Уличныя безъ отдѣлки	105	—	175	—
Съ богат. отдѣлками	125	—	250	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne безъ отдѣлк.	50	—	95	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne съ богатыми отдѣлками	65	—	150	—
Ліонс. фай на ластикѣ	40	—	60	—

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

КОФТЫ - ЖАКЕТЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлками	50	—	150	—
» » фай	18	—	100	—
» кашемира	15	—	85	—
» драпа велюре монтаньякъ	20	—	65	—

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е.

ДОЛМАНЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ роскошн. отдѣлк.	90	—	200	—
» » фай	50	—	125	—
» кашемира, драпа съ богат. вышивками всѣхъ цвѣтовъ	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 5-е.

РОТОНДЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. узкаго бархату безъ отдѣлки	90	—	140	—
» » » съ богат. отдѣлк.	125	—	195	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ безъ отдѣлки	150	—	200	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ съ отдѣлкою	175	—	250	—
Дра-де-велюръ, монтаньякъ, drap-de-Paris	35	—	75	—
Драпа	20	—	50	—
Англійской 2-сторонней матеріи	20	—	45	—

ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.

БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ кашемира біаритца съ прошивками, кружевами, вышивками и т. д.	25	—	60	—
Фай, армюра съ богат. отдѣлк.	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.

КОСТЮМЫ

для комнатъ и прогулокъ самыхъ модныхъ цвѣтовъ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Шерстяные	25	—	85	—
Шелковые	95	—	450	—

ОТДѢЛЕНІЕ 8-е.

Огромная партія кашемировыхъ черныхъ вышитыхъ платковъ:

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Гладкіе	4	и	доро	же
Вышитые	8	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 9-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Ковровые платки и шали	20	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Фай цвѣтной	2	50	5	—
» черный	2	50	12	—
Ліонск. бархатъ	6	50	10	—
Широкій 2-хъ арш. барх. аршинъ	40	—	—	—

ОТДѢЛЕНІЕ 11-е.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французской матеріи	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	2	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивк.	6	—	20	—

ОТДѢЛЕНІЕ 12-е.

НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ

отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—

ШЛЯПЫ (МОДЕЛИ)

первыхъ Парижскихъ домовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 13-е.

ШЛЯПЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Касторовыя кругл.	7	—	20	—
Городскія	10	—	25	—
Креповыя	8	—	25	—
Тюлевыя	9	—	30	—
Соломенныя круглыя	7	—	20	—
» городскія	10	—	25	—

ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Антука	3	—	8	—
Зонтики	5	50	18	—
Кружевные	8	—	60	—

Требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—6.

Дозволено цензурою 25 Мая 1873 года Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр., д. № 53.

№ 22 — 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 4 іюня 1873 года. Годъ IV.

Лягушка.

Разсказъ Л. Пашиной.

«Робость..... нерѣшительность..... фу, чортъ возьми! Да это хуже натуральной оспы!.. При оспенной эпидеміи утѣшаешь себя, по крайней мѣрѣ, вакцинаціей и ревакцинаціей; а какъ привить себѣ смѣлость, самоувѣренность? гдѣ найти такую матерію?.. И странное дѣло: почему я такой робкій?.. въ кого?.. Отецъ сражался съ врагами отечества, потомъ, будучи въ отставкѣ, ходилъ на медвѣдя,—значитъ, былъ не робкаго десятка; мужиковъ своихъ крѣпостныхъ не боялся и даже неоднократно собственноручно усмирялъ строптивыхъ... Мать—храбро воевала въ дѣвичьей, а подчасъ и съ отцомъ. Въ кого-же я такой? И кого я боюсь?.. передъ кѣмъ робѣю и словъ не нахожу, какъ мальчикъ на экзаменѣ, сбитый съ толку неожиданнымъ вопросомъ?... Гм!.. передъ Лизаветой Павловной! дѣвушкой... даже почти дѣвочкой!.. Иной разъ совсѣмъ приготовишься сказать ей что-нибудь этакое чувствительное, хорошее, ротъ вѣдь ужъ откроешь—и вдругъ, вмѣсто патетическаго: «Лизавета Павловна! я страдаю... взгляните!» прехладнокровно хватишь: «а вѣдь дождикъ-то опять накрапываетъ»... Даже скверно сдѣлается!»

Такъ говорилъ, почти вслухъ, господинъ лѣтъ тридцати, шагая по комнатѣ и куря папироску. Это былъ блондинъ, довольно худощавый, нѣсколько сутуловатый, росту меньше средняго, съ большимъ открытымъ лбомъ. Въ немъ ничего не было замѣчательнаго, только одни глаза, блѣдно-голубые, удивительно добрые, кроткіе, обращали на себя вниманіе и заставляли всмотрѣться въ нихъ. Они напоминали майское утреннее небо, по которому «тая, плывутъ румяныя тучки»... Какая-то особенная ясность свѣтилась въ этихъ глазахъ—и, однако, полюбовавшись ими, являлось желаніе не имѣть такихъ глазъ... Ну-ихъ! Съ такими глазами непріятностей не оберешься... Кротость, нѣжность хороши какъ украшеніе, которое

можно снять, спрятать въ бархатную коробочку и надѣвать когда потребуется,—а постоянно носить, въ будни, даже не...ну, даже неприлично!

Господина, который обладалъ такими очами (именно очами, а не глазами), звали Степаномъ Иванычемъ Угловымъ. Онъ былъ служащимъ чиновникомъ.

Степанъ Иванычъ, сказавъ «даже скверно сдѣлается», остановился, призадумался, помигалъ очами и спросилъ, глядя на себя въ зеркало:

«А можетъ быть всѣ влюбленные такъ робки, застѣнчивы... нерѣшительны?»...

«Нѣтъ, возразилъ самъ себѣ Степанъ Иванычъ,—не всѣ влюбленные такіе. Вонъ, Яша Желтоперовъ тоже былъ влюбленъ,—а какъ онъ?!.. «Знаете, что̀, говоритъ, Софья Андревна? Ну, что̀ тутъ канитель тянуть! Вѣдь мы любимъ другъ друга, да-съ? Угодно вамъ быть моей супругой?»... Софья Андревна отъ неожиданности такъ прямо и бухнула: «угодно»...

«И вѣдь это было не наединѣ, тутъ были и другія лица!... Ну да, впрочемъ, Лизавета Павловна не то, что Софья Андревна... Софья Андревна была барышня тихая, скромная, а Лизавета Павловна—а Лизавета Павловна это мальчишка въ юбкѣ! Бойка... ужъ такъ бойка, что даже иной разъ просто сконфузитъ своею развязностью!.. И все хохочетъ... Извольте-ка съ такой особой завести серіозный, душевный разговоръ... Нѣтъ, языкъ не поворачивается! Чувствуешь, что срѣжетъ она тебя на первой фразѣ...

«Странныя иногда мысли въ голову приходятъ... Напримѣръ, вотъ такая: да, я физически слабъ, ростомъ малъ,—а это много значитъ... И въ первый разъ сталъ я объ этомъ думать, когда полюбилась мнѣ Лизавета Павловна! Прежде меня это совсѣмъ не безпокоило, да и не о чемъ было горевать, ибо въ благоустроенномъ государствѣ и слабые люди могутъ прожить въ безопасности; это вѣдь не то, что въ средніе вѣка, когда сила уважалась, когда она творила все что хотѣла, когда, словомъ, было право сильнаго, право кулачное... Нѣтъ, какъ ни верти, а все придешь къ тому заключенію, странному на первый взглядъ, что въ крѣпкомъ большомъ тѣлѣ и духъ сидитъ не робкій,—а слабость физическая и обидно крошечные размѣры тѣла имѣютъ вліяніе и на нравственную сторону человѣка. Да вотъ хоть-бы тотъ-же Яша Желтоперовъ: мужчина почти въ сажень, здоровый, крѣпкій. Онъ постоитъ за себя. Гдѣ, напримѣръ, я буду утѣшать себя тѣмъ, что на дерзость не стоитъ отвѣчать дерзостью, что обидѣть меня не можетъ человѣкъ мало развитой и не стоящій со мною на одномъ уровнѣ, что ругаться—значитъ унижать себя и что оскорбленіе падаетъ на голову только того, кто оскорбляетъ;—тамъ Яша иначе себя утѣшитъ: за око—два ока, за зубъ—два зуба! И вѣдь что подло-то: не смотря на разумныя, прекрасныя утѣшенія, мнѣ втайнѣ все-таки хотѣлось-бы отвѣтить на оскорбленіе—оскорбленіемъ, за одинъ зубъ выбить два, но... трусишь, бережешь себя и философствуешь! А почему? А потому, что малъ, слабосиленъ»...

Тутъ Степанъ Иванычъ хотѣлъ крѣпко стукнуть по столу кулакомъ, но вспомнилъ, что однажды такимъ маперомъ, сгоряча, ушибъ себѣ руку,—и не стукнулъ.

И припомнился тутъ Степану Иванычу разговоръ съ Яшей. Спросилъ онъ у Яши: «А что-бы ты сдѣлалъ, если-бы тебя вызвали на дуэль?»—Яша Желтоперовъ даже засмѣялся.—«Не принялъ-бы вызова, да и все тутъ! отвѣтилъ онъ: «подставлять лобъ подъ пулю—глупо, смѣшно. Если я обидѣлъ, оскорбилъ несправедливо—ну, судись со мной и будешь удовлетворенъ; не хочешь огласки, не хочешь офиціальнаго суда—избери третейскій. Дуэль-то тутъ кчему? Разъ живешь на свѣтѣ-то, въ другой разъ не родишься»...

— Все это прекрасно, но вѣдь если ты не примешь вызова, то тебя могутъ принудить.

— Это чѣмъ-же?

— Ну-да, напримѣръ, такимъ манеромъ: ты находишься въ обществѣ. Вдругъ подходитъ къ тебѣ тотъ господинъ, отъ котораго ты не принялъ вызова, и нарочно при всѣхъ громко произноситъ: «Такъ вамъ не угодно стрѣляться? такъ извольте-же!» и въ залѣ раздается оплеуха. Что въ такомъ случаѣ тебѣ остается дѣлать? Ты не принялъ вызова, ну такъ тебя заставили его принять!

— Очень ошибется тотъ, кто такъ разсчитаетъ: никакого вызова тутъ не послѣдуетъ, а послѣдуетъ нѣчто другое, не менѣе звонкое...

— Это будетъ ужъ драка въ публичномъ мѣстѣ.

— Какая-же драка? Самозащита и только.

— Да, хорошо, если ты окажешься сильнѣе...

— Ну, разумѣется...

— То-то. Вотъ я, напримѣръ, не могъ-бы тебя ударить—просто потому, что ты выше меня... Не достану! и если тресну, то не по лицу, а по животу,—а ужъ это выйдетъ совсѣмъ не то...

— Ну, конечно не то...

— Такъ чтожъ тутъ дѣлать?

— Или принимай вызовъ, или жалуйся прокурору.

— Гм! Такъ вотъ оно что: значитъ, сильнаго человѣка никоимъ образомъ не вызовешь на дуэль, а слабаго могутъ принудить, ибо стрѣлятся не то что жаловаться прокурору: въ глазахъ общества обида чище смывается первымъ путемъ... Фу, какъ это глупо, Боже мой!..

«Нѣтъ, не хорошо быть маленькимъ. Посмотрите: если маленькому приходится говорить съ великорослымъ, то маленькій непремѣнно первый предложитъ сѣсть и не потому, чтобы ему говорить было неловко, а просто по причинѣ непріятнаго ощущенія... умаленія своей особы!»

Такъ бесѣдовалъ съ собой Степанъ Иванычъ и изрѣдка посматривалъ на часы. Уже давно смерклось и на улицѣ были зажжены фонари.

Задумался онъ и по временамъ испускалъ вздохи. Онъ рѣшилъ не идти сегодня *туда* (это «туда» означало гостиную съ синими обоями, мягкій диванъ и на диванѣ—Лизавету Павловну)... Но почему же не идти? Да такъ—просто изъ упрямства; а между тѣмъ его такъ и подмывало устремиться именно «туда», но онъ боролся, и борьба эта нравилась ему, потому что онъ былъ увѣренъ, что выйдетъ изъ нея... побѣжденнымъ! Да, то есть именно и отправится «туда», куда рѣшилъ не отправляться,—а вѣдь это-то и сладко! Вѣдь это значитъ быть вблизи Лизаветы Павловны!..

И такъ, Степанъ Иванычъ продолжалъ бороться.

— «А вотъ не пойду-же! Пускай она не думаетъ, что я ужъ такъ страдаю, что не могу пробыть дня, чтобы не видѣть ее... Не пойду! Да и зачѣмъ? Если-бы я зналъ навѣрно, что она любитъ меня, а то вѣдь—нѣтъ, ничего не могу разобрать! Съ одной стороны какъ будто-бы и есть что-то такое похожее на сочувствіе, а съ другой—чортъ побери!—веселая болтовня съ гвардейскимъ офицеромъ... Нѣтъ, не пойду!.. Даже вотъ сейчасъ сапоги сниму, чтобы не соблазняли, и надѣну туфли»...

Степанъ Иванычъ снялъ сапоги, закурилъ новую папироску и растянулся на диванѣ. Пробило семь. Онъ страдалъ... «А вѣдь хорошо было-бы, думалъ онъ,—если-бы я могъ собраться съ духомъ, открыться ей, при-

знаться, вылить душу! И, если отвѣтъ былъ-бы удовлетворительный—о, тогда я повелъ-бы Лизавету Павловну подъ вѣнецъ!.. Ну, а вдругъ, размышлялъ Степанъ Иванычъ,—развѣ невозможна такая штука: по мѣрѣ того, какъ я открываюсь, выливаю душу—глаза ея все больше и больше расширяются, на лицѣ удивленіе, даже... негодованіе... «Да вы, Степанъ Иванычъ, въ своемъ умѣ?» вдругъ раздастся райскій, но презлой голосъ: «что вы это? Съ чего вы взяли изъясняться мнѣ въ любви? Развѣ я подала поводъ? Ха, ха, ха! Ахъ вы маленькій человѣчекъ! Ну, подите прочь и больше не шалите!..» Каково положеніе! А между тѣмъ, какъ она со мной фамильярничаетъ! рѣдко назоветъ меня Степаномъ Иванычемъ, все больше такъ ко мнѣ обращается: «Маленькій вы мой»...

Тутъ Степанъ Иванычъ увлекся игрою воображенія.

«Вдругъ я, мечталъ онъ, — дѣлаюсь знаменитымъ человѣкомъ... Ну, тамъ, напримѣръ, дѣлаю какое-нибудь удивительное открытіе, грандіозное изобрѣтеніе. Обо мнѣ трубятъ... Портреты мои появляются въ журналахъ... Прихожу я къ Лизаветѣ Павловнѣ—э-э! она ужъ не та... Она смотрѣтъ на меня робко и навѣрно думаетъ: «Я называла его «маленькій мой», а теперь онъ—великій!..» Я смѣло смотрю на нее и съ полною развязностью говорю: «Ну-съ, Лизавета Павловна, такъ какъ же—а? Угодно вамъ быть моей супругой?..» Эхъ, чорт возьми! Какъ-бы это вдругъ прославиться! Что-бы такое великое открыть?»

Степанъ Иванычъ даже дрыгнулъ ногами отъ волненія, причемъ одна туфля упала на полъ.

— Выдумать развѣ такую пушку, такую, которая-бы напримѣръ, хватала... Фу-ты, пропасть! какая дичь въ голову лѣзетъ!..»

Воображеніе стало рисовать ему другую картину. Пушка исчезла; вмѣсто страшнаго орудія Степанъ Иванычъ видитъ знакомую комнату съ синими обоями... Лампа горитъ на столѣ... Вотъ и самъ онъ сидитъ на стулѣ, а на диванѣ передъ нимъ—она, Лизавета Павловна... Какъ къ лицу ей ярко-желтое шерстяное платье съ бархатной черной отдѣлкой! Въ комнатѣ никого... «Послушайте, Лизавета Павловна, что лучше, говоритъ Степанъ Иванычъ: когда въ покоѣ сердце или нѣтъ?» Лизавета Павловна отвѣчаетъ: «Безъ движенья нѣтъ жизни»... «А вы живете въ настоящее время?..» Легкій румянецъ покрываетъ щеки Лизаветы Павловны. «Я жду отвѣта», пристаетъ Степанъ Иванычъ... «Ну-да, живу... А вамъ это зачѣмъ»?— «Какъ зачѣмъ? Помилуйте...»

— Съ кѣмъ это вы тутъ въ потемкахъ бесѣдуете? Степанъ Иванычъ вздрагиваетъ.

— Ахъ, это вы, Матрена Игнатьевна? Я и не замѣтилъ, какъ вы вошли.

Матрена Игнатьевна, квартирная хозяйка Степана Иваныча, зажгла свѣчку.

— Да что это вы въ потемкахъ? Съ кѣмъ это вы разговариваете, батюшка?

— Съ самимъ собой, Матрена Игнатьевна.

— Да что это вы дома сегодня? Велѣть что-ли сапоги-то вычистить—ась?

Степанъ Иванычъ оживляется.

— Да, пожалуй, велите...

— Такъ самовара, значитъ, и не ставить для васъ?

— Вотъ вѣдь соблазняетъ! говоритъ про себя Степанъ Иванычъ, а вслухъ произноситъ:—не ставьте.

Матрена Игнатьевна уходитъ съ сапогами. Хочется крикнуть Степану Иванычу: «Остановись! оставь сапоги! Я рѣшилъ не идти»... и не хватаетъ духу у Степана Иваныча. Вскакиваетъ онъ съ дивана, какъ будто сердитый, а самому весело,—и устремляется къ зеркалу.

— Что бы подумала Матрена Игнатьевна, если-бы я вдругъ остановилъ ее съ сапогами? Подумала-бы: «вотъ сумасшедшій!» И зачѣмъ это я ей сказалъ: «велите вычистить?.. Вотъ и опять иду *туда*... Судьба!..

Черезъ полчаса Степанъ Иванычъ уже стоитъ на улицѣ и тоненькимъ голоскомъ кричитъ: «Извощикъ»!

— Куда везти! спрашиваетъ извощикъ.

— Къ Покрову.

— Сорокъ копѣечекъ положьте.

Степанъ Иванычъ молодцомъ вскакиваетъ на дрожки и вскрикиваетъ: валяй!

У Покрова живетъ Лизавета Павловна съ своей маменькой. Степанъ Иванычъ думаетъ дорогой: «А вѣдь, право, хорошо, что я дома не остался! Ну, что бы я дѣлалъ? Скучалъ бы, хандрилъ.. Какая эта славная Матрена Игнатьевна, предупредительная! Сейчасъ вѣдь увидѣла, что сапоги лежатъ и ихъ слѣдуетъ вычистить!.. Ну, что-бы былъ міръ безъ женщинъ?.. Извощикъ!

— Чего-съ?

— Ты уважаешь женщинъ?

— Которая ежели, извѣстно, соблюдаетъ себя, такъ почему ее не уважить? Можно.

— Женщина, братецъ мой, говоритъ Степанъ Иванычъ,—это вѣнецъ созданія!

— Только въ бабѣ все-же охальства довольно, замѣчаетъ извощикъ, не слушая Степана Иваныча.—Такія есть кіёвницы, что Боже упаси!

— Экое невѣжество! произноситъ про себя Степанъ Иванычъ и умолкаетъ. Извощикъ тоже молчитъ.

Часамъ къ двѣнадцати вернулся онъ домой, и вернулся недовольнымъ, угрюмымъ. Не одна была Лизавета Павловна: Степанъ Иванычъ засталъ уже въ гостинной гвардейскаго офицера, который весело болталъ съ молодой хозяйкой,—а старая хозяйка, маменька Лизаветы Павловны, предложила Степану Иванычу для развлеченія поиграть въ преферансъ съ болваномъ.

Озлился Степанъ Иванычъ—и рѣшилъ долго-долго не отправляться къ Покрову, но судьба опять подсмѣялась надъ нимъ,—и на этотъ разъ явилась уже не въ образѣ Матрены Игнатьевны, а въ лицѣ ближайшаго начальства Степана Иваныча.

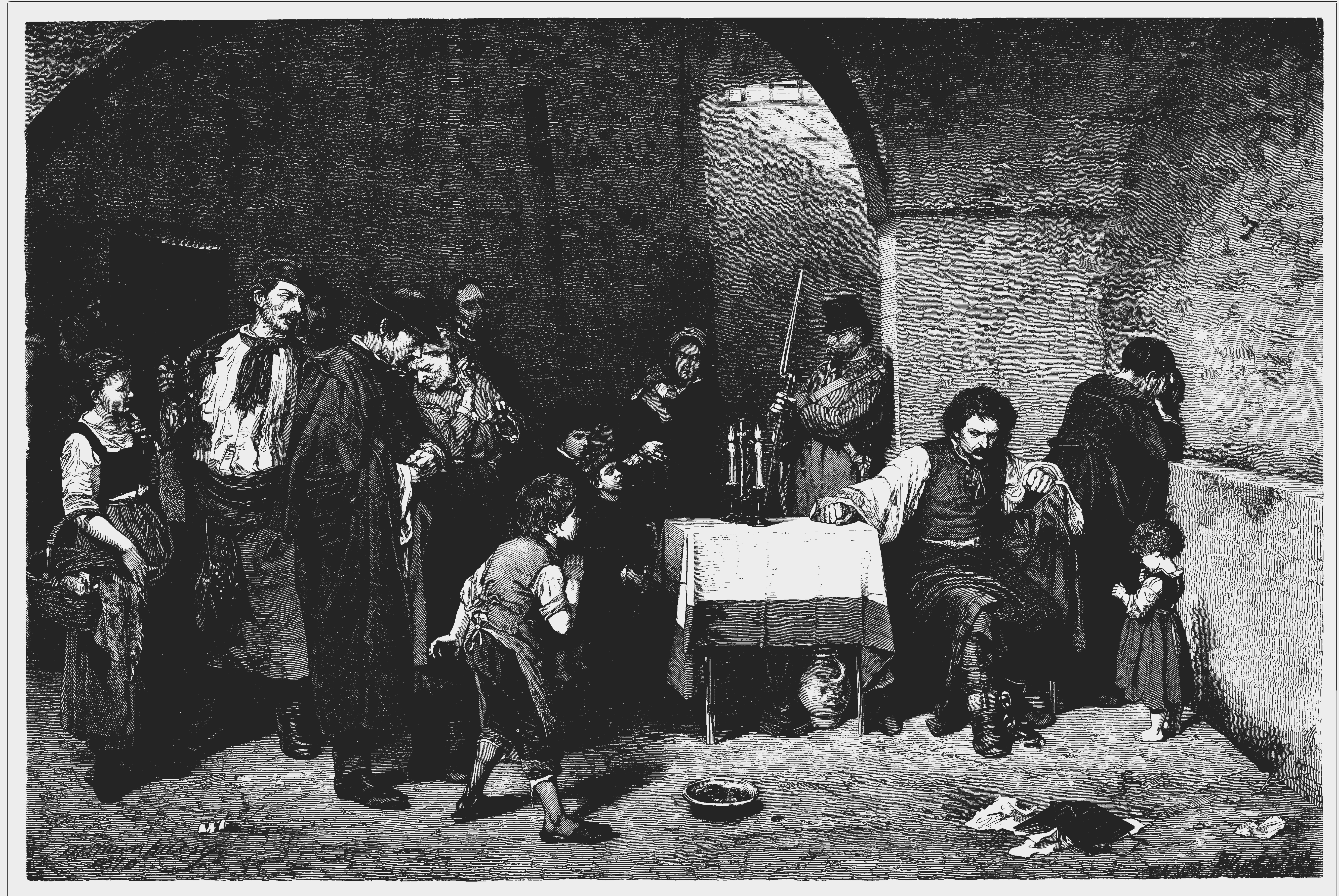
Степанъ Иванычъ получилъ командировку на два мѣсяца — и растерялся отъ такой неожиданности. Какъ уѣхать—и шутка-ли: на два мѣсяца! Какъ уѣхать, не разрѣшивъ недоумѣнія, то есть не объяснившись серіозно съ Лизаветой Павловной?.. А гвардейскій-то офицеръ? Не будетъ сидѣть Лизавета Павловна въ дѣвушкахъ, не таковская она! Да и чего ей ждать?..

— Нѣтъ, чортъ возьми!.. и Степанъ Иванычъ махнулъ рукой! Онъ твердо рѣшился (была не была!) открыться Лизаветѣ Павловнѣ, прекратить свои мученія, а тамъ—что Богъ дастъ! Или женихомъ уѣхать, или съѣсть грибъ и съ грибомъ отправиться въ командировку.

Наканунѣ отъѣзда, Степанъ Иванычъ—нарочно пораньше, часу въ пятомъ вечера, чтобы никто не помѣшалъ его объясненію,—смѣло отправился къ Покрову, хотя сердце и билось у него не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

Вечеръ былъ осенній, но очень хорошій, еще свѣтлый и даже теплый,—словомъ, рѣдкій въ Петербургѣ.

— Вотъ-бы хорошо было, если-бы Лизавета Павловна была теперь въ саду, думалъ дорогой Степанъ Иванычъ:—Я чувствую, что подъ открытымъ небомъ я лучше объяснюсь, смѣлѣе... А-ну, какъ ее дома нѣтъ? Ну, что-жъ,



Послѣднiе часы осужденнаго на смерть. Съ картины Мункачи, рисовалъ Гейтландъ, грав. Аарландъ.

тогда ужъ попозже придется объясниться... А что, если я замѣчу въ ней полнѣйшее равнодушіе? Стоитъ-ли тогда начинать?.. Нѣтъ, заговорю прежде объ отъѣздѣ и увижу...

Позвонился Степанъ Иванычъ у знакомыхъ дверей.

— Дома Лизавета Павловна?

— Дома-съ. А барыня Аграфена Яковлевна почиваютъ послѣ обѣда, отвѣтила горничная.—Пожалуйте-съ. Барышня въ саду гуляютъ.

— Въ саду?

— Точно такъ-съ.

— Ну, такъ я прямо въ садъ. Она одна тамъ?

— Однѣ-съ.

Степанъ Иванычъ очутился въ саду. Деревья съ порѣдѣвшей желто-красной листвой какъ-то непріятно на него подѣйствовали. На дорожкахъ лежали палые листья... «Вотъ живой образъ несбывшихся надеждъ!» мелькнуло у него въ головѣ при взглядѣ на эти листья: «и теперь въ моемъ сердцѣ зеленѣетъ чудное деревцо, густое... Но довольно одного слова, чтобы оно разомъ или покрылось цвѣтами, или такъ же вотъ порѣдѣло и пожелтѣло, какъ этотъ кленъ!»...

Но тутъ, въ концѣ дорожки, онъ замѣтилъ фигуру Лизаветы Павловны. Она шла къ нему. Степанъ Иванычъ самъ храбро двинулся ей на встрѣчу. Онъ еще не составилъ плана, какъ начать разговоръ, да и думать объ этомъ боялся. «Ну-да вѣдь не стану-же молчать, буду говорить, а тамъ—посмотрю, что будетъ, то будетъ!»

— А! Степанъ Иванычъ! что такъ рано? весело заговорила Лизавета Павловна.—Обо мнѣ что-ли соскучились? это похвально!.. Да позвольте: вы что-то печальны, смущены? Не наступилъ-ли вамъ кто нибудь на ножку?...

— Нѣтъ-съ, на ножку мнѣ никто не наступалъ; а я, вотъ видите-ли, пришелъ съ вами проститься...

— Умирать собрались?

— А хоть-бы умереть, такъ въ пору...

— Что?... Что вы бормочете?

— Я долженъ на два мѣсяца уѣхать по дѣламъ службы и потому счелъ долгомъ...

— Ай, на два мѣсяца! Я заплачу, зареву!...

— Объ чемъ вамъ ревѣть-съ?...

— Какъ объ чемъ? Вотъ мило! Отъ тоски, отъ печали... Развѣ я деревянная?...

— Все вы смѣетесь, Лизавета Павловна!

— А вотъ сейчасъ заплачу!...

И она, закрывъ лицо руками, очень искусно захныкала, приговаривая: «Уѣзжаетъ!... варваръ! покидаетъ меня!»...

— Перестаньте, Лизавета Павловна!...

Лизавета Павловна быстро отняла руки отъ лица и запѣла слезливымъ голосомъ:

Люди добрые, внемлите
Печали сердца моего!...

— Постойте, вы мнѣ на платье наступили!

— Ахъ, извините...

— Ну-ко, догоните меня теперь!

И она пустилась бѣжать.

— Экая юла! подумалъ Степанъ Иванычъ и пустился за ней, но пробѣжавъ сажени три, запнулся и еле-еле удержался за дерево.

Лизавета Павловна подбѣжала къ нему.

— Ушиблись, маленькій мой,—а? Ну, пойдемте лучше ходить подъ ручку. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете?

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Постойте, мы не такъ ходимъ подъ-ручку. Будьте вы за даму, а я за кавалера—вотъ такъ! Ну, кладите-же сюда руку, медвѣжонокъ!

— Извольте тутъ объясняться! подумалъ Степанъ Иванычъ и пошелъ за даму.

— Да идите-же въ ногу!

— Иду, иду...

— Ну, вотъ такъ. Хорошо. Когда же это вы удираете?

— Завтра утромъ.

— Завтра? Ого!...

— А пожалуй и сегодня, мрачно прибавилъ Степанъ Иванычъ,—вѣдь для васъ это все равно...

— Ну, нѣтъ не все равно! Вѣдь я вамъ говорю, что буду плакать, скучать...

— А я полагаю, что вамъ совсѣмъ не будетъ скучно... Этотъ Викторъ Андреичъ такой милый...

— Милый, да надоѣлъ ужъ!...

— Полноте... Я замѣтилъ, что онъ вашей маменькѣ нравится.

— А мнѣ-то что за дѣло?

— Да вѣдь и вамъ онъ нравится, вы только скрываете это, Лизавета Павловна!

— Скрываю? Ну-ужъ это—дудки! Зачѣмъ? Да и отъ кого мнѣ скрывать?

— Ну, извините, что сказалъ такъ...

— Извиняю. Такъ вы завтра ѣдете... гм! я буду грустить...

— Полноте, Лизавета Павловна, смѣяться! Мнѣ грустно, а вы смѣетесь...

— Да вамъ-то почему грустно?

— По многимъ причинамъ...

— Пустяки! О чемъ вамъ грустить? Вы тутъ, кажется, ни къ кому не привязаны особенно... Что васъ тутъ держитъ? Я бы на вашемъ мѣстѣ, напротивъ, была рада поѣздкѣ. Я люблю путешествовать.

— И вы бы уѣхали, если-бы случай...

— О, разумѣется!

Степанъ Иванычъ опустилъ глаза и подумалъ: «Уѣхала-бы! даже была-бы рада... Значитъ, ей тутъ все равно! Любви ни чуточки ни къ кому!»

И онъ посмотрѣлъ искоса на Лизавету Павловну.

Она въ это время зѣвнула и проговорила:

— А какой вечеръ прекрасный, а? и запѣла:

Поле росится, солнце садится,
Пѣсенки я распѣваю...

— Ну, подумалъ Степанъ Иванычъ,—о погодѣ заговорила и даже запѣла!...

— Н-да-съ, вечеръ прекрасный!...

— Опять вы съ ноги сбились! Да-ну, довольно ходить. Сядемъ на скамейку.

Усѣлись и замолчали.

О чемъ думала Лизавета Павловна—неизвѣстно. По временамъ она взглядывала на Степана Иваныча и потомъ, отвернувшись отъ него, улыбалась. А Степанъ Иванычъ размышлялъ такъ:

«Нѣтъ, нечего и заводить объясненія. Она видимо ко мнѣ совершенно равнодушна... Если-бы любила, если-бы у ней искра любви ко мнѣ была, такъ не то-бы было.. А она смѣется, поетъ, зѣваетъ!.. Конечно, ей все равно на два-ли мѣсяца я уѣду, или на двадцать два... Ужъ если ей этотъ офицеръ надоѣлъ, то я и подавно... Да, вотъ и уѣду завтра и не рѣшивъ все-таки ничего, то есть оно и такъ рѣшено ужъ... И зачѣмъ я тутъ сижу?...Но, Боже мой! какъ хороша она! Какъ идетъ къ ней этотъ черный платокъ! Ея личико, свѣжее, кругленькое, будто въ рамкѣ... Кому оно будетъ улыбаться, когда я уѣду?..

Гдѣ тотъ счастливецъ, которому она, смотря прямо въ глаза, скажетъ: «я люблю тебя! я твоя!..» О, какое мученіе!...

Степанъ Иванычъ глухо зарычалъ, но по причинѣ довольно нѣжнаго устройства его горла рычаніе это, какъ выраженіе безсильной злобы и ѣдкой горечи, вышло какое-то странное...

— Что это у васъ—насморкъ? спросила Лизавета Павловна не безъ участія въ голосѣ.

— Да, легкій насморкъ...

Нельзя же сказать было ему: «нѣтъ-съ, это не насморкъ! Я рычу со злости...»

— На ночь саломъ носъ помажьте...

— Помажу-съ.. «Господи, какой разговоръ!» произнесъ про себя Степанъ Иванычъ:—«и это вмѣсто объясненія вь любви!.. Она говоритъ: «носъ саломъ помажьте», а я говорю: «помажу-съ». Отлично! Нѣтъ, не могу терпѣть.. Уѣду!...»

— Вы у насъ сегодня, конечно, пьете чай? спросила Лизавета Павловна.

— Не могу-съ. Надо еще съ вечера кое-что въ порядокъ привести. Я только зашелъ проститься...

— Ну, такъ прощайтесь.

— Вы меня гоните?

— Я на васъ сердита.

— За что-же?

— А за то, что чаю не хотите у насъ пить.

— Да я, пожалуй... Только, увѣряю васъ, мнѣ сегодня что-то не по себѣ... Кажется, на свѣтъ-бы не глядѣлъ!..

— Сядьте задомъ къ лампѣ, когда будете пить чай, и не увидите свѣта.

— Вы опять шутите, а я-бы вотъ, кажется, сейчасъ за тридевять земель улетѣлъ!..

— На этой скамейкѣ?..

— Да-съ! И.:.. и чтобы вы на ней сидѣли!.. «Господи! что я такое брякнулъ!» прошепталъ Степанъ Иванычъ. Лизавета Павловна засмѣялась.

—- Это вы меня похитить хотите? не ожидала! Впрочемъ, люблю такихъ отважныхъ, смѣлыхъ рыцарей! Жаль вотъ, что нынче скамейки по воздуху не летаютъ...

— Вамъ жаль?...

— Да вѣдь я-же вамъ говорила, что люблю путешествовать, а тутъ еще даже—вдвоемъ на одной скамейкѣ!.

Заволновался Степанъ Иванычъ.

— Знаете, что я вамъ скажу, Лизавета Павловна?

— А что?

Но тутъ произошло нѣчто странное... Лизавета Павловна вдругъ простерла обѣ руки къ Степану Иванычу, быстро пригнулась къ нему и крикнула: «Ай, голубчикъ! Степанъ Иванычъ!» Степанъ Иванычъ растерялся и не зналъ, что дѣлать... Онъ чувствовалъ, что если не обниметъ Лизавету Павловну, то не удержится на покатѣ скамейки, кувыркнется съ нея,—а такъ какъ Лизавета Павловна держится за него, то онъ, падая, потащитъ и ее за собою...

Обнялъ онъ дѣвушку, замлѣлъ и крѣпко поцѣловалъ черный платокъ, покрывавшій голову Лизаветы Павловны.

— Лизавета... Павловна! Лиза... лепеталъ Степанъ Иванычъ:—ты моя!... О, Господи! наконецъ-то!... Я-бы не рѣшился никогда... Благодарю васъ, о, благодарю!...

И онъ принялся чмокать губами въ черный платокъ, который находился какъ разъ подъ его подбородкомъ. Онъ почувствовалъ, какъ Лизавета Павловна слегка задрожала и стала высвобождаться изъ объятій Степана Иваныча.

— Гдѣ она? ускакала? вдругъ спросила Лизавета Павловна.

— Кто она?

Степанъ Иванычъ широко раскрылъ свои очи.

— Да лягушка эта проклятая! развѣ вы не видали, какъ она прыгнула на дорожку?...

Степанъ Иванычъ онѣмѣлъ...

— Господи, какъ я испугалась!...

А онъ сидѣлъ, опустивъ голову и чувствовалъ, что у него не только лицо, но и уши и затылокъ горѣли... Онъ даже не смѣлъ дышать...

— А вѣдь она ускакала! радостно воскликнула Лизавета Павловна.

Степанъ Иванычъ наконецъ рѣшился пролепетать:

— Извините... простите! Я... ей Богу... я не зналъ, что вы лягушки испугались... Я не видалъ ея... Ахъ, Боже мой! что я такое надѣлалъ!!... Простите!...

Онъ вскочилъ со скамейки.

— Въ чемъ васъ прощать? Ахъ-да! вы, кажется, поцаловали меня въ голову?...

— Я думалъ... мнѣ показалось.

— Да что-жъ такое?... бѣды нѣтъ... Вы еще, кажется, сказали: «ты—моя!» Да?...

— Виноватъ... Я съ ума сошелъ!

— Такъ вы не хотите, чтобы я была вашей?

— Лизавета Павловна? можетъ-ли быть?!.. Вы меня... лю...любите?...

— Ну-да, люблю...

— Не можетъ быть!...

— Ахъ, смѣшной вы человѣкъ! Ну, я вамъ скажу, почему я васъ люблю: вы—не опасный человѣкъ, вы—хорошій, въ глазахъ у васъ—доброта... Другихъ мужчинъ я не знаю и боюсь, а васъ—знаю и не только не боюсь, но даже чувствую, что и бояться-то васъ никогда не буду... Какого-же мнѣ еще мужа?...

— Если вы не шутите—дайте ручку!

— Послѣ! тутъ лягушки... Ай, вонъ еще скакнула! Догоняйте меня! я бѣгу домой!...

И Лизавета Павловна побѣжала.

— Лягушка—дивное созданіе! восторженно произнесъ Степанъ Иванычъ—и откуда взялась прыть—понесся по дорожкѣ галопомъ.

Послѣдній день осужденнаго.

Въ сферѣ искусствъ и науки нерѣдко возникаютъ таланты, пріобрѣтающіе почетную извѣстность первымъ своимъ произведеніемъ. Таковъ живописецъ Гансъ Макартъ, сразу прославившійся своей «чумой во Флоренціи»; таковъ и молодой художникъ, явившійся лѣтомъ 1870 года на Дюссельдорфскую выставку съ картиною масляными красками: «послѣдніе часы осужденнаго на смерть». Подпись Михаила Мункачи никому не была извѣстна, никто не слыхивалъ о такомъ живописцѣ; не смотря на то, какъ публика, такъ и критика поспѣшили устно и печатно воздать единодушную дань похвалъ этому произведенію — тѣмъ болѣе безпристрастную, что авторъ его не былъ нѣмцемъ.

Содержаніемъ картинѣ послужилъ старый венгерскій обычай, дозволяющій родственникамъ, друзьямъ и сосѣдямъ осужденнаго на смерть—навѣщать его въ послѣдніе часы передъ казнью. Одни приходятъ по влеченію сердца, другіе изъ любопытства. Отцы и матери приводятъ и дѣтей своихъ, дабы зрѣлище это запечатлѣ-

лось въ душѣ ихъ устрашающимъ примѣромъ на всю жизнь. Вотъ этимъ-то трагическимъ матеріаломъ и воспользовался художникъ съ такимъ искусствомъ, такъ рѣзко и рельефно передалъ его типичныя черты въ исполненіи, что на картину его невозможно смотрѣть безъ глубокаго внутренняго потрясенія.

Предъ нами послѣдній актъ драмы, разыгрывающійся въ подземномъ казематѣ, при слабомъ освѣщеніи сверху, падающемъ на различныя группы. Нѣсколько вправо поставленъ столъ, на которомъ горятъ свѣчи у распятія. За столомъ сидитъ преступникъ, скованный по ногамъ, черноволосый, темноглазый, съ выраженіемъ отчаянія и тревоги въ лицѣ. Возлѣ него, вся въ слезахъ, облокотилась на выступъ тюремной стѣны жена осужденнаго, на которую падаетъ часть его позора. Межъ ихъ стоитъ ихъ ребенокъ, невинное дитя, явно не разумѣющее, что вокругъ него дѣлается; въ рукахъ у него кусокъ хлѣба, который оно беззаботно кладетъ себѣ въ ротъ. Вотъ три главныя фигуры, останавливающія вниманіе зрителя. Налѣво, за столомъ, австрійскій солдатъ на стражѣ. Правая сторона картины биткомъ наполнена людьми, пришедшими еще разъ взглянуть на приговореннаго къ смерти. Стоящіе ближе къ нему—по всей вѣроятности родственники. Молодой парень въ плащѣ, пасмурно уставившійся глазами въ землю, словно думаетъ, какъ бы не случилось и съ нимъ чего подобнаго. Рядомъ съ нимъ стоитъ его мать. За нимъ видѣнъ какой-то мужчина и женщина съ младенцемъ на рукахъ. Оба они привели съ собой нѣсколько мальчугановъ, чтобъ они съ дѣтства познакомились съ карою закона. Далѣе, влѣво, стоитъ кузнецъ и дѣвушка съ корзиной на рукѣ. У дверей нѣсколько человѣкъ разсуждаютъ о преступленіи осужденнаго. Одни жалѣютъ его, другіе порицаютъ, — всѣ они чрезвычайно оригинальны и типичны. Психика лицъ поражаетъ художественною правдой, рельефностью: какъ на ладони видны здѣсь вина, невинность, любопытство, страхъ, участіе. Правильность рисунка и мастерскіе эффекты колорита довершаютъ достоинства этого произведенія.

Кто-же этотъ Мункачи, авторъ «послѣднихъ часовъ приговореннаго къ смерти»? Это молодой венгерецъ, родившійся 1846 года въ мѣстечкѣ Мункачѣ. Ребенкомъ лишился онъ родителей въ 1849 году и попалъ подъ опеку къ дядѣ, который отдалъ его на десятомъ году въ науку къ столяру. Семь лѣтъ проработалъ малый топоромъ и рубанкомъ удѣляя, каждую минуту досуга рисованію. Случайно познакомясь съ какимъ-то портретистомъ, онъ при помощи его побывалъ въ Пештѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ, гдѣ усовершенствовался въ своемъ искусствѣ. Въ столицѣ Баваріи получилъ венгерскую премію и на тѣ деньги поѣхалъ въ Дюссельдорфъ, гдѣ много писалъ подъ руководствомъ знаменитыхъ живописцевъ, и наконецъ выступилъ съ вышеописаннымъ произведеніемъ. Какой-то американецъ купилъ эту картину за три тысячи талеровъ. Съ тѣхъ поръ карьера молодаго художника была сдѣлана—и нынѣ онъ снова трудится надъ заказомъ одного лондонскаго банкира въ пять тысячъ талеровъ.

Письма Императора Николая I къ севастопольцамъ.

(Окончаніе).

Я счастливъ, что зная Моихъ моряковъ черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго, былъ увѣренъ, что эти несравненные молодцы вновь себя покажутъ какими всегда были на морѣ, и на сушѣ. Вели имъ сказать всѣмъ, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится и всѣхъ отцовски благодаритъ, какъ Своихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей. Передай имъ эти слова въ приказѣ, а флигельадъютанту князю Голицыну Я велѣлъ объѣхать всѣ экипажи съ Моимъ поклономъ и благодарностью....

«Да хранитъ васъ Господь Великосердый!

«Обнимаю тебя душевно; Мой искренній поклонъ всѣмъ.

«Поблагодари отъ Меня въ особенности сводный резервный уланскій полкъ, столь молодецки обновившій свою службу; значитъ дѣти пойдутъ по слѣдамъ отцовъ».

31-го октября (Послѣ Инкермана). «Не унывать, любезный Меншиковъ, начальствуя севастопольскими героями, имѣя въ своемъ распоряженіи 80 тыс. отличнаго войска, вновь доказавшаго, что нѣтъ ему невозможнаго, лишь бы вели его какъ слѣдуетъ и куда должно; съ такими молодцами было бы стыдно и думать объ конечной неудачѣ; Скажи вновь всѣмъ, что Я ими доволенъ и благодарю за прямо-русскій духъ, который надѣюсь никогда въ нихъ не измѣнится. Ежели удачи досель не было, какъ мы смѣли ожидать, то Богъ милостивъ, она быть еще можетъ...

«Бросить же Севастополь, покуда есть еще 80 тыс. въ немъ и и подъ нимъ стоящихъ, еще живыхъ, было бы постыдно и помышлять; значило бы забыть долгъ, забыть стыдъ и не быть русскими, потому этого и быть не можетъ, и Я не допускаю сего даже и въ мысляхъ. Пасть съ честью, но не сдавать и не бросать.

«Я счастливъ, что Богъ сохранилъ Моихъ двухъ рекрутъ и что они себя показали, какъ и долгъ, и званіе требовали. Кончаю чѣмъ началъ — не унывать никому, а тебѣ, вождю, менѣе всякаго другого, ибо на тебя всѣ глаза, и твой примѣръ другихъ долженъ увлекать къ исполненію долга до послѣдней крайности. Да хранитъ васъ Богъ. Душевно обнимаю».

2-го ноября. (Изъ письма къ князю Меншикову...

«Пекись объ раненыхъ ради Бога и призри ихъ сколько можно...

«Ободряй войска, говори съ ними Моимъ именемъ, благодари ихъ, чтобъ знали, что ты уважаешь ихъ заслуги и доводишь до меня ихъ подвиги. Представляй скорѣе къ наградамъ отличившихся. Обнимаю.»

«Ежели ты доволенъ Моими ребятами, то вручи имъ обоимъ Георгіевскіе кресты 4-й степени».

7-го ноября. «Съ большимъ удовольствіемъ слышу отъ тебя, что ты вполнѣ доволенъ духомъ войскъ, въ которомъ Мнѣ бы грѣшно было и когда либо усомниться. Желательно весьма, чтобъ явился удобный случай войску показать на дѣлѣ, что оно можетъ, когда храбрость его и ни съ чѣмъ несравненное усердіе будутъ употреблены удачнымъ образомъ....

«Слава Богу, что наши раненные поправляются; не престану просить тебя все возможное дѣлать для ихъ успокоенія.

«Съ радостію читалъ я твое лестное представленіе о Моихъ Сыновьяхъ; Я счастливъ, какъ Отецъ, что они оправдываютъ Мои ожиданія. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ Я тебѣ разрѣшилъ уже украсить ихъ, ежели того достойными находишь. Но справедливо и другихъ отличившихся не забывать; прошу тебя, поторопись представить достойныхъ, которыхъ ты еще самъ не наградилъ по предоставленной тебѣ власти.

«Какъ жаль, что нѣтъ случая твоей славной кавалеріи отличиться. Былъ бы случай, она бы чудеса надѣлала.

«Не унывай, крѣпись, ободряй всѣхъ своимъ примѣромъ и будемъ надѣяться на милость Божію. Обнимаю.»

23-го ноября. «Благодарю тебя, что ты не упустилъ наградить главныхъ виновниковъ 24-го числа, нашихъ молодецкихъ солдатиковъ; не могъ безъ слезъ читать, что дѣти Мнѣ про нихъ пишутъ и Стюрлеръ разсказывалъ про матросовъ; что за богатыри! Награждай ихъ щедро и часто, они точно сего заслуживаютъ; да и объ офицерахъ желаю представленія.

«Теперь что Богу угодно, будемъ смиренно ждать и покоримся Его святой волѣ. Богъ съ тобой и съ вами. Обнимаю».

27-го ноября. «Очень важно сберечь сколько можно войска, т. е. кормить вдоволь, лишне не утомлять и пріютить сколь возможно лучше и снабдя полушубками. Комплектованіе сколько можно буду стараться подвигать....

«Теперь долженъ обратиться къ другому и для Меня тяжелому дѣлу. Здоровье жены до того разстроено, что она не встаетъ съ кровати, слабость непомѣрна. Все это усилилось съ отъѣзда дѣтей. Отрадно было бы Ей ихъ обнять. Это возможнымъ нахожу только въ томъ случаѣ, ежели военныя дѣйствія не возобновились дѣятельно и ежели не предвидится скоро рѣшительнаго дѣйствія... Ежели всего этого нѣтъ, то дозволь имъ ѣхать къ Намъ.»

29-го ноября. (Ему же).... «Считаю справедливымъ велѣть тебѣ объявить всѣмъ войскамъ, составляющимъ другой мѣсяцъ гарнизонъ Севастополя, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, что въ признательность за ихъ безпримѣрное мужество, усердіе и труды, въ теченіе сего времени, Я велѣлъ имъ **зачесть каждый мѣсяцъ за годъ службы** по всѣмъ правамъ и преимуществамъ. Они этого вполнѣ заслуживаютъ, и объяви это на 6-е декабря. Ты скупъ представлять объ наградахъ; прошу тебя, дай Мнѣ радость наградить достойныхъ.

Напиши Мнѣ, много ли раненыхъ возвратилось во фронтъ и сколько увѣчныхъ осталось, сколько умершихъ и сколько подающихъ надежду на выздоровленіе?»

С.-Петербургъ, 29-го декабря *). «Напиши мнѣ, въ какой степени продовольствіе войскъ обезпечено и на долго-ли?...

5-го января.... «Надѣюсь, что наши войска не терпятъ отъ нея (погоды), ибо мы зимы не боимся. Лишь бы удалось хорошо кормить и для того не щади ни трудовъ, ни издержекъ, дабы непремѣнно люди были сыты вдоволь. Прибавить можно водки; хорошо бы и збитень завести, было бы изъ чего.

«Что съ больными и ранеными, много ли воротилось. Правда ли, что появился тифусъ? Боюсь у союзниковъ чумы.

«При полученіи этого письма, дѣти будутъ у тебя; обними ихъ за Меня. Сакену и всѣмъ мой поклонъ. Да хранитъ васъ Господь. Душевно обнимаю».

20-го января.... «Радуюсь. что часть твоихъ резервовъ пришла и пополнила нѣсколько ряды. Слава Богу, изъ колоній пошли къ тебѣ слишкомъ 700 выздоровѣвшихъ героевъ послѣ ранъ; это золото!»

24-го января. «Надѣюсь, что наши минеры себя выкажутъ мо-

*) Эта и всѣ послѣдующія выписки изъ писемъ къ князю Меншикову — изъ С.-Петербурга

лодцами; думаю, что не надо терять время камуфлетомъ остановить работу... Славная практика для нашихъ молодцовъ минеръ; надѣюсь, что себя покажутъ Мои товарищи, какими ихъ зналъ. Награждай щедро.

«Спасибо за новую удачную вылазку; прекрасно.»

31-го января.... «Продолжаютъ доходить сюда свѣдѣнія, что союзники готовятся къ штурму, и вечера узнали, что, будто, послано 4 тысячи кирасъ, въ которыя одѣть хотятъ штурмующія колоны; сообщаю какъ получилъ. Что-то мудрено, Мнѣ кажется, лѣзть на штурмъ въ подобномъ убранствѣ; да наши штыки съумѣютъ, и не смотря на кирасы, пересчитать имъ ребра!...

« Не медли наградами достойныхъ.

4-го февраля. «Спасибо нашимъ молодцамъ саперамъ и минерамъ. Старый ихъ товарищъ радуется душевно ихъ успѣхамъ. Богъ видимо помогъ, что при занятіи воронки, подъ сильнымъ огнемъ, потери у насъ не было; это просто чудо!»

10-го февраля. «Кажется, въ Евпаторіи собрались точно довольно значительныя силы. Опасаюсь, чтобы Хрулевъ, при своей горячности, не предпринялъ того, что намъ дорого стоитъ будетъ безъ ощутительной пользы; ибо продолжаю думать, что мы въ городѣ, ежели и удастся взять, не удержимся отъ огня съ моря. Потеря наша будетъ навѣрно большая, а пользы немного.

Кажется по всему, что англичанамъ крайне худо; казалось бы что атака на нихъ была бы легче другаго. Ежели французы ихъ вездѣ смѣнили, то они очень растянулись; не найдется-ли слабой точки, куда можно бы было?

«Вотъ покуда и все. Обнимаю, Богъ съ тобой и съ вами».

Это письмо было—послѣднее.

Корона Сибирская.

Короною Сибирскаго Царства называютъ собственно при выносѣ регалій въ церемоніяльныхъ выходахъ—*алтабасную шапку царя и в. к. Іоанна Алексѣевича,* построенную въ 1684 году.

Запоны, украшающіе ее, сняты съ алмазной шапки царя Ѳедора Алексѣевича, которая въ книгѣ 1689 года описана слѣдующими словами:

«Шапка третьяго наряда, запоны и дуги нашиты по алтабасу. Нижшей вѣнецъ—запоны яхонты червчатые; въ томъ-же вѣнцѣ на преди двѣ запоны, а въ нихъ по алмазу. Въ другихъ двадцать *запонъ* *), а въ нихъ по алмазу. Да промежъ дугъ четыре запоны. Въ 1-й запонѣ: 2 яхонта червчаты (сиреневыхъ свѣтлыхъ), 2 алмаза, 2 изумруда, да 5 зеренъ гурмыцкихъ, на *спняхъ* (по 2 съ боковъ, да въ верху). Во 2-й въ срединѣ изумрудъ, по сторонамъ 2 алмаза; 3 яхонта червчатыхъ, 3 зерна *гурмыцкихъ* (изъ Ормуса), на спняхъ. Въ 3-ей срединѣ яхонтъ лазоревой, по сторонамъ 2 алмаза, 3 яхонта червчатыхъ, 3 зерна гурмыцкихъ на спняхъ. На четвертой же, въ срединѣ изумрудъ, по сторонамъ 2 алмаза, 3 яхонта червчатыхъ, и 3 зерна гурмыцкихъ, на спняхъ. На верху яблоко золотое, на немъ десять яхонтовъ червчатыхъ, да 10 изумрудовъ. На яблокѣ крестъ золотой съ яхонты, да три зерна гурмыцкихъ. Подъ крестомъ изумрудъ сквозной.

Теперь нѣтъ подъ крестомъ сквозного изумруда, да два зерна гурмыцкихъ внизу, съ боковъ первой запоны, замѣнены жемчужинами.

Корона Сибирская.
Рисовалъ Жерлье, гравировалъ Паннемакеръ.

Цѣна шапки этой, по оцѣнкѣ 1702 года, была 909 рублей.

Слова *третьяго наряда* шапка—заставляютъ насъ объяснить, что царскія одежды и утвари подбирались сообразно виду и цѣнности ихъ и число *нарядовъ* на одномъ казенномъ дворѣ, во времена Михаила, какъ видно по записной книгѣ Мастерской палаты, было *восемь* парадныхъ. Обыкновеннаго-же платья царскаго было до *тридцати* нарядовъ.

О великолѣпіи ихъ можно судить, по примѣрамъ *третьяго* наряда, въ которыхъ являлся государь.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ 12 декабря 1632 года принималъ Англійскаго посланника, при чемъ надѣтъ былъ на немъ *третій нарядъ*: крестъ, діадима другая, скифетръ, яблоко стоянецъ; *платно* (широкая и длинная одежда съ ожерельемъ, пуговицами по длинѣ платна спереди, по круживу т. е. по краямъ полъ) турскаго бархата, по серебряной землѣ; круживо низано по черному бархату чепьми (цѣпочкою); кафтанъ становой (родъ ферези) по серебряной землѣ листье зелено. *Зипунъ* (кафтанъ безърукавовъ надѣваемый внизъ, подъ платно,—безъ ожерелья и сорочка съ пристяжнымъ ожерельемъ; башмаки строченые по бѣлому сафьяну; посохъ чеканной золоченый.

Царь Алексѣй Михайловичъ принималъ въ золотой палатѣ (6 августа 1646 г.) литовскаго гонца, въ платьѣ *третьяго наряда.* Государь былъ со скипетромъ и державою. Было на немъ платно пресицкое шитое, круживо широкое жемчужное съ каменьемъ; кафтанъ становой по серебреной землѣ листье зеленое; зипунъ—атласъ бѣлъ безъ обнизи; шапка боярина Васильево дѣло Ивановича Стремнева; діодима (ожерелье) вторая. Да изъ мастерскія палаты башмаки низаные».

Вотъ съ какимъ костюмомъ носилъ государь шапку, назывaмую теперь Сибирскою Короною.

П—въ.

Архангельская семинарія.

Архангельская семинарія въ ряду другихъ учебныхъ заведеній г. Архангельска занимаетъ первое мѣсто: она старѣйшая изъ всѣхъ учебныхъ заведеній Архангельской губерніи. На далекой, вдавшейся въ море, оконечности земли русской, въ грубомъ и суровомъ сѣверномъ климатѣ, замедляющемъ естественное и нравственное развитіе обитателей Архангельской губерніи, семинарія была первымъ свѣточемъ, возженнымъ и поддерживаемымъ просвѣщенными и благопопечительными архипастырями для образованія пастырей церкви, а чрезъ нихъ и пасомыхъ. Коренные обитатели архангельскаго края: самоѣды, зыряне, корелы и лопари нетолько не вѣдали просвѣщенія, но не знали условій и жизни осѣдлой, общественной; въ дикомъ и кочевомъ образѣ жизни они не могли и помышлять о свѣтѣ святой вѣры христовой, а блуждали во тьмѣ язычества. Свѣтъ вѣры и цивилизаціи началъ проникать въ тундры архангельскія только со временъ владычества Великаго Новгорода; но тогда вниманіе обращено было не на просвѣщеніе народа, а на матеріальныя выгоды, получаемыя съ него. Первый архипастырь Аѳанасій нашелъ край въ самомъ грубомъ и жалкомъ невѣжествѣ; онъ много положилъ заботъ о своей паствѣ, но не успѣлъ положить прочнаго основанія для образованія края. Эта честь досталась его преемнику... Самое заботливое вниманіе всѣхъ послѣдующихъ архипастырей холмогорскихъ и важескихъ, а потомъ архангельскихъ и холмогорскихъ, было обращаемо на усиленіе средствъ и расширеніе круга образованія въ лелѣемой ими школѣ, изъ которой неусыпными ихъ трудами и заботами образовалась потомъ семинарія. И труды и заботы архипастырей не остались невознагражденными. Кромѣ благодарной памяти въ потомствѣ и въ здѣшнемъ краѣ, они имѣли утѣшеніе видѣть плоды ихъ заботъ и въ добромъ служеніи ихъ воспитанниковъ св. церкви и отечеству. Лѣтопись архангельской семинаріи сохранила имена многихъ достославныхъ архіепископовъ, епископовъ и архимандритовъ, получившихъ первоначальное образованіе въ ея нѣдрахъ. Сколько вышло изъ этого разсадника просвѣщенія дѣятелей государственныхъ, мы пройдемъ это молчаніемъ. Но нельзя не поименовать здѣсь знатнѣйшихъ лицъ, служившихъ церкви христовой.

---

*) т. е. отдѣльныхъ мѣстъ или рамокъ для камней и золотаго орнамента, по 5 мѣстъ, на каждой изъ 4-хъ дугообразныхъ полосъ.

Въ числѣ своихъ воспитанниковъ архангельская семинарія считаетъ: Павла (въ мірѣ Петръ Павловъ), архіепископа тобольскаго и сибирскаго, бывшаго епископомъ вятскимъ, далѣе архіепископомъ могилевскимъ, знаменитаго своими «Посланіями» къ раскольникамъ. Ея же воспитанникъ былъ Игнатій, архіепископъ воронежскій и задонскій, въ началѣ бывшій учителемъ греческаго языка въ здѣшнемъ училищѣ, потомъ бакалавромъ с.-петербургской духовной академіи, и былъ знаменитый ратоборецъ противъ раскола. Наѳанаилъ, архіепископъ псковскій и лифляндскій, Анастасій, епископъ екатеринославскій и таганрогскій—также были воспитанниками здѣшней семинаріи. Изъ архимандритовъ замѣчательны: 1) Веніаминъ (Смирновъ), весьма много потрудившійся при обращеніи язычниковъ—самоѣдовъ, совершившій это апостольское дѣло съ блистательнымъ успѣхомъ, и, кромѣ того, обогатившій ученый міръ свѣденіями о происхожденіи, вѣрѣ и обычаяхъ этого народа, также и о положеніи сѣверовосточной оконечности Архангельской губерніи и нѣкоторыхъ островов Ледовитаго океана въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ,—составившій грамматику для самоѣдскаго языка и переложившій на этотъ языкъ евангеліе. 2) Кириллъ (Кипріановъ), архимандритъ сійскій, уроженецъ мезенскій, учился, училъ и былъ ректоромъ архангельской семинаріи съ 1804 года по 1806 г. 3) Амвросій, архимандритъ сійскій, уроженецъ архангельской епархіи, здѣсь учился, училъ и былъ также ректоромъ съ 1810 по 1817 годъ. Наконецъ, по мѣсту рожденія своего, принадлежитъ къ духовенству архангельской епархіи и бывшій членъ св. синода и екзархъ Грузіи Ѳеофилактъ (Русаковъ), хотя онъ обучался не въ здѣшней семинаріи. Кромѣ этихъ свѣтлыхъ личностей, просіявшихъ на свѣщницѣ церкви Христовой, архангельская семинарія имѣла ближайшее вліяніе и на образованіе свѣтское, на образованіе народа. Такъ при открытіи въ Архангельскѣ въ 1788 году главнаго народнаго училища, и потомъ—въ 1802 году губернской гимназіи, почти всѣ учители въ эти заведенія были взяты изъ здѣшней семинаріи. При преобразованіи гимназіи и уѣздныхъ училищъ въ 1828 году повторилось то же самое. И послѣ нѣкоторые изъ учителей семинаріи переходили въ учители гимназіи, гдѣ содержаніе было обезпеченнѣе, нежели въ семинаріи.

Архангельская семинарія первоначальнымъ своимъ основаніемъ обязана просвѣщенному архипастырю Варнавѣ, архіепископу Холмогорскому и Важескому. Духовнымъ регламентомъ изданнымъ въ 1721 году, повелѣвалось, между прочимъ, каждому епархіальному архіерею имѣть при домѣ своемъ школу для обученія дѣтей «въ надежду священства» (Полн. Собр. Закон. том. 1, ст. 4291 и 4450). Прибывъ на епархію, Преосвященный Варнава самой тщательное вниманіе обратилъ на образованіе духовныхъ пастырей, и въ 1723-мъ году открылъ въ городѣ Холмогорахъ, въ своемъ домѣ, училище, подъ именемъ Славенской школы. Для помѣщенія школы была отведена одна изъ келій собственнаго помѣщенія архипастыря.

Число учениковъ въ первый годъ существованія школы были 39 человѣкъ, дѣтей священнослужительскихъ, а въ слѣдующемъ 1724 г. оно удвоилось. Это обстоятельство побудило Преосвященнаго Варнаву устроить для школы и помѣщенія учениковъ особое двухъэтажное зданіе, которое и было устроено на сѣверной сторонѣ ограды Преображенскаго собора, уже въ управленіе епархіею преемникомъ Варнавы, архіепископомъ Германомъ, который между прочимъ переименовалъ училище, въ Славено-Латинскую школу.

Въ этомъ видѣ Славено-Латинская школа существовала до 1764 г. При епископѣ Саввѣ она получила наименованіе семинаріи; а въ 1764 году для помѣщенія учителей и учениковъ, отведены каменныя кельи въ упраздненномъ Спасоприсущномъ монастырѣ (нынѣ приходѣ), находящемся на правомъ берегу Двины рѣки въ 10-ти верстахъ ниже города Холмогоръ.

Здѣсь семинарія находилась до 1771 года. Въ августѣ мѣсяцѣ этого года Епископомъ Антоніемъ она была переведена въ здѣшній Архангело-Михайловскій монастырь (что въ г. Архангельскѣ, на берегу рѣки Двины, выше самаго города) и расположена въ пять деревянныхъ низменныхъ корпусахъ, стоявшихъ на сѣверовосточномъ углу монастырской ограды. Въ 1809 году, при епископѣ Евламліи, заложено нынѣ существующее зданіе семинаріи, а въ 1815 году, при преемникѣ его, епископѣ Парѳеніи, на достройку зданія Высочайше даровано изъ казны 15,000 р. ассигнаціями. Въ 1817 году окончательно устроено настоящее зданіе семинаріи. Въ 1824 году пристроенъ съ лѣвой стороны главнаго корпуса каменный одно этажный флигель для столовой и кухни. Въ 1862 г. изъ залы собранія устроена Церковь во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова; въ 1865 году былъ надстроенъ на флигелѣ второй каменный этажъ, собственно для ученической столовой тщаніемъ и усердіемъ почетнаго блюстителя, Архангельскаго 2-й гильдіи купца и кавалера ордена св. Анны 2-й степени, Егора Андреевича Плотникова. Съ 1868 года начаты были постройки для приспособленія всего зданія къ имѣющему быть скорому преобразованію семинаріи по Высочайше утвержденному въ 14 день мая 1867 года уставу, которые и были окончены въ 1871 году; въ этомъ году устроены отдѣльно отъ классовъ, спальныя и учебныя комнаты и сдѣлана весьма красивая, полированная изъ лиственничнаго дерева мебель, какъ для классныхъ комнатъ — столы для учениковъ, каѳедры для наставниковъ, такъ и для спальныхъ, занятныхъ и гардеробныхъ комнатъ — гардеробы, комоды, столы и табуреты, а также и стулья и кресла для правленія семинаріи, для случаевъ педагогическаго собранія устроены изъ березы и также полированныя.

Матеріальныя средства содержанія, вначалѣ — школы, а потомъ — семинаріи, были различны и въ разныя времена не одинаковы по своему количеству. При первоначальномъ основаніи Славенской школы архіепископомъ Варнавой, въ 1723 году, на содержаніе ея воспитанниковъ взималась съ монастырей двадцатая доля всякаго хлѣба, а съ церковныхъ земель тридцатая; при епископѣ Германѣ, по неудобству и ненадежности хлѣбнаго сбора съ церквей и монастырей, школа содержалась на счетъ архіерейскаго дома. Съ 1764-го года, или со времени перенесенія школы, переименованной уже въ семинарію, въ Спасо-Присуцкій монастырь, было назначено отъ казны на содержаніе семинаріи 816 р. 93³/₄ коп. ассигнаціями въ годъ. Съ 1784 года, со времени перенесенія семинаріи въ Архангело-Михайловскій монастырь, въ городъ Архангельскъ, отпускалось по 2000 р. ассигнаціями; а съ 1797 года по 3500 руб. По учрежденіи Коммиссіи духовныхъ училищъ, и по возведеніи Архангельской семинаріи въ 1-й классъ, назначено отпускать по 17,000 рублей ассигн. ежегодно. По штатамъ, утвержденнымъ 22-го мая 1820 года на содержаніе семинаріи назначено 31,060 р. ассигнац., 23-го мая 1836 года штатъ увеличенъ до 36,275 р., — по переложеніи на серебро — 10367 р. 5 коп. Въ 1867 году было увеличено содержаніе семинаріи прибавкою изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ до 16,270 р. 60 к. серебр., По новому уставу и штату 14-го мая 1867 г. Высочайше утвержденному, съ 1-го іюля 1870 года—начала преобразовываться жизнь семинаріи, ассигновано на ежегодное содержаніе семинаріи 24,275 р. сер.

При открытіи преосвященнымъ Варнавою училища подъ именемъ словенской школы, преподавались: Славенская грамматика, церковный уставъ, чтеніе, пѣніе и чистописаніе. Единственнымъ преподавателемъ всего круга элементарнаго обученія былъ іеромонахъ Викторъ-Малороссъ. При архіепископѣ Германѣ, на мѣсто Виктора поступилъ учитель свѣтскій, нѣкто Иванъ Цареградскій, обучавшійся за моремъ; къ прежнему курсу онъ прибавилъ преподованіе латинскаго языка. Преемникъ его, малороссъ, іеромонахъ Венедиктъ довелъ учениковъ своихъ до піитики. По смерти Венедикта были учителями Михаилъ Подѣимскій и Иванъ Тавернскій; при нихъ ученіе оканчивалось синтаксимою. Въ 1739 году въ первый разъ епископомъ Саввою были отправлены въ московскую заиконоспасскую академію, для образованія на учительскія должности, двое изъ воспитанниковъ школы — Логинъ Заостровскій и Алексѣй Либровскій. Въ 1743 году архіепископъ Варсонофій, для усиленія преподаванія и расширенія круга предметовъ обученія, вытребовалъ изъ академіи, до окончанія полнаго курса, Логгина Заостровскаго. По окончанія полнаго курса, явился и Алексѣй Либаровскій, и первый началъ преподованіе риторики, логики и физики. Наконецъ, въ 1762 году въ здѣшней семинаріи открылось преподаваніе философіи и богословія, которое вмѣстѣ съ риторикой взялъ на себя первый ректоръ семинаріи архимандритъ Гавріилъ Югинскій. Во время его управленія семинаріею въ продолженіе 17-ти лѣтъ, кромѣ поэзіи, риторики, философіи и богословія и языковъ латинскаго и греческаго, въ курсъ образованія введены были и новѣйшіе языки—французскій и нѣмецкій, также ариѳметика, географія, исторія; тамъ продолжалось до 1802-го года; въ курсъ наукъ вошла семинарскихъ народная медицина, а вслѣдъ за ней и языкъ еврейскій.

Въ 1814 году, съ утвержденіемъ проэкта устава духовныхъ училищъ, послѣдовало преобразованіе какъ въ преподаваніи наукъ въ семинаріяхъ, такъ и во внѣшней ихъ организаціи. Изъ высшихъ классовъ прежней семинаріи — піитическаго, риторическаго, философскаго и богословскаго составлены: низшее, среднее и высшее отдѣленіе семинаріи. Изъ низшихъ же классовъ семинаріи организовано уѣздное духовное училище, которое и отдѣлено съ этого времени отъ семинаріи какъ въ административномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, хотя помѣщеніемъ оно пользовалось въ зданіи семинаріи до 1869-го года.

Преподаваніе предметовъ было распредѣлено сообразно указаніямъ проекта устава. Съ 1846 г. открыты курсы сельскаго хозяйства и медицины, закрытой съ новымъ преобразованіемъ. Съ началомъ учебнаго 1870 — 71 года послѣдовало полное преобразованіе Архангельской семинаріи, сообразно Высочайше утвержденному новому уставу для средне-духовно-учебныхъ заведеній 14 мая 1867 г. и всѣ предметы во вновь составленныхъ шести годичныхъ классахъ (курсъ) распредѣлены по требованію устава. Для замѣщенія священническихъ мѣстъ въ инородческихъ приходахъ — Корельскихъ и Зырянскихъ съ 1868 года преподаются языки Корельскій и Зырянскій.

Библиотека Архангельской семинаріи первоначально составлялась изъ книгъ, жертвуемыхъ преосвященными архипастырями: каждый изъ нихъ приносилъ въ даръ разсаднику духовнаго просвѣщенія хотя что-нибудь, особенно же много послужили своими приношеніями преосвященные: Варнава, Германъ, Варсонофій, Парѳеній и Іосифъ. Не малое число рукописей, составляющихъ нынѣ достояніе семинарской библіотеки, и послужившихъ основаніемъ ея, принадлежало собственнымъ библіотекамъ архіепископовъ холмогорскихъ и важскихъ: Аѳанасія и Рафаила.

Изъ пожертвованій преосвященнаго Германа обращаютъ на себя вниманіе:

1) Divi Aurelü Avgustini de civitate Dei in folio. 1886 г. Parisiis.

2) Novum Jesu Christi testamentum 1861 г. Amsterodami.

Преосвященнаго Варнавы: Qvatvor evangelicorum concordia. 1638 г.

Преосвѣщеннаго Варсонофія: Divi Avgustini Hipponesis euarrationes in psalmes.

Есть въ библіотекѣ книги и преосвященнаго митрополита рязанскаго, Стефана Яворскаго, неизвѣстно какимъ путями ей доставшіяся; таковы:

Concordantiae sacrorum librorum. Romae. 1631.

Со времени преобразованія духовныхъ семинарій по проэкту устава 1814 года, на составленіе библіотеки, была ассигнуема особая сумма: по штатамъ 1820 года 400 р. ассиг., по штатамъ 1836 г. 114 р. 20 к. серебр., 1867 г. — 400 р. сер.

Въ настоящее время составъ семинарской библіотеки предоставляетъ слѣдующій итогъ:

Книгъ богословеннаго содержанія библіотека имѣетъ 1573 №№, философскаго—404, историческаго—889, по словесности и исторіи литературы 438, по математикѣ — 123, по философіи — 385, по гражданскому законовѣденію 69, по медицинѣ 77, по художествамъ 83, по государственному и сельскому хозяйству и технологіи—103. Всѣхъ книгъ 4,144 №№.

Изъ нихъ замѣчательнѣйшія по древности, рѣдкости и по другимъ отношеніямъ суть слѣдующія:

1) Книги на древнихъ языкахъ:

a) Biblia Iacva Wulgatae editionis cum iconibus (Священная Библія, такъ называемая Вульгата, съ изображеніями) 1590 г.

b) Novum testamentum graece et cum vulgata interpraetatione latina. (Новый завѣтъ, греческій съ латинскимъ переводомъ) 1599 г. въ Лейденѣ.

c) Opera graeca Basilü Magni (Творенія Василія Великаго) 1551 г. Въ Цареградѣ.

d) Omnia opera Divi Joannis Chrisostomi. Творенія св. Іоанна Златоустаго 1525 г. Въ Цареградѣ. Этой книгѣ 345 лѣтъ.

Основаніе свое ученическая библіотека получила въ 1861 году, благодаря стараніямъ бывшаго въ то время ритора архангельской семинаріи, архимандрита Серафима. Побужденіемъ къ основанію ея былъ недостатокъ книгъ для ученія воспитанникамъ, особенно же по своевременной духовной литерутурѣ. Для этого Ѳ. ректоръ Серафимъ первоначально пожертвовалъ отъ себя 80 экземпляровъ книгъ различнаго содержанія, а дальнѣйшее распространеніе и существованіе библіотеки возложилъ на ежегодныя пожертвованія самихъ воспитанниковъ, въ началѣ каждаго учебнаго года. Но сумма пожертвованій воспитанниковъ была очень незначительна; этому конечно, препятствовала бѣдность духовенства Архангельской епархіи. Отъ недоотатка пожертвованій невозможно было выписывать книгъ, много и дорого стоющихъ, а по необходимости нужно было ограничиться выпиской двухъ, много трехъ періодическихъ изданій, или учебныхъ пособій. Этотъ недостатокъ былъ выполняемъ пожертвованіями частныхъ лицъ, между коими самое живое и дѣятельное участіе принималъ преосвященный Наѳанаилъ, бывшій епископъ Архангельскій (нынѣ Черниговскій). Ему сочувствовали и словомъ и дѣломъ О. архимандритъ Серафимъ и нынѣшній реторъ, бывшій инспекторъ, при О. Серафинѣ, архимандритъ Донатъ, также бывшій ректоръ Архангельской семинаріи О. архимандритъ (нынѣ епископъ Бантскій) Веніаминъ и нѣкоторые изъ несторонниъ доброжелателей. Въ послѣдніе годы завѣдывалъ ученическою библіотекою бывшій инспекторъ семинаріи игуменъ (нынѣ архимандритъ) Алексѣй, который жертвовалъ нетолько своими трудами по выпискѣ нужнѣйшихъ книгъ, но и своими средствами способствовалъ лучшему устройству библіотеки. Но все, что есть лучшаго, и цѣннаго въ библіотекѣ — это пожертвовано бывшимъ преосвященнымъ Наѳанаиломъ.

Благодаря усердію жертвователей, ученическая библіотека въ настоящее время имѣетъ 1270 книгъ. Изъ нихъ книгъ Богословскаго содержанія: 205 №№;

	Историческаго	22	
	Философскаго	100	
	По Естествознанію	60	
	» Словесности	78	
	» Педагогикѣ	48	
	» Землеописанію	25	
Журналовъ:	Духовныхъ	306	экз.
	Свѣтскихъ	80	
	Учебниковъ	28	
Книгъ на иностранныхъ языкахъ		223	том.
	Лексиконовъ и словарей	10	
	Смѣси	90	

Изъ этого числа пожертвовано преосвященнымъ Наѳанаиломъ: 690 книгъ.

Именно—по Богословію		130	
	Исторіи	18	
	Философіи	7	
	Естествознанію	36	
	Словесности	50	
	Педагогикѣ	11	
Журналовъ	Духовныхъ	80	экз.
	Свѣтскихъ	40	»
	Учебниковъ	26	
Книгъ Иностранныхъ		178	
	Лексиконовъ и словарей	6	
	Смѣси	70	

Въ числѣ замѣчательныхъ книгъ ученической библіотеки можно указать: Scripturae sacrae cursus completus XXII тома, и Theologiae cursus completus XXIII тома, пожертвованныхъ преосв. Наѳанаиломъ.

Главный непосредственный начальникъ семинаріи есть мѣстный епархіальный преосвященный. Управленіе же семинаріею по всѣмъ частямъ—учебной, нравственной и хозяйственной—принадлежитъ правленію семинаріи. Общее педагогическое собраніе правленія семинаріи имѣетъ своими членами всѣхъ наличныхъ преподавателей и троихъ членовъ отъ духовенства; распорядительное же правленіе состоитъ изъ четырехъ членовъ — двоихъ преподавателей и двоихъ членовъ отъ духовенства; въ томъ и другомъ предсѣдательствуетъ ректоръ семинаріи. Въ настоящее время наличныхъ начальствующихъ лицъ и преподавателей семинаріи 9 человѣкъ.

Въ архангельской семинаріи большая часть учащихся бываетъ изъ уѣздовъ болѣе населенныхъ: Архангельскаго, Шенкурскаго и Онежскаго; меньшая часть изъ уѣздовъ: Холмогорскаго, Мезенскаго, Кемскаго, Пинежскаго и Кольскаго; бываютъ и дѣти свѣтскихъ родителей и иноепархіальные. Въ послѣдній курсъ—къ 1 іюля 1872 г.—состояло въ семинаріи всѣхъ учениковъ 85 человѣкъ; изъ нихъ 60 на полномъ казенномъ содержаніи, остальные 25 живутъ на городскихъ квартирахъ, у родителей или у родственниковъ; по высокой цѣнѣ за содержаніе пансіонеромъ въ семинаріи (90 р.), со введенія новаго устава не бываетъ въ семинарскомъ корпусѣ пансіонеровъ.

Въ послѣднее пятидесятилѣтіе, по преобразованіи духовныхъ семинарій, всѣхъ окончившихъ курсъ образованія въ архангельской семинаріи—съ 1819 по 1872 годъ—было 521 воспитанникъ. Изъ нихъ 384 человѣка поступило во священники въ архангельской епархіи, 72 вышли въ свѣтское званіе, получило образованіе въ духовной академіи 40, обучается нынѣ въ духовной академіи 2, въ университетахъ 7, въ военно-юридическомъ институтѣ 2 и въ медицинской академіи 3. Изъ получившихъ академическое образованіе большая часть приняли санъ священства и въ настоящее время служатъ въ С.-Петербургѣ, Кронштатѣ, наставниками въ семинаріяхъ, въ гимназіи, одинъ экстраординарнымъ профессоромъ въ казанской духовной академіи, и въ миссіяхъ—въ Пекинѣ, вмѣсто служившаго тамъ іеромонаха Исаіи, нынѣ поступилъ братъ его іеромонахъ Корнилій (Поликинъ), кончившій курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ по факультету восточныхъ языковъ дѣйствительнымъ студентомъ, и въ Аѳинахъ—настоятелемъ, архимандритъ Николай (Новиковъ).

Архимандритъ Алексій.

Лѣсная идиллія.

Іюнь мѣсяцъ, пора прекращенія всякой охоты, тѣмъ не менѣе доставляетъ бездну наслажденій истинному охотнику, не ограничивающему своихъ стремленію одною бойней. Въ это время, красная дичь переживаетъ семейныя радости, являя взорамъ наблюдательнаго егеря разнообразнѣйшія и перелестнѣйшія картины своего такъ-сказать дошашняго очага. Между тѣмъ какъ благородный олень и въ этомъ отношеніи оправдываетъ свое названіе, сохраняя горделивую осанку и сдержанность въ самыхъ проявленіяхъ нѣжности къ своему дѣтенышу (рѣдко бываетъ ихъ двое),—у кроткой, довѣрчивой и вмѣстѣ робкой козули замѣчается особенное оживленіе, въ то время какъ пора близнецовъ ея рѣзвится подъ надзоромъ заботливой матери, самыми шаловливыми по всегда граціозными скачками; лань же, подобно козулѣ мечущая двухъ и даже трехъ пыжиковъ, являетъ особенно красивое зрѣлище въ отношеніи цвѣтности шерсти, которая у молодыхъ и старки окрашена различно, что придаетъ группѣ ихъ необыкновенную живописность. Глазамъ наблюдателя представляется то пестрая, въ правильныхъ бѣлыхъ крапинкахъ по рыжему фону, самка съ бѣлыми или изабелловаго цвѣта дѣтенышами; то въ темной зелени выдѣляется бѣлоснѣжная матка, окруженная разноцвѣтнымъ, пестрымъ и черноватымъ потомствомъ. Такъ какъ лань составляетъ главное населеніе огороженныхъ охотничьихъ парковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смирную дичь,—то съ нѣкоторыми предосторожностями весьма не трудно подкрасться къ ней на такое разстояніе, чтобы съ помощью подзорной трубы слѣдить за каждымъ движеніемъ нарядныхъ звѣрковъ. Вотъ передъ нами бѣлая старка съ двумя пестрыми пыжиками улеглась подъ густымъ навѣсомъ сосновыхъ вѣтвей, и повернувъ къ примастившемуся возлѣ нея дѣтенышу

граціозную головку, лижетъ его гладкую шерстку. Тутъ же стоитъ и другой, любопытно глядя въ синѣющую даль, а въ слѣдующіе мгновеніе тоже тѣсно прижимается къ плечу покоющейся матки, укладываясь рядышкомъ на мягкомъ мхѣ. И долго такъ нѣжатея они вмѣстѣ въ тѣнистомъ уголку, пока надъ лѣсными полянами, въ перелѣскахъ и просѣкахъ, знойно печетъ солнце жарко нагрѣтый воздухъ, напоенный благоуханіями травъ, дрожитъ надъ отдаленнымъ болотомъ. Тамъ, отражая синеву безоблачнаго неба, залегло лѣсное озерко—надъ зеркальною поверхностью его кружатся бѣлыя чайки, и завидѣвъ добычу съ быстротою стрѣлы низвергаются къ водѣ.

Но вотъ, мухи, несноснѣйшій бичъ всякой дичи, повидимому одолѣли семейный кружокъ,—матка быстро поднимается на ноги, за нею слѣдуетъ молодежь. Всѣ трое, непрестанно поводя ушами и вертя хвостикомъ, чтобы хоть отчасти избавиться отъ докучливыхъ мучителей,—медленно идутъ въ темную чащу сосенъ. Продолжая слѣдить за ними, мы видимъ какъ юная парочка шаловливо гоняется другъ за дружкой, вокругъ матери, часто забѣгая впередъ или отставая далеко назади. Тогда заботливая старка спѣшитъ нагнать разрѣзвившееся потомство, или тревожно оглядываясь, зоветъ отсталыхъ жалобнымъ голосомъ, на который тѣ тотчасъ же отвѣчаютъ—и присоединясь къ маткѣ продолжаютъ свои игры подъ непосредственнымъ ея надзоромъ.

Такъ проходятъ они мирныя чащи и сѣчи, срывая повременамъ то листокъ, то стебелекъ злака, пока не встрѣтятъ новаго пріюта, манящаго къ отдохновенію въ тѣни густаго кустарника, гдѣ самка снова ложится, а пыжики, все еще неугомонясь, играютъ до окончательнаго изнеможенія—и тутъ уже оба склоняютъ головушки на мягкія бока покровительницы. Такъ, чередуясь игрой и покоемъ, проходитъ наконецъ день—приближающійся вечеръ съ его прохладой позволяетъ нашему неразрывному живому трилистнику выйдти изъ тѣни лѣсовъ на открытую топь приозернаго болота. Населеніе его, въ свою очередь, оживляется. Поднимаются утки, свистя, рѣзвыми крыльями, носятся въ воздухѣ и съ крикомъ падаютъ снова въ родную стихію. Цапли, возвращаясь по домамъ съ охотничьей стоянки, шагаютъ по болоту, издавая время отъ времени рѣзкій печальный крикъ, и наконецъ удаляются на вершину сосенъ на ночлегъ.

Постепенно все затихаетъ въ окрестности. Только однозвучное кваканье лягушекъ и немолчный стрекотъ кузнечиковъ звучатъ убоюкивающимъ лепетомъ въ тишинѣ смолкнувшихъ лѣсовъ. Пользуясь сумракомъ, мы еще разъ кидаемъ взглядъ на нашихъ знакомцевъ, теперь уже въ цѣломъ стадѣ дичи, высыпавшей на равнину. Но разстояніе слишкомъ далеко для наблюденія, а приблизиться на открытомъ мѣстѣ нѣтъ возможности—и потому, подаривъ ихъ прощальнымъ взглядомъ, ровно какъ и выходящаго изъ тростниковъ оленя, мы идемъ по домамъ.

Политическое обозрѣніе.

Передъ неожиданнымъ переворотомъ во Франціи блѣднѣютъ всѣ политическія новости послѣднихъ дней. Борьба между правительствомъ и монархическими партіями правой стороны разрѣшилась—и постепенно окрѣпшая оппозиція противъ республиканской политики Тьера взяла верхъ. Прикрываясь знаменемъ порядка и спокойствія страны, которой будто бы угрожалъ радикализмъ возобновленіемъ коммуны, сторонники монархическихъ идей добивались единственно низверженія Тьера, въ чемъ открыто сознавались монархическіе органы. Составляя постоянное большинство въ національномъ собраніи, монархисты тѣмъ не менѣе не рѣшались низвергнуть президента, къ патріотизму и честности котораго нація питала полное довѣріе. Но послѣ уплаты четырехъ милліардовъ и по очищеніи большей части страны отъ нѣмецкихъ войскъ,—противники Тьера почувствовали себя сильнѣе и вознамѣрились довершить давно задуманное. Тьеръ, между тѣмъ окончательно вступившій на путь республиканизма, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ законопроектовъ въ смыслѣ окончательнаго провозглашенія республики. Это было сигналомъ къ открытію враждебныхъ дѣйствій—и съ перваго же засѣданія, 7 (11) мая, монархисты повели рѣшительную аттаку. Неуклонно слѣдуя по принятому пути, Тьеръ въ засѣданіи 12 (24) мая произнесъ блистательную рѣчь въ которой объявилъ, что принимаетъ на себя всю отвѣтственность за политику своего кабинета. Онъ напомнилъ, какую тяжелую борьбу пришлось ему вынести во время своего правленія. Наконецъ настало время рѣшить судьбу Франціи. Мнѣнія насчетъ правительственной формы расходятся: одни желаютъ монархіи, другіе—республики. Въ этомъ разногласіи мнѣній и заключается весь вопросъ настоящей минуты; значительное большинство націи требуетъ республики и сильнаго правительства, способнаго подавлять безпорядки; но правительство это не должно быть орудіемъ партій. «Результатами политики настоящаго правительства», продолжалъ Тьеръ, «были побѣда надъ коммуной, необыковенный успѣхъ государственнаго займа, почти полное очищеніе Франціи отъ иностраннаго занятія, повсемѣстное сохраненіе мира и порядка. Политика партій не достигла бы подобныхъ результатовъ. При разногласіи мнѣній относительно республики или монархіи, продленіе временнаго положенія было бы весьма неудобно. Президентъ республики по необходимости высказывается за республиканскую форму правленія, такъ какъ монархическая фактически невозможна, когда на одинъ престолъ являются три претендента. Президентъ республики избралъ новыхъ министровъ, которые рѣшительно присоединились къ извѣстной партіи. Для проведенія органическихъ законовъ необходимо, чтобъ правительство слѣдовало одному, твердо опредѣленному принципу». Говоря о консервативныхъ началахъ, положенныхъ въ основаніи конституціоннаго проекта, Тьеръ пояснилъ, что правительство считаетъ нужнымъ не отмѣнить всеобщее избирательное право, а только регулировать его. Правительство слѣдуетъ вполнѣ консервативной политикѣ и имѣетъ въ виду исключительно благо страны. Далекое отъ всякихъ крайностей, оно требуетъ отъ одной стороны, чтобъ она отказалась отъ своихъ антипатій къ республикѣ, а отъ другой—чтобъ она допустила существованіе нынѣшней палаты до тѣхъ поръ, пока не будутъ изданы органическіе законы. Результаты новѣйшихъ выборовъ вовсе не представляютъ такого тревожнаго характера, какой иные стараются придать имъ. Диктатура не представила бы выхода изъ настоящихъ затрудненій. Нужно идти законнымъ путемъ; диктатуры же только губятъ націи. Необходимо сдѣлать выборъ между двумя крайностями: одни не желаютъ провозглашать республику, не теряя надежды на реставрацію монархіи; другіе требуютъ новаго учредительнаго собранія, въ надеждѣ, что оно упрочитъ республику. Единственное средство рѣшить эту дилемму—принятіе правительственнаго проекта.—Несмотря на рѣшительную, прочувствованную, патріотическую рѣчь Тьера, непримиримые правой стороны въ лицѣ г. Эрну внесли слѣдующее предложеніе о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, заключавшее въ себѣ выраженіе недовѣрія къ президенту: «Національное собраніе, принимая во вниманіе, что вопросъ возбужденъ не о формѣ правительства, и что необходимо успокоить страну, отдавъ преимущества политикѣ, рѣшительно консервативной, изъявляетъ сожалѣніе, что недавнія измѣненія въ составѣ министерства, не доставили удовлетворенія консервативнымъ интересамъ, которые имѣли на то право». Министръ юстиціи, Дюфоръ, объявилъ, что правительство соглашается на простой, безъ объясненія причинъ, переходъ къ очереднымъ дѣламъ; но предложеніе о такомъ переходѣ отринуто большинствомъ 362 голосовъ противъ 348. Національное собраніе отринуло также, большинствомъ 375 голосовъ противъ 343, предложеніе лѣвой стороны о поименномъ голосованіи предложенія касательно перехода къ очереднымъ дѣламъ съ объясненіемъ причинъ, и приняло предложеніе Эрну, большинствомъ 360 противъ 344. «Нашлось большинство 16 голосовъ», пишутъ по этому поводу въ «Temps»,—чтобъ нанести ударъ знаменитому государственному человѣку, заключившему миръ, визложившему коммуну, поднявшему кредитъ и матеріальное благосостояніе страны, прославившемуся патріоту, который такъ счастливо довелъ до конца трудное дѣло освобожденія, великому гражданину которому не далѣе какъ три мѣсяца назадъ по торжественному и единогласному постановленію собранія была заявлена благодарность отечества.

13-го (25-го) мая, въ вечернемъ засѣданіи національнаго собранія, открывшемся въ 7 часовъ вечера, было объявлено, что г. Тьеръ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности президента республики. Это прошеніе объ отставкѣ было принято національнымъ собраніемъ большинствомъ 368 голосовъ противъ 339. Затѣмъ происходила баллотировка преемника Тьеру. Маршалъ Макъ-Магонъ провозглашенъ президентомъ республики 390 голосами. Остальные депутаты не принимали участія въ этомъ избраніи. Макъ-Магонъ не безъ труда согласился на это избраніе, но, по изъявленіи имъ согласія, былъ провозглашенъ президентомъ французской республики. Принявъ новое званіе, сопряженное съ тяжелыми обязательствами и трудами, маршалъ Макъ-Магонъ тотчасъ же обратился къ національному собранію съ слѣдующимъ письмомъ: «Господа представители! я повинуюсь волѣ національнаго собранія, дѣйствующаго по уполномочію верховноправной народной воли, принимая на себя обязанности президента республики. Это тяжелая отвѣтственность, возлагаемая на мой патріотизмъ, но, съ Божіею помощью и при содѣйствіи арміи, которая всегда пребудетъ арміею вѣрною закону, мы, сообща съ вами, будемъ продолжать начатое дѣло освобожденія территоріи и возстановленія нравственнаго порядка въ нашемъ отечествѣ. Мы сохранимъ внутренній миръ и принципы, на которыхъ зиждется общественный строй. Въ этомъ ручаюсь я моимъ словомъ и моею солдатскою честью». Вслѣдъ затѣмъ маршалъ разослалъ департаментскимъ префектамъ краткій циркуляръ слѣдующаго содержанія: «По волѣ національнаго собранія, я призванъ къ исполненію обязанностей президента республики. Въ существующихъ законахъ и учрежденіяхъ не произойдетъ вслѣдствіе того никакихъ перемѣнъ. Я стою прежде всего за безусловное сохраненіе общественнаго порядка и на этотъ счетъ вполнѣ полагаюсь на ваше патріотическое содѣйствіе. Образованіе новаго министерства состоится сегодня

14-го (26-го) мая, въ засѣданіи національнаго собранія, министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Брольи, прочиталъ посланіе

маршала Макъ-Магона, въ которомъ излагается программа новаго правительства. Въ посланіи сказано, что правительство будетъ въ точности исполнять законы и будетъ исполнителемъ воли большинства національнаго собранія; что касается внѣшней политики, то нынѣшнее правительство будетъ слѣдовать образу дѣйствій своихъ предшественниковъ, сохраняя миръ и преобразуя армію. Внутренняя политика правительства Макъ-Магона будетъ вполнѣ консервативная; оно издастъ органическіе законы и заставитъ ихъ уважать. Въ посланіи сказано, «что правительство Макъ-Магона будетъ постоянно бодрствующимъ охранителемъ неприкосновенности верховной власти національнаго собранія»,

ставка г. Тьера и замѣна его другимъ президентомъ произвели всюду тяжелое впечатлѣніе, но при этомъ общественный порядокъ и спокойствіе не были нарушены. Этимъ страна обязана благоразумію и политическому такту всѣхъ фракцій республиканской партіи, понимающей, что монархисты рады были бы всякому предлогу къ насильственнымъ мѣрамъ и обращенію къ военной силѣ. Сами монархисты смущены неожиданнымъ результатомъ своей побѣды. Имъ не совсѣмъ нравятся и заявленія новаго президента о томъ, что онъ всегда будетъ вѣрнымъ исполнителемъ воли большинства, каково бы оно ни оказалось, — т. е. другими словами, что онъ будетъ противиться всякой попыткѣ насильственнаго низ-

Лѣсная идиллія. Рис. съ натуры Гвидо Гаммеръ, грав. Аарландъ.

Въ «Оффиціальной Газетѣ» былъ обнародованъ составъ новаго министерства. Теперешній персоналъ его слѣдующій: герцогъ де-Брольи—министръ иностранныхъ дѣлъ, Эрну—министръ юстиціи, Белэ—министръ внутреннихъ дѣлъ, Мань—министръ финансовъ, Дампьеръ-д'Орнуа—морской министръ, Батби—министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Десселиньи—министръ публичныхъ работъ, Лабульери—министръ торговли, и генералъ Сиссэ—временно-управляющій военнымъ министерствомъ. Въ томъ же нумерѣ «Оффиціальной Газеты» напечатано и назначеніе г. Паскаля товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Извѣстія, полученныя въ Парижѣ изъ французскихъ провинцій, по словамъ парижскихъ газетъ, единодушно заявляютъ, что от-

верженія республики. Между тѣмъ республиканскія фракціи, съ паденіемъ Тьера сплочиваются въ единодушную партію конституціонной оппозиціи, у которой является одна цѣль—низверженіе нынѣшняго реакціонно- монархическаго министерства. Партія эта усилилась уже возвращеніемъ въ палату нѣсколькихъ республиканскихъ депутатовъ, занимающихъ дипломатическіе посты, (генералъ Лефло, Эрнестъ Пикаръ, Жюль Ферри, Ланфре и др.), а присутствіе Тьери, занявшаго свое мѣсто на скамьяхъ этой фракціи во главѣ лѣваго центра, и Греви во главѣ умѣренныхъ республиканцевъ, придаетъ оппозиціи нравственную силу, которой вовсе лишено правительственное большинство, составленное изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ — бонапартистовъ, орлеанистовъ и проч.,—готовыхъ перессориться при первомъ предлогѣ.

Смѣсь.

Ручныя домашнія змѣи. Сколько чуждаго вошло въ нашу жизнь съ тѣхъ поръ, какъ наступило новое время и всемірныя сношенія получили такое непредвидѣнное развитіе! картофель, безъ котораго мы теперь не можемъ обойтись, родомъ изъ Америки, также какъ табакъ и маисъ или индѣйка. Наши цесарки изъ Америки, а павлины изъ Индіи. Сколько чужестранныхъ птицъ живетъ теперь у насъ въ комнатахъ! Это фактъ, что въ лѣсахъ Зюденгландса, принадлежащихъ члену парламента Букстону, водятся цѣлыя стада какаду, которыя тамъ вполнѣ акклиматизировались, вьютъ гнѣзда и выводятъ птенцовъ. Въ отношеніи акклиматизаціи мы доживемъ еще до многихъ замѣчательныхъ вещей. Вѣдь ужъ и теперь, какъ видно изъ недавно происходившаго въ Лондонѣ процесса, въ этомъ городѣ входитъ въ употребленіе обычай держать въ домѣ ручныхъ змѣй. Въ кварталѣ Іельси жили господинъ Кокбурнъ и господинъ Маннъ; ихъ сады граничили между собою и они были друзьями пока, въ буквальномъ смыслѣ слова, ихъ не разлучила змѣя раздора. Господинъ Маннъ давно уже занимался прирученіемъ какъ туземныхъ, такъ и чужестранныхъ змѣй—и этотъ опытъ вполнѣ удался. Онъ держалъ не меньше 14 змѣй въ своемъ домѣ, само собою разумѣется не ядовитыхъ сортовъ, въ томъ числѣ одного индѣйскаго пиѳона и одного боа, семи футовъ длины и 18 фунтовъ вѣсомъ. Эти животныя ползали у него по столу и стульямъ, его дѣти играли съ ними, называли ихъ ласкательными именами, и нѣкогда столь страшное боа обвивалось въ видѣ тюрбана вокругъ головы госпожи Маннъ, которая цѣловала это животное. Великолѣпно испещренныя, чистоплотныя и граціозныя, эти звѣри не лишены разумѣнія. Въ особенности сильно выражается ихъ привязанность къ своимъ хозяевамъ. Когда господинъ и госпожа Маннъ однажды уѣхали, они поручили свое боа надзирателю зоологическаго сада. Животное было тамъ безпокойно, мало спало и мало ѣло; но когда опять появилась его госпожа, оно радостно распрямилось, обвилось вокругъ нея и выказало всевозможные знаки радости и преданности. И обыкновенный ужъ былъ вполнѣ прирученъ господиномъ Манномъ.

Но въ сосѣдствѣ стали ходить злые слухи насчетъ этихъ «опасныхъ» животныхъ. Ихъ боялись, думали, что они глотаютъ дѣтей и отравляютъ взрослыхъ — словомъ, вся окружность волновалась. Когда же въ прекрасное лѣтнее время змѣи переползли изъ сада господина Манна въ садъ господина Кокбурна, то волненіе достигло высочайшей степени; многія изъ этихъ животныхъ были убиты и Кокбурнъ подалъ жалобу, что «дикія животныя» его сосѣда безпокоятъ его и подвергаютъ опасности его жизнь.

При разбирательствѣ дѣла передъ судомъ, свидѣтельство знаменитаго англійскаго зоолога, Франка Букланда, обратило на себя особенное вниманіе; тамъ доказывается, что змѣи, о которыхъ шло дѣло, совершенно безвредны: «Я думаю, пишетъ Франкъ Букландъ, что господинъ Маннъ открываетъ прирученіемъ этихъ змѣй новую фазу въ естественной исторіи, и что онъ доказалъ, что интеллигенція змѣй гораздо значительнѣе, чѣмъ полагали до сихъ поръ наши естествоиспытатели. Всѣ безъ исключенія змѣи господина Манна положительно безвредны—и за исключеніемъ своего естественнаго корму не могутъ причинить ущерба ни одному живому существу». Послѣ этого Кокбурну отказали въ искѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписали и Манну, чтобы онъ загораживалъ свой садъ такъ, чтобъ змѣи не могли заходить во владѣнія его сосѣда.

Для любителя это открываетъ новую область: прирученіе змѣй.

Тонина индѣйскихъ тканей. Какъ ни велики успѣхи нашей промышленности, но тонина индѣйскихъ тканей все еще для нея недосягаема. Хотя на лондонской промышленной выставкѣ и находилось нѣсколько ярдовъ индѣйской кисеи, вытканныхъ изъ пряжи 0,0216 дюймовъ въ поперечникѣ, но самая тонкая даккская пряжа заключаетъ въ себѣ только четвертую часть этого поперечника, то есть нитка у ней такъ тонка, что подумаешь будто ее пряли феи или насѣкомыя, а не люди. Одинъ фунтъ самой тонкой даккской пряжи имѣетъ 250 англійскихъ или 54 географическихъ мили. Изъ этой пряжи ткутся кисеи, которыя такъ нѣжны, что ихъ почти нельзя ощупать, а пряжа такъ тонка, что ее едва видишь. Нѣкоторыя ткани совершенно прозрачны, такъ что императоръ Аурунгцебръ рекомендовалъ ихъ на одномъ придворномъ праздникѣ своей дочери для того, чтобъ ея одежда обрисовывала какъ можно явственнѣе формы ея тѣла, а она съ дѣвическою стыдливостью оправдывалась тѣмъ, что на ней надѣто семь платьевъ одно сверхъ другаго. Разсказываютъ даже, что одна корова проглотила нѣсколько аршинъ такой драгоцѣнной ткани, лежавшей на лугу для бѣленья, потому что не замѣтила ее, до такой степени роса сдѣлала ее прозрачною. Самыя тонкія ткани перевозятся въ бамбуковыхъ стволахъ и въ одинъ такой стволъ укладывается 22 квадратныхъ ярда въ 18 дюймовъ длины и одного дюйма въ поперечникѣ. Одинъ персидскій посланникъ привезъ въ подарокъ своему шаху изъ Индіи кокосовую скорлупу, заключавшую въ себѣ повязку для тюрбана въ 90 футовъ длины. Есть такіе сорта, въ которыхъ 4 квадратныхъ ярда вѣсятъ ссего 556 гранъ, меньше чѣмъ 2 ³/₄ лота. Индѣйскій музеумъ въ Лондонѣ заключаетъ въ себѣ не меньше, какъ около тысячи различныхъ образцовъ индѣйскихъ тканей для того, чтобы дать англійскимъ фабрикантамъ возможность подражать имъ, если только это можетъ быть исполнено помощію нашихъ станковъ. Было время — да еще не такъ-то давно—когда Англія получала въ большемъ количествѣ индѣйскія ткани нисшаго сорта. Противъ ввоза этихъ тканей неоднократно возставали, упрекая ихъ въ томъ, что онѣ только тѣнь чего-то полезнаго. А между тѣмъ главное различіе между индѣйскими и европейскими тканями состоитъ въ томъ, что самыя тонкіе европейскіе муслины очень непрочны, тогда какъ даккскія, хотя и много тоньше, но крѣпче и прочнѣе. Это объясняется тѣмъ, что даккская пряжа, приготовляемая руками гораздо плотнѣе ссучена и сжата. Точно также и насчетъ шалей, ковровъ и вышиванья Англія, считающаяся образцомъ промышленнаго государства, не можетъ помѣряться съ Индіей. Такимъ образомъ индѣйскія хлопчатобумажныя издѣлія удержали за собою и теперь, точно также какъ и въ древности, славу почти невѣроятныхъ произведеній, хотя снаряды, помощію которыхъ онѣ приготовляются такъ просты, что напоминаютъ о младенчествѣ человѣчества.

Образецъ для вынужденныхъ рекомендательныхъ писемъ. Извѣстно, что *Франклинъ* былъ нѣсколько времени посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ. На такомъ посту человѣку приходится зачастую имѣть дѣло съ такими докучливыми притязаніями, что для удовлетворенія ихъ съ соблюденіемъ нѣкоторой вѣжливости требуется не мало дипломатической ловкости. Къ Франклину особенно часто обращались за рекомендательными письмами для переселенцевъ и притомъ такіе люди, которыхъ онъ и въ глаза никогда не видалъ. Для такихъ случаевъ онъ написалъ образцовое письмо, которымъ пользовался каждый разъ, какъ не могъ иначе отдѣлаться отъ просителя. Вотъ это письмо:

«Парижъ.... 17...

Милостивый государь! Податель сего, отправляющійся въ Соединенные Штаты, пристаетъ ко мнѣ, чтобъ я далъ ему рекомендательное письмо, между тѣмъ какъ я не знаю его даже по имени. Это, можетъ быть, покажется вамъ странно, но увѣряю васъ, что тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Случается зачастую, что кто нибудь приводитъ ко мнѣ для этой цѣли другаго, котораго я точно также не знаю; иногда они взаимно рекомендуютъ себя. Что касается до подателя этого письма, то насчетъ его свойствъ и его образованія вы должны справиться у него самого, такъ какъ онъ знаетъ это лучше, чѣмъ я. Я прошу однакоже для него того вниманія, на которое имѣетъ законныя права каждый чужестранецъ, о которомъ мы не знаемъ ничего дурнаго; да я не сомнѣваюсь, что вы окажете ему всѣ тѣ одолженія и услуги, какихъ онъ окажется достоинъ при болѣе близкомъ знакомствѣ. Честь имѣю быть и т. д.».

По поводу женскаго вопроса. Поборницамъ такъ называемаго женскаго вопроса конечно интересно будетъ узнать, что въ Европѣ есть вполнѣ цивилизованный народъ, у котораго женскій вопросъ «разрѣшенъ» на дѣлѣ и женщина равноправна во всѣхъ отношеніяхъ съ мужчиною. Именно Баски, народъ, живущій на западныхъ склонахъ Пиренеевъ, частію подъ испанскимъ, а частію подъ французскимъ владычествомъ, въ числѣ 800,000 душъ, сохранили до сихъ поръ свои собственные обычаи и права и признаютъ такія же права за женщинами, какъ и за мужчинами. Конечно и тамъ женщина принимаетъ участіе въ полевыхъ работахъ, а испанскіе баски даже утверждаютъ, что никогда земля не бываетъ такъ хорошо воздѣлана, какъ тогда, когда мужчины уходятъ на войну, вслѣдствіе чего сельское хозяйство переходитъ въ руки женщинъ. Въ порядкѣ наслѣдованія баски строго держатся права первородства, и старшій сынъ или старшая дочь наслѣдуютъ все—а меньшіе братья и сестры уходятъ съ пустыми руками. Подобная наслѣдница само собою разумѣется—превосходная партія. Если она выйдетъ замужъ или, лучше сказать, если она сочетается бракомъ, то не только главою семейства бываетъ она — положеніе, обозначаемое иногда особою одеждою — но еще ея мужъ никогда не будетъ имѣть даже личной самостоятельности. Это простирается такъ далеко, что онъ *теряетъ свою фамилію и долженъ принять фамилію своей жены.* Надъ такою женою мужъ не имѣетъ никакого права и никакой власти; онъ не можетъ позволить своимъ сыновьямъ оставить «материнскій домъ»—это принадлежитъ только женѣ А если она оставитъ его вдовцомъ, то теща, если только она жива—по крайней мѣрѣ въ Барежѣ, гдѣ ткутся газообразныя ткани—имѣетъ больше права надъ дѣтьми, чѣмъ отецъ! Онъ не можетъ ни управлять ихъ состояніемъ, ни дѣйствовать въ качествѣ хозяина дома; безъ согласія достойной тещи онъ не можетъ ввести въ домъ другую жену, а въ Сулѣ, гдѣ, правда, супругъ получаетъ четвертую часть наслѣдства, онъ безъ согласія тещи не можетъ ввести вторую жену даже въ этотъ принадлежащій собственно ему участокъ. Вообще этотъ Суль настоящее эльдорадо для женщинъ, потому-что дочь-наслѣдница признается тамъ уже на пятнадцатомъ году совершеннолѣтней. Да, въ этой мѣстности даже магистратура у нѣкоторыхъ благородныхъ фамилій наслѣдственна и притомъ для *обоихъ* половъ. Тамъ титулъ «госпожа совѣтница» имѣетъ полное и настоящее значеніе. Впрочемъ сельскія дамы не пользуются лично этимъ правомъ, но передаютъ его своему старшему сыну или успѣваютъ укрѣпить его за своимъ супругомъ, если только этотъ послѣдній окажется достойнымъ такой чести.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

21-го мая (2-го іюня), Его Величество Государь Император, послѣ семейнаго обѣда въ Шенбрунѣ изволилъ быть съ Императоромъ Австрійскимъ въ театрѣ, послѣ чего Ихъ Величества, а также Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Государыня Великая Княгиня Цесаревна, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, эрцгерцоги и иностранные принцы изволили почтить своимъ присутствіемъ раутъ, бывшій у русскаго посланника при Австрійскомъ Дворѣ, тайнаго совѣтника Новикова.

22-го мая (3-го іюня), былъ большой обѣдъ и балъ въ Шенбрунскомъ замкѣ. Въ теченіе дня Его Величество Государь Императоръ изволилъ посѣтить Короля Бельгійцевъ, Великаго Герцога Саксонскаго и всѣхъ эрцгерцоговъ.

24-го мая (6-го іюня), Его Величество Государь Императоръ изволилъ посѣтить всемірную выставку. Его Величество удостоилъ подробно осматривать русскій отдѣлъ выставки, которымъ изволилъ остаться совершенно довольнымъ.

26-го мая, въ 5 часовъ пополудни, Его Величество изволитъ отбыть въ Штутгартъ.

Императорская паровая яхта „Штандартъ", съ Августѣйшими Дѣтьми Государя Наслѣдника Цесаревича, Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ и Георгіемъ Александровичами, отправилась, какъ сообщаютъ въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ", 18-го мая, въ 3½ часа пополудни, въ *Копенгагенъ*, въ сопровожденіи 16-ти пушечнаго броненоснаго фрегата „Севастополь". Въ Кронштадтъ Ихъ Императорскія Высочества прибыли въ 2 часа пополудни, на Императорской паровой яхтѣ „Александрія", подъ брейдъвымпеломъ Великихъ Князей, въ сопровожденіи паровыхъ яхтъ „Нева" и „Стрѣльна". По прибытіи на Восточный рейдъ яхта „Александрія" стала на якорь, и Ихъ Высочества переѣхали на Императорскую яхту „Штандартъ", гдѣ были встрѣчены главнымъ командиромъ порта, вице-адмираломъ П. В Козакевичемъ и исправляющимъ должность начальника Штаба. Въ 3½ часа „Штандартъ" снялся съ якоря и направился въ море, а паровыя яхты „Александрія", „Стрѣльна" и „Нева" возвратились въ Петербургъ.

18-го мая мая въ три часа пополудни, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ прибылъ — какъ сообщаютъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" — въ *Николаевъ*, посѣтилъ соборъ и, по принятіи во дворѣ флотскаго почетнаго караула, принималъ адмираловъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей.

23-го мая, въ 11 часовъ утра, Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, Государыня Великая Княгиня Александра Петровна и Государи Великіе Князья Николай и Петръ Николаевичи изволятъ выѣхать на лѣтнее время въ село Знаменское.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшія повелѣнія.

По представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ, Государь Императоръ, 24-го апрѣля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить учрежденія Русскаго Кредитно-Строительнаго Общества подъ названіемъ „Строитель", причемъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія Уставъ означеннаго Общества.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на производство адмираламъ, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и классымъ чинамъ строеваго состава флота добавочныхъ столовыхъ денегъ, начиная съ двадцать перваго числа текущаго мая мѣсяца.

Приказъ по артиллеріи Его императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера.

(2-го мая 1873 г. № 49).

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, отъѣзжая на Кавказъ, предписываю, согласно приказу по артиллеріи отъ 9-го прошедшаго марта, за № 28, и на основаніи 329 ст. I кн. Св. Воен. Пост. 1869 года, вступить въ исправленіе должности Генералъ-Фельдцейхмейстера, впредь до возвращенія изъ отпуска Товарища Моего, Генералъ адъютанта Базанцова, завѣдывающему Главнымъ Артиллерійскимъ Управленіемъ, генералу-отъ-артиллеріи Драке.—

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ заключеніе Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ о введеніи проживающихъ въ Витебской губерніи панцырныха бояръ въ общій составъ сельскихъ или городскихъ обывателей, *мнѣніемъ положилъ*: для окончательнаго слиянія проживающихъ въ Витебской губерніи панцырныхъ бояръ съ прочими сельскими и городскими обывателями постановить слѣдующія правила.

1) Панцырные бояре перестаютъ образовывать изъ себя особое сословіе и входятъ въ общій составъ сельскихъ, или городскихъ обывателей, на основаніяхъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ. (слѣдуютъ пункты 2, 3, 4 и 5).

6) Съ изданіемъ настоящихъ правилъ, всѣ до нынѣ дѣйствующія о панцырскихъ бояpахъ узаконенія, заключающіяся въ ст 872—885 т. IX и въ другихъ статьяхъ Свода Законовъ, отмѣняются.

Его Императорское Величество, 27-го марта 1873 г., изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Туркестанская телеграфная линія доведена въ настоящее время до Ауліэ-Ата, въ которомъ открытъ пріемъ депешь внутренней корреспонденціи.

Французско-американскій кабель, поврежденный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года, въ настоящее время исправленъ, вслѣдствіе чего корреспонденція съ Америкою снова передается по двумъ кабелямъ, уложеннымъ между Европою и Америкою.

24-го апрѣля въ Курской губерніи *выданы послѣднія владѣнныя записи* и тѣмъ закончено опредѣленіе земельныхъ отношеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ этой губерніи, по правиламъ Высочайшаго указа, 24-го ноября 1866 года послѣдовавшаго.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ *Харьковѣ* устроенъ былъ 4-го мая спектакль въ пользу народныхъ школъ. Спектакль этотъ далъ сбора 572 р., сверхъ того пожертвовано 21 руб.; израсходовано, на наемъ оркестра, прислуги, на освѣщеніе и проч. 269 р., и затѣмъ поступило въ кассу общества Грамотности 324 р.

СТАТИСТИКА.

Грамотность между крестьянами Архангельской губерніи распространена вообще чрезвычайно мало. Есть не только селенія, но и цѣлыя волости, гдѣ нельзя найти ни одного грамотнаго, такъ какъ на 98 волостей съ населеніемъ въ 105982 ревизскихъ душъ существуетъ только 55 сельскихъ училищъ; слѣдовательно 1 училище приходится на 1.927 душъ мужскаго пола, притомъ живущихъ въ разныхъ селеніяхъ, раскинутыхъ на необозримыхъ пространствахъ губерніи.

Въ *Харьковѣ* по произведенной 25-го марта однодневной переписи оказалось 97.000 жителей.

МОРЕПЛАВАНІЕ.

Броненосное судно „Новгородъ", оконченное постройкою въ Николаевскомъ портѣ, первый черноморскій броненосецъ по словамъ „Никол. Вѣстн.", будетъ смѣло конкурировать со многими броненосцами нынѣшнихъ флотовъ. Онъ будетъ располагать сильными боевыми средствами 2 видовъ: двумя 11-ти-дюймовыми орудіями и четырьмя подводными взрывчатыми минами.

ТОРГОВЛЯ.

Въ Варшавѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, въ непродолжительномъ времени будетъ открыто общество торговыхъ маклеровъ; проектъ устава этого общества уже обработанъ въ окончательной формѣ и на-дняхъ будетъ отправленъ въ Петербургъ, въ министерство юстиціи, на утвержденіе.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Въ Крестецкомъ уѣздѣ, въ имѣніи г. Гофмана, построенъ Н. П. Мельниковымъ заводъ для выдѣлки древесной массы; для этого приспособлено два постава водяной мельницы. Заводъ открылъ дѣйствія 15-го апрѣля; онъ ежедневно перерабатываетъ десять пудовъ массы, пудъ которой въ Петербургѣ стоитъ 1 р. 50 к.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

О состояніи *Бресто-Кіевской желѣзной дороги* корреспондентъ „Русскаго Инвалида" сообщаетъ въ эту газету: Линія этой дороги находится почти въ совершенно оконченномъ видѣ; рельсы давно положены на всемъ пути; осталось только подсыпать балластъ на всемъ, еще не открытомъ для движенія пути дороги и закончить внѣшнюю отдѣлку станцій.

Изъ Калужской губерніи. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ генералъ-маіоръ С. И. Мальцовъ устроилъ небольшой *паровозъ*, который совершаетъ рейсы между селами Людиновымъ и Сукремлемъ *по шоссейной дорогѣ безъ рельсовъ:* труба паровоза снабжена колпакомъ, въ предупрежденіе опасности отъ искръ.

МУЗЫКА.

Любовь къ музыкѣ и серіозное занятіе ею въ послѣднее время замѣтно развиваются въ Тифлисѣ. Здѣсь *при классической гимназіи находится оркестръ*, состоящій исключительно изъ учениковъ гимназіи. Въ составъ оркестра входятъ деревянные и мѣдные инструменты, много скрипокъ, фортепіано, віолончель и даже контрабасъ. Недавно, пишутъ въ газетѣ „Кавказъ", оркестръ этотъ, въ числѣ 25 челов., участвовалъ въ одномъ музыкальномъ вечерѣ. Ensemble былъ выдержанъ съ большимъ умѣньемъ; программа была обширная и очень разнообразная.

ТЕАТРЪ.

Газета «Lancet» передаетъ слѣдующее происшествіе, случившееся недавно съ г-жой Аделиной Патти въ лондонской итальянской оперѣ. Давали «Динору», гдѣ, въ концѣ втораго акта, героиня проходитъ по мосту, который проваливается подъ нею. Сцена эта подставная и скачекъ дѣлаетъ статистъ, переодѣтый Динорой. Въ это время г-жа Патти, чтобъ дать мѣсто другимъ актерамъ, прислонилась къ кулисѣ, которая опрокинулась, и нога ея попала въ одну изъ щелей платформы. Она упала навзничь, и прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ ее высвободили. Она была принесена въ обморокѣ въ свою комнату, гдѣ ее осмотрѣлъ театральный докторъ Деннoксъ Браунъ. Хотя ушибъ былъ довольно силенъ, но не имѣлъ серіозныхъ послѣдствій и, придя въ себя, г-жа Патти стала переодѣваться для слѣдующаго акта и просила не обращать вниманія на этотъ случай. Она съиграла свою роль до конца съ такимъ-же успѣхомъ, какъ обыкновенно.

НЕКРОЛОГЪ.

23-го мая умеръ въ Миланѣ несторъ итальянской литературы Алессандро Манцони. Онъ родился въ 1784 году. Главный и наиболѣе распространенный его романъ «I promessi sposi» доставилъ ему европейскую извѣстность еще въ двадцатыхъ годахъ. Въ Миланѣ дѣлались большія приготовленія къ торжественному погребенію знаменитаго романиста; принцы Гумбертъ и Амедей присутствовали на похоронахъ.

НЕСЧАСТІЯ.

Въ г. Твери, 14-го мая, въ 6-ть часовъ по полудни, произошелъ пожаръ начавшійся съ прачешной одного купеческаго дома, пожаромъ этимъ истреблено 8 домовъ съ надворными постройками.

По словамъ «Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ деревнѣ Кубековой, Частоостровной волости, Красноярскаго округа, 6-го апрѣля, во 2-мъ часу дня, произошелъ пожаръ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, и къ 7-ми часамъ вечера вся деревня Кубекова, въ которой числится 89 домовъ, сгорѣла, за исключеніемъ оставшихся 12 домовъ, причемъ жители, лишившіеся всего почти имущества и скота, остались безъ всякихъ средствъ къ существованію и разселены по сосѣднимъ деревнямъ.

Корреспондентъ «Голоса» изъ Малоархангельскаго уѣзда сообщаетъ слѣдующее извѣстіе о пожарѣ въ большомъ торговомъ селѣ Куракинѣ. Пожаръ начался въ глухую полночь, въ праздникъ. 38 дворовъ сгорѣли до тла и нѣкоторые пообгорѣли. Скота погибло также очень много, но, что самое важное — сгорѣло трое малютокъ, всѣми забытыхъ въ общей суматохѣ. Одинъ 7-ми-лѣтній мальчикъ, чтобъ спастись отъ огня, залѣзъ подъ печку, но задохся тамъ отъ жара и дыму.

2-го мая въ деревнѣ Юркиной, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи, сгорѣло 75 крестьянскихъ дворовъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

I.

17 мая 1873 года.

Принимая въ соображеніе:

что газета «Искра», несмотря на данное уже ей первое предостереженіе и на воспрещеніе розничной продажи нумеровъ оной, обнаруживаетъ по прежнему вредное направленіе, выразившееся особенно рѣзко въ оскорбляющихъ нравственность статьяхъ, напечатанныхъ въ началѣ №№ 24 и 26 сей газеты,—

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 29 гл. II Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, опредѣлилъ: объявить второе предостереженіе газетѣ «Искра», въ лицѣ редактора, титулярнаго совѣтника Александра Афанасьева (Чужбинскаго) и издателей: коллежскаго секретаря Василія Курочкина и потомственнаго почетнаго гражданина Николая Котомина.

II.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1868 г. положенія Комитета Министровъ и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, 17-го сего мая, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Голосъ».

Въ теченіе мая вышли въ свѣтъ между прочимъ слѣдующія книги:

Тэйлоръ Эдуардъ. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, искуства и обычаевъ. Перев. съ англ. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Т. II.

Дриновъ. М. С. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами.

Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммисіею. Т. VI Вильна.

Шлезингеръ, Владиміръ. Хронологическія таблицы политической исторіи народовъ, ихъ цивилизаціи и литературы. Вып. I, древній міръ и средніе вѣка.

Забѣлинъ, И. Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. Историческія воспоминанія.

Сумароковъ, А. Историческое и научное изслѣдованіе древняго волхвованія, животнаго магнетизма и спиритизма.

Франко-Нѣмецкая война 1870—71. Перев. съ нѣм. А. Риттера и И. Маслова Ч. I. Вып. 1-й. Ц. 1 р.

Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Ц. 40 к.

Рѣчи Цицерова противъ Каталины. Букв. перев. съ лат. Я. Малашева.

Кондараки, В. К. Универсальное описаніе Крыма. Ч. I, Николаевъ.

Сѣверцовъ, Н. Путешествія по Туркестанскому Краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шан.

Русскій Энциклопедическій Словарь. **И. Н. Березинъ.** Отд. I Т. Ш. Б. Вып. I. Спб.

Брандтъ, Э. К. Очерки анатоміи и физіологіи человѣка. 7-я лекція: Нервная система и ея отправленія. Ц. каждой лекціи 25 коп.

Скворцовъ С. А Три царства природы. Естественная исторія (зоологія, ботаника, минералогія) въ примѣненіи къ техникѣ, ремесламъ и промысламъ Ч. 1. Зоологія. Ч. II. Ботаника. Ц. каждой части 1 р. 50 к.

Воиновъ, М. Ученіе объ очкахъ. Ц. 1 р.

Шлейденъ, М. И. Дерево и лѣсъ. Перев. съ нѣм. Ал. Рудзкаго. Ц. 60 к.

Судебные Уставы 20-го ноября 1864 г. съ разъясненіемъ ихъ по рѣш. Кассац. Д—товъ. Изд. 8-е. доп.

Тихоновъ, Е. Волостной судъ и мировой судья въ крестьянскихъ селеніяхъ. Ц. 1 р. 30 к.

Настольная книга для руководства судебныхъ приставовъ, взыскателей, должниковъ и частныхъ лицъ при исполненіи судебныхъ рѣшеній. Ц. 1 р. 50 к.

Квачевскій, А. Судъ присяжныхъ по русскимъ законамъ. Руководство для присяжныхъ засѣдателей. Ц. 1 р. 75 к.

Ивановъ В. А. Уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.

Краткій повторительный курсъ военной администраціи. Изд. А. Ильина.

Никитинъ, В. Н. Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ.

Памятная книжка Херсонскаго Городскаго Общественнаго Управленія Кн. III. Второе полугодіе 1872 г.

Памятная книжка Иркутской губерніи на 1873 годъ.

Памятная книжка Радомской губерніи на 1873 годъ.

Водовозова, Е. Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей. Ц. 2 р.

Перевлѣсскій. П. Предметные уроки по мысли Песталоцци. Ц. 1 р.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ВЕСЕННІЙ СЕЗОНЪ.

МОДЕЛИ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. ТЮНИКИ.				
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлкою	100	—	325	—
» фай и sicilienne	35	—	190	—
» кашемиры, біарицъ	20	—	150	—
» Матер. фантазій, цвѣтовъ réséda, moutarde и друг. съ вышивками, стальными пуговицами и прочими отдѣлками	25	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. ПАЛЬТО. (на шелковыхъ подкладкахъ).				
Изъ Ліонс. бархата коротк. безъ отдѣлки	70	—	100	—
Уличныя безъ отдѣлки	105	—	175	—
Съ богат. отдѣлками	125	—	250	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne безъ отдѣлк.	50	—	95	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne съ богатыми отдѣлками	65	—	150	—
Ліонс. фай на ластикѣ	40	—	60	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. КОФТЫ - ЖАКЕТЫ.				
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлками	50	—	150	—
» » фай	18	—	100	—
» кашемира	15	—	85	—
» драпа велюре монтаньякъ	20	—	65	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. ДОЛМАНЫ.				
Изъ Ліонск. бархата съ роскошн. отдѣлк.	90	—	200	—
» » фай	50	—	125	—
» кашемира, драпа съ богат. вышивками всѣхъ цвѣтовъ	50	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. РОТОНДЫ.				
Изъ Ліонск. узкаго бархату безъ отдѣлки	90	—	140	—
» » » съ богат. отдѣлк.	125	—	195	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ безъ отдѣлки	150	—	200	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ съ отдѣлкою	175	—	250	—
Дра-де-велюръ, монтаньякъ, drap-de-Paris	35	—	75	—
Драпа	20	—	50	—
Англійской 2-сторонней матеріи	20	—	45	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е. БѢЛЫЯ ВЕЩИ.				
Изъ кашемира біаритца съ прошивками, кружевами, вышивками и т. д.	25	—	60	—
Фай, армюра съ богат. отдѣлк.	50	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е. КОСТЮМЫ для комнатъ и прогулокъ самыхъ модныхъ цвѣтовъ.				
Шерстяные	25	—	85	—
Шелковые	95	—	450	—

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. Огромная партія кашемировыхъ черныхъ вышитыхъ платковъ:				
Гладкіе	4	и	доро	же
Вышитые	8	и	доро	же
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е.				
Ковровые платки и шали	20	и	доро	же
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.				
Фай цвѣтной	2	50	5	—
» черный	2	50	12	—
Ліонск. бархатъ	6	50	10	—
Широкій 2-хъ арш. барх. аршинъ	40	—	—	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е. ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французской матеріи	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	2	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивк.	6	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е. НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ШЛЯПЫ (МОДЕЛИ) первыхъ Парижскихъ домовъ.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е. ШЛЯПЫ.				
Касторовыя кругл.	7	—	20	—
Городскія	10	—	25	—
Креповыя	8	—	25	—
Тюлевыя	9	—	30	—
Соломенныя круглыя	7	—	20	—
» городскія	10	—	25	—
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.				
Антука	3	—	8	—
Зонтики	5	50	18	—
Кружевные	8	—	60	—

Требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—7.

Дозволено цензурою 1 Іюня 1873 года Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 11 іюня 1873 года. Годъ IV.

КАВКАЗЪ.

Повѣсть **А. Коптева.**

I.

Кавказъ представляетъ необыкновенное разнообразіе климатовъ. На небольшомъ пространствѣ какой нибудь одной географической мили, — изъ тропическаго жара долины можно черезъ нѣсколько минутъ ходьбы подняться въ тѣнь вѣковыхъ нетронутыхъ лѣсовъ, или достичь пышныхъ горныхъ сѣнокосовъ, съ душистою сочною травою, въ поясъ вышиной, — а если не лѣнь, то легко добраться даже и до покрытыхъ вѣчными снѣгами суровыхъ вершинъ, откуда во всѣ стороны открывается необъятно-далекій и очаровательный видъ, на гигантскіе хребты, свѣтлые потоки, и множество деревень, усадьбъ, садовъ,—и затѣмъ любоваться, какъ

«Между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоитъ всѣхъ выше головой
Казбекъ,—Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.»

При занятіи нашими Грузіи, она была почти пуста и вся покрыта развалинами, отъ свирѣпыхъ опустошеній Турокъ и Персіянъ, почему для размѣщенія нашихъ войскъ, которыхъ негдѣ было расположить въ жилыхъ мѣстностяхъ, необходимо было отвести имъ для устройства штабъ-квартиръ отдѣльныя урочища, гдѣ бы находились въ изобиліи лѣсъ, вода и луга. Понятно, что къ этимъ хозяйственнымъ соображеніямъ конечно присоединялось еще желаніе наиболѣе благопріятныхъ условій и въ гигіеническомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что даже до сихъ поръ, жители Тифлиса на лѣто бѣгутъ отъ удушливаго зноя въ ближайшіе полковые штабы, «на легкій воздухъ» по мѣстному выраженію, также какъ изъ Петербурга всѣ лѣтомъ выѣзжаютъ на дачи.

Когда-то нѣсколько семействъ жили на Тетри-Цхали. Тетри-Цхале не обрѣтается на картахъ Грузіи и не значится въ дизлокаціи войскъ Кавказской арміи. Тѣмъ удобнѣе мы можемъ расположить эту романическую штабъ-квартиру, на возвышенномъ плато, у подножія Лысой горы, на живописной рѣчкѣ текущей въ Алазань.

Всѣ штабъ-квартиры на Кавказѣ имѣютъ скорѣе видъ

мѣстечка, нежели казармъ. Такъ какъ они строились и меблировались нижними чинами собственноручно, то понятно что въ нихъ не было зданій очень обширныхъ, а напротивъ, они представляли рядъ построекъ весьма незначительныхъ размѣровъ, разбросанныхъ по удобству мѣстности, которыя легче возводить и поправлять смотря по надобности. Это приносило солдатамъ ту пользу, что они дѣлались гораздо практичнѣе и научались разнымъ мастерствамъ,—отчего, по отставкѣ, многіе изъ нихъ оставались тамъ же на поселеніи, строили себѣ домики, которые отдавали въ наймы семейнымъ офицерамъ, и занимались различными ремеслами, заведясь семьею и хозяйствомъ.

Для холостыхъ и молодыхъ офицеровъ обыкновенно въ этихъ штабахъ имѣлся офицерскій флигель, т. е. домъ съ нѣсколькими отдѣльными комнатами и общей большой залой. Дома эти назывались въ шутку Топиловками, Забѣгаевками, и т. п. Въ Тетри-Цхалѣ дамы называли офицерскій флигель *сумасшедшимъ домомъ*, потому что оттуда всегда неслись шумъ, смѣхъ, пѣсни, и тамъ вѣчно были карты, глентвейнъ, а иногда кто нибудь и верхомъ прямо въѣзжалъ въ середину залы и дирижировалъ барабаннымъ хоромъ, среди бѣла дня.

Былъ іюнь, четыре часа послѣ обѣда. Зной доходилъ до 49 въ тѣни по Реомюру. Молчаніе и тишина—изумительныя для уха, непривычнаго къ полному засыпанію жизни въ подобное время, подъ 37 градусомъ сѣверной широты. Хоть бы чирикнула какая нибудь птичка! Хоть бы змѣя шевельнула засохшую траву! Ничего. Ничего! Совершенное отсутствіе движенія на урочищѣ Тетри-Цхалѣ.

Но не всегда духъ человѣка подчиняется спокойствію природы.

Въ небольшой чисто-выбѣленной комнаткѣ сумасшедшаго дома, въ которой стояли двѣ желѣзныя кровати, находились два офицера. Одинъ, Исаевъ, лѣтъ 30-ти, съ рябоватымъ, обросшимъ густыми бакенбардами лицомъ, съ сѣрыми и чрезвычайно быстрыми глазами и свѣтлорусой курчавой головой, лежалъ въ самой легкой одеждѣ, закинувъ обѣ руки подъ затылокъ. Другой, очень красивый и статный брюнетъ, въ бѣломъ кителѣ, мѣрно шагалъ діагональю, страшно дымилъ трубкой, и изрѣдка самодовольно улыбался. Ему было повидимому лѣтъ около 22-хъ. На коврѣ на полу лежала охотничья собака Бехо—въ томъ положеніи, которое ясно говоритъ, что она не знаетъ куда дѣваться отъ жары, — слыша шаги хозяина, иногда лѣниво чуть-чуть раскрывала свои глаза, и стукнувъ по полу разъ или два хвостомъ, опять предовалась полному успокоенію.

— Охота тебѣ, Сталинъ, маячить взадъ и впередъ! сказалъ наконецъ Исаевъ.—Вѣдь посмотри пожалуйста, даже и собакѣ лѣнь хвостомъ махнуть. Что ты совсѣмъ что-ли ужь влюбился? Надоѣлъ право. Приткнись хоть куда нибудь, если самъ спать не хочешь.

— Влюбленъ? Вотъ вздоръ! Я не могу влюбиться, и совсѣмъ не влюбленъ, вспыхнувъ какъ маковъ цвѣтъ отвѣчалъ Сталинъ.

Исаевъ засмѣялся.—Отчего же это—ты не можешь влюбиться? сказалъ онъ.—Шибко жилъ, что ли? Прошолъ огонь воду и мѣдныя трубы?

— Ты вѣчно вздоръ говоришь, Исаевъ! Я совсѣмъ не оттого, чтобы я уже отжилъ,—а въ кого же? Тутъ не въ кого. Вотъ отчего я сказалъ..

— Не въ кого? А Анна Александровна на что? А Марья Петровна? А княжна Мелани?

— Помилуй, онѣ только что на мѣсяцъ какой нибудь пріѣхали, и что же ты меня способнымъ считаешь влюбиться немедленно, не узнавши женщину, точно я будто первой юбкѣ обрадовался?

— Ну, этихъ пожалуй я тебѣ подарю. А развѣ нельзя во что нибудь считать роскошныхъ волосъ и плечь, и чудной пары глазъ на античномъ личикѣ Александры Николаевны? Не финти, братъ Сталинъ! Меня не надуешь! только я тебѣ скажу, что она тебя непремѣнно надуетъ по вдовьей совѣсти.

Александра Николаевна была вдова одного штабъофицера, убитаго подъ Талитлемъ.

При имени ее Сталинъ окончательно сконфузился и разсердился.

— Меня удивляетъ такое предсказаніе съ твоей стороны, отвѣчалъ онъ.—Я люблю говоритъ съ ней, потому что она умна и очень мила и любезна; но чтобы она была способна къ обману... стыдно Исаевъ такъ говоритъ про женщину, которой ты хорошо не знаешь.

— Посмотримъ однако, кто изъ насъ лучше знаетъ? Потолкуемъ немного. Александрѣ Николаевнѣ сколько лѣтъ? 25 коли не болѣе. Что жь ты думаешь, развѣ она будетъ вѣкъ сидѣть вдовой? да что жь она будетъ дѣлать не имѣя дѣтей? Тебѣ сколько лѣтъ? Съ небольшимъ 22? Пара ли ты ей? Кромѣ того, она имѣетъ извѣстное положеніе и пенсіонъ за смерть мужа, а ты что? Какое ты можешь ей положеніе доставить? Быть счастливымъ съ ней безъ брака? Извини, братъ, она не захочетъ этого никогда. Она для этого слишкомъ умна..

— Скажи лучше, слишкомъ честна.

—Просто, слишкомъ умна, повторилъ Исаевъ,—потому что для нея это значило бы сжечь свою будущность для твой потѣхи какъ старую бумажку. Предположи же теперь, что ей выпадетъ подходящая партія, и скажи мнѣ: что она съ тобой сдѣлаетъ? Ясно, что дастъ тебѣ чистую, просто таки исключитъ изъ своей службы.

— Развѣ она сама не можетъ полюбить меня?

— Тѣмъ хуже! тогда надувательство выйдетъ самое непритворное, потому что ты будешь завлеченъ еще больше, а она все-таки очнется скорѣе тебя и бросится на первую возможность брака, чтобы только самой спастись отъ твоей любви. Пошевели-ко мозгами!.... Втеченіи этихъ разсужденій Исаева, Сталинъ сѣлъ на свою кровать и облокотясь на столъ рукой, такъ чтобы закрыть ею свое лицо,—задумался.

— Какіе мы пустяки говоримъ! сказалъ онъ.—Вовсе я не влюбленъ въ Александру Николаевну, да и она вѣрно лежитъ теперь въ одной блузѣ, нѣжится себѣ, а объ насъ даже и помышлять не думаетъ. Сегодня впрочемъ я можетъ быть увижу ее. Я постараюсь быть съ ней какъ можно похолоднѣе и равнодушнѣе. Тѣмъ все и кончится.

— Пріударь-ка ты лучше за другими, Сталинъ. Клинъ надо клиномъ выбивать. Дѣло-то чище будетъ.

— Никогда! да и нечего мнѣ выбивать.

— Ну смотри, будешь меня вспоминать да поздно.

Исаевъ лѣниво потянулся и сталъ набивать трубку.

Сталинъ надѣлъ фуражку, кликнулъ Бехо, и вышелъ изъ дома.

Сталинъ былъ съ 16-ти лѣтъ, изъ Московскаго дворянскаго пансіона, выпущенъ на свою волю. Онъ былъ остроуменъ и учился легко, въ Москвѣ бывалъ принимаемъ въ хорошемъ обществѣ, — видѣлъ свѣтъ, угощалъ въ новотроицкомъ трактирѣ многихъ изъ студентовъ университета, куда и самъ желалъ опредѣлиться но волею судебъ не поступилъ, а безъ всякихъ средствъ, по недостатку презрѣннаго металла, опредѣлился юнкеромъ на Кавказъ. При Шамилѣ Кавказъ былъ обѣтованная земля для умныхъ, рѣшительныхъ людей. Безпрестанные набѣги горцевъ съ одной стороны и экспедиціи противъ нихъ съ другой давали случай быстро выслуживаться даже разжалованнымъ, не говоря уже о блестящихъ карьерахъ людей даровитыхъ, подобныхъ Пассеку и др. То былъ какъ бы приготовительный классъ практическаго изученія войны—выпускавшій опытныхъ кандидатовъ на случай войны европейской. Общительный и добрый характеръ, высшее образованіе—противъ той среды, гдѣ онъ находился,—свѣтскій лоскъ, самолюбіе и храб-

рость въ дѣлахъ противъ непріятеля, скоро доставили Сталину офицерскій чинъ и квартиру въ сумасшедшимъ домѣ на Тетри-Цхалѣ. Въ полку его любили, за то что никто такъ беззаботно не проигрывалъ въ карты, не давалъ такъ легко денегъ въ займы безъ отдачи, если таковыя случались, не былъ всегда такъ готовъ выручить изъ бѣды или замѣнить на службѣ товарища, и наконецъ ни кто болѣе его не былъ душою общества во всѣхъ холостыхъ и дамскихъ собраніяхъ. Дамы даже, безъ зазрѣнія совѣсти, всѣ до единой называли его своимъ рыцаремъ.

Но въ дѣлѣ любви, тѣмъ не менѣе, Сталинъ было еще неопытенъ. Ему еще ни разу не доводилось быть серіозно влюбленнымъ въ порядочную женщину, что какъ извѣстно такъ необходимо молодому мужчинѣ для того чтобы наконецъ сдѣлаться и самому порядочнымъ человѣкомъ. Сердце его, хотя неяснымъ языкомъ, но—тоскливо просило, жаждало любви и

Боже! Какъ играли страсти
Его неопытной душой!

Когда среди прелести южной роскошной природы, юныя и свѣжія мечты, весело играя, какъ свѣтъ по водяной глади,—представляли ему какія нибудь свѣтлые ласкающіе образы; оказалось, что въ окончательной формѣ они съ нѣкотораго времени вообще все рѣзче и рѣзче стали для него выясняться въ видѣ Александры Николаевны.

II.

Лѣтъ за 9 до начала нашего расказа, въ Тифлисѣ, около Св. Давида, въ небольшой низенькой комнаткѣ, на одинокой кровати въ бреду метался умирающій больной. Онъ просилъ льду. Но льду не было; а вмѣсто него отвѣсные лучи солнца, жгучимъ потокомъ падали на плоскую землянуя крышу, по которой бѣгали и дрались скорпіоны. Въ маленькой комнаткѣ, занавѣшенной тонкой кисеей на окнахъ, въ предохраненіе отъ мошекъ и мустиковъ, и закрытой ставнями отъ свѣта, въ углу въ золотой оправѣ висѣлъ образъ Богоматери нечаянныя радости, передъ которымъ теплилась лампадка, и склонялась головкой до земли, стоя на колѣняхъ и обливаясь горькими слезами, дѣвушка лѣтъ 17-ти, въ кисейной блузѣ, съ распущенною косой. Дѣвушка эта уже нѣсколько дней не смыкала глазъ и постоянно ходила за своимъ умирающимъ отцомъ, перемѣняя ему на головѣ примочку изъ распайлевой воды, и наблюдая часы когда нужно было давать ему лекарство, преимущественно солянуя кислоту, или освѣжать ему ротъ глотками лимонада.

Яркій свѣтъ изъ другой комнаты вдругъ ворвался сквозь полурастворенную дверь.

— Саша, Шурочка! крикнулъ слезливой голосъ пятилѣтней дѣвочки,—посмотри пожалуста!

Дѣвушка быстро встала, неслышными шагами вышла въ другую комнату, изъ которой раздавались звуки, и притворила за собою дверь.

— Вѣрочка! сказала она сестрѣ,—ты вѣчно шумишь! Папа нездоровъ, а ты не можешь одна поиграть съ своей куклой!

— Что-же дѣлать когда она изломалась? отвѣчала дитя.—Вотъ смотри, рука совсѣмъ отстала! и вся труха высыпалась...

— Хорошо, я тебѣ починю твою куклу, только пожалуста сиди смирно и играй на полу на коврѣ, и не сходи съ него, понимаешь?

Дитя съ радостными глазками, въ которыхъ еще видны были слезы, обняло сестру.

Александра Николаевна (это была она) собрала на коверъ всѣ игрушки сестры, потомъ взяла съ фортепьяно небольшую бонбоньерку служившею ей вмѣсто шкатулки, достала оттуда сургучъ, зажгла свѣчку, и склеивъ руку куклы, подавая ее сестрѣ сказала: „ну вотъ тебѣ, сиди только смирно пожалуста, Вѣрочка, пока я опять не приду. Господи! сказала она, окинувъ взоромъ комнату и смотря на другую дверь изнутри запертую крючкомъ,—что это Федосья нейдетъ! Хоть-бы вернулась скорѣе! Правда и то: вѣдь далеко. Шуткали по эдакой жарѣ старухѣ на Навтлугъ съѣздить! Да еще найдетъ-ли она дома Адама Ивановича...

Адамъ Ивановичъ былъ докторъ, лечившій больнаго.

Больной тоже былъ докторъ, Николай Павловичъ Мизерандскій. Федосья была солдатка, хозяйка дома, въ которомъ жилъ умирающій, и постоянно прислуживала ему и его семейству.

Снаружи постучали въ дверь.

Александра Николаевна быстро откинула крючокъ, и на порогѣ показалась съ повязаною головой, старуха въ чорномъ салопѣ, съ строгимъ морщинистымъ и озабоченнымъ лицомъ.

— Что, Федосьюшка?

— Плохо, мой свѣтикъ. Адамъ Иванычъ сказалъ, что завтра онъ завернетъ, а теперь нечего ѣздить. Онъ сказалъ, что завтра онъ будетъ нужнѣе вамъ, а больному будетъ совсѣмъ хорошо.

Александра Николаевна поняла, что это былъ неотразимый смертный приговоръ, и поняла многія наставленія своего отца, когда находясь еще въ памяти при началѣ болѣзни онъ поручалъ ей беречь Вѣру, а самъ настойчиво требовалъ чтобы его причастили.

— Льду купила на майданѣ, да шутка-ли, азіаты проклятые:—по абазу за фунтъ содрали, чтобъ имъ пусто было! прибавила Федосья, снимая салопъ и кладя на столъ кусокъ льду, завернутый въ мокрый платокъ.

— Ну, слава Богу! сказала крестясь Александра Николаевна,—хорошо что мы его причастили! и взявъ ледъ, пошла къ своему отцу.

— Няня! няня! смотри что безъ тебя здѣсь было, сказала Вѣрочка, подбѣгая къ Федосьѣ.—Чуть было несчастіе не случилось. Ахъ какъ я перепугалась! Кукла мою руку сломала, да Саша спасибо скоро поправила. Ахъ, какъ я испугалась!

— Касаточка, куколка ты моя милая, говорила крестя и цѣлуя ее старуха,—и не эдакія несчастія Богъ посылаетъ да излечиваетъ! Вотъ я тебѣ принесла гостинца. Поподчуй имъ свою куклу. Федосья дала ей апельсинъ и стала прибирать кое что по хозяйству.

Николай Павловичъ Мизерандскій былъ сынъ соборнаго протопопа, извѣстнаго промышленнаго города Славно-Градска. Родитель его былъ человѣкъ истинно вѣрующій и умный. Названіе Мизерандскаго носилъ отецъ Павелъ не потому чтобы оно было его родовое (такъ какъ русскому человѣку никакъ сами собою не могли-бы залѣзть въ голову латинскія прозванія: Мизерандскій, Беневоленскій, Сперанскій, Бенескриптовъ и подобныя тому порожденія схоластицизма), но потому что отецъ Павелъ, при отдачѣ его въ семинарію, не носилъ никакой фамиліи—и тамъ требованія современныхъ понятій заставили ему дать непремѣнно латинскую, кличку по жеребью. Выпала ему—Бенедиктинскій. На несчастіе оказалось, что въ Римской церкви есть Бенедиктинскій орденъ монаховъ. Желая избѣгнуть тѣни еретичества, ректоръ семинаріи нашелъ что имя будто не подходящее, и подумалъ: бѣдный мальчикъ! не имѣешь даже и православнаго имени по латынѣ.

— О, miseres! воскликнулъ онъ громко.

— Какъ-съ? Мизересомъ назвать прикажете? спросилъ письмоводитель.

— Да, напиши: Мизерандскій, порѣшилъ ректоръ.— Поди сюда, Мизерандскій!

Мальчикъ подошелъ. Отецъ его, дьячекъ села Стрижева, что на Окѣ, Подгребайлово тожь, со страхомъ, надеждою и любовью смотрѣлъ издали на ректора и радовался. «Слава Богу! думалъ онъ,—приняли моего

сына!» До фамилiи его не было ему никакого дѣла, и для Мизерандскаго началась извѣстная школа.

Въ послѣдствiи однако, будучи уже протоiереемъ въ Славноградскѣ, онъ избралъ для своего сына Николаши другую стезю. Онъ отдалъ его въ гимназiю, а тамъ въ московскiй университетъ по медицинскому факультету. Николай Павловичъ учился съ любовiю къ наукѣ и труду. Кромѣ специальныхъ занятiй, прилежно слушалъ и многiя постороннiя лекцiи извѣстныхъ профессоровъ. Большое влiянiе имѣлъ на него въ особенности Грановскiй. Кроткiй, веселый и услужливый нравъ молодою Мизерандскаго сильно привлекалъ къ нему многихъ изъ его товарищей студентовъ, и одинъ изъ нихъ доставилъ ему мѣсто на время лѣтнихъ вакацiй, въ семействѣ богатаго графа Мастодонтова, съ тѣмъ чтобы заниматься лѣтомъ съ его сыномъ въ деревнѣ и подготовлять его къ гимназическому экзамену. Въ этомъ почтенномъ семействѣ Мизерандскiй имѣлъ случай познакомиться съ прiемами и взглядомъ на вещи всего высшаго общества древней столицы. Онъ такъ-сказать вновь воспитался и вообще вынесъ изъ университетской своей жизни образованiе основательное и многостороннее. По окончанiи курса, Мизерандскiй оставался нѣсколько времени въ Москвѣ, и имѣлъ хоть и не очень значительную практику, но достаточную для того чтобы существовать не богато и не бѣдно. Свободное время употреблялъ онъ на развитiе въ себѣ эстетическаго чувства. Посѣщалъ музеи, галлереи и библiотеки. Думалъ съѣздить и въ Петербургъ для этой же цѣли, но ждалъ случая. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, и поѣздки обходились дорого и были дѣломъ труднымъ. Случай этотъ такъ и не представился, а представился, другой,—женитьба.

Въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ квартировалъ Мизерандкiй, жила бѣдная дѣвушка, выпущенная изъ московскаго екатерининскаго института и дававшая уроки музыки и пѣнiя. Жила она у своей старой бабушки, бывшей мелкопомѣстною дворянкой, но продавшей какъ свое имѣньице и переѣхавшей въ Москву, гдѣ думала какъ нибудь устроиться съ нею вдвоемъ и тихо жить на капиталъ. Жили такъ онѣ года три, но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ! Пришелъ онъ и для бабушки, которую лечилъ Мизерандскiй по сосѣдству.... Мизерандскiй давно уже замѣтилъ молодую и хорошенькую музыкантшу, а въ Москвѣ не такъ какъ въ Петербургѣ,—хоть умирай за стѣной, ни одинъ сосѣдъ не узнаетъ,—нѣтъ! тамъ сосѣди не только ближайшiе, но даже живущiе по сосѣднимъ городскимъ частямъ досконально знаютъ все что слѣдуетъ о своемъ ближнемъ. Значитъ, въ теченiе трехъ недѣль, которыя прошли во время бабушкиной болѣзни, и докторъ и внучка вполнѣ и легко могли себѣ объяснить другъ друга.

— Благодарствуйте, дорогой Николай Павловичъ, за ваши заботы, сказала внучка, протягивая ему руку, когда воротились съ похоронъ,— я никогда не забуду что вы для насъ дѣлали и сколько я вамъ обязана.

— Вѣрьте, что желанiя было много, Лизавета Александровна, но что же дѣлать? Власть Божiя.

— Всегда и во всемъ, прибавила она.

— Правда. Но что же вы теперь будете дѣлать?

— А что Богъ приведетъ—и сама не знаю.

Кончилось тѣмъ, что Николай Павловичъ съ Лизаветой Александровной, черезъ три или четыре мѣсяца, считая вмѣстѣ съ дорогой,—такъ какъ тогда на выгодныхъ условiяхъ докторовъ вызывали въ Тифлисъ—водворились въ томъ самомъ домикѣ, гдѣ мы въ настоящее время познакомились съ Александрою Николаевною. Отецъ и мать сами занимались своею дочерью. Съ любовью, съ знанiемъ дѣла старались они образовать изъ нее женщину-человѣка, прiучая ее къ труду мысли и труду рукъ, прививая къ ней понятiя о жизни трезвыя, чуждыя преувеличенiй и эгоизма, объясняя ей высокое значенiе вѣры и нравственнаго долга.

— Саша у меня молодецъ будетъ! Человѣкъ-женщина будетъ! говаривалъ потирая себѣ отъ удовольствiя руки Николай Павловичъ, если иногда видѣлъ въ ней какое нибудь движенiе сердца, соединенное съ ясной мыслiю.

— Отчего же, папа, не просто человѣкъ? вѣдь это и всякiй бы могъ сказать или сдѣлать! Всѣ дѣйствуютъ и думаютъ одинаково.

— Нѣтъ, не всѣ, другъ мой. Мужчина дѣлаетъ властiю и силой, а женщина влiянiемъ и обаятельностiю. Всякому свое. Одному мужество, другой—женственность. Обоимъ—доблесть.

— Такъ отчего же не просто—женщина?

— Потому что для этого надо имѣть мужескiй умъ. Да и женщины бываютъ разныхъ разрядовъ. Есть женщины-дамы и женщины-кухарки. Первыя хоть и аристократничаютъ, но по моему чуть ли не хуже другихъ. Нѣтъ! ты у меня человѣкъ-женщина будешь!

И запала въ душу Александры Николаевны эта мысль, имѣть въ женственно прелестной оболочкѣ мужской серiозный и пытливый умъ. Она не выказывала его безъ нужды, чтобы не считали ее педанткой или синимъ чулкомъ, и чтобы не задѣть чужаго самолюбiя. Напротивъ, никто лучше ея не умѣлъ поддѣлываться подъ уровень понятiй тѣхъ, съ кѣмъ ей приходилось говорить или имѣть дѣло.

Взявъ ледъ, она пошла къ своему отцу.

Ледъ приложенный къ темени видимо освѣжилъ его. Онъ поднялъ глаза и неподвижно уставилъ ихъ на дочь.

— Еще! еще! больше льду. Дай мнѣ кусочекъ въ ротъ.

«Можно-ли?» подумала Александра Николаевна: «а впрочемъ, все равно теперь. Будь что будетъ! и взявъ маленькiй кусочекъ, положила ему въ ротъ.

— Саша, прощай! Благословенiе Бога да будетъ на тебѣ и сестрѣ твоей! Береги ее какъ покойница мать. Ты была моей помощницей и все знаешь. Благодарю тебя!.. льду! льду! не плачь, не время, между дѣломъ поплачешь.

— Охъ, слава Богу! сказалъ онъ, проглотилъ еще нѣсколько кусочковъ и впалъ въ забытье. Это было послѣднее, и схоронили его,—и множество бѣдныхъ, которыхъ лечилъ онъ, несли и провожали его до могилы, и осталась 17-ти лѣтняя дѣвушка одна съ пятилѣтней сестрою на рукахъ и старою нянькой своей Федотьевой. Дѣла покойнаго доктора были не блестящи. Въ наличности за его смертiю и похоронами было около 300 рублей да билетъ въ 4 тысячи. Вотъ что имъ осталось обѣимъ. Правда, по билету слѣдовало еще получить проценты за цѣлый годъ.

— Буди Господи воля Твоя! сказала крестясь Александра Николаевна,—слава Богу что еще долговъ нѣтъ. Какъ нибудь проживемъ!.. и она прижала къ груди своей Вѣрочку. Дитя хотя еще и не могло понимать всей тяжести своей потери, но, видя печаль всѣхъ въ домѣ, была тоже печальна,—и когда Александра Николаевна обняла ее, дѣтскiя слезы горячимъ потокомъ капали ей на плечо.—Саша! говорила она,—Саша! а ты все таки люби меня! Что же дѣлать? Когда такъ Богу угодно. Онъ и не такiя несчастiя посылаетъ да излечиваетъ.

— Гдѣ это ты услыхала? смѣясь сквозь слезы спросила Александра Николаевна.

— Няня говорила, когда у меня кукла руку сломала...

Александра Николаевна стала серiозно заниматься съ Вѣрочкой и учить ее. Она хотѣла сама выучиться на ней преподавать, и дѣлала это вспоминая уроки матери, по языкамъ и музыкѣ, и уроки отца, по дру-

Наводненіе. Съ картины Ролланда Рюсси, рисовалъ на деревѣ самъ авторъ, грав. О. Ротъ.

гимъ предметамъ. Она хотѣла достать еще нѣсколько уроковъ, а потомъ завести пансіонъ. Но увы, и тому и другому мѣшали ея собственные, еще слишкомъ юные года, которые препятствовали довѣрію къ ней.

Капитала она ни подъ какимъ видомъ трогать не хотѣла. Прочія средства, какъ ни экономничала Александра Николаевна, истощались. Она прибѣгала къ рукодѣлью. Вышивала по канвѣ, сама рисовала узоры и продавала; часто хорошенькія ботинки ея мелькали на Эриванской площади, близь магазина мадамъ Блоттъ, покупавшей ея работу, и оттуда на армянскій базаръ и потомъ домой, съ огромнымъ кожанымъ сакъ-вояжемъ, куда складывала она всякую провизію, купленную на деньги вырученныя иногда продолжительной работой. Но она не унывала. Даже рѣшилась заняться фотографіей на всякій случай.

Такъ продолжалось года два, до тѣхъ поръ пока одна изъ прежнихъ знакомыхъ ея матери не пригласила ее съ сестрою ѣхать съ нею на легкій воздухъ, на Тетри-Цхале.

Черезъ два мѣсяца въ полковомъ штабѣ прибавилась новая блестящая дама, жена батальоннаго командира подполковника Русанова.

У него былъ тамъ свой домикъ съ хорошенькимъ садикомъ. Александра Николаевна съ чувствомъ необыкновенной радости и любви предалась желанію сдѣлать изъ этого домика—очаровательную дачку.

Въ немъ появились фортепіано, цвѣты, а садъ былъ по возможности расширенъ и засаженъ плодовыми деревьями и кустарниками. Клубника заалѣла на клумбахъ. Дорожки извивались въ англійскомъ вкусѣ. Виноградникъ образовалъ трельяжную бесѣдку, и въ сентябрѣ украшалъ ее обоями янтарныхъ и яхонтовыхъ гроздій. Сѣяный газонъ зазеленѣлъ передъ опрятной широкой галлереей обвитой павеликой. Хозяйство стало ея страстію, которую дѣлила она съ музыкой. Если прибавить лошадей, двѣ коровы, куръ и хорошую собаку, то понятно что для Вѣрочки домъ сестры буквально олицетворялъ собою Эдемъ, въ особенности по дружбѣ ея съ черношелковистой громадной жучкой.

— Жаль только, что Федосьи нѣтъ, говорила Вѣрочка,—а то бы все хорошо было.

Но Федосья не хотѣла оставить своего Тифлиса, и не поѣхала.

Вмѣсто нея прислуживала имъ Марина, жена стараго деньщика Логина, который впрочемъ долженъ былъ скоро получить отставку за 25-ти лѣтнюю службу, изъ коихъ двадцать прожилъ съ своимъ настоящимъ бариномъ, и опредѣлилъ свою Марину къ молодой барынѣ.

— Нечего видно дѣлать съ тобой, милая моя Шурочка! говорилъ ей мужъ.—Отвоевала ты у меня моего Логина. Первый разъ и въ походъ со мной не хочетъ идти, въ случаѣ надобности.

Не долго они счастливы были. Мюридизмъ сильно переворотилъ Кавказъ. Дѣла стали упорны, сопротивленіе жестокое. Послѣ одной изъ экпедицій того времени, Александра Николаевна Русанова осталась вдовою, въ своемъ домикѣ, одна, въ ожиданіи когда изъ тифлисскаго института Св. Нины выйдетъ и пріѣдетъ къ ней ея Вѣрочка. Одни лишь Логинъ и Марина по прежнему ей не измѣнили.

(Продолженіе будетъ).

Съ театра войны.

Извѣстія о походѣ въ Хиву.

На этихъ дняхъ «St. P. Z.» получила слѣдующее частное письмо отъ медика, участвовавшаго также и въ франко-прусской войнѣ:

Тамди, (на Хвинско-бухарско-русской границѣ), 10 апрѣля 1873 г.

Казалинскому отряду былъ начертанъ маршрутъ черезъ безводную степь Кизиль-Кумъ въ Буканскія горы, къ колодцу Баккли, гдѣ должно было послѣдовать соединеніе этого отряда съ отрядомъ туркестантскимъ. Мы едва пришли въ горы послѣ несовсѣмъ легкаго похода черезъ степь, и надѣялись уже, пройдя еще верстъ сто, отдохнуть на берегахъ Аму-Дарьи, — какъ получили приказъ повернуть къ юговостоку, чтобы, пройдя около полутораста верстъ, въ Актыръ-бель-Кудукъ, (въ пятидесяти верстахъ отъ Тамди,) соединиться съ Джизакскою колонною. Вчера мы пришли въ Тамди и считали себя недалеко отъ цѣли — какъ вдругъ получаемъ извѣщеніе, что соединеніе можетъ послѣдовать лишь стами или двумя стами верстами далѣе: моя дѣятельность до сихъ поръ равняется нулю, такъ какъ благодаря Бога, состояніе здоровія войскъ хорошо, вопреки горько-соленой водѣ, которую приходилось пить, и рѣзкимъ переходамъ отъ холода къ теплу.

Это измѣненіе маршрута весьма чувствительно для насъ тѣмъ, что лишаетъ насъ множества лакомствъ. Въ бѣломъ хлѣбѣ мы давно имѣемъ недостатокъ, альбертовскіе сухари уже составляютъ рѣдкость и высоко цѣнятся, стали диковинкой, черные сухари замѣняютъ намъ хлѣбъ. Съ моею здоровою натурою я чувствую эти лишенія менѣе другихъ и вообще по части выносливости потягаюсь со всякимъ степнымъ жителемъ. Я при этомъ здоровъ и загорѣлъ какъ старый киргизъ. Замѣчательныхъ относительно живописности мѣстностей намъ до сихъ поръ не попадалось. Даже Буканскія горы съ ихъ крупными массами гранита и кремнистаго желѣза производятъ впечатлѣніе чего-то мертваго. Послѣ странствія по безотрадной, сухой степи, продолжавшагося отъ 6 марта до 2 апрѣля, и не представлявшаго нашимъ взорамъ втеченіе цѣлыхъ дней ничего кромѣ обнаженныхъ печальныхъ бугровъ или развѣ еще песчаныхъ бугровъ поросшихъ саксауломъ или джузакомъ, журчаніе источниковъ въ Бакали произвело на насъ безконечно живительное, освѣщающее впечатлѣніе. Невольно каждый оборачивался посмотрѣть, вызываетъ ли живая вода жизнь вокругъ себя—и ничего! Камень, камень, камень! Рѣдко попадались одинокіе цвѣточки и даже солдаты радостно привѣтствовали ихъ. Я пробовалъ нѣсколько такихъ цвѣтковъ высушить, но они скоро теряли цвѣтъ—и я ихъ бросалъ.

Базинеръ въ описаніи своего путешествія въ 1843 г., говоритъ, что переходъ черезъ Усть-Юртъ измучилъ его тѣлесно и душевно, я это вполнѣ понимаю. Лишенія, которыя намъ приходится переносить, совсѣмъ не важны, особенно въ сравненіи съ тѣмъ, что мы терпѣли въ франко-прусскую компанію; а между тѣмъ я охотнѣе еще разъ продѣлалъ бы эту компанію, нежели такой походъ по степи. Это безвыходное однообразіе, вѣчные переходы съ мѣста на мѣсто, — и каждое мѣсто похоже на всѣ прочія какъ одно яйцо на другое — это полная отрѣзанность отъ всего цивилизованнаго міра, за исключеніемъ собственно маленькаго кружка — это состояніе ничѣмъ не отличается отъ состоянія экипажа корабля, плывущаго по необозримому океану.

Въ томъ отрядѣ, къ которому я принадлежу, я нашелъ образованныхъ людей и хорошихъ товарищей. Мѣстечко Тамди, изъ котораго пишу эти строки, красиво по своему мѣстоположенію. Высокія горы образуютъ задній планъ; съ другихъ сторонъ оно отдѣлено зеленоватыми въ настоящее время полосами степи отъ знаменитой пустыни Кизилъ-Куля, которой песокъ имѣетъ красный отливъ. Здѣсь есть привѣтливо журчащій источникъ, обведенный мазаной стѣной, а по краямъ его растутъ двѣнадцать ивъ — первыя деревья послѣ Оренбурга! На выдающейся скалѣ стоитъ развалина крѣпости, изъ которой открывается обширный видъ. Хивинцы нѣсколько лѣтъ тому назадъ срыли бывшее здѣсь селеніе: отъ домовъ остались только обломки стѣнъ. Любопытно, что меня здѣсь поразило какое-то сходство съ Франціею: киргизская арба совсѣмъ напоминаетъ французскую *Cruette*; сады, какъ во Франціи, состоятъ изъ четырехугольныхъ пространствъ, обнесенныхъ мазаными стѣнами.

Подробное повѣствованіе о нашемъ походѣ я считаю положительно излишнимъ. Утромъ въ $5^1/_2$ ч. нагружались верблюды, а въ 8 ч. веч. мы приходили на ночлегъ, т. е. къ колодцу обозначенному въ маршрутѣ, который содержалъ болѣе или менѣе скверную воду, такъ, что мы, когда можно было, для чая и стряпни брали растопленный снѣгъ.

Въ Иркибаѣ мы построили крѣпость Благовѣщенскъ; снаружи она была окончена въ три дня, такъ, что гарнизонъ могъ вступить въ нее утромъ 26 марта. Въ тотъ же день послѣдовало и освященіе ея. Все было устроено очень мило и церемонія совершилась весьма торжественно. Въ то время какъ русскій флагъ былъ поднятъ и его салютовали обычные пушечные выстрѣлы, съ востока прилетѣлъ орелъ и довольно долго спокойно носился надъ флагомъ. Даже пушечные выстрѣлы не могли отогнать царя пернатыхъ. Доброе предзнаменованіе. Вечеромъ, по неимѣнію другихъ матеріаловъ для иллюминаціи, были зажжены два громадные костра, и

на деревянномъ срубѣ, изображавшемъ вензель *А. II*, горѣли огни въ маленькихъ жестяныхъ фонарикахъ. Послѣ вечерней молитвы взлетѣли на воздухъ двѣ ракеты, затѣмъ всѣ улеглись.

Гарнизонъ былъ оставленъ въ новой крѣпости изъ ста казаковъ и двухъ ротъ пѣхоты, да кромѣ того—двѣ пушки, удостоившіяся этой чести за свою службу при Бородинѣ.

Изъ крѣпости, при яркомъ пламени костровъ, лагерь представлялъ крайне живописный видъ: онъ тянулся почти на версту со своими юртами, кибитками, палатками, лошадьми, верблюдами, людьми и пр.

Послѣ того какъ мы въ Иркибаѣ наслаждались такою теплою погодою, что я могъ сидѣть въ кибиткѣ безъ сюртука, 27 марта при сѣверозападномъ вѣтрѣ цѣлый день шелъ дождь, утромъ 28 мы выступили при 2° мороза и шли до 9 ч. веч. Три дня стоялъ холодъ, потомъ опять сдѣлалось теплѣе.

Говорятъ, Хивинцы направляютъ всѣ свои военныя силы противъ оренбургскаго отряда. Во всякомъ случаѣ, эти силы, по общимъ отзывамъ, не особенно страшны. Увидимъ!

Общественное положеніе Китая.

Съ самыхъ древнихъ временъ китайское народонаселеніе дѣлится на четыре класса. Но эти хотя и рѣзко разграниченные классы не слѣдуетъ смѣшивать съ неподвижными индѣйскими кастами. Индусъ родится, живетъ, страдаетъ и умираетъ. Не смотря ни на какія богатства, ни на его быть-можетъ случайно пріобрѣтенное образованіе, для него не существуетъ возможности перейти изъ низшаго класса въ высшій. Въ продолженіи всей своей жизни парія остается нечистымъ и презираемымъ всѣми. Въ Китаѣ же, напротивъ того, рожденный въ самомъ низшемъ классѣ можетъ путемъ образованія и благонравія возвыситься до высшаго, и наоборотъ—родившіеся въ первомъ классѣ могутъ, за недостаткомъ образованія и благонравія, или почтительности къ старшимъ и начальству, снизойти до низшаго и даже смѣшаться съ чернью. Не рожденіе, не чинъ и состояніе родителей обусловливаютъ въ Китаѣ будущность юноши,—нѣтъ, только *собственное личное достоинство* и *знаніе* открываютъ доступъ къ высшему обществу, ведутъ къ высшимъ почетнымъ должностямъ.

Предпочтеніе дворянства другимъ сословіямъ въ Китаѣ неизвѣстно.

Въ первыя времена китайскаго развитія, двѣ силы стояли лицомъ къ лицу: императоръ и народъ. Но эти силы находились въ братскихъ, даже сердечныхъ отношеніяхъ и дружно шли рука объ руку, какъ члены одной и той же семьи. Вслѣдствіе увеличившагося съ теченіемъ вѣковъ народонаселенія, а также умноженія богатства и потребностей, изъ одного и того же класса, занимавшагося первоначально земледѣліемъ, образовалось нѣсколько другихъ, которые, при неподвижности китайской жизни, остаются и теперь въ томъ же видѣ какъ и прежде. Къ *первому* классу принадлежитъ императорскій домъ со всѣмъ его родствомъ: принцами и князьями, потомствомъ Конфуція и дворянствомъ. Но китайское дворянство не родовое, не наслѣдственное, какъ у насъ, въ Европѣ.

Китай представляетъ собою единственную страну въ мірѣ, гдѣ дворянство не передается изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, гдѣ дворянство только *личное* и должно быть пріобрѣтено, какъ и всякое другое благо, *личной заслугой, собственными трудами.* Хотя, какъ извѣстно, главную роль въ Китаѣ играютъ деньги и за деньги можно купить все, даже государственныя должности, если только выдержать требуемый экзаменъ; но дворянство ни въ какомъ случаѣ не покупается, такъ какъ оно должно оставаться дѣйствительно лучшей частью народа, его цвѣтомъ.

Такъ же высоко, какъ и личное дворянство, цѣнится ученость въ соединеніи съ благопристойностію и благонравіемъ. А потому всѣ ученые всѣ удостоенные ученой степени, также всѣ высшіе статскіе и военные чиновники причисляются къ первому классу.

Ко *второму* классу принадлежатъ сельскіе хозяева, земледѣльцы и крестьяне. Они то и составляютъ собственно первоначальный народъ. Къ *третьему* принадлежатъ купцы, моряки, корабельщики и рыболовы; къ *четвертому* художники неимѣющіе большею частью значенія, и ремесленники.

По этой классификаціи есть еще много лицъ, которые не включены ни въ одинъ изъ этихъ разрядовъ и которые, такъ какъ они живутъ честнымъ трудомъ, должны бы были имѣть опредѣленное положеніе. Но странно, всѣ эти лица причисляются, вмѣстѣ съ такъ-называемыми темными личностями, которыя не сѣютъ, не жнутъ, а между тѣмъ чисто одѣваются и хорошо ѣдятъ,—къ черни.

Такимъ образомъ, китайская чернь заключаетъ въ себѣ чрезвычайно замѣчательные элементы. Мужчины и женщины, пользующіеся въ Европѣ почетомъ и уваженіемъ за свои сценическія дарованія, и получающіе за нѣсколько часовъ труда громадное вознагражденіе, въ Китаѣ, гдѣ цѣнятся только усиленное прилежаніе и практическая дѣятельность, нравственность и ученость, принадлежатъ къ черни. Корифеи въ области Терпсихоры и Таліи стоятъ на одной ступени съ самыми обыкновенными фиглярами, плясунами на канатѣ и фокусниками. У китайцевъ разъ навсегда положено что всѣ личности, которыя выставляютъ себя какимъ бы то ни было образомъ, напоказъ, увеселяя публику своими дарованіями и ловкостью *причисляются къ черни.* Человѣка, котораго можно разсматривать всенародно, которому можно аплодировать и свистать, чопорный, церемонный китаецъ не пуститъ къ себѣ въ домъ. Потому-то мужчины и женщины, которымъ въ Европѣ покланяются, какъ артистамъ перваго разряда, у ногъ которыхъ лежатъ принцы, вельможи и вся вообще Jeunesse dorée, въ Китаѣ стоятъ на одной ступени съ рабами, рабынями, слугами, служанками, съ игроками по профессіи, бродягами, съ судебно осужденными преступниками съ отрѣзанной за наказаніе косой.

Законы китайцевъ справедливы, строги, рѣзко опредѣлены и чрезвычайно предусмотрительны. Всѣ проступки названы прямо по имени и изображены ясно и коротко. Точно такъ же опредѣлено и поведеніе, котораго должны держаться исполнительныя власти при арестованіи преступника, а также и мѣра наказаній за каждое преступленіе. Ошибка невозможна. Эта сжатость и ясность судебнаго кодекса побудила прежняго англійскаго секретаря посольства при китайскомъ дворѣ, доктора Staунтона, перевести, еще въ 1817 г., на англійскій языкъ китайскія уложенія о наказаніяхъ, въ назиданіе европейцамъ. Но несмотря на общее знаніе законовъ, которые уже цѣлыя тысячелѣтія тому назадъ публиковались въ оффиціальныхъ газетахъ, не смотря на ихъ строгость и скорое судопроизводство, нѣтъ ни одной страны, въ которой люди и имущество подвергались бы, и на морѣ и на сушѣ, такой опасности какъ въ Китаѣ. Ни въ одной странѣ, понятія о собственности такъ не шатки, какъ въ «срединномъ царствѣ». Тутъ каждый божій день происходятъ воровства, обманы, поджоги, грабежъ, смертоубійства и контрабанда. Воры живутъ въ самыхъ близкихъ и лучшихъ отношеніяхъ съ ночной стражею и съ низшими полицейскими чиновниками. Они, по желанію обкраденныхъ, даже возвращаютъ, при посредствѣ ночныхъ стражей, за сходную цѣну, менѣе цѣнныя вещи, какъ напр. сувениры, наслѣдственныя вещи, пріобрѣтая себѣ этою предупредительностью нѣкоторую репутацію между своими земляками.

На британскомъ островѣ Гонконгѣ, имѣющемъ всего $2^1/_2$ мили длины и $1^1/_4$ ширины, гдѣ голая мѣстность вполнѣ благопріятствуетъ устройству полицейскаго надзора, и гдѣ повсюду, въ особенности же въ главномъ городѣ Викторіи, уже десятки лѣтъ господствуетъ англійское вліяніе, существуетъ (знаменательный фактъ!) Пиратская улица, получившая свое названіе отъ бандитовъ, которые живутъ здѣсь безпрепятственно и производятъ грабежи на островѣ. Чужестранецъ, сдѣлавшійся ненавистнымъ престому народу (который скрываетъ всякое злодѣяніе и даже способствуетъ ему) не смѣетъ выходить на этомъ островѣ безъ оружія и долженъ остерегаться малодушныхъ и коварныхъ китайцевъ.

Китайское правительство, которое не любитъ тратить денегъ на воровъ и обманщиковъ, разбойниковъ и контробандистовъ и прежде всего имѣетъ въ виду застращать ихъ тюремнымъ заключеніемъ, устраиваетъ, подобно турецкому, чрезвычайно дурныя тюрьмы, отличающіеся нечистотой, тѣснымъ помѣщеніемъ, недостаточнымъ, жалкимъ продовольствіемъ, но за то самымъ радушнымъ пріемомъ и трогательными проводами со стороны заключенныхъ тамъ преступниковъ. Въ этихъ лишенныхъ всякаго контроля помѣщеніяхъ, бамбуковые и палочные удары—преимущественно по пятамъ,—сыплятся какъ градъ, а иногда употребляютъ и самыя мучительныя пытки. Вообще палочные удары любимое наказаніе въ «небесной имперіи». Они употребляются не только въ мірѣ преступниковъ, но и въ арміи, во флотѣ, даже въ чиновномъ свѣтѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ предсѣдатель или начальникъ отдѣленія даетъ своимъ подчиненнымъ выговоры и нахлобучки, болѣе или менѣе вѣжливымъ или грубымъ тономъ,—министръ-мандаринъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ присуждаетъ къ тридцати палочнымъ ударамъ, а въ случаѣ болѣе тяжкаго проступка даже къ битью по плечамъ. Подобныя наказанія принимаются терпѣливо. безъ всякаго протеста, и исполняются тутъ же на мѣстѣ. Тѣлесное наказаніе не только не влечетъ за собою ни какого безчестія, но подвергшійся ему подчиненный еще цѣлуетъ въ знакъ благодарности , руку оскорбленнаго начальника. Никто не глядитъ свысока, потому что каждый знаетъ пословицу: «сегодня мнѣ, а завтра тебѣ».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда судья колеблется насчетъ виновности или невинности преступника, а между тѣмъ преступленіе болѣе или менѣе значительно, прибѣгаютъ для раскрытія истины къ такъ-называемому божьему суду: испытанію посредствомъ ножа или огня. Если божій судъ докажетъ виновность преступника, то за этимъ тотчасъ же слѣдуетъ смертная казнь. Морскихъ и сухопутныхъ разбойниковъ, убійцъ, поджигателей, противуестественныхъ преступниковъ,, воровъ, попавшихся въ кражѣ въ третій

разъ, казнятъ публично съ величайшею поспѣшностью и иногда съ безчеловѣчною строгостью. Къ сожалѣнію, смертная казнь въ Китаѣ, повторяется часто. Но она нисколько не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ вмѣсто того, чтобъ отталкивать отъ себя, она дѣлается чѣмъ-то въ родѣ народнаго праздества, общественнаго увеселенія и вызываетъ сочувствіе и удивленіе. Англійскіе писатели разсказываютъ, что въ свободномъ, портовомъ и торговомъ городѣ Кантонѣ совершается ежегодно больше 1000 публичныхъ смертныхъ казней, не говоря уже о тѣхъ, которыя несчастные чиновники должны по высочайшему велѣнію производить in silentiis сами надъ собою, въ собственныхъ жилищахъ. Многіе китайцы крадутъ, обманываютъ, поджигаютъ и убиваютъ съ особеннымъ удовольствіемъ, коль скоро дѣло коснется англичанъ. Подобные поступки противъ дерзкихъ пришельцевъ они ставятъ себѣ въ заслугу, какъ знакъ любви къ отечеству, за которое они добровольно претерпеваютъ смерть. Эдуардъ Гильдебрандтъ повѣствуетъ въ своемъ кругосвѣтномъ путешествіи, что когда онъ былъ въ Пекинѣ, то тамъ въ одинъ день было казнено посреди города тридцать китайцевъ. Его слуга—китаецъ выпросилъ себѣ въ этотъ день отпускъ, что бы посмотрѣть на это увеселительное зрѣлище.

Такъ какъ китайцы трусливы и коварны, то они рѣдко разбойничаютъ, грабятъ и убиваютъ одни. Для приданія себѣ отважности, они образуютъ большія разбойничьи и контрабандистскія шайки; въ особенности же прибѣгаютъ къ этому пираты, для лучшаго и болѣе вѣрнаго исполненія своихъ плановъ. Эти союзы, дѣлающіе ихъ сильными и отважными, носятъ самыя грозныя и ужасныя названія, такъ же хорошо извѣстныя трусливому народу и боязливому начальству, какъ и самые предводители и члены этихъ шаекъ.

Впрочемъ, нѣкоторые китайцы вполнѣ сознаютъ эту соціальную неурядицу и рѣшаются, подъ опасеніемъ собственной жизни, открыто и свободно говорить объ ней. Они стараются всѣми силами устранять ее, но такъ какъ зло слишкомъ глубоко, такъ какъ многіе стараются извлечь изъ него пользу, то исправленіе идетъ медленными шагами—и даже едва ли возможно, пока общественныя и должностныя отношенія не измѣнятся. Такимъ образомъ, лѣтъ десять тому назадъ, вышла статья въ которой спокойнымъ и твердымъ образомъ раскрывались всѣ эти безпорядки. Она надѣлала *много шуму* но осталась *безъ всякихъ послѣдствій.*

Анонимный авторъ порицалъ прежде всего нерадѣніе и малодушіе полицейскихъ властей при исполненіи ихъ обязанностей. По этимъ двумъ причинамъ они недостаточно энергично дѣйствовали противъ морскихъ и сухопутныхъ разбойниковъ, которые ежедневно поджигали, толпами грабили на берегахъ и въ деревняхъ, даже силою уводили дѣтей и женъ, чтобы потомъ треобовать съ ихъ родственниковъ выкупныя деньги. Далѣе авторъ жалуется на магистратскихъ чиновниковъ сборщиковъ податей, что они съ намѣреніемъ увеличиваютъ подати и дѣлятъ между собою излишекъ. Также порицалось и то, что мандаринамъ и провинціальнымъ чиновникамъ давались мѣста не въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они родились и воспитывались, но въ отдаленныхъ и совершенно имъ чуждыхъ, такъ что, не понимая нравовъ и нарѣчія, они вполнѣ полагаются на своихъ продажныхъ толмачей и шейковъ, вслѣдствіе чего иногда безъ всякой вины съ ихъ стороны, происходятъ всевозможныя злоупотребленія. Особенно же осуждалось плохое управленіе общественными хлѣбными магазинами. Согласно высочайшей воли, эти магазины должны служить утѣшеніемъ и прибѣжищемъ голоднаго народа во времена неурожая и дороговизны. Трудолюбивый ремесленникъ и бѣдный отецъ семейства должны доставать себѣ пищу и все необходимое за сходную цѣну. Но неуспѣютъ наступить эти дни, какъ чиновники затѣваютъ спекуляціи насчетъ этихъ богатыхъ запасовъ хлѣба, прибѣгаютъ къ самымъ низкимъ обманамъ и разрушаютъ ожиданія императора и надежды народа. Такъ же рѣзко порицается въ этой статьѣ управленіе войскомъ и флотомъ. Военные и морскіе чиновники интенданства, высшіе чиновники заботятся только о себѣ. Если по спискамъ они управляютъ тысячами кораблей и сотнями тысячъ солдатъ, то на дѣлѣ оказывается только половина. Деньги на несуществующую половину, занесенные въ расходъ, господа офицеры и чиновники дѣлятъ между собою. Такъ-называемые сторожевыя и крейсерскіе суда, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы захватывать корабли контрабандистовъ и пиратовъ, сами занимаются контрабандой и кромѣ того дѣлятся прибылью съ контрабандистами, которыхъ они должны бы преслѣдовать не на животъ а на смерть. Подобные обманы совершаются въ таможняхъ на сушѣ и въ соляныхъ правленіяхъ, пользующихся правомъ скупки.

Такъ какъ многіе должности можно купить, выдержавши извѣстный экзаменъ, то вслѣдствіе этого назначеннымъ чиновникамъ приходится какъ можно скорѣе наверстывать затраченныя на экзаменъ суммы. На этомъ основаніи, при различныхъ обманахъ и притѣсненіяхъ, высшіе чиновники идутъ рука объ руку съ низшими. Этотъ братскій союзъ еще болѣе затрудняетъ устраненіе и раскрытіе злоупотребленій. Но если, не смотря на это, онѣ откроются то высшее начальство обнаруживаетъ величайшую строгость. Всѣ участвовавшіе подвергаются конфискаціи имущества, изгнанію или смертной казни. Но китаецъ безропотно, безъ всякой аппеляціи, подвергается приговору, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ сознаетъ, что заслужилъ наказаніе и что онъ цѣлые годы пользовался различными выгодами.

Ужасна была до 50-хъ годовъ контрабанда опіумомъ. Добросердечный императоръ Кья-Кингъ (1816 г.), видя, какъ его бѣдный и чувственный народъ гибнетъ отъ отравленія опіумомъ, умолялъ самымъ трогательнымъ образомъ англійское, французское, голландское и американское правительства остановить ввозъ яда, вредившаго благосостоянію народа и угрожавшаго счастью семействъ. Но императорская *просьба* осталась *безъ всякаго послѣдствія*—барышъ былъ слишкомъ заманчивъ! Тогда послѣдовалъ *приказъ.* Въ 1838 году были изданы самые строгіе законы; самыя жестокія наказанія ждали тѣхъ, кто будетъ уличенъ въ торговлѣ или куреніи опіума. Кто попадался въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ *въ первый разъ*, того клеймили, кто *во второй разъ*—того всенародно сѣкли и изгоняли изъ страны; кто же *въ третій разъ* предавался этому разрушающему душу и тѣло наслажденію, того казнили. Но какъ ни строго было наказаніе, а всетаки оно не повело ни къ чему. Точно также поступали и съ кораблями: корабли, привозившіе опіумъ, конфисковались вмѣстѣ съ грузомъ; матросовъ и капитановъ сажали въ тюрьму, гдѣ ихъ наказывали палочными ударами. Императоръ, въ интересахъ своего народа, хотѣлъ уничтожить торговлю опіумомъ и не желалъ больше пользоваться тѣми кровавыми деньгами, которые приносилъ опіумъ посредствомъ пошлинъ. Но именно потому-то что новое законодательство грозило такими жестокими наказаніями, это опасное занятіе и прельщало храбрыхъ, обѣщая, вмѣстѣ съ тѣмъ, при увеличивавшемся требованіи, двойной доходъ. Китайцы какъ бы помѣшались на опіумѣ. Куреніе его, у знатныхъ и простыхъ людей, сдѣлалось совершенной маніей. Мужчины и женщины положительно бѣгали за кораблями и добровольно платили необычайныя цѣны за смертельный ядъ. Сначала правительство было очень бдительно. 20,283 ящика съ опіумомъ, на сумму больше 21,000 милліоновъ талеровъ были, ко всеобщему прискорбію, конфискованы одни за другими и сдѣланы негодны къ употребленію посредствомъ примѣси извести соли и морской воды; капиталисты и купцы бѣсились. Но, вмѣсто того чтобы покориться, они оказывали энергическое сопротивленіе. А такъ какъ они ничего не могли достигнуть силою, то прибѣгали къ подкупу. Остъиндская компанія сѣяла на каждомъ клочкѣ земли макъ и приготовляла опіумъ. Индусы и Персы подражали ей. И всѣ эти сборы шли тайными и замысловатыми путями въ Китай. Если иноземные корабли не могли приставать къ берегу по причинѣ сторожевыхъ кораблей, то китайскіе купеческіе и контрабандные а также и разбойничьи корабли, пользуясь ночнымъ временемъ и туманомъ выходили къ нимъ на встрѣчу, въ открытое море и, не жалѣя денегъ, покупали у нихъ желанный ядъ, большею частію въ небольшомъ количествѣ, чтобы, вслучаѣ нужды, удобнѣе скрыть его отъ таможенныхъ чиновниковъ. Вскорѣ даже высшіе мандарины, которымъ слѣдовало бы строго наблюдать за подобными экспедиціями, поддались подкупу съ той, или съ другой стороны, а то и съ обѣихъ разомъ. А если повременамъ китайскіе начальники и задерживали для приличія корабли съ грузомъ отъ 20 до 30,000 долларовъ, то это не мѣшало торговлѣ, а только увеличивало счеты.

Слѣдствіемъ войны, которую съ 1841 года вела съ Китаемъ Англія подъ предлогомъ, что бы нѣкоторыя изъ китайскихъ гаваней были открыты для англійской торговли и для англійскихъ миссіонеровъ но въ сущности изъ-за прибыльной торговли опіумомъ,—было то, что съ 1843 г. англійская торговля ядомъ къ величайшему огорченію императора и благомыслящихъ китайцевъ утверждена законнымъ образомъ. Несчастные жители платятъ ежедневно чужестраннымъ продавцамъ опіума за этотъ адскій товаръ, отъ котораго они дѣлаются страждущими и слабоушными, около 50 милліоновъ талеровъ.

Теперь языческому китайскому правительству, которое было вынуждено христіанскимъ англійскимъ правительствомъ къ узаконенію торговли опумомъ, къ открытію для европейцевъ *пяти* китайскихъ гаваней, къ распространенію христіанства и уплатѣ шести милліоновъ долларовъ за военныя издержки,—остается только предостерегать народъ отъ страшныхъ послѣдствій отравленія опіумомъ, посредствомъ прибиваемыхъ къ стѣнамъ объявленій. Особенно много вывѣшиваетъ оно такихъ объявленій въ день новаго года, любимаго праздника китайцевъ.

Но если китайцевъ не предостерегаютъ даже жестокія страданія ходячихъ труповъ, гибель множества семействъ, то само собою разумѣется, что бумажныя предостереженія правительства, да еще безъ всякой поддержки со стороны духовенства, остаются безъ всякаго результата.

Распространеніе опіума христіанскими купцами, изъ которыхъ многіе, въ особенности между англичанами, слывутъ людьми набожными, чрезвычайно вредитъ распространенію евангелія между лучшими китайскими умами. Точно такъ же и то, что нѣкоторые миссіонеры служили толмачами и разнощиками у этихъ отравителей, не принесло пользы христіанской церквѣ; мыслящій китаецъ ни во что не ставитъ религію, которая позволяетъ своимъ приверженцамъ ея подобную адскую торговлю и потому остается вѣренъ языческимъ божествамъ.

Какъ въ сколько нибудь значительныхъ европейскихъ городахъ вы встрѣтите въ каждой многолюдной улицѣ, чуть не при каждомъ домѣ, пивной или водочный погребъ, ресторанъ или кондитерскую, кафе или обыкновенный кабакъ, заведеніе для танцевъ, бильярдъ или кегельный катокъ, — такъ и въ китайскихъ городахъ лавкамъ съ чаемъ и опіумомъ нѣтъ повидимому и конца.

Въ чайныхъ заведеніяхъ, которыя содержатся отчасти правительствомъ, а отчасти частными лицами, мы находимъ молодыхъ, кра-

сивыхъ, заманчиво-одѣтыхъ прислужницъ, которыхъ отцы не умертвили при рожденіи, потому-что онѣ подавали надежду на красоту,—а потомъ продали для прислуживанья гостямъ. Эти убѣжища праздности, гдѣ за дешевую цѣну (такъ какъ въ Китаѣ фунтъ чаю стоитъ 9 копѣекъ сер.) съ ранняго утра и до поздней ночи пьютъ чай, гдѣ болтаютъ безъ всякаго стѣсненія о чемъ ни попало и вѣчно курятъ,—служатъ, съ ихъ токарной деревянной мебелью, поприщемъ для праздныхъ людей, болтуновъ, дневныхъ обольстительныя заманчивыя картины. Пріятнѣйшія, живѣйшія видѣнія наполняютъ душу и сердце. Бѣднякъ отдаетъ послѣдній грошъ, чтобы вдоволь достать себѣ, въ болѣе дешевыхъ харчевняхъ, этого демонскаго курева, которое быстро разрушаетъ душу и тѣло. Даже мальчики и женщины тайно предаются этому убійственному наслажденію. Смотря по количеству принятой дозы, несчастные раньше или позже пробуждаются отъ своего упоенія, разбитые и вялые.

Фельдъ-маршалъ графъ Макъ-Магонъ, президентъ французской республики. Съ фотографіи грав. К. Вейерманъ.

воровъ, фитляровъ и сластолюбцевъ. Само собою разумѣется, что здѣсь есть и чайные магазины, посѣщаемые съ тою же цѣлью людьми повидимому высшаго и болѣе образованнаго класса.

Общественные дома для куренія опіума устраиваются лучше и даже съ большимъ комфортомъ. Они посѣщаются людьми всѣхъ сословій. Вдоль стѣнъ идутъ низенькіе, широкіе, мягкіе, роскошные диваны. Здѣсь нѣтъ недостатка въ *chaises longues* и *fauteuils*. По вечерамъ эти скромные уголки освѣщаются разноцвѣтными фонарями, проливающими слабый, пріятный свѣтъ. Здоровые мужчины, слабые смотрящіе въ гробъ старики, истощенные, цвѣтущіе и веселые юноши курятъ маленькіе шарики опіума изъ длинныхъ изящныхъ трубокъ съ маленькими головками, чтобы черезъ нѣсколько времени, часто послѣ первыхъ уже глотковъ (смотря по ихъ уже разстроенному организму) отдаться самымъ роскошнымъ мечтамъ, самой пылкой мечтательности. Передъ глазами этихъ несчастныхъ жертвъ утонченнаго сладострастія носятся

По тусклымъ, безжизненнымъ глазамъ, по безцвѣтнымъ щекамъ, по нетвердой слабой походкѣ, по отсутствію всякой энергіи можно сразу узнать курильщиковъ опіума, обреченныхъ судоргамъ, бѣлой горячкѣ или смерти. Многіе, потерявъ вслѣдствіе своей ужасной страсти семейное счастье и положеніе въ обществѣ и не будучи уже въ состояніи добывать себѣ этого яда, пробираются за ничтожную плату въ какой нибудь уголокъ этихъ помойныхъ ямъ, чтобы только обонять его сладостный запахъ и наслаждаться блаженнымъ воспоминаніемъ, смотря на отражающіяся на лицахъ ихъ прежнихъ товарищей видѣнія.

Мы уже упомянули о корыстолюбіи китайца и объ его стремленіи къ быстрому обогащенію. Въ частныхъ кружкахъ онъ удовлетворяетъ этой страсти посредствомъ игры въ карты и лотереи. Въ общественной жизни онъ съ этою же цѣлью посѣщаетъ общественные дома, которые находятся во всѣхъ городахъ, во всѣхъ гаваняхъ, на островахъ: Гонконгѣ, Вампу-Макао, и доступны для

лицъ всѣхъ сословій. Игорные дома для знатныхъ такъ изящны, что вы не найдете такихъ ни въ Нью-Іоркѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Батѣ, ни въ Гамбургѣ, ни въ Висбаденѣ, ни въ Баденъ-Баденѣ. Въ пространныхъ, высокихъ игорныхъ устраиваются галлереи съ великолѣпными ложами, откуда вы, не обращая на себя вниманія, можете видѣть всѣ находящіеся въ залѣ игорные столы и понтированье игроковъ. Почти невѣроятно, что на одномъ маленькомъ островѣ Макао, имѣющемъ всего 2 1/2 мили пространства, находится 50 игорныхъ домовъ и что арендаторы подобныхъ домовъ платятъ ежегодно по 90,000 долларовъ. Въ большихъ городахъ, особенно въ Пекинѣ, Нанкинѣ, Кантонѣ—и того хуже! Здѣсь вы встрѣтите даже на улицѣ подвижныя игорныя лавки, куда является ремесленникъ, крестьянинъ, поденщикъ и проматываетъ послѣдніе гроши, добытые тяжелымъ трудомъ или мошенничествомъ.

Если китаецъ начнетъ играть, то онъ до тѣхъ поръ не кончитъ, пока или не выиграетъ или—что бываетъ гораздо чаще—не проиграетъ послѣдней копѣйки. Какъ богатый, такъ и бѣдный не знаютъ мѣры въ игрѣ. Начальство, раздѣляющее эту страсть, конечно гонитъ съ дороги, по долгу службы, подвижныя игорныя лавки, но только затѣмъ, чтобъ онѣ сейчасъ же перешли на другой конецъ улицы.

Если взять во вниманіе, что всѣ эти лавки съ чаемъ и опіумомъ, подвижные и постоянные игорные дома, танцовальныя залы и балаганы разоряютъ богатыхъ людей и разрушаютъ до тла благосостояніе народа,—то нечего удивляться ужасной нищетѣ, многочисленности пролетаріата, дерзости бѣдныхъ, нищенству по профессіи, преобладающимъ въ небесной имперіи. Эти общественныя мѣста разоряютъ ежегодно милліоны людей.

Какъ въ католическихъ земляхъ, въ извѣстные праздники можно встрѣтить, на любой дорогѣ къ святымъ мѣстамъ, толпы нищихъ, какъ бы свалившихся съ неба, такъ и по китайскимъ улицамъ тянутся *ежедневно* цѣлые отряды нищихъ и калѣкъ. Сотнями вламываются эти наглецы, изъ которыхъ многіе знавали когда-то лучшіе дни, въ дома знакомыхъ и незнакомыхъ, подъ предводительствомъ своего начальника, и не перестаютъ оглушать ихъ своими жалобными криками и дьявольскимъ воемъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ подаянія. Для возбужденія сострадаиія, эти полунагіе китайцы сами изувѣчиваютъ себя. Они выкалываютъ себѣ глаза, ломаютъ ноги и руки, устраиваютъ поддѣльные горбы, мажутся противными мазями—все для того, чтобъ возбудить состраданіе и получить побольше денегъ. Очень естественно, что для этой съ каждымъ годомъ возрастающей нищеты не хватаетъ общественнаго призрѣнія, не хватаетъ больницъ. Эти благотворительныя учрежденія разсчитаны на сотни и тысячи, но не на сотни тысячъ людей.

Среди этого олицетвореннаго горя, скитающагося съ утра до ночи по улицамъ, усѣяннымъ трудящимися и занятыми людьми, вы встрѣтите странствующихъ харчевниковъ, выхваляющихъ во все горло свой товаръ; маленькихъ Ротшильдовъ, сидящихъ скорчившись, за ихъ уставленными всякой всячиной столиками; голодныхъ, безпріютныхъ собакъ, бѣгающихъ, дремлющихъ и спящихъ. Эти послѣднія, тихія и смирныя днемъ, а ночью дикія и злыя, не сторонятся ни передъ кѣмъ. А такъ какъ большинство нищихъ такъ же безпріютно, какъ и лежащія вокругъ собаки, то всѣ они—и люди и животныя—ложатся и спятъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ попало. Точно такъ же и обѣдаютъ они гдѣ придется. Но не смотря на все это, трудящіеся, ничего не дѣлающіе и нищенствующіе китайцы веселы и довольны.

Замѣчательно, что при этомъ стѣсненіи, тѣснотѣ, наплывѣ людей и скота, при работѣ ремесленниковъ, улицы у китайцевъ гораздо чище комнатъ. Въ Китаѣ, этой земледѣльческой странѣ, гдѣ каждый остатокъ, даже остающаяся при бритьѣ мыльная пѣна, бережно собирается для удобренія, давно уже рѣшенъ вопросъ, занимающій у насъ въ Европѣ не одно городское начальство: «что лучше: система канализаціи или водосточныхъ трубъ?» Китай, какъ и Франція, высказался за систему водосточныхъ трубъ, конечно болѣе вѣрную и вполнѣ безвредную для здоровья.

Вечеромъ и ночью, послѣ дневнаго утомленія и жары, въ городѣ и въ деревнѣ водворяется разнообразная, веселая жизнь. Всюду слышится музыка и пѣніе, все освѣщено факелами и фонарями, въ воздухѣ летаютъ свѣтящіеся шары и ракеты, гремятъ пушечные выстрѣлы. Всѣ сословія смѣшиваются въ одну пеструю толпу. Театры, балаганы съ атлетами, фокусниками и фиглярами, манежи съ берейторами—все переполнено. Когда отъ скопленія народа, горѣнія ламиъ, курящихся трубокъ, отъ чаю, распиваемаго въ большомъ количествѣ, жаръ становится невыносимъ, то китайцы прибѣгаютъ къ очень простому способу. Они преспокойно снимаютъ съ себя верхнее платье и являются обнаженными до самаго пояса, такъ какъ они вовсе не носятъ рубашекъ. Зрѣлище уморительное, въ особенности, если смотрѣть на эти голыя тѣла, на эти бритыя головы, съ длинными косичками, изъ галлереи. Когда дающіяся въ различныхъ залахъ представленія кончатся, музыка и пѣніе прекратятся, этотъ веселый — только не у себя дома—народецъ отправляется сперва въ то или другое публичное мѣсто, а тамъ уже въ свои мрачные дома, къ покинутымъ женамъ, къ осиротѣлымъ дѣтямъ.

Безпощадное пренебреженіе, съ какимъ мужья относятся къ своимъ женамъ, въ особенности въ высшихъ и зажиточныхъ классахъ, да еще при холерико-сангвиническомъ темпераментѣ женщинъ, приноситъ часто самые горькіе плоды. Бѣдныя, осужденныя на безрадостное одиночество женщины, отъ которыхъ требуютъ величайшей вѣрности и безусловной покорности, въ то время, какъ мужья ихъ самую разгульную жизнь,—впадаютъ въ такое отчаяніе, что начинаютъ думать о самоубійствѣ. Такъ умираютъ ежегодно эти несчастныя цѣлыми тысячами, умираютъ отъ собственной руки, съ разбитымъ сердцемъ. Китай пользуется печальной репутаціей, что онъ *единственная страна на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ случаи самоубійства встрѣчаются гораздо чаще между женщинами, чѣмъ между мужчинами.*

При каждомъ самоубійствѣ китаецъ имѣетъ въ виду отмстить тому, кто довелъ его до преждевременной смерти своими притѣсненіями, жестокостью и насиліемъ. Въ небесной имперіи существуетъ странный законъ, въ силу котораго тотъ, на чьей землѣ найдено тѣло умершаго, долженъ объяснить причины его смерти, и до тѣхъ поръ считается его убійцею, пока не докажетъ своей невинности. И вотъ, бѣдная женщина идетъ умирать въ комнату вѣтренаго или деспотическаго мужа, въ комнату ворчливой свекрови; ограбленный или обиженный отправляется во дворъ, въ садъ, къ дверямъ своего притѣснителя или обольстителя и вѣшается, давится или распарываетъ себѣ животъ. Вслѣдъ за этимъ наступаетъ мучительное слѣдствіе, которое губитъ состояніе или репутацію обвиненнаго и даже въ случаѣ полнаго оправданія подрываетъ и то и другое. Этой мыслью о мщеніи наслаждаются несчастныя жертвы мужскаго равнодушія и измѣны, или жаднаго лихоимца, въ послѣдніе часы своей несчастной жизни. Съ пріятнымъ чувствомъ, что по крайней мѣрѣ послѣ смерти онѣ будутъ отмщены за претерпѣнныя муки, за отравленную жизнь, за всѣ оскорбленія и преслѣдованія, разстаются они съ безотраднымъ для нихъ свѣтомъ.

Женщины низшихъ классовъ, свободно разгуливающія на своихъ собственныхъ неизувѣченныхъ ногахъ, ведутъ суровую, трудовую, но все-таки не лишенную пріятностей жизнь. Онѣ веселятся или вмѣстѣ съ мужьями или же сами по себѣ самымъ необузданнымъ образомъ. За пестрыя ленты, яркія цвѣтныя платья и женскіе уборы, за конфекты и пирожное, за танцы, игру и фейерверкъ онѣ готовы отдать все на свѣтѣ. Въ этихъ классахъ, гдѣ царствуетъ любовь и наслажденіе, самоубійства бываютъ рѣже и то только изъ ревности или вслѣдствіе грубаго обращенія мужей.

Причина сѣвернаго сіянія.

Въ 47-мъ № «Сына Отечества» напечатана статья: «Сѣверное сіяніе», гдѣ оно объясняется разряженіемъ электричества между спокойнымъ воздухомъ и потокомъ воздуха, произведеннымъ притяженіемъ луны. Не соглашаясь съ объясненіемъ сѣвернаго сіянія, высказаннымъ въ этой статьѣ, я рѣшился привести тѣ данныя науки, на основаніи которыхъ слѣдуетъ искать объясненія полярныхъ сіяній, которыя бываютъ на сѣверномъ и южномъ полюсахъ, а потому и называются сѣверными и южными сіяніями. Такъ какъ нѣтъ никакой разницы между сѣверными и южными сіяніями, то для простоты рѣчи буду объяснять одно сѣверное.

Явленіе сѣвернаго сіянія заключается: во-первымъ, въ освѣщеніи, преимущественно сѣверной части неба въ разные цвѣта; во-вторыхъ, въ дѣйствіи этого явленія на магнитную стрѣлку и телеграфныя проволоки. Итакъ, чтобы вполнѣ объяснить сѣверное сіяніе нужно объяснить: во-первыхъ, откуда берется источникъ свѣта сѣвернаго сіянія; во-вторыхъ, почему, одновременно съ появленіемъ на небѣ этого свѣта, обнаруживается неправильное склоненіе магнитной стрѣлки и проявляются электрическіе токи въ телеграфныхъ проволокахъ.

Для рѣшенія перваго вопроса, т. е. для того, чтобы узнать источникъ свѣта сѣвернаго сіянія, слѣдуетъ воспользоваться спектроскопомъ, который своими полосками въ спектрѣ вполнѣ опредѣлитъ — солнечные ли это лучи или это свѣтъ электричества. Такъ-какъ я не сомнѣваюсь въ томъ, что спектроскопъ подтвердитъ мое мнѣніе, что источникъ свѣта сѣвернаго сіянія есть солнце, то причину сѣвернаго сіянія я нахожу въ *неравномѣрности температуры земной коры и атмосферы по меридіану, происходящей отъ мѣстныхъ охлажденій и нагрѣваній.* Эта же неравномѣрность температуры, произведенная быть можетъ вліяніемъ луны и солнца на атмосферу земли, производитъ вслѣдъ за сіяніями тѣ бури, которыя приведены въ примѣръ въ вышеупомянутой статьѣ. Но буря, вслѣдствіе инерціи воздуха, не можетъ тотчасъ же разразиться во всей атмосферѣ, и потому сильный вѣтеръ послѣ сіянія 23-го января (4-го февраля) явился въ нашей мѣстности чрезъ нѣсколько дней; во время же самаго сіянія былъ довольно сильный морозъ, какъ доказываютъ корреспонденціи изъ Царицына и Поневѣжа. Сначала укажу, какимъ образомъ солнечный лучъ можетъ проникнуть въ ту часть поверхности земли, гдѣ существуетъ ночь. Для этого слѣдуетъ припомнить законы преломленія лучей свѣта при переходѣ ихъ чрезъ среды различной плотности. Извѣстно, что

при переходѣ луча свѣта изъ болѣе плотной среды въ болѣе рѣдкую, уголъ преломленія болѣе угла паденія, т. е. уголъ, образуемый перпендикуляромъ къ поверхности, раздѣляющей преломляющія среды, съ направленіемъ преломленнаго луча свѣта, — болѣе угла, образуемаго тѣмъ же перпендикуляромъ и падающимъ лучемъ. Такъ какъ уголъ преломленія болѣе угла паденія, то, увеличивая послѣдній, при чемъ уголъ преломленія также увеличивается, всегда можно достигнуть такой величины угла паденія, при которомъ уголъ преломленія достигнетъ 90°, и тогда лучи свѣта распространятся по поверхности, къ которой мысленно проведенъ перпендикуляръ, и освѣтятъ ее. Этотъ уголъ паденія называется въ физикѣ предѣльнымъ угломъ и дано ему такое названіе потому, что, при дальнѣйшемъ увеличеніи его, преломленія болѣе не происходитъ, а всѣ лучи свѣта полностью отражаются отъ этой поверхности, какъ отъ зеркала, при чемъ уголъ паденія равенъ углу отраженія. Этотъ законъ свѣта называется въ физикѣ закономъ полнаго внутренняго отраженія. На основаніи этого закона Монжъ объяснилъ миражи въ Африкѣ, происходящіе отъ разницы въ плотностяхъ верхнихъ слоевъ воздуха и слоевъ воздуха надъ песчаной раскаленной почвой.

Извѣстно, что экваторіальныя морскія теченія приносятъ теплую воду къ полюсамъ, и тутъ-то эта вода, выступая на поверхность океана, обусловливаетъ существованіе теплаго, свободнаго отъ льда, моря.

Теперь обратимся къ объясненію сѣвернаго сіянія.

Когда наступитъ сильный морозъ въ широтахъ, окружающихъ это теплое море, то происходитъ значительная разница въ температурахъ между землею у полюса (гдѣ ее и воздухъ согрѣваетъ теплота, принесенная водою отъ экватора) и между сушею сосѣднихъ широтъ, гдѣ дѣйствуетъ морозъ. Отъ этого происходитъ, при спокойномъ состояніи, разность въ плотностяхъ атмосферы, окружающей эти поверхности, а именно: у полюса, надъ моремъ, она будетъ, какъ болѣе нагрѣтая, разрѣженною, а надъ сушею — сгущенною. Прежде чѣмъ буря успѣетъ сравнять эту разность въ плотностяхъ, солнечные лучи, падая въ сгущенную атмосферу надъ сушей, будутъ преломляться въ ней и, проникая въ разрѣженную атмосферу надъ теплымъ моремъ (при чемъ уголъ паденія все увеличивается, потому что преломленный лучъ становится въ свою очередь падающимъ лучемъ) подвергнутся закону полнаго внутренняго отраженія, съ переходнымъ состояніемъ, и тогда атмосфера надъ полюсомъ будетъ ярко освѣщена, т. е. въ ней будетъ надъ полюсомъ сіяніе. Отраженныя же лучи очутятся на противоположной отъ солнца сторонѣ земли и, преломляясь вторично въ болѣе сгущенной атмосферѣ надъ сушей, распространятся въ направленіи отъ полюса къ экватору. Дальность распространенія этихъ лучей, составляющихъ для насъ сѣверное сіяніе, будетъ зависѣть отъ большей или меньшей разности въ плотностяхъ атмосферы разныхъ широтъ и отъ большей или меньшей свѣтопрозрачности ея.

И такъ, спокойный воздухъ надъ полюсомъ, подобно африканскому, въ состояніи, послѣ преломленіи лучей, отразить ихъ на противоположную отъ солнца сторону земли. При преломленіи происходитъ свѣторазсѣяніе, т. е., раздѣленіе бѣлыхъ лучей свѣта на семь цвѣтныхъ. Освѣщеніемъ смѣсью этихъ цвѣтовъ, или такъ называемыми дополнительными цвѣтами, воздуха или облаковъ производится бѣлый свѣтъ; освѣщеніемъ же различными лучами обусловливается различный цвѣтъ сіяній. Колебанія атмосферы надъ полюсомъ, какъ колебанія зеркала, объясняютъ движеніе свѣта сѣвернаго сіянія и перемѣны его цвѣтовъ. Ясно что движенія воздуха не должны быть сильны, въ противномъ случаѣ произойдетъ смѣшеніе слоевъ воздуха, и пропадетъ одна часть сѣвернаго сіянія; именно — явленіе свѣта. Сіянія тогда не будетъ, а будетъ вѣтеръ — а наша магнитная стрѣлка все-таки неправильно склонится такъ же, какъ и во время сѣвернаго сіянія: смотрите явленія неправильно склоняющую магнитную стрѣлку—тамъ вы найдете и вѣтеръ. И такъ, остается объяснить другія явленія сѣвернаго сіянія: неправильное склоненіе магнитной стрѣлки (бусоли) и возбужденіе токовъ въ телеграфныхъ проволокахъ. Знаменитый французскій физикъ Амперъ первый предположилъ существовавшіе постояннаго электрическаго тока, идущаго кругомъ земли, отъ востока къ западу. Дальнѣйшія изысканія физиковъ неоспоримо доказали дѣйствительные существованіе этого тока въ землѣ. Съ открытіемъ же въ 1821 году берлинскимъ профессоромъ Зебекомъ термо-электрическихъ токовъ, т. е., токовъ, образующихся отъ разности температуръ сомкнутой цѣпи, сталъ извѣстенъ источникъ этого земного тока: это — теплота случай солнца нагрѣвающихъ часть земной коры, обращенную къ нему. Если прослѣдить годичное измѣненія склоненіе магнитной стрѣлки, то легко видѣть, что это склоненіе измѣняется сообразно измѣненію направленія равнодѣйствующей температуръ, нагрѣвающихъ поверхность земли, и слѣдовательно равнодѣйствующей всѣхъ токовъ, идущихъ отъ востока къ западу, причемъ магнитная стрѣлка становится всегда перпендикулярно къ ней. Вѣковыя измѣненія склоненія стрѣлки быть можетъ происходятъ отъ вліянія внутренняго жара земли на твердую кору земную, подверженную медленнымъ поднятіями поженіямъ. И такъ земной токъ, идущій отъ востока къ западу, какъ это объяснилъ Амперъ, направляетъ магнитную стрѣлку однимъ концомъ на сѣверъ, другимъ на югъ. Когда воды теплаго полярнаго моря нагрѣваютъ свои берега, а сильный морозъ на сушѣ охлаждаетъ поверхность земли, то непремѣнно, при такомъ измѣненіи температуры земной коры по меридіану, какъ это доказалъ своимъ опытомъ Зебека, и подтвердилъ Беккерель, должны образоваться термо-электрическіе токи, идущіе въ направленіи къ экватору: они то и отклоняютъ магнутную стрѣлку. Такъ какъ она должна подчиниться силѣ токовъ, идущихъ по разнымъ направленіямъ, изъ коихъ одни силятся поставить ее въ направленіи магнитнаго меридіана, а другіе въ перпендикулярномъ къ нему направленіи, то магнитная стрѣлка станетъ перпендикулярно равнодѣйствующей имъ — слѣдовательно измѣнитъ всегдашнее свое направлоніе.

Изъ дѣйствія однихъ токовъ на другіе извѣстно, что эти второстепенные токи, приближаясь къ главнымъ и постояннымъ токамъ, идущимъ отъ востока къ западу, сообразно съ угломъ встрѣчи, будутъ притягиваться или отталкиваться отъ главныхъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, будетъ происходить измѣненіе въ напряженіи, или силѣ, главнаго земного тока: когда притянутся — токъ усилится, когда оттолкнутся — ослабнетъ.

Эти то измѣненія въ напряженіи непрерывнаго земного тока, если они достаточно значительны, какъ доказываютъ законы индукціонныхъ токовъ, съ подробностью изслѣдованные нашимъ Академикомъ Ленцемъ, и образуютъ условіе необходимое и достаточное для воспроизведенія электрическихъ индукціонныхъ токовъ въ телеграфныхъ проволокахъ, токовъ препятствующихъ правильной передачѣ депешъ во время сѣвернаго сіянія.

Впрочемъ, такъ какъ свѣтъ сѣверныхъ сіяній можетъ быть виденъ только ночью; разница же въ температурѣ земной коры начинается прежде этого явленія,—то ясно, что до появленію свѣта ночью, магнитная стрѣлка и даже телеграфныя проволоки начнутъ уже обнаруживать присутствіе второстепенныхъ термо-электрическихъ токовъ и такимъ образомъ предскажутъ наступленіе ночью сѣвернаго сіянія. По большему или меньшему неправильному склоненію магнитной стрѣлки и большей или меньшей силѣ индукціи въ телеграфныхъ проволокахъ, можно догадываться о большемъ или меньшемъ распространеніи и свѣтовой части сѣвернаго сіянія,—такъ какъ опытомъ дознано, что тѣмъ большая получается сила электрическаго тока въ термо-электрическомъ элементѣ, чѣмъ больше разница въ охлажденіи однихъ его концовъ и въ нагрѣваніи другихъ. А болѣе значительная разница въ температурѣ земной коры возможна только при спокойномъ состояніи воздуха и при чистомъ небѣ, что и обусловливаетъ яркость и дальность распространенія сѣвернаго сіянія въ направленіи къ экватору. Если только одна магнитная стрѣлка, какъ болѣе чувствительная къ существованію даже слабыхъ термо-электрическихъ токовъ, безсильныхъ измѣненіемъ напряженія главнаго тока навести индукцію въ телеграфныхъ проволокахъ, склонится на западъ, или востокъ, болѣе, чѣмъ она склонялись вчера, то этимъ она укажетъ на неравномѣрность нагрѣванія земной коры, происходящую отъ землятрясеній, вулканическихъ изверженій, совокупности охлажденій въ одномъ мѣстѣ и на грѣваній въ другомъ, производящей сѣверное сіяніе, а также бурю и вѣтры. Сіяніе видное только у полюса однако отклонитъ магнитную стрѣлку въ Парижѣ, тогда какъ громовой ударъ имѣетъ вліяніе только въ близкомъ отъ магнитной стрѣлки разстоянія.

И такъ, единственная причина полярныхъ сіяній—значительная разница температуры земной коры съ ея воздушною оболочкою, произведенная съ одной стороны—нагрѣваніемъ теплымъ полярнымъ моремъ, со другой охлажденіеніемъ суши сильнымъ морозомъ, при спокойномъ состояніи атмосферы.

З. Л. Ляцкій.

Примѣч. ред. Такъ какъ причина сѣвернаго сіянія до сихъ поръ еще не разъяснена наукою и оставляетъ широкое поле изслѣдованіямъ и догадкамъ, то мы печатаемъ эту прекрасную статью единственно въ видахъ содѣйствія разъясненію вопроса, отнюдь не принимая на себя отвѣтственности за воззрѣнія автора.

Наводненіе.

(См. стр. 357).

Послѣднее время особенно богато наводненіями. Въ прошломъ году неуспѣлъ выступить изъ своихъ береговъ Амуръ и затопить множество городковъ и поселеній, какъ на противоположномъ концѣ стараго свѣта разыгрался великій разливъ водъ Балтійскаго моря, нанесшій столько бѣдствій сѣверному побережью Германіи. Въ нынѣшнемъ году наступила очередь сѣверной окраины европейской Россіи—и вотъ газеты ежедневно приносятъ намъ извѣстія о разливѣ Двины, Онеги и др., причинившихъ громадные убытки и даже смерть многимъ изъ жителей. Сколько потерь, слезъ и горя, страха и надежды, отчаянія и личнаго мужества—

группируется въ потрясающей картинѣ наводненія! Надолго запечатлѣваются въ памяти мѣстныхъ обывателей имена людей, которые въ годину бѣдствій, забывая собственную личность, отважно жертвуютъ ею для спасенія ближнихъ. Мы хотимъ познакомить читателя съ однимъ изъ такихъ подвиговъ, увѣковѣченнымъ въ стихахъ безсмертнаго Гёте.

Это было 13 января 1800 года. Раннія оттепели быстро разрыхлили громадныя массы Рейнскаго льда—и долго сдерживаемая рѣка, взломавъ свои оковы, ринулась въ борьбу съ плотинами, охранявшими поля.

Ужасно опустошительное дѣйствіе царственной рѣки, величественно прокладывающей себѣ дорогу вдоль береговъ!

Весь округъ Гритгаузенъ, неподалеку отъ Клеве, затопленъ. Сильнѣе всего бѣдствіе разыгралось въ селеніи Бриненъ. Здѣсь, въ бѣдной хижинкѣ проживала еще бодрая, не смотря на преклонныя лѣта, вдова съ семнадцатилѣтнею дочерью Іоанною. Всѣ сосѣди любили и уважали старуху Зебусъ и молодую дѣвушку. Домикъ этотъ былъ ихъ собственностью, и они отдавали часть его внаймы другой вдовѣ съ тремя ея дѣтьми. Вдругъ мирному крову грозитъ разрушающее насиліе разнузданной стихіи. Выше и выше прибываетъ вода, бурно хлещутъ волны въ стѣны хижинки. Дочерью овладѣваетъ страшная рѣшимость «Матушка, я на рукахъ вынесу тебя изъ этой пучины! восклицаетъ она—и твердой походкой съ драгоцѣнной ношей на рукахъ, ступаетъ въ разъяренномъ прибоѣ волнъ. Какъ сама она нѣкогда цѣплялась ручонками за шею матери, выносившей свое дѣтище изъ всякихъ бѣдъ и нуждъ въ теченіи многихъ лѣтъ,—такъ теперь несетъ она безсильную старушку, довѣрчиво приникшую къ дочерней груди. Остальнымъ домочадцамъ, провожающимъ ее жалобнымъ призывомъ, она кидаетъ прощальный взглядъ обѣщающій скорую помощь—и вотъ

Бушуетъ потокъ, подается плотина
И мчится волна за волной по равнинѣ...

но Богъ помогаетъ дочерней любви. Она достигаетъ безопаснаго убѣжища и сдавъ свою мать на попеченіе добрыхъ людей, не слушая увѣщаній,—спѣшитъ спасти ожидающихъ ее.

Бушуетъ потокъ, подъ водою плотина,
И моремъ окрестная стала равнина...

Безстрашно идетъ доблестная дѣвушка въ обратный путь, но.... уже поздно: вдова съ дѣтьми уже поглощена зіяющею бездною.

И сама, спѣшившая на помощь имъ, продержавшись нѣсколько времени въ упорной борьбѣ съ волнами, по мѣрѣ того какъ вода прибываетъ выше и выше,—теряетъ силы, шатается.... И отъ молодой жизни остается лишь безсмертное имя.

Китайскія казни. І. Истязаніе поджигателей. Рис. Баяръ, грав. Лаплантъ.

Маршалъ Макъ-Магонъ,

президентъ французской республики.

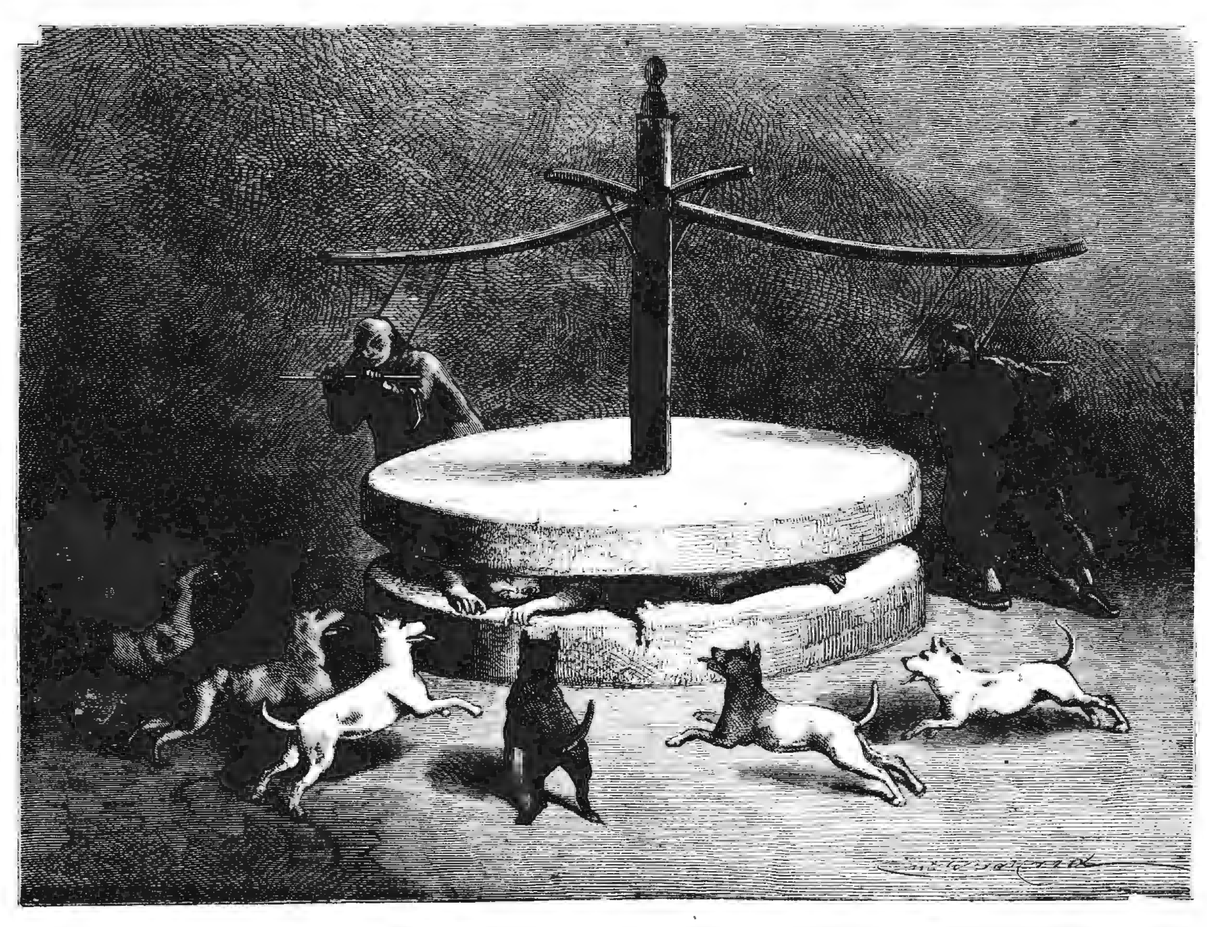
Мари-Эдме-Патрикъ-Морисъ графъ Макъ-Магонъ родился 13-го Іюля 1808 года въ Сюльби (департаментъ Соны и Лоары). Предки его были ирландскіе католики, выселившіеся во Францію вмѣстѣ съ Стюартами. Сынъ любимца Карла X, молодой человѣкъ въ 1825 г. былъ принятъ въ Сенъ-Сирское военное училище, откуда выпущенъ подпоручикомъ въ штабный корпусъ. Алжирская экспедиція была первой кампаніей, въ которой онъ участвовалъ, будучи причисленъ къ 4 гусарскому полку. Получивъ чинъ поручика 20 апрѣля 1831 года, онъ во время осады Антверпена находился при генералѣ Атарѣ въ качествѣ адъютанта. Произведенный въ капитаны 20 декабря 1833 года, онъ уѣхалъ въ Африку и тамъ отличился при осадѣ Константины, при чемъ раненъ былъ осколкомъ бомбы въ грудь. Въ 1840 году его назначили командиромъ 10-го гусарскаго полка, и затѣмъ постепенно проходя службу подполковникомъ иностраннаго легіона въ 1842 г., полковникомъ 41 линейнаго полка, онъ отличался необыкновенной отвагой и храбростью доходившей почти до отчаянія. Въ 1848 году онъ былъ произведенъ въ бригадные генералы, а въ 1852 въ дивизіонные.

Во время севастопольской кампаніи Макъ-Магонъ занялъ мѣсто Канробера въ командованіи 1 дивизіи 2-го корпуса Боске и бралъ Малаховъ курганъ. Отсюда собственно и начинается его военная слава. Награжденный орденомъ почетнаго легіона большаго креста, онъ получилъ командованіе резервнымъ корпусомъ,

а по возвращеніи во Францію сдѣланъ сенаторомъ 24 іюня 1856 года. Въ слѣдующемъ году онъ командовалъ 2-ю дивизіей экспедиціоннаго корпуса генерала Рандона при покореніи Великой Кабиліи въ Африкѣ. Въ 1859 году, во время Италіанской войны, Макъ-Магонъ въ качествѣ главнокомандующаго 2-мъ корпусомъ, принималъ участіе въ сраженіи при Маджентѣ 4 іюня и на другой день возведенъ былъ въ достоинство маршала Франціи и герцога Маджентскаго. Въ 1861 году онъ присутствовалъ на коронаціи прусскаго короля Вильгельма I въ качествѣ представителя Франціи. Затѣмъ долгое время (съ 1864 г.) былъ генералъ-губернаторомъ Алжира до 1870 года, когда ему поручено было защищать эту провинцію въ главѣ 1-го армейскаго корпуса. Отступленіе его на Нанси и Шалонъ съ 18,000 войска считалось прекрасной операціей. Тяжело раненный при Седанѣ, онъ какъ-бы самой судьбой избавленъ былъ отъ всякой отвѣтственности за это постыдное дѣло—и вскорѣ за тѣмъ, призванный на службу отечеству, раздираемому партіями, энергически подавилъ коммуну. Макъ-Магонъ всегда отличался неподкупною честностью и независимостью своихъ убѣжденій и симпатій. Читатели уже знаютъ, какъ отнесся онъ къ высокой роли, которую такъ неожиданно призванъ былъ играть въ дальнѣйшей судьбѣ отечества.

Смѣсь.

Всемірный телеграфъ. Наконецъ теперь достигли того, къ чему такъ давно стремились: *всѣ пять частей свѣта соединены между собою посредствомъ электрической проволоки;* ни одна изъ нихъ не составляетъ исключенія съ тѣхъ поръ, какъ Австралія, съ которою мы познакомились послѣ всѣхъ другихъ материковъ, тоже соединена съ прочими искрометной проволокой.



Китайскія казни. II. Истязаніе отцеубійцъ. Рис. Баяръ, грав. Лаплантъ.

Въ 1833 году, Гаусъ и Веберъ въ Гёттингенѣ привели въ движеніе первый электромагнитный телеграфъ; а теперь, по прошествіи всего 40 лѣтъ, длина телеграфическихъ линій на всей землѣ составляетъ 66,000 географическихъ миль или — такъ-какъ окружность нашей земли у экватора имѣетъ 5400 миль—въ двѣнадцать слишкомъ разъ больше окружности земнаго шара.

Большія міровыя линіи окончены, а важнѣйшія торговыя страны, какъ напр. сѣверная Америка и Индія имѣютъ не только по одной, но по нѣсколько линій. Три кабеля, положенные въ 1856—1859 годахъ, соединяютъ насъ съ *сѣверной Америкой* и, перерѣзавъ этотъ континентъ во всю его длину, проходятъ чрезъ Вестъ-Индскіе острова вдоль береговъ Бразиліи до Буеносъ-Айреса; а боковыя линіи обвиваютъ Америку и въ ширину, идутъ черезъ Скалистыя горы въ городъ золота Санъ-Франциско, съ августа мѣсяца прошлаго года, и черезъ Анды въ Чили. Вслѣдъ за этимъ было приступлено къ проведенію кабеля отъ Португаліи черезъ Азорскіе острова въ Бразилію, такъ что по окончаніи этого дѣла Америка будетъ соединяться съ Европой четырьмя подводными проволоками.

Соединеніе съ *Азіей* такъ совершенно, какъ только можно желать, и почти всѣ значительные китайскіе, японскіе или индѣйскіе гавани и торговые города могутъ имѣть непосредственныя сношенія съ нашими метрополіями. Линія, одна уже равняющаяся третьей части земной окружности, тянется черезъ европейскую Россію и во всю длину Сибири въ городъ Николаевскъ при устьѣ Амура, слѣдовательно на крайній востокъ Россійской имперіи. Двѣ или даже и три линіи ведутъ въ Индію. Первая по времени — это такъ-называемый индѣйскій сухопутный телеграфъ, отъ Константинополя черезъ Малую Азію до устья Ефрата и черезъ Персидское море; съ этой линіей конкурируетъ другая, идущая изъ южной Россіи черезъ Кавказъ и Персію до Персидскаго залива, которая была устроена года за два передъ этимъ. Затѣмъ одна подводная линія идетъ изъ Суеца черезъ Красное море въ Аденъ, а оттуда черезъ Индѣйскій океанъ въ *Индію*. Отъ Индіи до Николаевска тоже протянуты телеграфическія проволоки вдоль всего азіатскаго восточнаго берега. Сингапуръ, Гонконгъ, Шангай—всѣ эти большіе торговые города соединены проволоками и имѣютъ непосредственныя сношенія съ Европой. Точно также и чудная «страна солнечнаго восхода»—Японія, которая такъ быстро усвоиваетъ себѣ нашу цивилизацію, соединена съ нами черезъ Нангазаки и Іеддо.

Африка давно уже была прикована къ Европѣ проволоками, идущими черезъ Средиземное море въ Алжиръ, Тунисъ, Триполь и Александрію, такъ что разобщенною оставалась одна только *Ав-*

стралія; но съ 1872 года пополненъ и этотъ пробѣлъ. Одна англійская компанія провела отъ Сингапура къ южной оконечности западнаго индѣйскаго полуострова проволоку черезъ Батавію въ Яву и малые Зундскіе острова до города Куланга на Тиморѣ, оттуда въ портъ Дарвинъ, на сѣверѣ Австраліи, а затѣмъ черезъ весь австралійскій континентъ до города Аделаиды на югѣ. Негостепріимная часть земли, сухая, безводная, почти безводная внутренность Австраліи, гдѣ томился не одинъ путешественникъ, теперь опутана и покорена.

Во сколько времени можетъ обойти телеграмма вокругъ земли? Смотря съ теоретической точки зрѣнія, для этого требуется такъ мало времени, что его почти нельзя и вычислить; но вѣдь телеграмма должна переводиться на различныя станціи, а потомъ нужно принять въ соображеніе, что когда у насъ, на нашемъ полушаріи, уже вторникъ, на другой полусферѣ еще только понедѣльникъ. Это даетъ на практикѣ слѣдующій результатъ.

Положимъ напр., что упомянутый выше пробѣлъ отъ Санъ-Франциско въ Азію пополненъ и проволока идетъ вокругъ всей нашей планеты и что кто-нибудь желаетъ телеграфировать изъ Санъ-Франциско не по прямой дорогѣ въ Нью-Іоркъ, а черезъ Тихій океанъ, Азію, Европу и Атлантическій океанъ, то телеграмма, отправленная въ *понедѣльникъ* въ 40 минутъ 7-го утра, дойдетъ въ слѣдующій затѣмъ *вторникъ* въ 6 минутъ 2-го въ Николаевскъ при устьѣ Амура. Но въ Петербургъ, пройдя Сибирь, она придетъ только въ 3 минуты 7-го въ *понедѣльникъ вечеромъ;* въ Лондонъ, опережая время, она придетъ въ 22 минуты 5-го въ *понедѣльникъ пополудни*, и наконецъ съ помощію атлантическаго кабеля, опять оставляя за собою солнце, въ 46 минутъ 12-го въ *понедѣльникъ днемъ* въ Нью-Іоркъ. Такимъ образомъ, пишетъ газета «*Engineer*», у которой мы заимствуемъ это исчисленіе, можетъ быть отправлена въ какой-нибудь день утромъ телеграмма, которая будетъ получена и отправлена послѣ полудня того же дня, въ который она была впервые отправлена, и достигнетъ наконецъ мѣста своего назначенія до полудня перваго дня своего отправленія. Такъ какъ она была отправлена изъ Санъ-Франциско въ 40 минутъ 7-го, а въ Нью-Іоркъ пришла въ 46 минутъ 12-го, то выходитъ, что она употребила всего 4 часа, которые идутъ на передачи.

Въ заключеніе мы можемъ еще сообщить, что въ 1860 г. длина линій въ Европѣ заключала въ себѣ только 17,000 миль, а десять лѣтъ спустя уже 37,000 миль и что впервые годы было отправлено только 9 милліоновъ, а въ послѣдніе уже 39 милліоновъ телеграммъ. На чемъ-то остановится этотъ прогрессъ?

Листокъ изъ исторіи бумажныхъ денегъ. И бумажныя деньги имѣютъ свою исторію, точно такъ же, какъ и важно звенящіе червонцы, луидоры и наполеондоры, — да еще болѣе древнюю, почти столь же древнюю, какъ и сама бумага.

Едва арабы, эти ученые алхимики востока, изобрѣли льняную бумагу, которой изъ уваженія къ долголѣтней службѣ замѣненнаго ею папируса дали названіе этого послѣдняго (papier—бумага)—едва добыли такимъ образомъ практическій матеріалъ для увѣковѣченія мыслей и для передачи ихъ изъ одного мѣста въ другое, какъ уже начали думать о томъ, какъ бы эксплуатировать этотъ богатый рудникъ до самаго дна; — если не изъ страсти къ многописанію, которая еще не свирѣпствовала, то изъ алчности къ наживѣ, къ извлеченію денегъ хотя бы изъ папируса, или изъ какого-нибудь растительнаго вещества, похожаго на него. Древнѣйшія рукописи, написанныя на льняной бумагѣ, которыми мы владѣемъ еще и теперь, относятся къ 1240 г., а 24 года спустя пониженіе цѣны на благородные металлы, произведенное бумажными деньгами, не было уже ни для кого тайной.

Честь этого быстраго успѣха не принадлежитъ Европѣ; Европа была тогда еще ученицей Азіи,—и въ Азіи-то, колыбели человѣческаго рода и цивилизаціи, а слѣдовательно и промышленности, а также и интриги, произошли на свѣтъ эти государственныя долговыя записи—и притомъ въ такомъ азіатскомъ государствѣ, которое мы считаемъ самымъ гордымъ, тщеславнымъ и роскошнымъ: въ Персіи. Скипетръ Персіи былъ въ то время въ рукахъ потомка великаго Чингисъ-хана, Кей-Хату. Завоеванія его знаменитаго предка и оставленное ему богатство представлялись ему только средствомъ и правомъ вести расточительный жизнь. Въ то время, какъ онъ проводилъ свои дни въ бездѣйствіи, его министры помышляли, также какъ и онъ, только о развлеченіяхъ, и разумѣется, что самыя дорогія считались самыми лучшими. Удивительно ли, что при такихъ условіяхъ въ неистощимомъ, повидимому, казначействѣ опоражнивался одинъ денежный мѣшокъ за другимъ, и что въ одно прекрасное утро казначей безпечнаго хана сдѣлалъ печальное открытіе, что послѣдняя золотая монета выдана. Какъ бы теперь создать какое-нибудь новое средство, чтобы поддержать роскошь царскаго двора и сохранить прежній блескъ короны? — Кей-Хату и не думалъ ломать себѣ надъ этимъ головы, вѣдь онъ и понятія не имѣлъ о томъ, откуда приходили и куда уходили деньги,—да и зачѣмъ же у него чиновники, если не затѣмъ, чтобъ хлопотать о деньгахъ?—И они хлопотали. Департаментомъ налоговъ завѣдывала хитрая голова, Эцудинъ Муцуфферъ, который жилъ не даромъ въ отечествѣ шелковичнаго червя, научившаго туземцевъ прясть шелкъ. Онъ надѣлалъ продолговатыхъ банковыхъ билетовъ, по имени Шау, на которыхъ нацарапалъ коротенькимъ китайскимъ шрифтомъ магометанскій символъ вѣры: «Богъ одинъ, а Магометъ пророкъ его» вмѣстѣ съ словами «Ирандши» и «Будши», которые были, можетъ быть, именами другихъ высокихъ сановниковъ. Въ серединѣ каждаго билета былъ кругъ съ обозначеніемъ цѣнности и того дня, когда банковый билетъ перешелъ изъ рукъ царя въ руки народа.—Что онъ надѣлалъ этихъ билетовъ не изъ тряпичной бумаги, которая тогда не вошла еще, можетъ быть, въ Персіи во всеобщее употребленіе, а изъ высушенныхъ листьевъ шелковичнаго дерева, отъ этого они нисколько не теряютъ ни своей цѣнности въ качествѣ банковыхъ билетовъ, ни своихъ свойствъ въ качествѣ бумаги. Составивъ этотъ планъ, Эцудинъ Муцуфферъ передалъ его своему повелителю и имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ не только принятъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ еще законъ, чтобы эти расписанные такимъ образомъ листы шелковичнаго дерева служили отнынѣ деньгами и одни только принимались въ уплату и что вслѣдствіе этого весь благородный металлъ въ странѣ долженъ быть обмѣненъ въ царскихъ кассахъ на эти облигаціи. А такъ какъ въ странѣ деспотовъ пощады не знаютъ, то далѣе говорилось, что кто будетъ пускать въ обращеніе другія деньги, тотъ будетъ казненъ смертью.

Такимъ образомъ, благодаря одному энергическому слову, ассигнаціи были быстро введены. Что нужды, что онѣ указывали, какъ нельзя яснѣе, на несостоятельность государственнаго казначейства! нельзя же было шаху оставаться въ нуждѣ.

Китайцы, у которыхъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ былъ сдѣланъ такой же опытъ, единодушно отказались признавать деньгами бумагу, которую деспотическая воля хотѣла превратить посредствомъ штемпеля въ деньги, и о такое народное сопротивленіе сокрушилась даже воля деспота; — но персы были слишкомъ труслива, чтобы противиться такому закону, за которымъ стояла смертная казнь,—и отнесли всѣ свои деньги и драгоцѣнные камни въ ханское казначейство, чтобы обмѣнять ихъ на сухія листья. Вся страна ограничилась въ большей или меньшей степени мѣновымъ торгомъ, блестящій металлъ какъ бы исчезъ. Марко Поло, знаменитый венеціанскій путешественникъ, посѣтившій также въ это время и Персію въ сопровожденіи своего отца, разсказываетъ намъ, что онъ не видалъ тамъ золота и даже не смѣлъ показать своихъ собственныхъ наличныхъ денегъ, чтобъ не поплатиться за это жизнію.

Три дня продѣлывалъ свои штуки Эццудинъ Муцафферъ и три дня наслаждался Кей Хату золотыми плодами одобренной имъ мѣры,—тутъ опасная азартная игра доигралась. Въ народѣ, хотя это и былъ народъ рабовъ, накопилось за эти три дня столько желчи, что открылось броженіе. Эццудинъ Муцуфферъ, остроумный изобрѣтатель банковыхъ билетовъ изъ листьевъ шелковичнаго дерева, сдѣлался жертвою народной ярости. Говорятъ, что дикія орды, вдругъ сбросивши узду рабскаго послушанія, бросились на него и разорвали его—страшный примѣръ народнаго суда!

Не остался безъ наказанія и Кей Хату, надъ которымъ ассигнаціи собрали бурю въ родѣ той, во время которой впослѣдствіи времени несчастный Людовикъ XVI лишился короны и жизни. Послѣдняя мѣра, слишкомъ ясно указывавшая на то, какъ мало заботился Кей Хату объ интересахъ своего народа,—какъ, давая государству законы, онъ думалъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ, — какъ онъ попралъ ногами торговлю и выгоды страны, чтобы продолжать тотъ же расточительный образъ жизни, что и прежде,—совершенно лишили его народнаго уваженія, и когда его внукъ, Байду-ханъ, воспользовавшись неудовольствіемъ народа, завладѣлъ трономъ, ни одна рука не поднялась на защиту бывшаго повелителя, и Кей Хату не только палъ съ высоты своего величія, но еще палъ въ могилу—въ видѣ маленькаго, чисто приготовленнаго листка шелковичнаго дерева.

Зоологическая станція доктора Дорна въ Неаполѣ. Въ скоромъ времени откроется, если уже не открылось, въ Неаполѣ научное заведеніе, единственное по обширности своихъ размѣровъ, основанное на собственныя средства однимъ молодымъ нѣмецкимъ естествоиспытателемъ. Докторъ Антонъ Дорнъ изъ Штетина, бывшій еще недавно частнымъ преподавателемъ въ Іенѣ, построилъ на узкой береговой полосѣ, отдѣляющей паркъ виллы Реале отъ моря, громадное зданіе для чисто зоологическихъ цѣлей, стоившее ему около 50,000 талеровъ. Сдѣланный имъ выборъ мѣстности основывается на богатствѣ фауны Средиземнаго моря, представляющаго особенно богатый матеріалъ для зоологическихъ изслѣдованій, сравнительно съ болѣе изслѣдованными и менѣе щедро одаренными природою морями Германіи. Нижній этажъ зданія, обнимающій 8,000 квадратныхъ футовъ, заключаетъ въ себѣ обширный акваріумъ, устроенный съ помощію В. А. Лойда, директора акваріума хрустальнаго дворца, и соотвѣтствующій новѣйшимъ требованіямъ науки. Этотъ акваріумъ будетъ открытъ для публики и изъ получаемой за входъ платы докторъ Дорнъ не только надѣется покрыть издержки собственно на акваріумъ, но еще употребить остатокъ въ пользу верхняго этажа, посвященнаго только научнымъ цѣлямъ. Дорнъ не только назначилъ для акваріума чиновниковъ и служителей, но еще нѣсколько молодыхъ зоологовъ, которымъ онъ будетъ платить жалованье въ качествѣ директора заведенія.

Верхній этажъ заключаетъ въ себѣ рядъ зоологическихъ лабораторій, которыя будутъ отдаваться въ распоряженіе посѣщающихъ эту станцію естествоиспытателей. Прекрасная библіотека, въ основаніе которой легла собственная библіотека доктора Дорна, уже на лицо; замѣчательнѣйшіе книгопродавцы, какъ напр.

Вивегъ въ Брауншвейгѣ, Энгельманъ въ Лейпцигѣ, Фишеръ въ Касселѣ прислали безвозмездно свои изданія, и то же самое сдѣлалъ и Агассизъ въ отношеніи своихъ драгоцѣнныхъ произведеній. Рабочіе столы въ комнатахъ для занятій устроены новымъ, совершенно особеннымъ образомъ; они заключаютъ въ себѣ ящики, черезъ которые постоянно протекаетъ потокъ свѣжей морской воды, такъ-что работающіе могутъ всегда имѣть передъ глазами живыхъ морскихъ животныхъ, вмѣсто того, чтобы наблюдать экземпляры въ спирту. Правительства, университеты и ученыя общества могутъ обезпечить себѣ здѣсь за извѣстную сумму отдѣльные рабочіе столы, которые въ свою очередь могутъ отдать въ распоряженіе студентовъ или профессоровъ. Маленькій пароходъ, различныя лодки, сѣти, рыбачьи снаряды и т. п. служатъ къ тому, чтобъ извлекать изъ глубины моря сокровища, въ которыхъ нуждается естествоиспытатель для своихъ изслѣдованій.

Какъ частное предпріятіе, зоологическая станція доктора Дорна—единственная въ своемъ родѣ. Съ самоотверженіемъ и трудолюбіемъ истиннаго ученаго, онъ побѣдилъ всѣ препятствія, въ томъ числѣ и не совсѣмъ благосклонныя отношенія къ этому дѣлу неаполитанскаго магистрата, задерживавшаго его цѣлыхъ два года, пока наконецъ онъ купилъ землю для этого заведенія. Напротивъ того, министръ Селла, вполнѣ сочувствовавшій стремленіямъ доктора Дорна, поддерживалъ его всѣми силами, и такимъ образомъ Неаполь обогатился еще однимъ лишнимъ научнымъ центромъ притяженія.

Два — десять. — Миссъ Бурдеттъ Каутсъ, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ богатыхъ землевладѣлицъ Англіи, а это не бездѣлица въ странѣ такой крупной поземельной собственности. Одной баснословной цифры ея годоваго дохода уже было бы ей достаточно, чтобы занимать самое видное и почетное мѣсто среди лондонскаго общества, еслибы она даже и не дѣлала изъ своего богатства такого употребленія, которое въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ благодарность и уваженіе ея соотечественниковъ. Между тѣмъ благотворительность миссъ Бурдеттъ Каутсъ такъ велика, что напоминаетъ собою подвиги Пибоди; особенно же много пользы принесла она учрежденіемъ практическихъ и здоровыхъ жилищъ для работниковъ. Въ благодарность за такіе заслуги королева Викторія возвела ее недавно въ званіе баронессы, и англійское дворянство сочло за честь принять ее въ свои ряды. Немного найдется въ Лондонѣ такихъ людей, которые не знали бы теперешней леди Бурдеттъ Каутсъ; въ какой бы магазинъ она ни зашла, ее вездѣ принимаютъ съ величайшимъ уваженіемъ, а между тѣмъ, незадолго до открытія франко-прусской войны, миссъ Бурдетъ Каутсъ, при посѣщеніи ею столицы тогдашней французской имперіи, пришлось узнать на опытѣ, что обладаніе большимъ богатствомъ не всегда служитъ защитою отъ оскорбительныхъ подозрѣній.

Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Парижъ, миссъ Каутсъ получила извѣстіе о смерти одного родственника; находя нужнымъ надѣть по этому поводу трауръ, она отправилась въ большой магазинъ траурныхъ вещей, чтобы сдѣлать тамъ необходимыя покупки. Прежде всего она потребовала черныхъ матерій для платья. Прикащикъ отвелъ ее въ особое отдѣленіе и передалъ ее тамъ своему товарищу съ словами: «Покажите этой дамѣ черныя матеріи; два—десять».

Миссъ Кутсъ выбрала, что ей было нужно и спросила траурныхъ воротниковъ. Прикащикъ повелъ ее въ другое отдѣленіе и передалъ ее тамъ начальнику отдѣленія, сказавши: «Покажите этой дамѣ черные воротники; два—десять». Та же самая сцена повторилась и при покупкѣ какой бы то ни было статьи. Начальникъ одного отдѣленія всегда отводилъ ее въ другое и передавалъ своему товарищу съ прибавленіемъ таинственныхъ словъ: «два—десять», такъ что наконецъ миссъ Кутсъ замѣтила это—и при выходѣ изъ магазина, подавая кассиру свой адресъ и объясняя куда слѣдуетъ прислать ей товары, она спросила разсыпавшагося въ комплиментахъ владѣльца магазина о значеніи этихъ «двухъ—десяти», которые ей столько разъ приходилось слышать. Этотъ послѣдній видимо смутился и уклончиво отвѣчалъ, что это лозунгъ, которымъ обыкновенно обмѣниваются между собою его прикащики, не распространяясь однакоже о его значеніи.

Далеко не удовлетворившись этимъ объясненіемъ, миссъ Каутсъ, любопытство которой было возбуждено, рѣшилась узнать всю правду; поэтому, когда разсыльный принесъ ей изъ магазина купленные товары, она, расплатившись по счету и давъ ему, какъ это обыкновенно дѣлается, нѣсколько денегъ на водку, сказала ему: «не хочешь ли ты, сынъ мой, заработать еще пять франковъ?»

Само собою разумѣется, что молодой человѣкъ былъ не прочь отъ этого, и миссъ Каутсъ спросила его, что это значитъ, когда въ его магазинѣ говорятъ: «два—десять?»

— Этого вы не знаете? спросилъ, видимо изумленный такимъ невѣжествомъ, мальчикъ,—это значитъ: «смотрите своими двумя глазами, чтобы тѣ десять пальцевъ чего не стянули.

Загадка была рѣшена; всѣ прикащики этого магазина приняли богатѣйшую землевладѣлицу Англіи за лавочную воровку; это показалось миссъ Каутсъ такъ комично, что, возвратившись въ Лондонъ, она разсказала объ этомъ всѣмъ своимъ друзьямъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

27-го мая (8-го іюня) Его Величество Государь Императоръ съ ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Государыней Цесаревной изволили благополучно прибыть въ 10 часовъ утра, въ Штутгартъ.

30-го мая (11-го іюня) Его Величество Государь Императоръ, въ 10 часовъ утра, изволилъ выѣхать изъ Штутгарта въ Эмсъ и 30-го мая (11-го іюня), изволилъ благополучно прибыть туда въ 8 часовъ вечера.

Его Императорское высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій изволилъ выѣхать 29-го мая, съ вечернимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги (въ 10 ч. 30 м.), въ Новгородъ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю кончины Принца Адальберта прусскаго, двоюроднаго брата Его Величества Императора Германскаго-Короля, наложить при Высочайшемъ дворѣ трауръ на девять дней, съ обыкновенными раздѣленіями, начиная съ 29-го мая.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайше утвержденнымъ 15-го мая сего года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено:

Во-1-хъ, акцизъ съ выкуриваемаго на заводахъ вина и спирта, а также съ водокъ изъ свеклосахарныхъ остатковъ, медовой пѣны и восковой воды, назначить въ Имперіи по 7 коп. съ градуса ($^1/_{100}$ ведра) по спиртомѣру Траллеса или по 7 руб. въ ведра, а въ Царствѣ Польскомъ $5^1/_2$ коп. съ градуса или по 5 руб. 50 коп. съ ведра безводнаго спирта.

Во-2-хъ, взиманіе акциза въ указанныхъ въ предъидущемъ пунктѣ размѣрахъ начать со всего вина и спирта, а также водокъ изъ свеклосахарныхъ остатковъ, медовой пѣны и восковой воды, которые будутъ выкурены изъ заторовъ, сдѣланныхъ съ 15-го іюня 1873 года.

Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода уѣхалъ, съ Высочайшаго соизволенія, на нѣкоторое время изъ С.-Петербурга. По волѣ Государя Императора, исполненіе обязанностей оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, на время его отсутствія, возложено, 19-го мая, на товарища его по сему званію тайнаго совѣтника Толстаго.

Министръ Юстиціи, отправляясь, по волѣ Государя Императора, для обозрѣнія нѣкоторыхъ судебныхъ учрежденій въ округахъ Харьковской и Саратовской судебныхъ палатъ, съ соизволенія Его Величества, 23-го мая, передалъ на время своего отсутствія управленіе министерствомъ юстиціи товарищу министра юстиціи, сенатору, тайному совѣтнику Эссену.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія *мнѣніемъ положилъ:*

Существующія нынѣ и имѣющія быть открытыми православныя училища, а также обученіе въ домахъ православныхъ жителей, въ селеніяхъ и вообще въ мѣстностяхъ внѣ городовъ трехъ Прибалтійскихъ губерній, подчинить, съ 1-го іюля 1873 г., въ учебномъ отношеніи вѣдѣнію начальства Дерптскаго учебнаго округа.

15-го мая въ г. *Цивильскѣ, Казанской губерніи*, согласно постановленію мѣстной городской управы, *открыто одноклассное женское училище.*

Въ деревнѣ Бараны, Ливновскаго уѣзда, *Плоцкой губерніи открыто начальное евангелическое училище.*

ВОЕННОЕ ДѢЛО.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ напечатаны слѣдующія письма изъ туркестанскаго отряда:

„*Манамъ-Джанъ*, (одинъ переходъ отъ Арисганъ-бель-кудука), 11-го апрѣля. Отъ Аристана дорога переходитъ перевалъ, спускъ съ котораго, для возможности движенія артиллеріи, разработывали саперы. За спускомъ, около двухъ верстъ, ущелье и затѣмъ—долина, по которой, до самаго Манамъ-Джана, попадаются рыхлые солончаки, занимающіе иногда значительныя площади. На послѣднихъ растительности нѣтъ никакой. Только тамъ, гдѣ нѣтъ солонцевъ, ростетъ джюзанъ (трава), да и тотъ не обиленъ. Все время, почти отъ Балта-салдыра, эта трава служитъ кормомъ нашимъ лошадямъ. Для верблюдовъ же лучшаго ничего и не нужно. Джюзанъ употребляется также и на топливо. Вообще, это растеніе приноситъ намъ громадную пользу. Не будь его, многія лошади, можетъ быть, околѣли-бы отъ коликъ, вслѣдствіе употребленія одного ячменя“.

„*Джангильды* (въ 14-ти верстахъ не доходя Хала-ата), 20-го апрѣля. За Манамъ-Джаномъ характеръ мѣстности тотъ же, но солончаковъ еще болѣе. На срединѣ между этимъ пунктомъ и Каракъ-ата, посреди солончаковъ, имѣются ключи, придающіе всему окружающему чрезвычайно оригинальный характеръ. Изъ ключей текутъ небольшіе ручейки, которые разливаются по солонцамъ, образуютъ на нихъ лужи, а мѣстами и топи, и затѣмъ совершенно теряются, оставляя на пройденномъ ими пути зеленыя площадки, покрытыя зеленою травою и кустами колючки. Тутъ-же, рядомъ съ зеленью, довольно толстый слой осадочной соли.

„Каракъ-ата—уголокъ, производящій самое пріятное впечатлѣніе. Богатый ключъ, дающій до шести ведеръ воды въ секунду, огороженныя земляными валиками клеверныя поля (конечно, самыхъ ограниченныхъ размѣровъ), нѣсколько группъ деревьевъ, жилыя сакли, живописное кладбище въ сторонѣ,—все это дѣлаетъ урочище отраднымъ мѣстомъ для отдыха. Въ Каракъ-ата командующаго войсками торжественно принимало новое посольство изъ Бухары. Оно выѣхало на встрѣчу генералу, обмѣнялось съ нимъ нѣсколькими фразами, выражавшими взаимныя отношенія, и затѣмъ поѣхало въ свитѣ командующаго войсками. На ключахъ насъ ожидало большое угощеніе, которое, какъ извѣстно, состоитъ изъ плова, чаю и разныхъ туземныхъ сладостей. Любезность эмира этимъ не ограничилась: онъ прислалъ въ отрядъ, въ видѣ подарка, муку и крупу. На каракъ-ата были угощены пловомъ даже войска. Подобныя угощенія продолжаются до настоящаго времени и будутъ продолжатся до Хала-ата. На привалахъ бухарцы раскидывали односторонній шатеръ, разстилали ковры, угощали чаемъ. Послѣдній былъ всегда кстати. Съ утра, обыкновенно, ѣсть не хочется. Съ чаемъ едва съѣшь нѣсколько сухарей. Цѣлый день, при всякой возможности, пьешь и пьешь, такъ что до вечера почти исключительно живешь чаемъ. Только часамъ къ 4—5, и даже нѣсколько позже, проявляется аппетитъ: въ это время ѣшь за цѣлый сутки“.

„*Хала-ата*, (176 серстъ отъ Аристанъ-бель-кудука, верстахъ въ 120 отъ Аму-Дарьи), 21-го апрѣля. Сегодня пришли на хала-атинскіе ключи, сдѣлавъ въ 10 дней 176 верстъ. На этомъ протяженіи, 4-й переходъ отъ Аристанта (между колодцами Чуркъ и Султанъ-биби.) былъ особенно труденъ. Сорока-верстный путь котораго $^1/_4$ проходитъ по каменистому ущелью горнаго кряжа Куль-Джука, былъ особенно тяжелъ для верблюдовъ. Въ эшелонѣ главной квартиры самые первые вьюки пришли на Султанъ-биби въ половинѣ девятаго; послѣдніе — на другой день, около семи часовъ; притомъ нужно сказать, что выступили съ Чурка въ 4 часа. Движеніе было значительно замедленно двумя глубокими (особенно первый) оврагами, находящимися на второй половинѣ перехода. Люди шли удивительно бодро, дорогой разсказывали анекдоты и смѣялись. День былъ очень жаркій (32° Р.), а по пути ни одного колодца. Все время до ущелья попадались по дорогѣ ящерицы, змѣи, которыя, по словамъ бухарцевъ, очень ядовиты, и множество черныхъ земляныхъ жуковъ. Около горъ есть куропатки, но никто на нихъ не охотился, ожидая охоты болѣе серьозной. По свѣдѣніямъ, за Хала-ата стоятъ хивинцы. Они, какъ говорятъ, разсчитываютъ потягаться съ нами до Аму-Дарьи. Въ Хала-ата будемъ стоять нѣсколько дней.

„24-го апрѣля.—Сегодня, въ часъ ночи, была тревога. Непріятеля было не болѣе 30 человѣкъ. Сегодня съ нашей колонной соединилась казалинская. Она выступила изъ Казали 10-го марта и въ продолженіе 6-ти недѣль сдѣлала около 750 верстъ“.

По извѣстію, полученному „Русскимъ Инвалидомъ“ телеграфичискимъ путемъ, отъ 13 мая, изъ Мерке (на границѣ сыръ-дарьинской и семи рѣченской областей)—казалинскій и джизакскій отряды соединились на урочищѣ Халаата, куда головной эшелонъ туркестанскаго отряда прибылъ 21 апрѣля, а послѣдній эшелонъ 24 апрѣля. Такимъ образомъ колоны джизакская и казалинская 24 апрѣля соединились на урочищѣ Хала-ата въ 30 верстахъ отъ хивинской границы и въ 120 верстахъ отъ Аму-дарьи.

На урочищѣ Хала-ата, въ видѣ опорнаго и складочнаго пункта, было возведено укрѣпленіе св. Георгія, на которомъ поднятъ флагъ 26 апрѣля. Укрѣпленіе построено на 200 челов. гарнизона и вмѣщаетъ въ себѣ артиллерійскій, провіантскій и инженерный склады и лазаретъ. Въ укрѣпленіи оставлена одна рота, два орудія и полсотни казаковъ

Такъ какъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, до 4,000 хивинцевъ собрались вблизи Учъ-Чучака, то было предположено, оставивъ тяжести въ укр. св. Георгія, двинуться къ названному пункту въ два перехода: одинъ въ 40 верстъ, до Адамъ-Крылгана, а другой 80 верстъ, отъ этого пункта до Аму. Для обрекогносцированія пути до Адамъ-крылгана и для устройства колодцевъ 27 апрѣля была выслана передовая колона (2 роты стрѣлковъ, рота саперъ, 4 горныхъ и 2 скорострѣльныхъ орудія и полсотни казаковъ), подъ начальствомъ генералъ-маіора Бардовскаго. Остальныя части боевой колоны (4 роты стрѣлковъ, 5 линейныхъ ротъ, 8 орудій и полсотни казаковъ) должны были выступить 30 апрѣля. Затѣмъ, послѣ занятія переправы на Аму, имѣлось въ виду двинуть прочія войска отряда и тяжести, направляя ихъ чрезъ Учъ-Чучакъ на Шураханъ и далѣе.

Передовая колона генералъ-маіора Бардовскаго выступила 27 апрѣля, въ 3½ часа дня, Въ головѣ колоны слѣдовалъ взводъ стрѣлковъ, впереди котораго находился казачій патруль, выславшій разъѣздъ. Въ 8½ часовъ вечера, въ 18 верстахъ отъ Хала-ата, партія хивинцевъ въ 150 чел., скрытая за барханомъ, бросилась на разъѣздъ (состоявшій изъ 4 казаковъ и 9 джигитовъ; при немъ находились генеральнаго штаба подполковникъ Тихменевъ и артилеріи подполковникъ Ивановъ). Разъѣздъ бывшій въ полуверстѣ впереди патруля, спѣшился. Хивинцы окружили его и открыли огонь: имъ отвѣчали огнемъ. Съ первыхъ выстрѣловъ ранены пулями: подполковникъ Тихменевъ (двумя пулями въ голову легко), подполковникъ Ивановъ (въ руку и ногу легко), 4 казака (одинъ тяжело, а 3 легко), 3 джигитъ (одинъ тяжело, а 2 легко). На выстрѣлы быстро прибылъ патруль. Хотя хивинцы отошли, но, видя малочисленность прибывшихъ (8 казаковъ), продолжали стрѣлять, но безвредно. Съ приближеніемъ передоваго взвода колоны, усиленнаго генералъ-маіоромъ Бардовскимъ, хивинцы ускакали, увезя своихъ убитыхъ (3) и раненыхъ (6).

Съ полученіемъ извѣстія о стычкѣ 28 апрѣля, колона генералъ-маіора Бардовскаго была усилена. Послѣ произведенной развѣдки, на протяженіи до Адамъ-Крылгана не оказалось на пути ни одной партіи. По собраннымъ свѣдѣніямъ, нападеніе было сдѣлано туркменами, которые составляютъ главную массу хивинскихъ войскъ находящихся на р. Аму.

Генеральнаго штаба подполковникъ Тихменевъ остался при авангардѣ; артилеріи подполковникъ Ивановъ, 4 казака и 3 джигита отправлены въ укрѣпленіе св. Георгія для излеченія

Туркестанскій отрядъ (соединенныя колоны—казалинская и джизахская) находился 17 апрѣля на хивинской границѣ у колодцевъ Суллы-кужумды, около пяти переходовъ отъ Аму-Дарьи; оренбургскій отрядъ былъ 5 мая на мысѣ Ургу, а мангышлакскій, прослѣдовавъ 1 мая колодцы Ильтендже (въ 250 верстахъ къ юго-востоку отъ Бишъ-Акты), продолжалъ движеніе по направленію къ Айбугиру

Красноводскій отрядъ, слѣдовавшій по пути на колодцы Игды, Ортакуй и Дудуръ къ Измыхширу, по причинѣ чрезвычайно знойныхъ жаровъ, начавшихся съ 17 апрѣля и доходившихъ до 52 градусовъ, встрѣтилъ неодолимыя препятствія при переходѣ по совершенно безводнымъ, глубокимъ и сыпучимъ пескамъ.

При такихъ необычайныхъ условіяхъ, во избѣжаніе крайняго изнуренія какъ войскъ, такъ и вьючнаго скота, какъ сообщаютъ въ „Русскій Инвалидъ“, признано было необходимымъ, не доходя Ортакуя, возвратить отрядъ въ Красноводскъ, куда онъ и прибылъ 16 мая.

МОРЕПЛАВАНІЕ.

День тезоименитства Его Императорскаго Высочества генералъ-Адмирала ознаменовался въ нынѣшнемъ году для русскаго флота нѣсколькими событіями: въ Николаевѣ произведенъ, 21-го мая, въ присутствіи Его Высочества генералъ-Адмирала и генералъ-адъютанта А. А. Попова спускъ броненоснаго, новаго типа (круглаго), судна, поповки „Новгородъ“, проектированнаго, какъ извѣстно, вице-адмираломъ Поповымъ, и открытъ памятникъ бывшему главному командиру Черноморскаго флота и портовъ адмиралу А. С. Грейгу. Тотчасъ послѣ открытія памятника А. С. Грейгу, Его Императорскимъ Высочествомъ генералъ-Адмираломъ была послана депеша вдовѣ адмирала, Юліи Михайловнѣ Грейгъ, слѣдующаго содержанія:

„Мнѣ пріятно поздравить васъ съ открытіемъ памятника вашему достославному супругу. Ваши сыновья и ветераны Черноморскаго флота окружали меня въ день моего праздника, при освященіи монумента, который адмиралъ Грейгъ готовилъ себѣ полувѣковой дѣятельностію на пользу Россіи и флота и въ примѣръ потомству.

«Константинъ».

Желѣзная броненосная поповка «Новгородъ, была заложена въ С.-Петербургѣ, въ Новомъ-Адмиралтействѣ, въ присутствіи Его Величества Государя Императора, 17-го декабря 1871 года. Изготовленныя тамъ части ея, а также и матеріалы для дальнѣйшей постройки, были доставлены въ Николаевъ желѣзно-дорожнымъ путемъ, а паровые котлы—на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли «Цесаревичъ». Въ Николаевѣ приступили къ сборкѣ готовыхъ частей, а затѣмъ и къ продолженію постройки, 29-го марта 1872 года. Судно это имѣетъ круглую форму и плоское дно; наружные обводы борта его въ вертикальномъ сѣченіи представляютъ одну четверть окружности круга, а линія дна касательную къ нимъ. Поповка имѣетъ 12 килей, вышиною въ 8 дюймовъ, расположенныхъ, параллельно діаметральной плоскости, въ равныхъ между собою разстояніяхъ.

Въ 3¼ часа Его Высочество, прибывъ въ адмиралтейство и обойдя уже вполнѣ изготовленную къ спуску поповку «Новгородъ», изволилъ занять мѣсто въ павильонѣ, устроенномъ близь поповки, на берегу Ингула. Вслѣдъ засимъ было приступлено къ спуску, и въ 25 минутъ 4-го часа первый черноморскій броненосецъ, при звукахъ народнаго гимна, громко привѣтствуемый криками громадныхъ массъ народа, занимавшихъ оба берега рѣки, быстро тронулся по спусковому фундаменту, а минуту спустя уже красовался на водахъ Ингула. По спускѣ на воду углубленіе поповки оказалось носомъ 9 ф. 6 дюйм., кормою 10 ф. 6 дюйм. Углубленіе это на 2 дюйма менѣе предполагавшагося по вычисленіямъ.

Спускъ этого круглаго, тяжелаго судна, легко могущій представить нѣкоторыя затрудненія, удался блистательно.

Изъ свѣдѣній *о движеніи судоходства при Таганрогскомъ портѣ* видно, что въ апрѣлѣ сего года, прибыло въ портъ 121 судно и отошло 78. На судахъ этихъ привезены слѣдующіе товары: вино, цементъ, кофе, свинецъ, мыло простое, орѣхи, рожки турецкіе, масло деревянное, табакъ курительный въ листахъ, лимоны, маслины и разныя деревянныя издѣлія; вывезены: коровье масло, пшеница, сѣмя льняное, рожь, овесъ и сало скотское.

НЕКРОЛОГЪ.

25-го мая (6-го іюня) принцъ Адальбертъ прусскій скончался отъ удара легкихъ.

24-го мая (6-го іюня) Княгиня Лигницъ, вдова покойнаго Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III, скончалась въ Гомбургѣ.

Въ Лондонѣ образовался комитетъ съ цѣлью воздвигнуть статую Джону Стюарту Миллю. Въ комитетѣ участвуютъ Гладстонъ, Дерби, герцогъ Аржайль и всѣ министры.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Контора редакціи журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, мѣняющихъ свое мѣстожительство, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о перемѣнѣ прежняго адреса высылать 30 копѣекъ на типографскіе расходы по печатанію новаго, а также прилагать и старый адресъ.

По желанію многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, мы получили дозволеніе высылать имъ отнынѣ журналъ нашъ въ пакетахъ заклеенныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ весьма малыми отверстіями по угламъ, для того чтобы почтовое вѣдомство могло контролировать посылку.

Дозволено цензурою 3 Іюня 1873 года Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр., д. № 53.

№ 24 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 18 іюня 1873 года. Годъ IV.

Кавказъ.

Повѣсть **А. Коптева.**

III.

Оставшись одна, Александра Николаевна думала не взять ли ей опять къ себѣ сестру изъ института, куда еще при жизни мужа отдала ее, потому что обязанности жены и хозяйки, по обстоятельствамъ общественной полковой жизни, отнимали у нея много времени отъ серіозныхъ занятій съ нею, да кромѣ того развлекали и ее, и сестру. Красота и образованность Александры Николаевны сдѣлали бы ее самою видною женщиною вездѣ, а не только въ Закавказскомъ захолустьѣ. Не удивительно, что многое множество молодыхъ сердецъ, при видѣ ея, шибко-шибко бились, подъ разными мундирами. Ощущенія эти для нея были такъ новы и пріятны, и много разъ Александра Николаевна напрягала свою волю, дабы иногда отказать себѣ въ удовольствіи поблистать лишній разъ на какомъ нибудь вечерѣ, пикникѣ или катаньѣ (она отлично ѣздила верхомъ), изъ опасенія увлечься черезъ мѣру чувствомъ тщетнаго самодовольства. Но это выходило еще хуже. Безъ нея никакія удовольствія не удавались, и тогда всѣ приставали къ ней и къ ея мужу, который напротивъ съ гордостію смотрѣлъ на тріумфы своей жены и радовался ея успѣхамъ, не понимая того тонкаго чувства деликатности, которое ею руководило. Впрочемъ, она объ этомъ ему и не говорила ничего, изъ того же самаго чувства—деликатности. Оставшись вдовою, она разсуждала, что ей дѣлать. Теперь она лично находилась все таки въ нѣсколько лучшемъ положеніи нежели по смерти отца. Есть у меня теперь, думала она,—хоть точка—моя собственная, на земномъ шарѣ. Есть не большой но опредѣленный доходъ: пенсія мужа. Надобности ни въ чемъ никакой. Домъ какъ полная чаша. Капиталъ больше нежели былъ прежде. Взять ли мнѣ Вѣру или нѣтъ? Ей еще осталось доучиваться два года, а мнѣ носить годъ трауръ. Если взять—то будутъ ли ей въ прокъ мои занятія съ нею, когда и самой мнѣ нужно нѣсколько въ себя прійти; она же напротивъ, съ радостью вырвавшись на свободу, навѣрное не станетъ ужь заниматься какъ прежде. Э! пусть доучивается лучше,

рѣшила она:—а деньги нужныя на ея содержаніе, если бы я ее взяла, пусть лучше пойдутъ ей на бѣлье и на платья ко дню ея выпуска.

И не взяла. И цѣлый годъ траура принимала рѣдко, а еще рѣже выѣзжала, и ни когда не показывалась иначе, какъ совершенно запросто въ болѣе короткихъ или почтенныхъ семействахъ (въ штабѣ было семействъ до 30, кромѣ пріѣзжихъ). По окончаніи траура конечно жизнь ее пошла нѣсколько свободнѣе, веселѣе, но прежнихъ увлеченій уже опасаться ей было нечего. Она умѣренно веселила скорѣе другихъ чѣмъ себя, и сберегала средства для втрѣчи сестры, которой втайнѣ желала подобной же какъ себѣ участи, кромѣ вдовства разумѣется.

Изъ сосѣднихъ штабъ квартиръ часто пріѣзжали въ гости на Тетри-Цхале офицеры и другихъ полковъ. Въ числѣ ихъ былъ князь Вязьминскій. Потомокъ старыхъ русскихъ князей, онъ былъ помѣщикъ одной изъ черноземныхъ губерній и владѣлецъ болѣе 20 тысячъ годоваго дохода, которые впрочемъ проживалъ безъ сожалѣнія, проигрывался въ карты, задавалъ праздники и пикники всему полку, а иногда и двумъ, бросая деньги пѣсенникамъ и музыкантамъ и раздавая всякому желающему, которые отдавали ему лишь на половину. Онъ былъ простой и добрый, готовый съ любезностію на всякія услуги для нуждающагося, именно то что называютъ душа-человѣкъ. Послѣднее время онъ все чаще и чаще сталъ появляться на Тетри-Цхале. Само собою разумѣется, что необходимое требованіе приличія заставляло его всякій разъ навѣстить вдову стараго пріятеля, съ которымъ не разъ дѣлили они и хлѣбъ-соль, и походные труды, и боевыя опасности. Князь былъ прекрасный музыкантъ и даже композиторъ. Подъ конецъ траура, Александра Николаевна, на небольшихъ вечерахъ, занималась иногда музыкой, и віолончель князя какъ нельзя лучше вторилъ чудесной ея игрѣ на фортепіано.

Само собою разумѣется также, что Сталинъ всегда былъ очень недоволенъ его появленіемъ и радъ его отъѣзду. Жалокъ человѣкъ! Чувство, столь прекрасное какъ любовь, иногда пораждаетъ въ немъ столь же черныя мысли какъ и злая ненависть! „Всякъ для себя, одинъ Богъ для всѣхъ" и „своя рубашка ближе къ тѣлу" говоритъ народъ.

И народъ правъ: дѣйствительность не можетъ никогда походить на идеалъ—и жизнь всегда будетъ выраженіемъ тяжелой и трудной борьбы съ обстоятельствами, которую необходимо выдержать человѣку, дабы дѣйствительность согласовать и сблизить съ его идеаломъ. Да и кому еще это удается?

Ясно, во первыхъ, что человѣкъ во многихъ случаяхъ самъ себѣ составляетъ обстановку. Болѣе или менѣе гордый или искательный характеръ, болѣе или менѣе предусмотрительный умъ или опрометчивость каждаго—доставляютъ ему успѣхъ или неудачу, если разумѣется сопровождаются настойчивостію и неуклончивостію воли. Но ясно и во вторыхъ, что въ мірѣ отшеній его къ себѣ подобнымъ людямъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ тысячи, дѣйствуютъ и тысячи разныхъ волей, невсегда совпадающихъ въ своихъ стремленіяхъ и тоже болѣе или менѣе создающихъ для себя обстановку. Такимъ образомомъ, человѣкъ дѣйствуетъ въ извѣстной средѣ, на которую болѣе или менѣе вліяетъ, но которая отъ него не зависитъ и существуетъ совершенно сама по себѣ, нисколько объ немъ не безпокоясь, хотя въ то же время вліяетъ и на человѣка. Повидимому, что можетъ выйти изъ свободной личной дѣятельности миліоновъ людей кромѣ сумбура?—такъ же какъ не можетъ выдти концерта изъ крика миліона голосовъ,—а выходитъ однако нѣчто гораздо болѣе. Выходитъ исторія, логично слѣдующая извѣстному прогрессивному закону, который объясняетъ мыслителю тайны жизни и роста и развитія человѣчества. Выходитъ, что эта исторія слагается не случайно а по неуклонно опредѣленнымъ до вѣка законамъ, которыхъ послѣдовательность и вѣчную логическую правду никто и ничто измѣнить не въ состояніи, и которая въ каждую данную минуту превращается въ статистику, а успѣхъ является только какъ награда свободной воли человѣка, за совпаденіе ея съ волей провидѣнія,—причемъ нравственная отвѣтственность вполнѣ ложится на человѣка не за успѣхъ или неудачу, а за направленіе и стремленіе свободной собственной его воли.

Съ галлереи и изъ оконъ дома Русановой, видъ на Алазанскую дорогу былъ истинно великолѣпенъ. Верстахъ, примѣрно, въ 20, виднѣлась голубая Алазань, извиваясь у подножія зубчатаго снѣжнаго хребта, вдоль котораго бѣлѣли, среди яркой зелени, многіе грузинскіе поселки и наши укрѣпленія,—составлявшія лезгинскую кордонную линію. На огромное пространство, чудной панорамой, въ ясномъ небѣ рисовались горныя вершины, на которыхъ даже отдѣльныя деревья, были видны съ поразительною ясностью. Въ разныхъ мѣстахъ долины змѣились ручьи, впадающія въ рѣку, и всему виду придавали необыкновеннное разнообразіе разбросанные по предгорьямъ: Телавъ, Сабуи, Руистери, Вердисубаты, Цинондалы, Сацхенисъ, Лагодехъ и даже Закаталы и Сигнахъ, то есть пространство верстъ на 200, среди коего царственно возвышались: вѣчными тучами повитая Кадора, свѣтлый Химрикъ и зеленѣющій шатеръ Мессельдигера. Къ числу знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ видовъ, Константинополя, Неаполя, Ріо-де-жанейро, извѣстныхъ по обширности кругозора яркости и мягкости колорита, смѣло мы можемъ прибавить видъ Алазанской долины отъ Телава и видъ съ моря на Сухумъ-Кале. Если добавимъ сюда Ялту, то окажется, что наше любезное отечество въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, не вовсе обижено природой.

Но любоваться этимъ видомъ не всегда возможно. Когда, среди яркаго дня, изъ глубины долины поднимаются въ формѣ густаго желтоватаго тумана испаренія, вся она тонетъ въ жаркой и непроницаемой неопредѣленности; только при восходѣ и закатѣ солнца, на нѣсколько времени можно доставить себѣ это удовольствіе,—да еще при тѣхъ довольно-рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, когда надъ долиною пройдетъ гроза, и сильный дождь прибьетъ къ землѣ знойный туманъ, не задѣвъ при этомъ точки зрѣнія, откуда освѣщалъ бы лучъ солнца—чудную картину. Когда Сталинъ, оставивъ Исаева, надѣлъ фуражку и въ сопровожденіи недовольнаго Бехо вышелъ изъ дому,—въ это самое время Александра Николаевна, пользуясь именно рѣдкимъ случаемъ ясности долины, снимала съ нея фотографію. Давно уже извѣстно, что влюбленные, куда бы ни пошли, но совершенно противъ своей воли, только одною силою обстоятельствъ, обыкновенно вынуждены бываютъ очутиться около жилища любимой особы, какъ бы по видимому далеко она ни обрѣталась.

Сталину оказалось необходимымъ провѣдать на баттарейной конюшнѣ свою лошадь, возвращаясь назадъ онъ заглянулъ въ пустую барабанную школу, а оттуда, чтобы прямѣе вернуться домой, уже по неволѣ надо было пройти мимо луча зрѣнія снимавшей фотографическій ландшафтъ Русановой.

Подойдя къ одному дереву, Сталинъ остановился и посмотрѣлъ на садъ Александры Николаевны. Бехо тоже остановился и какъ бы желая угадать мысли своего хозяина, въ стремительной и умной позѣ, неподвижно смотрѣлъ прямо ему въ глаза.—Милая, милая женщина! думалъ Сталинъ,—лежитъ себѣ, я думаю, и не подозрѣваетъ, какъ я брожу около нея, какъ демонъ около рая! что-то она теперь дѣлаетъ?

Она тоже замѣтила Сталина, когда онъ появился въ фокусѣ ея стекла, и остановился задумчиво смотря на нее, но еще ея не видя. Ее вовсе не удивило его появленіе. Сердце женщины всегда чувствуетъ любовь къ ней мужчины.

— Хорошо же, подумала она,—сниму я его на моей картинѣ, вмѣстѣ съ собакой. Боже мой! только онъ смотритъ на меня, чуть-ли не такъ же какъ и она на него. Своевременно она захлопнула аппаратъ и унесла его въ другую—темную комнату.

Негативъ вышелъ очень удачно, но такъ какъ Сталинъ былъ въ кителѣ, то среди картины онъ выходилъ слишкомъ яркимъ бѣлымъ пятномъ.—Ну, ничего надо его при отдѣлкѣ замазать немножко, улыбаясь сказала про себя Русанова.

Когда она воротилась въ прежнюю комнату,—Сталина уже не было.

Она сѣла въ кресла, и смотря въ окошко задумалась.

Она чувствовала, что симпатичный и пылкій Сталинъ любилъ ее искренно и глубоко. «Но что же изъ этого могло бы выдти? думала она,—вѣдь я его могла бы только связать собою, а потомъ постарѣть и опостылѣть ему, помѣшавъ его молодости и его службѣ. Нѣтъ, вздоръ это,—надо его вылечить, рѣшила она. А какъ онъ хорошъ, и милъ, и уменъ!—Для моей Вѣры, онъ былъ бы хорошій женихъ. Жили бы здѣсь со мною какъ мои дѣти, и тогда хватило бы и средствъ; да кромѣ того и въ случаѣ экспедиціи Вѣра со мной бы осталась.

И она задумалась еще болѣе. Задумалась за себя, У ней сердце было тоже не каменное, но жизнь не дозволяла ей давать ему когда нибудь забываться и свободно биться въ отвѣтъ тому, котораго оно могло бы выбрать. Жажда любви наполняла его вмѣсто самой любви, когда она была еще за мужемъ,—и какъ она счастлива и довольна была, что мужъ ея былъ человѣкъ котораго еще можно и не стыдно было любить. Вышедши замужъ болѣе или менѣе по нуждѣ, не всѣ бываютъ такъ счастливы. Многія погибаютъ потому, что и желаютъ и пробуютъ—но оказывается нельзя любить: слишкомъ ничтоженъ мужъ!..

Александра Николаевна тоже пробовала, и проба шла успѣшно, и она уже думала что вотъ счастье близко... цѣль достигнута... Какъ вдругъ—глупая, залетная пуля, какого нибудь оборваннаго горца, поразила добраго воина и освободила Александру Николаевну отъ всякихъ заботъ, надеждъ и думъ по этому предмету. Какъ тутъ не призадуматься бѣдной женщинѣ?

— Что мы съ клубникой-то будемъ дѣлать, сударыня? раздался позади Александры Николаевны голосъ Марины.

Марина была женщина лѣтъ далеко за 40. На полномъ, кругломъ ея лицѣ, видны были слѣды прежней красоты, но теперь она была толста, румяна и бѣла. Рукава ея платья были засучены гораздо выше локтей, и выказывали бѣлыя руки покрайней мѣрѣ въ три вершка къ діаметрѣ. Она была, что называется, веселаго нрава—и при большой добротѣ, съ огромною физической силой, соединяла нѣкоторую насмѣшливость, причемъ была охотница поговорить.

— Эхъ, красавица—барыня, все то вы думаете да печалитесь, сказала Марина, видя что Александра Николаевна въ раздумьѣ ничего не отвѣчала на ея вопросъ.—Полно-те убиваться, матушка! И не такого еще мужа вамъ Богъ пошлетъ. Что ужь помышлять о прошедшемъ! Вѣдь его не воротишь. Лучше впередъ глядѣть надобно.

— Что это тебѣ вздумалось меня сватать Марина!—и кто тебѣ сказалъ, что я объ этомъ думала?

— Лѣта сказали, милая барыня. Съ этакой красотой не вѣкъ же вдовой вѣковать! Это ужъ и отъ Бога грѣхъ. Мы хоть люди и темныя, а видимъ таки, какъ добрые люди по васъ убиваются.

— Кто же это такіе, добрые-то люди? смѣясь сказала Александра Николаевна.

— Ну вотъ ужъ, сударыня, не вамъ бы и говорить да не мнѣ бы и слушать! Ужь не говоря уже про другихъ, одинъ Сталинъ чай всѣ ноженки оттопталъ, чтобы издали хоть на крышу взглянуть, гдѣ наша краля живетъ. Вы думаете, что такъ ничего и не видитъ никто!

— Да что же тутъ видѣть? Какая мнѣ пара Сталинъ? Я старуха, а онъ еще мальчикъ передо мной. Этакъ замужъ выходить, такъ и жить будетъ нечѣмъ.

— Ну, молоденекъ-то, оно пущай правда, сказала Марина,—да вѣдь и старый то пожалуй не лучше. Иной попадется такой кулакъ, что не приведи Господи! А что ужь жить нечѣмъ,—такъ это что? лишь бы былъ любъ, а то какъ узнаютъ что вы за кого замужъ идете, сейчасъ въ чиновники произведутъ, казначеи, а либо въ квартермистры выберутъ.

— Ну, хорошо, быть по твоему. Да кто тебѣ сказалъ, что сама-то я замужъ хочу? — развѣ замужемъ-то лучше?

— Ай, барынька!... ай, красавица, да какъ-же? чуть не запѣла Марина, сплеснувъ руками: — извѣстное дѣло: живой объ живомъ и думаетъ... Ну, что за радость какъ не съ кѣмъ и словечка по душѣ перемолвить?... Вѣдь что теперь поглядѣть на васъ?... Ну, тамъ въ гости чтоль забѣжитъ, али сами повстрѣчаете знакомаго — все вѣдь это чужой человѣкъ: перекинетесь куплетомъ двумя, поклонъ да и врозь... А тутъ, примѣрно коли законный супругъ, баринъ молодой красивый — любо-дорого взглянуть, а самъ очей съ васъ то есть не сводитъ, не надышется на васъ, и спитъ и видитъ, чѣмъ бы вамъ какое удовольствіе оказать...

— Ну, ну?!... улыбалась Александра Николаевна, — а какъ мы не сойдемся съ нимъ? Вдругъ онъ мнѣ своимъ ухаживаньемъ до тошноты надоѣстъ? Куда я тогда съ нимъ дѣнусь?

— И! что вы это? Да развѣ не отъ васъ вся власть будетъ? Ужъ на что я, а и то своего Логина—какъ захотѣла, такъ и управила — и не слышитъ, не чуетъ, какъ подъ мою дудку пляшетъ, — а вамъ то и Богъ велѣлъ!... Да въ этакихъ-то бѣленькихъ ручкахъ мужчина мягче воску станетъ—что хошь, то и лѣпи изъ него...

— То-то и есть... Ну, что это за мужъ будетъ, какъ его же еще и учить придется, полушутя, полусеріозно проговорила Александра Николаевна, — нѣтъ, ужъ коли выходить замужъ, такъ надо *человѣка*, опору и наставника... Не до него спускаться, а чтобъ онъ велъ за собой, выше и выше... Чтобъ я уважать могла... Чтобъ я сама все лучше и лучше становилась...

Марина тупо глядѣла на нее и очевидно не могла взять въ толкъ ея рѣчей, но при послѣднихъ словахъ вдругъ оживилась...

— Чего еще лучше-то? перебила она: — ужъ и такъ красна, что твое солнышко, что твоя злачна ягодка-клубничина!

Александра Николаевна расхохоталась.

— Дура ты, Марина, сказала она,—ну убирайся! только разбунтовала меня,—дѣлай съ твоей клубникой что знаешь.

Марина смѣясь взяла пухленькую руку Александры Николаевны, которая утонула въ ея мягкихъ и громадныхъ рукахъ какъ масло въ пшеничной кашѣ, и поцѣловала ее съ большимъ наслажденіемъ, говоря:—милая барыня, ангельчикъ ты нашъ красный!

— Дура, убирайся! сказала Русанова.

Въ дверяхъ показалась невозмутимая, суровая физіономія Логина.

— Что вы ее, матушка-сударыня, слушать изволите! Много видно я ее билъ, что кости всѣ вывалились, одна мякоть только осталась и языкъ совсѣмъ безъ костей! такъ мелетъ чай по пословицѣ: у бабы волосъ долгъ...

— Больно вы ужь нынче умны стали, Логинъ Яковлевичъ! прервала Марина,—вонъ писаря сказываютъ, васъ хотятъ скоро енараломъ произвести.

При этомъ она правую руку подперла подъ бокъ въ видѣ полу-ферта.

Александра Николаевна хохотала еще болѣе. Логинъ искоса взглянулъ на жену и не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія.

— Александра Николаевна, я себѣ пріемышку взялъ, добавилъ онъ,—извольте посмотрѣть. По крайности хоша умереть придется мнѣ, али хоть и ей послѣдней,—тутъ онъ головой кивнулъ на жену,—будетъ хоть кому грѣшныя кости въ могилѣ зарыть.

Онъ выдвинулъ впередъ дѣвочку, лѣтъ 10-ти, очень бѣдно одѣтую и всю въ слезахъ.

— Иди! въ землю барынѣ кланяйся,—ручку проси, сказалъ онъ.

Русанова съ недоумѣніемъ смотрѣла на Логина. Марина развела руками, и пытливо оглядывала дѣвочку.

Дѣвочка поклонилась въ землю, и съ полными слезъ глазами подошла къ Русановой. Она была блондинка, съ заплаканными голубыми глазами, въ ситцевомъ сарафанчикѣ, голоножкой.

— Что это такое значитъ, Логинъ?

— Да что, сударыня? Своихъ дѣтей не далъ Богъ. Нынче ходилъ въ Духанъ, вижу объявленіе съ барабаномъ дѣлаютъ. Послѣ Натытчихи сироты остались, не пожелаетъ ли значитъ кто на воспитаніе взять, за себя написать. Я подумалъ, подумалъ... Что? такъ въ сердцѣ своемъ помышляю. Скоро барышня молодая Вѣра Николаевна выйдетъ, тоже ей прислуга будетъ нужна. Взялъ, да эту вотъ за себя и записалъ.

У Александры Николаевны сердце стукнуло.

— Ты балуешь меня, Логинъ! сказала она.—Это ты для того сдѣлалъ, чтобы для Вѣрочки ради меня горничную приготовить! Марина, милая! прибавила она вставая и обнимая Марину,—побережешь ли ты,—захочешь ли ты поберечь эту дѣвочку? Старикъ-то твой вѣдь и не спросилъ тебя!

Марина съ жаромъ обхватила и какъ ребенка приподняла Александру Николаевну, и цѣлуя ее гдѣ попало отвѣчала:—голубушка моя, милая, что вы говорите мнѣ объ этомъ? Развѣ я звѣрь какой лютый? Развѣ Богъ не велитъ сироту приберечь? Развѣ она отъ меня откусила что? А звать то какъ ее, Логинъ Яковлевичъ?

— Надеждой зовутъ.

— Надя! схвативъ ее сказала Марина,—пойдемъ я умою и одѣну тебя. Эко изъ моей юбки ей чай платьевъ съ десятокъ выйдетъ!

Они ушли. Но сладкія слезы долго лились изъ глазъ у Русановой.—Удивительно какъ за малое добро привязчивъ русскій человѣкъ! думала она.

Межь тѣмъ приближался вечеръ.

Александра Николаевна перевела на бумагу снятый ею видъ, и разсматривала свою работу. Немножко передержала, подумала она,—благодаря Сталину: показался подъ конецъ. Но онъ за то очень хорошо вышелъ. Вотъ будетъ удивленъ. А какъ всегда удачно снимаются карточки, когда не знаютъ этого тѣ съ кого ихъ снимаютъ. Что значитъ больше спокойствія, непринужденности и естественности позы!

— Здравствуйте, Александра Николаевна! раздался съ галлереи голосъ Сталина,—дома вы? Что вы тутъ смотрите?

— А вотъ посмотрите, отвѣчала Александра Николаевна,—взойдите сюда.

Сталинъ вошолъ, стараясь придать своему лицу по возможности холодное и серіозное выраженіе, мало впрочемъ шедшее къ его молодости.

Русанова тотчасъ же замѣтила это.

— Что это у васъ сегодня такая оффиціальная физіогномія? спросила она.—Вы вѣрно очень устали, разгуливая гдѣ нибудь на зарѣ.

— Нигдѣ я не разгуливалъ,—и мнѣ не понятно, отчего обыкновенное выраженіе моего лица вамъ угодно называть офиціальнымъ. Впрочемъ, я готовъ и въ этомъ какъ и во всемъ подчиняться вашему желанію.

Александра Николаевна расхохоталась и показала ему фотографію.

Сталинъ вспыхнулъ и растерялся.

— Какой вы ребенокъ, Сталинъ! сказала она,—вѣдь вы совсѣмъ не мастеръ хитрить, зачѣмъ же вы пробуете?

— Александра Николаевна, что вы со мной сдѣлали? Безсердечная женщина, вы убили меня! Можно ли же было увѣковѣчить меня на этой чудесной картинѣ въ такомъ положеніи и въ этомъ глупомъ бѣломъ балахонѣ!

— Балахонъ не бѣда, я изъ него вамъ пожалуй и сюртукъ сдѣлаю, а увѣковѣчила васъ для того, чтобы вы не отпирались въ томъ, что вы гуляли передъ моими окнами. Не считая того впрочемъ, что вмѣсто одного пріятнаго воспоминанія—вида, у меня будетъ еще и другое—портретъ добраго знакомаго. Я надѣюсь что вы за это на меня не будете въ претензіи.

Она протянула ему руку, которую онъ крѣпко поцѣловалъ.

— Ну, во первыхъ, садитесь. Раскажите мнѣ, что вы дѣлали? Много ли проиграли въ карты въ вашемъ сумасшедшемъ домѣ?

— Я все объ васъ думалъ и полагаю, что изъ всѣхъ сумасшедшихъ самый сумасшедшій я.

— Это не хорошо, Сталинъ. Я вамъ запрещаю думать обо мнѣ иначе какъ въ моемъ присутствіи.

— Тогда у меня есть другое дѣло, это любоваться вами и ничего не помнить.

— Ахъ, Боже мой! Это опасно становится, берегитесь. Вамъ надо льду на голову. Марина! дай намъ воды со льдомъ и варенья. Сталину дурно. По крайней мѣрѣ надо хоть себя обезпечить.

— Вы все шутите, Александра Николаевна, а я говорю очень серіозно.

— Ахъ, пожалуйста не серіозничайте, я нынче не расположена ни къ чему серіозному, тѣмъ болѣе что мы съ Мариной для васъ только что невѣсту приготовили.

— А какъ разъ парочка, тоже молоденькая!—сказала Марина, входя въ комнату съ подносомъ, слегка поклонившись Сталину и насмѣшливо взглядывая на него.

— Покажи ему, Марина.

— Ну ужъ скоро больно будетъ, сударыня! Пускай ко женихъ подольше еще походитъ; тогда и невѣсту покажемъ.

Русанова смѣясь разсказала про дѣвочку.

— Ну а теперь будемъ дѣло говорить, сказала она.—Что почта изъ Тифлиса еще не пришла?

— Пришла сегодня.

— А что же вы мнѣ книги не принесли?

— Еще не распаковали журналовъ. Завтра доставлю.

— А сегодня возьмите Тьера. Я прочитала его съ большимъ удовольствіемъ.

— Меня удивляетъ, какъ это вы читаете такія скуч-

Катастрофа на Кастекскомъ перевалѣ (Туркестанъ). Рис. Н. Каразинъ, грав. Крыжановскій.

ныя вещи. Я никакъ не могъ собраться даже и приступить къ нему.

— Развѣ васъ онъ не интересуетъ какъ воина? Странно! я думала что вы найдете тамъ много въ особенности интереснаго для васъ. Да кромѣ того, тамъ есть прекрасныя и даже поэтическія картины. Напр., хоть переходъ Бонапарта черезъ Сенъ-Бернаръ, съ однимъ швейцарскимъ проводникомъ. А Бѣлинскаго вы прочитали? Объ этомъ можно много намъ съ вами поговорить...

— Не буду хитрить съ вами, Александра Николаевна, ничего этого я не читалъ да теперь и не хотѣлось, какъ-то не до того было.

— Знаете что, Сталинъ, право вамъ необходимо поглубже подумать о себѣ. Служба требуетъ какъ и самая жизнь—много знанія, если вы только не располагаете оставаться всегда на обыкновенномъ уровнѣ всѣхъ другихъ, ничѣмъ не отличающихся отъ толпы. Но съ вашей стороны мнѣ кажется это невѣроятнымъ. Мнѣ бы по крайней мѣрѣ не хотѣлось, что бы это такъ было.

— Если что нибудь изъ меня и выйдетъ, то этимъ я буду обязанъ вамъ, единственно вамъ, сказалъ Сталинъ.

— Ну, тѣмъ болѣе пріятно было бы, чтобы вышло что нибудь очень хорошее! Приходите иногда, вмѣстѣ читать и разсуждать будемъ.

Въ это время къ крыльцу подъѣхали дрожки, и вошелъ князь Вязьминскій.

— Александра Николаевна, сказалъ онъ раскланиваясь,—у насъ завтра охота собирается, и многія дамы ѣдутъ на нее и на пикникъ, который за нею послѣдуетъ у развалинъ Пшавскаго замка. Не будете ли вы изъ нашихъ? Я пришелъ предложить себя въ ваши кавалеры.

— Съ большимъ удовольствіемъ, князь. Но только какъ же ѣхать—верхомъ или въ экипажѣ?

— Какъ хотите. Если вамъ угодно, позвольте мнѣ представить къ вашимъ услугамъ мой кабріолетъ. За лошадь я отвѣчаю.

— Нѣтъ, я думаю, лучше верхомъ. Свободнѣе будетъ ѣхать и менѣе будемъ зависѣть отъ дороги.

— Да и кромѣ того, можетъ быть въ такомъ случаѣ вы позвольте и мнѣ быть вторымъ кавалеромъ вашимъ, сказалъ Сталинъ.

— И тѣмъ лучше будетъ, прибавилъ князь,—потому что въ здѣшнихъ мѣстахъ легко могутъ поднять медвѣдя или кабана, тогда удобнѣе двумъ кавалерамъ оказать какую либо услугу дамѣ, если бы что случилось съ лошадью.

— Господа! я вполнѣ довѣряюсь вамъ. Садитесь, князь. Что дѣлаетъ вашъ віолончель? вѣдь право досадно, что онъ у васъ остается такъ далеко отсюда въ вашемъ штабѣ.

— Онъ здѣсь, сказалъ князь.—Съ тѣхъ поръ какъ онъ удостоился чести акомпанировать вашей чудесной игрѣ, я оставилъ его у Михѣева, чтобы не возить съ собою взадъ и впередъ, въ надеждѣ что когда нибудь еще буду имѣть тоже удовольствіе.

— А пошлите за нимъ; мы съ вами что нибудь съиграемъ, а Сталина превратимъ въ хозяйку, онъ намъ будетъ чай дѣлать....

Князь послалъ кучера своего за віолончелью.

— Съиграемте элегію Эрнста, сказалъ онъ.

— И прекрасно, а потомъ что нибудь изъ Бетховена или Мендельсона.

— А потомъ прослушаемъ восхитительное соло изъ какой нибудь оперы, которое вы намъ споете?

— По крайней мѣрѣ постараюсь чтобы было сносно если не восхитительно.

Князь былъ очень оживленъ, веселъ, и хорошее расположеніе духа заразило собесѣдниковъ. Музыка шла прекрасно, чай не блисталъ особеннымъ искусствомъ приготовленія, за то доставлялъ поводъ шутить и подтрунивать надъ Сталинымъ, и вечеръ былъ очень милъ и задушевенъ.

Они сидѣли въ саду. Яркій свѣтъ лампы сіялъ сквозь густую листву деревьевъ, а среди темнаго неба блистали звѣзды. Любезность князя была увлекательна, и Александра Николаевна съ давно неиспытаннымъ удовольствіемъ слушала его умную и мужественную рѣчь. Разсказы его отличались простотой и правдой, сужденія—снисходительностію и глубиною воззрѣній.

Сталинъ за то все упорнѣе и упорнѣе молчалъ, и если бы было свѣтлѣе, то легко было бы замѣтить, что онъ дѣлался все угрюмѣе, даже злѣе. Его грызла ревность. Наконецъ онъ схватилъ фуражку и сталъ прощаться.

— Хотите, я подвезу васъ? сказалъ князь.

Сталинъ сдѣлалъ видъ будто не слышалъ.

— Такъ до завтра! сказалъ князь обращаясь къ Александрѣ Николаевнѣ.—Только это довольно рано. Часовъ въ 8 надо выѣхать, если позволите я къ этому времени буду у васъ.

— Приходите утромъ пить кофе, сказала Русанова.

— А какъ хорошо у васъ! точно рай! Не хотѣлось бы даже и на время убѣжать отсюда. Ну, до свиданія! сказалъ онъ, протягивая ей руку.—Такъ хотите, я подвезу васъ? добавилъ онъ обращаясь къ Сталину.

— Вы какъ будто хотите похвастать экипажемъ передъ M-me Русановой... съ досадой отвѣчалъ Сталинъ,—напрасно! Ваше богатство я думаю довольно ей извѣстно.

Съ этими словами онъ быстро поклонился и вышелъ.

— Если вамъ не нравится, что я вамъ сказалъ, то я къ вашимъ услугамъ,прибавилъ онъ въ дверяхъ.

Князь вопросительно и съ недоумѣніемъ смѣрялъ его холоднымъ и строгимъ взглядомъ.

— Вотъ юноша! съ улыбкою сказалъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Николаевнѣ.

Она была поражена. Въ теченіе вечера, ей вовсе не приходило на умъ даже что нибудь подобное заподозрить въ душѣ Сталина, тѣмъ болѣе, что они съ часъ сидѣли въ темнотѣ сада, наслаждаясь чудеснымъ теплымъ вечеромъ и видомъ освѣщенныхъ деревьевъ; но тутъ она поняла все. Ей стало его жаль.

— Князь! сказала она протягивая руку и какъ бы желая задержать его, чтобы онъ не пошелъ вслѣдъ за Сталинымъ,—простите ему. Это видно какъ онъ еще юнъ. Завтра вѣрно онъ образумится, и я заставлю его извиниться передъ вами.

— Передо мной пожалуйста не заставляйте. Онъ скорѣе виноватъ передъ вами. Но мнѣ жаль только, что вы завтра будете озабочены и потому не будете расположены къ удовольствію, такъ какъ бы намъ этого хотѣлось.

— О, если я теперь увѣрена въ васъ, то это нисколько не помѣшаетъ мнѣ вполнѣ отъ души веселиться. Ручаюсь вамъ.

— Ну и прекрасно! такъ до завтра?

— Къ 7 часамъ я буду готова и буду васъ ждать съ чаемъ или кофе.

— До свиданія.

Экой мальчишка! подумалъ князь, садясь въ свои дрожки.—А она-то? Что за женщина! И умна, и добра, и мила! Да, прелестная женщина! Какъ за нее дуэлямъ не быть? Еще спасибо умѣетъ отлично держать себя, а то навѣрное давно бы уже половина ея знакомыхъ перестрѣлялась!.....

(Продолженіе будетъ).

Катастрофа на Кастекскомъ перевалѣ (Туркестанъ).

Въ половинѣ декабря 1867 года, мнѣ и многимъ товарищамъ по экскурсіи пришлось перебраться съ южныхъ склоновъ Александровскаго хребта на сѣверные.

Въ Токмакѣ мы оставили свои экипажи, обыкновенные казанскіе тарантасы, чуть ли не единственный родъ экипажей, укатывающихъ наши безконечные азіатскіе тракты. Дорога предстояла горная, съ страшными косогористыми подъемами и еще болѣе опасными спусками. Надо было подняться на высоту почти девяти тысячъ футовъ и оттуда спускаться въ тѣснины Кастекскаго ущелья. Тогда еще только начата были разработка этой дороги, единственной соединяющей двѣ области: Семирѣченскую и Сыръ-Дарьинскую; разработка эта была самая поверхностная: кое гдѣ взорваны порохомъ загораживающія путь глыбы гранита и чернаго аспидника.... Еще конный могъ пробраться кое какъ по этой исковерканной дорогѣ; съ трудомъ проходили вьючные лошади; верблюжьи караваны не рѣшались идти здѣсь и огибали на Боамское ущелье.... Только чудомъ и затратою самыхъ невѣроятныхъ усилій, съ помощью десятковъ верховыхъ,—почти на рукахъ и веревкахъ могъ быть перетащенъ колесный экипажъ, и понятно, что всякій предпочиталъ бросить свой тарантасъ при началѣ подъема чѣмъ рисковать и экипажемъ, и багажемъ, а подъ часъ даже и жизнью.

— Повозочки ваши, будьте благонадежны, сохранимъ въ полнѣйшей неприкосновенности.

— Пожалуйста!... вы видите—экипажъ совершенно новый,—кожи, ремешки, сундуки, все это такъ легко можетъ затеряться!....

— Помилуйте!—у насъ много уже ихъ стоитъ на комендантскомъ дворѣ. Извольте посмотрѣть!...

— Что касается до вознагражденія, то будьте увѣрены: на возвратномъ пути....

— Покорнѣйше благодаримъ.... сочтемся.

Такъ я переговаривался за себя и товарищей съ смотрителемъ токмакской почтовой станціи, сибирскимъ казакомъ, урядникомъ Мохнаткинымъ, явившимся къ намъ спросить: много ли намъ понадобится верховыхъ лошадей и для себя и для нашихъ вьюковъ.

Мы сидѣли въ большой комнаткѣ станціоннаго дома, довольно темной, потому что сѣренькій свѣтъ декабрскаго дня едва проникалъ сквозь бумагу, замѣняющую стекла въ окнахъ. Передъ нами, на концѣ кривоногаго стола, стояли дорожныя фляги и разныя закуски, разложенныя на листахъ синей сахарной бумаги. Татаринъ слуга возился надъ самоваромъ въ углу, у желѣзной печки, и уже успѣлъ напустить дыму на всю комнату. По стѣнамъ, едва побѣленнымъ известью, чернѣлись казачьи винтовки, сбруя, хомуты, сѣдла и пучки аркановъ; а въ одномъ изъ угловъ навалена была перемятая солома съ навозомъ, и тамъ копошилось какое-то живое существо—маленькій, только что появившійся на свѣтъ жеребенокъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, котораго татаринъ внесъ въ комнату, боясь, что тотъ не выдержитъ на первыхъ порахъ декабрскаго мороза, въ открытыхъ загонахъ, гдѣ помѣщались почтовыя лошади.

— Не прикажете-ли?! пододвинулъ я уряднику флягу съ полынною водкою, замѣтилъ умильный взглядъ казака, вскользь брошенный на оплетенную посудину.

— Не употребляемъ... а впрочемъ...

И Мохнаткинъ началъ наливать изъ фляги въ чайную чашку, выбравъ предварительно ту, которая побольше.

— Такъ вы полагаете, что иначе какъ верхомъ....

— Никакой нѣтъ возможности—еще лѣтомъ бы ничего... а теперь ни Боже мой! склизко—особливо на козьемъ косогорѣ...

— Прійдется ѣхать верхомъ...

— Прійдется-съ...

— А у васъ хороши лошади?

— Обыкновенно, привычные кони,—вчера только кованы. Вѣрите-ли по этой самой гололедкѣ въ мѣсяцъ разъ восемь ковать приходится....

— Чай пить будете?

— Очень прекрасно...

Урядникъ Мохнаткинъ, гремя своею аммуниціею, усѣлся на опрокинутомъ боченкѣ изъ подъ спирта и уже не дожидаясь приглашенія налилъ себѣ еще чашку полынной.

— Да вамъ что... началъ онъ помолчавъ.—Вамъ полъ горя... Люди молодые, къ сѣдлу привычные — что вамъ? Сѣли себѣ, перевалили; на третьи сутки въ *Вѣрномъ*.—А вотъ купецъ одинъ съ семействомъ—жена, двое маленькихъ—нянька... этихъ на сѣдла не посадишь... вотъ тутъ и вой волкомъ...

— Какой это купецъ?

— А изъ Вѣрнаго, забылъ фамилью, какъ то не по нашему... Онъ теперь у магазейнаго смотрителя со всею семьею сидитъ... Холодно здѣсь и душно,—а жена у него хворая, да ребенокъ одинъ нищитъ что-то...

— Что же онъ?

— Хлопочетъ все, чтобы его безпремѣнно въ тарантасѣ перевезли; а какъ тутъ его перевезешь?!..

— Опасно?!

— Смерть—одно слово....

— Что же это онъ задумалъ, что на такую опасность лѣзетъ?

— Стало быть спѣшно. Да его больше подмываетъ что вчера полковника изъ Аулы-та переправили въ тарантасѣ—«ну, говоритъ, значитъ можно—вези и меня—а я ни какихъ денегъ не пожалѣю».

— А вы не беретесь?

— Да намъ что? казаки пожалуй возьмутся,—коли комендантъ позволитъ. Народу много надо будетъ—человѣкъ пятнадцать. Да вонъ онъ самый: на дворѣ съ ребятами разговариваетъ,—должно отъ коменданта вернулся...

— Кто?

— Купецъ этотъ. Ну что, ваше степенство, какъ дѣла? поднялся урядникъ съ боченка...

Въ дверяхъ показался человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій, плотный, съ густою черною бородою, подстриженною по американски. Онъ былъ въ бараньемъ кафтанѣ, перетянутымъ ремнемъ, въ дорогой бобровой шапкѣ и въ высокихъ сапогахъ, отороченныхъ какимъ-то мѣхомъ.

Вошедшій окинулъ глазами комнату, и замѣтивъ наше общество, подошелъ къ столу.

— Павелъ Ниссенъ, сибирскій купецъ; позвольте представиться, произнесъ онъ симпатичнымъ густымъ голосомъ.

Мы назвали ему свои фамиліи и предложили мѣсто за столомъ.

— Я ѣду въ Вѣрный,—и пока въ настоящую минуту нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи... Дорога, говорятъ, такъ опасна...

— Очень даже, замѣтилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Я знаю, я это хорошо знаю,—я не первый разъ здѣсь ѣзжу; вотъ только семейство мое въ первый разъ испытываетъ это удовольствіе.

Въ голосѣ Ниссена слышалось раздраженіе, которое онъ никакъ не могъ скрыть, какъ ни старался объ этомъ.

— Развѣ нельзя какъ нибудь верхомъ устроить нашу поѣздку?.. сказалъ я,—я говорю нашу, потому что вѣроятно мы завтра отправимся всѣ вмѣстѣ.

— Это было бы очень хорошо!... обрадовался сибирскій купецъ,—но верхомъ... моя жена... дѣти...

— Мы разберемъ вашихъ малютокъ себѣ на сѣдла, закутаемъ ихъ,—ваша супруга.,.

— Нѣтъ, этого не возможно; она совсѣмъ больна, да она и не отдастъ дѣтей; она никому ихъ даже на минуту не повѣритъ.—Да, наконецъ вздоръ! можно и въ экипажѣ.—Трудно, очень трудно, но не «невозможно». Я не понимаю это слово *невозможно*, что такое въ самомъ дѣлѣ «невозможно»!—Вздоръ!

— Вы немножко взволнованы, кажется.

— Еще бы: я здѣсь сижу вторые сутки: мои дѣла требуютъ непремѣнно моего присутствія въ Вѣрномъ и жена заболѣла...

— Попытаться можно, вмѣшался урядникъ,—только если ребята согласятся.—Они давеча сказывали: «пусть даетъ по пяти рублей на брата; выйдетъ десять человѣкъ; можетъ какъ нибудь на арканахъ и можно проѣхать.

— Давно ли проѣхалъ одинъ... стало быть можно-же...

— Можно конечно—только трудно... Опять-же то полковникъ, по казенному дѣлу...

— А я дамъ вашимъ казакамъ, не только по пяти,—по десяти на брата, и это будетъ гораздо дѣйствительнѣй... чѣмъ...

— Коли комендантъ позволитъ—то отчего-же...

— Комендантъ позволитъ, сегодня-же...

Ниссенъ всталъ и направился къ дверямъ.

— Куда же вы?

— Къ коменданту. А вы пока....

— Да помилуйте, за нами дѣло не станетъ.

— Пожалуйста. До свиданія.

— Горячая голова, замѣтилъ мой товарищъ по уходѣ сибирскаго купца...

— Десять на брата—шутка-ли! соображалъ урядникъ— А какъ съ кручи, да внизъ головой!... вѣдь безъ мала три версты внизъ летѣть—страсть!...

— Ничего, Богъ милостивъ!

— Да уже только на него одного и надежа!

Къ вечеру мы узнали, что Ниссенъ добился отъ коменданта разрѣшенія нанять казаковъ изъ мѣстнаго гарнизона для переѣзда черезъ кастекскій перевалъ въ экипажѣ.

Онъ сіялъ. Онъ самъ лично договорился съ казаками, далъ имъ задатокъ—и торжествующій ушелъ къ «магазейному смотрителю» ночевать, гдѣ его ожидало семейство.

Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день рано утромъ, и мы уговорились ѣхать непремѣнно вмѣстѣ - общею кавалькадою.

День былъ пасмурный. Горы заволокло сизыми, густыми облаками, пошелъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ.

— Коли и завтра такъ же, такъ еще ничего, а вотъ коли подморозитъ такъ это будетъ просто бѣда, сообщилъ одинъ изъ казаковъ, искоса поглядывая на довольно объемистый тарантасъ Ниссена, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей и совершенно готовый къ отъѣзду.

— Ну, не каркай! замѣтилъ ему урядникъ,—ворона!
— Чего «не каркай»! Я такъ къ слову.
— Ладно—не въ добрый часъ скажешь слово... оно...
Урядникъ замолчалъ и снявъ свою папаху, набожно перекрестился.
Мы тронулись.
Впереди ѣхало наше общество, къ которому пристроился и Ниссенъ, верхомъ на казачей лошади,—за нами вели вьючныхъ лошадей—дробно перебирающихъ своими мохнатыми ногами подъ тяжестью нашихъ чемодановъ и узловъ,—затѣмъ нашъ тарантасъ, а сзади всѣхъ, растянувшись чуть не на полверсты шли сибирскіе казаки и человѣка два вооруженныхъ мѣстныхъ киргизовъ.
Мы ѣхали неторопясь и только къ сумеркамъ добрались до первой станціи въ семи верстахъ отъ кастекскаго перевала, или правильнѣе сказать начала подъема. Здѣсь, на Кара-булакѣ (названіе станціи) мы остановились на ночлегѣ, что хотя и довольно рановато было, но принимая во вниманіе, что намъ пришлось бы въ потемкахъ подниматься на горы, иначе поступить было бы додовольно рискованно.
Станція состояла изъ двухъ кошемныхъ кибитокъ: одной по больше, доставшейся намъ путешественникамъ, другой—крохотной желомейкѣ, занятой нашими казаками.
Госпожа Ниссенъ, довольно красивая, молодая, но сильно болѣзненная и нервная женщина,—угостила насъ превосходнымъ чаемъ съ ромомъ. Мужъ былъ необыкновенно веселъ, разговорчивъ, болталъ за десятерыхъ, острилъ, разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ; въ немъ незамѣтно было и тѣни вчерашней раздражительности. Онъ поставилъ на своемъ, а это для подобныхъ натуръ самое главное.
Мы не знали, насколько храбро смотрѣла его жена на это путешествіе, но, зная что это уже неизбѣжно, мы скрывали настоящіе размѣры опасности и на ея распросы отвѣчали нѣсколько уклончиво, впрочемъ въ успокоительномъ тонѣ.
Нигдѣ знакомства не сводятся такъ скоро какъ вообще въ дорогѣ; здѣсь же на полудикихъ путяхъ нашихъ окраинъ это правило достигаетъ самыхъ крайнихъ размѣровъ. Къ вечеру мы были уже совершенно знакомы со всею семьей, нянчили и ласкали двухъ прелестныхъ малютокъ Ниссена,—пѣли—хоромъ и по одиночкѣ, а я, вырвавъ листки изъ своего походнаго альбома, рисовалъ дѣтямъ разныхъ звѣрковъ, преимущественно лошадокъ, и привелъ этихъ двухъ крохотныхъ цѣнителей искусства въ полнѣйшее восхищеніе своими работами.
Веселые и довольные легли мы спать, завернувшись въ свои шубы и только съ восходомъ солнца поднялись на ноги и стали готовиться къ перевалу.
Сегодняшній день былъ полною противоположностью вчерашнему. Солнце такъ и сверкало на ясно голубомъ морозномъ небѣ; вершины горнаго хребта бѣлѣли чудною зубчатою линіею; правѣе тянулась безконечная равнина рѣки «Чу», голубоватой извилиной пересѣкающей скалистую пустыню. Не болѣе какъ черезъ полчаса мы достигли подошвы горъ и начали подниматься. Впрочемъ мы не замѣтили самаго начала подъема; онъ начинается такъ отлого, что намъ казалось, будто гора еще далеко впереди и мы все еще ѣдемъ по ровной дрогѣ. Только обернувшись назадъ, мы увидали равнину внизу, какъ бы съ птичьяго полета, и какъ красива показалась намъ эта снѣжная степь, испещренная кое-гдѣ пространствами, заросшими желтымъ, высохшимъ камышемъ и изрѣдка разброшенными дымящимися кочевками кара-киргизовъ.
— Какъ хорошо, какъ хорошо! поминутно восклицала madame Ниссенъ, высовываясь изъ экипажа.
— Страсти какія — ничего нѣтъ хорошаго, ворчала старушканяня...
— Склизко, чортъ-те дери! шепталъ какъ бы про себя старый казакъ и, обратясь къ подобравшемуся конвою, добавилъ:—осмотри арканы, скоро путать будемъ.
Упряжная тройка, вся въ мылѣ — дружно потягивала постромки и ходко взбиралась все выше, останавливаясь на минуту, гдѣ было удобнѣй и переводя духъ.
— Къ верху-то ничего — самая страсть какъ внизъ спускаться станешь!
Человѣкъ пять казаковъ подхватили уже веревками за задокъ тарантаса и помогали упряжнымъ лошадямъ.
— Пустяки! отлично перевалимъ!.. говорилъ Ниссенъ, гарцуя вокругъ экипажа.—Ну, вотъ говорили: «невозможно!»—а дѣло все въ томъ, что рѣшительности не хватаетъ.
Часу къ двѣнадцатому мы взобрались на самую высокую точку перевала и остановились.
— Съ подъемомъ имѣю честь поздравить! провозгласилъ Ниссенъ, поднимая оловянный стаканчикъ съ виномъ.
— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я,—но еще будетъ пріятнѣе поздравить васъ съ благополучнымъ спускомъ.
Казакамъ тоже дали по стаканчику водки; выпили даже и киргизы, которые хотя сначала и отнѣкивались, ссылаясь на указанія корана, но потомъ соблазнились, глядя на казаковъ, и выпили,—да выпили такъ, что сразу дали замѣтить, что это далеко не первый шагъ къ нарушенію корана.
— Ну — помоги Господи—пошли Владычица Небесная! крестились и причитывали сибирцы, когда поѣздъ тронулся.
Съ каждымъ шагомъ впередъ, передъ нашими глазами начали развертываться самыя грандіозныя картины. Самыми непредвидѣнными зигзагами изгибалась опасная дорога—пропасти безъ дна, затянутыя голубоватою дымкою тумана, зіяли то съ правой, то съ лѣвой стороны... Притупились острые шипы подковъ по этимъ камнямъ, покрытыхъ мѣстами корою льда... Иногда путь шелъ карнизомъ, лѣпясь къ почти отвѣсной скалѣ. Эти мѣста особенно были страшны на заворотахъ: косогоромъ сползала дорога,—и горе тому, кто бы поскользнулся на этомъ страшномъ косогорѣ... Груды камней, положенныя мѣстами, какъ барьеры, на окраинѣ обвала, могли бы еще удержать отдѣльнаго всадника... но...
— Осторожнѣй братцы! крѣпче сдерживай! — береги! покрикивалъ урядникъ.
— Царица небесная, не выдай! шептали казаки, натягивая веревки отъ экипажа.
Упряжная тройка теперь играла самую незначительную роль. Коренникъ, сильно упираясь и почти сползая назадъ, только направлялъ ходъ экипажа — оба тормаза глухо шуршали и пронзительно взвизгивали, когда колесо надвигалось на гладкую поверхность камня. Какъ туго натянутая струна, протягивались веревки отъ задка экипажа къ сѣдламъ верховыхъ, осторожно спускающихся за тарантасомъ. Дорога не позволяла ѣхать рядомъ съ экипажемъ и потому наше общество ѣхало впереди, поминутно оглядываясь назадъ при каждомъ подозрительномъ шумѣ. Намъ такъ и казалось, что вотъ-вотъ раздается грохотъ и трескъ оборвавшихся веревокъ—и *все это* полетитъ *туда*...
А тамъ, далеко внизу, какъ точки виднѣлись, совершенно въ планѣ, нѣсколько киргизскихъ кибитокъ, бродило какое-то стадо, но за дальностью нельзя было разсмотрѣть, что именно.
Блѣдный, весь сосредоточившись на одной мысли, ѣхалъ Ниссенъ передъ самою коренною лошадью.
— Да, я не предполагалъ, чтобы это было дѣйствительно такъ страшно, чуть прошепталъ онъ и не рѣшился оглянуться назадъ на эту красивую женщину, оцѣпенѣвшую, въ какомъ-то нѣмомъ ужасѣ стиснувшую въ своихъ объятіяхъ двухъ малютокъ, наивно выглядывающихъ изъ мѣховыхъ воротниковъ и совершенно недоумѣвающихъ: да въ чемъ же наконецъ дѣло?
Это была страшная минута!
— Скоро внизу будемъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ произносъ кара-киргизъ, ѣхавшій впереди, — вонъ за этимъ камнемъ — онъ протянулъ впередъ руку съ нагайкою,—тамъ еще немного, и хорошо пойдетъ тамъ...
Металлическій звукъ... звукъ страшный — потому что мы его боялись, такъ и рѣзнулъ нашъ слухъ...
Мы не рѣшались оглянуться... это было мгновеніе тяжелаго, невыносимаго колебанія.
Мы помнили, что каждый разъ, когда намъ приходилось оглядываться, мы не видали казаковъ — ихъ загораживала масса экипажа... Теперь мы видѣли этихъ казаковъ, стоящихъ неподвижно, блѣдныхъ, съ раскрытыми ртами, съ дико вытаращенными взглядами.
На темно-сѣромъ фонѣ каменистой дороги виднѣлась волнистая линія оборванныхъ веревокъ; какой-то красный лоскутъ такъ и лѣзъ въ глаза; мѣдный бубенчикъ, отскочившій должно быть отъ уздечки пристяжной лошади, со звономъ катился по дорогѣ, зацѣпилъ за камень, звякнулъ послѣдній разъ и остановился, засѣвъ въ разсѣлинѣ.
— Помяни Господи души усопшихъ рабъ твоихъ!.. тихо шепталъ урядникъ.
Мы взглянули на Ниссена.
Онъ улыбнулся и, ловко избоченясь, всматривался куда-то вдаль, точно видѣлъ тамъ что-нибудь очень интересное.
— Видите, обернулся онъ ко мнѣ—и голосъ его не былъ тотъ, который мы слышали прежде. Это говорилъ человѣкъ, совершенно намъ незнакомый.
— Видите, говорилъ онъ,—вонъ облачко, за облакомъ правѣе орелъ... ха-ха-ха!... вотъ штуки!... я первый разъ вижу орла съ гитарою въ рукахъ...
«Dis moi, Venus, quel plaisir trouves tu...»
Завылъ онъ дикимъ голосомъ, и это вытье обдало насъ смертельнымъ холодомъ.
Несчастный не выдержалъ этой потери. Несчастіе было слишкомъ велико.
Больнаго мы привезли въ «Вѣрный». Онъ такъ и не приходилъ въ себя. Страшная горячка окончилась смертью.
Черезъ недѣлю привезли киргизы печальные останки madame Ниссенъ, ея дѣтей и няни. Трудно было узнать въ этой массѣ раздробленныхъ костей и мяса что-либо похожее на человѣческія формы.
Вѣдь паденіе было «почитай, три версты внизъ, безъ малаго», какъ сказалъ казакъ, передъ отъѣздомъ изъ Токмака.

Н. К—ъ.

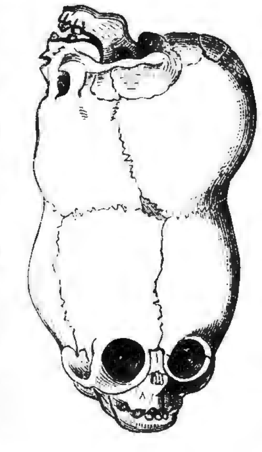
Прилагаемый рисунокъ исполненъ съ наброска, сдѣланнаго на мѣстѣ авторомъ, очевидцемъ этого происшествія. Кастекскій перевалъ—одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей новопріобрѣтеннаго туркестанскаго края—переданъ съ фотографическою вѣрностью. Что касается движенія въ главныхъ группахъ и общаго впечатлѣнія катастрофы—они слишкомъ осязательны для того чтобы обращать на нихъ вниманіе читателей.

Ребенокъ о двухъ головахъ.

Происхожденіе и научное значеніе этого уродливаго явленія. Статья **профессора доктора Реклама**.

«Въ 1783 г., въ Бенгалѣ, невдалекѣ отъ Калькутты родилось дитя, вообще сложенное правильно, но имѣвшее на головѣ—*другую* приросшую къ ней голову, макушкой къ макушкѣ.

«Эта вторая голова имѣла ту же величину что и настоящая и, за исключеніемъ ушей и нижней челюсти—тоже полное развитіе. Шея ея кончалась округленною припухлостью. Голову эту питали кровеносные сосуды, переходившіе въ нее изъ настоящей головы. Къ великому, ничѣмъ невозградимому убытку науки, ребенокъ былъ укушенъ очковою змѣею, когда ему было немного болѣе четырехъ лѣтъ, такъ что только изъ первыхъ четырехъ лѣтъ жизни извѣстна исторія человѣческо-головы безъ туловища. Спрашивается какъ она себя вела?.. Когда ребенокъ спалъ, голова часто держала глаза открытыми, и наоборотъ. Между тѣмъ именно самостоятельное чередованіе бдѣнія и сна обозначаетъ самостоятельное сознаніе».


№ 1.

Эта коротенькая замѣтка о «головѣ безъ туловища», т. е. о ребенкѣ состоявшемъ изъ одной головы, безъ остальнаго тѣла—замѣчательнѣйшей и драгоцѣннѣйшей для науки уродливости — взята изъ сочиненія автора книги: «*человѣческое тѣло*».

Если вѣрить множеству письменныхъ и изустныхъ запросовъ, то этотъ предметъ возбудилъ общей интересъ, — и выраженное многими желаніе узнать побольше подробностей объ исторіи этого двуглаваго ребенка можетъ быть найдетъ откликъ и у читателей нашего журнала.

Со стороны не научныхъ людей выражено почти общее сомнѣніе въ вѣрности сообщаемаго факта. Необычайность, даже кажущаяся невѣрность и невозможность такого явленія, время отдаленное отъ насъ почти на цѣлое столѣтіе, наконецъ неблагопріятное еще тогда для точныхъ научныхъ наблюденій мѣсто рожденія ребенка —все это повидимому оправдываетъ подобное сомнѣніе.

Поэтому докажемъ прежде всего, что рожденіе и существованіе этого ребенка суть несомнѣнные факты, а затѣмъ уже приведемъ нѣсколько замѣтокъ о происхожденіи и значеніи этой уродливости.

Повѣствованіемъ о наружности и жизни двуглаваго ребенка наука обязана не иному кому какъ знаменитому Эверарду Гомъ, который въ «Philosophical transactions» (офиціальномъ изданіи англійской академіи наукъ) въ 1790 г. (страница 296) и 1799 г. (стр. 28) съ обычной тщательностью сопоставилъ всѣ дошедшія до него частности и притомъ напечаталъ и изображенія, которыя мы въ уменьшенномъ видѣ прилагаемъ къ нашей статьѣ. Главнѣйшее поличное доказательство, *черепъ ребенка*, (фиг. 1) находится

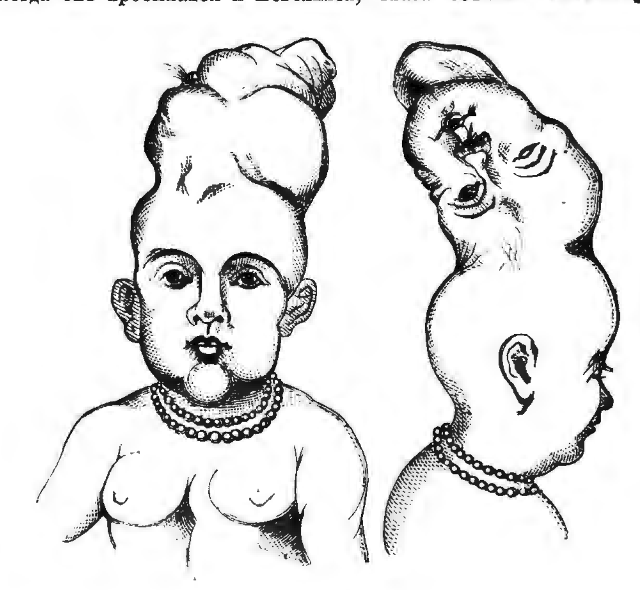
№ 2.

и понынѣ, какъ драгоцѣнный, единственный экземпляръ, въ Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ, гдѣ авторъ видѣлъ его нѣсколько лѣтъ назадъ, слѣдовательно самъ можетъ подтвердить вѣрность изображенія.

Эти факты кажется устраняютъ всякую возможность сомнѣнія въ правдивости повѣствованія о существованіи таковаго урода. Что-же касается повѣствованія объ обстоятельствахъ жизни урода, то оно не только носитъ явную печать правды, но получаетъ еще большую правдоподобность вслѣдствіе того, что оно составлено по показаніямъ нѣсколькихъ человѣкъ и что эти показанія во всѣхъ существенныхъ чертахъ между собою согласны. Черепъ попалъ въ руки Гома черезъ нѣкоего Бьюканана, корабельнаго капитана, состоявшаго на службѣ Остиндской компаніи; рисунокъ ребенка въ лежачемъ положеніи, въ двухлѣтнемъ возрастѣ (фиг. 2), былъ исполненъ портретнымъ живописцемъ Смитомъ въ Индіи для г. Старка, который приложилъ къ нему свои наблюденія, сдѣланныя при жизни ребенка; наконецъ обѣ головки-портреты (фиг. 3 и 4) нарисованы живописцемъ Дэвисомъ, гостившимъ у солянаго комиссара остиндской компаніи, Дента, въ имѣніи котораго жили родители ребенка. Наконецъ, самъ Дентъ, съ большимъ интересомъ прослѣдившій краткую жизнь ребенка отъ его рожденія до смерти и подарившій двойной черепъ академіи, сообщилъ свѣдѣнія, напечатанныя въ 1799 г.

Ребенокъ былъ мальчикъ. Его отецъ былъ поселянинъ, тридцати пяти лѣтъ, а мать его, тридцатилѣтняя женщина, имѣла до него уже троихъ здоровыхъ, прекрасно сложенныхъ дѣтей. Женщина, исполнявшая должность бабки при родахъ, пришла въ такой ужасъ при видѣ двойной головы, что хотѣла убить ребенка; съ этой цѣлью, она бросила его на огонь, гдѣ онъ пробылъ довольно времени, чтобъ испортить себѣ глазъ и одно ухо. Обожженный глазъ, вслѣдствіе заживленія сдѣлался меньше другаго, а отъ уха пропалъ только кусочекъ мочки. Нижняя челюсть тоже повидимому была повреждена огнемъ, но не потеряла способности двигаться.

Глаза верхней головы почти никогда не были вполнѣ закрыты, а все оставались немного открытыми, даже когда ребенокъ спалъ. Когда онъ просыпался и шевелился, глаза обѣихъ головъ открывались въ одно время, но глаза верхней головы не были устремлены но тотъ же предметъ какъ глаза нижняго, а независимо глядѣли въ разныя стороны. Такъ какъ аппаратъ для стеканія слезовой жидкости всегда находится у нижняго вѣка, а у второй головы нижнее вѣко выходило верхнимъ, то слезы не могли стекать своимъ нормальнымъ путемъ къ носовой полости, а должны были капать черезъ край верхнихъ вѣкъ. Когда ребенокъ плакалъ, то нерѣдко плакала и верхняя голова—и слезы ея тогда обильно текли. Когда ребенокъ сасалъ грудь, то и въ чертахъ верхней головы выражалось удовольствіе и слюна текла обильнѣе, нежели въ другое время. А впрочемъ обѣ головы очевидно относились одна къ другой самостоятельно. Если верхней головѣ совали палецъ въ ротъ, то лицо искажалось и выражало сильную боль; если же вставляли ей между губъ сосокъ груди, губы старались сосать.


№ 3 и 4.

«Когда ребенокъ плакалъ», разсказываетъ Дентъ,—«черты лица верхней головы не всегда принимали участіе въ плачѣ, также и когда ребенокъ смѣялся». Если верхнюю голову щипали, она показывала признаки боли,—а настоящая голова такихъ признаковъ не показывала; если-же щипали настоящую голову, то ребенокъ кричалъ, а верхняя голова оставалась безучастною. Наконецъ, какъ мы уже упоминали, безпрестанно случалось, что ребенокъ крѣпко спалъ, а верхняя голова движеніемъ глазъ и выраженіемъ лица показывала, что она принимаетъ участіе въ томъ, что происходило кругомъ и наоборотъ. *Слѣдовательно, въ обѣихъ головахъ несомнѣнно существовали отдѣльное сознаніе и отдѣльная духовная жизнь.*

Родители ребенка были бѣдные люди и показывали его на улицахъ Калькутты за деньги. Чтобы не подвергать его поруганіямъ черни, они постоянно прикрывали его одѣяломъ или ковромъ. Слѣдствіемъ такаго плохаго ухода была необычайная худоба ребенка, о которой свидѣтельствуетъ рисунокъ фиг. 2, а также болѣзненность его, упоминаемая въ разсказахъ очевидцевъ.

Смерть ребенка произошла вслѣдствіе укушенія очковой змѣи, когда однажды мать заперла безпомощнаго малютку въ домѣ,

отправлялясь за водою. Дентъ, владѣлецъ земли, на которой родители его жили и работали, пожелалъ получить черепъ его, послѣ его смерти; но такъ какъ родители изъ религіознаго предразсудка не согласились оставить свое дитя непогребеннымъ, то Денту пришлось, съ помощью своего слуги, европейца, тайно вырыть изъ земли трупъ, чтобъ овладѣть безцѣннымъ двойнымъ черепомъ.

Оба черепа (фиг. 1) почти одинаковой величины, оба совершенно окостенѣли, за исключеніемъ одного мѣста у верхняго края лобной кости верхней головы. Оба такъ соединены, что ни одной кости не прибавлено и ни въ одной нѣтъ недостатка, только вмѣсто того чтобы загибаться и образовать сводъ, лобныя и височныя кости почти прямо продолжаются, пока кости обоихъ череповъ приходятъ въ соприкосновеніе и образуется шовъ. У головы не имѣвшей туловища слуховое отверстіе закрыто и тѣ части, которыя служатъ для прикрѣпленія шейныхъ мышцъ, не вполнѣ сформированы, какъ при жизни вѣроятно были и самыя эти мышцы.

Кость нижней челюсти слишкомъ мала—и съ одной стороны недостаетъ вертлюга и его сустава, вѣроятно отъ дѣйствія огня. Зубы одинаково сформированы въ обоихъ черепахъ. Отверстіе для спиннаго мозга въ верхней головѣ меньше. Середина этой головы приходится какъ разъ надъ правымъ ухомъ настоящей головы.

Въ анатомической формаціи обоихъ череповъ самое важное то, что, какъ Дентъ положительно убѣдился при выниманіи мозга, «принадлежащая къ каждому мозгу твердая оболочка (dura mater) продолжалась въ поперечномъ направленіи тамъ, гдѣ оба мозга соприкасались, такъ что *каждый мозгъ былъ надлежащимъ образомъ одѣтъ въ свои особые покровы*. Слѣдовательно оба были раздѣлены и самостоятельны, соединеніе обѣихъ твердыхъ оболочекъ образовало между ними совершенно раздѣлявшую ихъ стѣнку. Слѣдовательно существовало необходимое условіе для самостоятельной жизни обѣихъ головъ.

Какимъ образомъ могла произойти такая уродливость—объясняется развитіемъ близнецовъ. Правда что мы донынѣ ужасно мало знаемъ о причинахъ большей или меньшей частости или рѣдкости близнецовъ; статистика даже оставляетъ насъ въ сомнѣніи, существуетъ-ли въ этомъ отношеніи какая нибудь разница между тремя европейскими расами, германскою, романскою и славянскою. Что вообще же есть значительная разница, это доказываетъ слѣдующая статистическая таблица, обнародованная уже сорокъ лѣтъ тому назадъ (Кюршнеръ, *De gemellis*, Gotha, 1833). По этой таблицѣ приходятся:

1	роды близнецами	на	158	простыхъ	въ Неаполѣ.
1	›	›	126	›	› Палермо.
1	›	›	118	›	› Люнебургѣ.
1	›	›	100	›	› Марбургѣ.
1	›	›	96	›	› Гамбургѣ.
1	›	›	92	›	› Тюбингенѣ.
1	›	›	92	›	› Франкфуртѣ на Майнѣ.
1	›	›	88	›	› Берлинѣ.
1	›	›	86	›	› Лейпцигѣ.
1	›	›	85	›	› Лондонѣ.
1	›	›	84	›	› Парижѣ.
1	›	›	75	›	› Филадельфіи.
1	›	›	74	›	› Вѣнѣ.
1	›	›	74	›	› Вюрцбургѣ.
1	›	›	72	›	› Прагѣ.
1	›	›	68	›	› Дрезденѣ.
1	›	›	66	›	› Готѣ.
1	›	›	62	›	› Гейдельбергѣ.
1	›	›	57	›	› Дублинѣ.

Тщетно ищешь въ этомъ исчисленіи городовъ причины, соединяющей Вѣну и Вюрцбургъ, Тюбингенъ и Франкфуртъ, сближающей Лейпцигъ, Парижъ и Лондонъ, разъединяющей Вѣну и Гамбургъ, наконецъ причины, имѣющей послѣдствіемъ такую разницу между Неаполемъ и Дублиномъ, что въ послѣднемъ городѣ близнецовъ родится втрое больше, нежели въ первомъ; можетъ быть статистика когда нибудь отвѣтитъ, если она сдѣлаетъ сопоставленіе родовъ близнецами у евреевъ, которые, по рѣдкости у нихъ смѣшанныхъ браковъ, дали-бы крайне благопріятный матеріалъ для изслѣдованія вліянія различныхъ климатовъ и поясовъ земли на одну и ту же расу людей.

Эти случаи зависятъ не отъ отца, а отъ матери, потому что они опредѣляются первымъ началомъ развитія и положеніемъ. Именно, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства нерѣдка родятся близнецы сросшіеся мѣстѣ. Это сростаніе можетъ быть троякаго рода.

1) Бываетъ, что близнецы вполнѣ развиты и живутъ рядомъ, каждый своей отдѣльной жизнью, сросшись въ одномъ мѣстѣ. Самый извѣстный примѣръ такой «параллельной, двойной жизни»: Сіамскіе близнецы сросшіеся лишь однимъ мѣстомъ, шириною въ ладонь, передней поверхности тѣла. Ихъ давно бы раздѣлили операціею, если-бы не было причинъ опасаться, что въ этомъ сросшемся мѣстѣ брюшныя полости переходятъ одна въ другую, а можетъ быть и другіе органы, поврежденіе которыхъ могло-бы имѣть послѣдствія опасныя для жизни. Впрочемъ оба брата духовно такъ независимы одинъ отъ другаго, что, не смотря на совершенно одинаковое воспитаніе и поневолѣ одинаковую жизнь, они имѣютъ не только разные характеры, но даже разныя политическія воззрѣнія, которыми они другъ другу отравляютъ жизнь. Они почти никогда другъ съ другомъ не говорятъ: вѣдь ни одинъ не можетъ другому сообщить чего нибудь, чего тотъ не зналъ-бы, и каждый впередъ знаетъ мнѣніе другаго. Это поучительно въ психологическомъ отношеніи, но не имѣетъ цѣны относительно собственно естественно научной стороны этихъ параллельно сросшихся близнецовъ. Тоже можно сказать и о двухъ цвѣтныхъ дѣвушкахъ, которыхъ, какъ говорятъ, Барнумъ купилъ дѣтьми и воспиталъ, чтобы потомъ показывать ихъ: онѣ крѣпко и неподвижно срослись костями крестца; имъ теперь 15—16 лѣтъ и онѣ вообще хорошо сложены.

2) Бываетъ, что при первоначальномъ развитіи зародыша удвоиваются части головы, или развиваются двѣ головы на одномъ туловищѣ, съ двумя руками и ногами, или нижняя половина тѣла остается одиночная, а грудь, руки и голова двойныя,—или близнецы вполнѣ сформированы и только положеніе ихъ съ повернутыми другъ къ другу ногами указываетъ, что нижнія части тѣла могли-бы слиться, если-бы каждый не былъ облеченъ въ свою особую оболочку.

3) Наконецъ можетъ быть легкое удвоеніе нижней части позвоночнаго столба (крестцовой кости какъ у показывавшагося нѣсколько лѣтъ назадъ въ Сѣверной Германіи живаго урода,—или вообще нижняя половина тѣла на большемъ или меньшемъ протяженіи двойная при одной головѣ,—или наконецъ близнецы только лежатъ обращенные другъ къ другу головами, а въ остальномъ представляютъ двѣ самостоятельныя, не сросшіяся личности. Въ первыхъ фазисахъ развитія, головы легко могутъ сростись мѣстомъ соприкосновенія, тогда какъ въ остальномъ зародыши продолжаютъ развиваться совершенно самостоятельно.

Если послѣдуетъ таковое срощеніе, а одно изъ тѣлъ по какой нибудь причинѣ будетъ задержано въ своемъ развитіи, какъ это часто бываетъ съ близнецами, то это тѣло умретъ и отпадаетъ,—тогда какъ голова, приросшая къ другому ребенку, будетъ получать питаніе отъ переходящихъ въ него кровеносныхъ сосудовъ здороваго тѣла, поэтому не умретъ а будетъ правильно развиваться до рожденія. Это-то и случилось при развитіи описываемаго замѣчательнаго урода. Понятно, что весьма рѣдко могутъ сойдтись подобныя случайныя условія. Неизвѣстно другаго примѣра такой формаціи, при которомъ оба близнеца прожили-бы достаточно долго, чтобы можно было дѣлать наблюденія надъ ихъ самостоятельною духовною жизнью.

О шеѣ, единственной части тѣла еще оставшейся при верхней головѣ описываемаго урода, капитанъ Бьюкананъ говоритъ:

«Шея имѣла дюйма два въ длину и кончалась округлою мягкою припухлостью, точно маленькой персикъ».

Наблюдательный докторъ Старкъ, который видѣлъ ребенка двухлѣтняго и велѣлъ нарисовать его, говоритъ.

«Верхняя шея кончалась очень неправильно, чѣмъ то похожимъ на шрамъ отъ раны».

Наконецъ землевладѣлецъ Дентъ, который зналъ близнецовъ во все время жизни и очистилъ двойной черепъ отъ мягкихъ частей, такъ описываетъ шею послѣ смерти ребенка (стало быть четыре года спустя послѣ рожденія): Шея верхней головы имѣла приблизительно четыре дюйма въ длину и кончалась твердою, круглою, хрящеватою припухлостью, имѣвшаго около четырехъ дюймовъ въ поперечникѣ». Этотъ примѣръ различныхъ описаній въ то же время свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ правдивости.

Счастье, что это рѣдкое явленіе нашло такихъ спокойныхъ, внимательныхъ наблюдателей, и было такъ тщательно описано людьми, занимавшими видное положеніе. Вслѣдствіе этого обстоятельства оно, поистеченіи почти ста лѣтъ, имѣетъ тотъ же научный вѣсъ, какъ будто теперь только что были сдѣланы надъ нимъ наблюденія. Цѣна же и значеніе головы, неимѣющей туловища и самостоятельной спящей и бодрствующей, самостоятельно двигающей глазами и лицевыми мышцами, состоитъ въ томъ, что такая голова доказываетъ, что духовныя отправленія совершаются въ мозгѣ.

Конечно, это доказывается и наблюденіями за всѣми дѣтьми отъ рожденія до конца перваго года, какъ только извѣстенъ несомнѣнный фактъ, что каждый ребенокъ родился съ невполнѣ развившимся мозгомъ. Кому покажется удивительнымъ, что органъ столь важный для жизни и всѣхъ ея отправленій, еще не вполнѣ развитъ при рожденіи человѣка, тому мы напомнимъ, что и у другихъ животныхъ — позвоночныхъ и теплокровныхъ, слѣдовательно не слишкомъ далекихъ отъ человѣческаго организма,—нѣкоторые важные органы достигаютъ полнаго развитія лишь послѣ рожденія. Самый поразительный примѣръ такого рода представляютъ кангуру, который родится лишь полуразвитымъ и проходитъ періодъ окончательнаго развитія въ материнскомъ сумкѣ—особомъ органѣ ея тѣла.

Если кто возмутится тѣмъ, что мы сравнили человѣка съ однимъ изъ глупѣйшихъ животныхъ—тотъ пусть вспомнитъ нашихъ друзей и домочадцевъ—собакъ и кошекъ, которыя, какъ извѣстно, родятся слѣпыми, а глаза у нихъ еще не вполнѣ развиты, еще не годятся въ дѣло; они дѣлаются способными къ своимъ отправленіямъ лишь послѣ рожденія—и тогда щель между вѣками открываются посредствомъ всасыванія вещества, залѣпляющаго ихъ. Каждая кормилица знаетъ, что новорожденный младенецъ втеченіи полугода бываетъ глупъ. Только по прошествіи этого срока онъ начинаетъ замѣчать то что его окружаетъ, принимать въ томъ участье. Любящіе родители, много занимающіеся своимъ малюткою, иногда сокращаютъ этотъ срокъ постоянными разговорами и съ помощью

погремушекъ, пестрыхъ предметовъ и пр., умѣютъ раньше возбудить его вниманіе, насильно, такъ-сказать, пробудить въ немъ сознаніе,—но это отнюдь не полезно ни для тѣлеснаго благосостоянія ребенка, ни для позднѣйшаго развитія его умственныхъ способностей. Насколько желательно поощрять въ ребенкѣ психическую дѣятельность тѣмъ, чтобы постоянно его занимать,—настолько вредно это дѣлать въ первые мѣсяцы его жизни, когда величайшее спокойствіе во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ для него истинную потребность.

Неспособность къ мышленію новорожденный младенецъ раздѣляетъ съ тѣми уродами, которые родятся вовсе безъ мозга или съ небольшой частицей мозга. Эти уроды, у которыхъ отъ головы почти ничего нѣтъ кромѣ лица, первое время ведутъ себя совершенно также какъ здоровыя, отлично сформированныя дѣти, родившіяся съ полнымъ мозгомъ: они спятъ, испражняются и дѣлаютъ иногда безцѣльныя, неловкія движенія. Стало быть, когда мозгъ не вполнѣ развитъ и когда его вовсе нѣтъ—одинаково не существуетъ духовной дѣятельности.

Точно также духовной дѣятельности нѣтъ или есть въ самой малой степени (негодной для практической жизни) тамъ, гдѣ развитіе мозга задержано послѣ рожденія (какъ у кретиновъ и микрокефаловъ). Что изъ мозга исходятъ приказанія, которыми руководится и по которымъ дѣйствуетъ нашъ организмъ, это мы знаемъ и чувствуемъ по себѣ. Когда мы гуляемъ или идемъ куда, мы сознательнымъ усиліемъ воли заставляемъ себя дѣлать лишь первые шаги, а потомъ уже тѣло само, безъ нашего участья, вниманія, почти сознанія, продолжаетъ дѣлать шагъ за шагомъ. То же самое мы видимъ въ каждомъ виртуозѣ: онъ своею волею дастъ лишь первый толчекъ своимъ мышцамъ, а затѣмъ, почти не обращая вниманія на частности, продолжаетъ. Опытъ надъ животными приводятъ къ тѣмъ же выводамъ. Если взять голодную курицу, насыпать передъ нею на землѣ кормъ и тихонько держать ее за крылья, она своими движеніями выразитъ намѣреніе броситься къ корму. Если въ это мгновеніе быстро отрубить ей голову, безголовое тѣло все таки побѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ насыпанъ кормъ. Спинной мозгъ получилъ толчокъ отъ главнаго мозга и выполняетъ уже приказанное движеніе. Извѣстно, что римскій императоръ Геліогабалъ такимъ образомъ публично забавлялся на аренѣ, конечно не подозрѣвая научнаго значенія своей забавы. Онъ собственноручно рубилъ головы страусамъ на всѣмъ бѣгу и ребячески веселился тѣмъ, что птицы продолжали бѣжать.

Это отношеніе между духовною дѣятельностью мозга и остальнымъ тѣломъ опредѣлено также такими опытами, гдѣ у животныхъ посредствомъ операціи вынимали мозгъ. Эти животныя дѣлаются автоматами; они дышатъ, стоятъ, но утратили чувство, волю и сознаніе; приходится искуственно кормить и поить ихъ, потому, что они уже не имѣютъ ощущенія голода и жажды, и они дѣлаютъ движенія лишь по данному имъ толчку.

Полнѣйшую противоположность этимъ безмозглымъ животнымъ или уродамъ со скуднымъ мозгомъ представляетъ калькутская голова безъ тѣла, которая напротивъ обладала чувствомъ, волею и сознаніемъ безъ возможности дать это понять другимъ, выразить волю свою какимъ нибудь дѣйствіемъ. Какъ ни прискорбно съ научной точки зрѣнія, что смерть такъ рано постигла двуглаваго ребенка,—но это было великое счастье для бѣднаго созданія, состоявшаго изъ одной только головы, что его сознаніе уничтожилось раньше, нежели оно могло уяснить себѣ свою судьбу: можетъ-ли быть на землѣ болѣе адская мука, какъ видѣть, мыслить, хотѣть—и не имѣть возможности ни однимъ движеніемъ выразить свою волю.

Все же этотъ уродъ оказалъ намъ услугу, какъ сознается каждый, кто вдумается въ жизнь этой головы безъ тѣла: мы обязаны ему поразительнымъ, бросающимся въ глаза доказательствомъ того, что мысль, воля и сознаніе человѣка имѣютъ центръ свой въ мозгѣ. Отъ этого факта получаютъ полный вѣсъ и другіе факты, напримѣръ тотъ, что у взрослаго, вполнѣ развитаго, живаго человѣка можно, при извѣстныхъ условіяхъ, произвольно, безъ введенія какого-либо лѣкарства, отнять на болѣе или менѣе продолжительное время сознаніе и этимъ непосредственно доказать его зависимость отъ мозга.

Современное положеніе Персіи.

Новѣйшая исторія Персіи начинается съ 1510 года. Въ то время, какъ Европа потрясена была реформаціей, религіозный фанатизмъ, всегда игравшій важную роль на востокѣ, вызвалъ въ Персіи громадный переворотъ. Измаилъ Сафи, впервые принявшій наименованіе *шаха*, низвергъ суннитскихъ наслѣдниковъ Тимура, занимавшихъ персидскій престолъ, завоевалъ прилежащія съ востока, сѣвера и запада страны и ввелъ шіитскую вѣру Али, зятя Магометова. Съ тѣхъ поръ эта ересь, отвергнутая прочими магометанскими государствами, въ Персіи стала господствующею религіею, хотя упрочившая ее династія давно смѣнена другими властителями. Персіяне, показывая чужестранцамъ развалины громадныхъ мечетей, дворцовъ или водопроводовъ, или говоря о замѣчательныхъ учрежденіяхъ, никогда не забываютъ прибавить: «все это основалъ шахъ Аббасъ». При этомъ могущественномъ повелителѣ изъ дома Сафидовъ (1687—1628 г.) государство достигло высшей степени процвѣтанія, и Персія находилась въ зенитѣ своего блеска и могущества. Границы ея простирались отъ Оксуса до Персидскаго залива, куда шахъ Аббасъ загналъ португальцевъ, отъ Герата и Кандагара на востокѣ до Кавказа и Евфрата на западѣ. Но шахъ Аббасъ былъ лишь свѣтлымъ метеоромъ; какъ весьма часто въ восточныхъ государствахъ, весь этотъ блескъ сосредоточивался въ личности дѣятельнаго правителя—и какъ только этотъ послѣдній смежилъ орлиныя очи, бѣды хлынули потопомъ: Грузія, Адзербейджанъ и Курдистанъ отошли отъ Персіи; вмѣшались турки и русскіе, афганскій терроръ правилъ государствомъ съ 1722 г. по 1730 г. и довелъ страну до такого упадка и крайней нужды, что на улицахъ столицы открыто ѣли человѣческое мясо.

Кули-ханъ, хорассанскій разбойникъ, вновь доставилъ истощенной странѣ миръ и благоденствіе (1736). Онъ вступилъ на престолъ, ввелъ строгій порядокъ и вновь завоевалъ утраченныя земли. Прежде всего обуздалъ онъ туркменовъ, которыхъ разбойничьи набѣги и уводъ плѣнниковъ въ неволю составляли истинную язву Персіи. Но Надиръ былъ суннитомъ — и народъ шіитовъ, подчиняясь желѣзной рукѣ властителя, все-таки не любилъ его, не простилъ ему иновѣрія—и кинжалъ фанатика-шіита поразилъ правителя въ святынѣ шіитовъ въ Мѣшхедѣ (1747 г.). Пошли смуты за смутами, на престолъ вступила династія Зендовъ, которой представители старались превзойти другъ друга въ жестокостяхъ. Ядъ и кинжалъ являлись обыкновеннѣйшимъ средствомъ отдѣлаться отъ соперника; бывали случаи, что противникамъ раздробляли черепъ дубинами. Не проходило году безъ того, чтобы двое-трое властителей не спорили за престолъ, зажигая по всей странѣ факелъ междоусобной войны. Даже лучшіе изъ правителей неистовствовали, какъ дикіе звѣри. Лутфъ-Али, послѣдній изъ Зендовъ (конецъ прошлаго столѣтія), считавшійся идеаломъ иранскаго воина, велѣлъ однажды не уличеннаго ясными доказательствами подсудимаго сжечь живымъ. Но самымъ ужаснымъ пугаломъ на персидскомъ тронѣ является побѣдоносный противникъ Лутфа, Ага-Магометъ-Ханъ, основатель нынѣ царствующей династіи Каджаровъ. Это былъ малорослый горбатый евнухъ, приказавшій ослѣпить 7000 жителей Кермана за помощь его врагу и собственноручно вырвавшій глаза у Лутфа. Путешественникъ Генрихъ Поттингеръ, посѣтившій Персію въ 1810 году, видѣлъ еще громадную пирамиду изъ человѣческихъ череповъ, воздвигнутую Агою въ 1796 году вмѣсто побѣднаго памятника.

Поттингеръ, присутствовавшій въ Керманѣ на судѣ одного персидскаго принца, разсказываетъ слѣдующее: «однимъ выкалывали оба глаза, рѣзали уши, носъ и губы, разрѣзали языкъ и отрубали руку или обѣ; другимъ отсѣкали пальцы рукъ и ногъ, — и всѣхъ ихъ выгоняли на улицу, съ строжайшимъ запрещеніемъ оказывать имъ какую бы то ни было помощь. Это было въ 1810 году».

О завоеваніи Кермана Агою-Магометомъ-Ханомъ тотъ же очевидецъ пишетъ: «городъ Керманъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ преданъ грабежу и опустошенію приведеннаго войска, которое съ соизволенія предводителя производило неслыханныя звѣрства. Жены и дочери гражданъ подвергались въ присутствіи мужей и отцовъ открытому поруганію со стороны солдатъ—и первыхъ заставляли снова принимать къ себѣ обезчещенныхъ. Отомстивъ всѣмъ до единаго, кто чѣмъ-нибудь возбудилъ его гнѣвъ, Ага-Магометъ увелъ за собою 30,000 человѣкъ въ неволю».

Племянникъ его, Фетъ-Али, процарствовалъ 38 лѣтъ, время необычайно долгое и сравнительно съ прежними счастливѣйшее для Персіи, не смотря на частыя пораженія со стороны русскихъ. Съ этого времени европейское вліяніе становится ощутительнымъ, въ Тегеранъ отправляются посольства—и Россія становится руководящей державой въ Персіи, какъ ни противодѣйствуетъ этому Англія.

Каджары, владѣющіе нынѣ персидскимъ престоломъ—тюркскаго племени; они населяли Сирію и были приведены Тимуромъ въ Персію, гдѣ спачала поселились въ Арменіи. Въ правленіе Аги-Магомета, возведшаго это племя въ лицѣ своемъ на тронъ, вмѣстѣ съ новою династіею государству дана и новая столица. Ширазъ и Испагань, древніе стольные города, были покинуты и вмѣсто нихъ избранъ Тегеранъ, гдѣ и понынѣ царствуетъ (хотя далеко не въ царственномъ дворцѣ) теперешній повелитель Персіи, четвертый по порядку наслѣдникъ страшнаго Аги-Магомета.

Насръ-Эддинъ, нынѣшній шахъ, по смерти отца своего, послѣдовавшей 6 сентября 1848 года, для торжественнаго вступленія въ столицу изъ управляемаго имъ Тавриза сильно нуждался въ деньгахъ. Персидскіе купцы, къ которымъ онъ обращался, отказали ему въ просьбѣ, не зная, будетъ-ли онъ въ состояніи утвердиться на престолѣ и впослѣдствіи удовлетворить ихъ. Въ такой крайности, принцъ однажды вечеромъ рѣшился прибѣгнуть къ *невѣрному;* переодѣтый, дабы не быть узнаннымъ кѣмъ либо изъ персіянъ, въ сопровожденіи одного прислужника, постучался онъ въ жилище грека Ралли. Хитрецъ оказался дальновиднѣе персидскихъ купцовъ, разчитавъ на будущность Насръ-Эддина, и выдалъ юношѣ нѣсколько тысячъ дукатовъ, съ которыми тотъ могъ-бы отправиться въ Те-

геранъ и принять бразды правленія. Такъ началъ считающійся нынѣ однимъ изъ богатѣйшихъ государей Востока. Къ чести шаха слѣдуетъ упомянуть, что онъ выказалъ необыкновенную признательность греку и вскорѣ по вступленіи на престолъ послалъ ему занятую сумму со щедрыми процентами. Ралли получилъ два денежные свертка. На первомъ было надписано: «это шлетъ Насръ-Эддинъ, принцъ»; а на другомъ: «это шлетъ Насръ-Эддинъ, шахъ». Молодой государь былъ въ высшей степени счастливъ въ томъ отношеніи, что ему, проведшему юность въ уединеніи, робкому и неопытному, помогалъ дѣятельный, благонамѣренный и даровитый министръ Мирза Таки,—министръ, какихъ давно не бывало въ Персіи. Мирза Таки былъ честенъ, стоялъ за реформы, старался ослабить тяготы земледѣльцевъ, развивалъ торговлю и сельское хозяйство, исправилъ каналы и даже помышлялъ о проведеніи новыхъ дорогъ. Этотъ человѣкъ, котораго народъ называлъ «великимъ эмиромъ», былъ до такой степени скроменъ, что не принялъ даже титула великаго визиря, называясь только «верховнымъ блюстителемъ порядка».

Если-бы Насръ-Эдинъ не потерялъ Мирзы Таки, Персія наслаждалась-бы благоденствіемъ. Но камарилья, которая сильна и въ Тегеранѣ, видя что ей приходитъ плохо, стала интриговать противъ министра, въ чемъ приняла участіе и мать шаха. Молодой шахъ сначала противился интригѣ—и когда она достигла высшей степени возбужденія, отдалъ Мирзѣ Таки руку своей сестры, сдѣлавъ такимъ образомъ особу его, въ качествѣ зятя шаха, неприкосновенной. Но тайные ковы придворной партіи не унимались. Насръ-Эдинъ никогда не отличался твердостью характера; ему снова стали нашептывать и заставили его наконецъ повѣрить, что министръ, боготворимый народомъ, самъ стремится къ владычеству. Тогда шахъ изрекъ Мирзѣ Таки смертный приговоръ, изъ милости предоставивъ ему самому избрать себѣ родъ смерти. Мирза Таки сѣлъ въ ванну и вскрылъ себѣ жилы (1851 г.). Въ замкѣ Финѣ, близь Кашана, гдѣ это произошло, до сихъ поръ еще показываютъ кровавые слѣды, народъ оплакиваетъ своего любимца, и самъ шахъ (по словамъ д-ра Поллака, бывшаго долгое время лейбмедикомъ Насръ-Эддина) впослѣдствіи раскаялся въ своей поспѣшности. Царица-мать, вымынившая у него смертный приговоръ, была удалена отъ двора,—но Персія тѣмъ не менѣе лишилась Мирзы Таки.

Новые визири стали во главѣ правленія и, тѣша воинственныя наклонности шаха, подвигли его къ предпріятіямъ противъ Герата и проч., извѣстнымъ уже читателямъ «Нивы» (см. № 19).

Насръ-Эддину 42 года. Онъ средняго роста, у него пріятные черты лица, прекрасные глаза и продолговатый носъ. Ротъ его прикрываютъ длинные густые усы. Осанка его величественна, таковы-же и всѣ его манеры, на что въ Персіи обращается особенное вниманіе; только говоритъ онъ нѣсколько скороговоркой. На высокой черной барашковой шапкѣ его прикрѣпленъ алмазный аграфъ; кривая сабля также богато осыпана драгоцѣнными камнями. Подбитое мѣхомъ верхнее платье украшено большою звѣздою персидскаго ордена льва и солнца. Для уроженца востока Насръ-Эддинъ чрезвычайно образованъ. Германъ Вамбери, познакомившійся съ нимъ въ 1862 году, безъ всякой лести называетъ его образованнѣйшимъ человѣкомъ во всей Персіи. Онъ довольно начитанъ въ арабской и персидской литературѣ, владѣетъ плавнымъ слогомъ, хорошо пишетъ и рисуетъ. Онъ самъ набросалъ портретъ своего лейбмедика д-ра Поллака и подписалъ: *croquis de Nasr-Eddin Chah*. Онъ настолько знаетъ по французски, что можетъ вести легкій разговоръ; лучше-же всего, по свидѣтельству Вамбери, знаетъ онъ географію. Это его любимая наука—онъ знаетъ въ совершенствѣ не только Азію, но и прочія части свѣта.

О правленіи Насръ-Эддинъ не слишкомъ заботится. Тегерана онъ не любитъ, предпочитая ему окрестные замки—и въ особенности свое Sans-souci Касръ-эль-Каджаръ. Отсюда-то, будучи страстнымъ охотникомъ, предпринимаетъ онъ свое охотничьи походы; превосходный стрѣлокъ, онъ ведетъ списокъ убитой дичи не хуже любаго европейскаго спортсмена. Списокъ этотъ, публикуется въ еженедѣльной официальной газетѣ.

Вотъ, напр., выписка изъ него: «Сегодня я проснулся рано по утру и напился чаю, потомъ сѣлъ на моего бѣлаго коня и взялъ съ собою французское ружье, заряжающееся сзади. Меня сопровождали нѣкоторые изъ принцевъ; войско слѣдовало за мною. Вскорѣ мы вспугнули антилопу; всѣ выстрѣлили по ней, но промахнулись, что насъ весьма разгнѣвало. Затѣмъ я расположился завтракать. Послѣ завтрака, продолжали охоту. Я увидалъ зайца, выстрѣлилъ по немъ самъ и убилъ его съ такой ловкостью, что все войско пришло въ изумленіе».

Дюгуссе, французскій офицеръ, долго проживштй въ Персіи, чрезвычайно живо описываетъ охоту шаха и также свидѣтельствуетъ, что шахъ превосходный стрѣлокъ. Охота происходила близь селенія Кендъ неподалеку отъ Тегерана. Рано утромъ о началѣ ея дано было знать пушечнымъ выстрѣломъ. Поѣздъ открывалъ егермейстеръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, вооруженныхъ копьями. За ними шли скороходы, одѣтые въ красномъ, въ странныхъ шапкахъ изъ золотой бумаги, всячески изукрашенныхъ. Шахъ ѣхалъ верхомъ одинъ и чрезвычайно просто одѣтый. На немъ былъ кашемировый кулидже, родъ накидки съ короткими полокоть рукавами, широкіе синіе шальвары запрятанные у колѣнъ въ высокіе сапоги, и плюшевая мантія небесноголубаго цвѣта. На головѣ у него была надѣта небольшая барашковая шапочка. Свита расположилась въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ чиновникъ съ носовымъ платкомъ шаха—важная довѣренная особа. За нимъ другой съ золотымъ чайникомъ холодной воды; стрѣлки съ ружьями; приглашенные на охоту; мулъ нагруженный розгами для провинившихся; еще мулы со свернутыми коврами, подушками и платьемъ шаха; наконецъ триста всадниковъ, предводимые сыномъ военнаго министра. Самъ шахъ во время охоты удаляется отъ свиты на нѣсколько сотъ шаговъ, чтобы не быть стѣсненнымъ въ своихъ движеніяхъ. Онъ ѣхалъ на превосходномъ скакунѣ и далеко опережалъ всѣхъ. Неровности почвы не составляютъ для него ни малѣйшаго препятствія, по свидѣтельству Дюгуссе, на перемѣну ему всегда готовы четыре свѣжихъ коня, которыхъ онъ и мѣняетъ смотря по надобности. Черезъ нѣсколько часовъ, настрѣлявъ зайцевъ, антилопъ, дикихъ козъ, лисицъ и проч., остановились на роздыхъ. Шаху на снѣгу разостлали широкій коверъ; онъ помѣстился на немъ съ нѣсколькими высшими сановниками и закурилъ трубку. Когда-же ему доложили, что летитъ стадо куропатокъ, онъ вскочилъ, выстрѣлилъ и попалъ. Вскорѣ затѣмъ пролетѣлъ воронъ, шахъ убилъ и его. Прежде чѣмъ охотники отправились по домамъ, шахъ угостилъ ихъ совершенно своеобразнымъ зрѣлищемъ. Лошадь, везшая его кальянъ, оказалась съ норовомъ—ее надлежало наказать. Шахъ велѣлъ привести такую же злую лошадь. Тогда шахъ приказалъ свести ихъ такъ, чтобъ они столкнулись мордами. Тотчасъ-же завязалась страшная драка. Лошади насторожили уши, храпѣли широкораздутыми ноздрями, грызлись, кусая другъ друга въ шею и грудь, и бились копытами. Насръ-Эддинъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на бой звѣрей и наконецъ крикнулъ: «довольно»! Конюхи растащили бѣшеныхъ лошадей, и охотники пустились во свояси.

Шахъ проводитъ круглымъ счетомъ три четверти года на охотѣ—и это житье на вольномъ воздухѣ, ѣзда верхомъ зимою и лѣтомъ необычайно закалили его. Исключительную особенность шаха составляетъ то, что во всѣ поѣздки и даже на продолжительную охоту онъ беретъ съ собою свое личное имущество. Онъ не довѣряетъ общественному спокойствію въ Тегеранѣ, гдѣ остаются придворные интриганы и коварныя жены, не разъ уже вмѣшивавшіяся въ государственныя дѣла. Поэтому Насръ-Эддинъ не слишкомъ жалуетъ придворный этикетъ. Царская фамилія въ Персіи чрезвычайно многочисленна—и родня шаха распространена во всѣхъ классахъ до самаго низшаго. Причина этого лежитъ въ томъ обстоятельствѣ, что шахъ выбираетъ себѣ женъ изъ среды своихъ подданныхъ и населяетъ свой гаремъ красавицами всѣхъ состояній. Многочисленные принцы, на потомство и родню которыхъ при дворѣ не обращаютъ никакого вниманія, должны сами о себѣ заботиться—и такимъ образомъ, столяры повара и конюхи царской крови—вовсе не рѣдкость въ Персіи.

Кромѣ денегъ, личное имущество шаха заключается въ его помѣстьяхъ, замкахъ и т. д., преимущественно-же въ его сокровищницѣ, которая переполнена драгоцѣнностями.

Проникнуть въ нее чрезвычайно трудно—и недавно еще печаталось во всѣхъ европейскихъ газетахъ, что ея не видалъ ни одинъ европеецъ. На дѣлѣ-же это оказывается не такъ, хотя весьма немногіе удостоивались этой чести. Къ таковымъ принадлежитъ Генрихъ Вамбери, посѣтившій сокровищницу вмѣстѣ съ секретаремъ турецкаго посольства. Онъ разсказываетъ въ своемъ «путешествіи въ Персію», что главнымъ сокровищемъ является громадный алмазъ, называемый *моремъ свѣта*, привезенный Надиръ-шахомъ изъ военнаго похода въ Индію и нынѣ имѣющій единственнаго соперника себѣ въ Когинурѣ, *горѣ свѣта*, что въ Лондонской сокровищницѣ. Когда я увидалъ его на украшаемомъ имъ поясѣ, этотъ продолговатый, къ срединѣ выпуклый камень показался мнѣ простымъ хрусталемъ. Наряду съ нимъ стоитъ драгоцѣнный рубинъ, проданный знаменитымъ французскимъ путешественникомъ Тавернье, множество брилянтовъ и три большихъ изумруда, привезенныхъ Надиръ-Шахомъ изъ Индіи. Драгоцѣнны должны быть и тѣ жемчужины, которыя шахъ носитъ на груди въ торжественныхъ случаяхъ. Изъ алмазовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, славятся еще тѣ десять, которые шахъ носитъ вмѣсто пуговицъ, по десяти съ каждаго борта, на своемъ парадномъ мундирѣ. Кромѣ того, у шаха еще много платья, осыпаннаго драгоцѣнными камнями, напр., кулидже изъ превосходной шали, котораго воротникъ, обшлага и грудь совершенно покрыты алмазами, или вѣнцевидная шапка, на которой горитъ изумрудъ величиною въ небольшое яйцо; множество круглыхъ подушекъ, ковровъ и проч., ослѣпляющихъ богатствомъ украшенія, не считая шести или восьми скипетровъ, множества сабель съ драгоцѣнными рукоятками, поясовъ, золотой и серебряной утвари.

Этимъ личнымъ имуществомъ династіи неограниченно распоряжается шахъ, между тѣмъ какъ прочіе члены семейства довольствуются тѣмъ, что удѣлить имъ его щедрость. Жены Насръ-Эддина пользуются до того скромнымъ содержаніемъ, что имъ едва достаетъ на необходимѣйшія принадлежности тоалета, и потому весьма немногія добиваются чести попасть въ гаремъ, напротивъ считая какъ бы за несчастіе породниться съ шахомъ. Впрочемъ, нынѣшній шахъ—необыкновенное явленіе въ средѣ восточныхъ и особенно персидскихъ властителей — небольшой поклонникъ женщинъ и предпочитаетъ охоту изнѣживающей гаремной жизни. За то и непостояненъ онъ въ любви: безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти разстается онъ съ одною женой и женится на другой, ничего не щадя подчасъ для обладанія прекрасной иранкой, ко-

Императоръ Карлъ V у Тиціана. Съ картины Бекера рисов. самъ авторъ, гравиров. О. Ротъ.

торая затронетъ его сердце, но и новой фавориткѣ недолго свѣтитъ лучъ его благоволенія. Между тѣмъ какъ въ Константинополѣ жены султана пользуются нѣкоторой свободой, могутъ прогуливаться подъ легкимъ покрываломъ и даже говорить съ мужчинами,—въ Персіи на этотъ счетъ гораздо строже. Съ одной стороны, средства женъ шаха чрезвычайно скудны, а съ другой—имъ воспрещены всякія сношенія съ посторонними. Закутанныя въ голубыя мѣшкообразныя одѣянія, царственныя дамы правда иногда прогуливаются по улицамъ Тегерана—и ничто бы не говорило о высокомъ ихъ санѣ, еслибъ не сабельные удары, которые расточаютъ вправо и влѣво сопровождающіе дамъ прислужники, дабы удержать въ границахъ любопытство уличной толпы. Если шаху надоѣдаетъ одна изъ женъ, что случается довольно часто, онъ тотчасъ разводится съ нею и отсылаетъ безъ малѣйшаго подарка. Такая разводка, бывшая царица персидская, находится въ высшей степени печальномъ положеніи — и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что (какъ свидѣтельствуетъ д-ръ Поллакъ) двое изъ такихъ царицъ вышли замужъ—одна за переплетчика, другая за учителя тегеранской коллегіи.

Жестокость неразлучна съ особою восточнаго повелителя; но что касается Насръ-Эддина, мнѣнія различны: дѣйствительно ли онъ жестокъ или нѣтъ. Онъ слѣдуетъ преданіямъ страны—и только разъ повелѣлъ онъ совершить казнь, выходящую изъ границъ возможнаго. Это было въ 1852 году послѣ покушенія секты Бабидовъ на жизнь его. Эта секта фанатиковъ, желавшая ни болѣе ни менѣе какъ полнаго соціальнаго и политическаго переворота, была разсѣяна войсками шаха, а предводители ея и пророкъ Бабъ разстрѣляны. Но приверженцы ихъ возстали съ удвоенной яростью и пытались умертвить Насръ-Эддина. Отъ времени до времени проявлялись еще слѣды этой секты и малѣйшаго подозрѣнія было достаточно для истребленія цѣлыхъ семействъ. Неслыханное даже въ Персіи истязаніе ужаснуло всѣхъ при казни нѣкоего Сулейманъ-Хана, который былъ уличенъ какъ глава заговора и приговоренъ къ ужасной смерти.

Насръ-Эддинъ знаетъ и цѣнитъ наши открытія, телеграфъ пробѣгаетъ по всей Персіи, желѣзная дорога подходитъ къ границамъ ея, европейскіе офицеры обучаютъ его войско, европейскіе врачи лечатъ его самого,—но все же онъ считаетъ староперсидскую цивилизацію несравненнѣйшею во всемъ свѣтѣ. Насръ-Эддинъ нерѣдко сердится и бываетъ раздраженъ противъ Запада, какъ напр., по прочтеніи книги графа Гобино, который въ качествѣ французскаго посланника долгое время жилъ въ Тегеранѣ и несовсѣмъ деликатно сорвалъ покрывало съ нѣкоторыхъ тайныхъ дѣлъ.

Само собою разумѣется, что сѣмена европейской цивилизаціи плохо прививаются на почвѣ, такъ плохо подготовленной для нихъ воспріятія. Персіяне вообще имѣютъ самыя смутныя представленія о Европѣ. Самымъ могущественнымъ изъ европейскихъ государствъ они считаютъ Россію и послѣднія завоеванія наши въ средней Азіи ослабили обаяніе, которымъ пользовалась Англія, благодаря своимъ владѣніямъ въ Остъ-Индіи. Кромѣ Россіи весьма могущественною державою считается, вслѣдствіе своей близости, Турція: затѣмъ, остальная Европа представляется персіянамъ въ видѣ мелкихъ княжествъ, владѣтели которыхъ вѣчно воюютъ между собою.

Тиціанъ и Карлъ V

Въ тотъ годъ какъ было рѣшено паденіе флорентинской республики, взошла счастливая звѣзда одного венеціанскаго художника, и тотъ самый властелинъ, который нанесъ окончательный ударъ политической самостоятельности Италіи, не мало способствовалъ счастливому развитію одного изъ геніальнѣйшихъ ея людей. Какъ глубоко должно было быть проникнуто чувствомъ прекраснаго такое время, когда даже деспоты, при всемъ тщеславіи, игравшемъ тутъ можетъ быть немаловажную роль, все-таки оказывали истинное поклоненіе искусству! Можно еще допустить, что нѣкоторые монархи дѣлали художникамъ большіе и почетные заказы, чисто изъ честолюбія; но тотъ почетъ, какимъ пользовался Тиціанъ у Карла V, въ владѣніяхъ котораго солнце никогда не заходило, могъ происходить только отъ искренняго преклоненія передъ геніемъ.

Это было въ октябрѣ 1529 года; папа Климентъ VIII и императоръ Карлъ V съѣхались въ Болоньѣ чтобы сговориться: какими средствами всего лучше поработить Италію. Императоръ Карлъ тутъ же заставилъ папу возложить на него ломбардскую и римскую корону. Въ это самое время Пьетро Аретино написалъ кардиналу Ипполиту Медичи, находившемуся въ Болоньѣ въ папской свитѣ, письмо, въ которомъ превозносилъ до небесъ мастерство Тиціана въ портретной живописи. Уже и раньше Пьетро Аретино не разъ пользовался такимъ образомъ своей обширной корреспонденціей съ государями и знатью того времени, чтобъ проложить дорогу своему другу. Хорошо было бы еслибъ судьба почаще посылала такихъ практическихъ друзей талантливымъ художникамъ, которые въ своей мастерской забываютъ весь міръ, погрузясь въ свои созданія,—отъ сколькихъ тяжелыхъ испытаній были бы они избавлены! Пьетро Аретино не даромъ потратилъ свое краснорѣчіе на восхваленіе Тиціана. Послѣдствіемъ его письма было то, что императоръ тотчасъ же велѣлъ выписать его друга изъ Венеціи—хотя можетъ быть только для того, чтобы оказать вниманіе венеціанскому правительству, съ которымъ у него велись переговоры. Какъ только Карлъ узналъ о пріѣздѣ Тиціана въ Болонью, тотчасъ же призвалъ его съ величайшимъ почетомъ и поручилъ ему снять съ себя портретъ. На этомъ первомъ портретѣ Карла, писанномъ Тиціаномъ, онъ изображенъ отважнымъ полководцемъ, въ блестящемъ вооруженіи, на поднимающейся на дыбы и скрежущей зубами лошади. Сходство было до такой степени поразительно и обманчиво, что говорятъ, будто придворные приняли картину выставленную въ арку воротъ за самого императора и отдавали ей честь.

Получивъ въ награду 1000 золотыхъ гульденовъ, Тиціанъ весело вернулся въ свой родной городъ, но, вмѣсто того чтобы встрѣтить тамъ почетъ и удивленіе, нашелъ одну зависть, какъ это обыкновенно бываетъ. Нѣсколько разъ преднамѣренно отдавали преимущество незначительнымъ въ сравненіи съ нимъ художникамъ, какъ напримѣръ: Парденоне. Такъ напримѣръ, ему заказали картину Благовѣщенія для церкви Санта Марія Дельи Анджели въ Мурано, но потомъ передали ее Парденоне подъ тѣмъ предлогомъ, что требуемые имъ 500 скуди за работу слишкомъ большая плата. По совѣту Аретино, Тиціанъ послалъ уже оконченную имъ картину въ подарокъ своему покровителю Карлу, и тому она такъ понравилась, что онъ съ своей стороны отвѣтилъ художнику подаркомъ въ 2000 скуди.

Но всѣ эти милости были только началомъ той дѣйствительно великодушной щедрости, какую оказывалъ Карлъ своему любимому художнику. Когда, въ 1532 г., онъ во второй разъ съѣхался съ Климентомъ VII въ Болоньѣ, Тиціанъ былъ опять призванъ изъ Венеціи, чтобы написать его портретъ и по прежнему получилъ за него 1000 скуди. Разумѣется, среди дружныхъ съ Карломъ принцевъ, точно также какъ среди его придворныхъ и знати, сейчасъ же вошло въ моду имѣть свой портретъ, написанный Тиціаномъ. Изъ всѣхъ портретовъ, какіе писалъ Тиціанъ съ друзей императора, мы укажемъ здѣсь только на портретъ кардинала Ипполита Медичи въ венгерскомъ костюмѣ, составляющемъ въ настоящее время украшеніе палацо Питти. Слава Тиціана проникла даже до враговъ Карла, какъ Францискъ I и Солиманъ; и съ нихъ также онъ долженъ былъ написать портреты.

Вскорѣ затѣмъ, Карлъ прислалъ ему изъ Барселоны, въ знакъ своего высокаго уваженія, дипломъ, на званіе рыцаря и пфальцграфа. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1541 году, къ этому отличію Карлъ присоединилъ ежегодную пенсію въ 100 скуди, которая, послѣ того какъ Тиціанъ написалъ третій портретъ императора въ Аугсбургѣ, была обращена въ пожизненную ренту. Однако, при полученіи своихъ пенсіонныхъ денегъ, художнику приходилось-таки иногда бороться съ бюрократами, процвѣтавшими уже и въ то время. Аугсбургскій портретъ Карла находится теперь въ Мюнхенской картинной галлереѣ, а четвертый его портретъ можно видѣть въ вѣнскомъ Бельведерѣ.

Даже мрачный фанатикъ, Филиппъ II, продолжалъ оказывать Тиціану тѣ же самые знаки благоволенія, какъ и его отецъ. На 50 и 60 году своей жизни, Тиціанъ написалъ для него *Венеру съ Адонисомъ*, *Данаю*, *Персея съ Андромедой*, *Христа на масличной горѣ*, *Европу* и еще необыкновенно прекрасную—Тайную вечерю. *Даная* находится теперь въ неаполитанскомъ музеѣ, большая часть остальныхъ названныхъ картинъ составляютъ главныя украшенія мадридской галлереи.

И Филиппъ II также не оставлялъ труды Тиціана безъ вознагражденія. Онъ даровалъ ему право отказать, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, получаемую имъ ежегодную ренту въ 200 скуди въ пожизненное владѣніе своему сыну.

Постоянно, всѣ владѣтельныя особы старались привлечь Тиціана къ своему двору. Но онъ отклонялъ всѣ предложенія изъ любви къ отечеству, какъ ни мало умѣло оно цѣнить его привязанность.

Разсказываютъ много случаевъ, служащихъ доказательствомъ особеннаго почета, какимъ пользовался Тиціанъ у своего перваго покровителя, Карла V. Когда имъ случалось бывать вмѣстѣ въ какомъ нибудь городѣ, то императоръ всегда выѣзжалъ верхомъ вмѣстѣ съ Тиціаномъ, и при этомъ обыкновенно давалъ ему мѣсто по свою правую руку. Когда разъ придворные стали роптать на это, онъ возразилъ имъ: «*Герцоговъ я могу сдѣлать столько сколько мнѣ будетъ угодно, но не могу сдѣлать ни одного такого художника*».

Какъ Александръ не хотѣлъ чтобы кто нибудь писалъ съ него кромѣ Апеллеса, такъ и Карлъ V, разъ узнавъ Тиціана, хотѣлъ чтобы его портреты писались только кистью этого геніальнаго художника.

Но слѣдующій случай служитъ выраженіемъ величайшаго почтенія, какое можетъ оказать монархъ какому нибудь замѣчательному человѣку. Окруженный одѣтыми въ шелкъ и бархатъ при-

дворными и знатнѣйшими и прелестнѣйшими женщинами своего времени, располагавшими къ художественному настроенію, терпѣливо сидѣлъ Карлъ передъ своимъ любимцемъ Тиціаномъ, какъ вдругъ у того въ пылу работы выпала изъ рукъ кисть. Карлъ быстро нагнулся и поднялъ ее, между тѣмъ какъ испуганный художникъ и взбѣшенные придворные льстецы, хотѣли удержать его движеніе, но никто не успѣлъ предупредить этого. Карлъ сказалъ, граціозно подавая кисть Тиціану: «Вы достойны того, чтобы вамъ служили *Императоръ!*»

Библіографія

Историческій атласъ. Учебное пособіе къ изученію исторіи древней, среднихъ вѣковъ, и новой, въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній, состав. И. Сидонскій и А. Іорданъ С. Петербургъ. Седьмое изданіе. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Мало учебныхъ пособій, удовлетворяющихъ требованіямъ школы и жизни въ такой полной мѣрѣ, какъ вышепоименованное изданіе г. Эйлера. При небольшомъ форматѣ, дѣлающемъ атласъ карманною книгою, онъ заключаетъ въ себѣ 39 подробнѣйшихъ картъ, весьма красиво и тщательно исполненныхъ, а стоитъ такъ дешево, что становится доступенъ самому небогатому покупателю. Вотъ почему мы смѣло обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на это пособіе, которое г. министръ народнаго просвѣщенія нашелъ удовлетворительнымъ и поручилъ рекомендовать учебнымъ заведеніямъ для употребленія. Съ требованіями можно обращаться въ контору редакціи нашего журнала, которая не замедлитъ передать оныя г. Эйлеру. Главный-же складъ изданія находится въ конторѣ г. Германа Гоппе, по Садовой, № 16.

Вотъ перечень картъ входящихъ въ составъ атласа: 1) Египетъ и Палестина. 2) Грекія съ ея колоніями и Италія около 500 лѣтъ до Р. Х. 3) Передняя Азія за 600 л. до Р. Х. 4) Окрестности Іерусалима. 5) Монархія Александра Македонскаго. 6) Главныя государства образовавшіяся изъ нея. 7) Грекія. 8) Италія. 9) Лаціумъ. 10) Римъ и Карѳагенъ. 11) Палестина во время Іисуса Христа. 12) Галлія, Британія, Реція, Норика, Паннонія и Германія. 14) Испанія 14) Римская Имперія во время Траяна. 15) Государства въ эпоху переселенія народовъ. 16) Британскіе острова въ VIII столѣтіи. 17) Италія около 700 лѣтъ по Р. Х. 18) Государство франковъ по смерти Клодовея, 511 г. по Р. Х. 20) Завоеванія Аравитянъ до половины IX столѣтія. 21) Имперія Карла Великаго. 22) Калифатъ Багдадскій 23) Восточная Римская Имперія въ началѣ IX вѣка. 24) Пиренейскій полуостровъ, 711—1028 годъ. 25) Государства крестоносцевъ. 26) Латинская имперія и государства христіанъ на Востокѣ. 27) Германія во время Саксонскихъ и Франконскихъ императоровъ 28) Государства монголовъ. 29) Восточная Европа около 1250 года. 30) Открытія Колумба въ Америкѣ, и 9 картъ новой исторіи.

Смѣсь.

Своеобразный барометръ. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на вѣрный и притомъ дешевый указатель погоды. Хоть у меня въ комнатѣ и виситъ обыкновенный барометръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня уже нѣсколько лѣтъ находится тамъ другой, болѣе дешевый, показывающій погоду самымъ безошибочнымъ образомъ. Какъ важенъ вѣрный барометръ, въ особенности во время «большой стирки», извѣстно каждой хозяйкѣ дома, потому-что въ прачешной то и знай, что слышишь вопросъ: «какова-то будетъ погода? Удастся-ли намъ высушить, какъ слѣдуетъ, бѣлье?» Поэтому-то очень хорошо, когда у васъ вмѣстѣ съ искусственнымъ барометромъ есть и естественный, на которомъ можно дѣлать чрезвычайно интересныя наблюденія.

Этотъ природный барометръ олицетворяетъ собою піявка.

У меня всегда стоитъ на окнѣ въ бутылкѣ, заключающей въ себѣ одинъ фунтъ воды, піявка, — и могу васъ увѣрить, что эта піявка всегда безошибочно показываетъ погоду. Бутылка наполнена на три четверти ея вышины водою, которая мѣняется лѣтомъ черезъ 8, а зимою черезъ 14 дней. Отверстіе бутылки закрывается кусочкомъ холста.

Если піявка лежитъ утромъ безъ движенія на днѣ склянки и свертывается въ видѣ улитки, то будетъ хорошая ясная погода, теплая-ли, морозная-ли. Если будетъ снѣгъ или дождь, то піявка подползаетъ къ горлышку бутылки и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не прояснится. Если будетъ дождь, то піявка чрезвычайно быстро юлитъ въ водѣ взадъ и впередъ и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не поднимется вѣтеръ. За нѣсколько дней передъ грозой, соединенной съ сильнымъ громомъ и дождемъ, піявка пребываетъ постоянно внѣ воды, чрезвычайно безпокойна и порывисто бросается взадъ и впередъ, словно она страдаетъ судоргами.

Аппаратъ для охлажденія коровьяго молока. Молоко тѣмъ скорѣе киснетъ, чѣмъ оно теплѣе, такъ-что лѣтомъ трудно отвозить молоко за нѣсколько миль, потому что оно въ это время измѣняется. Но изъ опытовъ, сдѣланныхъ на мызѣ эрцгерцога Альбрехта въ венгерскомъ Альтенбергѣ, оказывается, что молоко теряетъ склонность скисаться, если его простудятъ сейчасъ же послѣ того, какъ оно будетъ выдоено. При этомъ оказывается, что температура въ 6° теплоты достаточна для достиженія этой цѣли. Если это остуженное молоко будетъ тотчасъ же отправлено, то лѣтомъ оно можетъ быть отвезено за 12—15 миль, не измѣняясь. Охлажденіе производится посредствомъ льда слѣдующимъ образомъ: въ резервуаръ молока ставятъ жестяные сосуды со льдомъ, или же для этой цѣли употребляется особый сосудъ, который вдвойнѣ охлаждаетъ, такъ какъ онъ устроенъ изъ двухъ цилиндровъ. Оба цилиндра наполняются льдомъ или же текущею черезъ нихъ водою, если подъ рукою есть холодная ключевая вода. Въ промежутокъ между болѣе узкимъ и болѣе широкимъ цилиндромъ наливается молоко, которое оставляется тамъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ 6 градусовъ. Послѣ этого его выливаютъ и замѣняютъ новымъ. Это охлажденіе происходитъ быстро, потому-что молоко охлаждается снутри и снаружи.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Эмсъ, 5-го (17-го) іюня, вторникъ, ночью. Его Величество Государь Императоръ изволилъ посѣтить сегодня Великаго Герцога Гессенскаго, въ Дармштадтѣ, по случаю совершившагося двадцатипятилѣтія царствованія Его Высочества. Вечеромъ Его Величество изволилъ возвратиться въ Эмсъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ прибыть 6-го сего іюня, въ 11 час. 25 мин. утра, въ Павловскъ.

6-го сего іюня, въ часъ пополудни, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи изволили выѣхать изъ Царскаго-Села за границу.

Начальникъ отряда судовъ въ Греческихъ водахъ, Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Бутаковъ доноситъ изъ *Неаполя* отъ 10-го апрѣля, что перейдя съ ввѣреннымъ ему отрядомъ судовъ въ *Сорренто*, въ страстную субботу, половина командъ и двѣ трети офицеровъ были свезены на берегъ къ заутрени, по окончаніи которой всѣ офицеры были осчастливлены приглашеніемъ къ столу Ея Величества Государыни Императрицы, для разгавливанія. Для командъ-же были отпущены куличи, яйца и по 4-е франка на человѣка изъ конторы Ея Величества. По окончаніи разгавливанія, Государыня Императрица осчастливила командировъ и офицеровъ допущеніемъ къ цѣлованію руки, причемъ Ея Величество собственноручно изволила раздать каждому по раскрашенному фарфоровому яйцу.

По окончаніи богослуженія всѣ суда отряда освѣтились фальшфейерами и фонарями, а въ 8 часовъ утра расцвѣтились флагами.

Утромъ, хоръ музыки клипера „Жемчугъ" былъ перевезенъ на пароходъ „Рюрикъ", стоявшій ближе всѣхъ къ дому, занимаемому Государынею Императрицею, и когда Ея Величество извола кушать утренній чай, хоромъ музыки былъ исполненъ гимнъ „Боже, Царя храни". Государыня Императрица изволила прислать на суда фарфоровыя яйца для раздачи всѣмъ унтеръ-офицерамъ судовъ отряда.

Въ 10 часовъ утра, по приказанію Ея Величества, суда отряда возвратились въ Неаполь.

16-го апрѣля, согласно выраженной волѣ Ея Величества Государыни Императрицы, клиперъ „Жемчугъ" и пароходъ „Эрикликъ" къ вечеру перешли изъ Неаполя въ Сорренто, чтобъ тамъ провести день рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора.

17-го апрѣля, къ 11 часамъ утра, часть командъ съ судовъ была свезена въ церковь Ея Величества, куда къ тому же времени прибыли командиры и офицеры не-занятые службою.

По окончаніи молебствія, при провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, по сдѣланному сигналу съ берега, суда отряда расцвѣтились флагами и произвели салютъ по уставу, въ чемъ принялъ участіе также итальянскій броненосный фрегатъ „Principe Carignano" подъ флагомъ контръ-адмирала le Manale, прибывшаго нарочно на этотъ день изъ Неаполя.

Послѣ молебствія Государынѣ Императрицѣ благоугодно было принять поздравленія отъ командировъ и офицеровъ, которые при этомъ имѣли счастіе быть допущеннымъ къ цѣлованію руки Ея Величества.

Въ 1 часъ пополудни послѣдовалъ Высочайшій завтракъ, къ которому были удостоены милостиваго приглашенія гг. командиры и офицеры, присутствовавшіе при торжественномъ богослуженіи.

Въ 9 часовъ вечера суда отряда иллюминовались фонарями и по нѣсколько разъ освѣщались разноцвѣтными фальшфейерами, пуская ракеты, бураки, римскія свѣчи и проч., что вмѣстѣ составляло довольно эфектное зрѣлище, которое обратило вниманіе Ея Величества Государыни Императрицы и Ея Высочества Великой Княжны Маріи Александровны.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Государственный Совѣтъ, въ Особомъ Присутствіи Соединенныхъ Департаментовъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Законовъ и въ Общемъ Собраніи разсмотрѣвъ представленіе Министра Юстиціи объ измѣненіи порядка постановленія опредѣленій въ Общихъ Собраніяхъ Правительствующаго Сената, *мнѣніемъ положилъ:* въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить:

1) Въ первомъ и второмъ Общихъ Собраніяхъ Правительствующаго Сената всѣ дѣла, кромѣ поступающихъ изъ 1-го Департамента, рѣшаются окончательно простымъ большинствомъ голосовъ.

2) Въ случаѣ несогласія съ принятою большинствомъ

голосовъ резолюціей, Министръ Юстиціи даетъ Общему Собранію предложеніе по ст. 152 учрежд. Правительствующаго Сената. Если съ симъ предложеніемъ не согласится требуемое п. 1 большинство голосовъ, то дѣло переносится въ Государственный Совѣтъ.

3) При рѣшеніи въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената дѣлъ, поступающихъ изъ 1-го Департамента, сохраняется существовавшій донынѣ порядокъ.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 8-то мая сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Государственный Совѣтъ, въ Соединеныхъ Департаментахъ Законовъ, Государственной Экономіи и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи разсмотрѣвъ представленіе Министра Юстиціи о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года въ губерніяхъ Черниговской и Вятской, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ Министра, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Ввести въ дѣйствіе Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года въ полномъ объемѣ, въ первой половинѣ 1874 г., въ губерніяхъ Черниговской и Вятской, съ присоединеніемъ первой изъ нихъ, временно, къ округу Харьковской Судебной Палаты, а второй—къ округу Казанской Судебной Палаты.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

На дняхъ, по словамъ «Русскаго Инвалида», приступили къ первоначальнымъ работамъ *по постройкѣ новаго желѣзнаго моста чрезъ р. Вислу, въ Варшавѣ* для соединенія рельсовымъ путемъ непосредственно черезъ рѣку, съ одной стороны, воксаловъ Варшавско-С.-Петербургской и Московской желѣзныхъ дорогъ, а съ другой—Варшавско-Вѣнской и Бромбергской.

Новый мостъ черезъ рѣку Вислу будетъ построенъ подъ самой Варшавско-Александровскою цитаделью, причемъ одинъ конецъ моста, на правомъ берегу рѣки Вислы, будетъ лежать вблизи форта «Сливицкаго», а другой конецъ на лѣвомъ берегу рѣки, у форта «Св. Алексѣя». Мостъ будетъ построенъ на шести аркахъ, двухъярусный, американской системы; по верхнему ярусу будутъ ходить локомотивы съ вагонами, а нижній назначенъ для пѣшеходовъ и ѣзды въ экипажахъ. Соединительная вѣтвь желѣзной дороги отъ моста къ воксаламъ пойдетъ за городомъ. Работы моста, начавшіяся на прошлой недѣли, должны быть совершенно окончены къ началу 1875 года.

Небольшой *участокъ желѣзной дороги отъ Куяльника до Новаго-Куяльника,* возлѣ купаленъ и лѣчебнаго заведенія д-ра Бертензона, оконченъ и съ 27-го мая предполагалось открыть изъ *Одессы* правильное пассажирское движеніе между станціями «Малая Одесса» (что внизу Приморскаго бульвара) и Новымъ-Куяльникомъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изъ *Вытегорскаго уѣзда* (Олонецкой губерніи) пишутъ отъ 4-го мая: на поляхъ озими зазеленѣли. Крестьяне приступили къ пашнѣ для приготовленія земли подъ посѣвъ яровыхъ.

По свѣдѣніямъ изъ разныхъ мѣстъ *Юго-Западнаго Края виды на урожай,* особенно озимыхъ хлѣбовъ, самые благопріятные. Хлѣба отличаются и ростомъ и густотою такими, какихъ давно не бывало.

Изъ *Петроковской губерніи получены* слѣдующія *свѣдѣнія о состояніи озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ:* Стоявшіе въ апрѣлѣ холодные дни, при дождливой погодѣ сильно препятствовали росту озимыхъ посѣвовъ, но несмотря на это, всходы ихъ вообще можно назвать удовлетворительными. Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, особенно проса, гречихи и картофеля, поздно оконченъ.

Ранніе жары и совершенное отсутствіе по настоящее время дождя въ Крыму подаютъ хозяевамъ плохія надежды на удовлетворительный урожай.

Уже и теперь почти всѣ лучшіе фруктовые сады Крыма лишены совершенно зелени, такъ какъ гусеница въ громадномъ количествѣ истребляетъ всѣ листья, а вмѣстѣ съ ними и почки. Вина въ этомъ году можно ожидать весьма немного, такъ какъ зима была безснѣжная, а потому и земля осталась сухая, неспособная дать много пищи для виноградниковъ.

Стоявшія въ теченіе апрѣля въ Керчь-Еникальскомъ градоначальствѣ холодная погода и бездождіе неблагопріятно повліяли на всходы хлѣбовъ и травъ. Озимые хлѣба были еще въ посредственномъ состояніи; но всходы яровыхъ начали показываться только въ маѣ. Прошедшій 4-го мая дождь и наступившая затѣмъ теплая погода поправили дѣло, такъ что можно надѣяться какъ на урожай хлѣба, такъ и на удовлетворительный сборъ сѣна.

Изъ Евпаторіи въ „Одесскій Вѣстникъ" сообщаютъ, что вѣтеръ съ востока при засухѣ выдуваетъ послѣднее зерно съ безплодной и безъ того почвы. Слышны опасенія о неурожаѣ.

Изъ Екатеринослава въ ту же газету сообщаютъ: „До послѣдняго времени у насъ вездѣ была засуха; отъ Пасхи дождей не было и поля начали тоскливо чернѣть. Но вотъ стали дожди и все мигомъ поправилось. Озими выросли кое гдѣ до полуаршина; остальные хлѣба тоже зазеленѣли".

По свѣдѣніямъ изъ уѣздовъ Херсонской губерніи, всходы хлѣбовъ и ростъ ихъ весьма хороши, и если май будетъ такъ же благопріятенъ, какъ апрѣль, то опасенія, возбужденныя засухою въ мартѣ, не оправдаются.

Въ экономіи г. Елатина, с. Алексѣевкѣ, Харьковскаго уѣзда, нѣсколько лѣтъ ведется интенсивное хозяйство въ большихъ размѣрахъ, *основанное на удобреніи туками Уколовскаго завода и костянымъ удобреніемъ.* Послѣднее приготовляется слѣдующимъ образомъ: на 1 пудъ костей кладутъ 5 ф. поташу и 6–8 ф. гашеной извести. Смѣсь кладутъ въ чаны, наливаютъ водой и даютъ двѣ недѣли бродить въ закрытомъ помѣщеніи. Такого удобренія разсѣвается 15—25 пуд. на десятину, съ осени, подъ яровую пшеницу и ленъ. Успѣхъ бываетъ такъ великъ, что въ прошломъ году поле, гдѣ пшеница сѣялась три года сряду, дало, по словамъ завѣдывающаго имѣніемъ, не менѣе 10 четв. пшеницы кругомъ.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Въ числѣ новыхъ изобрѣтеній, отправленныхъ въ Лондонъ на выставку настоящаго года, находятся, между прочимъ,—по словамъ «Рус. Инвалида»—приборъ, изобрѣтенный докторомъ *Дедюлинымъ,* названный имъ *механическимъ стенографомъ.*

Приборъ этотъ состоитъ изъ ящика небольшихъ размѣровъ, на верхней поверхности котораго расположены клавиши, помѣченные разными буквами азбуки. Для записыванія рѣчи при помощи этого прибора слѣдуетъ нажимать на клавиши, соотвѣтствующіе каждой буквѣ произносимаго ораторомъ слова, что, при навыкѣ, исполнить возможно.

Буквы, соотвѣтствующія каждому нажатому клавишу, отпечатываются внутри прибора на особомъ помѣщенномъ тамъ листѣ бумаги, который перемѣщается при посредствѣ несложнаго механизма.

Такимъ образомъ, внутри прибора, по мѣрѣ нажатія на клавиши, появляется, на особомъ листѣ, весь текстъ произнесенной рѣчи, отпечатанный обыкновенными буквами. Если потребуется съ записаннаго такимъ образомъ теста получить нѣсколько оттисковъ, то это исполнить возможно при пособіи станка, также придуманнаго г. Дедюлинымъ, который предполагаетъ предложить свое изобрѣтеніе для употребленія въ военно-подходныхъ типографіяхъ.

ЛИТЕРАТУРА

Управляющій Министерствомъ Внутренныхъ дѣлъ призналъ возможнымъ допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Голосъ", воспрещенную распоряженіемъ отъ 17-го минувшаго мая.

НОВЫЯ КНИГИ.

Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Изд. Императорскаго Археологич. Общ. Вып. 2 и 3. 18 л. рис. и 5 плановъ. 600 экз. Ц. 12 р.

Кояловичъ, М. Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. Спб. Ц. 2 р.

Галлуа. Исторія Инквизиціи. Перев. съ франц. В. Модестовъ. Спб.

Минцловъ. Исторія литературы древнихъ народовъ. Спб.

Михайловоскій, свящ. Объясненіе апостольскихъ посланій. Недѣля Св. Отецъ. Спб.

Скворцовъ, С. А. Три царства природы. Часть III—минералогія. Москва. Ц. 1 р.

Брандтъ Э. К. Очерки анатоміи и физіологіи человѣка. Лекція 8-я. Органы чувствъ и ихъ отправленія. Спб. Ц. 25 к.

Иванинъ, М. И. Хива и рѣка Аму-дарья. Спб. карта и 1 л. рис. Ц. 50 к.

Максимовъ, С. Край крещеннаго свѣта. III. Степи или расказъ о народахъ, кочующихъ по степямъ полуденной стороны Россіи Ц. 9 к.

Войковъ, П. Н. Исторія классическаго образованія въ Европѣ. Съ прилож. исторіи греческаго языка. Вып. I.

Ушинскій, К. Дѣтскій міръ и хрестоматія. Съ рис. Изд. 14-е. Ч. I.

Гернъ. Фармакогнозія, фармація и фармацевтическая химія для врачей и студентовъ. Ц. 80 к.

Мейснеръ, И. Руководство для фельдшерскихъ школъ. Мореходныя таблицы. Изд. Гидрогр. Д-томъ.

Водaнинскій, А. Русско-татарскій букварь.

НЕСЧАСТІЯ.

Вслѣдствіе сильнаго разлива рѣки Водлы, расположенная на правомъ берегу ея *деревня Елькина* (Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи) *совершенно было залита водою,* такъ что сообщеніе между домами возможно было только на лодкахъ; коровъ лошадей и мелкій скотъ нужно было помѣстить на сараяхъ и въ жилыхъ избахъ; послѣднія, благодаря ихъ высотѣ, хотя и не залиты водою, но и имъ, въ случаѣ поднятія воды, грозило разрушеніе. Отдѣльныя строенія, какъ-то: бани, амбары и гумна сильно повреждены, а дрова, бревна и принадлежности сельскаго хозяйства снесены водою; прилегающіе къ деревнѣ озимые посѣвы совершенно потоплены. Для избѣжанія несчастныхъ случаевъ были приняты всѣ зависящія мѣры; крестьянскіе же семейства и скотъ помѣщены временно въ сосѣдней деревнѣ. По извѣстіямъ отъ 13-го мая, вода убыла, но не вошла еще въ берега.

Убытки, причиненные разлитіемъ Сѣверной-Двины во время весенняго ледохода у *гор. Архангельска,* простираются до 36,095 руб., изъ которыхъ 16.000 рублей приходится на обывателей Соломбалы. Послѣдняя цифра представляется особенно большою, такъ какъ эта часть города преимущественно заселена бѣднымъ классомъ обывателей.

Почти такими же послѣдствіями сопровождалось 2-го мая *вскрытіе р. Онеги.* Поднявъ ледъ, вода въ рѣкѣ поднялась на 24 фута выше обыкновеннаго уровня и, выйдя изъ береговъ, затопила весь Набережный проспектъ и мѣстность внутри города *Онеги.* 3-го мая вода пала на 15 фут., и рѣка очистилась отъ льда, оставивъ кучи его по обоимъ берегамъ. Причиненные разлитіемъ рѣки въ городѣ убытки простираются до 5.000 рублей.

2-го мая, въ дер. Мачалейкѣ, Чембарскаго уѣзда, *Пензенской губ.,* сгорѣло 39 крестьянскихъ дворовъ, двѣ квартиры волостныхъ писарей и волостное правленіе, причемъ погибла часть документовъ за 1872 и 1873 годы и весь архивъ.

Въ Частоостровской волости, *Красноярскаго округа, Енисейской губерніи,* 6-го апрѣля, при сильномъ и порывистомъ вѣтрѣ, сгорѣла деревня *Кубекова,* въ которой числится 89 домовъ. Жители, лишившись всего почти имущества и скота, остались безъ всякихъ средствъ къ существованію и разселены по сосѣднимъ деревнямъ. Въ гор. Красноярскѣ открыта коммисія для пособія погорѣвшимъ.

1-го мая сего года, въ $5^1/_2$ часовъ пополудни, сильная гроза разразилась въ *Бѣлгородскомъ уѣздѣ, Курской губерніи.* Градъ выпалъ величиною болѣе чѣмъ въ голубиное яйцо. Сильнымъ потокомъ воды по лощинѣ, идущей съ запада къ Бѣломѣстненской станціи, промыло полотно желѣзной дороги и грозило опасностію снести самое зданіе станціи, утопило трехъ крестьянъ деревни Бѣломѣстной и Шопиной, работавшихъ въ полѣ, причемъ погибли и девять лошадей, на которыхъ они работали. Тѣла утонувшихъ людей и животныхъ были найдены послѣ тщательныхъ поисковъ занесенными градомъ. Въ слободѣ Шопиной промыло и снесло пять надворныхъ построекъ. Вредъ, сдѣланный озимымъ и яровымъ всходамъ, невозможно пока опредѣлить. Потокъ воды былъ вышиною болѣе 2 аршинъ надъ уровнемъ полотна желѣзной дороги. Въ городѣ Бѣлгородѣ сотни стеколъ выбиты градомъ.

ГИГІЕНА.

Θеодоссійскія морскія ванны, сдѣлавшіяся болѣе или менѣе извѣстными только въ послѣднія десять лѣтъ, привлекаютъ въ Θеодосію не мало больныхъ.

Число пріѣзжихъ, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, въ послѣдніе два-три года доходило до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Въ нынѣшнемъ году—пишутъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ"—съѣздъ, по всей вѣроятности, будетъ тоже значителенъ.

Изъ *санитарнаго обозрѣнія Плоцкой губерніи за апрѣль* видно, что погода въ теченіе мѣсяца стояла почти исключительно хорошая, дожди были рѣдкіе.

Больныхъ въ Апрѣлѣ стояло 610 чел., прибыло 298, выздоровѣло 414 и умерло 30 чел.

Изъ эпидемическихъ болѣзней существовала натуральная оспа въ Цѣхановскомъ уѣздѣ.

Эпизоотическихъ болѣзней, кромѣ нѣсколькихъ случаевъ чумы на рогатомъ скотѣ въ Плоцскомъ уѣздѣ, въ губерніи не было.

НЕКРОЛОГЪ.

«Русскимъ Инвалидомъ» получено извѣстіе изъ Пятигорска, что 23 мая скончался тамъ генералъ-адъютантъ *графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ.*

16-го іюня въ ночь умеръ знаменитый историкъ Фридрихъ Раумеръ, 92 лѣтъ; онъ родился 17-го ноября 1781 г. въ Мерлицѣ, близъ Дессау.

Торжественныя похороны князя Кузы происходили 1-го (13-го) іюня въ Руцинозѣ, въ присутствіи огромной толпы народа: явилось также много депутацій отъ разныхъ обществъ изъ разныхъ мѣстностей страны. На могилѣ было произнесено нѣсколько рѣчей. Отъ лица князя Карла на похоронахъ Кузы присутствовалъ его адъютантъ; было также нѣсколько членовъ министерства.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 15 Іюня 1873 года Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 25 іюня 1873 года. Годъ IV.

КАВКАЗЪ.

Повѣсть **А. Коптева.**

(Окончаніе).

IV.

Сталинъ вышелъ какъ отуманенный. Совѣсть говорила ему, что онъ страшно наглупилъ, а сердце бунтовало въ груди, и онъ не могъ ни успокоиться, ни ясно взглянуть на свое положеніе. Какъ въ калейдоскопѣ, мысли и представленія носились въ его воображеніи, но безъ всякой логической связи и ничѣмъ другъ съ другомъ органически не связанныя. Давно бродилъ онъ, нисколько не думая о своей квартирѣ, переживая въ одну ночь—романъ, котораго для другого стало бы на цѣлую жизнь, и несмотря на то что воображеніе рисовало ему большею частію вздоръ и небылицы, онъ при каждомъ эпизодѣ страдалъ или томился, какъ бы и въ самой ощутительной дѣйствительности.

Вотъ уже заалѣлъ востокъ. Легкимъ розовымъ свѣтомъ подернулись серебристыя вершины горъ, и въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ стали выдаваться всѣ предметы и обозначаться ихъ краски.

— Боже мой! Что это? Что это такое? вскрикнулъ онъ, обѣими руками схвативъ себя за голову.

Но небо было глухо. Безстрастной красотой своей оно повидимому намѣрено было блистать какъ и прежде, ни сколько не обращая вниманія ни на радости, ни на страданія земнородныхъ. Чудная картина разсвѣта какъ-то механически развлекла однако Сталина. Давнознакомые предметы показались ему въ какомъ то новомъ, особенномъ свѣтѣ, таинственные и заманчивые. Перспектива казалась какъ будто отдаленнѣе, и природа вся одѣвалась какой-то вѣчно новой, чудесною одеждой.

— Э! что мнѣ за дѣло до этой природы! Хоть бы ея и не было вовсе, подумалъ Сталинъ.—Лучшее что въ ней ей есть—это *она*. Да и *она* бездушна точно также какъ эти горы, эти тополи, это глупое солнце! Вся природа устроена на эгоизмѣ. Въ матеріи это непроницаемость, а въ человѣкѣ чувство: лишь бы мнѣ хорошо было, а тамъ хоть трава не рости.

Человѣкъ умираетъ отъ любви, или, что еще хуже, пожалуй убиваетъ другаго,—такъ что-жъ? Легкое пожатіе плечами, приложеніе надушеннаго платка къ безслезнымъ глазамъ, какое нибудь восклицаніе, которое если перевести на человѣческій языкъ—будетъ значитъ: „дураки, дураки!", вотъ и все, а результатъ: смотрите, дескать, вотъ я какая—не вамъ чета! О, какое проклятое существо женщина!..

— На пле-чо! раздался голосъ ефрейтора, ведшаго мимо Сталина смѣну.

— Ружья вольно, приказалъ Сталинъ. Ему стало совѣстно передъ этими солдатами смотрѣвшими на него съ удивленіемъ, передъ своимъ собственнымъ положеніемъ. Онъ вспомнилъ, что скоро надо идти на охоту, что ему надобно переодѣться, оправиться, придать наконецъ себѣ хоть сколько нибудь сносный и приличный видъ,—и пошелъ домой.

Исаевъ крѣпко и безмятежно спалъ, когда онъ вошелъ въ свою комнату. При шумѣ его шаговъ, а также и отъ луча солнца падавшаго изъ окна прямо на глаза—Исаевъ проснулся и взглянулъ на Сталина.

— Гдѣ это ты пропадалъ, братъ? сказалъ онъ.—Чай въ слободкѣ слонялся? а у насъ нынче охоту затѣяли. Да что это съ тобой? на тебѣ вовсе и лица нѣтъ!

Исаевъ сѣлъ на своей кровати.

— Да, да, радуйся и веселись! Дьявольская проницательность! Вѣрно предсказалъ все чему быть должно! Великій человѣкъ по крайней мѣрѣ отыскался на земномъ шарѣ, явился пророкъ въ отечествѣ своемъ! отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ Сталинъ, сбрасывая съ себя одежду куда попало. Сюртуку досталось прежде другихъ частей —и потому онъ немедленно оказался подъ стуломъ на полу.

Исаевъ слегка подсвиснулъ.—Ну такъ! сказалъ онъ:—вотъ тебѣ и равнодушное объясненіе. Эй, Стуколенко!

Деньщикъ Стуколенко показался въ дверяхъ.

— Трубку! да кофе—живой рукой — чтобы былъ крѣпкій! Понимаешь?

— Чего не понять?—Понимаю. А люди-то вонъ ужь давно идти собираются.

— Ну не разсуждай, а дѣло дѣлай!

— Чего дѣлать? Сливокъ-то достать негдѣ.

— Подай архіерейскія. Ну разсказывай, обратился Исаевъ къ Сталину,—говори какъ тебя изъ скужбы-то выгнали?

Сталинъ разсказалъ, какъ адское кокетство Русановой взбѣсило его, какъ онъ бросилъ въ глаза оскорбленіе князю, и вѣроятно навсегда покончилъ съ этою женщиной, а въ заключеніе просилъ Исаева быть его секундантомъ.

Исаевъ слушалъ внимательно.

— Изъ всего этого ясно только одно: что ты наглупилъ, сказалъ онъ.—Да и весь вечеръ не блисталъ остроуміемъ. Хорошо. Я готовъ быть въ случаѣ нужды твоимъ секундантомъ,—хотя бы и не слѣдовало помогать глупостямъ,—но только съ условіемъ: предоставь мнѣ уладить все это дѣло.

— Но только ужъ я извиняться не буду. Ты меня извини, я не мальчикъ!

— Вѣроятно и не потребуется твоихъ извиненій, хотя честному человѣку и не трудно сознаться, если онъ сдѣлаетъ промахъ. Мальчики же напротивъ никогда не сознаются. Какъ бы то ни было, а теперь выпей стаканъ чорнаго хорошаго кофе и съ Ромео! Это тебя освѣжитъ; а затѣмъ будемъ умываться и пойдемъ прямо къ Пшавскому замку. Ты составь себѣ физіогномію беззаботную, какъ будто ничего не было. Не безпокойся о прочемъ, я все устрою и не уроню твоей чести передъ княземъ. Что же касается до Русановой, то приготовься на головомойку,—вотъ что я тебѣ совѣтую.

— Да какъ теперь подойти къ ней? Она я думаю теперь такъ зла на меня, что отвернется отъ перваго моего поклона.

— Я тебѣ говорю, подойди съ самымъ правымъ и беззаботнымъ видомъ, какъ будто все такъ было, какъ тому и быть слѣдуетъ. Что же до ея злобы, то не безпокойся. Женщины не очень наказываютъ за глупости, которыя для нихъ дѣлаютъ.

И они вмѣстѣ съ охотниками пошли въ Пшавскій замокъ.

Александра Николаевна тоже дурно провела ночь. Она понимала болѣе или менѣе ясно положеніе Сталина, и ей безъ причины на себя было досадно, что онъ такъ сильно полюбилъ ее. Разумѣется, она очень хорошо знала, что любовь эта не могла быть серіознымъ дѣломъ, даже по самому ея пылу, въ человѣкѣ едва вышедшемъ изъ слишкомъ юнаго возраста,—но тѣмъ не менѣе, она невольно возбуждала въ ней участіе. Сталинъ очень интересовалъ ее многими богатыми задатками широкаго развитія своихъ способностей. «Кто знаетъ, какія еще вещи», думала она,— придетъ ему въ голову наговорить князю и вынудить наконецъ послѣдняго къ дуэли или какой нибудь непріятности. Успѣю ли я, думала она,—поймать его прежде нежели онъ натворитъ что нибудь, чего уже и поправить будетъ не возможно». Правда, мысль ея съ удовольствіемъ останавливалась на князѣ. Она вѣрила въ его разсудительность и благоразуміе, и надѣялась, что что съ его знаніемъ свѣта и жизни, онъ навѣрно избавитъ и себя и ее отъ какой бы то ни было исторіи. Но однако ей все таки не спалось, и она съ нетерпѣніемъ посматривала на часы и дожидалась утра, такъ какъ ей казалось, что пока хоть одинъ изъ нихъ да будетъ съ нею — опасаться будетъ нечего.

Утромъ легкая блѣдность и усталость видны были на прекрасномъ ея лицѣ, и право, она казалась еще лучше, особенно, въ амазонкѣ обрисовывавшей ее стройный станъ.

Она ждала съ нетерпѣніемъ. „Надо сознаться, думала она,—что князь замѣчательный и очень милый человѣкъ. Странно, какъ это я прежде мало обращала вниманія на него!"

V.

Развалины Пшавскаго замка лежатъ на небольшой полянкѣ, въ мѣстности чрезвычайно дикой, на берегу широкаго оврага, идущаго по тѣсному и лѣсистому ущелью. Небольшой ручей пересѣкаетъ полянку и съ шумомъ падаетъ въ оврагъ тонкимъ красивымъ водопадомъ. Отдѣльныя купы деревъ тамъ и сямъ мѣстами разбросаны на полянѣ—и въ ихъ-то тѣни рѣшились расположиться охотники, въ ожиданіи звѣря, котораго должна была гнать на нихъ огромная облава. Изъ замка вся охота была видна какъ на ладони. Но какъ развалины вообще представляютъ много обломковъ, пыли и т. п., то для дамъ близь нихъ былъ приготовленъ изъ зеленыхъ вѣтвей просторный павильонъ, убранный коврами, шитыми подушками, гдѣ свѣтлый ручей прямо протекалъ сквозь большую залу съ крѣпко убитымъ токомъ, для танцевъ, въ случаѣ желанія. Кухня и музыканты были спрятаны въ оврагѣ, чтобы не слышно пока было ихъ шума и ничто не мѣшало бы охотѣ.

Дикая и долго безмолвная мѣстность скоро оживилась—и въ ожиданіи съѣзда, Сталинъ, съ притворной, лихорадочною веселостію, разговаривалъ съ нѣкоторыми дамами, когда къ ихъ группѣ подъѣхала, въ сопровожденіи князя, Александра Николаевна. Сначала всё шло какъ бываетъ обыкновенно. Дамы, какъ водится, весьма были рады встрѣтиться одна съ другой,—и кто бы не подумалъ, что вѣрно самая нѣжная дружба соединяетъ всѣ эти добрыя сердца, если бы, конечно, каждый не зналъ, сколько разныхъ веселенькихъ исторій другъ про друга было разглашено ими, очевидно съ цѣлью

самаго христіанскаго назиданія для слушателей, хотя и съ непритворнымъ сожалѣніемъ о жертвѣ ихъ разсказовъ. Вскорѣ кавалеры начали расходиться по своимъ мѣстамъ въ охотничьей цѣпи.

Сталинъ хотѣлъ-было уже идти, какъ голосъ Александры Николаевны заставилъ его остановиться.

— Вѣдь это еще не такъ скоро начнется, сказала она,—Сталинъ, покажите мнѣ мѣсто, гдѣ вы хотите стать сами; я буду наблюдать, что будетъ дѣлать другой изъ моихъ кавалеровъ, такъ какъ вы вчера вызвались быть имъ. Дайте мнѣ вашу руку и проведите меня немного поближе къ этому замку. Я хочу взглянуть на него.

— Я и самъ не знаю, гдѣ мнѣ стать, отвѣчалъ Сталинъ, вѣжливо предлагая ей свою руку,—и я буду очень радъ, если вы укажете мнѣ мѣсто, по вашему выбору, какое бы оно ни было.

— Вотъ и прекрасно! Пойдемте же, я постараюсь его выбрать такъ, чтобы вы были мною совершенно довольны.

— О, я никогда не посмѣю быть недовольнымъ вами.

Александра Николаевна обернулась, чтобы осмотрѣться. Видя, что она можетъ ему говорить безъ помѣхи,— Ну, Сталинъ, сказала она,—а я.... я недовольна вами.

— Это мнѣ очень жаль, Александра Николаевна,—я ничѣмъ не считаю себя настолько виновнымъ.

— Не хитрите, Сталинъ! я вамъ вчера еще сказала это, но вы мои слова уже забыли. Съ вашей добротой и вашимъ благородствомъ вы не можете не понимать, что вы сдѣлали. Вы отлично понимаете, что я не спала цѣлую ночь отъ огорченія, и, къ чести вашей, я увѣрена, что съ вами было то же самое....

— Нѣтъ, я прекрасно спалъ, и очень жалѣю, что Исаевъ разбудилъ меня очень рано....

— И что все, что вы теперь говорите, продолжала, пытливо взглянувъ на него, Русанова,—есть одна только напускная фальшь, потому что вы неизвѣстно зачѣмъ стали сами въ фальшивое положеніе.

— Предъ вами, или предъ Вязьминскимъ?

— Прежде всего предъ самимъ собой, я полагаю. Впрочемъ, вернемтесь назадъ лучше, если вы не желаете говорить со мной какъ съ вашимъ другомъ, и какъ я желала бы всегда говорить съ вами.

Слезы послышались въ ея голосѣ.

Сталинъ не выдержалъ.

— Да, Александра Николаевна! сказалъ онъ.—Я буду откровенно говорить съ вами. Вы правы. Я не только не спалъ, но провелъ адскую, убійственную ночь! Но я не сталъ ни въ какое фальшивое положеніе. Я васъ люблю безумно и ревную къ князю.... Я долженъ одно изъ двухъ: или застрѣлиться, или убить его. Скажите мнѣ, что же мнѣ дѣлать?

Александра Николаевна молчала. Она была сильно взволнована. — Не думайте обо мнѣ, наконецъ сказала она.

— И только? и ничего болѣе?

— Не думайте обо мнѣ, повторила она. — Я вашей никогда не буду и не могу быть, потому что это значило бы сдѣлать несчастными прежде всего васъ, а потомъ и себя. А я не хочу ни того, ни другаго. Вернемтесь назадъ,—и вы, и я сегодня очень взволнованы, и намъ удобнѣе будетъ поговорить когда-нибудь послѣ.

— Это ваше послѣднее слово?

— Нѣтъ. Я многое хотѣла еще сказать вамъ, но вы теперь не можете, я вижу, меня понять. Вы находитесь подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ вашего воображенія. Вы не обратили даже вниманія на собственныя ваши слова и высказали вашу любовь не какъ человѣкъ. Вы забыли, что одни только звѣри пожираютъ другъ друга, чтобы завладѣть самкой, которая покорно слѣдуетъ за сильнѣйшимъ. Я не хочу теперь, чтобы вы еще болѣе унижались.

— Боже мой! какъ-то болѣзненно вскрикнулъ Сталинъ,—вотъ какъ цѣнится чувство!

— Чувство всегда цѣнится. Но поставленное на ходули и расчитываемое на эффектъ—высоко цѣнится только во французскихъ романахъ. Мнѣ остается сожалѣть, что, читая ихъ, вы приняли ихъ за что-нибудь серіозное.

— Прощайте, Александра Николаевна. Я изъ всего разговора нашего вижу только одно, что я никогда не буду счастливъ въ моей любви къ вамъ.

— Это, къ сожалѣнію, вѣрно, сказала Русанова.

Кое-какъ сохраняя приличіе, Сталинъ довелъ Александру Николаевну до остающагося общества, а самъ пошелъ въ цѣпь, чтобы занять какое-нибудь мѣсто. Отойдя шаговъ около двухъ сотъ, онъ остановился на полянѣ, возлѣ толстаго обгорѣлаго пня, обвитаго плющемъ. Приставивъ къ нему ружье, онъ облокотился на дерево и съ отчаянія заплакалъ.

Слезы однако облегчили его.

— Что это, какъ я сталъ глупъ, про себя сказалъ онъ,—хотѣлъ сказать совсѣмъ другое и наговорилъ вздоръ. А впрочемъ не все-ли равно? Конецъ такъ конецъ, надо же быть когда-нибудь и ему. Что-то тамъ еще Исаевъ сдѣлаетъ?

Между тѣмъ въ облавѣ раздававшійся гамъ и шумъ приближались все болѣе и болѣе. Около противолежащей опушки изрѣдка слышенъ былъ трескъ сучьевъ и бурелома, производимый шагами осторожно пробиравшагося вспугнутаго звѣря. Вдругъ изъ чащи выскочилъ и остановился огромный барсъ. Быстро оглянулъ онъ кругомъ всю поляну и, замѣтивъ Сталина, присѣлъ, устремивъ на него свои горящіе глаза. Онъ находился отъ него шагахъ въ 30-ти, но Сталинъ замѣтилъ его только тогда, когда грозное рычаніе страшнаго звѣря, какъ предвѣстникъ стремительнаго нападенія, достигло до его слуха. Быстро схватилъ онъ ружье и выстрѣлилъ— промахъ. Послѣдовалъ другой выстрѣлъ — промахъ. Волненія и безсонная ночь лишили его вѣрности глаза, а можетъ быть и руки. Барсъ взревѣлъ и взвизгнулъ. Заднія ноги, какъ стальныя пружины, подбросили его вверхъ и страшный прыжокъ приблизилъ его на нѣсколько шаговъ къ безоружному Сталину.

Среди дамъ, позади его, послышались крики и вопли ужаса.

Сталинъ считалъ себя совершенно погибшимъ. Стоя за толстымъ пнемъ, онъ думалъ только какъ встрѣтить врага своего прикладомъ, такъ какъ заряжать ружье было уже нѣкогда. Мысли его мѣшались. Въ нихъ съ необыкновенной быстротой пронеслись со всѣми подробностями всѣ, какъ самыя отдаленныя, такъ и ближайшія воспоминанія, и всему этому онъ былъ какъ будто совершенно чуждъ....

Справа раздался выстрѣлъ, въ ту самую минуту, когда барсъ сдѣлалъ второй скачекъ. Онъ перевернулся на воздухѣ и упалъ на свое прежнее мѣсто. Но кошачья порода необыкновенно живуча. Чрезъ нѣсколько мгновеній, съ страшною конвульсивною силою, звѣрь опять вскочилъ и хотя ослабѣлъ отъ опасной раны, но успѣлъ схватить передними лапами обгорѣлую поверхность пня, по которой желѣзныя его когти провели глубокія и широкія борозды. Второй выстрѣлъ, попавшій ему прямо въ ухо, положилъ его на мѣстѣ къ ногамъ ошеломленнаго Сталина.

Все это происходило гораздо быстрѣе, чѣмъ можно разсказать.

Изъ-за зелени кустовъ показалась быстро приближавшаяся фигура князя, поспѣшно на ходу заряжавшаго еще дымившееся ружье.

— Не подходите, не подходите къ нему, Сталинъ! кричалъ онъ.—Онъ можетъ еще разорвать при послѣднемъ издыханіи.

Осторожно приблизился онъ къ звѣрю и въ упоръ еще разъ выстрѣлилъ ему въ лобъ. Тотъ не пошевельнулся.

—Ну, на этотъ разъ онъ хорошо убитъ! сказалъ князь.— Какъ же вы такъ зѣваете на такой опасной охотѣ? сказалъ онъ Сталину.—Вѣдь хорошо, что мнѣ близко случилось стоять здѣсь.

Сталинъ наконецъ пришелъ въ себя.

— Благодарю васъ, князь, отвѣчалъ онъ, протягивая ему руку.—Я вчера былъ виноватъ передъ вами—и вотъ какъ вы мнѣ отомстили!

— Полноте вздоръ говорить, Сталинъ. Стоитъ-ли вспоминать каждое слово, которое сорвется даже невзначай, иной разъ съ досады? Въ ваши года я и не такія глупости дѣлалъ. Кто молодъ не бывалъ! Что же до барса, то и вы бы навѣрное также сдѣлали, если бы были на моемъ мѣстѣ и не прозѣвали... А славный барсъ! Изъ него мы съ вами прекрасный коверъ поднесемъ нашей дамѣ.

Все это происходило въ виду всего общества — и раздавшіеся прежде крики ужаса смѣнились восторженными рукоплесканіями и похвалами князю Вязьминскому.

Дамы подошли посмотрѣть на барса. Надо сказать, что онъ и бездыханный былъ страшенъ.

Александра Николаевна тоже подошла со всѣми другими.

Она издали видѣла, какъ соперники подали другъ другу руки, и повеселѣла. Авось хоть теперь все уладится! подумала она.

— Наступите, наступите на него, Александра Николаевна, весело сказалъ князь. — Ваши кавалеры очень довольны возможностью предложить вамъ этотъ коверъ въ память дня сильныхъ ощущеній.

— Изъ которыхъ неимѣвшія права на существованіе такъ же убиты, какъ этотъ звѣрь—тѣми же выстрѣлами, вполголоса прибавилъ Сталинъ.

— Вотъ за это и не знаю ужъ какъ мнѣ благодарить васъ обоихъ, отвѣтила Русанова, протягивая имъ руки.— Не правда ли, что теперь вѣдь всѣмъ намъ опять гораздо легче? Слава Богу, что не произошло никакой катастрофы. Я надѣюсь, что сегодня вечеръ мы проведемъ такъ же, какъ и вчера, но уже безъ печальнаго финала.

— О, я думаю! воскликнулъ Сталинъ. Странно, какъ много иногда въ одно мгновеніе переживаетъ человѣкъ!

— Ну, такъ будемте же по прежнему друзьями, Сталинъ, а теперь воротимтесь пока къ обществу.

Она взглянула на князя. Умное и одушевленное лицо его показалось ей необыкновенно красивымъ. Глаза его съ любовью смотрѣли на нее. Они говорили ей, казалось: «Это я для тебя сдѣлалъ. Довольна ли ты мной, любимая женщина?»

Да, она была имъ довольна и, пожалуй, горда. Сердце ея застучало сильнѣе. Въ немъ шевельнулась любовь....

Пикникъ кончился благополучно, какъ и всѣ пикники. Когда дамы уѣхали, началась попойка—и турій рогъ пошелъ кругомъ, и всѣ принуждены были выпить по одному. А какъ въ него входила цѣлая тунга, т. е. пять шампанскихъ бутылокъ, а положить или поставить его было невозможно, то гости скоро порядочно нагрузились, и только одинъ англійскій консулъ долго еще препирался съ княземъ Гульбатомъ, старымъ собутыльникомъ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, про котораго сказалъ поэтъ:

О, двѣнадцатый Георгій!
Царь и бражникъ до конца,
Ты съѣдалъ, при крикахъ оргій,
Годовалаго тельца.
Ты въ часы отдохновенья
Тунгу залпомъ выпивалъ
И средь общаго веселья
Пьянъ ни разу не бывалъ.

Но наконецъ и консулъ куда-то свалился съ своихъ курульныхъ креселъ, а Гульбатъ послѣ шестаго рога, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, сѣлъ на лошадь верхомъ и поѣхалъ въ Цинондалъ. Само собою разумѣется, что князя и Сталина тутъ не было. Они поѣхали къ Русановой.

VI.

Александра Николаевна была довольна и весела. Теперь она уже оживляла вечеръ и была чрезвычайно внимательна къ обоимъ своимъ кавалерамъ, такъ что Сталинъ былъ значительно успокоенъ, а князь и вовсе обвороженъ. Музыки уже не было. Всѣмъ было не до нея, и, правду сказать, послѣ тревожнаго дня и сидѣть было невозможно. Часовъ около десяти всѣ разошлись. Князь простился, чтобы рано утромъ ѣхать къ себѣ въ штабъ, а Сталинъ съ тихою грустью пошелъ домой и легъ спать. Онъ почти изнемогалъ отъ усталости. Когда они ушли, Русанова нѣсколько времени еще быстро ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ пошла къ себѣ въ спальню и, ставъ на колѣни, передъ образами, долго молилась.

Сталинъ проснулся поздно. Голова его была тяжела и сильно болѣла. Черезъ часъ онъ заснулъ опять. Проснувшись передъ вечеромъ, спросилъ-было что-нибудь поѣсть, но аппетита не было. Спросилъ чаю—и тотъ не понравился. Все было не по немъ. Ночь провелъ дурно. Къ утру обозначилась нервная горячка.

Исаевъ ходилъ за нимъ какъ за братомъ. Дней десять находился онъ на краю гроба, пока наконецъ свѣжія силы не одолѣли болѣзни и онъ могъ сколько-нибудь стать на ноги.

Александра Николаевна довольно поздно узнала о его болѣзни. Она была этимъ сильно разстроена. Раза по два и по три Логинъ командировался узнавать о состояніи больнаго и носить ему разныхъ снадобій въ родѣ лимоновъ, варенья и т. п. Она въ эти дни сама похудѣла и часто плакала.—Кажется, я слишкомъ ужь рѣзко отвергла его, думала она,—добрый мальчикъ! Но вѣдь что же мнѣ дѣлать было? Надо же вѣдь, чтобы это какъ-нибудь кончилось!

Князь не пріѣзжалъ.

Когда миновала опасность и Сталинъ поправился настолько, что могъ писать, онъ немедленно письмомъ просилъ командира полка отправить его въ экспедицію. Тогда это сдѣлать было не трудно. Въ каждомъ полку навѣрно одинъ, два, а иногда и болѣе баталіоновъ всегда находились въ отрядахъ. Сталина послали въ Дагестанъ.

Наканунѣ отъѣзда онъ зашелъ къ Русановой. Она ему очень обрадовалась.

— Я пришелъ проститься съ вами, сказалъ онъ.—Я ѣду въ отрядъ. Простите ли вы мой бредъ, Александра Николаевна? Вы вѣдь видите теперь, что это было начало болѣзни.

Александра Николаевна протянула ему обѣ свои руки, и съ участіемъ долго смотрѣла на него.

— Я былъ самъ не свой—и право не понимаю, что со мной сдѣлалось, прибавилъ онъ.

— Добрый, милый Сталинъ! сказала она,—да, поѣзжайте. Это будетъ самое лучшее. Займитесь пока славой, любовь придетъ своевременно. Кто знаетъ, можетъ вы мою Вѣру полюбите, а она васъ. Признаюсь, я очень люблю мечтать объ этомъ, потому что и теперь люблю васъ, какъ самаго добраго друга, какъ милаго брата. Поѣзжайте, я вамъ дамъ образокъ на дорогу, и я чувствую, что Богъ сохранитъ васъ.

— Это все равно, Александра Николаевна, лишь бы сохранилъ отъ грѣха. Дай Богъ и вамъ счастія, котораго вы вполнѣ стоите. Еще разъ простите меня, я понимаю теперь, что иначе быть не могло. Вамъ не такого надобно мужа, и я дѣйствительно гораздо васъ ниже. Будьте счастливы и прощайте. Вспоминайте когда-нибудь и меня.

Когда онъ уходилъ, Александра Николаевна заплакала, дала ему образокъ и перекрестила его вслѣдъ.

Долго потомъ ей грустно было. Но грусть эта не имѣла впрочемъ въ себѣ ничего тяжелаго.

Когда князь пріѣхалъ на Тетри-Цхале, онъ былъ не

Ольга Николаевна, королева Виртембергская. Съ фотографіи грав. И. Валла.

мало удивленъ болѣзнію и отъѣздомъ Сталина.—Да, это онъ хорошо сдѣлалъ, сказалъ онъ,—молодому человѣку необходимо повоевать. Это формируетъ,—а здѣсь, чтобы онъ дѣлалъ? Еще слава Богу, что онъ напалъ на такую, какъ вы, добрую женщину. Другая бы сокрушила и сгубила его. Вы ему много добра сдѣлали.

— Вашъ удачный выстрѣлъ помогъ. Онъ очнулся отъ сильнаго потрясенія. Вы были тогда просто велики, князь!

— Ну, это что за величіе!—а я радъ, что удалось только. Кто вѣдь знаетъ? не повали я тогда барса, да изорви онъ Сталина, хорошъ бы я былъ. Вы бы меня тогда и на глаза къ себѣ не пустили.

— Это отчего?

— Пожалуй подумали бы, что я очень радъ.

— Какъ это вамъ не стыдно, князь, допускать во мнѣ такія черныя подозрѣнія! Нѣтъ, по моему, лучше всегда дѣлать толкованія въ пользу, а не во вредъ человѣку.

— Вы чудная, дивная женщина, Александра Николаевна, и, главное, всегда такъ просто, безхитростно правы, что васъ, кажется, ни въ чемъ невозможно оспаривать....

Повѣсть наша окончена. Развязка ясна какъ день, да она и не могла быть другою. Черезъ нѣсколько дней, недѣль или мѣсяцевъ, это все равно, Александра Николаевна вышла замужъ за достойнаго и любимаго человѣка. Князь вышелъ въ отставку и теперь гдѣ-то предводителемъ. Княгиня взяла съ собой Вѣрочку—и въ настоящее время молодые люди вѣроятно добиваются у ней такого же счастія, какимъ умѣла надѣлить своего мужа старшая сестра ея. Что дѣлается съ хорошенькимъ домикомъ на Тетри-Цхалѣ—знаютъ Марина и Логинъ; а что дѣлается со Сталинымъ....

— Господа, «Инвалидъ» принесли, сказалъ одинъ изъ офицеровъ въ сумасшедшемъ домѣ.

— Посмотримъ награды! Награды, какія за Салты вышли! Читайте кто-нибудь, господа.

Началось чтеніе. Производятся за отличіе въ дѣлѣ противъ горцевъ 14-го сентября, при аулѣ Салты: изъ маіоровъ въ подполковники: Ивановъ 45-й и Загудаевъ. Въ маіоры: Антоновъ, Безуховъ и Перерепенко. Въ штабсъ-капитаны, Утирадзе. Награждаются орденами, св. Станислава 3-й степени: Ивановъ 109-й и Зурна-Швили. Исключается изъ списковъ: убитый въ дѣлѣ противъ горцевъ поручикъ Сталинъ.

— Вотъ тебѣ на! Бѣдный Сталинъ! Царство ему небесное! Ахъ, жаль бѣднаго Сталина! Вѣдь вотъ напросился же! И спрашивается, чего онъ напрашивался? Ахъ бѣдняга! жаль, жаль!

— Ужь давно замѣчено, что самое лучшее правило—никуда не напрашивайся, ни отъ чего не отказывайся. А ужъ коли напросился, такъ держись. А все, чай, любовь?

— Это все женщины дѣлаютъ, сказалъ Исаевъ.—Не добрый человѣкъ, кто съ ними и свяжется. Изъ-за нихъ какъ разъ подвернешься подъ пулю! Эй, Стукаленко! неси чаю, да крѣпкій чтобы былъ,—понимаешь?

— Чего не понять! Понимаю.

— Ну, молодецъ! да Ромео тащи сюда, только пожалуста безъ Жульеты.

Такъ поминали товарищи Сталина пуншемъ.

Ольга Николаевна королева Виртембергская.

Вотъ уже около двадцати-семи лѣтъ, какъ наша Великая Княгиня Ольга Николаевна, сіявшая такою яркою звѣздою на горизонтѣ русской жизни, оставила Россію, чтобы, слѣдуя волѣ Провидѣнія, осчастливить собою другую страну. Съ сердцемъ полнымъ невыразимой преданности къ дочери незабвеннаго Императора Николая Павловича и сестрѣ нынѣ благополучно царствующаго Государя, слѣдимъ мы, русскіе, за Ея судьбою. Поэтому-то, предлагая нашимъ читателямъ Ея изображеніе, мы прибавимъ къ этому, что, говоря о тѣхъ мѣрахъ, какіе предпринимались во время послѣдней войны для вспомоществованія больнымъ и раненымъ, нѣмецкія газеты указываютъ на Королеву Виртембергскую Ольгу Николаевну, какъ на блестящій примѣръ, которому должны подражать какъ мужчины, такъ и женщины. Вездѣ входила она во все Сама; руководила, ободряла, распрашивала, поддерживала; посѣщала и осыпала дарами раненыхъ, какъ въ лазаретахъ, такъ и въ частныхъ домахъ; неутомимо наблюдала какъ за цѣлымъ, такъ и за малѣйшими подробностями. Съ умиленіемъ и благоговѣніемъ читали мы эти извѣстія, узнавая въ образѣ дѣйствій нашей Великой Княгини благородныя традиціи Ея дома, вмѣстѣ съ порывами Ея собственнаго великодушнаго сердца. Великая Княгиня Ольга Николаевна родилась 30 августа 1822 г.; 13 іюля 1845 г. сочеталась бракомъ съ принцемъ Карломъ, который былъ въ то время наслѣдникомъ виртембергскаго престола, и родился 6 марта 1823 г.; а 25 іюня 1864 г. вступилъ на престолъ. Королева виртембергская, Она въ то же время, шефъ русскаго 3-го гусарскаго елизаветградскаго полка, а также 1-го виртембергскаго пѣхотнаго и 4-го кавалерійскаго полковъ.

Инженерный (Михайловскій) замокъ.

(См. Нива № 20).

Посѣщеніе Инженернаго замка его величествомъ императоромъ германскимъ даетъ намъ случай привести на память читателямъ «Нивы» исторію этой мѣстности, самаго зданія и учрежденіе инженерной Академіи, бывшаго училища.

До основанія Петербурга, при впаденіи р. Мьи въ нынѣшнюю Фонтанку, стояла уже старая деревня *Устеницы*, принадлежавшая шведскому маіору Конау, усадьба котораго находилась тутъ же, у Невы, въ паркѣ, на мѣстѣ Лѣтняго сада. Пользуясь готовымъ питомникомъ для растительности, среди дикой болотной земли приневскихъ островов, Петръ еще въ 1705 году, подъ хранительною сѣнью большихъ деревьевъ парка, значительно пострадавшаго отъ сосѣдства съ стоянкою войска, уже имѣлъ удовольствіе видѣть цвѣтущими до пятисотъ сортовъ тюльпанныхъ луковицъ, привезенныхъ изъ Риги. Въ 1712 году мѣсто деревни Устеницы — съ 1702 года покинутой жителями—очищено подъ лѣтній домъ Екатерины I, обветшавшій въ три царствованія. Елизавета, на мѣстѣ перваго небольшаго строенія, приказала графу Растрелли построить обширный дворецъ, служившій резиденціею Ея Величества съ мая по сентябрь. О громадности деревяннаго сооруженія этого дворца можно судить потому уже, что большая зала въ немъ, въ два свѣта, имѣла вышины до 11 саженъ—и такая высота бревенчатыхъ стѣнъ заставила одну изъ нихъ, наружную, покоробиться всѣми средними рядами бревенъ. Что бы выпрямить стѣну и предохранить отъ разрушенія, собраніе современныхъ строителей рѣшило: связать бревна желѣзомъ, пропустивъ насквозь болты съ винтами, и привести срубъ бревенчатый въ прямую вертикальную линію, свинчивая болты. Концы же ихъ наружные покрыть массивными стойками, въ видѣ выступающихъ значительно пилястръ. Средство оказалось надежнымъ—и въ пятьдесятъ лѣтъ дворецъ успѣлъ придти въ крайнюю ветхость и рухлость, а передняя стѣна съ главнаго фасада стояла плотно. Во дворцѣ этомъ, какъ извѣстно, родился (30 сентября 1754 г.) великій князь а потомъ императоръ—Павелъ Петровичъ. Онъ велѣлъ сломать лѣтній дворецъ и на его мѣстѣ строить великолѣпный каменный замокъ, — въ началѣ 1801 года совсѣмъ готовый и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сдѣлавшійся обиталищемъ Императорской фамиліи. По кончинѣ Павла измѣнилось прежнее назначеніе пышнаго зданія, въ эпоху оконченности своей ,полнаго драгоцѣнностями всякаго рода, какъ описалъ очевидецъ.

Драматургъ Коцебу имѣлъ несчастіе быть оговореннымъ Павлу I (1799 г) и отвезенъ въ Сибирь, но невинность его скоро открылась—и Императоръ, всегда великодушный, отдавъ приказъ: немедленно возвратить въ столицу потерпѣвшаго, осыпалъ его благодѣяніями, приблизилъ его къ себѣ и поручилъ въ управленіе театръ, вмѣнивъ въ обязанность составить описаніе отстроеннаго Михайловскаго замка.

Большая Садовая улица уже при покойномъ импера-

торѣ Николаѣ I доведена до Царицына Луга, а при Павлѣ I на линіи Италіанской улицы она оканчивалась. На теперешней Караванной площади поставленъ былъ порталъ изъ красноватаго мрамора, украшенный восемью дорическими колоннами, отдѣлявшими три проѣзда съ рѣшетчатыми воротами. Отъ воротъ этихъ шла тройная же аллея изъ липъ и березъ, въ 43 сажени длиною, имѣвшая слѣва громадный эрзерциргаузъ, а справа—конюшни. Передъ осмиугольными павильонами занятыми придворными службами, при Павлѣ, на протяженіи Инженерной улицы шелъ каналъ съ подъемнымъ мостомъ. Мостъ этотъ велъ на *конетабль*—дворцовую площадь (теперь инженерный плацъ) въ 56 саженъ ширины и 60 саженъ длиною. Посреди *конетабля*, служившаго парадным мѣстомъ для разводовъ, неимѣвшимъ кустовъ и на Фонтанку—поставлена Павломъ Первымъ конная группа Петра I, моделированная графомъ Растрелли-отцомъ и отлитая Мартелли, послѣ уже его смерти. Группа эта, непонравившаяся Екатеринѣ II, вызвавшей для выполненія памятника безсмертному нашему преобразователю Фальконета,—Павломъ извлечена изъ забвенія. За памятникомъ Петру I возвышался самый дворецъ, строенный зодчимъ Бренна, подъ наблюденіемъ знаменитаго строителя В. И. Баженова, лично выполнявшаго рисунки разныхъ частей орнаментаціи, до самой смерти своей (3 августа 1799). Идея дворца взята съ генуэзскаго palazzo Giustiniani, знаменитаго Галеаццо Алесси; дворецъ вышелъ зданіемъ величественнымъ, которому и неблагопріятная окраска темнокраснымъ цвѣтомъ не могла повредить совсѣмъ. Стройка зданія выполнена капитально и прочно, на девяти-футовомъ фундаментѣ, сверхъ свай. Подвальный и первый этажи сложены изъ пиленаго гранита и только выше гранитнаго цоколя началась кирпичная кладка, по фасаду (обращенному на конетабль) облицованная цвѣтнымъ мраморомъ. Двадцать бронзовыхъ пушекъ 12 фунтоваго калибра разставлены были по фасу отъ Лѣтняго сада, гдѣ входъ въ дворецъ украшался гранитною лѣстницею въ 26 ступеней, на площадкѣ которой стояли бронзовыя копіи съ античныхъ статуй «Геркулеса» и «Флоры» Фарнезскихъ, выполненныхъ въ Литейной Императорской Академіи художествъ.

При докончаніи зданія въ двухъ нишахъ, по сторонамъ главнаго входа во дворецъ, съ внѣшней стороны громадныхъ сѣрыхъ мраморныхъ обелисковъ стояли статуи Діаны и Аполлона Бельведерскаго, размѣры которыхъ были слишкомъ мелки и потому непропорціональны прочимъ частямъ зданія. Не вполнѣ изященъ вышелъ и фронтонъ, на которомъ братья Статжи изваяли изъ бѣлаго мрамора «Исторію» въ видѣ «Молвы». Стоящія надъ фронтономъ этимъ, по краямъ аттика, двѣ фигуры «Славы»—каждая съ русскимъ гербомъ—имѣли тоже назначеніе чисто архитектоническое, какъ и разставленныя по тумбамъ балюстрада статуи Цибелъ, съ гербовыми щитами русскихъ губерній. Ихъ уже нѣтъ и слѣда, и зданіе, освобожденное отъ излишнихъ украшеній, отъ того даже выигрываетъ. Во всю ширину колоннады главнаго фасада простирается фризъ изъ краснаго мрамора, на которомъ выпуклая золотая надпись «Дому Твоему подобаетъ», и проч. объясняется тѣмъ, что если вѣрить преданію, фризъ этотъ цѣликомъ перенесенъ съ екатерининскаго Исаакіевскаго собора, гдѣ, конечно, надпись имѣла значеніе, не нуждаясь въ коментаріяхъ; здѣсь же она непонятна, какъ и причина названія главныхъ воротъ «Воскресенскими» и «Рождественскими»—со стороны Садовой улицы. Съ этой стороны особый выступъ—церкви, съ наружною лѣстницею, аттикомъ со статуями апостоловъ Петра и Павла, и вызолоченнымъ шпицемъ сверхъ купола. Внутри, храмъ облицованъ сѣрымъ мраморомъ, съ темными колоннами и металлическими капителями. Фасадъ къ Лѣтнему саду украшенъ обширнымъ балкономъ подъ колоннадою. При Павлѣ на балюстрадѣ балкона стояло десять вазъ и бѣлыя мраморныя статуи, представлявшія четыре времени года. Верхъ зданія съ этой стороны увѣнчанъ аттикомъ на каріатидахъ, между которыми вставлены бѣлые мраморные барельефы, работы художника Тибо. Наконецъ, съ Фонтанки, для гармоніи съ противоположнымъ фасадомъ есть тоже выступъ въ видѣ портала съ 6-ю дорическими колоннами краснаго мрамора. Вверху тоже аттикъ съ балюстрадою и статуями «Осторожности» и «Силы». Подъ куполомъ, съ этой стороны, выкидывался флагъ на башенкѣ, во время пребыванія здѣсь Императорской фамиліи.

Съ главнаго входа, слѣдуя Воскресенскими воротами, въѣзжаютъ сквозь перистиль на главный дворъ замка, имѣющій форму осьмиугольника; по сторонамъ проѣзда—колоннады изъ 48 дорическихъ колоннъ гранитныхъ, цѣльныхъ, на цоколѣ изъ рускольскаго камня, съ такими же капителями. На колоннадѣ съ одной стороны поставлены были копіи съ двухъ античныхъ вазъ, а съ другой стороны колоссальныя статуи «Геркулеса» и «Александра Великаго». Парадная лѣстница была за лѣвою колоннадою перистиля и сообщалась съ гауптвахтою, гдѣ дежурили всегда тридцать человѣкъ гвардейцевъ. На площадкѣ парадной лѣстницы,—гдѣ вездѣ блисталъ цвѣтной мраморъ, оставляя на стѣнахъ мѣсто для фресокъ,—стояла копія съ «Клеопатры», что въ музеѣ Капитолія, въ Римѣ. По сторонамъ же этой статуи въ нишахъ помѣщены были статуи «Осторожности» и «Правосудія»; подлѣ нихъ двое дежурныхъ гренадеръ. Двери краснаго дерева съ бронзою вели въ овальную *переднюю*, изъ которой вступали съ большую *пріемную*, украшенную шестью большими картинами*). Слѣдующая была—*тронная* зала, украшенная античными бюстами римскихъ императоровъ, статуями: «Правосудія», «Мира», «Побѣды» и «Славы», да 76-ю гербами русскихъ губерній и областей. Изъ тронной, черезъ галлерею, украшенную статуями и арабесковою живописью Скотти и Виги, проходили въ галлерею «Лаокоона», гдѣ посрединѣ стояла прекрасная мраморная копія античной группы; а по стѣнамъ висѣли гобеленовые ковры, представлявшіе «Чудесный ловъ рыбы», «Изгнаніе изъ храма торжниковъ» и «Кающуюся, у ногъ Спасителя». Дурные плафоны кисти Смуглевича и два миѳологическіе сюджета Гацетти представляли съ красотою антика и гобеленъ далеко непріятный контрастъ. За то слѣдующая *гостинная* была вполнѣ граціозна и убрана богато, настолько же какъ и зала гросмейстерская, круглая,—съ небольшимъ трономъ, гдѣ стоялъ постоянный караулъ мальтійскихъ кавалеровъ. Отсюда начинались апартаменты императрицы, заключавшіяся въ кабинетѣ, парадной спальнѣ, столовой—гдѣ играли великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи,—тронной Ея Величества, изъ *галлереи Рафаэля* (съ гобеленами 4-хъ фресокъ: битвы Константина, Геліодора, Парнаса и Аѳинской школы), — и залы *скульптуры* (гдѣ античный Вакхъ и «Діана» Гудона.) Отсюда выходъ въ комнату кавалергардовъ, изъ которой выходъ на правую парадную лѣстницу. Вотъ и всѣ апартаменты бель-этажа. Павелъ I, ноября 8-го 1800 г., торжественно освятилъ свой Михайлов-

*) Это были: «Полтавскій бой» Шебуева (теперь въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ), «Покореніе Казани» и «Избраніе на царство Михаила» Угрюмова, «Соединеніе русскаго флота съ турецкимъ» Причетникова, да Аткинсона «Куликовская битва» и «Крещеніе Владиміра».

скій замокъ, и съ января 1801 г. жилыя комнаты перваго этажа заняты были Августѣйшимъ семействомъ. Комнаты Павла I начинались отъ Рафаэлевой галлереи. За переднею слѣдовали кабинетъ, библіотека и спальня. Въ библіотекѣ стоялъ караулъ изъ лейбъ-гусаровъ. Въ спальнѣ—комнатѣ почти квадратной, около 25-ти квадратныхъ саженъ пространствомъ, стѣны украшены были пейзажами, письменнымъ столомъ — подаркомъ императрицы Марьи Ѳеодоровны и картиной, на которой изображены были костюмы всѣхъ родовъ русскаго войска. Въ углу стояла статуя Фридриха II гипсовая и портретъ этого же короля верхомъ. При Александрѣ II эта комната обращена въ очень изящную церковь, устроенную по проекту архитектора Ухтомскаго.

Спальня Павла I отдѣлялась толстою стѣною отъ опочивальни Ея Величества, передъ которою была уборная, кабинетъ, гостинная и—сосѣдній со спальнями Ихъ Величествъ, маленькій кабинетъ въ углу дворца. Въ бельэтажѣ были еще комнаты Великаго князя Константина Павловича, тогда какъ Александръ Павловичъ и прочія дѣти Ихъ Величествъ жили въ первомъ этажѣ, гдѣ кромѣ жилыхъ комнатъ былъ неоконченный маленькій театръ и церковь св. Архангела Михаила. Въ ней замѣчательны были: запрестольная картина «Тайныя Вечери» профессора Акимова, иконостасъ украшенный порфировыми колоннами и плафонъ представлявшій «Пресвятую Троицу» въ куполѣ.

Всѣ драгоцѣнности искусства и рѣдкости вывезены были изъ Михайловскаго дворца, въ первый же годъ по воцареніи Александра I. Въ 1819 году учреждено по мысли Великаго Князя Николая Павловича—въ то время генералъ инспектора инженерной части—главное инженерное училище «для образованія искусныхъ инженеровъ и саперныхъ офицеровъ», помѣщенное въ Михайловскомъ замкѣ, отъ него прозванномъ Инженернымъ. Въ 1855 году, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ память вѣнценоснаго основателя, повелѣлъ главное инженерное управленіе переименовать въ Николаевскую инженерную Академію, отпраздновавшую въ 1869 году уже пятидесятилѣтіе разсадника русскихъ специалистовъ по инженерной части. Въ полвѣка, училище и Академія образовали 2373 воспитанника, большая часть которыхъ проходила и проходитъ свою техническую карьеру, принося существенную пользу дѣлу, которому посвятили они себя какъ воины и граждане. Въ главномъ Инженерномъ училищѣ получилъ образованіе и герой Севастопольской обороны Э. И. Тотлебенъ. Разсадникъ одного изъ необходимыхъ знаній для военнаго человѣка, приготовившій столькихъ полезныхъ и прославленныхъ дѣятелей, не могъ конечно, въ бытность въ нашей столицѣ, не посѣтить герой императоръ, по голосу котораго поднялась въ 1870 году Германія и доказала блистательно, что не одно личное мужество, но знанія и крѣпкая дисциплина доставляютъ рѣшительныя побѣды, въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ усовершенствованій недешево пріобрѣтаемыя и при соединеніи самыхъ выгодныхъ условій, независимо храбрости.

Памятникъ Петру изображаетъ императора въ римскомъ одѣяніи съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ правой рукѣ, на конѣ, бѣгущемъ трапомъ.

Грузины.

Во главѣ кавказскихъ мѣстныхъ жителей, какъ по численности, такъ и по развитію, стоятъ грузины. Ихъ считаютъ въ наше время до 850 тысячъ. Племя это, одно изъ красивѣйшихъ и благороднѣйшихъ на Кавказѣ, отличается своею воинственностью отъ всѣхъ прочихъ племенъ, способныхъ въ то же время и къ гражданственности. Именно въ томъ и состоитъ отличіе грузинъ отъ армянъ или горцевъ, что они одинаково способны и къ осѣдлой и къ боевой жизни,—тогда какъ армяне по преимуществу народъ осѣдлый и потому лишенный воинственныхъ замашекъ, а горцы по преимуществу народъ хищный и потому не любятъ домовитости.

О наружности грузинъ можно сказать, что большинство изъ нихъ полные брюнеты, съ прекрасными черными глазами и такими же волосами, высоки ростомъ, отлично сложены и очень ловки. Женщины почти красавицы.

Въ настоящее время грузины болѣе чѣмъ другіе народы Кавказа обрусѣли—и потому говорить о ихъ нравахъ и обычаяхъ, почти схожихъ съ нашими, совершенно излишне; тѣмъ болѣе, что и сама религія ихъ, мало чѣмъ отличающаяся отъ православной, много способствовала обоюдному сближенію и сгладила тѣ шероховатости, какія до сихъ поръ чувствуются въ сношеніи русскихъ съ другими кавказскими племенами. Однако, не смотря на все сказанное, въ народѣ сохранились кое-какіе старинные обычаи, въ особенности оригинальные по отношенію къ похоронной церемоніи. Какъ только умеръ какой-нибудь мѣстный обыватель, такъ всѣ односельчане собираются къ нему въ домъ и начинаютъ пѣть надъ нимъ печальныя пѣсни,—при чемъ одинъ изъ родныхъ и, кажется, *по наряду*, бьетъ себя въ грудь, рветъ на себѣ волосы и выдѣлываетъ по очереди разныя грустныя штуки. Затѣмъ несутъ на кладбище и хоронятъ покойника безъ гроба, а такъ—въ одной одеждѣ. Но все это, какъ остатокъ древней старины, сохранилось въ глухихъ уголкахъ и вообще не принято въ средѣ грузинской интеллигенціи.

Во всемъ остальномъ грузины почти не отличаются отъ русскихъ и потому, чтобы познакомить читателей съ этою первенствовавшею во дни оны на Кавказѣ народностью, разскажемъ въ двухъ словахъ исторію Грузинскаго царства.

По древней лѣтописи, видѣнной мною въ копіи и обязательно переведенной для меня однимъ грузиномъ, начинается повѣствованіе съ того, что въ 1792 году послѣ Адама жилъ да былъ на горѣ Араратѣ нѣкій Таргосъ. Онъ построилъ на Араратѣ неприступную крѣпость, женился на одной писаной красавицѣ и прижилъ съ нею восемь сыновей, которые со временемъ раздѣлились и сдѣлались родоначальниками всѣхъ кавказскихъ племенъ. Отсюда, по прямой линіи, начало Грузинскаго царства быть можетъ совершенно правдивое, но не совсѣмъ доказанное. А потому, обращаясь къ ближайшимъ временамъ, начнемъ разсказъ объ этомъ царствѣ съ Александра Македонскаго, до нашествія котораго Грузія первенствовала на Кавказѣ, имѣя своими границами: съ запада Черное море, съ сѣвера кавказскій горный хребетъ, съ востока Каспійское море и съ юга—Персію. Александръ Македонскій, покоривъ Персію, уничтожилъ и Грузію. Но владычество его продолжалось недолго, такъ какъ по удаленіи изъ Грузіи самого Александра, войска его, подъ начальствомъ его намѣстника Азона, были разбиты на-голову и на престолъ грузинскій вступилъ Фарнаозъ, виновникъ изгнанія Азона. Эта династія, родомъ изъ Персіи, царствовала болѣе двухъ столѣтій и оставила по себѣ хорошее воспоминаніе. Затѣмъ, по вступленіи на грузинскій престолъ армянской династіи въ лицѣ Аршака, Грузія не разъ подвергалась нашествіямъ Помпея и потому мало-по-малу стала терять свое первенствующее значеніе; но знаменитый царь Вахтангъ снова высоко поднялъ народное знамя и его царствованіе прославилось прибытіемъ въ Грузію св. Нины, со временъ которой введено тамъ христіанство, а также перенесеніемъ столицы изъ маленькаго Мцхета въ обширный Тифлисъ. Далѣе, съ VI вѣка царствовала въ Грузіи династія Багратіоновъ, родомъ изъ Іерусалима и обязанная своимъ возвышеніемъ покровительству греческаго императора Іустиніана. Начало царствованія этой династіи не было удачнымъ, и Грузія, постепенно падая, почти подчинилась вліянію Персіи и забыла о христіанствѣ. Но въ началѣ XII столѣтія царь Давидъ III, причисленный къ лику святыхъ, избавилъ Грузію отъ персіянъ и возстановилъ христіанство. Послѣ него недолго царствовалъ сынъ его Георгій, не имѣвшій сыновей, и потому на грузинскій престолъ вступила въ первый разъ женщина, и женщина эта была знаменитая въ исторіи — поэтическая Тамара. Преданія о ней и сейчасъ живутъ въ народѣ. Она для Грузіи, если не ошибаюсь, почти-что Екатерина для Россіи. Въ теченіе двадцатилѣтняго царствованія, она не только усилила матеріальное могущество Грузіи, но развила науки, искусства и укрѣпила христіанство до того, что уже въ ея время, т. е. въ XII столѣтіи, являлись въ Грузіи проповѣдники о снисхожденіи къ плѣннымъ, о равенствѣ сословій и пр. и пр. Царица Тамара, какъ извѣстно, несовсѣмъ чужая и русскимъ, такъ какъ она была повѣнчана съ кня-

земъ Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Но бракъ этотъ скоро былъ расторгнутъ (ибо у Тамары не было дѣтей) и она вторично вѣнчалась съ Давидомъ, владѣтельнымъ княземъ Осетинъ. Князь же Георгій, оскорбленный разводомъ съ Тамарою, удалился въ Грецію, набралъ тамъ войско и высадился на берега Грузіи. Царица сама предводительствовала войсками, разбила греческія полчища и Георгій взятъ былъ въ плѣнъ, окончившійся, вмѣсто казни, высылкою его изъ Грузіи.

После смерти Тамары настали для Грузинскаго царства тяжелые дни, начавшіеся нашествіемъ Чингисъ-Хана и кончившіеся раздоромъ въ самомъ царственномъ домѣ; почему истерзанная Грузія, въ концѣ XIII столѣтія, просила покровительства Россіи. Но покровительство наше не могло оказать ей большой услуги, и въ XIV вѣкѣ Грузія была разорена и въ конецъ ограблена Тамерланомъ. Только въ XV столѣтіи грузинскій царь Александръ возстановилъ разрушенные храмы и города, — память о чемъ празднуется до-нынѣ каждый годъ 1-го октября. Но такъ какъ Александръ Грузинскій раздѣлилъ все царство на удѣлы между сыновьями, то вскорѣ послѣ его смерти Грузія подверглась междоусобію и въ началѣ XVI столѣтія, пользуясь этими раздорами, Тифлисъ заняли турки. Тутъ снова Грузія просила покровительства Россіи и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, а также и Борисъ Годуновъ отправляли туда своихъ пословъ и оповѣщали о томъ всѣ сосѣднія государства. Съ тѣхъ поръ сношенія Россіи съ Грузіею уже не прерывались и нѣкоторые цари грузинскіе, спасаясь отъ притѣсненій Персіи, пріѣзжали на жительство въ Россію. Такъ продолжалось до прошлаго столѣтія, когда персы, ворвавшись внутрь Грузіи, разграбили всю страну, взяли Тифлисъ и увели съ собою въ плѣнъ болѣе 15-ти тысячъ грузинокъ. Обстоятельство это вынудило Екатерину великую послать войска на Кавказъ и спасти Грузію отъ персовъ. Генералъ Зубовъ взялъ Дербентъ, Баку и Шемаху и почти проникъ уже до Персіи, но былъ возвращенъ обратно въ Россію. Тогда сынъ Ираклія (послѣдняго царя Грузіи) Георгій принялъ подданство Россіи и съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1800 г. самостоятельнаго Грузинскаго царства уже не существуетъ. Высочайшими указами императоровъ Павла и Александра I она обращена въ простую русскую провинцію, вмѣщающуюся въ наше время въ одну Тифлисскую губернію.

Грузины. Рис. Г. Руссо, грав. Паннемакеръ.

Разсказанная мною исторія Грузіи ясно показываетъ, что самостоятельное существованіе этого царства было немыслимо, и потому подданство его Россіи вытекло, такъ сказать, изъ положенія дѣлъ внутри страны. Теперь большинство грузинъ охотно поступаетъ въ военную службу, и кавказская армія многими изъ нихъ справедливо гордится. Сами же грузины, особенно изъ высшихъ классовъ, какъ уже прежде сказано, ничѣмъ не отличается отъ русскихъ, развѣ только тѣмъ, что церковь ихъ имѣетъ свое управленіе, сосредоточенное въ рукахъ патріарха (*католикоса*) и епископовъ (*епископозовъ*). Монастыри ихъ можно назвать образцовыми по строгости жизни. Общественное устройство тоже приравнивается къ русскому, такъ что прежняго рѣзкаго раздѣленія на классы уже не существуетъ; при томъ же это легко было вывести, такъ какъ грузины, подражавъ прежде въ роскоши персамъ, рѣдко обладаютъ богатствами и почти всѣ люди одинаково бѣдные. Конечно и тутъ не безъ исключеній.

В. Сафоновъ.

Валаамскій монастырь.

Съ наступленіемъ хорошей погоды изъ Петербурга каждую недѣлю отправляются богомольцы на пустынный Валаамъ, чтобы уединенною молитвою удовлетворить стремленіямъ духа, неумолкающимъ въ тревогахъ житейскаго моря. Пароходъ изъ Невы идетъ на сѣверо-западъ, гдѣ почти на срединѣ озернаго раздолья встрѣчается перепутье — *Коневецъ*.

Мы здѣсь поговоримъ собственно о Валаамѣ. За Коневцемъ, пройдя *Хвощаной* островъ, появляющійся дымчатою полосою на краю безбрежныхъ, кажется, водъ, — изъ тумана, съ приближеніемъ, выходитъ лѣсистый островъ и передъ нимъ еще гранитная глыба — *Мигорки*.

Юго-западный берегъ Валаама, къ которому пристаютъ путники,

представляетъ круглую бухту, въ родѣ широкаго внутри бассейна съ узкимъ проходомъ. На мысѣ праваго берега, подъ круглымъ навѣсомъ, видѣнъ крестъ съ фонаремъ, указывающій гавань. При подошвѣ высокаго берега—избы рыбаковъ и подл ль часовня съ острою главой во имя Андрея Первозваннаго. Э о почему-то называется Большая Никонова пристань, составляю цая верхній конецъ южнаго залива. Отсюда пароходъ сворачив етъ налѣво, проходитъ между островами: Ягоднымъ, Монашескимъ, Вейбевскимъ, Безъимянными, обходитъ Малую Никонову пустынь, входя въ озеро и минуя острова Московскій и Скитскій. Затѣмъ уже попадаютъ путники въ монастырскій заливъ, тянущійся на полторы версты, и въ концѣ его находятъ обитель.

Слово *валаамъ* испорченное финское *вара-ма*—горная земля. На островѣ этомъ поселился въ XIV вѣкѣ грекъ Сергій и, обративъ въ христіанство язычника Мунга, назвалъ его Германомъ, сдѣлавъ своимъ сподвижникомъ (1393 г.). Эта чета святыхъ пустынниковъ найдена уже нетлѣнными ранѣе 1463 г. и въ 1474 году было нѣсколько десятковъ братіи на Валаамѣ. Въ 1578 году шведы избили здѣсь (20-го февраля) 18 монаховъ и 16 послушниковъ, а въ 1581 году—37 монаховъ и 47 послушниковъ, поселивъ на мѣстѣ монастыря чухонъ-крестьянъ.

Древняя обитель на Валаамѣ возстановлена только въ 1715 году. Монахи съ Бѣлоозера, перенеся мощи Сергія и Германа (11-го сентября), построили церковь Преображенія Господня. Царь велѣлъ причислить къ Валааму 7 гейматовъ, устроенныхъ шведами. Анна (1732 г.) прибавила еще 23 геймата въ Сакульскомъ погостѣ, и монастырь сталъ распространяться. Пожаръ 23-го апрѣля 1754 г. не уничтожилъ въ конецъ обители, испепеливъ ея зданія. Императрица Елизавета пожаловала 8000 р. на возстановленіе. Екатерина (1786 г.) возвела Валаамскій монастырь въ 3-й классъ, по ходатайству игумена Назарія, вызваннаго митрополитомъ Гавріиломъ изъ Саровской пустыни (1785 г.) и двадцать лѣтъ трудившагося надъ благоустройствомъ обители. При Назаріи, императоръ Павелъ (указомъ 26-го августа 1799 г.) далъ рыбныя ловли при впаденіи р. Кюмени въ море, близъ Роченсальма (съ 1848 г.—въ арендѣ, доставляющія 4715 р. сер.). Александръ I дозволилъ увеличить штатъ монаховъ до 50 человѣкъ, возвелъ (1821 г.) Валаамскую обитель въ 1-й классъ, посѣтивъ ее лично (10-го августа 1819 г.). Описаніе этого путешествія его величества составлено Грипенбергомъ въ 1828 г. и напечатано въ С.-Петербургѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ и благополучно царствующій Государь Императоръ тоже посѣщали Валаамъ, а также и митрополитъ Исидоръ. Сооруженіе обители въ томъ видѣ, какъ находимъ мы теперь, положено игуменомъ Назаріемъ, при которомъ построенъ главный храмъ Преображенія и внутренній четыреугольникъ, да два флигеля внѣшнихъ келій. Церковь съ воротами въ обитель, соединившая флигеля, сооружена при игуменѣ Иннокентіи (1809 г.), также и двѣ церкви по сторонамъ святыхъ воротъ. Въ 1844 году построенъ скитъ (четыреугольникъ съ башнями); а церковь въ немъ окончена въ 1850 г. и освящена прибывшимъ на моленіе митрополитомъ Никаноромъ, первымъ изъ владыкъ послѣ Михаила (17-го іюля 1819 г.) здѣсь бывшимъ. Въ 1857 году на Крестовомъ островѣ сооружена церковь Николая чудотворца, по проэкту профессора Горностаева, въ византійскомъ вкусѣ, какъ и скитская.

Изъ Валаама, всегда отличавшагося строгою подвижническою жизнью, вышли въ концѣ царствованія Екатерины II первые 10 миссіонеровъ—проповѣдниковъ Евангелія въ Америкѣ и на островахъ Тихаго океана. Двое изъ нихъ скончались мученически, выполняя свое дѣло.

Кромѣ подвиговъ молитвенныхъ, Валаамскіе иноки заняты рыбною ловлею, пашнею и разведеніемъ сада, основаннаго въ 1822 году и дающаго вкусные вишни и яблоки. Огородныя овощи здѣсь растутъ прекрасно (арбузъ выращается до 21 фунта, а тыквы до 2-хъ пудовъ); рожь—самъ десять.

Валаамъ составляетъ цѣльный архипелагъ изъ 43 острововъ, въ формѣ латинской буквы S, въ длину до 8, а въ ширину до 30 верстъ, площадь же ими занимаемая на 8 кв. миль, съ возвышеніемъ надъ водою отъ 10 до 20 саж. Растительность въ вѣковомъ лѣсу представляетъ восхитительные виды—и это обстоятельство, въ началѣ послѣдняго десятилѣтія, дѣлало Валаамъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія нашихъ пейзажистовъ, теперь составившихъ себѣ почтенное имя въ искусствѣ.

Копенгагенъ.

Копенгагенъ (по датски Kjöbenhavn, по лат. Hafniae), главный городъ Даніи, лежитъ подъ 55° с. ш. и 30° в. д. (отъ Ферро) и раздѣляется проливомъ Каллерброштрандъ (отдѣляющимъ большой островъ Зеландію отъ маленькаго острова Амака и образующимъ превосходную внутреннюю гавань) на двѣ главныя части, изъ которыхъ самая большая или *собственно* Копенгагенъ лежитъ на восточномъ берегу Зеландіи, а меньшая, *Христіансгавнъ* на Амакѣ. Третью главную часть образуютъ лежащія за городскими валами и разростающіеся съ каждымъ годомъ предмѣстья: Эстербро, Нёрребро и Вестербро, изъ которыхъ два послѣднія находятся въ такой тѣсной связи съ большимъ, похожимъ на городъ, селомъ *Фредериксбергъ*, что на это послѣднее можно смотрѣть какъ на четвертое предмѣстье. На сѣверѣ города лежитъ старинная цитадель *Фредериксгавнъ*, отдѣляющаяся отъ него только эспланадой и снабженная двумя воротами со стороны города и гавани, между тѣмъ какъ четверо воротъ (трое на Зеландіи, ведущіе въ упомянутые выше предмѣстья, и одни въ Христіангавнѣ) въ новѣйшее время сломаны для облегченія сообщенія между болѣе и болѣе оживляющимся предмѣстьями. На восточной сторонѣ южной и болѣе древней части собственно Копенгагена (*Старый городъ*), Слотсгольмъ (Замковый островъ) и Гаммельгольмъ (Старый островъ) занимаютъ значительное пространство. Эта-то часть, именно Слотсгольмъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ замка Христіансборга, резиденціи короля, много другихъ, особенно значительныхъ государственныхъ зданій, къ томъ числѣ и многія зданія морскаго вѣдомства. Въ прочихъ частяхъ стараго города находиться пять главныхъ приходскихъ церквей, ратуша и зданіе университета. Въ сѣверной части (*Новый городъ*) съ широкими и прямыми улицами (между тѣмъ какъ улицы Стараго города большею частью узки и кривы) всего только одна главная церковь, тогда какъ замокъ Розенборгъ съ своимъ обширнымъ садомъ и плацъ-парадомъ, множество дворцовъ и госпиталей, а также жилища матросовъ (*Niboder*) занимаютъ большое пространство. На сѣверѣ Христіансгавна лежитъ нѣсколько соединенныхъ мостами гольмовъ (острововъ), образующихъ морскія верфи. Собственно Христіансгавнъ соединяется съ Копенгагеномъ, главнымъ образомъ, двумя подъемными мостами: Книпперсбро (300 футовъ) и Лангебро (440 футовъ длины). Окружность города внутри валовъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ милю (около 26,000 футовъ), а поперечникъ 6200—7200 футовъ; его окружность за валами возрастаетъ до 1½ мили (34,000 футовъ), а если къ этому причислить еще предмѣстья, она становится еще значительнѣе. Гавань, раздѣляющаяся на внутреннюю и внѣшнюю, считается самою лучшею и безопасною гаванью Балтійскаго моря и Каттегата — ей-то собственно сбязанъ Копенгагенъ своимъ началомъ и процвѣтаніемъ. Городъ хорошо укрѣпленъ, какъ со стороны моря, такъ и внутри. Онъ раздѣляется на 14 кварталовъ, изъ которыхъ 10 приходятся на долю собственно Копенгагена, а прочіе на цитадель, Христіансгавнъ, Нерребро, Эстербро и Вестербро. Въ немъ считается около 300 мощеныхъ улицъ и переулковъ, снабженныхъ большею частію тротуарами, около 4000 зданій и за валами 16 площадей и рынковъ (*Torr*). Между этими площадями самыя замѣчательныя: большой *Kongens Nytorv* (Новый королевскій рынокъ) въ центрѣ города, куда ведутъ 12 улицъ, украшенный конною статуею Христіана V съ лежащими вокругъ цвѣтниками и окруженный замкомъ Шарлоттенборгъ, королевской академіей, гауптвахтой и многими великолѣпными зданіями, принадлежащими частнымъ лицамъ; *Fammeltorv* и *Nytorv* (Старый и Новый рынокъ), соединенные послѣ пожара 1795 г. въ одну площадь, и составляющіе теперь главный рынокъ для пріѣзжающихъ въ городъ для продажи хлѣба и сала поселянъ, и многія другія. Изъ приходскихъ церквей особенно замѣчательна церковь Божіей Матери, построенная въ XII столѣтіи, возобновленная послѣ бомбардировки 1807 года (при чемъ ея башня, вышиною въ 430 футовъ, была совершенно разрушена) въ седьмой разъ, въ новѣйшемъ грекоримскомъ стилѣ и украшенная многими мастерскими произведенія работы Торвальдсена, въ томъ числѣ статуей Христа и 12 апостоловъ изъ бѣлаго мрамора, барельефами, и пр.—Изъ дворцовъ и другихъ общественныхъ зданій обращаютъ на себя вниманіе: *Христіанборгъ*, резиденція короля, построенный Христіаномъ VI, въ 1731—40 г., совершенно сгорѣвшій въ 1794 г. и вновь отстроенный въ 1826 г. Изъ 4 фасадовъ этого дворца, главный фасадъ, обращенный къ дворцовой площади, имѣетъ 364 фута длины; два другіе фасада, примыкающіе къ нему подъ прямымъ угломъ, по 388 ф., а противуположный ему фасадъ прерывается въ серединѣ колоннадой съ 32 дорическими колоннами. Замокъ этотъ, держащійся на 9—10,000 сваяхъ, съ стѣнами въ 9—10 футовъ толщины, построенъ въ шесть этажей. Три этажа заключаютъ въ себѣ высокія и обширныя комнаты, въ числѣ которыхъ находятся: прекрасная рыцарская зала въ 120 фут. длины, 52 ф. ширины и 42 вышины; 26 комнатъ для рейхстага и 24 комнаты для королевской картинной галлереи. Прочія зданія дворца, замыкающіяся съ южной стороны большимъ манежемъ (съ водоподъемной машиной въ серединѣ) суть слѣдующіе: конюшня для 200 лошадей, придворный театръ и жилища для придворныхъ. Кромѣ того главное зданіе дворца соединяется посредствомъ особаго зданія, меньшихъ размѣровъ, съ дворцовой церковью, а посредствомъ двухъ другихъ зданій съ большей частью общественныхъ зданій, лежащихъ на Слотсгольмѣ, между прочимъ съ зданіемъ министерствъ, зданіемъ архива, государственнымъ арсеналомъ и помѣщеніемъ для большой королевской библіотеки (450,000 книгъ и 15,000 рукописей). Кромѣ того, на Слотсгольмѣ находятся: биржа, построенная въ 1619—32 г. въ готическомъ стилѣ и музей Торвальдсена, построенный въ 1839—47 г. и открытый въ 1848 г., съ богатыми коллекціями художественныхъ произведеній, подаренныхъ этимъ великимъ ваятелемъ своему отечеству. Въ этомъ музеѣ находятся 80 статуй и группъ, 3 фриза,

220 рельефовъ, 130 бюстовъ, не считая эскизовъ и моделей, работы самаго Торвальдсена, и кромѣ того различныя художественныя произведенія древняго и новаго времени, какъ-то: картины (315), рисунки, гравюры, медали, древности различнаго рода, античные драгоцѣнные рѣзные камни и слѣпки (1828), древнія медали, большею частію греческія, и книги. Затѣмъ въ Старомъ городѣ особенно замѣчательны ратуша, построенная въ 1805—15 г., и университетъ, основанный въ 1447 г., съ которымъ соединяется политехническое учебное заведеніе, основанное въ 1829. Университету принадлежатъ различныя заведенія: астрономическая обсерваторія, ботаническій садъ за дворцомъ Шарлоттенбургъ, минералогическій и зоологическій кабинетъ, химическая лабораторія и зоотомо-физіологическая коллегія. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманія замокъ *Шарлоттенбургъ* на *Kongens Nitorv*, гдѣ помѣщается академія художествъ; дворецъ *Prindsens*, обращенный въ музеумъ, заключающій въ себѣ до 20,000 гравюръ; королевскій художественный музеумъ съ ассирійскими, египетскими, пуническими, греческими и римскими древностями, а также скульптурами и образцами искуства средняго и новаго времени; королевскій музеумъ для сѣверныхъ древностей, этнографическій музей, королевскій театръ, почтамтъ, монетный дворъ, сторожевая башня Николая, построенная на фундаментѣ самой древней церкви, снесенной въ 1795 рядомъ съ мясными овощными лавками; королевскій сиротскій домъ и разныя другія благотворительныя заведенія.

Въ Новомъ городѣ замѣтимъ: замокъ *Розенборгъ*, построенный въ 1604 г. въ голландскомъ стилѣ, гдѣ съ 1854 г. хранятся королевскія регаліи, драгоцѣнности и пр. Какъ ни великъ окружающій этотъ дворецъ садъ, но прежде онъ былъ еще больше; тутъ проложили впослѣдствіи времени нѣсколько улицъ, обратили одну часть въ плацъ-парадъ, а оранжерею въ казармы; остальная часть открыта публикѣ. Изъ четырехъ симметрически выстроенныхъ въ Новомъ городѣ дворцовъ, два заняты особами королевской фамиліи, а два другихъ—верховнымъ судомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ непосредственномъ соединеніи съ этими четырьмя дворцами находятся три другіе дворца: дворецъ наслѣднаго принца Фредерика Фердинанда, дворецъ принца Фредерика Гессенскаго и дворецъ принца Христіана Датскаго. Затѣмъ тутъ находятся: госпиталь Фредерика, общій госпиталь, родильный домъ, хирургическая академія, библіотека Классена, увеселительное мѣстечко Казино, построенное 1846 г., а въ 1848 г. обращенное въ театръ. Кромѣ этого въ Копенгагенѣ находится еще нѣсколько заведеній военнаго и морскаго вѣдомства, перечислять которые было-бы слишкомъ долго. Особенную красу городу придаетъ то, что на каждомъ шагу вы переходите прямо къ пышной и свѣжей растительности, свойственной датскимъ островамъ, гдѣ великолѣпные буковые лѣса смѣняются плодородными полями и роскошными лугами, а маленькія озера, равно какъ открывающіеся мѣстами проблески моря, даютъ разнообразіе и жизнь ландшафту.

Въ Копенгагенѣ, какъ административномъ центрѣ Даніи, находятся всѣ главныя правительственныя мѣста, и въ то же время онъ является стоянкой военнаго флота и средоточіемъ торговли и промышленности, также какъ и науки, искуства и литературы. Народонаселеніе Копенгагена составляетъ 10 процентовъ съ народонаселенія всей страны и увеличилось въ болѣе значительной пропорціи, чѣмъ въ какой либо другой части государства.

Въ 1801 г. въ немъ было 100,957 жителей, въ 1855 г. 143,591, а въ 1860 г. 155, 143.

Въ *торговомъ отношеніи* Копенгагенъ имѣетъ великое значеніе не только для Даніи, но и для всего свѣта, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1862 г. Данія, судя по официальнымъ источникамъ (гдѣ стоимость торговыхъ статей, въ особенности относительно вывоза, опредѣлена еще слишкомъ низко) сдѣлала обороту на 56.691,363 государственныхъ банковыхъ талеровъ, именно: ввезено на 38.968,879, а вывезено на 17.722,484. Изъ этого приходится на одинъ Копенгагенъ 33,042,760 государственныхъ банковыхъ талеровъ, именно ввезено на 25.480,606, а вывезено на 7.562,154. Въ гавани всего вообще государства приставало 31,094 судна, которыя могли вмѣстить въ себя 480,640 коммерческихъ ластовъ (по 2 англійскихъ тонны); изъ нихъ на одинъ Копенгагенъ приходится 8,004 судна въ 176,000 коммерческихъ ластовъ. Изъ всѣхъ вообще гаваней вышло 31,001 судовъ въ 475,428 коммерч. ластовъ, изъ которыхъ на одинъ Копенгагенъ приходится 7739 судовъ въ 170,721 коммерч. ластовъ, несчитая пароходовъ и проходившихъ мимо судовъ. Иностранная торговля велась всего живѣе съ Англіей, Швеціей, Россіей и Пруссіей. Посредствомъ постояннаго пароходства Копенгагенъ находится въ соединеніи не только съ датскими гаванями, но и со всѣми главными торговыми мѣстами сосѣднихъ земель. Съ мѣстностями на островѣ Зеландіи Копенгагенъ соединенъ, частію хорошими шоссе, частію же тремя желѣзными дорогами.

Промышленность Копенгагена быстро возрастаетъ и можетъ выдержать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соперничество съ иностранною. Въ 1860 г. въ Копенгагенѣ было 25 типографій, 18 желѣзныхъ и металлическихъ литейныхъ вмѣстѣ съ фабриками машинъ, 2 фаянсовыхъ фабрики, 18 кожевенныхъ заводовъ, 22 фабрики различныхъ матерій и 3 суконныхъ, 33 фабрики табаку и сигаръ, 6 сахарныхъ заводовъ, 10 шоколадныхъ фабрикъ, 10 ватныхъ, 4 масляныхъ мельницы, одна большая мельница для рису и муки, нѣсколько винныхъ заводовъ, въ томъ числѣ 10 паровыхъ, 30 слишкомъ пивоварень и около 40 различныхъ фабрикъ меньшаго размѣра. Съ 1857 г. городъ освѣщается газомъ, а съ 1859 г. владѣетъ водопроводомъ, съ самою хорошею водою, въ которой врежде онъ терпѣлъ недостатокъ.

Копенгагенъ построенъ въ XI вѣкѣ и въ немъ жили сначала одни купцы, отчего и произошло его названіе *Kjöbenhavn*, т. е. купеческая гавань. Для защиты отъ морскихъ разбоевъ купцамъ этимъ была необходима крѣпость—и ее построилъ роскильдскій епископъ Якобъ Эрланденъ и получилъ за это отъ короля Вальдемара 1. въ подарокъ островокъ, на которомъ стояла крѣпость, равно какъ и прилежащія деревни. Вскорѣ послѣ этого Копенгагенъ началъ быстро возрастать. Уже въ половинѣ XIII вѣка онъ получилъ городскія права и короли взяли обратно у епископовъ то, что прежде имъ подарили. При королѣ Христофорѣ Баварскомъ, въ XV вѣкѣ, Копенгагенъ сдѣлался резиденціею и съ тѣхъ поръ остался ею навсегда. Но ни одинъ король не сдѣлалъ столько для Копенгагена, какъ Христіанъ IV. Онъ его укрѣпилъ, возвысилъ его торговлю, обстроилъ и оставилъ своимъ преемникамъ могущественный и сильный городъ, устоявшій впослѣдствіи противъ страшныхъ политическихъ бурь, какъ напр. въ царствованіе Фредрика III, когда Данія навѣрное погибла-бы, если-бы Копенгагенъ не выдержалъ нападенія шведскаго короля Карла X. Самый сильный ударъ нанесенъ былъ Копенгагену въ 1807 г., когда англичане, узнавъ, о намѣреніи Наполеона 1 присоединить къ своему флоту датскій и русскій съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ Англіи, приступили къ Копенгагену съ моря, сильнымъ бомбардированіемъ сожгли больше 400 домовъ и заставили датчанъ выдать свой флотъ. Арсеналы были разграблены—и что еще осталось нетронутымъ, то уничтожила война. Нынѣ Копенгагенъ возобновленъ. но прежнее его богатство все еще не возвратилось.

Внутреннее обозрѣніе.

Наши войска на пути въ Хиву.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатаны слѣдующія извѣстія:

Переходъ отъ уроч. Бишъ-акты къ Ильтеидже (около 250 верстъ) совершенъ былъ Мангышлакскимъ отрядомъ вполнѣ благополучно: всюду находима была хорошая, почти прѣсная, вода, отличный подножный кормъ и топливо въ изобиліи. Не смотря на чрезвычайные (по тому времени года—вторая половина апрѣля) жары отъ 30 до 35 градусовъ, войска шли безъ всякаго изнуренія, больныхъ было очень мало, и верблюды не только не приставали, но даже поправились отъ хорошаго корма.

Между кол. Бусага и Каракыномъ отрядъ вступилъ на Усть-Уртъ, по совершенно пологому, едва замѣтному подъему. Чинкъ (окраина Усть-Урта) возвышается здѣсь саженъ на 400 надъ окружающею мѣстностію. Характеръ Усть-Урта въ этомъ мѣстѣ мало отличается отъ общаго характера другихъ мѣстностей Мангышлака. Та же растительность—полынь, представляющая въ это время года хорошій кормъ для лошадей и верблюдовъ, да небольшіе кусты саксаула и гребенщика. Изъ животныхъ встрѣчались только однѣ ящерицы огромныхъ размѣровъ.

Колодцы на Усть-Уртѣ вообще оказались не особенно глубокими и почти всѣ съ хорошей прѣсной водой; въ одномъ только мѣстѣ, въ Каныре, глубина колодца была до 30 саженъ, въ прочихъ же не болѣе какъ отъ 10 до 15 саженъ.

Почти весь Усть-Уртъ, по главному караванному пути, перерѣзанъ сотнею верблюжьихъ тропъ, указывающихъ на бывшее нѣкогда большое караванное движеніе между Хивою и Мангышлакомъ.

У Ильтеидже выбрано было удобное мѣсто для устройства опорнаго пункта и выстроенъ редутъ, занятый гарнизономъ изъ одной роты, который предполагалось усилить еще ротою.

За нѣсколько дней до прибытія на урочище Ургу, начальникъ Оренбургскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Веревкинъ, обратился съ воззваніями къ туркменамъ и каракалпакамъ, приглашая этихъ кочевниковъ оставаться спокойными и отказаться отъ безполезнаго сопротивленія. Киргизамъ же, бѣжавшимъ въ Хиву, послѣ бывшихъ въ Оренбургской степи волненій, обѣщано было помилованіе, подъ условіемъ полной покорности и немедленнаго возвращенія къ своему долгу. Результатомъ этого воззванія было то, что по приходѣ отряда на Ургу, 2-го и 3-го мая, всѣ важнѣйшіе предводители бывшихъ шаекъ явились къ генералу Веревкину съ повинною. Они оставлены быти при отрядѣ, въ надеждѣ, что могутъ принести ему не малую пользу при дальнѣйшемъ движеніи отряда въ глубь страны.

Подходя къ мысу Ургу, мы ожидали встрѣтить здѣсь первыхъ хивинцевъ, такъ какъ извѣстно было, что на этомъ пунктѣ въ послѣднее время возведено ими небольшое укрѣпленіе, Джаныкала. Дѣйствительно, укрѣпленіе это оказалось расположеннымъ

въ 6—8 верстахъ отъ самаго мыса, но гарнизонъ его успѣлъ еще заранѣе уйти, такъ что наши киргизы-джигиты видѣли лишь одного всадника, спасавшагося отъ нихъ.

Крѣпость расположена квадратомъ и занимаетъ до 400 сажень въ окружности; высота крѣпостныхъ стѣнъ до 2 сажень; стѣны сложены изъ дряннаго кирпича и смазаны глиной; въ крѣпости находятся лишь ворота, 4 сакли и конюшня; никакихъ деревянныхъ построекъ не имѣется; только посерединѣ крѣпости стоитъ нѣсколько кибитокъ, прикрытыхъ камышевыми циновками. Въ первую же ночь по прибытіи отряда въ эту крѣпость явились съ повинной извѣстныя уже личности по прежнимъ степнымъ проказамъ: Арасланов (штабсъ-капитанъ русской службы), Ас-Бергенъ (участникъ по извѣстному дѣлу полковника Рукина), Кунебаръ и еще трое какихъ-то киргизовъ изъ числа непринявшихъ «Положенія». Теперь только отдались они въ руки русской власти и правосудія, обязавшись всѣми средствами содѣйствовать отряду. Затѣмъ явились къ генералу Веревкину 12 хивинцовъ, съ просьбою дозволить имъ слѣдовать съ караваномъ, изъ 32 верблюдовъ, въ Оренбургъ, что и было имъ разрѣшено. На дняхъ, какъ слышно, было дѣло у флотиліи съ хивинцами, кончившееся тѣмъ, что съ нашей стороны ранено 8 человѣкъ, а двое хивинцевъ убиты. Каракалпаки толпами являются въ отрядъ съ изъявленіемъ покорности.

Отъ Ургу генералъ-лейтенантъ Веревкинъ предполагалъ пересѣчь высохшее устье Айбугирскаго залива и итди по кратчайшему направленію къ Кунграду, вдоль канала Джана-джапъ.

Айбугирскій заливъ мы нашли высохшимъ, равно какъ и самое Аральское море—верстъ на 10 и даже болѣе отъ Ургу. Островъ Такмакъ-ата, лежавшій верстахъ въ 30-ти къ сѣверу отъ устья Айбугира, соединился уже съ материкомъ и превратился въ полуостровъ. Вообще, обмеленія южныхъ береговъ Арала и западныхъ рукавовъ Аму-дарьи должны были не мало затруднить плаваніе пароходовъ нашей флотиліи; они вошли въ Ульхунъ-дарью (рукавъ Аму, считающійся главнымъ русломъ рѣки), но, не доходя верстъ 40 до Кунграда, задержаны были мелководіемъ. По слухамъ хивинцы запрудили Ульхунъ-дарью плотинами, почему почену она и сдѣлалась такою мелкою. Талдыкъ (крайній западный рукавъ Аму) также перегороженъ плотинами для орошенія полей, и въ концѣ своемъ пересохъ.

8-го мая генералъ-лейтенантъ Веревкинъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ достигъ до гор. Кунграда. Мѣстность, по которой пришлось двигаться отряду, хотя и изрыта множествомъ арыковъ, не представляла однако слишкомъ большихъ затрудненій: потребовалось исправить лишь нѣкоторые мосты и срыть нѣсколько спусковъ для удобнѣйшаго слѣдованія обоза.

Съ послѣдняго, передъ Кунградомъ, ночлега на уроч. Ас-бергень-бакъ (въ 13 верст. отъ Кунграда) генераломъ Веревкинымъ высланъ былъ, верстъ за пять впередъ авангардъ, изъ трехъ казачьихъ сотенъ съ ракетными станками для охраненія мостовъ чрезъ арыки. Еще за четыре дня до прибытія оренбугскаго отряда къ Кунграду, около него находилось вооруженное хивинское скопище безъ артиллеріи, подъ начальствомъ джасаула Мамыта. Скопище это, не занимая самаго города, жители котораго при приближеніи хивинцевъ разбѣжались, расположилось правымъ флангомъ къ городу, нѣсколько позади его, выславъ передовыхъ всадниковъ къ канавамъ и небольшимъ садамъ, верстахъ въ двухъ отъ Кунграда. При приближеніи нѣсколькихъ джигитовъ, посланныхъ изъ отряда генерала Веревкина къ городу для развѣдокъ и открывшихъ стрѣльбу, люди эти обратились въ бѣгство.

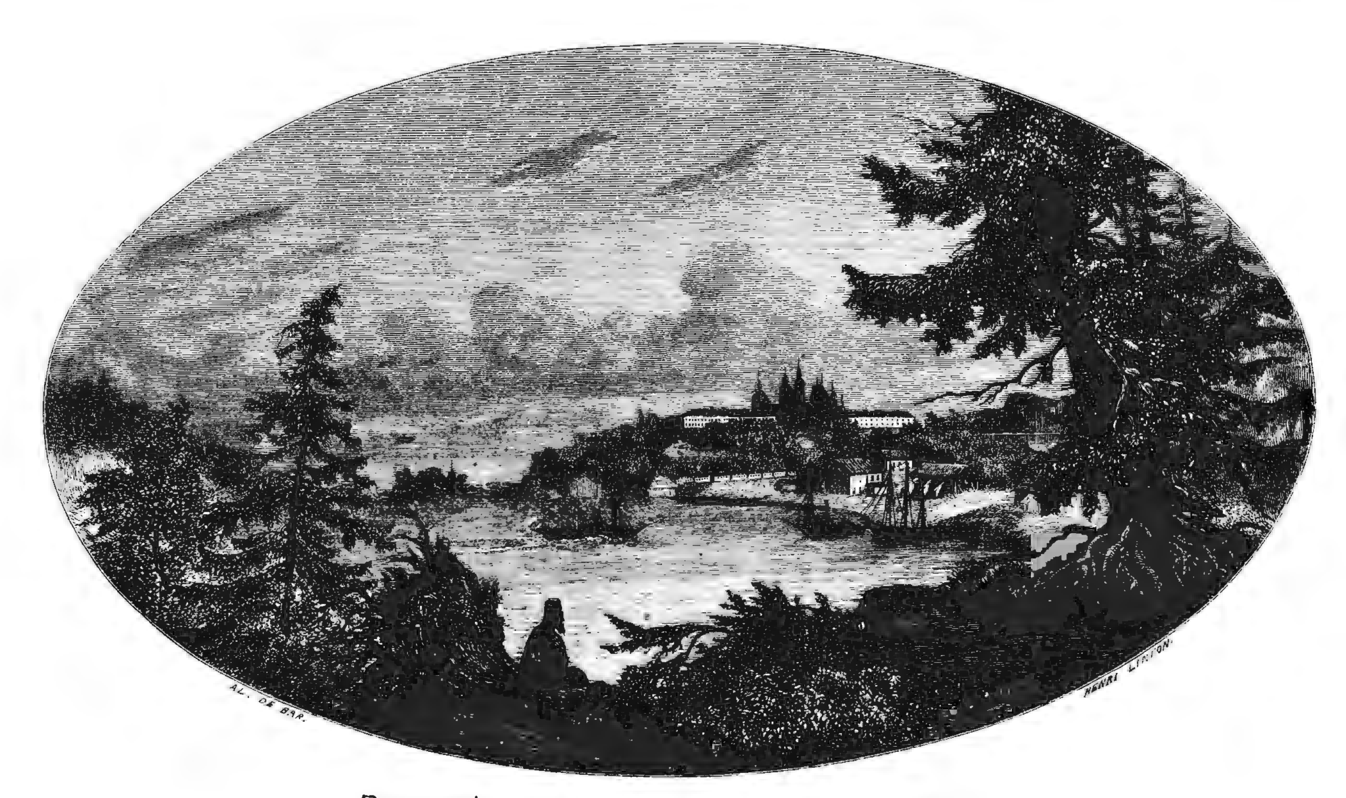
Верстахъ въ трехъ не доходя до Кунграда, мѣстность представляетъ дефиле, образуемое арыками, съ высокими насыпями и садами. Для прикрытія дебушированія отряда изъ этого дефиле генералъ Веревкинъ выслалъ впередъ полковника Леонтьева съ тремя сотнями, которымъ поручено было также открыть расположеніе непріятеля и, въ случаѣ его бѣгства, настойчиво преслѣдовать его. Но оказалось, что хивинское скопище поспѣшило уйти еще ранѣе появленія нашего авангарда изъ-за насыпи арыка, и захвачено было казаками лишь двое отсталыхъ.

Слѣдуя за авангардомъ, главныя силы отряда прошли верстъ восемь далѣе за Кунградъ, по дорогѣ къ Ходжейли, и такъ какъ дальнѣйшее преслѣдованіе хивинцевъ, по пересѣченной арыками мѣстности, представлялось безцѣльнымъ, то, оставивъ авангардъ изъ трехъ сотенъ на мѣстѣ, генералъ Веревкинъ отвелъ свой отрядъ назадъ, къ г. Кунграду, около котораго и расположился лагеремъ. Высланные отъ авангарда разъѣзды на 15 верстъ впередъ не открыли непріятеля. По свѣдѣніямъ, бѣжавшее отъ Кунграда скопище скрылось, верстахъ въ 30 отъ этого города, хивинскій отрядъ въ 3,000 человѣкъ при двухъ орудіяхъ, шедшій на помощь подъ начальствомъ мехтера. Отрядъ этотъ повернулъ также назадъ и расположился на протокѣ Карабайлы (одинъ изъ рукавовъ Аму-дарьи), верстахъ въ 50 отъ Кунграда, по направленію къ Ходжейли.

Кунградъ оказался почти совершенно пустымъ и въ развалинахъ, такъ какъ городская стѣна и часть жилищъ, послѣ разрушенія ихъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, во время междоусобій хивинцевъ съ туркменами, не возобновлялись. Въ городѣ имѣется ханскій дворецъ, служащій мѣстомъ жительства кунградскаго бека, но онъ въ совершенномъ упадкѣ: вся стоимость его можетъ быть опредѣлена не болѣе, какъ въ 200 рублей, такъ какъ цѣнность въ немъ имѣетъ одинъ лѣсъ, употребленный на его постройку. Хотя почти все имущество было вывезено изъ города, но въ домахъ ханскихъ чиновниковъ найдено до тысячи пудовъ хлѣба, состоящаго почти исключительно изъ неочищеннаго риса и джугары. Вскорѣ жители понемногу начали возвращаться въ городъ, приводя для продажи быковъ и барановъ.

5-го іюня, получены телеграфическимъ путемъ отъ Его Высочества главнокомандующаго кавказскою арміею слѣдующія извѣстія о дѣйствіяхъ мангышлакскаго и оренбургскаго отрядовъ:

«Полковникъ Ломакинъ, изъ лагеря подъ гор. Китай, въ трехъ переходахъ отъ гор. Хивы, отъ 21-го мая, доноситъ, что послѣ громадныхъ трудовъ и лишеній, при чрезвычайномъ зноѣ, ввѣрен-



Валаамскій монастырь. Рис. А. де-Баръ, грав. Лентонъ.

Видъ города Копенгагена.

ный ему отрядъ, пройдя съ значительною быстротою Усть-Уртъ, считавшійся до сего времени совершенно непроходимымъ для значительнаго отряда войскъ, 14-го мая соединился за Кунградомъ съ войсками оренбургскаго отряда. 15-го мая, послѣ 50-ти верстнаго перехода, сдѣланнаго наканунѣ, войска соединенныхъ отрядовъ заняли съ боя Ходжейли, причемъ непріятель, въ числѣ 6,000 чел. при 6-ти орудіяхъ, съ потерею бѣжалъ, бросивъ одно орудіе. У насъ ранено 2 нижнихъ чина. Еще до этого дѣла къ полковнику Ломакину явились: нашъ бѣглецъ Кальбинъ и многіе почетные люди и старшины изъ киргизовъ и изъ хивинскихъ туркменъ, съ изъявленіемъ покорности и съ предложеніемъ сдать занятые ими города: Куня-Ургенчъ, Порсу, Кокчеге и Кизылъ-Тагиръ. 20-го мая происходило новое жаркое дѣло при занятіи укрѣпленнаго города Мангыта. Іомуды, въ числѣ до 3,000, при 3-хъ орудіяхъ, съ самаго выступленія отряда съ ночлега, нѣсколько разъ атаковали наши войска, но каждый разъ были отбрасываемы съ большимъ урономъ. Мы потеряли убитыми и ранеными 15 человѣкъ. Городъ Мангытъ взятъ, раззоренъ и сожженъ. Состояніе духа и здоровья войскъ отряда отличное; больныхъ очень мало. По слухамъ, дошедшимъ до отряда, генералъ-адъютантъ Кауфманъ переправился черезъ Аму-дарью, у Шурахана, и находился въ Ханки, въ двухъ переходахъ отъ гор. Хивы».

9 іюня, изъ Ауліе-эта получено въ «Русскій Инвал.» телеграфическимъ путемъ слѣдующее донесеніе генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана:

«Туркестанскій отрядъ 18 мая овладѣлъ переправою черезъ Амударью между городами Питнякомъ и Ханки и переправился на лѣвый берегъ рѣки, причемъ воспользовался также и перевозочными средствами, отбитыми у непріятеля. Окончивъ переправу, отрядъ двинулся къ укрѣпленному городу Хазаръ-аспу».

22 мая посланъ былъ на фуражировку отрядъ изъ двухъ ротъ пѣхоты, который, въ шести верстахъ отъ Хазаръ-аспа, встрѣтилъ непріятеля, подъ начальствомъ Магометъ-Ніаза. Завязалось дѣло въ садахъ. Въ подкрѣпленіе нашему отряду немедленно посланы были еще двѣ роты съ двумя орудіями, подъ командою Его Высочества Великаго Князя Николая Константиновича. Гранаты, пущенныя въ толпы конныхъ хивинцевъ, нанесли имъ сильный уронъ. У насъ опасно ранены одинъ офицеръ и рядовой.

Съ разсвѣтомъ, 23 числа, весь туркестанскій отрядъ двинулся къ стѣнамъ Хазаръ-аспа. Непріятель бѣжалъ въ паникѣ, и одна изъ самыхъ сильныхъ хивинскихъ крѣпостей взята была безъ боя. Четыре орудія, тѣ самыя, которыя дѣйствовали наканунѣ противъ передоваго нашего отряда, нѣсколько фальконеговъ, множество палатокъ и военныхъ запасовъ досталось въ наши руки.

16-го сего іюня изъ Чемкента получена отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Войска Оренбургскаго, Кавказскаго и Туркестанскаго округовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысяче-верстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ пришлось совершить, храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить имъ путь къ цѣли движенія—къ городу Хивѣ, и, разбивъ на всѣхъ пунктахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно вошли и заняли, 29-го минувшаго мая, павшую передъ ними столицу ханства.

31-го мая, въ годовщину рожденія Императора Петра Великаго, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе Государя Императора и панихида за упокой Петра I и сподвижниковъ, убіенныхъ въ войнѣ съ Хивой.

Ханъ хивинскій не выждалъ отвѣта отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана на сдѣланное Ханомъ предложеніе покорности и сдачи себя и ханства, и, увлеченный воинственною партіею, бѣжалъ изъ города, и скрывается нынѣ среди іомудовъ, неизвѣстно въ какой именно мѣстности.

Войска всѣхъ трехъ отрядовъ бодры, веселы и здоровы».

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

Ея Величество Государыня Императрица, прибывъ 5-го іюня въ 7½ часовъ на „Эрикликѣ“ *въ Генуто*, изволила въ тотъ же день отправиться далѣе, на встрѣчу Государю Императору. Оставшись вполнѣ довольна пароходомъ, Ея Величество, уѣзжая, изволила выразить свою полную благодарность.

17-го (29-го) іюня, Ея Величество Государыня Императрица съ ихъ Императорскими Высочествами Великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами и Великою Княжною Маріею Александровною изволили прибыть вечеромъ въ Эмсъ въ вожделенномъ здравіи и проведутъ здѣсь нѣсколько дней. Ея Величество Королева Виртембергская Ольга Николаевна уѣхала 17-го іюня, пробывъ здѣсь два дня. Государь Императоръ изволилъ продолжать курсъ водъ, которыя оказываютъ благотворное вліяніе на здоровье Его Величества.

Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволилъ прибыть въ Иркутскъ 12 іюня, въ 7 часовъ вечера, въ вожделенномъ здравіи.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія.

I.

Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, 29-го мая 1872 года, Высочайше повелѣть соизволилъ, согласно съ представленіемъ Министра Финансовъ: Высочайше утвержденный 18-го марта 1871 года срокъ для окончательнаго обмѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ продолжить на шесть мѣсяцевъ, назначивъ послѣднимъ срокомъ онаго для всѣхъ губерній Европейской Россіи, за исключеніемъ Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи, а также для Царства Польскаго—1-е января 1873 г., для жителей же Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи и для Сибирскаго, Туркестанскаго и Закавказскаго краевъ—1-е іюля того же года.

II.

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ записку Министра Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу о порядкѣ направленія дѣлъ объ имущественной отвѣтственности мятежниковъ, убитыхъ въ шайкахъ или безъ вѣсти пропавшихъ во время и послѣ польскаго мятежа, и принявъ во вниманіе: а) что со времени прекращенія помянутаго мятежа протекло уже 9 лѣтъ; б) что заочный судъ по Военно-Уголовному Уставу не допускается, а слѣдовательно невозможно и опредѣленіе имущественной отвѣтственности лицъ убитыхъ въ мятежническихъ шайкахъ или безъ вѣсти пропавшихъ во время и послѣ мятежа, и в) что Его Величеству еще 3-го декабря 1864 г. благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы наказаніе конфискаціею, какъ и смертная казнь, назначалось сколь можно рѣже и лишь въ исключительно важныхъ случаяхъ—мнѣніемъ положилъ: испросить Всемилостивѣйшее соизволеніе Его Императорскаго Величества на прекращеніе по западнымъ губерніямъ всѣхъ производящихся еще дѣлъ о конфискаціи имѣній по мятежу 1863 г. и на не вчиненіе впредь новыхъ конфискаціонныхъ по сему мятежу дѣлъ.

Государь Императоръ, 11-го мая 1873 года, на сіе Всемилостивѣйше соизволилъ.

По случаю предстоящаго открытія Нижегородской ярмарки будетъ сдѣлано распоряженіе объ учрежденіи на самой ярмаркѣ Почтоваго Отдѣленія для пріема и выдачи корреспонденціи всякаго рода. Вслѣдствіе сего и въ видахъ безостановочной пересылки на ярмарку помимо Нижегородской Почтовой Конторы, Почтовый Департаментъ приглашаетъ посылающихъ корреспонденцію на означенную ярмарку писать на оболочкахъ ея „въ Нижній-Новгородъ, на ярмарку“.

Промышленность.

Изъ свѣдѣній о частной золотопромышленности въ Восточной Сибири за 1872 г. видно, что всего въ 1872 году добыто золота 1.548 пудовъ 34 фунта 78 золотниковъ 69¼ долей, противъ 1871 г. менѣе на 120 пуд. 38 фунт. 25 долей.

Въ продолженіе 1872 года доставлено въ Иркутскую золотосплавную лабораторію добытаго въ предѣлахъ Восточной Сибири (кромѣ Енисейской губерніи и Нижнеудинскаго округа, Иркутской губерніи, откуда металлъ доставляется въ Барнаулъ) шлиховаго золота 1.081 пудъ 20 фунт, 91 зол. 35 дол; по сплавѣ получено лигатурнаго металла 1.058 пуд. 27 фун. 87 зол. 12 долей, на сумму 13.562.109 р. 67¾ к. с.

Золото отправлено изъ Иркутска на С.-Петербургскій Монетный Дворъ въ 1872 году на трехъ караванахъ.

Съ 19-го апрѣля *изъ моря въ Донъ сильно шли сельди*, которыя въ огромномъ количествѣ ловились по 15-е мая. Во время весны пріѣзжаютъ въ устья Дона изъ верховыхъ станицъ казаки для ловли рыбы. Изъ нихъ рѣдко кто имѣетъ снасти для сельдей—онѣ большею частію приспособлены для ловли суды, чебака, сома и пр. Ловъ свой казаки продолжаютъ до сѣнокосной поры, такъ что въ это время не увидишь ни одного изъ нихъ въ низовьяхъ Дона. Многіе рыбаки въ настоящій ловъ поймали сельдей отъ 17 000 до 180.000 штукъ и сбывали ихъ въ Ростовѣ сырьемъ за тысячу отъ 3 до 5 р., а въ соленомъ видѣ отъ 5 до 8 р. Въ устьяхъ Дона ловились сельди въ такомъ громадномъ количествѣ, что рыбаки пріостановили ловъ, потому что у нихъ не доставало посуды для соленья, а сырьемъ продавать было некому.

Въ теченіе прошлаго года, какъ видно изъ отчета *о состояніи горнаго и солянаго промысловъ въ Донской области*, добыто антрацита и каменнаго угля 20.158.802 пуда. при разсмотрѣніи общаго количества добытаго антрацита и каменнаго угля нельзя не замѣтить быстраго возрастанія этой цифры за послѣдніе четыре года. Возрастаніе это особенно замѣтно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, гдѣ за послѣднее время добыча эта увеличилась съ 864.000 до 4.447.000 пуд. въ годъ. Цѣны на антрацитъ и каменный уголь на мѣстахъ добычи были слѣдующія: въ крупныхъ кускахъ отъ 5 до 10 к. въ мелкихъ отъ 4—8 к., въ Новочеркаскѣ же антрацитъ продавался отъ 8 до 14 коп.

Добыча соли на Манычскихъ соляныхъ озерахъ въ прошломъ году было гораздо удачнѣе предшествовавшаго года. Такъ, въ теченіе лѣта 1872 г. добыто было соли на всѣхъ Манычскихъ озерахъ 1 347.334 пуда, болѣе чѣмъ въ 1871 г. на 482.000 пуд. Такой огромной цифры добыча соли на Манычскихъ озерахъ еще не достигала ни въ одинъ изъ предшествовавшихъ пяти лѣтъ. Частной соли въ теченіе 1872 г. на Манычскихъ озерахъ добыто 1.183.620 пуд. Весь чистый доходъ войска отъ солянаго промысла простирался до 43.000 руб.

Исключая расходы на содержаніе администраціи по горному и соляному промысламъ (около 19.000 руб.), въ прошломъ году оба эти промысла дали войску чистаго дохода около 57.000 рублей.

Замѣченное въ Архангельской губерніи передвиженіе бѣлки наблюдалось и въ Каргополѣ со второй половины апрѣля и продолжается до сихъ поръ—вообще чрезъ здѣшніе лѣса; эмиграція бѣлокъ совершается съ востока къ сѣверу и, по отзывамъ старожиловъ, обѣщаетъ урожай на сѣверѣ еловыхъ и сосновыхъ шишекъ, составляющихъ пищу бѣлокъ. Съ половины мая количество бѣлки замѣтно уже уменьшилось; стада ея пошли далѣе къ сѣверу; поэтому осенью въ здѣшней мѣстности не обѣщаютъ хорошаго промысла на этого звѣрька.

Торговля.

Изъ обзора торговли въ Одессѣ за май видно, что благопріятное положеніе англійскаго зерноваго рынка продолжалось почти весь мѣсяцъ, но къ концу, вслѣдствіе новыхъ значительныхъ предложеній изъ Америки, цѣны понизились отъ двухъ до трехъ шиллинговъ на квартеръ. Во Франціи, напротивъ, положеніе осталось хорошимъ и цѣны поддерживаются, тѣмъ болѣе, что урожай въ сѣверныхъ провинціяхъ оказывается сомнительнымъ, вслѣдствіе несвоевременныхъ холодовъ.

Продано въ маѣ: озимой пшеницы 9.800 четв., сандомирки 400 четв., гирки 97.300 четв., ржи 46.200 четв., кукурузы 3.890 четв., ячменя 700 четв., льнянаго сѣмени 600 четв., сурѣпы 800 четв. Слѣдовательно вся сумма сдѣлокъ за май достигла 159.600 четвертей.

На открывшуюся *въ Харьковѣ Троицкую ярмарку* привезено по 6-е іюня испанской грязной шерсти 280.000 пуд., перегону 75.000, овчины палой 24.000. Эти цифры приблизительны, такъ какъ съ каждымъ часомъ продолжается подвозъ, и теперь уже можно сказать, что количество шерсти будетъ болѣе прошлогодняго на 100.000 пуд.

Шерстяная ярмарка въ Варшавѣ, начавшаяся 3-го іюня, представляетъ—пишутъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ“—еще мало интереса по незначительному подвозу шерсти; причина этого—бывшіе въ маѣ дожди и холодъ затруднившіе своевременную стрижку овецъ. Промывка шерсти въ настоящемъ году довольно удачна. Всего продано около 2.500 пуд. съ пониженіемъ 3—5 талеровъ противъ прошлогоднихъ цѣнъ, а именно: платили за тонкіе сорты 100—110 талеровъ, за средніе 82—90 талеровъ, съ другими сортами еще не было сдѣлокъ.

Постройки.

Въ Кронштадтѣ вдоль лѣтняго сада по Петровской улицѣ поставлена новая чугунная рѣшетка. Рѣшетка эта, съ массивными воротами въ трехъ мѣстахъ, отлита художественно на здѣшнемъ пароходномъ заводѣ по рисункамъ архитектора г. Виндельбанта, построившаго прекрасное зданіе сиротскаго дома и въ настоящее время строющаго новое каменное зданіе театра.

Въ *Ялтѣ* и ея окрестностяхъ—пишутъ въ „Николаевскомъ Вѣстникѣ“—въ настоящее время сооружается много новыхъ построекъ.

Тамъ образовалось общество—*для устройства въ Ялтѣ большой гостинницы* въ 150 нумеровъ, съ цѣлію удовлетворенія всевозможнымъ надобностей посѣтителей южнаго берега. Мѣсто для этого заведенія уже пріобрѣтено; начали свозить матеріалъ и приступили къ нивеллировкѣ для постройки, которая должна быть готова вчернѣ къ 1-му марта будущаго года.

Въ Ташкентѣ сооружена обсерваторія и учреждены метеорологическія станціи въ различныхъ пунктахъ округа. Прозрачный воздухъ, безоблачное небо всегда были условіями какъ нельзя болѣе благопріятными для устройства обсерваторіи въ Средней Азіи. Одна изъ древнѣйшихъ обсерваторій, учрежденная Тимуромъ въ Самаркандѣ, ознаменовала себя въ свое время важными заслугами для астрономіи. Но вскорѣ, какъ извѣстно, науки и знанія въ Средней Азіи заглохли, и воцарилось полнѣйшее невѣжество. Приходъ русскихъ вглубь центральной Азіи естественно долженъ внести новую эру въ жизнь народовъ, ее населяющихъ. Не болѣе

какъ въ одинъ годъ, съ небольшими средствами, вблизи Ташкента сооружены зданіе обсерваторіи и домъ, находящіеся въ трехъ верстахъ отъ города, на возвышенной мѣстности, дающей возможность безпрепятственно наблюдать во всѣ стороны. Стоимость Ташкентской обсерваторіи обойдется въ 28,000 рублей.

Метеорологическія наблюденія, кромѣ Ташкентской обсерваторіи, будутъ производиться на 18 станціяхъ въ различныхъ пунктахъ Туркестанскаго Края. Нынѣ уже устроены станціи въ слѣдующихъ пунктахъ: въ фортѣ № 1, на Татариновской каменно-угольной копи, въ Ходжентѣ, въ Ура-Тюбе, въ Самаркандѣ и въ Катты-Курганѣ. Всѣ частныя наблюденія на станціяхъ будутъ сосредоточиваться на главной, при обсерваторіи въ Ташкентѣ.

Научныя цѣли въ Туркестанскомъ Краѣ преслѣдуются и другимъ учрежденіемъ, открытымъ и дѣйствующимъ съ 19-го декабря 1869 года, именно *Ташкентской Химической Лабораторіей*.

Въ настоящее время въ Петербург. Городской Думѣ, какъ извѣстно, разрабатывается вопросъ о болѣе успѣшномъ снабженіи города водою изъ водопроводныхъ трубъ петербургскаго Общества водопроводовъ, и обсужденіе этого дѣла производится въ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Паукера.

ПРОИСШЕСТВІЯ.

— Корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» сообщаетъ о слѣдующей оригинальной дуэли. Въ Ростовѣ-на-Дону гг. Б. и С. поспорили изъ за коварной ревности и пошли „спрашивать смерти", кто изъ нихъ правъ. Приготовленія къ дуэли дѣланы были по всѣмъ правиламъ искусства. Раздалась команда секунданта. А. прицѣлился, цѣлился прямо въ лобъ Б., выстрѣлилъ... и попалъ прямо — въ стоявшую въ сторонѣ пролетку. Затѣмъ, бросивъ пистолетъ, А. подошелъ къ Б. и закатилъ ему двѣ увѣсистыя пощечины. Б., находя этотъ новый способъ дуэли чрезвычайно остроумнымъ, далъ А. сдачи тоже двѣ пощечины. Затѣмъ враги мирно обнялись и направились въ городъ.

Изъ Ставрополя-Кавказскаго, пишутъ что 29-го мая въ этомъ городѣ, въ четыре часа пополудни, небо вдругъ заволокло тучами, подулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, а черезъ четверть часа разразилась буря, причемъ шелъ градъ, величиною съ грецкій орѣхъ—и на столько значительный, что черезъ десять минутъ земля на вершокъ покрылась сплошною ледяною корою. Въ половинѣ пятаго градъ смѣнился ужаснѣйшимъ ливнемъ, улицы буквально превратились въ рѣки. Въ пять часовъ дождь почти пересталъ; но въ это короткое время дома остались безъ стеколъ, а огороды, поля и луга сильно пострадали.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

— «Варшавскій Дневникъ сообщаетъ, что на Вѣнскую всемірную выставку отправленъ изобрѣтенный варшавскимъ губернскимъ инженеромъ Маевскимъ *графическій инструментъ, названный «планиметромъ»*. Инструментъ этотъ служитъ нетолько въ исчисленію поверхностей всякаго рода фигуръ, даже самыхъ неправильныхъ на планахъ, но и къ ихъ раздѣлу по произволу, Планиметръ Маевскаго, простой конструкціи, крѣпко построенный, даетъ возможность даже не техникамъ въ короткое время познакомиться со способомъ его употребленія; даже движенія инструмента несовсѣмъ вѣрною рукою не ведутъ къ ошибкамъ. Извѣстно, какую важную роль во всякомъ чертежѣ представляетъ масштабъ; начерченіе вѣрнаго масштаба требуетъ много времени и самыхъ отличныхъ графическихъ инструментовъ для представленія съ математическою точностью даннаго отношенія къ натуральной величинѣ. Г. Маевскій чертилъ своимъ планиметромъ, съ значительною быстротою, разные масштабы съ точностью, превосходящею употребляемый доселѣ способъ посредствомъ циркуля. Однимъ словомъ, инструментъ этотъ имѣетъ важное научное значеніе, замѣняя механическимъ дѣйствіемъ техническо-умственный трудъ.

АРХЕОЛОГІЯ.

Нумизматическое собраніе музея „Туркестанскаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ"—музея, помѣщающагося пока при Ташкентской Технической Лабораторіи, обогатилось недавно *небольшою коллекціею серебряныхъ монетъ; греко-биктрійскихъ, византійскихъ и бухарскихъ* (въ количествѣ *двѣнадцати*). Изъ нихъ одна, древнѣйшая въ хронологическомъ отношеніи, величиною въ старый серебряный рубль, но вполовину тоньше, имѣющая довольно-хорошо сохранившуюся греческую надпись и изображенія, относится ко времени индійско-бактрійскаго царя *Димитрія* (сына и наслѣдника *Эвөидемова)*, правившагося въ концѣ III и началѣ IV вѣка до Р. Хр.

Въ лондонскомъ журналѣ «Forthnigth Reveiew» появилась весьма любопытная статья, въ которой фактическими данными доказывается, что искусство фотографіи было открыто въ Лондонѣ еще въ 1771 году, но что правительство постановило уничтожить новое изобрѣтеніе, такъ какъ оно опасалось, что фотографія сдѣлаетъ возможною поддѣлку бумажныхъ денегъ.

МУЗЫКА.

Ея Императорское Высочество въ Бозѣ почивающая Государыня Великая Княгиня Елена Павловна, въ постоянной заботливости о развитіи въ Россіи музыкальнаго искусства, изволила предложить главной дирекціи императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества объявить конкурсъ на сочиненіе музыки на либретто „Вакула-Кузнецъ", заимствованное изъ повѣсти Гоголя и написанное, по порученію Ея Высочества, Я. П. Полонскимъ. Ея Высочество изволила назначить для сочиненій, которыя изъ представленныхъ на конкурсъ будутъ найдены достойными, двѣ преміи: одну, въ 1,500 р.—за лучшее изъ нихъ, и другую, въ 500 р.—за сочиненіе, которое изъ прочихъ одобренныхъ будетъ признано заслуживающимъ наибольшаго, вниманія

Г. Черниковъ, въ видахъ распространенія музыкальнаго образованія, желаетъ составить въ Симбирскѣ „*Общество музыкальной бесѣды*". Эта музыкальная бесѣда учреждается для лицъ обоего пола и для всѣхъ сословій. „Цѣль этого учрежденія—какъ сказано въ § 2-мъ Устава, уже представленнаго на утвержденіе—развитіе музыкальнаго вкуса и сближеніе любителей музыки".

СПОРТЪ.

Въ С.-Петербургѣ, 10-го іюня, состоялась *первая въ нынѣшнемъ году парусная гонка яхтъ и ботиковъ Петербургскаго Рѣчнаго Яхтъ-Клуба*. Около часу пополудни къ Елагинскому (Сѣверному) маяку прибылъ подъ яхтъ-клубскимъ флагомъ пароходъ „Славянка", съ командоромъ Познанскимъ, судьею отъ Морскаго Министерства барономъ де-Риделемъ, членами Гоночной Коммисіи, членами Яхтъ-Клуба и ихъ гостями, въ числѣ котоныхъ было нѣсколько дамъ. Въ это время около маяка находились уже въ ожиданіи состязанія яхты, всего восемъ; изъ нихъ должны были состязаться: четыре (отъ 8 до 11 тоннъ) въ *первомъ разрядѣ*, на призъ отъ Имени Государя Наслѣдника Цесаревича, и четыре (25 и 26 тоннъ) во *второмъ разрядѣ*, на призъ отъ Морскаго Министерства. Первымъ окончилъ состязаніе изъ судовъ *втораго разряда* тендеръ „Іола", употребя на проходъ дистанціи 4 часа 59 мин. 56 сек., и управлявшій рулемъ владѣлецъ, членъ Яхтъ-Клуба г. Бенкендорфъ, получилъ призъ Морскаго Министнрства—невскій яликъ, а первымъ изъ судовъ *перваго разряда* окончилъ состязаніе тендеръ „Отрада", употребя на проходъ дистанціи 6 ч. 17 мин. 31 сек., и управлявшій рулемъ владѣлецъ, членъ Яхтъ-Клуба, г. Стефаницъ, получилъ призъ отъ Имени Государя Наслѣдника Цесаревича—большую серебряную вызолоченную стопу.

ГИГІЕНА.

Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ „Сам. Губ. Вѣд." *о кумысо-лѣчебныхъ заведеніяхъ вблизи гор. Самары*, видно, что такихъ заведеній въ окрестностяхъ города находится 5.

На всѣхъ этихъ заведеніяхъ съ мая по сентябрь, лѣчатся отъ различныхъ болѣзней кумысомъ приготовляющимся, какъ извѣстно, изъ кобыльяго молока.

Изъ Нью-Іорка телеграфируютъ отъ 5-го (17-го) Іюня, что въ Цинциннати появилась холэра, причемъ умираютъ ежедневно среднимъ числомъ до 15 человѣкъ, въ Мемфисѣ и Нешвилѣ жертвою эпидемія дѣлаются преимущественно негры.

ЛИТЕРАТУРА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1868 г. Положенія Комитета Министровъ и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, 12-го сего іюня, Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Биржевыя Вѣдомости".

Въ Тифлисѣ, пишутъ въ газетѣ „Кавказъ", приготовляется къ печатанію *Библіографическій указатель литературы Кавказа*, т. е. всѣхъ почти изданій, выходившихъ изъ подъ станковъ мѣстныхъ типографій.

— Въ той же газетѣ сообщаютъ, что мысль *объ изданіи въ Баку органа на татарскомъ языкѣ для мусульманскаго населенія края* созрѣла настолько, что предприниматели приступаютъ къ ея осуществленію.

Новая татарская газета въ г. Баку будетъ называться „*Акинчи*", т. е. „Пахарь", печататься на такъ называемомъ адзербейджанскомъ нарѣчіи и выходить, на первое время, въ двѣ недѣли разъ, заключая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: сельско-хозяйственный, научный и смѣсь.

НОВЫЯ КНИГИ.

Градовскій, А. Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. Спб. Ц. 2 р.

Павловичъ, Б. А. Исторія Греціи и Рима. Изд. Кожанчикова. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Сидонскій, Ив, и Іорданъ, А. Историческій атласъ. Пособіе къ изученію исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 7-е. Спб. Изд. и литогр. Эйлера. 10 л. картъ, Ц. 1 р. 25 к.

Самаринъ, Дм. Сокращеніе приходовъ и обезпеченіе духовенства. Москва.

Сонрель, Л. Морское дно. Съ политип. Перев. съ франц. Спб.

Юшковъ, Алексѣй. Малороссійское дупляночное пчеловодство. Харьковъ.

Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странъ, ей принадлежащихъ. Изд. В. Дашкова. Кн. II. Москва.

Матеріалы для изслѣдованія Подольской губерніи въ статистическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Каменецъ-Подольскъ. Тип. Губ. Правл.

Максимовъ, С. Край крещенаго свѣта. II. Дремучіе лѣса или разсказъ о народахъ, населяющихъ русскіе лѣса. Изд. 2-е. Спб.

IV. Русскія горы и кавказскіе горцы. Изд. 2-е Спб, Ц. 8 коп.

Марковъ, Павелъ. Объ акварели или живописи водяными красками. Спб. Ц. 1 р. 30 коп.

Киркоръ, М. И. Памятная книжка Сувалкской губерніи. съ политип. Сувалки Тип. Губ. Правл.

Путевыя записки Эриха Лассоты, отправленнаго Римскимъ Императоромъ Рудольфомъ II къ запорожцамъ въ 1594 г. Перев. и примѣч. **ф. Бруна.** Спб.

Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому. Изд. **В. Герье.** Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Пекарскій, П. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ Т. II. Спб.

Сводъ узаконеній и распоряженій Правительства по устройству быта крестьянъ. 1861—1873 гг. Изд. 2-е Т. I. Спб.

Лавлей, Э. Народное образованіе Народныя школы ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Спб.

Михельсонъ. 30,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ. Сост. по словарямъ Гейзе Рейфа и др. Изд. 5-е, Ц. 2 р. 25 к.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ.
МОДЕЛИ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

ТЮНИКИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлкою	100	—	325	—
» фай и sicilienne	35	—	190	—
» кашемиры, біарицъ	20	—	150	—
» Матер. фантазій, цвѣтовъ réséda, moutarde и друг. съ вышивками, стальными пуговицами и прочими отдѣлками	25	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

ПАЛЬТО.

(на шелковыхъ подкладкахъ).

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонс. бархата коротк. безъ отдѣлки	70	—	100	—
Уличныя безъ отдѣлки	105	—	175	—
Съ богат. отдѣлками	125	—	250	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne безъ отдѣлк.	50	—	95	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne съ богатыми отдѣлками	65	—	150	—
Ліонс. фай на ластикѣ	40	—	60	—

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

КОФТЫ - ЖАКЕТЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлками	50	—	150	—
» » фай	18	—	100	—
» кашемира	15	—	85	—
» драпа велюре монтаньякъ	20	—	65	—

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е.

ДОЛМАНЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. бархата съ роскошн. отдѣлк.	90	—	200	—
» » фай	50	—	125	—
» кашемира, драпа съ богат. вышивками всѣхъ цвѣтовъ	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 5-е.

РОТОНДЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ Ліонск. узкаго бархату безъ отдѣлки	90	—	140	—
» » » съ богат. отдѣлк.	125	—	195	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ безъ отдѣлки	150	—	200	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ съ отдѣлкою	175	—	250	—
Дра-де-велюръ, монтаньякъ, drap-de-Paris	35	—	75	—
Драпа	20	—	50	—
Англійской 2-сторонней матеріи	20	—	45	—

ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.

БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Изъ кашемира біарица съ прошивками, кружевами, вышивками и т. д.	25	—	60	—
Фай, армюра съ богат. отдѣлк.	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.

КОСТЮМЫ

для комнатъ и прогулокъ самыхъ модныхъ цвѣтовъ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Шерстяные	25	—	85	—
Шелковые	95	—	450	—

ОТДѢЛЕНІЕ 8-е.

Огромная партія кашемировыхъ черныхъ вышитыхъ платковъ:

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Гладкіе	4	и	доро	же
Вышитые	8	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 9-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Ковровые платки и шали	20	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Фай цвѣтной	2	50	5	—
» черный	2	50	12	—
Ліонск. бархатъ	6	50	10	—
Широкій 2-хъ арш. барх. аршинъ	40	—	—	—

ОТДѢЛЕНІЕ 11-е.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французской матеріи	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	2	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивк.	6	—	20	—

ОТДѢЛЕНІЕ 12-е.

НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ

отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—

ШЛЯПЫ (МОДЕЛИ)

первыхъ Парижскихъ домовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 13-е.

ШЛЯПЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Касторовыя круглыя	7	—	20	—
Городскія	10	—	25	—
Креповыя	8	—	25	—
Тюлевыя	9	—	30	—
Соломенныя круглыя	7	—	20	—
» городскія	10	—	25	—

ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Антука	3	—	8	—
Зонтики	5	50	18	—
Кружевные	8	—	60	—

Требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—8

Дозволено цензурою 22 Іюня 1873 года Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 26 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 2 іюля 1873 года. Годъ IV.

Няня.

(Очеркъ минувшаго времени.)

Смотрите вы на меня и думаете: какая она старая, некрасивая! знаю я это и сама теперь, да не всегда была я такою... Молодою была я румяная и бѣлолицая, всѣ на меня заглядывались, бывало встану раньше всѣхъ, на работу иду, пѣсню пою: „славная дѣвчина Фрося“ всѣ говорятъ бывало... а теперь что?—пѣтуха завела, нарочно самаго голосистаго выбрала, упросила Анну Кондратьевну — это дьячиха наша, — чтобъ обмѣняла мнѣ, держу его подъ столомъ на привязи, никуда не отпускаю, зерна ему, воды, всего довольно—лишь бы по утрамъ будилъ меня. Какъ запоетъ, то и проснусь во время,—а нѣтъ, то бываетъ такъ что и обѣдню просплю... такъ-то! Рано состарѣлась!... сколько же муки приняла я во всю свою жизнь, сколько вытерпѣла,—всего не припомнишь не то пересказать.... Горе меня высушило, тоска истомила—стала я прежде времени старухой и даже имени у меня не осталось, всѣ зовутъ меня няней,—такъ и умру... Оно и правда, всю то жизнь свою въ томъ и провела я что дѣтей няньчала, господскихъ я вынянчила пятеро да своихъ дѣтей у меня было двѣнадцать, да еще одного,—племянника своего, Ивася бѣднаго вынянчила, такъ вотъ почти два десятка на моихъ рукахъ перебывало... Да, много перебывало у меня своихъ дѣтей, а приходится умереть одинокой, безъ рода, безъ племени: родные далеко на чужбинѣ, а дѣти въ могилѣ всѣ, всѣ... ни одного не выростила я, чтобы теперь было кому пожалѣть мою старость. Боже мой, я ли не берегла ихъ, я ли ихъ не любила, сколько ночей я недосыпала надъ ними, сколько слезъ пролила,—нѣтъ! вижу потомъ, что слезами ничему не поможешь—и слезы мои застыли и душа окаменѣла. Прежде всего—двое росли у меня—двоихъ въ одинъ день пріобщила, въ одну и могилу положила—гробикъ къ гробику поставила — болѣзнь какая-то ходила тогда на дѣтей, много дѣтей вездѣ умирало. Плакала я, на Бога нарекала даже,—страшно вспоминать теперь—возьми меня, говорила, если дѣтей отнялъ... прости меня Боже! Не знаю, за слезы мои или за нареканье, еще почти годъ не прошелъ съ тѣхъ поръ, послалъ мнѣ Господь близ-

нецовъ; трудно мнѣ было съ ними, тяжело,—но я рада была, думала: это мнѣ за тѣхъ двухъ что отнялъ Господь посылаетъ, стану же растить теперь разомъ двухъ соколовъ ясныхъ, двухъ орловъ чернокрылыхъ—два сына у меня родилось; и какъ я ихъ берегла, какъ за ними смотрѣла: все что у меня лучшаго, платье какое, холста немного,—все въ закладъ отдала или продала, коровку купила, чтобъ имъ, роднымъ моимъ, не терпѣть отъ голода, и сама, одна, обоихъ кормила. Бывало, одного на рукахъ у груди держу, одною рукою около печи то то, то другое стряпаю, а къ ногѣ привяжу веревку да ногою люлю качаю — въ люлѣ другое спитъ... И вотъ ужъ когда я свѣту Божьяго не видала точно, дни и ночи какъ сонная ходила; ни мысли у меня, ни отдыха, только думала—потерплю годъ-другой, можетъ выростутъ, будутъ мнѣ помощники, воротятъ мнѣ трудъ мой, будутъ мать любить и жалѣть... Не судилъ мнѣ Господь этого счастья, два года вышло, захирѣлъ сначала Василь—и что ему сталось—не знаю: или съ испуга онъ, или съ глазу, или можетъ гдѣ нибудь оно бѣдненькое, бываетъ, черезъ дурное дерево переступило, только сталъ онъ хирѣть, ручки и ножки у него какъ спичечки, а самъ бывало все проситъ—мама дай ѣсть, ѣсть хочу,—ѣсть хочу... Гдѣ ни увидишь его—все у него или ложка, или кусокъ хлѣба въ рукахъ; я ему все давала что просило, калины, грушь, яблокъ сушеныхъ, маку, меду бывало пойду достану для него гдѣ-нибудь,—все думала: не угадаетъ-ли душа его что ему въ пользу будетъ,—и чего ужъ я ни дѣлала, въ звѣрибоѣ его купала и въ материнкѣ, только до двухъ лѣтъ и выкормила его и доглядѣла... А тамъ черезъ полгода и Андрей меньшой также—и того схоронила и осталась сиротою... О, тосковала я тогда, сильно тосковала!.. Снова мало прошло времени, родилась у меня дочь Степанида; тутъ же у молодой барыни сынъ родился и прошла молва, что хочетъ она меня къ своему дитяти кормилицей взять—мы съ ней по лѣтамъ ровесницы были. А у меня это еще первая дочка была, и рада была я ей кажется еще больше чѣмъ сыновьямъ—давно мнѣ хотѣлось дочь имѣть. Еще маленюткою была она, недѣль семь или восемь небольше на свѣтѣ прожила, а ужъ я надъ нею думу складывала: будешь ты жива, моя горличка, думала,—будешь счастлива и всѣмъ довольна, дамъ тебѣ счастья сколько могу дать, сколько на то силъ моихъ станетъ. Буду приданое тебѣ готовить, чтобы все было хорошее и богатое, натку холста тонкаго льняного, разошью тебѣ сорочки и платки, будешь ходить у меня въ цвѣтахъ и монистахъ всегда, разубранная, веселая... Замужъ пойдешь, отдамъ тебя за казака, за вольнаго и богатаго, къ ногамъ господъ упаду чтобы позволили тебѣ откупиться на волю, чтобы и дѣти твои были вольные тоже... И такъ заболѣло мое сердце, когда услышала я, что меня хотятъ взять въ кормилицы... а я право молодая была красивая, грудь у меня большая, полная,—кормилица изъ меня хорошая бы вышла...

Былъ мужъ мой тогда лѣсничимъ у нашихъ господъ, жили мы въ лѣсу, большой такой сосновый лѣсъ—можетъ и вы его знаете—какъ ѣхать изъ Глушнаго, маленькая дорожка чрезъ него идетъ, и самъ онъ урочище Заболотное называется. Былъ тамъ когда-то кирпичный заводъ, а при старомъ баринѣ винокурня стояла надъ рѣкою—маленькая, чуть замѣтная рѣчка черезъ весь лѣсъ течетъ; есть тамъ надъ рѣчкою припригорокъ, на немъ приказалъ баринъ построить хату и поселилъ въ ней мужа моего лѣсничимъ. Федоръ мой—царство ему небесное—хорошій былъ человѣкъ, любили его всѣ, и господа любили за то что честный былъ, лѣсъ стерегъ хорошо и все что прикажутъ исполнялъ не лукавилъ; и такой это былъ человѣкъ что былъ онъ на всякое дѣло способный: возъ ли сломается—онъ починитъ; ведро ли, кадочка ли какая разсыпится—самъ сдѣлаетъ даже новую—не то что поправить; крышу ли вѣтеръ снесетъ или труба обвалится въ хатѣ—все онъ самъ и починитъ и сложитъ; словомъ на все былъ онъ человѣкъ пригодный—умѣлъ лошадей объѣзжать и отъ болѣзни заговаривать, овецъ стригъ такъ, что бывало во дворѣ у господъ никто и не стрижетъ кромѣ его, даже пасѣчникъ былъ хорошій и прежде занимался и пасѣкой. Но только одна бѣда была въ немъ—любилъ онъ выпить; трезвый—тихій и добрый человѣкъ, никого словомъ ни какимъ не затронетъ; а пьяный—буйный и злой какъ звѣрь лютый, бывало какъ возвращается домой пьяный, я только и думаю о томъ гдѣ бы запрятать дѣтей и самой пропасть такъ чтобы ему подъ руки не подвернуться въ то время...

Въ тотъ самый вечеръ когда узнала я, что хотятъ меня взять въ кормилицы, оставалась я одна дома. Приходила къ намъ Анна, сестра мужа, принесла ему пряжу на полотно,—онъ и ткать умѣлъ и станокъ у него былъ, я также ткала сама—и довольно мы могли бы заработать пряжей. Отъ Анны я узнала о своей бѣдѣ; видите, расчитали такъ, что у меня одно только дитя—можно семью мнѣ оставить, дитя мое отдадутъ кому нибудь на выкормъ, а мужъ и самъ по себѣ прожить можетъ. Такъ-то разсудили а не подумали о томъ, что можетъ быть дитя мое мнѣ дороже души, что тяжело матери разставаться съ роднымъ ребенкомъ. Уложила я спать мою бѣдную несчастливую дочку, сама сѣла на порогѣ дожидаться Федора—сказалъ онъ, что пойдетъ обходить лѣсъ: нѣтъ ли гдѣ поруба или не вогнали-ли скотъ въ молодую заросль,—стала ждать его, думаю: придетъ онъ, вмѣстѣ разсудимъ что дѣлать, какъ избавиться отъ этой службы; знаю что, и онъ также будетъ жалѣть разстаться со мною, да и какой хозяинъ не пожалѣлъ бы: вѣдь пойду—некому ему ни обѣдъ сварить, ни хлѣбъ испечь, ни рубаху чистую приготовить; отдадутъ дитя наше чужимъ людямъ да и ему приходится идти у людей просить какъ что случится съ нимъ или что понадобится,—заболѣетъ—некому воды подать будетъ... Такъ-то думаю, жалѣю его, будто на-вѣкъ намъ разстаться приходится, да знаю что и онъ тоже любилъ меня покойный, сильно любилъ, и если бы не пьянство—жили бы мы съ нимъ хорошо и никогда бы между нами ни одного слова дурного не было бы... Вспомнила про дитя—еще тяжелѣе на душѣ стало—кругомъ сосны обступили, ходитъ вѣтеръ по ихъ верхушкамъ, шумятъ онѣ да качаются, только еще большую тоску нагоняютъ. Стала плакать да нечего таить—стала барское дитя проклинать—лучше бы ты не рождалось проклятое, чтобы не приходилось мнѣ тебя молокомъ своимъ выкармливать... прости меня Господи! Такъ-то на душѣ у меня накипѣло, что и дитя неповинное проклинать начала... Видно за то и наказалъ меня Богъ, только тяжко наказалъ...

Воротился мой Федоръ. Издали уже видѣла я, что онъ пьяный; видно, по дорогѣ зашелъ къ жиду-шинкарю что снималъ аренду постоялаго двора и жилъ на выѣздѣ изъ лѣса, тамъ у него всегда было полно пріѣзжихъ—вѣрно встрѣтилъ знакомыхъ мой Федоръ—зашелъ, угостили. Поскорѣй вошла я въ хату, припрятала что могла такое, что страшно было чтобы ему теперь не попалось—топоръ, кочергу,—а то такъ что въ руки подвернется съ тѣмъ и пойдетъ молотить по всѣмъ угламъ,—ужинъ поставила, потому что знаю: лютый онъ когда напьется и всѣмъ угодить ему нужно, пока не уйметъ его сонъ. Какъ ожидала я, такъ и вышло: идетъ онъ бранится, въ сѣни вошелъ, дверьми что-то тамъ задѣлъ въ сѣняхъ по дорогѣ и опрокинулъ. Слышу, говоритъ самъ съ собою, и изъ словъ его поняла я, что уже знаетъ онъ о томъ, что меня вы-

бираютъ въ кормилицы: „не отдамъ, не пущу, все твердитъ самъ съ собою,—руки мнѣ свяжутъ, въ Сибирь поведутъ, а я не отдамъ, потому что жену отъ мужа никто отнять не можетъ"... Подошла я къ нему, тихо, ласково съ нимъ заговариваю—„усталъ ты, говорю, цѣлый день на ногахъ сегодня; можетъ поѣсть чего хочешь? поужинаемъ да и ляжемъ спать скорѣе, что-то мнѣ нездоровиться сегодня!», говорю это—сама думаю: завтра проспится, опомнится, придумаемъ вмѣстѣ что намъ дѣлать, а сегодня лишь бы уложить его поскорѣе, чтобы бѣды какой не надѣлалъ. Видѣла я, что сильно ужь у него на сердцѣ кипѣло, и боялась бѣды той потому, вѣрно, что уже чуяла ее близко надъ своею головою. „Ну, дай мнѣ ужинать, говоритъ онъ, а потомъ я и спать лягу"—сѣлъ за столъ, опустилъ голову на руки—забылъ онъ снять шапку какъ входилъ, и въ это время шапка у него свалилась съ головы прямо на столъ передъ нимъ, схватилъ онъ ее, замахнулся и съ силою отъ себя ее бросилъ; почудилось ли ему что, въ меня ли онъ ее намѣтилъ, незнаю, только попалъ онъ прямо въ лицо дитяти,—крикнуло оно бѣдное не своимъ голосомъ и залилось слезами. Я его на руки схватила, стала унимать—ничего не сдѣлаю, бьется оно у меня на рукахъ, руки и ножки вытягиваетъ, глаза закатились подъ лобъ, съ губокъ бѣлая пѣна капаетъ... Какъ эта ночь у меня прошла, я уже не помню, только не дай Богъ никому такой другой ночи,—одна, одна въ лѣсу... Онъ какъ увидалъ что сдѣлалъ—будто понялъ, притихъ, скоро улегся и заснулъ—идти мнѣ позвать некого да и некуда, самый ближайшій хуторъ отъ насъ я думаю версты за двѣ не меньше будетъ, да и на кого же дитя оставить; слышала я что бываетъ такая болѣзнь у дѣтей, горе она у насъ называется,—и точно, есть ли горе большее видѣть какъ дитя родное мучится,—знала я про эту болѣзнь, да какъ пособить ей не вѣдала. Всю ночь я носила его на рукахъ, къ свѣту оно умаялось, положила я его въ колыбельку, лежитъ оно будто мертвое, блѣдное, ручки и ножки вытянуло... а къ вечеру его ужъ и не стало. Опомнясь, мой Федоръ сѣлъ гробикъ сколачивать а у самаго глаза застилаетъ слезами—не видитъ куда гвоздикъ какой приставить нужно, плачетъ. Я же, какъ была неодѣвшись, даже головы ни чѣмъ не покрыла, убѣжала въ село и прямо на господскій дворъ; «возьмите, говорю, въ кормилицы, пока молоко не пропало; возьмите затѣмъ, чтобы мнѣ туда не вернуться, чтобы не видѣть его больше»... такъ я его въ ту минуту—мужа—возненавидѣла, что кажется еслибъ я осталась съ нимъ хоть на одинъ день, убила бы его сама, изъ своихъ рукъ убила бы!... Распросили они меня, спасибо имъ сейчасъ же людей послали, похоронили бѣдную мою Степаниду, а меня оставили во дворѣ; сначала покормила я грудью другое дитя, а потомъ меня и къ барскому дитяти допустили.

Долго потомъ не могла я забыть свою дочь, долго потомъ тосковала, такъ мнѣ ея блѣдное личико съ синими губами—куда пойду—такъ и стояло оно мнѣ передъ глазама; послѣ смерти ея—и нравъ мой будто измѣнился: стала я тихая-тихая—не то что пѣсни отъ меня—голоса моего не слышно было въ домѣ, сердце стало незлобное, всякую обиду легче прощало. Только долго послѣ того не могла я видѣть Федора, за то и жаль мнѣ его стало, какъ въ первый разъ послѣ того я его увидала; да и онъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался, а на водку зарокъ далъ—и съ тѣхъ поръ до самой смерти въ ротъ никогда ее не бралъ. Господа меня любили, особенно любила меня старая пани, такъ ее всѣ звали,—сама она тогда хозяйничала, всѣмъ сама заправляла, а сынъ съ невѣсткою только жили при ней,—славная она была старушка, да и хозяйка хорошая была. Полюбила она меня вотъ за какое дѣло: случилось разъ такъ, пропали у нея овечки,—двадцать овецъ не вернулось изъ стада, а двадцать овецъ—не малая потеря и сильно жалѣла ихъ старая пани, разослала она во всѣ концы и верховыхъ и пѣшихъ отыскивать—нигдѣ нѣтъ. Недѣля уже пропажи окончилась и ничего о ней не слышно, когда посовѣтовалъ ей кто-то: нужно пойти въ глухую полночь, такъ чтобы никто другой не зналъ о томъ, на колокольню и ударить въ колоколъ и уже непремѣнно пропажа отыщется. Подозвала она меня вечеромъ да и говоритъ: «не боишься ты, Фрося, идти со мною ночью?»—разсказала куда и зачѣмъ. «Не боюсь», говорю, и вотъ какъ ночь наступила, пошли мы съ ней къ церкви, пришли къ дверямъ колокольни—страхъ такой напалъ что силъ нѣтъ идти дальше... «Э, пани, говорю—ужъ зачѣмъ пришли то и сдѣлать нужно», а сама ей двери отворила. Стала я внизу — а она таки поднялась на лѣстницу да разъ, въ другой и въ третій ударила,... Оттуда мы не шли почти а бѣжали, ночь темная-темная, нигдѣ ни огонька, всѣ уже спятъ,—сказано, въ глухую полночь, хоть бы собака гдѣ залаяла, такъ нѣтъ. Идемъ мы не оглядываясь, а сзади точно будто кто за плечи хватаетъ... На другой день слухъ пошелъ по селу, что самъ колоколъ звонилъ ночью. Начались разные толки, стали люди разсказывать что на умъ ни взбредетъ, я же о чемъ знала про то никому не сказала... а овечки точно нашлись послѣ этого, да еще какъ—въ тотъ же самый день прохожій человѣкъ сталъ разсказывать, что вотъ уже недѣля какъ въ ихъ стадѣ двадцать овецъ чужихъ ходитъ,—и близко же, сосѣднее село, а не нашли тогда какъ ихъ искали; въ тотъ день какъ пропали онѣ—буря была большая, отогнало и прибило ихъ ихъ бурею къ чужому стаду. Объявили о томъ что говорилъ проѣзжій старой пани, послала она сейчасъ же осмотрѣть—и точно овцы наши были. Овечки были мѣченыя—лѣвое ухо немного разсѣчено; у нея, у старой пани ни одна курица безъ мѣтки никогда не ходила; на каждой скотинкѣ былъ знакъ и по такому знаку и овецъ узнали.

Вотъ, съ тѣхъ поръ и полюбила она меня и во всемъ мнѣ вѣрила; вездѣ по хозяйству она сама ходила, но если почему нибудь нельзя ей идти бывало, въ погребъ ли, въ кладовую, или въ амбары, все меня посылаетъ—никогда никому другому ключей не повѣряла, а мнѣ вѣрила такъ, что стала я бояться, какъ срокъ кончался, чтобъ не оставила меня и навсегда при себѣ въ дворѣ; но нѣтъ, черезъ три года выпустила меня, отпустила меня опять къ мужу. Тутъ ужъ зажили мы съ нимъ хорошо, сама я уже довольно натерпѣла горя въ эти три года, будто вдвое прожила, и видно съ лѣтами терпѣливѣе стала; а онъ—какъ пересталъ пить, такъ все у насъ лучше пошло и въ семьѣ и въ хозяйствѣ. Изъ году въ годъ у меня еще семь дѣтей родилось и опять разъ близнецы были, не было отдыха мнѣ, когда я ростила ихъ и выкармливала,—только всѣ они не жили долго, почти всѣ раньше года умирали. Привыкла я глядѣть на ихъ смерть и почти уже не скучала когда они умирали, я будто послѣднія слезы свои истратила на Степаниду и уже ни надъ однимъ изъ нихъ не тосковала такъ долго, такъ горько не плакала какъ надъ нею... Скоро послѣ того какъ схоронили послѣдняго, прибралъ Господь и Федора моего бѣднягу, простудился осенью отъ горячки и умеръ. Жила я одна, одна въ лѣсу, пока новаго лѣсничаго на мѣсто моего Федора не назначили, а меня какъ безродную взяли опять во дворъ,—старая пани, царство ей небесное, давно уже была на томъ свѣтѣ,—приказали мнѣ опять смотрѣть за дѣтьми и выняньчила я ихъ всѣхъ пятерыхъ, всѣ на моихъ рукахъ перебывали...

Такъ-то минули лучшіе, молодые годы, мало было у меня радости, а горя—горя сколько... было бы чѣмъ подѣлиться, если бы кто захотѣлъ взять отъ меня, да положить этотъ тяжкій камень себѣ на плечи! И ре-

бенкомъ выросла я сиротою, матери своей почти не помню, а отецъ умеръ—мнѣ лѣтъ двѣнадцать не больше было. Пятнадцати лѣтъ еще мнѣ не кончилось, какъ на рукахъ моихъ уже дитя осталось, выростила я его и выглядѣла, ночи надъ нимъ просиживала, Ивасемъ бѣднаго мальчика звали, племянникомъ онъ мнѣ приходился; живы были у него и отецъ и мать, но на моихъ рукахъ выросъ онъ сиротою. Какъ это случилось, разскажу съ самаго начала.

Родомъ я не здѣшняя, было родное мое село верстъ за семдесятъ отсюда, стояло оно на берегу рѣки, весело и привольно въ немъ жили. Владѣлъ нами князь, и кромѣ нашего много селъ было у него во владѣніи, рѣдко заѣзжалъ онъ къ намъ въ нашу Камышевку и никто почти и не зналъ его и не видалъ никогда. Разъ проѣзжалъ — меня тогда еще и на свѣтѣ не было — замѣтилъ онъ отца моего, понравился ему отецъ и точно, славный былъ онъ, разумный и знающій человѣкъ. И лицомъ былъ осанистый, грамотѣ хоть и не учился, но счеты умѣлъ вести хорошо,—и назначилъ его князь управлять всею Камышевкою; управлять-то правда мало чѣмъ было, потому что здѣсь ни заводовъ, ни фабрикъ никакихъ не было, земли почти всѣ крестьянамъ были розданы, господской земли мало, но были кругомъ лѣса большіе—и то тò, то другое, а все же порядки нужно вести было, хоть и надъ малымъ, и отцу дѣла было довольно. Каждый годъ онъ ѣздилъ въ главное княжое имѣніе, возилъ туда деньги, что выручалъ отъ разной продажи, оброки, что слѣдовали съ крестьянъ, и записку представлялъ о томъ, какъ и что дѣлается у насъ въ деревнѣ. Помню, покойный говорилъ, что любилъ его князь и всегда ласково разговаривалъ съ нимъ самъ. Жили мы въ это время хорошо и привольно, хата была у насъ большая, высокая и свѣтлая, мать жива еще тогда была, покойница, хорошая была хозяйка — всего у насъ вдоволь было, было двѣ коровы, овецъ достаточно, утки, гуси, все было,—а запасу разнаго, орѣховъ, грибовъ сушеныхъ, яблокъ и свѣжихъ и квашеныхъ, про то и говорить нечего. Люди всѣ любили отца и почитали его, потому что хорошій онъ былъ, добрый и справедливый, никому ни зла, ни досады не дѣлалъ и всегда каждому готовъ былъ помочь чѣмъ могъ. Первое горе мое было тогда, когда умерла мать, хоть и мала я была еще, но помню, что долго плакала и скучала безъ нея.

Остались мы послѣ нея трое—два брата и я. Петро былъ пятью годами старше Андрея, остался онъ послѣ матери уже порядочный мальчикъ, могъ уже то тѣмъ, то другимъ отцу помогать; мы же съ Андреемъ совсѣмъ еще малые дѣти были—и кромѣ того что одѣть да накормить насъ, никакого еще изъ насъ путя не было. Стали мы въ тягость отцу, не зналъ онъ что и дѣлать съ нами, ходимъ мы грязные да оборванные, да и ему самому ни обѣдъ наварить, ни рубаху сшить или помыть некому, а жить надо... Думалъ онъ думалъ что дѣлать, «не хочу, говоритъ, я жениться въ другой разъ—старъ ужъ для этого, лучше подожду лѣтъ шесть, самъ тогда Петра женю, возьму невѣстку себѣ, а самъ не женюсь»,—и взялъ онъ къ себѣ, чтобы глядѣла за нами и была хозяйкою, сестру свою, вдовою жила она у свекра, но ужиться тамъ не могла, потому что нравъ у нея былъ очень недобрый. Была она мнѣ хуже мачихи. Отца почти по цѣлымъ днямъ не бывало дома, то на своей работѣ, то на господской,—и она надъ нами что хотѣла выдѣлывала. Хуже всѣхъ мнѣ отъ нея доставалось. Бывало, Андрей убѣжитъ куда нибудь и не отзовется, когда она его выкликаетъ, - меня же посадитъ прясть и по цѣлымъ днямъ я сижу около пряжи, — прясть еще гдѣ же умѣть, мала была я еще и не могла прясть хорошо,—однако же спасибо ей, научила меня и съ самаго малолѣтства пріучила къ работѣ... Такъ-то росли мы—и на мою долю все мнѣ больше слезъ, чѣмъ смѣха выпадало... До самой смерти ея я терпѣла отъ ей все молча и никогда она отъ меня дурного слова не слышала, умерла она незадолго до свадьбы Петра, ему лѣта уже вышли и отецъ спѣшилъ женить его: «Возьмемъ Настю Гордѣенкову, все бывало его уговариваетъ,—славная она дѣвчина и молодая, и веселая, и трудящая, славная тебѣ по всему пара; будетъ она у насъ хозяйкою, а Фрося помощницей ей“, такъ говорилъ отецъ, а того и не зналъ, что Петро и Настя давно уже любили другъ друга и только ждали, чтобъ позволили имъ обвѣнчаться.

Недалеко отъ нашей деревни — выйдешь бывало на гору, такъ видно было другое село, звалось оно Великія Лозы. Было оно также княжеское—и какъ въ Камышевкѣ отецъ, такъ завѣдывалъ тамъ всѣмъ Василій Ананьевичъ Гордѣенко, тоже крѣпостной былъ князя. Былъ онъ старикъ зажиточный, жилъ хорошо въ большомъ достаткѣ, на дворѣ у него двѣ новыя, большія хаты стояли, въ одной жилъ онъ самъ съ семьею, а другую построилъ когда сына женилъ—и жилъ въ ней старшій сынъ съ невѣсткой. Хозяйство у него было славное, лошади сытыя, кормленыя, коровы по ведру молока давали, пасѣка своя въ саду стояла, а садъ полный сливъ, вишень и яблокъ... Яблоки умѣлъ сберегать старикъ такъ, что они до новыхъ лежали, а какъ поѣхалъ Петро съ отцомъ на сватанье, то такою ихъ вишневкою угостилъ, что говорили у другаго и попа такой не будетъ...

Была у него дочь Настя—и добрая была она и работящая, и красивая: то въ полѣ, то въ церкви—ихъ приходъ у насъ былъ—встрѣчался съ нею Петро, давно ужъ она ему приглянулась и радъ былъ онъ очень, когда отецъ задумалъ его женить на ней; да и Василій Ананьевичъ не поспорилъ, сами мы не бѣдными людьми считались, а ему не приходилось перебирать женихами, потому что кромѣ Насти у него еще три дочки подростали. Издавна еще все толковали старики, что поженятъ Петра и Настю, какъ сойдутся,—а они часто случалось заѣзжали другъ къ другу въ гости; какъ пріѣдетъ который, да если еще къ тому же,—бываетъ—подгулялъ гдѣ на дорогѣ, такъ сейчасъ у нихъ это первый разговоръ начинается: «Василій Ананьевичъ, начнетъ бывало отецъ,—ну скажи, что ты за дочкою прочишь?» а тотъ ему: «лучше ты, пане Григорій, скажи, что за сыномъ дашь», и пойдутъ они смѣхомъ да шуткою сговариваться о дѣлѣ: „не сноситъ она вашей и нитки до самой смерти“ говоритъ бывало Василій Ананьевичъ,—„дамъ ей холста, сукна, смушковъ много, столько-то сорочекъ расшитыхъ, столько рушниковъ... корову, овечекъ...“ А отецъ ему: „захотѣлъ бы и я выстроилъ бы своему сыну такую же хату, какъ ты, да нужды въ ней нѣтъ, хата у насъ просторная, а семья небольшая; а чтобъ не говорилъ ты, что нѣтъ у него ничего, какъ только женю, отсчитаю и я ему столько-то овецъ, лошадь дамъ, пару воловъ такихъ, что объ эту осень только въ ярмо пойдутъ...» и цѣлый вечеръ бывало толкуютъ одно и то же... Тѣшились такъ до поры старики, а какъ осень пришла, сыграли и свадьбу—весело было, дня три пировали. Стали мы жить съ Настей какъ сестры родныя, стала она конечно хозяйкою, но я ей во всемъ помогала, слушала ее и ссоръ у насъ никогда не было. Сказала бы, что то счастливые дни были, да не на долго оставалось у насъ счастье, скоро загоревали мы снова—сложилъ свои руки на вѣки отецъ, не дождавшись и внука, котораго такъ хотѣлъ дождаться. Сильно тосковали мы о немъ, потому что добрый и ласковый былъ онъ—и хорошо намъ жилось за нимъ. Сталъ Петро послѣ его смерти хозяиномъ, онъ еще при отцѣ самъ почти велъ уже все хозяйство, пріучался, — мы же съ Андреемъ остались жить у него—да и идти, правда, некуда было,—и сколько могли работали, помогали брату, а туда

въ главную экономію донесли, что прикащикъ умеръ, другого, значитъ, извольте назначить. Въ отвѣтъ на это князь велѣлъ намъ сказать, что продастъ онъ всю Камышевку другому а потому нечего и назначать новаго прикащика. Потомъ услышали мы, что насъ уже и продали, а скоро и новый господинъ нашъ пріѣхалъ къ намъ, съ нимъ настали и новые порядки. Сталъ

Не любилъ его и Петро за то, что тотъ къ нему все цѣплялся, прикащицкимъ сынкомъ его называлъ—„я, говоритъ, тебѣ покажу, что ты мой крѣпостной, захочу — поміру пойдешь выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба станешь", —видно достатокъ нашъ былъ ему не по душѣ, а видитъ Богъ, что нажилъ его отецъ своимъ трудомъ да привольной жизнью. Терпѣлъ и всегда молчалъ

Роса. Рисовалъ Герзонъ, грав. Шюблеръ. Дождь.

онъ жить тутъ же, маленькій домикъ на случай пріѣзда князя былъ выстроенъ, а кругомъ садъ былъ большой разведенъ,—и на этомъ мѣстѣ новый помѣщикъ обстроилъ себѣ усадьбу. Былъ онъ не добрый человѣкъ, суровый и всегда сердитый и недовольный, часто требовалъ онъ отъ людей работы черезъ силу, не было въ немъ правды,—а браниться любилъ такъ, что бывало никому, даже обмолвившись, ласковаго слова не скажетъ... Нехорошій былъ, недобрый человѣкъ—и все село его не взлюбило.

Петро, слушая эти попреки,—да что же было и дѣлать, какъ не молчать? Только разъ—не обошелъ судьбы своей не выдержалъ — вывелъ таки онъ его изъ терпѣнья.

Сначала мы съ Настей сильно боялись, чтобы не случилось чего; дверь ли скрипнетъ, войдетъ ли кто въ хату, обѣ мы встрепенемся и переглянемся и у обоихъ та же думка: не за Петромъ ли къ пану на расправу... потомъ привыкли, забылись немного, думали отошло у него отъ сердца и простилъ онъ Петру...

Тѣмъ временемъ у Насти родился сынъ, Ивасемъ

его назвали; долго они думали, что не будетъ у нихъ дѣтей и сильно горевали объ этомъ, потому что не знаю какъ у васъ, у господъ, а у насъ такъ и житье совсѣмъ не то безъ дѣтей,—нѣтъ роду, нѣтъ ни работника, ни помощника на старости лѣтъ, нѣкому и глаза тебѣ закрыть, а о хозяйствѣ и говорить нечего, непремѣнно оно къ старости прахомъ пойдетъ—и все равно придется пріемыша брать, чтобы было кому приглядѣть за хозяйствомъ. А тутъ еще и сынъ первый родился, не могу вамъ и сказать, какъ они радовались; плакали оба, когда услышали въ первый разъ его голосъ... Даже я, ну что мнѣ въ этомъ?—а тоже радовалась, будто свое родное дитя встрѣчала, хоть и очень еще молода была, а и сама будто посчастливѣла на ихъ счастье глядя, да правда и сама довольна была; съ малолѣтства охотница большая была я до дѣтей, видно на роду мнѣ написано было всю жизнь не отходить отъ нихъ; сама еще не большая была, а бывало гдѣ ни увижу дитя—не пропущу, чтобъ не взять его на руки, не позабавить, а если ужъ нельзя, то хоть поцѣлую... Ну, а тутъ свое дитя въ семьѣ, будетъ кого забавлять, будетъ кому разныя пѣсни пѣть или игрушки какія изъ соломы или изъ лоскутковъ выдѣлывать...

Вѣрно въ счастливый часъ оно родилось, потому что хорошо жилось ему на свѣтѣ, да нельзя было не любить и не радоваться такому дитяти; само оно такое забавное было, прыгаетъ все, кричитъ, ручками хлопаетъ, глазки черненькіе какъ мышки, по всѣмъ угламъ бѣгаютъ,—просто, казалось, на свѣтѣ и нѣтъ другого такого славнаго ребенка какъ наше; бывало, придетъ кто къ намъ, такъ мнѣ даже чудно какъ-то, что на нашего Ивася даже и не смотритъ никто, никто его и не замѣчаетъ...

Отецъ его часто ласкалъ, любилъ его сильно, сердечною любовью; а ужъ какъ мать его любила, про то и разсказать трудно: бывало держитъ его на рукахъ, глазъ съ него не спускаетъ; засмѣется оно, потянется куда ручкою—все ему отдать готова, лишь бы оно веселилось; станетъ дитя щебетать по своему, хлопаетъ ее ручкою по лицу, а она будто забудется, глазъ не отведетъ, а глаза полные нальются слезами. Повѣрите ли, пока не было у ней Ивася—она дѣтей не любила, никогда бывало и не погладитъ на чужое дитя; а какъ стало у нея свое,—то долго послѣ того, пока совсѣмъ не привыкла, не могла она безъ слезъ смотрѣть на чужаго ребенка. „Ну чего ты плачешь?" спрашиваю ее, мнѣ даже иногда смѣшно, хоть и знаю, что это она отъ добраго сердца, и смѣяться грѣхъ надъ нею, но бывало идемъ ли куда нибудь, или на работѣ гдѣ, гляну, а она уже вся въ слезахъ... «Такъ-то я счастлива» Фрося, скажетъ,—что и всѣмъ бы я такого счастья желала, и горько мнѣ подумать, что не всѣмъ одна доля на свѣтѣ; пришло мнѣ на мысль, что Иванъ нашъ въ чистой сорочкѣ, видишь, какъ спитъ покойно; знаю я, что отецъ у него хорошій, трудящій человѣкъ, и родня есть у него, и приглядѣть за нимъ есть кому, и накормить его есть чѣмъ;—а вотъ у Ульяны—вдова у насъ бѣдная, убогая въ селѣ жила—можетъ до самаго вечера у дѣтей во рту сухаго куска хлѣба не будетъ..." И лучше было ей и не начинать говорить ничего такого,—заплачетъ и затоскуетъ бывало на цѣлый день.., будто душа ея чуяла горе, а оно уже близко надъ нами, какъ несытый ястребъ летало...

Скоро молва пришла, что пришелъ указъ царскій набирать въ солдаты; разъ созвалъ панъ стариковъ и объявилъ имъ, что изъ нашего села требуютъ двухъ рекрутовъ,—я, говоритъ, одного уже намѣтилъ, а другаго можете сами выбрать. Ничего мы этого не знали, дома были всѣ въ этотъ день, я съ Настей за пряжей, а братья на дворѣ возъ чтоли поправляли... Слышимъ шумъ на дворѣ и говоръ. „Что нибудь случилось" сказали другъ другу и обѣ выбѣжали изъ хаты... Только что дверь отворили, видимъ какъ разъ противъ двери стоитъ нашъ Петро, стоитъ онъ блѣдный и суровый, губы у него раскрыты, и слова вымолвить не можетъ... Настя не крикнула, не заплакала, только обхватила его за шею руками и одно все твердила: «и я, и я за тобою... хоть на край свѣта пойду!...» Силою розняли ея руки и повели его со двора. Она упала... Онъ разъ только оглянулся и будто не своими очами поглядѣлъ на нее.

Я хотѣла идти за нимъ, узнать куда поведутъ его, но не могла оставить Настю, она долго какъ мертвая лежала на землѣ, я одна была около нея и сама не знала что и дѣлать съ нею. Понемнегу очнулась она встала, опомнилась и выбѣжала за ворота; я бросилась за нею, но вспомнила что мы дитя сонное одно оставили въ хатѣ—побоялась уйти—поглядѣла ей во слѣдъ, вижу бѣжитъ она вдоль улицы прямо къ господской усадьбѣ—подумала вѣрно просить за Петра хочетъ... Потомъ уже сама разсказывала мнѣ—прибѣжала, бросилась въ ноги ему, просила простить Петра не отдавать въ солдаты... онъ и не слушалъ.

Какъ пришла она оттуда, сейчасъ же слегла: плакала, руки ломала а потомъ заговаривать ужъ Богъ знаетъ что стала. Я ее уложила, укрыла хорошенько, сварила ей бузины пополамъ съ шалфеемъ,—у насъ это всегда въ запасѣ было, потому что отъ многаго хорошо помогаетъ—сама сѣла Ивася качать, думаю не заснетъ ли она, послѣ сна всегда легче станетъ. Цѣлую ночь просидѣла я надъ нею, цѣлую ночь пролежала она молча,—глаза широко раскрыты—боялась я и окликнуть ее... только иногда сама она о себѣ знакъ подавала—вздохнетъ, или руки сожметъ съ тоскою или слово какое промолвитъ, только такъ тихо что и разслышать нельзя. Къ утру заснула, тяжелый былъ сонъ ея сначала, потомъ тише, и тише будто отдыхала, и уже солнце высоко поднялось въ небѣ когда она проснулась...

(Продолженіе будетъ).

Умный кузнецъ.

(Картинка изъ сельской жизни въ Беарнѣ *). Соч. Клэры Глюмеръ.

I.

Это было въ субботу вечеромъ. Послѣдніе удары колокола, призывавшіе къ молитвѣ Пресвятой Богородицѣ, замерли въ воздухѣ; толпа дѣтей, прекратившая при этихъ торжественныхъ звукахъ свои игры на сельской площади, опять взялась за нихъ, и юрансонскія домохозяйки, усталыя отъ великой субботней чистки, собирались передъ дверями поболтать часокъ—другой.

Только обитательница послѣдняго, самаго маленькаго домика на верхнемъ концѣ деревни не переставала еще трудиться. Облитая послѣдними лучами солнца, стояла она на колѣняхъ на берегу ручья, весело бѣжавшаго мимо ея дома чтобы соединиться нѣсколько пониже съ рѣкою Гавой, и чистила мѣдный котелъ, (предметъ ея гордости и лучшее украшеніе ее убогаго хозяйства), соломой, пескомъ и водой, до тѣхъ поръ пока онъ, какъ она говорила съ самодовольствіемъ, не заблестѣлъ червоннымъ золотомъ. Она такъ была углублена въ свою работу, что не замѣтила Проспера Ваду, стараго кузнеца, который, съ важной миной и коротенькой трубочкой во рту, шелъ по дорогѣ въ деревню. Только услыхавъ стукъ его деревяныхъ башмаковъ, она взглянула на него и кивнула ему головою.

— Добраго вечера, кузина Кадетта! сказалъ старикъ, подходя къ ней и протягивая ей руку.—Вы такъ отлично все вычистили, точно будто кого нибудь ждете.

*) Беарнъ, сначала виконство, потомъ княжество въ Южной Франціи (нынѣ большая часть департамента Нижнихъ Пиренеевъ съ придачею Байонны и Молеона), у подножія Пиренеевъ, заключало въ себѣ 71 кв. милю. Сѣверную часть его составляютъ безплодныя равнины, которыми начинается страна; южная наполнена, дикими, лѣсистыми, снѣговыми горами, въ средней густо населенной—прекрасныя долины, луга, пастбища и плодоносные виноградники.

— Да и жду-таки! отвѣчала она, протягивая ему свои мокрые пальцы.—Что вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Вѣдь воскресенье-то придетъ и ко мнѣ, на ряду съ величайшими юрансонскими богачами!.. И устремивъ многозначительный взглядъ на его всклокоченные, сѣдые волосы, косматую бороду, сѣро-коричневый цвѣтъ его бѣлья, платья и кожи, она прибавила:—да, и вамъ, кузенъ Просперъ, не мѣшало бы хотя немножко заняться собою.

Въ отвѣтъ на это кузнецъ покачалъ отрицательно головою.

— А, такъ вотъ что! Вы ждете вескресеньи — и думаете, что ужь больше никто къ вамъ и не придетъ, сказалъ онъ разсмѣявшись. Тутъ онъ сѣлъ на поросшій мохомъ дубовый пень, лежавшъ незапамятныхъ временъ передъ домикомъ, и лукаво подмигнувъ своими маленькими, сѣрыми глазками, прибавилъ къ этому:

— Къ вамъ придетъ не одно только воскресенье. Не хотите ли побиться объ закладъ, что прежде чѣмъ вершина вонъ той горы совершенно исчезнетъ въ сумракѣ, ваша милочка Перрина будетъ здѣсь.

— Перрина! возразила старуха съ выраженіемъ радости на своемъ потемнѣвшемъ лицѣ, покрытомъ морщинами; но тутъ она покачала головою и, принимаясь опять за работу, пробормотала:— Нѣтъ, нѣтъ, вы хотите подразнить меня — малютка и не думаетъ идти сюда.

Просперъ Ваду пожалъ плечами.

— Что она идетъ—это вѣрно, какъ то, что сегодня суббота, сказалъ онъ.—Рыжій Жаку, ѣздившій на телегѣ въ Сенъ-Бенуа, нагналъ ее и предлагалъ ей ѣхать съ нимъ. Но она со свойственною вамъ всѣмъ суровостію отвѣчала ему, что дойдетъ и на своихъ ногахъ. Рыжій Жаку самъ мнѣ это разсказалъ.

Кадетта тяжело вздохнула и принялась развязывать и опять завязывать свой головной платокъ, какъ обыкновенно дѣлала это когда находилась въ затрудненіи, въ то время какъ Просперъ пускалъ изъ своей трубки густыя облака дыма.

— Если малютка идетъ сюда, сказала она наконецъ,—значитъ у нея есть на это причины...

— Разумѣется, и эти причины не трудно отгадать, перебилъ ее Просперъ.—Она услыхала, что Матюринъ опять свободенъ и хочетъ попробовать, нельзя ли опять прибрать его къ рукамъ. Вы не хотите въ этомъ признаться, но я желаю вамъ добра, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы родные Матюрина отвергли еще разъ васъ и Перрину!

— Отвергли! повторила Кадетта дрожащимъ голосомъ.—Отвергли! Скажите пожалуйста! И вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что мы могли бы подвергнуться этому? Да что же наконецъ такого особеннаго въ Матюринѣ-то? Да вѣдь у моей же печки онъ грѣлся, изъ моего горшка ѣлъ, когда умерла его бѣдная мать,—и если онъ могъ одѣваться, когда онъ подросъ и сталъ стеречь овецъ, въ крѣпкій камзолъ, то опять потому же только, что моя Перрина заштопывала своими искусными ручками его лохмотья. Я говорю это не для того, чтобы унизить Матюрина—въ моихъ глазахъ бѣдность не позоръ, а что онъ простоватъ, такъ и это тоже не его вина. Но у него было доброе, благородное сердце,—а такъ какъ онъ постоянно увѣрялъ, что не можетъ жить безъ нея, то она и дала ему слово, а затѣмъ и согласилась на ихъ свадьбу, хотя Перрина слишкомъ хороша для него и у нея въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у него во всей его большой толстой башкѣ...

— Экъ васъ разгорячаютъ старыя исторіи!.. началъ Просперъ, но она не дала ему говорить.

— Разгорячаютъ! Еще бы не разгорячать, когда всѣ вы ведете себя такъ, что и святаго выведете изъ терпѣнія! продолжала она.— Да не во всемъ ли Юрансонѣ говорили тогда потихоньку, что Матюринъ не стоитъ такой хорошенькой, умной и рукодѣльной дѣвушки? а тутъ вдругъ, потому только что его крестный отецъ, скряга, никогда не дававшій ему ни копѣйки, сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ, все это стало неправда, и моя Перрина—высокомѣрная дура, если думаетъ выйти за него замужъ.

— Да будьте же разсудительны, Кадетта! вскричалъ съ досадою Просперъ.—Богатство богатству, а бѣдность бѣдности,—такъ было всегда и такъ должно и остаться. Да Матюринъ и самъ это понялъ, хотя вы и воображаете, что онъ глупъ, да и ваша Перрина, повидимому, тоже покорялась этому. Это было очень умно и хорошо съ ея стороны, что она ушла и предоставила Матюрину искать себѣ подходящей невѣсты. Конечно.... а что она теперь вдругъ опять вздумала возвратиться....

— Только не изъ-за Матюрина, могу васъ увѣрить въ этомъ, перебила его Кадетта, вспыхнувъ отъ гнѣва.—И у насъ тоже есть гордость, кузенъ Просперъ, и послѣ того оскорбленія, которое было сдѣлано Перринѣ, я не иначе соглашусь отдать ее за Матюрина, какъ тогда только, когда вся его высокомѣрная родня придетъ ко мнѣ просить моего согласія.

— Ого, кузина Кадетта! много воды утечетъ въ Гавѣ прежде, чѣмъ вы доживете до этого, сказалъ старикъ.—Вы бы гораздо лучше сдѣлали, еслибъ не говорили такъ безразсудно. Что, еслибъ это услыхалъ кто нибудь другой....

— Пусть весь свѣтъ слышитъ это! вскричала Кадетта.—Я вовсе не шучу. Чванная мельничиха съ ея сыновьями и зятьями, церковный сторожъ Гибу, старая Петронилла, словомъ всѣ, кто вдругъ вздумалъ такъ загордиться своимъ родствомъ съ Матюриномъ, о которомъ они и знать не хотѣли, когда онъ былъ бѣденъ—всѣ они должны придти просить моего согласія, иначе я не позволю; клянусь Бетарамской Мадонной!

Съ этими словами она подняла съ земли котелъ и, размахивая этой блестящей драгоцѣнностью, отправилась рѣшительными шагами домой, межъ тѣмъ какъ Просперъ, не знавшій смѣяться ли ему или сердиться, поднялся съ дубоваго пня и пошелъ назадъ.

— Высокомѣрна-то была она всегда, но это превышаетъ всякое понятіе, бормоталъ онъ, дымя изъ своей трубки еще больше прежняго.—Вотъ такъ требованіе! Церковный сторожъ, принадлежащій наполовину къ духовенству; мельничиха съ ея домами, лугами и полями; Петронилла, у которой самые лучшіе виноградники во всемъ Юрансонѣ, которая ходитъ къ обѣднѣ въ шелковыхъ платьяхъ и почти такое же знатное лицо, какъ городская купчиха,—всѣ они должны придти къ Кадеттѣ Видаль, бѣдной женщинѣ, кое-какъ пробавляющейся съ шитьемъ и пряжей, и должны просить у нея для богатаго Матюрина Вуатюра руку ея племянницы, у которой только и есть что хорошенькое личико. Да вѣдь это просто грѣхъ такая гордость со стороны бѣднаго человѣка! Что мудренаго, если она будетъ наказана!

Просперъ Ваду былъ правъ, какъ и всегда: наказаніе шло за грѣхомъ по пятамъ. Едва переступила Кадетта черезъ порогъ своего дома, какъ въ ней пробудилось сознаніе той отвѣтственности, которую она взяла на себя. Какъ ни возмущалась она противъ этого, но все-таки должна была сознаться, что родственники Матюрина никогда не исполнятъ ея требованія. Такимъ образомъ она, въ минуту гнѣва, положила заклятіе на счастье своей любимицы,—счастье всей ея жизни: вѣдь Бетарамская Мадонна святая изъ святыхъ, такой другой далеко не сыщешь кругомъ, и такими вещами шутить нельзя.

— Что мнѣ дѣлать, чтобы поправить это? спрашивала она себя, опускаясь съ дрожью въ колѣнахъ на стоящую передъ окномъ лавку. Тщетно золотое вечерніе сіяніе лилось въ дверь и окна, въ самые крайніе уголки ея маленькаго царства, чтобы показать ей, что тамъ нигдѣ не было ни пылинки; тщетно столъ, скамья и полъ изъ краснаго кирпичу издавали отъ себя свѣжій запахъ, слѣдующій всегда за чисткою, который былъ ей почти такъ же милъ какъ благоуханіе розъ и жасминовъ; тщетно сверкалъ котелъ, словно второе солнце на темномъ фонѣ средней стѣны—бѣдная Кадетта не радовалась сегодня дѣлу своихъ рукъ и только все спрашивала себя: что мнѣ дѣлать теперь!

Вдругъ она вздрогнула. На мостикѣ послышались легкіе, хорошо знакомые шаги—и, обернувшись, она увидѣла стройную фигуру дѣвушки, при видѣ которой она забыла на минуту всѣ заботы.

— Перрина! вскричала она съ восторгомъ, спѣша къ своей любимицѣ; Перрина тоже радостно вскрикнула—и не прошло минуты какъ они, смѣясь и плача, обнимали другъ друга.

Но радость не долго длилась. Выпустивъ изъ объятій свою любимицу, она увидала хромаго Тинне, ковылявшаго по направленію къ деревнѣ, который остановился на минуту у ручья, кивнулъ головою и махнулъ рукою, при чемъ онъ казался такимъ злобнымъ, что Кадетта какъ-то безсознательно почувствовала желаніе скрыть отъ него и отъ всего Юрансона свою милую племянницу.

— Пойдемъ! сказала она, увлекая ее къ дому, и пока та, положивъ на мѣсто свой узелокъ съ платьемъ, снимала съ головы красный фланелевый капюшонъ съ чорными краями, она спросила ее тономъ, который долженъ былъ выражать строгость, но вмѣсто этого выражалъ только страхъ:

— Теперь, дитя, скажи мнѣ: что заставило тебя такъ внезапно возвратиться сюда?

— Тоска по родинѣ, тетушка,—отвѣчала Перрина тихимъ голосомъ, и въ ту же самую минуту Кадетта увидала съ ужасомъ, какъ сильно измѣнилась ея любимица. Ея прежде столь розовое личко было блѣдно; каріе, прежде столь свѣтлые глаза были какъ бы подернуты флеромъ. Даже въ улыбкѣ ея было что-то грустное. Нѣтъ, бранить малютку было рѣшительно невозможно, какъ бы ни было неразсудительно ея возвращеніе.

— Садись, дитя, ты должно быть устала и голодна; сію минуту я дамъ тебѣ поѣсть, сказала Кадетта, и въ то время, какъ Перрина, опустясь на скамью, съ удивленіемъ находила, что все — начиная съ зеленыхъ саржевыхъ занавѣсей на кровати и до освященной вѣтки остролиста надъ каминомъ—было точь въ точь такое же какъ и прежде, до ея ухода, тогда какъ сама она столько пережила и видѣла, тетка съ жаромъ приступила къ дѣлу. Она выгребла лопатой изъ золы тлѣвшіе уголья, положила на нихъ связку виноградныхъ лозъ, которыя въ ту же минуту вспыхнули съ трескомъ, повѣсила надъ ними сковороду, накрошила туда сала и муки, для того чтобъ поджарить оставшійся отъ обѣда густой маисовый кисель. А потомъ, въ то время, какъ надъ огнемъ шипѣло и клокотало и по дому пронеся такой запахъ, какъ будто-бы воскресенье уже наступило, она накрыла столъ бѣлой скатертью съ красными краями, положила хлѣбъ, поставила соль, тарелку съ жареными каштанами и наконецъ принесла даже кружку вина.

Это былъ настоящій лукулловскій пиръ, — и Перрина, почти цѣлый день ничего не ѣвшая, сдѣлала ему надлежащую честь. Она хвалила славный, бѣлый хлѣбъ, отзывавшуюся лукомъ кашу, говорила, что никакое вино въ свѣтѣ не сравниться съ юрансонскимъ и что нигдѣ нѣтъ такихъ вкусныхъ каштановъ какъ здѣсь. Въ отвѣтъ на это Кадетта только вздыхала. Каждое изъ этихъ словъ было новымъ доказательствомъ, что малютка нигдѣ не мо-

жетъ жить, какъ только дома, — а какъ заговорить съ ней объ этомъ? Когда Перрина отодвинула, наконецъ, отъ себя тарелку, тетка собралась съ духомъ и спросила:

— И такъ, у тебя была тоска по родинѣ?

— Да, тетушка, страшная тоска, отвѣчала молодая дѣвушка.— Я не могла ни ѣсть, ни спать; когда другіе веселились, у меня такъ болѣло сердце, какъ будто бы готово было разорваться, и я становилась со дня на день все блѣднѣе. Моя госпожа, которая очень добра, не могла больше этого видѣть. Она сказала мнѣ, чтобъ я отправлялась домой, а такъ какъ господинъ ѣхалъ сегодня на ярмарку въ Нэ, то и взялъ меня собой, а потомъ я все бѣжала, все бѣжала пока не увидала опять свой милой Юрансонъ— и вотъ такимъ-то образомъ я очутилась здѣсь.

Тетка Кадетта давно уже подняла уголъ фартука къ глазамъ, и когда Перрина замолчала, то она нѣсколько минутъ не могла говорить:

— Да, сказала она наконецъ,—а теперь-то какъ-же намъ быть?

— Теперь мы опять будемъ жить по прежнему, отвѣчала молодая дѣвушка. — Я шью такъ прилежно, такъ только могу; въ заказахъ у меня не будетъ недостатка—и если я встрѣчу Матюрина съ его женой...

— Съ его женой! перебила ее удивленная Кадетта.—Да развѣ ты не знаешь, дитя, ничего объ томъ, что здѣсь случилось? вотъ мука-то не умѣть писать! Развѣ ты не встрѣчалась ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ, которые могли-бы разсказать тебѣ это?

— Что-же такое случилось? вскричала молодая дѣвушка.—Ради Бога...

— Будь покойна, перервала ее Кадетта,—ты знаешь, они должны были вѣнчаться въ праздникъ Тѣла Господня, но за двѣ недѣли передъ этимъ, Максима заболѣла лихорадкой и черезъ пять недѣль умерла.

Перрина была чрезвычайно блѣдна; когда Кадетта замолчала, она закрыла руками лицо и заплакала.

— Дитя, дитя, да перестань-же ты плакать! — увѣщевала ее Кадетта,—что тебѣ за дѣло до Матюриновой невѣсты?

— Бѣдный, бѣдный Матюринъ!—продолжала Перрина.

— Бѣдный Матюринъ! повторила старуха тономъ негодованія— ты шутишь? Если съ нимъ и случилось что худое, онъ этого заслуживалъ. Онъ теперь богатъ, а какъ богатство портитъ сердца, ты это знаешь.

— Только не его сердце! — увѣряла Перрина, утирая слезы. Кадетта всплеснула руками.

— Какъ ты можешь это говорить! — вскричала она.—Развѣ онъ не бросилъ тебя, для того чтобъ жениться на богатой?

— Нѣтъ, тетушка, онъ не дѣлалъ этого!... съ жаромъ возразила молодая дѣвушка.—Если онъ измѣнилъ мнѣ—я сама въ этомъ виновата. Я была высокомѣрна и робка, не могла выносить упрековъ его родныхъ и уговаривала его жениться на Максимѣ, а когда онъ не соглашался на это, я нанялась въ Ортецъ, чтобы только уйти отсюда; тогда онъ на меня разсердился и сдѣлалъ то, что требовали отъ него другіе. Вотъ, какъ было дѣло, тетушка, и вы видите, что вамъ не за что бранить его. Неправда-ли, вы согласны съ этимъ, и не станете уже говорить противъ него?—я не могу слышать этого.

Съ этими словами она схватила руки старухи и взглянула на нее умоляющимъ взоромъ.

— Ну да, малютка, да! я не стану уже ничего говорить объ немъ, отвѣчала Кадетта, вырываясь отъ Перрины.—Но и ты также должна обѣщать мнѣ кое-что, то есть, ты должна быть разсудительна и не забывать, что между тобою и Матюриномъ все конечно. Максима умерла, но за то есть другія богатыя дѣвушки, подъ пару ему. И такъ, обѣщай мнѣ...

— Нѣтъ, тетушка, ужъ я знаю, что вы думаете, но этого я не могу!—перебила ее Перрина и помолчавъ нѣсколько минутъ прибавила тихонько: — я слишкомъ много вынесла, тетушка Кадетта, тамъ, въ городѣ, оттого что не хотѣла думать о Матюринѣ, а между тѣмъ думала объ немъ днемъ и ночью. Этого я *не могу* уже взять на себя—и если только Матюринъ проститъ меня, пусть люди говорятъ обо мнѣ что хотятъ, а не разстанусь съ нимъ.

— Чего только не придетъ тебѣ, дитя, въ голову? Съ чего ты взяла, что онъ можетъ прощать тебя? Ты была права. Гордость-то есть и у насъ и должна быть.

— Не могу больше! повторила опять Перрина.

— И что такое ты нашла въ Матюринѣ?—не понимаю, продолжала тетка жалобнымъ тономъ.—Большой, неотесанный парень, неуклюжій какъ медвѣдь и такой простякъ! Я убѣждена, что у него не найдется двухъ мыслей въ головѣ.

— О, тетушка, вы не знаете его! вскричала съ упрекомъ молодая дѣвушка.—Мыслей у него больше чѣмъ у кого бы то ни было, онъ только не можетъ выражать ихъ при другихъ. Но мнѣ онъ ихъ передаетъ; еслибъ вы услыхали его тогда, вы удивились бы его уму. И къ тому же у него есть воля какой ни у кого въ цѣломъ Юрансонѣ, и если онъ что задумаетъ, то исполнитъ это. Потому онъ былъ глупъ и несправедливъ со мной, что я не имѣла къ нему настоящаго довѣрія и убѣжала. Но я надѣюсь, что онъ простилъ меня, а такъ какъ бѣдная Максима умерла, то мы опять можемъ сойтись.

Кадетта, вздыхая, покачала головою; ея обѣтъ камнемъ лежалъ у ней на сердцѣ. Тѣмъ не менѣе она не могла рѣшиться теперь-же сообщить объ этомъ молодой дѣвушкѣ, хотя и говорила себѣ, что это признаніе будетъ еще затруднительнѣе, когда Перрина и Матюринъ свидятся и конечно примирятся. Растерявшись такъ, какъ никогда еще не растеривалась, она завязывала и развязывала свой головной платокъ—и вдругъ вздрогнула, потому что на мостикѣ загремѣла пара деревянныхъ башмаковъ, такихъ большихъ и тяжелыхъ, какихъ не носилъ никто, кромѣ Матюрина,—и дѣйствительно вслѣдъ за этимъ онъ пробѣжалъ мимо окна съ такой поспѣшностью, что красный шарфъ летѣлъ за нимъ, а длинные, чорные волосы развѣвались вокругъ его головы, словно грива.

Помедливъ съ минуту у открытыхъ дверей, и задыхаясь такъ, что заглушилъ чирканье сверчковъ, онъ переступилъ порогъ комнаты, блѣдный какъ смерть.

— Перрина! прошепталъ онъ; она бросилась къ нему; съ крикомъ восторга схватилъ онъ ее въ объятія, и Кадетта тоже вскрикнула, потому, что ей показалось, что онъ раздавитъ тоненькую Перрину. Но въ слѣдующую-же минуту она убѣдилась, что ничего подобнаго не будетъ, и вышла, чтобъ не мѣшать любящимся.

Но нѣтъ, она удалилась не по этой причинѣ. Она не была-бы такъ слаба! Скорѣе ей пришло на мысль, что за приходомъ Перрины она забыла полить свой маленькій садикъ; надобно было наверстать это. И замѣчательно, какъ сильно хотѣлось пить сегодня растеніямъ, и какъ тяжело было черпать воду изъ ручья, и какъ безпорядочно вились вокругъ маленькой бесѣдки усики жимолости.

Наконецъ все было сдѣлано; даже козы въ досчатой закутѣ и три курицы, помѣщавшіяся подъ той же крышей, были еще разъ осмотрѣны,—и обдумавши тѣмъ временемъ какимъ образомъ передать ей дѣтямъ сдѣланный ею обѣтъ, она возвратилась домой, рѣшилась подать имъ сію же минуту хорошаго вина.

Но они такъ согласно сидѣли на скамьѣ у окошка, когда Кадетта зажитала у камина смоляную свѣчу, личико Перрины было при запылавшемъ свѣтѣ такъ свѣтло, а Матюринъ такъ довѣрчиво сказалъ ей:—Теперь, крестная, Перрина опять тутъ, все будетъ хорошо!, что она была не въ силахъ нарушить такъ скоро ихъ счастье. А потомъ, когда бѣдная Кадетта заняла свое обычное мѣсто въ углу камина, взялась за прялку и привела въ движеніе веретено, ей пришла на умъ спасительная мысль: нельзя-ли искупить ей свой роковой обѣтъ молитвами и подарками? Завтра же утромъ она посовѣтуется съ господиномъ священникомъ, будетъ работать днемъ и ночью, чтобъ сшить новую ризу Бетарамской Мадоннѣ, или предприметъ далекое трудное путешествіе, чтобъ поклониться ей или же будетъ поститься цѣлые мѣсяцы, цѣлые годы, если только это можетъ избавить ее отъ упрека въ томъ, что она помѣшала счастью своей любимицы. Господинъ священникъ такъ уменъ—онъ придумаетъ средство искупить передъ Мадонною неисполненіе этого обѣта.

Чѣмъ дальше размышляла объ этомъ Кадетта, тѣмъ сильнѣе она надѣялась, тѣмъ легче вертѣлось веретено въ ея рукѣ и тѣмъ явственнѣе вставалъ передъ ея духовными глазами воздушный замокъ, удивительно похожій на полученную Матюриномъ въ наслѣдство усадьбу. Тутъ былъ большой лугъ у ручья; тутъ было поле съ пшеницей, самое лучшее во всѣмъ Юрансонѣ, и виноградникъ на пригоркѣ за церковью; тутъ были коровы, овцы, два великолѣпныхъ быка, маленькая, бодрая гасконская лошадка. Тутъ былъ наконецъ покрытый черепицей домъ съ зелеными ставнями; высокій каминъ изъ пиренейскаго мрамора съ тяжелыми желѣзными таганами и цѣлой баттареей кухонныхъ котловъ и кострюлекъ; тутъ красовались надъ кроватью великолѣпныя зеленыя занавѣси, обшитыя бахрамой того же цвѣта; тутъ были кресла съ мягкими подушками какъ у горожанъ; даже серебрянный сервизъ и набитый холстомъ шкапъ, о которомъ дошли до нея слухи — и это оказывалось не выдумкой—и среди этихъ-то великолѣпій царила и властвовала ея Перрина, трудолюбивая, проворная и веселая—и Кадетта тоже могла распоряжаться всѣми этими сокровищами, начиная съ ветчины въ кладовой и до послѣдняго боченка съ виномъ въ погребѣ — это была отрадная мечта!

II.

Хороша была и дѣйствительность, когда на другой день утромъ тетка и племянница пошли къ обѣднѣ, привѣтливо раскланиваясь съ встрѣчавшимися имъ знакомыми, расхваливавшими Перрину за то, что она возвратилась, чтобъ избавить Кадетту отъ одиночества,—и добрая старушка еще разъ убѣдилась что изъ всѣхъ молодыхъ юрансонскихъ дѣвушекъ ея малютка была самая хорошенькая. Правда, она была немножко блѣдна, и ея щечки потеряли отчасти свою прежнюю округлость, но начиная съ прекрасной головки и до маленькихъ ножекъ, все въ ней было мило и прелестно; какъ она ходила и стояла, кланялась и болтала, такъ не могъ никто другой, и хотя ея платьице было изъ плохой матеріи, головной платокъ вышелъ изъ моды, а ея фартучекъ полинялъ, но все-таки она показалась свѣжѣе и «знатнѣе» всѣхъ другихъ, даже хлѣбниковой дочери, которая прошла, словно деревянная, въ ситцевомъ платьѣ и шелковомъ фартукѣ съ серебрянными чотками въ рукахъ.

Это же самое находилъ и Матюринъ, который, во время благовѣсти, вошелъ въ церковь поспѣшными шагами и съ красными лицомъ, а когда Перрина взглянула на него и привѣтствовала его глазами, то сталъ еще краснѣе. Его костюмъ задалъ ему сегодня еще больше хлопотъ, чѣмъ когда бы то ни было; въ особенности шарфъ рѣшительно не хотѣлъ завязываться. Но какъ бы то ни-

было, а онъ тутъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоитъ на колѣняхъ милая, давно желанная фигура молодой дѣвушки. Не смотря на все свое желанiе молиться, онъ не могъ свести съ нее глазъ — и вмѣсто того, чтобы слѣдить за обѣднею, думалъ только объ ней. Что онъ думалъ когда-то жениться на другой — это казалось ему теперь рѣшительно невозможнымъ. Хотя и Максима тоже была добрая дѣвушка (онъ чистосердечно плакалъ по ней, когда она умерла), но онъ всегда чувствовалъ какую-то неловкость, когда она глядѣла на него своими сѣрыми, спокойными, внимательными глазами, а когда она говорила ему: «да не будь-же такимъ простякомъ! — Матюринъ, да не стучи же такъ ногами! — Матюринъ, да не смѣйся же такъ много!» — то онъ готовъ былъ спрятаться хоть бы даже въ мышиную норку. При Перринѣ же у него становилось какъ-то свѣтло на сердцѣ, потому-что она брала его такимъ, какъ онъ былъ, — и въ то время какъ другiе считали его глупымъ, потому-что онъ былъ не находчивъ въ разговорѣ, она радовалась его умнымъ мыслямъ и помогала ему выражать ихъ. Да она же, кстати, была и умнѣе другихъ. Стоило сказать Матюрину только одно слово, и она уже знала что онъ хотѣлъ сказать, а когда имъ случалось оставаться наединѣ, то имъ было такъ весело, говорили-ли они или молчали. Поэтому-то, конечно, имъ лучше всего повѣнчаться, и притомъ какъ можно скорѣе. Своей родни Матюринъ не хотѣлъ больше и слушать, и сегодня же объявитъ о своемъ рѣшенiи господину мэру и господину священнику. А завтра онъ отправится въ По, чтобы купить малюткѣ самое лучшее шелковое платье, какое только можно найти. Онъ сбирался подарить ей и золотую цѣпочку; кровь кипѣла у него въ жилахъ, когда онъ представлялъ себѣ, какъ надѣнетъ онъ ей на бѣлую шейку это украшенiе, какъ они пойдутъ вмѣстѣ въ церковь, какъ ихъ обвѣнчаютъ, а потомъ — съ музыкой впереди, съ большимъ свадебнымъ пирогомъ, какого не запомнятъ юрансонскiе старожилы, въ сопровожденiи родственниковъ, друзей и товарищей, — пройдутъ они по деревнѣ, вокругъ площади къ увѣшанному вѣнками дому, гдѣ на всѣхъ безъ исключенiя сковородахъ будетъ кипѣть и дымиться...

Дальше этого не шли матюриновы мысли. Обѣдня кончилась, прихожане хлынули изъ церкви. Но онъ тоже бросился къ дверямъ вслѣдъ за Перриною и нагналъ ее, когда она вышла вмѣстѣ съ теткою, изъ темныхъ церковныхъ сѣней, на облитое солнечнымъ сiянiемъ кладбище.

Рождественскiй соборъ въ Ярославлѣ. Рис. А. де Баръ, грав. Саржанъ.

Тутъ старуха остановилась; «Ступай домой, малютка, и похлопочи объ обѣдѣ; мнѣ нужно сказать словечко господину священнику, проговорила она быстро и, нѣсколько смѣшавшись, кивнула головою Матюрину, который хотѣлъ было привѣтствовать ее пожатiемъ руки, — и быстрыми шагами, никуда не оглядываясь, бросилась къ дому священника.

Но какъ скоро она туда шла, такъ медленно возвращалась она полчаса спустя, черезъ кладбище, и вмѣсто того, чтобъ идти прямою дорогою, черезъ деревню, она пошла по луговой тропинкѣ за садомъ и такимъ образомъ очутилась совершенно неожиданно у кузнеца. Она хотѣла было пройти мимо, а это было не хорошо, потому, что Просперъ Ваду стоялъ съ своей трубкой за дверями, заступилъ дорогу увидавъ Кадетту — и спросилъ ее съ важнымъ видомъ:

— Да куда-же, наконецъ, вы дѣвались, кузина Кадѣтта? Обѣдня давно уже кончилась и Матюринъ съ Перриной давно уже прошли. Нечего сказать, чудо что это за парочка, и у меня старика посвѣтлѣло на сердцѣ, когда малютка подошла ко мнѣ такъ ласково и такъ обняла, словно я дядя, отъ котораго она можетъ получитъ наслѣдство. Но что толку-то въ этомъ! Выйти за Матюрина она не можетъ — поэтому лучше всего если вы отошлете ее назадъ, иначе пойдутъ толки насчетъ нея и малаго-то. Но что съ вами? прервалъ онъ себя, схвативъ старуху за руку, а она какъ ни старалась, но не могла не заплакать. Безъ всякаго сопротивленiя позволила она своему кузену отвести себя на скамью передъ его домомъ, рыдая опустилась нанее — и не мало-таки прошло времени прежде, чѣмъ онъ узналъ изъ ея восклицанiй, что она была у священника просить совѣта насчетъ разрѣшенiя ея отъ обѣта и что отъ господина священника послѣдовало слѣдующее печальное рѣшенiе: «обѣтъ Бетарамской Мадоннѣ долженъ быть исполненъ вполнѣ, и никакiе подарки и эпитимiи не въ состоянiи отмѣнить его».

Слушая ее, Просперъ пускалъ изъ своей трубки густыя облака дыма и, когда она замолчала, сказалъ ей:

— Да, кузина, напрасно вы и ходили-то къ нему. Какъ разъ передъ самой обѣдней были у господина священника мельничиха и Петронилла. Что малютка возвратилась — это внушаетъ имъ все-

возможныя опасенія — поэтому-то онѣ и обѣщали господину священнику новый покровъ для алтаря и почемъ я знаю что еще, если только онъ успѣетъ уговорить Матюрина жениться не иначе какъ съ согласія родныхъ. Что при такихъ обстоятельствахъ обѣтъ вашъ не можетъ быть разрѣшенъ — это само собою разумѣется...

— Стыдитесь, кузенъ! перебила его съ негодованіемъ Кадетта.— Какъ вы можете говорить такимъ образомъ о господинѣ священникѣ, который такъ святъ и праведенъ...

— Кто-же утверждаетъ противное? вскричалъ Проспeръ.—Я передаю вамъ только-то, что разсказала мнѣ священникова кухарка, и надѣюсь, это объяснитъ вамъ, почему господинъ священникъ такъ строгъ къ вамъ. Что-же дѣлать иначе этому праведному человѣку? Какая польза юрансонской церквѣ въ тѣхъ подаркахъ, которые вы сдѣлаете Бетарамской Мадоннѣ? Отдайте ихъ лучше нашей церквѣ и если они будутъ стоить больше того, что пообѣщала матюринова родня, то мы еще посмотримъ.

— Нѣтъ, Проспeръ, я не могу больше слушать подобныхъ вещей! перервала его Кадетта, вставъ съ мѣста.—Если ужь вы не можете удержаться отъ того, чтобъ не злословить духовенства,— дѣлайте, какъ знаете; но я не хочу присутствовать при этомъ — да еще въ воскресенье!

Съ этими словами она удалилась и, услыхавъ за собою хохотъ старика, перекрестилась. Гнѣвъ на кузена за его противухристіанскія рѣчи разсѣялъ до нѣкоторой степени ея горе, сожалѣніе къ Перринѣ замолкло передъ послушаніемъ пастырю душъ—и она рѣшилась немедленно исполнить ей долгъ.

Случай пришелъ къ ней на помощь. Войдя къ себѣ въ домъ, она увидѣла что Матюринъ обнимаетъ и цѣлуетъ малютку — это былъ самый удобный поводъ для объясненія.

— Это что значитъ? вскричала она негодующимъ тономъ, а когда молодые люди разбѣжались, она ставъ между ними, продолжала:—вчера при свиданіи я допустила васъ обняться, но теперь этому безумію надо положить конецъ.

— Но, тетя - Кадетта!

— Но, крестная! вскричали разомъ Перрина и Матюринъ.

Кадетта не дала говорить имъ дальше.

— Нечего говорить пустяковъ! Или ведите себя какъ слѣдуетъ, или я не стану больше принимать у себя Матюрина. Онъ не долженъ подавать повода къ толкамъ насчетъ тебя, Перрина...

— О, тетя Кадетта, да вы только выслушайте! Ему и на умъ не приходитъ подавать поводъ къ толкамъ насчетъ меня, потому, что мы... да скажи-же это, Матюринъ, тетѣ!

— Мы женимся, крестная! вскричалъ Матюринъ съ необычайной словоохотливостью.

При этихъ словахъ Кадетту бросило въ жаръ и въ холодъ, но она собралась съ духомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? это дѣло рѣшенное? отвѣчала она съ притворнымъ негодованіемъ въ голосѣ и лицѣ.—Только я тебѣ припомню, парень, что вѣдь это не въ первой. Разъ когда-то вы тоже совсѣмъ это порѣшили, а потомъ вдругъ все прошло, словно ничего и не бывало, потому-что твои родные пашли, что богатая невѣста больше тебѣ подъ пару. Но въ другой разъ этого не будетъ—и пока вся твоя родня не придетъ сватать за тебя Перрину, ты не имѣешь права считать ее своей невѣстой.

— Его роднѣ тутъ нечего дѣлать, тетя, сказала Перрина,—онъ совершеннолѣтній и не нуждается въ ней.

— Да, я совершеннолѣтній и не нуждаюсь въ ней, подтвердилъ молодой человѣкъ.

— Но Перрина нуждается, перервала его Кадетта,—и я соглашусь тогда только, когда твоя родня станетъ просить объ этомъ. И у насъ тоже есть гордость, да еслибъ даже я и захотѣла переломить ее, то и тогда это было бы невозможно, потому, что я дала обѣтъ Бетарамской Мадоннѣ, что иначе этого не будетъ.

— О, тетя, какъ ты могла сдѣлать это! вскричала Перрина голосомъ, разрывавшимъ Кадеттѣ сердце, но эта послѣдняя не должна была выказывать слабости и строго сказала:

— Молчи, дитя, ты этого не понимаешь! Но ты, Матюринъ, можешь доказать теперь, что дѣло идетъ у тебя не на шутку, т. е. привести сюда своихъ родныхъ. И не думай перечить мнѣ въ этомъ, а лучше пробирайся-ка отсюда, да пусти дѣло-то въ ходъ.

При этихъ словахъ она ловко подвела его къ дверямъ и онъ увидалъ, что ему приходится покориться. Съ робкимъ завѣреніемъ, что сдѣлаетъ всевозможное, вышелъ онъ вонъ, и хотя въ честь воскресенья онъ и замѣнилъ деревянные башмаки кожаными сапогами, но мостикъ затрещалъ подъ его шагами, точно будто-бы рушился.

Это былъ печальный обѣдъ для Кадетты, еще печальнѣе тѣхъ когда она сидѣла одна за своимъ супомъ заправленнымъ саломъ. Вкусный салатъ, лучшее произведеніе ея сада не получилъ никакихъ похвалъ, а вино сошло съ стола нетронутымъ. Да и какъ радоваться подобнымъ Божьимъ дарамъ, когда передъ вами два полныхъ слезъ глаза, а вамъ приходится говорить себѣ, что это по вашей винѣ?

Медленно тянулись послѣобѣденные часы; стали благовѣстить къ вечернѣ, но ни у Кадетты ни у Перрины не хватило духу идти въ церковь. Молодая дѣвушка сидѣла у окошка, тетка у камина— и обѣ поджидали отвѣта, который долженъ былъ принести Матюринъ.

Но Матюринъ не показывался. Да и зачѣмъ было ему приходить? Его дѣло потерпѣло полнѣйшую неудачу. Кузенъ Гибу засмѣялъ его; мельничиха насмѣшливо спросила: ужь не спятилъ-ли онъ съ ума? а Петронила прошла въ такую ярость, что онъ обратился отъ нея въ бѣгство.

(Окончаніе будетъ).

Рождественскій соборъ въ Ярославлѣ.

Ярославль, какъ извѣстно, одинъ изъ древнихъ русскихъ городовъ, насчитывающихъ восемь вѣковъ своего существованія. Народное преданіе относитъ основаніе его даже ко временамъ Ярослава I, приписывая этому государю и сооруженіе *рубленаго города* (деревянной крѣпости, съ церковью Иліи пророка). Рѣка Волга, Которосль, да оврагъ Медвѣдица—были предѣлы первоначальнаго городскаго поселенія, заключая въ объемѣ своемъ дворецъ князя Константина Всеволодовича, сгорѣвшій въ 1301 году. На мѣстѣ этого княжескаго жилища въ XVI вѣкѣ уже возникъ воеводскій домъ съ своими обширными пристройками, уже опустѣлый задолго до того времени, когда владыкѣ Самуилу, ростовскому и ярославскому, пришла благая мысль построить на мѣстѣ развалинъ каменный домъ, вошедшій (1805 г.) въ составъ заводимаго лицея Демидова. Кромѣ собора въ рубленомъ городѣ теперь еще три церкви.

Въ XIII вѣкѣ, Ярославскій посадъ уже выдвинулся за границы *рубленаго* города въ мѣстность нынѣ извѣстнаго *землянаго*. Здѣсь, на лѣвомъ берегу Которосли, построена 1213—1216 г. церковь архангела Михаила. *Землянымъ* городомъ называютъ пространство отъ *рубленаго* города до *насыпи*, еще видной въ 1823 году. Здѣсь, кромѣ Михаило-архангельской церкви, теперь еще десять другихъ храмовъ, да два монастыря.

Восьмая изъ церквей землянаго города — *Христорождественская* — помѣщается нами въ вѣрномъ изображеніи.

Время сооруженія на этомъ мѣстѣ перваго храма неизвѣстно, но въ XVII вѣкѣ здѣсь была уже церковь (1609 г.), въ стѣнахъ которой жители Ярославля спрятали чудотворную икону Казанской Божіей Матери, когда шайка ляховъ и русскихъ измѣнниковъ явилась грабить богатый Ярославль.

Надпись подъ кровлею снаружи существующаго храма точно указываетъ и время, и обстоятельства сооруженія. Вотъ эта замѣчательная надпись цѣликомъ: «въ лѣто семь тысячъ сто сорокъ четвертое поставлена сія церковь во имя Рождества Господа нашего Іисуса Христа, при державѣ государя и великаго князя Михаила Өеодоровича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Руссіи самодержца, при митрополитѣ Варлаамѣ ростовскомъ и ярославскомъ, а воздвигнули сію церковь Акиндинъ, по прозванію Дружина, да Гурій, Назаровы дѣти, по душѣхъ своихъ и по своихъ родителехъ. А совершили церковь сію послѣ отца своего Гурія Назарова, дѣти ево, Михайло, да Андрей, да Иванъ, по своихъ душахъ и по родителемъ, на воспоминаніе вѣчныхъ благъ. А свершена сія церковь и освящена седьмыя тысящи сто пятьдесятъ во второе лѣто, мѣсяца августа въ 28-й день, на память преподобнаго Моисея Мурина».

Такъ, благочестивый обѣтъ трехъ поколѣній оставилъ на память потомству этотъ храмъ, два вѣка почти красовавшійся пятью куполами своими, а теперь (съ 1831 года) оставленный объ одной главѣ. Для чего допущено такое искаженіе?—едва ли найдемъ мы достаточное оправданіе самовольцевъ въ дозволеніи мѣстнаго архіерея, будто по ненадежности меньшихъ главъ. Какъ же уцѣлѣлъ и оставленъ большой куполъ?—паденіе его должно было послѣдовать скорѣе, въ случаѣ обветшанія стѣнъ и уничтоженія крѣпости матеріала.

Рождественская церковь, какъ и вообще наши храмы въ городахъ, имѣетъ двѣ половины: *зимнюю* и *лѣтнюю*. Въ холодной церкви, кромѣ главнаго престола Рождества Христова, три *придѣльныхъ*: Іоакима и Анны, св. муч. Акиндина—ангелъ храмоздателя, старшаго Дружины,—да Казанской Божіей Матери. Теплый храмъ—во имя Николая чудотворца; а подъ колокольнею, которой высокій пирамидальный осмерикъ далеко уходитъ въ лазурь неба, представляясь уцѣлѣвшею частью какого-то гигантскаго сооруженія, въ родѣ проѣздныхъ воротъ, съ примыкающими флигелями,—теперь помѣщается церковь священномучениковъ и исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авива.

Храмъ Рождественскій между многими иконами, украшенными роскошно, заключаетъ въ себѣ *образъ воплощенія Бога Слова*, древняго письма, предъ которымъ часто служатъ молебны женщины, готовясь быть матерями.

Гораздо древнѣйшими, чѣмъ нами описанный храмъ, считаются въ земляномъ городѣ, церкви: *Тихоновская*, относимая къ XIII вѣку, *Николонадѣинская* къ XV вѣку; прочія же церкви и монастыри построены въ XVII вѣкѣ.

Болѣе новѣйшую часть города Ярославля, чѣмъ разсмотрѣнные нами города *Рубленый* и *Земляный*, составляетъ *предмѣстіе*, за рвами, въ XVI вѣкѣ уже заключавшее въ себѣ слободы: *Пятницкую* (отъ Спасскаго монастыря, основаннаго въ 1216 году), *Кисельскую*, *Никитскую*, *Кондаковскую съ зарядьемъ*, *Благовѣщенскую* и *Петровскую*. На этомъ пространствѣ теперь 18 церквей и архіерейскій домъ (въ бывшемъ Спасскомъ монастырѣ).

Сверхъ того, есть еще части города: *Тверицкая* съ церковью Троицы и *Закоторосная* съ семью церквами, такъ что съ домовыми въ Ярославлѣ 54 церкви, которыхъ на число жителей болѣе чѣмъ достаточно. Урочище *Тверицы* (Тверская часть) на лѣвомъ, луговомъ берегу Волги, составляло Ловецкую слободу и названіе получило отъ *тверитянъ*, поселенныхъ здѣсь царемъ Іоанномъ Ш. Она идетъ къ вологодской заставѣ и населена ремесленниками и кирпичниками. Кирпичедѣланіе, введенное голландцами въ XVII вѣкѣ, сдѣлало въ Ярославлѣ замѣчательные успѣхи при царяхъ и вліяло на развитіе архитектуры, памятники которой въ экземплярахъ, подобныхъ церквамъ Предтеченской въ *Толчковѣ* и Златоустовской въ *Коровникахъ*, сдѣлали бы честь даже нашему русскому искусству за время царей московскихъ.

Изъ безконечно-малаго міра.

Стоитъ только поверхностно услышать о «чудесахъ микроскопа», чтобы воображеніе безъ удержа стало населять все окружающее невидимыми, безконечно-малыми, но въ общей ихъ сложности, страшно грозными существами. Воздухъ представляется всѣмъ наполненнымъ безчисленными легіонами алчныхъ прожоръ, угрожающихъ жизни, здоровью и необходимымъ для васъ предметамъ; въ водѣ рисуется воображенію кипучая жизнь милліардовъ противныхъ и опасныхъ для здоровья существъ; однимъ словомъ, все кажется насквозь пропитаннымъ невидимыми крошечными врагами.

Благодаря случайности, именно возбужденному трихинами страху, въ новѣйшее время микроскопъ получилъ такую популярность, что при этихъ опасеніяхъ отличить правду отъ неправды въ настоящую минуту стало доступно всѣмъ, по крайней мѣрѣ среди образованнаго кружка людей.

Но фактическія явленія, представляемыя микроскопомъ во всей ихъ жизненности глазамъ нашимъ, въ самомъ дѣлѣ до такой степени удивительны, что простому смертному они дѣйствительно могли бы казаться «чудесами», если бы популярныя описанія ученыхъ не доставляли всякому возможности подробно ознакомиться съ этимъ таинственнымъ міромъ.

Всякому извѣстно слово *инфузорія* или *наливочное животное*; но многіе ли имѣютъ правильное понятіе о томъ, что собственно означаетъ это названіе? Впрочемъ это очень простительно, такъ какъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій показали, что опредѣленіе наливочныхъ животныхъ лишено всякаго значенія и смысла. Поэтому, прежде чѣмъ говорить объ отдѣльныхъ членахъ этой группы животныхъ, мы остановимся сначала на ихъ названіи.

Инфузоріи были извѣстны въ общихъ чертахъ уже съ 1665 года. Знаменитый естествоиспытатель Левенгукъ (Leeuwenhoeck) думалъ изслѣдовать жгучее свойство перца посредствомъ микроскопа, и сталъ съ этою цѣлью производить опыты надъ перцемъ. Онъ облилъ его чистой водой, и былъ весьма удивленъ, когда черезъ нѣсколько времени увидѣлъ, что вся жидкость наполнена крошечными созданьицами. Подобные настои стали съ тѣхъ поръ употребляться и употребляются до настоящей минуты для химическихъ изслѣдованій, а также для приготовленія многихъ лекарствъ; въ сущности это то же самое, что мы въ обыденной жизни называемъ чаемъ, съ той впрочемъ разницей, что въ первомъ случаѣ дѣлаютъ только холодные настои съ различными жидкостями; притомъ же названіе чая собственно заслуживаетъ лишь прекрасный даръ китайскаго кустарника и приготовляемый изъ него напитокъ.

Только черезъ сто лѣтъ послѣ открытія Левенгука, ученые изслѣдователи Ледермюллеръ и Врисбергъ назвали эти созданьица инфузоріями или наливочными животными. Съ теченіемъ времени во всевозможныхъ настоенныхъ жидкостяхъ, а потомъ и въ такихъ даже, изъ чего бы они ни состояли, напр. въ крови, въ молокѣ, въ мясномъ отварѣ, въ уксусѣ, слюнѣ и т. д. стали находить микроскопическихъ животныхъ въ чрезвычайно богатомъ разнообразіи формъ, и наконецъ пришли опять къ первоначальному мнѣнію старинпаго ученаго, а именно: что животныя эти встрѣчаются въ дождевой, да и во всякой другой водѣ.

Дальнѣйшія наблюденія показали, что въ дистиллированной или отварной водѣ, гдѣ безъ сомнѣнія уже не могло быть никакой жизни, тѣмъ не менѣе скоро появлялись наливочныя животныя, но только въ такомъ случаѣ, если вода стояла на открытомъ воздухѣ; если же она была герметически закрыта, то это совершенно препятствовало развитію маленькихъ существъ; даже легкая кисейная или бумажная прикрышка значительно затрудняла ихъ размноженіе, а иногда и совершенно недопускала его. Отсюда сдѣлалось яснымъ, что эти животныя, ихъ выводки, зародыши, однимъ словомъ ихъ размноженіе и распространеніе, могли проникнуть въ жидкость изъ воздуха.

Это воззрѣніе послужило основаніемъ дальнѣйшаго развитія микроскопическихъ изслѣдованій и наблюденій, которыя, конечно, послѣ всевозможныхъ ошибочныхъ и фантастическихъ догадокъ и предположеній, открыли, путемъ неутомимаго стремленія къ истинѣ, совершенно новый міръ окружающей насъ невидимой животной и растительной жизни. Благодаря трудамъ Эренберга въ Берлинѣ, Штейна въ Прагѣ, Пастера въ Парижѣ, и другимъ, ученіе объ инфузоріяхъ такъ обработано, что ихъ можно описывать понятнымъ образомъ и представлять на картинкахъ и для обыкновенной образованной публики.

На нашей картинкѣ показаны только нѣкоторыя изъ интереснѣйшихъ формъ этого удивительнаго міра. На лѣвой сторонѣ передъ нами находится колокольчиковая инфузорія, которая живетъ въ оконечностяхъ или корневыхъ нитяхъ, свободно плавающей по водѣ, болотной ряски (*Lemna*). Колокольчиковыя инфузоріи, или сувойки, обыкновенно крѣпко сидятъ на завитыхъ спиралью, но очень скоро распрямляющихсяниткообразныхъ стебляхъ, и двигаются такъ красиво, что разлюбуешься ими. Размноженіе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: отдѣльные колокольчики отрываются и посредствомъ рѣсничнаго вѣнчика начинаютъ плавать кругомъ, пока не найдутъ себѣ подходящаго мѣста; тогда они плотно усаживаются на немъ и основываютъ новую колонію. Различныя ихъ превращенія дали поводъ насчитывать ихъ въ безчисленномъ множествѣ разныхъ родовъ, но изслѣдованія Эренберга значительно ограничили ихъ, и теперь число родовъ ихъ уже вѣрно опредѣлено. Сувойки живутъ въ водяныхъ растеніяхъ, въ улитковыхъ раковинахъ и т. п. и представляются невооруженному глазу въ видѣ плѣсени. Маленькая фигурка въ серединѣ нашей картинки изображаетъ болотную ряску съ сидящими на ней колокольчиковыми инфузоріями въ натуральную величину, а уже упомянутая выше фигурка на лѣво, такъ называемую *туманную сувойку* (*Vorticella nebulifera*), увеличенную въ триста разъ.

Далѣе идутъ *коловратки*, хотя строго говоря, эти животныя не принадлежатъ собственно къ инфузоріямъ, но имѣютъ съ ними общее то, что по микроскопической малости, ихъ также можно разглядѣть только при помощи увеличительнаго стекла. Впрочемъ, прежде подъ названіемъ наливочныхъ животныхъ разумѣли всѣхъ микроскопическихъ животныхъ, невидимыхъ простымъ глазомъ; въ настоящее же время отсюда отдѣлены различныя группы нѣсколько выше организованныхъ животныхъ; для изученія ихъ кромѣ упомянутыхъ выше ученыхъ, много было сдѣлало Бурмейстеромъ, живущимъ въ Буеносъ-Айересѣ. Итакъ, коловратки принадлежатъ къ этимъ, стоящимъ нѣсколько выше крошечнымъ созданіямъ; онѣ получили такое названіе потому, что на передней части тѣла у нихъ помѣщается странный аппаратъ, посредствомъ котораго онѣ не только могутъ двигаться въ водѣ, но также и проглатывать пищу. Когда маленькое созданьице плаваетъ, этотъ рѣсничнообразный органъ представляется въ болѣе или менѣе быстромъ движеніи, которое однако не столько можно сравнить съ движеніемъ настоящаго колеса, сколько съ движеніемъ руки, если вертѣть ею въ воздухѣ. Находящаяся на заднемъ концѣ, въ формѣ хвоста, прицѣпка служитъ животному для того, чтобы прицѣпляться ею къ мѣсту, выбранному имъ для отдыха. На нашей картинкѣ, направо, нижняя большая фигура показываетъ *щитоносную коловратку* (Notëus quadricornis), съ рѣсничнообразнымъ колесчатымъ аппаратомъ на верху. Фигура, нарисованная надъ ней, изображаетъ то же самое животное сбоку, плавающее въ водѣ. На обоихъ рисункахъ крошечный латникъ увеличенъ въ триста разъ.

Спустимся еще ниже, — но не въ темную глубь воды, а напротивъ, взглянемъ только на малѣйшія водяныя капельки—на первобытные зародыши животной жизни, такъ какъ въ этой области мы, собственно говоря, уже перешли границу, отдѣляющую животную жизнь отъ растительной.

Монадами или монадинами, т. е. собственно *точечными животными*, называютъ малѣйшую до сихъ поръ открытую животную форму, въ которой, по опредѣленію Эренберга, тѣмъ не менѣе двадцать шесть, а по опредѣленію другого изслѣдователя, Фоке, не меньше четырехъ родовъ. Въ серединѣ нашей картинки, верхняя фигура представляетъ *большую монаду* (*Monas grandis*), увеличенную въ двѣсти девяносто разъ; точно также въ серединѣ нижняя фигура представляетъ родственное первой, *багровое глазковое животное (Euglena sanguinea)*, увеличенное въ триста разъ. Монадъ, равно какъ глазковыхъ животныхъ, всегда можно найти отъ весны до осени, во всякой стоячей водѣ.

Естествоиспытатели опредѣли съ точностію, что въ одной каплѣ воды можетъ жить пятьсотъ милліоновъ самыхъ крошечныхъ изъ этихъ животныхъ, а въ кубическомъ дюймѣ воды 800,000 милліо-

новъ, слѣдовательно въ восемьсотъ разъ больше, чѣмъ людей на всемъ земномъ шарѣ. Но нельзя вообразить, какъ затруднительны наблюденія и изслѣдованія подобныхъ существъ. Въ капелькѣ воды, лежащей подъ микроскопомъ, онѣ появляются на одинъ мигъ и тотчасъ же исчезаютъ; поэтому конечно возможно опредѣлить группу монадъ, но отличіе отдѣльныхъ индивидуумовъ всегда сомнительно.

Кстати упомянемъ еще, что одинъ родъ этихъ точечныхъ животныхъ, *багровая монада-чудо (Monas prodigiosa)*, иногда скопляется въ такомъ количествѣ на хлѣбѣ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, что простому глазу это мѣсто кажется покрытымъ красными точечками или капельками.

А когда наша смѣлая мысль, само собою разумѣется руководимая наукой, перелетаетъ отъ этихъ малѣйшихъ созданій въ неизмѣримыя пространства съ вращающимися въ нихъ мировыми тѣлами; когда мы сравнимъ точечное животное въ каплѣ воды съ едва ли менѣе многочисленными неподвижными звѣздами или солнцами, вокругъ которыхъ въ свою очередь движутся цѣлые міры планетъ,—то развѣ человѣческій умъ не представляется намъ такимъ же великимъ чудомъ? Да, какъ ни поражаетъ насъ величіе природы въ ея грандіознѣйшихъ и мельчайшихъ созданіяхъ, но нельзя не чувствовать глубокаго уваженія и къ человѣческому генію, который могъ проникнуть во все великое и малое и постичь его.

Смѣсь.

Роса и дождь.

(см. стр. 405).

Въ pendant къ помѣщенной нами недавно картинкѣ Андріоли «Весна», прилагаемъ два не менѣе изящныя произведенія другаго художника, Герзона; оригиналы ихъ находятся въ Варшавѣ, въ Hôtel Victoria, и написаны масляными красками на стѣнѣ одной изъ залъ этого отеля. Олицетворенія силъ и явленій природы, составлявшія внутренній смыслъ религіи древнихъ народовъ и въ особенности грековъ,—дали особенное направленіе греческому искусству, выразившееся преимущественно въ пластикѣ, такъ какъ отъ живописи древнихъ уцѣлѣло весьма немногое въ помпейскихъ фрескахъ и на домашней утвари. Въ прошломъ столѣтіи, во время господства ложно-классическаго направленія во Франціи, древнія олицетворенія преобразились въ такъ-называемыя аллегоріи, которыя были въ большой модѣ между придворными Людовиковъ XIV и XV. Въ наше время художники рѣдко уже обращаются къ подобнымъ сюжетамъ—и произведенія эти носятъ на себѣ печать чего-то отжившаго, безцвѣтнаго и безсодержательнаго. Тѣмъ пріятнѣе встрѣчать исключенія, полныя жизни и мысли, подобныя прилагаемымъ рисункамъ Герзона, исполненнымъ на деревѣ съ оригиналовъ самимъ художникомъ.

Гремучія змѣи.

Я долженъ прежде всего опровергнуть всѣ прочитанныя мною книги, слѣдовательно противорѣчить авторитету почти всѣхъ естествоиспытателей относительно того, какимъ способомъ змѣи кусаютъ и впрыскиваютъ свой ядъ. Правда, я могу говорить только о гремучихъ змѣяхъ; относительно другихъ ядовитыхъ змѣй, различныя имѣющіяся свѣдѣнія можетъ быть и вѣрны, но гремучая змѣя вливаетъ ядъ свой не черезъ зубы. Всегда увѣряли, будто оба зуба, соотвѣтствующіе нашимъ глазнымъ зубамъ, у змѣй пусты и имѣютъ въ концѣ отверстіе,—что ядъ течетъ въ зубъ изъ мѣшечка, въ которомъ онъ хранится, а оттуда уже въ рану. Зубы эти у гремучей змѣи дѣйствительно пусты, но конецъ цѣлъ—и мѣшечекъ съ ядомъ, по его положенію, можно сравнить съ наростомъ на деснѣ; когда змѣя кусаетъ, то отъ давленія немедленно вытекаетъ капля яда въ рану, но внѣ зуба. Г. В. Р. Морлей, землемѣръ центральной линіи желѣзной дороги, которая пойдетъ черезъ Колорадо и Новую Мексику, опытный естествоиспытатель, перебилъ сотни этихъ змѣй, тщательно изслѣдовалъ ихъ, заставлялъ ихъ кусать при условіяхъ, позволявшихъ ему наблюдать ихъ,—и объявилъ положительно, что ядъ впрыскивается сейчасъ упомянутымъ способомъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что укушеніе гремучей змѣи часто остается безвреднымъ, когда человѣкъ укушенъ сквозь платье: матерія принимаетъ въ себя ядъ и не допускаетъ его до тѣла.

Лица, имѣющія всѣ данныя, чтобы знать это дѣло хорошо, увѣряютъ, что область, обитаемая гремучими змѣями, расширяется. До сихъ поръ всѣ писатели соглашались въ показаніи, что ни одинъ изъ нихъ не видалъ гремучей змѣи на вышинѣ, превышающей шесть тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; но нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи утверждаютъ, что онѣ встрѣчаются теперь и гораздо выше. Морлей, который со своей партіей землемѣровъ прошлой осенью убилъ много сотъ гремучихъ змѣй, истребилъ отъ сорока до пятидесяти на вышинѣ восьми тысячъ футовъ. Въ прежнее время, увѣряютъ они, имъ никогда не случалось находить этихъ змѣй такъ высоко. Гремучія змѣи, живущія въ горахъ, отличаются отъ прочихъ большею яркостью цвѣтовъ и необыкновенною свирѣпостью.

Хотя гремучая змѣя водится на всемъ сѣвероамериканскомъ материкѣ, однако понятно, что въ иныхъ мѣстностяхъ она встрѣчается чаще нежели въ другихъ; въ Техасѣ, особенно, всякихъ змѣй больше, чѣмъ во всѣмъ прочихъ штатахъ союза. Пространство между Ріо-Гранде и Нуэсесъ — эти двѣ рѣки текутъ параллельно на протяженіи 60—70 миль — крайне пустынно и положительно кишитъ змѣями. Лѣтомъ нельзя проѣхать пятидесяти шаговъ по этой мѣстности, не наткнувшись на гремучую змѣю.

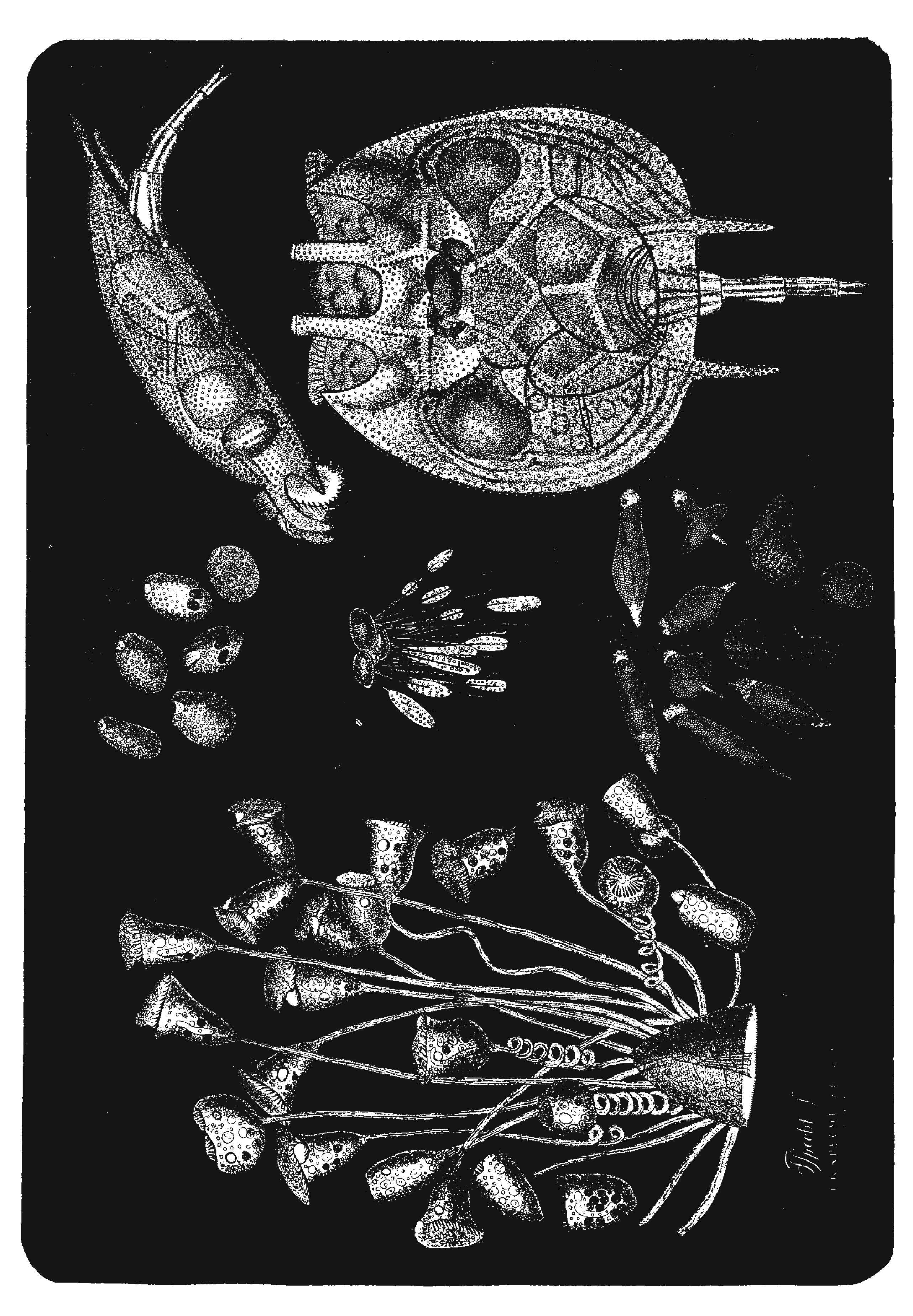
Гремучая змѣя чуть ли не самая лѣнивая изъ всѣхъ змѣй, потому что даже Капская puffadder, которая по преимуществу славится лѣнью, весьма жива въ своихъ движеніяхъ, когда она раздражена,—тогда какъ гремучая змѣя, за исключеніемъ времени незадолго до ея зимняго сна и послѣ этого сна, никогда не кусаетъ иначе какъ въ свою защиту и никогда не сворачиваетъ съ своей дороги, чтобъ на кого нибудь броситься. Если ее не раздразнить, не безпокоить, то она совсѣмъ не страшна; бѣда въ томъ, что не всегда можно уберечься отъ этого, такъ какъ, сходя напримѣръ съ возвышенности, можно съ наилучшими намѣреніями наступить на гремучую змѣю. А ужь съ какимъ проворствомъ она тогда бросается на человѣка! Даже кобра не быстрѣе совершаетъ свой смертельный прыжокъ. Чтобъ укусить, она должна сначала свернуться кольцомъ и выпрямить голову и шею; тогда, опираясь на одинъ хвостъ, она три четверти своего тѣла бросаетъ впередъ. Я зналъ, однако, двухъ человѣкъ, которые безнаказанно наступали на гремучую змѣю. Одинъ господинъ, убившій на своемъ вѣку болѣе полсотни такихъ змѣй, наступивъ на одну изъ нихъ, узналъ не взглянувъ, обо что толкнулась его нога, и спасся отчаяннымъ прыжкомъ; другой не былъ такъ проворенъ—и змѣя съ неимовѣрною быстротою укусила его три раза въ ногу, но его панталоны и сапоги спасли его. Изъ этого видно, какъ невѣрно замѣчаніе, будто змѣи не кусаютъ двухъ разъ сряду: на бѣлыхъ панталонахъ ясно видны были слѣды зубовъ въ трехъ мѣстахъ. Одинъ молодой человѣкъ, купавшійся въ рѣкѣ Платтѣ, былъ спасенъ еще болѣе необыкновеннымъ образомъ: выйдя изъ воды онъ, какъ былъ, неодѣтый, сѣлъ на гремучую змѣю, свернувшаюся на солнцѣ. Неизвѣстно, сѣлъ ли онъ ней на голову, или она ошалѣла отъ неожиданно придавившей ее тяжести, только испуганный купальщикъ отскочилъ съ пронзительнымъ крикомъ и остался невредимъ.

Говорятъ, что эта змѣя издаетъ очень противный запахъ, когда она раздражена, и что докторъ Гамильтонъ Ро обязанъ былъ жизнью тому, что онъ зналъ объ этомъ обстоятельствѣ. Открывъ ящикъ, адресованный директору зоологическаго сада въ Лондонѣ, онъ неосторожно сунулъ руку въ сухой мохъ, пощупать, что въ немъ уложено, и коснулся чего-то живаго, а запахъ тотчасъ же сказалъ ему, что это — гремучая змѣя. Если бы онъ быстро отдернулъ руку, то непремѣнно былъ бы укушенъ, но онъ имѣлъ присутствіе духа погладить змѣю, и она ему дозволила тихонько вынуть руку. Запахъ отъ раздраженнаго животнаго такъ силенъ, что орудіе, которымъ оно было убито, сохраняетъ его цѣлыя мѣсяцы. Разъ узнавъ этотъ запахъ, невозможно его забыть.

О шумѣ гремучихъ колецъ нельзя того же сказать. Мнѣ въ степяхъ не разъ случалось слышать различныя мнѣнія; одни говорили, что загадочный звукъ производится кузнечиками, которыхъ тамъ множество, другіе — что это гремучая змѣя. Въ сумеркахъ такія сомнѣнія не очень пріятны. Существуетъ теорія, что эти гады рѣдко двигаются или выходятъ изъ своихъ норъ послѣ захожденія солнца; но я бы совѣтовалъ читателямъ не слишкомъ-то на это полагаться, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что многія змѣи отступаютъ отъ этого обыкновенія и заползаютъ въ палатки и подъ кровати. Онѣ это дѣлаютъ для тепла. Онѣ чаще всего довольствуются тѣмъ, что заберутся въ палатку,—и есть люди, которые такъ къ этому привыкаютъ, что спокойно спятъ всю ночь, зная, что у нихъ въ палаткѣ ночуетъ гремучая змѣя. Они плотно закутывались въ одѣяло и засыпали, въ увѣренности, что она никого сама не трогаетъ и выползетъ вонъ какъ только принесутъ огня или разсвѣтетъ. Одинъ человѣкъ однажды былъ укушенъ ночью. Онъ спалъ въ степи на травѣ, подлѣ своей лошади, которая была привязана къ большому камню. Лошадь сорвалась, и ея хозяинъ, отыскивая рукою въ травѣ веревку, потревожилъ гремучую змѣю, которая его и укусила. Товарищъ его ножичкомъ обрѣзалъ кожу вокругъ раны, такъ что она стала больше и кровь обильно потекла, потомъ положилъ на нее щепоточку пороху и зажегъ ее—и дурныхъ послѣдствій не обнаружилось.

Въ Америкѣ есть разные виды гремучихъ змѣй, которые имѣютъ и разныя имена. Я здѣсь ограничусь двумя уже упомянутыми видами—горнымъ и степнымъ или луговымъ. Между этими двумя видами существуетъ замѣчательное различіе, не дозволяющее принимать одинъ за другой. На равнинахъ кольца ихъ обращены плоской стороной къ землѣ, а въ горахъ — стоятъ къ землѣ ребромъ: точно природа хотѣла этимъ предохранить кольца отъ опасности разбиваться о каменистый грунтъ.

Не такъ давно въ Индіи не безъ основанія господствовало общее стремленіе пріискать средство отъ укушенія змѣями, отъ ко-



Изъ безконечно малаго міра. Рис. и грав. Шпехтъ.

тораго умираетъ тамъ по меньшей мѣрѣ во сто разъ больше людей, нежели въ Америкѣ. Въ Синдѣ змѣи — настоящій бичъ, и послѣ дождя нѣтъ прохода даже по большимъ дорогамъ близъ Каррачи отъ множества ползающихъ по нимъ змѣй. Была объявлена награда, было сдѣлано много опытовъ, — но все тщетно. Правда и то, что въ Индіи живетъ опаснѣйшая изо всѣхъ змѣй, кобра, и для опытовъ брали обыкновенно ея ядъ; но первое мѣсто послѣ нея несомнѣнно принадлежитъ гремучей змѣѣ. Ядъ кобры убиваетъ обыкновенно въ теченіе часа, а ядъ гремучей змѣи въ нѣсколько дней, если только зубъ змѣи не прокуситъ артеріи: тогда смерть можетъ послѣдовать въ нѣсколько минутъ.

Спасительное средство отъ укушенія гремучей змѣи—водка. Она повидимому изцѣляетъ съ безусловной вѣрностью и дѣйствуетъ во всякое время, пока паціентъ еще имѣетъ настолько сознанія, чтобы пить ее. Я знаю одинъ случай, когда прошло четыре часа прежде, чѣмъ можно было достать водки, а паціентъ всетаки остался живъ. Отъ этого яда кровь сгущается и гніетъ, отчего и происходитъ смерть. Ни одно средство не можетъ помочь, если оно не дѣйствуетъ прямо на кровь: это то и дѣлаетъ водка. Изцѣленіе вѣрно, какъ только паціентъ опьянѣетъ. Пока ядъ сохраняетъ превосходство, водка не бросается въ голову; но какъ только дѣйствіе его нейтрализуется возбуждающимъ дѣйствіемъ алкоголя, больной начинаетъ пьянѣть—и спасенъ.

Я помню одинъ очень замѣчательный случай. Женщина собирала землянику и была укушена въ ногу. Она видѣла змѣю и узнала большую желтую гремучую змѣю, одну изъ самыхъ страшныхъ, часто встрѣчающуюся въ штатѣ Айова. До жилья было болѣе полумили; однако женщина не растерялась. Она изо всей силы стала давить рану, пока изъ нея не вышла, къ ея великой радости, вмѣстѣ съ кровью, зеленая капля; потомъ промыла ее водою изъ ручья, залѣпила ее мокрой глиной, перевязала и пошла. Дома она сейчасъ же выпила большое количество водки и никогда не ощущала ни малѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій отъ укушенія.

По любопытному стеченію обстоятельствъ, однажды два брата были укушены въ одинъ и тотъ же день, работая на разныхъ фермахъ. Съ однимъ это случилось близъ его дома: онъ наступилъ на змѣю въ травѣ и былъ укушенъ ею въ щиколку — очень опасное мѣсто по сплетенію около него венъ и артерій. Другой братъ вязалъ снопы и печаянно захватилъ змѣю, которая укусила его въ сгибѣ руки. Оба выздоровѣли, выпивъ большую порцію водки. Но обоихъ въ то же время подвергнули еще и старинному леченію, состоящему въ томъ, что въ груди курицы дѣлается маленькій надрѣзъ, предварительно выщипавъ на этомъ мѣстѣ перья; этотъ надрѣзъ, изъ котораго течетъ кровь, прикладывается къ ранѣ. Увѣряютъ, будто живое куриное мясо обладаетъ свойствомъ втягивать въ себя ядъ; курица же, хотя и исхудаетъ послѣ того, однако остается жива. Змѣя почти всегда кусаетъ людей въ руки или ногу, по легко понятной причинѣ, лошадей же и скотъ — въ губы или морду. Лошадь, мулъ, корова обыкновенно околѣваетъ на третій день. Индѣйцы очень боятся змѣй, потому что по ихъ милости теряютъ многихъ лошадей.

Теплота лунныхъ лучей.

Извѣстно, что луна свѣтится отраженнымъ свѣтомъ, а не своимъ. Далѣе извѣстно, что каждое свѣтовое отраженіе имѣетъ теплоту; поэтому неудивительно, если изслѣдователи уже много лѣтъ занимаются вопросомъ: получаетъ ли земля сколько нибудь теплоты черезъ лучи луны? Этотъ вопросъ долго обсуждался, пока физики де-Соссюръ и Меллони заявили, что они открыли лунную теплоту. Тиндаль провѣрилъ ихъ опыты и нашелъ, что они не заслуживаютъ довѣрія. Итакъ, удовлетворительнаго отвѣта все еще не было, пока, нѣсколько лѣтъ назадъ, не былъ построенъ большой телескопъ Росса. Этотъ громадный инструментъ, съ его исполинской трубой, подъ которой высокаго роста человѣка можетъ ходить не нагибаясь, и обладающій такой страшной силой, что звѣзды въ него являются даже днемъ миніатюрными солнцами, послужилъ къ разрѣшенію проблемы. Оказалось, при собираніи лучей луны въ этотъ огромный рефлекторъ, что сумма отраженной теплоты, которую мы получаемъ отъ луны, равняется едва девятидесятой части теплоты, получаемой ею отъ солнца непосредственно.

Жареніе кофе. Д-ръ Лангбейнъ въ своихъ лекціяхъ о химіи, между прочимъ, говоритъ о жареніи кофе. Кофе чрезъ жареніе подвергается большой перемѣнѣ: рогообразная масса можетъ быть превращаема въ порошокъ, дубильная кислота, сахаръ и жиръ отчасти уничтожаются, а кофейное масло улетучивается отъ жара. Но такъ какъ кофейное масло обусловливаетъ пріятный ароматъ кофе, то масло можно удержать, если положить въ жаровню вмѣстѣ съ кофе небольшіе кусочки сушенаго хлѣба, которые, подобно губкѣ, поглощаютъ масляные пары и сгущаютъ ихъ, такъ какъ они нагрѣваются медленнѣе, чѣмъ кофейные бобы. Эти кусочки хлѣба мелются и варятся вмѣстѣ съ кофе и придаютъ напитку болѣе пріятный вкусъ и запахъ. На 3/4 фунта кофе берется 1/4 фунта хлѣба. Жареный кофе надо охлаждать въ закрытыхъ сосудахъ, наполненныхъ, по возможности, до верху. Для сбереженія жаренаго кофе на болѣе долгое время и сохраненія его аромата, рекомендуютъ обсыпать неостывшій еще кофе полурафинадомъ (на 25 фунт. кофе берутъ 3/4 фунта сахару).

Ускореніе зрѣлости плодовъ. Основываясь на томъ обстоятельствѣ, что возобновленіе почвеннаго слоя, который непосредственно прилегаетъ къ корнямъ растенія, вообще производитъ благотворное вліяніе на ихъ физіологическую дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, способствуетъ скорѣйшему развитію всѣхъ частей растенія, Сталь (Stall) произвелъ слѣдующіе опыты. За 8 недѣль до нормальной зрѣлости плодовъ грушеваго дерева, онъ выкопалъ землю вокругъ ствола на 2—2½ метра отъ него во всѣ стороны и на такую глубину, чтобы корни оставались прикрыты слоемъ почвы, не толще 6 сантиметровъ. При такихъ условіяхъ солнечная теплота могла легко и вполнѣ прогрѣвать корни. Результатъ былъ удивительный. Не только въ половинѣ іюля плоды уже совершенно созрѣли, но они были притомъ такъ сочны и вкусны, какъ весьма рѣдко бываютъ. Чтобы вывести окончательное сужденіе объ этомъ фактѣ, былъ произведенъ другой опытъ съ ренклоднымъ деревомъ, но его окопали не со всѣхъ сторонъ, а только съ сѣверной. Послѣдствіемъ было болѣе раннѣе созрѣваніе плодовъ на сѣверной сторонѣ дерева, сравнительно съ плодами, обращенными къ югу. Чтобы предотвратить высыханіе корней, столь слабо защищенныхъ землею, нужно позаботиться объ изобильномъ орошеніи.

Сохраненіе растительныхъ и животныхъ веществъ по способу Барлева (Barlow), въ Англіи, можетъ быть достигнуто съ помощію известковыхъ солей, лучше всего уксусно-кислой извести. Вещества, которыя желательно предохранить отъ гнилости, погружаются на 4—12 часовъ въ растворъ уксусно-известковой соли, содержащей отъ 2-хъ до 6-ти частей твердой соли на 100 частей воды, а послѣ высушиваются на воздухѣ или въ печи. При такой подготовкѣ, легко измѣнчивыя органическія тѣла могутъ оставаться даже въ неплотно-закрытыхъ сосудахъ безъ ущерба своимъ свойствамъ. Когда понадобится употребить такіе консервы въ пищу, то они должны быть предварительно вымачиваемы въ теченіи 12 часовъ въ холодной водѣ. Владѣтель патента предлагаетъ свой способъ также для бальзамированія труповъ.

Карманный фотографическій приборъ. Считаемъ возможнымъ сообщить новость по фотографіи. Въ Парижѣ г. Dudroni объявилъ, что онъ высылаетъ карманные фотографическіе приборы, по весьма сходной цѣнѣ, именно приборъ, указатель какъ имъ пользоваться и всѣ нужныя приспособленія—за 40 франковъ (безъ пересылки). Такой приборъ, по увѣренію Dudroni, можетъ очень легко снимать какъ портреты, такъ и пейзажи. Если дѣйствительно такіе приборы окажутся практичными, то они будутъ весьма удобны при путешествіяхъ для сниманія видовъ, наконецъ они также могутъ служить для сниманія машинъ и т. п. Здѣсь же мы прилагаемъ адресъ этого фабриканта: Paris. Dudroni.

(Технич. Сборн.).

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія.

Государь Императоръ, 19-го мая сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Для окончательнаго обсужденія составленнаго нынѣ проекта о тюремномъ преобразованіи, образовать особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, тайнаго совѣтника Зубова, изъ Товарищей Министровъ Внутреннихъ дѣлъ, Финансовъ и Юстиціи, товарищей Главноуправляющаго II-мъ и Главнаго Начальника III-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи и предсѣдателя Коммисіи, составившей проектъ о тюремномъ преобразованіи, тайнаго совѣтника графа Соллогуба, предоставить Министрамъ, буде признаютъ нужнымъ, назначить въ составъ Комитета еще по одному члену.

Высочайшая грамота.

Нашему тайному совѣтнику, состоящему при Министерствѣ Внутренныхъ Дѣлъ графу Владиміру Соллогубу.

Во вниманіе къ отлично-усердной службѣ вашей и особымъ трудамъ, понесеннымъ вами въ званіи предсѣдателя учрежденной Нами Коммисіи для составленія общаго систематическаго проекта о тюремномъ въ государствѣ преобразованіи, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего *св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени*, знаки котораго, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинной Собственно Его Императорскаго Величества рукою написано: *«Александръ»*.

Эмсъ, 2-го іюня 1873 г.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

„Современность“ сообщаетъ, что Св. Синодъ, выслушавъ докладъ объ окончаніи работъ комитетомъ по преобразованію церковнаго судоустройства, постановилъ: составленный проектъ новаго церковнаго судоустройства разослать, по одному экземпляру, епархіальнымъ архіереямъ и мѣстнымъ консисторіямъ, съ тѣмъ, чтобъ какъ тѣ, такъ и другія, разсмотрѣвъ означенный проектъ независимо другъ отъ друга, представили въ Св. Синодъ свои соображенія.

По свѣдѣніямъ, обнародованнымъ Духовнымъ Вѣдомствомъ въ 1872 году, *число раскольниковъ и сектантовъ въ Самарской губерніи* простирается до 48,554 ч. (23,357 м. и 25,197 ж.). Большинство сектантовъ падаетъ преимущественно на уѣзды Николаевскій и Самаркій. Въ первомъ изъ нихъ значится болѣе 1/3 всего количества сектантовъ въ губерніи; самый же незначительный процентъ сектантовъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ.

Въ числѣ сектантовъ значатся: безпоповцы, бѣглопоповцы, австрійскаго толка, спасова согласія, іудействующіе, молоканы и др. Есть также въ губерніи слѣды существованія хлыстовщины, скопчества, монтанъ и др. мистическихъ сектъ. Такое разнообразіе толковъ и сектъ объясняется болѣе условіями заселенія губерніи, чѣмъ пропагандой. Населеніе Самарской губерніи образовалось, какъ извѣстно, изъ выходцевъ со всѣхъ мѣстностей Европейской Россіи. Такъ, молоканство занесено сюда преимущественно изъ губерніи Тамбовской и Саратовской; іудейство—изъ западныхъ губерній, мнимые же старообрядцы пришли изъ губерній Нижегородской, Московской, Калужской и др. Точно также слѣды скопчества занесенъ сюда переселенцами изъ Тамбова, а монтанства—изъ Симбирской губерніи.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ" напечатана полученная, 22-го іюня, отъ Его Высочества Главнокомандующаго Кавказскою арміею телеграмма слѣдующаго содержанія: „Полковникъ Ломакинъ доноситъ, отъ 4-го іюня, что Хивинскій Ханъ возвратился изъ бѣгства и явился къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману съ повинною; вмѣстѣ съ Ханомъ явились и всѣ главные его Министры. Ханъ находится подъ почетнымъ карауломъ".

Извѣстный путешественникъ по Средней Азіи, Вамбери, напечаталъ въ „Pester Lloyd" слѣдующій панегирикъ русскому походу въ Хиву: „Пораженіе, нанесенное русскимъ на Волгѣ, болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, сыномъ Чингисъ-Хана, вполнѣ отомщено нынѣ. Впродолженіе четырехсотъ лѣтъ тянулась война, которую началъ Иванъ Грозный противъ князей Золотой Орды и которую окончилъ теперь Александръ Кроткій. Заключительная сцена вполнѣ достойна этой долгой и кровавой драмы. Русскій походъ есть сверхъ военнаго искуства, передъ которымъ отходятъ въ тѣнь исторически знаменитые походы Аннибала и Наполеона. Но и дѣйствія хивинцевъ изумили насъ въ этомъ походѣ. Сопротивленіе, оказанное ими численно превосходящему и отлично вооруженному непріятелю, ставитъ ихъ много выше населенія родственныхъ ханствъ—Кокана и Бухары: они, по крайней мѣрѣ, отважились помѣряться съ непріятелемъ и всѣми средствами старались вредить его наступательному движенію. Молодой Сеидъ Мегемедъ-Рехимъ-Ханъ, котораго я еще видѣлъ въ дѣтствѣ играющимъ въ одномъ саду предмѣстья, поистинѣ покоится теперь не на розахъ».

Общество поданія помощи для спасенія погибающихъ на морѣ предполагаетъ устроить въ текущемъ году постоянную станцію для крейсерства спасательнаго бота у Дагерордскихъ отмелей, для чего заказало, какъ слышно, два большие спасительные, бота особой конструкціи, съ тѣмъ чтобы одинъ изъ нихъ находился на стоянкѣ у берега, а другой постоянно держался подъ парусами или подъ веслами въ виду Некмангрунда и другихъ опасныхъ мелей острова Даго.

Въ Архангельскѣ, по словамъ „Голоса", получено печальное для русскаго торгово-промышленнаго дѣла на Сѣверѣ извѣстіе. Одинъ изъ двухъ пароходовъ Бѣломорскаго-мурманскаго пароходства и, къ тому же, лучшій—„Великій Князь Алексѣй"—потерпѣлъ крушеніе у береговъ Кольскаго полуострова, въ одномъ изъ самыхъ опасныхъ пунктовъ, именно у Семи-Острововъ. „Великій Князь Алексѣй" шелъ въ Архангельскъ и въ этомъ пунктѣ встрѣтился съ массами льдовъ, нагнанныхъ сюда сѣверными и сѣверовосточными вѣтрами. Сначала пароходъ былъ поврежденъ льдами, потомъ попалъ на мель, гдѣ находился нѣсколько времени; въ концѣ-концовъ громаднымъ напоромъ льда его выбросило на скалы. Въ настоящее время извѣстно, что половина его залита водой и спасеніе невозможно. Экипажъ во-время успѣлъ перебраться на берегъ.

ТОРГОВЛЯ.

Въ теченіе мая *отправлено изъ Астрахани въ Персію* товаровъ на 151,485 руб. 88 коп. За то же время изъ Персіи привѳдено на 429,478 руб. 19 коп.

Изъ Тамбова „Сар. Спр. Листку" сообщаютъ, что въ этотъ городъ пріѣхали ремонтеры изъ Германіи и Франціи весьма усердно скупающіе лошадей.

Торговля Соединенныхъ Штатовъ въ 1872 г. значительно возросла. Ввозъ товаровъ простирался въ этомъ году до 677,144,579 долларовъ, въ томъ числѣ привезено сахару и патоки на 90 милліон., шерсти, шерстяныхъ издѣлій, желѣза и стали на 62 милл., кожи на 43 милл., бумажныхъ издѣлій на 36 милл. и шелковаго товару на 35,500,000 долларовъ. Эти шесть статей составляютъ по своей цѣнности болѣе половины всего привоза. Затѣмъ привезено: чаю на 24 милл., пеньки и полотна на 23 милл., золота о серебра на 21 милл., аптекарскихъ товаровъ на 11 милл., фруктовъ на 11 милл., олова на 17 милл., лѣса и мебели на 11 милліоновъ, вина на 9 милліоновъ, табаку и сигаръ на 10 милл., хлѣбныхъ товаровъ на 10 милл., фарфора и гончарныхъ издѣлій на 6 милліон., стекла и стеклянныхъ издѣлій на 7 милл., гутаперчи и произведеній изъ нея на 7 милл., шелку-сырца на 7 милліоновъ. Вывозъ простирался 597,197,000 долларовъ. Главные предметы вывоза были: хлѣбъ въ зернѣ, жизненные припасы всякаго рода, петроль, бумага, золото, серебро, и табакъ.

ГИГІЕНА.

Русскія минеральныя воды все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ извѣстность и дѣлаются популярными.

Въ «Пермскихъ Губ. Вѣдом.» помѣщены слѣдующія *свѣдѣнія о Нижне-Сергинскихъ минеральныхъ водахъ*, находящихся въ Красноуфимскомъ уѣздѣ (Пермской губ.), въ 4-хъ верстахъ отъ Нижне-Сергинскаго желѣзоплавильнаго завода, на правомъ берегу рѣки Серги.

Минеральный ключъ вытекаетъ изъ скалы сплошнаго пермскаго известняка, поднимающейся громадной массой слишкомъ на 100 футовъ въ вышину; внутри этой скалы ключъ образуетъ глубокій и обширный бассейнъ, изъ котораго излишекъ воды вытекаетъ сильной струей въ искусственно приготовленный прудикъ.

Съ врачебной цѣлью воду эту стали употреблять около 1830 г., а въ 1833 году стали употреблять ее и въ мѣстной больницѣ, куда вода привозилась въ бочкахъ и согрѣвалась въ ваннахъ чугунками.

Въ 1862 году сдѣлано было химическое изслѣдованіе Нижне-Сергинской минеральной воды и въ ней открыто присутствіе фосфорнокислой извести и значительные слѣды іодистаго и бромистаго натра и литина.

Изъ такого состава воды очевидна ея громадная польза для человѣческаго организма.

Сезонъ Нижне-Сергинскихъ минеральныхъ водъ открывается въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ *Одессѣ Новый-Куяльникъ и заведеніе лиманныхъ и грязныхъ ваннъ д-ра Бертензона* уже наполнились больными. Кромѣ постоянно-живущихъ тамъ, ежедневно многие пріѣзжаютъ изъ Одессы для того, чтобы только выкупаться въ лиманѣ и возвратиться съ тѣмъ же поѣздомъ желѣзной дороги обратно въ городъ. Количество пріѣзжающихъ—по словамъ „Одесскаго Вѣстника"—простирается отъ 170 до 250 человѣкъ ежедневно съ кадымъ поѣздомъ, а ихъ изъ Одессы отправляется два. По воскресеньямъ же Новый-Куяльникъ служитъ мѣстомъ развлеченія; вечерній поѣздъ везетъ туда до 500 и болѣе лицъ, половина которыхъ, конечно, ѣдетъ только ради препровожденія времени. Въ лѣчебномъ заведеніи д-ра Бертензона въ настоящее время устроены хорошія новыя купальни съ отдѣльными нумерами. Относительно воды купальни обезпечены, такъ какъ она накачивается изъ лимана посредствомъ пара; также сдѣланы улучшенія въ помѣщеніи и въ нумерахъ для принятія теплыхъ или гряжзыхъ ваннъ. Теперь, когда проведена желѣзная дорога до самаго заведенія, послѣднему можно предсказать блестящую будущность.

Въ *Старую-Русу* съ 15-го мая по 4-е іюня *прибыло для пользованія минеральными водами* 280 человѣкъ:

Въ селѣ Суринскомъ, Сенгилеевскаго уѣзда *(Симбирской губерніи)*, съ 3-го мая *появилось на рогатомъ скотѣ чума*, отъ которой по 2-е іюня заболѣло 156 головъ скота, изъ нихъ пало 128 и выздоровѣло 9, осталось больныхъ 19.

Екатеринославская Городская Дума учредила постоянную Санитарную Коммисію, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Городской Управы, изъ нѣсколькихъ гласныхъ и мѣстныхъ домовладѣльцевъ, медицинскихъ и полицейскихъ чиновъ, возложивъ на оную, по утвержденной инструкціи, главнѣйше исполнительныя дѣйствія по наблюденію за принятіемъ санитарныхъ мѣръ въ городѣ.

УЧЕНЫЯ И ДР. ОБЩЕСТВА.

Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ утвержденъ, 11-го сего іюня, *Уставъ Елисаветградскаго Общества Распространенія Грамотности и Ремеслъ*, имѣющаго цѣлью умственное и нравственное развитіе ремесленнаго класса и сообщеніе оному техническихъ знаній.

Хотинское, Бессарабской области, чрезвычайное Уѣздное Земское Собраніе, въ засѣданіи 10-го мая, выслушавъ докладъ Уѣздной Земской Управы о приготовленіи въ земскихъ больницахъ, на случай войны, мѣстъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ и объ изысканіи средствъ къ привлеченію во время войны вольнопрактикующихъ врачей въ военные госпитали, постановило назначить на время войны 10 безплатныхъ кроватей изъ 32, имѣющихся при земскихъ больницахъ въ Хотинѣ и мѣстечкѣ Бричанахъ, и кромѣ того предоставить въ распоряженіе Общества Попеченія о Больныхъ и Раненыхъ Воинахъ 1,000 рублей на усиленіе средствъ къ привлеченію врачей на службу въ госпитали.

Поселянами-собственниками (бывшими нѣмецкими колонистами) 4-го участка Камышинскаго уѣзда, Саратовской губерніи въ ознаменованіе радости ихъ по случаю выздоровленія отъ тяжкой болѣзни Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, *пожертвовано 500 руб. сер. въ капиталъ Саратовскаго мѣстнаго Управленія Общества Попеченія о больныхъ и раненныхъ воинахъ*.

Въ Тифлисѣ 5-го мая открыто *Кавказское Юридическое Общество*.

МУЗЫКА.

Г. Антонъ Рубинштейнъ, во время своего путешествія по Соединеннымъ Штатамъ, далъ 215 концертовъ, отъ которыхъ получилъ чистой прибыли 200,000 франковъ. Г. Венявскій находится въ Нью-Йоркѣ, откуда намѣренъ предпринять новое путешествіе и побывать даже въ Калифорніи. Онъ пригласилъ съ собою піаниста Вольфсона, изъ Филадельфіи, и одну пѣвицу.

Въ „Моск. Вѣд." сообщаютъ, что 15-го минувшаго мая душеприкащики княгини О. С. Одоевской препроводили въ контору дирекціи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества двѣ тысячи рублей на учрежденіе въ московской консерваторіи постоянной стипендіи имени покойнаго князя В. Ѳ. Одоевскаго, въ теченіи почти всей своей жизни неутомимо трудившагося надъ разработкой теоріи нашего церковнаго пѣнія, а также народной пѣсни.

АРХЕОЛОГІЯ.

Въ Ольвіи (близь Буга) *продолжается раскопка древностей*, и, какъ сообщаютъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ", въ это лѣто открыто много новаго при помощи большой партіи рабочихъ (до 500 чел.). Раскопки эти, кромѣ мелкихъ вещицъ, монетъ, урнъ и т. п., обнаружили и каменную лѣстницу, шедшую изъ древней греческой колоніи къ Бугу; кромѣ того найдены каменныя плиты, напоминающія собою бетонную массу; на камняхъ—нарѣзки, вѣроятно для того, чтобы держалась штукатурка. Вообще, говорятъ, археологическія открытія, сдѣланныя въ послѣднее время въ Ольвіи, принадлежатъ къ самымъ интереснымъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ селѣ Вороньки, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, 6-го іюня скончался бывшій декабристъ Александръ Викторовичъ Поджіо на 76 году отъ рожденія. Немногочисленные остающіеся въ живыхъ его товарищи, а также и знакомые, безъ сомнѣнія раздѣлятъ горе, постигшее семью его. Покойный похороненъ подлѣ товарища своего, князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

Изъ Франкфурта сообщаютъ, что 8-го іюня (27-го мая), скончался тамъ глава извѣстной банкирской фирмы, Б. Г. Гольдшмидтъ.

Итальянскій сенатъ единогласно принялъ сдѣланное однимъ изъ его членовъ предложеніе поставить въ залѣ засѣданій мраморный бюстъ Александра Манцони.

Народное просвѣщеніе.

Изъ представленнаго *Тверскому* очередному Губернскому Земскому Собранію доклада Губернской Управы *о народномъ образованіи* видно, что въ Тверской губерніи числится народныхъ училищъ 351. Въ этихъ училищахъ въ прошлый учебный 1871—1872 годъ состояло учащихся 15.136 дѣтей, въ томъ числѣ мальчиковъ 13.068 и дѣвочекъ 2.068. На дѣло народнаго образованія по всѣмъ уѣздамъ губерніи ассигновано на 1873 годъ 87.379 руб. $11^3/_4$ коп. Самый крупныя цифры назначены по уѣздамъ: Весьегонскому 11.000 р., Новоторжскому 9,990 руб. и Бѣжецкому 9.750 рублей.

Изъ отчета о состояніи народныхъ училищъ въ Ставропольской губерніи за 1872 годъ видно, что въ теченіе отчетнаго года въ губерніи состояло городскихъ училищъ 6, сельскихъ—67, въ тотъ числѣ: казенное 1, общественныхъ 68, частныхъ 4. При сравненіи числа сельскихъ училищъ съ числомъ селъ губерніи (99), оказывается, что на каждыя три села приходится по два училища. На содержаніе училищъ въ отчетномъ году издержано 24.223 руб., больше чѣмъ въ прошломъ году на 42.680 рублей. Учениковъ въ отчетномъ году было до 2.742 человѣкъ, въ томъ числѣ: мальчиковъ 2,266 и дѣвочекъ 486.

Изъ отчета о состояніи народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи видно, что общій итогъ смѣтныхъ назначеній на народное образованіе по всѣмъ уѣздамъ губерніи составляетъ 44.735 рублей, слѣдовательно увеличился противъ прошлаго на 7.875 руб.

Рязанское Губернское Собраніе, выслушавъ докладъ Губернской Земской Управы о призрѣніи сиротъ и подкидышей, постановило производившуюся до сихъ поръ выдачу пособій бѣднымъ отмѣнить, обративъ ассигнованную на этотъ предметъ сумму (1.200 руб.) на устройство и содержаніе помѣщенія для временнаго призрѣнія сиротъ и подкидышей.

Изъ Николаева, Херсонской губерніи, въ „Голосъ" пишутъ, что тамъ устроено, стараніями бывшаго главнаго командира черноморскаго флота Глазенапа, болѣе двадцати школъ для начальнаго обученія. Въ этихъ школахъ всѣ преподаватели—женщины; школы посѣщаются учениками обоего пола вмѣстѣ, и до сихъ поръ не замѣчено никакого неудобства отъ этаго совмѣстнаго обученія.

Въ „Revalsche Zeitung" пишутъ изъ Гельсингфорса, что осенью тамъ откроется высшее учебное заведеніе для дѣвушекъ подъ именемъ академіи для женскаго образованія: это частное предпріятіе, въ которомъ принимаютъ участіе большая часть профессоровъ университета. Курсъ, состоящій изъ семи уроковъ въ недѣлю, раздѣленъ на два года и заключаетъ въ себѣ исторію церкви и литературы, математику, психологію, физіологію, физику и основанія финляндскаго публичнаго и частнаго права.

Въ видахъ матеріальнаго вспомоществованія бѣднымъ дѣтямъ къ поступленію въ училища города *Романова-Борисоглѣбска* Ярославской губерніи, въ продолженіе курса ихъ ученія, а также съ цѣлію содѣйствія вообще распространенію въ этомъ городѣ народнаго образованія, тамъ предполагается учредить *Попечительное Общество о Народномъ Образованіи*.

29-го минувшаго марта *открыто сельское училище въ Шардонемскомъ селеніи, Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда*. Въ день открытія поступило въ училище 33 ученика, въ томъ числѣ двѣ дѣвочки.

Шардонемское училище будетъ содержатся на особый сборъ съ мѣстныхъ крестьянъ по 12 коп. съ души въ годъ.

6-го мая при мужскомъ приходскомъ училищѣ *въ Краснослободскѣ Пензенской губерніи открыты дополнительные курсы для изученія ремесла*.

ЛИТЕРАТУРА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 14-й день іюня 1868 г. положенія Комитета Министровъ и согласно заключенію Совѣта Главнаго управленія по Дѣламъ Печати, 16-го сего іюня, Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Nordische Presse».

НОВЫЯ КНИГИ:

Русскій энциклопедическій словарь, изд. **И. Н. Березинымъ**. Отд. I. Т. III Б, вып. I тетр. 3-я Спб.

Креднеръ Германъ. Руководство къ геологіи. Перев. съ нѣм. (съ дополн.). Вып. I Спб. Тип. Меркульева. 8 д. 178 стр. и 2 л. рис. Ц. 1 р. 50 коп.

Дарвинъ, Чарльсъ. О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Перев. съ англ. С. Рачинскій. Изд. 3-е. испр., А. Глазунова. Москва. Тип. Грачева. 8 д. XV 380 стр. и 1 л. черт. 1.200 экз.

Гартвигъ. Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Перев. съ нѣм. С. Усовъ. Изд. 3-е, А. Глазунова. Москва. Тип. Грачева. 8 д. 40 стр. и 1 л. рис. 1.200 экз.

Пошехоновъ, Ив. О вліяніи тимола на нѣкоторые животные ферменты. Спб. Тип. Трея 8 д, 24 стр. 350 экземпл.

Полотебновъ, А. Г. Патологическое значеніе плѣсени. Спб. Тип. Трея 8 д. 26 и 9—71 стр. 100 экз.

Гефтлеръ, Ферд. Извилины головнаго мозга у человѣка и отношенія ихъ къ своду черепа. Спб. Тип. Трея. 8 д. 61 стр. и 3 л. рис. 320 экз.

Бокъ, А. Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и воля. Руков. для учащихся. Съ рис. перев. съ нѣм. подъ ред. I. Паульсона. Изд. 3-е, испр. IV+187 стр. 5.000 экз. Ц. 35 к.

— О здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Полный перев. Смирнова. Изд. 3-е, доп. Москва. Унив. тип. 8 д. XVI+331 стр. 1200 экз.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ

ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линiи, подъ №№ 122 и 123.

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ.

МОДЕЛИ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

ТЮНИКИ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлкою	100	—	325	—
» фай и sicilienne	35	—	190	—
» кашемиры, біарицъ	20	—	150	—
» Матер. фантазій, цвѣтовъ réséda, moutarde и друг. съ вышивками, стальными пуговицами и прочими отдѣлками	25	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

ПАЛЬТО.

(на шелковыхъ подкладкахъ).

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Изъ Ліонс. бархата коротк. безъ отдѣлки	70	—	100	—
Уличныя безъ отдѣлки	105	—	175	—
Съ богат. отдѣлками	125	—	250	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne безъ отдѣлк.	50	—	95	—
Ліонс. фай, армюра и sicilienne съ богатыми отдѣлками	65	—	150	—
Ліонс. фай на ластикѣ	40	—	60	—

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

КОФТЫ - ЖАКЕТЫ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Изъ Ліонск. бархата съ отдѣлками	50	—	150	—
» » фай	18	—	100	—
» кашемира	15	—	85	—
» драпа велюре монтаньякъ	20	—	65	—

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е.

ДОЛМАНЫ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Изъ Ліонск. бархата съ роскошн. отдѣлк.	90	—	200	—
» » фай	50	—	125	—
» кашемира, драпа съ богат. вышивками всѣхъ цвѣтовъ	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 5-е.

РОТОНДЫ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Изъ Ліонск. узкаго бархату безъ отдѣлки	90	—	140	—
» » » съ богат. отдѣлк.	125	—	195	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ безъ отдѣлки	150	—	200	—
» » 2 арш. шир. бархата съ однимъ сзади швомъ съ отдѣлкою	175	—	250	—
Дра-де-велюръ, монтаньякъ, drap-de-Paris	35	—	75	—
Драпа	20	—	50	—
Англійской 2-сторонней матеріи	20	—	45	—

ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.

БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Изъ кашемира біаритца съ прошивками, кружевами, вышивками и т. д.	25	—	60	—
Фай, армюра съ богат. отдѣлк.	50	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.

КОСТЮМЫ

для комнатъ и прогулокъ самыхъ модныхъ цвѣтовъ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Шерстяные	25	—	85	—
Шелковые	95	—	450	—

ОТДѢЛЕНІЕ 8-е.

Огромная партія кашемировыхъ черныхъ вышитыхъ платковъ:

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Гладкіе	4	и	доро	же
Вышитые	8	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 9-е.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Ковровые платки и шали	20	и	доро	же

ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Фай цвѣтной	2	50	5	—
» черный	2	50	12	—
Ліонск. бархатъ	6	50	10	—
Широкій 2-хъ арш. барх. аршинъ	40	—	—	—

ОТДѢЛЕНІЕ 11-е.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французской матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	2	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивк.	6	—	20	—

ОТДѢЛЕНІЕ 12-е.

НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ

отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—

ШЛЯПЫ (МОДЕЛИ)

первыхъ Парижскихъ домовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 13-е.

ШЛЯПЫ.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Касторовыя кругл.	7	—	20	—
Городскія	10	—	25	—
Креповыя	8	—	25	—
Тюлевыя	9	—	30	—
Соломенныя круглыя	7	—	20	—
» городскія	10	—	25	—

ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.

	От Руб.	От К.	До Руб.	До К.
Антука	3	—	8	—
Зонтики	5	50	18	—
Кружевные	8	—	60	—

Требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—9

Дозволено цензурою 28 Іюня 1873 года Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.